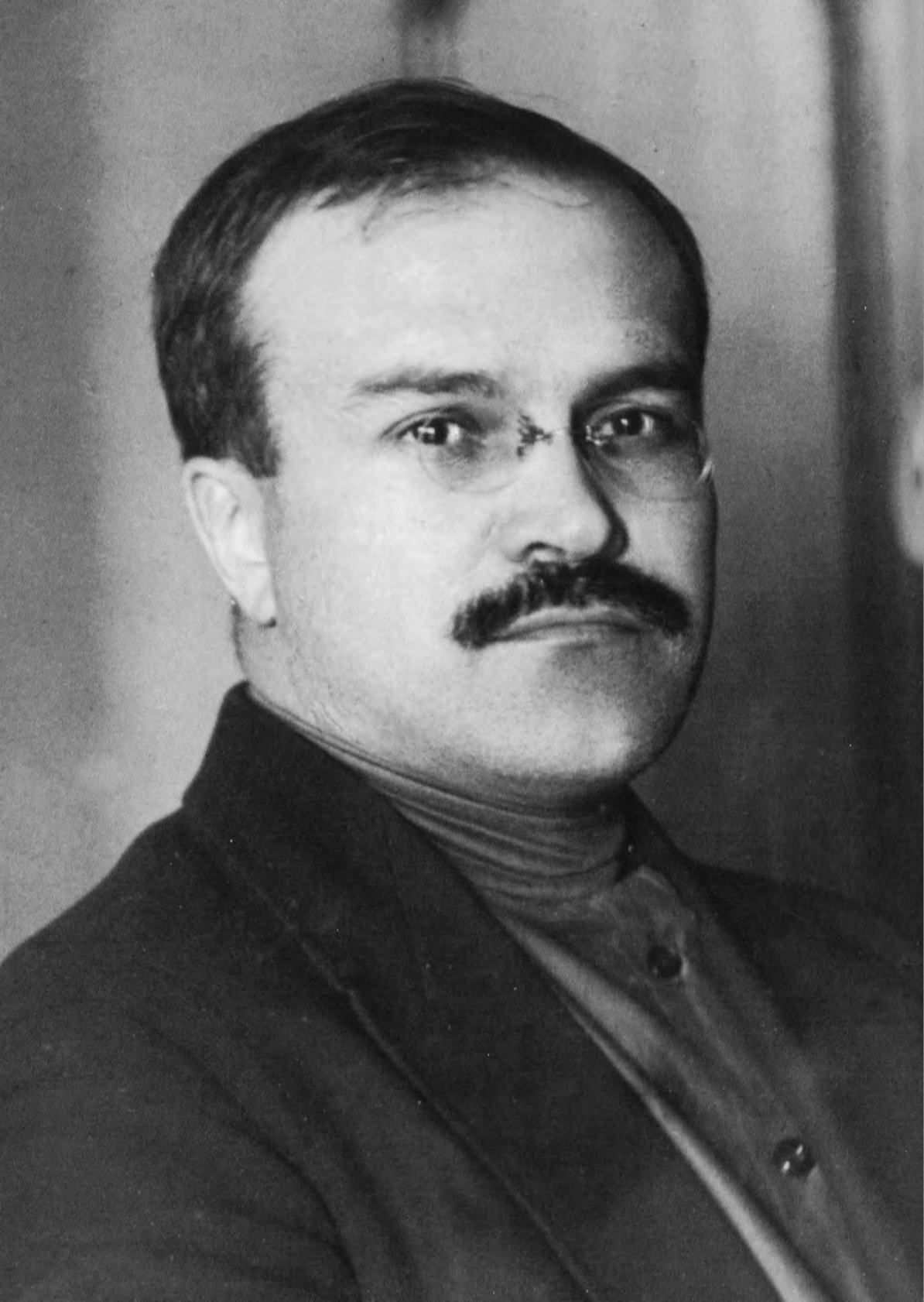

СТРАНИЦЫ *советской и российской* ИСТОРИИ

Александр
ШУБИН

ВЯЧЕСЛАВ МОЛОТОВ

От революции до Перестройки

Александр ШУБИН

ВЯЧЕСЛАВ МОЛОТОВ

От революции
до Перестройки

СИСТЕМА

РОССПЭН

Москва
2024

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8
Ш95

Научный консультант серии
«Страницы советской и российской истории»
А.К. Сорокин

Шубин А.В.

Ш95 Вячеслав Молотов. От революции до Перестройки / Александр Шубин. – М. : АФК «Система» ; Политическая энциклопедия, 2024. – 960 с. : ил. – (Страницы советской и российской истории ; Библиотека АФК «Система»).

ISBN 978-5-8243-2550-8

Книга известного историка А.В. Шубина посвящена биографии советского политического и государственного деятеля Вячеслава Михайловича Молотова. Он является обладателем одной из наиболее долгих в мировой истории политических биографий. В начале XX века Молотов стал членом «ленинской гвардии» советского руководства, возглавил советское правительство и внешнюю политику в переломные и трагические 30-е годы, руководил внешнеполитическим «фронтом» СССР во Второй мировой войне, был одним из лидеров СССР в послевоенное десятилетие, проводником Холодной войны и ранней Разрядки. Потерпел поражение в борьбе с Хрущевым, но пережил всех своих противников и продолжал следить за политикой Брежнева, Андропова и Горбачева, а Черненко встретился с Молотовым, чтобы сообщить о восстановлении его в партии.

Настоящая книга основана на анализе документальных материалов и повествует о ранее неизвестных фактах из жизни политика. Когда на самом деле Молотов стал полноценным членом партии большевиков. Каковы были его роль во внутрипартийной борьбе 20-х годов и стиль руководства в 30-е годы. Как его характер повлиял на внешнеполитические решения. Какую политику проводил Молотов, будучи послом в Монголии. Каким он видел путь к коммунизму.

*Книга рекомендована к изданию Ученым советом
Института всеобщей истории РАН*

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-8243-2550-8

- © Шубин А.В., 2024
- © Фонд поддержки социальных исследований, 2024
- © Институт всеобщей истории РАН, 2024
- © Архив внешней политики Российской Федерации, иллюстрации, 2024
- © Государственный архив Российской Федерации, иллюстрации, 2024
- © Российский государственный архив кинофотодокументов, иллюстрации, 2024
- © Российский государственный архив новейшей истории, иллюстрации, 2024
- © Российский государственный архив социально-политической истории, иллюстрации, 2024
- © Политическая энциклопедия, 2024

ПРОЛОГ

В июне 1984 года в самом центре власти СССР – кабинете Генерального секретаря ЦК КПСС – встретились два человека. Они были стариками, доживали свою жизнь. Им было, что вспомнить, но разговор не клеился. Один был глуховат, а второй с трудом ворочал языком. Закат великой эпохи: Генеральный секретарь Константин Устинович Черненко сообщал своему старшему товарищу о восстановлении в партии коммунистов и возвращении ему партийного стажа с 1906 года. Это был волнующий момент в жизни Вячеслава Михайловича Молотова, напоминание о революционной юности и признание заслуг в создании и укреплении Советской державы, где долгое время он был вторым по влиянию человеком. Скольким ярким выдающимся людям эта эпоха уготовила ужасный конец, расчистив дорогу серым функционерам вроде Черненко. А Молотов в итоге благополучно дожил до рекордного возраста и рекордного партстажа. Как это вышло? Каков в этом урок судьбы? А ведь еще продолжают жить и другие его соратники, Маленков и Каганович, с которыми они творили великие и жутковатые дела. Ладно, что касается Молотова, то партия признала безупречность его почти 80-летней службы ей. От Ленина до Черненко, да и дальше. Вот уже новый Генеральный секретарь Горбачев говорит о Перестройке. Начинается новый этап их великой борьбы за коммунизм...

О Молотове написано немало литературы. Большую роль в том, чтобы предоставить Молотову слово для откровенного рассказа о его жизни и опыте, сыграл поэт и писатель Ф.И. Чуев. Он был вхож к Молотову в последние десятилетия жизни Вячеслава

Михайловича, вел с ним откровенные разговоры, которые без ведома Молотова записывал на магнитофон. Но публикация фрагментов этих 140 бесед с Молотовым, осуществленная посмертно, сделана с большим тактом и сочувствием к взглядам политического ветерана. Хочется думать, что Молотов был бы ей доволен. Для нас, историков XX века, это – неоценимый источник.

Большой вклад в исследование биографии Молотова внес его внук В.А. Никонов. Он был известен в качестве историка-американиста, затем стал известным политиком. Биография Молотова для него – возможность дать широкую картину эпохи XX века, в событиях которой Молотов играл важную роль. Поскольку дед был коммунистом, а внук придерживается правых взглядов, В.А. Никонова больше интересует то, что позволяет трактовать фразу «Наше дело правое» не только в этическом, но и в идеологическом смысле. Молотов Никонова – скорее державник, чем коммунист.

Биографии, написанные родственниками исторических личностей, имеют и плюсы, и минусы. С одной стороны, подсказку в поиске материала им дают семейные легенды. Любовь к деду – могучий стимул для поиска фактов. С другой стороны, возникает соблазн отнестись к дорогому тебе человеку с позиции адвоката, а то и с точки зрения подхода «хорошо или ничего».

Адвокатов Молотова можно понять – слишком много было написано о кровавой стороне его карьеры, и не без перехлестов. Но идеологически обусловленное стремление найти оправдания всему, что делалось высшим руководством СССР в 30-е годы – также противоречит научности. Тень Сталина политизирует подходы к биографии Молотова в зависимости от отношения к сталинской эпохе, одним из важнейших деятелей которой был Молотов. Он – неперменный персонаж многотомов о 30–50-х годах. При этом Молотов часто упоминается через запятую среди сталинских соратников, является как бы его тенью. И это – проблема для понимания личности Молотова и его особенной роли в истории.

Чтобы не утомлять читателя, я не буду в начале книги перечислять многочисленные работы, упоминающие Молотова или посвященные отдельным сторонам его деятельности – прежде всего внешнеполитической. Ссылки на многих уважаемых авторов Вы найдете в этой книге – иногда и в критическом ключе. Биография Молотова – повод поспорить о многом.

Но, приступая к этой работе, я стремился писать бесстрастно, оторвавшись от личных симпатий и антипатий. За плечами у

меня множество исследований о том времени, в котором жил и действовал Молотов. Поэтому для меня эта биография – не повод говорить об эпохе, хотя без краткого напоминания об историческом контексте мало что можно понять в событиях этой долгой жизни. Но я как раз ставил перед собой задачу вычленить Молотова из эпохи, показать интересную в своей типичности и уникальности личность. Может быть, именно для этого и понадобилось написать еще одну книгу о Молотове.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

25 февраля¹ 1890 – в слободе Кукарка Яранского уезда Вятской губернии родился Вячеслав Михайлович Скрябин.

1898 – семья Скрябиных переехала в г. Нолинск.

1902–1909 – учеба в Казанском реальном училище.

1906 – участие в собрании Нолинской организации РСДРП.

26 марта 1909 – арест за участие в Революционном союзе низших и средних школ Казани.

Июль 1909 – июль 1911 – ссылка в Вологодскую губернию (г. Тотма и г. Сольвычегорск).

4 июня 1910 – получение свидетельства о сдаче экзаменов экстерном в Вологодском реальном училище.

1911–1912 – учеба в Петербургском политехническом институте, сотрудничество в газете «Звезда».

Май – ноябрь 1912 – секретарь газеты «Правда».

Август 1915 – апрель 1916 – ссылка в Иркутскую губернию (с. Манзурка).

Осень 1916 – весна 1917 – член Русского бюро ЦК РСДРП(б).

28 февраля – 13 марта 1917 – член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Март 1917 – член редакции газеты «Правда».

С мая 1917 – член исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП(б).

Октябрь – декабрь 1917 – член Петроградского Военно-революционного комитета.

С ноября 1917 – член президиума Петроградского Совета.

Январь 1918 – март 1919 – председатель президиума Совета народного хозяйства Петрограда и Северной Коммуны.

Июнь – октябрь 1919 – политический комиссар агитационного парохода «Красная звезда» и уполномоченный ВЦИК.

¹ До февраля 1918 года даты даются по Юлианскому календарю.

Октябрь 1919 – август 1920 – председатель Нижегородского губернского исполкома.

Сентябрь – ноябрь 1920 – первый секретарь губкома и председатель губисполкома Донецкой губернии.

Ноябрь 1920 – март 1921 – первый секретарь ЦК КП(б) Украины.

Март 1921 – июнь 1957 – член ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС.

16 марта 1921 – 19 декабря 1930 – секретарь ЦК РКП(б) – ВКП(б).

1921–1948 и 1953–1970 – жизнь с П.С. Жемчужиной.

1 января 1926 – 29 июня 1957 – член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) – КПСС.

19 декабря 1930 – 6 мая 1941 – председатель Совета народных комиссаров СССР.

3 мая 1939 – 4 марта 1949 – нарком – министр иностранных дел СССР.

14 июня 1939 – начало советско-франко-британских переговоров в Москве.

23–24 августа 1939 – заключение советско-германского пакта о ненападении.

28 сентября 1939 – подписание советско-германского договора «О дружбе и границе».

28 сентября 1939 – подписание советско-эстонского пакта о взаимопомощи.

5 октября 1939 – подписание советско-латвийского пакта о взаимопомощи.

10 октября 1939 – подписание советско-литовского пакта о взаимопомощи и передаче Вильнюса и области Литве.

12–13 марта 1940 – заключение советско-финляндского мирного соглашения.

12–14 ноября 1940 – официальный визит в Германию.

5–6 апреля 1941 – подписание советско-югославского договора о дружбе и ненападении.

22 июня 1941 – выступление В.М. Молотова о нападении Германии на СССР.

30 июня 1941 – 4 сентября 1945 – заместитель председателя ГКО.

19 мая – 12 июня 1942 – перелет в Лондон, Вашингтон и обратно. Встречи с У. Черчиллем, Ф. Рузвельтом и другими руководителями Великобритании и США.

12–16 августа 1942 – визит У. Черчилля в Москву.

30 сентября 1943 – присвоение В.М. Молотову звания Героя Социалистического Труда.

19–30 октября 1943 – Московская конференция министров иностранных дел.

28 ноября – 1 декабря 1943 – Тегеранская конференция «Большой тройки».

12 сентября 1944 – советско-румынское перемирие.

19 сентября 1944 – советско-финляндское перемирие.

4–11 февраля 1945 – Ялтинская конференция «Большой тройки».

25 апреля – 7 мая 1945 – участие в Учредительной конференции ООН.

17 июля – 2 августа 1945 – Потсдамская конференция «Большой тройки».

11 сентября 1945 – начало первой сессии Совета министров иностранных дел.

29 июля – 15 октября 1946 – Парижская мирная конференция.

23 октября – 13 декабря 1946 – участие в I сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

27 марта 1948 – первое письмо И.В. Сталина и В.М. Молотова от имени ЦК ВКП(б) с критикой политики руководства КП Югославии.

21 января 1949 – арест П.С. Жемчужиной.

14 октября 1952 – критика В.М. Молотова И.В. Сталиным на заседании ЦК КПСС.

5 марта 1953 – 1 июня 1956 – министр иностранных дел СССР.

25 января – 18 февраля 1954 – Берлинская конференция министров иностранных дел четырех держав.

26 апреля – 21 июля 1954 – Женевская конференция по вопросам Кореи и Индокитая.

15 мая 1955 – подписание Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии.

4–12 июля 1955 – пленум ЦК КПСС с критикой позиций В.М. Молотова по поводу Югославии и Австрии.

18–23 июля 1955 – Женевская конференция четырех держав на высшем уровне.

21 ноября 1956 – 29 июня 1957 – министр государственного контроля СССР.

18–21 июня 1957 – выступление большинства членов Президиума ЦК КПСС, включая В.М. Молотова, против Н.С. Хрущева.

22–29 июня 1957 – пленум ЦК КПСС, осудивший «антипартийную группу Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.».

Сентябрь 1957 – июль 1960 – чрезвычайный и полномочный посол СССР в Монгольской народной республике.

Сентябрь 1960 – ноябрь 1961 – постоянный представитель СССР в МАГАТЭ.

9 февраля – 26 июля 1962 – исключение из рядов КПСС.

12 сентября 1963 – отправлен на пенсию.

7 июня 1984 – восстановление в рядах КПСС.

8 ноября 1986 – кончина В.М. Молотова.

ГЛАВА I

ПАРЕНЬ ИЗ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

(1890—1916)

Вячеслав сидел в зале, набитом народом. Вокруг большого стола — депутаты, работяги, солдаты. Шум, гам, срывающиеся голоса, крики со всех сторон. Такого Вячеслав не видел никогда, и сам этот солидный зал, повидавший много речей, такого не помнил. Сердце Вячеслава колотилось. Он немного потолкался, протиснулся ближе к столу и прокричал: дайте слово ЦК большевиков! Волнуясь, заикаясь, неопытно пока выпалил несколько вступительных слов, и произнес главное «В создающийся сейчас Совет рабочих депутатов обязательно нужно включить представителей солдат!» В ответ раздались возмущенные возгласы: «А еще большевики называют себя марксистами! Мы создаем орган классового представительства пролетариата!» Но эти протесты покрыл профессионально поставленный голос Керенского: «Потом о марксизме доспорите. Революции нужна сила. Правильное предложение, товарищ Молотов!» Зал одобрительно загудел: «Сила, сила для революции! Солдат надо, надобно включить солдат!» Вячеслав сел на место с приятным чувством минутной расслабленности: получилось. Отличную идею пробил. Революционную, нашу, большевистскую. И тут же привычно мобилизовался на следующие дела. А их был большой список.

Как так вышло, что он, простой парень из провинции, участвует теперь в определении судеб России? Если такой вопрос и посещал Вячеслава, то где-то на периферии сознания. Ответы были ясны — он входит

в руководство самой революционной партии, а в стране революция. Но для нас, размышляющих о его биографии, этот вопрос сейчас будет центральным. В революцию были вовлечены миллионы людей, в партии большевиков состояли тысячи. А Молотов вошел в круг тех, кто определял маршрут революции на ее начальном этапе, да и потом не потерялся. И он был совсем не похож на таких политических тузов, как Керенский и Чхеидзе, его биография принципиально отличалась от эмигрантских лидеров большевизма и даже от находившегося здесь же рабочего большевистского лидера Шляпникова. Что вело Вячеслава в эту историческую точку, что позволило и потом играть роль в начавшейся российской исторической буре?

І. КУПЕЧЕСКИЙ ГОРОД

Вячеслав Михайлович Скрыбин родился 25 февраля¹ 1890 года в слободе Кукарка Яранского уезда Вятской губернии. Интересно, что из этого же населенного пункта происходил отец Алексея Рыкова – предшественника Молотова на посту председателя Совнаркома. Внук Вячеслава Михайловича В.А. Никонов попытался вывести характер знаменитого деда из таких историко-географических корней: «Вятский характер ковала история. И сделала она жителей этой земли своевольными и предприимчивыми, свободолюбивыми и независимыми, энергичными и мобильными»². Трудно доказать или опровергнуть, насколько эти черты были характерны для большинства жителей Вятской губернии, но к тому, что мы знаем о будущем Молотове, без оговорок относится разве что слово «энергичный». Для понимания становления характера героя важнее то, что он родился в семье приказчика. Социальная среда, в которой он взрастал – купеческая организация уездного города Нолинска, откуда происходил отец Вячеслава Михаил Прохорович Скрыбин. Он окончил коммерческое училище, был человеком набожным и хватким. Молотов и в старости поговаривал: «Мы, вятские – ребята хваткие»³. По рассказам Вячеслава Михайловича в передаче В.А. Никонова, Михаил Прохорович частенько напивался и буянил, но при

¹ До февраля 1918 г. даты даются по Юлианскому календарю.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 1. М., 2016. С. 10.

³ Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 121.

этом был завсегдатаем «Общества трезвости», которое посещали нужные люди – нолинские начальники и влиятельные купцы¹. Женился Михаил Прохорович на дочери купца Якова Евсеевича Небогатикова Анне, девушке образованной и музыкальной – как и сам Михаил, который пел в церковном хоре.

Небогатиков возглавлял торговый дом в Нолинске, был и фабрикантом – в общем, представлял собой типичный образец становящейся на ноги российской буржуазии. Яков Евсеевич определил зятя Михаила приказчиком лавки в Кукарке. Там и родился Вячеслав. У него было пять братьев: Михаил, Виктор, Николай, Владимир и младший Сергей – и сестра Зинаида. Вскоре семья переехала в Вятку. В 1895 году умер Яков Евсеевич, его капиталы перешли к старшим сыновьям. В 1898 году Скрыбины вернулись в Нолинск². Михаил Прохорович служил в конторе у Небогатиковых, где к 1909 году получал солидное жалование в 60 рублей в месяц³.

В Нолинске давно породнились купеческие фамилии. Дворянским племянником Вячеслава Скрыбина был Борис Чирков – будущий выдающийся советский актер. Это был самый знаменитый в XX веке родственник Молотова. Некоторой известности добился брат Николай, который стал композитором с псевдонимом Нолинский (фамилия Скрыбин мешала ему тем, что уже имелся более знаменитый композитор-однофамилец).

Сегодня Нолинск производит впечатление некоторой неухоженности и даже разрухи, а в конце XIX века в городе кипела жизнь. Это был важный экономический центр. Мимо солидных двухэтажных купеческих домов сновали лотошники, грузчики, приказчики.

Еще при Петре I купцы могли позволить себе строительство в Нолинске грандиозного каменного собора, достойного и большого города. Он потом пережил и коммунистические гонения на Церковь, и все советское время, и «лихие» 90-е, пока не сгорел, превратившись в руины. Сейчас потихоньку восстанавливается.

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 1. С. 11, 13.

² Сам Вячеслав Скрыбин в юности считал, что он и родился в Нолинске, о чем в 1910 году писал в своем официальном «жизнеописании» [Российский государственный военный архив (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 56].

³ Там же. Л. 42.

*Вячеслав Михайлович
Скрябин (Молотов)
Начало 1900-х
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2.
Д. 1598. Л. 7]*

Юный Вячеслав (или Веча, как звали его тогда друзья и родственники) жил в Нолинске во времена расцвета города в семье солидного приказчика. Собственно, приказчик, управленец, смекалистый исполнитель воли хозяина – это и была та профессия, навыки которой Вячеслав впитывал еще в семье. Потом они пригодятся ему.

Но вот чего у Вячеслава не было – это подобострастия, с которым порой, и не всегда справедливо, связывают образ приказчика. Юный Скрябин не терпел подобострастия даже в людях, к которым хорошо относился. Через несколько лет, оказавшись в ссылке, он так писал о другом ссыльном, который помог ему найти жилье: «до приторности услужлив»¹. Будущему Молотову было присуще чувство собственного достоинства, которое мешало адаптироваться в купеческой среде. Хотя отец сурово вколачивал в детей понятия о сословных приличиях. Молотов вспоминал: «В детстве меня отец лупил как сивого мерина. И в чулан сажал, и плеткой, – все, как полагается»². В то же время своих многочисленных детей Скрябины приобщали к музыкальной

¹ Цит. по: Никонов В.А. Молотов: Молодость. М., 2005. С. 78.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 121.

культуре. Умение играть на фортепиано, скрипке и мандолине потом помогло Вячеславу подрабатывать в трудные годы.

С детства Вячеслав Михайлович сохранил некоторые кулинарные пристрастия. В старости, потчuya гостей, он приговаривал: «Ешьте щи с кусками! Старорусская пища. Помню с детских лет. Куски черного хлеба настрoгаешь в щи и кушаешь»¹.

В Нолинске было городское училище, где Вячеслав учился по приезду в город, и которое окончил с отличием в 1901 году. Но поступить в гимназию в Вятке не смог. С 1902 года Вячеслав уже успешно учился в казанском реальном училище – его мир расширялся, он осваивал навыки жизни в губернском городе, многократно превосходившем по размерам Нолинск. Четверо братьев Скрябиных жили у родственницы и посещали разные учебные заведения Казани. Большой город был полон соблазнов, в том числе и интеллектуальных. Оказывается, общество устроено не по «Закону Божию», а привычный мир несправедлив. Любимыми писателями Скрябина были реалисты А. Чехов и Д. Григорович, которых прочитал «от начала до конца»². Их произведения наводили на мысль о всеобщности пороков, которые юноше прежде касались частными и незначительными. И в старости Молотов считал, что «прежняя жизнь не устраивала девять десятых населения»³.

Освоение естественных наук в училище готовило Вячеслава, как и тысячи его сверстников, к мысли, что можно преобразовать не только природу, но и общество. Осознав, что окружающий мир нуждается в изменениях, человек может стать и умеренным сторонником прогресса, и радикальным поборником ниспровержения общественного строя. Это зависит и от его личных психологических склонностей, и от обстановки в стране, и от референтной группы – тех людей, которые влияют на формирование идеологии человека. Идеологического опыта у юноши из Нолинска не было никакого, зато был родственник Андрей Кулеша, социал-демократ. Он уже успел побывать в ссылке, бежал и нелегально жил у жены Лидии Чирковой – двоюродной сестры Вячеслава. Веча заходил в гости, и Кулеша раскрывал ему социал-демократические воззрения на мир. Это была свежая, непривычная картина – рациональная, как чертеж, и тре-

¹ Там же. С. 12.

² Там же. С. 128.

³ Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 27.

бовавшая действия, как символ веры. Впрочем, не стоит преувеличивать роль Кулеши в становлении революционных взглядов будущего Молотова – родственник недолго оставался главным источником революционных идей. Скоро они станут доступны любому жителю России.

2. ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Сначала еще можно было сомневаться в правдивости оппозиционных речей. Российская империя казалась незыблемой. Но оппозиционное знание тем и привлекало, что делало юношу причастным к великим тайнам. А тут и новости стали приносить подтверждение революционных взглядов. Россия была вовлечена в войну на дальних рубежах. Казалось, будет легко справиться с маленькой Японией. Но колоссальное государство, протянувшееся от Польши до Китая, стало получать удар за ударом. Пал Порт-Артур, огромный флот был разгромлен при Цусиме, уверенность в могуществе русской армии развеялась, как дым, а вера в отеческую миссию Государя-императора – подорвана страшными сообщениями о Кровавом воскресении 9 января 1905 года. По России разливалась революция 1905–1907 годов.

Однокашники все смелее обсуждали политические темы. Даже если бы не беседы с родственником, Скрябина не обошла революционная атмосфера. Казань была охвачена митингами и забастовками, так что оппозиционные лозунги звучали прямо на улице. Вячеслав больше слушал, чем говорил, отчасти оттого, что заикался. Этот недостаток обратился в достоинство, когда способность придерживать язык за зубами сделалась важным условием выживания и продвижения в политической жизни.

В сентябре в реальном училище разгорелось недовольство против учебного режима, спровоцированное самоубийством одного из учеников. На похоронах погибшего запели «Марсельезу». И вот Вячеслав решился на первый в своей жизни политический поступок. Как рассказывал Аросев, Скрябин забрался на крышу трамвая, произнес речь и крикнул: «Долой самодержавие!»¹ Если это было на самом деле, шокирующий поступок будущего революционера мало кто заметил – наказания не последовало, хотя деяние тянуло как минимум на исключение из училища.

¹ Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 48.

*Вячеслав Михайлович
Скрябин
Казань. 1907
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2.
Д. 1598. Л. 1]*

Бунтовали и потом – баррикадировались в училище в классах, пели революционные песни.

Летом 1906 года, на каникулах в Нолинске, Вячеслав познакомился со ссыльными социал-демократами, в основном грузинами. Один из них, под псевдонимом Марков, стал приобщать Вечу к серьезной марксистской литературе, объяснять сложные термины: «Я у него спрашивал: “Что такое детерминизм?”»¹, – вспоминал Молотов. Снова предоставим слово внуку Молотова: «Именно Марков познакомил его с работами Плеханова, которые произвели на молодого Скрябина сильное впечатление своим антирежимным пафосом и... непонятностью. Марков тратил немало времени, чтобы объяснить ему существование диалектического материализма и детерминизма. Дед повторял, что вырос на Плеханове, а не на Ленине»². Магия марксизма открылась Вячеславу в своей познавательной безграничности. Сначала марксизм привлекает тем, что в его простых схемах жизнь получает ясное и логичное объяснение. Потом выясняется, что жизнь все же сложнее и в простые схемы не вписывается. Но на это опытный марксист отвечает: не беда, ведь марксизм – это метод познания сложности жизни. Обучиться этому методу можно, изучая «Капитал» и сложные труды ав-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 128.

² Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 46–47.

торитетных марксистов, того же Плеханова. В итоге изучение сложной логики этих трудов нередко подменяет изучение самой жизни.

Марков и вернувшаяся в Нолинск после ареста Кулеша его жена Лидия входили в местную организацию Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Как в старости вспоминал Молотов, они пригласили Вячеслава на партийное собрание, конспиративно собравшееся в лесу. Обстановка подпольной дискуссии, где старшие опытные товарищи обсуждают политические вопросы так, будто могут их решить – завораживает. В начале ХХI века молодежь в социальных сетях могла хоть ежедневно отстаивать различные политические взгляды с утра до вечера. А за сто лет до этого заседание подпольной организации было уделом избранных, в круг которых был призван юный Веча Скрябин. Атмосфера мессианизма напоминала обстановку в общинах первых христиан. Казалось, что от каждого высказывания зависит судьба страны и мира. Да и вопрос стоял не шуточный – участвовать ли в выборах в Государственную думу, созданную по половинчатому Манифесту 17 октября. Ленин считал, что не стоит. В Нолинске Лидия Кулеша с ним соглашалась. Остальные нолинские социал-демократы доказывали, что нельзя упускать возможность агитировать за свои взгляды легально. Хотя, конечно, Дума будет маловластной, и попасть в нее при таких несвободных выборах – маловероятно. В итоге обсуждения победила меньшевистская точка зрения – в выборах участвовать. Приняли резолюцию. Вячеславу поручили обеспечить ее распечатку и распространение по Нолинску. Уединившись в бане с печатной машинкой, он напечатал партийный текст и затем разбросал листовки по городу¹.

Так летом 1906 года Вячеслав Скрябин получил первое партийное задание и с этих пор отсчитывал свой партийный стаж. Если эта история, о которой мы знаем только со слов Молотова, действительно имела место, то правильнее было бы сказать, что в то время он был не членом РСДРП, а примыкал к ней. Позднее Скрябин, как мы увидим из документальных подтверждений, сближался и с эсерами, о чем в своих позднейших биографиях не писал. А настоящим членом партии – как положено у большевиков, регулярно работающим в партийной организации, Скрябин стал только в 1911 году.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 128–129.

Совершенно секретно.

Милостивый Государь

Константинъ Ивановичъ,

Препровождаю при семъ, совершенно доверительно, выписку изъ полученнаго агентурнымъ путемъ письма Н. К л ю е в а, Казань, къ П. К. Б о р з а к о в - с к о м у въ Одессу, имѣю честь просить Ваше Высочайшее, по приказанію Господина Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, сообщить подробныя свѣдѣнія по содержанію настоящаго письма, а равно принять самыя энергичныя мѣры въ отношеніи виновныхъ или подозрѣваемыхъ въ распространеніи прокламацій, обративъ вышѣ съ тѣмъ вниманіе на учительскій персоналъ и о послѣдующемъ увѣдомить меня для доклада Его Превосходительству.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

И. О. ДѢЛЪ

125388

Высокоблагородію
К. И.
Л и н и н у.

на
25/15
909

Е. К. Климовичъ

О. С. С.

о нѣсколькихъ экземпляровъ, на-
ручныхъ учебныхъ заведеніяхъ,
не имѣется. Слѣдствія по это-
му только совершенно секрет-
но изложены въ прилагаемой
моего. Эти результаты, а так-
же, что "производится ослѣдст-
е по меньшей мѣрѣ ни на

О томъ, чтобы кто либо изъ учительскаго персонала
средне - учебныхъ заведеній принималъ участіе въ руко-
водителяхъ ученической организаціи не имѣется положи-
тельно никакихъ указаній.

П о л к о в н и к ъ

С. С. С.

Репорт заведующаго Особымъ отделомъ Департамента
полиціи Е. К. Климовича начальнику Казанскаго губернскаго
жандармскаго управленія К. И. Калинину о письмѣ директора
1-й гимназіи Казани Н. Ключева П. К. Борзаковскому с просьбой
принять меры въ отношеніи виновныхъ въ распространении
прокламаціи

7 марта 1909

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-1 об. Подлинник]

3. ПЕРВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Закончив 6-летний курс в 1908 году, Скрябин пошел в дополнительный седьмой класс, чтобы продолжить учебу. Тем временем, революция закончилась, но оппозиционно настроенной молодежи хотелось действовать. Скрябин и его товарищи создали революционную организацию учащейся молодежи.

По версии начальника Казанского губернского жандармского управления полковника Калинина начало оппозиционной группе, в которую входил Скрябин, положил студент Казанского университета К. Белорусов. В конце 1908 года он вел эсеровскую пропаганду среди рабочих Алафузовского завода и входил в горком партии эсеров, разгромленный жандармами 1 декабря. Однако накануне этого провала эсеры вывели Белорусова из комитета, потому что он «благодаря своей порывистости» плохо соблюдал конспирацию. В результате из этой эсеровской группы как раз он-то и остался на свободе. Продолжать прежнюю работу он не мог из-за потери связей, а может быть и не хотел – в это время как раз стало известно, что один из лидеров партии эсеров Е. Азеф оказался провокатором полиции. Но и сидеть без общественного дела порывистый Белорусов не мог.

Через своего знакомого А. Карачевцева, также причастного к организации эсеров, он вышел на воспитанников среднетехнического промышленного училища и как старший товарищ организовал для них кружок, где продолжил пропагандировать революционные идеи. В эту группу вошли ученики А. Чуприков, Н. Скоробогатый и А. Ковалев, с которым вместе жил Карачевцев. На их квартире и происходили «сборища» с участием нескольких учеников. 2 марта 1909 года кружок выбрал делегата в ЦК объединенных групп казанских средне-учебных заведений. Создать такой ЦК стало возможным благодаря тому, что группа Белорусова стала взаимодействовать с группой учеников 1-го Казанского реального училища. Лидером этой группы был Виктор Тихомирнов, который в 1908 году окончил 1-е Реальное училище и теперь находится «под непосредственным влиянием Белорусова». Тот организовал выступления Тихомирнова перед рабочими, которых конспиративно собирали на беседы.

Из реалистов в группу под руководством Тихомирнова входили В. Скрябин, М. Бедер, Н. Мальцев, М. Жаков, В. Баланов, Г. Ласанов. Скрябин стоял первым в списке, отмечалась его переписка с Пензенской организацией. Мальцев был делегатом в

Подвергнуть: обыску I| Бѣлорусова 2| Тихомирнова, 3| Корочев-
цева, 4| Чуприкова, 5| Скоробогатого, 6| Ковалева, 7| Каменска-
го, 8| Котординова, 9| Антонова, 10| Григорьева, 11| Вячеслава
Скрибина, 12| Бедера, 13| Мальцева, 14| Лосанова, 15| Михаила
Жакова и 16| Веніамина Баханова. При этомъ Бѣлорусова и
Тихомирнова - арестовать, съ Корочевцевымъ, Чуприковымъ, С-
робогатнымъ, Ковалевымъ, Каменскимъ, Котординовымъ, Анто-
новымъ и Григорьевичемъ поступить по результатамъ обыска.
Скрибина же, Бедера, Мальцева, Жакова, Баханова и Лосанова
оставить на свободѣ.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ

1909 года, Марта 19го дня, в гор. Казани, я, Началь-
ник Казанскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія По-
ковникъ К а л и н и н ъ, ознакомившись съ извѣщеніями въ
Управленіи безусловно достоверными свидѣніями о нижепоиме-
нованныхъ лицахъ, нашедъ: студента Казанскаго Университе-
та Копотантинъ Алексѣевъ Бѣлорусовъ, въ концѣ про-
шлаго года входилъ въ составъ Казанскаго комитета партіи
соціалистовъ революціонеровъ, члены коего ликвидированы бы-
ли 1 Декабря того года. Съ Петромъ М а к с и м о в ы мъ,
у котораго обыскомъ тогда была обнаружена бібліотека, ко-
митетская переписка и только что отпечатанныя проклама-
ціи, Бѣлорусовъ жилъ на одной квартирѣ. Не задолго до
оказанной ликвидациі члены комитета выразили Бѣлорусову
свое неудовольствіе по поводу того, что онъ слабо ве-
детъ конспирацію, чѣмъ можетъ "провалять" всю организа-
цію, благодаря своей порывистости. Тогда Бѣлорусовъ вы-
шелъ изъ комитета и съ согласія послѣдняго рѣшилъ вра-
женно оставить партійную работу среди рабочихъ Алафузов-
скаго завода, гдѣ онъ былъ пропагандистомъ и направилъ
свое вниманіе на воспитанниковъ средне - учебныхъ заведе-
ній. Имѣя связи съ воспитанниками средне-техническаго [про-
мышленнаго] училища и въ частности съ Алексѣемъ К о р о-
чевцевымъ, который тогда жилъ на одной квартирѣ
съ Ш у л и к о в ы мъ, у коего 1 Декабря въ ликвидациі было
отобрано по обыску два тектографа, онъ сравнительно быст-
ро сорганизовалъ кружокъ. Въ послѣдній вошли ученики
средне - технического училища Александръ Ч у п р и н о в ъ,
Никифоръ С к о р о б о г а т ы й и Алексѣй К о в а л е в ъ.
Съ послѣдними Корочевцевъ посѣдился въ Декабрѣ мѣсяцѣ
прошлаго года на одной квартирѣ и жилъ до конца Февра-
ля текущаго года. Въ квартирѣ этихъ воспитанниковъ проис-
ходили сборища и они составляли центръ группы партій-

Постановление
начальника
Казанскаго
губернскаго
жандармскаго
управленія
К.И. Калинина
об организации
ученических
кружков
в Техническом
училище и
Казанском
первом реальном
училище,
об обыске их
участников
19 марта 1909
[РГАСПИ. Ф. 82.
Оп. 1. Д. 2. Л. 3-
4 об. Подлинник.
Подпись —
автограф]

ОСОБОЙ ОТДЕЛЪ

№ 9 АПР 1909

ВХОД. № 194

Форма В. 11

О т ч е т ь

За М а р т ь _____ месяца 190 9 года,

_____ Казанская _____ губерния.

Местная бр-спартійная організація воспитанниковъ средне-учебныхъ заведений Казани, возникшая подъ влияніемъ диктаторскаго Казач. К-та п. с. р. Принадлежитъ къ Поволжскому Областному Комитету.

Возникла въ 1909 году _____ въ Январѣ _____ мѣс.

Дѣятельность производится въ слѣдующихъ пунктахъ губернии:
въ г. Казани.

Мѣстные Комитеты имеются въ слѣдующихъ пунктахъ: Центральныи комитетъ объ единичныхъ ученическихъ организаціяхъ средне-учебныхъ заведений Казани, комитетъ средне-тоихическихъ [Промышленнаго] и I казанскаго реальнаго училища, дѣйствовали въ г. Казани.

Въ теченіе отчетнаго мѣсяца дѣятельности организаціи производилась въ слѣдующемъ (содерж. кратко): Въ завязываніи связей съ воспитанными и воспитанницами казанскихъ средне-учебныхъ заведений, въ сношеніяхъ съ ученическими организаціями другихъ городовъ, въ завязываніи связей съ рабочими и попыткахъ нести среди нихъ противоправительственную пропаганду, въ печатаніи на гектографѣ листовыхъ изданій и въ сборѣ денегъ подъ именемъ лотерей для различныхъ цѣлей и для помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ.

Были изданы или распространены въ теченіе отчетнаго мѣсяца слѣдующ. рев. изданія (поименовать и приложить образцы). Въ теченіи марта мѣсяца изданно и распространено революціонныхъ изданій не было.

Техническія предпріятія (типографіи, лабораторіи, склады литер. и др.) имеются, или ставятся въ слѣдующихъ пунктахъ: Имѣлись два гектографическихъ вѣсти необходимыхъ принадлежностями.

Боевыя организаціи имеются въ _____ Не имеются.

Военная организаціи имеются въ _____ Не имеются.

Секретныхъ сотрудниковъ _____ 6, бр-блочныхъ _____ 2.

№ 194

1/ _____ Апрѣля 1909 года

Начальникъ Казанскаго
Губернскаго Жандармскаго
Управленія, Полковникъ

Списокъ значащихъ организаціи и лицъ проходившихъ по наблюдению за ней на оборотѣ.

Отчет начальника Казанскаго губернского жандармского управления К.И. Калинина о деятельности организации воспитанников средне-учебных заведений Казани за март 1909 года

1 апреля 1909

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 11. Подлинник. Подпись – автограф]

городской организации. В этом кружке жандармы констатировали наличие правильной организации, который нет в других казанских группах. Ученики реалисты стали собирать деньги на политзаключенных, для чего даже организовали лотерею с книгами (правда, разыграть их не успели, но 200 лотерейных билетов по 25 копеек распространялись среди учеников Казани)¹. Тихомирнов был сыном богатого домовладельца, после смерти которого получил солидное наследство. Судя по его последующей биографии и воспоминаниям о нем, Виктор был социал-демократом. Но это не значит, что во время своего политического становления он резко отделял себя от эсеров. В.А. Никонов отрицает, что Тихомирнов находился под влиянием эсера Белорусова. Но почему бы и нет? В той обстановке эсеры и социал-демократы общались и вполне могли влиять друг на друга, тем более на местном уровне. Белорусов был старше и причастен к серьезной организации.

Полиция «выводит» организацию из деятельности Белорусова видимо потому, что он первым попал под ее наблюдение как причастный к опасной организации эсеров. Однако кружок Белорусова не породил кружок Тихомирнова, а объединился с ним. По мнению полиции, руководителями оппозиционной группы в реальном училище были Скрябин, Бедер, Мальцев и Лосанов. Тихомирнов познакомился с ними в период учебы в училище. Скрябин, Тихомирнов, Аросев и Мальцев отсчитывали срок своей дружбы с 1905 года. В 1909 году состоялось объединение двух кружков в организацию, стремившуюся приобщить казанскую молодежь к революционной деятельности.

На занятиях члены союза пропагандировали материализм, опровергая положения «Закона Божия» с помощью физики, а на занятиях по литературе и истории подводили под свои ответы критическую классовую базу, о чем потом с удовольствием вспоминал Аросев².

И в конце XIX – начале XX века, и во второй половине XX века молодые революционные романтики действовали примерно одинаково: приходя к выводу, что мир устроен неправильно, объединялись в кружок, обсуждали теорию, писали установочные документы, и если их к этому времени не отправляли под арест – искали возможность распропагандировать окружа-

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–4.

² Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 59.

Копия черкового письма, о
сть 21 иа 22 марта 1909г
гс I реального училища В

Толеранци, нам подавно под
узнали, что вы внаше орг
В: говорите, что перемены
сложных на выискивает о
писания видно дла, что вы
ладить на небольшие групп
сисемия "со всеми нами
известна была только нами
ми мы сношений не имеем,
у вась обстоят дла и
но узнать оть нась прич
необходимо быть тсно сд
единение и по этому всяк
намь очень нежелательно.
объединяемъ развлеком, о
сы сими не тарлись. Сд
рда бдлае кометъ скотит
В настояще время когда
ная рдств, уничтожение о
васт, единичному выдвас
пожалуйста. Мы пужаем
такъ или иначе устритъ

что важно для общего дела. Намь желательно было бы
знать какъ у вась состоитъ дла: какие ость дружи,
сколько ихъ, количество членовъ ит оргнизаций, что
читается теперь въ коумкахъ, что длаются въ ощо въ
оргоняхъ, какое влияние журнала выдвгс, какие учебныя
заведения входятъ въ составъ вашей орган. и т.д..
Желательно было бы получить возможно подробные отьты.
Относительно сотрудничества въ нашеъ журналъ можно лавъ
статьте следующимъ: въ виду того, что у насъ тохо
предполагается скоро въ выхду свой журналъ, то участие

въ вашемъ журналъ врядъ ли придется намъ принять, но
самое лучшее вы присылаете намъ по экземпляру экземпля
ровъ своего журнала, а мы сего. Тереть сбрзасъ об
ить имодой у насъ будеть и больше будеть объедине
Жательно было бы такъ чтобы вы прислали хотя бы
по одному экземпляру старыхъ важныхъ номеровъ. У насъ
е ое соий журналъ лия не выдла, Телоръ сообщитъ
кос что о сест! Въ составъ рел. ссоза /ч. рднихъ и
низомыхъ имодъ входятъ 1, 4 нржи при Р. у. [26 рел.
и 8 лост.], 2, тсдлки I нр. [вчел.], 3, гимназисты
2-и гимн. [бчел.], 4, имодъ учите. соизм. бдла нрдна
[бчел.]. Въ нржии занимаются преимчественно вопросамъ
политико-экономическимъ-однозначнымъ на длае орг.
агр. вопр.. За последнее время наши принято слдующее об
що для города название: Ровел. ссоза уч. орг. и нивн.
имодъ г. К. ндл входятъ релод. орг. отдаленныхъ учбныхъ
заведчій. Въ н-и одного /ч. з. составляють отъль Каз.
р.о. с. и нивн., а отъ каждого отдалъ выбранотъ отъ
10-1 въ городской Ц.К., историй и водуть сисемия съ
орг. друг. город. Намъ Р. с. с. и П. Ссоза рдлають
иметь ощо нивнкие дла всьхъ орг. отдаленныхъ городовъ
слдующимъ: Воер. Р. С. С. и П. П. [статьте ик съ сд
съ сторонн: обгачены ли вы нз это длажамъ] ротъ оо
новныя нивнкия В. Ц. Орг... I] гер. отдалъ нивнсимъ
въ своихъ длаяхъ, 2] П. орг. не имать право самосто
ятельно ршать выступленимъ въ такъ выдснать стмст.
прокламаций и т.д.] 3] въ П. орг. импоритъ по одному
представителю отъ Р. С. С. и П. П. нивдге города историй
и водуть нивнкия сисемия нивд/ ооом. Согласно дн
у насъ приняты дозугъ, историй вы обднмъ дла всего
Воер. Р. С. Лозугъ "в. змани и ооръз - сила и пра
во". Имодъ ли сими съ П. С. Р. орг. адресъ дла чо
го мы вамъ сообщимъ. Есть ли у васъ еще какие ин
будъ связи съ орг. другихъ городовъ.

В Я Р Н О: Начальникъ Казанскаго Губернскаго
Генеральскаго Управленія, Псковскаго

Письмо ученической организации Казанского первого реального
училища Елабужской группе ученической организации, изъятое
при обыске у В.М. Скрыбина
Не позднее 21 марта 1909
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 19-19 об. Заверенная копия]

Н.В. Мальцев, В.А. Тихомирнов и В.М. Скрыбин

Казань. 1909

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 120. Л. 1]

ющих так, чтобы создать массовую организацию борьбы за свои идеалы. А для этого нужно использовать разные легальные поводы, устанавливать конспиративные связи с другими инакомыслящими, тиражировать свои идеи. С ростом рядов возникает необходимость создания координационных или руководящих органов. Таким путем пошли и юные казанские революционеры.

Вячеслав написал устав Революционного союза низших и средних школ Казани, который помог придать контактам ученических кружков более серьезную, «взрослую» форму. В организации участвовало 4 кружка при реальном училище с 34 участниками, кружок техников с 8 участниками, 5 гимназистов 2-й гимназии. Также на кружки ходило 9 учащихся инородческой учительской семинарии¹.

Тихомирнов и Скрыбин со товарищи освоили навыки печатания листовок на гектографе (при аресте он будет найден у Тихомирнова²). Действовали конспиративно. Вячеслав получил свой первый псевдоним «Дядя». Он вел переписку с аналогичными кружками в Пензе и Елабуге, надеясь создать с ними объединен-

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 19–19 об.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.

фамилии его он не знает и долее давать больше сведений не может.

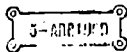
В виду этого и принимая во внимание, что в интересах настоящего дела представлялось целесообразным проследить снимание Скрыбина с лицами, привлеченными вместе с ним по этому же делу и освобожденным от свободы, названный Скрыбин по моему распоряжению 26 сего Марта заключить в тюрьму 21 ст. Положения о Государственной Охране под стражу в местную губернскую тюрьму, почему в виду мотивов изложенных мною в доносении от

39093
НАЧАЛЬНИКЪ
КАЗАНСКАГО

Губернского
ЖАНДАРМСКАГО
УПРАВЛЕНИЯ.

28-го Марта 1909 г.

Е. КАЛАНЪ

7-го КАЛОПРОВЗВОДСТВЕННИК
5. АПР. 1909
ВХОД. № 1888

44
я имел честь сообщить Полиции о проезде до окончания

Исполнено 1888

В изложении доклада моего от 23 сего Марта за № 3103 имел честь довести Департаменту Полиции, что по обыску, произведенному в ночь с 21 на 22 сего Марта у бывшего ученика Казанского первого Реального училища Вячеслава Михайла Скрыбина был обнаружен материал, при разработке которого выяснено, что он, повидимому, заведывает неким делом некой ученической революционной организацией, так как в числе этого материала имеются черновые отчеты заседания "Комитета" названной организации, в таком партизанском, указывающем на снимание его с Елабужской и Пензенской ученическими организациями и сносках не только выдающихся партийных воспитанников по "Клиппингу" - выходивших в состав названной организации.

При допросе Скрыбина по содержанию этого материала - последний заявил, что весь этот материал ему принес неизвестный молодой человек в его отсутствие, при чем

1923

9.09

ДЕПАРТАМЕНТЪ ПОЛИЦИИ.

№ 21
15/IV-01
1888

Рапорт начальника Казанского губернского жандармского управления К.И. Калинина Департаменту полиции об обыске у В.М. Скрыбина, его допросе и заключении под стражу в тюрьме 28 марта 1909
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 6. Л. 45-45 об.]

✓

Лит. В.
Свершено.

СВѢДѢНІЯ
переписокъ
о лицѣ, привлеченномъ къ дознанію въ качествѣ обвиняемого по дѣлу о оуѣ ученической революціонной организаціи, сдѣланной въ ночь съ 21 на 22 Марта с.г.

1) Когда послана лит. А * 23 * Ч а р т а 1909 г. на № 3118.

2) Фамилія, имя и отчество (о замѣнкахъ упомянуть первоначальную фамилію).

С к р я б и н ъ В ѣ с е л а ѣ М а т ѣ е в ѣ в ѣ .

3) Время рожденія. 1890 годъ 24 Февраля. -

4) Былъ ли на границѣ: гдѣ, когда и съ какою цѣлью. Нѣтъ. -

5) Привлекался ли раньше къ дознаніямъ Нѣтъ. -

6) Основанія привлеченія къ настоящему дознанію и статьи уголовного закона, по которымъ предъявлено обвиненіе.

Исходя изъ Управленія членурина свѣдѣнія о томъ, что Скрыбинъ состоялъ членомъ изъ руководящихъ лицъ ученической организаціи, сформированной среди учениковъ Казанскаго Рязанскаго училища, и волею спешенія съ Пензенской ученической организаціей, изложенія свѣдѣнія подморяются разультъ тѣмъ же.

12/3
909

№ 2. Р. С.

12 / 12 А прѣлѣ 1909 г.

Въ Департаментъ Полиціи.

1909 г.

въ ночь съ 21 на 22 Марта с.г. въ Казани 26 Марта

1909 г.

сформированная съ ученической организаціи

куда привлеченъ подъ стражу. въ порядок и т. д.).

въ стражу въ Удѣльному Губернскаго

привлеченія къ дознанію обвиняемаго или воспитанника учебного 190 г.

принимать

Справка Казанскаго губернскаго жандармскаго управления со свѣдѣніями о В.М. Скрыбине, привлеченномъ к переписке в качестве обвиняемого по делу об ученической революционной организаціи

1 апреля 1909

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 6. Л. 4-4 об.]

56

СПРАВКА. Ученикъ Казанскаго I Реального училища Вячеславъ С к р я б и нъ привлеченъ въ производившейся при Казанскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи перепискѣ по охранѣ о мѣстной ученической организаціи партіи социалістовъ-революціонеровъ. Даннымъ означеннаго разслѣдованія выяснено, что Скрыбинъ велъ переписку съ участниками подобной же организаціи учащихся гор. Пензы; по обыску у него найдены 2 талонныя книжки Казанскаго Комитета Россійской социаль-демократической рабочей партіи для сбора пожертвованій и партійная переписка.

Переписка о Скрыбинѣ и другихъ закончена и препровождена Казанскому Губернатору 27 мѣлушаго Апрѣля за № 4343, но до настоящаго времени въ Особое Совѣщаніе послѣднимъ не представлена.

Получилъ въ производствѣ М. М. Морозовъ

// * Мая 1909 г.

*Справка Казанскаго губернскаго жандармскаго управления на ученика Казанскаго перваго реального училища В.М. Скрыбина
11 мая 1909
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 6. Л. 56]*

ную организацию. В переписке с представителями «Елабужской группы организации средней школы» обсуждался устав общей структуры. Елабужцы сообщали казанцам: «Теперь мы решили вести оживленные отношения с организациями других городов, потому что таким образом мы будем как бы оказывать поддержку друг к другу, а также приобретем сведения о жизни учащихся»

2. ²

куплю, что Скрябин с выданным ему проходным свидетельством
2 сего июля выбыл в г. Вологду".

(Фонд 316, арх. 6, л. 9.

Вологодского Полицейм. 1910 г. д. № 22)

16 июля - 2 июля 1909 г.

Казанский полицмейстер - Вологодскому полицмейстеру "Секретно"
22 июля 1909 г. (исх. № 1770):

" Г. Казанский губернатор в предписании от 28-го минувшего
июля за № 8798 дел мне знать, что по рассмотрении в особом
совете, образованном согласно статьи 54 положения о го-
сударственной охране обстоятельств дела о человеке гор. Но-
линска Вячеславе Михайловиче Скрябине г. министр внутренних дел
постановил: Скрябина, как изобличенного в принадлежности
к революционной организации, подчинить гласному надзору по-
лиции на два года, считая срок с 16 июля 1909 года в Воло-
годской губернии.

Сообщая об изложенном вашему высокоблагородию, присово-

*Репорт казанского полицмейстера вологодскому полицмейстеру
о подчинении В.М. Скрябина гласному надзору полиции на два
года и его отъезде в Вологду*

2 июля 1909

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2]

ся других городов)¹. Казанцы приглашались к сотрудничеству в журнале – вышло уже три номера и готовился четвертый. Елабужцы предлагали распространять журнал совместными усилиями так, как через несколько десятилетий будут размножаться самиздатские издания в СССР: «издавать журнал в одном ка-

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

ком-нибудь городе, а потом отсылать по отпечатанному экземпляру в другие города для перепечатки»¹.

Скрябин подготовил ответ (который затем и был найден у него при обыске), в котором настаивал на сохранении единства елабужской организации, которая переживала организационные трудности, интересовался тем, что читают в кружках, каково влияние журнала, в каких учебных заведениях есть члены организации. Возможность участия в елабужском журнале Вячеслав фактически отклонил под предлогом того, что казанская организация скоро будет выпускать свой. Достаточно обмениваться журналами. Вероятно, ему не хотелось, чтобы идейным центром их движения становилась Елабуга. От имени казанцев Скрябин предложил создать Всероссийский революционный союз средних и начальных школ с лозунгом «В знании и борьбе – сила и право»². Лозунг скорее эсеровский, чем марксистский.

В старости Молотов так вспоминал об этой первой в своей жизни организации, где он был одним из лидеров: «Мы туда допускали социал-демократов, эсеров и анархистов. Наша группа социал-демократическая, где я вроде лидера был, добилась в конце концов, что эсеров мы превратили в социал-демократов, а кой-кого пришлось и выбросить – редкие случаи, но были»³. Конечно, не мог же ветеран-коммунист начинать с полужэсовской организации. Однако, судя по документам, как раз эсеры превратили начинающих социал-демократов в сторонников своей партии.

Свое письмо к елабужцам, содержание которого очевидно было согласовано с другими лидерами союза и отражало их коллективную позицию, Скрябин заканчивает словами, не оставляющими сомнений в идейно-политической ориентации организации: «Имеете ли связи с П.С.Р. орг. адрес для чего мы вам сообщим»⁴. РСДРП не упоминается. Так что организация, в которой состоял Скрябин, ориентировалась не на социал-демократов, а на Партию социалистов-революционеров (ПСР)⁵. Жандар-

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об.

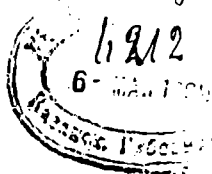
² Там же. Л. 19–19 об.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 130.

⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 19 об.

⁵ Там же. Л. 19–19 об.

Его Превосходительству Господину 53
Казанскому Губернатору.

Содержащийся под стражею в Казанской губернской тюрьме арестант

Вячеслав Скрабин, мещанин
г. Никольска Вятской губернии.

Прошение.

Желая продолжать свое образование в
одном из специальных иностранных учебных заведе-
ний, к чему есть неограниченные прошения Вашего Прево-
судительства о разрешении выехать за границу,
очень уже и хлопотать мои родители, сообщаю
об этом желании.

Скрабин Вячеслав.

Прошение В.М. Скрабина казанскому губернатору о разрешении
выезда за границу для продолжения образования

6 мая 1909

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 7. Л. 53. Автограф]

2. 12

оставлены без рассмотрения.

Положение о гласном надзоре полиции мне об"явлено.

Подпись- Вячеслав Михайлович Скрыбин"

Фонд № 316, арх. № 8, л. 10.

8 июля 1909 г.

Вологда

Вологодским полицмейстером составлен "Описок о состоящем под гласным надзором" т. В.М.Малотова¹. На вопрос о возрасте, в списке отвечено- 19 лет², грамотность или место воспитания- имеет аттестат за 6 классов реального училища³. Под судом и следствием не был. Собственных средств осуществления не имеет, родители какого либо состояния не имеют. Далее следует подпись: " 1909 г., июля, 8 дня, я, нижеподписавшийся дал настоящую подписку Вологодскому полицмейстеру в том, что без надлежащего разрешения из г. Вологды никуда отлучаться не буду и что со всеми своими прошениями и ходатайствами мне надлежит обращаться к г. Вологодскому губернатору, прошения же мои, посылаемые непосредственно в министерство внутренних дел будут

Расписка В.М. Скрыбина с обязательствами не отлучаться из Вологды без разрешения губернатора

8 июля 1909

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–12]

мы в дальнейшем считали организацию учащихся эсеровской¹ и соответственно к ней относились.

Разгромив в декабре 1908 года Казанский комитет ПСР, а примерно через месяц Казанский комитет РСДРП, жандармы

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.

16 июля - 1 августа 1909 г.

г.Вологда.

Канцелярия Вологодского губернатора- Тотемскому уездному исправнику "Секретно" 21 июля 1909 г. (Исх. № 7173):

"Департамент полиции отпискою от 20 июля 1909 г. за № 84613 уведомил, что по рассмотрении в особом совещании, образованном согл. ст. 34 положения о государственной охране, обстоятельств дела о мешанине Вячеславе Михайлове Скрибине, обвиняемом в принадлежности к революционной организации, г.Министр внутренних дел постановил : выслать названное лицо в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции на два года, считая срок с 16 июля 1909 г. По прибытии названного лица в г.Вологду г.канцелярии губернии назначил местом жительства ему г. Тотьму.

Ввиду изложенного канцелярия губернатора по распоряжению его превосходительства, уведомляет Ваше З-рство, для выяснения распоряжений

распоряжении относительно подчинения названного лица, по прибытии его в гор. Тотьму гласному надзору полиции на вышеуказанный срок, просит в последующем уведомить канцелярию, с приложением отписки сведения о состоянии лица, и сообщить начальнику губернского жандармского управления. При этом канцелярия просит Вас сообщить Скрибину, что ходатайство его о разрешении выезда за границу г.министром внутренних дел оставлено без последствий."

На отписании сделаны отметки:

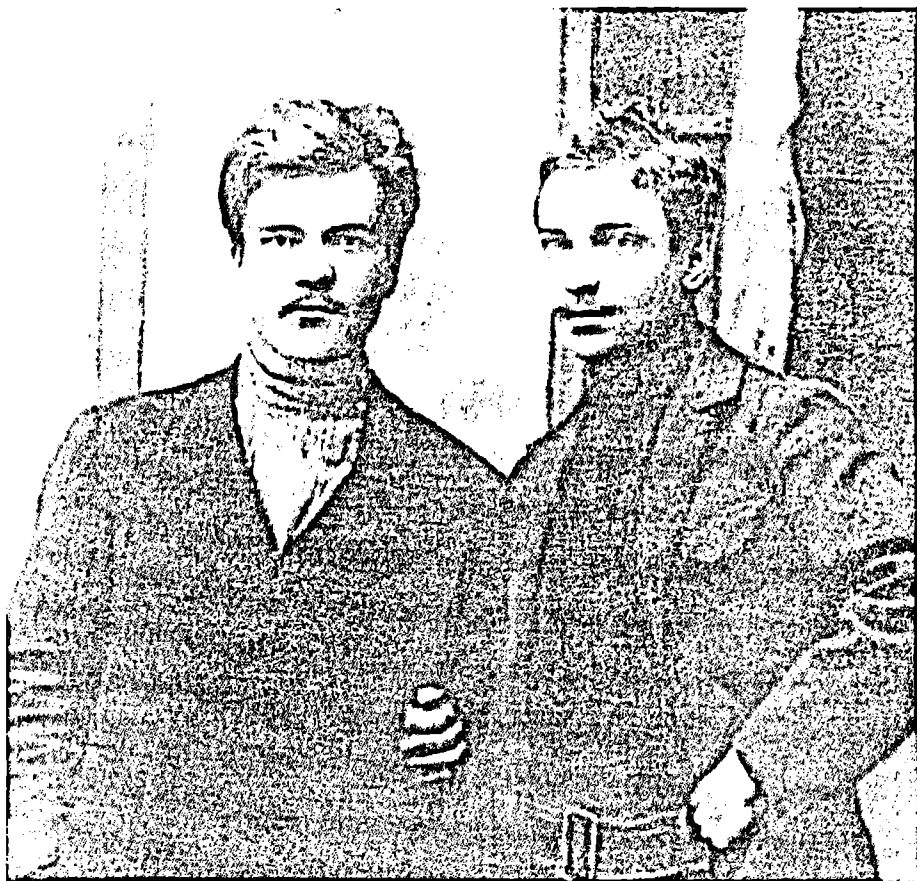
"О прибытии Скрибина в Тотьму 1 августа сообщено канцелярии губернатора и жандармскому начальнику 8 августа за № 348", - "10 июля 1909 г. выдано Скрибину пособие на одежду 26 р.97 к. присланных при отъезде Тотемским исправником переводом по почте в сумме 69 р.37 к."

(Фонд 316, арх. 84 л. 7
Вологодского Полц. 1910 г. д. № 22)

Сообщение канцелярии вологодского губернатора Тотемскому уездному исправнику об отправке В.М. Скрибина в Вологодскую губернию под надзор полиции на два года и назначении его местом проживания г. Тотьму

21 июля 1909

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-4]

*В.М. Скрябин и Н.В. Мальцев в Вологде во время ссылки
Июль 1910*

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 120. Л. 2]

взялись и за «подлесок», чтобы не подрос. Полковник Калинин принял решение провести обыски у 16 молодых людей, а Белорусова и Тихомирнова сразу арестовать¹.

По месту жительства Скрябина обыск был произведен 21 марта. Обнаружили материалы союза, и 26 марта Скрябина пригласили на допрос, за которым последовал арест. Арестовали и его друзей Тихомирнова, Аросева и Мальцева. Все оказались в губернской тюрьме. Прежняя жизнь с ее планами обустройства жизни рухнула. Теперь им надолго заказаны карьерные пути

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–4.

Здоровенько, Коля.

Как говорят приехали. Последняя ин-станция. Хотя перо хвойное скрипит добропорядочно, но я опишу с некоторыми подробностями нашу поездку и прибытие в г.Тотьму.

На пароходе мы ехали хорошо, т.е. ничего. Бес особенных приключений, только догадывался, что у меня не своя подушка, а чужая. Это в торопях ткнули мне в мешке, ну да, чай встретится и обменяемся еще. Ехали мы около суток, в г.Тотьме были на другой день часов 5-6 вечера. Завтра пили чай, закусывая по прибору. Приехали... Сделали так. Сама остается на пристани с вещами, я же иду снимать комнату. Ну и отправился. г.Тотьма, действительно на горе хотя я не на высокой, близко у реки. Река Сухона, довольно широкая, но до Волги все же далеко. Ну, так, я отправился в поиски за комнатой. Спрашивая у прохожих, где главная часть города, указывают, там нахожу комнаты мебелированные провансом, если не найду сразу комнату. Самая дешевая комната 60 коп., да и та прямо безобразная, темная. Ну, конечно раскланялся ушел. И вот, давай путешествовать по городу. Ходил-ходил, т.е. жд бы что нибудь. Я и туда и сюда, даже ярлычка ни одного, что означает де, комната. Время идет, а я ничего еще не нашел, а уже знаю, что на пристани нельзя остаться ночевать: спрашивали - не разрешают. Ну и толку. Да к тому же, извините, чулки у меня вылезают из с нами горе. Иду этак, а мне навстречу студент, этак Ломоносовского вида. Я, конечно, виновато так и так. Присевший, иду комнату, не можете ли указать. Обменялись словами, оказался оба охотниками. Он из Харькова выслан, видимо пятерочный студент, все как водится, математик В

17. Вид у него в общем некавказский. Потаскинное, грязноватое. Лицо с большими неправильными до плечи волосами. Сперва он катно разговаривал со мной. Но виду комната, и мы отправились и понемногу разговаривать. Он ищущий до пригласения услуживаемой квартиры. Оказавшись кругом дома, там открыл окно, озявки, пожилым мужчиной, с размахом оказал, где найти ховялку, тещевой. Отправившись, наша старина. Пришлось переходить мостидет впереди, мы болтаем - идём денными перилыцами, оиречь,

балабоником.

Ну и что же? ... Отгадай, что? ... Не отгадывай. Вдруг на середине моста студент мне быстро говорит: "Сомнишь сызвет иногда припадки, так вы меня поддержите, что бы я не упал. И тотчас же он остановился, я его подхватил олади. Он начал оседать, я поддерживая, не даю ему упасть. У него начинают приступить рвоты, он на меня грубо наваливается, я оторваюсь его возможно удобнее опереть о перила моста, чтобы не обвалился в случае, если у него начнется судорога. Все это происходит на слабеньком мосте и на двухсантиметровой высоте над оврагом. Он закидывает назад голову. Глаза закатились и неподвижно остановились. Ибо рта

Письмо В.М. Скрябина Н.В. Мальцеву о прибытии в г. Тотьму и условиях жизни в ссылке

1 августа 1909

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 13. Л. 1-6]

42 3.

Ты пишешь, что в переводе тебе отказано, кем: губернатором? Но если тебя не переведут, то я постараюсь все-таки в Велиск.

Переписываюсь я теперь со многими, между прочим и с твоей мамой, т.к. от _____ получил открытку и ему ответил.

Получил письмо от Китаина, но ему еще не ответил. Если хочешь, то вот его адрес: м. Улла (Витебск. губ.)

2 дек. 1909 г.

Милый Коля.

Сегодня я тебе отослал открытку, но мне о многом хочется с тобой поговорить и я это попробую.

Конечно, рад я тому, что ты подал прошение о переводе страшно. Теперь можно надеяться, что тебя переведут и мы с тобой славно по-братски проживем. Верно ведь? Я так соскучился по тебе, не ждал тебя долго, что буду теперь очень нетерпеливо ждать тебя к себе. Теперь, как ты знаешь, я живу не один, а с одним сильным суб'ективистом т.е. в сущности он парень ничего. Скажу лишь, что если бы он делал так, как говорят, то порой получился бы "странная история", но (слава богу) на деле он лучше и логичнее. Его комната тонкой перегородкой отделяется от моей, у него меньше комната, у меня больше, но комнаты приличные обе. Мы занимаем отдельную половину верхнего этажа, другая половина верху служит хозяйке для ее гостей, которые бывают не часто у нее по вечерам.

Поэтому мы живем фактически одни во всем "верху". У нас две передних... Как тебе это нравится? Отдельный вход и лестница. Одним словом, вполне отдельно живем. Платил я 2 р. 50 к., товарищ 2 р. Хозяйка же и готовит нам из нашей провизии обед. Вот мои квартирные условия.

Находишь ли ты удобным жить вместе с моим товарищем или лучше иметь отдельную совершенно комнатку? Я, провапсаясь, буду присматриваться все же к комнаткам. Ну, да мы с тобой проживем, чай, хорошо. Значит запасайся только одеждой теплой и кати.

А теперь мне хочется очень поговорить с тобой о твоих впечатлениях и мыслях по поводу твоего хорошего большого

него я получил давно

ь. Мой хороший и аккуратный за два дня до рожденьем годом".

также Веры не получил и тетрадей в корзине имеется, в тюрьме; когда дадут твою и Костину

никами: занят целый день оного, поляка по геометрии, тоже мой ученик -

ним алгеброй и о нового

ой парень порядочный.

рою мне, что таких левых

гроза была, действитель-

но говорить, ну а я ему

у лишь, что это выгодно

совершенно прошла, т.к.

я такого же мнения.

Письмо В.М. Скрябина Н.В. Мальцеву о своей жизни в ссылке
2 декабря 1909

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 13. Л. 10-14]

в официальных структурах Российской империи – и в государственных, и в коммерческих.

4. СТАНОВЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИКА

В конце июня 1909 года Скрябина, Аросева и Мальцева приговорили к ссылке в Вологодскую губернию, а Тихомирнова – в Архангельскую. Вскоре его выпустят за рубеж. Скрябин тоже просился за рубеж, но его ходатайство министр внутренних дел «оставил без последствий»¹.

Было решено «по рассмотрении в особом совещании» Вячеслава Скрябина «как избличенного в принадлежности к революционной организации, подчинить гласному надзору полиции на два года, считая срок с 16 июля 1909 года в Вологодской губернии»².

Скрябин и Аросев оказались в Тотьме. Город на холме у реки Сухоны произвел на ссыльных приятное впечатление. Казенного содержания хватало для скромной жизни. Здесь Скрябин получил возможность продолжить свое самообразование – читал легальные издания, выуживая оттуда информацию о политических дискуссиях – навык «чтения между строю» и «писания эзоповым языком» был полезен для инакомыслящих во все времена. В это время среди социал-демократов развернулись философские дискуссии. Комментируя прочитанное, Молотов проявил себя материалистом без изысков – противником богостроительства Луначарского и авангардистских веяний³.

Жили они с Аросевым на 3 рубля в месяц. По прибытии власти выдали им по рублю. Еще Скрябин получил от властей на одежду 26 рублей 97 копеек. Помогали и родственники – Вячеслав писал брату Владимиру, что еще не получил высланных им 20 рублей: «нахожусь в нетерпеливом ожидании этих денег»⁴.

Энергия молодых людей по-прежнему рвалась наружу. Они уже вступили в борьбу, и вот сидят тут без дела. Решили бежать за рубеж, куда отступили лучшие интеллектуальные силы социал-демократии, где готовится контрнаступление революции.

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

² Там же. Л. 1–2.

³ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 1. С. 19.

⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 23–24.

56 2
2.

ясно, что за реальку держать гораздо тебе легче. Ты сам пишешь, что только латынь мешает держать за гимназию, так значит за реальку ты бы выдержал (ты, м.б., напомним про математику, так при здешнем реальном этого бояться тебе нечего). Почему же ты не держишь? Тогда бы ты латынь мог выдержать на будущий год, и ты бы имел к концу ссылки

полный аттестат. А если бы у тебя приняли (как ты гадаешь

2-нибудь, где дается отсрочка блага бы. Если даже предположить относительно университета не приняли бы, то ты будущий год имеешь аттестат теряешь нынешнюю весну, но являешь будущую (1912) весну, это времени этой зимы. Где это, скажешь ты, именно в этом специальном уч. а, а за реальку, мне совершенно не

Милый Саша,

Не все же писать "усталые" как ты говоришь, письма. Ближайшая цель этого письма облегчение (приготовься) неопределенностей и сообщение адреса сестры (брата тоже). В твоём письме я обратил на две на мой взгляд, нелогичности, но воспринял главным образом лишь одной, так как другой еще, даст Бог, поговорим с глазу на глаз.

Первая касается держания экзаменов, это наиболее сложный и относительно важная штука.

Ты пишешь, что хотел, выдержав на аттестат, подать бумаги в университет и тогда бы ты получил отсрочку по военск. пов., а т.к. (из за латинского) ты не сможешь выдержать ныне на аттестат, так погуляю, де эту весну, и там на будущий год и экзамен.

По-моему, надо поступать, а предварительно рассудить, совершенно иначе.

Тут для меня есть прежде всего кое-что странное и, думаю, что это в виду неизвестных мне твоих планов. Почему в университет, а не в какое-либо другое высшее уч. зав. У это твои планы (видимо, историко-филолога). Но, ведь, предстоящий уч. год тебе важен только как необходимость в отсрочке от военск. пов.?

Учтись-то будешь все равно на книжках Тотемской (или другой вологодской) публичной библиотеки.

Ты, м.б., думаешь, что в университете легче допустить документы, т.к. нет экзамена, но ведь есть же и специальные уч. зав. (политехникум в Питере, Коммерч. инстит. в Москве и др.), куда тоже нужны лишь аттестаты.

Я не понимаю совершенно, почему ты хочешь держать на аттестаты, а не за реальку. Ведь, как дважды два четыре,

Во-1) если ты не выдержишь, куда не можешь поступить и получишь, а если выдержишь, то (м.б. во -2) Даже с аттестатом никто не принимает - прив., Алфи-Штернхейм улич., а через них экзамен. Но этого для

я думаю, почему ты хочешь держать? И я решительно, считаю

нужно, а по-моему единственный

Письмо В.М. Скрябина из вологодской ссылки А.Я. Аросеву
о планах на поступление в высшее учебное заведение
2 февраля 1911

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 16. Л. 1-4]

Аросеву побег удался, а вот Скрябина 15 октября по этапу отправили в более строгую ссылку в Сольвычегорск. Там он продолжил курс самообразования, который окончательно превратил его в марксиста: Чернышевский, Маркс, математика, французский. Пробовал себя и в преподавании другим ссылным того, что успел изучить. Начал курить, хотя всю жизнь сохранял в этой привычке умеренность.

От Тихомирнова из-за границы Мальцев и Скрябин получали подпольные большевистские издания, спрятанные в легальных посылках. «В Сольвычегорске Скрябин вел себя предельно осторожно, дабы получить разрешение держать экстерном экзамены при Вологодском реальном училище. Что не возбранялось: если ссылный желает учиться, то, значит, встал на путь исправления. Губернатор Хвостов разрешил ему “временную отлучку в конце марта 1910 г. в г. Вологду для держания экзамена”¹, — пишет В.А. Никонов. С разрешения властей Скрябин и прибывший сюда же Мальцев сдали экстерном экзамены в Вологодском реальном училище, о чем 4 июня 1910 года Скрябин получил свидетельство. Теперь можно было, дождавшись завершения ссылки, поступать в Санкт-Петербургский политехнический институт.

А пока Скрябин подрабатывал как ресторанный музыкант и тапер. В старости Молотов вспоминал: «Я в ресторане работал одно время, потому что хорошо платили. В Вологде. Играл на мандолине. В 1910 году, подрабатывал. Рубль в сутки платили. Нас четверо играло... Мы там и в отдельных кабинетах играли для приезжих купчиков с их красотками»². Тут уж не до гордости было. Но и была «вторая жизнь».

Скрябин и Мальцев осмелели и попробовали наладить контакты с рабочим классом. Вологда, конечно, не была мощным промышленным центром, деревянная застройка ее центра была знаменита и в конце века. Но индустриальная модернизация постепенно охватывала все губернские города империи, а с хозяйственными переменами рос и пролетариат, недовольный условиями жизни.

Из-за притока крестьян на городской рынок труда качество большей части рабочей силы оставалось низким, а предприниматель мог диктовать рабочим свои условия — ведь он всегда мог

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. К. 1. С. 20–21.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 133–134.

XXZ
"Опий".

Дорогой Сава. Верно, брат, повор, повор на наши головы
ва наши угадывания. Уж больно ты и ю" рая таинственно пи-
шешь, ну мы и думали, что раскрыли одну из "таинственно-
стей" и... сели в лужу. И теперь не буду касаться таких
серьезных штук, как твоё отрицание "института - женитьбы",
хотя л с ним (отрицанием) не согласен. Надо бы еще погово-
рить о "вселенности", но все это отложим до нашего скоро-
го свидания. По правде-то говорил и славу богу, что наши
угадывания не оправдались: этому много причин, но одна из
них та, что ты не выдержишь к нам приехать. А то, ведь,
мы уж думали, что тебя мог бы "один институт" задержать.
Ну, а теперь будем через неделю, самое большое ждать к
себе. Ты напиши определенно может тебя что-нибудь задер-
жать дольше первого парохода. Мы будем подыскивать к этому
времени комнату, (но вероятней, что останемся в этой же,
т.к. она большая). Одним словом приезжай скорее.

Про Горького и его "Мордовку" не буду много говорить.
По-моему это тип. Ты неправильно считаешь на писателей
самоучек, потому что в числе этих "писателей" мог бы ока-
заться и герой "Мордовки" и это не было бы диссонансом.
Почему? Потому, что рабочий "Мордовка" валунчив, но не
пессимист безусловно. Рабочий "и-и" много пережил, но не
осознал, теперь же он "на досуге" ("дела", ведь около
него нет, а это, к сожалению "типично") и он думает.
По-моему, это тип, и как (волчий тип реален) он оста-
ется "определенной фигурой", как я говорил в прошлом пись-
ме, в памяти. Поэтому "Мордовка" реалистически художест-
венное произведение. Я не считал его вполне художествен-
ным (ва саму Мордовку), но все же это плюс по сравнению
с "городском Окуловым" и особенно "летом".

доказательство.

Есть и таковые. С первого апреля позвал к черту па-
паху, пальто, ибо весна, ибо я радий, а посему у меня долж-
но быть немощное количество энергии (ведь радий не в
папаше и не в пальто ходит?) и добывать энергию надо не
себя самого, а не из... бабушкиных сухарей. Напр...
Такая теперь хорошая весна, что и выразить трудно. Такое
хорошее солнышко, травка, пташки, пение петухов...
1911 г. 2 апр.
Завтра воля канд. Да здравствует паш.

XXZ 9

е (положим этот - кандидат
хорошоши на троне, остав-
я почти не знаком с Мереж-
ся и вот л с большим инте-
Машнова - Разумника о Мер-
и тебе прочесть ее. В сов-
дась статья Норданского и
остальное не так интерес-
т.к. она еще не окончена;
руках очень интересная книга
2 и 3. Только, что кончил,
Радий"; Во всех отношениях
разобрал еще как следует
ектировании. Как право, хо-
луется свежесть какал-то,
жизни. Чувствуешь, что
ргичная работа над науче-
енать, еще больше дить.
- сам я радий... что мне
та - радий, коли я сам -
л улыбка" тебя - окантика

Письмо В.М. Скрябина А.Я. Аросеву о прочитанных им
произведениях
2 апреля 1911
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 16. Л. 7-9]

*Дом № 18 на улице Зосимовской, в котором проживал
В.М. Скрябин в вологодской ссылке в 1911 году
Сентябрь 1932
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1631. Л. 1]*

нанять других людей «с улицы». Уровень жизни и условия труда рабочих – предмет острых споров между историками¹. Еще бы – оценка тяжести жизни рабочего напрямую связана с выяснением причин российских революций, а это уж вопрос мировоззренческий. Конечно, условия труда и жизни рабочих зависели от региона, отрасли, профессии и даже уровня гуманизма отдельного предпринимателя.

Важным «отрядом» рабочего класса России были железнодорожники. Они были даже в тех местах, где промышленность еще не была развита – в том числе в Вологде. Их отличал широкий кругозор и грамотность. Скрябин и Мальцев познакомились со слесарем Роговым, а через него – с другими путейцами.

Пропагандистскую работу социал-демократов облегчало то, что они несли своеобразный интеллектуальный эксклюзив. Они

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014. С. 29–31.

сообщали то, что нигде раньше рабочий не слышал – об устройстве мира без Бога и общества без царя и хозяев. Рабочим активистам было интересно со ссылными, от которых было можно узнать немало нового, а молодые оппозиционеры подталкивали рабочий класс к действию, поскольку без этой силы не удастся свалить существующий строй. Но тут выяснялось, что марксистские догматы об объективной революционности пролетариата не очень работают.

В Вологде все свелось к разговорам. Юные социал-демократы не стали привлекать рабочих даже к распространению первомайских листовок, опасаясь провала. Массовостью паства вологодских социал-демократов не отличалась. 11 июня Скрябин должен был прочитать доклад о социал-демократии на сходке, но она не состоялась, так как пришло всего несколько человек¹.

В листовке, написанной при участии Скрябина (он мог быть и основным ее автором) от имени РСДРП говорилось, что 1 мая «рабочие всех стран забастовками, тысячными демонстрациями, митингами пропагандируют пролетарский праздник». Рабочих призывали к борьбе за 8-часовой рабочий день. Листовка обличала «озверевших царских палачей»:

«И теперь, едва только промышленность немного оживилась, и уже в больших городах вновь возникают союзы, учащаются забастовки, звучат настойчивые требования – новые бойцы берут избитое пулями красное знамя.

Товарищи вологодские рабочие и работницы, поднимем и мы свои головы!.. Идите в союзы, объединяйтесь в ряды Российской Социал-демократической рабочей партии! И пусть первым требованием на всех собраниях будет свобода всем политическим узникам царизма»². А там уж и за Учредительное собрание, и за социализм будем бороться. Начав с вполне реалистичной и интересной рабочим программы – создать в Вологде профсоюзы и начать борьбу за социальные права, за 8-часовой рабочий день – молодые социал-демократы затем потянули туда, куда интереснее им – к теме борьбы с политическими репрессиями, за Учредительное собрание, которое Бог его знает как связано с борьбой за социализм. Это уже куда дальше от интересов рабочих того времени.

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 230.

² Там же. Л. 134–137.

Николай Гурьевич Полетаев
1907
[Из открытых источников]

Вологодские жандармы заметили связи Скрябина с железнодорожниками и, кстати, отмечали его хорошие организационные способности и знание социал-демократической литературы¹. Прямо накануне завершения срока ссылки, в ночь на 15 июня 1911 года, у Скрябина произвели обыск. Но ничего компрометирующего не нашли². Вячеслав был освобожден и покинул Вологду.

По дороге из Вологды Скрябин и Мальцев встретились под Саратовым со старым другом Тихомирновым, легально вернувшимся в Россию. Он рассказал о встречах с Лениным и планах начать выпускать большую социал-демократическую газету. Скрябин сможет принять в этом участие, если окажется в столице. Поскольку он успешно сдал экзамены в училище, то был без экзаменов зачислен в Петербургский политехнический институт.

Среди его преподавателей были такие известные ученые, как М. Ковалевский, М. Туган-Барановский, А. Чупров, Н. Кареев, которые положительно оценивали усердие и познания Скряби-

¹ Там же. Л. 229.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 1. С. 22–24.

на¹. В институте уже действовала сильная социал-демократическая организация, к которой он подключился, занявшись с помощью товарищей марксистской пропагандой на питерских предприятиях. В институте помимо прочих он познакомился с Ф. Ильиным, будущим «красным адмиралом» Раскольниковым.

Скрябин начал сотрудничать в большевистской газете «Звезда», выходившей сначала как еженедельник, а потом чаще. Руководил ей большевистский депутат Государственной думы Н. Полетаев. Уже в письмах Скрябина из ссылки виден складный слог. Теперь можно было найти применение своим способностям и усовершенствовать их. В газете сотрудничали и опытные марксистские авторы М. Ольминский и Н. Батурин, а из начинающих подключились Скрябин, Ильин и будущий известный советский поэт Д. Бедный. Скрябин вел в газете хронику стачечной борьбы, обращался и к аграрному вопросу – статья «Голодный вопрос» вызвала гнев цензуры за то, что автор, скрывавшийся за псевдонимом А. Рябин, выводил причины голода из помещичьего землевладения и предлагал наделить крестьян землей без выкупа². Авторитету Скрябина в редакции могло способствовать и то, что через него передавал деньги Тихомирнов.

Тираж «Звезды» утроился весной 1912 года, когда она с максимальной для легальной прессы радикальностью комментировала события Ленского расстрела рабочих. В «Звезде» в одном из откликов на эти события проскочил даже призыв к вооруженному восстанию, из-за которого газету могли закрыть. Когда Скрябин это заметил и сообщил Полетаеву, часть тиража уже разошлась. Пришлось опасную фразу изымать уже из печатного станка, прежде чем отправлять экземпляры в цензуру³.

5. «ПРАВДА» И СТАЛИН

Между тем в январе 1912 года на Пражской конференции большевики окончательно откололись от остальной РСДРП, провозгласив себя ее единственными преемниками. Было принято решение выпускать крупную ежедневную большевистскую газету. Ею станет знаменитая «Правда».

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 1. С. 26; Сто сорок бесед с Молотовым. С. 138.

² Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 111.

³ Там же. С. 112.

*Иосиф Виссарионович
Сталин
1911
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11.
Д. 1650. Л. 002 об.]*

К организации новой газеты подключился бежавший из ссылки в ночь на 28 февраля и нелегально прибывший 13 апреля¹ в Питер член большевистского ЦК И. Сталин. Он поселился у Полетаева, который имел депутатскую неприкосновенность, в том числе и жилища. Здесь они с Полетаевым, Ольминским и Батуриным обсуждали запуск «Правды»². Туда по делам «Звезды» мог заходить Скрябин. Впоследствии он вспоминал, что познакомился со Сталиным как раз в эти судьбоносные дни создания «Правды». Уже после смерти вождя Молотов рассказывал, что впервые встретил его на конспиративной квартире у некоего зубного врача в присутствии Свердлова (дата не называется). При этом Молотов утверждает, что это было «перед выпуском «Правды», по некоторым основным вопросам говорили»³. Внук Молотова вспоминает о его рассказе, как после этого Сталин ночевал у Скрябина, и они обсуждали аренду помещения для редакции и выбор типографии⁴. В этой версии Скрябин пред-

¹ Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? СПб.; М., 2002. С. 358–361.

² Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 130.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 241.

⁴ Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 113.

*Федор Федорович Раскольников
(Ильин)
[Из открытых источников]*

*Роман Вацлавович
Малиновский
[Из открытых источников]*

стает одним из ключевых создателей «Правды», можно сказать техническим организатором, работающим под мудрым сталинским руководством.

Однако упоминание Свердлова сразу ставит молотовскую версию знакомства со Сталиным под сомнение – Яков Михайлович был до декабря в Нарымской ссылке. Так что втроем они могли встретиться только зимой, скорее всего в январе 1913 года, по возвращении Сталина из Кракова.

Сталин среди основателей «Правды» Молотова не называет, хотя мог бы – его воспоминания вышли в мае 1922 года, когда тот уже стал его ближайшим сотрудником. Даже Демьяна Бедного упомянул как сотрудника «Правды», а Скрябина «забыл»¹.

В апреле 1912 года Сталин был в столице на свободе недолго – с 15 по 22 апреля, находясь на квартире Полетаева. За это время он написал 8 статей, то есть сидел в основном дома и работал. Квартира находилась под наблюдением, а Джугашвили – в

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. С. 130.

розыске. Так что маловероятно, что он ходил к зубному врачу и Скрябину в это время, тем более – со Свердловым. Известно, что Сталин вышел из депутатской квартиры 22 апреля (в день выпуска «Правды») и по одной из версий как раз к Скрябину и направился. Но тут был вполне закономерно арестован¹. Скрябин не пострадал, так как Сталин до него не дошел.

Получается, что пути этих двух людей, которые теперь неразрывно связаны в истории, сошлись несколько позднее, и Скрябин не играл такой важной роли в становлении «Правды», которую приписал себе в поздних воспоминаниях. Впрочем, Сталин, вероятно, знал о Скрябине раньше. В декабре 1911 – феврале 1912 годов он был в ссылке в Вологде и там общался с людьми, знакомыми со Скрябиным. В старости Молотов даже рассказывал, что именно тогда они стали переписываться², что тоже может быть более поздним домыслом.

Значение Скрябина в издании «Правды» значительно выросло после ареста ответственного секретаря редакции Раскольниковца 22 мая. На его место нужен был человек преданный и аккуратный. Скрябин прекрасно подходил. Так он занял пост, который уже обеспечивал ему определенное место в истории большевизма. Хотя тогда еще в России не догадывались, какое значение через десятилетие приобретет слово «секретарь».

Участие в оппозиционной деятельности предоставляет широкие возможности для вертикальной мобильности. Первокурсник – а уже один из руководителей легального органа партии, представленной в Государственной думе. Правда, один из депутатов, Р. Малиновский оказался полицейским провокатором, информировавшим власти о нелегальной деятельности вокруг «Правды», что вызывало провалы. Молотов вспоминал о нем: «Живой такой человек, оборотистый, умел держаться, когда нужно – с гонором, когда надо – молчаливый. Рабочий-металлист, депутат от Москвы. Я его хорошо помню, не раз встречался с ним. Внешне немножко на Тито похож. Красивый, довольно симпатичный, особенно если ему посочувствуешь. А как узнаешь, что он сволочь, – так неприятный тип»³.

Легальная работа в «Правде» была чревата неприятностями. Советские историки подсчитали, что за первый год существова-

¹ Островский А.В. Указ. соч. С. 362.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 240.

³ Там же. С. 177–178.

ния газеты ее редакторы отсидели 47 с половиной месяцев тюрьмы, а 41 номер газеты был конфискован¹. Правда, за «Правду» сидели и подставные «ответственные лица» — рабочие члены партии, готовые формально числиться в редакции и отвечать за нарушения цензурных правил. Но полиция понимала, кто есть кто, так что Скрябин уже значился в ее отчетах как член «руководящего коллектива фракции большевиков-ленинцев» и «видный партийный работник»².

Так что через революционные каналы можно было и быстро взлететь, и больно упасть. Но Вячеслав верил в победу большевизма даже тогда, когда казалось, что она очень далека. При нашей ли жизни? Империя стоит прочно, выдержала революционный удар 1905–1907 годов, адаптировалась к вызовам начала XX века и готова к эволюции по либеральному пути. По крайней мере, так представляли дело влиятельные либеральные газеты. В крайнем случае, случится дворцовый переворот, который облегчит такую эволюцию.

Даже социал-демократы-меньшевики и большинство социалистов-революционеров оценивало возможность преодоления капитализма и создания нового, более справедливого некапиталистического общества, как далекую перспективу многих десятилетий. Что в этих условиях могут значить радикальные большевистские призывы? Можно ими привлечь на свою сторону наиболее бедствующих рабочих. Но в случае успехов капитализма их жизнь тоже будет постепенно улучшаться. Да и молодые люди вроде Скрябина будут обзаводиться семьями, имуществом, профессионализироваться либо в соответствии со своим образованием, либо как журналисты, и шаг за шагом вписываться в реальность империи и капитализма, делать карьеру, переходить от юношеского радикализма к благонамеренной умеренности. Так рассуждали «премудрые пескари» начала XX века, так рассуждали они и век спустя. И во многом были правы. Немало есть примеров такой возрастной эволюции слева направо, хотя бывают и выдающиеся исключения из этого правила. Только вот в России в начале XX века судьбы людей изменила широкомасштабная война. Когда Скрябин пришел в «Правду», до нее оставалось два года.

¹ Владимир Ильич Ленин: Биография. М., 1981. С. 221.

² Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 126, 128.

«Правда» не только была самой радикальной из легальных левых газет, но и коммуникационным центром находившихся в Российской империи большевиков и стачечников Петербурга. Они публиковали в газете свои требования и узнавали об опыте других. Скрябин курировал этот вопрос, становился настоящим специалистом по забастовочному движению.

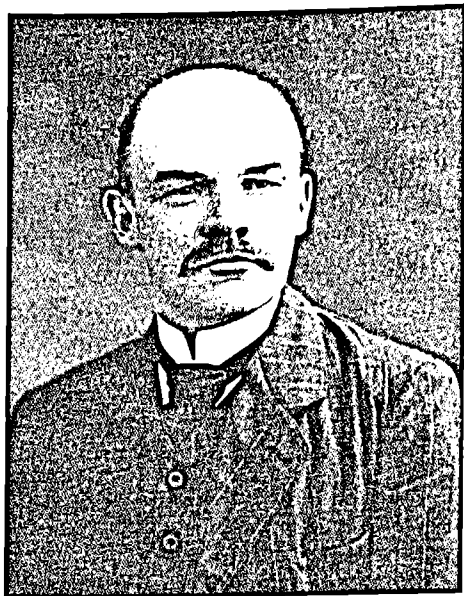
Хотя «Правда» и была легальной газетой, она публиковала не только местных, но и эмигрантских авторов, важнейшими среди которых были В. Ленин и Г. Зиновьев. Они не стеснялись российских цензурными ограничениями. После публикации радикальных статей членов ЦК большевиков официальные издатели и ответственные члены редакции могли пойти под арест.

ЦК большевиков сделал «Правду» своим центральным проектом. Ленин пересел поближе к российской границе, в Краков, чтобы его посылки с текстами быстрее прибывали в редакцию. Члены партии большевиков должны были сдавать деньги на ее финансирование и писать заметки о рабочей жизни. Дело было поставлено так хорошо, что по данным полиции с «Правдой» стали сотрудничать и сторонники выдающегося марксиста и меньшевика Г. Плеханова, и критиковавшие Ленина слева (но не в «Правде» конечно) «впередовцы»¹. А Скрябин приобрел в социал-демократических кругах репутацию хорошего организатора.

Выпуск еженедельной газеты требует большой организованности и напряжения: нужно получить достаточное количество свежих материалов для заполнения текущего номера, обеспечить редактирование, своевременный набор, сбыт, отбиться от претензий властей... Скрябин отвечал за переписку как с властями, так и с авторами, систематизировал материал, прежде чем передать его коллегам. Навыки профессии приказчика, которые он впитывал в семье в детстве, очень теперьгодились для налаживания ритмичной работы.

В то же время Скрябин оказался между жерновами партийных разногласий. Петербургские большевики вместе со Сталиным занимались предвыборной кампанией. Чтобы не раскалывать рабочий электорат, лучше было поддерживать нормальные отношения с меньшевиками, в том числе ликвидаторами – сторонниками перехода к исключительно легальным методам работы. Ленин же считал главной задачей именно борьбу с ликвида-

¹ Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывш. Московского охранного отделения. Нью-Йорк, 1990. С. 189.

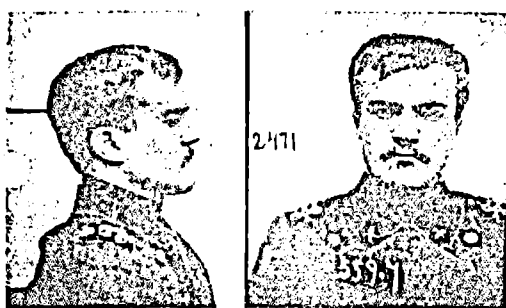

*Владимир Ильич Ленин
Фотограф Е. Валлуа
Париж. 1910
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1.
Д. 17. Л. 1]*

торами. Возражать ему прямо правдисты не могли. В результате его статьи со слишком резкими высказываниями в отношении ликвидаторов «придерживались» и корректировались, что приводило вождя в ярость. Он писал Молотову в августе 1912 года: «Вы пишете, и в качестве секретаря, очевидно, от имени редакции, — что “редакция принципиально считает вполне приемлемой мою статью *вплоть до отношения к ликвидаторам*”. Если так, отчего же “Правда” упорно, систематически вычеркивает и из моих статей, и из статей других коллег упоминания о ликвидаторах??... Молчание “Правды” более чем странно. Вы пишете: “редакция считает *явным недоразумением*” “заподозривание ее в легализации требований платформы”. Но согласитесь же, что вопрос этот коренной, определяющий весь дух издания, и притом вопрос, неразрывно связанный с вопросом о ликвидаторах. Не имею ни малейшей склонности к “заподозриваниям”; вы знаете *по опыту*, что и к цензурным вашим правкам отношусь я с громадным терпением. Но коренной вопрос требует *прямого ответа*. Нельзя оставлять сотрудника без осведомления, намерена ли редакция вести выборный отдел газеты *против* ликвидаторов, называя их ясно и точно, или *не против*. Середины нет и быть не может»¹. Впрочем, когда большевистские канди-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. М., 1964. С. 78.

Вячеслав
Михайлович
Скрябин
1913
[РГАСПИ. Ф. 82.
Оп. 2. Д. 1598. Л. 3]

В. 27901. Вячеславъ Михайловъ
СКРЯБИНЪ.

В. 27901. Вячеславъ Михайловъ
СКРЯБИНЪ.
а) у. г. Полесска, ст. Сиб. Полит. Ин.,
род. 90 г., пр. б) от. Михаилъ Прохоровъ, мт.
Анна Икоплева, ур. Небогатикова—г. По-
лесье. в) бр. Михаилъ, Викторъ—при род.,
—младш.—г. Казань. Владимиръ—г. Либавъ.
Сергей—Сиб., сс. Зинца—г. Юрьевъ. г) р.
1 д. 70 с., в. т.—рус., занка. д) фг. пр. о) Сиб.,
С. Д. ж) Сиб. Г. Ж. У. за 102 (ст. У. У. 1)
по обир. устн. набл. и ув. На. Сиб. Г. Ж. У.
12) УИП—5140.

даты успешно выступили на выборах, «Правда» обрушилась на ликвидаторов. А в старости Молотов не без обиды вспоминал о Ленине: «Называл меня “примиренцем”, а кто был непримиренцем, если я был примиренцем»¹.

Скрябин, конечно, в это время не определял позицию редакции, ведь в ее выпуске участвовали и депутаты Полетаев, Покровский и Малиновский, и авторитетные редакторы М. Ольминский, С. Данилов и К. Еремеев. Очевидно, юный Скрябин действовал в русле коллективной политики редакции, которая вызывала недовольство Ленина. Наконец, 1 ноября Скрябин доложил ему, что произошли «некоторые перемены в желательном для вас смысле» — пополнение редакции и перераспределение функций².

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 144.

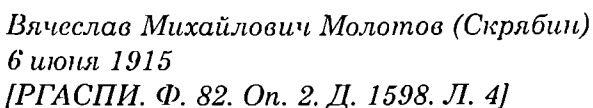
² Подвойский Н. Революционная борьба В.М. Молотова в 1912–1917 годах // Исторический журнал. 1940. № 3. С. 33.

В период работы в «Правде» Скрябин продолжал оттачивать свой стиль – однозначный, листовочный, двуцветный: все, что делают противники – ужасно. В эти годы противниками были самодержавие и капиталисты. Любое событие – повод еще раз заявить об их вредоносности и необходимости победы над ними. Например, если происходят аварии на производстве – значит это «планомерное и беспощадное калечение» рабочих. Министерство просвещения внесло в Думу бюджет – это покровительство церковно-приходским школам ради черносотенной пропаганды, и конечно: «Цель всего этого – оттянуть неминуемую развязку»¹.

Секретарство Скрябина в «Правде» фактически закончилось 14 ноября. На следующий день планировалась демонстрация, приуроченная к открытию Государственной думы, и полиция решила дезорганизовать большевиков обысками и арестами. К Скрябину тоже пришли, но его не было дома. Вячеслав был предупрежден и скрылся, перешел на полулегальное положение. Сначала он уехал в Гельсингфорс, потом вернулся в Петербург, стал публиковаться в «Правде» как А. Званов, участвовал в организации Объединенного социал-демократического студенческого комитета. Объединенность комитета предполагала участие в нем социал-демократических студентов без различия фракций. Но поскольку «разделение труда» между большевиками и меньшевиками-ликвидаторами как раз проходило по линии участия и неучастия в подпольной работе, комитет был преимущественно большевистским, хотя и несколько «примиренческим». Он организовывал сходки и студенческие забастовки. Власти заметили очаг гражданской активности, и 1 апреля Скрябин был арестован. К этому времени он уже потерял свой пост в «Правде» даже формально.

На партийном совещании, которое Ленин провел в Кракове 28 декабря 1912 года – 1 января 1913 года, секретарем редакции «Правды» была назначена К. Самойлова. Совещание еще раз подчеркнуло непримиримость к ликвидаторам, необходимость строить нелегальную партию и вовлекать в нее всех социал-демократических рабочих, готовых работать подпольно. Был реорганизован ЦК, создано Русское бюро из И. Сталина, Я. Свердлова, Г. Петровского и Р. Малиновского. Первые двое в феврале 1913 года были арестованы, остальных двух защищала

¹ Цит. по: Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 122, 139.

К столь масштабным по партийным меркам делам Скрыбин отношения не имел, так что его деятельность «потянула» на трехмесячную высылку из столицы во внесудебном порядке. В институте он получил отпуск до нового учебного года, а осенью сдавал задолженности, вел в «Правде» профсоюзную тематику и работал в Союзе металлистов, организуя страховые кассы. Большевики тогда активно занимались профсоюзной работой, используя ее как прикрытие для партийной организации и антиправительственной пропаганды. 7 декабря Скрыбин снова был арестован, но опять отделался освобождением под особый надзор полиции. Он был уже опытным подпольщиком и старался не держать при себе компрометирующих материалов. И все же при очередном аресте у него нашли переписку, не считая «Правды»

и «Рабочей газетъ». Он снова был выслан из столицы с запретом жить в крупных городах, но нелегально вернулся в Петербург.

6. ОТ СКРЯБИНА – К МОЛОТОВУ

Во второй половине 1914 года Скрябин еще пытался урегулировать свои отношения с институтом, где он находился на грани отчисления из-за перерывов в обучении, связанных с высылками. А в конце декабря, когда институтское начальство получило информацию от полиции о его политической неблагонадежности, Скрябин был все же отчислен (хотя в январе 1915 году еще пытался досдавать сессию, видимо в надежде на восстановление)¹. Теперь над ним нависла угроза призыва в армию, на фронт. Правда, для начала Скрябина еще нужно было найти – ведь он находился на полуподпольном положении, постоянно перемещаясь по России. На некоторое время обосновался в Москве, где жил нелегально, организуя студенческие социал-демократические группы. В 1915 году он использовал для статьи в журнале «Вопросы страхования» псевдоним Молотов. Но пока это было лишь разовое употребление очередного псевдонима. Позднее Вячеслав Михайлович вспоминал: «Моя фамилия Скрябин для меня очень трудно выговаривается, когда волнуюсь. Много согласных. Поэтому я искал наиболее простую фамилию, легко выговариваемую. И колебался: либо “Махов” назвать себя, либо “Молотов”. Для меня выговаривать удобно, когда волнуешься»². Эти колебания продолжались до 1917 года.

Скрябин был арестован 6 июня 1915 года во время одной из полицейских операций, направленных против восстановления большевистской организации в Москве, и попал в Таганскую тюрьму. При обысках наибольший улов был найден у его друга Мальцева, и тот получил два года заключения в крепости. Там были и бумаги, написанные Скрябиным, но почерковедческая экспертиза это не подтвердила, так что он получил 31 июля три года ссылки в Иркутскую губернию. Это было куда тяжелее, чем Вологодская ссылка.

Вячеславу Михайловичу пришлось познакомиться с суровой системой тюремного этапа: «...человек двадцать в одной камере на нарах сплошных, парашу чистил в общей камере. Уголовни-

¹ Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 151.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 150.

ВЫПИСЬ из книги Казанского Нотариуса Казанского Нотариуса Горюхиной для актов, относящихся до недвижимых имуществ на тысячу девятьсот пятнадцатый год. Часть первая.

Листь пятьдесят девятый. И восемьдесят девятый.

Тысяча девятьсот пятнадцатого года сентября пятого дня, явился ко мне Карлу Генриховичу Горюхиному, Казанскому Нотариусу, из контору мою на Большой Пролочной улице в дом № 52-й, лично мне известный, имевший законную правоспособность к совершению актов потомственный почетный гражданин Виктор Александрович ТИХОМИРОВ, живущий в Казани на Георгиевской улице в доме Тихомировых. В присутствии явившихся по его приглашению, лично мне известных свидетелей: крестьян Казанской губернии - Спасского уезда сельца Валимер Гаврилы Федоровича Крайнова, Ланевского уезда села Аркатова Кузьмы Владимировича Митина и Казанского уезда, деревни Кокарь Игнатьева Муртазана, живущих в Казани: первый на Нинне-Федоровской улице в доме Греймана, второй на Заспичной улице в доме Каркова, а третий на Ново-Татарской слободы в своем доме, - он, Т И Х О М И Р О В, объявил мне, Нотариусу, что велит составить НОТАРИАЛЬНОЕ ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ следующего содержания. Я, нижеподписавшийся, потомственный почетный гражданин Виктор Александрович Т И Х О М И Р О В, на случай своей смерти делаю следующее распоряжение об имуществе моем: 1/ Дом мой со всеми при нем строениями и землею, во второй части города Казани на Варяжской улице, завещаю сестре моей Зинаиде Александровне Тихомировой, которую прощу продать это имущество по возможности в течение одного года со дня моей смерти, а вырученные от продажи имущества деньги распределить следующим образом: дать трети этих денег она, сестра моя Зинаида Александровна, должна отвести в свою пользу, а из остальной одной третьей части выдать сумму цехового Александру Яковлевичу Аросеву, жителю города Волжского Вачеславу Михайловичу Сябину и сыну ветеринарного врача Николаю Владимировичу Мальцеву по одной тысяче рублей каждому, а остальные деньги от оставленной одной третьей части, завещаю распределить поровну между матерью моей Клавдией Андреевной Тихомировой и женой моей Второй Владимировной Тихомировой, 2/ Все денежный капитал мой, какой после меня останется, в чем бы он ни заключался и где бы ни находился, должен быть разделен на три части, из коих до трети я завещаю сестре моей

на случай ее смерти две части, а третью, должны поступить в собственность иждивенку моему Зинаиде Александровне Тихомировой, а на случай ее смерти, завещаю сестре моей Зинаиде Александровне Тихомировой, которую прощу продать это имущество по возможности в течение одного года со дня моей смерти, а вырученные от продажи имущества деньги распределить следующим образом: дать трети этих денег она, сестра моя Зинаида Александровна, должна отвести в свою пользу, а из остальной одной третьей части выдать сумму цехового Александру Яковлевичу Аросеву, жителю города Волжского Вачеславу Михайловичу Сябину и сыну ветеринарного врача Николаю Владимировичу Мальцеву по одной тысяче рублей каждому, а остальные деньги от оставленной одной третьей части, завещаю распределить поровну между матерью моей Клавдией Андреевной Тихомировой и женой моей Второй Владимировной Тихомировой, 2/ Все денежный капитал мой, какой после меня останется, в чем бы он ни заключался и где бы ни находился, должен быть разделен на три части, из коих до трети я завещаю сестре моей

сестры 1916 года под № четыре тысячи шестьсот девяносто восьмью и выдана записателю Потомственному почетному гражданину Виктору Александровичу Т И Х О М И Р О В У тысяча девятьсот пятнадцатого года сентября пятого дня. - В этой выписи на первой странице исправлено "пятьдесят", "течение" моей, "тысяча", на сей странице зачеркнуто "и".

Нотариус Карл Генрихович Горюхин

Завещание В.А. Тихомирова, в котором упоминается В.М. Молотов

5 сентября 1915

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 122. Л. 1-1 об.]

ки. Они относились неплохо, политиков признавали как людей, которые борются за что-то»¹.

С 21 августа Скрябин с товарищами ехал от пересылки к пересылке до Иркутска, а там еще 200 километров пешком до села Манзурка. На этапе нужно было тщательно следить за гигиеной – свирепствовал тиф. В камерах грязь. За Уралом в тюрьмах перестали выдавать ложки – особая форма издевательства. Ешь как хочешь, хоть руками, или свои нужно иметь. Да и баланда такая, из которой приходилось вылавливать червей. Во время перехода из Иркутска натер ноги, что сделало мучительным дальнейшее путешествие². Свои злоключения Скрябин описал в письме к друзьям Тихомирнову и Аросеву, в котором, впрочем, отметил: «Только и примиряет то, что Сибирь заменяет строй»³. В смысле – фронт.

В Манзурке ссыльные жили коммуной, много спорили на политические темы. На новый год «старые революционеры, эсеры, пели “Марсельезу”, а мы, молодежь, в другом углу – “Интернационал”. Мы с ними поругались и разошлись, ушли от них. Пили водку, самогон и местное пиво, чалдонское. На другой день у меня сильно болела голова. Думаю, в чем дело? Спрашиваю, что это за пиво мы пили? Оказывается, чалдоны в него для крепости добавляют куриный помет»⁴.

С П. Залуцким и М. Лацисом Скрябин вынашивал план создания подпольной типографии. Он не собирался долго задерживаться в ссылке и в апреле 1916 года бежал. Контроль за ссыльными со стороны властей был слабым – полицейских кадров не хватало. Зато бежавший рисковал попасть под более серьезные кары. Скрябина это не остановило.

Сначала он укрылся у старого друга Тихомирнова. Кстати, 5 сентября 1915 года тот составил завещание, по которому Аросев, Скрябин и Мальцев в случае его смерти должны были получить по тысяче рублей⁵. В связи с конспирологическими версиями о том, как большевики составляли подобные завещания, чтобы умертвить потом Н. Шмита и С. Морозова, отметим, что завещание Тихомирнова «не сработало» – он благополучно до-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 145.

² Там же. С. 146.

³ Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 161–163.

⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 147–148.

⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

*Вячеслав Михайлович
Молотов
Ранне 1917
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2.
Д. 1598. Л. 9]*

жил до революции. Завещание лишь характеризует личные отношения четырех друзей.

Отдохнув на даче у Тихомирнова под Казанью и получив от товарищей паспорт на чужое имя, Скрябин попытался осуществить планы с типографией, но неудачно¹. Паспорта приходилось время от времени менять, чтобы избежать провала и призыва. Сменив шесть фамилий, 1917 год Вячеслав встретил как Александр Потехин². Зато благодаря Аросеву удалось устроиться на работу в солидный журнал «Современный мир». Скрябин выполнял там бухгалтерские и секретарские функции³. В это время его ждало новое интересное предложение.

Разгром депутатского большевистского центра заставил Ленина направить в Россию надежного человека для воссоздания Русского (то есть находящегося в России, а не в эмиграции) бюро ЦК большевиков. Таким эмиссаром стал А. Шляпников, хорошо образованный рабочий с солидным политическим опытом. Он получил полномочия формировать органы управления партией

¹ Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 166–167.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 150.

³ Там же. С. 151–152.

безо всяких выборов (которые в тех условиях были нереальны), путем кооптации. Осенью 1916 года Шляпников вступил в контакт с Петербургским комитетом РСДРП(б) и попросил людей для работы Русского бюро ЦК. Людей у комитета было наперечет. А тут есть такой недавно прибывший, молодой, опытный аккуратный товарищ. Договорились ввести Скрябина в состав Русского бюро, а с ним и его товарища по ссылке Залуцкого¹. Так друзья стали членами ЦК партии.

Скрябину было поручено организовать нелегальную типографию, но с этой задачей он не справился. Однако его политическая роль выросла – Русское бюро даже выступало арбитром в спорах зарубежных большевистских теоретиков. Спор Бухарина и Пятакова по национальному вопросу с Лениным Бюро разрешило в пользу Ленина, но указало зарубежным лидерам, что не следует переносить такие споры в издания ЦК. Впрочем, очевидно, что пока решающую роль в принятии таких политических решений играл более опытный Шляпников, а не Скрябин.

Также они с Тихомирновым занимались распространением по стране литературы, присылаемой из-за рубежа. В качестве члена ЦК Скрябин прибыл в конце 1916 года в Москву. Проводить какие-то конференции было нереально – полиция в условиях войны имела широкие полномочия и проводила аресты за арестами. Молотов своей волей назначил областное бюро ЦК РСДРП(б). В условиях репрессий это было естественное решение, но оно предвещает реорганизацию партии в 20-е годы, которое будет проводиться при непосредственном участии Молотова – когда руководящие органы будут фактически назначаться сверху, а не избираться (при сохранении формальных выборов). Этот принцип получит название «номенклатура».

¹ Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 178.

ГЛАВА II

НА ГРЕБНЕ РЕВОЛЮЦИИ (1917)

Молотов, слегка заикаясь, но уверенно, выкрикивал слова толпе рабочих, собравшихся во дворе завода:

– Мы отбиваемся от эксплуататоров всего мира! Ведь сейчас решается мировой вопрос – кто кого! Или мы победим гидру империализма, и коммунизм придет в ваши дома вместе с наукой, изобилием и миром. Или контра зальет Россию нашей с вами кровью, товарищи! Еще немного выдержки, еще немного терпения! И в это время вы, товарищи, проявляете неосознанность! Паровозов и вагонов вами построено меньше, чем строилось при царе! И даже ремонтируете еле-еле!

– Тогда кормили лучше, – крикнул кто-то из толпы. Она загудела, как заводской гудок. «А товарищей наших за что пересажали!» «И сколько рабочий класс еще голодать будет!» «Для кого революцию делали – для немцев?!» «Долой!»

Молотов вспомнил, как всего год-другой назад радовался он, когда вышли на улицы Петрограда голодные, обездоленные рабочие, когда побратались они с солдатами, когда рухнула старая власть и стала создаваться новая. Как он шел в радостной эйфории с колонной рабочих, выкрикивающих «Долой!» И вот теперь он на противоположной стороне. Теперь ему нужно заставить рабочих трудиться за скудный паек. Теперь ему кричат «Долой!» Но он не отступает, как царские приспешники. Большевики своего добьются...

I. КАК ВОЙТИ В ИСТОРИЮ

В наше время, когда с высоких трибун проповедуются ценности и идеи, против которых в юности боролся Молотов, революцию 1917–1922 годов пытаются представить исторической случайностью, злонамеренной акцией врагов России (к числу которых, разумеется, и сам Молотов относился). Однако нужно быть либо наивным, либо чрезмерно идеологизированным человеком, чтобы принять версию, будто империя могла рассыпаться в результате ловкой интриги. Уже революция 1905–1907 годов показала, какой остроты достиг социальный кризис в стране в начале XX века. Кризисы в то время было принято называть «вопросами», и их было множество: аграрный вопрос, рабочий вопрос, национальный вопрос, вопрос о власти – анахроничное сохранение самодержавия, неорганично сочетаемого с маловластными представительными органами. И с таким «гордиевым узлом» проблем, который первая революция не распутала и не разрубила, император вступил в мировую войну. А она уже обострила ситуацию до предела. Конструкция империи на третий год войны уже не выдерживала нагрузку. Недовольны были не только «низы», но и «верхи». После поражений 1915 года даже лояльные депутаты-октябристы, не говоря о кадетях, перешли в оппозицию и стали шушукаться с генералами о необходимости создания настоящей конституционной монархии как в Великобритании. Но разговоры об аккуратном дворцовом перевороте не воплотились в жизнь. Вперед вышли рабочие и солдаты, смешав планы элит и предоставив невероятные прежде шансы радикалам из низов, таким как Вячеслав Скрыбин, в 1917 году ставший Молотовым.

Дезорганизация транспорта приводили к сбоям поставок продовольствия в крупные города. В столице возник дефицит дешевого хлеба, за ним выстраивались длинные «хвосты». Они превращались в многочасовые митинги, прежде всего женские. «У мелочных лавок и у булочных тысячи обывателей стоят в хвостах, несмотря на трескучие морозы, в надежде получить булку или черный хлеб», – писала «Речь» 14 февраля 1917 года. При этом более дорогой хлеб и кондитерские изделия можно было приобрести, но на них у рабочих не было денег. А министр земледелия А. Риттих все недоумевал по поводу «страшного требования именно на черный

*Александр Гаврилович
Шляпников
1910-е
[РГАСПИ. Ф. 304. Оп. 1.
Д. 13. Л. 2]*

хлеб»¹. У него-то хватало денег на белый. Между тем именно ржи и ржаной муки в ноябре – январе поступила в Петроград лишь десятая часть от нормы². В январе 1917 года продовольственное снабжение Петрограда и Москвы составило 25 % от нормы³.

В годовщину «Кровавого воскресенья», 9 января 1917 года, в Петрограде, Москве и других городах России прокатилась волна забастовок и митингов. Полицейское руководство наивно полагало, что причина рабочих волнений – в подрывной деятельности Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета – органа, созданного для обеспечения нужд фронта. Большинство членов группы, включая ее руководителя К. Гвоздѣва, было арестовано в ночь на 28 января.

Арест не остановил подготовку демонстрации на день открытия Государственной думы 14 февраля. Митингующих разогна-

¹ Государственная дума. 1906–1917: Стенографические отчеты. Т. 4. М., 1995. С. 342.

² Поликарпов В.В. 22–23 февраля 1917 года в Петрограде // Падение империи, революция и гражданская война в России. М., 2010. С. 21.

³ Лейберов И.П., Рудаченков С.Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 18.

№ 4

М. В. Соколов
 Дорогой Вера,
 Посылаю тебе фото Возвращения,
 сделанного в архиве Никитина.

Изданных мной:

„Возвращение, составленное 25 февраля
 1917 г. для Петербургского Комитета“.

26-го было арестовано. Никитина
 не было. Керенский (?) и Маслов.

Который экземпляр оригинала (через
 копир. бум.).

22/7/31 *С приветом*
Юренин

Записка Германа В.М. Молотову об отправке ему Возвращения для
 Петербургского комитета РСДРП(б) от 25 февраля 1917 года
 22 июля 1931

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1. Л. 4. Автограф]

ла полиция. Зато в тот же день бастовали более 70 тысяч человек. Большевики участия в этой демонстрации не приняли. Категорически против на обсуждении в Русском бюро ЦК РСДРП(б) выступил Молотов, припомнив «Кровавое воскресенье»⁴. Опасения его не оправдались, но и в дальнейшем осторожность оставалась отличительной чертой Бюро. Даже с началом волнений

⁴ Подвойский Н. Указ. соч. С. 19.

23 февраля оно сначала ничего не предпринимало: мало ли, а вдруг это тоже провокация.

Несмотря на то, что Молотов был членом Русского бюро, свою роль накануне революции он впоследствии оценивал скромно. В Бюро он попал «на безрыбье», активной работы не вел: «не все знал – где там, прячешься, уцелеть бы». Лидером Бюро был Шляпников¹.

23 февраля в Петрограде начались продовольственные волнения. С 25 февраля на улицах Петрограда обильно лилась кровь². Участвовал ли Молотов в шествиях этого дня, рисковал ли попасть под пулю? Он, очевидно, был свидетелем событий, но если и шел среди демонстрантов, то недолго. Ведь он был одним из руководителей партии, которой нужно было срочно сформулировать свою позицию. Молотов засел за редактирование листовки. Документ получился длинноватым, с разных сторон критиковал самодержавие, хлестко отзывался на события момента: «Требуем хлеба – отвечают свинцом!» Но призывы, как в свое время в Вологде, были далеки от нужд рабочих: «Организуйтесь для борьбы! Устраивайте комитеты российской социал-демократической рабочей партии... Это будут комитеты борьбы, комитеты свободы... Да здравствует Социалистический интернационал!»³ Узкопартийный получился призыв. Так что партия мало потеряла от того, что эта листовка не была напечатана и вскоре попала в руки полиции – правда без Молотова, который избежал ареста.

В ночь на 26 февраля полиция арестовала около сотни активистов революционных партий, включая большевиков. Аресты дезорганизовали Петербургский комитет большевиков, и Русское бюро стало создавать новый на основе Выборгского райкома. На Молотова легло больше дел по агитации, которая в это время, правда, мало на что влияла. Развитие революции пока мало зависело от революционеров.

27 февраля началось восстание солдат. Социал-демократы стали готовить создание Совета рабочих депутатов по примеру 1905 года. Большевики тоже подхватили идею Совета, но предложили собирать делегатов под защитой революционных войск

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 147, 153.

² Подробнее см.: Шубин А.В. Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. М., 2018. С. 26–35.

³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1. Л. 4–9.

у Финляндского вокзала, а не в Таврическом дворце, где формировался думский центр. По проекту В. Каюрова Молотов вместе с П. Залуцким подготовили весьма радикальный Манифест РСДРП(б). Первоочередной задачей он выдвигал «прекращение кровавой человеческой бойни, которая навязана поработленным народам», требовал создания Временного революционного правительства, которое обеспечит 8-часовой рабочий день, конфискацию продовольственных запасов и помещичьих земель, подавление контрреволюции и немедленное начало переговоров о мире¹.

Подготовили и новую листовку, раз уж предыдущая пропала. Русское бюро ЦК призывало: «Приступайте немедленно на заводах к выборам в заводские стачечные комитеты. Их представители составят Совет рабочих депутатов, который возьмет на себя организующую роль в движении, который создаст временное революционное правительство»².

Исследователь большевизма А.В. Сахнин подчеркивает, что «уже в последние дни февраля РБ ЦК однозначно высказалось за *Советское* правительство», враждебное тому, что намеревались сформировать члены думского комитета, и на этой почве оно входило «в конфликт как с другими социалистическими партиями, так и с частью большевистского актива»³.

Закончив редактировать Манифест, Молотов с Залуцким пошли искать старшего товарища. Его надеялись найти у Горького, где встречались социалисты. «Стоим с Залуцким в прихожей у Горького. Он вышел – вот тут я его впервые и увидел.

Мы: “Что у Вас слышно? Не был ли у Вас Шляпников?”

Он: “Сейчас уже заседает Петроградский Совет рабочих депутатов”, – говорит окая.

“А где заседает?”

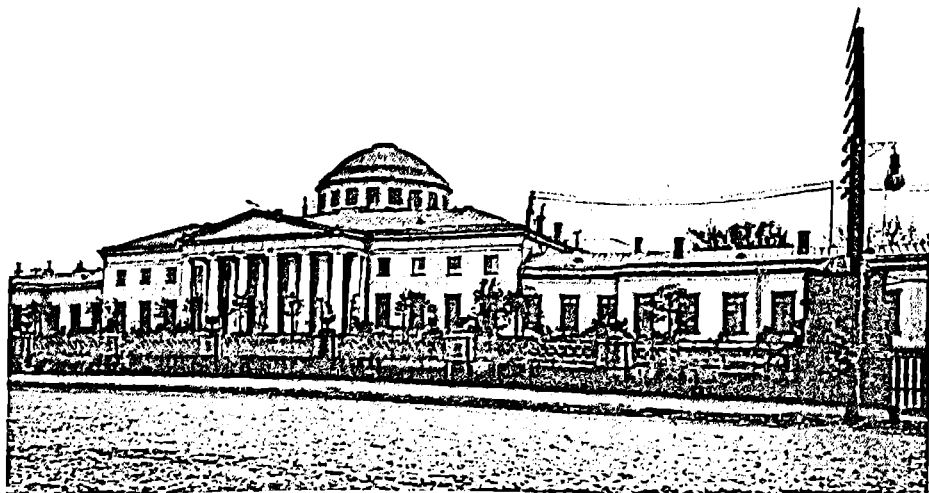
“В Таврическом дворце. Шляпников может быть сейчас там. Приходил ко мне и ушел”»⁴. Ушел он вместе с Н. Сухановым.

¹ Коммунистическая партия – организатор победы социалистической революции. Март – октябрь 1917: Документы и материалы. М., 1961. С. 171.

² Там же. С. 173.

³ Сахнин А.В. Внутрипартийная борьба в РСДРП(б) в конце февраля – апреле 1917 г. Механизм руководства и выработка стратегии: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 57.

⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 154.

Таврический дворец

1900-е

[Из открытых источников]

Молотов с Залуцким отправились вслед за ними.

Суханов, вместе с которым Шляпников ушел от Горького, описал свои впечатления от их путешествия по городу, охваченному революцией. Таким же маршрутом затем шли и Молотов с Залуцким, так что, благодаря Суханову, у нас есть возможность посмотреть на те же виды Петрограда, которые наблюдал Молотов в эти судьбоносные для страны часы: «Троицкий мост был свободен, но довольно пустынен. Толпа, густо усеявшая площадь и сквер перед мостом, побаивалась того оживления, той деятельности, которую проявляла Петропавловская крепость и возившиеся на ее стене около пушек солдаты... Нам встречались автомобили, легковые и грузовики, в которых сидели и стояли солдаты, рабочие, студенты, барышни с санитарными повязками и без них... У Фонтанки мы свернули к Шпалерной и Сергиевской. Слышались довольно частые ружейные выстрелы, иногда совсем рядом. Кто, куда и зачем стрелял, никто не знал. Но настроение встречавшихся рабочих, обывательских, солдатских групп, вооруженных и безоружных, стоявших и двигавшихся в разных направлениях, от этого повышалось чрезвычайно... Уже в сумерках мы вышли на Литейный... На лево горел Окружной суд. У Сергиевской стояли пушки, обра-

щенные дулом в неопределенные стороны... Тут же виднелось какое-то подобие баррикады... На Шпалерной, где начинаются постройки Таврического дворца, оживление было значительно больше. Смешанная толпа, разделяясь на группы, толкалась на мостовой, тротуарах, далеко, однако, не запружая их. Митингов и ораторов не было видно. Ближе к входу стоял ряд автомобилей разных типов. В них усаживались вооруженные люди, грузились какие-то припасы. На иных было по пулемету... Та же картина наблюдалась и за заповедными воротами Государственной думы, на всей площади сквера, до самого входа в Таврический дворец... Мы направились внутрь дворца, через главный вход, куда ломилась густая толпа и самая разнообразная публика. У дверей стоял и распоряжался цербер-доброволец, в котором я узнал одного левого журналиста», который решал, кого пропустить «сквозь плотную заставу солдат»¹. Суханов он пропустил как представителя социалистической печати. Шляпникова, а затем и Молотова с Залуцким тоже нельзя было не пустить – ведь они представлялись членами ЦК большевиков.

Они вошли туда, где сейчас творилась история, и пришли вовремя. В помещении бюджетного комитета Государственной думы начиналось организационное собрание Совета. Его вели Чхеидзе и Скобелев – известные депутаты-меньшевики. Из более чем 200 собравшихся людей только 40–45 человек представляли рабочие коллективы предприятий².

Обсуждали самые острые вопросы: как наладить продовольственное снабжение и оборону столицы от контрреволюции. В зале сидели представители солдат, которых Керенский уже переподчинил думскому комитету. После их выступлений Молотов предложил включить солдат в состав рабочего Совета. Керенский вспоминал: «С появлением большевиков сама сущность Совета как-то неожиданно изменилась. По предложению Молотова было решено, несмотря на протесты меньшевиков и некоторых социалистов-революционеров, обратиться ко всем частям Петроградского гарнизона с предложением направить в Совет своих депутатов. В результате возникла организация рабочих,

¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 78–81.

² Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – апреле 1917 г. Л., 1976. С. 34.

в которой из трех тысяч членов две трети составляли солдаты, и лишь одну тысячу – рабочие»¹.

Решение это вполне назрело – опереться на солдат мечтало большинство собравшихся, и создание объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов выглядело надежным средством для овладения войсками. Впрочем, в Москве рабочий и солдатский Совет существовали независимо, так что предложение Молотова было важным, но не судьбоносным. А другая его инициатива – запрет всей неревOLUTIONционной прессы² – поддержки не получила. Тогда она показалась слишком радикальной.

Избранный на собрании Временный исполком Петроградского Совета возглавили Чхеидзе как председатель и Керенский и Скобелев как его заместители (товарищи). В Исполком попал и Шляпников, причем договорились, что этот орган будет пополнен представителями социалистических партий – еще по трое от каждой. По квоте большевиков в Исполком 28 февраля вошел и Молотов.

Полноценный Петроградский Совет (Петросовет) был избран 28 февраля. В городе возник новый орган власти, тесно связанный с предприятиями, восставшими частями, революционными партиями и организациями рабочих. Сила его заключалась в том, что он опирался на низовую самоорганизацию трудящихся масс и солдат гарнизона. Повсеместно возникали ячейки активистов, готовых выполнять распоряжения Совета, а также районные Советы. Теперь речь шла не о бунте и не о политическом перевороте, а о революции. Она рождала свою организацию, центрами которой были Советы.

Как член исполкома от большевиков, Молотов продолжал выступать крайне радикально, клеймить ВКГД как контрреволюционеров. В помещении Таврического он организовал большевистский секретариат, усадив за стол Е. Стасову и Ф. Драбкину. Обе были влиятельными членами партии, хорошо знали Ленина по эмиграции, но теперь оказались в подчинении у юного Молотова. Рабочие, солдаты и представители средних слоев столицы, разбуженные к политической жизни, останавливались у большевистского стола и живо интересовались у двух дам, чем большевики отличаются от меньшевиков и чего хотят.

¹ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 162–163.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 155.

Молотов принял участие в выпуске первого номера «Известий» Петроградского Совета. Его интерес заключался в том, чтобы включить туда большевистский Манифест, в чем он преуспел. «Утром, часов в пять-шесть, я опять ехал в Таврический дворец и направо-налево разбрасывал из машины “Известия” с нашим манифестом – вот таким образом»¹, – с гордостью вспоминал Вячеслав Михайлович.

Хабалов капитулировал 28 февраля, «Государственная дума стала символом победы и объектом общего паломничества»², – вспоминал член ВКГД кадет П. Милюков. Лидеры ВКГД выступали перед революционными частями, призывая их к дисциплине и подчинению офицерам. Войска к 1 марта привели в порядок, но, как выяснилось, воинские части, присягая Думе, реально подчинялись Совету, где заседали их делегаты. Опираясь на организованные революционные силы, он фактически взял власть в столице в свои руки. Молотов, вчерашний подпольщик, теперь состоял в руководстве революционной столицы. Состоял, заметим, в критический момент, когда судьба революции далеко не была решена.

Готовилась карательная экспедиция на Петроград. Но революция распространялась по стране, Николай II потерял поддержку генералитета и 2 марта отрекся от престола³.

Веча Скрябин был спасен от опасности погибнуть на баррикадах Петрограда или на виселице царских карателей. Но он исчез, и миру явился Вячеслав Молотов – один из лидеров революции, ее Совета.

2. СЛИШКОМ ЛЕВЫЙ

Монархия пала 2 марта, и сразу обнаружились два центра власти – думские лидеры, формировавшие правительство, и Петросовет. В первые мартовские дни обсуждение «вопроса о власти» в Совете выявило три точки зрения. Н. Чхеидзе и М. Скобелев доказывали, что входить в правительство и брать на себя ответственность за непопулярные меры, включая продолжение войны, нельзя. К. Гвоздев и правые меньшевики считали это возможным, чтобы отстаивать интересы трудящихся.

¹ Там же. С. 155.

² Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 456.

³ Подробнее см.: Шубин А.В. Революционный 1917 год. С. 50–78.

На их фоне позиция Шляпникова и Молотова, которую поддерживали межрайонец К. Юренев и эсер В. Александрович, выглядела экстремистской. Они настаивали на свержении думского Временного правительства и создании революционного на основе партий, входящих в Совет. Их предложение исполком отверг тринадцатью голосами против восьми.

Руководство Совета понимало, что управлять всей страной он не в состоянии, однако стремилось придать ему роль верховного контрольного органа. Чтобы контролировать ситуацию в Петрограде, ВКГД должен был договориться с Советом. В ночь с 1 на 2 марта их представители сошлись для того, чтобы согласовать позиции (благо, сидели они в соседних комнатах). Непримиемых Шляпникова и Молотова на переговоры, разумеется, не взяли, зато активную роль в них сыграл левый меньшевик Суханов. Он сумел согласовать формулировки, приемлемые для большинства Совета.

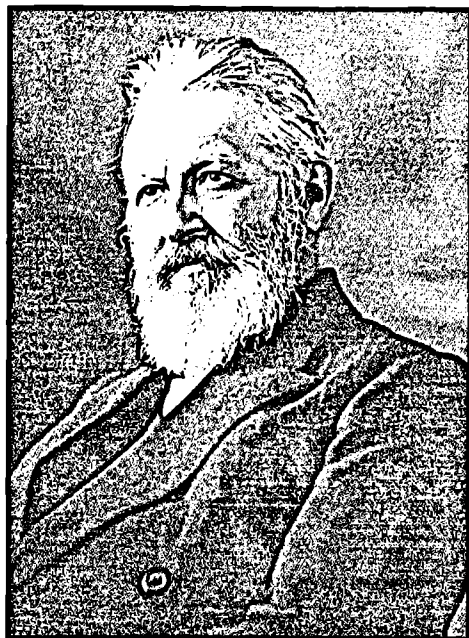
В итоге к утру 2 марта было решено, что правительство провозгласит в своей декларации амнистию по политическим и религиозным делам, широкие гражданские свободы, отмену словесных, национальных и религиозных ограничений, замену полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления. Остальные вопросы решит Учредительное собрание, избранное, как и органы местного самоуправления, на основе всеобщего, равного и тайного голосования. Важной частью соглашения стало обещание не разоружать и не выводить из Петрограда революционные части гарнизона, распространение на солдат гражданских прав при сохранении строгой дисциплины на службе¹.

В тот же день Временное правительство приняло решение: «...вся полнота власти, принадлежащая монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству...»² Лукавство этой формулировки заключалось в том, что после 1905 года монарх всей полнотой власти в России не обладал, и Временное правительство присвоило себе даже больше полномочий, чем было у государя императора. Так что Молотов в своем недоверии к либералам был прав, за рассуждениями о свободе они скрывали вполне авторитарные намерения.

¹ Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов. М., 1996. С. 91, 141.

² Архив новейшей истории России. Т. 7. М., 2001. С. 385.

*Михаил Степанович
Ольминский (Александров)
1910-е
[Из открытых
источников]*

Болезненное поражение Шляпников и Молотов потерпели 2 марта на Совете, который тоже обсуждал вопрос о формировании правительства. Их доводы о свержении Временного правительства и формировании нового, социалистического, результата не возымели. Поддержали их только 19 депутатов из примерно 400 присутствовавших¹. То есть, даже про-большевистские депутаты от заводов проявляли осторожность. Предложение направить в правительство своих представителей тоже пока не прошло. Правда, в него вошел Керенский, а потому Петросовет объявил о поддержке правительства «постольку, поскольку» оно проводит демократическую политику.

На заседании Петербургского комитета (ПК) большевиков 3 марта разгорелся спор об отношении к правительству и большинству Петросовета. От имени Русского бюро ЦК Молотов настаивал на необходимости борьбы за Временное революционное правительство. Однако большинство Петербургского комитета большевиков не поддержало позицию РБ ЦК и вопреки аргументам Молотова проголосовал за резолюцию, близкую к позиции

¹ Токарев Ю.С. Указ. соч. С. 97–103.

большинства Совета и меньшевиков: комитет «не противодействует власти Временного правительства постольку, поскольку его действия соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа...»¹ Молотов запомнил это поражение на всю жизнь и много лет спустя вспоминал: «Я защищал демократическую революцию, не мечтал о социалистической, и то меня проваливали»².

Как комментирует А.В. Сахнин, Русское бюро ЦК во главе со Шляпниковым «повисло в воздухе». Оно больше не могло выступать от имени всей партии ни перед Советом, ни перед массами»³. И тогда Русское бюро решило действовать испытанным способом – печатным словом. В редакцию возобновленной газеты «Правда» поначалу вошли В. Молотов, К. Еремеев, М. Калинин. Молотов играл в планах Шляпникова ключевую роль: ведь он зарекомендовал себя как твердый противник соглашения с Временным правительством и хороший организатор. Вячеслав реквизирует типографию и редакцию «Сельского вестника» на Мойке, где «Правда» выпускалась до июля. Первый номер вышел уже 5 марта, да еще стотысячным тиражом. Раздавался он бесплатно. Агитировали, разумеется, за Временное революционное правительство, то есть, за свержение существующего.

Правда, гнуть свою линию Молотову удалось совсем недолго. Из Москвы прибыл авторитетный большевик и ветеран «правды» М. Ольминский, который включился в редактирование «Правды». В статье «Настороже», опубликованной 7 марта, он покритиковал Временное правительство «помещиков и капиталистов» и тут же предостерег: «Желая получить все, можно и потерять все»⁴. Как оказалось, не только Петербургская, но и Московская организация не разделяют радикальных устремлений Шляпникова и Молотова. И с этим приходилось считаться. После расширения их состава 7–8 марта не только редакция «Правды», но и Русское бюро ЦК потеряло прежнюю монолитность.

¹ Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. С. 299.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 158.

³ Сахнин А.В. Внутрипартийная борьба в РСДРП(б)... С. 66.

⁴ Правда. 1917. 7 марта.

Лев Борисович
Каменев
23 августа 1917
[РГАСПИ. Ф. 323.
Оп. 1. Д. 8. Л. 1]

№ 2/61

Л. Б. Каменев
Смилость Лева Борисовича Розенфельда
Камнезарыт

Впрочем, даже компромиссная линия большевиков оказалась куда левее позиций других социалистических партий, надеявшихся на сотрудничество Совета с правительством. Отказавшись от борьбы за его немедленное свержение, Молотов и Шляпников сошлись с большинством Петербургского комитета на том, что будущее революционное правительство необходимо создавать на более широкой основе – всероссийского Совета.

Позиции Шляпникова и Молотова еще более пошатнулись, когда 12 марта в Петроград прибыли три видных большевистских лидера – Л. Каменев, И. Сталин и М. Муранов. Войдя в редакцию «Правды», они стали наводить свои порядки, что Шляпников назвал «редакционным переворотом»¹. Каменев, хоть и скомпрометированный поведением на процессе 1915 года, был куда опытнее и авторитетнее Молотова. К тому же он считался

¹ Шляпников А.Г. Указ. соч. С. 445.

сильным публицистом, а предложенный им курс сближения с социал-демократией был тогда близок Сталину и Муранову. Молотов их напору уступил. Уже на следующий день он согласился оставить посты в Исполкоме Совета и в редакции «Правды», заявив на бюро, что «не считает себя выразителем достаточно опытным»¹.

О новом руководстве своей редакции «Правда» объявила 15 марта: «Приехавшие из ссылки товарищи: член Центр. Органа Партии т. Ю. Каменев и член Центр. Комитета Партии т. К. Сталин вступили в состав редакции «Правды», причем общее руководство газетой взял на себя депутат от рабочих в Государственной Думе, тоже вернувшийся из ссылки, т. Муранов»². Это прямо противоречило решению бюро ЦК о том, что Каменев не должен даже подписывать статьи (требование это он игнорировал).

Действия «тройки» вызвали возмущение в Русском бюро, и после выяснения отношений был достигнут такой компромисс: Каменева обязали излагать свои взгляды более осторожно, но зато формально ввели в редакцию. В качестве противовеса и даже своего рода надсмотрщика за Каменевым в редакцию вернули Молотова, которому дали право вето на публикации.

Каменев, однако, быстро нашел общий язык с умеренным крылом Петербургского комитета большевиков, после чего влияние Русского бюро вовсе сошло на нет. Фактически Каменев, Сталин и Муранов встали у руля партии, хотя и вынуждены были учитывать радикальные настроения части большевиков, таких как Шляпников и Молотов.

Разногласия между левым и правым крыльями большевизма выходили за пределы споров нескольких вождей. В условиях легальности стали собираться совещания и конференции, где бурно дебатировались проблемы власти, войны и мира. На Всероссийском совещании большевиков 27–29 марта Молотов оппонировал докладчику Сталину, предлагавшему контроль со стороны Совета за Временным правительством. Молотов настаивал, что никакой поддержки ему оказывать нельзя. Это позиция, идентичная ленинской, с точки зрения реальной политики и настроений рабочих весной 1917 года была совершенно

¹ Вопросы истории КПСС. 1962. № 3. С. 146.

² Правда. 1917. 15 марта.

*Владимир Ильич Ленин
Цюрих. 9 апреля 1917
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1.
Д. 20. Л. 1]*

не реалистичной. Прагматичные Сталин и Каменев призывали к консолидации социал-демократов – сторонников заключения скорейшего мира без аннексий и контрибуций – требования Циммервальдской и Кинтальской конференций 1915–1916 годов. Молотов энергично возражал: «Церетели желает объединить разношерстные элементы. Сам Церетели называет себя циммервальдистом и кинтальцем, поэтому объединение по этой линии неправильно и политически, и организационно. Правильнее было бы выставить определенную интернационально-социалистическую платформу»¹. Каменев и Сталин стремились к расширению влияния партии, Молотов, как и Ленин, – к ее идеологическому обособлению.

3. НЕБЛАГОДАРНЫЙ ЛЕНИН

Письма Ленина из-за границы клеймили политический курс умеренных большевиков в Петрограде, но пока страны Антанты не пропускали «пораженцев» на Родину, Каменев мог действовать по своему усмотрению. И тогда Ленин с другими политэмигрантами, решившись на существенные репутационные по-

¹ Вопросы истории КПСС. 1962. № 5. С. 139.

тери, направился в Россию через Германию в так называемом «пломбированном вагоне»¹. Его прибытие в Петроград 3 апреля изменило соотношение сил в партии большевиков.

Первые выступления Владимира Ильича произвели впечатление шока не только на социал-демократов, но и на соратников – большевиков. Суханов, слушавший его выступление 3 апреля перед большевистским активом, вспоминал: «Я утверждаю, что никто не ожидал ничего подобного. Казалось, из своих логовищ поднялись все стихии. И дух псесокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений, ни людских трудностей, ни людских расчетов, носится по зале Кшесинской над головами зачарованных учеников... Однако я утверждаю, что он потряс не только своим воздействием, но и неслыханным содержанием своей ответно приветственной речи не только меня, но и всю свою собственную большевистскую аудиторию»². Ленин шел куда дальше Шляпникова и Молотова, не говоря уже о Каменеве и Сталине.

Новый курс он изложил в нескольких речах и статьях. Мало того, что недопустима любая поддержка Временного правительства, необходимо стремиться к «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства»³. В знаменитых «Апрельских тезисах» Ленин настаивает на «необходимости перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок». Передача всей власти Советам, где митинговали некомпетентные люди из народа, воспринималась большинством умеренных социалистов как абсурд. Совет, возражал Ленин, – это «шаг к социализму», он может созвать Учредительное собрание и полностью реорганизовать государство. Ильич призывал рабочих: «Пробуй, ошибайся, учись, управляй»⁴.

Троица Шляпников – Молотов – Залуцкий могла торжествовать: «Что, Николай Николаевич, батяно приехал! А?»⁵, – радостно говорил Суханову Залуцкий. Как назло, 7 апреля Шляпни-

¹ См.: Платтен Ф. Возвращение Ленина из эмиграции в Россию // Ленин – вождь мировой революции. М., 2012.

² Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. М., 1991. С. 11.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 154–155.

⁴ Там же. С. 107–109.

⁵ Суханов Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 10.

ков пострадал в дорожно-транспортном происшествии. Так что именно Молотов оказался одним из ключевых функционеров партии, которые помогали Ленину победить его умеренных оппонентов во главе с Каменевым. К тому же Шляпников поддерживал Ленина с определенными оговорками, тогда как Молотов – безусловно. В такой ситуации не включение Молотова в новый ЦК партии выглядит как черная неблагодарность со стороны Ленина. Но на это были свои причины, к которым мы еще вернемся.

К середине апреля вождь партии высказывался уже осторожнее: нет смысла призывать к немедленному свержению Временного правительства, пока оно опирается на Советы. Нужно сначала завоевывать большинство в них¹. Это не смягчило остроты дискуссии на Петербургской городской конференции РСДРП(б) 14 апреля, где Молотов сидел в президиуме. Спор был столь жаркий, что председательствующий Зиновьев предложил не принимать резолюцию, но Ленин и Каменев не согласились: партия должна знать свой курс. Была создана согласительная комиссия, в которую вошел и Молотов.

Каменев, хоть и смягчил позицию, требовал снять лозунг свержения Временного правительства как несвоевременный. В согласительной комиссии Молотов, поддержавший Ленина, сыграл немаловажную роль. Он же огласил и резолюцию в ленинском духе. На возобновившейся конференции Каменев пытался внести свои поправки, но их отклонили, хотя много было воздержавшихся².

Итак, Молотов оказался в лагере победителей-ленинцев. Однако ситуация менялась день ото дня. Ильич понимал, что если сейчас Каменев уйдет к меньшевикам, да еще увлечет за собой часть колеблющихся, то сам Ленин останется с радикальным активом, но без опытных политиков и агитаторов. Для успеха ленинской стратегии нужны были не только такие, как Молотов, но и такие, как Каменев – известные публицисты, ораторы и переговорщики. Сумев повести за собой большинство партии, Ленин теперь никак не хотел ее раскола и даже рассчитывал пе-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 241, 244.

² Более подробный разбор полемики на Петроградской городской конференции большевиков см.: Сахнин А.В. Внутрипартийная борьба в РСДРП(б)... С. 172–178; Он же. Опыт Октября 1917-го года. Как делают революцию. М., 2017. С. 62–77.

ретьянуть на свою сторону часть левых меньшевиков. А тут еще большевистские споры были прерваны событиями, известными как «апрельский кризис»¹. В ответ на публикацию заявления министра иностранных дел России П. Милюкова о готовности продолжать войну с прежними целями 20 апреля начались волнения антивоенно настроенных солдат и рабочих Петрограда.

Примечательно, что Молотов почти три десятилетия спустя, в качестве руководителя внешней политики, будет по требованию Сталина добиваться того же, за что в 1917 году они клеймили Милюкова – контроля над проливами из Черного моря в Средиземное. Режимы меняются, но стратегические задачи остаются...

В ходе этих выступлений произошло сближение позиций Ленина и Каменева. Каменев, добивавшийся сближения с другими социалистами, уже не настаивал на терпимости к правительству, раз меньшевики с ним рассорились. Ленин же демонстрировал перед умеренными большевиками взвешенность. И здесь радикально настроенный Молотов вновь оказался на обочине партийной политики.

В итоге апрельского кризиса Временное правительство покинули П. Милюков и военный министр А. Гучков, а дополнили шесть социалистов, в том числе лидеры Петроградского Совета – эсер В. Чернов, социал-демократы М. Скобелев, И. Церетели и народный социалист А. Пешехонов. Керенский возглавил военное ведомство. Большинство, 9 министров, в новом правительстве, созданном 5 мая, осталось за кадетами и другими либералами. В результате, союз Временного правительства и Советов восстановился, и власть даже укрепилась.

Апрельский кризис помог избежать раскола и большевикам. Их конференция вернулась к работе, чтобы закрепить итоги дискуссии и компромисса, скрепленного участием в волнениях 20–21 апреля. Молотов выступил в прениях по докладу Зиновьева об отношении к правительству и предложил внести в резолюцию поправку: вместо «явного попустительства» правительства контрреволюции записать «явное содействие», с чем товарищи согласились².

Однако в Центральный комитет Молотов не попал, хотя явно мог на это рассчитывать. В.А. Никонов объясняет это тем, что «он

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Революционный 1917 год. С. 111–119.

² Седьмая («апрельская») Всероссийская и петроградская городская конференция РСДРП(б). М., 1934. С. 160, 166.

был лично практически не знаком с Лениным»¹. Можно возразить: в ЦК вошли другие люди, до 1917 года Ленину практически не знакомые, в том числе Я. Свердлов, И. Смилга и Г. Федоров. А вот хорошо знакомого Ильичу Шляпникова в ЦК тоже не оказалось. Ясно, что они с Молотовым в марте – апреле успели накопить заметный антирейтинг, особенно в умеренном крыле партии. А ЦК уже формировался на основе компромисса. Ершистый негибкий Молотов плохо в него вписывался. И это стало для него важным уроком.

Впрочем, Ленин не разбрасывался ценными кадрами – 7 мая Молотов, Залуцкий и Калинин вошли от Выборгского района в Петербургский комитет большевиков, а 10 мая – в его исполнительную комиссию. Молотов стал одним из девяти руководителей большевиков Петрограда – причем в тот период, когда судьбы страны решались в столице.

В этом качестве Молотов стал одним из организаторов избирательной кампании большевиков в районные думы Петрограда и сам баллотировался в нее на Выборгской стороне. Помимо общих политических требований, петроградские большевики привлекали избирателей и собственно городскими обещаниями: снижением квартплаты и платы за транспорт, улучшением продовольственного снабжения и жилищных условий для бедных, бесплатным образованием и здравоохранением. Все это планировалось обеспечить за счет муниципализации (передачи в руки городских властей) трамвая, телефона, водопровода, освещения, социальных учреждений и излишков жилья.

На июньских выборах большевики получили 20 % – очень неплохой результат для партии, которую всего месяц назад записывали в аутсайдеры. Ветер истории явно дул в спину выразителям социального отчаяния, нараставшего в рабочих кварталах. А в пролетарском Выборгском районе большевики победили. Молотов стал не просто районным депутатом, а председателем президиума районной думы.

Предшествовавшая политическая деятельность Молотова была связана прежде всего с агитацией и пропагандой. Теперь, не войдя в ЦК, он утратил прежние возможности публиковаться в центральном органе. В свою очередь, «Правда», как общероссийская газета, стала уделять петроградской тематике меньше внимания. Поэтому Молотов предложил начать выпуск

¹ Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 268.

собственного органа Петербургского комитета. Однако Ленин, который в это время считал каждый рубль ради покупки типографии для «Правды»¹, 30 мая раскритиковал Молотова за местничество, и предложил пока создать комиссию по делам прессы. И хотя Петербургский комитет Молотова поддержал, Ленин все равно денег не дал. Вячеславу Михайловичу пришлось довольствоваться «комиссией»: в июне ЦК назначил его главой Бюро печати при ЦК РСДРП(б).

Задача, впрочем, стояла весьма масштабная и требующая солидных организаторских навыков. Она включала рассылку литературы местным организациям, создание сети своих корреспондентов и архива партийной литературы и изданий, помощь информационными материалами местной большевистской прессе, выпуск для них бюллетеня. Наладить его Молотов не успел – в июле ситуация вокруг партии большевиков катастрофически изменилась. Да и остальные планы этого бюро не осуществились. А намерение Молотова создать централизованную агитационно-пропагандистскую машину большевизма воплотились в жизнь только в 20-е годы.

Фактически Молотов оказался «на подхвате» в агитпропе ЦК. Организацией большевистской прессы занимался также и Сталин. Летом 1917 года они сблизились и даже проживали вместе на улице Широкой: «Мы жили тогда со Сталиным на в одной квартире. Он был холостяком, я был холостяком. Была большая такая квартира на Петроградской стороне... Вроде коммуны у нас было. Три или четыре комнаты»². Здесь же поселились Залуцкий и Смилга с женой. Сталин в это время ухаживал за Надеждой Аллилуевой и позднее пересехал к Аллилуевым. Но это произошло уже после новых политических потрясений.

4. ЛЕТНИЕ ГРОЗЫ

3 июня собрался I съезд рабочих и солдатских депутатов, где преобладали эсеры и меньшевики. Понимая, что на съезде успеха они не добьются, большевики решили надавить на него извне. На 10 июня они наметили вооруженную демонстрацию с лозунгами против «министров-капиталистов» и предстоящего

¹ См.: Шубин А.В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. С. 270–276.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 159.

наступления на фронте. Лидеры умеренных социалистов высказались резко против, ссылаясь на угрозу нападения на демонстрантов со стороны правых радикалов (Союза георгиевских кавалеров и др.). Эти опасения, как подтвердят события начала июля, не были лишены оснований.

Уступая требованию меньшевиков и эсеров, большевики теряли лицо, однако, провоцируя вооруженное столкновение, рисковали оказаться виновниками кровопролития, безрассудными авантюристами. И в ночь на 10 июня ЦК РСДРП(б) демонстрацию отменил. Петроградский комитет и «военка» (военная организация большевиков) были разочарованы, кое-кто из рядовых партийцев в гневе рвал партбилеты¹. Молотов, который участвовал в подготовке акции, теперь должен был уговаривать активистов потерпеть.

Лишив большевиков возможности провести свою демонстрацию, лидеры съезда назначили на 18 июня общую. Оказалось, что усилия Молотова с единомышленниками не пропали даром, массы вышли под лозунгами: «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!», «Долой наступление!» Ленин с товарищами тоже были удовлетворены. Однако уже на следующий день, с началом наступления Юго-Западного фронта, манифестировали правые под лозунгом «Война до победы!»

А 3 июля избунтовали солдаты 1-го пулеметного полка, выступавшие против войны и разжигавшего ее Временного правительства. Вечером 3 июля члены ЦК, Петроградский комитет (ПК) большевиков и «военки» искали способ избежать открытого восстания, к которому никто не был готов. Молотов присутствовал на обсуждениях, но, наученный горьким опытом, самостоятельной позиции не высказывал. Участвовал он и в совещании ЦК и ПК РСДРП(б) с делегатами конференции, представителями рабочих и солдат, где постановили выбрать делегацию в Петросовет, чтобы предъявить ему требование о переходе власти к Советам. Совещание поддержало «немедленное выступление рабочих и солдат на улицу для того, чтобы продемонстрировать выявление своей воли»².

Идея Ленина овладела массами, но самого Ленина, прибывшего в Петроград утром 4 июля, это не обрадовало. Дилемма была непростой. Повторять оппортунистическое поведение

¹ Рабинович А. Кровавые дни. М., 1992. С. 87.

² Следственное дело большевиков. Т. 1. М., 2012. С. 261.

10 июня – значило окончательно оттолкнуть радикальные массы, тем более что анархисты, инициировавшие выступление, уже «дышали в затылок». В итоге Петербургский комитет РСДРП(б), а затем и большинство ЦК решили возглавить демонстрацию, чтобы превратить ее «в мирное, организованное выявление воли всего рабочего, солдатского и крестьянского Петрограда»¹. Ни о каком восстании речь не шла. В.А. Никонов пишет, что он «убежден», будто большевики в июле «пытались взять власть»², однако доказательств не приводит.

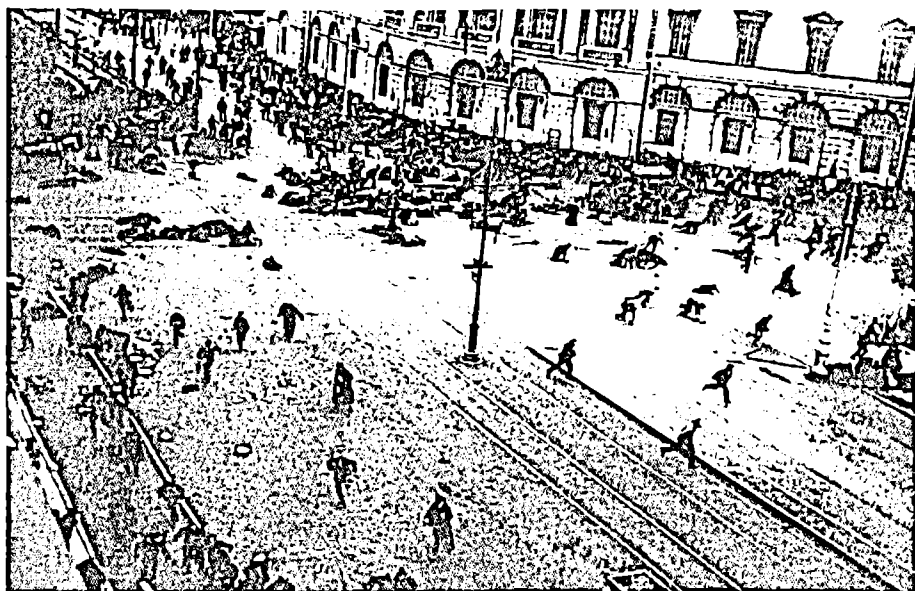
Большевики, разумеется, стремились к власти, чего не скрывали. Но в этот период они требовали передать власть Советам, в которых сами не имели большинства. Ленин надеялся, что в случае, если Советам придется проводить радикальные преобразования, реальное влияние в них быстро перейдет к левым крыльям социалистических партий, то есть к союзу большевиков, левых эсеров (тогда еще не выделившихся из ПСР) и левых меньшевиков (в том числе Мартова, Троцкого и Луначарского). В условиях, когда большевики не имели в Советах большинства, требование «Вся власть Советам!» не давало им монополии на власть и лишь означало замену только что распавшейся коалиции социалистов и кадетов коалицией тех же социалистов и большевиков. Никакого военного переворота, только политический сдвиг влево.

В ночь с 3 на 4 июля большевистский актив занимался мобилизацией сил на предстоящее мероприятие, которое должно было превзойти грандиозную демонстрацию 18 июня. Молотов находился в гуще событий – Выборгский район формировал солидную колонну.

В демонстрации 4 июля приняли участие десятки тысяч рабочих, солдат и матросов. По пути к Таврическому дворцу протестующие подошли к особняку Кшесинской, резиденции большевиков. Они ведь были главными организаторами шествия. По словам Раскольников, «разыскав Владимира Ильича, мы от имени кронштадтцев стали упрашивать его выйти на балкон и произнести хоть несколько слов. Ильич сперва отнекивался, ссылаясь на нездоровье, но потом, когда наши просьбы были веско подкреплены требованием масс на улице, он уступил и

¹ Цит. по: Рабинович А. Указ. соч. С. 186.

² Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 279.

*Расстрел июльской демонстрации
Петроград. 4(17) июля 1917
[РГАСПИ. Ф. 788. Оп. 1. Д. 129. Л. 1]*

согласился»¹. Сказав несколько слов о бдительности и выдержке, поддержав требование «Вся власть Советам!», вождь удалился с балкона. Заметим, что когда он на деле собирался брать власть, то вел себя иначе. Пока же Ленин не знал, что делать, если Петросовет и ЦИК не пойдут на уступки, и предложил в этом случае ждать указаний ЦК².

Молотов в этих закулисных маневрах не участвовал. Скорее всего, он находился в колонне демонстрантов, где, кстати, подвергался немалой опасности. Революционные колонны были обстреляны на Литейном и Невском проспектах, но до Таврического дворца дошли. Однако лицом к лицу с морем вооруженных демонстрантов руководители Петросовета проявили твердость и от взятия власти отказались³.

¹ Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 133.

² Следственное дело большевиков. Т. 1. С. 289.

³ Подробнее см.: Шубин А.В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. С. 253–255.

Что дальше делать, демонстранты не знали – и стали расходиться. А социалистические лидеры ЦИК Советов, не теряя времени, заручились поддержкой воинских частей, готовых противостоять «бунту» на случай его повторения. И заодно запустили кампанию по дискредитации Ленина. Министр юстиции П. Переверзев стал распространять сведения, будто тот является немецким шпионом. Даже по мнению меньшевиков, аргументы были крайне неубедительными¹. Правительственное сообщение было напечатано 5 июля в газете «Живое слово», пользовавшейся репутацией бульварного издания, но публикация имела грандиозный резонанс. Мало кто вникал в юридические детали в накаленной политической обстановке.

Это дало властям повод перейти к репрессиям против большевиков. И хотя в ночь на 5 июля ЦК РСДРП(б) постановил «демонстрации более не продолжать»², редакция «Правды» была захвачена и разгромлена военными. 1-й пулеметный полк был расформирован, начались массовые аресты.

Более двухсот участников июльских выступлений и левых лидеров, включая Каменева, Троцкого, Луначарского, Раскольников, попали под арест. Ленин 9 июля принял участие в заседании Исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП(б), после чего скрылся. С тех пор Молотов до исторических октябрьских дней его не видел.

В итоге выиграли в июльском кризисе правые социалисты: 8 июля пост председателя правительства с согласия Львова перешел к Керенскому, а в новом его составе социалисты получили большинство.

Из особняка Кшесинской большевиков выгнали, так что приход к власти большевистской команды во главе с Молотовым в Выборгском районе оказался очень кстати. Здесь большевики получили небольшое помещение на Финляндском проспекте в доме № 6. Адрес пришлось делить с меньшевиками и рабочим клубом, так как районная дума была многопартийной, и здание было выделено под нужды разных рабочих организаций.

Скрывавшийся в Разливе Ленин выступил за снятие лозунга «Вся власть Советам!», поскольку «данные Советы» не способны эту власть взять. «Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, объек-

¹ Церетели И.Г. Кризис власти. М., 1992. С. 201–203.

² Следственное дело большевиков. Т. 1. С. 262.

тивно, был бы обманом народа, внушением ему иллюзии, будто Советам и теперь достаточно пожелать взять власть или поставить это для получения власти, будто в Совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам, будто можно бывшее сделать небывшим»¹. По мнению Ленина, теперь ставку следовало делать не на Советы, а на любые «революционные», то есть идущие за большевиками общественные организации. Но какие конкретно? Инициатива вождя обсуждалась на совещании ЦК, Петербургского и Московских бюро и комитетов партии 13–14 июля. Молотов и Свердлов спорили до хрипоты, защищая ленинскую позицию, но аргументов не хватало. Большинство выступило против. До сих пор передача власти Советам была основой политической стратегии большевиков. Если отказаться от этого требования, что же останется? Захват власти одной партией? Это бланкизм, диктатура меньшинства, которая погибнет, столкнувшись с сопротивлением большинства населения. К тому же на Урале и в небольших городах Центрального промышленного района уже наметилась «большевизация» Советов. Не поторопился ли Ленин со сменой лозунга?

На Петроградской конференции 16 июля предложение Ленина от имени ЦК защищал Сталин при поддержке Молотова, который убеждал товарищей: «При желании Советы могли бы мирным путем взять власть в свои руки... События 3–4 июля толкнули Советы на путь контрреволюции, и наше отношение к Советам не может быть прежним... Большевикам ставят ультиматум: или подчинитесь или долой из Советов!.. Мы не можем бороться за власть тех Советов, которые предали пролетариат»².

Но и здесь сторонники сохранения прежнего лозунга во главе с Володарским одержали верх. Как-никак, Советы давали легальную возможность обращаться к массам и взаимодействовать с левыми деятелями. Отказавшись от участия в них, можно было оказаться в полной политической изоляции. Что показательно, Молотов при голосовании резолюции воздержался.

На VI съезде РСДРП, полулегально прошедшем 26 июля – 3 августа в Петрограде, партию большевиков пополнили межрайонцы, включая Троцкого и Луначарского. Ленинскую точку зрения отстаивал Сталин, выступивший с политическим докла-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 12–13.

² Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков. М., 1927. С. 74–75.

дом: «до 3 июля была возможна мирная победа, мирный переход власти к Советам... теперь, после того, как контрреволюция организовалась и укрепилась, говорить, что Советы могут мирным путем взять власть в свои руки, — значит говорить впустую»¹.

Молотов, выступая на съезде, полностью поддержал Ленина и Сталина и, по обычаю русских марксистов, нашел прецеденты в истории Франции. Он привел в пример 1848 год, когда «восторжествовал буржуазный порядок, и вплоть до 1870 года пролетариат не мог поднять голову. Бонапарт был возведен на престол при одинаковом участии крупной и мелкой буржуазии, считавшейся республиканской.

Теперь у нас социалисты-революционеры и меньшевики идут по тому же пути». Пессимистическая картина, получается, теперь придется ждать нового подъема революции с десятков лет. Но не все так плохо, «буржуазия записывается еще в республиканские ряды» (Молотов в духе времени страшится угрозы восстановления монархии как итога революции). Но все равно «после кризиса 3–5 июля нет возможности мирной передачи власти в руки Советов... В изменении мирного характера революции и есть переломный момент. Власть можно получить только силой». После этого brutального суждения Молотов пускается в абстрактные рассуждения о «пролетариате и беднейшем крестьянстве», которые вместе «хотят взять власть в свои руки». С точки зрения практической выглядело это не очень убедительно. Как они ее возьмут, если не через Советы? В своем выступлении Н. Бухарин раскритиковал Молотова, выступив за передачу власти большевистским Советам и перевыборы других². Так, собственно, и получится на практике.

Молотов, как и официальная большевистская партийная самоистория, утверждали, что ленинцы победили, и съезд снял лозунг «Вся власть Советам». Однако достигнутый компромисс был сложнее: партия должна «отстаивать против контрреволюционных покушений все массовые организации (Советы, фабрично-заводские комитеты, солдатские и крестьянские комитеты) и в первую голову Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», продолжать бороться за влияние в них. Так что линия большевиков, менялась не сильно. Резолюция ставила задачу «взятия государственной власти» в руки революционных клас-

¹ Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков. С. 114.

² Там же. С. 136–138.

сов¹, но не называла инструментов. А ими могли быть прежде всего обновленные, пробольшевистские Советы.

Впрочем, и Ленин надеялся, что в ходе нового этапа революции (он пишет даже о новой революции) возникнут новые Советы, «но не теперешние Советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так... Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные»².

Раз уж Молотов так горячо доказывал товарищам, что на Советах свет клином не сошелся, настало время побороться за другие рычаги власти. И здесь нашему герою сопутствовал несомненный успех. На выборах в городскую думу Петрограда 20 августа, прошедших с его живейшим участием, большевики получили треть мест, заняв второе место после эсеро-меньшевистского блока. Но это была лишь разминка перед решающими битвами.

27 августа – 1 сентября произошло вооруженное выступление генерала Л. Корнилова, которое дискредитировало правые силы и дезорганизовало правительство³. Молотов вместе в Г. Бокием в эти дни неотлучно находился в Петроградском комитете, держали связь с заводами, где на случай уличных боев формировалась вооруженная рабочая милиция – Красная гвардия.

Сплочение левых сил против Корниловского мятежа сместило политический спектр к «красной» зоне. Лидеры эсеров и меньшевиков 27 августа заявили о недопустимости коалиции с кадетами, явно сочувствовавшими генералу, а 31 августа это решение подтвердили ЦК двух партий. Керенский, прервав переговоры с кадетами, 1 сентября объявил о создании Директории из пяти человек и провозгласил Россию республикой.

Лозунгом дня стало сплочение всех левых сил, включая большевиков. Сыграв важную роль в ликвидации мятежа, они не только восстановили, но и упрочили свои позиции, особенно в крупных промышленных центрах. Работало на них и обострение экономической ситуации. Вскоре партия Ленина пришла

¹ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 г.: Протоколы. М., 1958. С. 256–257.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 16–17.

³ Подробнее см.: Шубин А.В. Революционный 1917 год. С. 212–255.

к руководству Советами в Петрограде, Москве, Киеве и других городах. Сам ее вождь писал: «...исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной»¹. Однако лидеры ЦИК с большевиками договариваться не захотели и резолюцию отклонили. Они надеялись на созыв Всероссийского демократического совещания, которое возьмет на себя подготовку Учредительного собрания.

Накануне совещания 14 сентября Ленин ультимативно заявил: либо принятие программы большевиков, «либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет»². И «для иллюстрации» набросал план переворота, включающий захват здания, в котором совещание собиралось. На совещании социалисты так и не договорились о создании левой конструкции власти. Воспользовавшись неразберихой, Керенский 25 сентября вновь сформировал Временное правительство с участием кадетов. Однако оно потеряло поддержку как левых, так и правых партий.

5. У ИСТОРИИ НА ПОДХВАТЕ

Передний фронт борьбы вновь перемещался в Советы, туда, где действовал Молотов. Его 7 сентября доизбрали в Петросовет по большевистской квоте на смену уехавшему в Финляндию к флоту В. Антонову-Овсеенко. 9 сентября большинство депутатов поддержало резолюцию большевиков, а 25 сентября избрало председателем Петросовета Троцкого.

Нелегально вернувшись в Петроград 29 сентября, Ленин усилил давление на ЦК и ПК, добиваясь одобрения курса на восстание. 10 октября ЦК поддержало его 10 голосами против 2 (Каменева и Зиновьева).

Петербургский комитет большевиков поддержал курс на восстание 15 октября. С подачи Молотова он принял программу практических мер – установление контактов с проверенными воинскими частями, обучение рабочих владению оружием (что, впрочем, и так уже делалось со времени корниловского выступления), подготовка соответствующих тезисов для агитаторов,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 221–222.

² Там же. С. 247.

*Лев Давидович
Троцкий
1910-е
[Из открытых
источников]*

издание дополнительной вечерней газеты¹. Похоже, в череде новых задач Молотов не забывал старую мечту о собственном печатном органе Петросовета. Вячеслав Михайлович по-прежнему видел себя агитатором, а не военным.

В ходе напряженной внутрипартийной борьбы радикальное течение, к которому принадлежал Молотов, возобладало, но и умеренные сохранили влияние. В этих условиях центральной фигурой в руководстве ЦК оказался Троцкий, уже занимавший ключевой пост председателя Петросовета. Он поддерживал идею скорейшего захвата власти, но настаивал, чтобы его приурочили к съезду Советов. Переход власти с опорой на самый авторитетный форум страны придаст перевороту легитимный вид.

Действительно, приготовления к перевороту шли под прикрытием легальных советских органов и выглядели как защита революционных завоеваний. 16 октября Петросовет поддержал создание комитета, который возьмет на учет части гарнизона

¹ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.: Сборник материалов и протоколов заседаний Петербургского комитета РСДРП(б) и его Исполнительной комиссии за 1917 г. с речами В.И. Ленина. М.; Л., 1927. С. 316–318.

*Владимир Александрович
Антонов-Овсеевко
1910-е
[РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 54.
Д. 24. Л. 12]*

и примет меры к вооружению рабочих как против немцев, так и против новых корниловцев. Так стал создаваться легальный орган, который станет центром восстания – Военно-революционный комитет (ВРК). Основные решения принимались в Бюро ВРК, состоявший из двух левых эсеров, П. Лазимира (председателя ВРК) и Г. Сухарькова, и трех большевиков: В. Антонова-Овсеевко, Н. Подвойского, А. Садовского. При этом политическое руководство ВРК осуществлял, по сути, Троцкий, а практическое – прежде всего Подвойский и Антонов-Овсеевко. Молотов вскоре тоже вошел в ВРК. Правда, действовал он пока «на подхвате», продолжая готовить агитационные материалы и координировать работу активистов.

Утром 24 октября правительство объявило о запрещении большевистской прессы. Большевики предстали в роли жертвы. Верные правительству юнкера заняли и развели мосты, взяли под охрану стратегические пункты столицы. Ленин вечером 24 октября покинул конспиративную квартиру и прибыл в резиденцию Петросовета Смольный институт. Но, увидев, как идут дела, в целом согласился с избранной тактикой. Настаивал лишь на том, чтобы к открытию съезда переворот уже свершился, и съезд можно было бы поставить перед фактом.

Вечером – ночью с 24 на 25 октября силы ВРК взяли под контроль мосты и телефонную станцию. Большевистский переворот протекал в условиях относительного равнодушия тех сил, которые спустя год будут вести с большевиками войну не на жизнь, а на смерть. Но осенью 1917 года «расчетливые» политики были уверены, что большевистская авантюра не может продлиться долго. Правительство Ленина или падет под ударами контрреволюционеров, или уступит власть Учредительному собранию.

Даже Гордума тоже не хотела становиться на сторону полностью растерявшего популярность Временного правительства. Предложенная эсерами резолюция Думы протестовала против вооруженного выступления большевиков, но призывала граждан сплотиться не вокруг Временного правительства, а вокруг нее самой «как полномочного представительного органа»¹. Был создан Комитет общественной безопасности (КОБ) во главе с городским головой Г. Шрейдером, который пытался взять на себя посреднические функции. КОБ направил своих комиссаров в воинские части, но повторить успех ВРК им не удалось. Тогда Шрейдер направился в Петросовет, где ему предстояло иметь дело с Молотовым.

В ночь на 25 октября ЦК большевиков уже намечал состав нового правительства. Совет народных комиссаров должен был возглавить Ленин, Троцкий – получить пост наркома иностранных дел, Луначарский – просвещения, Сталин – национальностей. Шляпников станет наркомом труда. Молотову портфеля не нашлось.

В целом, состав правительства выглядел несерьезно, самым временным из всех временных: ни опыта управления, ни авторитета у некоторых новых министров. Особенно смелым выглядело преобразование Военного министерства, которое возглавила коллегия в составе В. Антонова-Овсенко, прапорщика Н. Крыленко и матроса П. Дыбенко. Однако именно это решение оказалось самым сильным. Оно показало армии: новая власть – солдатская, она готовится не воевать, а мира искать.

Утром ВРК выпустил написанное Лениным воззвание ВРК «К гражданам России!»: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революцион-

¹ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. ... С. 86.

ного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона»¹.

Днем на заседании Петросовета Троцкий торжественно заявил о ликвидации Временного правительства (хотя оно все еще ждало помощи в Зимнем дворце). Впервые после многомесячного перерыва на трибуне появился Ленин и произнес свою знаменитую фразу: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась». Молотов вспоминал, что во время выступления Ленина находился на сцене: «Мне до сих пор почему-то запомнилось, в голове сидит, даже представляю натурально, как Ленин провозглашает Советскую власть. Я был позади трибуны, наверху, там, где президиум находился. Ленин выступает на трибуне, тут президиум, я вот здесь сбоку. И мне почему-то помнится, что Ленин, обращаясь к аудитории, к залу стоял, и одна нога у него была приподнята – имел он такую привычку, когда выступал, – и видна была подошва, я заметил, что она протерта. Форма дырки даже отпечаталась в голове (рисует протертую подошву ботинка Ленина). Вот примерно такая штука протертая. Но есть там вторая стелька. Вторая стелька еще сохранилась, а нижняя подметка протерта. Даже форму подошвы запомнил...»²

В 6 часов вечера Зимний был окружен, и в 7 часов была предпринята его фронтальная атака – довольно беспорядочная. Обороняющиеся открыли огонь из пулеметов, и атакующие цепи залегли. В 21:40 был произведен холостой выстрел из орудия крейсера «Аврора», который произвел впечатление, но к падению Зимнего не привел.

Теперь большевикам предстояло убедить съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принять власть и одобрить создание нового правительства. На открытие съезда прибыло не менее 739 делегатов (с заявленной нормой представительства 25 тысяч человек на делегата), из которых большевиков было только 338. Эсеров насчитывалось 211, в том числе 127 левых, 69 меньшевиков, из них 42 левых³. Эта конфигурация давала преимущество

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 1.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 164–165.

³ Политические деятели России. 1917: Биографический справочник. М., 1993. С. 390. К началу заседания зарегистрировалось 560 депутатов, из которых большевиков было 250 (Второй всероссийский съезд советов р. и с. д. М.; Л., 1928. С. LIV, 3).

правым большевикам, левым эсерам и левым меньшевикам, которые оказывались в центре политического спектра съезда.

II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся в 22:45. Можно было начать и раньше, но меньшевики и эсеры все еще ожесточенно спорили о том, как относиться к большевистскому перевороту. За окнами слышался грохот орудий Петропавловки, которая была по Зимнему, где находились министры, в том числе члены партий меньшевиков и эсеров. Представители этих партий выступали с трибуны съезда, обличая узурпаторов-большевиков. Большевики соглашались на прекращение огня, но при одном условии – капитуляции Зимнего.

Туда направили посредническую миссию городского головы Г. Шрейдера. Молотову поручили его сопровождать в качестве члена ВРК. Что же – хоть такое дело. Довольно Вячеславу Михайловичу быть свидетелем великих событий – нужно и подействовать победе – довести посредника до «осинового гнезда» контрреволюции. А вдруг он уговорит своих товарищей сдаться без кровопролития. Во дворе Смольного они уселись в автомобиль городского головы и поехали к Дворцовой площади, благодаря мандату Молотова преодолевая патрули ВРК.

Доехать удалось до Мойки, за которой находилась уже территория, контролируемая защитниками Зимнего дворца. Шрейдер попытался пройти во дворец, но из-за перестрелки вернулся, после чего около полуночи они с Молотовым отправились в Городскую думу. Молотов по телефону сообщил в ВРК о неудаче миссии Шрейдера¹ и направился в Смольный. А в 2:04 26 октября был взят Зимний.

Каменев торжественно объявил о взятии Зимнего дворца съезду. В завершение заседания утром 26 октября было принято написанное Лениным и оглашенное Луначарским обращение съезда «К рабочим, солдатам и крестьянам!» В нем сообщалось, что Временное правительство низложено, власть переходит к съезду Советов рабочих и солдатских депутатов, а на местах – к Советам, что новая советская власть доведет страну до созыва Учредительного собрания, проведя также назревшие преобразования и меры: демократический мир всем народам; безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов; рабочий контроль над

¹ Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 331–332.

производством; обеспечение всем нациям, населяющим Россию, подлинного права на самоопределение.

Большевики продемонстрировали, что не собираются тянуть с выполнением своих обещаний. Подготовленные Лениным «Декрет о мире» и «Декрет о земле» были приняты вечером того же дня на втором заседании съезда. До созыва Учредительного собрания страной должны были управлять Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) и Совет народных комиссаров во главе с Лениным, подотчетный съезду и ВЦИКу¹. В состав ВЦИКа вошли 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 социал-демократов-интернационалистов, 3 украинских социалиста и 1 эсер-максималист – всего 101 человек. Председателем ВЦИК стал Каменев. Таким образом, советская власть была установлена.

Передавая ощущение тех дней, Молотов вспоминал: «основное, что мы чувствовали, – что сделали большое важное дело»². Впрочем, сам он в те горячие часы самостоятельной роли не играл и в ожидании новых заданий вместе с И. Бакаевым тренировался в стрельбе из пистолета в одном из залов Смольного³. Но совсем скоро он полностью окунется в водоворот событий. Вслед за установлением военного контроля над Петроградом большевикам предстояло утвердить советскую власть на местах.

6. ВХОЖДЕНИЕ ВО ВЛАСТЬ

Как рассказывал Молотов, «в Военно-революционный комитет приходило бесчисленное количество делегаций от армий, от рабочих, от служащих, от различных политических партий, общественных групп и учреждений, от иностранных миссий и т. п.»⁴. В качестве главы агитационного отдела ВРК Молотов взял на себя работу с ними, снабжение их печатными материалами съезда. Через 60 лет он так вспоминал об этом: «Тогда рабочие, молодцы, питерские рабочие приходили в ВРК: “Я поеду

¹ Второй всероссийский съезд советов р. и с. д. С. 79.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 161.

³ Там же. С. 162.

⁴ Цит. по: Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 340.

О расходах по делам агитации при Военно-Рев. Ком. (1917)

Расходы на агитацию при В.Р. Ком.

Получено наличными

От Казначей В.Р. Ком.		
7/12	2.000 руб.	19.000 руб.
8/12	2.000 "	
10/12	10.000 "	
11/12	5.000 "	
От Ц. К. Р. С. Д. Р. Н.		
20/12	3.000 "	3.000 руб.
От Мест. Сов. Р. С. Д. Р. Н.		
Через Сосновского	25.000 руб.	25.000 руб.
От Мест. Ком. Р. С. Д. Р. Н.		
30/12	1.000 руб.	29.125 руб.
11/12	10.000 "	
11/12	11.000 "	
12/12	1.000 "	
1/1	125 р.	
Всего	хорошо	70.125 руб.
Через 1		
" " "	17.000 "	
	33.000 руб.	
К Расходу на агитацию В.Р. Ком.		
От Мест. Сов. Р. С. Д. Р. Н.	500 руб.	
От Коммунального	500 руб.	
	500 руб.	

В Кредит

у Д. Ф.

у Пер.

у Фрунзе

у Мест.

Через 1

у Мест. Сов. Р. С. Д. Р. Н.

Записки В.М. Молотова о расходах по делам агитации при
Военно-революционном комитете

1917

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 6. Л. 1-5, 8-9]

Получено от Молодова 8
сумма от Ишута ардела Н.Р.К.
триста восемьдесят два руб. 46
(382 р. 46.) для передачи
в кассу в Ч.И.К.

25/11-17 В.А.Ваню

Получено в счет ссуда⁹
за газету "Буревестник
Богдана" и "Советская правда"
от Восточ. Ревю издатель
К.В.И.И. Сладчайт 10000
рублей.
получил М.И. Гого

в свою Калужскую губернию, что мне сказать? Где литературу
взять?" Надо было с ними побеседовать, на вопросы ответить,
дать литературу»¹.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым, С. 163.

Проинструктированные и нагруженные листовками, посланники агитотдела ВРК разъезжались в регионы с благой вестью о победе советской власти и о ее решениях. Это было также и продолжением предвыборной агитации большевиков. Ведь впереди были выборы в Учредительное собрание. Эффективность такой агитации неизвестна – ведь люди были случайными. Но даже если некоторые использовали такую командировку для поездки домой, и просто выкидывали литературу, то другие все же приносили пользу. Всего Молотов отправил в провинцию 643 посланника, в том числе в Петроградскую, Новгородскую, Псковскую, Рязанскую, Костромскую, Тамбовскую, Московскую, Орловскую, Вологодскую, Витебскую, Смоленскую, Тульскую, Тверскую губернии¹. Контакты продолжились с 68 из них.

Во главе агитационного отдела ВРК Молотов занялся не только организацией советской пропаганды, но и пресечением антисоветской. Большевики сразу же продемонстрировали, что церемониться с несогласными не намерены. Уже на второй день после переворота Совнарком принял декрет о печати, позволивший закрывать «контрреволюционные» газеты под предлогом открытого сопротивления и неповиновения правительству, клеветы и призывов уголовного характера. В тот же день Петроградский ВРК ликвидировал 20 газет². Лично Молотов направился в известную эсеровскую «Крестьянскую газету». Дело было несложное – взял отряд красногвардейцев, выгнал сотрудников из редакции и опечатал помещение. Конкретных претензий не предъявляли. Правила и полномочия трактовались весьма произвольно. Рыская с отрядом по Петрограду, Молотов заодно накрыл штаб саботажников, как большевики называли бастующих служащих³.

Захват власти большевиками воспринимался сторонниками социалистов и более правых партий как акт произвола. Служащие, в большинстве своем поддерживавшие эти политические силы, решили бастовать. Власть в министерствах по мысли забастовщиков могла перейти только к министрам, преемственным Временному правительству либо входящим в широкий многопартийный кабинет. Если таковой не возникнет в ближайшее время – тоже не беда. Ведь скоро законное прави-

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 6. Л. 4–10.

² Окорочков А.З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970. С. 169.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 164.

Григорий Евсеевич Зиновьев
1910-е
[Из открытых источников]

тельство будет создано Учредительным собранием. Большевики окрестили забастовку служащих «саботажем». Она создала серьезные трудности для новой власти, но к концу 1917 года выдохлась.

Только что возникшая власть не признавалась многими регионами (от Украины до Закавказья), социальными группами (оттуда и саботаж) и политическими силами, что могло привести к гражданской войне. Примирить враждующие левые силы и создать власть на более широкой почве стремились лидеры Всероссийского исполкома железнодорожного профсоюза (Викжель). Под угрозой всеобщей стачки он заставил 29 октября сесть за стол переговоров представителей большевиков и социалистических партий.

Поскольку Ленин и Троцкий были заняты в Совнарком, 29 октября ЦК проголосовал за участие в совещании при Викжеле без них. Члены ЦК сочли возможным расширить состав правительства за счет представителей социалистических партий при условии продолжения политики II съезда Советов, признания уже принятых декретов. Будущее правительство должно быть ответственно перед ВЦИК, который пополнится представителями ушедших со съезда организаций, Викжеля и других профсоюзов. При этом признавалось право взаимного отвода

кандидатур¹, что практически исключало вхождение Ленина и Троцкого в будущее правительство.

Когда Зиновьев пришел на заседание Петербургского комитета и доложил там о плане переговоров, Молотов подвоха не учул: «Я согласен с товарищем Зиновьевым, то есть не против соглашения, если будет осуществлена пролетарская программа»². Однако эсеры и меньшевики требовали больших уступок – и по программе, и по составу правительства, и по конструкции органа власти (дополненного ВЦИК), перед которым правительство будет отвечать до Учредительного собрания.

Выходило так, что правительство возглавит Чернов, а от большевиков в него войдут не Ленин и Троцкий, а Рыков и Луначарский³. Это было уже далеко от условий, за которые ЦК большевиков проголосовал 29 октября.

Ленин был до крайности возмущен уступчивостью Каменева и на Петербургском комитете партии 1 ноября заявил: «Нам бы еще стали предлагать соглашение с Румчеродом, с Викжелем и пр. Это торгашество. Может быть еще с генералом Калединым?»⁴ Переговоры он предложил прервать и заговорил об аресте членов Викжеля. Молотов ленинскую позицию поддерживал. Прошло, однако, предложение Троцкого переговоры продолжить, чтобы «разоблачить несостоятельность попытки создания коалиционной власти»⁵. Тем более, еще не закончились бои в Москве – мало ли что.

Решающие дебаты о соглашении развернулись 2 ноября в Центральном и Петербургском комитетах, причем позиция последнего для цекистов была крайне важна. Там действовал как раз Молотов. В своем докладе он напомнил об изначальных условиях ЦК 29 октября: «1) признание декретов о земле и мире; 2) новое правительство должно быть ответственно перед ЦИК;

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918 года. С. 122–123, 269–270.

² Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 334.

³ См.: Шубин А.В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. М., 2017. С. 39–41.

⁴ Цит. по: Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990. С. 120.

⁵ Коржихина Т.П. Первый правительственный кризис // Историк отвечает на вопросы. М., 1990. С. 232–233; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 451–452.

3) беспощадная борьба против буржуазных контрреволюционеров – Корнилова, Керенского, Каледина. С самого начала было очевидно, что эти условия неприемлемы для большинства соглашающихся сторон. Было ясно, что с нами пойдут, может быть, левые эсеры и, может быть, меньшевики-интернационалисты... соглашение всех партий не состоялось»¹.

По ходу заседания в президиум передали записку Ленина: «Очень прошу ЦК тотчас вынести решение против соглашательства и принести в ЦК»². Молотов, однако, доклад и дискуссию прерывать не стал, а в ЦК направился Бокий – с информацией о текущем обсуждении. В итоге Молотов настоял на поддержке ленинской позиции, но Ильичу вряд ли понравилась его медлительность.

Нужный аргумент Ленин все же получил, и ЦК большинством в один голос принял резолюцию, в которой объявил умеренных большевиков оппозицией (хотя еще накануне в меньшинстве был Ленин), нарушившей решения II съезда Советов и согласившейся на сдачу власти. 4 ноября Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин вышли из СНК и ЦК. Шляпников, Луначарский и Теодорович были солидарны с ними, но правительство не покинули. А 9 ноября ЦК РСДРП(б) заменил Каменева Свердловым на посту председателя ВЦИК.

Несмотря на обострившийся кадровый голод, Ленин по-прежнему не брал Молотова в центральные органы власти. Но при этом его роль в ВРК заметно возросла. Занимался он в основном делами агитационного отдела, однако прежние большевистские лидеры ушли на другие государственные и военные посты, так что в ноябре Молотов уже подписывался за председателя ВРК. Сам же ВРК превращался в своего рода исполнительный аппарат при Совнаркоме, раз уж в министерствах царил саботаж. Но по мере стабилизации ситуации нужно было выстраивать нормальные, а не временные структуры управления. 29 ноября, докладывая в Петербургском комитете РСДРП(б), Молотов поднял вопрос о передаче полномочий ВРК Совнаркому и другим советским структурам³. ВРК был ликвидирован

¹ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 341.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 2.

³ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 331–332.

5 декабря, прямым его преемником стала Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Молотов, однако, избрал другую стезю.

В конце ноября 1917 года он вошел в Президиум Петросовета, то есть стал одним из руководителей Петрограда. Из Смольного новые «отцы города» переехали в гостиницу «Астория», которую переименовали в Первый Дом Советов и превратили в штаб-квартиру столичной власти.

Среди обитателей «Астории» преобладали люди, которые умели писать воззвания (как, собственно, и Молотов), но не управлять. А большевики намеревались подчинить всю экономику государству. Где взять кадры? Специалисты-технократы пока не горят желанием сотрудничать с большевиками. Нужно найти кого-то своего. Ну, кто смелый, кто пойдет на хозяйственную работу? Молотов согласился взять это дело на себя. Почему? С одной стороны, в петроградской верхушке не было других желающих. С другой стороны, может быть вспомнился семейный опыт, первые уроки отца – приказчика. Не боги горшки обжигают. Молотов возглавил Петроградский совет народного хозяйства (СНХ, Совнархоз) – орган управления экономикой столицы и губернии. Практическим руководством он занялся впервые, но сразу обогнал отца по масштабам доверенного ему хозяйства. Управляющий экономикой столицы – это не приказчик в нолинской фирме. Теперь ему предстояло не свергать и критиковать, а строить, командовать, принуждать рабочих к труду от имени государства рабочих.

ГЛАВА III ОТ СМОЛЬНОГО ДО КРЕМЛЯ КРУЖНЫМ ПУТЕМ (1918–1920)

Вячеслав сидел на палубе и смотрел, как мимо проплывают камские берега. Почти родные места, Вятская губерния. Вот он и вернулся. Нет, не на круги своя, теперь он – важная птица, рука центра в этих местах. Вспомнилось из классики: «К нам едет ревизор». Или все-таки история возвращается на круги своя – возрождается та самая чиновничья-бюрократическая Россия, в борьбе с которой он готов был голову положить десятилетие назад.

Он приедет, устроит разнос и накачку, накажет первого встречного-поперечного Ляпкина-Тяпкина, поплывет дальше, а жизненная тина затянет всплеск от его посещения, да и от революционной волны в целом.

Нет, это не должно быть так, и волны, исходящие от революционного Кремля, перевернут эту муть до самой глубины, вычистят ее всемирно. Но все-таки обидно, что он вот плывет здесь, когда в Кремле решаются ключевые вопросы современности. А ведь еще недавно он был там, где билось сердце революции. Конечно, кто-то должен быть частью кровеносной системы на ее периферии, разгонять кровь, чтобы не застаивалась. Ленину виднее, кого куда направлять. Но раз он в Петрограде неплохо себя показал и правильную позицию занимал, почему вождь решил, что Молотов лучше справится с ролью няньки его жены вдали от столицы, чем с более важными для мировой революции делами? Но, как говорят, нет худа... Может быть, Надежда Константиновна замолвит словечко, и Ленин изменит свое мнение о Молотове к лучшему?

I. ГЛАВНЫЙ ХОЗЯЙСТВЕННИК СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ

Коммунистическое преобразование общества предполагало превращение экономики в единую централизованную систему, работающую по рациональному плану. Для руководства государственной промышленностью страны 2 декабря 1917 года был создан Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ). Этот орган олицетворял социалистическую перспективу России. Просуществует он до 1932 года, когда его ликвидируют по инициативе нашего героя.

А в первые месяцы советской власти ВСНХ испытывал страшный кадровый голод. Специалисты все еще «саботировали» или выжидали. Так что государственный сектор и планирование оказалось в руках коммунистических энтузиастов. Дефицит кадров и непроработанные решения компенсировались мозговыми штурмами, которые члены президиума ВСНХ проводили в стиле «веселого анархизма». Составленные здесь проекты декретов затем проходили «фильтры» ЦК и Совнаркома¹.

Центральный Совет народного хозяйства нуждался в местных совнархозах (СНХ), и положение о них принял 23 декабря. Одним из важнейших, на тот момент столичным, предстояло руководить Молотову. Региональные СНХ должны были регулировать работу предприятий – и национализированных, и формально частных, но управляемых фабрично-заводскими комитетами (ФЗК). VI конференция ФЗК Петрограда 22–27 января предложила избирать совнархозы на конференциях ФЗК и профсоюзов. По предложению ВСНХ конференция согласилась с включением в совнархозы представителей Советов, кооперативов и предложенных ВСНХ специалистов². Но и с этими поправками совнархозы планировались как органы производственной демократии, а не те бюрократические структуры, какими они стали позднее.

Перед ВСНХ и совнархозами стояли задачи общего регулирования экономики, но и управления растущим государственным сектором. Эти две задачи противостояли друг другу, потому

¹ Ломов Г.И. Как мы начали строить // Утро Страны Советов: Воспоминания участников и очевидцев революционных событий в Петрограде. 25 октября (7 ноября) 1917 г. – 10 марта 1918 г. Л., 1988. С. 258, 260.

² Мандель Д. Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 г. – июнь 1918 г.). М., 2015. С. 443.

что сектор национализированной промышленности разрастался хаотично¹.

СНХ Северного района был создан решением Петроградского совета 19 января 1918 года. Его президиум возглавил Молотов. Предполагалось, что под управление этого СНХ попадет огромная территория от Эстонии до Белого моря, но первоочередная задача состояла в том, чтобы вывести из кризиса промышленность Петрограда – одного из крупнейших экономических центров страны.

Молотов держал связь с представителями фабзавкомов и профсоюзов, из которых формировались отраслевые секции СНХ – по металлу, по текстильной деревообделочной, пищевой и другим отраслям. Работников туда избирали конференции фабзавкомов и профсоюзов. Секции подразделялись на отделы (труда, организации, снабжения и распределения, статистического учета и т. п.). Большие надежды возлагались на инициативу на местах. В начале 1918 года общее собрание рабочих Петроградского механического завода опротестовало постановление правления остановить предприятие из-за окончания военных заказов и поручило завкому перепрофилировать его. Удалось наладить на заводе ремонт автомобилей. Благодаря рабочим сохранилось и крупнейшее в России предприятие по изготовлению резиновой обуви – завод «Треугольник»².

Таким образом большевики при поддержке анархо-синдикалистов, сохранявших влияние в фабзавкомах, пытались заменить распадающуюся рыночную экономику совещательной, когда о поставках продукции напрямую или на организованных СНХ совещаниях договариваются представители предприятий. Еще при Временном правительстве создавались различные экономические совещания, где высказывалось немало светлых идей, но невозможно было принимать оперативные решения – слишком много времени уходило на всесторонние обсуждения. Однако до октября 1917 года совещались специалисты, которые теперь новую власть не приняли, так что большевикам оставалось надеяться на смекалку рабочих. А те, даже зная ситуацию

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Старт Страны Советов. С. 236–240.

² Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920. СПб., 2005. С. 212.

на своем предприятии, все же редко представляли себе, какие у него хозяйственные связи.

Кроме того, Молотов и его соратники столкнулись с трудностью психологической перестройки рабочих организаций. Раньше профсоюзы и ФЗК защищали рабочих от администрации. Теперь же они сами превратились в администрацию и должны были требовать от рабочих трудиться с полной самоотдачей и терпеть все социальные невзгоды. Не у всех рабочих активистов получалось сразу превратиться в строгих менеджеров. А как заменить тех, кто продолжает стоять на стороне пролетариев, а не «пролетарской» администрации Петрограда? Заменить местных лидеров ФЗК и профсоюза трудно. Во-первых, не хватает людей, которыми заменить. Во-вторых, местные лидеры избираются самими рабочими, и «сковырнуть» их сверху трудно.

Молотов подбирал и кадры, сформулировав для себя такие критерии руководящего работника: «умение ориентироваться в политической обстановке, преданность революции и работоспособность были главными качествами, которыми партия могла руководствоваться при назначении на тот или иной ответственный пост партийного товарища»¹. Заметим, что управленческого опыта среди этих критериев нет. Хотя задачи требовали профессиональных экономических знаний: как провести конверсию военных производств, где найти новых смежников, какими силами наладить ремонт и производство паровозов и вагонов, каким образом навести порядок на железных дорогах, как запустить производство потребительской продукции, за которую крестьянин отдаст продовольствие?

Как и следовало ожидать, «кризис-менеджмент» большевиков оказался неудачным, сделать из разнородной государственной промышленности «мотор» преодоления экономического кризиса им не удалось². Даже «витрина» новой власти, столичное хозяйство, выглядело удручающе. Конечно, виноват в этом не только Молотов как руководитель областного Совнархоза. Кризис рыночной экономики начался задолго до прихода к власти большевиков, действия которых только усугубили «разруху». Вдобавок к распаду прежних хозяйственных связей продолжалась дезорганизация финансовой системы. Впрочем, большевиков это

¹ Цит. по: Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 407.

² См., напр.: Шубин А.В. Старт Страны Советов. С. 222–223.

не очень печалило и даже подкрепляло их надежды на скорое торжество коммунизма, где, как известно, денег не будет. Позже Молотов вспоминал: «Серьезно говорили о том, чтобы уже в 20-х годах с деньгами покончить»¹. А чем заменить? Ломая рыночную систему, большевики должны были срочно предложить что-то взамен. Но они продолжали спорить о грядущих формах государственного регулирования и управления до середины 1918 года, когда увенчались установлением «военного коммунизма»².

Весной 1918 года республика оказалась в критическом положении. В дополнение к экономическим проблемам обострились военно-политические. Немцы возобновили наступление на фронте, и дезорганизованная армия оказалась неспособной к сопротивлению. Ленин под угрозой своей отставки настоял на заключении мира в Бресте 3 марта 1918 года. По его условиям Россия потеряла Украину, Прибалтику и некоторые территории в Закавказье. Это подорвало и без того скудное снабжение Петрограда.

Вдобавок, 26 февраля было принято решение о переезде Совнаркома в Москву. Ленин покинул Северную столицу 10 марта. Это отвело прямую угрозу центру государственной власти, однако ухудшило положение в самом Петрограде. Был создан Совнарком Петроградской трудовой коммуны во главе с Зиновьевым. В него, как глава СНХ, вошел и Молотов (позднее коммуна была преобразована в Северную, объединив несколько губерний).

Положение петроградской промышленности продолжало ухудшаться. Из 799 заводов, обследованных СНХ к 1 апреля, жизнь хоть как-то теплилась в 534, численность рабочих сократилась более чем наполовину. Потребности в жидком топливе даже по минимальной норме могли быть удовлетворены на треть, а твердого – на 20 %. Молотов сообщал: «Донецкий уголь к нам теперь не поступает, и мы во что бы то ни стало должны озаботиться созданием новых видов топлива. В этом отношении СНХ предпринимает энергичные меры, как то: разработку торфа, подготовку работ по добыванию ухтенской нефти, производство белого угля и, наконец, электрификацию Северного

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 166.

² См.: Шубин А.В. Старт Страны Советов. С. 207–236.

прося уведомить Президиум Северохозяства
о последующем.

Председатель Совета *В. М. Мухоморов*
Секретарь *С. И. Касимов*
Управляющий Делами Совета *Н. М. Мухоморов*

РОССИЙСКАЯ
СОБЕДИТЕЛЬНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Петроградская (Горная) Коммуна.

СОВЕТ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
СЕВЕРНОГО РАЙОНА

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОВЕТА

31 Марта 1918 г.

№ 3637

ПЕТРОГРАД

Т. 1. 1. 1. 1.

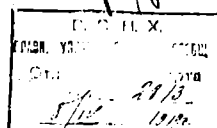
Общее Отделение.

В Главное Управление Водного
Транспорта

г. Петрозаводск в в.

Президиум Совета Народного Хозяйства
Северного Района, обсудив вопрос о критиче-
ском положении водного транспорта и овабо-
чидясь его улучшением, постановил принять
все меры для обеспечения ремонта судов и
других транспортных средств.

В связи с этим Президиум, имея в виду
общегосударственную важность улучшения
водного транспорта для всей экономической
жизни страны, поддерживает перед Главодом
возбужденное Коллегией по Управлению За-
водской системы. Водного Транспорта (Пе-
троград, Итальянская, 17) ходатайство о
национализации всех паровых судов, не по-
дошедших по декрет от 26 ноября 1918 г.,

Отношение Совета народного хозяйства Северного района
Петрограда в Главное управление водного транспорта о
национализации всех паровых судов, не прошедших по декрету
26 марта 1918 года
29 марта 1918
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 30. Л. 1-1 об.]

промышленного района». Но это пока были в основном мечты. Практика была скромнее. По линии Совнархоза было заготовлено 5 млн пудов дров и торфа. Началось строительство гидроэлектростанции на Волхове. «Налицо имеется слишком небольшой запас металлов, не превышающий нормального годового запаса района. Текстильная промышленность обеспечена хлопком лишь на один месяц... Запасы материалов для химической промышленности имеются на один месяц»¹.

Если не считать проблемы Донбасса, ответственность за эту неразбериху несли незадачливые коммунистические управленцы, которые вознамерились руководить экономикой, конфликтуя со специалистами. В итоге даже Молотов вынужден признать, что не контролируемые СНХ предприятия работают лучше. Планы не выполнялись. В январе – июне на Путиловском заводе было выпущено 3 паровоза и 2 отремонтировано вместо 7 и 22 по плану². Новая система государственного управления не вдохновляла рабочих на повышение производительности труда. Тем более, что они остались на полуголодном пайке.

По подсчетам С.Г. Струмилина, основанным на данных продорганов Петрограда, энергоемкость суточного пайка составляла в ноябре 1917 года 1241 калорию, в декабре – 1162, в январе – 771, в феврале – 612, в марте – 1082, в апреле – 1023, в мае – 899. При том, что для поддержания жизни требуется не менее 2300, а для работы средней интенсивности – 3100 калорий³. Остальное приходилось добирать покупками на рынке, своими заготовками, помощью из деревни. Работали общественные столовые, правда, с очень скудным рационом. Но цены росли так быстро, что доход рабочего позволял обеспечить его семью с рынка только дня четыре⁴.

Продовольственный аппарат продолжал по инерции работать несмотря на саботаж части работников продовольственных управ. В ноябре было собрано 33,7 млн пудов хлеба, в декабре – 6 млн (уровень, который потом придется выдавливать из крестьян с кровью), в январе – 2, в апреле – 1,6, в мае – 0,1, в

¹ Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 424–425.

² Там же. С. 443.

³ Струмилин С.Г. Статистико-экономические очерки. М., 1958. С. 252–256, 279.

⁴ Гоголевский А.В. Указ. соч. С. 57–58.

июне 1918 г. – 21 тысячу¹. Крестьянин не хотел отдавать хлеб «за бумажки», тем более «пролетарской партии». Ему нужна была промышленная продукция. Но ее производство упало, и такие управленцы, как Молотов, не смогли с этим ничего поделать.

В мае в Петроград пришел уже полноценный голод. Для того, чтобы обеспечивать паек в 500 грамм хлеба в день, город должен был получать 2000 вагонов в месяц. А в апреле прибыло 550 вагонов. Можно было бы обеспечить и этими вагонами 100 грамм в день (голодная норма), но власти распределяли это продовольствие неравномерно, и начались перебои даже с этим скудным пайком².

После нескольких дней отсутствия хлеба в Колпино, где располагался крупный Ижорский завод, толпа женщин пошла 9 мая к Совету. Там началась перепалка, на предприятии дали гудок, чтобы созвать рабочих. Красногвардейцы стали стрелять и ранили несколько человек. Вечером рабочие собрались на митинг, после которого Красная гвардия вновь открыла огонь. Были раненные и один убитый рабочий. Начались аресты³. Три дня завод бастовал.

Вслед за ижорцами замитинговали обуховцы, путиловцы и другие. События напоминали февраль 1917 года, только теперь Молотов был на стороне «душителей» голодных масс и народных свобод. Остроты ситуации добавили волнения матросов, начавшиеся 11 мая в Минной дивизии Балтфлота. Впрочем, моряки не предприняли практических шагов к свержению Северной коммуны. Их выступление, продолжавшееся до июня, было не восстанием, а политической демонстрацией. Власть большевиков в Питере шаталась, настроение в «Астории», в том числе у Молотова, в эти дни было неважное. На востоке и юге страны разгоралась широкомасштабная гражданская война, продовольственная диктатура, введенная в мае, пока не давала результата.

В таких условиях проходили перевыборы Петроградского Совета 18–20 июня. По официальным данным, от работающих предприятий прошли 127 большевиков (48,5 %), 32 левых эсера

¹ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 366.

² Там же. С. 235, 377.

³ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 219–220, 226–227.

(12,2 %), 29 меньшевиков (11,1 %), 46 эсеров (17,6 %), 28 беспартийных (10,7 %). Молотова и его коллег по руководству Северной коммуной крайне тревожило, что их противники победили на таких крупных предприятиях, как «Арсенал» и Обуховский завод. В последнем Молотов вскоре устроил локаут. Разошлись мнения по поводу собрания путиловцев. Мандатная комиссия Петросовета объявила о победе большевиков, пресса эсеров и меньшевиков утверждала обратное. Действительно, 19 из 30 путиловских депутатов оказались оппозиционерами¹.

В пользу коммунистов на выборах сыграло произошедшее накануне убийство В. Володарского, яркого оратора, одного из лидеров петроградских большевиков. Комиссар по делам печати, пропаганды и агитации подъехал к Невскому райсовету, где боевик поджидал кого-нибудь из большевистской верхушки⁵. С тем же успехом ему мог бы попасться Молотов... и вся посмертная слава Володарского досталась бы ему: в Питере был бы проспект Молотова и памятник выдающемуся революционеру, погибшему в борьбе за дело рабочих. Но Сталину пришлось бы искать себе другую опору в своих делах. Был бы, скажем, Каганович на той же организационной высоте, как Молотов в 20–30-е годы? Кто бы проводил внешнюю политику СССР во время мировой войны? Но судьба распорядилась так, что под пулю попал Володарский. Шок от его убийства, торжественные похороны даже помогли Зиновьеву и его команде (в том числе Молотову) стабилизировать ситуацию в Петрограде.

После победы на выборах большевики решили, что церемониться с оппозицией не имеет смысла, и уже с июля она действовала на заводах в Петрограде фактически нелегально⁶. Развернулось наступление и на хозяйственном фронте: 28 июня подверглись национализации крупнейшие предприятия промышленности, железнодорожного транспорта, предприятия местного благоустройства и даже паровые мельницы. Некоторые отрасли (горная, резиновая, нефтяная) перешли в руки государства полностью. Это стало прологом к тотальной национализации, не затронувшей только ремесленные предприятия с несколькими рабочими.

¹ Гоголевский А.В. Указ. соч. С. 138–140.

⁵ Выстрел в сердце революции. М., 1989. С. 57–59.

⁶ Гоголевский А.В. Указ. соч. С. 142.

*В. Володарский
(Моисей
Маркович
Гольдштейн)
1918
[РГАСПИ.
Ф. 421. Оп. 1.
Д. 168. Л. 1]*

На Молотова во главе Северного СНК, едва справлявшегося с прежними задачами, свалились новые – куда более сложные. Нужно было срочно искать кадры для управленческой работы, готовить планы работы всей промышленности Петрограда и других северо-западных губерний. Правда, аппарат Молотова почти не контролировал губернские предприятия – дел и в Питере хватало. По указанию сверху теперь формировалось еще одно звено управления, тресты – отраслевые объединения на региональном уровне. Молотов лично занимался созданием трестов металлистов, текстильщиков и бумажного производства¹. Но эти заимствованные у капиталистических объединений формы не помогали.

Правление национализированных фабрик обычно формировалось из представителей Совета, фабзавкома и профсоюза. На ведущие предприятия Молотов присылал управляющих, что не всегда встречалось с энтузиазмом. Путиловцы, например, добились того, что кандидатуру управляющего согласовывал завком. К нему, кстати, и перешло фактическое управление делами, по-

¹ Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 443.

*Григорий Евсеевич
Зиновьев
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 421.
Оп. 1. Д. 324]*

сколько в делах предприятия он разбирался куда лучше молотовского назначенца¹.

А вскоре там возобновились волнения. Недавний борец за права рабочего класса, Молотов 13 августа пригрозил закрытием в случае забастовки. Припомнив, что с локаута Путиловского началась Февральская революция, президиум Петросовета Молотова не поддержал. Однако противостояние на этом не закончилось. В марте 1919 года строптивый завод опять заволновался, и Петроградский комитет РКП(б) решил занять его вооруженной силой, пропуская на территорию только рабочих, готовых приступить к работе². Молотов участвовал в принятии этого решения. Рабочие не должны роптать против рабочего государства.

Зиновьев, очевидно, был недоволен молотовским хозяйственным руководством и искал возможность подыскать для Вячеслава Михайловича другую работу. Наш герой вспоминал, что «в 1919 году Зиновьев всячески старался меня вышибить из Питера»³.

¹ Гоголевский А.В. Указ. соч. С. 202–203.

² Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 454–455.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 166.

В марте 1919 года случай представился. Молотов отправился на VIII съезд РКП(б) делегатом от «северной столицы». Этот съезд был посвящен ослаблению нажима на крестьянство (а то крестьянские восстания грозили разрушением советского тыла), начавшейся бюрократизации Советского государства и самой партии, военному строительству, мировой революции, принятию партийной программы, рисовавшей контуры ожидаемого вскоре коммунизма, организационным и другим вопросам. Делегаты много спорили. Молотов отметил себя скромно. При обсуждении организационных тезисов Зиновьева 20 марта он заявил, что «намеченное здесь Бюро при ЦК являлось бы недостаточным аппаратом». Рискованно сославшись на опыт враждебных кадетской, меньшевистской и эсеровской партий, он вернулся к излюбленной теме и предложил «создать специальный партийный орган по типу двухнедельного или еженедельного журнала, посвященный специально обсуждению вопросов партийного строительства»¹.

Председательствующий Муранов сделал замечание, что тема обсуждения другая – создание комиссии по выработке резолюции. Однако инициативу Молотова съезд принял во внимание и постановил наладить еженедельное издание «Известий ЦК», посвященных внутрипартийным вопросам. Съезд также создал структуры, которые будут определять политику партии в ближайшие десятилетия, и в которых Молотову предстоит занимать ключевые позиции: Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК. В Политбюро тогда были избраны Ленин, Каменев, Крестинский, Сталин и Троцкий, кандидатами стали Бухарин, Зиновьев и Калинин. В Оргбюро стали работать Крестинский, Серебряков, Сталин и Стасова. Крестинский, Серебряков и Преображенский вошли в Секретариат ЦК. Молотов тогда не догадывался, что именно ему предстоит заменить эту команду.

2. ПО ВОЛГЕ И КАМЕ

После съезда Молотов подхватил сыпной тиф, который тогда вместе с испанкой косил население страны. Крепкий организм не подвел – в апреле Вячеслав Михайлович выздоровел, однако более месяца оставался не у дел – назад в Петроград его не ждали.

¹ Восьмой съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1959. С. 186.

А потом его вызвал Ленин. Молотов ждал настоящего дела, перебирал варианты нового назначения. Ильич встретил его знакомым, с хитрецей, взглядом. С 1917 года знал он этот веселый взгляд, вроде расслабляющий и добродушный. А потом Ильич может такое сказать, так саркастически уколоть, что не оправишься. Однако в этот раз вождь поразил Молотова иначе – предложением... отправиться в круиз на комфортабельном корабле.

Ленин решил назначить уполномоченного РКП(б) и ВЦИК, который должен был с группой партийных работников пройти на корабле по Волге и Каме, агитируя, инструктируя местных руководителей и собирая информацию о ситуации в этих регионах. Таким уполномоченным и политкомиссаром агитационного парохода «Красная Звезда» и был назначен Молотов. Пока пароход, в дореволюционном девичестве носивший название «Антон Чехов» и предназначенный для волжских прогулок царской семьи, готовился в путь в Нижнем Новгороде, Молотов выехал в Киев. Под южным солнцем он намеревался восстановиться после болезни и там же с помощью почты и телеграфа подготовить поездку: подобрать кадры, обеспечить материально-техническое снабжение. Помогало то, что в экспедицию Владимир Ильич направлял и свою жену Н. Крупскую.

Регионы, куда направлялся Молотов, совсем недавно были ареной драматичных событий: «чапанного восстания» крестьян и сражений с белыми войсками А. Колчака. Там царила «разруха», и большинство населения смотрело на коммунистов недобрым глазом.

При подготовке к экспедиции Молотов проявил пунктуальность, доходящую до педантизма. Он написал инструкции самому себе как коменданту, а также помощнику коменданта, заведующим пароходно-технической частью, книжным складом, хозяйством, информационно-справочным столом, правила распорядка и счетоводства. Не довольствуясь бумагами, Вячеслав Михайлович провел индивидуальный инструктаж членов команды из 57 человек.

За два дня до отбытия Молотов получил от ВЦИК мандат, который давал ему право ревизовать и инструктировать местные Советы и учреждения, а также принимать обязательные для них решения: «Всем учреждениям и организациям РСФСР предлагается оказывать товарищу Молотову всяческое содействие при выполнении возложенных на него пору-

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Москва, Кремль.

27. VI 1919 г.

№.....

Удостоверение

Податель сей - лично
мнѣ извѣстенъ. Служащій парторгком.
работник, тов. Молотовъ, упол-
номоченный В. Ц. К. на кар-
татурно-инструкторскую работу
"Красная Куря".

Принимая вѣд. Всаде и укре-
плений, оказывать ему вѣд. Всаде
содѣйствіе, и при необходимости на-
правлять вступая съ нимъ, за-
казу ему прѣд. прѣд.

Ир. Сик. В. И. Ленин (Ленин).

Удостоверение уполномоченного ВЦИК В.М. Молотова

27 июня 1919

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 8. Л. 16. Автограф В.И. Ленина]

РОССИЙСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

/БОЛЬШЕВНИКОВ/

К о п и я 14
Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

Москва, "27" Июня 1919 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ 3541.

М А Н Д А Т .-

Пред. явитель сего член Петербургского Комитета Р.К.П. тов. Вячеслав Михайлович МОЛОТОВ делегируется Центральным Комитетом Р.К.П. на агитационно-инструкторский пароход "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА" /бывш. Антон Чехов/ в район рек Волги, Камы и их притоков.

Центральный Комитет Р.К.П. уполномочивает тов. МОЛОТОВА инструктировать и производить ревизии всех местных партийных организаций указанного выше района, где это будет им признано необходимым.

Всем местным партийным организациям Ц.К.Р.К.П. предлагается давать тов. МОЛОТОВУ полную информацию о положении дел и оказывать необходимое содействие при исполнении возложенных на него поручений.

М.П.

Подлинный подписали: За Секретаря Ц.К. /Подпись/

Член Ц.К. Е. СТАСОВА.

С подлинным верно: Делегирователь

Мандат члена Петербургского комитета РКП(б)

В.М. Молотова для инструктирования и ревизии всех местных парторганизаций

27 июня 1919

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 8. Л. 17]

чений»¹. А 27 июня из Москвы в Нижний Новгород отъезжающих провожал лично Ленин. Председатель Совнаркома выписал Молотову дополнительный мандат от своего имени: «Податель сего – лично мне известный старый партийный работник тов. Молотов, уполномоченный ВЦИК на литературно-инструк-

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 8. Л. 5.

торском пароходе “Красная Звезда”. Прошу все власти и учреждения оказывать ему всяческое содействие и по возможности не передавать военные сообщения, давать ему прямой провод. Пр. СНК Ульянов (Ленин)»¹.

В Нижнем, где команда Молотова несколько дней ждала отплытия, Вячеслав Михайлович познакомился с председателем губернского комитета партии и исполкома Л. Кагановичем. Через несколько месяцев Молотов сменит его в Нижегородском кремле, а с 1921 года начнется их тесное сотрудничество, которое продлится несколько десятилетий.

Крупская писала в дневнике: «Водворились, наконец, на “Красной Звезде” (бывший “Антон Чехов”). Рядом стоит баржа, окрашенная в ярко-красный цвет и украшенная рисунками. Эта баржа пойдет с нами: на ней будет кинематограф, книжный склад и магазин, электрическая выставка. На “Красной Звезде” – радио и типография, в пути будет выходить газета»².

Отчалили 6 июля. В тот же день была первая остановка в селе Работки, 7 июля посетили Васильсурск и Юрино, 8 июля – Козьмодемьянск, 9 июля – Чебоксары и Мариинский посад, 10 июля – Казань. Здесь Молотов выступил на V съезде Советов губернии, убеждая делегатов, что, несмотря на поражение Колчака, война предстоит еще долгая. Наступает Деникин, а империалисты заключили Версальский мир и всеми силами продолжают действовать против Советской России, а «значит, напряжение с нашей стороны должно быть все более и более»³.

Затем маршрут лежал по Каме. 19 июля планировалась стоянка в Чистополе, 21 июля – в Елабуге, 23 июля – в Набережных Челнах, 28 июля – в Сарапуле, 31 июля – в Гольянах. Отсюда Молотов съездил в Ижевск и Воткинск. 7 августа пароход был в Осе, 11 августа – в Перми. Затем предполагалось возвращение в Сарапул к 19 августа, чтобы дальше пройти на юг по Волге столько, сколько позволит военная ситуация.

Плыли в основном ночью, а днем останавливались на очередной пристани, будь то город, село, завод или посад. Для жителей небольших городков, не избалованных развлечениями, агитпароход был совершеннейшей экзотикой, и там аншлаги были обеспечены. На пароходе и особенно на прицепленной к нему барже, где

¹ Там же. Л. 6.

² Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. 11. М., 1963. С. 731.

³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 9. Л. 51–52.

показывали кино и продавали книжки, перебивали чуть ли не все жители таких мест. Плотной чередой шли митинги, беседы, встречи с местным начальством, ревизии и инструктаж в партийных и государственных органах. Как вспоминала Крупская, «перед каждой остановкой т. Молотов собирал нас, работников “Красной звезды”, и мы тщательно обсуждали план выступлений, план той организационной работы, которую надо провести. Потом собирались после остановки и подводили итоги. Такая организация работы давала очень много»¹. Только в Чистополе агитаторов встречали недоброжелательно².

Впрочем, судя по распорядку пребывания в Ижевске 1–2 августа, перегрузки тоже не было. Можно было и город посмотреть, и с местными начальниками по душам поговорить. С утра 1 августа лекция в 7 часов, митинг в полдевятого, затем митинг на заводе в 3 часа. 2 августа в 3 часа – исполком, в 7–8 часов партсобрание. Затем митинг с докладом Молотова «Куда ведет рабочих и крестьян коммунистическая партия»³.

Вот еще одно типичное расписание: 11 часов – заседание Политотдела парохода. 2 часа – митинг в саду для красноармейцев «За что борется Красная армия». 4 часа – собрание Исполкома и партийной организации с инструкторским отделом парохода. 5 часов – митинг в клубе для красноармейцев «Куда ведет рабочих и крестьян коммунистическая партия». 7 часов – заседание в театре с горсоветом, профсоюзами и фабзавкомками о впечатлениях и результатах поездки по Каме. 9 часов – собрание с ответственными партийными работниками на пароходе⁴.

Сохранившиеся в архиве конспекты позволяют перечислить основные темы выступлений Молотова во время этого путешествия. Он говорил о достижениях советской власти – она дала мир и землю. Рабоче-крестьянское государство теперь распоряжается фабриками и заводами, занялось просвещением. Все блага культуры теперь – для рабочего и крестьянина. Только берите. Вот, и мы на пароходе привезли литературу. Правда, сейчас снова нужно воевать и давать власти продовольствие, вырванное крестьянами на собственной земле. Но враг стремится вернуть землю помещикам, а фабрики – капиталистам. Не нуж-

¹ Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. 1. М., 1957. С. 59.

² Там же. С. 63.

³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 9. Л. 37 об.

⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 8. Л. 71.

но верить соглашателям меньшевикам и эсерам – они на деле помогают белым. У советской власти уже появляются союзники в Германии и Венгрии, скоро их будет больше – грянет мировая революция. При этом империалисты еще и между собой снова могут передрались. А когда мы победим империализм – то и социалистическое строительство пойдет веселее, и жизнь станет лучше.

И при подготовке, и на встречах с коммунистическим активом Молотов скрупулезно вел записи, выделяя наиболее острые темы:

Советская власть как система, коммунистические организации, кадры, их отток при наступлении белых и приток теперь;

Слабость агитации;

Продовольствие, коллективизация;

Мобилизация;

Производственная дисциплина, учет сырья и продукции;

СНХ, бухгалтерское дело, неоправданные расходы;

Профсоюзы;

Комсомол;

Просвещение¹.

Молотов фиксирует различие ситуации в разных пунктах путешествия, где-то одно направление провалено, а другое выглядит неплохо, а где-то – наоборот. Но с этой оговоркой вырисовывается общая картина постепенного преодоления развала, вызванного как большевистской политикой, так и Гражданской войной. Это преодоление идет и от «местных сил», которые налаживают жизнь после потрясений, и от центральной власти, приобретающей опыт управления. Вячеслав Михайлович не только отмечает проблемы, но предлагает их решение. Для того и направлен. Молотов уедет, а местные начальники будут выполнять его ценные указания. Если захотят. Чуть позднее нижегородские коммунисты продемонстрируют, что не жалуют посланцев центра. Но при однодневном визите большого начальника, ему, конечно, будут вежливо кивать. Тем более, что он может ударить кулаком по столу и принять кадровое решение. В Воткинске Молотов помечает: «сменить заведующего отделом милиции»².

Вот профсоюзная работа на Каме поставлена плохо. Необходимо предохранять союзы от непролетарских элементов. Союзы

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 9.

² Там же. Л. 39.

коммунистической молодежи нужно теснее связать с партией. Слушатели кивают: нужно. Безработицы нет, есть недостаток в рабочей силе из-за мобилизации, например в Перми¹. Посодействуйте, товарищ Молотов, возвращению рабочих к станкам. Колчака-то уж в основном побили. Или еще нет?

Со здравоохранением тоже неважно. Врачей не хватает. В Мотовилихе нужно приостановить завод из-за эпидемии сыпного тифа².

В ходе своей миссии Молотов постоянно обращает внимание на выстраивание централизованного аппарата, причем так, чтобы не возникало перегородок между местным активом и центром, с которым Вячеслав Михайлович отождествляет стратегию революционного преобразования страны и мира. Корни проблем он видит в беспорядке, неорганизованности, хаосе, идущем от бескультурия. То, что дезорганизация может идти и из центра, от центрального бюрократического аппарата, Молотов не понимает. Хотя бюрократию, конечно, не жалуется, но региональную: в Прикамье «губернские центры более бюрократичные и часто хуже, чем уездные, которые заняты практическим делом, являясь живым телом СовРоссии»³. Отношение губернских и уездных Советов вообще запутаны, их права и обязанности не урегулированы. «Нет Советов *в целом* (и в среднем) работающих хорошо во всех отделах»⁴. Эту систему еще только предстоит создать.

Часто Молотов фиксирует плохую организацию финансов, «колоссальный рост расходов». В Саратове в месяц дошли с 300 миллионов до миллиарда⁵. В Елабуге Молотов прорабатывал советских работников за плохую организацию бухгалтерии. Но отметил, что из 20 миллионов чрезвычайных налогов собрали 19,3 миллиона⁶. Неплохо. Нужно устроить еще обыск у местных богачей. И повнимательнее товарищи – у вас еще свободная торговля хлебом наблюдается – прекратить немедленно. А что это у вас в сиротском доме воспитанницы здоровенные? 18-летние «тумбочки с глазами» – им работать давно пора. На что еще обра-

¹ Там же. Л. 15.

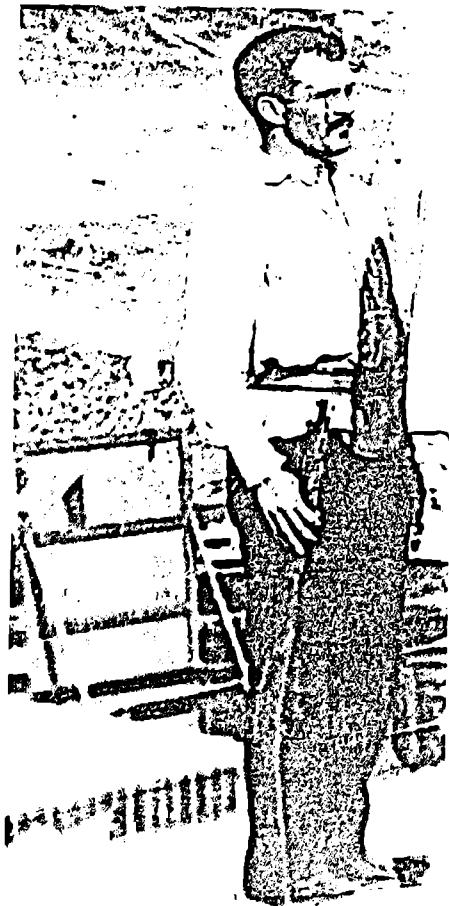
² Там же. Л. 104.

³ Там же. Л. 16 об.

⁴ Там же. Л. 17 об.

⁵ Там же. Л. 17.

⁶ Там же. Л. 63.

*В.М. Молотов на занятиях
по Всеобучу на агитпароходе
1919*

*[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2.
Д. 1599. Л. 3]*

тить внимание: земля не доделана, землеустройство никудышное. Состав работников СНХ неподходящий, некультурный¹.

Где-то теперь те молодые революционеры, с которыми он переписывался десятилетие назад? Остались ли в Елабуге? Почему не они работают на благо революции в совнархозе, а какие-то тупицы? Мобилизованы на фронт? Или оказались на стороне эсеров, а через них – к белым ушли? Или кто-то из них сидит сейчас в зале и не понимает, что перед ним тот самый казанский подпольщик, который хотел связать их с партией эсеров.

Молотов развернуто комментирует состояние совнархозов в этих регионах – еще недавно он занимался как раз этой работой. СНХ на губернском уровне создаются активнее, чем на уездном,

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 9. Л. 70–75.

где действуют экономические отделы (видимо, ревкомов и Советов). И тут же губернские СНХ «разбухают», наращивают число служащих¹. Зато в Пермском совнархозе Молотов отмечает нехватку сотрудников. Почему бы из профсоюзов их не взять, как в Питере делали? А пока наоборот – действует «захватное право» профсоюзов в отношении совнархоза и параллелизм в работе. Профсоюзное руководство подменяет собой руководство экономикой². Эта тенденция на будущий год выльется в профсоюзную дискуссию.

Постепенно налаживая работу, СНХ сначала только регулировали промышленность, а затем начинают прямо ею управлять (это Молотову нравится, соответствует его опыту). Но учет предприятий еще не налажен, так что управление явно происходит так же хаотично, как и в период красногвардейской атаки на капитал. Занимая новые пространства России, советская власть проходила через ту же неразбериху, которая была характерна для ее экономической политики первого года существования. Значит, теперь задача Молотова – неуклонно добиваться упорядочения управления от центра к губернии, от губернии – к уездам и предприятиям, к рабочим и крестьянам до последнего человека.

Но единству системы препятствуют внутренние конфликты. Молотов фиксирует разногласия «соцобеза» (структур социального обеспечения Совета) и военкома по поводу распределения пайков³. Конфликтов между коммунистическими начальниками немало. Вот в Вольске чекисты враждуют с ревтрибуналом⁴.

Коммунистических работников вообще не хватает, в губернских органах работают бывшие эсеры, в уездах – часто беспартийные. Не удивительно, что движение к коммунизму идет медленно, особенно на селе. «В земельном деле всюду отсутствует коммунистическая линия. В земотделах нет указаний центра. У областной агрокультуры есть указания центра, но бездействуют места. Всюду трения между совхозами и земотделами. Коммуны раньше поощрялись, теперь их организуется меньше»⁵.

¹ Там же. Л. 16.

² Там же. Л. 101.

³ Там же. Л. 15 об.

⁴ Там же. Л. 133.

⁵ Там же. Л. 16.

Да и наладить продрозверстку пока не удастся. «Натуральный налог почти нигде не поступает»¹.

Дела с просвещением тоже обстоят неважно: «Учительский состав слаб. У них нет *никаких новых книг*»². Новая литература — это коммунистическая. То есть учительство продолжает воспроизводить некоммунистическую культуру в новых поколениях. Молотов сетует, что учителя не улавливают «новых веяний», не проявляют инициативы. Их можно понять — за иную запросто к стенке поставят. Так что «необходимы инструктора из центра», одним из которых по сути и был Молотов. Но такие визиты редки, так что нужно наладить подготовку своих инструкторов в губернии³. Идея создания такой системы витала в воздухе и будет иметь большое будущее.

Изучать опыт, обобщать его, передавать... В Чебоксарах Молотов положительно оценил и проведение мобилизации, и заготовки хлеба и леса, и борьбу со спекуляцией, и ловлю мешочников. Хозяйства уезда взяты на учет. Жестко здесь зажала обывателей советская власть. Пожалуй, можно даже увеличить нормы потребления для людей и лошадей. В целом хорошее впечатление на Молотова произвела работа коммунистов, хотя и частные недостатки он берет на карандаш: в работе детских учреждений, милиции, библиотеки, совнархоза, куда проникли бывшие буржуи. Продовольствие собрали в государственные закрома, а мука — затхлая. И неизвестно, чья вина⁴ (так с государственными закромами будет теперь десятки лет). Известно, что бесхозяйственность рука об руку с воровством ходят. И как с этой парочкой справиться, если даже на нашем пароходе свои у своих крадут?⁵

Главной проблемой экспедиции оказалась Крупская — из-за вечно неважного самочувствия. Не сходила на берег 7–8 июля, затем поучаствовала в митингах — и стало хуже: «У меня от постоянных выступлений взбесилось сердце, ноги распухли и покрылись экземой, приходилось отлеживаться»⁶. Ленин писал ей

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 9. Л. 17.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Л. 16, 100.

⁴ Там же. Л. 40–43 об.

⁵ Там же. Л. 4 об.

⁶ Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 65.

*Н.К. Крупская на
палубе литературно-
инструкторского
парохода «Красная
Звезда»*

1919

[РГАСПИ. Ф. 82.

Оп. 2. Д. 8. Л. 64]

15 июля: «От Молотова узнал, что приступ болезни сердца у тебя все же был. Значит, ты работаешь не в меру»¹.

В начале августа Молотов вновь сообщает ему: «Здоровье Надежды Константиновны страдает обычной неустойчивостью без резких перемен». Ижевск посещать не стала, с парохода не сходила, но в целом «условия для жизни и здоровья благоприятнее, чем раньше». Затем добавил было: «Возвращаться в Москву она не хочет»² — но подумал и фразу зачеркнул. Если Крупскую заберут в Москву, ему, пожалуй, будет поспокойнее, и больше сил можно будет направить на реальное дело. Так и случилось. Крестинский, возвращавшийся в Москву через Пермь, увез Надежду Константиновну в столицу.

Впечатление о Вячеславе Михайловиче как о человеке, умеющем наладить работу, она, конечно, передала Ленину. После этого Ильич и стал видеть в Молотове не ершистого увлеченного агитатора, а ценного партийного организатора, которых так не хватало. Ленин собирался и дальше держать руку на пульсе всех проблем Советских республик и коммунистического движения. Но уже уставал. Так что ему был нужен работоспособный послушный секретарь. Молотов вспоминал о Ленине: «Вообще,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 377.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 8. Л. 63.

*В.М. Молотов на
пароходе «Красная
звезда»*

1919

Художник

П. Васильев

[РГАСПИ. Ф. 82.

Оп. 2. Д. 1599. Л. 1]

нашей поездкой он был очень доволен. Конечно, Крупская после возвращения рассказывала ему что-то о нашей работе»¹.

Пароход покинул Пермь 14 августа. Планировалось 27 августа прибыть в Симбирск. У Соколиного плеса на Каме пароход налетел на камни, но без тяжелых последствий – лишь немного выбились из графика.

Низже по Волге посетили Симбирск, Самару, Сызрань, Хвалынский, Балаково, Вольск, Маркштадт (Воронск), Саратов, Камышин. Доплыли до Дубовки и повернули – дальше властвовали белые, занявшие Царицын. На обратном пути экспедиция загружалась хлебом для центральных регионов республики. Вся команда, включая и коменданта, грузила мешки на корабль и баржу. «Красная звезда» вернулась в Нижний Новгород 20 октября.

Итог поездки был впечатляющим: посетили 95 населенных пунктов, познакомились с 71 партийной и 75 советскими организациями. Молотов приобрел новый для себя опыт, изучил

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 168.

проблемы огромного региона, причем всесторонне. Это не значит, конечно, что он научился комплексно и мыслить, отделяя главное от второстепенного, выявляя причины проблем и то, что Ленин называл «решающим звеном» (тоже, впрочем, не всегда удачно пытаясь за него тянуть). Но Молотов обрел привычку систематически перерабатывать большие массивы разнородного материала. Она и сделает его незаменимым помощником Ленина и Сталина в сборе и систематизации управленческой информации и в отслеживании выполнения решений.

Завершение экспедиции Молотова совпало с переломом в Гражданской войне. В октябре Красная армия перешла в контрнаступление под Воронежем, Курском и Орлом. Белые стали откатываться на юг. В начале 1920 года войска Деникина и Колчака были окончательно разгромлены, в Европейской части страны только Крым оставался за белыми, во главе которых после отставки А. Деникина встал П. Врангель.

Лихолетье разрушило мирок, в котором взрастал Вячеслав Михайлович. Семья выживала за счет огородов, бизнес Небогатиковых конфисковали. Нолинск погрузился в разруху. Двое братьев погибли на войне. Младший, Сергей, был у красных и вроде бы угорел. Старший, Виктор, служил у белых, не пережил тиф. В 1920 году умерла Анна Яковлевна, мать Молотова.

3. РАСПРИ КОММУНИСТОВ

В Нижнем Новгороде Молотов узнал о новом назначении – главой здешнего губернского исполкома. Пост государственный, а не партийный, так что аппаратного веса по сравнению с 1918 годом у Молотова не прибавилось. Работа в основном хозяйственная. Партбюро, куда Молотов тоже входил, возглавлял местный выдвиженец Кузнецов. Отношения с местной командой руководителей у Молотова не заладились, так что задерживаться в Нижнем желания у него не было¹. Получалось как во время его путешествия по Волге: приехал, навел шороху и уехал. А пока Молотов работал в Кремле. Но, увы, не в московском, а в нижегородском.

С осени 1919 года, когда белые были еще близко, губерния находилась на военном положении. Так что Молотов сумел отточить здесь командные принципы управления, привычные по

¹ Там же. С. 171.

В.М. Молотов среди группы моряков Волжской военной флотилии

1920

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1604. Л. 14]

Петрограду и осмысленные в ходе волжской экспедиции. Мало того — он сумел настоять на их применении не только в государственной, но в партийной администрации. Именно по докладу Молотова VIII губернская партконференция 17 января 1920 года приняла постановление, потребовавшее «ввести боевую систему работы во всех сов. отделах, применяя ее как для быстроты принятия решений, так и для быстроты и точности проведения в жизнь, вводя вместе с тем принцип строгой ответственности за выполнение порученного дела по отношению ко всем советским работникам. Проводить в жизнь во всех практических органах советов сокращение коллегиальности»¹.

Молотов отчитывался в успешном проведении продразверстки и организации трудовой повинности — работ с помощью

¹ Цит. по: Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 479.

принудительного труда. Народ пока терпел – ведь продолжается война с белыми, надобно потерпеть.

В 1920 году Молотов ощутил интерес к себе со стороны Ленина. Все-таки Крупская правильно информировала Ильича. Сначала Ленин обратился к Молотову (но не к Кузнецову) с небольшим поручением. Нужно было помочь в организации исследований жившему в Нижнем Новгороде радиоинженеру, родственнику управляющего делами Совнаркома В. Бонч-Бруевича. Разговор состоялся в Москве, и Ленин оценил собеседника. Пригласил ещё заходить, обсуждать за чаем хозяйственные и политические вопросы.

Как представитель нижегородской парторганизации, Молотов принял участие в работе IX съезда РКП(б) 29 марта – 5 апреля 1920 года. И в своем выступлении взял небольшой реванш над Бухариным, раскритиковав его за доклад, где мало говорилось о практической работе в профсоюзах и преодолении там бюрократизма¹. Скоро в партии об этом только и будут говорить: начиналась целая дискуссия о профсоюзах и бюрократизме. На съезде Молотов был избран кандидатом в члены ЦК – Ленин присматривался к нему все пристальнее.

IX съезд РКП(б) повернул совсем не туда, куда звал старый товарищ Молотова Шляпников. Как воевали во время Гражданской войны, так и будем трудиться – красноармейцев не демобилизуем, а направляем на решение хозяйственных задач в составе трудовых армий. Эта казарменная модель экономики предполагала милитаризацию транспорта и полупринудительный труд.

Съезд постановил провести 1 мая по всей стране коммунистический субботник. Хрестоматийная фотография Ленина, несущего с товарищами бревно, сделана как раз на нем. Молотов возглавил губернский оргкомитет субботника в Нижнем и отличился, устроив бесплатный коммунистический труд не в один, а в два дня. Если в Петрограде на субботник вышло 165 тысяч человек, в Москве – 425 тысяч, то в Нижегородской губернии за два дня – 591 тысяча, больше чем где бы то ни было².

Вернувшись из Москвы с серьезным повышением – кандидатом в члены ЦК, Молотов решил больше не церемонить-

¹ Протоколы девятого съезда РКП(б). Март – апрель 1920. М., 1934. С. 251.

² Цит. по: Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 488.

*В.М. Молотов среди членов Президиума Нижегородского
губернского исполнительного комитета*

1919–1920

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1604. Л. 13]

ся с местным руководством, которое явно не горело желанием подтягивать дисциплину «по-молотовски». На проходившей 15–17 июля X губернской партконференции разразился скандал. На закрытом заседании, где должен был избраться новый состав губкома, Молотов выступил против Кузнецова. Поднялся шум. Молотову не дали закончить доклад. Тогда он стал брать слово по каждой кандидатуре в отдельности, сравнивая своих противников с отрицательными героями Гоголя, Чехова и других классиков. Молотов выступил 19 (!) раз, обвиняя нижегородских руководителей в пьянстве, местничестве и других грехах. Возмущенное большинство 45 голосами при 13 воздержавшихся приняло резолюцию с порицанием Молотову за «туманные обвинения общего характера», «оскорбительные клички» и «отсутствие надлежащего такта и фактическую беспочвенность

обвинений и совершенно недопустимую демагогию»¹. Молотову указали на дверь – езжайте, товарищ, в распоряжение ЦК.

Молотов, однако, считал, что местные органы не вправе решать вопрос о составе собственного руководства и апеллировал к Москве. В ЦК решили переместить из Нижнего Новгорода обоих оппонентов. Молотова сначала хотели перебросить на Башкирию, но он попросил промышленную губернию. Пожалуйста – берите Донбасс.

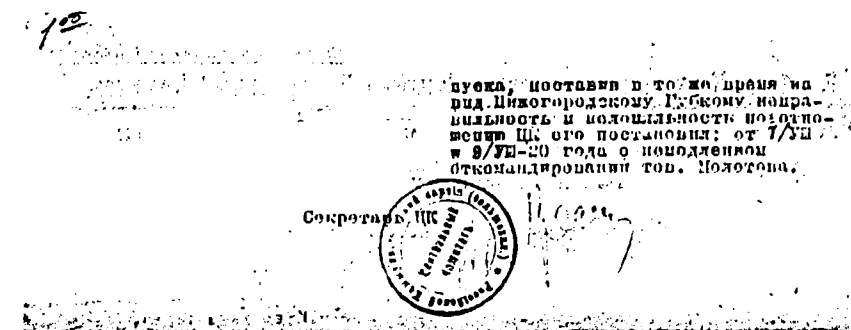
Вопрос разбирался 12 августа на Оргбюро ЦК РКП(б), которое поставило Нижегородскому губкому на вид «неправильность и нелояльность по отношению ЦК»². Перемещение Кузнецова в Николаев оно подтвердило. Молотову перед отъездом на Донбасс предоставили двухнедельный отпуск, так что на новые посты – первого секретаря губкома и председателя исполкома – он заступил 1 сентября. Встретившись на IX партийной конференции со своим сменщиком Микояном, Молотов поведал ему, что в Нижнем «обстановка сложная, резко проявляются местнические отношения. Работников из других губерний принимать не желают. Среди партийцев немало случаев морального разложения, злоупотребления спиртными напитками, несмотря на “сухой закон”...»³ Предупреждение о «местничестве» оказалось верным – Микояна на должность председателя губкома и губисполкома там действительно не утвердили. Первую просто ликвидировали, а на вторую избрали другого. Пришлось Микояну довольствоваться местом члена президиума исполкома.

Нижегородская эпопея затормозила дальнейшее карьерное продвижение Молотова – скандалисты в Москве были не нужны, эту проверку Молотов прошел без большого успеха. Вспоминается более поздняя претензия Ленина к Сталину – «слишком груб». Молотов в этом отношении не очень от него отличался. Но в 1921 году на Украине понадобится именно такой человек – весьма жесткий и всецело лояльный к руководству. Тем более что обстановка там складывалась весьма и весьма тревожная. Пока Молотов «рубился» с нижегородскими коммунистами, происходили важные исторические события: вспышка советско-польской войны и сражения с Врангелем на просторах от Донбасса до Днепра. С поляками, уже занявшими Минск, пришлось

¹ Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 494.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–1 об.

³ Микоян А.И. Так было. М., 1999. С. 169.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Коммунистическая партия (Большев.). Центральный Комитет.

№ 1302

Москва, 13 августа 1922 г.

Тов. МОЛОТОВУ

Выписка из протокола заседания Оргбюро от 12/VI-20 г. № 45.

СЛУШАЛИ:

17. Протест Нижегородского Губкома против отъезда тов. Кузнецова, назначения тов. Залужского и протест тов. Молотова против постановления Нижегородского Губисполкома о немедленном откомандировании его и распоряжении ЦК.

ПОСТАНОВИЛИ:

а/ Подтвердить немедленный отъезд тов. Кузнецова в Искотасел.
б/ Подтвердить назначение тов. Залужского Предгубисполкомом и предложить внести его в состав Губкома.
в/ Предоставить тов. Молотову 2-недельный отпуск и откомандировать его в Донбасс немедленно после отъ

Прим. сослаться на наш № и число.

*Выписка из протокола заседания Оргбюро РКП(б)
об откомандировании В.М. Молотова на Донбасс
13 августа 1920
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 11. Л. 1-1 об.]*

12 октября заключить невыгодное перемирие. Зато к 16 ноября остатки врангелевской армии отправились из Крыма в эмиграцию. В европейской части страны война фронтов закончилась, хотя повстанческие движения даже разрастались.

Делами разоренного Донбасса Молотов занимался недолго – в ноябре на съезде КП(б)У его избрали первым секретарем ЦК партии всей Украины. В Харькове Молотов встретил старого друга Аросева, который работал председателем республиканского ревтрибунала. Важный вопрос, который занимал приятелей – кровавая борьба с повстанчеством. Здесь действовали и махновцы, и сторонники независимого украинского государства,

и просто бандиты. Одновременно партию сотрясала профсоюзная дискуссия.

Молотов понимал, что оправдать доверие Ленина можно, хорошо показав себя в главном деле – в борьбе с фракциями накануне X съезда партии. На V конференции коммунистов Украины Молотов сумел нейтрализовать представителей «рабочей оппозиции», так что ни один из них делегатом съезда не стал. На съезд Молотов ехал как живое воплощение надежного партийного руководителя, успешно справляющегося с требованиями центра.

Вокзальные толпы были живой противоположностью коммунизма в понимании Молотова. Куда прут все эти люди? Нужно работать, преодолевать разруху. А они толкуются тут, штурмуют вагоны, чтобы носиться с непонятными, хаотическими целями по стране, дезорганизуя и без того с перебоями работающий транспорт. Паровозов катастрофически не хватает. Виновата Гражданская война и интервенция. Но и рабочие. Он помнит, как они саботировали государственные задачи в Петрограде. И сейчас явно саботируют, а эти дурачки из рабочей оппозиции, этот наивный мечтатель Шляпников, да и прочие фракционеры, еще и требуют отдать всю власть этим пролетариям только потому, что они, видите ли, пролетарии. Да, он помнит и о том, как они со Шляпниковым ходили по Петрограду и мечтали об организации рабочих, управляющих страной. Но ведь не любых рабочих, а именно организованных. Для начала их нужно организовать, привить им верную идеологию, чтобы это была не толпа шкурников, а разумное сообщество, действующее по единому рациональному плану.

А пока не коммунистическое общество, а броуновское движение. Ну вот куда ты прешь с тюками, это спецвагон, дай же пройти! Вот мой мандат, товарищ красноармеец.

Красноармеец, отпихивавший обывателей, желающих залезть на ступеньку вагона, посмотрел бумагу и пропустил важного товарища внутрь.

ГЛАВА IV

ТОВАРИЩ СЕКРЕТАРЬ (1921-1930)

Вячеслав Михайлович, перебирая бумаги, почувствовал себя деталью машины. Это не испугало его, скорее вдохновило. Скоро они перестроят всю Россию на индустриальной основе, все механизмируют. Страна будет работать как часы. И даже лучше, ведь часы — это всего лишь механизм, а общество станет гигантской эффективной машиной. СССР покажет пример всему миру, что значит идеальная организованность. А в центре всего — секретариат ЦК нашей партии. А в центре этого мотора решающая деталь — он сам, Вячеслав Михайлович Молотов. Он перелопачивает тонны документов, пропускает через себя, сортирует, правит, распределяет.

Отец-приказчик гордился бы его управленческим мастерством. Хотя куда ему понять суть сегодняшних задач, этой работы без отдыха, этого мерного организационного ритма. Куда приказчикам архаичной Российской империи до той партийно-государственной машины, которая выстроена при участии Вячеслава Михайловича, и важной частью которой является он сам.

Сможет ли эта машина работать без него? Конечно, есть выдающийся организатор Сталин. Может быть, пора его в очередном документе назвать и великим Вождем, как Ильича. Советский народ должен отдавать должное своим героям, своим вождям. Но они мыслят стратегически, а кто-то должен готовить для них материалы и твердо отслеживать выполнение их решений. Нужны отличные детали этой машины, железные ритмичные люди. Слово «приказчик» для них — устарело, слово «менеджер» — капиталистиче-

ское. Кто бы мог подумать пару десятилетий назад, какое огромное значение приобретет скромное слово «секретарь»...

І. ПОМОЩНИК ЛЕНИНА

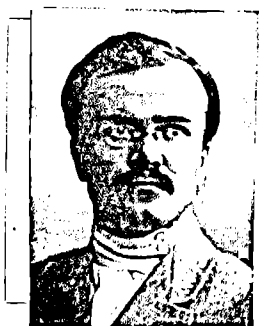
Разгром Белого движения привел к вступлению Российской революции в новую фазу. Крестьяне больше не опасались, что белые отнимут у них землю. Рабочие, участвовавшие в революции, уже не боялись репрессий reactionеров. Завершение широкомасштабной Гражданской войны вроде бы лишило оправданий политику «военного коммунизма», родившуюся в условиях мобилизации. Но отказываться от нее большевики не собирались. На ее основе предстояло создать полный коммунизм.

Социальная напряженность снова стала стремительно нарастать. Восстания крестьян, недовольных продразверсткой, полыхали по всей стране. Повстанцы требовали прекращения продразверстки, свободы торговли, ликвидации большевистской диктатуры. Кульминацией этой фазы революции стали рабочие волнения в Петрограде и Кронштадтское восстание моряков 28 февраля – 18 марта 1921 года. Несмотря на то, что оно было подавлено, сохранять «военный коммунизм» было далее нельзя. Это было чревато полной катастрофой режима и экономики. Выбирая между утратой власти и отступлением от «столбового пути» к коммунизму, Ленин выбрал власть.

X съезд РКП(б), проходивший 8–16 марта 1921 года, принял по докладу Ленина решение об отмене продовольственной разверстки, положив начало серии мер, известных как «новая экономическая политика» – нэп. Но не запоздали ли уступки? Положение и теперь временами казалось катастрофическим. Молотов вспоминал, как в 1921 году «Ленин собрал нас и сказал: “Все, Советская власть прекращает существование. Партия уходит в подполье”. Были заготовлены для нас документы, явки...»¹ Явки не потребовались, но партийное единство следовало крепить всеми силами. Ленинская позиция в дискуссии о профсоюзах на X съезде победила, и теперь в партии усиливалось влияние аппаратчиков, для которых карьера была важнее идеологических споров. О них говорилось на X съезде РКП(б): «...из провинции боятся командировать в центр, ибо как только командируют, товарищ идет в ЦК, представляет свои соображе-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 176.

45

Подпись владельца

„З" Москва 1921 г.

г. МОСКВА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (больш.).

Удостоверение.

Настоящим удостоверяется, что
изображенный на прилагаемой фотографии
тов. *Молотов*

Вячеслав Михайлович

есть член Центрального Комитета
Российской Коммунист. Партии (больш.),
избранный *Десятым* съездом партии.

Секретарь

Удостоверение члена ЦК РКП(б) В.М. Молотова

3 октября 1921

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1507. Л. 1-2]

ния относительно того, что ему необходимо остаться в центре, и его там оставляют»¹.

Молотов оказался, по сути, именно таким товарищем с мест, оставшимся в центре, притом отличался от других большевиков, начинающих карьеру в Москве, тем, что Ленин уже знал его как хорошего организатора, готового решительно до грубости бороться с местными аппаратчиками, еще не отвыкшими от вольностей первых лет советской власти.

На съезде Молотов предпочел воздержаться от выступлений. Тише едешь – дальше будешь. Это он уже понял. Молчанием не завоеешь авторитета, зато и недовольства не вызовешь. А в список для голосования в ЦК его включили с согласия Ленина. У Ильича на Молотова свои виды. Вот и результат – из 479 голосов 453 за, на голос больше, чем у Троцкого².

¹ Десятый съезд РКП(б): Март 1921 года. Стенографический отчет. М., 1963. С. 70.

² Там же. С. 402.

*Вячеслав Михайлович
Молотов
Автор Е.М. Ярославский
1923
[РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 1.
Д. 158. Л. 35]*

В кулуарах съезда Ленин проводил совещания сторонников, чтобы оппозиционеры не получили большинства в ЦК. «Когда Ленин предложил собрать сторонников платформы втайне от других, чтобы наметить кандидатуры для выборов в ЦК, Сталин, который все время молчал, подал реплику: “Товарищ Ленин, это же будет заседание фракции, как это можно допустить?” Ленин ответил: “Смотрите, старый и рьяный фракционер – и боится организации. Вот странно! В это время, пока мы здесь сидим, троцкисты второй раз собираются. У них уже готов список кандидатов в ЦК”»¹, – вспоминал А. Микоян. Ленин инструктировал, за кого голосовать, а кого прокатить. А уж обслуживающий партийный аппарат Секретариат должен состоять из безусловно послушных товарищей. Молотов подходил как нельзя лучше. Крестинскому, Преображенскому и Серебрякову найдем другую работу – не в ЦК. При этом съезд принял постановление «О единстве партии», которое запрещало фракции и группировки.

На первом после съезда пленуме 16 марта 1921 года вместе с Е. Ярославским и лидером московских профсоюзов В. Михайловым Молотова включили в новый Секретариат ЦК. Он получил пост ответственного секретаря и стал также кандидатом в члены

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 350.

*Емельян Михайлович
Ярославский
Автопортрет
1923
[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2.
Д. 168. Л. 16]*

Политбюро и членом Оргбюро. В Политбюро ЦК вошли Ленин, Сталин, Троцкий, Зиновьев и Каменев. Среди кандидатов Молотов был первым в списке наряду с Бухариным и Калининным, что давало ему преимущественное право замещения отсутствующих членов Политбюро.

Вознесенный на партийный Олимп, Молотов внимал объяснениям Ленина, чего от него ждут: «Вы должны как Секретарь ЦК заниматься политической работой, всю техническую работу – на замов и помощников. Вот был у нас до сих пор секретарем ЦК Крестинский, так он был управделами, а не Секретарь ЦК! Всякой ерундой занимался, а не политикой!»¹ Если Молотов верно передает слова Ленина, то Ильич лукавил – Крестинский пострадал как раз за то, что больше занимался политикой, чем помогал Ленину. Нужно было заниматься политикой в унисон с Лениным.

Состав Секретариата был заменен на съезде второпях. Команда оказалась неслаженной. Михайлов не тянул новую для него работу. Молотов не смог сработаться с Ярославским и пожаловался Ленину, что тот перегружает Секретариат мелкими вопросами. В августе 1921 года Ярославского перевели на другую

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 181.

работу, а Молотов остался во главе Секретариата. Ярославский был возмущен: «Вы карьерист! Это все ваших рук дело! Вы интриган!» Молотов, по его воспоминаниям, ответил: «Да что вы ругаетесь. Я просто хочу, чтобы вы работали где-нибудь в другом месте»¹. Молотов, таким образом, сразу принялся перестраивать аппарат под себя.

С этого времени через руки Молотова проходила информация обо всех значимых событиях в стране. Это создает некоторую трудность для его биографа, соблазн подменить биографию историей страны – ведь в архиве Молотова отложились документы о самых разных ее проявлениях. Может получиться книга на тему «Молотов и его время». Но все же это было время Ленина, Сталина и наиболее видных их противников. А Молотов стал тенью вождей. Трудно отделить тень от объекта, который ее отбрасывает. Но Молотов был той тенью, которая как правило знает свое место. И все же он был личностью, которая проявляла свою самостоятельность осторожно, но иногда весьма твердо, последовательно. На этой личности мы и сосредотачиваем наше внимание, лишь коротко характеризуя исторический фон, без которого нельзя понять поведение столь крупного партийно-государственного деятеля, которым Молотов отныне становится.

Секретариат ЦК работал рядом с Кремлем на Воздвиженке, дом 5 (ныне музей имени Щусева), квартиру же Молотов получил в Кавалерском корпусе Кремля. Вскоре она стала семейной – Молотов встретил юную коммунистку Полину Жемчужину. Перл Семеновна Карповская родилась 28 февраля 1897 года в Пологах Александровского уезда в еврейской семье. В юном возрасте переехала в Екатеринослав, где сама зарабатывала на хлеб. В 1918 году вступила в компартию. После разгрома красных на Украине оказалась в подполье в Харькове уже как Полина Жемчужина. После отступления белых была принята на партийную работу в Александровский горком и ЦК КП(б)У. Возможно, участвовала в борьбе с махновским движением.

Молодая, но уже опытная коммунистка была направлена на Международный женский конгресс, где как раз и выступал Молотов. Они познакомились и вскоре стали жить вместе. Жемчужина получила должность участкового партийного организатора в Рогожско-Симоновском райкоме Москвы, дома же взялась за обустройство быта. По свидетельству О. Аросевой, дочери

¹ Там же. С. 230.

*Полина Семеновна
Жемчужина
1910-е
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2.
Д. 1628. Л. 1]*

старого друга Молотова и впоследствии известной актрисы, в семейной жизни Вячеслав Михайлович был скорее подкаблучником¹. Жемчужина по-соседски дружила с Надеждой Аллилуевой – женой Сталина, который вскоре осел в Кремле уже в качестве начальника Молотова. Полина приобщилась и к привилегиям, которые позднее назовут номенклатурными, на лечение выезжала в Чехословакию, а Молотов съездил к ней затем в Италию².

В 1921 году Молотов в одночасье стал одной из ключевых фигур в РКП(б). Все основные государственно-политические решения принимались Политбюро ЦК РКП(б). Его повестку дня и материалы к заседаниям готовил Секретариат во главе с Молотовым. Секретариат также готовил и кадровые предложения для Оргбюро ЦК. С этого момента жизнь Молотова была перегружена делами: председательство на заседаниях Секретариата и Оргбюро, интенсивная работа на Политбюро, руководство циркулярной (рассылка указаний на места), бюджетной (деньги партии) и другими комиссиями. Молотов контролировал расхо-

¹ Аросева О.А., Максимова В.А. Без грима. М., 1998. С. 30.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 226.

дование золотого запаса на внешнеполитические операции и помощь компартиям.

На плечи Молотова легли и заботы о кадрах. Вместе с прежними товарищами по Русскому бюро ЦК Шляпниковым и Залужским он входил в комиссию по чистке партийных рядов, занимался упорядочением учета кадров, заложив фундамент новой технологии управления – знаменитой номенклатуры. Внимание Молотова сосредотачивалось также на борьбе с голодом, агитации населения в связи с процессом эсеров, высылке нежелательных философов, вопросах внешней политики (правда, здесь Молотов играл организационную роль, самостоятельных внешнеполитических позиций у него пока не было).

Но прежде всего Молотов стал исполнителем воли Ленина: с 1921 года собрание сочинений Ленина и опубликованные в 1990-х годах тексты «В.И. Ленин. Неизвестные документы» пе-стрят фамилией Молотова. Заинтересовавшись каким-то вопро-сом или приняв решение, Ленин поручает Молотову проследить, передать, разослать членам Политбюро...

Действуя как аккуратный исполнитель воли Ленина, Мо-лотов редко позволял себе ему перечить. В.А. Никонов пишет: «Как-то я поинтересовался у деда, голосовал ли он когда-нибудь в Политбюро против Ленина. Он задумался буквально на секун-ду и тут же ответил: “Да, когда Ленин собрался закрыть Боль-шой театр. Он считал его осколком дворянской культуры, на ко-торый не стоит тратить народные деньги”»¹. Дело обстояло так: в сентябре 1921 года Ленин поручил Молотову «отменить реше-ние Президиума ВЦИК о выдаче 1 млрд (миллиарда) на теа-тры, помимо НКпроса!! Это незаконно. Это верх безобразия». До-статочно «оставить из оперы и балета лишь несколько десятков артистов на Москву и Питер для того, чтобы их представления (как оперные, так и танцы) могли окупаться, то есть устранени-ем всяких крупных расходов на обстановку и т. п. ...Из сэконом-ленных таким образом миллиардов отдать не меньше полови-ны на ликвидацию неграмотности и на читальни»². Как видим, здесь Ленин не пишет о ликвидации театра, только об экономии. Молотов голосовал на заседании Политбюро против. Зря Ильич ссылался и на Наркомпрос – Луначарский тоже заступался за театры. В результате дело ограничилось сокращением дотаций.

¹ Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 622.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 170; Т. 54. С. 110.

*Анатолий Васильевич
Луначарский*

1918

*[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1.
Д. 460. Л. 1]*

В 30-е годы Сталин и Молотов будут поддерживать театральную классику и нередко посещать Большой.

Летом 1921 года в стране разразился голод с эпицентром в Поволжье. На последствия продразверстки и мобилизации наложилась засуха. Голодали десятки миллионов людей, гибли от голода сотни тысяч. Молотов вместе с Каменевым и Троцким вошел в комиссию по голоду, где его иногда заменял Чичерин.

К оказанию помощи подключилась и Православная церковь. Однако Ленин решил воспользоваться ситуацией иначе, разгромив ненавистного духовного противника. В начале 1922 года в печати прошла волна статей с требованиями передать церковное золото для закупки продовольствия. Это имущество представляло собой не только бесценное культурное наследие, но и религиозные святыни.

Не дожидаясь исхода переговоров с патриархом Тихоном, 23 февраля 1922 года ВЦИК принял декрет о конфискации церковных ценностей. Патриарх 28 февраля выступил против изъятия предметов, имеющих богослужебное значение, так как изъятие некоторых из них было святотатством. Массы ве-

рующих вышли защищать святыни, 15 марта в Шуе произошли столкновения. 19 марта Ленин направил Молотову письмо для членов Политбюро: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления»¹. Молотов пометил на письме: «Согласен. Однако предлагаю распространить кампанию не на все губернии и города, а на те, где действительно есть крупные ценности, сосредоточив соответственно силы и внимание партии»². Молотов, как видно, не разделял ленинского стремления воспользоваться моментом для сокрушительного удара по Церкви. Его больше интересовала утилитарная задача — получить необходимые средства. Политбюро 22 марта приняло постановление с поправкой Молотова, но на следующий день Троцкий предложил исключить ее из постановления³. Циркуляр ЦК и ВЦИК о полном изъятии церковных ценностей направили всем губкомам и исполкомам.

С лета 1921 года Ленин чувствовал себя все хуже и начал перекладывать на товарищей больше дел. А поскольку Молотов пользовался его доверием как человек, в силу молодости не претендующий на лидерство в партии, то Ленин рекомендовал его в комиссии по самым разным вопросам. Задача Молотова заключалась в правильном движении и оформлении документов, собственное мнение он высказывал не часто.

На заседаниях Политбюро, которые проходили по четвергам в зале заседаний Совнаркома, Молотов восседал одесную Ленина, отвечая за письменное оформление решений, тут же просматриваемых и редактируемых Лениным. Подпись Молотова как секретаря означала, что решение вступает в силу.

Молотов быстро проявил себя как идеальный секретарь. Не любивший его Троцкий признавал: «У него есть упрямство и трудолюбие. Последним качеством он отличается от Сталина, который ленив... Он пишет как старый канцелярист и так же

¹ Политбюро и Церковь. 1922–1925. Кн. 1. Новосибирск, 1997. С. 140.

² Там же. С. 144.

³ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): Повестка дня заседаний. Т. 1: 1919–1929. М., 2000. С. 169.

*В.И. Ленин в своем кабинете в Кремле после болезни
7 октября 1922
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 362. Л. 1]*

говорит; к тому же он сильно заикается. Но он успел выработать большую административную рутину и знает, как играть на клавиатуре аппарата»¹.

У Молотова было пять помощников: Герман Тихомирнов, младший брат покойного друга Виктора, старый товарищ Василевский, Бородаевский, Белов и Бажанов. Последний потом бежал из СССР и оставил мемуары, в том числе и о Молотове: «Это очень добросовестный, не блестящий, но чрезвычайно работоспособный бюрократ. Он спокоен, выдержан. Ко мне он был всегда крайне благожелателен и любезен и в личных отношениях со мной очень мил. Да и со всеми, кто к нему приближается, он корректен, человек вполне приемлемый, никакой грубости, никакой заносчивости, никакой кровожадности, никакого стремления кого-нибудь унижить или раздавить»².

¹ Троцкий Л. Сталин. М., 1995. С. 359.

² Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 179.

Впрочем, корректным Молотов был со своим внутренним кругом, а в политике мог быть весьма грубым. Иногда Ленин использовал его в качестве дубинки в интригах на заседаниях Политбюро. Молотов с удовольствием вспоминал в старости, как Ленин натравливал его на Троцкого: «Ленин мне пишет записку: “Будете выступать – выступайте как можно резче против Троцкого. Записку порвите”. Когда дошла до меня очередь, я стал костить Троцкого во всю Ивановскую... А тот, конечно, видел нашу застольную переписку с Лениным и снова взял слово: “На всякое дело есть свой Молотов!” – и стал по мне колотить так рассерженно, со злобой»¹.

В ходе XI съезда РКП(б) Ленин собрал уже привычное фракционное совещание, где инструктировал представителей регионов, за кого можно голосовать в ЦК, а за кого нельзя из-за участия в прежних оппозиционных группах. В открытом же выступлении вождь провозгласил, что отступление закончилось. Нэп стали теперь трактовать не как отступление, а как путь к социализму.

Молотов выступил на съезде 28 марта с докладом об организационной работе, напоминавшим статистический отчет и инструкцию по завинчиванию дисциплинарных гаек. Троцкий и Рязанов его раскритиковали, что могло стать дополнительным «плюсом» в глазах Ленина. Однако как раз в это время было принято решение, которое остановило карьерный взлет Вячеслава Михайловича.

2. ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАЛИНА

На первом после съезда заседании ЦК 3 апреля Сталин был избран его Генеральным секретарем. В конце 20-х годов этот пост стал первейшим в СССР, а в 60–80-е годы – синонимом главы партии и государства. Почему он был введен и почему его занял не Молотов? Ведь нареканий по его работе не было. Мимолетные разногласия по театрам и церковным ценностям вряд ли могли определить ленинскую позицию. «Ленин, видимо, посчитал, что я недостаточный политик, но в секретарях и в Политбюро меня оставил, а Сталина сделал Генеральным»², – вспоминал Молотов. Ленин понял, что Молотов является хоро-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 201–202.

² Там же. С. 181.

*Валериан Владимирович
Куйбышев*

*Автор Е.М. Ярославский
1923*

*[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2.
Д. 168. Л. 8]*

шим исполнителем, но от него очень редко исходит инициатива. Молотова где оставишь, там и найдешь. Наставления, что нужно быть фигурой политической, а не технической, пока не принесли нужного результата. Молотов еще не решался играть самостоятельную роль. А Ленину нужен был кто-то пробивной и инициативный, но без собственной стратегии продвижения к социализму, чем постоянно грешили Троцкий, Бухарин, Зиновьев и Каменев. Выбор был невелик – из лидеров партии на такую роль подходил только Сталин.

Секретарями ЦК стали Молотов и Куйбышев. По предложению Ленина особо оговаривалось, что секретари не должны заниматься технической работой, а Сталин должен назначить себе заместителей в советских учреждениях, которые он возглавлял, чтобы сосредоточиться на работе в Секретариате¹.

Оргбюро распределило обязанности между секретарями. Сталину достались вопросы Политбюро и областей, Куйбышеву – агитпроп, комсомол, управление делами и др., Молотову – организационная работа ЦК, учет и распределение партийных

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 168. Л. 20.

сил (то есть подготовка назначений на должности) и работа с организациями, не являющимися областными¹.

Сталин «подтянул» в Секретариат своих доверенных лиц А. Назаретяна, И. Товстуху, А. Поскребышева. В это же время туда пришли Л. Мехлис и Г. Маленков.

Еще 2 февраля 1922 года Политбюро приняло разработанное Молотовым положение об улучшении техники Секретариата ЦК РКП(б). Сотрудники секретариата должны были четко фиксировать решения Политбюро и отслеживать процесс их исполнения. При этом «все заявления и предложения для Политбюро должны вноситься непосредственно в Секретариат ЦК. В противном случае за аккуратность их исполнения Секретариат ЦК не несет ответственности». Таким образом намеревались покончить со спонтанным внесением вопросов членами Политбюро, упорядочить механизм обсуждения и исполнения решений. Секретариат должен был обеспечить принятие тех решений Политбюро, которые осуществлялись с помощью телефонных звонков, без обсуждения на очных заседаниях. Теперь это следовало делать в определенное время – от 3 до 4 часов (если позволяет срочность вопроса) после предварительной рассылки материалов. Материалы, идущие «в круговую», должны обойти членов Политбюро за 2–3 часа и вернуться в Секретариат с пометками «согласен». Переписка по особо секретным вопросам будет производиться исключительно через Молотова². Эта система в своей принципиальной основе сохранялась потом десятилетиями.

Молотов курировал Организационно-инструкторский отдел Секретариата, руководить которым также после IX съезда был назначен выдвиженец В. Куйбышева Л. Каганович. Если Секретариат должен был заниматься исполнением решений Политбюро и Оргбюро, то Оргинструкторский отдел был исполнительным аппаратом Секретариата. Он проводил решения Секретариата и контролировал исполнение. Сталин, Молотов и Каганович не покладая рук отлаживали машину управления партией. Положение об Оргинструкторском отделе определяло, что он является основным центром связи центра с местными организациями. Отдел должен был собирать информацию с мест, причем готовить сводки по единому образцу, а не в свободной форме, проверять выполнение решений центральных органов

¹ Там же. Л. 20–21.

² Там же. Л. 17–18.

*Лазарь Моисеевич
Каганович
Автор Е.М. Ярославский
1923
[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2.
Д. 168. Л. 31]*

на местах, выявлять противоречия старых и новых решений для их устранения, разрабатывать проекты и после утверждения вышестоящими инстанциями рассылать инструкции и циркуляры в парторганизации, обрабатывать информацию для печати, направлять на места инструкторов. Те проверяли ход работы, выявляли «слабые места», «накачивали» местных работников, объясняли, как вести дела по единой унифицированной схеме, выявляли на местах и распространяли положительный опыт¹.

Работа, хорошо знакомая Молотову по Волжско-Камской командировке. Теперь ему предстояло ее упорядочить – и не по наитию или отдельным прецедентам, а на разрастающемся массиве данных в пухлых досье – личных делах. В 1923 году Оргинструкторский и Учетно-распределительные отделы были объединены в единое ядро партаппарата – Организационно-распределительный отдел под руководством Кагановича. Вместе с ним Молотов разработал единую систему учета партийных кадров, известную как номенклатура. Каждого работника следовало охарактеризовать по специальной анкете, зафиксировать его опыт, имевшиеся успехи и неудачи, склонности, после чего раз-

¹ Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996. С. 258–260.

местить работника в таблице («сетке»), которая характеризовала уровень возможного использования данного «кадра».

Формирование этой новой «табели о рангах» шло нелегко. Каганович вспоминал: «На местах часто вызывались споры и даже склоки на почве обид, недовольства прикреплениями к сетке и определением масштаба, иногда приходилось аппарату ЦК рассматривать конфликты на местах и жалобы недовольных оценкой». В эту систему затем были помещены и непартийные элиты, в частности – профессура, которая распределялась по уровням номенклатуры разных уровней (всероссийского, губернского, областного и др.). В итоге, как утверждал Каганович, был обеспечен «подбор кадров по их действительному качеству, не допускающая кумовства, протекции, подхалимства и т. п.»¹. Это, конечно, была завышенная и лукавая самооценка выдающегося аппаратчика. Как мы увидим, сталинская группировка и в 1937 году будет бороться с кумовством, которое система номенклатуры не смогла изжить. А вот для борьбы с оппозиционно-настроенными коммунистами, не склонными к подхалимству перед партийными верхами, эта система годилась очень хорошо. Недовольных стали высылать из центра в провинцию как бы согласно их «объективно» установленным способностям и соответствию потребностям партии. А в центр стягивать товарищей, проверенных на лояльность. Кстати, и сам Каганович попал в ядро аппарата не без «кумовства» – Лазаря Моисеевича рекомендовал хорошо знавший его Куйбышев. Суть номенклатуры оставалась бюрократической – люди занимали формально даже выборные должности по «рекомендации» сверху, власть пополнялась путем назначения сверху таких работников, которые не будут перечить воле верхов.

3. СОЗДАТЕЛИ СССР

В 1922 году Ленину пришлось время от времени отходить от дел в связи с болезнью, и принятие некоторых, в том числе принципиальных решений переходило в руки «тройки» Зиновьев, Каменев, Сталин, в связке с которыми работал Молотов. Троцкого они не любили и стремились изолировать, а Бухарин и Рыков шли в фарватере доминирующей группы. Ленин время от времени возвращался к делам и раздраженно поправлял новых

¹ Там же. С. 312–313.

хозяев Кремля. Центральным вопросом, где Ленин столкнулся со Сталиным, стало государственное устройство.

Долгое время большевистским вождям было просто не до этого. Революция меняла ситуацию с такой калейдоскопической быстротой, что не было смысла оформлять что-то «на века». Но теперь, когда ее магма застывала, следовало разобраться – что образовалось на месте Российской империи. У большевиков был твердый ответ – «советские» и «народные» республики. Не важно, что Советы стали ширмой РКП(б), которой подчиняются остальные компартии. Формально для привлечения на сторону большевиков широких масс, приверженных идеям национальной самостоятельности – существовали «независимые» от России республики (Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Азербайджан, Бухара, Хорезм, Дальний Восток). Эта «игра в независимость» могла продолжаться, пока шла война со всем буржуазным миром. Но вот Запад предложил мир – Россию пригласили на экономическую конференцию в Генуе. И встал вопрос, может ли Российская делегация представлять другие советские республики, которые никто приглашать не стал, в силу их очевидного для Запада марионеточного характера. В январе 1922 года нарком иностранных дел Г. Чичерин запросил ЦК – как быть? Так оформление новой государственности встало в повестку дня как рутинный тактический вопрос. До Генуи решить этот вопрос не успели, и Чичерин поехал туда, получив формальные решения республиканских наркоматов иностранных дел о том, что Россия может представлять интересы всех республик.

Дело взял в свои руки Сталин. В спорах сторонников сохранения формальной независимости советских республик и тех, кто надеялся перекроить административное деление в соответствии с экономическими нуждами Сталин занял центристскую позицию – включить все советские республики в Россию на правах автономий – обеспечив им самостоятельность в вопросах культуры и языка и ликвидировав «игру в независимость», к которой руководители национальных республик (как их называли «националы») стали относиться слишком серьезно.

10 августа Политбюро решило создать комиссию по подготовке пленума ЦК, посвященного взаимоотношениям РСФСР и независимых советских республик¹. Комиссию возглавляли

¹ Образование Союза Советских Социалистических Республик: Сборник документов. М., 1972. С. 295, 493–494.

*Иосиф Виссарионович
Сталин
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 558.
Оп. 11. Д. 1650.
Л. 11 (№ 58)]*

Куйбышев и затем Молотов, но ключевую роль в ней играл Сталин. В комиссии были представлены руководители формально независимых республик. В конце августа под руководством Сталина был составлен проект решений по взаимоотношениям России и других советских республик, который предусматривал «формальное вступление независимых советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении в состав РСФСР»¹ (вопрос о Средней Азии и Дальнем Востоке на время был оставлен в стороне из-за дипломатических сложностей). Это

¹ Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 103.

позволяло при некоторой автономии республик обеспечить главное для Сталина: «организацию на деле единого хозяйственного организма на объединенной территории Советских республик с руководящим центром в Москве»¹.

23 сентября комиссия Оргбюро обсуждала этот проект «автономизации» под председательством Молотова. Присутствовали И. Сталин, Г. Орджоникидзе, Г. Сокольников, а также представители национальных республик – Г. Петровский, А. Червяков, С. Агамалы оглы, А. Мясников и К. Цинцадзе. Последний от имени компартии Грузии выступил против «автономизации», но большинство приняло за основу формулировку Сталина: «Признать целесообразным заключение договора между советскими республиками Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении и РСФСР о формальном вступлении первых в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее»². Однако на заседании отсутствовал целый ряд важных членов комиссии – П. Мдивани, Я. Янсон, Ф. Ходжаев и Х. Раковский, критиковавший принцип «автономизации».

24 сентября заседание прошло в более представительном составе. Лидер грузинских «националов» Б. Мдивани выступил против обязательности постановлений ВЦИК РСФСР (а значит и центральных исполнительных структур) для центральных учреждений всех республик. После бурной дискуссии Петровский предложил обсудить проект в ЦК республик, но Молотов не хотел допускать отправки документов на новый круг обсуждения. С перевесом в один голос (сказалось отсутствие Раковского) проект был принят. В ведение РСФСР предполагалось передать внешнюю политику, оборону, транспорт, а республикам оставить просвещение, внутренние дела, юстицию, земледелие, здравоохранение, социальное обеспечение³.

Получив от Молотова эти документы, Ленин 26 сентября раскритиковал Сталина на встрече в Горках. Он считал, что «Ста-

¹ Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 104.

² Образование Союза Советских Социалистических Республик. С. 296.

³ Образование Союза Советских Социалистических Республик. С. 296; Мельниченко В.Е. Христиан Раковский: Неизвестные страницы жизни и деятельности. Кишинев, 1992. С. 55.

лин немного имеет устремление торопиться». То есть направление его действий правильное. Но он не учитывает в достаточной степени национальных предрассудков. И главное – не все еще ясно с мировой революцией. Если советской станет Германия (а на это большевики всерьез рассчитывали до конца 1923 года), то она не сможет войти в состав России. Очень рассчитывал Ленин на подъем революционного движения в странах Азии. Угнетенным народам нужно показать, что советская власть несовместима с национальным угнетением, что новые советские страны не будут захвачены Россией, а войдут в добровольный союз. Переговорив по этому поводу, Ленин и Сталин быстро нашли решение, и формула Сталина была изменена: «Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии»¹.

При этом Сталин парировал и обвинение в торопливости, уличив Ленина в стремлении слишком быстро объединять наркоматы республик. Эта «торопливость» даст пищу «независимцам» в ущерб национальному либерализму т. Ленина². Неучтываемые возражения Сталина рассердили Ленина. «Ильич собрался на войну в защиту независимости... Отказался даже от вчерашних поправок»³, – тут же просигнализировал Сталину Каменев (видимо, он же пересказал Сталину обидные слова Ленина о торопливости, которые Генсек тут же вернул вождю). Но в главном Сталин предпочел уступить Ленину – в конце концов, главное, что партийная структура РКП(б) оставалась централизованной. После образования союза республик РКП(б) была переименована во Всесоюзную – ВКП(б), а отдельную партию для России создавать не стали. Так что национальные партии остались автономными образованиями в составе ВКП(б). На деле власть была построена в соответствии с идеей «автономизации», но формально – полностью в соответствии с предложениями Ленина.

Сталин и Молотов переработали резолюцию в соответствии с ленинскими предложениями, и 6 октября на пленуме ЦК была принята формулировка: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в Союз Социалистических Республик».

¹ Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 111.

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 114.

листических Советских Республик с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза»¹. Таким образом, именно комиссия Сталина – Молотова предложила название государства, которое вошло в историю.

Однако на пленуме произошли бурные споры – делегаты обвиняли друг друга в национализме. Особенно сильной атаке подверглись лидеры Коммунистической партии (большевики) Грузии [КП(б)Г] во главе с Мдивани. Дело в том, что Грузия наряду с Азербайджаном и Арменией была включена в Федеративный союз, с декабря он был преобразован в Закавказскую советскую федеративную социалистическую республику (ЗСФСР). Это объединение в Грузии вызвало недовольство – ЗСФСР называли лишней надстройкой, в которой не учитываются национальные особенности народов Кавказа. К тому же во главе Закавказского бюро ЦК РКП(б) стоял Серго Орджоникидзе – человек вспыльчивый и грубоватый, пользовавшийся безусловной поддержкой Сталина, но не своих соотечественников – старых большевиков. Грузины выступили за включение Грузии в Союз напрямую, безо всякой ЗСФСР и без руководства Орджоникидзе. На бюро Тифлисского горкома партии 19 октября разразился скандал, который вскоре вылился в оскорбления и рукоприкладство. Большинство членов ЦК КП(б)Г 22 октября подали в отставку, разбираться пришлось ЦК. Пока Ленин не мог по состоянию здоровья вмешаться в конфликт, Сталин и Молотов отправили в Грузию комиссию во главе с Дзержинским, которая осудила грузинских «независимцев». Возможно, Сталин не придал бы грузинскому делу большого значения, если бы все кончилось выводами комиссии. Но для него грузинское дело стало настоящим проклятием...

А пока Сталин чувствовал себя триумфатором, ведь именно он стал архитектором нового государства. Его аппарат готовил основные документы Союза Советских Социалистических Республик при активном участии Молотова, который, однако, свою роль не выпячивал. Декларацию об образовании Союза и Договор между республиками Сталин представил на I съезде Советов СССР 30 декабря 1922 года. К подписанию договора допустили РСФСР, ЗСФСР, УССР и БССР. В состав РСФСР вошло несколько автономных республик, некоторые из которых потом

¹ Образование Союза Советских Социалистических Республик. С. 299.

были преобразованы в союзные. На ближайшие десятилетия модель СССР оказалась весьма удачной, «заморозив» острые межнациональные противоречия, проявившиеся в начале XX века, и направив энергию народов СССР на задачи индустриальной модернизации и совместное отражение внешних угроз.

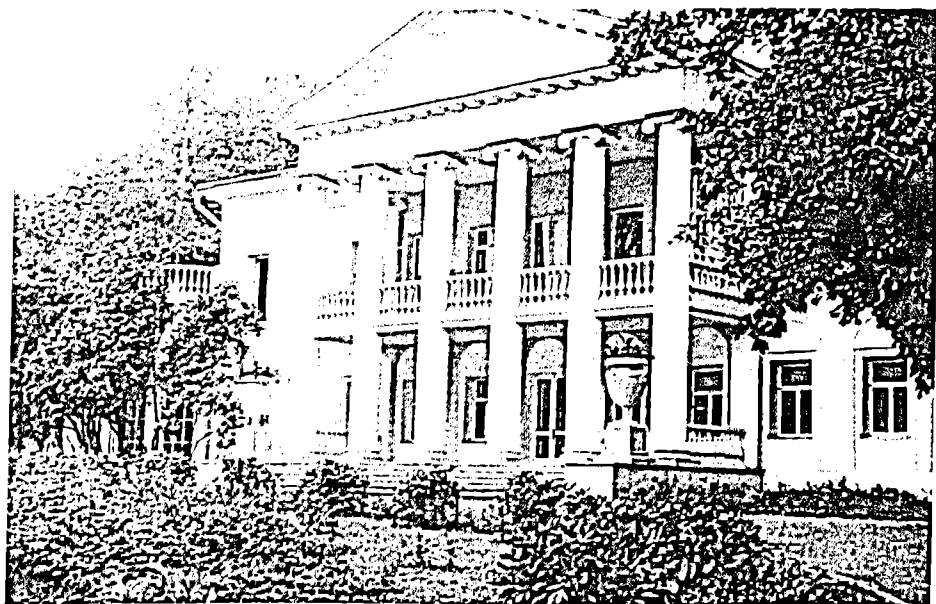
4. КТО ХОЗЯИН АППАРАТА?

25 ноября врачи предписали Ленину абсолютный отдых. Безуспешно. Только 7 декабря, после заседания Политбюро, где его последний раз живым видел Молотов, переутомленный Ленин уехал в Горки. Но 12 декабря вернулся. 13 декабря состоялось общение со Сталиным, которым, судя по последующим событиям, Ленин остался неудовлетворен. 16 декабря 1922 года последовал приступ болезни. 18 декабря пленум ЦК возложил на Сталина персональную ответственность за соблюдение Лениным режима покоя. В ночь на 23 декабря у Ленина была парализована правая часть тела.

Болезнь позволила Ленину отстраниться от текущей работы в Совнаркоме и попытаться осмыслить происходящее. Привыкший во всем видеть социальную основу, Ленин стал искать ее у новых оппонентов. Размышления о путях строительства социализма и опасностях бюрократизма накладывались у него на растущее раздражение Сталиным. Тот оказался не просто распорядительным, а слишком самостоятельным, не стеснялся спорить с вождем. И, что более существенно, Сталин, взяв на себя «текучку», стал изолировать Ленина от информации, а значит, и от власти. Вот и вспомнишь добрым словом послушного Молотова.

Как опытный политик, Ленин решил нанести удар в самом уязвимом месте – в национальном вопросе, который считался вотчиной Сталина. Больной вождь пишет статью «К вопросу о национальностях или об “автономизации”», где резко критикует Сталина.

Статья по национальному вопросу была не единственным выступлением Ленина против Сталина. В секретном письме к XII съезду партии он пенял на его «грубость», неприемлемую на посту Генсека, и предложил снять Кобу с этого поста. Впрочем, в этих записках досталось и другим соратникам Ленина. Но с поста снять Ленин предлагал только Сталина. А кем заменить? В 60–80-е годы над этим вопросом ломали голову сторонники

*Усадьба в Горках, где жил В.И. Ленин
[Из открытых источников]*

«ленинской альтернативы Сталину». Кто стал бы Генсеком вместо него, если бы Ленин сохранил дееспособность и добился замены? А далеко искать не нужно. Хотя Молотов был верным помощником Сталина в создании СССР и разрешении национальных конфликтов, ленинские молнии пролетели мимо него. Вероятно, Ленин не исключал возвращения к модели, при которой во главе Секретариата встанет Молотов, подчиненный лично вождю. Так случится в конце 20-х годов, когда вождем станет Сталин.

В своей борьбе против Сталина Ленин мог опереться на Троцкого, который тоже рассматривал национальные проблемы под углом зрения мирового революционного процесса. Лев Давидович утверждал, что Ленин предложил ему заключить блок против бюрократизма. «С хорошим человеком лестно заключить хороший блок, ответил я»¹. Если такой разговор был, то в середине декабря.

Троцкому Ленин и направил 5 марта материалы «грузинского дела» с запиской: «Я просил бы вас очень взять на себя защиту

¹ Троцкий Л. Моя жизнь. М., 1990. Т. 2. С. 216.

грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под “преследованием” Сталина и Дзержинского, я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы вы согласились взять на себя защиту, то я бы мог быть спокойным»¹. Это означало серьезную переориентацию симпатий вождя после конфликтов с Троцким 1920–1921 годов. Но союзник по «блоку» подвел – Троцкий не решился атаковать Сталина в одиночку. Отставных членов ЦК КП(б)Г разослали на дипломатическую и другую работу вне Грузии.

А приступ болезни 10 марта 1923 года лишил Ленина речи. Ленинское письмо уже после его смерти огласили на XIII съезде, причем не на пленарном заседании, а по делегациям, и на руки никому не дали. Каменев и Зиновьев защищали Сталина, Троцкий, к этому моменту потерпевший политическое поражение, возражать не рискнул.

А пока на XII съезде 17–25 апреля 1923 года политический доклад делал Зиновьев, организационный – Сталин. Троцкий прочитал доклад о промышленности, который имел большой успех.

По предложению Молотова XII съезд объявил важнейшей партийной задачей подбор партийных, советских, хозяйственных, кооперативных и профсоюзных руководителей². То есть, принцип номенклатуры шагнул за пределы партии и стал охватывать другие общественные организации.

Съезд в соответствии с рекомендациями Ленина увеличил состав ЦК с 27 членов до 40 и 15 кандидатов, а Центральной контрольной комиссии (ЦКК) – с 5 человек до 50. Ее возглавил Куйбышев, а на его место секретарем ЦК пришел работать Я. Рудзутак.

ЦК переехал в здание на Старой площади, где теперь находится Администрация президента. Кабинеты Сталина и Молотова находились рядом на пятом этаже – по обе стороны от зала совещаний. Как вспоминал Бажанов, «Сталин и Молотов много раз в течение дня встречаются и совещаются в этой средней комнате»³. Молотов теперь вел Оргбюро, передав ведение Секре-

¹ Архив Троцкого. М., 1990. Т. 1. С. 34.

² Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М., 1968. С. 639.

³ Бажанов Б. Указ. соч. С. 52.

тариата Рудзутаку. Но Рудзутак так и не стал таким же близким товарищем Сталина, как Молотов.

Выполняя решение съезда, комиссия под руководством Молотова и Кагановича подготовила постановление «О назначениях», принятое Оргбюро 12 июня. К ноябрю аппарат Молотова и Кагановича составил два списка должностей: номенклатура № 1 (около четырех тысяч постов, избрание и назначение на которые санкционировалось Политбюро или Оргбюро) и номенклатура № 2 (посты, назначение на которые могли осуществлять ведомства по согласованию с учетно-распределительным отделом ЦК и с санкции одного из его секретарей).

Номенклатурные работники далеко не сразу оторвались от социальной почвы, из которой вышли. Сохранялись родственные связи, общее революционное прошлое, делавшее товарищами и сослуживцами самых разных людей. Партийный чиновник мог возвыситься, но все равно узнавать от знакомых и родственников, как оно там живет под руководством «партии пролетариата». Когда Молотов уже работал в Москве, к нему приезжал отец. Вячеслав Михайлович вспоминал: «По церквам ходил... Он религиозный был. Не антисоветский, но старых взглядов»¹. В марте 1923 года он получил письмо, где отец жаловался на тяжесть налогов, которые разоряют нолинцев, на бестолковое строительство электростанции, плотину которой прорвало, так что дома затопило и деньги горожан смыло. О том же писал и брат Владимир. Отца не станет в 1923 году².

Разруха в Нолинске отражала общую неэффективность хозяйствования коммунистов. В 1923 году после первых успехов новая экономическая политика столкнулась с серьезной проблемой – кризисом сбыта промышленной продукции. Если измерять ее цену в пудах зерна, то она выросла по сравнению с 1913 годом в 3–4 раза. Государственные тресты диктовали монопольные цены, а частные перекупщики вздували их еще выше. Это привело к затовариванию – промышленные товары были так дороги, что масса населения просто не могла их покупать. Товарообмен между городом и деревней замер.

Рабочему классу, которому внушали, что он – «гегемон революции», опять напомнили, что зарплату нужно зарабатывать в поте лица. В этой обстановке достаточно было искры, гру-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 121.

² Никонов В.А. Молотов: Молодость. С. 682–685.

бости заводского начальства – и вот уже летом 1923 года прошли забастовки в Москве, Петрограде, Донбассе и других местах. На недовольство рабочих обратила внимание пресса. В газете «Труд» количество сообщений о трудовых конфликтах с 1922 по 1923 год возросло с 28 до 100¹. Массовые забастовки в «государстве рабочих и крестьян» были настоящей пощечиной коммунистам.

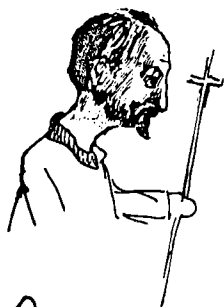
Между членами Политбюро начались споры на извечные темы: «кто виноват?» и «что делать?» «Тройка» была неустойчива. В июле Зиновьев и Бухарин на отдыхе в Кисловодске во время посещения пещеры приватно обсуждали упразднение Оргбюро (этот орган дублировал отчасти Политбюро, а отчасти Секретариат) и создание нового Секретариата в составе Сталина, Зиновьева и Троцкого. Смысл заключался в том, чтобы поставить Секретариат под контроль всех трех центров силы в руководстве РКП(б). В итоге, решили расширить Оргбюро, и оно во многом стало дублировать Политбюро, так что роль Секретариата как центра подготовки ключевых решений только возросла.

По мере развития номенклатурного принципа комплектования кадров «партия» (то есть Секретариат ЦК во главе со Сталиным, Молотовым, Рудзутаком и Кагановичем) развернула кадровое наступление и на епархию Троцкого – в сентябре на пленуме ЦК было принято решение пополнить состав РВСР видными партийными деятелями, вовсе нелояльными Троцкому. Такое случалось и прежде, но теперь Троцкий был возмущен, потому что это было сделано без договоренности с ним и без ясных причин. Стало ясно, что большинство Политбюро не собирается считаться с ним в столь важном вопросе, то есть не признает его равноправным членом руководства. 25 сентября Лев Давидович возмущенно покинул зал, где заседал пленум.

8 октября 1923 года Троцкий написал письмо в Политбюро, в котором, разбирая причины возникшего социально-экономического кризиса, утверждал, что «хаос идет сверху», так как назначаемые руководители подбираются не по принципу компетентности, а по принципу лояльности, а Политбюро работает бессистемно². В письме Троцкий увязал предмет своего личного недовольства – подчинение кадровой политики «секретарской

¹ Трудовые конфликты в Советской России в 1918–1929 гг. М., 1998. С. 171, 181.

² РКП(б): Внутрипартийная борьба в 20-е годы: Документы и материалы. 1923 г. М., 2004. С. 156–161.

Симвион

(он же Иоанн Креститель
из Т.Н.У.)

(Мот Мох)

ds/r1-23.

Колдун.

(он же ЦКК, или
Цторуткина кибейя)

"Кулон"
(он же вондэ
мировно пролафа-
риата)

Лев Давидович Троцкий
1920-е
[Из открытых источников]

диктатуре» — со множеством экономических и внешнеполитических проблем, которые также упомянуты в письме, и которые действительно обострились в это время. Троцкий выводит из бюрократизации управления партией ее неудачи на хозяйственном и внешнеполитическом фронтах.

Письмо Троцкого положило начало обмену полемическими текстами между ним и большинством Политбюро. Читателями этой полемической переписки сначала стали несколько соратников Троцкого, а затем — и более широкий круг членов ЦК и партийных лидеров, которым стал рассылать письма Секретариат ЦК. Сталин, Молотов и их союзники были возмущены обвинениями в «секретарской» диктатуре. Троцкий бросил вызов только что оформившейся номенклатуре. В этом и состояло его главное «преступление перед партией».

Отстоять свою позицию Троцкий не сумел — вскоре он заболел, простудившись на охоте. Однако он был не одинок. Е. Преображенский написал письмо с критикой проводимого курса. К 15 октября его подписали 46 видных большевиков. Они считали, что «продолжение политики Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии», что связано с «бессистемностью решений ЦК, не сводящего концы с концами в области хозяйства». Плохое качество экономического руководства, вылившееся в кризис

«ножниц цен», письмо связывало с бюрократизацией партийного руководства, «разделением партии на секретарскую иерархию и мирян», как в церкви¹.

Недовольство было налицо. Большинство членов Политбюро решило придавить это выступление авторитетом ЦК, но, поскольку соотношение сил было еще не ясно, пригласили на объединенное заседание ЦК и ЦКК еще представителей 10 парт-организаций, чья позиция была известна. Молотов занимался предварительным выяснением настроений партийных функционеров, их инструктированием, подготовкой ответственных мероприятий. Заседание, проходившее 25–27 октября в отсутствие заболевшего Троцкого, объявило его выступление «нападением на Политбюро», «политической ошибкой» и «сигналом к фракционной группировке», каковой явилось письмо 46-ти². Политбюро требовало «не выносить сор из избы», но письма оппозиционеров уже распространялись в партийных кругах и даже за их пределом. Тогда большинство членов Политбюро договорились с Троцким о компромиссе. В резолюции «О партийном строительстве», согласованной 5 декабря (с некоторыми поправками ее подтвердит XIII конференция партии), говорилось: «Рабочая демократия означает свободу открытого обсуждения, свободу дискуссии, выборность руководящих должностных лиц и коллегий». Резолюция осуждала бюрократизм за то, что он «считает всякую критику проявлением фракционности»³.

Резолюцию, принятую 5 декабря на квартире у больного Троцкого, он счел победой, которую нужно развивать, и написал развернутую статью «Новый курс», в которой излагал взгляды, получившие затем название «троцкизм». Сам он существование «троцкизма» всегда отрицал, считая себя верным ленинцем. Но одно другому не мешает – так же как в рамках марксизма выделялся ленинизм, так и в рамках ленинизма выделились различные идейные течения, и троцкизм стал одним из них. Главная задача, которую ставит Троцкий – «партия должна подчинить себе свой аппарат»⁴.

¹ Архив Троцкого. Т. 1. С. 83–84.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3. С. 141–142.

³ Там же. С. 148.

⁴ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 199.

Кто же эта «партия», которая должна подчинить себе аппарат? Молотов и Рудзутак как аппаратчики вовсе не чувствовали себя своевольными владыками, а даже Сталин как генсек был лишь одним из наиболее влиятельных вождей, но не единственным. Сталин как представитель аппарата был силен, потому что он был на стороне большинства Политбюро. Потом группа Сталина, Молотова, Ворошилова и Кагановича будет контролировать и чистить аппарат. Суть того явления, выразителем которого был Сталин, не совпадала с аппаратом. Это было ядро бюрократического класса, который, как и любой класс, был неоднороден. В его недрах шла внутренняя борьба групп и идейных стратегий.

Стороны атаковали мифологизированные цели и обвиняли противников в мелкобуржуазном перерождении. Обе группировки стремились подчинить себе аппарат, хотя и опасались укрепления позиций чиновничества. Сидя на вершине иерархии, коммунистические лидеры хотели ею повелевать, а не подчиняться социальным интересам бюрократии. Они стремились к осуществлению технократического проекта индустриализации и еще не отошли от социалистической мечты о равноправии.

В отрицательном отношении к бюрократизму Ленин, Сталин, Молотов и Троцкий сходились, но в отличие от Троцкого Молотов отказывался видеть причину усиления бюрократизма в злой воле партийного руководства. Он предпочел упирать на объективные факторы культурной и социальной отсталости: «Все дело в том, что бюрократизация в аппарате такой страны, как наша, с ее экономической и культурной отсталостью, огромным преобладанием мелко-крестьянского населения и разбросанностью его по огромной территории, с только что еще начинающим после гражданской войны восстанавливаться пролетариатом, есть такой вопрос, который ни в коем случае нельзя оторвать от всего хозяйственного и культурного развития страны и от основных задач работы партии в этом направлении»¹.

Ленин считал, что бюрократизм рассосется сам собой после индустриализации и культурной революции. Ни сам он, ни Сталин, ни Молотов, ни даже Троцкий не могли помыслить, что бюрократия воспроизводится самой структурой сверхцентрализации, вводимой большевиками ради задач модернизации. Жизнь покажет, что дело не в отсталости — уже и население станет гра-

¹ Молотов В.М. Партия и ленинский призыв. М., 1924. С. 28.

мотным, и «мелкобуржуазное» крестьянство исчезнет как класс, а бюрократия в СССР будет только разрастаться.

Статья Троцкого, за которой последовала серия других, изданных в январе 1924 года отдельной брошюрой «Новый курс», возмутила большинство членов Политбюро. Нападение на бюрократию и утверждение о перерождении кадров «старая гвардия» справедливо приняла на свой счет, и 14 декабря была официально объявлена дискуссия. С разгромными статьями против Троцкого и его союзников выступили Сталин, Бухарин, Каменев, Зиновьев и другие.

Итоги дискуссии были подведены на XIII партконференции 16–18 января 1924 года. С докладом выступил Сталин, объявивший, что «большевизм не может принять противопоставления партии партийному аппарату»¹. Так был воздвигнут пограничный столб, отделяющий сталинизм от троцкизма. Аппарат – это не бюрократия, а лучшие люди партии, ее выборные органы. Чиновничество теперь будет прятаться за выборными органами, подбирая их состав. А воля выборных органов будет определяться большинством Политбюро. Оно выпускает документы от имени ЦК партии. И если Троцкий не согласен с партийными руководителями, значит он действует против ЦК, против партии. Иная точка зрения, по мнению Сталина, – это «бесшабашный анархо-меньшевистский взгляд». Пока Троцкого еще рано «ставить на одну доску с меньшевиками», однако Сталин напоминает, что Троцкий вчера еще боролся «с большевизмом рука об руку с оппортунистами и меньшевиками»². Так что не ему поучать большевистскую гвардию. Молотов спел свою скромную партию в хоре обличителей оппозиции, применив ленинское определение «левого ребячества и мелкобуржуазности» к Г. Пятакову³.

Конференция приняла резолюцию «О партстроительстве», основанную на декабрьском компромиссе с Троцким. Она осуждала «бюрократизацию партийных аппаратов и возникающую отсюда угрозу отрыва партии от масс», провозглашала свободу дискуссий без образования фракций. Осуждалась реакция на критику как проявление фракционности, а также превращение выборов секретарей парторганизаций в их фактическое назна-

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 15.

² Там же. С. 16–17.

³ Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков): бюллетень. М., 1924. С. 46.

*Георгий (Юрий) Леонидович
Пятаков
1922
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 329.
Л. 1]*

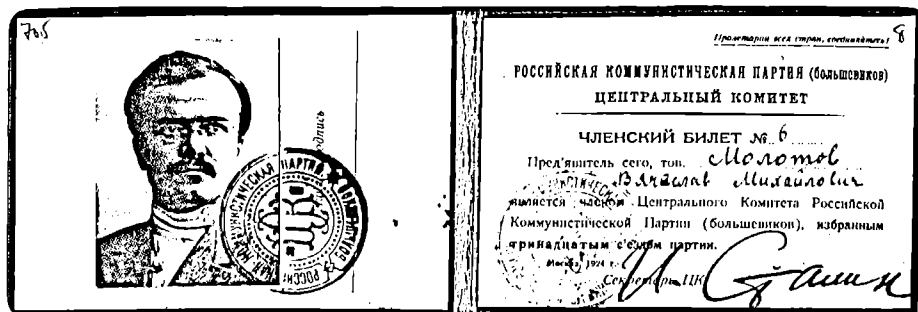
чение¹. После этой ложки меда для оппозиции следовала большая бочка дегтя. «Новый курс» Троцкого был объявлен «фракционным манифестом», с которого началась «небывалая еще в истории нашей партии кампания против ЦК», а взгляды оппозиции определены как «мелкобуржуазный уклон»². Резолюция показала всей партии – Троцкий не является вождем и стратегом, он «уклонист». Но как ценного работника партия оставляет его в своих руководящих органах. Оппозиционеры были возмущены – приняв их предложения, партия их же и заклеимила.

5. БЕЗ ВОЖДЯ

Через три дня после завершения конференции Ленин скончался. Молотов вместе со всеми членами ЦК, наркомками и делегациями участвовал в похоронных мероприятиях 23 января в Горках, вместе с другими нес на морозе гроб на руках до ближайшей станции. Народ, немало претерпевший от Ленина, теперь массами выходил к железнодорожным путям посмотреть на траурный поезд. Многие неподдельно горевали. Свершилось что-то большое. Умер грозный, но умный правитель. Каким-то

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1984. С. 146–149.

² Там же. С. 154, 156.

Членский билет № 6 В.М. Молотова, избранного в ЦК РКП(б) на XIII съезде партии

1924

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1507. Л. 7–8]

будет следующий? С Павелецкого вокзала похоронная процессия, заполняя улицы толпами прощающихся и любопытствующих, проследовала к Дому Советов. Здесь Молотов вместе с другими вождями стоял в почетном карауле – огромная честь и свидетельство высокого статуса. Молотов был и среди тех, кому было доверено нести гроб к Мавзолею – пока временному. Потом Молотов будет участвовать во множестве траурных прощаний и в их организации. Но это прощание было главным до самого 1953 года, когда умрет Сталин.

Как писал Владимир Маяковский, «Стала величайшим коммунистом-организатором даже сама Ильичева смерть». Пропандистская машина на полную мощь включилась в канонизацию покойного вождя. Был объявлен «ленинский призыв» в партию. Пленум ЦК РКП(б) 29–31 января 1924 года принял постановление «О приеме рабочих от станка в партию» до 15 мая 1924 года. Также в партию массово принимались деревенские бедняки. К середине мая было подано более 350 тысяч заявлений о вступлении в партию, из них удовлетворено более 241 тысячи, 92 % – от рабочих. Февральско-мартовский пленум ЦК 1924 года предоставил кандидатам в члены партии право решающего голоса, что было очень кстати в борьбе с левой оппозицией – новички плохо разбирались во внутрипартийной ситуации и ориентировались в своем голосовании на руководство партийных организаций. А это руководство подбиралось Секретариатом ЦК, что усиливало позиции Сталина и Молотова во внутрипартийной борьбе – от них зависел состав съездов партии.

*Михаил Павлович
Томский (Ефремов)
Автор Е.М. Ярославский
1923
[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2.
Д. 168. Л. 14]*

О вдохновляющих итогах «ленинского призыва» Молотов доложил в организационном докладе XIII съезду РКП(б) в мае 1924 года.

На пленуме ЦК, собравшемся после съезда, Молотов возглавил комиссию по работе в деревне. Прежде аграрным вопросом он не занимался, и теперь начал с того, что объездил несколько деревень. Все как в 1919 году: быстрые визиты, фиксация недостатков, записка в ЦК с обобщением, предложение активизировать борьбу бедноты с кулачеством. В дальнейшем Молотов продолжил накапливать и систематизировать материал, вникать в сельские дела, что позволило ему в 1925–1928 годах претендовать на роль главного специалиста по селу в руководстве компартии.

Чтобы не допустить укрепления позиций Троцкого, в августе Сталин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский, Бухарин, Калинин, Ворошилов, Рудзутак, Микоян, Каганович, Орджоникидзе, Куйбышев, Дзержинский и Молотов договорились действовать сообща. Свою тайную группу они именовали «руководящим коллективом» и избрали свой исполнительный орган – «семерку», в составе всех членов Политбюро, кроме Троцкого, а также председателя ЦКК Куйбышева. Заранее принятые «семеркой» решения утверждались на Политбюро.

Осенью 1924 года разгорелась «литературная дискуссия». Против Троцкого, который напомнил о выступлении Каменева

и Зиновьева против захвата власти в октябре 1917 г., был выброшен весь возможный исторический компромат, в дело пошли архивы Ленина, которые как раз разбирал Каменев при подготовке собрания сочинений вождя. Были опубликованы письма Ленина и Троцкого с оскорблениями друг друга в период их вражды 1912–1916 годов, когда Ленин называл Троцкого «иудушкой», а Троцкий Ленина – профессиональным эксплуататором отсталости в рабочем движении¹.

15 января 1925 года, в условиях травли в прессе, Троцкий подал в отставку с поста наркомвоена и председателя Реввоенсовета.

Сталин продолжал унижать Троцкого и одновременно с этим проверять его на лояльность. Этому способствовал выход книги американского коммуниста, сторонника Троцкого М. Истмена «После смерти Ленина». Американец, женатый на русской, имел возможность поговорить по душам со множеством большевистских руководителей, в том числе и с самим Троцким. Книга произвела эффект разорвавшейся бомбы: в ней говорилось о «завещании» Ленина, травле Троцкого и интригах против него. При этом Истмен допустил множество фактических ошибок. Книга живо обсуждалась за рубежом. Коммунистические партии запрашивали Москву: что тут правда, а что нет? Политбюро потребовало от Троцкого опровергнуть книгу Истмена и прямо отмежеваться от него. Эта ситуация поставила опального члена Политбюро в тяжелое положение. Он должен был выбрать – или сохранение хотя бы нынешнего положения в своей коммунистической партии, или сплочение вокруг себя друзей в мировом коммунистическом движении. Отмежевавшись от Истмена, Троцкий показал бы коммунистам всего мира, что его нельзя защищать – в глупое положение попадешь, он сам объявит тебя лжецом.

Сначала Троцкий пытался отделяться общими фразами. Молотов аппаратными методами обеспечивал «дожимание» Троцкого, не позволяя «замылить» вопрос – Секретариат добивался неуклонного соблюдения решений Политбюро. Только после недельного согласования со Сталиным и другими членами Политбюро текст статьи Троцкого был готов. Сталин готовил Троцкому еще более серьезную ловушку, которую обсуждал с

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Вожди и заговорщики. Политическая борьба в СССР в 20–30-е годы. М., 2004. С. 82–91.

Молотовым: «вполне можно было бы опубликовать некоторые документы (в том числе и мою записку о деле Истмена) после опубликования статьи Тр[оцкого], чтобы показать, что Троцкий лишь под давлением РКП написал статью (иначе Троцкий может оказаться спасателем престижа партии)»¹. Но тут Сталин переинтриговал сам себя. Материалы дела были направлены членам ЦК, но Молотов и Бухарин были против того, чтобы знакомить с ними Коминтерн. Сталин решительно поправил: «Ты и Бухарин поступили неправильно, голосовав против предложения о документах по Истмену»². Текст попал и к члену президиума Коминтерна Д. Мануильскому. Тот, что-то не поняв в сталинских распоряжениях, передал письмо для публикации во французскую коммунистическую газету «Юманите». Троцкий был возмущен. Если теперь публиковать новый текст, то станет ясно, насколько большие уступки он сделал под давлением Политбюро. «Юманите» пришлось публиковать опровержение. В этих условиях Политбюро отказало Сталину в публикации его статьи – слишком вся эта история дурно пахла. В конце концов Троцкий опубликовал умеренный вариант своего «отмежевания» от Истмена: «Под видом “завещания” в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается (обычно в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка»³. Формально Троцкий говорил правду. Но его сторонники прекрасно знали, что он говорил не всю правду, по существу предавая своего сторонника Истмена. Это деморализовало их. Сталин оценил капитуляцию Троцкого в деле Истмена как важный признак готовности подчиняться. Своим ответом на книгу Истмена Троцкий «предопределил свою судьбу, т. е. спас себя»⁴, – писал Сталин Молотову. Подчинение воле руководства было для Сталина главным в оценке большевика.

Хотя Сталину не удалось еще раз пнуть Троцкого напоследок после отмежевания от Истмена, Молотов не отказался от этой идеи. В ноябре 1925 года он писал «членам 7-ки», что Зи-

¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг.: Сборник документов. М., 1995. С. 38–39.

² Там же. С. 44.

³ Цит. по: Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С. 303.

⁴ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 44.

*Дмитрий Захарович**Мануильский**1920-е**[РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 54.**Д. 31. Л. 27]*

новьев как председатель ИККИ и участник согласования текста статьи Троцкого должен прокомментировать эту статью, «чтобы последнее слово осталось не за Троцким». При этом Молотов настаивал, что нельзя выступать против Троцкого всему Политбюро, а наоборот подчеркивать, что «Троцкий – один из членов Политбюро»¹. Пользуясь благовидным предлогом, Молотов хотел еще сильнее вбить клин между Троцким и Зиновьевым, с которым уже начался конфликт сталинской фракции. «Семерка» разваливалась, и нужно было предотвратить поддержку «Новой оппозиции» Троцким.

6. РАСКОЛ «РУКОВОДЯЩЕГО КОЛЛЕКТИВА»

В июле – августе 1925 года Сталин отдыхал на юге, оставив Молотова на хозяйстве в Секретариате. Они постоянно переписывались, а когда Сталин возвращался, то через некоторое время отпускал отдохнуть Молотова. Из писем Молотову того времени создается впечатление, что Сталину иногда тягостно без

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 183. Л. 175.

Г.К. Орджоникидзе
(«Редкая минута
покоя (перед боем)»)

Автор
В.И. Межлаук
17 февраля 1927
[РГАСПИ. Ф. 74.
Оп. 2. Д. 170.
Л. 125]

Редкая минута
покоя
(перед боем).

общения с собеседником, готовым откровенно обсуждать любые проблемы. Он делится с ним самыми размышлениями и о политике в отношении китайского генерала Чжан Цзолина, и о ссоре с Орджоникидзе из-за ситуации в Закавказском комитете: «Я разругался с Серго, назвал его мелочным и перестал встречаться с ним...»¹

В то же лето Орджоникидзе роскошно принимал Молотова в Грузии, о чем Вячеслав Михайлович в старости вспоминал: «Серго придумал. Он был тоже в компании. Проезжали по одной деревне. Они телегу поперек поставили – нет проезда. Это было

¹ Вождь: И.В. Сталин в документах и фотографиях 1917–1953: В 5 кн. Кн. 2. М., 2019. С. 150.

все организовано – выпивка, закуска, и народу собралось порядочно. Несколько машин. Местные. Накачивали, пили, пили, давай рог – две бутылки в одном роге, ну нельзя же такие вещи! Я его выпил, и не рад уже, не могу держаться...

Приехали в Сухум. Только приехали, у них уже приготовлена там закуска, выпивка, гармонь, что-то еще. Я говорю: “Я пойду наверх, надо мне выспаться”. А они приглашают. Я: “Только через мой труп”. Кончилось тем, что они согласились. Только выспался – опять у них выпивка, закуска, это пение, тосты...

Грузия... Там я, так сказать, немножко пострадал. Один вечер совсем полужив был»¹.

Вскоре, однако, отношения Молотова и Орджоникидзе стали портиться. И, конечно, не из-за этого кавказского гостеприимства, а в силу разного отношения к внутрипартийным конфликтам. Для Серго партия была братством, особенно если речь шла о старых большевистских кадрах. Молотов готов был рвать личные связи ради проведения сталинского курса, а потом и уничтожать бывших товарищей, встававших на его пути. Серго переживал это болезненно. Потом на это стали накладываться и деловые противоречия во время первых пятилеток.

К осени 1925 года на первый план вышли разногласия в «смерке». Сталина, Молотова, Бухарина и других лидеров раздражали претензии Зиновьева и Каменева на роль «хранителей ленинизма». В 1924 году Сталин уже намекал Зиновьеву, что, хотя ему и поручают произносить доклады на съездах от имени ЦК, но единственным идеологом не считают. Тот решил, что сможет упрочить свои позиции теоретическими трудами.

Зиновьев подготовил статью «Философия эпохи», где выдвигал в качестве основного принцип равенства и предупреждал, что «НЭП наряду с тем, что мировая революция откладывается, среди других опасностей таит в себе опасность перерождения»². Нужно нейтрализовать крестьянство, которое объективно противостоит диктатуре пролетариата и стремлению к равенству. Сталин возражал: в статье Зиновьева «нет середняка и кооперативного плана Ленина, хотя статья и называется “Философия эпохи”». Когда тов. Молотов прислал мне эту статью (я был тогда в отъезде), я ответил грубой и резкой критикой. Да, товарищи,

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 30.

² Карр Э.Х. Русская революция. М., 1990. С. 91.

*Григорий Евсеевич
Зиновьев
1920-е
[Из открытых
источников]*

человек я прямой и грубый, это верно, я этого не отрицаю»¹. Сталин, как мы видим, бравировал грубостью, в которой упрекал его Ленин.

В условиях раскола «руководящего коллектива» реальную власть получил Секретариат ЦК. Он готовил вопросы к заседаниям и согласовывал решения с большинством Политбюро, после чего на официальных заседаниях решения утверждались независимо от того, что говорили Зиновьев, Каменев и Троцкий. Вопросы, выносившиеся на обсуждение Зиновьевым и Каменевым, бесконечно откладывались. Те требовали вернуть полномочия Политбюро и оставить за секретариатом технические функции. Сталин цинично возражал: «Разве Политбюро не полновластно?»²

Статья Зиновьева подверглась суровой правке в Политбюро и 19 сентября вышла в измененном виде. В тот же день Зиновьев,

¹ Сталин И. Сочинения. Т. 7. М., 1947. С. 375.

² Там же. С. 387.

Каменев, Крупская и Сокольников направили членам Политбюро письмо с резкой критикой взглядов Бухарина и его школы, которые допускают «расширительное толкование решений XIV всесоюзной партконференции в сторону замазывания классовой борьбы в деревне, замазывания роли и роста кулака»¹. В ответ Бухарин, Дзержинский, Калинин, Куйбышев, Молотов, Рыков, Рудзутак, Сталин и Томский («девятка») ответили письмом с хлестким названием: «О фракционной платформе четырех»: «По существу дела документ является лицемерным и беспринципным», его цель – «создать кризис»². «Девятка» припомнила «четверке» все споры, которые возникали между ними в 1925 году. Большинство членов Политбюро, раздраженное неуступчивостью Зиновьева и Каменева, к этому времени уже готово было разгромить новых «раскольников». «Четверка» такой реакции не ожидала: «Ваши обвинения – либо плод больных нервов, либо недостойный шахматный ход, мелкий прием борьбы»³, – отвечала Крупская.

Перед октябрьским пленумом ЦК 1925 года большинство и меньшинство членов Политбюро с трудом договорились не выносить разногласия в партийные массы. Однако в это время в Ленинграде вышла книга «Ленинизм», где Зиновьев, прикрываясь ленинскими цитатами о крестьянстве, излагал те же взгляды, что и в «Философии эпохи». В 1926 году Сталин выпустил в ответ «Вопросы ленинизма», где покрыл эти цитаты другими – о союзе с середняком против кулака и о кооперативном пути к социализму. Для участников этой войны цитат подумать, что Ленин мог быть не прав, было так же недопустимо, как для средневековых церковнослужителей – усомниться в истинности Евангелия.

Не все члены Политбюро были готовы к расколу антитроцкистского альянса. Оттеснение Троцкого от кормила власти казалось не опасным – у него в ЦК было всего несколько сторонников. А вот разрыв с Зиновьевым, которого поддерживали Ленинградская организация, Каменев, Сокольников и Крупская – это раскол в ЦК...

Из-за Зиновьева Молотов серьезно поссорился с Орджоникидзе. Вячеслав Михайлович книгу «Ленинизм» раскритиковал, Серго ее защищал, «он раскипятился, я его обругал, он бросился

¹ РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 97. Л. 59.

² Там же. Л. 65.

³ Там же. Л. 79.

*Григорий Константинович
(Серго) Орджоникидзе*

1927

[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2.

Д. 58. Л. 100]

на меня. Киров нас разнимал... Потом Бухарин нас мирил. Орджоникидзе пошел к Сталину на меня жаловаться. Тоже при мне было. А Сталин: “Молотов прав”¹. Молотов не поясняет и может быть уже не помнит, что именно ему не понравилось в творениях Зиновьева, кроме того, что он не любил самого автора.

Зиновьева активно поддержала ленинградская партийная организация, в том числе старый друг Молотова Залуцкий, который задел и Вячеслава Михайловича: «Кулачество растет, крепнет, а они этого не видят или даже скрывают, затушевывают... Да и кто из них может видеть? Молотов, что ли? Конечно, он хороший парень, но в вожди-то он не годится. Он сидит, как раздатчик благодати, и раздает “эполеты” – кому секретаря губкома, кому предгубисполкома и т. п. Его слушают, ему хлопают; докладывают, что все обстоит благополучно, – ну, он и доволен»². Да уж, не дожидаться теперь оппозиционерам от Молотова «эполетов»...

На пленуме Вячеслав Михайлович выступал не только как аппаратчик, но и как специалист по работе в деревне. Нельзя отказываться от нэпа (слушая это, кивает Бухарин), но нельзя и

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 191.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 1. С. 183.

*Лев Борисович
Каменев
1926
[РГАСПИ. Ф. 323.
Оп. 1. Д. 8. Л. 16]*

забывать о его недостатках, а нужно спланировать бедноту против кулачества (кивают Троцкий, Зиновьев и Каменев). По итогам доклада Молотова была принята резолюция «О работе партии среди деревенской бедноты», где критиковались две опасности: «Первая опасность – опасность недооценки отрицательных сторон нэпа – ведет к забвению интересов деревенской бедноты и недооценке кулацкой опасности. Вторая опасность – непонимание всей необходимости нэпа – ведет к забвению важнейшего в данный период значения основной середняцкой массы крестьянства, к разрыву союза рабочих и крестьян и, следовательно, к ослаблению пролетарской диктатуры в стране»¹. Молотов пока придерживался центристской линии, осуждая и левачество (упрек зиновьевцам и троцкистам), и правые уступки кулачеству (на которых «попался» Бухарин). Только вот Вячеслав Михайлович ясно не объяснял, где «золотая середина».

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. С. 414.

Решающее столкновение между большинством Политбюро и «новой оппозицией» Зиновьева и Каменева произошло на XIV съезде партии 18–31 декабря 1925 года. В докладе Сталин изложил господствующую точку зрения: «...мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну страной экономически самостоятельной, независимой, базирующейся на внутреннем рынке...»¹ Зиновьев не возражал, но уточнял: «Мы спорим лишь о том, можно ли окончательно построить социализм... в одной стране, и притом не в такой стране, как Америка, а в нашей, крестьянской»². Каменев конкретизировал суть разногласий: Бухарин и Сталин видят «главную опасность в том, что есть политика срыва нэпа, а мы утверждаем, что опасность в приукрашивании нэпа»³.

Споры уже ничего не решали – позиции делегатов были известны заранее. Ленинградская оппозиция плюс Каменев и Крупская, с одной стороны, все остальные делегаты, подобранные под руководством Сталина и Молотова – с другой. И Троцкий, не проронивший ни слова.

На этом фоне организационный доклад Молотова смотрелся буднично: партия, которая отныне называется всесоюзной – ВКП(б), растет, нужно теснее связывать ее с беспартийными массами через профсоюзы и другие общественные организации...

Продолжая линию октябрьского пленума, принятую по докладу Молотова, съезд осудил оба уклона: «состоящий в недооценке дифференциации в деревне, не видящей опасностей, связанных с ростом кулачества», и другой – затушевывающий «борьбу за середняка... как основной организационной формы движения деревни к социализму»⁴. Со вторым уклоном нужно бороться особенно упорно, ибо он грозил «возвратом к политике раскулачивания». Через четыре года уклонистами станут сами противники раскулачивания.

Когда делегаты стали требовать отстранения Каменева и Зиновьева со всех постов, против выступил один из лидеров большинства Томский. Он напомнил, что у партии мало таких ква-

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 7. М., 1947. С. 299.

² Четырнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 98.

³ Там же. С. 252.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. С. 431.

*Климент Ефремович
Ворошилов*

Автор Н.И. Бухарин

1920-е

*[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2.
Д. 168. Л. 161]*

лифицированных людей, как Каменев и Зиновьев. Их нечем заменить. Пока нечем. Но Сталин уже думает и об этом. А пока после всех взаимных обвинений Зиновьев сохранил свое место в Политбюро, представитель «новой оппозиции» Г. Евдокимов был введен в секретариат ЦК, чтобы не было обвинений в узурпации власти Секретариатом. Заодно это позволило вывести Евдокимова из Ленинграда и облегчило кадровые перестановки в колыбели революции.

А вот Каменев был понижен до кандидата в члены Политбюро. Он возмущенно напоминал, что состоял членом Политбюро еще тогда, когда Ленин «не считал возможным вводить в Политбюро тт. Рыкова, Томского и Бухарина...»¹ Доказывал, что его не могут понизить за политические ошибки. Ведь Зиновьева оставили в прежнем ранге. Но в партии было распространено мнение, что с «новой оппозицией» поступили слишком мягко.

¹ РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 17. Л. 123.

Новыми членами Политбюро 1 января 1926 года были избраны Молотов, Ворошилов и Калинин. Это место в партийном ареопаге Вячеслав Михайлович сохранит до 50-х годов.

С подачи Молотова съезд принял обращение ко всем членам Ленинградской организации, в котором увещевал их отмежеваться от своих лидеров: «XIV съезд не сомневается, что Ленинградская организация, всегда шедшая в авангардных рядах партии, сумеет исправить ошибки, допущенные ленинградской делегацией». Цель обращения была обозначена как бы между прочим: «Дискуссия по решениям не может и не должна быть допущена»¹. Это не значило, что зиновьевцев оставят в покое.

Молотов возглавил большую группу агитаторов, направленную в Ленинград. Они ехали не дискутировать, а инструктировать ленинградских коммунистов об итогах съезда. Молотов вспоминал: «Я был во главе организатором этого дела, ударной группы “дикой дивизии”², как нас называли зиновьевцы, Калинин, Киров, Бухарин, Томский, Ворошилов, Андреев, Шмидт был такой, мы поехали сразу после съезда в Ленинградскую организацию – снимать Зиновьева. Когда приехали, Зиновьев пригласил нас к себе любезно в кабинет: “Что вам нужно, может быть, выяснить, вы скажите, мы расскажем, как, что. Когда вы начинаете работать?” – “Мы завтра начинаем”. – “Как вы думаете ее проводить, может быть, нам скажете?” – “Мы будем ходить по заводам, делать доклады, голосование проводить”... Нам важно было окружить»³. Планировался не штурм цитадели оппозиции, а правильная осада. Перед тем, как собирать партконференцию Ленинградской организации ВКП(б), эмиссары центра во главе с Молотовым планировали довести до питерских коммунистов, что поддержка Зиновьева означает разрыв с партией и большие неприятности. Ну и по возможности убедить в правоте большинства ВКП(б). А потом уж и партконференцию собирать.

Идейно «Новую оппозицию» не сломили. Да и организационные баталии победителям еще предстояли. После поражения на съезде зиновьевцы отчаянно пытались сохранить бастион своего

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. С. 443.

² «Дикая дивизия» – состоявшая из кавказцев часть войск генерала Крымова, которые шли на Петроград для подавления Советов в 1917 году.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 304–305.

*Сергей Миронович Киров**1920-е**[Из открытых источников]*

клана в Ленинграде. Ленинградский губком предложил 4 января 1926 года компромисс: «Единство партии и, в частности, Ленинградской организации должно быть сохранено во что бы то ни стало»¹. В обмен на признание решений съезда должны быть прекращены травля зиновьевцев и чистка руководства Ленинградской организации. Однако Сталин, Молотов и союзные им Бухарин, Рыков и Томский не намеревались терпеть явно враждебную им группировку во второй по значению организации ВКП(б).

Зиновьевцы оборонялись. Большинство районных и заводских организаций ВКП(б) в Ленинграде поддержали Зиновьева. Обращение съезда к Ленинградской парторганизации сначала распространялось в виде листовок курсантами военных училищ. Заменив редакцию «Ленинградской правды», команда Молотова взялась за рядовых коммунистов «второй столицы». На собраниях ячеек кипели споры, оппоненты перед лицом рядовых коммунистов обвиняли друг друга в интриганстве и предательстве рабочего класса. Большинство сочувствовало зиновьевцам, которые настаивали на улучшении положения рабочих за счет крестьян. Докладчикам из Москвы часто приходилось выступать под шум и гвалт. Партийцев с фабрики «Треугольник» убедить им не удалось. Долго не решаясь идти на Путиловский за-

¹ Цит. по: Кирилина А. Неизвестный Киров. СПб.; М., 2001. С. 114.

вод, посланцы центра все же сумели заручиться там поддержкой большинства.

Но партийная масса привыкла к дисциплине. Что скажет большинство, то и правда. Одна за другой районные организации признавали правоту большинства съезда. Под давлением эмиссаров из ЦК 8 января 1926 года руководителем Ленинградской парторганизации был избран Киров. В феврале на губернскую партконференцию приехали Молотов, Бухарин и Дзержинский. Теперь уже посланцев центра встречали восторженными аплодисментами. Лидеры оппозиции направлялись на работу в другие регионы. Зиновьеву и Евдокимову разрешалось приезжать в Ленинград только по личным делам. К середине апреля в распоряжение ЦК отозвали из Ленинграда 130 руководящих работников¹. Их судьбу предстояло решить Сталину и Молотову.

7. РАЗГРОМ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ

Но теперь Сталин и Молотов не без тревоги наблюдали за сближением сторонников Троцкого и Зиновьева. Особенно беспокоил Зиновьев, известный мастер политической интриги. Сталин пишет Молотову: «До появления группы Зиновьева оппозиционные течения (Тр[оцкий], Ра[очая] оппозиция и др.) вели себя более или менее лояльно, более или менее терпимо... С появлением группы Зинов[ьева] оппозиционные течения стали нагнать, ломать рамки лояльности»². Сталин подумывал использовать униженного Троцкого на вторых ролях как ценного специалиста. Но теперь тот нашел союзников и усилил натиск. Это нетерпимо, в условиях постоянной склоки ЦК не может работать.

Большевистская политическая культура была чужда согласованиям. Руководящее ядро могло работать только как единая команда, но эта команда подбиралась Лениным, и без него рассыпалась на враждующие группировки. Просто очистить руководство от несогласных было опасно – вместе с опальными вожжами могли уйти сотни их сторонников, занимающих важные посты. Раскол партии означал и раскол государственной струк-

¹ Апальков Д.И. Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. М., 2022. С. 81.

² Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 72.

туры, угрозу распада однопартийной системы. Сталин писал Молотову, что сначала нужно превратить Троцкого, Каменева и Зиновьева «в политических отщепенцев вроде Шляпникова»¹. Под руководством Сталина и Молотова Секретариат перемещал сторонников оппозиции с места на место, чтобы нигде не дать закрепиться, обрести «команду» и реальные властные возможности. Сталин надеялся бить зиновьевцев и троцкистов по частям, но давление на оппозиционеров ускорило их сближение.

В борьбе с оппозиционерами Молотов любил переходить с принципиальных вопросов на личности. Оппозиционной деятельностью Троцкий и его товарищи занимаются, а прямые служебные обязанности не выполняют. На Политбюро 4 октября 1926 года он заявил, что от этого страдает работа в НТО ВСНХ, отчасти в Главконцескоме, в президиуме Госплана (зампреды Смилга и Сокольников). Молотов обвинил Троцкого в прогуле заседания Политбюро 30 сентября, якобы из-за того, что тот в этот день агитировал за оппозицию работников Рязанской железной дороги. Троцкий это заявление опротестовал: при рассмотрении дел Главконцескома в Политбюро он был в законном отпуске, а его заместитель Иоффе заболел. Троцкий признал вину только в том, что предоставил отпуск другому своему заместителю Скобелеву, не успев вернуться сам. А на хозяйстве оставался Сапронов (тоже, кстати, оппозиционер). Молотов в ответ написал развернутую жалобу на «прогульщиков»-оппозиционеров. Он сослался на письмо зампреда ВСНХ Э. Квиринга Троцкому от 4 октября, где утверждалось, что Лев Давидович перестал уделять внимание НТО и с июня не посещал заседания коллегии, а также не собирал в 1926 году комиссию по Днепрострою. А еще президиум Госплана иногда работал в отсутствие зампредов Смилги и Сокольникова, а там, о ужас — беспартийные специалисты без присмотра остались².

Новый удар Молотов нанес 5 октября — «Правда» опубликовала его речь на открытии курсов уездных партийных работников при ЦК ВКП(б), где он сравнил нынешний оппозиционный блок с августовским 1912 года, который Троцкий создавал для сохранения единства РСДРП против Ленина, взявшего курс на разрыв с меньшевиками. Сталин был доволен этой аналогией, наводившей на неприятные для Троцкого воспоминания: «На-

¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 71.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 185. Л. 101–104.

счет “Августовского блока” ты совершенно прав. Надо перепечатать не одну, а несколько статей Ильича, рассказав вместе с тем историю возникновения этого блока»¹. Вскоре вышли соответствующие материалы в журнале «Большевик».

Но то дела прошлые, а вот в конкретной критике нэпа левые оппозиционеры оказывались правы. Апрельский пленум 1926 года признал неудачи планирования, выразившиеся в преувеличении планов и по сбору зерна, и по экспорту, и по валютным поступлениям, и по капитальному строительству. Одно вытекало из другого – меньше хлеба и сырья – меньше строек, меньше строек – меньше техники и промышленных товаров, меньше дает промышленность – меньше хлеба продает село. Товарный голод. Всем нужны товары, но рынок не работает. Замкнутый круг.

Разорвать его могла индустриализация – создание передовой промышленности. Эту проблему должен был по докладу Каменева обсудить XIV съезд. Но там было не до серьезного разговора на эту тему. В апреле 1926 года уже по докладу Рыкова тему обсудил Пленум ЦК. Рыков считал необходимым рост промышленности по «затухающей кривой», то есть быстрый рост первоначально и более медленный потом, после рывка. Троцкий назвал эту идею «черепашьим шагом к социализму». Пленум ЦК признал, что «народное хозяйство подошло к концу восстановительного периода, используя всю технику, доставшуюся от дореволюционного времени»². Пока нет новой техники, не может быть и новых средств производства, готовых качественно повысить производительность труда, экономическую мощь страны и государства, уровень жизни трудящихся. Технику можно было бы купить на Западе, но в 1926 году экспорт СССР был меньше импорта – расширить покупки было не на что.

Экономические провалы 1926 года признавал и Молотов: «Мы рассчитывали... что урожай будет хорош, что в этом году мы обеспечим себя крупными хлебными заготовками, большим вывозом хлеба за границу и тем самым получим денежную иностранную валюту, получим возможность покупать за границей для нашей промышленности и сельского хозяйства

¹ Вождь: И.В. Сталин в документах и фотографиях. Кн. 2. С. 152.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. С. 10.

*Алексей Иванович
Рыков
1920-е
[РГАКФД. 4-34755]*

то, что мы хотим. Мы рассчитывали, что урожай этого года обеспечивает нам исключительно быстрый темп развития нашей промышленности. Оказывается, мы тут кое в чем основательно просчитались»¹.

Раз правящая группировка просчиталась, оппозиция решила, что может предъявить ей счет. К июльскому пленуму ЦК и ЦКК оппозиционеры подготовили письмо 13-ти с критикой бюрократизма в партии: «Ближайшая причина все обостряющихся кризисов в партии – в бюрократизме, который чудовищно вырос в период, наступивший после смерти Ленина, и продолжает расти». В чем причина этой напасти? «Расхождение между направлением хозяйственной политики и направлением чувств и мыслей пролетарского авангарда усиливает неизбежно потребность в нажиме и придает всей политике административно-бюрократический характер»².

В ответ на обвинения во фракционности оппозиционеры разгласили страшную тайну о существовании «семерки». Пленум предпочел не верить. Тем более, что сидевшие в президиуме люди знали, что это правда. Но «не пойман – не вор». Зато Сталину пришлось пережить серьезное унижение, когда оппозиция добилась зачтения им последних писем и статей Ленина,

¹ Цит. по: Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 1. С. 190.

² Архив Троцкого. Т. 2. С. 11, 13.

Феликс Эдмундович
Дзержинский
Автор Е.М. Ярославский
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2.
Д. 168. Л. 9]

направленных против генсека. Сталин зачитал тексты (они попали в официальные стенограммы), но никаких организационных выводов из них сделано не было. А затем Сталин прочитал письмо Ленина об исключении Зиновьева и Каменева из партии в октябре 1917 года. В итоге пленум исключил Зиновьева из Политбюро.

Вскоре после эмоционального выступления на пленуме против оппозиции 20 июля скончался Дзержинский. Его хоронили 22 июля. Молотов был организатором похорон, шел рядом с гробом. Это была серьезная потеря для руководящего ядра.

После июльского пленума сторонники левой оппозиции (Троцкий и его соратники) и «новой оппозиции» (Зиновьев, Каменев и их соратники) действовали вместе как «объединенная оппозиция». Выступая 1 ноября на XV партконференции (26 октября – 3 ноября 1926 года), Сталин комментировал заявление «объединенной оппозиции» о том, что она остается при своих взглядах: «мы говорили оппозиции, что ей самой не выгодно кричать о том, что они, оппозиционеры, остаются, да еще “полностью”, на старых позициях, ибо рабочие с полным основанием скажут: “значит, оппозиционеры хотят драться и впредь, значит мало им наклали, значит надо их и впредь

бить»¹. Сталин объявил «оппозиционный блок в ВКП(б)» социал-демократическим уклоном.

XV партконференция оппозицию осудила, однако фактически приняла программу индустриализации, за которую она выступала: «Необходимо стремиться к тому, чтобы в минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран»². Эти задачи коммунисты будут ставить перед собой и тридцать лет спустя.

Пока руководителей партии устраивали так называемые «затухающие» темпы роста промышленности (процент роста падал по мере того, как исчерпывались возможности восстановления работы старых предприятий). Поэтому достаточными казались и прежние надежды – на рост товарности крестьянского хозяйства, на совершенствование планирования, на благоприятную конъюнктуру рынка, на всемерную экономию, на новые внешнеполитические успехи. 1927 год опровергнет многие из этих надежд.

Оппозиционеры готовились к новым политическим баталиям. Ведь стоило сталинскому большинству допустить крупную политическую ошибку, и фортуна могла повернуться к нему спиной. С весны 1926 года оппозиция резко критиковала политику Коминтерна в Великобритании, где коммунисты пытались сотрудничать с социал-демократическими профсоюзами. Также оппозиция была недовольна сотрудничеством с партией Гоминьдан в Китае, которое в апреле 1927 г. привело к поражению коммунистов в результате выступления генерала Чан Кайши³.

Сталин постоянно обсуждал положение в Китае с Молотовым и, в частности, 8 июля писал ему: «Мы использовали уханьскую верхушку, как только можно было ее использовать. Теперь надо ее отбросить»⁴. Приготовления коммунистов к перевороту в Ухани были замечены левыми гоминьдановцами. В июле и они разгромили КПК и объединились с Чан Кайши. Тысячи коммунистов погибли. В отчаянии КПК попыталась поднять новые

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 8. М., 1947. С. 240.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. С. 72.

³ Подробнее см.: Шубин А.В. Вожди и заговорщики. С. 133–138.

⁴ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 108.

восстания. Но население не поддержало коммунистов, и выступления были подавлены.

Китайская катастрофа потрясла коммунистов всего мира. Рухнули надежды на мировую революцию в обозримой перспективе, тысячи китайских товарищей погибли. Сталинская политика потерпела полный крах. Части оппозиционеров «казалось, что столь очевидное банкротство сталинской политики должно приблизить победу оппозиции»¹. Сталин ошибся в Китае. Значит, он может ошибаться и в СССР. Оппозиция была права в критике китайской политики, значит, она может быть права и в отношении нэпа.

Ситуация обострилась из-за разрыва отношений с Великобританией в мае и убийства 7 июня в Варшаве советского представителя П. Войкова. Советская пресса подавала эти события как преддверие нападения империалистов на СССР. Военная тревога обострила экономический кризис. Историк Э. Карр комментирует: «Промышленные товары, которые ему могли бы понадобиться, купить было почти невозможно. Деньги опять обесценивались инфляцией; в такой неопределенной ситуации зерно оказывалось самой надежной валютой. Крестьянам, имевшим большие запасы зерна, не было никакого смысла отправлять их на рынок. Поэтому осенью 1927 года зерна сдали государству чуть не в половину меньше, чем в 1926 году... Зимой 1927/28 года в городах очереди за хлебом стали обычным делом, масло, сыр и молоко – редкостью. Государственные запасы зерна истощились»².

В мае 1927 года, по свежим следам китайской катастрофы, Троцкий, Зиновьев и Каменев направили открытое письмо в ЦК, собрав подписи 83-х старых большевиков, к которым присоединились более 300 членов партии. Мало того. Письмо широко циркулировало в партийной среде: повсеместно проходили полулегальные собрания членов партии, а через них доходило и до беспартийных масс.

Разоблачая международную политику руководства, оппозиционеры пугали внешним вторжением. Противостоять ему можно только возродив внутрипартийное единство на основе демократии и бросив все силы на индустриализацию страны. Неудача внешней политики ставила правящую группу перед

¹ Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 275.

² Карр Э.Х. Указ. соч. С. 134–135, 138.

выбором – или сдаться воспрянувшей духом оппозиции, или разгромить её если не аргументами, так организационно-репрессивными мерами.

Сталин настаивал на исключении Троцкого и Зиновьева из ЦК. Но Орджоникидзе, Рыков и Калинин предлагали не торопиться, а просто не избрать их на следующем съезде партии. Сталин, находившийся в отпуске, был раздражен и требовал от Молотова учесть его голос заочно. Только 20 июня решение об исключении удалось провалить на заседании «руководящего коллектива». Молотов с ним не справлялся – в отсутствие Сталина даже Ворошилов нападал на Молотова за результаты их со Сталиным руководства «за последние 2 года»¹.

Заседание Президиума ЦКК, посвященное нарушению дисциплины Зиновьевым и Каменевым, прошло 14 июня. Сталина в это время не было в Москве. Ознакомившись со стенограммой, он с возмущением писал Молотову: «Получается впечатление сплошного конфуза для ЦКК. Допрашивали и обвиняли не члены ЦКК, а Зиновьев и Троцкий. Странно, что попрятались некоторые члены ЦКК. А где Серго? Куда и почему он спрятался? Позор! Решительно протестую против того, что комиссия по обвинению Тр[оцкого] и Зин[овьева] превратилась в трибуну по обвинению ЦК и КИ с заострением “дела” против Сталина, которого нет в Москве и на которого можно ввиду этого вешать всех собак»².

Это был провал Молотова, который как раз оставался на хозяйстве. Он засел за стенограмму полемики на ЦКК с карандашом. Вот некоторые фрагменты, на которые Молотов обратил внимание.

Троцкий заявил: «Как показывает Китай, июньские события будут настолько красноречивы, что мы можем при доброй воле выпрямить линию партии, партии без расколов, без отколов. Кто хочет раскола, откола в партии? Я утверждаю, что раскола хочет Сталин»³. Последняя фраза в стенограмме подчеркнута Молотовым. Вот чего они хотят, вот их цена за единство партии – отодвинуть Сталина. По политическому курсу с ними можно было бы договориться – потом многое из требований Троцкого будет

¹ Апальков Д.И. Указ. соч. С. 102, 105.

² Вождь: И.В. Сталин в документах и фотографиях. Кн. 2. С. 166. Под КИ имеется в виду Коминтерн.

³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 123. Л. 177.

*В.М. Молотов, П.С. Жемчужина, И.В. Сталин и Н.С. Аллилуева
на отдыхе*

1927

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1663. Л. 2]

выполняться Сталиным и Молотовым. Но вот по кадровому вопросу – тут уж кто кого.

Затем Троцкий, обличая партийный режим и репрессии против коммунистов, ради красного словца напомнил о своей жестокости во время Гражданской войны с расстрелами каждого пятого бежавшего с позиции, в том числе двух коммунистов. Молотов отчеркнул и этот фрагмент¹. Берем на заметку. Когда Троцкий будет требовать внутрипартийной демократии, напомним ему, что он расстреливал коммунистов.

¹ Там же. Л. 186.

*Матвей Федорович
Шкирятов
1927
[РГАСПИ. Ф 56. Оп. 2.
Д. 58. Л. 102]*

А вот член Президиума ЦКК М. Шкирятов спрашивает Троцкого: «Что же, по-вашему, вся партия ошибается?», на что Троцкий ответил: «Вся партия тут не причем, партия ничего не знает, аппарат предрешает судьбу партии»¹. Молотов и это подчеркивает – вот куда метит оппозиция. Разрушить аппарат или подчинить его демагогам. Не допустим. Но состав комиссии действительно слабоват, такие люди, как Шкирятов не могут на равных спорить с Троцким.

На заседании Президиума ЦКК 24 июля полемика продолжилась. Молотов отчеркивал и подчеркивал в выступлении Зиновьева: «Сейчас сталинцы исключают ленинцев – в этом суть. Сейчас орудуют где-то в Сочи или Сухуме действительный пленум Центрального Комитета. Он происходит в месте отдыха Сталина. Пленум состоит из Сталина, Кагановича, Кубяка, Кирова и т. п. Там решаются все вопросы»². Н. Кубяк попал в этот список довольно случайно, а вот Молотов не назван. Конечно – он же во время отпуска Сталина «остается на хозяйстве». Но кто бы

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 123. Л. 201.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 124. Л. 55.

говорил! Ведь это Зиновьев устраивал «пещерное совещание» на отдыхе в Кисловодске в 1923 году.

Президиум ЦКК рекомендовал исключить Троцкого и Зиновьева из ЦК. Но не тут-то было. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК, который проходил 29 июля – 9 августа, борьба развернулась с новой силой. Троцкий и Зиновьев обвинялись в том, что они распространяют фракционную декларацию 83-х, выступают с антипартийными речами, обвиняют партию в термидорианстве, заявляют, что партийный режим опаснее войны. Особую опасность для правящей группы представляло «печатание и распространение фракционной литературы не только среди членов партии, но и беспартийных, организация подпольных фракционных кружков»¹ и организация демонстрации (под этим понимались проводы Смилги на Дальний Восток, куда его усылал Молотов от имени ЦК).

На пленуме Молотов выступил с критикой внешнеполитической линии оппозиции. Сталин и Молотов сочли, что Вячеслав Михайлович уже достаточно подготовлен в этой сфере. В речи 30 июля Молотов покритиковал оппозицию за непоследовательность (действительно, Зиновьев принимал участие в разработке политики Коминтерна 1925–1926 годов, которую теперь критиковали левые коммунисты), обвинил леваков в провокации войны, приписал Троцкому пораженчество (будто левые провоцировали войну с целью поражения СССР). Через десять лет это обвинение станет каноническим, но в 1927 году оно выглядело как чудовищная клевета. Причем не единственная в речи Молотова.

Чашу терпения оппозиционеров переполнило его сравнение левых коммунистов с левыми эсерами: «революционность плохого левоэсеровского типа», как значится в стенограмме. Молотов, однако, употребил другое слово – «повстанчество», что означало уже не политическое, а уголовное обвинение. Каменев 1 августа возмущенно отвечал Молотову, «который, конечно, повторил схему рассуждений людей более проникательных, чем он, и который говорил, что мы идем к повторению тактики левых эсеров с их восстаниями против партии и Советской власти и, значит, ко всем тем мерам, которыми партия против повстанчества должна защищаться». Молотов подтвердил, что действительно употре-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. С. 204.

бил шокирующее слово «повстанчество»: «Повстанчество против партийной законности – вот о чем я говорил». Характерно, что Каменев не считал Молотова самостоятельной фигурой – за ним стоят «более проницательные» Сталин и Бухарин. Каменев подчеркнул, что эта троица не имеет права отождествлять себя с партией: «...мы не смешиваем Молотова с партией, мы не смешиваем Бухарина с марксизмом и не верим в непогрешимость Сталина». Оппозиция приняла специальное заявление по поводу речи Молотова о «повстанчестве» оппозиции. В нем оппозиционеры еще раз подчеркнули несамостоятельность Молотова: «...речь т. Молотова дала понять, чего хочет, к чему стремится тесная фракция Сталина... Произнося по отношению к оппозиции слово “повстанчество”, ядро сталинской фракции хочет приучить партию к мысли о разгроме оппозиции»¹. Но, как показали итоги пленума, к этому Сталин еще не был готов. Молотов своей грубой фразой прощупывал почву для дальнейших действий Сталина. Он выступил с речью «Международные отношения и оборона СССР», которая на фоне нападок Молотова смотрелась академично.

Оппозиция располагала возможностью ответить на инсинуации оппонентов, и 1 августа Троцкий выступил с докладом «О военной опасности и политике обороны». На этот раз ему просто не давали говорить, постоянно перебивая. Продираясь через крики цекистов, Троцкий обвинял Сталина и Бухарина в пересмотре ленинизма и в установлении диктатуры. На обвинения в том, что, выступая против руководства, оппозиция подрывает обороноспособность страны, Троцкий ответил: «Партия должна сохранять контроль над всеми своими органами во время войны, как и во время мира»².

К аргументам Троцкого уже не прислушивались. Решение об исключении его и Зиновьева из партии было принято за основу. Оба решили, что уже исключены, и не пошли на заседание ЦК 6 августа. Однако сценарий расправы еще не был завершен. Как в царские времена, для унижения жертвы в последний момент предполагалось помилование. А «висельники» не собираются его принимать! Орджоникидзе, не знавший об отсутствии Троцкого и Зиновьева на заседании ЦК, начал риторически об-

¹ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля – 9 августа 1927 г.: Документы и материалы. Кн. 1. М., 2020. С. 167–177, 184, 397.

² Архив Троцкого. Т. 4. С. 63.

ращаться к ним: «Пусть они мне ответят...» На это остававшийся в зале Каменев крикнул: «Зиновьев не может Вам ответить, ибо он и Троцкий исключены Вами из ЦК»¹. В стане большинства случился переполох. За опальными вождями послали. Им торжественно заявили, что пока они еще не исключены из ЦК, что им дают последний шанс.

Оценивая настроения в партии и ее руководстве, Сталин счел, что лучше будет потянуть время, держать вождей оппозиции на грани исключения, но не рисковать. Ведь исключение Троцкого из партии могло вызвать ее раскол и возникновение второй коммунистической партии в полуподполье. И все это – в условиях опасности военного вторжения.

Разногласия обсуждало объединенное заседание Политбюро и Президиума ЦКК 8 сентября. Пригласили Троцкого и Зиновьева. Молотов на этом заседании утверждал, «что партия готова к расколу, что в нашей партии пытаются создавать новую партию на новой платформе». На что Троцкий крикнул с места: «Вы даже о повстанчестве говорили». Молотов решил больше не стесняться термина: «Я это повторяю. Платформа ваша доказывает, что вы повстанческую линию против ЦК ведете дальше...»²

Собиравшийся 21–23 октября 1927 года объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) снова обсуждал персональные дела Троцкого и Зиновьева. На этот раз им практически не давали говорить, в Троцкого кидали попавшимися под руку предметами – книгами, стаканом. Троцкий негодовал, хотя подобное поведение большевиков на Учредительном собрании 1918 года хулиганством прежде не считал. Все ведь зависит от «классовой линии»... На этот раз Троцкого и Зиновьева из состава ЦК исключили.

Повестка пленума этим не исчерпывалась. В преддверии очередного съезда партии обсуждался аграрный вопрос. Тезисы пленуму представил Молотов, и он хорошо справился с задачей: они получились обтекаемыми – не слишком правыми, чтобы не разочаровать партийную массу, но и не слишком левыми, чтобы не вызвать недовольства партийных прагматиков, правых большевиков. Здесь можно было найти и «наступление на кулака», и рост частного капитала в деревне в абсолютном выражении, и необходимость кооперации, и предотвращение использования

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 92. Л. 71.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 1. С. 209.

*Николай Иванович
Бухарин. Автопортрет
17 февраля 1927
[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2.
Д. 168. Л. 105]*

ее «верхними слоями деревни», и успешные государственные заготовки продовольствия, и ошибки в регулировании цен, и вроде бы «крупные успехи», но все же недостаточные. Группа Сталина и Молотова идейно все еще шла в фарватере Бухарина, но уже начинала догадываться, что его стратегия плавной индустриализации на основе нэпа зашла в тупик.

Чтобы пересмотреть эту стратегию, нужно было сначала избавиться от оппозиции, которая только того и требует и, конечно, припишет себе славу поворота курса партии от нэпа. Оппозиционеры И. Смилга и Г. Евдокимов естественно раскритиковали позицию Молотова, что вызвало у него неподдельный гнев. Как они могли не увидеть принципиальных различий между селом в советском и в капиталистическом обществе?! Да, деревня все еще мелкособственническая, как при капитализме, но мы же ее регулируем и внедряем кооперацию, комитеты общественной взаимопомощи. «Создались коренные отличия в условиях ее развития», а троцкисты успехов не признают, считают, что деревня все еще идет по пути капиталистического развития... Не найдя достаточных аргументов по предмету об-

суждения, Молотов вынул «из рукава» жалобу коллеги на Евдокимова, что он плохо работает в Центросоюзе, «не охватил работы настолько, чтобы занять руководящее положение». Такая внезапная смена темы возмутила оппозицию, разразился новый скандал, и на время пленум ЦК превратился в заседание месткома, на котором разбирается склока двух сотрудников. Оказалось, что кляуза на Евдокимова, на которую так рассчитывал Молотов, неважно обоснована. Молотову осталось только подвести многозначительный итог: «Они остаются слепыми до конца!»¹

Оппозиции оставалось рассчитывать на XV съезд партии. Она понимала, что сталинский аппарат не даст троцкистам завоевать большинство, но сагитировать делегатов надеялись. Поскольку дискуссия все же была объявлена, левые выдвинули свою платформу.

В разделении ролей между Сталиным и Молотовым последнему досталась неблагоприятная роль – вбрасывать компромат на грани или за гранью клеветы, что позволяло Сталину выглядеть более солидно. Выступая 26 октября, Молотов заявил: «Оппозиция воспитывает в своей среде некоторые такие элементы, которые готовы на любые способы борьбы с партией. Поэтому заострение борьбы на личных нападках, на травле отдельных лиц может служить прямым подогреванием преступных террористических настроений против лидеров партии»². Верил ли Молотов в то, что говорил? Терроризм в России того времени не считался предосудительным сам по себе. Революционный терроризм вызывал восхищение, контрреволюционный – возмущение. А что если кто-то из тысяч сторонников оппозиции решит, что термидорианское перерождение партии уже завершилось, что во главе партии стоят контрреволюционеры? Со времен Гражданской войны у многих сохранилось оружие.

Оппозиция восприняла заявление Молотова с возмущением: «Зная, с кем мы имеем дело, мы предполагаем, что ко всем эффектам... хотят прибавить еще какой-либо эффект... с “покушением” на лидера – чтобы развязать себе руки для какой-нибудь расправы»³. В 1927 году эта «бомба» не взорвалась. Она

¹ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября 1927 г.: Документы и материалы. М., 2018. С. 64–65, 107–118, 259–269.

² Накануне XV съезда ВКП(б) // Правда. 1927. 1 ноября.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 97. Л. 29.

продолжала лежать до 1934 года. А Молотов в глазах оппозиционеров окончательно стал не просто приспешником Сталина и клеветником, но и человеком, анонсировавшим террористическую провокацию. В канун десятилетия Великого Октября не приходилось говорить о товариществе среди тех, кто его совершил.

Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиция) к XV съезду утверждал: «Группа Сталина ведет партию вслепую»¹, скрывая силы врага, не давая объективно анализировать трудности. К этим трудностям левые относили медленный рост промышленности и заработной платы рабочих, тяжелое положение бедняков и батраков, рост безработицы, потворство кулачеству, которое контролирует значительную часть товарного хлеба и продолжает усиливаться. «Лишенному точного классового содержания лозунгу “создания беспартийного крестьянского актива через оживление Советов” (Сталин – Молотов), что приводит на деле к усилению руководящей роли верхних слоев деревни, нужно противопоставить лозунг создания беспартийного батрацкого, бедняцкого и близкого к ним середняцкого актива»². Вообще-то о консолидации бедняцкого актива Молотов тоже говорил, так что это обвинение в его адрес было несправедливо.

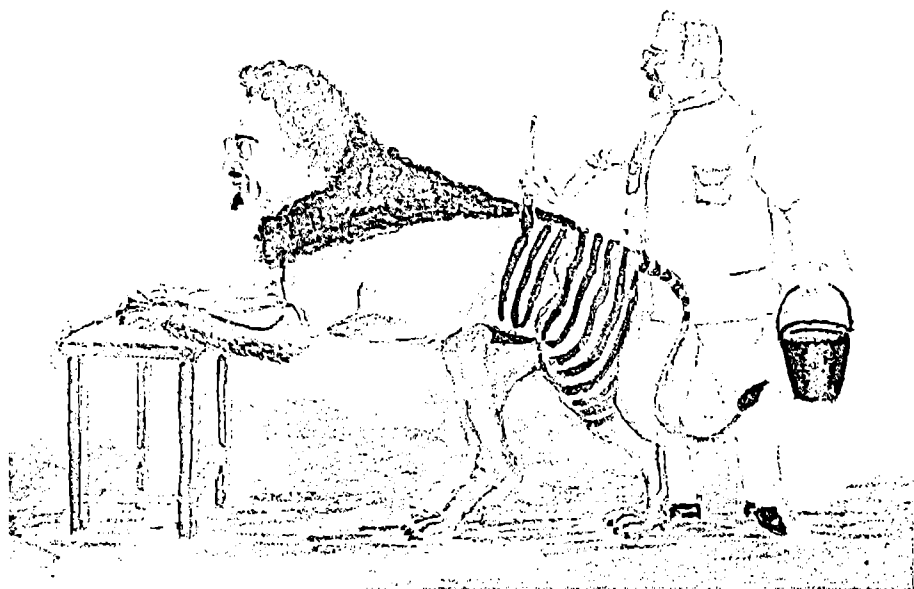
Тезисы оппозиции стали печататься 5 ноября в дискуссионном листке «Правды» под названием «Контр-тезисы троцкистской оппозиции о работе в деревне» (настоящее название платформы было издевательски дано в примечании). Аграрный вопрос стал центральным в предсъездовской дискуссии, что повышало вес Молотова.

Правящая фракция хорошо подготовилась к юбилейной демонстрации 7 ноября 1927 года. Людей, поднимавших оппозиционные плакаты, тут же начинали избивать, плакаты вырывали из рук и ломали. Зиновьев и Радек были задержаны перед демонстрацией. На автомобиль, в котором ехали Троцкий, Каменев, Смилга и Муралов, было совершено нападение. Милиционеры стреляли, толпа кричала, кто-то ударил по автомобилю. В Харькове при разгоне оппозиционного собрания была открыта стрельба. Оппозиция заявила об «отказе от “смычек” [оппозиционных собраний. – А. Ш.] под угрозой физической расправы над коммунистами»³.

¹ Архив Троцкого. Т. 4. С. 114.

² Там же. С. 128.

³ Там же. С. 267.

Л.Д. Троцкий и Л.Б. Каменев

Автор В.И. Межслаук

1928

[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 169. Л. 99]

Несмотря на то, что оппозиция считала для себя возможным не подчиняться решениям XV съезда, который превратился в «узкий актив сталинской фракции»¹, левые продолжали утверждать: «Оторвать себя от ВКП оппозиция не позволит и к организации второй партии не приступит»². В ответ 14 ноября Троцкий и Зиновьев были исключены из партии, а другие оппозиционеры выведены из ЦК и ЦКК.

Разгром оппозиции завершился на XV съезде ВКП(б) 2–19 декабря 1927 года. Оппозиционеры были представлены на съезде несколькими делегатами с совещательным голосом, которых подвергли показательной идеологической «порке». При выступлении Каменева и Раковского их постоянно перебивали, не давали говорить, оскорбляли, обвиняли в предательстве партии. Рыков и Томский прямо настаивали на аресте оппозиционеров. Каменев говорил о примирении с партией и о полном подчи-

¹ Там же. С. 224.

² РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 74. Л. 127.

нении ей, но отречься от тезисов, нашедших подтверждение (как в случае с Китаем), не собирался. С места ему кричали: «От чего же вы отречаетесь!» Большинству нужно было унижение оппозиции независимо от того, права она или нет. Раковский упрекал большинство в потворстве мировой буржуазии, которая стремится «изолировать нас идейно от мирового пролетариата». В ответ кричали: «Долой меньшевиков с трибуны!»

Сагитировать съезд было невозможно, оппозиция была обречена на поражение. 10 декабря съезд получил обращения ряда троцкистов (Раковский, Муралов и Радек) и зиновьевцев (Каменин, Бакаев, Евдокимов и Авдеев). Они были почти одинаковыми и просили у съезда права хотя бы сохранять свои взгляды, при условии роспуска фракций. Сталин уже не верил таким заявлениям: «Говорят, что оппозиция имеет в виду подать съезду некое заявление насчет того, что она, оппозиция, подчиняется и будет подчиняться всем решениям партии (голос: “Также, как в октябре 1926 года?”), распустит свою фракцию (голос: “Мы слышали это два раза!”) и будет отстаивать свои взгляды, от которых она не отказывается (голоса: “О-о”. “Нет, мы уж лучше их сами распустим!”), в рамках партийного устава. (Голоса: “С оговорочками”. “У нас рамки не резиновые”.) Я думаю, товарищи, что ничего из этой штуки не выйдет»¹.

XV съезд ВКП(б) исключил из партии 75 лидеров Объединенной оппозиции и 15 «демократических централистов», однако вынужден был принять некоторые предложения побежденных: ускорить темпы индустриализации и коллективизации, усилить наступление на кулака. Съезд указал плановым органам исходить из «более быстрого, чем в капиталистических странах, темпа народнохозяйственного развития»². Центр тяжести переносился в область производства средств производства, а не средств потребления.

Зиновьевцы 19 декабря попросились назад, но съезд предложил им обращаться в свои парторганизации в индивидуальном порядке. Исключенные из партии оппозиционеры были отправлены в ссылки как социал-демократы начала века. Троцкого 16 января 1928 года отправили в Алма-Ату.

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 9. М., 1948. С. 349–350.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. С. 264, 276.

В центре конструктивной повестки съезда стоял доклад «О работе в деревне», с которым выступил Молотов. Ему предстояло продемонстрировать, что он не просто аппаратчик и разоблачитель оппозиции, а крупнейший аграрный стратег партии. Опыт выступлений на эту тему у Молотова уже был, но нынешняя трибуна была самой высокой в СССР. И эта его речь показательнее, чем выступления 30-х годов, когда партия уже отвыкла от дискуссий. А в 1927 году Молотову могли и обидно возразить другие делегаты.

Готовясь к докладу, Молотов 5 сентября провел совещание по кооперации. Приглашенные хотели «показаться» столичному начальнику, высказывались оптимистично, хотя и признавались в бесхозяйственности кооператоров: «купили там яблоки, неумело упаковали, получился убыток. А воровства у нас мало. Вообще кооперация налаживается». В ответ на вопрос о бедноте ему отвечали: «Трудно бедноту вразумить, чтобы она вся сорганизовалась в коллективы...

МОЛОТОВ: Я Вас перебую, партия говорит, что она ведет деревню к социализму.

ШАЛЫГИН: Коммунизма только боятся.

МОЛОТОВ: Социализма не боятся.

БУЖИНСКИЙ: Артелей не боятся, а коммуны боятся.

МОЛОТОВ: Через кооперацию к социализму этого не боятся.

БОЛЛЕНКОВ: Слово коллектив, артель им нравится, а коммуна – нет.

ШАЛЫГИН: Да. Но некоторые бедняки при этом говорят: «я лучше пойду в коммуну, а в артели одна потасовка». Зато успешно развивается потребительская кооперация, покупка техники в складчину»¹.

На склоне лет Молотов превозносил Сталина как теоретика коллективизации: «...считаю, его большая заслуга в коллективизации. Какая роль? Теоретически очень важная. В том, что Ленин не учел и не мог учесть, а именно, только Сталин, в отличие от Ленина, сказал: “Наш путь – через колхозы, через артели”. У Ленина этого нет. У него товарищества по совместной обработке земли, артели, коммуны. Но больше о коммунах»². Впрочем, и без Сталина, общаясь с сельскими коммунистами, Молотов понял, что коммуны популярностью не пользуются, а

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 13. Л. 136.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 280.

вот артель может прижиться. Очевидно, он обсуждал этот вопрос со Сталиным, так что возможно именно Молотов натолкнул Сталина на его «теоретическое открытие».

В своем докладе на съезде Молотов оптимистично оценил результаты аграрной революции 1917–1922 годов. Средняки увеличили свой земельный фонд в европейской части РСФСР более чем вдвое. Правда, ЦСУ оценивает прибавку всего в 30 %, учитывая качество земли. Молотов критикует его за такой пессимизм. А вот земли кулачества уменьшились аж в 10 раз. Да и численно кулачество составляет считанные проценты от крестьянской массы¹.

Картина вроде бы подтверждает правоту бухаринской стратегии. Расслоение не очень велико, крестьяне получили столько земли, что могут пока развивать индивидуальное хозяйство. «Но если данные сами по себе говорят о том, что рост капиталистических элементов в деревне пока еще выражается в совершенно незначительной величине, то надо отметить, что за последние годы процесс роста этих элементов идет заметно ускоренным темпом». А это нехорошо. Приведя статистику из некоторых регионов, Молотов делает вывод: «Из всего этого видно, что процессам расслоения деревни мы должны уделять самое серьезное внимание». Но без «капитулянтских воплей оппозиции». Ведь также «укрепились социалистические элементы в деревне». Так что и тут нечего беспокоиться. Торопиться с социализмом в деревне не нужно. «Мы знаем, что развитие индивидуального хозяйства по пути к социализму – есть путь медленный, есть путь длительный. Требуется немало лет для того, чтобы перейти от индивидуального к общественному (коллективному) хозяйству»².

Дела с кооперацией идут хорошо: «В настоящее время уже больше половины торгового снабжения деревни находится в руках нашей кооперации и почти $\frac{2}{3}$ с.-х. заготовок находятся также в наших руках, в руках государственных и кооперативных органов». В индивидуальных хозяйствах не только сельскохозяйственная техника, но и лошадь может быть нерентабельна. Значит, нужно создавать крупные коллективные хозяйства, которые на своем примере покажут крестьянам, что совместно ве-

¹ Пятнадцатый съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1927 года: Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 1051, 1055.

² Там же. С. 1056–1057.

сти хозяйство выгоднее. Уже 1 миллион крестьянских хозяйств из 24 миллионов участвует в совместной переработке продуктов¹.

Вывод Молотова из этих данных весьма оптимистичен, но и солидно осторожен: «А все это означает не что иное, как подготовку массового перехода индивидуального крестьянского хозяйства к крупному общественному производству. Все это означает, что мы... двигаемся миллионными рядами крестьян к коллективизации сельского хозяйства». То есть пора постепенно переходить к колхозам (коммунам, артелям, товариществам). Там уже миллион едоков. Коммуны, правда, не очень активно создаются, а вот артели и товарищества количественно растут – «к этим формам колхозов все больше тянется середняк, начинающий приходить к выводу об отсутствии значительных перспектив в развитии мелких индивидуальных крестьянских хозяйств», – суммирует Молотов по итогам своего общения с участниками коллективизации. Можно выдвинуть лозунг: «деревня, вперед – к крупному коллективному хозяйству!»²

Правда, ссылаясь на Ленина, Молотов тут же подчеркивает: «никакой торопливости, никакой скоропалительности со стороны партии и советской власти в отношении среднего крестьянства. Пожалуй, этого у нас теперь имеется в достаточном количестве. Этому мы в основном уже научились. Это блестяще доказано полным поражением, полным крахом троцкистской оппозиции»³. Увы, даже троцкисты скоро станут удивляться «торопливости» Сталина и Молотова в деле коллективизации...

Ленин предупреждал, что кооперации мешает бескультурье и связанный с ним (а с чем же еще) бюрократизм. Но тут Молотову и Ленин не указ: «...было бы нелепостью говорить: мы некультурны, поэтому мы не можем переходить к крупным коллективным хозяйствам. Это нелепость, это меньшевизм, это буржуазная идеология, враждебная рабочему классу и крестьянству»⁴.

Пора заканчивать этот долгий доклад. Несмотря на все эти «с одной стороны, с другой стороны», будем не торопясь с помощью сугубо добровольной коллективизации обеспечивать «развитие крупного коллективного хозяйства в деревне... Понявши свои новые задачи и обязанности, пролетариат добьется того, что

¹ Там же. С. 1066, 1072.

² Там же. С. 1072–1073, 1078.

³ Там же. С. 1078.

⁴ Там же. С. 1082.

союз рабочих и крестьян осуществит свою основную задачу: не будет ни рабочих, ни крестьян, не будет классов в нашей стране, а все мы станем членами единого социалистического общества!»¹ Фуфф... Молодец. Справился. Дочитал. И Сталин, и Бухарин будут довольны. Бурные продолжительные аплодисменты; съезд встает и приветствует оратора.

Подавляющее большинство последующих выступающих по-ливали доклад Молотова елеем. Разве что напомнили о некоторых пробелах (не проанализировал еще кустарно-промысловую кооперацию).

Выступая еще раз 18 декабря, Молотов немного скорректировал позицию относительно классовой борьбы в деревне: «Зажиточно-кулацкая верхушка в своей массе не может сочувствовать этому делу. Но мы должны найти и найдем сочувствие у огромной, у преобладающей массы деревни, у середняков и бедняков, и должны опереться на их добровольное согласие, поощряя рядом мер соответствующую инициативу крестьян»². Этого можно добиться обеспечением деревни техникой: «Только машины, только тракторы, только введение электрификации в деревне в массовом масштабе дадут настоящую техническую базу для развития крупного коллективного земледелия»³. А где взять эту технику? Либо купить за границей, либо построить заводы у себя. И то, и другое требует ресурсов, которых пока у государства нет.

Из стенограммы своего выступления Молотов вычеркнул некоторые рассуждения, которые могли посеять сомнения в успехе взятого курса: «Много ли вовлечено крестьянских средств на покупку сельскохозяйственных машин? А много здесь до сих пор сделано? Страшно мало. Тут дело идет плохо. Решение, которое принимает XV съезд, высоко поднимает значение кооперации, но обязанности кооператоров страшно повышаются»⁴.

В целом, выводы, закрепленные в резолюции съезда по докладу Молотова, следуют в русле бухаринских воззрений. Молотов вспоминал: «Резолюцию мы вместе с Бухариным писали по моему докладу на XV съезде»⁵. Она констатировала низкий уровень урожайности и товарности сельского хозяйства, аграр-

¹ Пятнадцатый съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)... С. 1097.

² Там же. С. 1234.

³ Там же. С. 1238.

⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Л. 14. Л. 227.

⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 385.

ное перенаселение. Нужно что-то делать, а то назревает аграрный кризис, как в Российской империи. Выход – в кооперации. В современных условиях создается «возможность более широкого охвата кооперацией бедняцких и середняцких слоев деревни, дальнейшего усиления планового воздействия на крестьянское хозяйство и более решительного наступления на кулака, на основе достигнутых успехов по закреплению союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком»¹. Подчеркивалось, что «переход может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян»².

Еще в период подготовки к съезду Сталин и Молотов подписали директиву ЦК партийным организациям хлебозаготовительных районов. В связи с резким сокращением хлебозаготовок они потребовали усилить взыскание платежей с деревни, провести мероприятия, «направленные на усиление завоза хлеба со стороны крестьянства» и одновременно «перебросить потребительские товары с городских рынков в хлебозаготовительные районы»³. Это была последняя попытка решить проблему товарообмена рыночными механизмами.

8. ПОБЕДА НАД ПРАВЫМИ

Очередная неудача хлебозаготовок поставила страну на грань голодных бунтов и окончательно убедила Сталина и Молотова в том, что модель нэпа, оправдавшая себя в короткий период 1924–1925 годов, не в состоянии дать неповоротливой индустриально-бюрократической машине достаточно средств, чтобы построить мощную промышленность. У крестьян был «лишний» хлеб, который они не могли обменять на качественные промтовары за отсутствием последних. На «просьбы» руководителей отдать хлеб добровольно крестьяне отвечали издевками. Дефицит хлебозаготовок составил около 100 млн пудов. Так что уже 23 декабря Политбюро обсуждало вопрос о хлебозаготовках и экспорте хлеба.

Молотов лично направился в хлебопроизводящие регионы, чтобы выяснить, почему хлеб не идет, и добиться ускорения хлебозаготовок. Он сел со своими помощниками в спецвагон и от-

¹ Пятнадцатый съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)... С. 1306.

² Там же. С. 1308.

³ Вождь: И.В. Сталин в документах и фотографиях. Кн. 2. С. 176.

правился на Украину 28 декабря. «Там в вагоне я жил. Охрана была. В вагоне и спал. В районы выезжал, там не везде ночевал, возвращался в вагон»¹. Это была первая из его ежегодных поездок за хлебом в годы первой пятилетки.

Уже 30 декабря Молотов инструктировал Политбюро ЦК КП(б) Украины во главе с Кагановичем, которого нельзя было заподозрить в нежелании дать хлеб. Но он не знал, как его взять. Да и Молотов пока не знал, что еще предложить, кроме нэповских методов – на село направлялись последние запасы промтоваров, что усиливало товарный голод в городах.

В первый день нового 1928 года Молотов прибыл в Мелитополь и сразу собрал партактив: «Я их накачиваю: “Давай хлеб! Сейчас такое время, что нужно нажать на кулака”». Вероятно, это было первое выступление члена сталинской группы, выдержанное в тонах, которые раньше были характерны для левой оппозиции. Вскоре выяснится, что у кулаков и вообще у зажиточных крестьян просто нет нужного количества хлеба. Но пока Молотов попробовал применить привычные для аппаратчика методы административного нажима – на места рассылались начальники, чтобы лично добиваться ускорения сдачи хлеба крестьянами. Когда 6 января Молотов вернулся с Украины в Москву, Сталин его похвалил: «Ну я бы тебя расцеловал, так ты там действовал»².

С учетом опыта поездки Молотова на Украину Сталин решил взять хлеб опробованными военно-коммунистическими методами. 6 января 1928 года от имени Политбюро Секретариат выпустил чрезвычайные директивы местным парторганизациям – пока не выполнен государственный план заготовок, частная торговля в данной местности должна быть запрещена.

Политбюро утвердило это решение 14 января. Члены Политбюро лично возглавили кампанию в регионах. Сталин выехал в Сибирь, а Молотов – на Урал. На собраниях партийно-государственного актива они требовали применять репрессии против саботажников хлебозаготовок, а если прокуроры и судьи не готовы этого делать, то «всех негодных снять с постов и заменить честными, добросовестными советскими людьми»³.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 377.

² Там же. С. 376–377.

³ Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 4.

*Анастас Иванович
(Ованесович) Микоян
(«Ирригационная
система»)
Автор Н.И. Бухарин
20 октября 1927
[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2.
Д. 168. Л. 143]*

В отношении кулаков в Центральном Черноземье Сталин и Молотов 10 февраля дали указание применять 107 статью УК о спекуляции хлебом. Она предусматривала наказание в 5 лет заключения с конфискацией имущества за скупку и перепродажу ради наживы продуктов и предметов массового потребления. При этом 25 % конфискованного хлеба передавались беднякам¹, чтобы опереться на них, как во времена Гражданской войны. Вместе с милицией они ходили по дворам и показывали, где у соседей припрятано продовольствие.

Сталин, Молотов и Микоян 13 февраля согласовали с Бухариным и Рыковым директиву ЦК, которая требовала продолжать кампанию хлебозаготовок и выполнить план любой ценой².

Чрезвычайные меры, по существу заимствованные из платформы оппозиции, дали хлеб в 1928 году, но отбили у крестьян желание производить его «излишки». Производство зерна упа-

¹ Вождь: И.В. Сталин в документах и фотографиях. Кн. 2. С. 182.

² Сталин И. Сочинения. Т. 11. С. 16–17; Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5 т. Т. 1. М., 2000. С. 17.

ло. Действия Сталина и Молотова вызвали острый конфликт в руководстве. Не прошло и двух недель со дня окончания XV съезда, осудившего фракционность, как в Политбюро вновь разгорелась внутренняя борьба. Противники сталинских методов главный редактор «Правды» Бухарин, председатель СНК Рыков и руководитель профсоюзов Томский стали критиковать Сталина на заседаниях руководящих органов. Они указывали на крестьянские восстания, вызванные действиями заготовителей. Было ясно, что крестьян уже не удастся заставить врасплох, что хлеба они произведут меньше, а «излишки» спрячут.

Резкие споры развернулись и по поводу планов роста промышленности. Какие темпы роста выдержит крестьянство? Как вспоминал Томский, «первый сильный взрыв произошел на открытом заседании ПБ при рассмотрении промфинплана в марте 1928 года, где тов. Молотов довольно резко напал на тов. Рыкова»¹. Рыков попросился в отставку, что вызвало решительные возражения у всех членов Политбюро. Молотов отреагировал так: «Считаю, что никто не может ставить вопрос о смене т. Рыкова, т. к. это явная нелепость и безусловная нецелесообразность. Но считаю свое выступление безусловно законным. От этого права говорить на Политбюро и резко критиковать решения наркоматов и СНК ни в коем случае не могу отказаться». Сталин написал на записке Рыкова по поводу отставки: «Дело надо сделать так: надо собраться нам, выпить маленько и поговорить по душам. Там и решим все недоразумения»². Казалось, что дружеские связи все еще сильнее разногласий. Рыков обижался на грубую форму нападок Молотова. Но кроме личных обид возникли серьезные разногласия по сути.

Рыков считал, что нельзя планировать больше строек, чем имеется ресурсов на их обеспечение. Молотов и стоявший за ним Сталин настаивали, что так современную промышленность не построить, и нэп перерастет в стагнацию, чреватую социальным взрывом в городах. Поэтому нужно запланировать промышленные стройки сколько нужно, а ресурсы на них взять у крестьян силой.

Первое время конфликт в руководстве развивался подспудно. Агитационная машина по указанию Секретариата начала критику «правого уклона» в партии. По именам «правых укло-

¹ Как ломали НЭП. Т. 4. С. 55.

² Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999. С. 24.

Алексей Иванович Рыков
Автор Я.М. Ярославский
20 февраля 1928
[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2.
Д. 169. Л. 10]

нистов» никто не называл, и даже главный редактор «Правды» Бухарин усердствовал в критике этого таинственного «уклона», чтобы никто не заподозрил его в правизне. Объединенный пленум ЦК и ЦКК 6–11 апреля 1928 года принял компромиссную резолюцию, которая, с одной стороны, констатировала, «что указанные мероприятия партии, в известной своей части носившие чрезвычайный характер, обеспечили крупнейшие успехи в деле усиления хлебозаготовки», а с другой – осудила сопровождавшие столь успешную чрезвычайную кампанию «извращения и перегибы, допущенные местами со стороны советских и партийных органов», которые «фактически являются сползанием на рельсы продразверстки»¹. ЦК обещал, что чрезвычайные меры не повторятся. Партийные начальники на местах пожимали плечами – это же Молотов со Сталиным и циркуляры ЦК, рассылаемые Се-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. С. 318–319.

кретариатом, требовали от нас таких действий, которые теперь вроде бы осуждаются...

Не успела просохнуть типографская краска на постановлении пленума, 25 апреля Секретариат ЦК выпустил директиву об усилении кампании хлебозаготовок. Для ее проведения нужно было сломить сопротивление сельских верхов. Сталин считал, что «пока существуют кулаки, будет существовать и саботаж хлебозаготовок... Поставить нашу индустрию в зависимость от кулацких капризов мы не можем»¹. ЦК 16 мая принял обращение «За социалистическое переустройство деревни», которое допускало «раскулачивание» – уничтожение богатых хозяйств, раздачу их имущества беднякам и выселение кулаков. И вновь на местах ответственным работникам приходилось ломать голову: «перегибать» или нет? Поскольку они отвечали за цифры, пришлось «перегибать».

Фактическое продолжение военно-коммунистической, «троцкистской» политики не могло не вызвать обострения споров в Политбюро. И дело было не только в хлебе. Ознакомившись с экспортным планом, Бухарин возмущенно писал Сталину: «мы, при товарном голоде в стране, заставляем промышленность работать на экспорт». Вместо этого Бухарин предлагает «форсировать индустриализацию, работая на внутренние рынки»². Но как «форсировать» без экспорта? Если какие-то советские товары сохраняют конкурентоспособность на внешних рынках, то зачем продавать их крестьянам за хлеб, который тоже идет на экспорт? Экспорт – это возможность приобрести столь необходимые для индустриализации технологии. Товарный голод в стране все равно не преодолеть без индустриализации. Так что же Бухарин возмущается?

Сталин предпочитал снимать разногласия с Бухариным тет-а-тет, не вынося их на более широкий круг обсуждения. Он сравнивал их союз с Гималаями, в то время как остальные лидеры – пигмеи. Разумеется, эти слова, даже сказанные в шутку, не предназначались для ушей «пигмеев». Но в момент одного из споров Бухарин их пересказал, что тут же вызвало скандал. Сталин кричал: «Врешь!» После этого Сталин уже не пытался договориться о чем-либо с Бухариным в частном порядке. По-

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. С. 4–5.

² Как ломали НЭП. Т. 2. С. 6.

*Иосиф Виссарионович
Сталин
Автор Н.И. Бухарин
20 февраля 1928
[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2.
Д. 169. Л. 11]*

сле очередного спора Сталин сказал Бухарину: «Бухашка, ты можешь даже слону испортить нервы»¹.

На новом пленуме ЦК 4–12 июля борьба между «правыми» и сталинистами на поверхность практически не выходила. Каждая из сторон действовала осторожно, опасаясь прослыть «фракцией». «Выступать – зарежет по статье о расколе»², – объяснял Бухарин в частном разговоре свой отказ от прямой критики Сталина. На июльском пленуме Бухарин в своем выступлении даже сослался на Сталина, когда говорил, что «чрезвычайные меры мы сейчас снимаем»³. Из зала вопрошали: «Навсегда?» На это Бухарин прямо не ответил, подтвердил, что меры эти себя оправдали, но им нельзя дать перерасти в систему военного коммунизма. Создавалось впечатление, что Бухарин считает возможным иногда проводить атаки на крестьянство, лишь бы это не стало непрерывной практикой, не привело к социальному кризису и крестьянским восстаниям. На это Сталин бросил реплику: «Страшен сон, да милостив Бог»⁴.

¹ Там же. Т. 4. С. 562.

² Там же. С. 561.

³ Там же. Т. 2. С. 382.

⁴ Там же. С. 387.

*Николай Иванович
Бухарин
1920-е
[Из открытых
источников]*

Сталин твердо решил проводить индустриализацию за счет «дани» с крестьянства, однако резолюции пленума пока были компромиссными: вытрясать хлеб из кулацкого хозяйства (хоть бы оно и разорилось) и одновременно – ускорять коллективизацию и создавать зерновые совхозы. Пленум поддержал чрезвычайные меры, но подтвердил «их временный характер, и если, несмотря на это, возникали толкования этих мер как органически вытекающих из решений XV съезда партии об усилении наступления на капиталистические элементы деревни, то такого рода толкования свидетельствуют лишь о том, что на отдельные прослойки партии до сих пор оказывает влияние чуждая ей идеология»¹.

Компромисс партийных групп был закреплен в государственных решениях. Заместитель наркома юстиции РСФСР Н. Крыленко запретил 16 июля использование таких чрезвычайных мер, как обходы дворов в поисках хлеба, незаконные обыски и аресты, закрытие базаров и др. Он приказал прекратить все

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. С. 352.

дела в отношении середняков и бедняков по статье 107 (в отношении кулаков дела продолжались). Но в этой же директиве Крыленко предупредил, что статья 107 против скупщиков хлеба (то есть торговых посредников) будет массово применяться «в случае новой попытки... срыва хлебозаготовок»¹.

Чрезвычайные меры были строго запрещены постановлением Совнаркома от 19 июля – правительство было оплотом «правых». Рыков и Бухарин надеялись «выманить» у крестьян хлеб, поднимая закупочные цены. Однако и с их повышением промышленные товары оставались для селян недоступны, к тому же часто были некачественными. Так что крестьяне предпочитали запастись продовольствием.

Казалось, что в середине 1928 года наметилось некоторое согласие между сторонниками осторожного поворота «влево» (Бухарин) и более радикального и последовательного проведения того же курса (Сталин). Но непоследовательность Бухарина делало его позицию слабой, в то время как события требовали решительных действий.

Летом противоречия двух крыльев ВКП(б) сказались на работе Коминтерна. Бухарин работал над его программой, которую должен был принять VI конгресс, проходивший 17 июля – 1 сентября 1928 года. Сталин не намерен был уступать Бухарину лидерство на этой важной международной площадке, чтобы не получить «второго Зиновьева». С 1 августа в подготовку программы Коминтерна включился Молотов, и с тех пор к его многочисленным обязанностям добавились и международные. После VI конгресса, принявшего программу, Молотов вошел в Политсекретариат Исполкома Коминтерна (аналог Политбюро ЦК), где наряду с Бухариным, Пятницким и Куусиненом представлял ВКП(б). Молотов не мог работать в Исполкоме Коминтерна (ИККИ) на постоянной основе, но, появляясь там время от времени, ревностно следил за соблюдением сталинского курса вплоть до середины 30-х годов. Обжегшись на правом курсе широких союзов и сотрудничества с социал-демократами в 1926–1927 годах, Сталин взял курс на конфронтацию с «розовыми». Коммунисты должны были неуклонно следовать указаниям Москвы, даже если это вело их к изоляции и ультралевому сектантству. Молотову этот простой и однозначный курс был близок, и он настаивал на его проведении не за страх, а за совесть.

¹ Как ломали НЭП. Т. 3. С. 6.

Время после июльского пленума Сталин активно использовал для борьбы за умы большевистских лидеров. Он не доверял даже ближайшим соратникам. «Ни в коем случае нельзя дать Томскому (или кому-либо другому) “подкачать” Куйбышева или Микояна. Не можешь ли прислать письмо Томского против Куйбышева?» – писал, например, Сталин Молотову в августе 1928 года¹. В нем Сталин был абсолютно уверен и мог спокойно обсуждать с ним подобные интриги. Молотов был важен в таких делах еще и потому, что в его канцелярии накапливался политический компромат на любой вкус. Вот теперь понадобился на Томского.

Завоевав большинство в Политбюро, осенью Сталин развернул наступление на организации, в которых преобладали сторонники «правых» – Институт красной профессуры, Московскую парторганизацию, наркоматы, профсоюзы, редакцию «Правды». Из редакции «Правды» вывели учеников Бухарина А. Слепкова и В. Астрова. Вместо них в «Правду» пришли сталинцы Е. Ярославский, Г. Крумин и М. Савельев, которые стали публиковать статью за статьей о «правом уклоне» (не называя имен конкретных «правых»). Без их одобрения теперь не могли печататься даже статьи самого главного редактора Бухарина.

Началось и наступление на союзника Бухарина, первого секретаря московской парторганизации Н. Угланова, который продолжал критиковать новую продовольственную политику. Битва за Москву стала решающим этапом борьбы между сталинской группой и «правыми». На этот раз Сталин решил действовать с помощью «демократии», натравив на Угланова партийные низы, недовольные нэпом. Орджоникидзе писал Ворошилову: «По всем районам начались перевороты, “стали сбрасывать секретарей” районов и громить МК»².

Пока Бухарин был в отпуске, 16 октября состоялось расширенное бюро Московского комитета партии. Оно было «расширено» сторонниками позиции Сталина. Накануне Политбюро приняло обращение от имени ЦК с резкой критикой примиренчества с «правыми» в Московской организации. На пленум явились члены Политбюро Сталин, Молотов и Каганович. Это не предвещало для руководителей Москвы ничего хорошего. Слово взял

¹ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. М., 1996. С. 22.

² Советское руководство: Переписка. С. 51.

*Николай Александрович
Булганин
1930-е
[Из открытых источников]*

директор электрозавода Н. Булганин, который от имени группы членов ЦК и МК заявил, что в Московской организации партии орудуют правые оппортунисты, которые стремятся свернуть страну на путь капиталистической реставрации. Сам Угланов потворствует «правым». Булганина поддержал Каганович. Возмущенный Угланов заявил о своей отставке. Сталин как всегда выступил «примирителем», не согласился с Булганиным в том, что Угланов – «правый». Он виновен лишь в примиренчестве с «правыми», и этот вопрос нужно обсудить на пленуме МК.

Пленум МК и Московской контрольной комиссии состоялся 18–19 октября. Из МК вывели сторонников умеренного курса – заведующего отделом агитации и пропаганды Н. Мандельштама и секретарей райкомов М. Рютина и М. Пеньковского. На конференции досталось и Бухарину за его статью «Заметки экономиста», в которой он критиковал планы быстрого индустриального роста. Рыков и Томский не предприняли серьезных усилий, чтобы защитить своих союзников. Сам Угланов «по просьбе партийного актива» 27 ноября был снят с поста и заменен Молотовым. У Сталина было слишком мало людей, которым можно было полностью доверять. Пробыв на этом посту до апреля 1929 года, Молотов более чем наполовину обновил бюро горкома, очистив его от «правых».

*Михаил Павлович Томский
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 422. Оп. 1.
Д. 189]*

Это была важная победа перед ноябрьским пленумом ЦК, где обсуждался вопрос о хозяйственных планах и правом уклоне. Вернувшись из отпуска, Бухарин несколько часов ругался со Сталиным, но в конце концов «сказал, что он не хочет драться, ибо драка вредна для партии, хотя для драки все уже готово. Если драка начнется, то вы нас объявите отщепенцами от ленинизма, а мы вас — организаторами голода»¹. Обвинение Бухарина оказалось верным, но воли к проведению своей линии у него не было. Три «правых» члена Политбюро, Бухарин, Рыков и Томский подали в отставку в знак протеста против проводимой Сталиным и Молотовым кадровой чистки. Они утверждали, что в таких условиях просто невозможно работать. Сталин успокаивал и убеждал: метод отставок — не большевистский. Нельзя шантажировать товарищей отставкой. Надо решить дело по-хорошему. Орджоникидзе, не понимавший принципиальность разногласий между Сталиным и Бухариным, пытался «сделать все возможное, чтобы их помирить»². В результате Рыков и Томский взяли заявления назад. Бухарин не забрал, но написал проект резолюции, который лег в основу решения ЦК. Согласившись с форсированными темпами индустриализации, он предлагал «сузить фронт» строительства тяжелой промышлен-

¹ Как ломали НЭП. Т. 3. С. 16.

² Советское руководство. Переписка. С. 58.

ности, уменьшить число запланированных заводов и о текстиле не забыть¹.

После ноябрьского пленума удар был нанесен по руководству профсоюзов. Томский, глава профсоюзной бюрократии, в годы нэпа видел свою задачу в том, чтобы обеспечить рабочим защиту от чрезмерных требований со стороны «командиров производства». Он не поддерживал планы индустриального рывка, требовавшие от рабочих экстремальных нагрузок, за пределами человеческих сил. Сталину такой «голос рабочего класса» в руководстве не был нужен, профсоюзы должны были превратиться из защитников трудящихся в организатора трудовых подвигов.

На VIII съезде Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС), в подготовке которого участвовал Молотов, повторился сценарий, опробованный в Московской парторганизации. Стали выступать «товарищи с мест», которые критиковали «оторвавшуюся от масс» профсоюзную верхушку. Сталин добился избрания в ВЦСПС Кагановича, который, по выражению Бухарина, стал играть «роль руководителя в руководстве»². Но избрать Кагановича на место Томского так и не удалось, популярностью в профсоюзах он не пользовался. Томский в знак протеста против «двоевластия» в ВЦСПС снова 23 декабря подал в отставку, 10 января 1929 года ее отклонили, но Томский, как и Бухарин, настаивал на своем.

Сталин, изо дня в день укреплявший свои позиции, все еще не был уверен, что открытое столкновение принесет победу. Не дрогнет ли ЦК под влиянием Бухарина и Рыкова? Дважды, 30 января и 9 февраля Политбюро ЦК и Президиум ЦКК разбирали дело «правых уклонистов», в том числе тайный контакт Бухарина и Каменева. Это позволило Сталину и Молотову выдвигать против «правых» обвинения во фракционной деятельности³.

Молотов, делавший на XV съезде доклад в бухаринском духе, не сразу понял суть сталинского замысла. Отсюда и упомянутые выше его воспоминания о гениальности Сталина как теоретика коллективизации, которые много лет спустя Молотов связывал с идеей артели. Как мы видели, в артели и ее преимуществах над коммуной для Молотова не было ничего нового. Но он помнил,

¹ См.: Как ломали НЭП. Т. 3. С. 601.

² Как ломали НЭП. Т. 4. С. 569.

³ Подробнее см.: Шубин А.В. Возжи и заговорщики. С. 193–195.

что Сталин очень круто повернул идею коллективизации. И это действительно была новая идея – под видом кооперативов, «артелей» равноправных работников создать государственные поместья, где новые крепостные производят и отдадут государству столько «дани», сколько нужно для обеспечения высоких темпов роста промышленности.

Пятилетний план на 1928–1933 годы («пятилетка») имел два варианта с разными темпами роста: «отправной» и «оптимальный» (рассчитанный на благоприятные условия). «Отправной» план предполагал ускорить обновление промышленности по мере возможности, «оптимальный» – построить базу новой индустрии, которая позволит модернизировать весь хозяйственный механизм. Проблема заключалась в том, что при скромных бюджетных возможностях в качественной модернизации нуждались практически все отрасли.

30 сентября 1928 года Бухарин выступил в «Правде» со статьей «Заметки экономиста», где под видом троцкизма критиковал политику Сталина и настаивал на вложениях в легкую промышленность, которая быстрее даст прибыль и позволит восстановить товарообмен между городом и деревней. Обличал административный произвол: «чиновники “чего изволите?” готовы выработать какой угодно, хотя б и сверхиндустриалистический план...»¹

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК 16–23 апреля 1929 года произошла решающая дискуссия между Бухариным и большинством ЦК, поддержавшим Сталина. Бухарин укорял своих противников за «полную идейную капитуляцию перед троцкистами» и напоминал, что еще недавно сталинцы стояли на его, Бухарина, позициях, а иногда были и правее: «как на XV съезде Молотов критиковал меня справа за лозунг “форсированного наступления на кулака”? ...Теперешний Молотов должен исключить из партии Молотова от XV съезда...»² На самом деле Молотов на съезде прямо Бухарина не критиковал. Тогда они отстаивали общую позицию. А вот теперь обстановка изменилась.

Решение уже было оговорено в аппаратных кулуарах и принято. Пленум осудил «правый уклон» и группу Бухарина, Рыко-

¹ Бухарин Н.И. Избранные сочинения. М., 1988. С. 418.

² Бухарин Н. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 261–273.

ва и Томского. Партия поверила в сталинские обещания индустриального чуда. Но это могло дорого стоить Сталину, если его «большой скачек» провалится.

XVI партконференция 23–29 апреля 1929 года приняла «оптимальный» план пятилетки. Если за предыдущее десятилетие капиталовложения составили 26,5 млрд рублей, то за предстоящее пятилетие они составят 64,6 млрд, притом вложения в промышленность вырастут почти вчетверо – с 4,4 млрд до 16,4 млрд рублей. Из них почти $\frac{1}{5}$ будут направлены на производство средств производства. Промышленная продукция должна вырасти за пятилетку на 180 %, а производство средств производства – на 230 %. В результате, как обещала резолюция, «по чугуну СССР с шестого места передвинется на третье место (после Германии и Соединенных Штатов), по каменному углю – с пятого места на четвертое (после Соединенных Штатов, Англии и Германии)»¹. Делегатов завораживали цифры валовых показателей.

Но это – партийная верхушка. А масса? На партконференции в Иваново 11 июля Молотов получил записку: «Товарища Бухарина многие жалеют и его любят, как одного из больших теоретиков, но тот путь, на который он стал со своей группой, может его погубить. Как бы сохранить т. Бухарина, предотвратить его от тех ошибок, которые он может наделать, встав на путь оппозиции»². Осторожно написано, но ясно – Бухарину симпатизируют.

И тут же интересуются, сколько Молотов знает иностранных языков. – Только русский... Да уж, не Бухарин. «Скажите, почему нет сахару и дают его по книжкам, а песку сахарного совсем нет?»³ За вопросами явно просматривается недоверие к принятому курсу.

Темпы коллективизации пока намечались скромные. В колхозы предполагалось объединить всего 16–18 % крестьянских хозяйств, производительность труда повысить на 110 %, доходы крестьян – на 67 % (при росте зарплат на 71 %). Провозглашалось «создание общественного земледелия, стоящего на уровне

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. С. 449–450.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 127. Л. 79.

³ Там же. Л. 80.

современной техники»¹, то есть, коллективизация не должна была опережать обеспеченность хозяйств тракторами. В июне 1929 года была узаконена принудительная продажа «излишков», размер которых оценивался в 3,5 млн т. В августе 1929 года в СССР была введена карточная система.

Государство готовилось к сложной, напряженной работе по выполнению «оптимального плана». А затем все переменялось. Наступил «великий перелом».

9. СРЕДИ ОРГАНИЗАТОРОВ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

7 ноября Сталин выступил со знаменитой статьей «Год великого перелома», в которой утверждал, что «оптимальный вариант пятилетки... превратился на деле в минимальный вариант пятилетки», что удалось достичь коренного перелома «в развитии земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию... в недрах самого крестьянства... несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил, от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов»². Что случилось? Куда делись прежние сложные расчеты, «оптимальный» план, и без того до предела напряженный? Чем был вызван этот отказ от планомерного развития, провозглашение «великого перелома»?

Среди многих объяснений нечасто фигурирует главное – Великая депрессия. Конъюнктура мирового рынка резко ухудшилась. Ресурсы существенно подешевели. Этого не могли предугадать ни Сталин, ни советские плановики. Все расчеты большевиков рухнули. Страшные пророчества Троцкого о том, что строительство социализма обусловлено состоянием мирового рынка, оказались суровой правдой. Сталинское руководство на всех парах подошло к рубежу модернизационного рывка, и тут перед ним разверзлась пропасть. И назад нельзя – значительные средства уже вложены в стройки, если остановить их – все пропадет. А впереди – неизвестность. Перед Сталиным и его командой встала альтернатива: или провал, фактическая капитуляция перед «правыми», либо продвижение ускоренными темпами через критическую полосу.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. С. 456.

² Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 125.

Сталинское руководство должно было вести себя на мировом рынке, как биржевой игрок, ловить момент для продажи огромных объемов хлеба и другого сырья, чтобы получить необходимые для модернизации средства. В августе 1930 года Сталин пишет Молотову: «Микоян сообщает, что заготовки растут, и каждый день вывозим хлеба 1–1,5 млн пудов. Я думаю, что этого мало. Надо поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3–4 млн пудов. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинский и пр.) заводов... Словом, нужно бешено форсировать вывоз хлеба»¹.

Пленум ЦК 10–17 ноября 1929 года сделал новый шаг в ускорении индустриального скачка и коллективизации, темп которой превзошел «самые оптимистические проектировки»². Теперь уже признавалось, что можно создавать колхозы без собственной техники. Для обслуживания нескольких колхозов создавались машинно-тракторные станции (МТС), на которые возлагались не только производственные, но и политические задачи, и впоследствии в них стали создаваться политотделы.

Новый план, принятый в декабре 1929 года, предусматривал, что принятые тогда пятилетние показатели по коллективизации будут перекрыты вдвое всего за полгода, к новой посевной. А в течение первой пятилетки в колхозы предполагалось загнать основную массу крестьян. Молотову предстояло решать и эту задачу.

Сталин был настроен оптимистично, 5 декабря писал Молотову, который отъехал отдохнуть: «Молотштейну привет! Какого черта забрался в берлогу, как медведь, и молчишь? Как у тебя там, хорошо-ли, плохо-ли? Пиши. У нас дела идут пока-что неплохо»³. И дальше о делах: хлебозаготовки, кадровые вопросы, правый уклон, Китай...

Сталин и Молотов решили нанести массированный удар по зажиточной части деревни, и 15 января 1930 года была создана комиссия по раскулачиванию во главе с Молотовым. Ему предстояло организовать катастрофическую ликвидацию целого социального слоя. 30 января Политбюро приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах

¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 141–144.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. С. 8.

³ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 169.

*А.А. Андреев, И.В. Сталин, В.М. Ворошилов и В.М. Молотов
1930*

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1605. Л. 2]

сплошной коллективизации», которое предусматривало конфискацию у кулаков средств производства, скота, хозяйственных и жилых построек, предприятий по переработке, кормовых и семенных запасов. Кулаки делились на три категории. Первая – «контрреволюционный кулацкий актив» отправлялся в концлагеря, а организаторы «контрреволюционных выступлений» расстреливались. Вторая – тоже актив, но не оказывающий заметного сопротивления, а просто «из наиболее богатых кулаков», подлежала «высылке в отдаленные местности СССР и в пределах данного края в отдаленные районы края». Третья категория – кулаки, которых разрешалось оставить в пределах района, но расселить на новых участках за пределами колхозной земли. Количество ликвидируемых хозяйств должно было

составить 3–5 % от общего числа хозяйств. Решения о конфискации «кулацкого» имущества и выселении кулаков принимали собрания членов колхоза, батрачества и бедноты¹.

Было раскулачено около 4 млн человек, из которых в ссылку отправили более 2 млн. Они использовались в качестве дешевой рабочей силы на государственных работах. Молотов с удовольствием вспоминал: «Коллективизацию мы неплохо провели. Я считаю успех коллективизации значительнее победы в Великой Отечественной войне. Но, если бы мы ее не провели, войну бы не выиграли... Я сам лично размечал районы выселения кулаков... Выселили 400 тысяч кулаков, моя комиссия работала»². 400 тысяч – это для начала.

Под угрозой раскулачивания середняки потянулись в колхозы – ведь кулаком можно было объявить любого справного хозяина. Но раз нажитое отберут в колхоз, чего его беречь? Особенно тяжелые, длительные последствия имел массовый убой скота – хоть мяса напоследок наесться «от пуза».

Вновь вспыхнули крестьянские волнения. Секретарь Центрально-черноземного обкома И. Варейкис сообщал: «В отдельных местах толпы выступающих достигали двух и более тысяч человек... Масса вооружалась вилами, топорами, кольями, в отдельных случаях обрезами и охотничьими ружьями»³. Только в 1930 году произошло более 1300 выступлений, в которых приняло участие более 2,5 млн человек. Но репрессивная машина смогла выбить потенциальных лидеров серьезных восстаний.

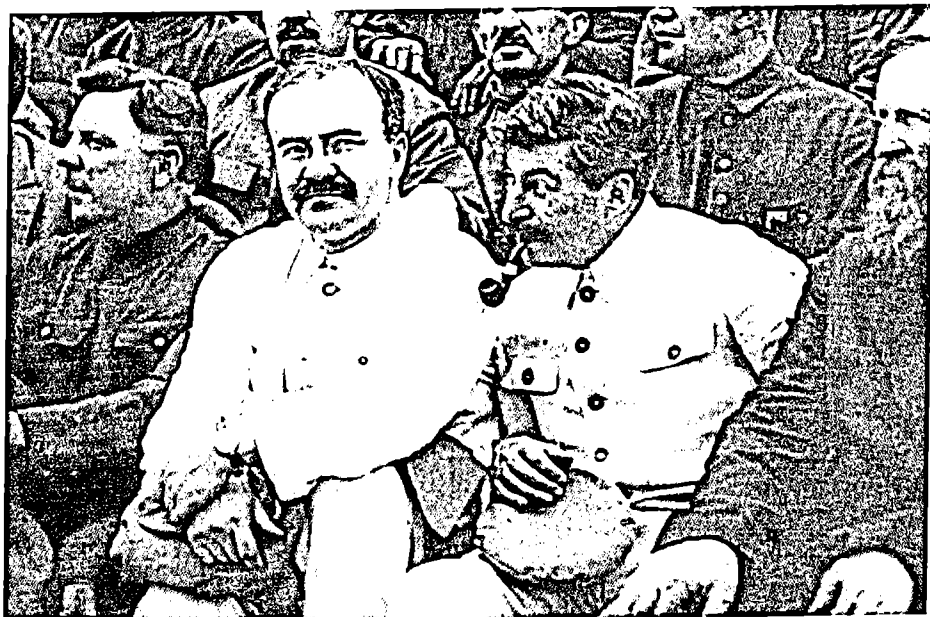
Чтобы избежать социального взрыва, руководство ВКП(б) решило временно отступить. 2 марта 1930 года появилась знаменитая статья Сталина «Головокружение от успехов». Эта статья и последовавшее за ним постановление ЦК призваны были укрепить авторитет верхов, разоблачивших «перегибы» на местах: «ЦК считает, что все эти искривления являются теперь основным тормозом дальнейшего роста колхозного движения и прямой помощью нашим классовым врагам»⁴. Крестьяне двину-

¹ Исторический архив. 1994. № 4. С. 147–152.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 383.

³ Цит. по: Кооперативный план: иллюзии и действительность. М., 1995. С. 46.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. С. 103.

В.М. Ворошилов, В.М. Молотов, И.В. Сталин в период работы XVI съезда ВКП(б)

Июль 1930

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1605. Л. 4]

лись прочь из колхозов, куда к марту загнали 56 % сельчан, так что летом там осталась вдвое меньше.

Через несколько месяцев «злоупотребления» возобновились с новой силой. Да и в своей знаменитой статье Сталин давал понять, что в деле коллективизации наметилась лишь передышка — генсек призывал «закрепить достигнутые успехи и планомерно использовать их для дальнейшего продвижения вперед»¹. Молотову 2 сентября Сталин указал «сосредоточить все свое внимание на организации прилива в колхозы»². Сталин и Молотов чередовали репрессии и уступки, чтобы снизить накал борьбы, перегруппировать силы и нанести новый удар.

Первые итоги рывка к социализму подводил XVI съезд ВКП(б), проходивший 26 июня — 13 июля 1930 года. Молотов выступал с отчетом делегации ВКП(б) в Коминтерне. Он говорил о

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. С. 192.

² Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 212.

разразившемся мировом экономическом кризисе капитализма, на фоне которого СССР демонстрирует сплошные успехи. В действительности же страна переживала период социально-экономических потрясений, сопровождавшийся перемещением огромных масс людей, волнениями, а затем и голодом.

Съезд по докладу Куйбышева поднял планы промышленного роста по сравнению с «оптимальным». Если прежние были напряженно-высокими, то теперь они стали заоблачными.

В первый год пятилетки хозяйством продолжал руководить Рыков. После поражения «правого уклона» он потерял политическое доверие большинства Политбюро. Уже 30 сентября 1929 года Сталин выразил недовольство тем, что он два дня в неделю председательствует на заседаниях Политбюро и предложил «покончить с этой комедией». Молотов с ним письменно согласился¹. Но заменить председателя Совнаркома в 1929 году Сталин не решился. Начиналась рискованная экономическая операция. С одной стороны, на Рыкова можно будет в случае чего свалить провалы. С другой – у Рыкова был богатый опыт руководства экономикой, а с «оптимальным» планом он, хоть и без энтузиазма, согласился. Однако новые планы Рыкову представлялись нереалистичными. И он был прав – к 1934 году выполнить их не удастся.

Рыков был недостаточно послушен для таких выражений, да и опыт его не соответствовал новым задачам. А тут еще подоспели организованные ОГПУ разоблачения оппозиционной деятельности экономистов – бывшего меньшевика В. Громана и бывшего эсера Н. Кондратьева, серьезно влиявших на принципы советского планирования в 20-е годы. В письме от 2 сентября 1930 года Сталин делился размышлениями с Молотовым: «Насчет привлечения к ответу коммунистов, помогавших громанам-кондратьевым. Согласен, но как быть тогда с Рыковым (который бесспорно помогал им) и Калининым (которого явным образом впутал в это “дело” подлец – Теодорович)? Надо подумать об этом»².

В глазах Сталина дело было не только в опасности связей «правых» с интеллигенцией, имеющей еще более правые взгляды. Генсеку не нравилась сама организация руководства экономикой при Рыкове, который проводил длительные обсуждения

¹ Вождь: И.В. Сталин в документах и фотографиях. Кн. 3. С. 22.

² Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 211.

со специалистами вместо того, чтобы принимать быстрые (хотя и не всегда продуманные) решения. Сталин писал Молотову: «...наша центральная советская верхушка (СНК, СТО, Совещание замов) больна смертельной болезнью. СТО из делового и боевого органа превратился в пустой парламент. СНК парализован водянистыми и по сути дела антипартийными речами Рыкова... Надо прогнать, стало быть, Рыкова и его компанию...»¹ Молотов эту критику горячо поддерживал: «То, что у нас делается в этой области, это кошмарно. Основа основ у нас плановое хозяйство. А что тут делается? Полная неразбериха. Беспомощность, масса мелкобуржуазных предрассудков в работе всех наших органов, прежде всего хозяйственных. Это мы можем проследить по материалам наших газет, когда читаешь, что завод построили, но нет металла, завод построили не на том месте и т. д.»².

Сталин полагался на Молотова всецело, и 22 сентября предложил ему такую последовательность действий: «а) нужно освободить Рыкова и Шмидта и разогнать весь их бюрократический консультантско-секретарский аппарат; б) тебе придется заменить Рыкова на посту ПредСНК и ПредСТО. Это необходимо. Иначе – разрыв между советским и партийным руководством. При такой комбинации мы будем иметь полное единство советской и партийной верхушек, что несомненно удвоит наши силы... Все это пока между нами»³.

Молотов вспоминал, что предлагал занять пост председателя правительства Сталину⁴. Члены Политбюро обсуждали этот вопрос 7 октября. Ворошилов информировал Сталина о результатах обсуждения: решение сместить Рыкова поддержано единогласно. «Я, Микоян, Молотов, Каганович и отчасти Куйбышев считаем, что самым лучшим выходом из положения было бы унифицирование руководства. Хорошо было бы сесть тебе в СНК и по-настоящему, как ты умеешь, взяться за руководство всей страной»⁵.

Но Сталин предпочел схему, при которой он не получит формального государственного поста. Он извлек урок из трагическо-

¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 217, 220, 222.

² Цит. по: Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 1. С. 273.

³ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 222–224.

⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 276.

⁵ Хлевнюк О.В. Политбюро. С. 40–41.

Алексей Иванович
Рыков («А.И. Рыков
перешел в атаку»)
Автор В.И. Межславук
1930
[РГАСПИ. Ф. 74.
Оп. 2. Д. 170. Л. 17]

го опыта Ленина: носитель стратегии не должен брать на себя хозяйственную текучку. При полномочном главе партии вести текущие дела будет глава правительства. На эту роль Сталин избрал преданного друга Молотова.

На пленуме ЦК и ЦКК 17–21 декабря 1930 года Рыков был подвергнут дружной критике за непоследовательность и старые ошибки. Он опасался отвечать на обвинения прямо, о чем с некоторым злорадством говорил А. Бубнов: «...человек с этакой нарочитой осторожностью ходит по скользкому льду»¹. 19 декабря Рыков был заменен на посту предсовнаркома Молотовым, а 21 декабря выведен из Политбюро. Результатом назначения Молотова стало, по словам Сталина, «полное единство советской и партийной верхушек»². Теперь между партийным и хозяйственным руководством клин уже никто не вобьет.

¹ Сталинское Политбюро в 30-е гг.: Сборник документов. М., 1995. С. 109.

² Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 222.

ГЛАВА V

В КРЕСЛЕ ЛЕНИНА (1931–1938)

Вячеслав Михайлович погладил руками подлокотники. А ведь он занял кресло самого Ленина. Фактически Ильич не сидел в нем – когда был учрежден пост председателя Совнаркома СССР, он уже тяжело болел. Но дело не в предмете, а в месте. Пост, созданный для Вождя мирового коммунизма, теперь занимал Вячеслав Михайлович Молотов. Он встал и подошел к окну, взглянул на кремлевскую площадь. Старина, Царь-пушка и Царь-колокол. А сейчас создаются царь-ГЭС, царь-танк, царь-сталелитейный завод, царь-самолет. Да и к черту царей, им такое было не по плечу. А нам – по плечу. Если не застрелят нас.

В каких-то странах председатель правительства – это фактический глава государства. В других он подчинен президенту или монарху. В СССР предсовнаркома входил в Политбюро и подчинялся ему. Лидером Политбюро с 1929 года стал Сталин, который и занял политическую нишу фактического главы государства, при том, что формально таковым был председатель ЦИК СССР Калинин. Но не было секретом, что второй человек после Сталина в СССР – Молотов.

Назначение Молотова главой правительства привело к тому, что государственная и партийная иерархия переплелись еще теснее – Молотов имел надежную опору в партаппарате. Текущей работой Секретариата ЦК вместо Молотова стал руководить Каганович. Чтобы ориентировать партийных, хозяйственных и государственных начальников в едином ключе, принимались общие постановления от имени Совнаркома и ЦК ВКП(б) за подписями Молотова и

*Лазарь Моисеевич
Каганович
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 4.
Д. 8. Л. 1]*

Сталина либо Кагановича. Готовил эти постановления тот же партаппарат с участием заинтересованных ведомств и регионов. В Политбюро или на совещаниях у Сталина определялись ключевые решения, причем последнее слово было за ним. Официальные заседания Политбюро, не говоря уже о Совнаркоме и СТО, обычно вел Молотов. Фактически, он стал «лицом» партийно-государственного руководства, открывая партийные конференции и съезды, руководя работой пленумов ЦК ВКП(б), встречаясь с трудящимися, являясь с указаниями и разносами в регионы. Даже на кремлевских приемах роль тамады играл Молотов.

Если раньше Молотов входил во множество партийных комиссий, то теперь по должности возглавлял важнейшие хозяйственные структуры: комитет по ценам, комитет резервов, комиссию (комитет) обороны, комиссию «исполнения» (своего рода Секретариат правительства). На этих постах он координировал работу ведомств, включая те, что возглавляли не менее влиятельные руководители, чем он сам: Орджоникидзе, Куйбышев и Микоян.

ВСНХ, созданный Лениным для планирования и управления государственным сектором экономики, ликвидировали 5 января 1932 года. Планированием теперь занимался Госплан во главе

с Куйбышевым, экономической координацией – СТО и Совнарком. Управление промышленностью осуществляли наркоматы. К Орджоникидзе, прежде возглавлявшему ВСНХ, перешел самый ответственный экономический наркомат – тяжелой промышленности. Еще были созданы наркоматы легкой и лесной промышленности. Упорядочение управления промышленностью высветило ведомственные противоречия – сильные лидеры лоббировали интересы своих наркоматов. Особенно выделялся Орджоникидзе, чьей сильной стороной явно не была экономия. А это стало проблемой для Молотова, у которого Орджоникидзе формально находился в подчинении, но партийным весом не уступал. При этом Микоян вспоминал, что Орджоникидзе Молотова не любил¹ (видимо, после конфликтов второй половины 20-х годов), да и сам он писал о Молотове неприязненно.

Памятуя о формальных мотивах отставки Рыкова, Молотов начал с сокращения и упрощения аппарата Совнаркома и разгона специалистов, окружавших Рыкова. Но без постоянных обсуждений и совещаний, за которые упрекали Рыкова, советская система управления действовать не могла, и Молотов тоже отличался склонностью к ним. Микоян вспоминал: «...он был негибким, неоперативным, любил длительные совещания, где сам мало говорил, думаю, потому что он заикался, а это его угнетало, но он любил всех выслушать»². Только теперь советовались не столько со специалистами «старой школы», сколько с влиятельными чиновниками, директорами и затем уже специалистами – часто нового поколения, только осваивавшими новое дело. Хозяйственной команде Молотова предстояло осуществить невероятные свершения первой пятилетки.

І. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ШТУРМ

Список основных строек Первой пятилетки звучал как гимн трудовому подвигу рабочих и организационной мощи партии в целом и Молотову в частности: Днепрогэс, Нижегородский и Московский автомобильные, Сталинградский и Челябинский тракторные, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические, Уральский и Краматорский машиностроительные заводы, Туркестано-сибирская железная дорога... По официальным

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 324.

² Там же. С. 342.

данным, за первую пятилетку было построено и пущено более 600 предприятий. Впрочем, практически на любой новостройке за фанфарами пуска крылось множество проблем, которые мешали запустить производство на мощность, хотя бы близкую к проектной.

Отношение незавершенного строительства к общему объему капиталовложений выросло в 1929–1932 годах с 31 % до 76 %¹. Ритмичному вводу в строй новостроек пятилетки мешали и свойства бюрократического управления экономикой с несогласованностью решений различных учреждений, и несовершенство бюрократического планирования. «Анархия производства» (то есть несогласованность и неразбериха) на советских стройках была куда больше, чем в развитых капиталистических странах, что поражало западных специалистов. Молотов не препятствовал ведомственной конкуренции. Они со Сталиным «гнали коней», чтобы получить высокие формальные показатели, которые можно было предъявить партии и затем уже заняться упорядочиванием полученных результатов.

Недостатки планирования, руководства и квалификации рабочей силы (вчерашних крестьян) компенсировались штурмовщиной. Так, на Магнитке доходило до непрерывного труда 36 часов подряд². Потом такие методы будут прославлять как «стахановские» в честь рабочего А. Стаханова, в 1935 году перевыполнившего норму более чем в 14 раз и ушедшего на повышение, оставив рабочим завет трудиться интенсивнее. Ни о какой ритмичной работе в таких условиях не могло идти и речи – после такого «трудового штурма» рабочие должны были приходить в себя длительное время. Но их можно было заменить новыми толпами неопытных выходцев из деревни.

Положение рабочих и большинства горожан было тяжелым, но в деревне оно было просто бедственным. Миллионные массы двигались из деревни в города, из одних городов – в другие, на стройки пятилетки, в ссылку. Между переписями 1926 и 1939 годов городское население выросло на 18,5 млн человек (на 62,5 %), причем только за 1931–1932 годы – на 18,5 %³. Коли-

¹ Бузгалин А., Колганов А. 10 мифов об СССР. М., 2012. С. 80.

² Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984. С. 86.

³ См.: Население России в XX в.: Исторические очерки. Т. 1. М., 2000. С. 225–230.

чество «ртов» в городах увеличивалось, а рабочих рук на селе – сокращалось. Чтобы избежать неконтролируемого наплыва масс в города, было запрещено несанкционированное перемещение по стране. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР 17 марта 1933 года предписывало, что колхозник мог уйти из колхоза, только зарегистрировав в правлении колхоза договор с тем хозяйственным органом, который нанимал его на работу. В случае же самовольного ухода на заработки колхозник и его семья исключались из колхоза и лишались, таким образом, средств, которые были заработаны ими в колхозе. Одновременно развернулась паспортизация, которая обеспечила права передвижения (также ограниченные пропиской) только горожанам. Милиция получила право высылать из городов крестьян и препятствовать самовольному уходу из деревни¹.

От объемов изъятия продовольствия у деревни зависело прокормление стремительно растущего городского населения (возмущение которого могло нести более серьезную угрозу власти, чем возмущение деревни), обеспечение рабочих на стройках пятилетки и получение валюты от экспорта, на которую можно было приобрести технологии. Хотя в структуре экспорта на первый план вышли нефть и лес, внутри страны наращивание поставок хлеба было остро необходимо из-за роста городов и строек. На пленуме ЦК ВКП(б) 30–31 октября 1931 года нарком снабжения Микоян настаивал: «Вопрос не в нормах, сколько останется на еду и пр., главное в том, чтобы сказать колхозам: “в первую очередь выполни государственный план, а потом удовлетворяй свой план”»². Это была формула голода.

У крестьян не оставалось запасов «на черный день». Они упали с 50 млн т до 33 млн т в 1931 году и возросли до 37 млн т в 1932 году³. В 1931 году Зауралье, Банкирию, Западную Сибирь, Поволжье и Казахстан поразила засуха. Сказались и разрушительные последствия социальной перекройки деревни. В 1932 году СССР импортировал пшеницу из Ирана⁴.

¹ См. также: Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 194–211.

² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. М., 2001. Т. 3. С. 203, 205.

³ Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». М., 1998. С. 115, 118.

⁴ Голод в СССР. 1930–1934. М., 2009. С. 159.

*Анастас Иванович
Микоян
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1.
Д. 529. Л. 1]*

Молотов возглавил комиссию по обеспечению урожая 1932 года. Главными житницами были Украина, Кубань и Поволжье. В распределении обязанностей между членами Политбюро ему досталось направление главного удара – Украина. Он знал этот регион с начала 20-х, успешно добывал там хлеб в 1928 году. Теперь оттуда поступали тревожные вести. Например, 2 мая 1932 года близ Полтавы толпы крестьян остановили поезд с хлебом и пытались разобрать зерно. Охранники открыли огонь, были убитые. Рабочие-железнодорожники, ставшие свидетелями этого столкновения, писали Молотову: «Земли много засеяно не будет потому, что селяне пухнут и мрут с голода, а кто еще не пухнет, тот берет свою семью и идет куда глаза глядят, станции набиты голодающими людьми, в особенности по Полтаве. Валяются трупы умирающих от голода, и никто даже не обращает внимания»¹.

¹ Сухова О.А. Советское крестьянство как объект социального конструирования в эпоху коллективизации (по материалам Архива Президента РФ) // Сталинизм и крестьянство: Сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». М., 2014. С. 217.

На заседании Политбюро ЦК КП(б)У, которое Молотов провел 26 мая, выяснилось: надежды на то, что колхозы резко нарастят производство хлеба, не оправдались. По предложению Молотова в 1932 году Украине дали семенную ссуду и предоставили помощь в 220 тысяч пудов хлеба. Однако 17 июня украинское руководство запросило еще 600 тысяч. Ответ Сталина и Молотова 21 июня был суров: «Никакие уклонения от выполнения установленного для вашего края... плана по зернопоставке колхозами и единоличными хозяйствами и по сдаче зерна совхозами не должны быть допущены ни под каким видом как в отношении количеств, так и сроков сдачи зерна»¹.

Сталин 2 июля писал Молотову и Кагановичу: «Если поедете на украинскую конференцию (а я на этом настаиваю), примите там все меры к тому, чтобы переломить настроение работников, изолировать плаксивых и гнилых дипломатов (невзирая на лица!) и обеспечить подлинно-большевистские решения конференции»². Посланцы с задачей справились: на заседании Политбюро ЦК КП(б)У 6 июля они категорически отвергли молюбы уменьшить объем хлебозаготовок³.

Однако план оказался неподъемным, и уже в конце октября Молотов, снова прибывший на Украину, сообщал Сталину о необходимости его снижения на 60–70 млн пудов с тем, чтобы оставшийся план в 165–175 млн пудов уж точно был выполнен⁴.

В ноябре 1932 года Молотов объезжал Украину, инструктировал партийный аппарат: «Дело у Вас идет неплохо, но район по-настоящему еще не раскачался. Держитесь крепко, с каждым днем непременно продвигаясь на шаг вперед. Несмотря на сопротивление кулака и оппортунистов всяких мастей и на деле давая им сокрушительный отпор, Ваш район должен победить в короткий срок»⁵. Уж и кулаков-то раскулачили, а они все «сопротивляются». А если не они – то их агенты. Любой середняк, бедняк, счетовод и даже член колхозного правления – коммунист может считаться теперь агентом кулачества. А коммунисты, которые действуют нерешительно – это явные правые уклонисты

¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 242.

² Судьба российского крестьянства. Кн. 1. М., 1995. С. 337.

³ Сталин и Каганович: Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 213, 219.

⁴ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 1. С. 313.

⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 141. Л. 69.

Влас Яковлевич Чубарь
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 421.
Оп. 1. Д. 839]

и оппортунисты. Молотов позорил отстающую Черниговщину, обличал «опасные успокоительные иллюзии», «гнилой либерализм», «оппортунистические колебания» немалой части украинских работников, «агентов кулачества», которые «забрались во многие щели и дырки» колхозов¹. Только убеждением дело не сдвинется, и 21 ноября Молотов вместе с В. Чубарём и другими подписал обращение к Сталину: «Предлагаем предоставить ЦК КП(б)У в лице спецкомиссии (Косиор, Реденс, Киселев от ЦКК) на период хлебозаготовок окончательное решение вопросов о приговорах к высшей мере наказания с тем, чтобы ЦК КП(б)У раз в декаду отчитывался о своих решениях по этим делам перед ЦК ВКП(б)»². Нужно без суда и следствия расстреливать всех, кто мешает отнимать хлеб у голодных крестьян.

А на встречах с рабочими и интеллигенцией Молотову задавали неудобные вопросы: «Где были раньше, почему проспали?»; «Куда выселили раскулаченных? И за счет [чего] они сейчас живут?»; «Почему наши заводы ("Серп и молот") завалены готовой

¹ Там же. Л. 18, 29–31, 42, 58–59.

² Там же. Л. 55.

продукцией, когда этой продукции на селе не хватает?»; «Как быть тому колхозу, который не имеет даже хлеба для себя?»; «Что привело к тому, что Черниговская губерния, Киевская и Полтавская остались без хлеба, несмотря на то, что урожай был средний?»¹

«Наверху» считали, что в неразберихе виноваты не центральные, а местные руководители. Сталина раздражали украинские колхозники, которые вместо благодарности за оказанную помощь бросают колхозы, разъезжаются по европейской части СССР и разлагают других «своими жалобами и нытьем». 22 января 1933 года Сталин и Молотов направили ЦК КП(б) Украины и Северо-Кавказскому крайкому ВКП(б) директиву о необходимости принять меры к прекращению бегства колхозников из колхозов, которое является формой «кулацкого саботажа»².

От голодных людей нужно было защитить и собранное продовольствие. Отсюда – принятый 7 августа 1932 года закон о жестоких наказаниях за кражу государственного и колхозного имущества. Характерно, что ворованным считался и хлеб, который крестьяне укрыли от поставок государству. Сталин предложил ЦК КП(б)У оповестить крестьян, что этот закон будет применяться и к укрывателям³.

«В целом по стране в 1932 году не менее половины выращенного урожая осталось в поле. Если бы эти потери были сокращены хотя бы наполовину, то массовой смертности от голода в советской деревне не было»⁴, – комментирует историк В.В. Кондрашин.

В сложившихся условиях крестьянское сопротивление (в отличие от 1930 года скорее пассивное, чем активное, связанное с саботажем, а не восстаниями) было неизбежно и предсказуемо. Крестьянин – тоже человек, и не мог испытать прилив трудового энтузиазма от скотских условий, в которые его загоняли. Но действия Сталина и Молотова вытекали не из их садистского желания мучить людей. Если была поставлена задача провести

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 141. Л. 11–12.

² Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 634–635.

³ Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990. С. 284.

⁴ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в России и Украине: трагедия советской деревни. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. № 2. М., 2007. С. 89–90.

техническую модернизацию, ее можно было проводить только за счет крестьянского продовольствия. Продолжение политики индустриализации требовало масштабных изъятий хлеба (с неизбежными потерями и падением производительности труда на селе).

Равнодушная к судьбам крестьян сила государственного принуждения победила – крестьяне отдали остатки продовольствия и стали умирать тысячами. Ослабленные организмы стали легкой добычей эпидемий, которые свирепствовали от Волги до Черного моря. В Сибири, Поволжье, Украине, Казахстане, на Северном Кавказе погибли миллионы людей.

В старости Молотов категорически отрицал, что видел голод на Украине: «это преувеличение, но такие факты, конечно, в некоторых местах были. Тяжкий был год»¹. Конечно, в голодающие деревни Молотова не возили. Партийные начальники отлично понимали, что стоит, а что не стоит показывать председателю правительства.

К концу 1932 года в Кремле сложилось понимание, что «рывок в светлое будущее» пора заканчивать. Выступая на пленуме ЦК и ЦКК 7 января 1933 года, Сталин заявил, что пятилетка выполнена досрочно за четыре года и четыре месяца, и что «в результате успешного проведения пятилетки мы уже выполнили в основном ее главную задачу – подведение базы новой современной техники под промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Стоит ли после этого подхлестывать и подгонять страну? Ясно, что нет в этом теперь необходимости»².

Компартия занялась исправлением положения. 27 июня 1933 года секретарь ЦК КП(б)У М. Хатаевич направил Сталину шифрограмму: «В колхозах ряда районов полностью съеден, доедается весь отпущенный нами хлеб, сильно обострилось продовольственное положение, что в последние дни перед уборкой особенно опасно. Очень прошу, если возможно, дать нам еще 50 тысяч пудов продссуды». На документе Сталин начертал: «Надо дать». Несмотря на провал хлебозаготовок, в 1933 году Украина получила 501 тысячу тонн зерна помощи (формально – ссуды) против 60 тысяч тонн годом ранее³.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 379.

² Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 185.

³ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 102–104, 107, 163, 243.

*Мендель Маркович
Хатаевич
1930-е
[Из открытых
источников]*

Фактические итоги «досрочно выполненной» пятилетки были гораздо скромнее замыслов 1930 года. Оптимальный план 1929 года был выполнен по производству нефти и газа, торфа, паровозов, сельхозмашин. По производству электроэнергии, стали, проката, добычи угля, железной руды не был выполнен даже отправной план 1929 года¹. Производство тракторов только-только дотянуло до него. К планам 1930 года не удалось даже приблизиться.

Неудачи первой пятилетки прикрывали шумными митингами и торжественными пусками недостроенных объектов. После чего достраивали, доделывали, дооснащали, осваивали производство. Так, к моменту пуска Сталинградского тракторного завода цеха были оснащены оборудованием первой очереди на 30–40 %². Не мудрено, что он не мог начать нормально работать.

На вторую пятилетку перешла достройка Магнитогорского металлургического комбината, Ново-Липецкого металлургического завода, Криворожского металлургического завода, «Запо-

¹ Индустриализация Советского Союза: Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Ч. 2. М., 1999. С. 128–129.

² Бузгалин А., Колганов А. 10 мифов об СССР. С. 84.

рожстали» и «Азовстали». Технологические цепочки, в основе которых стояли гиганты пятилетки, достраивали вплоть до начала войны.

В 1926–1928 годах среднегодовые темпы роста промышленного производства составляли 21,7 %, в годы первой пятилетки они упали до 19,2 % при гораздо больших вложениях¹. Отчасти это объясняется тем, что страна брала технологический барьер, который не был преодолен в период нэпа, когда удалось лишь восстановить производственный потенциал Российской империи.

Молотов признавал: «Мы не выполнили задания по поднятию производительности труда в промышленности. Мы не выполнили также наметки пятилетки в отношении роста урожайности. Мы находимся здесь все еще на очень низком уровне, значительно более низком, чем в наметках пятилетки. Мы не выполнили, и чувствуем каждый день, что не выполнили, задач по реконструкции транспорта, железнодорожного в особенности»².

Первая пятилетка заложила базу индустриальной экономики, которую обеспечивали электроэнергия и двигатели внутреннего сгорания, способную производить оборудование. Во время двух первых пятилеток (1929–1938 годы) модернизация радикально продвинулась вперед в области энергетики, металлургии, машиностроения, автомобиле- и авиастроения, электротехники. Страна сумела создать современный военно-промышленный комплекс.

СССР проделал уникальную внешнеторговую операцию: закупил всё необходимое для индустриального скачка, и при этом не увяз в долгах. Это было сделано ценой огромных жертв, голода и лишений миллионов людей.

Во время второй пятилетки Молотов уже «сдерживал коней» в деле «великих строек», требовал сокращения раздутых планов и тщательного их расчета с точки зрения наличных ресурсов. Правда, и план второй пятилетки был недовыполнен по множеству позиций. Уроки из провалов планирования извлекали до 1939 года, когда на XVIII съезде ВКП(б) Молотов с запозданием на год огласил план третьей пятилетки. Его воплощение в жизнь прервет война.

¹ Там же. С. 112–113.

² Цит. по: Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 1. С. 308.

2. «ПОБЕДИТЕЛИ»

На волне «большого скачка» мощь ведомственных и территориальных кланов росла. Однако стратегически Сталин и Молотов стремились к монолитности правящего класса – без фракций, территориальных и ведомственных кланов. Ведь они строили рациональное общество, работающее по общему плану, как единая фабрика. Но с неуклонностью социального закона из партийных кадров снова складывались кланы и группы, что вело к распадению сверхцентрализованной системы управления. Чем дальше удавалось продвинуть страну по пути превращения в единую фабрику, тем больше росла власть бюрократии с ее стремлением к бесконтрольности от центра. Как Ленина раздражала самостоятельность Сталина и Троцкого, так теперь Сталина раздражали его подчиненные.

Сталину и Молотову приходилось «в ручном режиме» решать хозяйственные вопросы. Вот Сталин получил жалобы на то, что Запорожский завод «Коммунар» высылает потребителям некомплектную продукцию. По его инициативе 28 июля 1930 года Совнарком (в который Молотов еще не входил) принял разгромное постановление «О преступной засылке некомплектных комбайнов в МТС и совхозы». Преступные действия предполагали уголовную ответственность. Но за заводчан заступился секретарь Днепропетровского обкома М. Хатаевич, который утверждал, что виновато воровство на железных дорогах. Молотов, возглавивший правительство и занявшийся этим вопросом, ответил, что «данный процесс имеет далеко не только заводское значение и отмена его, безусловно, нецелесообразна». Характерно, что глава правительства предопределяет решение судебной системы. Ему нужен назидательный эффект судебного процесса – чтобы боялись и впредь внимательнее относились к отгрузкам продукции. Молотов следил за подготовкой процесса¹. На судебном заседании 22 августа 1933 года заместитель Генпрокурора СССР А. Вышинский заявил о неблагополучии дел в наркоматах тяжелой промышленности и земледелия. Наркомы С. Орджоникидзе и Я. Яковлев были возмущены и добились принятия постановления Политбюро об ошибке Вышинского. Молотов их натиск отразить не смог, но настроил соответствующим образом Сталина. В сентябре 1933 года тот бросил вызов «иммунитету»

¹ Рыбас С.Ю. Сталин. М., 2009. С. 367.

*Валериан Владимирович
Куйбышев
1930-е
[Из открытых
источников]*

ведомств: «Поведение Серго (и Яковлева) в истории о “комплектности продукции” нельзя назвать иначе, как антипартийным... Я написал Кагановичу, что против моего ожидания он оказался в этом деле в лагере реакционных элементов партии»¹. Противостоять репрессиям, проводимым даже в агитационных целях, означало теперь попасть в число реакционеров.

Работников рангом ниже за антипартийное и тем более реакционное поведение немедленно бы исключили из партии. Но кем заменить старого друга Орджоникидзе и верного, хоть и не всегда дисциплинированного Кагановича? Куйбышевым? В том же письме Молотову Сталин жалуется, что его нельзя долго оставлять на хозяйстве – может запить. Случилось худшее: 25 января 1935 года Куйбышев скончался. Группа надежных сторонников Сталина в ЦК сужалась, росло ненадежное «болото».

Слушая реляции об успехах, каждый из руководителей знал о провалах в своей и сопредельных сферах, да и о том, чем они могут грозить. За спиной Сталина звучали призывы к его смещению². Настоящим шоком для правящих кругов стало дело

¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 248–249.

² Подробнее см.: Шубин А.В. 1937. «Антитеррор» Сталина. М., 2010. С. 69–78.

*Каменев не то
анатомирует себе, не
то делает харакири.*

*Лев Борисович
Каменев
(«Каменев не то
анатомирует
себя, не то делает
харакири»)
5 февраля 1934
[РГАСПИ. Ф. 74.
Оп. 2. Д. 170.
Л. 32]*

«Союза марксистов-ленинцев». Организатором союза стал бывший первый секретарь Краснопресненского райкома М. Рютин, снятый с поста за правый уклон и исключенный из партии в 1930 году. К марту 1932 года он подготовил два документа: «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и воззвание «Ко всем членам ВКП(б)». Этот самиздат дошел до Зиновьева, Каменева, Томского, Угланова, Слепкова, то есть как до правых, так и до левых. Документы «просочились» в Харьков, а возможно и в другие города, получили распространение в ВЦСПС. Платформа Рютина сыграла роль «меченого атома». Обнаруживая этот документ в самых разных кругах, ОГПУ отслеживало каналы неформальных внутрипартийных связей и докладывало о них Сталину. Вождь стал подозревать, что платформа была составлена не Рютиным, а Бухариным, и стала проектом программы объединенной оппозиции¹.

¹ Сойма С. Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 58, 192.

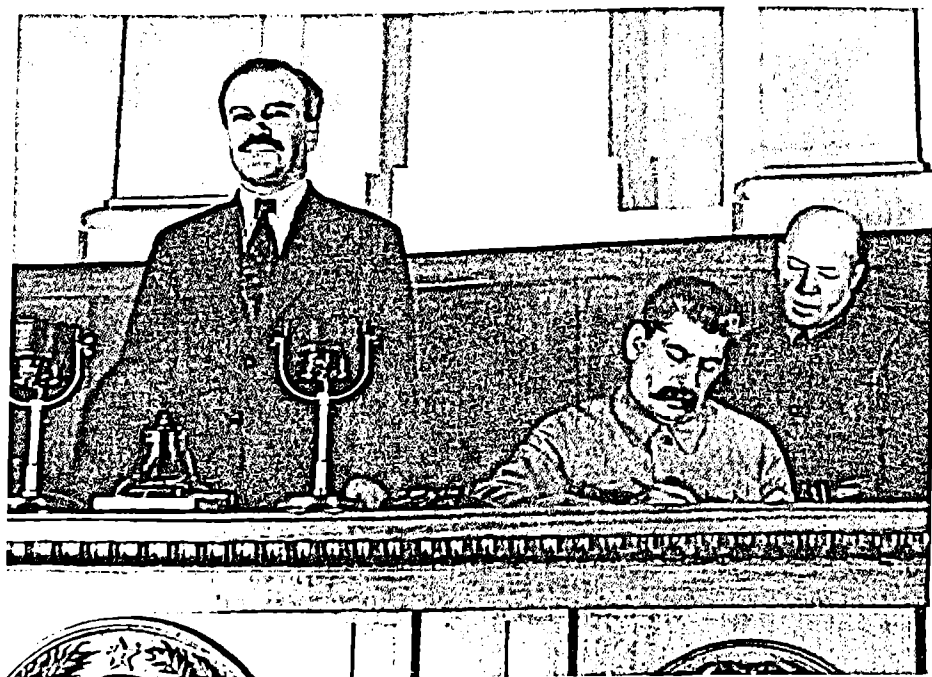
*Вячеслав Михайлович
Молотов
Автор Е.М. Ярославский
2 февраля 1934
[РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 1.
Д. 158. Л. 14]*

Поскольку в 1933 году обстановка в стране несколько разрядилась, сталинское руководство не спешило развязывать репрессии. Более того, наметились послабления: часть крестьян, осужденных в ходе коллективизации, освободили и сняли с них судимость. Руководство стремилось упорядочить социальный «бурелом» и затянуть трещины, образовавшиеся в партии. Натиск сменялся планомерной работой, и для нее требовались компетентные кадры, даже если прежде они были признаны неблагонадежными.

XVII съезд ВКП(б), названный «съездом победителей», прошел 26 января – 10 февраля 1934 года. Партия убеждала себя и мир, что одержала победу в грандиозной битве первой пятилетки. Молотов открывал съезд и зачитал доклад о планах второй пятилетки. Содержание речей сводилось в основном к восхвалению Сталина, внутренней и внешней политики партии, сообщению о производственных успехах в своей области (по официальным данным), критике небольших проблем, возникающих на местах и издевательствам над оппозицией (выступавшие на съезде бывшие фракционеры говорили то же, только вместо издевательства над другими каялись). Устами Кирова партия утверждала, что «основные трудности уже остались позади»¹. Тем

¹ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. М., 1934. С. 259.

В.М. Молотов, И.В. Сталин и А.Н. Поскребышев в Президиуме XVII съезда ВКП(б)

1934

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1659. Л. 4 об.]

не менее, судя по свидетельствам времен «оттепели», при выборах ЦК Сталин, Молотов и Каганович получили более ста голосов против, а в кулуарах поговаривали о замене Сталина на посту Генерального секретаря¹. Это стало сигналом для Сталина и Молотова – разгром оппозиций не ликвидировал инакомыслие в партии. Но раскаявшимся оппозиционерам нашли работу в Москве. Бухарин возглавил «Известия», Каменев – издательство «Академия», Зиновьев работал в «Правде».

* * *

В середине 30-х годов экономический штурм сменился плавной рутинной. Более ритмичными стали и методы управления. Молотов и Сталин или замещающие его Каганович или Жда-

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. 1937. С. 94–105.

нов регулярно подписывали телеграммы такого, например, содержания:

**«ИРКУТСК КРАЙКОМ ПАРТИИ РАЗУМОВУ
КРАЙИСПОЛКОМ ПАХОМОВУ**

СНК и ЦК указывают Вам на недопустимое отставание с уборкой хлебов и особенно на плохое Ваше руководство организацией обмолота: к 5 сентября у Вас обмолочено только два целых семь десятых процента скошенного хлеба, прирост по молотье за последнюю пятидневку составляет только два целых и семь десятых процента. В результате этого Ваш край стоит на одном из последних мест в Союзе по хлебосдаче.

Телеграфируйте СНК и ЦК о принятых Вами мерах к развертыванию молотьи и к усилению темпов хлебозаготовок»¹.

Это не значит, что подписавшие телеграмму Молотов и Каганович лично следили за показателями в каждой точке страны. Цифры калькулировал аппарат, привычно докладывал по начальству, готовил бумагу, которой подписи Молотова и секретарей ЦК придавали должный вес.

Подтягивать, шпынять начальников по цепочке сверху вниз – без этого бюрократическая экономика двигаться не может. Грозно гаркнули, хлеб обеспечили, теперь подписываем подготовленную аппаратом телеграмму Шеболдаеву, возглавляющему Азово-Черноморский крайком – о неудовлетворительном производстве тракторных запчастей. Как раньше о неправильном увольнении агронома Петрова в том же краю². Конечно, невозможно вместить в голову Молотова, Сталина, Кагановича и Жданова всю информацию обо всех посевах, обмолотах, агрономах и запчастях, с которыми что-то не так. В большой стране все время с чем-то что-то не так. Но именно высшие начальники в этой системе имели полномочия принимать окончательные решения по любому поводу, и неутомимый разросшийся бюрократический аппарат высматривал, суммировал, готовил решения и подавал на высочайшую подпись. А верховные бонзы бегло просматривали, иногда вникали, иногда нет, и подписывали или откладывали на дальнейшее изучение. Так бюрократический аппарат работает практически везде. Но только в СССР от его решений зависела почти вся жизнь людей огромной стра-

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 144. Л. 137.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 143. Л. 54, 99–100.

*В.М. Молотов в рабочем кабинете
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1601. Л. 9]*

лансировать цены, и 20 сентября за подписями Молотова как председателя Совнаркома и Кагановича как секретаря ЦК вышло постановление: «Начиная с 1 октября: а) Снизить цены на печеный хлеб, муку, зерно, крупу, макаронные изделия, рис и низкие сорта кондитерских изделий, б) Одновременно ввести единые цены на мясо и мясопродукты, рыбу, сельди, картофель, ликвидировав пайковое снабжение по этим продуктам»¹.

Помимо профильных экономических задач Вячеслав Михайлович все глубже вникал в проблемы внешней политики. Сталин обсуждал их с ним еще в 20-е годы, теперь же Молотов должен был выступать по международным темам как глава правительства. Разумеется, его доклады готовились при участии НКВД, но председатель Совнаркома определял акценты, согласовывая их со Сталиным. Ему нравилось. Прочитав проект международ-

¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. С. 575–576.

ной части доклада Молотова на сессии ЦИК в январе 1933 года, Генеральный секретарь написал: «Вышло хорошо. Уверенно-пренебрежительный тон в отношении “великих” держав, вера в свои силы, деликатно-простой плевок в котел хорохорящихся “держав” – очень хорошо... Пусть “кушают”...»¹ Так под влиянием Сталина формировался фирменный дипломатический стиль Молотова.

Как глава правительства Молотов контролировал и развитие культуры. Возвращая ее к классицизму, в советском варианте именовавшемся «социалистическим реализмом», Молотов, как, впрочем, и Сталин, следовали не только своим личным, довольно обывательским предпочтениям, но и ориентировались на вкусы масс. Сталинское руководство использовало искусство и литературу как средство патриархальной стабилизации общества на основе традиционных ценностей. Советский человек должен быть примерным семьянином, самоотверженным тружеником, ему чужды любые вольности, будь то идейные или сексуальные. Характерен такой вклад Молотова в культуру, о котором он сам вспоминал: «Я был на выставке Веры Мухиной, когда она сделала свою знаменитую скульптуру “Рабочий и колхозница”. Они у нее были голые. Наверное, не очень здорово, когда стоит голая пара с серпом и молотом в руках... Я попросил их все-таки одеть»².

Патриархальные вкусы и ценности – хорошо, однако коммунистическая партийность – прежде всего. Накануне I съезда Советских писателей Молотов вместе с Кагановичем, Ворошиловым и Ждановым отправились к Горькому и долго, с трудом убеждали его внести изменения в доклад в соответствии с партийными установками³. «Инженеры человеческих душ» должны были внедрять в сознание масс радость по поводу происходящих свершений и готовность отдать им все силы, тем более, когда жизнь, по известному выражению вождя, стала и лучше, и веселее. За это деятели культуры и получают от Советского государства материальное поощрение и возможности комфортной жизни, пока недоступные большинству рабочих и тем более колхозников. Высшим слоям чиновничества по поводу материального обеспечения тоже было грех жаловаться.

¹ Вождь: И.В. Сталин в документах и фотографиях. Кн. 3. С. 192.

² Чуев Ф. Полудержавный пластилин. М., 1999. С. 650.

³ Сталин и Каганович. Переписка. С. 436–437.

*В.М. Молотов
с дочерью Светланой
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 82.
Оп. 2. Д. 1627. Л. 3]*

Молотову предоставили дачу в Мещерине. Там можно было изредка переключиться от кремлевской текучки. Приятно шелестела листва, глаз радовали розы. Но чаще он проводил вечера, заканчивающиеся под утро, на даче Сталина, где под вкусную еду и выпивку продолжалось обсуждение партийно-государственных проблем. Впрочем, можно было посмотреть кино, повеселиться, сыграть в бильярд, спеть что-нибудь революционное или церковное.

С 1929 года Молотов регулярно проводил отпуск в домах отдыха в Верхней Мацесте в Сочи, продолжая держать связь со Сталиным по переписке. Сталин и Молотов не только постоянно общались по службе, но и дружили семьями. Полина Жемчужина тесно общалась с женой Сталина Надеждой Аллилуевой.

Жемчужина училась на рабфаке и экономическом факультете Московского института народного хозяйства имени Г.В. Плеханова и делала партийную карьеру. В 1927–1929 годах она была секретарем партячейки на парфюмерной фабрике «Новая заря», затем инструктором райкома партии. В 1929 году Полина выехала в Берлин – рожать. Отечественным врачам не доверяли. Дочь Светлана родилась 8 мая.

С 1930 года Полина перешла на хозяйственную работу – ведь и муж теперь возглавлял управление хозяйственным, а не партийным аппаратом. Она нашла себя в парфюмерии, в 1930–1932 годах была директором парфюмерной фабрики «Новая заря».

Жена Сталина покончила с собой 9 ноября 1932 года. Накануне, после ее ссоры с Иосифом Виссарионовичем, Полина пыталась успокоить Надежду, но, вероятно не догадывалась о ее страшных намерениях. Молотов считал, что причиной последнего поступка Аллилуевой была необоснованная ревность: «У нас была большая компания после 7 ноября 1932 года, на квартире Ворошилова. Сталин скатал комочек хлеба и на глазах у всех бросил этот шарик в жену Егорова. Я это видел, но не обратил внимания. Будто бы это сыграло роль... С этого вечера она ушла вместе с моей женой, Полиной Семеновной. Они гуляли по Кремлю. Это было поздно ночью, и она жаловалась моей жене, что вот то ей не нравилось, это не нравилось... Про эту парикмахершу. Она очень ревновала его. Цыганская кровь. В ту ночь она застрелилась... Сталин поднял пистолет и сказал: “И пистолетик-то игрушечный, раз в году стрелял”. – Я был плохим мужем, мне было некогда ее водить в кино, – сказал Сталин... Я никогда не видел его плачущим. А тут, у гроба Аллилуевой, вижу, как у него слезы покатались. И сказал очень так грустно: “Не уберег”»¹.

После этой трагедии Полина занялась воспитанием не только своей Светланы, но и ее тезки – дочери Сталина. Помимо обычной школьной программы, девочек обучали языкам и музыке².

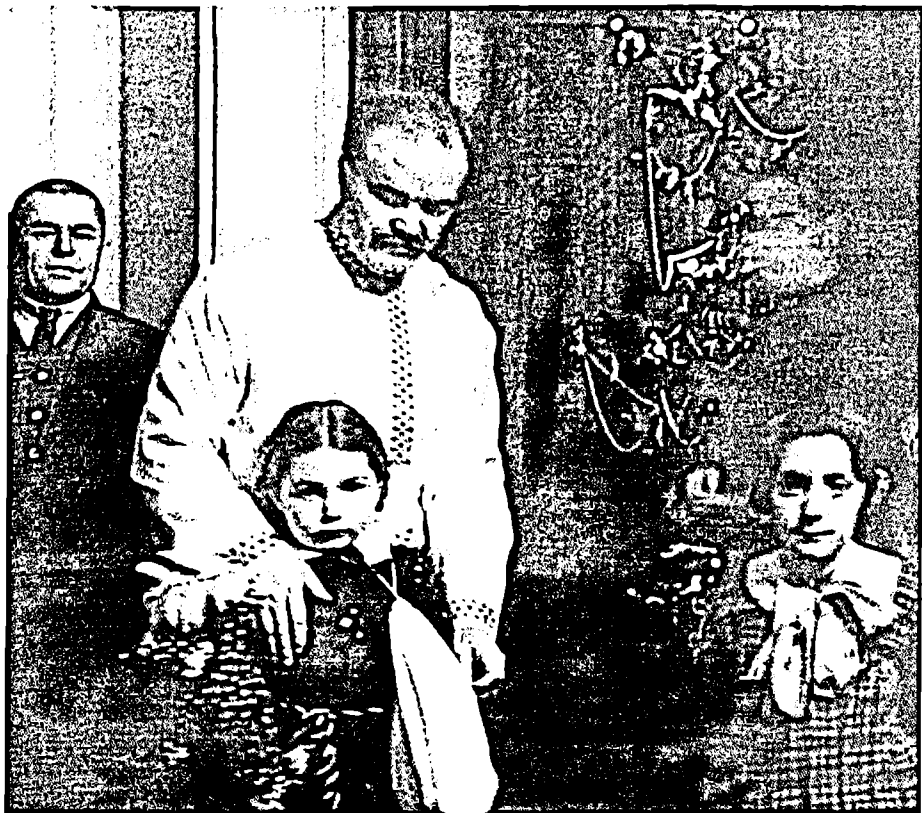
Жемчужина заняла место «первой леди» Кремля, на которое Аллилуева как раз не претендовала. Микоян со слов своей жены Ашхен вспоминал: «Она вела себя по-барски, как “первая леди государства” (каковой стала после смерти жены Сталина). Не проявляла скромности, по тем временам роскошно одевалась. Дочь воспитывала тоже по-барски... Ашхен вспоминала, что еще Серго Орджоникидзе возмущался: “Для какого общества она ее воспитывает?!” ...Причем дома она играла роль “первой скрипки” – муж ее очень любил и ни во что не вмешивался»³.

А вот деловыми качествами Жемчужиной Микоян был доволен, хотя Сталин ему буквально навязал эту подчиненную.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 250–252.

² Васильева Л.Н. Кремлевские жены. М., 1992. С. 318.

³ Микоян А.И. Указ. соч. С. 299.

*В.М. Молотов с дочерью Светланой на новогоднем празднике
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1627. Л. 5]*

В 1932 году Жемчужина возглавила московский трест ТЭЖЭ (жировой промышленности), который стала ориентировать на развитие современной парфюмерии и увлекла этой идеей не только Молотова, но и Сталина. За успехи в руководстве трестом Жемчужина получила орден Трудового Красного Знамени. В 1936 году в Наркомате пищевой промышленности было создано Главное управление парфюмерно-косметической, синтетической и мыловаренной промышленности во главе с Жемчужиной. В ноябре 1937 года она стала заместителем наркома. Микоян вспоминал, что сначала противился переводу хозяйства Жемчужиной в свой наркомат, но потом писал о ней: «...была способной и энергичной, быстро соображала, обладала организаторскими способностями и вполне справлялась со своими обязанностями...

*Полина Семеновна**Жемчужина**1935**[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2.**Д. 1628. Л. 2]*

Отрасль развивалась настолько, что я мог поставить перед ней задачу, чтобы советские духи не уступали по качеству парижским. Тогда эту задачу она почти что выполнила: производство духов стало на современном уровне, лучшие наши духи получили признание»¹.

Полина восстановила связи с эмигрировавшим в США братом С. Карповским, используя его коммерческие связи в интересах СССР. Разумеется, она делала это с санкции советского руководства.

Жемчужина была наиболее публичной из жен членов Политбюро, нередко сидела в правительственной ложе при посещениях Сталиным и Молотовым Большого театра.

В январе 1939 года последовал высший взлет ее карьеры — Жемчужина возглавила новый Наркомат рыбной промышленности, в марте стала кандидатом в члены ЦК, но уже в ноябре

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 298.

*В.М. Молотов с семьей на отдыхе
1930-е*

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1627. Л. 7]

была снята с наркомовского поста и направлена руководить текстильно-галантерейным главком в Наркомат легкой промышленности. На XVIII партконференции в феврале 1941 года ее лишили и поста кандидата в члены ЦК. Официально – проявила доверие к «врагам народа», разоблаченным после прихода в НКВД нового наркома Л. Берии. Но возможно, просто стала раздражать своими амбициями мужскую компанию, собиравшуюся на сталинской даче. Первое могло быть поводом, второе – причиной.

С 1937 года Молотов, Жемчужина и их дочь Света много времени проводили на новой даче, которая досталась им после ареста Г. Ягоды. С ними жили также Владик, сын старшего брата Молотова Владимира, скончавшегося в 1936 году, и подруга Светланы Соня, дочь посудомойки с правительственных дач¹.

Жена посла США Дж. Дэвиса М. Пост так описывала впечатления о визите к Жемчужиной в марте 1937 года: «В тот день, когда мы шли по фабрике (одной из четырех, которыми она управляет), которые производят парфюмерию, крема и т. д.,

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 1. С. 298–299.

мадам Молотова спросила, не хотела ли бы я с ней пообедать. Мы с удовольствием согласились, но даже не представляли себе, каким редким и интересным окажется наш опыт. День настал, и мы поехали – час по дороге в Рублевских лесах – проехали несколько больших вилл и, наконец, увидели зеленый забор и охрану. Ворота открылись, и по дороге к дому мы увидели еще множество охранников. Дом современный, большой (но никак не дворец, ни изнутри, ни снаружи), довольно простой. Хороший вкус: просторно, не заставлено в “уютной” или “обжитой” манере, но с любой точки зрения адекватно. Прихожая, большие лестницы, комната для верхней одежды. Просторная гостиная. Никаких фотографий или безделушек. Столовая с большими створчатыми окнами. Стол украшен цикламенами – каждая длиной около 3-х футов. На полу по всей комнате стоят восемь или десять горшков с сиренью – белой и сиреневой – красивые большие гроздья, множество цветов. Справа от мадам Молотовой – жена мистера Кеннана, секретаря посольства, мисс Уэллс, мадам Чубарь, мадам Крестинская, мадам Стомонякова. Стол был уставлен закусками. Обед был изысканным и состоял из множества блюд: три вида мяса, шесть видов рыбы, одна из них особенная – с большим носом, длиной около восьми дюймов, ее ловят в Волге... Вся атмосфера была очень сердечной, очень старались, чтобы мы хорошо провели время, и им это удалось. НО! Если бы кто-нибудь из них знал язык. Через переводчика общение было, мягко говоря, сложным»¹. Добавим, что все советские участницы обеда, кроме самой хозяйки, скоро станут вдовами.

3. В ЭПИЦЕНТРЕ ТЕРРОРА

«Гром среди ясного неба» разразился 1 декабря 1934 года. В Ленинграде бывший партийный работник Л. Николаев убил Кирова. Молотов вспоминал: «Я был в кабинете у Сталина, когда позвонил Медведь, начальник Ленинградского ОГПУ, и сказал, что сегодня в Смольном убит товарищ Сергей. Сталин сказал в трубку: “Шляпы!”»² Немедленно была сформирована группа высших партийных руководителей, которая под строжайшей охраной выехала в Ленинград. Перед отъездом лидеры партии написали и оперативно приняли проект постановления

¹ Цит. по: Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 1. С. 297.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 310.

Президиума Верховного Совета о борьбе с терроризмом. Исследователь А. Кирилина считает, что «его авторами владело одно чувство – ярость»¹. Добавим – и страх. Дела о терактах теперь следовало вести ускоренным порядком. Если открыт сезон охоты на вождей, то кто следующий? В окончательной версии указа, принятой 5 декабря, но датированной 1 декабря, когда он собственно и был написан, объявлялось, что дела о терроризме будут слушаться без участия сторон и даже подсудимых. Как в Гражданскую войну.

Сталин, Молотов и Ворошилов допросили Николаева. Молотов вспоминал о нем: «Замухрышистого вида, исключен из партии... Обыкновенный человек. Служащий. Невысокий. Тощенький»². Николаев утверждал: «Все это я подготовил один, и в мои намерения никогда я никого не посвящал». На допросе 1 декабря убийца объяснил свои мотивы: «оторванность от партии... мое безработное положение и отсутствие материальной помощи со стороны партийных организаций». Николаев надеялся, что его выстрел может «стать политическим сигналом перед партией, что... накопился багаж несправедливых отношений к живому человеку со стороны отдельных государственных лиц». Отдельных лиц, а не системы. Николаевым владело отчаяние. Он был тем самым безработным, которых в СССР официально не существовало с 1930 года. В своем письме к Политбюро накануне покушения Николаев писал: «Для нас, рабочего люда, нет свободного доступа к жизни, к работе, к учебе... Везде, где я только желал через критику принести пользу дела... получал тупой отклик... Я прошу предоставить мне в первую очередь и в самом ближайшем времени санаторно-курортное лечение, но если нет этой возможности, то я должен бросить веру и надежду на спасение». В своем «политическом завещании» («Мой ответ перед партией и отечеством») Николаев писал: «Как солдат революции, мне никакая смерть не страшна. Я на все теперь готов, а предупредить этого никто не в силах. Я веду подготовку подобно А. Желябову... Привет царю индустрии и войны Сталину...»³ Это был бунт доведенного до отчаяния маленького человека, вечного персонажа российской истории и литературы.

¹ Кирилина А.А. Указ. соч. С. 297.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 310.

³ Цит. по: Кирилина А.А. Указ. соч. С. 217, 406–407, 253, 257, 262.

Николаев – маленький человек из партийной среды. Он типичен и этим страшен. Таких выброшенных на обочину неуравновешенных и обиженных людей миллионы, это – целый социальный слой, и каждый его представитель может оказаться смертельно опасным. Сигналы об этом социальном явлении партийное руководство получало давно¹. Но как быть, если вокруг тебя ходят тысячи обездоленных людей с пистолетами, полученными во время Гражданской войны? И как признать, что все происходящее – результат твоей политики, с одной стороны, и цепь трагических случайностей – с другой. Гораздо логичнее поверить в то, что убийство высокопоставленного товарища организовано влиятельными заговорщиками, которые угрожают и самим Сталину и Молотову.

Если Сталин в дальнейшем доказывал, что Киров пал жертвой заговора троцкистов, то Троцкий сразу же стал намекать, что заговор организовал Сталин. Эту версию затем принял Хрущев. Причем версия Троцкого обосновывалась теперь с помощью аргументов Сталина – охрана Кирова была так плохо поставлена, что тут явно не обошлось без сознательного попустительства убийце.

Гибель чекиста Борисова при аварии автомашины 2 декабря, когда его везли на допрос, подлила масла в огонь. Заметание следов! И если сейчас доступные факты позволяют склоняться к версии о трагической случайности², то в декабре 1934 года поверить в нее Сталин и Молотов не могли. И не поверили.

Где искать заговорщиков, Сталин знал хорошо и соответствующим образом сориентировал следствие. В окружении Николаева быстро нашлись бывшие зиновьевцы – благо всего десять лет назад почти все коммунисты Ленинграда были зиновьевцами. Сами арестованные молодые коммунисты, среди которых были и знакомые с Николаевым люди, и незнакомые, отрицали причастность к убийству.

В это время вся страна погружалась в траур. В прощальных церемониях скорбные речи соединялись с требованиями мести. Тон задавали члены Политбюро, и не в последнюю очередь Молотов. Стремление раздавить террористическую гадину было искренним – Вячеслав Михайлович вполне мог считать, что и сам находится на мушке. На склоне лет Молотов говорил: «Доста-

¹ См. напр.: Шубин А.В. 1937. С. 109–110.

² Кирилина А.А. Указ. соч. С. 343–354.

*В.М. Молотов,
К.Е. Ворошилов,
И.В. Сталин и
М.И. Калинин
несут урну
с прахом
С.М. Кирова на
Красную площадь
6 декабря 1934
[РГАСПИ. Ф. 422.
Оп. 1. Д. 230]*

точно было убить Сталина, еще двух-трех, и все могло рухнуть»¹. Среди этих «двух-трех», был и он сам. Убийство Кирова вообще имело политический смысл лишь как часть более широкого заговора с целью устранения также Сталина и Молотова.

Поскольку Киров был убит в Ленинграде, там развернулась чистка против бывших зиновьевцев и дореволюционных «бывших». Остатки старой элиты высылали из города. Тех, кто в прошлом был в лево-коммунистической оппозиции, арестовывали. Сами Зиновьев и Каменев были схвачены и осуждены за косвенное соучастие в убийстве Кирова – ведь их идеи двигали рукой убийцы.

Но где гарантия, что такие же убийцы не притаились в Кремле? Адмирал И. Исаков рассказывал: «По-моему, это было вскоре после убийства Кирова... В тот раз, о котором я хочу расска-

¹ Чусев Ф. Полудержавный властелин. С. 365.

зять, ужин происходил в одной из нижних комнат. Довольно узкий зал, сравнительно небольшой, заставленный со всех сторон книжными шкапами. А к этому залу от кабинета, где мы заседали, вели довольно длинные переходы с несколькими поворотами. На всех этих переходах, на каждом повороте стояли часовые – не часовые, а дежурные офицеры НКВД. Помню, после заседания пришли мы в этот зал, и, еще не сядя за стол, Сталин вдруг сказал: “Заметили, сколько их там стоит? Идешь каждый раз по коридору и думаешь: Кто из них? Если вот этот, то будет стрелять в спину, а если завернешь за угол, то следующий будет стрелять в лицо. Вот так идешь мимо них по коридору и думаешь...”¹ С ума можно сойти, а не то что страной руководить.

После убийства Кирова началась тщательная проверка безопасности Кремля. В январе 1935 года стали всплывать многочисленные нарушения дисциплины сотрудников Кремля, их неприязненные разговоры о «небожителях» и прежде всего о Сталине. Теперь такие разговоры приравнивались к террористическим намерениям. Расправа была суровой: 9 расстрелянных и 65 осужденных на заключение, не считая сосланных. «Кремлевское дело» показало, что стоит лишь «копнуть» госаппарат, как обнаружится множество переплетенных кругов общения, в которых одни люди просто нелояльны Сталину, а другие его ненавидят. Особенно неприятно было, что в центре этой «клоаки» оказался старый друг Сталина А. Енукидзе². «Зона безопасности» для Сталина и Молотова была расчищена каленым железом. Но вокруг была целая страна.

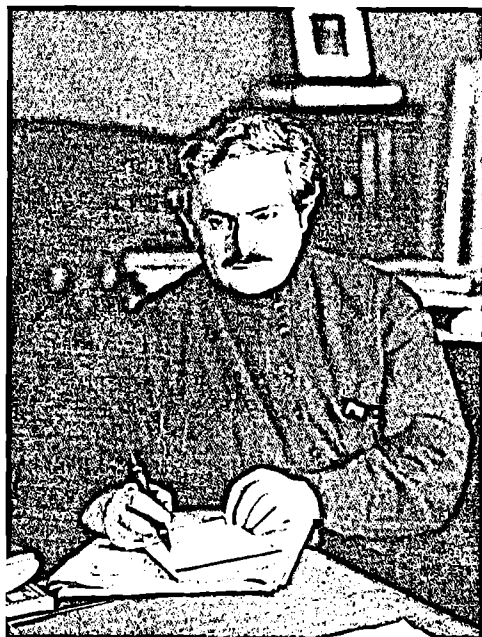
В стране развернулась охота на террористов и другие контрреволюционные элементы. В первом полугодии 1935 года по политическим делам было осуждено 9877 человек, во втором – 14 860, а до 20 марта 1936 года – уже 7450 человек. Причем большинство осужденных были не террористами, а «контрреволюционными агитаторами». Их процент вырос с 46,8 % в первом полугодии 1935 года до 87,2 % в феврале 1936 года³. Народ роптал, и этот ропот, по мнению Сталина, был питательной почвой для терроризма.

¹ Симонов К. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М., 1989. С. 422–423.

² Подробнее см.: Шубин А.В. 1937. С. 139–153.

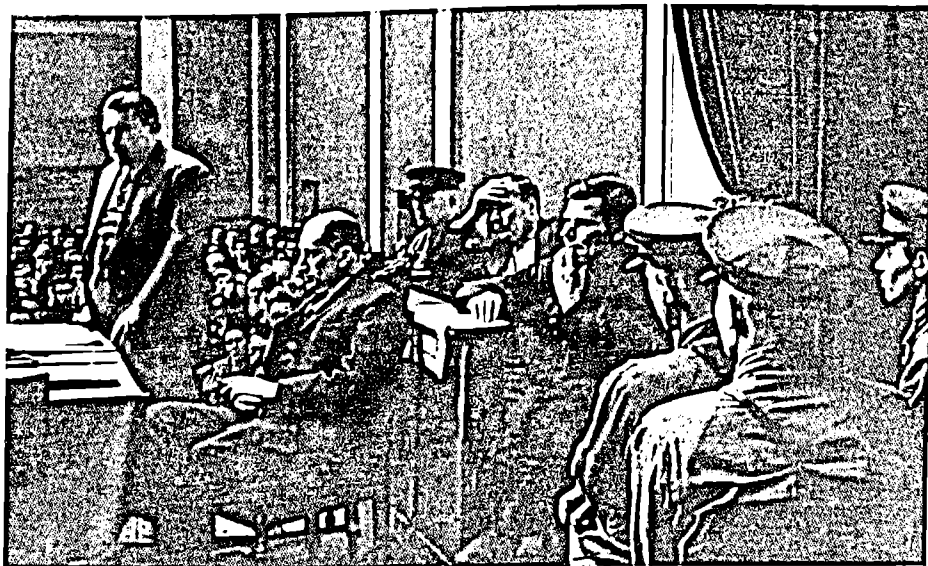
³ Советское руководство: Переписка. С. 322–323.

*Авель Сафронович
Енукидзе
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 667.
Оп. 1. Д. 41. Л. 15]*

В феврале 1936 года были проведены массовые аресты бывших троцкистов. Троцкисты бывшими не бывают. Начался отбор подсудимых для следующего политического процесса – уже над бывшими лидерами большевизма. Среди потенциальных жертв террористов Молотов не упоминался. То ли такова была установка Сталина, то ли по странному стечению обстоятельств. Ни первое, ни второе объяснение не сулило Вячеславу Михайловичу ничего хорошего. Ведь в 1934 году в Прокопьевске он попал в аварию, его автомобиль упал под откос. За рулем находился заведующий гаражом коммунист В. Арнольд. Чем не покушение? Тем более, что в 1917–1923 годах Арнольд жил в США. Позднее, когда этот инцидент стал трактоваться именно как вылазка троцкистов, Молотов мог вздохнуть свободнее и до конца жизни поддерживал версию покушения, озвученную на процессе 1937 года¹. Однако Сталин на некоторое время потерял к другу прежнее доверие. Летом 1936 года их традиционная доверительная переписка во время отпуска прервалась. Впрочем, когда Молотов вернулся в сентябре к работе, официальный обмен письмами возобновился – с участием Кагановича.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 302.

*Заседание Первого Московского открытого процесса по делу
«Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского
центра»*

Август 1936

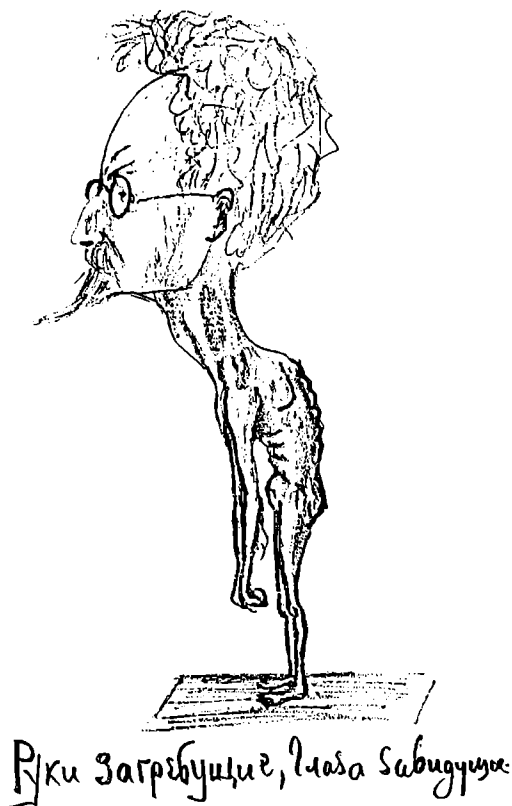
[Из открытых источников]

К тому времени завершился Процесс «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» над бывшими лидерами левой оппозиции Г. Зиновьевым, Л. Каменевым, Г. Евдокимовым, И. Бакаевым, С. Мрачковским, И. Смирновым. Подсудимые признали оппозиционную деятельность, организацию покушений на Кирова и намерение перебить советское руководство. В ночь на 25 августа был зачитан приговор. Всем – расстрел.

Молотов в числе предполагаемых жертв не фигурировал, однако Сталин в письме в «Правду» 6 сентября включил его в состав партийного ядра: «Надо было сказать в статьях, что борьба против Сталина, Ворошилова, Молотова, Жданова, Косиора и других есть борьба против Советов, борьба против коллективизации, против индустриализации, борьба, стало быть, за восстановление капитализма в городах и деревнях СССР»¹.

¹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 664–665.

Георгий Леонидович
Пятаков («Руки
загребущие, глаза
завидующие»)
Автор В.И. Межлаук
8 мая 1935
[РГАСПИ. Ф. 74.
Оп. 2. Д. 169. Л. 170]

Сомнения в его лояльности развеялись, и 25 сентября Сталин и Жданов отправили Молотову и Кагановичу телеграмму: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года»¹.

Для Ягоды процесс над бывшими лидерами оппозиции был завершением ее разгрома, а для Сталина – только началом выкорчевывания внутрипартийного инакомыслия. С 4 октября Молотов и другие члены Политбюро по представлению Ежова и Вышинского сотнями санкционировали казни людей «в упрощенном порядке» по указу от 1 декабря 1934 года.

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 39.

Зиновьев и Каменев на процессе дали следствию новые ниточки: заявили, будто убийство Кирова готовили также Бухарин, Рыков и Томский. Генеральный прокурор СССР Вышинский заявил, что в их отношении начато расследование, в котором также фигурируют Угланов, Радек и Пятаков, а Сокольников и Серебряков привлекаются к ответственности. Узнав об этом, Томский застрелился.

31 августа Бухарин написал весьма эмоциональное письмо Ворошилову, явно предназначенное и для ознакомления Сталиным. Он ставит сталинское руководство перед выбором: если вы верите обвинениям в адрес Бухарина, «то меня нужно немедленно арестовать и уничтожить: ибо таких негодяев нельзя терпеть». Но если вы верите обвинениям, «а сами меня оставляете на свободе, то вы сами трусы, не заслуживающие уважения». При этом Бухарин намекает, что «с международной точки зрения» расправа над ним расширит «базис сволочизма», что было бы глупо и означало бы «идти навстречу желаниям прохвоста Каменева», который якобы хотел скомпрометировать честных большевиков. Также Бухарин уверял, что поддерживает политику Сталина (но без «подхалимства»), хочет участвовать в предстоящей войне и советует Ворошилову почитать драму Роллана о французской революции¹. Намек более чем прозрачный – о терроре.

Ворошилов ознакомил с письмом Сталина и Молотова. Вячеслав Михайлович дал товарищу совет: «На твоём месте я бы вернул Бухарину это письмо, примерно с такой припиской: “Возвращаю тебе твоё письмо с гнусными выпадами против партийного руководства. Если ты – Бухарин – прямо, без оговорок, и письменно не признаешь, что допустил в данном случае гнусность в отношении партии, буду считать тебя подлецом”».

Вот мое мнение об этом письме»².

Ворошилов принял рекомендацию как указание и на следующий день, 3 сентября в своем ответе Бухарину воспроизвел ее почти дословно³. Тем самым он дал понять Сталину и Молотову, что будет держаться от Бухарина подальше. Тот ответил униженным письмом, где «трижды» брал назад «все фразы» и хвалил партийное руководство. Сталин писал Молотову: «Ответ

¹ Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1936 года: Документы и материалы. М., 2017. С. 227–228.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 198. Л. 146.

³ Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1936 года. С. 229.

Ворошилова хорош. Если бы Серго также достойно отбрил господина Ломинадзе, писавшего ему еще более пасквильные письма против ЦК ВКП, Ломинадзе был бы еще жив и, возможно, из него вышел бы человек»¹. Сталин давал понять, что раздавить политическим и морально Бухарина нужно, но расстреливать его пока не следует. Для Молотова это была хорошая проверка – насколько далеко он готов зайти в разворачивании репрессий против товарищей по партии. Оказалось, что пределов нет.

Очередной пленум ЦК собрался в связи с принятием VIII съездом Советов новой конституции. Молотов выступал на съезде, под бурные аплодисменты депутатов рекламируя демократический фасад коммунистического режима. Этот съезд Советов 5 декабря 1936 года станет последним. Отныне решение о назначении главы правительства будет проштамповывать Верховный Совет СССР, избираемый по более привычной для мира схеме одномандатных «выборов». Правда они будут безальтернативными – кандидатуры статистов-депутатов будут определять партийные структуры с одобрения Секретариата ЦК ВКП(б).

Пленум ЦК работал 4 и 7 декабря, то есть до и после официального принятия конституции. Но что-то пошло не так, и материалы пленума по его окончании было решено не публиковать. Дело в том, что о конституции говорили недолго, главной темой стало разоблачение Бухарина и Рыкова за связь с Каменевым и Зиновьевым. Председательствовавший Молотов поторапливал докладчиков и выступавших. Конституцию обсуждали не более 20 минут, хотя в ней и вскрылись нестыковки. В стенограмме это обсуждение занимает неполные две страницы, члены ЦК весело отмахивались от поправок, предложенных Г. Каминским и И. Уншлихтом, одоблив лишь одну, озвученную Сталиным. Зато атака на правых коммунистов увязла. Ежову отвели жесткие временные рамки, и Николай Иванович не сумел обосновать обвинения против другого Николая Ивановича. А Бухарин продолжал настаивать на своей невинности и непричастности. Он стоял на том, что если его молодые ученики и говорили друг с другом в запале или по пьяни, что Сталина нужно убрать, то он об этом ничего не знал. Бухарину вторил Рыков².

Время поджигало. Завтра – ответственный день принятия конституции. Может быть, зря они со Сталиным решили совме-

¹ Там же. С. 230–231.

² Там же. С. 5–67.

стить приятное с полезным и уже сейчас додавить Бухарина, под фанфары конституционной реформы? Молотов пошел в атаку на Бухарина и Рыкова лично – его никто в регламенте не ограничивал.

Сталин и Молотов разыграли партию «доброго и злого следователей». Сталин бросил реплику Рыкову: «Видите ли, после очной ставки Бухарина с Сокольниковым у нас сложилось мнение такое, что для привлечения к суду тебя и Бухарина нет оснований. Но сомнение партийного характера у нас осталось. Нам казалось, что и ты, и Томский безусловно, может быть и Бухарин, не могли не знать, что эти сволочи какое-то черное дело готовят, но нам не сказали». Молотов развил и ужесточил эту мысль: «Товарищи, из всего того, что говорили здесь Бухарин и Рыков, по-моему, правильно только одно: надо дело расследовать, и самым внимательным образом. Во всем остальном я им на слово не верю. Ни бухаринским слезам, ни дрожащему голосу Рыкова я пока что верить не могу, потому что достаточно я начитался за ряд лет материалов о следствии по делу троцкистов и правых, где постепенно развивается дело, и где были вещи, которых мы не предполагали, не допускали, считали невозможными для коммуниста, для вчерашнего большевика. И все-таки мы убеждались в том, что и троцкисты, и правые, друзья-товарищи Бухарина и Рыкова, участвовали в этих делах не раз... То, что до сих пор нам известно, и те контраргументы, которые выдвигают Бухарин и Рыков в защиту свою, у меня не удаляют неверия к их словам». Молотов вменил Бухарину в вину и то, что тот работал вместе с ныне разоблаченными «врагами народа» (хотя и к Молотову можно было предъявить такую же претензию), и письмо к Ворошилову, где Бухарин упрекал партийное руководство. Молотов обвинил Бухарина в черной неблагодарности: «Я рассматриваю такую установку Бухарина как политическую солидаризацию его с осужденными на августовском процессе... Бухарин, даже в тот момент, когда Центральный Комитет закрыл его своим крылом, постарался уберечь его, не дать повода лишний раз его травить – он ничего другого не нашёл, как плевок в Центральный Комитет и косвенную солидаризацию с этими осужденными».

Конечно, Бухарин был возмущен такой интерпретацией: опубликовать информацию о его причастности к заговору – это, оказывается по Молотову, «прикрыть крылом» и «не дать повода травить». Но члены ЦК одобрительно внимали Молотову, не

подозревая, что скоро настанет их черед. А Молотов продолжал наносить удары: «Все эти факты нужно еще проверить, насколько Бухарин изолгался в последние годы».

Тут Бухарин вскрикнул: «Да в чём же я изолгался? В чём это выразалось?» И Молотов вынул из рукава свеженькие показания бывшего молодого бухаринца Е. Куликова, который 30 ноября сообщал следствию о том, как в 1932 году организация правых устанавливала связи с организацией Зиновьева и Каменева, как Бухарин, Рыков и Томский обсуждали «террористическую» платформу Рютина.

Бухарин перебивал: «Я имею право защищаться», но Молотов продолжал наседать:

– «Ты трижды имеешь право защищаться, но я считаю полным своим правом не верить твоим словам, потому что политически ты фальшивишь, а юридически мы проверим это.

– Я политически не фальшивлю ни на один электрон.

– Это и Пятаков нам говорил, мы проверим все эти факты, но мы не политические трусы, ты сам скорее трус.

– Я и не обвиняю вас в политической трусости.

– Конечно, теперь ты говоришь другое»¹.

Члены ЦК снова собрались 7 декабря вечером. Днем в здании ЦК была проведена очная ставка Бухарина с обвинявшими его Ю. Пятковым, Е. Куликовым и Л. Сосновским. В мероприятии, которое вел Ежов, участвовали Сталин, Молотов и еще шесть членов Политбюро. В результате было решено, что дело нуждается в дальнейшем исследовании – Бухарин убедительно отрицал свою вину.

Сталин решил не форсировать дело «правых». Он предпочитал уничтожать противников по очереди. С 23 по 30 января 1937 года шел процесс «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (Ю. Пятаков, Г. Сокольников, К. Радек, Л. Серебряков, Н. Муралов, Я. Дробнис и др.). По справедливому замечанию историка О.В. Хлевнюка, «фактически это был суд над НКТП» (Наркоматом тяжелой промышленности), то есть ведомством члена Политбюро С. Орджоникидзе². Но не только. Обвинители метили в Троцкого, который из-за рубежа якобы ру-

¹ Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1936 года. С. 62, 67–71.

² Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е гг. М., 1993. С. 89.

*Григорий
Константинович
Орджоникидзе
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 85.
Оп. 32. Д. 65. Л. 1]*

ководил террористическим подпольем в СССР в интересах международного фашизма.

А Молотов по версии обвинения едва не стал его жертвой – в покушении признался Арнольд, виновник аварии в Прокопьевске в 1934 году. Ему, в числе тех, кто каялся убедительно (Радеку, Сокольникову, инженеру-«вредителю» М. Строилову), на время сохранили жизнь. Нужно было показать следующим фигурантам, что сотрудничество с обвинением дает шанс на спасение.

Однако разгул террора поддерживала отнюдь не вся партийная элита. Орджоникидзе провел собственную проверку обвинений НКВД во вредительстве его сотрудников¹. Ее материалы могли быть использованы для разоблачения Ежова на ближайшем пленуме ЦК в феврале 1937 года, что позволило бы разрушить стратегию Сталина.

Конфликт нарастал. Готовясь к пленуму, Орджоникидзе носил тезисы доклада к Сталину. По свидетельству жены Орджоникидзе Зинаиды Гавриловны, «тот забраковал. На полях были надписи вроде “Ха-ха...” Серго писал и переписывал на листках

¹ Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е гг. С. 96, 102–103.

из блокнота, ссорился со Сталиным по телефону, потом опять писал, опять ходил и относил, дважды возвращался под утро»¹. Незадолго до пленума, 19 февраля, Орджоникидзе покончил жизнь самоубийством. Выстрел прогремел после разговора со Сталиным на высоких тонах.

Гибель Орджоникидзе дезорганизовала партийное сопротивление сталинской «антитеррористической операции» накануне решающего пленума ЦК ВКП(б), который вошел в историю как «февральско-мартовский» (он продолжался с 23 февраля по 5 марта). Молотов на пленуме вел заседания и энергично участвовал в обсуждениях. Прошлогодние опасения остались позади, он снова был облеченным доверием сподвижником Сталина, который, опираясь на результаты двух первых антибольшевистских процессов, подвел идеологическую основу под террористический удар, который обрушится на партию несколькими месяцами позднее.

Сталин, Ежов, Молотов и другие выступавшие рисовали грандиозную картину терроризма и вредительства, развернувшегося в стране. «Ошибка наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили глубокой разницы между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем. Они не заметили, что троцкисты давно уже перестали быть идейными людьми, что троцкисты давно уже превратились в разбойников с большой дороги»², – говорил Сталин. Над старой большевистской гвардией нависала «антитеррористическая» операция. Особенно резко Сталин выступал против процесса образования кланов в структуре ВКП(б): «Что значит таскать за собой целую группу приятелей?.. Это значит, что ты получил некоторую независимость от местных организаций и, если хотите, некоторую независимость от ЦК. У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы»³.

Ежов пытался обосновать версию всеобщего заговора, в который входят и левые, и правые, объединившиеся на платформе Рютина: «Сейчас, товарищи, совершенно бесспорно доказано, что рютинская платформа была составлена по инициативе правых в

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 330.

² Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 7, 11–12.

³ Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 77.

"Блажененький" Бухарин Искаротский

*Николай Иванович Бухарин «Блажененький» Бухарин
Искаротский»*

Автор В.И. Межлаук

Февраль 1937

[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 170. Л. 92]

лице Рыкова, Бухарина, Томского, Угланова и Шмидта. Вокруг этой платформы они предполагали объединить все несогласные с партией элементы: троцкистов, зиновьевцев, правых». Бухарин доказывал нелепость этой версии. Сталин, Молотов и Ежов перебивали его. Бухарин: «Я рютинской платформы не подписывал. Я говорю о рютинской платформе, говорю о стиле. Можно доказать по стилю, что я ни в коем случае ее не писал. (Молотов: Нас не стиль интересует, а террор интересует.) Я совершенно не участвовал в этом деле»¹. В итоге, пленум дал согласие на арест Бухарина и Рыкова.

Молотову также предстояло обосновать претензии Сталина и Ежова к работникам тяжелой промышленности. Орджоникидзе навеки умолк, и возразить теперь было некому. И за доказательствами далеко ходить не надо, ведь вредители признались на

¹ Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 8, 28.

процессе: «Достаточно того, что Пятаков сидел в Наркомтяжпроме, а раньше в ВСНХ, в течение больше чем 12-ти лет». А он – доказанный, сознавшийся вредитель. И Молотов добросовестно перескажет покаянные показания Пятакова и его подельников, списывая на них реальные и потенциальные аварии и провалы. Не вызывают у него сомнения и другие успехи НКВД в раскрытии многочисленных вредительских групп. Ничего не происходило по глупости, во всем можно найти умысел. Под одобрительный смех делегатов Молотов заодно язвительно покритиковал ведомственные конфликты и «канцелярско-бюрократические методы» работы. Каганович с места объявил их вредительством, Молотов подхватил: «Да, это был, видимо, союз вредителей и головотяпов...» В заключение же Вячеслав Михайлович еще раз вернулся к теме «разоблачения и изгнания врагов из действующей армии страны социализма»¹, которая уже поднималась Ворошиловым. Вслед за ним Молотов оптимистично оценил ситуацию в вооруженных силах: «...у нас, к счастью, мало разоблачено вредителей в армии. Но мы, все-таки, должны и дальше проверять армию». Этим займутся политработники, а красным командирам предстоят большие дела. «Мы теперь ввязываемся в борьбу гораздо более крупного масштаба, чем когда бы то ни было»², – заявил он. Сталин пока не собирался устраивать чистку армии, более того, он неоднократно прерывал речь начальника Политуправления РККА Я. Гамарника возгласами «правильно!»³

Принятая по докладам Молотова и Кагановича резолюция «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» требовала уже не только от НКВД, но и от самих наркоматов систематической работы по разоблачению и предупреждению вредительства и шпионажа – наряду с обычными методами укрепления технологической дисциплины⁴.

¹ Молотов В.М. Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецких агентов. М., 1937.

² Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 24, 27.

³ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 9.

⁴ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 13.

*Ян Борисович Гамарник**1930-е**[Из открытых источников]*

Казалось бы, политических угроз больше нет: скрытые враги перешли к уголовной тактике террора и вредительства. Однако в апреле 1937 года Сталин переносит удар с «вредителей» и бывших оппозиционеров на военных и «верных ленинцев». Причем масштабы репрессий вырастают многократно. Что случилось? Зачем Сталину понадобилось громить собственный ЦК, который аплодировал им с Молотовым на февральско-мартовском пленуме?

В связи с кулуарными разговорами на XVII съезде партии Сталин уже мог опасаться, что в ЦК имеется группа людей, готовая выступить против него¹. Но только при условии, если будет гарантия: критиков Сталина не арестуют в зале заседаний, когда вопрос о доверии Сталину будет поставлен открыто. А для этого нужна опора на авторитетных военных.

Впереди был июньский пленум ЦК. Почему Сталин решил, что готовится его смещение при поддержке военных, и кто дал ему соответствующий сигнал? Проведем анализ посещений кабинета Сталина в решающий период между серединой марта

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. 1937. С. 94–105.

и концом апреля 1937 года. В 30-е годы среди приглашенных можно выделить узкий круг собеседников, с которыми обсуждаются любые вопросы любого уровня секретности. Это Молотов, Каганович и Ворошилов. Почти все остальные заходят для обсуждения своих «профильных» вопросов. При этом более доверенные лица могут присутствовать при обсуждении чужих вопросов, а менее доверенные перед началом такого обсуждения удаляются.

Кроме «самого узкого круга» есть еще два руководителя, которые пользуются высоким доверием, но присутствуют на совещаниях реже – это Андреев и Микоян. Итого – пятеро.

Андреев действует, прежде всего, как секретарь, ответственный за фиксацию решений, и регулярно он появляется только до 14 марта. Зато после этой даты на совещаниях узкой группы постоянно присутствует Микоян. И «заходит» он так, чтобы это выглядело незаметно, как бы по текущим делам.

21 марта проходит широкое совещание по вопросам, связанным судя по составу участников, с внешней политикой. В 17:35 пришел Ежов. В 18:00 – Микоян. В 18:50 – 19:00 посторонних попросили удалиться (в том числе такого влиятельного руководителя, как Чубарь). Узкий круг с Микояном и Ежовым остается и совещается о чем-то еще час. 28 марта в кабинете Сталина обсуждаются вопросы внешней политики (помимо дипломатов собрался узкий круг, включая Микояна). Дипломаты постепенно покидают кабинет. В 19:35 Литвинов уходит, его сменяет Ежов, и узкий круг (включая Микояна и без Андреева) беседует сначала полчаса с Ежовым, а потом еще больше часа без него. 29 марта в конце дня узкий круг (включая Микояна) опять собирается с Ежовым в конце дня на часик без посторонних. 1 апреля Микоян приходит в кабинет в 18:15, когда там идет обсуждение, на котором может присутствовать Розенгольц. В 19:00 он уходит, и узкий круг остается с Ежовым и присоединившимся к нему в 19:05 В. Балицким. В конце дня 2 апреля узкий круг собирается с Ежовым без Микояна.

Узкое совещание для «совсем своих», без Ежова, проходит 11 апреля. С 17:10 до 18:30 Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Микоян беседуют о том, что не нужно знать и Ежову. Возможно, именно в этот день была решена судьба партийного и военного руководства. После этого Микоян участвует только в «широких» совещаниях.

*Николай Иванович Ежов**1930-е**[Из открытых источников]*

Молотов входит в состав руководящей «семерки», где Сталин 14 апреля сосредоточил принятие всех оперативных решений Политбюро. Вместе с ними заседают Каганович, Ворошилов, Микоян, Чубарь и Ежов. В 1937–1938 годах из них будет репрессирован только Чубарь. А решение наиболее секретных вопросов передается «пятерке», в которой нет ни Чубаря, ни Микояна. Молотов, естественно, входит в оба узких круга. Позже, 27 апреля, он возглавит Комитет Обороны, созданный вместо Совета Труда и Обороны, и до осени 1939 года будет также стоять во главе Экономического совета, текущей работой которого займется Микоян.

А пока, 13 апреля, Сталин приглашает в кабинет Ежова и начальника госбезопасности Я. Агранова. 14 апреля узкий круг посидел с Ежовым 45 минут после ухода Литвинова. 19 апреля возвращается Андреев. Политическое решение принято, нужно продумать план мероприятий. 23 апреля – узкое совещание с Ежовым и Андреевым без Ворошилова и Микояна. 25 и 29 апреля – с Ежовым без Андреева. 26 апреля Сталин вызывает Ежо-

ва¹. Идет обсуждение последних деталей будущей операции. Молотов участвует во всех этих совещаниях.

Интересный эпизод: Л. Рудинкина, жена авиаконструктора А. Яковлева, выросшая в семье Я. Рудзутака, вспоминала, что в 1937 году однажды случайно услышала беседу с критикой Сталина, в которой участвовали Рудзук, Микоян и военные². Микоян пережил террор, а Рудзук был арестован уже 24 мая.

Обсуждая впоследствии судьбу Рудзутака, Молотов ушел от ответа на вопрос о причинах его ареста: «Трудно сказать, на чем он погорел...» Характерно, однако, что Молотов допрашивал Рудзутака, отрицавшего вину, в присутствии Микояна³. Впрочем, и подписание секретного протокола с Германией в 1939 году Молотов даже на пенсии не признавал. Вероятно, вопрос о причинах ареста Рудзутака был для него тайной той же степени секретности – вечной. Участвуя в допросах Рудзутака, Молотов не мог не знать, почему столь влиятельный политический деятель, непричастный к оппозициям, арестован одним из первых функционеров столь высокого ранга и репутации.

В том, что им со Сталиным угрожал широкий военно-политический заговор, Молотов не сомневался: «Я считаю Тухачевского очень опасным военным заговорщиком, которого в последний момент только поймали. Если бы не поймали, было бы очень опасно. Он наиболее авторитетный. Участвовал ли каждый из обвиненных и расстрелянных в том заговоре, который готовил Тухачевский? Я не сомневаюсь, что некоторые из них участвовали, некоторые могли попасть ошибочно. Или сочувствовали. Но что касается Тухачевского и наличия у него группы военных, связанных с троцкистами, правыми, готовящими заговор, тут сомнений нет»⁴. Похоже, Молотов знал об этом из первых рук, а не из вынужденных показаний Тухачевского. А уж какими ложными обвинениями дискредитировать несостоявшихся «декабристов» – дело другое. Под рукой уже есть отработанная на процес-

¹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953): Справочник. М., 2008. С. 200–208.

² Неизвестный А.С. Документальный фильм. 2006 – URL: http://documentalfilms.ucoz.ru/load/vooruzhenie_oruzhie_tekhnika/aviacija/aviakonstruktor_jakovlev_neizvestnyj_aehs/8-1-0-13212 (дата обращения: 12.10.2022).

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 411.

⁴ Там же. С. 418.

*Ян Эрнестович Рудзутак
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1.
Д. 653]*

сах и на февральско-мартовском пленуме схема: все, кто против Сталина – омерзительные шпионы, троцкисты, вредители, диверсанты, бессмысленно убивающие простых советских людей и стремящиеся расчленить страну в угоду германским фашистам и японским милитаристам.

После праздничного парада на Красной площади 1 мая вожди и часть военачальников собрались на квартире у Ворошилова, и Сталин заявил, что «враги будут разоблачены, партия их сотрет в порошок, и поднял тост за тех, кто, оставаясь верным, достойно займет свое место за славным столом в Октябрьскую годовщину»¹.

Уже на следующий день, 2 мая, был арестован командующий Уральским военным округом Б. Горбачев, которому предложили подписать признание о подготовке группой военных переворота, включая захват Кремля². Никакого шпионажа и вредительства. Горбачев подписал эти показания только 31 мая, после показаний других высокопоставленных военных. В финальных пока-

¹ Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 35.

² Виктор Б.А. Без грифа «Секретно»: Записки военного прокурора. М., 1990. С. 223.

заниях других генералов тема переворота уже сильно разбавлена «вредительством» и «шпионажем».

В самом начале мая Ежов передал своему заместителю М. Фриновскому задание искать заговор среди высшего командного состава. Самостоятельно решиться на такой «поворот» следствия Ежов не мог. Решение о переориентации следствия с бывших троцкистов на высшее командование мог принять только Сталин. Значит, в конце апреля, посоветовавшись с Молотовым и другими ближайшими соратниками, Вождь пришел к выводу, что группа генералов во главе с Тухачевским готовит его свержение.

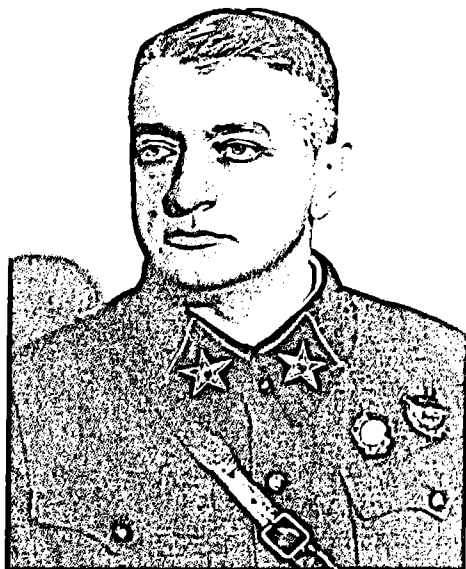
Команда Сталина действовала именно так, будто действительно столкнулась с угрозой переворота. Единоначалие в армии было ликвидировано 11 мая, отныне командиры делили власть с членами Военного совета, назначенными партией. Комиссары при командире – верный признак недоверия офицерству. Но провести в жизнь эти меры нельзя было немедленно.

Новое решение Политбюро от 10 мая должно было смешать планы заговорщиков и дать Сталину выигрыш во времени: Тухачевского нужно переместить с поста первого заместителя наркома на пост командующего Приволжским военным округом. Его сменит начальник штаба Егоров, того – начальник Ленинградского военного округа Шапошников, а в Ленинград из Киева переведут Якира. Штатное в общем перемещение, где понижался в должности только Тухачевский. Но при этом сразу несколько военачальников отрывались от «насиженных мест», и даже если заговорщические команды были во всех округах, нужно было время, чтобы восстановить связи. Сталин мог быть уверен, что в ближайший месяц переворота не произойдет.

Якира вызвали в Москву на 8 мая. Он полчаса побеседовал со Сталиным, Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым и был отпущен, но ненадолго. Затем Сталин вызвал Ежова, через десять минут – опять Якира. Вряд ли этот второй разговор (уже сорокаминутный) был приятным. После ухода Якира «узкий круг» Политбюро обсуждал ситуацию почти час¹.

Тухачевский в присутствии Молотова, Ворошилова и Кагановича встретился со Сталиным 13 мая. Тот объяснил решение Политбюро. Оказывается, порученец и знакомая Тухачевского

¹ На приеме у Сталина. С. 209.

*Михаил Николаевич
Тухачевский
1930-е
[Из открытых источников]*

были арестованы как враги народа, но со временем все образуется. Война не за горами. Как же без Тухачевского обойтись...

А тем временем арестованные ранее военные давали все новые показания¹. Способы следствия сегодня вызывают споры. Поначалу было очень рискованно просто выбивать нужные показания – ведь следователям еще не было известно, чем все кончится, а подследственных могли показать влиятельным руководителям. Что как они начнут демонстрировать синяки и раны? Так что трудно поверить, что Тухачевского и других высших руководителей армии сразу после ареста принялись избивать рядовые следователи, а те расплакались и признались в том, чего никогда не делали.

В течение недели 22–29 мая были арестованы Тухачевский, Якир, Уборевич, Эйдеман. Первые итоги операции Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Микоян обсуждали 29 мая. На следующий день было принято решение об отстранении от должности начальника Главного политического управления Гамарника, и 31 мая тот сводит счеты с жизнью. Почему? Ведь накануне с ним беседовал Блюхер и вроде бы уговаривал главного политрука принять участие в суде над арестованными. Если Гамарник был уверен в невиновности арестованных, стоило при-

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. 1937. С. 215–223.

*Климент Ефремович
Ворошилов*

1938

[РГАСПИ. Ф. 74.

Оп. 1. Д. 448. Л. 28]

нять участие в суде, во всем разобраться. Если Гамарник был обычным сталинистом – тем более. Не заметил заговора? Плохо, конечно. Но и Ворошилов проглядел. Он еще в мае не верил, что Тухачевский виновен, в чем признавался на расширенном заседании Военного совета 1–4 июня. Но Ворошилов не застрелился. Не считал себя причастным к раскрытому заговору, не боялся, что на суде вскроются компрометирующие его обстоятельства. Ворошилов торжественно заявляет, что понял свою ошибку и готов действовать: предстоит «проверить и очистить армию буквально до самых последних щелочек... может быть, в количественном отношении мы понесем очень большой урон»¹.

Ситуация становится более понятной, если принять, что все это и для Сталина было неожиданностью. На заседании Военного совета Сталин говорил: «Почему мы так странно прошляпили это дело? Сигналы были. В феврале был Пленум ЦК. Все-таки, как никак дело это наворачивалось, а вот все-таки прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных»². Странная оговорка – «мало кого мы сами». Если не «мы сами», то кто открыл?

¹ Военные архивы России. Вып. 1. С. 47.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина: Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 207.

Только предательство может обеспечить властям такую уверенность в виновности людей, на которых еще недавно рассчитывали. То, что произошло в мае – июне 1937 г. – это не превентивный удар по возможной в будущем военной оппозиции. Превентивные удары можно наносить иначе, более спокойно перемещая кадры. Сталин был большой специалист этого дела. А здесь – от перемещений 10 мая до ареста главного обвиняемого – менее двух недель.

В ночь на 12 июня Тухачевский, Якир и группа их подельников были расстреляны. Уже 20 июня было арестовано 980 офицеров, в том числе 29 комбригов, 37 комдивов и 21 комкор. У Сталина, Молотова, Кагановича и Ворошилова были основания опасаться недовольства отдельных военных на начальном этапе чистки партийных рядов. Однако если бы дело было только в этом, механизм репрессий в армии укладывался бы в планы февральско-мартовского пленума. Но события апреля – июня 1937 года наводят на мысль, что Сталин наносил не превентивный удар, а парировал внезапно обнаруженную смертельную опасность.

И это имело решающее значение для судеб страны. Чтобы обеспечить свою стратегию создания монолитного индустриально организованного общества, Сталин до апреля 1937 года методично проводил «антитеррористическую операцию», которая должна была завершиться разрушением кланов (прежде всего Ленинградского, Азово-Черноморского, некоторых отраслевых). Однако тотального уничтожения партийных кадров пока не требовалось. Враждебные силы были идентифицированы и взяты на прицел: бывшие оппозиционеры, лидеры нескольких партийных кланов.

Внезапная «угроза с тыла» привела Сталина и Молотова к выводу: оппозиционное движение организуется гораздо быстрее и шире, чем казалось, и даже неправовые методы НКВД не позволяют разоблачить врагов режима. Инстинкт самосохранения диктовал единственный выход – тотальный террор, кровавую чистку всех потенциально опасных групп, удары не по конкретным целям, а по площадям. Погибнут тысячи невиновных, но и заговорщики не выживут.

Решившись нанести «удары по площадям», Сталин вынужден был отказаться от многих старых планов. Задача разгрома целых блоков правящей элиты означала, что какое-то время некому будет управлять хозяйством страны (в условиях бюро-

кратизации экономики это означало паралич). Чистка «зараженных» кадров армии, дипломатии, Коминтерна и разведки означала, что во внешней политике теперь придется вести себя гораздо осторожнее. Репутация СССР в среде западноевропейских интеллектуалов серьезно пострадала. Но внутривнутриполитические ставки Сталина были важнее всех этих потерь.

Репрессии среди военных обеспечили Сталину достаточный перевес для разгрома партийных кланов. В мае 1937 года были схвачены первые не участвовавшие во фракциях и уклонах члены ЦК, начались массовые аресты партаппаратчиков в Ленинграде, а затем и по всей стране. Попытки сопротивления и протеста уже не имели под собой «материальной силы» и пресекались.

Покончив с «ядром военного заговора», Сталин нанес удар по политическому штабу своих противников. На пленуме ЦК 23–29 июня из ЦК был исключен 31 член. Некоторые были уже арестованы. Историк В. Роговин заметил, что «большинство из этих двадцати шести человек на предыдущем пленуме не выступали и не бросали реплик; несколько человек выступили лишь по настоятельному требованию Ежова и других сталинистов»¹. Нейтралитет в развернутой Сталиным борьбе был признаком ненадежности.

Сталину быстро удалось взять ситуацию под контроль — прежде всего из-за того, что партийно-чиновничье «болото» уже было деморализовано предыдущими арестами и не имело опоры в силовых структурах. Никто не мог защитить оппонентов в ЦК от наводнивших здание заседания пленума сотрудников НКВД, даже если бы оппозиция каким-то чудом теперь набрала большинство. По ходу пленума все, кто имел расхождения со Сталиным, были исключены из ЦК и вскоре арестованы. НКВД получил чрезвычайные полномочия, в том числе и на применение пыток к подсудимым.

Теперь Сталин приступил к систематическому разгрому большевистских кланов, независимо от того, были ли у него прежде претензии к их лидерам. В регионы выезжали комиссии во главе с кем-нибудь из членов Политбюро. Эти карательные экспедиции тщательно охранялись — к возможности сопротивления относились серьезно. Прибыв на место, представитель проводил пленум обкома, на котором снимал с постов прошлое руководство, арестовывая его практически поголовно.

¹ Роговин В. 1937. М., 1996. С. 440.

*Александр Яковлевич Аросев
1930-е
[Из открытых источников]*

Партийных аппаратчиков, связанных с ними представителей интеллектуальной элиты и просто случайных людей сотнями тысяч ставили к стенке и отправляли на гибель в лагеря. Чистка развивалась как эпидемия по каналам распространения слухов, дружеских и родственных связей. Арест брата, старого товарища или человека, с которым раньше делился информацией, означал смертельную угрозу.

Жертвой террора стал и друг детства Молотова А. Аросев. Неприятный звонок для Аросева прозвучал перед ноябрьскими торжествами 1936 года. Ему как председателю Всесоюзного общества культурных связей с заграницей полагался билет на трибуну Красной площади, который ему выдавал НКВД. А в этот раз билета он не получил, по поводу чего написал возмущенное письмо в НКВД. В ответ ему сообщили, что он был включен в список НКВД, но «НКВД исключил Вас из этого списка и билета для Вас не прислал»¹. Так что с НКВД и разбирайтесь. Видимо, Аросев обратился к Молотову, так как ответ НКВД осел в его архиве. Но на следующие ноябрьские праздники билет Аросеву уже не понадобился. В 1937 году была арестована его жена. Сам он сумел дозвониться Молотову: «Веча, я прошу тебя

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1036. Л. 3.

сказать, что мне делать?” Молотов повесил трубку... На какой-то звонок Молотов, наконец, отозвался. Произнес только два слова: – “Устраивай детей”¹.

Стало ясно, что Аросева тоже объявят троцкистом. Как в старости выразился о нем Молотов, «попал под обстрел в 30-е годы»². Аросева арестовали 3 июля 1937 года и расстреляли с группой большевиков 10 февраля 1938 года. Думал ли он перед смертью о тех, кого приговаривал к смерти, возглавляя ревтрибунал на Украине в 1920-м? «Попал под обстрел» – били по площадям. Молотов тоже нажимал на курок этого обстрела.

Оправдываясь на склоне лет за то, что не спас друга, в виновности которого отнюдь не был уверен, Молотов говорил, что знал о его аресте, но там же были «показания», разве он мог не доверять «органам»: «Как же я скажу, мне давайте. Я буду допрос, что ли, вести? Невозможно»³. Как мы видели – вполне возможно – Молотов участвовал в допросах, в частности Рудзутака. Мы увидим его участие в допросах Тевосяна. Он знал цену и показаниям, и «органам». Однако следовал общей установке зачистить партию от любых намеков на инакомыслие. А если в этих условиях начинаешь защищать друга – значит дрогнул, проявил кумовство. Наблюдая, как на плаху ведут его друга, Молотов спасал свою голову.

А ведь как член Политбюро он мог отстоять человека, которого считал невиновным. Молотов рассказывал: «Была назначена комиссия по вопросу о Тевосяне, когда его арестовали. В эту комиссию я входил, Микоян, Берия... Приходит один инженер, другой, третий. Все говорят, что он вредитель... Тевосян тут же сидит, дает ответы, разоблачает, кроет их вояку! Мы сопоставили показания и убедились, что все обвинения – чепуха, явная клевета. Его оправдали, он остался членом ЦК, продолжал работать. Сталину доложили – он согласился»⁴.

Микоян излагает эту историю иначе и подробнее. По его воспоминаниям, после того как против Тевосяна были выдвинуты обвинения (арестован он не был), Сталин санкционировал проведение очных ставок с участием Микояна, Молотова, Ежова и Берии. Допросив обвинителей (арестованных инженеров)

¹ Аросева О.А., Максимова В.А. Указ. соч. С. 86.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 130.

³ Там же. С. 422.

⁴ Там же. С. 437.

*Иван Федорович
(Ованес Тевадросович)
Тевосян
1930-е
[Из открытых источников]*

при Тевосяне и выслушав его объяснения, четверка приехала к Сталину.

«Он спрашивает: “Ну как дела?”

Я сказал: “Первое обвинение, выдвинутое против Тевосяна, чепуховское, а в главном обвинении – он доказал, что он прав”.

“Вячеслав, а ты как?” – спрашивает Сталин. Молотов сказал, что здесь не все ясно. Нельзя, как Микоян, безоговорочно утверждать. Надо еще выяснить. И больше никаких аргументов не привел». Микоян утверждает, что именно после этого случая стал хуже относиться к Молотову¹.

Расстрельные списки для НКВД, представляемые на утверждение членам Политбюро, назывались «альбомами». Таких «альбомов» Молотов подписал 372 из 388. Иногда первым, иногда после Сталина, после чего подписи ставили другие члены Политбюро, до кого доходили «альбомы» – Каганович, Ворошилов, Жданов, в нескольких случаях – Микоян и Косиор. Всего в списках было около 45 тысяч фамилий, из которых около 5000 – к 10 годам заключения, остальные – к расстрелу². Иногда казнь

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 321–324.

² Интернет-публикация списков см.: Сталинские расстрельные списки – URL: stalin.memo.ru (дата обращения: 23.02.2022).

откладывалась, но очень редко отменялась. Решения оформлялись Военной коллегией Верховного суда: диверсии, шпионаж – преступления военные...

Когда четверть века спустя М. Суслов сообщил в прессе о визах Молотова на списках обреченных на расстрел партийцев, Вячеслав Михайлович 9 апреля 1964 года написал в редакцию «Правды»: «Суслов хорошо знает, что Молотов не принимал и не мог принимать таких решений. Указанная приписка могла означать только одно, а именно, что в ЦК было принято соответствующее решение»¹. Это самооправдание было нелепым – ЦК был фактически разгромлен в середине 1937 года, а решения о расстрелах принимала «пятерка», к которой иногда привлекались остальные члены Политбюро. Так что решение принимали или хотя бы одобряли всего несколько человек, включая Молотова.

Они наметили несколько социальных «площадей» для массированных ударов, и 2 июля 1937 года направили секретарям обкомов, крайкомов, ЦК республиканских компартий соответствующую телеграмму. Она требовала «представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих выселению»². Распоряжение создавать чрезвычайные тройки поступило 9 июля, а 31 июля Политбюро расширило список социальных категорий, подлежащих уничтожению: бывшие члены оппозиционных партий, антисоветские элементы, содержащиеся в тюрьмах. Расстреливались также бывшие члены оппозиций и вообще подозрительные.

С 5 по 15 августа в каждом регионе предстояло начать операцию массовых арестов и расстрелов, которую закончить в четырехмесячный срок, то есть, к концу года. На основании инфор-

¹ Цит. по: Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 1. С. 405–406.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД: Архив Сталина. С. 234–235.

мации о количестве «антисоветских элементов», поступившей с мест в Москву, регионам «доводились» лимиты по каждой из двух категорий. Всего было предписано арестовать 259 450 человек, из них 72 950 расстрелять. Затем эти лимиты увеличивались. К концу 1938 года по этой операции было арестовано около 400 тысяч человек. При таких темпах работы тройки не вникали в суть дела и выносили решения из личных предпочтений и социальных признаков. Опыт был еще со времен красного террора.

Решения о «массовых операциях» доказывают, что уничтожение тысяч людей, на деле непричастных к оппозиционной деятельности, не было вызвано инициативой и злоупотреблениями НКВД. Процесс твердо контролировался Сталиным, Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым. Историк О.В. Хлевнюк считает: «...утверждения о высокой степени автономности и бесконтрольности местной репрессивной инициативы кажутся преувеличенным». Это подтверждают и «материалы руководящих инстанций, в том числе “особые протоколы” заседаний Политбюро, в которых фиксировались решения о проведении репрессивных акций. Основываясь на этих документах, можно утверждать, что “чистка” 1937–1938 гг. была целенаправленной операцией, спланированной в масштабах государства. Она проводилась под контролем и по инициативе высшего руководства СССР... Даже короткое перечисление далеко не всех акций, составлявших то, что известно как “Большой террор”, дает основания для вывода о сугубой централизации массовых репрессий. Это не означает, конечно, что в репрессивных операциях 1937–1938 гг., как и во всех других государственно-террористических акциях, не присутствовала известная доля стихийности и местной “инициативы”. На официальном языке эта стихийность называлась “перегибами” или “нарушениями социалистической законности”. К “перегибам” 1937–1938 гг. можно отнести, например, “слишком большое” количество убитых на допросах или превышение местными органами лимитов на аресты, установленные Москвой, и т. д. ...Однако подобная “стихийность” и “инициатива” местных властей была запланирована, вытекала из сути приказов из центра, из назначения на первые роли в НКВД жестоких исполнителей и пресечения малейших попыток противодействовать террору»¹. Известная степень автономии местным карателям предоставлялась: они могли сами решать,

¹ Хлевнюк О.В. Политбюро. С. 188, 193.

*Георгий Максимилианович
Маленков
1930-е
[РГАКФД. № 10314]*

кто будет расстрелян, кто отправится в лагеря, а кого не тронут. Цель Сталина заключалась в том, чтобы дезорганизовать социальную базу сопротивления.

В январе 1938 года Сталин, похоже, стал склоняться к тому, что задачи террора уже выполнены, а его продолжение может вызвать новую волну сопротивления, хотя бы из чувства самосохранения. 11–20 января 1938 года остатки членов ЦК собрались на « пленум ». Кворум уже был арестован, даже с учетом перевода кандидатов в члены ЦК на октябрьском пленуме 1937 года. Январский пленум подтвердил исключение из ЦК ранее арестованных коллег, однако основной вопрос повестки дня давал надежды на скорейшее прекращение террора: « Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков ». С докладом выступил заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК Г. Маленков – даже не кандидат в члены ЦК. Сталин демонстративно игнорировал формальные правила.

Маленков рассказывал о судьбах людей, исключенных из партии в 1935–1936 годах. Комиссия партийного контроля в ряде областей восстановила в рядах партии от 40 до 75 % исключенных. К пленуму НКВД даже арестовало несколько клеветников, кото-

рые в 1937 году участвовали в разгромах партийных организаций, обвиняя их руководителей в политических преступлениях.

Героями дня стали С. Косиор и В. Чубарь, назначенные заместителями Молотова в Совнарком. Также уверенно выступал 1-й секретарь Сибирского крайкома Р. Эйхе. Вскоре они будут расстреляны. Возможно, в это время Сталин уже готовил процесс «перегибщиков», чтобы красиво закончить террор, свалив ответственность за него на таких деятелей, как Постышев, Косиор, Чубарь, Эйхе, Блюхер и Егоров.

Перед финальным витком террора 2–13 марта 1938 года прошел третий показательный процесс над бывшими оппозиционерами. На скамье подсудимых оказались и лидеры «правых» (Н. Бухарин, А. Рыков), и несколько бывших троцкистов (Х. Раковский, Н. Крестинский). Вместе с ними судили видных руководителей, до ареста не замеченных в рядах оппозиции. Их собрали вместе, чтобы доказать: против партии сплотились разнообразные влиятельные силы, способные погубить государство рабочих и крестьян. Все видные подсудимые, входившие в ленинскую команду, были расстреляны¹.

В старости Молотов вспоминал об обвинениях против Бухарина в диалоге с Ф. Чуевым: «Не могу сказать, что это было доказано полностью, по крайней мере для меня, но он вступил в заговор с эсерами для убийства Ленина»².

Здесь заметно колебание Молотова – и для него эти обвинения не вполне доказаны. Но как еще оправдать самого себя, если собственными руками рыл могилу доброму и достойному уважения товарищу.

28–29 июля был осуществлен массовый расстрел ранее арестованных бывших партийных и государственных руководителей. Это уничтожение без суда было началом конца террора. Сталин решил не устраивать новых процессов.

Количество жертв террора колоссально. По данным КГБ СССР в 1930–1953 годах репрессиям подверглись 3 778 234 человека, из которых 786 098 было расстреляно, а остальные направлены в лагеря – гигантские рабовладельческие хозяйства системы ГУЛАГ³. В 1937–1938 годах было арестовано 1 372 329 человек,

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. 1937. С. 278–291.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 196.

³ Известия. 1990. 13 февраля.

из которых 681 692 были расстреляны¹. В 1937–1938 годах в лагерях умерло 115 922 заключенных². Всего в 1934–1947 годах в лагерях умерло 962,1 тысяч человек, из которых более половины – во время войны³. Таким образом, можно говорить о более чем полутора миллионах погибших в результате репрессий 30-х годов. Это были жертвы на алтарь абсолютного централизма.

На склоне лет Молотов утверждал: «1937 год был необходим... Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны». Точка зрения, распространенная и сейчас. Будто все расстрелянные спали и видели, как бы перейти на сторону Гитлера. В это не верил и сам Молотов: «Я не допускаю, чтобы Рыков согласился, Бухарин согласился на то, даже Троцкий – отдать и Дальний Восток, и Украину, и чуть ли не Кавказ, – я это исключаю, но какие-то разговоры вокруг этого велись, а потом следователи упростили это». Нет, версия с «пятой колонной», с переходом масс коммунистов на сторону внешнего врага даже Молотову не казалась убедительной. Но Молотов продолжал твердить: «Пришлось бы и отражать немецкий удар, и внутри бороться»⁴. Отсутствие внутренних разногласий, следование единой воле позволило дойти от Москвы и Волги до Берлина. Да только сначала эта единая воля допустила ситуацию, при которой Красная армия откатилась к Москве и Волге.

Молотов признавал, что часть репрессированных была уничтожена или пострадала безвинно: «В острой такой борьбе, в такой сложной, которая проводилась руками не всегда проверенных людей, иногда, может быть, злостно помогавших уничтожению хороших людей, и такие были, безусловно... Девять там, восемь, скажем, правильно, а два или один – явно неправильно». Молотов часто возвращался к этому вопросу в беседах, когда уже был на пенсии. Он то брал на себя ответственность за террор наряду со Сталиным, то кивал на перегибчиков, карьеристов и самих подследственных, которые доводили обвинения до абсурда специально, чтобы навредить партии. И однажды назвал главный мотив террора, уже не кивая на дурных исполнителей: «Конечно, требования исходили от Сталина, конечно, переборщили, но

¹ Коммунист. 1990. № 8. С. 103; Источник. 1995. № 1. С. 120.

² Население России в XX в.: Социологические очерки. М., 2000. С. 319.

³ Социологические исследования. 1991. № 6. С. 14–15, 19.

⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 390, 401, 406.

я считаю, что все это допустимо ради основного: только бы удерживать власть»¹.

Чтобы поставить под контроль Ежова, 22 августа 1938 года его первым заместителем назначили члена ЦК, друга Сталина Л. Берия. Постановление СНК и ЦК «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября признало «крупнейшие недостатки и извращения в работе органов НКВД и Прокуратуры». Оно осудило практику так называемых «лимитов» для производства массовых арестов и следственный произвол: «Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях»². Аресты предписывалось осуществлять только по постановлению суда или с санкции прокурора.

Правда, чтобы у следователей не возникло излишних опасений насчет «недозволенных методов следствия», 10 января 1939 года Сталин направил на места «указание ЦК», в котором разъяснял, что методы физического воздействия можно применять³.

Инструкция ЦК ВКП(б) 14 ноября 1938 года обязывала горкомы, обкомы, крайкомы и республиканские ЦК брать на учет ответственных работников НКВД на своей территории. Отныне с господством органов безопасности над партийными было покончено. Более того, парторганизациям доверили утверждать кандидатуры кадров НКВД. 15 ноября Молотов и Сталин подписали телеграмму, которой приостанавливали (фактически — прекращали) рассмотрение дел тройками, военными трибуналами и Военной коллегией Верховного суда СССР в упрощенном порядке. Сталинская фемида теперь могла работать без спешки.

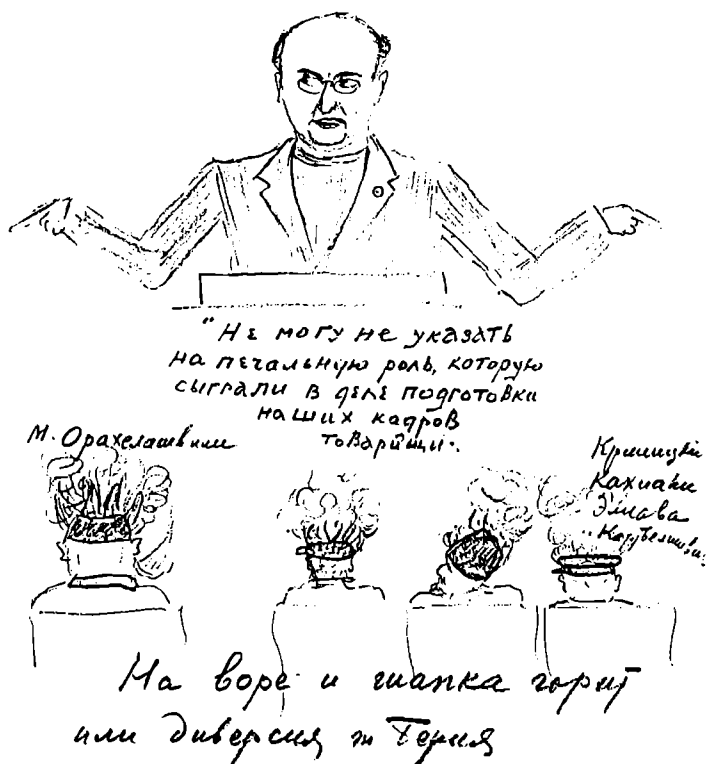
Наркома внутренних дел Ежова освободили от должности 25 ноября 1938 года, в 1940 году его расстреляют. Берия провел новую чистку НКВД, на этот раз от излишне ретивых ежовских кадров. Вышинский 1 февраля 1939 года докладывал Сталину и Молотову о разоблачении группы чекистов, уличенных в том, что они встали «на путь подлогов и фабрикаций фиктивных дел»⁴. Теперь его волновало и то, что «условия содержания заключен-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 391, 394, 402.

² Хлевнюк О.В. Политбюро. С. 213.

³ Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 40–41; Источник. 1994. № 6. С. 114.

⁴ Советское руководство: Переписка. С. 399.

Лаврентий Павлович Берия («На воре и шапка горит или диверсия т. Берия»)

Автор В.И. Межлаук

4 марта 1937

[РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 170. Л. 85]

ных являются неудовлетворительными, а в отдельных случаях совершенно нетерпимыми»¹. Часть дел была пересмотрена. В 1939 году было освобождено более 327 тысяч заключенных.

В идейном и управленческом смысле СССР окончательно превратился в монолит. Теперь каждый крестьянин, рабочий и интеллигент цепочкой руководящих кадров был связан с вождем, решения которого должны выполняться неукоснительно. Куда он повернет государственный руль – туда устремится вся энергия советских людей и построенного в 30-е годы промышленно-

¹ Там же. С. 389.

го комплекса. Все важнее становилась военная составляющая этого комплекса — перестроенная в идеальную иерархическую пирамиду страна входила в полосу мирового военного шторма. И Молотов стоял одесную главного рулевого, которому предстоит провести СССР через этот шторм. Вячеславу Михайловичу придется и самому над этим немало потрудиться.

ГЛАВА VI

НА ПУТИ К ПАКТУ (1939)

Вячеслав Михайлович вышел из машины и взглянул на памятник Воровскому. Странная фигура, но точно передающая митинговый стиль 20-х годов. Ох уж эти мастера красного словца, повелители бурлящих масс. Теперь иные времена. Солидные речи, твердые формулировки, мерная поступь колонн трудящихся и красноармейцев. Без выкрутасов, которые так живо передает памятник. Воровский, конечно, герой, погибший на боевом посту. Получил пулю от врага СССР. А если бы прожил еще полтора десятка лет, от товарища Ежова пулю бы получил...

Мог ли подумать об этом Молотов? Почему бы нет. Он не был наивным энтузиастом, выверявшим свои взгляды по очередному выпуску «Правды», хорошо знал цену и славословиям, и обличениям, видел, как товарищи превращаются во врагов в той ожесточенной борьбе, которую ведет Партия. А теперь в этой борьбе тылы укреплены, исчезли надоедливые говоруны и ядовитые интриганы. Близится решающая мировая схватка, к которой они готовились со времен Ленина. А на передовой рубеж этой схватки встает он, Молотов, которому теперь доверен пост наркома иностранных дел.

Впрочем, вполне возможно, что Вячеслав Михайлович просто скользнул взглядом по памятнику и прошел в здание НКВД, ставшее его новым местом работы по совместительству. Ведь кресло председателя Совнаркома также оставалось за ним, и там была гора текущих дел. Так что Молотов не испытывал радостных чувств, обычно сопровождающих новое назначение, да еще на такую интересную работу. Для

Вячеслава Михайловича это была и новая ответственность, и новый уровень перегрузки делами.

О чем Молотов наверняка думал, поднимаясь по ступеням здания – это о том неважном наследии, которое оставил ему Литвинов. Винават ли в этом сам Максим Максимович или это результат мировых тенденций – но ситуация сложилась тяжелейшая. И ему, Молотову, предстоит ее исправлять под мудрым руководством Сталина. Об ответственности Сталина за сложившуюся ситуацию Вячеслав Михайлович скорее всего не думал. Об этом он запретил себе думать уже давно.

Г. КТО «ЗАГРЕБАЕТ ЖАР»

Осенью 1938 года внешнеполитическое положение СССР резко ухудшилось. Кризис вокруг Чехословакии закончился полной победой Гитлера, который сумел договориться со всеми основными игроками, кроме СССР. Москва оказалась в изоляции. Пессимистично складывалась ситуация в Испании, где республиканцы оставили свой плацдарм на Эбро. Стало ясно, что пошел обратный отсчет времени существования Испанской республики. Значит Италия и Германия уже не будут всерьез отвлекаться на Испанию, и их взгляды теперь устремлены на Восток. А на нашем Дальнем Востоке японские самураи продолжают продвигаться вглубь Китая и точат мечи после первой пробы сил на Хасане. Очевидно, этот конфликт – не последний, и в любой момент в далеких от Москвы, но стратегически важных краях может начаться новая война.

Что делать? Они то и дело обсуждали это в узком кругу у Сталина. Мир империализма сжимал петлю вокруг Советского Союза. Неужели СССР – следующая жертва договорившихся между собой хищников? Ильич умел использовать межимпериалистические противоречия. Еще недавно казалось, что мы научились делать это даже лучше. И вот полный крах политики «коллективной безопасности», то есть союза с Великобританией и Францией против Германии. Партнеры оказались ненадежны, по сути перешли на сторону врага. Или все-таки можно как-то снова возбудить эти противоречия?

В отчетном докладе XVIII съезду ВКП(б) 10 марта 1939 года Сталин изложил картину мировой борьбы: «Поджигатели войны» стравливают СССР и Германию из-за Украины, стремясь «загрести жар чужими руками», то есть сдерживать агрессора ценой жертв со стороны СССР, а самим оставаться в безопас-

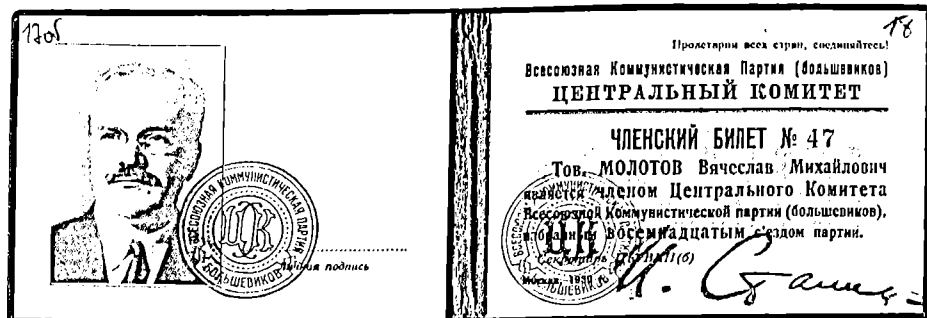
ности. Конечно, СССР, верный своей политике «коллективной безопасности», по-прежнему готов помогать жертвам агрессии, но только при условии, что это будут делать и страны Запада. Затем Сталин проанализировал отношения двух империалистических группировок. Политику «Оси» он обрисовал так: «Война против интересов Англии, Франции и США? Пустяки! “Мы” ведем войну против Коминтерна, а не против этих государств. Если не верите, читайте “антикоминтерновский пакт”, заключенный между Италией, Германией и Японией». Сталин назвал эти действия стран «Оси» «неуклюжей игрой в маскировку». Он сигнализировал Западу: будьте сговорчивее с СССР, иначе поплатитесь. Но сигнал получили и немцы: их используют в чужой игре. Сторонники умиротворения стремятся «не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны глубоко увязнуть в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, – выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, в “интересах мира” и продиктовать ослабленным участникам войны свои условия. И дешево, и мило!»¹

Эту речь на Западе прозвали «каштановой», так как при ее пересказе в прессе было употреблено выражение «таскать каштаны из огня» для других. Это то, что Сталин не рекомендовал делать Гитлеру. Советологи гадали впоследствии, явилось ли выступление Сталина первым сигналом к дальнейшему советско-германскому сближению. На эту мысль их навел Молотов, который, когда сближение уже состоялось, стал превозносить прозорливость Сталина. Молотов был несомненно посвящен в его планы, и раз он связывает речь на съезде и советско-германский пакт, то между двумя событиями связь должна иметься...

Однако текст речи не позволяет согласиться с Молотовым. Никаких призывов к сближению с нацистами в речи нет, есть лишь попытка отвлечь их от атаки против СССР, поощрение антизападных намерений фюрера, о которых ходили лишь слухи. Есть попытка сравнить «империалистов». Поскольку к марту 1939 года эти противоречия назрели и вскоре после речи Сталина зримо проявились, может возникнуть впечатление, что Сталин их и вызвал к жизни подобно магу-заклинателю.

Гитлер и без сталинской подсказки уже почувствовал, что премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен пытается его

¹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1946. С. 569–570.

*Членский билет № 47 В.М. Молотова, избранного в ЦК ВКП(б) на XVIII съезде партии
1939*

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1507. Л. 17–18]

использовать, и что кончиться это все может мировым господством Великобритании. Поэтому Гитлер повернул именно в ту сторону, куда хотелось Сталину – взял курс на конфликт с Великобританией.

Молотов, конечно, тоже выступал на XVIII съезде ВКП(б) – о третьем пятилетнем плане. Со вторым все получилось как нельзя лучше: «Победа второй пятилетки у всех перед глазами». Она состоит даже не в статистических показателях, а в том, что «полностью ликвидированы все эксплуататорские классы, навсегда уничтожены причины, порождающие эксплуатацию человека человеком и разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых». Правда, социализм построен «только в основном», план по строительству электростанций выполнен на 55 %, планирование в СССР «кабинетное, оторванное от жизни». Но все-таки наши пятилетки гораздо лучше, чем «фашистские кабальные четырехлетки». Молотов, сославшись на Ленина и Сталина, ставит задачу «догнать и перегнать также и в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки». Задача вполне посильная, ведь «большевистскую душу нашему делу дает труд, мысль, слово нашего Сталина!»¹

¹ Молотов В.М. Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б). Саранск, 1939. С. 5–28, 72–73.

*Максим Максимович
Литвинов
Автор Е.М. Ярославский
[РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 1.
Д. 158. Л. 19]*

Чтобы Молотов не чувствовал себя главным триумфатором съезда, Сталин заставил его в заключительном слове признать ошибку, правда незначительную – Вячеслав Михайлович в своем докладе не отразил дискуссию о плане¹ (хотя сам, как мы видели, планирование покритиковал).

По итогам съезда был создан новый ЦК из переживших террор аппаратчиков. В Политбюро помимо «ветеранов» сталинской команды вошли Жданов и Хрущев. Молотов с согласия Политбюро занялся реорганизацией управления экономикой. Количество наркоматов выросло. Все больше внимания Молотов и Сталин уделяли обороне и международной ситуации.

Весной 1939 года, явно с подачи Сталина, Молотов начинает вмешиваться в работу НКВД все активнее. Формально он имеет на это право как глава правительства. Но раньше Литвинов замыкался на Сталина, а теперь Молотов сделал ему выволочку по поводу подбора ненадежных сотрудников. Литвинов пытался оградить свое ведомство от такого вмешательства, но в дело вступил НКВД, были произведены аресты работников НКВД.

¹ Там же. С. 76.

Десять лет спустя с подобными проблемами на посту главы внешнеполитического ведомства столкнется и сам Молотов. Но сейчас ветер истории дул ему в спину.

2. ПЕРВЫЕ ЗОНДАЖИ

С 3 мая 1939 года Молотов совмещал посты председателя Совнаркома и наркома иностранных дел. Сталин исходил из того, что Молотов и так в последнее время все больше занимается проблемами обороны и внешнеполитической стратегии. Провал «прозападной» линии Литвинова ставил вопрос о трудном маневрировании, что требовало абсолютно надежного человека «на внешней политике». Молотов в 30-е годы вполне доказал свою надежность. Сталин надеялся, что он будет более напорист в давлении на британских и французских партнеров, чем Литвинов.

Максим Максимович уступил место Вячеславу Михайловичу как раз в тот момент, когда забрезжила надежда на возрождение политики «коллективной безопасности». Гитлер «кинул» своих партнеров по Мюнхенскому пакту, которым обещал больше не трогать Чехию: 15 марта 1939 года германские войска вошли в Прагу. В ответ Великобритания и Франция предоставили гарантии безопасности Польше. Если Гитлер захочет поступить с ней как с Чехословакией, то Великобритания и Франция объявят войну Германии.

Гитлер как раз и собирался сделать Польшу следующей целью своей экспансии. А раз есть риск прямого столкновения с Великобританией и Францией, то самое время изолировать их от потенциальных союзников, и прежде всего от СССР.

Гитлер в своей публичной речи 1 апреля обрушился на тех, кто «таскает каштаны из огня» чужими руками. Это была фактическая отсылка к образу из речи Сталина. Всем было ясно, что советский руководитель имел в виду англичан и французков. Гитлер решил шантажировать Запад прозрачным намеком на то, что ответом на гарантии Польше будет взаимопонимание со Сталиным. Но пока дальше этого Гитлер не пошел, а британцы 15 апреля предложили СССР дать гарантии Польше. Через два дня СССР выдвинул контрпредложение: «Англия, Франция и СССР заключают между собой соглашение сроком на 5–10 лет со взаимным обязательством оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Евро-

пе против любого из договаривающихся государств». Такая же помощь должна быть оказана «восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств»¹. Получив советские предложения, в Лондоне и Париже стали думать.

Когда Наркомат иностранных дел возглавил Молотов, в Берлине решили прощупать – не означает ли это серьезных перемен в советской внешней политике. Повод представился вполне приличный – советские дипломаты добивались выполнения старых заказов, сделанных СССР в Чехии. По этому вопросу 5 мая к заведующему восточно-европейской референтурой политико-экономического отдела МИДа Германии К. Шнурре зашел советник советского посольства Г. Астахов. Но речь пошла также о переменах в советском Наркомате иностранных дел. Астахов затронул тему смены наркома и попытался, не задавая прямых вопросов, прозондировать, не изменится ли отношение Германии к СССР. Шнурре отвечал неопределенно, но благосклонно. Астахов знал, кого спрашивать: в декабре – январе именно Шнурре лоббировал улучшение советско-германских торговых отношений, но неудачно.

Молотов и министр иностранных дел Германии Риббентроп решили не прерывать этих бесед своих подчиненных. Теперь Молотов и Сталин стали играть на двух досках одновременно – и на англо-французской, и на германской. Беседы Астахова и Шнурре пошли чаще. Одновременно на возможность расширения торговых связей стал намекать германский посол Ф.-В. фон Шуленбург. Германии срочно нужно было советское сырье. Почувствовав германский интерес к потеплению отношений, 20 мая Молотов сказал Шуленбургу: «Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана политическая база»².

На совещании с военными Гитлер 23 мая поставил задачу войны с Польшей, из которой, вполне возможно, вырастет война с Западом, а может быть, и с СССР. Но германскому руководству хотелось бы избежать войны на два фронта, и 26 мая Шуленбург получил указание активизировать контакты с Молотовым.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 1. М., 1992. С. 283.

² Там же. С. 386–387.

Дело, однако, не сдвигалось с мертвой точки – пока у Кремля были другие планы.

3. МОСКОВСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И ГЕРМАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ

Великобритания и Франция 27 мая ответили на советские предложения согласием с идеей военного союза. Это охладило Москву в «немецкой игре». Казалось, что партнеров по «коллективной безопасности» уже удалось достаточно напугать. Однако этот этап «принюхивания» имел большое значение и стал первым внешнеполитическим достижением Молотова. Были созданы каналы, по которым можно было практически немедленно возобновить переговоры, не привлекая внимание «мировой общественности».

Согласие Великобритании и Франции на идею военного союза с СССР встретило сопротивление Польши. Она, как стало известно 6 июня, «быть четвертым не хочет, не желая давать аргументы Гитлеру»¹. И все же 6–7 июня руководители Великобритании и Франции приняли за основу советские предложения. Можно было начинать переговоры.

К Сталину лидеры стран Запада относились не лучше, чем к Гитлеру, и сближение с ним было явно вынужденным. Британцы намеревались «тянуть» с переговорами, чтобы и соглашения не заключать, и держать Гитлера под угрозой создания могучей коалиции против него. Еще 19 мая Чемберлен заявил в парламенте, что «скорее подаст в отставку, чем заключит союз с Советами»². Британская дипломатия тоже предпочитала играть на двух досках. В июле Чемберлен обсуждал возможности как-то передать Германии Данциг. Его министр иностранных дел Э. Галифакс считал, что «пока идут переговоры, мы можем предотвратить переход Советской России в германский лагерь»³.

Молотов пригласил прибыть на переговоры в Москву своих коллег – глав правительств Чемберлена и Даладье. Ради Гитлера подобное путешествие они легко проделывали. На худой конец хватило бы министров иностранных дел. Но Лондон и Па-

¹ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 189.

² Цит. по: Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. М., 1991. С. 160.

³ 1939. Предвоенный кризис в документах. М., 1992. С. 87.

риж ответили, что переговоры будут вести послы. Это не могло не возмутить Молотова. Что же это за переговоры такие?! С послами он и так может пообщаться. А главное – послы не смогут подписать соглашение. Это значит, что переговоры в Москве носят заведомо предварительный характер. И это в условиях, когда ситуация в Европе вот-вот может привести к войне.

Чемберлена ситуация в Европе тоже тревожила, и он решил придать переговорам импульс. Да такой, что сделал только хуже. В Москву 14 июня прибыл У. Стрэнг, начальник Центрально-европейского бюро МИДа Великобритании, который был направлен как эксперт в помощь послу У. Сидсу. Но Стрэнг, представлявший Форин-офис, выглядел как глава делегации. Так он и воспринимался Кремлем. Столь низкий уровень представителя британского МИДа был оскорбителен и убеждал Молотова в несерьезности намерений Великобритании. По сути, она свела публичные переговоры почти на тот уровень, на котором велись секретные консультации с Германией – главным партнером главы советского правительства и его внешней политики был просто чиновник МИДа.

Молотов нашел способ выразить свое недовольство. Чтобы подчеркнуть неравенство уровней делегаций, он разместился в зале переговоров выше партнеров, которые вынуждены были делать записи на коленке. Это возмущало их не меньше, чем Молотова – оскорбительно низкий уровень его визави. Но Стрэнг был особенно озабочен не тем, как организованы переговоры, а самим фактом того, что приходится их вести: «Это просто невероятно, что мы вынуждены разговаривать о военных тайнах с Советским Союзом, даже не будучи уверенными в том, станет ли он нашим союзником»¹.

Молотов и Сталин решили публично высказать партнерам свое «фи»: 29 июня член Политбюро ЦК ВКП(б) Жданов опубликовал в «Правде» статью под названием, неофициально выражавшим мнение товарищей по высшему руководству СССР: «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР».

Перед лицом угрозы срыва переговоров партнеры стали работать энергичнее. К середине июля текст договора был в основном согласован. Чемберлен 12 июля признал, что СССР готов

¹ Цит. по: Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991. Т. 1. С. 537.

заключить договор. Это была проблема – договорились слишком быстро. Ведь британцы и французы предпочли бы вести переговоры подольше, ссылаясь на неуступчивость советской стороны. И немцев переговорами пугать, и в итоге не связывать себя обязательствами в отношении СССР. Ведь если Гитлер бросится воевать с СССР, а Великобритания и Франция фактически останутся в стороне – это ли будет плохо для западных элит?

Камнем преткновения на переговорах о политическом соглашении стал вопрос о «косвенной агрессии», который выдвинул Молотов. Выражение это было взято из английских гарантий Польше. Под косвенной агрессией понималось то, что Гитлер проделал с Чехословакией: не напал на эту страну, но заставил ее капитулировать под угрозой нападения и спровоцировал отделение Словакии.

Казалось бы, со стороны англичан не должно было последовать возражений против применения их же терминологии. Действительно, западные партнеры были согласны оказать помощь жертве как прямой, так и косвенной агрессии – однако только в ситуации, аналогичной чехословацкой, когда Гитлер прямо угрожал вторжением, после чего чехи сдались. Молотова же мало интересовали юридические тонкости подобного рода. Какая разница, угрожает Гитлер или не угрожает? Гораздо важнее, может ли Гитлер выдвинуть свои войска к границам СССР. Какая разница, будет ли появление германской группировки в странах Балтии результатом угрозы агрессии, или они примут эти войска с дорогой душой? Но с точки зрения международного права, конечно, есть большая разница, приглашены войска в страну его правительством добровольно или вошли туда под угрозой вторжения.

Чтобы как-то объединить эти разные ситуации, Молотов 9 июля решил внести расширенное определение «косвенной агрессии»: государство-жертва «соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы» произвести действие, «которое влечет за собой использование территории и сил этого государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон»¹. То есть неважно, добровольно согласилось правительство соседней с СССР страны принять несо-

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. М., 1981. С. 133.

ветские войска, или это было сделано под угрозой насилия. Важно другое – приблизились враждебные войска к СССР или нет.

Распространение гарантий на страны Прибалтики, которые их не просили, было совершенно невыгодно Великобритании и Франции, но настолько же принципиально для советских лидеров, которые видели в Прибалтике северный фланг возможной агрессии против СССР. Молотову было совершенно все равно, согласятся ли Эстония, Латвия и Литва стать плацдармом для нападения на СССР под давлением Германии или без оно-го. Прогерманские силы имелись в каждой из этих республик. А страны Запада вовсе не желали воевать с Гитлером, если тот начнет битву с СССР за Прибалтику.

Обосновать задачу, которую ставил перед партнерами Молотов, с помощью терминологических ухищрений не получалось – слишком далека была советская формулировка от чешского прецедента. Партнеры попытались вернуть Молотова к исходному толкованию «косвенной агрессии», убрав двусмысленные слова «или без такой угрозы». Может быть, хитроумный Литвинов придумал бы какое-то еще обоснование или формулировку, но Молотов продемонстрировал новый стиль переговоров. Он «уперся». Партнеры могли быть довольны – они и так надеялись загнать переговоры в тупик.

Но в это время французское руководство уже не на шутку было обеспокоено военной угрозой Германии, от которой Франция, в отличие от Великобритании, не была отгорожена морем. Министр иностранных дел Франции Ж. Бонне писал послу в Лондоне: «Колебания британского правительства накануне решающей фазы переговоров рискуют сегодня скомпрометировать не только судьбу соглашения, но и саму консолидацию нашей дипломатической и стратегической позиции в Центральной Европе». При этом Франция «предпочитает трудности, которые может повлечь принятие русского определения косвенной агрессии, серьезной и намеренной опасности, которая последовала бы за провалом, окончательным или временным, переговоров»¹. Особенно обидно было то, что кризис возник, когда остальные положения договора уже были согласованы.

В начале июля французский посол Наджиар предложил разрешить противоречия по поводу стран Прибалтики в секретном протоколе, чтобы не толкать их в объятия Гитлера самим фак-

¹ 1939. Предвоенный кризис в документах. С. 17.

*Вернер фон дер Шуленбург
1930-е
[Из открытых источников]*

том договора, который фактически ограничивает их суверенитет. «В течение лета 1939 года это было первое серьезное предложение относительно включения в договор секретного дополнительного протокола. Оно исходило от французской стороны»¹, — отмечает германский историк И. Фляйшхауэр. Первоначально Молотов не воспринял идею секретного протокола, но затем она получит развитие в советско-германских переговорах.

Нежелание партнеров согласиться на формулу Молотова (несмотря на некоторые частные уступки с их стороны) раздражало его, тем более что длительные заседания отвлекали председателя Совнаркома от более срочных дел. В телеграмме своим коллегам в Париже и Лондоне он назвал партнеров «жуликами и мошенниками» и сделал пессимистический вывод: «Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет»².

А раз так, Молотов решил больше внимания уделить германскому направлению. Тем более, что оттуда тоже следовали миролюбивые зондажи. 28 июня Шуленбург предложил Молотову

¹ Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 202.

² Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 140.

обсудить высказанную ранее советским наркомом мысль «относительно создания политической базы в отношениях между Германией и СССР». Он сообщил стратегическую информацию о намерениях Гитлера: «...германское правительство желает не только нормализации, но и улучшения своих отношений с СССР». И добавил, что это заявление, сделанное им по поручению Риббентропа, одобрено Гитлером. Молотов спросил, что конкретно предлагает германская сторона. Но Шуленбург посчитал, что и так сказал очень много. Не получив ясного ответа, Молотов отреагировал: «Если посол и теперь, после поездки в Берлин, ничего другого не предлагает, то, очевидно... он считает, что в советско-германских отношениях все обстоит благополучно, и посол – большой оптимист»¹.

Советское руководство требовало – экономические выгоды вперед. Немцы боялись делать решительные шаги. Гитлер, по словам статс-секретаря МИДа Э. фон Вайцзеккера, «опасался, что из Москвы под громкий смех последует отказ»². Фюрер был раздосадован и 29 июня решил, что такая игра на советских условиях ему не нужна: «...мы в настоящее время не заинтересованы в возобновление экономических переговоров с Россией»³.

Но столкнувшись с проблемами на франко-британском направлении, Молотов 18 июля дал команду возобновить консультации с немцами о заключении хозяйственного соглашения, о чем было публично заявлено через четыре дня. Это обеспокоило британцев и французов, и, чтобы не сорвать переговоры с СССР окончательно, они на следующий же день согласились на советское предложение одновременно вести переговоры по политическому соглашению и по военным вопросам. Молотов добился своего. Ведь разработка конкретного плана совместных военных действий против Германии была более важным вопросом, чем даже определение «косвенной агрессии». Если удастся согласовать план реального удара по Германии в случае ее нападения на Польшу, то ее вторжение в Прибалтику вряд ли состоится.

Для ведения военных переговоров партнеры направили в Москву военные делегации. Однако их состав также не впечатлил советскую сторону, которая выставила на переговоры нар-

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1237. Л. 373–374.

² Флийшхауэр И. Указ. соч. С. 162.

³ СССР – Германия. 1939: Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс, 1989. С. 19.

кома обороны Ворошилова. Французов представлял бригадный генерал Э. Думенк. Английскую делегацию возглавил адъютант короля и начальник военно-морской базы в Портсмуте адмирал Р. Дракс, человек весьма далекий от вопросов стратегии, и притом резко критически настроенный в отношении СССР. Маршал авиации Ч. Барнет должен был компенсировать некомпетентность Дракса, но он мало что понимал в сухопутных операциях. Британская делегация получила инструкцию продвигаться медленно, пропуская вперед политические переговоры, и давать как можно меньше информации. Думенку рекомендовали действовать по обстоятельствам в контакте с англичанами, но тоже больше слушать, чем сообщать.

Миссия союзников села на пароход (не самолетом же лететь!) 5 августа и прибыла в СССР 11-го. Куда торопиться...

Барнет признал: «Я понимаю, что политика правительства – это затягивание переговоров, насколько возможно, если не удастся подписать приемлемый договор». Американский автор У. Ширер недоумевает: «Трудно понять приверженность англичан политике затягивания переговоров в Москве»¹. Мотивы, однако, очевидны. Было неясно, чьим союзником станет СССР. К тому же британское руководство еще не решило, с кем предпочтительнее вступать в союз самой Великобритании. В июле в Лондон на заседание Международного комитета по делам беженцев прибыл сотрудник Геринга Г. Вольтат. С ним начались консультации советника Чемберлена Г. Вильсона и министра внешней торговли Р. Хадсона. Речь шла не о беженцах. План Вильсона, изложенный им Вольтату 21 июля и германскому послу Дирксену 3 августа, предполагал заключение германо-британского пакта о ненападении, который поглощал бы систему гарантий, данную Великобританией странам Восточной Европы. Сферы интересов двух стран в Европе разграничивались так, что за Гитлером признавалась гегемония в Восточной и Юго-Восточной Европе. Предусматривались также соглашения об уровнях вооружений, урегулировании колониальных претензий Германии и предоставление ей крупного кредита.

Вильсон считал, что «соглашение должно быть заключено между Германией и Англией; в случае, если было бы сочтено желательным, можно было бы, конечно, привлечь к нему Италию и Францию». Мюнхенский состав, новые горизонты... Когда

¹ Ширер У. Указ. соч. С. 538.

Вольтат поинтересовался, насколько эти идеи разделяет Чемберлен, Вильсон предложил немецкому гостю пройти в соседний кабинет и получить подтверждение у самого премьера. Не имея полномочий вести переговоры на столь высоком уровне, Вольтат отказался, но все услышанное передал в посольство и по начальству.

Гитлер в это время уже назначил сроки нападения на Польшу и готов был противостоять Франции и Великобритании на западе, пока вермахт на востоке быстро сокрушит Польшу. Фюрер считал, и британские зондажи убеждали его в том же, что склонные к «умиротворению» британские и французские лидеры вновь согласятся договориться с победоносной Германией. Но этот план было бы невозможно осуществить, если Польшу поддержит СССР. В этом случае война на востоке затянется, и у союзников не будет резона договариваться с Гитлером. Германия окажется в окружении. Фюрер этого допустить не мог.

Едва стало известно о готовности Молотова поговорить о расширении торговли, Шуленбург 22 июля получил указание прозондировать с ним улучшение политических отношений. В конце июля Шнурре поручили встретиться с советскими представителями и возобновить консультации на ту же тему. Шнурре пригласил пообедать Астахова (в связи с отъездом советского посла А. Мерекалова он стал поверенным в делах СССР в Германии). В неформальной обстановке ресторана Шнурре обрисовал этапы возможного сближения двух стран: возобновление экономического сотрудничества путем заключения кредитного и торгового договоров, затем улучшение политических отношений, включающее участие официальных лиц в культурных мероприятиях друг друга, затем заключение договора между двумя странами либо возвращение к договору о нейтралитете 1926 года, то есть к «рапалльским» временам. Такой план предполагал постепенное неторопливое сближение. Затем Шнурре сформулировал принцип, который затем будет повторять Риббентроп: «Во всем районе от Черного моря до Балтийского моря и Дальнего Востока нет, по моему мнению, неразрешимых внешнеполитических проблем между нашими странами». К тому же, развивал свою мысль Шнурре, «есть один общий элемент в идеологии Италии, Германии и Советского Союза: противостояние капиталистическим демократиям... Коммунизм в Германии искоренен... Сталин отложил на неопределенный срок мировую революцию». Согласившись с необходимостью улучшения отношений, Астахов

уточнил, что из-за прежнего недоверия «ждать можно только постепенного изменения»¹.

Убеждая Молотова в выгоде этой ситуации, Астахов предлагал «втянуть немцев в далеко идущие переговоры», чтобы «сохранять козырь, которым можно было бы в случае необходимости воспользоваться». Сначала Молотов осторожничал, телеграфировав Астахову: «Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, вы поступили правильно». Но как соблазнительно было получить «козырь» в игре с Западом, а одновременно выторговать экономические выгоды у Германии! И Молотов, посоветовавшись со Сталиным, отправил новую телеграмму Астахову: «Между СССР и Германией, конечно, при улучшении экономических отношений, могут улучшиться и политические отношения. В этом смысле Шнурре, вообще говоря, прав... Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение... Дело зависит здесь целиком от немцев. Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно же, приветствовали бы»². Руководители СССР не питали симпатий к нацизму, но готовы были относиться к Германии так же, как к своим ненадежным партнерам на Западе Европы.

Астахов встретился 2 августа уже со Шнурре и статс-секретарем МИДа Германии Э. фон Вайцзеккером. Разговор шел о перспективе торгового соглашения. И вдруг «Вайцзеккер, заметив, что он вообще настроен оптимистически, неожиданно добавил, что случайно сейчас в своем кабинете находится Риббентроп, который желал бы меня видеть». Министр иностранных дел Германии радушно встретил советского дипломата и заявил, что благополучное завершение торговых переговоров может послужить началом политического сближения. Идеологические противоречия, конечно, останутся, но «что касается остальных вопросов, стоящих перед нами, то никаких серьезных противоречий между нашими странами нет. По всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского морей, мы могли бы без труда договориться»³. Эту мысль министр повторил в разных вариантах несколько раз.

¹ СССР – Германия 1939. С. 21–24.

² Год кризиса. 1938–1939. М., 1990. Т. 2. С. 139–145.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 568.

Риббентроп не скрывал, что предложенный им раздел сфер влияния связан с перспективой войны в Европе. «Не будет такой войны, которую проиграл бы Адольф Гитлер», «Данциг будет наш», «Мы не относимся серьезно к военным силам Польши» и за неделю – десять дней «мы сможем начисто выбрить Польшу». Нарисовав победные перспективы, Риббентроп сменил тон на миротворческий: «Но мы надеемся, что в этом не будет необходимости»¹. Однако из доклада Астахова Молотову стало ясно, что сближение с СССР нужно Германии в преддверии нападения на Польшу.

Германский министр поставил перед советским представителем альтернативу: «Если Москва займет отрицательную позицию, мы будем знать, что происходит и как нам действовать. Если случится обратное, то от Балтийского до Черного моря не будет проблем, которые мы совместно не сможем разрешить между собой». Риббентроп с гордостью писал: «Я сделал тонкий намек на возможность заключения с Россией соглашения о судьбе Польши». Астахов просил конкретизировать германские предложения, но Риббентроп хотел для начала знать, «желает ли советское правительство вести вообще какие-либо разговоры на эту тему»². Риббентроп просил Астахова о крайней конфиденциальности этой беседы.

К Молотову 3 августа пришел Шуленбург и подтвердил серьезность намерений Берлина: «В этой беседе Астахов спросил Шнурре, предполагают ли более авторитетные лица из германского правительства подтвердить все сказанное Шнурре. Шуленбург имеет поручение германского правительства подтвердить высказанное Шнурре»³. Это был хитрый ход: Молотов теперь знает, что все серьезно, но не может заявить публично о германской инициативе в пропагандистских целях – ведь никаких письменных подтверждений у него на руках нет.

Теперь Молотов понимал, что Гитлер и Риббентроп крайне заинтересованы в договоренности о нейтралитете в ближайшее время, срочно. Значит, можно диктовать условия. Несмотря на выгодность такой дипломатической позиции, Сталин и Молотов в это время по-прежнему предпочитали договориться с Велико-

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1237. Л. 398–399.

² СССР – Германия 1939. С. 27–28.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1237. Л. 404.

британией и Францией, продолжая переговоры с ними о военном союзе.

Молотов 7 августа указал Астахову: «Считаем неподходящим при подписании торгового соглашения предложение о секретном протоколе»¹. На следующий день тот ответил: «По всем признакам подписание торгово-кредитного соглашения не за горами (если, конечно, не произойдет каких-нибудь сюрпризов, на которые немцы такие мастера). Поэтому я позволю себе сделать кое-какие предположения насчет тех объектов возможных политических разговоров, которые имеют в виду немцы»². После подписания экономического договора немцы хотели бы «освежения» рапалльского договора или заключения нового. Немцы готовы были бы объявить свою незаинтересованность к судьбе Эстонии, Латвии, Бессарабии, восточной части польского государства и отмежеваться от претензий на Украину. За это они желали бы иметь от советского руководства подтверждение в незаинтересованности в судьбе Данцига и западной части Польши³. Таким образом, германская инициатива, вылившаяся затем в договор 23 августа, была доведена до Молотова только 8 августа. Пока у них со Сталиным сохранялась свобода рук – британско-франко-советские переговоры еще не мешали начальной фазе советско-германского сближения.

Военные переговоры в Москве, которые, как казалось Молотову, могли бы вытянуть из замкнутого круга политические дискуссии, зашли в тупик из-за Польши. Вновь в центре внимания оказался чехословацкий опыт. В 1938 году СССР был готов оказать помощь жертве агрессии, но Красной армии путь через Польшу был закрыт. Тогда Польша фактически выступила на стороне Германии. Может быть, теперь все будет иначе? Нет, поляки твердо встали на защиту своих восточных границ. Польский главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы заявил: «Независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам»⁴. «Военное совещание вскоре провалилось из-за отказа Польши и Румынии пропустить русские войска, – с печалью вспоминает У. Черчилль. – Позиция

¹ Год кризиса. Т. 2. С. 177.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1237. Л. 392.

³ Там же. Л. 392–395; Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 586.

⁴ Цит. по: Мельтюхов М.И. Советско-польские войны... С. 194.

Польша была такова: “С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими – нашу душу”¹ (фраза маршала Рыдз-Смиглы).

Ситуация была крайне опасна для СССР. Следовала простая комбинация: Германия нападает на Польшу, наносит ей поражение. Великобритания, Франция и СССР объявляют войну Германии. После этого французы и англичане топчутся у германской оборонительной линии Зигфрида, а основные сражения разворачиваются на Восточном фронте. После всех комбинаций умиротворения такая стратегическая ловушка представлялась наиболее вероятной. Собственно, Польша через месяц как раз в нее и попала.

Еще 17 апреля Молотов поставил перед польским послом В. Гржибовским вопрос об участии СССР в британско-французских гарантиях. 11 мая Польша категорично ответила, что не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР.

На втором заседании переговоров о военном союзе 13 августа нарком обороны Ворошилов заявил: «наше (СССР) участие в войне возможно только на территории соседних с нами государств, в частности Польши и Румынии»². Он предложил конкретный план прохода советских войск через польскую территорию по двум узким коридорам. Варианты ведения войны, изложенные начальником генерального штаба РККА В. Шапошниковым, своей конкретностью особенно впечатлили Думенка, который, в отличие от британских коллег, разбирался в сухопутных операциях. Но поляков такой план не мог устроить: советские войска должны были занять спорную с Литвой территорию Виленского края и западную часть украинских земель. Уйдут ли они оттуда после войны?

Польский посол во Франции Ю. Лукасевич 16 августа сообщил в Варшаву, что французский министр иностранных дел Бонне проинформировал его о советском плане прохода войск через польскую территорию и посоветовал принять его. Министр иностранных дел Польши Ю. Бек был возмущен: «недопустимо, когда эти государства дискутируют о военном использовании территории другого суверенного государства»³.

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 1. С. 177.

² Год кризиса. Т. 1. С. 207.

³ Цит. по: Корнат М. Польша между Германией и Советским Союзом (1938–1939). Политические концепции министра Ю. Бека и меж-

*Борис Михайлович
Шапошников*

1930-е

[Из открытых источников]

Столкнувшись с сопротивлением поляков, союзники предложили заключить конвенцию без их согласия (теперь припугнуть Гитлера было бы весьма актуально даже для Чемберлена), но тут уж отказался Ворошилов. Красная армия должна иметь право войти в Польшу в первый день войны, а не после разгрома польской армии.

К попыткам французов сдвинуть польскую позицию с мертвой точки встревоженные британцы присоединились 17 августа — после отказа Гитлера от переговоров с ними. Но поляки остались непоколебимы. Польский посол Лукасевич заявил в беседе с Бонне: «Чтобы вы сказали, если бы вас просили доверить охрану Эльзас-Лотарингии Германии?»¹ И Эльзас, и Западная Украина были приобретениями, в надежности которых собеседники не были уверены. Удрученный Бонне считал, что отказ пропустить советские войска равнозначен тому, что «Польша приняла бы на себя ответственность за возможный провал военных переговоров в Москве и за все вытекающие из этого последствия»².

дународная обстановка // Международный кризис 1939 года в тракто-
ках российских и польских историков. М., 2009. С. 376.

¹ 1939. Предвоенный кризис в документах. С. 19.

² Цит. по: Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Оте-
чественной войны. 1939–1941. М., 1997. С. 79.

Когда мировая война уже разразилась, Сталин рассказывал Черчиллю: «У нас сложилось впечатление, что правительства Англии и Франции не приняли решения вступить в войну в случае нападения на Польшу, но надеялись, что дипломатическое объединение Англии, Франции и России остановит Гитлера. Мы были уверены, что этого не будет...» Сталин привел в пример такой диалог с представителем союзников: «“Сколько дивизий – спросил Сталин, – Франция выставит против Германии после мобилизации?” Ответом было: “Около сотни”. Тогда он спросил: “А сколько дивизий пошлет Англия?” Ему ответили: “Две, и еще две позднее”. “Ах две, и еще две позднее, – повторил Сталин. – А знаете ли вы, сколько дивизий мы выставим на германском фронте, если мы вступим в войну против Германии?” Молчание. “Более трехсот»¹. Сталин преувеличивал свои намерения трехлетней давности (все-таки во время разговора с Черчиллем шла Великая Отечественная война, когда выставить пришлось все, что было, и еще больше). На переговорах 1939 года Ворошилов заявил, что СССР выдвинет против Германии 136 дивизий. Правда, и это было больше, чем могли выдвинуть французы (в реальности за время польско-германской войны они сумели сосредоточить 78 дивизий), и несопоставимо больше, чем британцы, пытавшиеся дирижировать всем европейским концертом.

Молотов непосредственно не участвовал в военных переговорах, но, конечно, был в курсе складывающейся там ситуации. Его скепсис относительно возможности договориться с Великобританией и Францией получал все больше подтверждений. Что же, пора было отвечать на немецкие предложения. Молотов и Сталин выжидали почти неделю, оценивая ситуацию на военных переговорах. Лишь 14 августа Астахов сообщил Шнурре, что Молотов согласен обсудить и улучшение отношений, и даже судьбу Польши. Пока нацистов, запланировавших удар по полякам на 26 августа, подводила их собственная игра в «мы не торопимся». Астахов сообщил, что «упор в его инструкциях сделан на слове “постепенно”»².

Тогда нацистские лидеры решили отбросить ложную гордость и попросили Молотова ускорить дело. Риббентроп 15 августа направил Шуленбургу инструкцию – предложить советской стороне принять в ближайшее время визит крупного руководителя

¹ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 1. С. 177–178.

² СССР – Германия. 1939. С. 29.

Германии. Это предложение следовало зачитать Молотову, но не отдавать в руки. Если дело сорвется, он не должен получить бумаг.

Выслушав германского посла, Молотов согласился, что быстрая в этом вопросе нужна. Он прекрасно понимал, что «польский вопрос» разрешится в ближайшее время то ли войной, то ли новым Мюнхеном. СССР должен получить пользу от любого исхода. Молотов и Шуленбург обсудили ситуацию подробнее. В итоге приятной беседы Молотов опять разочаровал немецкого посла – визит Риббентропа следовало тщательно подготовить, «чтобы все не ограничилось просто беседами, проведенными в Москве, а были приняты конкретные решения»¹. СССР должен что-то получить от визита, который может окончательно сорвать переговоры с Великобританией и Францией. Ставки повышались.

Молотов и Сталин сполна воспользовались германским цейтнотом, ничего не обещая и выслушивая предложения Берлина – ну, и что вы еще нам предложите, чтобы заинтересовать СССР в нейтралитете?

Риббентроп то и дело посылал Шуленбурга к Молотову, обещая все больше и больше: совместно гарантировать безопасность Прибалтийских государств (чего не удалось добиться от Великобритании и Франции), содействовать улучшению советско-японских отношений, заключить поскорее выгодное экономическое соглашение, лишь бы Риббентропа поскорее пустили в Москву. Когда Шуленбург появился у Молотова 17 августа, тот уже проконсультировался со Сталиным и дал ответ на предыдущий запрос Риббентропа: «Советское правительство принимает к сведению заявление германского правительства о его действительном желании улучшить политические отношения между Германией и СССР...» Далее следовало перечисление прошлых обид, однако «раз уж теперь германское правительство меняет свою прежнюю политику», оно должно для начала доказать серьезность своих намерений и заключить экономические договоры: выделение Советскому Союзу кредита в 200 миллионов марок на семь лет и поставки ценного оборудования. Сначала – договоры, потом – все остальное. А вот следующим шагом можно заключить пакт о ненападении или подтвердить старый договор о нейтралитете 1926 года. И, наконец,

¹ СССР – Германия. 1939. С. 37.

самое интересное: «с одновременным подписанием протокола, который определит интересы подписывающихся сторон в том или ином вопросе внешней политики и который явится неотъемлемой частью пакта». В этом протоколе можно оговорить все, вплоть до отношения к Польше, ради чего немцы и городили весь огород. Но о разделе сфер влияния и секретности протокола речь не шла.

Несмотря на прохладный и высокомерный тон советского заявления, лед понемногу таял. Молотов был доволен предложением немцев прислать не мелкого чиновника, как британцы, а министра.

Риббентроп, демонстрируя серьезность намерений, немедленно снова послал Шуленбурга к Молотову, на этот раз – с проектом пакта, простым до примитивности: «Германское государство и СССР обязуются ни при каких обстоятельствах не прибегать к войне и воздерживаться от всякого насилия в отношении друг друга». Второй пункт предусматривал немедленное вступление в действие пакта и его долгую жизнь – 25 лет. СССР и Германия не должны были воевать до 1964 года. В специальном протоколе Риббентроп предлагал провести «согласование сфер интересов на Балтике» и т. д. Так впервые из уст Риббентропа прозвучала тема «сфер интересов».

Молотов ответил Шуленбургу коротко и ясно: если экономические соглашения будут подписаны сегодня, то Риббентроп может приехать через неделю – 26 или 27 августа. Это было поздновато для немцев – как раз в эти дни они планировали напасть на Польшу. К тому же Молотова удивил по-дилетантски составленный проект пакта. Советские государственные деятели, которые уже далеко ушли от революционной юности, привыкли работать более солидно. Они предложили немцам взять за основу один из уже заключенных пактов и составить проект как положено, с несколькими статьями и принятыми дипломатическими оборотами. На предложение Шуленбурга передвинуть сроки визита Риббентропа «Молотов возразил, что пока даже первая ступень – завершение экономических переговоров – не пройдена»¹. Было часа три дня 19 августа 1939 года.

¹ Там же. С. 40–47.

4. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

Прошло полчаса, и Шуленбурга опять вызвали к Молотову. Явно что-то произошло. Оказывается, после встречи с послом Молотов имел возможность сделать доклад «советскому правительству». Советское правительство в тот момент – это Сталин и его ближайшее окружение. В этот день Сталин в 13:40–13:55 переговорил с Молотовым и Микояном. Тогда, видимо, была и намечена «дообеденная» линия поведения в отношении Германии. Затем Сталин никого до вечера не принимал в Кремле. Вечером он долго – с 17:35 до 20:25 – говорил с Молотовым с глазу на глаз. Так что получается, что решение о повороте во внешней политике СССР было принято 19 августа Сталиным и Молотовым вдвоем. Может быть, они пообедали вместе или прогулялись по Кремлю, взвешивая «за» и «против».

Вот-вот мог состояться «новый Мюнхен» – германо-польское соглашение под давлением Великобритании и Франции. Важно, чтобы на этот раз к переговорам был допущен СССР. Поскольку Лондон и Париж действовали за спиной Москвы, Молотов рассчитывал сделать ставку на Берлин, чтобы Советский Союз вновь не попал в изоляцию.

Если «новый Мюнхен» не состоится – начнется вторжение вермахта в Польшу. Ее армия скорее всего не устоит. Можно было бы помочь полякам, пока они еще могли сопротивляться. Но вступать в войну, когда поляки уже будут разгромлены, советские руководители не хотели – это было бы уже крайне опасно для СССР. А пускать Красную армию на свою территорию до начала войны польское руководство не собиралось. Получалось, что вмешиваться в войну на стороне Польши не следовало. Если западные союзники помогут Польше и совместными усилиями разгромят Германию – тоже хорошо. Опасность Советскому Союзу со стороны Гитлера будет устранена без пролития крови советских солдат. А если Гитлер окажется сильнее – можно объединить Украину и Белоруссию под красным флагом. Тогда германские войска окажутся достаточно далеко от Киева и Минска. Да и хорошо бы, чтобы у Гитлера больше не было поводов разыгрывать украинскую карту.

Можно, конечно, остаться нейтральным и не принимать участия в разделе Польского государства. Это означало возвращение к внешнеполитической ситуации 1927–1933 годов и конца 1938 года – уход в глухую оборону в ожидании, когда столкнове-

ние «империалистических хищников» приведет к революциям. Но такая стратегия была весьма рискованной. Выбор времени удара по СССР оставался за противником. Момент начала советско-германской войны удалось бы отодвинуть на несколько лет – пока Гитлер не расправится с Францией и Великобританией. А затем СССР останется один на один с объединенной Гитлером фашистской Европой и Японией, опирающейся на ресурсы Китая и Индии...

Сталин и Молотов предпочли другой вариант, вытекавший из традиционной европейской политики, – участие в разделах, усиление своих стратегических позиций перед будущим столкновением. Они решили: внешняя политика СССР меняет направление. Не прекращая переговоров с англо-французскими империалистами, посмотрим, что предложат немецкие, и если предложат больше – возьмем.

Вечером 20 августа Сталин провел в Кремле расширенное совещание, где, судя по составу участников, обсуждались идеологические (Жданов), экономические (Микоян, Вознесенский, Тевосян и др.) и военные (Кулик) аспекты дела. Хотя, возможно, Сталин занимался и текучкой.

Аппарат НКВД тоже не терял времени даром. Уже на второй встрече с Молотовым 19 августа Шуленбург получил проект пакта о ненападении, составленный по всем правилам дипломатической науки. Одного только там не было – обычного для «литвиновских» пактов указания, что документ теряет силу в случае агрессии одной из сторон против третьего государства¹. И Сталин, и Молотов прекрасно понимали, зачем Гитлеру пакт.

Вечером 19 августа Молотов отдал советским дипломатам распоряжение не тормозить экономические переговоры с Германией. В ночь с 19 на 20 августа торгово-кредитное соглашение было подписано. СССР получал 200 млн марок, на которые мог покупать германское оборудование, а долги гасить поставками сырья и продовольствия.

Рискуя престижем, 20 августа Гитлер направил Сталину личное послание, чтобы подтолкнуть нового партнера принять Риббентропа 22 или 23 августа. В своем письме он подтверждал советский проект пакта и информировал о близящемся столкновении Германии и Польши – времени оставалось мало.

Получив письмо, Сталин отдал команду Ворошилову, и тот 21 августа зачитал западным военным миссиям заявление, в ко-

¹ СССР – Германия. 1939. С. 48.

тором говорилось, что переговоры могут быть возобновлены, как только будет решен вопрос о пропуске войск через Польшу.

В тот же день Сталин поблагодарил Гитлера за письмо и согласился на прибытие Риббентропа 23 августа. Этому дню суждено было стать историческим.

Когда Гитлер узнал, что Риббентроп может ехать в Москву 23 августа, он воскликнул: «Это стопроцентная победа! И хотя я никогда этого не делаю, теперь я выпью бутылку шампанского!»¹

Поскольку Польша своим несогласием на проход войск заблокировала военные переговоры в Москве, заключение британско-франко-советского союза до близившейся развязки германо-польского конфликта перестало быть реальной альтернативой германо-советскому сближению. Очевидно, что после заключения пакта о ненападении между СССР и Германией военное соглашение вообще не могло быть заключено. Ворошилов 22 августа встретился с Думенком, который как раз накануне получил согласие правительства на подписание военной конвенции, если ее проект все-таки будет подготовлен. Ворошилов сказал: «Французское и английское правительства теперь слишком затянули политические и военные переговоры. Ввиду этого не исключена возможность некоторых политических событий...»² Возможность была именно не исключена. Переговоры с Риббентропом могли еще и сорваться.

5. ПАКТ И ПРОТОКОЛ

Риббентроп прилетел в Москву 23 августа. На аэродроме его встречал не Молотов, а его заместитель В. Потемкин. Это объяснимо – ведь формально, как председатель правительства, Молотов был равен не Риббентропу, а самому Гитлеру.

Кортеж министра въехал в Кремль – этот символ загадочного государства, нависавшего над востоком Европы, скованного железной дисциплиной и вдохновленного абсурдной идеологией марксизма. Хотя Маркс был евреем, но вдохновлялся немецкой философией. Все в этой стране заимствовано у германской культуры – государство, идеи, техника... Придет время, и немецкие солдаты будут маршировать по этой площади перед Кремлем. Ресурсы этой богатой страны потекут в Германию широким по-

¹ Цит. по: Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 37.

² Цит. по: Черчилль У. Указ. соч. Кн. 1. С. 178.

током. Лишнее население будет выселено в Азию, пусть им занимаются японцы. Эти варварские купола, напоминающие мечети, мы, наверное, снесем. А кремлевскую крепость можно и оставить — у нее вполне европейский вид, похож на итальянский. Но это потом. А сейчас не время. У фюрера другие планы. Ресурсы России нужны уже сейчас. И нейтралитет, а то и помощь этих наивных азиатов под красным знаменем. Нужно проявить всю возможную любезность, чтобы обвести их вокруг пальца...

Риббентропа принимал Молотов, но в переговорах участвовал лично Сталин. Сначала советские лидеры были настроены сухо и по-деловому. Они по-прежнему не знали, насколько нацисты настроены договариваться всерьез. Или они просто используют переговоры для того, чтобы давить на «Антанту» (ведь симметрично вели себя англичане и французы). Сталин и Молотов не стали поддерживать начатые Риббентропом разговоры о «духе братства» двух народов, а принялись деловито торговаться.

Советская сторона приняла немецкие поправки к проекту пакта, кроме помпезной преамбулы о дружбе. В окончательном виде документ предусматривал:

«Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами». «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу». В итоговой формулировке было не важно, кто станет инициатором войны. То есть Гитлер и Риббентроп получали карт-бланш от Сталина и Молотова для нападения на Польшу.

Статья 3 предусматривала взаимные консультации по вопросам, представляющим взаимный интерес. Статья 4 фактически аннулировала Антикоминтерновский пакт: «Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны»¹. После этого Антикоминтерновский пакт пришлось заменять Тройственным пактом, который был заключен 27 сентября 1940 года. Но и военная конвенция СССР с Великобританией и Францией стала теперь невозможной.

Статья 5 предусматривала создание комиссий для урегулирования споров и разногласий. По настоянию немцев была впи-

¹ Правда. 1939. 24 августа.

сана формулировка о «дружественном» обмене мнениями. По предложению немцев договор заключался на десять лет и должен был вступить в действие немедленно.

Сложнее шел раздел сфер влияния. Риббентроп предложил линию, примерно соответствующую «линии Керзона» (объявленной в 1919 году восточной границей этнической Польши), за которую германские войска не намерены заходить в случае войны. Территория восточнее этой линии была признана сферой интересов СССР. Риббентроп предложил СССР распоряжаться судьбой Финляндии и Бессарабии. Прибалтику было решено поделить на сферы интересов: Эстонию – Советскому Союзу, Литву – Германии. По поводу Латвии разгорелся спор. Риббентроп пытался «отбить» в немецкую сферу влияния Либаву и Виндаву, но эти порты были нужны Советскому Союзу. Сталин и Молотов знали, что соглашение Гитлеру дороже, чем два порта и вся Латвия в придачу. И так советская сфера влияния была меньше, чем владения Российской империи. Гитлер не стал упрямиться и отдал Латвию, сообщив свое решение Риббентропу в Москву. Впрочем, если бы советские лидеры настаивали на других требованиях, Гитлер был готов уступать «вплоть до Константинополя и проливов»¹.

В итоге секретный протокол к пакту о ненападении предусматривал: «1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими сторонами». Из этой фразы не следует, что речь идет о ликвидации государственности перечисленных стран.

«2. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательны ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства, будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий.

В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия». Важно, что и здесь еще не говорит-

¹ Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 280.

ся о полной ликвидации Польского государства. Претендуя на часть этнической Польши, Сталин и Молотов фиксировали свою претензию на участие в переговорах о судьбе Польши, если они начнутся. Пока пакт не предусматривал конкретных территориальных изменений и даже оккупации «сфер интересов».

Уступки Германии на Балканах ограничивались возвращением СССР Бессарабии, которую он и так считал незаконно оккупированной Румынией: «З. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях»¹.

Советско-германский пакт о ненападении, известный как пакт Молотова – Риббентропа, был подписан в ночь на 24 августа 1939 года. Проявив дополнительную дипломатическую любезность, Молотов подписался на немецком экземпляре латинскими буквами – W Molotow. Пакт был датирован 23 августа.

После подписания документов с плеч участников переговоров свалилась гора – срыв встречи означал бы стратегический провал для обеих сторон. Разговор пошел гораздо дружелюбнее.

В ходе беседы с Риббентропом «Сталин и Молотов враждебно комментировали манеру поведения британской военной миссии в Москве, которая так и не высказала советскому правительству, чего же она в действительности хочет». Риббентроп, поддержав ценную для него антианглийскую тему, сказал, что «Англия слаба и хочет, чтобы другие поддерживали ее высокомерные претензии на мировое господство». «Господин Сталин живо согласился с этим... Англия еще господствует в мире... благодаря глупости других стран, которые всегда давали себя обманывать. Смешно, например, что всего несколько сотен британцев правят Индией... Сталин далее выразил мнение, что Англия, несмотря на слабость, будет вести войну ловко и упрямо».

Беседуя с Риббентропом, Сталин сказал, что «есть предел его терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она может ее получить». Это был сигнал для Токио, и там он был услышан, тем более, что вкупе с разгромом 6-й японской армии под Халхин-Голом слова Сталина звучали особенно убедительно.

Риббентроп заявил, что «Антикоминтерновский пакт был, в общем-то, направлен не против Советского Союза, а против западных демократий». Он даже пошутил: «Сталин еще присоеди-

¹ СССР – Германия. 1939. С. 62–64.

нится к Антикоминтерновскому пакту». Это был зондаж. Через год такая возможность будет обсуждаться более серьезно.

Важную роль играли и тосты на банкете по поводу успешного проведения мероприятия. Сталин сказал: «Я знаю, как сильно германская нация любит своего вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье». Молотов и Риббентроп пили за Сталина, причем советский премьер специально подчеркнул, что нынешнее изменение международной обстановки началось с речи Сталина на съезде, «которую в Германии правильно поняли»¹. Молотов затем публично развивал эту мысль: «т. Сталин бил в самую точку, разоблачая происки западноевропейских политиков, стремящихся столкнуть лбами Германию и Советский Союз»². Теперь, когда дело было сделано, можно было в порядке восхваления вождя таким образом интерпретировать пассаж сталинской речи о межимпериалистических противоречиях. Во время беседы Сталин показал Риббентропу, что прекрасно осведомлен о германо-британских переговорах. Когда министр упомянул об очередном зондаже англичан, Сталин произнес: «Речь, видимо, идет о письме Чемберлена, которое посол Гендерсон 23 августа вручил в Оберзальцберге фюреру»³. Сталин понимал, какой может быть альтернатива советско-германскому пакту. Британско-германский пакт.

Дата 23 августа стала одной из рубежных в мировой истории, и споры о пакте разделяют историков, да и образованных людей, идеологическими барьерами. Для одних пакт – необходимая мера защиты страны от гитлеровского нападения. Для других – преступление, которое обрекло народы Европы на раздел между двумя тоталитарными режимами. Подводя итог заключению пакта между СССР и Германией, Черчилль утверждал, что «только тоталитарный деспотизм в обеих странах мог решиться на такой одиозный противоестественный акт»⁴. Политик здесь явно возобладал над историком, что часто случается в повествовании Черчилля. Он «забыл», что всего годом ранее государства Запада, которые Черчилль вовсе не считал тоталитарными и деспотичными, пошли в Мюнхене на столь же «одиозный и противоестественный акт».

¹ СССР – Германия. 1939. С. 67–69.

² Правда. 1939. 1 сентября.

³ Цит. по: Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 315.

⁴ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 1. С. 179.

Сталин снова не ошибся в Молотове, направив его на работу в НКВД. Вячеслав Михайлович оказался тверд в отстаивании интересов СССР и в итоге четко и эффективно выполнил решение о сближении с Германией. Правда, Молотову не хватало дипломатической гибкости и лоска, но в ситуации начинающейся мировой войны было не до этого. Сталин считал, что теперь и на внешнеполитическом фронте нужно не тонкое перо, а именно молот.

ГЛАВА VII НА КРАЮ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1941)

Вячеслав Михайлович пестовал в себе скромность. Да, много у него достижений – что скрывать, весь мир об этом знает. Публично он – первое лицо в исполнительной власти, да еще и вершитель внешней политики гигантской державы в бурной обстановке, когда вокруг разгорается война. Это он подписывает договоры, которые расширяют просторы советской страны. Конечно, не нужно зазнаваться. Скромность и еще раз скромность – первое правило выживания на таких исторических ветрах. Ведь его наставляет сам Сталин, они все вопросы обсуждают с ним и с другими соратниками. И вообще Молотов – слуга советского народа, исполнитель его воли, народный управленец.

Но приятно, что все так здорово складывается. Идем от победы к победе, пока не пропустили ни одного серьезного удара. Хотя решающие схватки, наверно, впереди.

Есть, конечно, неприятности. Вот с Полиной опять нелады, Куба за что-то прямо окрысился на нее. Но ничего, переживем. Может быть, сейчас с ним и об этом переговорим...

– Знаешь что, Вячеслав... Пора тебе сосредоточиться на внешней политике. Ты когда-то говорил, что место председателя Совнаркома нужно занять мне. Думаю, это время пришло.

– Я что-то сделал не так?

– Нет, ты все правильно делаешь... По большому счету... В работе у всех бывают мелкие огрехи, партия

всех поправит. Когда ты что-то всерьез сделаешь не так – я тебе скажу. А сейчас другое – большие дела впереди, важные решения и переговоры. Сталин должен их вести не как партийный секретарь, а как государственный деятель.

І. ПОХОД НА ЗАПАД

1 сентября 1939 года германские войска вторглись в Польшу. 3 сентября Великобритания и Франция, выполняя союзнические обязательства, объявили Германии войну, но активных действий предпринимать не стали. А вдруг еще удастся договориться? В это время немецкие танковые колонны стремительно продвигались вглубь Польши, против которой Гитлер сосредоточил две трети своих сил, оставив на Западном фронте небольшое прикрытие. Германская авиация за два дня уничтожила почти все польские самолеты. Уже 8 сентября немцы, прорвав фронт в нескольких местах, вышли к Варшаве. Все еще надеявшиеся на помощь союзников, поляки продолжали отчаянно сопротивляться. В центре страны пыталась контратаковать Познаньская группа войск.

Сталин и Молотов выжидали. Тут нужно было сыграть филигранно – включить в СССР Западную Белоруссию и Западную Украину, но при этом избежать конфликта с Великобританией и Францией.

7 сентября в беседе с деятелями Коминтерна Сталин охарактеризовал начавшееся столкновение как войну двух групп империалистических держав. О Польше Сталин говорил как о фашистском государстве, которое ничем не лучше напавшей на него Германии. Отсюда вывод: «Что плохого было бы, что если бы в результате разгрома Польши мы бы распространили социалистическую систему на новые территории и население... Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Гитлер, сам того не подозревая, расстраивает и подрывает капиталистическую систему»¹.

Но Гитлера не устраивало, что Сталин надеется и Польшу приобрести, и нейтралитет соблюсти. 3 сентября Риббентроп приказал Шуленбургу сообщить Молотову: «...понятно, что по военным соображениям нам придется затем действовать против тех польских военных сил, которые к тому времени бу-

¹ 1941 год: Документы: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 584.

дут находиться на польских территориях, входящих в русскую сферу влияния». Так что нужно выяснить, «не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в настоящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию»¹. Этот запрос показывает, что пакт сам по себе еще не предопределял именно военного раздела Польши. Для Германии удар СССР по Польше в первую неделю войны был крайне важен. Это могло втянуть СССР в войну против Великобритании и Франции и одновременно лишить Польшу надежд на сопротивление. В условиях советского вторжения союзники не станут атаковать линию Зигфрида, и в крайнем случае можно будет быстро перебросить части вермахта из Польши на запад, уступив русским честь штурмовать Варшаву. Риббентроп еще не знал, что союзники Польши и так не предпримут попыток помочь ей.

Советские лидеры не торопились помогать Гитлеру, ссылаясь на неготовность: «Красная армия рассчитывала на несколько недель, которые теперь сократились до нескольких дней»², — объяснял Молотов Шуленбургу промедление с вводом советских войск в «сферу интересов СССР». Советскому Союзу нужно две-три недели на подготовку.

Молотов сообщил Шуленбургу, под каким соусом будет подаваться советский поход на Запад: советское правительство намеревается заявить, «что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым “угрожает” Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст возможность Советскому Союзу не выглядеть агрессором»³. Получалось, что СССР все же считает Германию агрессором. Под давлением немцев утверждение об угрозе с их стороны пришлось заменить пацифистским тезисом об угрозе войны для мирного населения Украины и Белоруссии.

С введением 1 сентября закона о всеобщей воинской повинности СССР мог проводить неограниченную мобилизацию. 6 сентября в западных военных округах было призвано 2,6 млн человек. Сосредоточение советских войск было назначено на 11 сентября, а днем раньше Политбюро постановило, что Моло-

¹ СССР – Германия. 1939. С. 86.

² Там же. С. 87.

³ Там же.

тов должен руководить Комитетом обороны, который занимался обеспечением вооруженных сил техникой, вооружениями и транспортом. Экономическим советом, координирующим работу остального хозяйства, теперь поручалось руководить Микояну. Это решение подчеркивало приоритетность военно-промышленных задач – ведь Молотов обладал и полномочиями председателя Совнаркома. Впрочем, Экономический совет тоже должен был печься об обороне, снабжая вооруженные силы продовольствием, вещевым и обозным довольствием, горючим и др.

Когда все было готово для удара с востока, 14 сентября «Правда» выступила с программной статьей о причинах поражения Польши, где разоблачала угнетательскую политику польского руководства в отношении народов, единокровных советским. Вывод напрашивался сам собой: «Многонациональное государство, не скрепленное узами дружбы и равенства населяющих ее народов, а, наоборот, основанное на угнетении и неравноправии национальных меньшинств, не может представлять крепкой военной силы»¹.

Впоследствии официальная пропаганда назовет последнюю советско-польскую войну «мирным освободительным походом». Но в войсках, которые готовились к «мирному походу», никаких иллюзий не было – предстояла «революционная, справедливая война»². Советские военные были полны оптимизма – накануне Красная армия окружила и разгромила японскую армию у Халхин-Гола, расквитавшись за позор 1905 года. Теперь можно расквитаться и за поражение 1920 года в советско-польской войне.

После многодневных споров Молотов 16 сентября договорился с японским представителем Того об урегулировании пограничного спора на Халхин-Голе. В этот же день немецкие клещи замкнулись у Бреста, Польша потерпела поражение. Теперь Сталин решил, что настал час получить «свою часть» Речи Посполитой.

В ночь на 17 сентября Сталин, Молотов и Ворошилов вызвали к себе Шуленбурга и других германских представителей, чтобы предупредить их о переходе Красной армии через польскую границу. Было важно предотвратить германо-советские военные столкновения и соблюсти старые договоренности.

¹ Правда. 1939. 14 сентября.

² Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 80.

Утром 17 сентября Красная армия перешла границу. Польскому послу Молотов вручил ноту с официальным объяснением советских действий: «Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать». В действительности польское правительство продолжало работать в Коломые близ румынской границы. Но Молотов настаивал, что раз Польское государство распалось, то и договоры с ним не действуют: «Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей». Далее вступали в силу ключевые для советской внешнеполитической пропаганды мотивы безопасности: «Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам». Это означало, что СССР выходил из режима нейтралитета, то есть, по сути, вступал в войну. Объяснялось это не классовыми, как прежде, а национальными мотивами – так будет понятнее лидерам и Германии, и Великобритании с Францией: «Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными... Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Этот национальный мотив не вписывается в миф о том, что Сталин и Молотов стремились прежде всего восстановить Российскую империю. Им было важно взять населенную украинцами Галицию, которая не входила в Российскую империю, но они с легкостью отказались от собственно польских земель, которые прежде были частью Российской империи. Коммунистические руководители не сделали националистами, они руководствовались прагматическими соображениями. Предыдущие события показали, что разделенные народы являются источниками конфликтов. Так что их лучше «освободить» целиком.

Выступая по радио, Молотов рассуждал еще резче, чем в ноте: «Польские правящие круги обанкротились... население Поль-

ши брошено его незадачливыми руководителями на произвол судьбы»¹. Грубость выражений как нельзя лучше позволяет прикрыть отход от принципов, которые Москва прежде отстаивала во внешней политике.

В Польшу входила советская группировка Белорусского и Киевского особых военных округов, превратившихся во фронты под командованием соответственно М. Ковалева и С. Тимошенко. Их численность составляла 466 тыс. солдат при 4 тыс. танков, более 5 тыс. орудий и 2 тыс. самолетов². Такая армия могла противостоять не только полякам, но – в случае чего – и немцам. В восточных воеводствах польские войска составляли 340 тыс. солдат при 540 орудиях и 70 танках³.

Некоторое время даже было непонятно, на чьей стороне собираются действовать советские войска – танковые колонны шли походным порядком, танкисты сидели на башнях с открытыми люками, приветствовали население. Белорусы не считали Красную армию враждебной. И дело не только в отношении к Польскому государству, но и в угрозе оказаться под немцем. «Население повсеместно восторженно встречает наши части. Организует охрану мостов, дорог и прочее»⁴, – говорилось в оперсводке Белорусского военного округа.

Командующий польской армией Э. Рыдз-Смиглы отдал приказ: «Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей. Задача для Варшавы и Модлина, которые должны защищаться от немцев, без изменений. Части, к расположению которых подошли Советы, должны вести с ними переговоры с целью выхода гарнизонов в Румынию или Венгрию»⁵.

¹ Правда. 1939. 18 сентября.

² Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 86.

³ Лебедева Н.С. Сентябрь 1939 г.: Польша между Германией и СССР // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 425. По другим данным – более 400 тыс. (Войтковяк Я. Советско-польский вооруженный конфликт в сентябре 1939 г. // Там же. С. 463).

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1201. Л. 2.

⁵ Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы. М., 1997. С. 65.

Могли ли поляки устоять? В итоге, конечно, нет. Но фронт на юго-западе страны, который замыслил Рыдз-Смиглы, могли бы создать. Это имело бы значение, если бы союзники все же ударили по Германии. Но, как известно, они не собирались этого делать. Поэтому Польша была обречена в любом случае. Однако в сентябре 1939 года это еще не было известно. Поэтому советский удар окончательно разрушил надежды на длительное сопротивление и вызвал такую горечь. Дальнейшее сопротивление Польши стало бессмысленным. Поздно вечером 17 сентября польское правительство покинуло страну.

Белорусский и Украинский фронты встретили несоизмеримо меньшее, чем немцы, сопротивление польских сил. Группа «Полесье» предпочла уклониться от столкновения и ушла на Запад. Там – настоящая, хотя и безнадежная, война. Здесь – непонятно что, и тоже без шансов на успех. Лишь в нескольких местах произошли серьезные столкновения, которые позволяют говорить о том, что это не была военная прогулка¹. Советские потери, по официальным данным, к 1 октября составили 2599 солдат и командиров, в том числе 737 убитых и 1862 раненых. Поляки потеряли 3500 убитыми (включая гражданских) и 20 тысяч ранеными и пропавшими без вести². В плен попало 230–255 тысяч военнослужащих³. Рядовых и унтер-офицеров в основном вскоре отпустили, а с офицерами продолжили «работать» на предмет их готовности сотрудничать с СССР.

В советско-германском коммюнике, опубликованном 19 сентября, Молотов согласился поставить советские вооруженные силы на одну доску с вермахтом: «Задача этих войск... заключается в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенное распадом собственного государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»⁴. Четвертый раздел Польши, одним словом. Советские руководители, однако, намеревались провести раздел не собственно Польши, а многонациональной Речи Посполитой – отделить районы, населенные поляками, от районов, населенных белорусами и украинцами. Об этом 19 сентября Мо-

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис. 1933–1940 гг. М., 2017. С. 378–380.

² Лебедева Н.С. Указ. соч. С. 441.

³ Войтковяк Я. Указ. соч. С. 475.

⁴ Правда. 1939. 19 сентября.

лотов проинформировал Шуленбурга. Сталин лично объяснил Шуленбургу свои мотивы 25 сентября. Раздел собственно польского населения может вызвать трения между СССР и Германией. Поэтому можно обменять польскую часть советской сферы влияния до Вислы на Литву.

Сталин умолчал о других мотивах. Не претендуя на захват части этнической Польши, СССР искусно уклонялся от обвинения в агрессии. Агрессию совершила Германия, а СССР просто взял под защиту народы, большая часть представителей которых проживает в его составе. На поляков Советский Союз не покушается. Никакого угнетения. Первоначальное включение части Польши в советскую сферу влияния было нужно Сталину и Молотову на случай, если бы события привели к сохранению Польши в урезанных границах. Тогда это государство было бы зависимо и от Германии, и от СССР. Теперь такая необходимость отпала, и Гитлер мог получить лавры покорителя Польши единолично, в полном объеме и со всеми вытекающими из этого международными последствиями. Расчет Сталина и Молотова оказался верным. Страны Запада предпочли не считать СССР агрессором.

Советский посол в Париже Суриц сообщал 20 сентября, что его польский коллега Лукасевич прозондировал у французского руководства, может ли Польша объявить войну СССР. Послу объяснили, что не стоит, ибо союзники ее не поддержат. Париж и Лондон запросили Москву о ее предстоящей политике в европейском конфликте и позиции по поводу судьбы Польши и получили хотя и уклончивый, но достаточно оптимистический ответ: СССР остается нейтральным, а судьба Польши зависит от многих факторов, учесть которые пока нет возможности¹. Посмотрим, чем кончится эта война, может быть, еще и восстановим Польшу.

Варшава пала 28 сентября. В этот день Германия и СССР заключили договор о дружбе и границах. Стороны провозглашали стремление обеспечить «мир и порядок», «мирное сосуществование народов» и делили Речь Посполитую по новой линии. Приехавший в Москву Риббентроп встретил у Сталина и Молотова более теплый прием, чем раньше, но торговались по-прежнему долго. Камнем преткновения стали районы Сувалок, нижне-

¹ Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 г. М., 2008. С. 68.

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЙ ДОГОВОР О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ
СССР И ГЕРМАНИЕЙ.

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья 1.

Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоими государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II.

Обе Стороны признают установленную в статье 1 границу обоими государственными интересами окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Договор вступает в силу с момента его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках.

Москва, 28 сентября 1939 года.

По уполномочию
Правительства СССР

В. Молотов

За Правительство
Германии

Г. Гитлер

Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией

28 сентября 1939

[АВП РФ. Ф. За. Оп. 1. П. 18. Д. 246]

В.М. Молотов подписывает германо-советский договор о дружбе и границе

28 сентября 1939

[Из открытых источников]

го течения реки Сан и Августовские леса. Немцам был нужен лес и нефтепромыслы. Сталин ссылался на то, что территории «обещаны украинцам». В конце концов, договорились разрезать спорный район Августовских лесов пополам. Но граница в этом месте получалась очень замысловатой. Поскольку оккупированные Польшей литовские территории Виленского края теперь передавались Литве, решили отрезать небольшой кусочек литовской территории в пользу Германии для спрямления границы. Позднее, когда покровителем Литвы стал СССР, советская дипломатия из всех сил оттягивала выполнение этого обещания, чтобы не ранить национальные чувства литовцев. В 1941 году СССР удалось снять этот вопрос, выкупив «спорную» литовскую территорию. А в сентябре 1939 года вся Литва «по обмену» попала в советскую сферу влияния.

Договор исключал вмешательство третьих стран в решение судьбы Польши. Это касалось прежде всего Великобритании и

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ.

Нижеподписавшиеся уполномоченные констатируют согласие Германского Правительства и Правительства СССР в следующем:

Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в п.1 таким образом, что территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Дублинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии (см. карту к подписанному сегодня Договору о дружбе и границе между СССР и Германией). Как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью естественного и простого проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии.

Далее констатируется, что находящиеся в силе хозяйственные соглашения между Германией и Литвой не должны быть нарушены вышеуказанными мероприятиями Советского Союза.

Pro U.S.S.R. Molotov *Für die deutsche*
Vorstand des Reichsministeriums
M. Molotov *H. Weizsäcker*
 28 сентября 1939 г. 28./IX/39.

Секретный дополнительный протокол об изменении советско-германских договоренностей от 23 августа 1939 года относительно разграничения территориальных сфер интересов Германии и СССР

28 сентября 1939

[АВП РФ. Ф. За. Оп. 1. П. 18. Д. 243]

Франции, которые все еще «воевали» на стороне Польши, правда, почти не производя выстрелов.

Как вспоминал Молотов, когда «обмывали» договор, «Сталин неожиданно предложил: “Выпьем за нового антикоминтерновца Сталина!” – издевательски так сказал и незаметно подмигнул мне. Подшутил, чтобы вызвать реакцию Риббентропа. Тот бросился звонить в Берлин, докладывает Гитлеру в восторге. Гитлер ему отвечает: “Мой гениальный министр иностранных дел!” Гитлер никогда не понимал марксистов»¹. В каждой шутке есть доля шутки. Не нужно принимать за чистую монету то, что говорили такие марксисты, как Сталин и Молотов.

Совместное заявление советского и германского правительств от 29 сентября еще теснее привязывало СССР к Германии в ее противостоянии странам Запада: «ликвидация настоящей войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией – с другой стороны, отвечала бы интересам всех народов». Если усилия Германии и СССР уговорить Запад пойти на мировую за счет поделенного Польского государства не удадутся, то «будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны...»²

Результаты советско-польской войны 1939 года и советско-германского договора о дружбе и границе живы до сих пор – в современных объединенных Белоруссии, Украине и Литве. Юридических оснований для отмены этих результатов нет – они были подтверждены соглашениями, заключенными после Второй мировой войны. Ее итоги списали грехи победителей и их наследников, которыми являются бывшие республики СССР. Но для этого Молотову пришлось немало потрудиться в 1941–1945 годах.

Когда дело было сделано, Молотов 31 сентября 1939 года выступил на сессии Верховного Совета СССР: «...оказалось достаточно короткого удара по Польше сперва со стороны германской армии, а затем – Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей»³. Таким образом, Молотов признал ответственность Красной армии за разрушение Польского государства. Неудивительно, что СССР постепен-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 19.

² Правда. 1939. 29 сентября.

³ Правда. 1939. 31 сентября.

но смещался от равноудаленного положения относительно двух воюющих коалиций к германской стороне.

Молотов разъяснял советским людям: «...за последние несколько месяцев такие понятия, как “агрессия”, “агрессор” получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл. Нетрудно догадаться, что теперь мы не можем пользоваться этими понятиями в том же смысле, как, скажем, три-четыре месяца тому назад. Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются»¹. «Диалектические» рассуждения Молотова легко объяснимы – под «старое» определение агрессора легко попадал СССР. Впрочем, Великобритания и Франция предпочли уклониться от конфликта с Советами.

22 октября подавляющее большинство населения Западных Украины и Белоруссии проголосовало за кандидатов, предложенных новыми властями. Депутаты тут же одобрили введение советской власти и воссоединение с Украинской и Белорусской ССР. Их представители приехали в Москву на заседание Верховного Совета СССР, где после триумфального доклада Молотова присоединение Западных Украины и Белоруссии к СССР было торжественно оформлено 1–2 ноября 1939 года. Население СССР выросло на 13 млн человек.

2. ВОЛНЕНИЕ НА БАЛТИКЕ

Раздел Польского государства был только началом. На очереди стояло укрепление советских военно-политических позиций на Балтике. Присоединять балтийские государства, вошедшие в советскую сферу влияния, пока не планировалось. Достаточно было добиться от них согласия на создание советских военных баз, прикрывавших северный фланг советской обороны на подступах к Ленинграду². Выполнить эту задачу планировалось дипломатическим путем, так что Молотову были и карты в руки.

Литовскому послу Л. Наткевичюсу Молотов 19 сентября сообщил, что советское правительство «помнит о всех своих обеща-

¹ Правда. 1939. 1 ноября.

² См.: Шубин А.В. Мир на пути к войне. С. 322–324.

- 3 -

Статья У.

Применению и жизни настоящего пакта ни в какой мере не должно затрагивать суверенитетных прав Договаривающихся Сторон, в частности их экономической системы и государственного устройства.

Участки, отводившие под брызги и взродроны (ст.Д), остаются территорией Эстонской Республики.

Статья VI.

Настоящий пакт вступает в силу с обменом актов о ратификации. Обмен сих актов сулет произведен в течение посля дней со дня подписания настоящего пакта в городе Таллине.

Срок действия настоящего пакта десять лет, причем, если одна из Договаривающихся Сторон не признает необходимым депонировать настоящий пакт за год до истечения срока, послелький автоматичесски продолжает свое действие на следующие пять лет.

Статья VII.

Настоящий пакт составлен в двух оригиналах, на русском и эстонском языках, в городе Москве, 28 сентября 1939 года.

28 сентября 1939 года.

ПАКТ О ВЗАИМОПОМОЩИ МЕЖДУ СССР И ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Превидиум Верховного Совета СССР, с одной стороны, и
Превидент Эстонской Республики, с другой стороны,

в целях развития установленных мирным договором от 2 февраля 1920 года дружественных отношений, основанных на признании независимой государственности и невмешательства во внутренние дела другой Стороны;

признавая, что мирный договор от 2 февраля 1920 года и договор о ненападении и мирном разрешении конфликтов от 4 мая 1932 года попрежнему являются прочной основой их взаимных отношений и обязательств;

убежденные, что интересам обеих Договаривающихся Сторон соответствует определение точных условий обеспечения взаимной безопасности,

приняли необходимым включить между собой нижеследующий пакт о взаимопомощи и назначили для этой цели своими уполномоченными

Превидиум Верховного Совета СССР:

В.И.М о л о т о в а, Председателя Совета Народных Комиссеров и Народного Комиссара Иностранных Дел,

Превидент Эстонской Республики:

Карля С е л т е р а, Министра Иностранных Дел,

каковые уполномоченные согласились о нижеследующем:

Пакт о
взаимопомощи
между СССР
и Эстонской
Республикой
28 сентября 1939
[АВП РФ. Ф. За.
Оп. 1. П. 16.
Д. 130]

ниях Литве. Оно не забыло о Вильнюсе, который вчера заняла Красная армия». При этом Молотов похвалил Литву за то, что в ходе аграрной реформы она «избавилась от панов», то есть от польских помещиков¹.

С эстонцами Молотову пришлось общаться строже. Еще бы! Польская подводная лодка «Ожел» («Орел») пришла в Таллин 15 сентября и тут же была задержана и разоружена. Польские подводники, передохнув, в ночь на 18 сентября скрутили охрану, и лодка ушла в Великобританию. Это было как нельзя кстати для СССР, который 19 сентября возложил на Эстонию ответственность за этот инцидент, а Балтийский флот принялся искать подводную лодку в Балтийском море, включая эстонское побережье. «На всякий случай» готовилось вторжение в Эстонию и Латвию, против которых было сосредоточено более 134 тысяч солдат при 801 орудии, 1347 танках и 179 бронемашинах².

В Москву отправился министр иностранных дел Эстонии К. Сельтер, который уже понимал, что речь пойдет о предложении Эстонии советского протектората. И Сельтер с санкции президента К. Пятса был готов с этим согласиться. Сельтеру 24 сентября Молотов заявил, что Эстония должна предоставить СССР базы на своей территории, которые позволят контролировать южные подходы к Финскому заливу – транспортной артерии Ленинграда.

Молотов 27 сентября заявил эстонским партнерам, что неизвестная подводная лодка утопила пароход «Металлист» (в действительности такого факта не было)³, и вообще «недалеко от эстонских берегов какие-то неизвестные подлодки имеют свою базу»⁴. Просто «Тайна двух океанов»! Чтобы прекратить такое безобразие, Эстония должна согласиться с созданием на своей территории советских военных баз.

¹ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. Vilnius, 2006. С. 184–185.

² Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М., 2014. С. 42–48.

³ Иильмярв М. Безмолвная капитуляция: Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между войнами и утрата независимости (с середины 20-х гг. до аннексии в 1940). М., 2012. С. 449.

⁴ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 – август 1940 г. М., 1990. С. 60.

Сталин принял личное участие в переговорах с эстонскими представителями (как потом и с представителями других прибалтийских государств), так как Молотов не рисковал брать на себя ответственность за уступки. Требуя размещения больших военных контингентов, советская сторона затем снижала цифру примерно до размеров армий мирного времени прибалтийских государств. В случае чего советский контингент мог блокировать армию страны пребывания и предотвратить ее несанкционированное развертывание в армию военного времени.

Пакт о взаимопомощи между СССР и Эстонией Молотов подписал 28 сентября. Он стал шаблоном для договоров с другими странами Прибалтики. Помимо обязательства оказывать друг другу поддержку, в том числе военную, в случае нападения на одну из сторон, договор предоставлял СССР право на создание в Эстонии своих военных баз: в Палдиски, Саарема и Хийумааю. Там размещалось до 25 тысяч военнослужащих. Одновременно был подписан договор о расширении экономических отношений. Президент Пятс, не питавший никаких симпатий к СССР, 1 октября вынужден был заявить: «Пакт о взаимопомощи не затрагивает наших суверенных прав... В требовании СССР не было ничего необычного. Учитывая историю нашего государства и наше географическое и политическое положение, становится ясным, что мы должны были вступить в соглашение с СССР. В качестве прибрежного государства мы всегда были посредниками между Западом и Востоком»¹.

Могла ли Эстония сопротивляться? Финляндия смогла. Но Эстония – гораздо меньше и слабее. Сопротивление могли оказать три государства Прибалтики вместе, и это стало бы серьезной проблемой для Сталина и Молотова. Хотя армии мирного времени у всех трех были невелики – всего несколько десятков тысяч солдат – у них суммарно насчитывалось 570 тысяч человек, обученных военному делу (включая военизированные формирования, которые можно было быстро поставить под ружье). Это сила вдвое большая, чем у Финляндии. Имелись и укрепления. Их армии имели 900 орудий, 102 танка, 30 бронемашин, 400 самолетов. «В любом случае население Финляндии составляло лишь половину народонаселения трех стран Балтии вместе взятых, а финская граница с Советским Союзом в два раза

¹ Там же. С. 74.

превышала протяженность границы с соседними странами»¹, — пишет историк М. Иильмярв. После Второй мировой войны в Прибалтике несколько лет воевали «лесные братья» с минимальной помощью извне. А вот в 1939 году мотивации к массовому сопротивлению не было. Скорее наоборот — Советский Союз имел массовую поддержку в самой Прибалтике из-за острых противоречий в обществах этих трех стран. Перед лицом советской угрозы прибалтийские диктаторы не были уверены в поддержке народа. В Прибалтике давление СССР усугубляло раскол, в то время как в Финляндии — спланивало общество.

1 октября Молотов был проинформирован, что «на условиях с Эстонией латыши согласны разговаривать»². Разъясняя мотивы этого решения, президент К. Ульманис говорил 13 октября: «Мы уклонились от того, чтобы латыши проливали кровь и жертвовали жизнями ради вещей, не касающихся основ нашего государства»³. Он считал, или делал вид, что считает, будто советские требования не касаются этих основ.

Беседуя с приехавшим в Москву министром иностранных дел Латвии В. Мунтерсом, Сталин 2 октября уверял: «Ни вашу конституцию, ни органы, ни министерства, ни внешнюю и финансовую политику, ни экономическую систему мы затрагивать не станем». Сталин сдержит это обещание, но только до тех пор, пока не определится исход британо-франко-германской войны. Молотов пояснил Мунтерсу, что СССР заботится об укреплении своей безопасности, апеллируя к историческому опыту: «Еще Петр Великий заботился о выходе к морю»⁴. Отныне Петр станет признанным авторитетом для сталинской внешней политики. Чтобы сомнений не оставалось, Сталин констатировал: «Я вам скажу прямо: раздел сфер влияния состоялся»⁵. Более того, когда Мунтерс передал отказ латвийского правительства согласиться с советскими предложениями как навязанными латвийскому народу, Сталин сообщил, что первоначально немцы предлагали провести линию разграничения по Даугаве, и

¹ Иильмярв М. Указ. соч. С. 525.

² Полпреды сообщают... С. 73.

³ Урбанович Я., Юргенс И., Пайдерс Ю. Черновики будущего. Латвия 1934–1941. Рига, 2011. С. 194.

⁴ Полпреды сообщают... С. 76.

⁵ Там же. С. 76–77.

они могут вернуться к идее раздела Латвии¹. Молотов и вовсе не стеснялся в средствах: «Министр иностранных дел Латвии приехал к нам в 1939 году, я ему сказал: “Обратно вы уж не вернетесь, пока не подпишете присоединение к нам”»².

Сопротивление латвийской стороны продлилось недолго. Советско-латвийский пакт, по которому СССР получил право на создание военных баз в Латвии, в том числе в Лиепаяе и Вентспилсе, Молотов подписал 5 октября. И здесь размещалось до 25 тысяч военнослужащих. «Я должен рассеять также все сомнения и подозрения, что безопасность нашей страны может быть поставлена под угрозу извне»³, – вынужденно заявил президент Латвии.

Принимая литовского посла Л. Наткявичюса 29 сентября, Молотов сообщил ему об условиях присоединения Вильнюса: «Советскому Союзу известна дружественность Литвы по отношению к СССР. Настала пора сделать эту дружественность более реальной. Ни для кого не является секретом, что Литву стремится перетянуть на свою сторону Германия. Следовательно, для СССР важно знать, к какой стране Литва испытывает большие симпатии. Сейчас недостаточно быть “ни теплым, ни холодным”, а надо принять решение»⁴. В зависимости от этого можно решать и территориальные вопросы. Интересно, что в этой беседе Молотов противопоставил интересы СССР и Германии, хотя на дворе стоял сентябрь – медовый месяц советско-германского сближения. Но советские лидеры уже смотрели дальше, укрепляя подступы к СССР в большей степени от германской, чем от британско-французской угрозы.

Сталин, Молотов, его заместитель В. Потемкин и посол в Литве Н. Поздняков 3 октября встретились с министром иностранных дел Литвы Ю. Урбшисом и Л. Наткевичюсом. Молотов вполне откровенно сообщил литовцам: «После определенных переговоров Германия согласилась, чтобы Литва, как и Латвия, и Эстония, вошла в зону влияния СССР». «После этого слово взял Сталин и сразу раскрыл нам карты. С Литвой, сказал он, надо заключить три соглашения: 1) пакт о взаимопомощи, 2) договор о передаче Вильнюса и Вильнюсского края Литве и 3) договор о передаче

¹ Там же. С. 80–81.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 15.

³ Известия. 1939. 16 октября.

⁴ Полпреды сообщают... С. 71.

ДОГОВОР О ПЕРЕДАЧЕ ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГОРОДА ВИЛЬНО
И ВИЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ И О ВЗАИМОПОМОЩИ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ
СОЮЗОМ И ЛИТВОЙ.

Президиум Верховного Совета СССР, с одной стороны, и
Президент Литовской Республики, с другой стороны,

в целях развития установленных Кишиневским Договором от 12 июля
1920 года дружественных отношений, основанных на признании неза-
висимой государственности и невмешательства во внутренние дела
другой Стороны;

признавая, что Кишиневский Договор от 12 июля 1920 года и Дого-
вор о неападениях и мирном разрешении конфликтов от 24 сентября
1926 года попрежнему являются прочной основой их взаимных отно-
шений и обязательств;

убежденные, что интересам обеих Договаривающихся Сторон со-
ответствуют определение точных условий обеспечения взаимной
безопасности и справедливое разрешение вопроса о государственной
принадлежности гор. Вильно и Виленской области, незаконно отторгну-
тых Польшей от Литвы,

признали необходимым заключить между собой нижеследующий
Договор о передаче Литовской Республике города Вильно и Вилен-
ской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой
и назначили для этой цели своих уполномоченными

Президиум Верховного Совета СССР:

В. В. М о л о т о в а, Председателя Совета Народных Комис-
саров и Народного Комиссара Иностранных Дел,

Президент Литовской Республики:

Юзасис У р б ш и с, Министры Иностранных Дел,
каковые уполномоченные, по взаимному пред'явлению своих полномочий,

после в части, касающейся обя-
зательств Литовской Республики
и, если за год до истече-
ния срока действия Договора
Стороны не призна-
ют, то в противном случае
автоматически сохра-
няется.

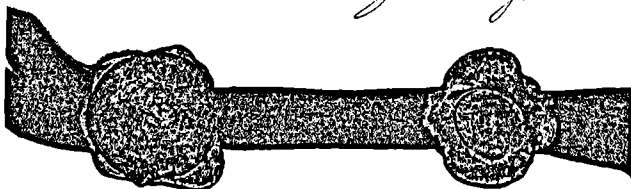
Настоящий Договор вступает в силу с обменом актов о рати-
фикации. Обмен актов будет произведен в течение шести дней со
дня подписания настоящего договора в городе Вильно.

Настоящий договор составлен в двух оригиналах, на русском
и литовском языках, в городе Москве, 10 октября 1939 года.

В. В. Молотов

Г. Урбшис

Советско-
литовский договор
о взаимопомощи
и передаче Литве
города Вильно и
Виленской области
10 октября 1939
[АВП РФ. Ф. За.
Оп. 1. П. 5. Д. 55]

определенных областей Южной Литвы немцам». Увидев «наши кислые мины», – продолжает Наткевичюс, Сталин стал убеждать литовцев, что сначала Германия вообще хотела поделить Литву, и советская сторона с трудом отстояла ее почти полную территориальную целостность и даже расширение. Литовские представители заявили, что возможная «уступка областей Южной Литвы Германии была бы величайшей несправедливостью, которую только можно себе представить»¹. Не устраивала литовских представителей и перспектива ввода на территорию страны советских войск. В крайнем случае их можно было бы пустить в Вильнюсский край. Но СССР был заинтересован в размещении войск на западных рубежах своей сферы влияния, а не только в Вильнюсском крае. В ходе последующих встреч вырисовывалась альтернатива, о которой Урбшис информировал Каунас: «...или заключаем с русскими пакт по примеру эстонцев и латышей, или отказываемся его заключить. В последнем случае, имея в виду распределение зон влияния между немцами и русскими и что нас оставили в русской зоне, придется ждать от Советского Союза различного и, возможно, даже вооруженного давления»². И уж, конечно, не приходится ждать присоединения Вильнюса, который мог оказаться в составе Белоруссии в качестве Вильно.

Молотов и Урбшис подписали договор о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой 10 октября. Конфиденциальный протокол разрешал СССР держать в Литве контингент до 20 тысяч военнослужащих. Он был размещен в Вильнюсе, Каунасе, Алитусе, Вилькомире и Шауляе.

Советские войска вступили в Прибалтику 18 октября. Пока СССР соблюдал в отношении прибалтийских государств предельную корректность. «Весь личный состав наших частей должен знать, что по пакту о взаимопомощи наши части расквартированы и будут жить на территории суверенного государства, в политические дела и социальный строй которого не имеют права вмешиваться... Настроения и разговоры о “советизации”, если бы они имели место среди военнослужащих, нужно в корне ликвидировать и впредь пресекать самым беспощадным образом, ибо они на руку только врагам Советского Союза и Эстонии»³, –

¹ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 227–228.

² Там же. С. 243.

³ Полпреды сообщают... С. 147.

говорилось в приказе наркома обороны войскам, вступавшим на территорию сопредельного государства.

Выступая перед Верховным Советом 31 октября, на той самой сессии, которая оформила воссоединение Белоруссии и Украины, Молотов подчеркнул, что пакты с прибалтийскими странами не преследуют цели территориального расширения СССР: «Ввиду особого географического положения этих стран, являющихся своего рода подступами к СССР, особенно со стороны Балтийского моря, эти пакты предоставляют Советскому Союзу возможность иметь военно-морские базы и аэродромы в определенных пунктах Эстонии и Латвии, а в отношении Литвы устанавливают совместную с Советским Союзом защиту литовской границы»¹. Что же, здесь создали удобный буфер, прикрыли подступы к Ленинграду с юга от Финского залива. А как дела обстоят севернее?

3. СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА И ГРАНИЦА ПЕТРА

Последним прибалтийским государством, отнесенным к сфере влияния СССР, но еще не заключившим пакт о «взаимопомощи», оставалась Финляндия. До советско-германского пакта СССР рассматривал Финляндию как плацдарм, с которого может быть совершено нападение на Ленинград. Взятие Ленинграда – огромная опасность для СССР². В 1940 году, разбирая итоги войны с Финляндией, Сталин вернулся к этой теме. Противник может «прорваться к Ленинграду, занять его и образовывать там, скажем, буржуазное правительство, белогвардейское, – это значит дать довольно серьезную базу для гражданской войны внутри страны против Советской власти»³. Учитывая, что Ленинград находился всего в 32 км от границы с Финляндией, в случае высадки в этой стране сильного экспедиционного корпуса другой державы такая перспектива представлялась Сталину вполне реальной.

¹ Молотов В.М. О внешней политике Советского Союза: Доклад на заседании внеочередной 5-й сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва, 31 октября 1939 г. М., 1939. С. 10–12.

² Подробнее см.: Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. М., 2004. С. 316–317.

³ Зимняя война. 1939–1940. Кн. 2: И.В. Сталин и финская кампания: Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М., 1999. С. 272.

По мнению историка Т. Вихавайнена, «в Москве при анализе внешней политики не замечали склонности малых стран к нейтралитету»¹. Какая близорукость Москвы! Но опыт европейской войны показал, что нейтралитет малых стран не является препятствием для германской агрессии. Так что опасения руководства СССР по поводу прохода войск противника через нейтральные страны были вполне оправданы. Сама по себе Финляндия, конечно, не угрожала Ленинграду, и у нее не было сил, чтобы осуществить мечты национал-радикалов о «Великой Финляндии». Однако ее территория была идеальным плацдармом для удара по Северной столице в случае войны с Германией, Великобританией или Францией.

Еще 5 марта 1939 года Литвинов предложил правительству Финляндии сдать в аренду на 30 лет острова Гогланд, Лавансаари, Сейскари, Тютторсаари для наблюдательных пунктов на подступах к Ленинграду. Три дня спустя финны отвергли это предложение, но переговоры продолжались.

Советско-германский пакт и европейская война изменили ситуацию. Советские требования стали тяжелее, а финляндское руководство осознало, что придется пойти на некоторые уступки.

Из всех балтийских стран Финляндию оставили «на закуску». 5 октября Молотов пригласил финляндского посла и предложил делегации Финляндии прибыть в Москву для переговоров «по некоторым конкретным вопросам политического характера»². Финны ответили не сразу, и это вызвало раздражение в Москве. Советский посол В. Деревянский говорил министру иностранных дел Финляндии Ю. Эркко: «Финляндия отнеслась к предложению иначе, не так, как Прибалтика, и это может пагубно сказаться на ходе событий»³.

В СССР перед переговорами готовили разные варианты требований к Финляндии. Предполагалось отодвинуть границу от Ленинграда вдвое дальше, до линии Местерярви – Коневец, передать под контроль СССР ряд стратегически важных островов, в том числе Ханко, где планировалось создать базу. Это позволило бы полностью контролировать вход в Финский залив. «Про-

¹ Зимняя война. 1939–1940. Кн. 1: Политическая история. М., 1999. С. 57.

² Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. Ч. 2. СПб., 2000. С. 153.

³ Там же. С. 154.

*Юхо Кусти Паасикиви**1940-е**[Из открытых источников]*

грамма максимум» отодвигала границу еще дальше, почти до Выборга, и предполагала передачу СССР района Петсамо, отрезая Финляндию от Северного Ледовитого океана. В обмен СССР был готов передать малонаселенные районы Карелии. Эти изменения предполагалось, как и в случае со странами Прибалтики, зафиксировать в договоре о взаимопомощи. С вводом советских войск в Выборгскую губернию финны теряли свою линию долгосрочных укреплений, и в любой момент Красная армия могла бы свободно войти в Хельсинки.

Нарком обороны Ворошилов и начальник генерального штаба Шапошников 11 и 14 сентября распорядились усилить войска на советско-финляндской границе, а 13 сентября Ворошилов обратился в Экономический совет Совнаркома с просьбой усилить строительство укреплений на Карельском перешейке¹. В Финляндии началась скрытая мобилизация².

Для начала финляндское руководство во главе с премьер-министром А. Каландером решило тянуть время. На создание со-

¹ Чубарьян А.О. Указ. соч. С. 191.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1240. Л. 79.

ветских баз на своей территории Финляндия не соглашалась, но была готова откорректировать границу за соответствующую компенсацию в Карелии и даже предоставить СССР острова Сейскари, Лавансаари и Тютярсаари, в крайнем случае еще Гогланд (Суурсаари). Понятно, что корректировка границы, допустимая для Финляндии, не должна была затронуть оборонительную линию Маннергейма (неофициально названную так в честь главы Совета обороны Финляндии К.Г. Маннергейма). Финляндское руководство было готово демонтировать лишь ее передовую часть. В Москву на встречу с Молотовым отправилась делегация во главе с Ю. Паасикиви.

Переговоры состоялись 12 и 14 октября. Финны ждали тяжелых условий – сдачи половины перешейка¹. Но Сталин и Молотов быстро поняли, что торг возможен лишь на основе «программы-минимум». Отодвинуть границу предполагалось по скромной линии Липпола – Койвисто, которая затрагивала лишь часть «линии Маннергейма» у Финского залива, а также получить ряд островов для базы и военных сооружений.

В ответ на заявление финнов, что угрозы нападения на СССР со стороны Финляндии не существует, Молотов ответил, что «мы не боимся агрессии со стороны Финляндии. Мы боимся провокации со стороны третьей державы». Какая держава имеется в виду? На это ответил Сталин: «Англия или Германия. С Германией у нас сейчас хорошие отношения, но в этом мире все может измениться»². Он вовсе не питал иллюзий по поводу перспектив дружбы с немецким диктатором.

Финны предлагали предоставить для укрепления советской обороны три острова в восточной части залива, но там нельзя было создать полноценную базу. Молотов заявил: «Предлагаемые вами три острова недостаточны... Вам и самим невыгодно то, что существует постоянная угроза Ленинграду, которая портит наши взаимоотношения. Требованием советского руководства является граница Петра Великого»³. Имелась в виду граница, близкая к той, которая была определена Ништадтским миром в 1721 году.

¹ Там же. Л. 80–81.

² Паасикиви Ю.К. Моя работа в Москве и Финляндии в 1939–1941 гг. М., 2021. С. 57–58.

³ Там же. С. 56.

На переговорах Паасикиви сказал, что для изменения территории нужно пять шестых голосов сейма. Сталин ответил: «Вы получите больше, чем две трети, а плюс к этому еще наши голоса учтите». Финны остались в недоумении, что бы это значило¹. Они еще не привыкли к сталинскому юмору.

Весь день 16 октября финляндский кабинет обсуждал требования СССР. Министры были готовы передать СССР некоторые острова, например, Суурсари, и обсуждать статус Аландских островов, но не территорию на материке. Неприемлема была и идея договора о взаимопомощи². Передавая отказ, делегация Финляндии ссылалась на нейтралитет своей страны.

Новые раунды переговоров прошли 23–25 октября и 2–4 ноября. Теперь в них участвовал также влиятельный финляндский политик В. Таннер. Почти всегда помимо Молотова в переговорах участвовал и сам Сталин, который мог предложить финнам уступки, которые Молотов не мог себе позволить. По наблюдению Паасикиви, 3 ноября в отсутствие Сталина «разговор был бесплодным. Молотов не мог формулировать предложения русских и держался за исходные положения»³.

Сталин согласился снять требование договора о взаимопомощи, немного уменьшил территориальные претензии и готов был увеличить территориальную компенсацию. Но этого оказалось недостаточно для компромисса, на который могли пойти в Хельсинки. С островами вышло не лучше. Советское руководство претендовало на Ханко, который предлагалось сдать в аренду, продать или обменять. Если с Ханко не получится, Молотов требовал предоставить для военных сооружений острова в восточной части Финского залива: Хэрмансэ, Куэ, Хэстэбусэ, Фурушер, Экен – и якорную стоянку в гавани Лаппохья⁴.

Финны опасались, что с этих островов в Финляндию могут внезапно и беспрепятственно войти вооруженные люди в зеленой форме (как это и произойдет позднее в Прибалтике). Решение было принято 31 октября: «Правительство Финляндии, которое искренне желает упрочить отношение к Советскому Союзу,

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1240. Л. 40. Такова советская запись. В финляндской записи речь идет о пяти шестых голосов сейма и 99 % в шутке Сталина (Паасикиви Ю.К. Указ. соч. С. 62).

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1240. Л. 48.

³ Паасикиви Ю.К. Указ. соч. С. 95.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 2. М., 1992. С. 274.

заявило о своей готовности сделать большие уступки для удовлетворения пожеланий Советского Союза. В этом оно, однако, не может идти так далеко, чтобы оно отказалось от жизненных интересов своей собственной страны, что означала бы уступка военной базы другому государству у входа Финского залива»¹. Это касалось в том числе островов внутри территориальных вод континентальной Финляндии.

Очередной компромисс Молотов предложил 9 ноября: «...продать участок Ханко, чтобы снять вопросы нейтралитета». Если уж и это невозможно, то хотя бы малые острова, но в непосредственной близости от Финляндии»². Однако и это не развеяло опасений финляндских представителей, что, если советские войска будут находиться практически на территории Финляндии, это может быть использовано для ее внезапного захвата.

«В целом среди финских политиков можно выделить тех, кто призывал занять на переговорах более жесткую и неуступчивую позицию, и тех, кто был сторонником большей гибкости и поисков возможных компромиссов. К числу “ястребов” можно отнести прежде всего министра иностранных дел Эркко и министра обороны Ниукканена. Их главный довод состоял в том, что Советский Союз вряд ли пойдет на военное решение вопроса и что нужно максимально расширять международную поддержку Финляндии. Главными представителями более умеренных был уже упоминавшийся Паасикиви и известный военный, весьма популярный в стране маршал Маннергейм, назначенный главнокомандующим вооруженными силами страны. Они стояли за необходимость больших уступок Москве, чтобы избежать войны. По мнению Маннергейма, Финляндия не располагает достаточными средствами для обороны»³, – пишет историк А.О. Чубарьян. Подключив к дискуссии парламент, финляндские лидеры существенно затруднили возможность кулуарного соглашения с СССР. Полновластные многопартийные представительные институты, которых не было в прибалтийских государствах, сделали позицию Финляндии более жесткой, что в конце 1939 года было более рискованно, но в конечном итоге спасло финляндскую независимость.

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1240. Л. 96.

² Там же. Л. 97.

³ Чубарьян А.О. Указ. соч. С. 196.

Молотов в своем выступлении на заседании Верховного Совета СССР 31 октября также вынес советско-финляндские разногласия на публику. Теперь возможность для отступления почти исчезла для обеих сторон. На переговорах 3–4 ноября Молотов сказал: «Мы, гражданские люди, кажется, не смогли прийти к решению, теперь должны заговорить военные»¹. Это была прямая угроза.

Паасикиви и Таннер заявили об отбытии назад в Финляндию 13 ноября. Время было выиграно. Казалось, что под зиму Советский Союз не решится вторгнуться в северную страну. Финляндское руководство полагало, что переговоры продолжатся, возможно, при чьем-то посредничестве. Паасикиви вспоминал: «Когда я уже был послом в Москве, Молотов при обсуждении одного сложного вопроса воскликнул: “Если бы мы прошлой осенью заключили договор, то сегодня не было бы этих печальных дел!” Я ответил: “Уезжая из Москвы, я думал, что переговоры еще не завершены и что я вскоре вернусь сюда в четвертый раз”. Молотов: “Но ведь Сталин был столь терпелив в отношении вас”. Я: “Если бы мы, северяне, вели между собой столь важные переговоры, мы бы еще долго продолжали попытки прийти к согласию, прежде чем переговоры были бы прерваны. Но понимание чужого менталитета – это одно из самых сложных дел, господин Молотов”. Молотов на мгновение замолчал, прежде чем мы продолжили работу»². О чем он подумал? О том, что в конце 1939 года у советского руководства уже не было времени «возиться» с финнами в преддверии предстоящих судьбоносных событий в отношениях великих держав? Что же, в итоге настали «печальные дела» не только для Финляндии, но и для СССР.

26 ноября Молотов вручил финляндскому послу ноту, в которой утверждалось, что советские войска на Карельском перешейке подверглись в районе местечка Майнила артобстрелу с финляндской территории, в результате чего погибли три красноармейца и один младший командир и были ранены семь рядовых и два командира. Молотов потребовал отвести финляндские войска на 20–25 км от границы, чтобы предотвратить возможность «повторных провокаций». Узнав об этом, финляндский фельдмаршал Маннергейм выразил недоумение, так как артиллерия как раз находится далее 20 км от границы, а тяже-

¹ Цит. по: Чубарьян А.О. Указ. соч. С. 199.

² Паасикиви Ю.К. Указ. соч. С. 110–111.

лая – даже в 50 км. Финляндская сторона категорически отрицала, что в это время в районе границы вообще производилась стрельба с территории Финляндии. Места разрыва снарядов действительно были видны у Майнилы всего в 800 м от границы¹.

На следующий день Финляндия предложила в соответствии с имеющимися соглашениями о пограничных инцидентах провести совместное расследование и выдвинуло свою версию: «При таких обстоятельствах представляется возможным, что речь идет о несчастном случае, происшедшем при учебных упражнениях, имевшем место на советской стороне и повлекшем за собою, согласно вашему сообщению, человеческие жертвы». У Финляндии в этом районе нет даже орудий такой дальности. Но Финляндия готова к переговорам об обоюдном отводе войск². Однако отвод войск не входил в советские планы, равно как и совместное расследование инцидента.

В ответ Молотов 28 ноября направил ноту, полную гневных обвинений. Это он умел и любил делать: «Отрицание со стороны правительства Финляндии факта возмутительного артиллерийского обстрела финскими войсками советских войск, повлекшего за собой жертвы, не может быть объяснено иначе, как желанием ввести в заблуждение общественное мнение и поиздеваться над жертвами обстрела». Финляндия стремится «держать Ленинград под угрозой», в то время как «Советские войска не угрожают жизненным центрам Финляндии». В связи с этим СССР разрывал пакт о ненападении с Финляндией 1932 года³. СССР разорвал дипломатические отношения с Финляндией 29 ноября, хотя она уже согласилась на односторонний отвод войск. Это уже было не важно. Военная машина была запущена. Вечером Молотов выступил с обращением, обличавшим политику Финляндии. При этом он заявил: «Враждебная нам иностранная пресса утверждает, что принимаемые нами меры преследуют цели захвата и присоединения к СССР финляндской территории. Это – злостная клевета»⁴.

¹ Там же. С. 114–115.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1240. Л. 118.

³ Паасикиви Ю.К. Указ. соч. С. 115–116.

⁴ Цит. по: Там же. С. 120.

В ночь на 30 ноября советские войска перешли границу Финляндии, но быстро разгромить финляндскую армию не смогли. Война приняла затяжной и неудачный для РККА оборот¹.

На обвинения Советского Союза в агрессии Молотов недоуменно пожимал плечами. Какая агрессия? Против кого? «Правда» 2 декабря сообщила, что, по данным «радиоперехвата» в городе Териоки (у самой границы), «по соглашению представителей ряда левых партий и восставших финских солдат образовалось новое правительство Финляндии – Народное правительство Финляндской демократической республики»². Вот так – в Финляндии идет гражданская война. Наши войска действуют в союзе с демократическими силами. В тот же день председатель нового правительства – в прежней жизни член ЦК ВКП(б) и секретарь Исполкома Коминтерна О. Куусинен – тут же установил с СССР дипломатические отношения и заключил с Молотовым договор о взаимопомощи. Когда 4 декабря шведский посланник Винтер предложил Молотову посредничество в переговорах с финнами, предсовнаркома выразил недоумение: Какое посредничество? У нас с финнами договор. Взаимопомощь. Что касается прежнего правительства, то оно «направилось в неизвестном направлении»³. Как в свое время польское. Когда выяснится, что правительство Финляндии, которое с началом войны возглавил Р. Рюти, никуда из Хельсинки не делось, в советской пропаганде финское сопротивление стали называть «белофинским», чтобы подчеркнуть: Красная армия действует на стороне красных финнов. Была даже создана дивизия «красных» финнов (из советских граждан и эмигрантов-коммунистов), но участия в военных действиях это парадное соединение не принимало. Равно как и никакой реальной власти марионеточное правительство Куусинена не имело.

Однако создание альтернативного правительства произвело сильное впечатление в Европе. Оказывается, речь идет не о пограничном конфликте, а о стремлении СССР поглотить целую страну. Как пишет историк А.О. Чубарьян, «во всех странах Запада на первый план снова вышли обвинения СССР в распространении мировой революции. Как заметил тот же Суриц, “особенно обиженными себя чувствуют французские сторонники

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Мир напути к войне. С. 413–425.

² Правда. 1939. 2 декабря.

³ Правда. 1939. 5 декабря.

"черчиллевского" варианта – вроде бы Москва действует как наследник Петра Великого, и вдруг – Куусинен". Такими же были настроения в Англии, Италии и других странах... Тень Коминтерна снова нависла над Европой»¹.

Великобритания и Франция поддержали Финляндию оружием и продовольствием, а Лига Наций 14 декабря 1939 года объявила СССР агрессором и исключила его из своего состава. В принятии этого решения, как говорили в кулуарах Лиги, «храбрость наций возрастала прямо пропорционально удаленности их местонахождения от Финляндии»². Но решающее слово в агонизировавшей Лиге принадлежало Великобритании и Франции.

Премьер-министр Франции Э. Даладье 19 декабря предложил направить союзный экспедиционный корпус в Финляндию через Норвегию и Швецию. Эти планы были связаны не только со стремлением оказать помощь жертве агрессии, но и с попыткой укрепить блокаду Германии. Очевидно, что, если бы союзные войска высадились с согласия скандинавов в Нарвике, с поставками шведской руды в Германию было бы покончено. Так что, узнав о намерениях союзников, Гитлер стал готовить высадку в Норвегии. Мировая война вот-вот могла слиться с советской-финляндской, и СССР мог таким образом стать прямым союзником Германии в войне против Великобритании и Франции. Это в планы Сталина и Молотова не входило.

Учитывая роль в экономике Германии советского сырья, руководители Великобритании и Франции строили планы удара по экономически важным объектам СССР. Франция 19 января 1940 года представила на заседании Верховного Совета союзных держав в Париже предварительный, но подробный план нанесения удара по советскому Закавказью. Он обсуждался до 22 марта 1940 года³. Проект предполагал удары по нефтяным месторождениям и нефтеперерабатывающим предприятиям в районе Каспийского моря, чтобы не только нанести ущерб СССР, но и лишить горючего Германию.

¹ Чубарьян А.О. Указ. соч. С. 209.

² Зимняя война. Кн. 1. С. 238.

³ Корнат М. Французские и британские планы вооруженной акции против Советского Союза с 1940 г. // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2009. С. 403.

Предполагалось совершить налет с баз в Сирии и Турции, которая 19 октября заключила с Великобританией и Францией договор о взаимопомощи и военную конвенцию. Однако полноценным союзником Турция не стала. Договор предусматривал, что она вступит в войну только после распространения военных действий на Средиземноморье или нападения третьей страны на саму Турцию. А пока, при нейтралитете Италии, Анкара сохраняла нейтральный статус.

Молотов предпринимал усилия, чтобы Турция не стала плацдармом нападения на СССР со стороны одного из воюющих блоков и не пропускала в Черное море их военные корабли. Еще в августе 1939 года стороны выразили принципиальное согласие с заключением советско-турецкого пакта о взаимопомощи, а 26 сентября в Москву прибыл министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу. Он привез с собой проект британско-франко-турецкого договора, который планировалось подписать в ближайшее время. Изучив его, 1 октября Сталин и Молотов приняли Сараджоглу и стали интересоваться, против кого направлен пакт с союзниками. При этом Молотов рекомендовал Турции вообще не заключать договора с ними. Сараджоглу ответил, что он будет направлен «против всякого агрессора, с оговоркой, что эти пакты не могут быть использованы против СССР». Молотов в свою очередь сообщил Сараджоглу, что СССР не может заключить пакт против Германии и Италии. Тогда против кого они могут дружить с Турцией? Если она выбрала Великобританию и Францию, то пакт с СССР проблематичен. Стороны искали возможности компромисса. Советская сторона предложила совместную охрану проливов, что Турция восприняла как угрозу своему суверенитету¹. В итоге, идея советско-турецкого пакта была оставлена. В британско-франко-турецком договоре 19 октября турки оговорили: «Обязательства, принятые на себя Турцией в силу договора, не могут принудить Турцию к действию, результатом и последствием которого будет ее вовлечение в вооруженный конфликт с СССР»². Так что участвовать в антисоветской аванюре в 1940 году турки не собирались.

Хотя из франко-британских планов нападения на СССР ничего не вышло, активизация союзников и топтание Красной армии

¹ Гасанлы Д. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008. С. 53–63.

² Цит. по: Чубарьян А.О. Указ. соч. С. 180.

у линии Маннергейма делали Молотова более благосклонным к мирным инициативам Финляндии. Ее руководство во главе с премьером Рюти осознавало, что весной долго продержаться не удастся, так как Финляндия не может получить от Запада достаточное для сопротивления количество боеприпасов. Поэтому, когда шведское правительство, обеспокоенное приближением войны к рубежам королевства, выступило с инициативой посредничества, в январе 1940 года начались консультации – сначала с послом СССР в Швеции А. Коллонтай. Решение проблемы снова переходило от военных к дипломатам, к Молотову.

В январе 1940 года Сталин и Молотов решили вернуться к первоначальным задачам – отодвинуть границу от Ленинграда и установить контроль над Финским заливом. Сталин и Молотов не были расположены окончательно ссориться с Антантой, потому что в этом случае СССР автоматически оказался бы в прогерманской коалиции. А у Кремля были другие планы. 5 февраля Коллонтай встретила в Стокгольме с министром иностранных дел Финляндии Таннером.

Однако прежде, чем приступать к открытым переговорам, нужно было восстановить престиж советского оружия. Северо-Западный фронт под командованием Тимошенко стал готовить прорыв линии Маннергейма. Теперь план наступления Сталин и Молотов детально обсуждали с военачальниками. «Вечером ужинали у Сталина. Он и Молотов расспрашивали об итогах разведки, уточняли детали плана, освещали политический аспект операции»¹, – вспоминал К. Мерецков, в то время командующий 7-й армией, которой предстояло взламывать линию.

Массированный обстрел финских укреплений начался 11 февраля, а 16 февраля 7-я армия прорвала «линию Маннергейма». К 19 февраля она была прорвана на всю глубину. Если раньше морозы мешали советскому наступлению, то теперь командующий 7-й армией Мерецков мог бросить пехоту и даже танки в обход Выборга по льду Финского залива. В Карелии советские войска также пришли в движение и стали осторожно вытеснять финнов с позиций, деблокируя окруженные части РККА.

В Выборг советские войска ворвались 12 марта. Это значило, что через несколько дней может пасть Хельсинки, и сопротивление будет продолжаться только в Центральной Финляндии.

¹ Мерецков К.А. На службе народу. М., 2015. С. 184.

- 5 -

Договаривающиеся Стороны вступают в переговоры для заключения торгового договора.

Статья IX.

Настоящий Мирный Договор вступает в силу немедленно по его подписании и подлежит последующей ратификации.

Обмен ратификационных актов будет произведен в течение десяти дней, в г. Москве.

Настоящий Договор составлен в двух оригиналах, на русском, финском и шведском языках каждый, в г. Москве, 12 марта 1940 года.

В. В. Молотов
Молотов
 В. В. Молотов

Мирный
Договор
12/3/40

МИРНЫЙ ДОГОВОР

МЕЖДУ СОВЕТОМ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И
 ФИНЛЯНДСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ.

Президиум Верховного Совета СССР, с одной стороны, и
 Президент Финляндской Республики, с другой стороны,
 руководимые желанием прекратить возникшие между обеими стра-
 нами военные действия и создать прочие взаимные мирные отношения,
 убежденные, что интересам обеих Договаривающихся Сторон соот-
 ветствует определение точных условий обеспечения взаимной безопас-
 ности, в том числе обеспечения безопасности городов Ленинграда и
 Мурманска, а также Мурманской железной дороги,

признали необходимым заключить в этих целях Мирный Договор и
 назначили своими уполномоченными

Президиум Верховного Совета СССР:

Молотова Вячеслава Михайловича, Председателя Совета Народных
 Комиссаров СССР и Народного Комиссара Иностранных Дел,
 Завятова Андрея Александровича, члена Президиума Верховного Со-
 вета СССР,

Василевского Александра Михайловича, командира,

Президент Финляндской Республики:

Рyti Ристо, Председателя Совета Министров Финляндской Респу-
 блики,

Пасикини Ехо Кусти, министра,

Бальден Карла Рудольфа, генерала,

Дюбонна Шийо, профессора.

Мирный договор между СССР и Финляндией
 12 марта 1940
 [АВП РФ. Ф. За. Он. 1. П. 44. Д. 277]

А без немедленной помощи ее союзников советские войска получали возможность вскоре отрезать финские войска от внешнего мира, что предопределило бы их поражение уже к середине года. По мнению О. Маннинена, «со второй половины февраля стала очевидной безнадежность борьбы, поражение представлялось необратимым»¹.

Финляндская делегация в составе Рюти и Паасикиви прибыла в Москву 7 марта. На этот раз вместе с Молотовым переговоры вели первый секретарь Ленинградской организации ВКП(б) А. Жданов и А. Василевский, которому предстояло заниматься демаркацией новой границы. Сталин в переговорах не участвовал – советские условия были заранее согласованы. Теперь Молотов требовал, чтобы новая советско-финляндская граница проходила близ границы Петра Великого, установленного Ништадтским миром со Швецией в 1721 году. Это значило, что СССР должен получить Выборг и ладожское побережье с Сортавалой (сегодняшняя граница с Финляндией на Карельском перешейке – как раз почти Ништадтская). Также СССР претендовал на территории в Карелии и часть полуострова Рыбачий. Не снимал СССР и требование аренды Ханко. Это было больше, чем программа-максимум октября 1939 года, но на этот раз речь не шла об угрозе независимости Финляндии, по крайней мере в ближайшее время.

Во время переговоров о мире в Москве Паасикиви напомнил, что Петр выплатил шведам компенсацию за приобретаемые по Ништадтскому миру земли. На это Молотов ответил: «Напишите Петру Великому. Если он прикажет, мы выплатим компенсацию»².

Мирное соглашение было заключено в ночь на 13 марта 1940 года. СССР получил Карельский перешеек и территории западнее прежней границы в Советской Карелии с Выборгом (Виппури), Сортавалой и Кексгольмом (ныне Приозерск). Ладожское озеро перестало быть пограничным. Граница в Карелии отодвинулась от Мурманской железной дороги, а в Финском заливе – от Ленинграда. СССР получил в аренду остров Ханко с окрестностями для создания военной базы. Финской делегации удалось лишь повысить арендную плату с 5 до 8 млрд марок.

¹ Зимняя война. Кн. 1. С. 321.

² Паасикиви Ю.К. Указ. соч. С. 194.

В ноябре 1940 года выяснится, что Сталин и Молотов не считают финляндский вопрос «решенным», но тогда на пути его «решения» уже будет стоять господствующая в Скандинавии Германия. Финляндия сохранила самостоятельность и не стала дружественной. Сталин, утешая себя и соратников, как и Молотов, прибег к аналогии с Петром: «Петр I воевал 21 год, чтобы отбить у Швеции всю Финляндию», а получил то же, что и мы, да и то за вычетом Ханко¹.

После советско-финляндской войны перед Молотовым встала задача восстановить равноудаленность СССР в войне Германии и Антанты. Советско-финляндская война и активное советско-германское сотрудничество испортили отношения с Великобританией и Францией. В Париже полиция вломила в советское торгпредство, после чего Францию покинул советский посол Я. Суриц. Британцы захватили два советских парохода, которые направлялись во Владивосток. Молотов говорил об этом веселым тоном на фоне невеселой ситуации 29 марта: «Все эти враждебные действия со стороны Англии и Франции проводились несмотря на то, что Советский Союз не предпринимал до сих пор никаких недружелюбных действий в отношении этих стран. Приписываемые же Советскому Союзу фантастические планы каких-то походов Красной Армии “на Индию”, “на Восток” и т. п. — такая очевидная дикость, что подобной нелепой брехне могут верить только люди, совсем выжившие из ума. (Смех.) Дело, конечно, не в этом. Дело, очевидно, в том, что политика нейтралитета, проводимая Советским Союзом, пришлась не по вкусу англо-французским правящим кругам. К тому же нервы у них, видимо, не совсем в порядке. (Смех.) Пора бы этим господам понять, что Советский Союз не был и никогда не будет орудием чужой политики, что СССР всегда проводил и будет проводить свою собственную политику, не считаясь с тем, нравится это господам из других стран или не нравится»². За демонстративной грубостью здесь заметен сигнал британцам и французам: мы войн на Востоке не затеваем и готовы сохранять нейтралитет.

¹ Паасикиви Ю.К. Указ. соч. С. 274.

² Правда. 1940. 30 марта.

4. ТОРГОВЛЯ С ДЬЯВОЛОМ

Договор о дружбе и границе 28 сентября 1939 года провозглашал, что теперь между недавними врагами, СССР и Рейхом, воцаряется дружба. А дружба хороша, когда под нее подведена материальная база. Развивать «братство по оружию» в войне еще против кого-нибудь Сталин и Молотов не намеревались, а вот экономическому сотрудничеству были бы рады. Рейх остро нуждался в сырье, а СССР – в технологиях, в том числе военных. Лидеры СССР и Германии понимали, что столкновение между ними, мягко говоря, не исключено. Так что нужно было как-то «переторговать» контрапартнера.

Германская экономика на треть зависела от импорта. По железной руде – на 45 %, свинцу – 50 %, нефти – 66 %, меди – 70 %, каучуку – 85–90 %, олову – 90 %, никелю – 95 %, алюминию – 100 %¹. Великобритания, Франция при условии их сближения с США и СССР могли бы задушить германскую экономику и лишить вермахт боеприпасов, горючего и запчастей к технике. А СССР мог поставлять Германии собственное сырье и проводить реэкспорт чужого.

В этой игре Молотов выступал в двух ролях – и как нарком иностранных дел, и как глава правительства, который держит в голове не только внешнеполитические, но также хозяйственные и оборонные задачи. Однако в решении собственно хозяйственных дел за Молотовым официально было последнее слово (фактически, конечно, за Сталиным), а оперативная работа была возложена на Микояна.

Департамент экономической политики МИДа Германии составил меморандум к переговорам с СССР 6 октября. Сырья запрашивалось на 1300 млн марок. В этом случае Германия осталась бы должна 500 млн, которые можно было покрыть товарами за несколько лет. 7 октября в Москву прибыла делегация по главе с послом для особых поручений К. Риттером, и начался жесткий торг с советской делегацией во главе с Микояном. На переговорах 9 октября Риттер говорил, что «Германия желает получить нефть, лес, продукты питания, кормовые продукты и

¹ Случ С.З. Зачем Гитлеру нужен был пакт о ненападении с СССР? // Трагедия Европы 1939–1941 гг.: Сообщения совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Мюнхен, 2013. С. 53.

т. д. Кроме того, Германия желает получить от СССР также медь, олово, никель и другие цветные металлы»¹. И побольше. Однако предложение Риттера довести товарооборот до 2 млрд марок показалось Микояну завышенным. По его мнению, высказанному 14 октября, сначала следовало вернуться к максимальному товарообороту веймарского периода, к 470 млн марок². За свое сырье СССР хотел получить новейшее военное оборудование, включая самолеты, корабли и станки для производства снарядов и оборудование для заводов, производящих авиационное топливо и масла. Немцы были готовы к поставкам промышленной продукции, но вот так вооружать потенциального противника...

Обе стороны ссылались на договоренности Молотова и Риббентропа 28 сентября, но толковали их по-разному: советские представители хотели получить помимо прочего военные технологии, а немцы настаивали, что речь шла только о промышленных товарах и технологиях. При таком различии трактовок решение вопроса должно было вскоре снова вернуться к Молотову. Для начала договорились о поставках в Германию 900 тысяч тонн зерна, 600 тысяч тонн нефти и 100 тысяч тонн хлопка, а в СССР судов и труб на 13 млн марок. Но это была незначительная часть взаимных потребностей.

26 октября в Германию выехала делегация во главе с наркомом судостроительной промышленности Тевосяном. После приезда советской делегации в Германию настала очередь немцев удивляться. Как докладывал Тевосян о встрече 27 октября, «Риттер не ожидал предъявления нами требований о поездке на места и осмотра военных объектов, также Риттер был ошеломлен нашими требованиями в части объема поставок по военному судостроению»³. Советские гости были разочарованы – им показывали не все, что хотелось. А хотелось – все самые секретные образцы вооружений. На переговорах с Риттером 13 ноября Тевосян заявил: «...нам были показаны в подавляющем большинстве случаев образцы вооружения вчерашнего дня. Нам не показали, за отдельными исключениями, германскую технику сегодняшнего дня»⁴. Вот на эти «отдельные исключения» советская сто-

¹ Вестник Архива президента Российской Федерации. СССР – Германия. 1933–1941. М., 2009. С. 223.

² Там же. С. 229.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 263.

рона и положила глаз. Риттер отвечал, что есть же границы секретности! Тевосян парировал, что «советское правительство не любой стране согласилось бы отпускать в таких больших количествах и такие виды сырья, которые оно будет поставлять Германии». Так что давайте-ка двигайте границу секретности, а то пока итоги визита «не вполне удовлетворительные»¹. Впрочем, и тот список заказов на 1,5 млрд марок, который Тевосян привез 29 ноября, немцы готовы были удовлетворить лишь частично². Не хотите показывать и продавать – не надо. Но тогда и сырье – как-нибудь потом.

Германский посол Шуленбург 22 декабря сетовал в беседе с Молотовым, что «в ходе экономических переговоров между представителями СССР и Германии имеются большие разногласия, в частности не найден общий язык в вопросе о военных заказах со стороны Советского Союза. По мнению Шуленбурга, программа советской стороны слишком велика, и германское правительство, находясь в состоянии войны, не может выполнить этих заказов». Молотов отвечал: «Советская сторона может учесть состояние войны, в котором находится Германия, и пойти на сокращение программы военных заказов, но, с другой стороны, желательно иметь иное отношение к этим заказам со стороны представителей Германии, которые ведут себя очень странно, заломив такие цены, что они являются худшей формой отказа»³.

Шуленбург договорился, что на следующий день Риттера примут Молотов и Микоян. Они продолжили критику немецких цен. По мнению Микояна, цены на самолеты завышены в 15 раз. Риттер практически согласился с этим и объяснил, что германская сторона оценивала не только стоимость готовых самолетов, а еще стоимость лицензии при их возможном производстве в СССР. На это советские представители заявили, что строить самолеты по германским образцам СССР не собирается.

Микоян передал Риттеру программу советских закупок, составленную с учетом результатов работы делегации Тевосяна, 25 декабря. В итоге переговоров советская сторона пошла лишь на незначительные уступки – вместо трех новейших крейсеров можно взять один, чтобы вписаться в смету (все равно таким об-

¹ Там же. С. 264–265.

² Чубарьян А.О. Указ. соч. С. 110–115.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 2. С. 436.

разом можно получить технологии). По основным параметрам товарообмена противоречия сохранялись.

Чтобы вывести переговоры из тупика, под Новый год, 31 декабря Сталин и Молотов пригласили в Кремль Шуленбурга, Риттера, Шнурре и советника посольства Г. Хильгера. Со стороны СССР также участвовали Микоян, Тевосян и советский торгпред в Германии Е. Бабарин. Такие встречи на высоком уровне в Кремле происходили также 29 января и 8 февраля 1940 года.

Сталин говорил, что речь ведь идет, по сути, о «взаимной помощи»¹. Что же от партнеров современные военные технологии прятать? Спорили о номенклатуре поставок и сроках. Поскольку рейхсмарки и рубли имели относительную конвертацию, нужно было договориться о своего рода бартере – корзина на корзину.

Советское руководство сразу заинтересовало немцев готовностью поставить 5000 т меди, 1500 т никеля, 450 т олова. Немцы надеялись получить также вольфрам и молибден². Риттер настаивал и на увеличении поставок железа в связи с ростом советских заказов, так как «поставляемые железо и чугун будут возвращены обратно Советскому Союзу готовыми изделиями»³. В свою очередь Сталин настаивал на поставках морской артиллерии не в 1942, а в 1940–1941 годах⁴, что многое говорит о его представлениях по поводу сроков вовлечения СССР в мировой конфликт.

На новогодних переговорах стороны препирались также по поводу поставок станков для изготовления снарядов. Немцы ссылались на то, что они очень нужны самой Германии, но выяснилось, что советскую сторону интересуют прежде всего образцы и чертежи⁵. У СССР была промышленная база, и он нуждался не столько в поставках конечной продукции, сколько в технологиях. Такой подход должен был бы насторожить нацистов с их представлениями о варварской России.

На совещании в Берлине 9 января Риттер говорил: «...без советского зерна, вероятно, уже с марта этого года немецкий зерновой запас был бы израсходован, как и значительная часть

¹ Чубарьян А.О. Указ. соч. С. 115–118.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1294. Л. 252–253.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1. М., 1995. С. 8.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 9.

поголовья свиней». Не говоря уже о нефти и металлах. Без поставок из СССР произойдет падение производства удобрений, а значит и падение урожайности на 15 %¹.

В 20-х числах января 1940 года советская разведка проинформировала Кремль об обсуждении условий договора в команде Риттера. Немцы, в частности, стремились договориться о выравнивании сальдо в первой половине 1941 года, а не ранее². Получив информацию о «крайних» уступках, на которые была готова германская сторона, Сталин был готов к финальному раунду. В ночь с 7 на 8 февраля 1940 года руководители германской делегации Риттер и Шнурре были приглашены в Кремль на совещание со Сталиным, Молотовым, Микояном и Тевосяном³. Сталин огласил итоговые условия, на которые Риттер согласился⁴.

Договорились о советских поставках на 420–430 млн марок в течение года с момента подписания договора. Германские поставки на ту же сумму рассчитывались на 15 месяцев. В следующие полгода СССР должен был поставить сырья на 220–230 млн, а Германия – товаров на ту же сумму в течение года. Общая сумма поставок каждой стороны составляла 650–660 млн марок. Военные заказы СССР составляли 133,3 млн марок. Срок советских поставок составлял 18 месяцев, германских – 27. СССР должен был осуществить поставки в два этапа – до февраля 1941 года и затем до августа 1942 года, Германия – до мая 1941-го и до мая 1942 года. СССР поставлял руды, лом, нефть и нефтепродукты, продовольствие, лес, золото и платину, а получал военную технику, промышленное оборудование, полуфабрикаты, сортовой уголь. Соглашение было подписано 11 февраля 1940 года⁵.

По соглашению и сопутствующим документам СССР обязался поставить 11 тысяч тонн меди, 3 тысячи тонн никеля, 950 тонн олова, по 500 тонн молибдена и вольфрама, 3 тонн кобальта⁶. СССР был готов поставить 900 тысяч тонн нефти, что было маловато.

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1294. Л. 256.

² Там же. Л. 250.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1305. Л. 96.

⁴ Там же. Л. 98.

⁵ Чубарьян А.О. Указ. соч. С. 123.

⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1. С. 85.

В списке германских поставок 26,3 % позиций составляли потребности авиации, 29,3 % – военного флота. По словам латвийского историка Х. Стродса, «по меньшей мере в первой половине 1941 года боеприпасы для Красной армии в СССР изготавливались на станках из Германии, которые хорошо перенесли эвакуацию вглубь России»¹.

Советской стороной были получены образцы самолетов, авиационного и морского оборудования, недостроенный крейсер «Лютцов», который до войны был введен в строй под названием «Петропавловск» в условно-боеготовом состоянии, два комплекта тяжелых полевых гаубиц калибра 211 мм, батарея 105 мм зенитных пушек с боекомплектom, артиллерийские приборы и оборудование, моторы, тягачи. Советская сторона получила образец танка Т-III, который мог убедить Кремль разве что в слабости германских танковых войск в сравнении с советскими. А вот более сильный Т-IV, в будущем – самый массовый танк вермахта – Москва не получила. Впрочем, и он был слабее советских Т-34 и КВ.

Не меньшее значение, чем военные, имели поставки промышленного оборудования, которые существенно продвинули модернизацию советской индустрии. СССР получил оборудование для металлургии, химической, горнодобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Металлорежущих станков было получено 6430 на 85,4 млн германских марок. Каменного угля СССР получил на 52 млн германских марок. Из гражданской техники СССР получил 87 экскаваторов, три грузопассажирских судна и танкер, а также другие товары².

Кто кому переплатил на 22 июня 1941 года? «По данным германской внешнеторговой статистики, с января 1940 г. по 22 июня 1941 г. СССР поставил Германии товаров на сумму 597,9 млн, а немцы – на 437,1 млн германских марок. Таким образом, за этот период имело место превышение советских поставок на 160,8 млн германских марок... Но в отношении этой

¹ Стродс Х. Взаимные стратегические поставки СССР и Германии (1939 – первая половина 1941 года) // Трагедия Европы 1939–1941 гг.: Сообщения совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. С. 223–225.

² Сиполс В.Я. Торгово-экономические отношения между СССР и Германией в 1939–1941 гг. в свете новых архивных документов // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 40.

цифры необходимо сделать существенные уточнения. В 1935 г. Германия предоставила СССР кредит на 200 млн германских марок сроком на пять лет. По этому кредиту СССР получил из Германии заводского оборудования и некоторых других товаров на 151,2 млн германских марок. А в 1940–1941 гг. наступил срок погашения этого кредита. По кредитному соглашению 1939 г. СССР получил в кредит товары более чем на 40 млн германских марок, — комментирует историк В.Я. Сиполс. — К 22 июня СССР не успел расплатиться за майско-июньские поставки на сумму более 70 млн германских марок. Так что общие торговые долговые обязательства СССР перед Германией составили к этой дате 260 млн германских марок. Таким образом, в целом торговый баланс по взаиморасчетам оказался в пользу СССР на 100 млн германских марок. Утверждения, что немцы “обхитрили” тут русских, несостоятельны. Кроме того, напав на СССР, Германия сама лишила себя права на возмещение Советским Союзом этих долгов»¹.

Сотрудничество оказалось взаимовыгодным, но выгода эта была совершенно разной по своему характеру. Германия вкладывалась в текущие нужды потребления населения и снабжения промышленности, прежде всего военной. СССР в ходе сотрудничества с Германией в 1939–1941 годах вкладывался в основном в будущее, которое в условиях Второй мировой войны советское руководство увязывало с модернизацией производства вооружений. При этом советские заказы формировались исходя из представлений Сталина, Молотова и других советских лидеров о том, как может развиваться военный конфликт. Эти представления оказались во многом ошибочными, что обусловило разный вклад в советскую победу германских военных поставок. Оказалась переоцененной роль флота в предстоящей войне и недооценена опасность танковых войск. Недооценили значение радиосвязи и артиллерии. Успешно сыграла ставка на преодоление наметившегося во время войны в Испании технического отставания советской авиации. Универсальное значение при любом развитии военных действий имела модернизация промышленности, в том числе производства горючего и боеприпасов. Германские поставки внесли свой вклад в Победу СССР и способствовали послевоенному развитию советской промышленности.

¹ Сиполс В.Я. Торгово-экономические отношения между СССР и Германией в 1939–1941 гг. в свете новых архивных документов. С. 40–41.

Советско-германское сотрудничество развивалось в контексте перевооружения РККА, которое координировалось Молотовым и как председателем Совнаркома, и как главой Комитета обороны. Авиаконструктор А. Яковлев, например, вспоминал, что «Молотов постоянно участвовал в обсуждении наших авиационных вопросов». Правда, он на таких совещаниях параллельно занимался другими, внешнеполитическими делами: «Он сидел обычно по левую руку от Сталина, по правую – Ворошилов, дальше по обе стороны длинного стола располагались Жданов, Микоян и другие.

Перед ним всегда лежала папка с кипой бумаг по иностранным делам, которую он приносил с собой. Просматривает их, делает какие-то заметки и только изредка протрет пенсне и вскинет глаза, чтобы мы убедились, что он внимательно слушает»¹. Кстати, Молотов жаловался жене: из-за внешнеполитической работы «к сожалению, не успеваю по-настоящему следить за хозяйственными делами. Но важнейшие из них (в частности, металлургию) стараюсь не выпускать из поля зрения, и кажется, намечается здесь улучшение»².

Военно-промышленная политика стала вершиной айсберга всей советской экономики. По сути, страна переводилась на полувойенное положение. Указом Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 года были запрещены увольнения по собственному желанию. Вводилась уголовная ответственность за прогулы. Был произведен переход с 7-часового на 8-часовой рабочий день и семидневку с одним выходным.

Номенклатурные семьи жили лучше остальной массы населения, но занятость чиновников возросла. В этом году, полном напряжения и успехов, Молотову пришлось отправить жену отдыхать без него. Благодаря этой, пока недолгой, разлуке были написаны трогательные письма Молотова, отложившиеся затем в его архиве. «Полинька, милая, родная!.. Пишу тебе кратко, т. к. не могу расправиться с завалом дел»³. Обращения Молотова к жене свидетельствуют о том, как близки были эти уже не очень молодые люди: «Хочу тебя поскорее увидеть, загорелую, милую, близкую, увидеть, полюбоваться и почувствовать тебя,

¹ Яковлев А.С. Цель жизни: записки авиаконструктора. М., 1987. С. 180.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 5.

³ Там же. Л. 1.

мою любимую, сладкую»¹. Мы читаем интимные слова, не предназначенные для посторонних глаз. А хорошо ли это? Но если письмо не было уничтожено по прочтении, а осталось в архиве, то адресат не против того, чтобы много лет спустя эти чувства стали известны и другим людям. Тем более, что Молотов делится с супругой и множеством политических новостей (что им потом вышло боком). Так, 15 августа он сообщает о новых важных переговорах с японцами. Осенью может быть результат². В условиях царившей в СССР подозрительности и строгой секретности такое информирование было явным служебным нарушением.

«Полинька, любимая моя! Хотя и жалко, что вы мало пробудете в Крыму, но не скрою, что рад вашему скорому возвращению, что жёнка и дочка скоро будут подле меня... Беспокоюсь за тебя, что тебе не удалось подлечиться и отдохнуть, но слишком ты беспокойный человек. Вот когда у меня будет отпуск, м. б. в будущем году, надо собираться в Сочи на Мацесту. Буду об этом мечтать, по крайней мере. Жду тебя с нетерпением, чтобы обнять крепко-крепко и целовать тебя всю-всю, мою милую, сладкую, любимую. Твой любящий всем сердцем и всем существом. Веча»³. Отпуска в следующем году тоже не будет.

5. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Сталин был доволен Молотовым. В честь его 50-летия Пермь переименовали в Молотов. Сталинское благоволение сохранялось и в отношении кадровых позиций Вячеслава Михайловича. Он снова вернулся к руководству Экономическим советом. Минкоян стал его заместителем. Военную и гражданскую экономики в СССР невозможно было разделить, и Молотов возглавил централизованное руководство военно-экономическим комплексом. Впрочем, как и раньше, задача Молотова заключалась в координации работы отраслевых руководителей. Наркоматы оказались разделены на сферы ответственности шести советов: Совет по оборонной промышленности во главе с Н. Вознесенским, Совет по машиностроению во главе с В. Малышевым, Совет по топливу и энергохозяйству во главе с М. Первухиным, Совет по металлургии и химии во главе с Н. Булганиным, Совет по то-

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 29.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 6.

варам широкого потребления во главе с А. Косыгиным, Совет по сельскому хозяйству и заготовкам во главе с А. Андреевым. Молотов был сильно загружен решением внешнеполитических задач, так что в Экономическом совете его часто замещали Микоян, Булганин и Вознесенский.

А в международной ситуации начались стремительные перемены. 9 апреля германские войска вошли в Данию и высадились в Норвегии. Если Дания капитулировала в течение нескольких часов, то в Норвегии развернулись бои. Однако 8 июня союзники полностью эвакуировались из Норвегии. Это объяснялось тем, что 10 мая германские войска вторглись в Бельгию, Люксембург и Нидерланды. Чемберлен подал в отставку, и правительство Великобритании возглавил Черчилль. Союзники были разгромлены германской армией во Франции и Бельгии. 22 июня гитлеровские войска вошли в Париж. Правительство Франции во главе с маршалом А.-Ф. Петеном было вынуждено подписать перемирие, по которому Франция разоружалась, а весь север и запад страны оккупировала Германия. Петен возглавил зависимое от Германии авторитарное государство на юге Франции с центром в Виши. Только небольшая часть французской армии эвакуировалась в Англию, где был создан антифашистский комитет «Свободная Франция» во главе с генералом Ш. де Голлем. Баланс сил в Европе рухнул, Германия продемонстрировала мощь своих вооруженных сил. Франция теперь не была ей противовесом, да и судьба Великобритании держалась на волоске.

Для Молотова это была и хорошая, и плохая новость. Угрозы со стороны «Антанты» более не существуют. Но вот опасность со стороны Германии явно возрастала. Что же, раз Германия стала опаснее, а Франция, да и Великобритания не могут заступиться за балтийские государства, настало время взять территории бывшей Российской империи под более жесткий контроль. И не ради исторической традиции и национальной гордости, а потому что Прибалтика могла стать плацдармом для вторжения в СССР. Сталину и Молотову казалось, что обороняться там будет сподручнее, если эти страны будут полностью управляться из Москвы. Ключевую роль в присоединении Прибалтики снова предстояло играть Молотову как наркому иностранных дел.

Поводом для предъявления дополнительных требований к государствам Прибалтики стало «несоблюдение» ими договоров с СССР. Общая претензия ко всем прибалтийским правительствам: консультации между представителями трех стран о воз-

-2- 126

В Балтийской Антанте за последние месяцы усилились секретно от СССР согласованные меры военного характера в Эстонии, Латвии и Литве. Эстония назначила военного атташе в Литву, а Литва в Эстонию. В ноябре - декабре 1939г. состоялись встречи поездки Пахштабов Литвы и Латвии. В декабре 1939г. три литовских генерала, в сопровождении чиновника МИДа, ездили в Эстонию и Латвию. С февраля 1940г. ^(Молотов) устал выходить печатный орган Балтийской Антанты - "Ревиль Балтик" на английском, французском и немецком языках, причем в первом его номере литовский премьер Меркис ни слова не сказал о Советском Союзе и Пакте взаимопомощи, но зато подчеркивал,

2-1
Ом. № 306. 233.
Подполковник: Рига, Каунас, Таллин, Гельсинки.

В. М. Молотов
16.06.40
5.10.40
43.39

ШКОРОМ.

125

Литвия для полного сотрудничества активных государств и т.д. тское правительство рассматривает стран, как нарушение Пактов, которых Договаривающихся сторонам

Для вашего сведения ниже излагаю отношение Советского правительства к современной деятельности Балтийской Антанты:

После подписания Эстонией, Латвией и Литвой Пактов взаимопомощи с ~~Советским Союзом~~ Балтийская Антанта - члены которой, Латвия и Эстония, были еще раньше связаны военным союзом против СССР, - не только не ликвидировалась, но усилила враждебную СССР и заключенным с ним Пактам ~~вспомогательную~~ ^(См. выше) деятельность, включив в военный союз и Литву, а также ^(См. выше) подготовив включение в него Финляндии. До Пактов Балтийская Антанта не собиралась почти год. После подписания Пактов она имела две конференции лишь на отрезке трех месяцев (декабрь 1939г., март 1940г.). Теперь ~~нет никаких сомнений, что на этих, про-~~ ^(См. выше) ~~водившихся фактически на сдвоен СССР конференциях, выходящих способ~~ ^{См. выше} ~~борьбы против растущего влияния СССР в Прибалтике и против~~ ^{См. выше} ~~Пактов взаимопомощи, в частности. Последнее обстоятельство подтвер-~~ ^{См. выше} ~~ждается одним согласованным подходом всех трех государств, а также~~ ^{См. выше} ~~сплошной оппозицией к вопросам, связанным с осуществлением Пактов -~~ ^{См. выше} ~~затяжки с подписанием отдельных соглашений, попытки уменьшить воору-~~ ^{См. выше} ~~женный контингент советских и т.п.~~

Вообще, начиная с декабря 1939г., Антанта развила исключительную, никогда в прошлом не наблюдавшуюся активность, причем во всех возможных направлениях - военном, политическом, экономическом, культурном, печати, туризма и пр. Все эти мероприятия, как в крупных, так и второстепенных областях, носили и носят на деле антисоветский характер.

кому премьеру Меркису много было серьезное представление. О последнем для Вашей ориентировки.

В. МОЛОТОВ.

6. Т. В. Молотову
6. Т. В. Молотову
6. Т. В. Молотову

Шифротелеграмма наркома иностранных дел СССР
В.М. Молотова полпредам СССР в Латвии, Литве, Эстонии
и Финляндии об отношении советского правительства к
деятельности Балтийской Антанты после заключения пактов
о взаимопомощи между СССР и странами Прибалтики
14 июня 1940

[АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 339. Д. 2319. Л. 125-126]

можной обороне против СССР. Литве Молотов предъявил и специфические обвинения. Из советских частей пропало несколько военнослужащих. Двое вернулись, а один застрелился, попав в руки литовских правоохранительных органов. Литовцы предлагали совместно расследовать инцидент. Речь могла идти о неудачной попытке дезертирства, о самоволке, о действии местных экстремистов, похищающих военнослужащих. Первоначально полпред СССР Н. Поздняков так оценил один из этих случаев: «Красноармеец-танкист Носов 24 апреля сбежал с поста с винтовкой. 18 мая сбежал красноармеец-танкист Шмавгонек»¹. Но по возвращении Носова и Шмавгонца, побывавших в какой-то переделке (они были со следами побоев) советская сторона уклонилась от тщательного расследования дела и оценила инциденты как происки Министерства внутренних дел Литвы. Вызвав премьер-министра А. Меркиса в Москву, Молотов потребовал признать многочисленные претензии советского правительства (от организации литовским МВД похищений советских военнослужащих до тайных военных консультаций с другими странами Прибалтики). Министра внутренних дел и начальника политической полиции Литвы Молотов требовал предать суду. На возражение министра иностранных дел Литвы о том, что неясно, по каким статьям их судить, опытный в этом деле Молотов ответил: «прежде всего нужно их арестовать и отдать под суд, а статьи найдутся»². Овладение силовыми структурами государства становилось теперь одним из важнейших шагов по подготовке «контролируемых революций», что скажется после Второй мировой войны и на судьбе других стран Восточной Европы.

Молотов подчеркивал, что подобных «безобразий», как в Литве, в двух других странах не наблюдается. Напрасно лидеры Эстонии и Латвии полагали, что за отличное поведение их минет «чаша сия».

14–16 июня представители трех государств Прибалтики получили от Молотова ультиматумы, в соответствии с которыми им нужно было принять на свою территорию крупные части Красной армии и создать такие правительства, которые смогут добросовестно выполнять договоренности с СССР. Молотов откровенно говорил о «просоветском правительстве». Когда представители прибалтийских государств стали предлагать свои

¹ Полпреды сообщают... С. 330.

² Там же. С. 374.

кандидатуры, их ждала следующая неприятность – для формирования новых кабинетов в соответствующие столицы придут полномочные представители СССР. Советские войска 15 июня вышли на исходные позиции, ожидая сигнала для вторжения в Прибалтику.

Президент Литвы А. Сметона настаивал на военном сопротивлении Советскому Союзу, но не получил поддержки военного командования. После этого он 15 июня покинул Литву, президентом автоматически стал Меркис.

Правительства трех государств Прибалтики после некоторых колебаний предпочли не оказывать вооруженного сопротивления Красной армии и согласились с ультиматумом Молотова.

Ключевые пункты стран Прибалтики были заняты советскими войсками 17–21 июня. Ни о каком вторжении речи не было – ввод войск был аккуратно оформлен соглашениями. Выступая 16 июня, Меркис заявил: «Дорогие литовцы и все жители Литовской Республики, необыкновенно быстрое развитие международных событий в последние дни сказалось и в нашем крае... Мы уверены, что прибытие новых воинских частей из Советского Союза в Литву произошло именно в целях большей безопасности самой Литвы и Советского Союза»¹.

Советскую армию встречали толпы восторженно настроенных противников правящих режимов. Полиция и военизированные формирования принялись разгонять митингующих. Советские войска не вмешивались в ситуацию, в то же время являясь решающим аргументом на политических переговорах, которые вели советские представители. Новые правительства в большинстве своем формировались не из коммунистов, которые только что вышли из глубокого подполья и насчитывали по несколько сот человек в каждой партии, а из просоветской интеллигенции.

Новое правительство Литвы во главе с Ю. Палецкисом, левым ляудинником (партия социал-демократического толка) было сформировано 17 июня. Тут же были организованы массовые манифестации в поддержку нового правительства. Вскоре Палецкис стал и президентом – Меркис подал в отставку.

Президент Латвии Ульманис с согласия представителя СССР А. Вышинского 20 июня назначил премьер-министром профессора А. Кирхенштейна. Он немедленно объявил политическую амнистию. Встречать политзаключенных вышла мощная де-

¹ Полпреды сообщают... С. 394.

монстрация сторонников демократии и советской власти. Для одних это был момент освобождения от диктатуры Ульманиса, другие несли лозунги «Да здравствует 13-я советская республика». По приказу нового правительства полиция и военизированные формирования на время демонстрации ушли с улиц. Поняв, куда дует ветер, полицейские массами покидали службу. Часть демонстрантов числом в 4–5 тысяч пыталась прорваться в президентский дворец и поднять над ним красный флаг. Вызванные по телефону советские войска взяли дворец под охрану и уговорили возбужденных сторонников советизации разойтись.

Президент Эстонии Пятс 21 июня назначил премьер-министром левого писателя И. Вареса, творившего под псевдонимом Барбарус, однако запоздал с решением. К этому времени «контролируемая революция» в Эстонии вышла из-под контроля. Столкнувшись с запретами демонстраций, левая оппозиция стала проводить собрания рабочих на предприятиях и решила провести 21 июня мощную манифестацию, направленную против режима Пятса. Сама демонстрация вписывалась в планы советских представителей, но она оказалась гораздо радикальней, чем хотелось бы: «Часть людей не поняла нашей политики, смену политики, смену правительства расценила как революцию и в демонстрацию... внесла элементы Октября»¹, – докладывал в Москву советский полпред.

В назначенный день на улицы Таллинна вышло несколько десятков тысяч человек под красными флагами и знаменами запрещенных прежде профсоюзов. С балкона советского полпредства их приветствовал советский представитель А. Жданов. Собравшись у президентского дворца, митингующие стали требовать освобождения политзаключенных. Вышедший на балкон президент Пятс отвечал, что такое возможно только в законном порядке, после чего митингующие сами пошли освобождать политических узников, захватывать арсенал и брать под контроль почту, телеграф и полицейское управление. «Полиция в страхе разбежалась и попряталась куда попало»². Над башней «Длинный Герман» взвилось красное знамя.

«Прибалтийский Октябрь» совершенно не входил в планы Молотова. Ведь если буква закона будет где-то наруше-

¹ Там же. С. 432.

² Там же. С. 433.

на, после войны захват Прибалтики СССР можно будет оспорить. Жданов, ориентируясь на указания Москвы, приказал эстонским коммунистам прекратить революционные выступления.

Митинговая кампания в странах Прибалтики постепенно превращалась в предвыборную. Были сформированы списки Блока трудового народа Латвии и Союзов трудового народа Литвы и Эстонии. Их программы были близкими – дружба с Советским Союзом (несмотря на то, что требование объединения с СССР выдвигалось на митингах, оно не было включено в программу), демократизация, улучшение условий жизни трудящихся (8-часовой рабочий день, повышение зарплаты, аннулирование долгов с крестьян и т. п.). Новые лидеры Прибалтики вдохновлялись пропагандистским образом СССР и социалистической революции.

Национальная оппозиция пробовала также участвовать в выборах. Комитет демократических латышских избирателей во главе с генералом Я. Балодисом выступал в защиту независимости Латвии, за «сохранение и защиту частной собственности и частной инициативы»¹. С подобными лозунгами выступали либеральные политики в Литве и Эстонии.

Лучший способ незаметно для постороннего глаза придумать демократию – это «своя» избирательная комиссия. Чтобы избавиться от конкурентов, сформированные новым режимом избирательные комиссии просто отказывались регистрировать кандидатов оппозиции под предлогом присутствия в их списках сотрудников прежних режимов. По внезапно принятому закону отказывалось в регистрации тем организациям, которые не успели опубликовать свои избирательные платформы. Такое неожиданное подведение черты выбросило из избирательного процесса подавляющее большинство оппозиционеров, которые в это время еще только обсуждали платформы. В итоге в Эстонии в списках для голосования остался только один оппозиционный кандидат, которого можно было не опасаться из-за его малой известности. Только в Таллине было аннулировано 11 списков кандидатов. В результате выборы превратились в референдум. Можно было голосовать или отказаться. Лишь несколько процентов избирателей решились на второе. Для широких масс,

¹ Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии. М., 1978. С. 338.

значительная часть которых голосовала впервые, выборы были праздником: с пением, концертами, торжественной процедурой одобрения перемен. Массовая поддержка просоветских политиков объяснялась, прежде всего, тем, что, как казалось, союз с нейтральным СССР может избавить народы Прибалтики от ужасов войны.

Наиболее радикальные противники нового режима пытались вести на участках «агитацию против участия в голосовании и против отдельных кандидатов, а также антисемитскую агитацию... Демонстративно рвались и разбрасывались на пол избирательные карточки кандидатов...»¹ Но массового характера сопротивление в день выборов не приняло.

14–15 июля 1940 года на выборах в трех странах победили списки «Трудового народа». Их поддержало более 80 % граждан. 21 июля Народные сеймы провозгласили советскую власть и обратились к СССР с просьбой включить их в состав Союза. 3–6 августа эта просьба была удовлетворена, все три страны были включены в СССР и превращены в союзные республики – Эстонскую ССР, Латвийскую ССР и Литовскую ССР. Под бурные аплодисменты Молотов торжественно комментировал территориальное расширение СССР на сессии Верховного Совета СССР: «Выборы показали, что правящие буржуазные клики Литвы, Латвии и Эстонии не отражали волю своих народов, что они были представителями только узкой группы эксплуататоров. Мы с удовлетворением можем констатировать, что народы Эстонии, Латвии и Литвы дружно проголосовали за своих представителей, которые единодушно высказались за введение советского строя и за вступление Литвы, Латвии и Эстонии в состав Союза Советских Социалистических Республик»².

Молотов много занимался делами Прибалтики и как председатель Совнаркома СССР, и как нарком иностранных дел. Под его руководством разрабатывались планы интеграции экономики трех стран в общесоветскую систему, решение многочисленных вопросов, касающихся интересов европейских государств в Прибалтике. За новым коммунистическим руководством здесь

¹ Полпреды сообщают... С. 466.

² Доклад Председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. В.М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 года // Военная мысль. 1940. № 8. С. 5.

тоже был нужен глаз да глаз. Некоторые местные советские руководители подозревались в излишнем оппортунизме и национализме, а некоторые в излишнем рвении, которое вредит реноме Советского Союза. Так, председатель совнаркома Эстонской ССР Й. Лауристин неверно доложил НКВД о том, что граждане Эстонии шведского происхождения в Швецию выезжать не хотят. Шведский представитель был соответствующим образом проинформирован. Потом выяснилось, что это неправда, вышел международный конфуз. Молотов наложил резолюцию: «Тов. Лауристину. Как же это так вышло? Нужно *точно* информировать центральные органы»¹.

Не забывал Молотов и о Молдавии (Бессарабии), захват которой Румынией в 1918 году Россия и СССР никогда не признавали. Действуя с толком и расстановкой, Молотов перешел от прибалтийского вопроса к румынско-молдавскому.

Советский Союз уже при заключении пакта 23 августа оговорил свое право спросить с Румынии по старым счетам.

В 1939 году Румыния постепенно начала переориентацию с Антанты на Германию. Однако делали это румыны очень осторожно. С Германией были заключены выгодные прежде всего немцам экономические соглашения. Но и британско-французские гарантии Румыния тоже приняла. Когда польский опыт показал, что эти гарантии недорого стоят, Румыния стала искать союза с Германией и Италией, но на почве борьбы не с Антантой (мало ли чем кончится европейская война), а с СССР.

Молотов 23 июня заявил Шуленбургу: «Разрешение бессарабского вопроса не терпит дальнейших отлагательств. Советское правительство все еще старается разрешить вопрос мирным путем, но оно намерено использовать силу, если румынское правительство отвергнет соглашение. Советские притязания распространяются и на Буковину, где проживает украинское население»². Буковина была новым словом в советско-германских отношениях — в пакте она не упоминалась. Теперь, когда Румыния становилась стратегическим союзником Германии, отдавать СССР все новые ее части немцы не хотели. Тем более, что передача Буковины СССР позволяла РККА еще сильнее

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 155. Л. 29.

² СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Вильнюс, 1989. С. 56.

Будет ли Советскому Союзу можно бы предоставить, — прилагаясь в незначительной степени — средство возмещения того истинного ущерба, который был нанесен Советскому Союзу и населению Бессарабии 22-дневной оккупацией Румынии в Бессарабии.

Правительство СССР и советник Королевскому правительству

КРЕСТ,

ПОЛПРЕДУ.

26-го июля я вызвал Давидеску и передал ему следующее заявление советра.

"В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории — Бессарабию и тем нарушила вековое единство Бессарабии, населенной главным образом украинцами, с Украинской советской республикой".

Советский Союз никогда не признал и не признает насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром.

Теперь, когда военная слабость СССР отходит в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрого разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы избежать, наконец, основы прочного мира между странами, Советский Союз считает необходимым и целесообразным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу.

Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной, как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава. Темой, на чем был бы тем более справедливым, что передана северной части

Советскому Союзу.

связанную часть Буковины и Карп.

наконец, что Королевское правительство предложения СССР и тем достигнуть satisfactory компромисс

открыт. Но, очевидно, из Бессарабии-с.р.".

Молотов.

Шифротелеграмма наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова полпреду СССР в Румынии А.И. Лаврентьеву с текстом заявления правительства СССР правительству Румынии о передаче Советскому Союзу Бессарабии и Северной Буковины

27 июля 1940

[АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 319. Д. 2194. Л. 89–90]

приблизиться к румынским нефтеносным районам Плоешти. Инструктируя Шуленбурга, Риббентроп писал: «Претензии советского правительства в отношении Буковины – нечто новое». В Буковине, которая прежде принадлежала Австрийской империи, живет много немцев. «Полностью симпатизируя урегулированию бессарабского вопроса, Имперское правительство, вместе с тем надеется», что удастся «разрешить этот вопрос мирным путем». Еще бы. Если СССР начнет бомбить нефтяные вышки, это ударит прежде всего по германской экономике. Поэтому Риббентроп обещает надавить на Румынию со своей стороны, и приказывает Шуленбургу: «Пожалуйста, еще раз подчеркните господину Молотову нашу большую заинтересованность в том, чтобы Румыния не стала театром военных действий»¹.

Позиция Германии была доведена до сведения Молотова, который ответил, что «Буковина остается последней недостающей частью единой Украины»². Для советского руководства было важно, чтобы в руках Германии и ее союзников не оставались места компактного проживания украинцев, где можно было бы создать украинский националистический антисоветский центр. Поэтому 26 июня Молотов скорректировал позицию: претензии СССР распространялись только на северную часть Буковины. Риббентроп указал послу в Румынии сообщить министру иностранных дел Румынии: «Во избежание войны между Румынией и Советским Союзом мы можем лишь посоветовать румынскому правительству уступить требованиям советского правительства»³.

В тот же день, 27 июня, румынский посол сообщил Молотову, что его правительство готово приступить к дружественным переговорам. Однако советский премьер разочаровал «дружественных» румын – разговаривать не о чем, румынские войска должны немедленно покинуть Бессарабию и Северную Буковину. Поздно вечером румынское руководство согласилось уступить. Уже на следующий день РККА вошла в Бессарабию и Буковину, двигаясь по маршрутам, которые планировались как направления ударов; 29 июня были заняты переправы на Пруте с тем, чтобы отнимать у проходящих румынских войск имущество, «отобранное» у местного населения (а заодно и «излишки» у тех, кто решил бежать из советизируемой Бессарабии).

¹ СССР – Германия. 1939–1941... С. 60.

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 64.

Оборотной стороной советских успехов стал фактический переход Румынии, Венгрии и Болгарии под итало-германское покровительство – этот регион был включен в систему Венского арбитража. Как только началось вторжение Германии в Бельгию и Нидерланды, Венгрия выдвинула требование к Румынии вернуть две трети Трансильвании. 10 июля Германия и Италия сообщили Венгрии, что поддерживают претензии к Румынии¹. Венгерско-румынские переговоры зашли в тупик, венгры предъявили Румынии ультиматум – или уступки, или вторжение венгерской армии 28 августа. Румыния срочно обратилась за заступничеством к Германии. Риббентроп согласился провести второй Венский арбитраж (первый арбитраж делил Чехословакию). Разумеется, обе стороны должны были подчиниться решению арбитров беспрекословно. Те согласились, и 30 августа арбитраж вырезал из Трансильвании кусок, который был передан Венгрии.

Вопреки пакту, Германия не проконсультировалась об этом с СССР. После того, как Советский Союз согласовал с немцами свои претензии к румынам, это было невежливо, и 31 августа Молотов недовольно заявил об этом Шуленбургу. Впрочем, это не было еще принципиальным разногласием, а своего рода ответной шпилькой за германский протест против советских претензий на Буковину.

В это время накапливались и другие разногласия, носившие скорее тактический характер – о небольшой спорной территории, которую СССР стремился выговорить Литве (и в январе 1941 года добился своего), регулирование движения по Дунаю и др.

Накопление разногласий и пикирование, иногда в раздраженных тонах, сами по себе не вели советско-германские отношения в тупик, но свидетельствовали о необходимости новой встречи, снимающей напряжение на высоком уровне. С другими партнерами даже неудача переговоров вела бы к новым обсуждениям. Но бывают руководители, предпочитающие разрубать запутанные дипломатические клубки мечом войны. Переговоры слишком сложны? Значит неизбежна схватка, и нужно ударить первым. К числу таких государственных деятелей относился Гитлер. Главнокомандующему сухопутными войсками В. Браухичу он 21 июля сообщил о необходимости готовить план на-

¹ Чубарьян А.О. Указ. соч. С. 311.

падения на СССР с расчетом на май 1941 года. Это еще не было окончательное решение, но уже весьма определенное намерение фюрера.

6. ВИЗИТ В ЛОГОВО

Подводя радостные итоги расширения СССР на заседании Верховного Совета 1 августа, Молотов подчеркнул: «Ход событий в Европе не только не ослабил силы советско-германского соглашения о ненападении, но, напротив, подчеркнул важность его существования и дальнейшего развития. За последнее время в иностранной и, особенно, в английской и англофильствующей прессе нередко спекулировали на возможности разногласий между Советским Союзом и Германией, с попыткой запугать нас перспективой усиления могущества Германии. Как с нашей, так и с германской стороны эти попытки не раз разоблачались и отбрасывались, как негодные. Мы можем лишь подтвердить, что, по нашему мнению, в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как СССР, так и Германии»¹. Но Сталин и Молотов уже понимали, что это не так.

Стремясь лучше понять Гитлера, Молотов прочитал книгу Г. Раушнинга, «в которой этот в прошлом близкий к Гитлеру человек немало интересного о нем говорит. Раушнинг немало разъясняет из того, что проводит Г. сейчас и что еще немало крепких орехов оставляет ему на будущее»², — писал Молотов жене. Как теперь известно, Раушнинг многое выдумал, чтобы создать бестселлер, а сам встречался с Гитлером несколько раз на публичных мероприятиях, то есть ничего эксклюзивного сообщить не мог.

Молотов по-прежнему заботился о том, чтобы сближение с Германией не привело к полному обрыву связей с Великобританией и США. Так, 25 мая он отреагировал на британский зондаж об улучшении отношений. Британия предлагала направить в Москву политика С. Криппса с особыми полномочиями, но Мо-

¹ Доклад Председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. В.М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 года. С. 4.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 2.

книгу Раушнинга "Гитлер
мне говорил", в которой
этот в прошлом близкий
Гитлеру человек не мало
интересна в нем говорит.
Раушнинг не мало разбе-
гает на того, что он издал
18/8/40 много

Вспомню, милая, родная моя, в оставил
Вспомню только это сразу же. Приедет,
Эйсснер от Гитлера и Эйсснер от
Свистунка. Очень рад ты,
миссис, и Гитлеру, о по мне,
своей теплоты и любви, кото-
рые дают мне столько
ласки, столько любви сил.

Ты же краше, ж.к. книга
не могу радоваться за-
висти. Это же не только
в воскресенье (несколько га-
сов отработал для Гитлера
вместе с Гитлером и по
французски (в переводе на русск.)

Письмо В.М. Молотова своей жене П.С. Желмуужиной о книге
Г. Раушнинга «Гитлер мне говорил»

13 августа 1940

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 1-3. Автограф]

Молотов считал, что это слишком — Гитлер не должен усмотреть тут внешнеполитического поворота СССР. Молотов принял Криспса 14 июня в качестве посла. Тот анонсировал новый курс Черчилля и заверил, что новое правительство имеет другие взгляды на отношения с СССР, нежели кабинет Чемберлена. Молотов напомнил, что британцы задержали советские корабли «Селенга» и «Маяковский». Начинать сближение нужно с малого. Криспс был не в курсе этой проблемы, но она вскоре разрешилась. Оказалось, что британцы уже передали захваченные по подозрению в перевозке грузов для Германии суда французам, они находятся в Сайгоне. Франция вышла из войны, так что проблем с возвращением судов не будет.

1 июля с Криспсом встретились уже Сталин и Молотов. Посол оказался сторонником признания законности внешнеполитических стремлений Советского Союза, то есть неофициально принял советские территориальные приобретения. В дальнейшем он подтвердил искренность своей позиции. Со своей стороны, Криспс настаивал, что дружба с Германией до добра не доведет. Советские лидеры отвечали холодно. Тон беседы и особенно запись ее итогов, составленная для советских послов, создает впечатление, что в комнате присутствует тень Гитлера. На предложение Криспса активнее участвовать в балканских делах Сталин ответил: «...какая бы большая сила ни вошла на Балканы в качестве руководителя, она будет иметь все шансы на то, чтобы там запутаться»¹. Именно в это время Гитлер принялся судить конфликтующих Румынию и Венгрию. Сталин подчеркивает, что на Балканах у него четко ограниченные интересы — безопасность Черного моря. В отличие от Гитлера, он не стремится руководить всеми Балканами. Это заявление рассчитано на то, что Гитлер о нем узнает. Но и Черчилль не обидится. СССР не собирается вмешиваться в британско-германскую схватку за Балканы. Деритесь на здоровье.

Сильно отредактированную информацию о беседе с Криспсом Молотов отправил в Берлин для сведения 13 июля. СССР не собирается заигрывать с Великобританией. Но за это СССР желал бы понимания его целей со стороны Германии. Советскому Союзу нужны гарантии, что война не приблизится к его границам, скажем, через Черное море.

¹ Цит. по: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. М., 1999. С. 250.

своего, по сути дела, сдерживающего
 уже ~~полностью~~ ^{в той или иной} ~~полностью~~ нем.
 Вульгаризм, Немецкой и Восточной
 с одной стороны, и Английской
 и Советской. Итальянские и Французские
 — с другой стороны, так и борются
 64. 6 в 1940
~~Наступление~~ 0
 Берлинский пакт о Тройственном ^{и нем.}
союзе. ^{и нем.}
 30 сентября в Берлине заключен
 пакт о военном союзе между Гер- ^{и нем.}
 манией, Италией и Японией. ~~Сод- в союзе~~
~~ержание этого союза~~ ^{и нем.} и ~~Кит~~ ^{и нем.}
 рассматривается с сдержанным
 этим ~~пактом~~, так как ~~делает~~ ^{и нем.}
 для ~~судьбы~~ ^{и нем.} ~~своей~~ ^{и нем.} ~~России~~ ^{и нем.}. Но
 не ~~является~~ ^{и нем.} для ~~Современного~~ ^{и нем.}
~~свое~~ ^{и нем.} ~~свое~~ ^{и нем.} ~~свое~~ ^{и нем.}
 как потому, что он представляет

Записка В.М. Молотова «Берлинский пакт о Тройственном
 союзе», опубликованная в номере газеты «Правда»
 от 30 сентября 1940 года
 Не позднее 30 сентября 1940
 [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1161. Л. 66–75]

148

также в ближней и средней Азии,
процедуры возможности согла-
шения об эмансип. (эмансип. с.ц.),
но не заключать какого-либо
соглашения с Т. и Ц. на данной
стадии переговоров, имея в виду

С. секретно Некор. директ. 144 (х) переговор
Цель поездки: к берл. поездке Берлина
(9/х. 402)

а) Разузнать действительные намерения
России Т. и всех участников Т. и Ц. 3-х среди
(Т., Ц., Я.) в осуществлении плана соз- "негара"
дания "Новый Еврей" а также, в перего-
вост. - визарского Пресс-клерка; информация информация
"Нов. Евр." и "Вост. аз. Пр."; характер содержания
информации и отношения с Т. и Ц. содержания
государств в "Н.Е." и в "В.А."; этикет содержания
и сроки осуществления этих планов
и, по кр. мере, ближайшим из них;
перспективы при содействии других
сторон к Т. и Ц. 3-х; мер содержания
плана в данный момент и в дан-
нейшем.

б) Подготовить первоначальную намет-
ку содержания содержания в Европе а

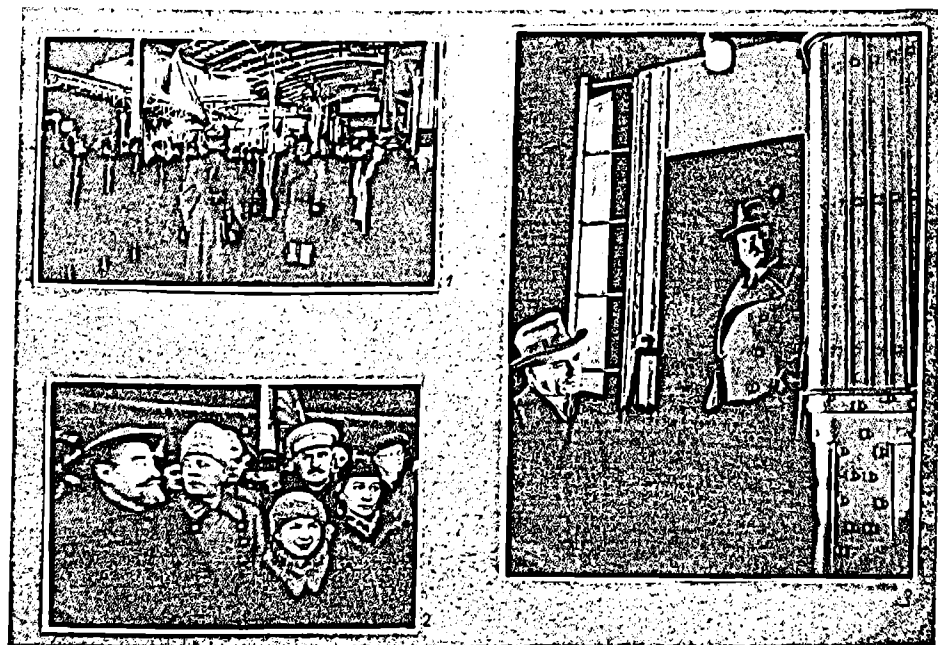
27 сентября между Германией, Италией и Японией был заключен Тройственный пакт. Новое название уже не раздражало Советский Союз, как прежний «Антикоминтерновский пакт». Но отношение советского руководства к пакту было сдержанным, ибо он предусматривал раздел мира на сферы влияния с неясными границами. В Москве опасались, не «задевают» ли эти сферы территорию СССР.

В ноябре к Тройственному пакту присоединились Венгрия и Румыния. 16 октября Германия пригласила в Тройственный пакт Болгарию, но царь Борис предложил отложить это решение, стремясь пока сохранять нейтралитет. Таким образом, Германия все прочнее закреплялась на Балканах, прикрывая свою румынскую нефтяную базу от возможного нападения британцев.

Молотова тревожили и германские действия на северном фланге. Не проконсультировавшись с советской стороной, Германия 22 сентября заключила договор с Финляндией о транзите германских войск. Это уже было покушение на советскую сферу влияния, о котором советское руководство узнало от правительства Финляндии. В октябре германские войска вошли в Румынию, за что СССР тоже не получил компенсацию.

Обсуждение накопившихся разногласий явно назрело. Риббентроп 13 октября направил Сталину письмо, где предложил организовать новую встречу в верхах. Если Сталин не сможет приехать в Берлин сам, то не пора ли Молотову ответить на визиты Риббентропа в Москву?

Сталин и Молотов принялись готовиться к этому визиту, от которого зависело будущее страны и мира. 9 ноября они уединились на даче, чтобы не отвлекала текучка, и составили директивы Молотову, записанные его рукой. Целью поездки становились два пункта: с одной стороны, «разузнуть действительные намерения» Германии и ее союзников «в осуществлении плана создания “Новой Европы”, а также “Великого Восточно-Азиатского Пространства”», их границы и характер, «место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем». С другой – «подготовить первоначальную наметку сферы интересов СССР в Европе, а также в Ближней и Средней Азии, прощупав возможность соглашения» об этом с Германией и Италией, «но не заключать какого-либо соглашения». Нужно попытаться договориться по множеству конкретных вопросов: вывод германских войск из Финляндии, переход Болгарии в советскую сферу влияния с вводом туда сил Красной армии (в обмен на такие же права

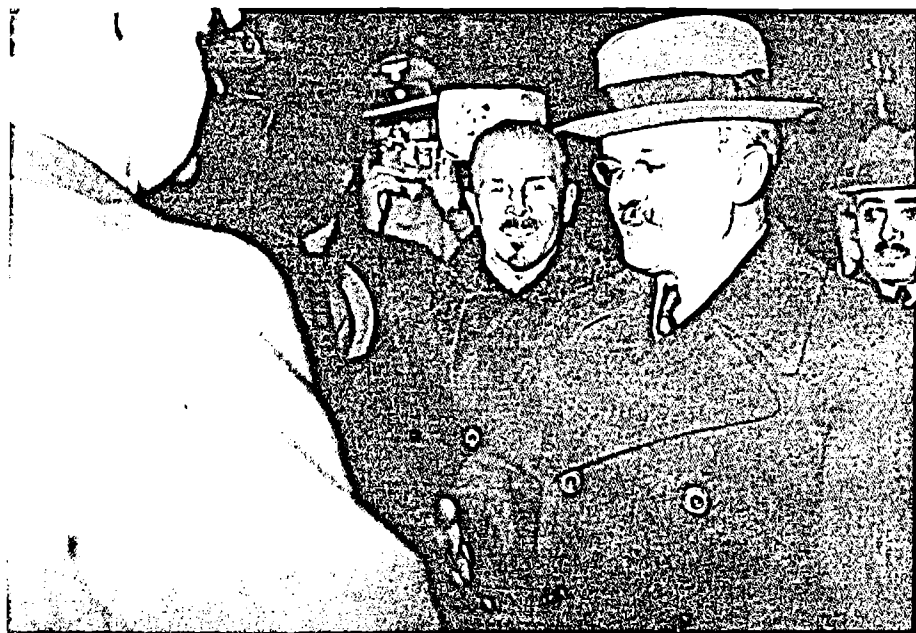
В.М. Молотова провожают в Берлин

10 ноября 1940

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1613. Л. 1]

Германии и Италии на Румынию), обсуждение ситуации вокруг Румынии и Венгрии (поскольку они граничат с СССР), решение «вопроса о Турции» с участием СССР (термин «вопрос», известный как «Восточный вопрос» с XIX века, грозил Турции разделом), нейтралитет Швеции, соблюдение советских интересов на Шпицбергене и свободный проход в Северное море. Можно было обсудить и вопросы дальневосточного урегулирования — заключение Японией почетного мира с Китаем и получение ею контроля над нидерландскими колониями. СССР признавал, что Великобритания должна вернуть подмандатные территории Германии, но в остальном остаться империей, лишь предоставив Индии права доминиона¹.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. М., 1998. С. 30–32.

*Министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп
встречает В.М. Молотова в Берлине*

12 ноября 1940

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1614. Л. 1]

Множество вопросов, с которыми Молотов ехал в Берлин, складывается в целостную мозаику системы безопасности СССР. При успехе этой программы СССР еще дальше отодвигал от своих границ силы возможного нападения – теперь уже очевидно германского, и становился мировым арбитром, который разрешает ко всеобщему удовольствию германо-британские противоречия. Учитывая, что Британия находилась в тяжелой ситуации, от нее требовали лишь «вернуть чужое» и немного уступить национально-освободительной борьбе в Индии, что тоже способствовало бы росту авторитета СССР в мире.

А вот вблизи своих границ СССР выглядел как империалист, продолжая настаивать на своих правах в отношении Финляндии, ставя под угрозу суверенитет Болгарии и Турции. Но это не была политика «захватов ради захватов», претензии СССР были дозированы и определялись военно-стратегическими мотивами, которые были в принципе оборонительными. Сталин и Молотов

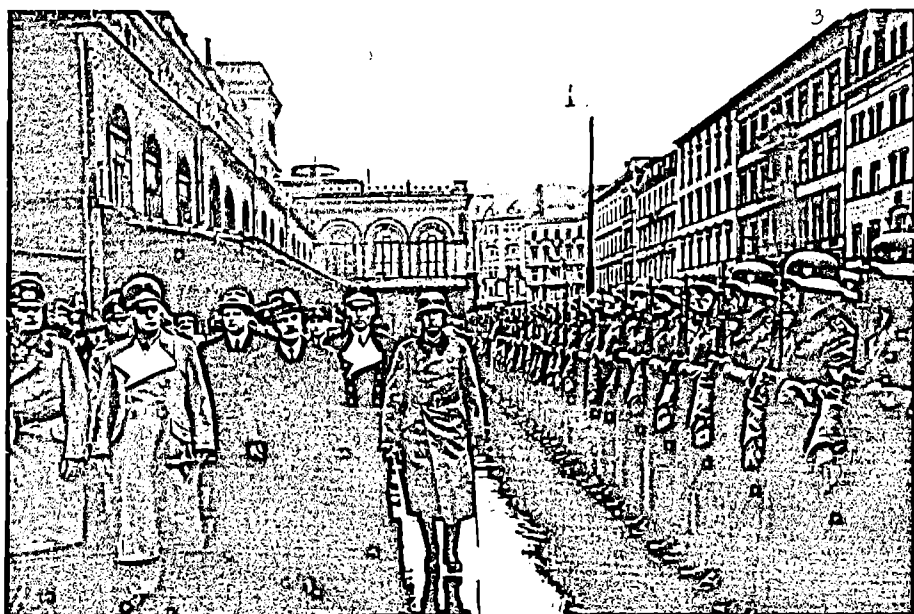
*В.М. Молотов приветствует почетный караул в Берлине
12 ноября 1940*

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1614. Л. 4]

стремились защитить фланги Красной армии, уязвимые со стороны Балтийского и Черного морей. Эти водные коммуникации и прилегающие к ним страны становятся главным направлением переговоров для Молотова и лакмусовой бумажкой в отношении позиции Гитлера. Готов ли он согласиться на надежные гарантии военной безопасности СССР или под видом глобальных бесед готовится к военной кампании?

К поездке Молотова было привлечено мировое внимание, Москва и Берлин публично демонстрировали, что теплым отношениям нипочем ноябрьская погода. Вечером 10 ноября советская делегация во главе с Молотовым отправилась в Берлин с Белорусского вокзала. С ними ехали Шуленбург, его советник фон Вальтер и Шпурре. Когда поезд пересек советскую границу, пассажиры могли увидеть почетный караул, выставленный вдоль всей железной дороги от границы до Берлина¹.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 28.

*В. Кейтель, И. фон Риббентроп, В.М. Молотов и Г. Хильгер
проходят вдоль почетного караула в Берлине
12 ноября 1940
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1614. Л. 2, 3]*

Утром 12 ноября на Ангальтском вокзале Молотова встречало множество чиновников Рейха во главе с Риббентропом и фельд-маршалом Кейтелем. Зазвучал «Интернационал» – легально эту музыку здесь играли впервые за семь лет.

Есть и хроникальные кадры поездки, и фотографии с почетным караулом в Берлине. Сейчас эти рукопожатия с нацистами смотрятся жутковато – ведь через год германская армия будет подходить к Москве. Да и прилично ли пожимать руку нацистам, демонстрируя дружелюбие? Впрочем, Молотову было не впервой. Здесь он был дипломатом, а какие только руки дипломаты не пожимают.

Прибыв в Берлин 12 ноября, Молотов сначала беседовал с Риббентропом, который убеждал его, что «никакая сила на земле не в состоянии предотвратить падение Британской империи»¹. Более того, Риббентроп похвалялся: «Мы не раздумываем более над тем, как выиграть войну. Мы думаем о том, как скорее кончить успешно выигранную войну»². Англичане «определенно попросят мира в будущем году»³. Это было важно – немцы намерены заниматься осадой Британии еще несколько месяцев. Следовательно, весной можно ожидать либо высадки на острове, либо британско-германского примирения. Разумеется, оба варианта могут означать резкий рост угрозы Советскому Союзу. А пока нацистам было важно убедить коммунистов порвать с англичанами, которые вообще партнеры ненадежные: «С чисто английским цинизмом они предательски покинули своих друзей... англичане не только недобросовестные политики, но еще и плохие солдаты»⁴.

Территория Британской империи скоро станет выморочным имуществом. Это создаст вакуум, который должен быть заполнен так, чтобы крупнейшие мировые силы не столкнулись между собой: «Они, – по словам Риббентропа, – продумывали этот вопрос и пришли к заключению, что тому географическому положению, которое занимают наши страны, естественное направление экспансии при умной политике лежит в направлении на Юг. Германия имеет свои притязания в Западной и Восточной Афри-

¹ СССР – Германия. 1939–1941. С. 94. По этому изданию цитируется перевод немецкой записи переговоров.

² Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 38.

³ СССР – Германия. 1939–1941. С. 97.

⁴ Там же. С. 85.

ке – в бывших германских колониях, т. е. тоже на Юге. Притязания Италии лежат в Северной и Северо-Восточной Африке. Ему кажется, что естественное стремление СССР тоже направлено на Юг. Получить выход в океан СССР мог бы тоже на юге»¹.

В этой части Азии Германия не заинтересована. Берите, что хотите. Хотя все британские владения и зависимые от Запада государства. Во всяком случае то, что оставит Япония.

Планы раздела мира вызвали у Молотова не ажиотаж, а скорее опасения. Раздел мира на сферы влияния, говорите... А не поделили ли Вы уже Советский Союз? Что такое обещанное Японии «великое восточно-азиатское пространство», зафиксированное в Тройственном пакте? Не входит ли в эту сферу влияния Японии восток Советского Союза? И где вообще границы этого «пространства»? Риббентроп, оказывается, не задумывался над этим, хоть и участвовал в выработке Тройственного пакта. Японцы предложили формулировку, он и подмахнул. Но Молотов подходит к делу серьезнее: «при разграничении сфер влияния на довольно долгий период времени необходима точность», и поэтому надо бы объясниться «точнее относительно значения, характера и целей Тройственного пакта»².

Говорите, можно на юге взять что хотим? И Турцию можно? Для Молотова принципиально важным был вопрос не о бескрайних просторах Южной Азии, а о проливах, которые вели к южным границам СССР – черноморскому побережью. Но тут немцы не были так щедры даже за чужой счет. Риббентроп считал, что теперь, когда Турция фактически отказалась от союза с Великобританией, ее можно привлечь к союзу победителей. СССР не устраивало, что по заключенной в 1936 году в Монтрё конвенции советский флот не имел права проходить в Средиземноморье, если он участвовал в военном конфликте. В то же время СССР опасался, что случись Турции вступить в антисоветскую коалицию, она пропустит враждебный флот в Черное море. Поэтому Молотов заговорил о необходимости строительства в проливах советских военных баз, которые могли бы гарантировать контроль над проходом судов в Черное море. Опыт же Прибалтики указывал: где появляются советские военные базы, там потом происходит советизация.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 38.

² СССР – Германия. 1939–1941. С. 102; Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 40–41.

В.М. Молотов в Имперской канцелярии Германии

12 ноября 1940

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1614. Л. 5]

Но если Молотову было важно «запереть» вход в свой дом, то Гитлер и Риббентроп должны были учитывать опасения своего союзника Муссолини: ведь через эту дверь СССР может войти в сферу итальянского влияния, которой они уже считали Средиземноморье (тем более, что СССР уже делал это во время войны в Испании).

Риббентроп соглашался, что конвенция в Монтрё устарела, и СССР должен получить дополнительные права для прохода своих военных кораблей. Но «сдавать» Турцию Германия не желала, также претендуя, наряду с Италией, на право прохода кораблей через проливы¹. Это «лекарство» было худшим видом болезни, которой опасались в Москве.

Турция и Болгария интересовали Молотова гораздо больше, чем Иран и Индия. Раз Германия заинтересована в широком разделе мира, можно поставить все неприятные вопросы, которые накопились за последнее время, и обменять новый этап сближения на широкие уступки со стороны Германии.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 39.

Затем Молотов был приглашен к Гитлеру, беседа с которым началась в 15:45 и длилась два с половиной часа. Переводчик В. Бережков вспоминал: «Когда мы вошли, Гитлер был один в кабинете. Он сидел за огромным письменным столом над какими-то бумагами. Но тут же поднял голову, стремительно встал и мелкими шагами направился к нам. Мы встретились в середине комнаты. Мы – это Молотов и его заместитель Деканозов, а также Павлов и я – оба в роли переводчиков. Фюрер подал каждому руку... Обратившись к Молотову, он пригласил его к низкому круглому столу, вокруг которого стояли диван и кресла»¹.

Молотов вспоминал о встрече с Гитлером: «Внешне ничего такого особенного не было, что бросалось бы в глаза. Но очень самодовольный, можно сказать, самовлюбленный человек. Конечно, не такой, каким его изображают в книгах и кинофильмах. Там бьют на внешнюю сторону, показывают его сумасшедшим, маньяком, а это не так. Он был очень умен, но ограничен и туп в силу самовлюбленности и нелепости своей изначальной идеи. Однако со мной он не психовал»².

Фюрер начал смелыми мазками рисовать перед представителем Советского Союза контуры будущего мироустройства. Необходимо «навести порядок в развитии народов», что приведет к «мирному сотрудничеству между двумя странами даже после ухода из жизни их нынешних руководителей»³. Тут Молотов поддакнул.

Поскольку в итоге миссия Молотова кончилась неудачей, теперь ему нужно было подчеркивать несерьезность отношения к геополитическим предложениям Гитлера. А что как Гитлер оказался бы более уступчив в отношении тех вопросов, которые волновали Сталина и Молотова в первую очередь? Тогда и о походе на юг можно было бы подумать. Не на Индию, конечно. Но в сторону Турции и Ирана – вполне.

Как и Риббентроп, Гитлер был уверен, что дело британцев обречено: «Борьба с Англией на 99 пунктов против одного выиграна, и если бы не атмосферные условия, то с Англией уже было бы покончено. Как только атмосферные условия улучшатся, насту-

¹ Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 12–13.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 22–23.

³ СССР – Германия. 1939–1941. С. 103.

пит развязка»¹. Но борьба с британцами потребовала «вторгнуться в отдаленные от Германии территории, в которых она в общем не была заинтересована ни политически, ни экономически»². Вы нас не бойтесь. Мы англичан побьем и уйдем назад в германские пределы. К тому же, Германия получила такие обширные территории, «что ей потребуется сто лет, чтобы использовать их полностью»³. А Гитлер планирует колониальную экспансию в Африке.

Так что Советскому Союзу не о чем беспокоиться. Вообще, «Германия предпочла бы кончить войну в прошлом году и демобилизовать свою армию для того, чтобы возобновить мирную работу, так как с экономической точки зрения любая война является плохим бизнесом»⁴. Молотов поддакивал миролюбивым пассажирам в речи Гитлера.

Но пока источники сырья Германии должны быть полностью защищены. Имелась в виду прежде всего Румыния. Когда Гитлер заговорил о Румынии и проливах, Молотов заметно оживился. Затем он заговорил более пространно. Советско-германское соглашение 1939 года «можно, таким образом, считать выполненным во всех пунктах, кроме одного, а именно Финляндии»⁵. СССР собирался все-таки решить эту «проблему». Но теперь в Финляндии была заинтересована Германия. Гитлер категорически заявил, что не хотел бы войны в бассейне Балтики. При этом через Финляндию начался транзит германских войск в Норвегию, что, по мнению Молотова, нарушало условия пакта. Гитлеру пришлось оправдываться – мол, пребывание войск временно, и войск этих мало. Но Молотов упорствовал. Если немецкие войска накопятся в Финляндии, они будут угрожать СССР. Конечно, вслух Молотов этого не произнес. Но он выказал недовольство несерьезным отношением Берлина к согласованным ранее «правам» Москвы. А раз так – зачем заключать новое соглашение, если Германия и старое-то не соблюдает.

Несмотря на то, что проблемы в советско-германских отношениях сохранялись, Молотов заявил: «Участие России в Тройственном пакте представляется ему в принципе абсолютно при-

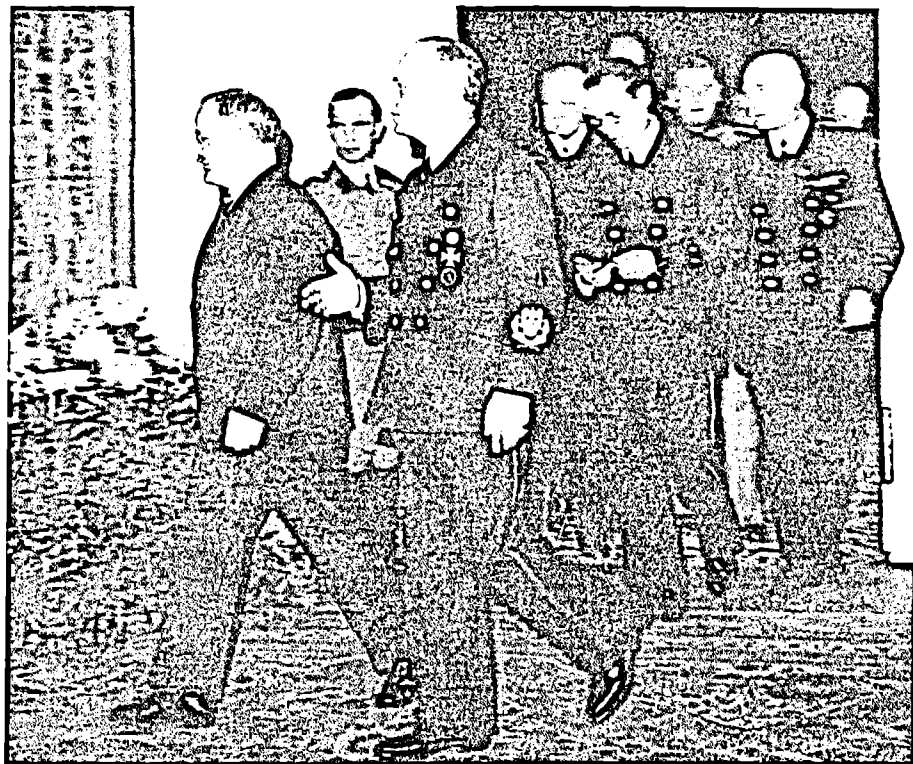
¹ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 42.

² СССР – Германия. 1939–1941. С. 104.

³ Там же. С. 105.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ Там же. С. 108.

*В.М. Молотов и И. фон Риббентроп на приеме в отеле
«Кайзерхоф»*

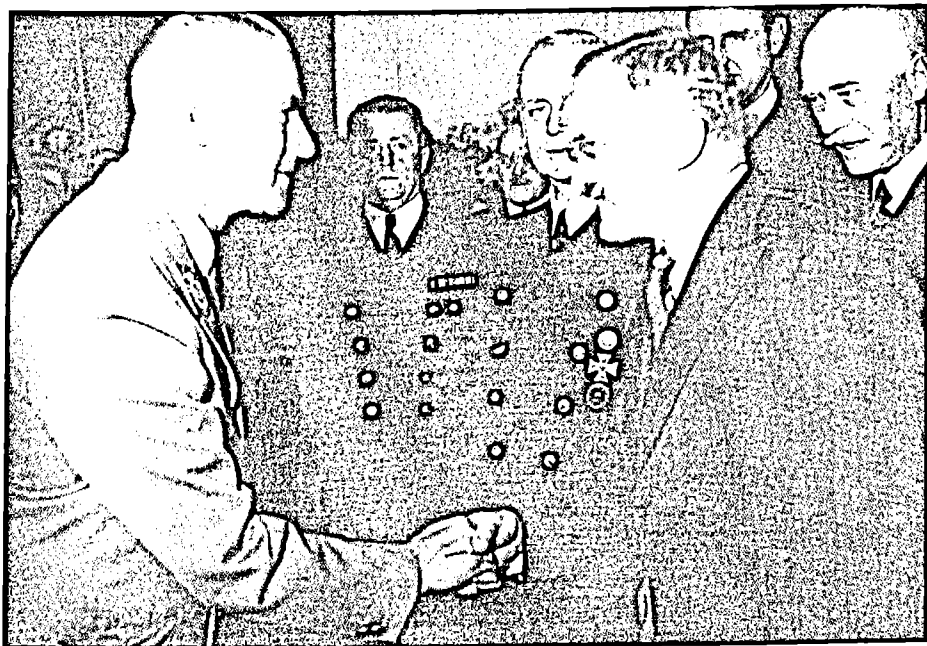
13 ноября 1940

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1614. Л. 6]

емлемым при условии, что Россия является партнером, а не объектом»⁶. Но сначала следует урегулировать разногласия с Японией и другие проблемы.

Собеседникам пришлось прерваться, поскольку начался налет британской авиации на Берлин. Этот неприятный комментарий Черчилля к беседе о разделе мира показал Молотову – положение англичан не столь безнадежно. Березжков вспоминал: «Оставаться здесь небезопасно, – произнес Риббентроп. – Давайте спустимся в бункер, там спокойнее...» Спустившись глубоко под землю, прошли в просторный кабинет, тоже убранный достаточно богато. Когда Риббентроп принялся снова развивать мысль о скором крушении Англии и необходимости распоря-

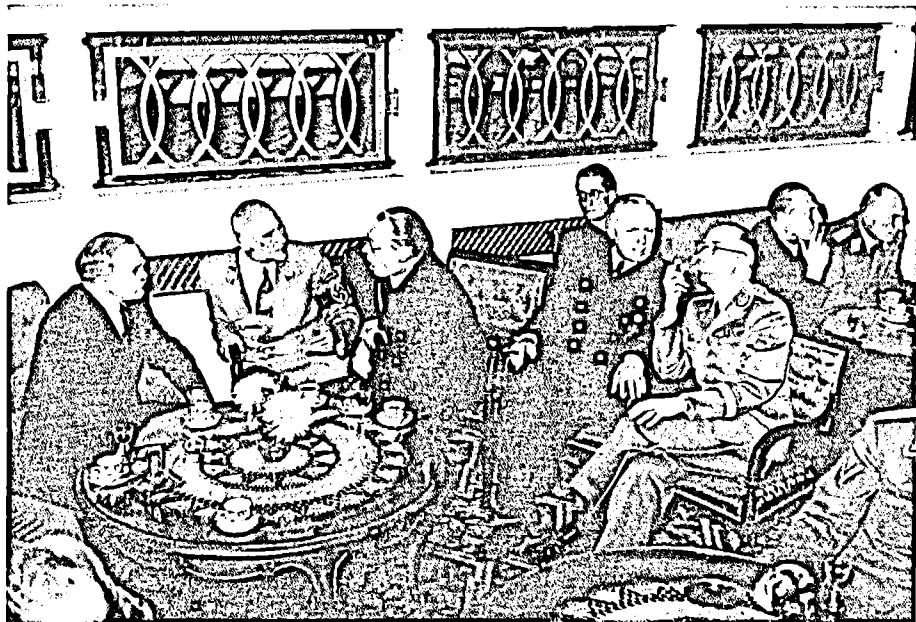
⁶ Там же. С. 109.

На приеме в отеле
«Кайзерхоф»: В. Фрик,
И. фон Риббентроп,
В.М. Молотов,
В. фон дер Шуленбург
13 ноября 1940
[РГАСПИ. Ф. 82.
Оп. 2. Д. 1614. Л. 7]

В.М. Молотов
беседует
с О. Мейснером
и Г. Хильгером
13 ноября 1940
[РГАСПИ. Ф. 82.
Оп. 2. Д. 1614. Л. 8]

*В.М. Молотов, В. Фрик, Г. Хильгер, И. фон Риббентроп
и Г. Гиммлер на приеме в отеле «Кайзерхоф»*

13 ноября 1940

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1614. Л. 9]

диться ее имуществом, Молотов прервал его своей знаменитой фразой: – Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом убежище? И чьи это бомбы падают так близко, что разрывы их слышны даже здесь?» Позднее «Сталин шутя пожурит за это Черчилля: – Зачем вы бомбили моего Вячеслава?»¹

Отчет о беседе старый конспиратор Молотов готовил с помощниками молча: «Молотов обвел взглядом стены, потолок, задержался на огромной китайской вазе со свежесрезанными благоухающими розами... – Я начну составлять телеграмму и передавать вам листки для сверки с вашим текстом. Если будут замечания, прямо вносите в листки или пишете мне записку. Работать будем молча. Понятно?»²

¹ Бережков В.М. Указ. соч. С. 52.

² Там же. С. 168.

Сталин был не вполне доволен: «В твоей шифровке о беседе с Риббентропом есть одно неточное выражение насчет исчерпания соглашения с Германией, за исключением вопроса о Финляндии. Это выражение неточное. Следовало бы сказать, что исчерпан протокол к договору о ненападении, а не соглашение, ибо выражение “исчерпание соглашения” немцы могут понять как исчерпание договора о ненападении, что, конечно, было бы неправильно»¹. Сталин советовал «не обнаруживать нашего большого интереса к Персии и сказать, что, пожалуй, не будем возражать против предложения немцев», держаться пока «в рамках мирного разрешения, ...но сказать, что мирное разрешение не будет реальным без нашей гарантии Болгарии и пропуска наших войск в Болгарию как средства давления на Турцию»². Локальные вопросы волновали Сталина, как и Молотова, куда больше, чем раздел мира.

А вот сам Гитлер беседой с Молотовым был раздражен и не почтил своим присутствием вечерний прием в честь советского премьера 12 ноября и не был на ужине в советском посольстве 13 ноября. А. Яковлев вспоминал о приеме в отеле «Кайзерхоф»: «Мы приехали в роскошный отель, вестибюль которого представлял собой жужжащий улей. Множество немцев во фраках, смокингах, военных мундирах с орденами и медалями заполняли зал. Сквозь раскрытые двери был виден огромный красиво сервированный стол, а на стене перед входом в зал – план стола с указанием места каждого из гостей. В назначенное время всех пригласили к столу.

Хозяин банкета, министр Риббентроп, лобезно улыбался направо и налево...

Банкет внезапно был прерван. Раздался вой сирены, хозяйева всполошились, повскакали с мест. Немецкие офицеры предложили нам свои услуги для того, чтобы отвезти в бомбоубежище замка Бельвю. Мы вышли на улицу. Стояла светлая, лунная ночь. Где-то высоко-высоко в небе жужжали английские самолеты. Бесчисленные лучи прожекторов шарили по небу, пытались их отыскать. Бухала зенитная артиллерия»³.

Понимая, что, если Молотов начнет снова досаждать фюреру вопросами о Финляндии, это может вызвать скандал, Риббен-

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 48.

² Там же. С. 61.

³ Яковлев А.С. Указ. соч. С. 182–183.

*В.М. Молотов, Г. Хильгер
и А. Гитлер
14 ноября 1940
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2.
Д. 1614. Л. 11, 12, 14]*

троп послал к Молотову Шуленбурга с просьбой не поднимать этот вопрос, потому что немцы «признают за СССР право на Финляндию». Но для Молотова этот вопрос был одним из важнейших, и он не позволил от него отмахнуться таким образом: «Видимо, ввод германских войск в Финляндию толкает финляндское правительство к предположению, что у СССР и Германии в этом пункте не все гладко, и вызвал страсти, может быть напрасные»¹.

Зато в первой половине дня 13 ноября, получив очередную порцию почестей, Молотов в сопровождении членов советской делегации прибыл на завтрак, который в честь него давал Гитлер. Фюрер заявил: «Я считаю, что наши успехи будут больше, если мы будем стоять спиной к спине и бороться с внешними силами, чем если мы будем стоять друг против друга грудью и будем бороться друг против друга». Молотов подхватил мысль Гитлера, выразив надежду, что СССР и Германия могут идти «по пути участия в некоторых совместных акциях». Но тогда нужно сначала договориться о некоторых второстепенных, но важных для безопасности СССР вопросах: дружественная СССР Финляндия без германских войск и советский контроль над подступами к Черному морю. У Гитлера был обратный подход, дедуктивный: сначала общие вопросы, а потом частности: «Если мы перейдем к более важным вопросам, – говорит Гитлер, – то этот вопрос будет несущественным. Финляндия же не уйдет от Советского Союза»².

Впрочем, Гитлер уже продумал, что отвечать на претензии Молотова: «Германия не имеет политических интересов в Финляндии. Советскому правительству известно, что во время советско-финской войны Германия сохраняла строжайший и даже благожелательный нейтралитет... Германия и теперь признает Финляндию сферой интересов СССР, но на время войны Германия заинтересована в Финляндии экономически, ибо получает оттуда лес и никель. Германия заинтересована в предупреждении конфликтов в Балтийском море, т. к. там проходят ее торговые пути. Утверждение, что немцы оккупировали некоторые части территории Финляндии, не соответствует действительности. Германия направляет через Финляндию транспорты в Киркенес. Для этих перебросок Германии нужны две базы, т. к. из-за

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 54.

² Там же. С. 66.

дальности расстояния его нельзя было покрыть в один переход. Когда переход закончится, больше не будет в Финляндии германских войск». При этом Гитлер говорил и обидные для Молотова вещи: «Финны, которые оказывали упорное сопротивление, завоевали симпатию во всем мире, и в особенности среди скандинавских народов. И в германском народе также возникло возбуждение по поводу поведения германского правительства, которое определялось соглашениями с СССР. Все это побуждает германское правительство стремиться к тому, чтобы воспрепятствовать возникновению вторичной войны в Финляндии»¹.

В ответ Молотов принялся по-новому трактовать советско-германские договоренности 1939 года: «Соглашения и секретный протокол говорили об общей советско-германской границе на Балтийском море, т. е. о прибалтийских государствах, Финляндии, Румынии и Польше»². Но в 1939 году договорились только о границе на территории бывшего Польского государства, а о советско-германской границе на Балтике и, следовательно, об обязательном присоединении балтийских государств к СССР речь не шла. Чтобы Гитлер точно понял намек, Молотов спросил, находится ли Финляндия в таком же положении, как Эстония и Бессарабия? Гитлер специально поинтересовался, «имеет ли Советский Союз намерение вести войну в Финляндии». Молотов ответил уклончиво: «если правительство Финляндии откажется от двойственной политики и от настраивания масс против СССР, все пойдет нормально», но потом добавил успокоительно: «мир в Балтийском море обеспечен»³. Это означает по крайней мере готовность СССР не вести военно-морских операций против Финляндии.

Гитлер снова пытался перевести внимание Молотова на предстоящий раздел имущества обанкротившейся Британской империи, что «сможет удовлетворить всех, кто имеет потребность в свободном выходе к океану». К числу государств, которые должны поделить британское наследство, Гитлер отнес Германию, Францию, Италию, Россию и Японию. В мировую коалицию можно включить также Испанию. «Для осуществления всего этого требуется, конечно, продолжительное время, 50–100 лет»⁴.

¹ Там же. С. 63–64.

² Там же.

³ Там же. С. 66–67.

⁴ Там же. С. 68–69.

«Мы все являемся континентальными государствами, хотя каждая страна имеет свои интересы. Америка же и Англия не являются континентальными государствами, они лишь стремятся к натравливанию европейских государств друг на друга, и мы хотим их исключить из Европы», – мечтал Гитлер. Молотов согласился в этом с Гитлером¹. Красивая концепция. И выгодная. Что касается раздела британского наследства, то Молотов уклонился от обсуждения, сославшись на то, что «он менее, чем Фюрер, компетентен в этом вопросе, так как последний, безусловно, много думал над этими проблемами и имеет о них более конкретное представление»². СССР в принципе интересуется эти вопросы, возможно участие «в широких акциях вместе с другими государствами: Германией, Италией и Японией», но сначала нужно договориться о Финляндии и Черноморье. Вячеслав Михайлович стремился опустить Гитлера с глобального неба на практическую землю: «Вы коснулись больших вопросов, которые имеют не только европейское значение. Мне же хочется остановиться прежде на более близких к Европе делах. Без консультации с нами Германия и Италия гарантировали неприкосновенность румынской территории. Эти гарантии были направлены против интересов Советского Союза. В отношении Черноморских проливов нужно сказать, что они не раз являлись воротами для нападения на Россию. Хотел бы знать, что скажет германское правительство, если советское правительство даст гарантии Болгарии на таких же основаниях, как их дала Германия и Италия Румынии, причем с полным сохранением существующего в Болгарии внутреннего режима. Турция знает, что Советский Союз не удовлетворен конвенцией Монтрё в отношении проливов, следовательно, этот вопрос очень актуальный». Гитлер парировал: «Румыния сама обратилась с просьбой о гарантии, так как в противном случае она не могла уступить части своей территории без войны. Однако, как только окончится война, германские войска покинут Румынию. В отношении Болгарии: нужно узнать, желает ли Болгария иметь эти гарантии от Советского Союза и каково будет к этому отношение Италии, так как она наиболее заинтересована в этом вопросе»³.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 46.

² СССР – Германия. 1939–1941. С. 118.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 70.

Много лет спустя Молотов так вспоминал эти переговоры: «Он – свое, я – свое. Начал нервничать. Я – настойчиво, в общем, я его допек»¹. Гитлер даже вспылил: «...советское правительство должно понять, что Германия не на жизнь, а на смерть вовлечена в борьбу, которая при всех обстоятельствах должна быть доведена до успешного конца»². Забыты благодушные речи о том, что дело Британской империи проиграно. Молотов язвительно напомнил, что Германия «уверена, что уже почти покорила Англию»³.

Переводчик П.-О. Шмидт вспоминал, что во второй беседе Молотов стал «очень активным. Вопросы обрушивались на Гитлера один за другим. При мне никто из иностранцев с ним так не говорил». Гитлер же, вопреки обыкновению, был «сама кротость и вежливость». Шмидт в мемуарах оставил такой образ Молотова: «Этот коренастый, среднего роста русский, с живыми глазами за старомодным пенсне, все время напоминал мне профессора математики. Причем не только внешне. И в аргументации Молотова, и в его манере говорить присутствовала математическая точность и безукоризненная логика»⁴. Мы увидим, что это – не единственное сравнение Молотова с математиком.

Молотов вспоминал: «После беседы обедали. Он говорит: “Идет война, я сейчас кофе не пью, потому что мой народ не пьет кофе. Мяса не ем, только вегетарианскую пищу, не курю, не пью”. Я смотрю, со мной кролик сидит, травкой питается, идеальный мужчина. Я, разумеется, ни от чего не отказывался. Гитлеровское начальство тоже ело и пило. Надо сказать, они не производили впечатления сумасшедших... Когда пили кофе, шел салонный разговор, как полагается дипломатам. Риббентроп, бывший виноторговец, говорил о марках вин, расспрашивал о Массандре... Гитлер играл и пытался произвести впечатление на меня.

Когда нас фотографировали, Гитлер меня обнял одной рукой...

Когда мы прощались, он меня провожал до самой передней, к вешалке... Говорит мне, когда я одевался: “Я уверен, что история

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 23.

² СССР – Германия. 1939–1941. С. 113.

³ Там же. С. 116.

⁴ Цит. по: Сиполс В. Тайны дипломатические... С. 265, 270.

навек запомнит Сталина!" – "Я в этом не сомневаюсь", – ответил я ему. "Но я надеюсь, что она запомнит и меня", – сказал Гитлер. "Я и в этом не сомневаюсь"»¹.

В стенограмме эти слова относятся ко времени официальной беседы: «Гитлер сожалеет, что ему до сих пор не удалось встретиться с такой огромной исторической личностью, как Сталин, тем более, что он думает, что, может быть, и он сам попадет в историю»². Молотов со всем этим согласился, конечно.

Хотя при фотографировании Молотов улыбался, настроение было не очень: «Выяснилось, что они ничего не хотят нам уступать... Он хотел втянуть нас в авантюру, но, с другой стороны, и я не сумел у него добиться уступок по части Финляндии и Румынии»³.

После встречи с Гитлером Молотов еще три часа беседовал с Риббентропом, который предложил «конспект» будущего договора между державами Тройственного пакта и СССР (речь не шла о договоре четырех держав между собой, а по формуле 3+1). В нем можно было бы «зафиксировать центры тяжести территориальных аспираций договаривающихся четырех сторон. Что касается Германии, то кроме ревизий, которые должны быть проведены в Европе при заключении мира, центр тяжести ее аспирации лежит в Средней Африке. Что касается Италии, то, помимо европейских ревизий, ее аспирации будут распространяться на Северо-Восточную и Северную Африку. Центр тяжести аспирации Японии надо выяснить дипломатическим путем в переговорах с ней. Риббентроп предполагает, что аспирации Японии можно было бы направить по линии южнее Маньчжоу-Го и Японских островов. Что касается СССР, то этот вопрос можно было бы выяснить. Он предполагает, что центр тяжести аспирации СССР лежит в направлении на Юг, т. е. к Индийскому океану»⁴.

Представьте себе этот мир. Германия управляет Западной и Центральной Европой, и Тропической и Южной Африкой. Италия – Средиземноморьем и Северной Африкой. Но запад этого региона выделен испанскому фалангисту Франко. А в случае успеха заокеанского похода – еще и Латинскую Америку мож-

¹ Сиполс В. Тайны дипломатические... С. 24.

² Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 71.

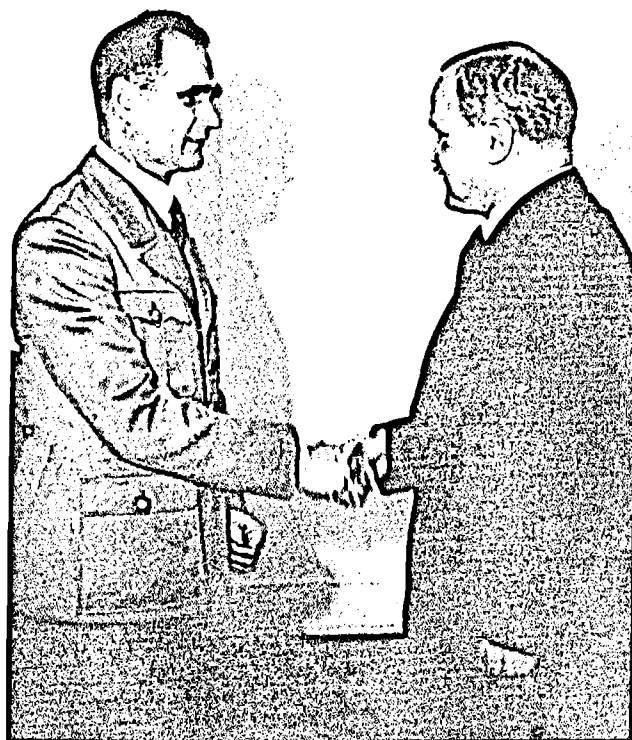
³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 27.

⁴ СССР – Германия. 1939–1941. С.123; Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 72–74.

*В.М. Молотов
и Г. Геринг в Берлине
13 ноября 1940
[РГАСПИ. Ф. 82.
Оп. 2. Д. 1614. Л. 16]*

но подчинить Испании. Западная советская граница проходит как в 1941 году, а на юге в СССР включены Турция, Иран, Индия и часть арабского мира. В Кремле продолжают сидеть руководители коммунистической партии, но заменившей идеалы коммунизма национализмом. Остальная Азия – под японским руководством. А США? Зависимая от Германии региональная федерация или конфедерация во главе с местными фашистами, которые клянутся никогда снова не участвовать в европейских конфликтах. Ну что, нравится? Кто-то из читателей непроизвольно кивнет. Национализм, симпатии к идее сильного государства, основанного на национальных приоритетах, и сегодня сильны. Это был бы мир расового и национального неравноправия, где судьба человека определялась бы тем, в какой семье он родился – немецкой, русской или еврейской, китайской. Это был бы мир беспрекословного подчинения миллиардов людей тысячам господ. Хотя потом, возможно, прошел бы не только XX съезд КПСС, но и XX съезд НСДАП, осудивший культ личности вождя и его перегибы, а новое руководство стало бы уделять

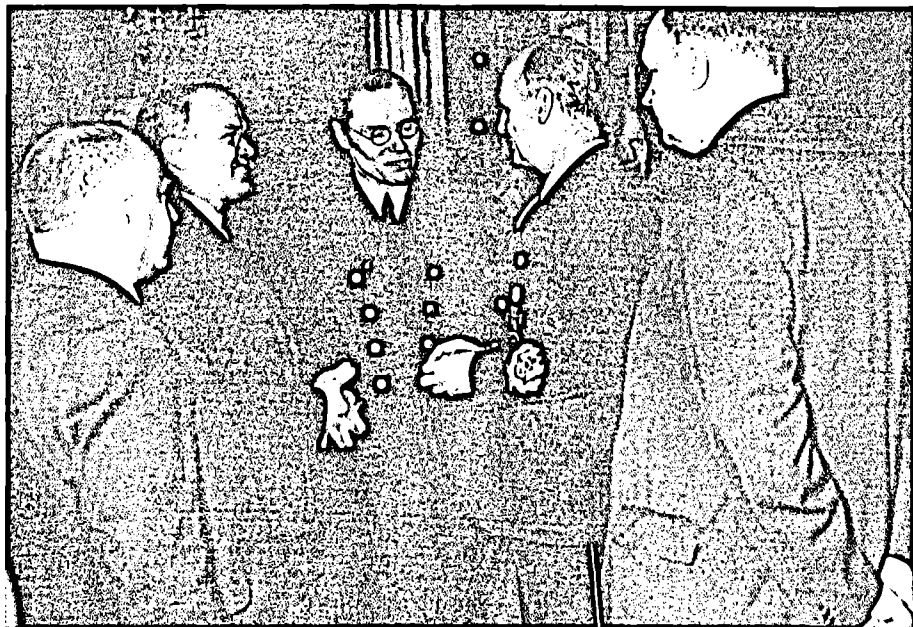

*Р. Гесс
и В.М. Молотов
в Берлине
13 ноября 1940
[РГАСПИ. Ф. 82.
Оп. 2. Д. 1614.
Л. 15]*

меньше внимания военной мощи, а больше комфорту бюргеров, пиву и сосискам. Но насчет борьбы за гражданские и социальные права, единый мир свободных людей – это ни-ни. Национально-государственные приоритеты – это святое. Заветам фюрера верны...

Для Молотова такой мир был неприемлем – несмотря на его собственную тоталитарную практику, главным для него будет коммунистическая перспектива, а советская держава – средством достижения коммунизма. Да и для Гитлера ситуативные соглашения с унтерменнами тоже были тактикой, а не стратегией. Чтобы получить свой уголок в планетарном разделе мира, нужно было проявить лояльность тому, кто этот мир делит. А если нет – сегодня Британия, а завтра – и вы. Советско-германское столкновение было неизбежно, вопрос был в сроках и в выигрышные позиции, с которых начнется война.

Молотов сказал Риббентропу на прощание, что, прежде чем решать «великие вопросы завтрашнего дня», нужно решить «вопросы сегодняшнего дня» и добавил, что «не сожалеет о воздуш-

В.М. Молотов, Г. Хильгер, И. фон Риббентроп и посол СССР в Германии А.А. Шкварцев в советском посольстве в Берлине 14 ноября 1940
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1614. Л. 17]

ном налете, так как благодаря ему он имел такую исчерпывающую беседу с имперским министром»¹. И лишний раз убедился, что Британия далеко не сломлена. Но этого Молотов тоже не стал говорить вслух. Он уже хорошо научился не говорить лишнего.

В ходе визита Молотов посетил также Геринга и Гесса. Геринг говорил, «что нарушение сроков поставок Германией объясняется тем, что Германия ведет войну, и тем, что заказы СССР концентрируются на предметах вооружения. Тем не менее, он обещает, что все возможное будет выполнено... Геринг заявляет, что надо всячески содействовать ускорению дела и проявлять больше доверия...

Геринг заявляет, что ему известно, что СССР выполняет свои поставки в срок и даже раньше»². Однако и после этих оптими-

¹ СССР – Германия. 1939–1941. С. 127.

² Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 58.

*И. фонд Риббентроп провожает В.М. Молотова на вокзале
в Берлине*

14 ноября 1940

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1614. Л. 18]

стических заявлений разногласия продолжали нарастать настолько, что 25 ноября на встрече с Молотовым Шнуре заявил, «что по основным вопросам хозяйственные переговоры зашли в тупик...»¹

О визите к Гессу Молотов вспоминал: «Гесс очень скромно себя внешне держал. Скромный такой кабинет, больничный. В геринговском, наоборот, были развешаны большие картины, гобелены... Спрашиваю у Гесса: “Есть ли у вас программа партии?” Знаю, что нет. Как это – партия без программы? “Есть ли у вас устав партии?” Я знаю, что у них нет устава партии. Но я все-таки решил его немного пощупать... Я дальше подкалываю:

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 128.

“А есть ли конституция?” Тоже нет. Но какая высокая степень организации!»¹

В кратком отчете Сталину 14 ноября Молотов подвел итоги переговорам: «Обе беседы не дали желательных результатов»². Согласовали текст коммюнике. Решили, что «Обмен мнений протекал в атмосфере взаимного доверия», а не «в дружественной атмосфере»³.

После отъезда Молотова Риббентроп считал, что можно пойти на уступки русским, и дело пойдет, но Гитлер уже принял решение⁴. Из этого следует, что необратимая неудача визита Молотова в Берлин была результатом не только советской позиции, но именно субъективного отношения к ней Гитлера. Если Риббентроп и согласная с ним часть германского руководства была настроена на раздел сфер влияния с СССР по крайней мере до победы над Великобританией, Гитлер был готов терпеть СССР только в качестве вассала. Он был настроен уже совсем не так, как во второй половине 1939 года, и раздел мира не мог состояться также, как и раздел Восточной Европы.

После отъезда Молотова Геббельс написал в дневнике: «Все дальнейшее зависит от Сталина. Его решение пока еще заставляет себя ждать»⁵. В Берлине всерьез относились к своим предложениям. Может быть, Молотов не был уполномочен на них соглашаться? Молотов в Берлине демонстрировал раздражение германской позицией и обидно дерзил. Но насколько при этом он отражает позицию Сталина? Вдруг советский канцлер своевольничает?

Сталин с карандашом в руках читал стенограммы бесед Молотова с германскими руководителями. Он подчеркнул, видимо с удовлетворением, слова Гитлера о важности личных факторов в политической жизни, о необходимости совместных действий наших народов, о том, что Германия уже получила достаточно территории и нуждается прежде всего в сырье, о возможности выхода в «свободное море» (то есть, к океанам), о возможности нового визита Риббентропа в Москву, чтобы урегулировать раз-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 29.

² Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 81.

³ Там же. С. 82.

⁴ Чубарьян А.О. Указ. соч. С. 329.

⁵ Цит. по: Либин А. Сталин, Гитлер и первый геополитический коллапс // Советская внешняя политика и дипломатия 1939–1941 гг. Нетривиальный взгляд на события. М., 2019. С. 115.

ногласия по Балканам. Возражения Гитлера на советские претензии по Финляндии Сталин тоже подчеркнул, но явно без удовольствия. На полях он написал: «Против экономич[еских] интересов Герм[ании] в Финл[яндии] не возражаем». А рядом с рассуждениями фюрера о необходимости учитывать территориальные интересы Германии оставил помету: «Тогда пусть Германия *откажется* от кусочка Литвы» (в январе удастся решить этот вопрос). Историк В.А. Невежин пишет о реакции Сталина: «Очевидно, А. Гитлер зашел настолько далеко в своих разглагольствованиях о наличии у СССР и Германии неких “общих интересов”, что при чтении отчета о беседе 13 ноября “откровения” фюрера вызвали настороженность И.В. Сталина. В.М. Бережков и В.Н. Павлов, в частности, зафиксировали следующую мысль фюрера: “Я считаю, – говорит Гитлер, – что наши успехи будут больше, если мы будем стоять спиной к спине и бороться с внешними силами, чем если мы будем стоять друг против друга грудью и будем бороться друг против друга”. Против этого абзаца слева на полях Сталин написал красным карандашом: “Намек на наши войска у границ?”»¹ Гитлер опасается советской военной мощи, видит ее нарастание и не успокоится, пока не избавится от Красной армии у своих границ, в тылу своего противостояния с Великобританией. Либо он сплавит Красную армию на юг, в направлении британской Индии, либо война неизбежна. Во всяком случае, Молотов отлично справился с задачей выведать намерения Гитлера.

7. БАЛКАНЫ И МИР

Первая мировая война началась с того, что был разрублен тугой «Гордиев узел» противоречий великих держав на Балканах. В 1940–1941 годах он снова затягивался все сильнее. Для Гитлера это было продолжением войны с Великобританией, но участие в балканских делах СССР усложняло ситуацию и показывало, что компромисс с Москвой на условиях фюрера невозможен. Для Молотова Балканы были тем регионом, который позволял выявлять намерения потенциального противника и влиять на них дипломатическим путем, оттягивания момент военного столкновения.

В конце ноября Германия стала оформлять свою сферу влияния без учета мнения СССР. К Тройственному пакту при-

¹ Советская политика и пропаганда 1939–1941. М., 2022. С. 109–112.

соединилась 20 ноября Венгрия, 23 ноября – Румыния, 24 ноября – Словакия. Германия продемонстрировала, что готова содействовать возвращению Болгарии территорий, потерянных в 1913–1919 годах: 7 сентября 1940 года Румыния вынуждена была уступить ей Южную Добруджу.

Давление на Болгарию решено было усилить. Сразу после возвращения из Берлина, 19 ноября, Молотов направил в Софию предложение заключить пакт о взаимопомощи, а 25 ноября Генеральный секретарь НКВД СССР А. Соболев посетил болгарского премьер-министра Б. Филова и предложил заключить пакт о взаимопомощи с Болгарией. СССР, таким образом, тоже начал действовать без согласования с Германией. Сталин и Молотов надеялись в случае успеха поставить партнеров перед фактом. Вы говорили, что важно узнать мнение Болгарии? Сейчас и узнаем.

Думая, что советско-германские отношения все еще крепки, болгары могут дрогнуть. Но этого не случилось. 30 ноября был получен ответ: «Болгарское правительство благодарит советское правительство за дружественные чувства, проявленные в отношении Болгарии, но не видит необходимости принятия в данное время гарантии СССР, так как никто не угрожает Болгарии»¹. Это были отговорки. Вскоре Болгария вступит в Тройственный пакт.

Обсудив со Сталиным предложения Гитлера и Риббентропа, 25 ноября Молотов сообщил Шуленбургу, что «СССР согласен принять в основном проект пакта четырех держав об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи, изложенный г. Риббентропом в его беседе с В.М. Молотовым в Берлине 13 ноября 1940 года и состоящий из 4-х пунктов, при следующих условиях:

1. Если германские войска будут теперь же выведены из Финляндии, представляющей сферу влияния СССР, согласно советско-германскому соглашению 1939 года, причем СССР обязывается обеспечить мирные отношения с Финляндией, а также экономические интересы Германии в Финляндии (вывоз леса, никеля).

2. Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 138.

положению в сфере безопасности черноморских границ СССР и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды.

3. Если центром тяжести аспирации СССР будет признан район к югу от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу.

4. Если Япония откажется от своих концессионных прав по углю и нефти на Северном Сахалине на условиях справедливой компенсации».

Также Советскому Союзу должна быть обеспечена военная и военно-морская базы СССР у Босфора и Дарданелл «на началах долгосрочной аренды с гарантией 3-х держав независимости и территории Турции в случае, если Турция согласится присоединиться к четырем державам.

В этом протоколе должно быть предусмотрено, что в случае отказа Турции присоединиться к четырем державам Германия, Италия и СССР договариваются выработать и провести в жизнь необходимые военные и дипломатические меры, о чем должно быть заключено специальное соглашение»¹.

Как видно, СССР уклонялся от претензий к Великобритании, ограничившись обозначением своих интересов в Финляндии, Болгарии, Турции и Иране. Цена мирного сосуществования с Рейхом была объявлена, и она совершенно не устраивала Гитлера. Столкнуть СССР с Великобританией не удалось.

После визита Молотова в Берлин стороны продолжали демонстрировать друг другу исключительную любезность. 21 ноября состоялась демонстрация оперы Вагнера «Валькирия» в постановке С. Эйзенштейна. Как известно, фюрер любил музыку Вагнера, и она стала одним из символов нацизма. В ложе сидели замнаркома иностранных дел Вышинский, германский посол Шуленбург со свитой. Впрочем, «еврейская» трактовка их классики немцам не очень понравилась. Зато в Берлин в качестве посла был направлен замнаркома В. Деканозов, что подчеркивало приоритетность германского направления советской внешней политики. Вот только с каким знаком – плюсом или минусом?

Молотов 28 ноября сообщал Шнурре и Шуленбургу: «Считая, что Германия очень нуждается в зерне и что получение этого зерна имеет для Германии большое значение, советское прави-

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 136–137.

тельство решило пойти навстречу германскому правительству и потревожить свои общегосударственные резервы, причем эти резервы пришлось потревожить значительно. Тем не менее, учитывая нужду Германии в зерне, советское правительство решило полностью удовлетворить просьбу Германии и поставить 2,5 млн тонн зерна»¹. Также советская сторона согласилась на расширение номенклатуры своих промышленных закупок. В беседе с Шуленбургом и Шнурре 21 декабря Молотов констатировал, что текст нового соглашения полностью подготовлен.

В начале февраля 1941 года Гитлер распорядился, что обязательства Германии по хозяйственному соглашению с СССР «должны быть выполнены неукоснительно». Они должны были осуществляться даже за счет снабжения германских войск².

Германия согласилась на небольшие территориальные изменения в пользу Литвы, на которых настаивал Молотов. Финансовая компенсация за это, а также за имущество немцев в Прибалтике пошла на взаимозачеты, которые позволили заключить 10 января 1941 года торговое соглашение на второй годовой период – до 1 августа 1942 года. СССР обязывался поставить товары на сумму 620–640 млн марок, то есть в полтора раза больше, чем за предыдущий год. Германия должна была поставить товары на ту же сумму к 1 августа 1942 года, то есть за более короткий срок, так как первый договорный период для нее заканчивался 15 мая 1941 года. К этой дате Гитлер приурочил нападение на СССР, но затем вынужден был перенести его на 22 июня. Директива «Барбаросса» с планом нападения на СССР была подписана им еще 18 декабря 1940 года.

Почувствовав охлаждение советско-германских отношений, США стали зондировать возможность сближения с СССР. Молотов 26 декабря принял американского посла Штейнгардта и заверил его в желании установить дружественные отношения. США 21 января 1941 года отменили «моральное эмбарго», которое ввели в ответ на удар СССР по Финляндии.

Центр международного внимания перемещался на Балканы, где ситуация становилась все более тревожной. Германские войска накапливались в Румынии. В январе стали появляться сведения о присутствии германских войск в Болгарии, что было

¹ Там же. С. 153.

² Сиполс В.Я. Торгово-экономические отношения между СССР и Германией... С. 38.

ДОГОВОР

О ДРУЖБЕ И НЕПАДАЕНИИ МЕЖДУ СОЮЗОМ СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И КОРОЛЕВСТВОМ
ЮГОСЛАВИИ.

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и Его Величество Король Югославии, давшие существующей между этими странами дружбой и убежденные в том, что их общими интересами является сохранение мира, решили заключить договор о дружбе и ненападении и для этой цели назначили своими уполномоченными —

Президиум Верховного Совета Союза ССР —
В.М.Молотова, Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР
и Народного Комиссара Иностранных Дел

Его Величество Король Югославии —
Милана Гавриловича, Президентского Посланника
и Полномочного Министра Югославии,
Божина Симича и Драгутана Савича, полководника,
каковые Уполномоченные, после обмена своими полномочиями, найденными в должной форме и надлежащем порядке, согласились о нижеследующем:

Статья 1.

Обе Договаривающиеся Стороны взаимно обязуются воздерживаться от всякого нападения в с...
...кость, суверенные права в
Югославии.

Статья 2.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, другая Договаривающаяся Сторона обязуется соблюдать политику дружественных отношений к ней.

Статья 3.

Настоящий Договор вступает в силу на пять лет.

Если одна из Договаривающихся сторон не признает необходимым денонсировать настоящий Договор за год до истечения установленного срока, этот Договор автоматически продолжает свое действие на следующие пять лет.

Статья 4.

Настоящий Договор вступает в силу с момента его подписания. Договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Сбав ратификационных грамотами должен произойти в Белграде.

Статья 5.

Договор составлен в двух оригиналах на русском и сербскохорватском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

Москва, 5 апреля 1941 года.

По уполномочению
Президиума Верховного
Совета СССР

В. Молотов

По уполномочению
Его Величества Короля
Югославии

Милан Гаврилович

Договор
о дружбе
и ненападении
между СССР
и Королевством
Югославия
5 апреля 1941
[АВП РФ.
Ф. 3а — Югославия.
Д. 10]

уже прямым вызовом советским интересам, заявленным Молотовым в Берлине. Гитлер, таким образом, показал, что в своей схватке с Великобританией не будет считаться с пожеланиями Советского Союза. Тогда 17 января Молотов запросил Шуленбурга, почему до сих пор нет ответа на советские предложения от 25 ноября по поводу раздела сфер влияния. Прежде Гитлер так торопился с этим вопросом, а теперь его реакции что-то не слышно... Шуленбург ответил, что задержка вызвана необходимостью обговорить все с Италией и Японией. Это означало, что с СССР продолжают работать по формуле 3+1: сначала договоримся между собой, а потом уже с Москвой. Ну что же, от любезностей пора переходить к более холодному тону: Молотов сказал германскому послу, что советское правительство «будет считать присутствие каких-либо иностранных войск на территории Болгарии или в Проливах нарушением интересов безопасности СССР»¹. Это – последнее предупреждение. Введете войска – не рассчитывайте на раздел сфер влияния в дальнейшем.

Гитлер не внял предупреждению, и 1 марта Болгария присоединилась к Тройственному пакту. На ее территорию вошла группировка немецких войск. Она была нацелена на Грецию, воевавшую с Италией. Приняв Болгарию в Тройственный союз, Гитлер нанес дипломатическую пощечину своим советским партнерам. Для начала Молотов ответил нотой, в которой оценил действия Германии как «ущерб интересам безопасности СССР». Поэтому Германия «не может рассчитывать на поддержку СССР в отношении своих мероприятий в Болгарии»². Окружение Гитлера могло очередной раз восхититься прозорливостью фюрера – русские отреагировали рассержено, но отступили. Вопрос о Болгарии был решен в пользу Германии. Но советские лидеры решили попробовать «отыграться» в другом месте «балканской доски».

25 марта было подписано соглашение о присоединении Югославии к Тройственному пакту, а через два дня при поддержке населения произошел переворот. Новый король Петр II назначил премьером генерала Д. Симовича, который был известен антигерманской позицией. Симович начал переговоры с Великобританией и СССР, причем советской делегации дал согласие даже на ввод советских войск в Югославию. Сталин не собирал-

¹ СССР – Германия. 1939–1941. С. 144.

² Там же. С. 152.

ся отправлять войска в самое балканское пекло, но он не мог отказаться от соблазна эффектно ответить Гитлеру на болгарское унижение.

В ночь с 5 на 6 апреля Молотов подписал советско-югославский договор о дружбе и ненападении. При этом югославам дали понять, что СССР был бы не против и британско-югославского сближения. Немцам же объяснили, что советско-югославский союз не противоречит нормальным отношениям с Германией, ведь Югославия формально – член Тройственного союза. Сталину и Молотову было важно, не вступив в конфликт с Гитлером, и дальше удерживать его внимание на Балканах, тем самым выигрывая месяцы, необходимые для завершения подготовки к столкновению с Германией. При подписании договора Сталин открыто обсуждал с югославами перспективу советско-германской войны. По воспоминаниям участника переговоров Н.В. Новикова, Сталин говорил: «Гитлер сам не остановится, у него далеко идущие планы. Могу Вам сказать, что нас немцы тоже запугивают. Только мы их не боимся.

– А известно ли Вам, господин Сталин, – спросил Гаврилович, – о слухах, будто Германия собирается напасть в мае на Советский Союз?

– Пусть попробует, – ответил Сталин. – Нервы у нас крепкие¹. В «войне нервов» советско-югославский договор должен был убедить Гитлера – выступать против СССР в мае очень рискованно. В балканском тылу неладно.

Внимание Гитлера уже переключилось на Балканы, и он отложил нападение на СССР. Гитлер не доверял новому югославскому руководству. Что получится, если в разгар операции против Греции югославы пропустят англичан в тыл германской армии? Тем более недопустимым было сохранение на Балканах режима, дружественного СССР. Фюрер решил нанести одновременный удар сразу и по Югославии, и по Греции, где высадились британские войска. Через несколько часов после подписания советско-югославского договора немецкие войска начали бомбить Белград, а в Югославию вторглись войска коалиции в составе Германии, Италии, Венгрии, Болгарии и Румынии.

Сразу после вторжения Германии на Балканы Сталин указал Молотову отменить прием по поводу подписания советско-юго-

¹ Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. Записки. 1947–1988. М., 1989. С. 79.

славского договора, что вызвало даже перепалку между вождем и его верным соратником. Почему отменить? Подожди, подожди, ведь мы же официально заявили югославам, что сегодня будем чествовать их. Об этом наверняка уже знает весь дипкорпус. Как же престиж государства! Молотов тем и был хорош, потому и сменил Литвинова, что прежде всего заботился о престиже СССР. Но теперь шла слишком тонкая игра, нюансы которой Молотов со своей прямолинейностью чувствовал плохо. Цель югославской игры достигнута, Гитлер повернул на Балканы, теперь не следует бросать ему там вызов громкими демонстрациями, выражением солидарности с врагами Германии. Поэтому Сталин, не вдаваясь в подробности, оборвал разговор в приказном тоне: «Надо оставить эту затею, ставшую неуместной»¹. В это время Сталин уже продумывал замену Молотова на посту председателя Совнаркома собственной персоной. Нужно было тверже держать руль внешней политики в собственных руках. Слишком тонкую игру он вел, чтобы раскрывать все ее стороны даже Молотову...

Югославия была разгромлена к 17 апреля, а к 23 апреля были разбиты и греко-британские силы. Ранее, 15 апреля, высадившиеся в Ливии немецкие войска отбросили британцев в Египет. В Европе британцы держались только на островах (в том числе на греческом Крите). Поле для войны с СССР было почти расчищено. Но из-за нападения на Югославию и Грецию Гитлер был вынужден перенести сроки нападения на СССР, что имело немалое значение для исхода всей мировой трагедии.

Несмотря на драматизм европейской ситуации, Молотов и Сталин не забывали о Дальнем Востоке. После стремительного советско-германского сближения в Токио также стремились к урегулированию, тем более, что японская армия потерпела поражение у Халхин-Гола. Японский посол Татекава 30 октября 1940 года встретился с Молотовым и предложил «сделать прыжок для улучшения отношений». Камнем преткновения была советская помощь Китаю, воевавшему с Японией. Отказ от этой политики дорого стоил, и 18 ноября Молотов заговорил даже о возвращении Южного Сахалина и Курильских островов, потерянных Российской империей в 1905 году. А уж о сохранении японских концессий на Северном Сахалине в случае сближения и говорить нечего.

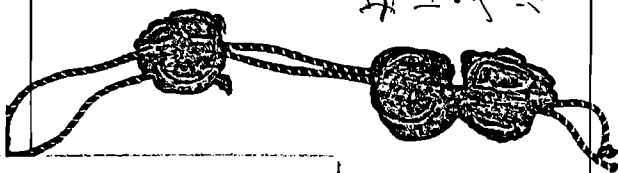
¹ Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. Записки. 1947–1988. С. 81.

Составлен в Москве 13 апреля 1941 года, что соответствует 13 дню четвертого месяца 15-го года Сюэа.

А. Маслов

楊正清

楊正清

ПАКТ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ
МЕЖДУ СОЮЗОМ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И
ЯПОНИЕЙ.

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и Его Величество Император Японии, руководимые желанием укрепить мирные и дружественные отношения между обеими странами, решили заключить Пакт о нейтралитете, и для этой цели назначили своих Уполномоченных:

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик:

Виктора Михайловича Колотова, Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик;

Его Величество Император Японии:

Хосие Мацуока, Министра Иностранных Дел, Её Величества, Кавалера ордена Священного Сокровища первой степени, и

Кисицу Татэкава, Чрезвычайного и Полномочного Посла в Союзе Советских Социалистических Республик, Генерал-лейтенанта, Её Величества, Кавалера ордена Восходящего Солнца первой степени и ордена Золотого Карпуша четвертой степени,

которые, по представлению друг другу своих соответственных полномочий, приравненных составленным в надлежащей и законной форме, договорились о нижеследующем:

Пакт о нейтралитете между СССР и Японией (с приложением Декларации об уважении территориальной целостности и неприкосновенности Маньчжоу-Го и Монгольской Народной Республики)

13 апреля 1941

[АВП РФ. Ф. За – Япония. Д. 113. Л. 1–4]

В.М. Молотов подписывает пакт о нейтралитете между СССР и Японией

13 апреля 1941

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1625. Л. 1]

Следующий шаг сделал министр иностранных дел Мацуока, который остановился в Москве 24 марта 1941 года по дороге в Берлин. Молотов отказал ему в договоре о ненападении, но предложил заключить более скромный договор о нейтралитете. Мацуока проследовал в Берлин, где узнал о предстоящем нападении Германии на СССР. Тут разразилась и война на Балканах. На обратном пути Мацуоку ждал более теплый прием и продуктивные переговоры с Молотовым, который уже не выдвигал территориальных требований. Мацуоку приняли Сталин и Молотов, а на следующий день, 13 апреля, Молотов и Мацуока подписали пакт о нейтралитете, декларацию о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го, а также письмо по вопросам торгового и рыболовного соглашений и ликвидации концессий на Северном Сахалине. Советские представители продемонстрировали исключительное радушие к министру еще недавно враждебной державы – и подпавая его на банкете, и при публичных проводах. Молотов вспоминал:

«В завершение его визита Сталин сделал один жест, на который весь мир обратил внимание: сам приехал на вокзал проводить японского министра. Этого не ожидал никто, потому что Сталин никогда никого не встречал и не провожал. Японцы, да и немцы, были потрясены. Поезд задержали на час. Мы со Сталиным сильно напоили Мацуоку и чуть ли не внесли его в вагон. Эти проводы стоили того, что Япония не стала с нами воевать»¹.

Сталин и Молотов понимали, что при желании Япония может разорвать этот договор и нанести удар в спину СССР. В закрытых советских аналитических документах, таких как справка дипломатов Я. Сурица и А. Терентьева, подчеркивалось различие пакта о нейтралитете и пакта о ненападении, заключенного с Германией. Пакт о нейтралитете с Японией, в частности, не предусматривал механизма консультаций и не запрещал полностью помощь одной из сторон конфликта, в который может вступить партнер². Это позволяло Советскому Союзу и дальше помогать Китаю, затем взаимодействовать с США и Великобританией, а Японии – сотрудничать с Германией. Само заключение договора с Японией также было актом давления на германского партнера. Провожая Мацуоку, Сталин подошел к присутствующему здесь же Шуленбургу, обнял его за плечи и сказал «Мы должны остаться друзьями, и Вы должны теперь все для этого сделать!»³

8. ПРОСТО НАРКОМ

Подводя для себя итоги 1940 года, Молотов мог расценить его как самый успешный в своей жизни. Он возглавляет и правительство, и советскую внешнюю политику. В иерархии СССР он – человек № 2, но при этом – самый публичный руководитель. Они со Сталиным добились грандиозного расширения советской территории. Под их руководством страна интенсивно готовится к обороне. Конечно, вокруг СССР сгущаются тучи, но лагерь империалистов расколот, и у нас есть широкие возможности для маневра.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 29–30.

² Невежин В.А. Советские оценки договора о нейтралитете с Японией // Советская внешняя политика и дипломатия... С. 166–167.

³ СССР – Германия. 1939–1941. С. 157.

Учт. 8

[1940]

Милый, родная моя!
 Выше из твоего письма, это
 так, с восторгом полугой прочитал
 "Морские" Но сомневаюсь, это
 такое, духовное освещение,
 - именно классовых работ мар-
 ксизма, ведь, как крутому и
 истинному бразильскому, охот-
 нику и помощнику в раз-
 ной работе. Прошу и
 обязательно и наметенные
 классические книги и статьи,
 а также и раз работ Сталина.

Письмо
 В.М. Молотова
 своей жене
 П.С. Жемужевой
 о книге
 «История
 ВКП(б)» и
 хозяйственном
 плане
 на 1941 год
 19 августа 1940
 [РГАСПИ.
 Ф. 82. Оп. 2.
 Д. 1592. Л. 8-10.
 Автограф]

22.8.40
 и записав-
 сь 4 года
 ввозило ся-

для Московских службных ин-
 тервьюеров (а также и адми-
 нистративных) вопросов Советского
 правительства. Этого года. Наде-
 юсь, в них появятся слав-
 ные статьи.

Здравствуй и тебе, Дима! Со-
 суждения по Вас. Хотел тебе
 показать, увидишь, - Заларю, ую,
 и много, много, увидишь, ко-
 ммунализм и подвешивать, и
 много, много, много. Вери,
 орудием, и не забыть, и не забыть,
 Кресты, и не забыть, и не забыть, и не забыть!

Однако с началом 1941 года тучи стали сгущаться над головой самого Вячеслава Михайловича, начинался самый трудный год в его жизни, как и в жизни страны. Сталин 17 января раскритиковал возглавляемый Молотовым Экономический совет за его «парламентаризм», то есть за молотовский стиль длительных совещаний. Полномочия Совета были сокращены, не до совещаний теперь.

Вскоре выяснилось, что это не разовая вспышка сталинского гнева, а неприятная для Молотова тенденция. На XVIII партийной конференции 15–20 февраля докладчиком по вопросу «Хозяйственные итоги 1940 года и план развития народного хозяйства СССР на 1941 год» был назначен не Молотов, а Вознесенский. Сталин выдвигал молодых, и Молотов понимал, чем это может закончиться для тех, кто, по мнению Сталина, «устарел». Для начала Сталин вывел из кандидатов в члены ЦК Жемчужину. После ее снятия с поста наркома в 1939 году это можно было сделать без лишнего шума, в порядке рутины, но было устроено новое обсуждение. Димитров писал в дневнике: «Она выступала неплохо. “Партия меня награждала, поощряла за хорошую работу. Но я увлеклась, мой заместитель (как наркома рыбной промышленности) оказался шпионом, моя приятельница – шпионка. Не проявила элементарной бдительности. Извлекла урок из всего этого. Заявляю, что буду работать до последних своих дней честно, по-большевистски...” При голосовании – один воздержавшийся (Молотов). Быть может, потому, что является ее мужем, вряд ли, однако, правильно это было»¹. Выступление Жемчужиной произвело впечатление и на Хрущева: «...она мужественно защищала свое партийное достоинство и показала очень сильный характер... И все, конечно, голосовали единогласно за предложение, которое было сделано докладчиком. Воздержался один Молотов. Позднее я часто слышал упреки Молотову и прямо в лицо, и за глаза: осуждали его как члена Политбюро и члена ЦК, который не поднялся выше семейных отношений, до высоты настоящего члена партии, не смог осудить ошибки близкого ему человека. Полагаю, Сталин воспринял это как нелояльность... Посыпались всяческие “материалы”. Сталин применял низменные приемы, стремясь ущемить мужское самолюбие Молотова. Чекисты сочинили связь Жемчужиной с каким-то директором, близким Молотову человеком. Тот бывал на квартире Молотова.

¹ Цит. по: Никонов В.А. Наше дело правое. Кн. 2. С. 76.

N 109/68

9/м
140

УКАЗ ПРЕЗИДИЈ ВЕРХОВНОЃ РАДН СРСР
УКАЗ ПРЕЗИДУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
SSRI BAŞ SÖYETİ PREZİDİUMUNUN FARMANI
УКАЗЫ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

SSSR JOKARŞ SÖYETİ PREZİDİUMUNUN UKAZI
SSSR ALIJ SÖYETİ PREZİDİUMUNIN UKAZI
UKAZI PREZİDİUMI SÖYETİ OLIJJI SSSR
SSSR DİŞ SÖYETJ PREZİDİUMUNUN UKAZI
SSSR ŞOMORQU SÖYETİ PREZİDİUMUNIN UKAZI

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об освобождении тов.МОЛОТОВА В.М. от обя-
зательностей Председателя Совета Народных
Комиссаров СССР.

Ввиду неоднократного заявления тов.Молотова В.М. о том, что ему трудно исполнять обязанности Председателя Совнаркома СССР наряду с выполнением обязанностей Народного Комиссара Иностранных Дел, удовлетворить просьбу тов.Молотова В.М. об освобождении его от обязанностей Председателя Совета Народных Комиссаров СССР.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР -
(М.Калинин)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР -
(А.Горький)

Москва, Кремль.

6 мая 1941 года.

Указ Президиума Верховного Совета СССР об освобождении
В.М. Молотова от обязанностей председателя СНК СССР
6 мая 1941

[ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 48. Л. 140]

с/109/69

8/45

141

УКАЗ ПРЕЗИДИЇ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
 УКАЗ ПРЕЗИДУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
 СССР BAŞ SÖYETİ PREZİDİUMUNUN FƏRMANI
 СССР БАШ СОВЕТІ ПРЕЗІДУМУНУН УКАЗЪ
 СССР БЫШ СОВЕТІ ПРЕЗІДУМУНУН УКАЗЪ

СССР JOKARĖ SÖYETİ PREZİDİUMUNUN UKAZI
 СССР ALIJ SÖYETİ PREZİDİUMUNIN UKAZI
 UKAZI PREZİDİUMI SÖYETİ OLIJİ СССР
 СССР ÖLJ SÖYETİ PREZİDİUMUNUN UKAZI
 СССР СӨЮӨӨРӨ SÖYETİ PREZİDİUMUNUN UKAZI

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О назначении тов.И.В.СТАЛИНА Председателем
 Совета Народных Комиссаров СССР.

Назначить тов.СТАЛИНА Иосифа Виссарионовича

Председателем Совета Народных Комиссаров СССР.

Председатель Президиума
 Верховного Совета СССР -
 (М.Калинин)

Секретарь Президиума
 Верховного Совета СССР -
 (А.Горкин)

Москва, Кремль.

6 мая 1941 года.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении
 И.В. Сталина на должность председателя СНК СССР
 6 мая 1941

[ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 48. Л. 141]

Вытащили на свет постельные отношения, и Сталин разослал этот материал членам Политбюро. Он хотел опозорить Жемчужину и уколоть, задеть мужское самолюбие Молотова. Молотов же проявил твердость, не поддался на провокацию и сказал: «Я просто не верю этому, это клевета»¹.

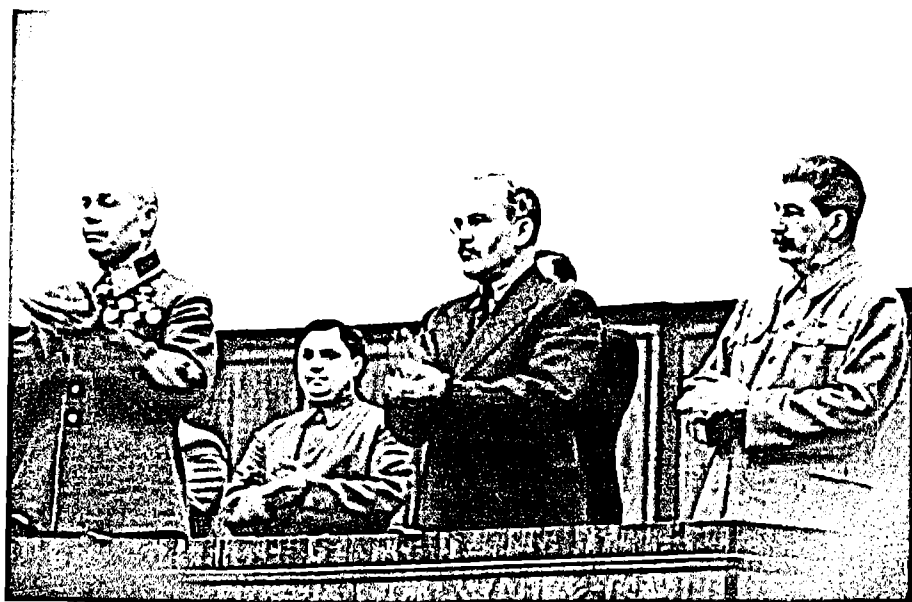
Первым заместителем председателя СНК по Экономсовету 10 марта назначили Вознесенского. Управляющий делами Совнаркома Я. Чадаев вспоминал: «Было нетрудно заметить, что важнейшие вопросы внутренней политики Сталин все чаще поручает Вознесенскому, отодвигая на второй план Молотова. Молотов чувствовал это, нервничал, раздражался по каждому поводу»². У него стало больше заместителей, что не сулило ему ничего хорошего. А может быть, Сталина перестало устраивать, что Молотов мечется между внешнеполитическими и хозяйственными делами. В любом случае, решение он принял – Молотову предстояло уйти с поста главы правительства.

4 мая Политбюро постановило, что председателем Совнаркома назначается Сталин, а Молотов становится заместителем председателя СНК СССР и руководителем внешней политики СССР с оставлением его на посту народного комиссара по иностранным делам. При этом первым замом Сталина стал Вознесенский, то есть Молотов понижался не на одну, а сразу на две ступеньки в советской иерархии. Публично об этом было объявлено 6 мая, после оформления решения советскими органами.

Молотов, разумеется, не держался за пост главы правительства. Но всякое понижение в должности в СССР было чревато началом политического заката, который мог завершиться в подвале у стенки. Однако в этот раз дело было не в недовольстве Сталина своим соратником, а в намерении вождя занять государственный пост, позволяющий официально вести международные переговоры. Было ясно, что внешнеполитическая ситуация будет драматически меняться. Принятие Сталиным поста председателя правительства означало, что в ближайшее время он собирается активно действовать на международной арене. Обладая всей полнотой власти внутри страны, теперь Сталин должен был обладать и формальными атрибутами власти, которые позволяли бы ему на равных встречаться с мировыми лидерами. По мнению В.А. Невежина, это значило, что «Сталин сам решил

¹ Хрущев Н.С. Воспоминания. М., 1997. С. 76–77.

² Кумацев Г.А. Рядом со Сталиным. Смоленск, 2001. С. 498.

И.В. Сталин, председатель СНК СССР В.М. Молотов и нарком обороны СССР С.К. Тимошенко во время торжественного собрания по случаю выпуска командиров Красной армии, окончивших военные академии

5 мая 1941

[РГАКФД. Арх. № 0-292967]

проявить инициативу и приступить к активным действиям в преддверии назревавшей вооруженной схватки с Германией»¹.

Шуленбург с восторгом воспринял решение о назначении Сталина на пост председателя советского правительства, полагая, что это положит конец неуступчивости Молотова. «Я убежден, – докладывал Шуленбург, – что Сталин использует свое новое положение для того, чтобы принять личное участие в деле сохранения и развития хороших отношений между СССР и Германией»². Добрый Шуленбург. В это время судьба «хороших отношений» уже была решена и в Берлине, и в Москве.

Курс, которым Сталин собирается вести страну в качестве главы правительства, был раскрыт им в знаменитой речи на

¹ Невезкин В.А. Синдром наступательной войны. С. 166.

² Там же. С. 162.

приеме в честь выпускников военных академий 5 мая. Историк В.А. Невежин назвал эту речь «инаугурационной»¹. Молотов, как обычно, «тамадил» на этом мероприятии, куда были приглашены представители советской элиты.

Одна из ключевых идей этой речи – изменение роли Германии в современном мире: «Германия начинала войну и шла в первый период под лозунгом освобождения от гнета Версальского мира. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем. Сейчас обстановка изменилась»². Сталин сравнил Гитлера с Наполеоном, намекая на перспективу новой Отечественной войны. Будет ли СССР придерживаться оборонительной стратегии? В ответ на тост за мирную сталинскую внешнюю политику, Сталин возразил: «Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика – дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону – до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны – теперь надо перейти от обороны к наступлению.

Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия – армия наступательная»³.

Наступательный пафос сталинской речи вряд ли был неожиданностью для Молотова. Ведь они продолжали обсуждать со Сталиным все нюансы международной ситуации вокруг СССР – Молотов был тем, кому предстояло осуществлять их курс на посту главы НКВД в переменчивой ситуации расползавшейся по Европе войны.

¹ Невежин В.А. «СССР может перейти в наступление против империалистических держав». Пропагандистский документ главпура кануна войны // Советская политика и пропаганда. 1939–1941. С. 120.

² Краткая запись выступления тов. Сталина на выпуске слушателей академий Красной армии в Кремле 5 мая 1941 года // Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года: Документальные очерки. М., 2001. С. 180.

³ Там же. С. 181–182.

вет при СНК СССР:

а) дополнительные заявки на оборудование и строительство, необходимые для освоения новых образцов автобронетанкового вооружения и

б) на утверждение схемы кооперации головных заводов по производству принятых на вооружение образцов.

9. Сблизать Госплан при СНК СССР в 15-дневный срок рас-

детов машин фондами с учетом выпуска автобронетанкового

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 443сс

РАСЕКРЕЧЕНО

Комитета обороны при СНК Союза ССР

19 декабря

1939 г. Москва, Кремль

О принятии на вооружение РККА танков, бронемашин, артиллерии и о производстве их в 1940 году.

На основании просмотра и результатов испытаний новых образцов танков, бронемашин, тракторов, изготовленных в соответствии с постановлениями Комитета Обороны от 1938с от 7 июля 1938 года и от 15 мая 1939 года, Комитет Обороны при СНК Союза ССР П О С Т А Н О В Л Я Е Т

1. Принять на вооружение РККА:

1. Танк "Т-32" - тяжелого бронирования, изготовленный на Кировском заводе Наркомтяжмаша по тактико-техническим требованиям НК, с устранением всех дефектов, обнаруженных при испытании. Танк должен быть вооружен:

- а) пушкой 2-32 76мм, спаренной с пулеметом калибра 7,62мм в носов башни;
- б) отдельным пулеметом калибра 7,62мм у радиста и
- в) одним пулеметом калибра 7,62мм в носов башни.

Обеспечить полную обзорность из танка.

II. танк Т-32 - русский, с дизельным двигателем 3-2, изготовленный заводом № 183 Наркомсредмаша, со следующими изменениями:

- а) увеличить толщину основных броневых листов до 40мм;
- б) улучшить обзорность из танка;

и рабочих, занятых на производстве, распространить по заводу Наркомнефтепрома и Наркомавиапрому 27 апреля 1939 года.

Первого фонда СНК Союза ССР, служащих и ИТР по его вооружениям:

Г.Р.
Г.Р.
Г.Р.
Г.Р.

постановлением, утвердить в 1940 год по бронетанковому № 1.

(В. Молотов)

(И. Сафонов)

Постановление Комитета обороны при СНК СССР № 443сс
«О принятии на вооружение РККА танков, бронемашин,
артиллерии и о производстве их в 1940 г.»

19 декабря 1939

[ГА РФ. Ф. Р-8418. Оп. 28. Д. 92. Л. 121-129]

Сенсационные события не заставили себя ждать. Один из ближайших сподвижников Гитлера Р. Гесс, перелетев 10 мая на самолете в Британию, высадился на территории противника с парашютом. Он был немедленно арестован. Гесс считал, что война на два фронта может привести к гибели Германии и надеялся, что Гитлер, не решавшийся прямо отдать указание искать мира, одобрит инициативу Гесса в случае ее успеха. Гитлер выжидал день. К вечеру 10 мая стало известно, что к Гессу за Ла-Маншем не отнеслись серьезно, и он был объявлен в Германии перебежчиком. Заместителю фюрера предстояло провести остаток дней в заключении.

Советские руководители не знали, чем вызван этот невероятный полет заместителя фюрера. То ли Гесс сошел с ума, то ли это – хитрая игра Гитлера, которая может закончиться внезапным заключением британско-германского мира. Молотов рассказывал: «...когда мы прочитали об этом, то прямо ошалели! Это же надо! Не только сам сел за управление самолетом, но и выбросился с парашютом, когда кончился бензин... Гесс назвал себя чужим именем. Чем не подвиг разведчика?! Сталин спросил у меня, кто бы из наших членов Политбюро способен решиться на такое? Я порекомендовал Маленкова, поскольку он шефствовал в ЦК над авиацией. Смеху было. Сталин предложил сбросить Маленкова на парашюте к Гитлеру, пусть, мол, усовестит его не нападать на СССР. А тут как раз и Маленков зашел в кабинет. Мы так хохотали, будто умом тронулись...»¹ В этой веселой сцене характерно, что советские вожди ожидают нападения Германии в ближайшее время и, нервно посмеиваясь, ищут пути его предотвратить.

Нападения 15 мая, о котором предупреждала разведка, не случилось (как мы теперь знаем, срок был перенесен). Посол Шуленбург, вернувшись из Берлина, намекал на необходимость миротворческих шагов со стороны СССР, чтобы успокоить Гитлера. Вся история с Гессом могла смущать советское руководство только до 20 мая, когда на Крит, занятый британцами, посыпались немецкие парашютисты. Стало ясно, что англичане и немцы не договорились, и война между ними выходит на новый виток.

¹ Стаднюк И. Нечто о сталинизме // О них ходили легенды. М., 1994. С. 424–425.

*Вячеслав Михайлович
Молотов
1940-е
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2.
Д. 1600. Л. 30]*

Во второй половине мая Сталин и Молотов надеялись, что Гитлер на время отвлекся от СССР, что у западных границ еще нет достаточных для нападения сил. Но к началу июня Гитлер обезопасил себя со стороны Балкан. Угроза столкновения снова возросла. В этих условиях началось выдвижение сил Красной армии ближе к границе. Сталин мог рассчитывать, что Гитлеру понадобится значительное время на переброску войск, ведь ожидаемые силы противника, необходимые для вторжения в СССР, преувеличивались, а наличные у границы недооценивались. Чтобы не спугнуть Гитлера, Сталин продолжил опровергать слухи о близящемся конфликте¹.

ТАСС 14 июня опроверг три слуха. Первый – о подготовке к заключению более тесного соглашения между СССР и Германией. Второй – о подготовке Германией нападения на СССР и переброске к советским границам германских войск. Здесь «опровержение» было немного странным, можно даже сказать, что ироническим: «...слухи о намерении Германии порвать

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941. С. 467–484, 492–495.

пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям». Сталин и Молотов словно говорят Гитлеру: да видим мы твои войска. Но не боимся. Если хочешь скрытно напасть — ничего у тебя не выйдет. Лучше уберечь войска подобру-поздорову.

Третий слух: будто СССР в ответ стал готовить удар по Германии. Опровержение сурово и однозначно: «СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными»¹.

Одновременно началось приведение Красной армии в готовность к военным действиям. С 15 июня велась выдача боеприпасов в войсках приграничных военных округов. 19 июня был дан приказ вывести полевые командные пункты фронтовых управлений Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов, маскировать аэродромы, воинские части, парки, склады и базы, рассредоточить самолеты на аэродромах. В июне в войсках были отменены отпуска. Флоты были приведены в боевую готовность номер 2. В это время было уже очевидно, что германская армия опасно сосредотачивается у самой границы. Разведка Прибалтийского военного округа 20 июня докладывала: «Немецкие войска продолжают выдвигаться непосредственно к границе, одновременно подтягивают новые части в погранзону из глубины»². Что-то не сходилось. Гитлер, по советским представлениям, был явно не готов к серьезной войне, и вдруг одна из «контрольных лампочек» загорелась красным светом. Недостаточная, по мнению Сталина и его военачальников, группировка немцев стала выдвигаться для удара. Советская военная машина еще не была полностью готова к выполнению своего плана, так как прежде казалось, что на подготовку время еще есть.

¹ Правда. 1941. 14 июня.

² Цит. по: Горьков Ю. Государственный комитет обороны постановляет. (1941–1945): Цифры и документы. М., 2002. С. 489.

Город Киров, Кестенено, 11го июня, 1941го г.
Дорогой, милый папучка!

Мне здесь очень хорошо. Я купаюсь
в большом пруду и отдыхаю
очень весело. Занимаюсь по музыке,
арифметике и русскому языку.
Вчера получила письма и игры.
Мы тут играем в волейбол
с дочкой Смирнова, Нонной. Тут,
на территории живут еще
несколько ребят, (твоих секретарей),
с которыми мы играем. Я проч-
ла книги: "Тайна двух океанов"
- Гр. Адамова; "Сказки" - Грини.
Начала читать "Хаджи-Мурат",
но мне еще непонятно, и я
читаю "Большие ожидания" - Фиксена.
Целую крепко. Светлана.

Письмо Светланы Молотовой из Кирова своему отцу
В.М. Молотову о своих занятиях и прочитанных книгах
11 июня 1941
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1593. Л. 3. Автограф]

Подавляющее большинство советских людей оставалось в неведении, что доживает последние мирные дни. Семья Молотова тоже была не в курсе. Дочь Света отдыхала в родной Вячеславу Михайловичу Кировской области. Оттуда она писала отцу свои первые письма: «Дорогой, милый папучка! Мы устроились очень хорошо. Место очень красивое и называется «Кстецкое». Тут есть

Дорогому папу
написал
от Светика.

Город Киров, Котинено, 13¹⁰ июня, 1941¹⁰ года.

Родной, милый папуся!

Я живу очень хорошо. Много читаю.

В письме к маме просила прислать мне несколько детских книг, так - как мне мало осталось, что читать.

Мы конечно, очень много работаем пелери, и мало спим, но я все же очень прошу тебя побереги свое здоровье, которое всем, так дорого. Сейчас, к сожалению плохая погода, и гулять не особенно хорошо и приятно.

Ну, папуся, пока!

Целую тебя много раз.

Будь здоров !!!!!!!

Любящая тебя,
Светик.

Письмо Светланы Молотовой из Кирова своему отцу
В.М. Молотову о новых книгах с пожеланиями здоровья
13 июня 1941

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1593. Л. 4-5. Автограф]

Берлин, Деканозову
 Исх. 61496/44
 Поступ. 25.06.41 21.11.41
 Отпр. 0012 28.11.41
 Передача в Берлин посылки. 01.12.41
 1334

Состоялось заседание в 14 часов 15 минут
 была и передали ему копию заявления, кото-
 рое вы должны были сделать сегодня
 Райху или Вайцзекеру. Шуленбург общи-
 м образом об этом в Берлин.

Кроме этого я направил город Шуленбург
 свои личные вопросы: Ям обвиняется ли,
 что за последние дни происходили массовые
 аресты из Москвы, журналистов, германских
 дипломатов и их семей, обвиняются ли в
 усиленном разоружении судов, самолетов,
 вооружений, германской и советской авиации,
 какого-либо разоружения германской авиации,
 количество самолетов, самолетов Шт.
 от 13 июня? ~~Вопросы~~ В том же направлении
 происходило в Берлине в отношении советских
 самолетов, самолетов? Шуленбург ответил,
 что все эти вопросы имеют значение,
 но он ничего не знает, не знает, как
 как Берлин его совершенно не информир-
 рует. Он был очень смущен и испу-
 танный вид. Если вы еще не были в
 Берлине, то вы должны обра-
 зовать свои же вопросы к Райху
 или Вайцзекеру, а если вы уже были
 там, то ~~вы должны~~ вы должны были
 получить из него ответы.

Шифротелеграмма наркома иностранных дел СССР
 В.М. Молотова послу СССР в Германии В.Г. Деканозову о
 беседе с послом Германии В. фон дер Шуленбургом и вручении
 ему заявления советского правительства о нарушениях
 германскими самолетами государственной границы СССР
 21 июня 1941
 [АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 344. Д. 2351. Л. 147]

пруд и большой лес. Я очень скучаю по тебе. Сегодня уезжает мама, и ты, пожалуйста, пришли мне ее поскорей, а то мне будет совсем скучно. Ну, родной папочка, до свидания, мой дорогой. Целую крепко. Не забывай любящего тебя Светика». Через несколько дней идиллическая переписка получает продолжение: «Дорогой, милый папочка! Мне здесь очень хорошо. Я купаюсь в большом пруду и отдыхаю очень весело. Занимаюсь по музыке, арифметике и русскому языку. Я прочла книги: “Тайна двух океанов” – Гр. Адамова; “Сказки” – Гримм. Начала читать “Хаджи-Мурат”, но мне еще непонятно, и я читаю “Большие ожидания” – Диккенса. Целую крепко»¹. Литература миллионов советских детей. Патриотически-конспирологическая «Тайна» о японских шпионах, сказки, загадочный английский мир прошлого века... О войне пока сложно...

Это лето будет вспоминаться миллионами людей как самое счастливое – хотя предыдущие месяцы и годы были очень тяжелыми, и летние отпуска достались немногим. Но все-таки лето позволяло выкроить денек для отдыха. Скоро мы все-таки построим то, на что напрягаем все силы, и жизнь окончательно станет счастливой. В это время шел отсчет последних дней, оставшихся до барьера, разделившего жизнь на «до» и «после».

В семь вечера 21 июня Сталин с ближайшими соратниками и военными обсуждали ситуацию. Молотову поручили попытаться выяснить что-то у Шуленбурга. Беседа между ними состоялась после полдесятого вечера. Молотов сообщил о ноте протеста по поводу нарушений границы германскими самолетами, которую должен передать в Берлине Деканозов. И почему Берлин не отвечает на обращение 13 июня? Шуленбург обещал запросить Берлин по этому поводу. Молотов вернулся к товарищам. В 11 вечера совещание у Сталина закончилось, и Молотов отправился спать. Начиналась ночь, которая станет первой ночью Великой Отечественной войны.

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1593. Л. 1, 3.

ГЛАВА VIII ГЛАВКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ФРОНТА (1941–1945)

Холод пронизывал его насквозь. Барак почти не отапливался. Сибирская зима все-таки. Скоро подъем и путь через метель на лесоповал. Как же он сюда попал, и кто в этом виноват – Сталин или он сам? Конвой с собаками – большими, черными, способными порвать его плоть, вцепиться в нее не разжимающимися челюстями. Как же холодно, мороз впицается в тело, как зубы этих собак...

Самолет тряхнуло, и Вячеслав Михайлович проснулся. Было действительно очень холодно, хотя перед этим высотным перелетом его одели как Чкалова перед встречей с Арктикой и даже лучше. Но все равно пробирает. Он стряхнул с себя сон – пакость какая, приснится же... Сон вытеснялся мыслями о предстоящих важных, судьбоносных делах. Черчилль, Иден, Рузвельт... Только собаки из этого страшного сна на какое-то время держались в сознании. Вот и нужно будет вцепиться в союзников, как те собаки, железной хваткой, пока не подпишут все, что нужно Советскому Союзу.

I. ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!

Рано утром 22 июня Молотова разбудил телефонный звонок. Вызов к Сталину. Неужели началось? Ну что же, в принципе они неплохо подготовились. Лучше бы попозже, конечно, но драка была неизбежна. Вячеслав Михайлович сделал все, чтобы дать стране как можно больше времени. Теперь дело за воинами.

Молотов вспоминал, что члены Политбюро собрались в Кремле у Сталина около двух часов ночи, то есть до нападения. Но он ошибся на два часа. В действительности Сталин, Молотов, Берия, Тимошенко, Мехлис и Жуков начали совещаться после 5 утра. Жуков вспоминал о словах Сталина: «Не провокация ли это немецких генералов?..»¹ Нападение Германии именно сейчас казалось Сталину невероятным – разве можно всерьез рассчитывать сокрушить военную мощь СССР теми войсками, которые сосредоточил у советской границы Гитлер? В действительности советская разведка не вскрыла все силы, предназначенные для германского вторжения. К тому же Гитлер недооценивал военную мощь СССР, а Сталин переоценивал качество Красной армии².

Вскоре сообщили, «что немецкий посол Шуленбург хочет видеть наркома иностранных дел Молотова. Ну и тогда я пошел из кабинета Сталина наверх к себе, мы были в одном доме, на одном этаже, но на разных участках. Мой кабинет выходил углом прямо на Ивана Великого. Члены Политбюро оставались у Сталина, а я пошел к себе принимать Шуленбурга – это минуты две-три пройти»³.

Последняя встреча Молотова и Шуленбурга состоялась в полшестого утра. Германский посол передал ноту: «Ввиду непереносимой далее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массовой концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной Армии, Германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры».

Что это значит? Шуленбург грустно констатировал: это война. И, выйдя за рамки лояльности, добавил, что «подавлен» действиями своего правительства.

Молотов возмущенно ответил: «До последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий советскому правительству. Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и тем самым фашистская Германия является нападающей стороной. В четыре часа утра германская армия произвела нападение на

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 2015. С. 264–265.

² См.: Шубин А.В. Мир на краю бездны. С. 464–508.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 48.

СССР без всякого повода и причины. Всякую попытку со стороны Германии найти повод к нападению на СССР считаю ложью или провокацией. Для чего Германия заключала пакт о ненападении, когда так легко его порвала?»¹ Шуленбургу нечего было на это ответить. Напоследок они даже пожали друг другу руки.

Молотов вернулся в сталинский кабинет, чтобы подтвердить: это война. Ну что же – пора действовать. Тимошенко, Жуков и Мехлис отправились отдавать указания. Красная армия должна нанести по врагу сокрушительный удар. Ведь 5 мая Сталин не зря говорил, что наша армия – наступательная.

Затем вызвали Димитрова и Мануильского, чтобы сориентировать компартии. Сталин сказал Димитрову: «Напали подло, как разбойники... Только коммунисты могут победить фашистов». Коминтерну было дано указание развернуть движение в защиту СССР. «Не ставить вопрос о социалистической революции». Одновременно Сталин дал указание Молотову эвакуировать посольства из Москвы, но не из-за угрозы им, а потому, что «они здесь могут шпионить»². Это были первые внешнеполитические шаги после начала войны. Но в августе Молотов конкретизировал задачи Коминтерна: «Пока нас немцы теснят, больших и серьезных акций за границей следовало бы избежать. Когда у нас наступит подъем, тогда надо все развернуть»³. Ситуация оказалась тяжелее, чем рассчитывали в первые дни, так что зарубежным коммунистам нужно пока накапливать силы.

Утром 22 июня была принята директива Наркома обороны № 2, в которой предлагалось разгромить противника, вторгшегося на нашу территорию. Переходить на его территорию пока было признано нецелесообразным.

Нужно сообщить стране о начале войны. Кому, как не Сталину это сделать. А он вдруг заартачился. Молотов вспоминал: «Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение»⁴.

Но в обсуждении и редактировании выступления Сталин принял активное участие. Когда Молотова спрашивали об авторстве знаменитого финала речи, он отвечал: «Составлял ее я,

¹ Документы внешней политики. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. М., 1998. С. 753–754.

² Дневник Георгия Димитрова (1941–1945 гг.). М., 2020. С. 33.

³ Там же. С. 61.

⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 50.

редактировали, участвовали все члены Политбюро. Поэтому я не могу сказать, что это только мои слова, там были и поправки, и добавки, само собой.

– Сталин участвовал?

– Конечно, еще бы! Такую речь просто не могли пропустить без него, чтоб утвердить, а когда утверждают, Сталин очень строгий редактор. Какие слова он внес, первые или последние, я не могу сказать. Но за редакцию этой речи он тоже отвечает¹. В обсуждении речи Молотова участвовали также Берия, Маленков и Ворошилов. Внеся предложенные товарищами поправки, Молотов отправился на центральный телеграф.

С утра советские люди периодически выслушивали по радио тревожный анонс о том, что в полдень будет передано важное правительственное сообщение. Кто не мог слушать дома – подходил к уличным репродукторам, вокруг которых собирались толпы. Именно с голосом Молотова у миллионов людей будет ассоциироваться момент, разделивший их жизнь на «до» и «после». От этого голоса зависело отношение советских людей к происходящему. Молотов говорил уверенным тоном, вселяя в слушателей мысль о том, что ситуация хоть и тяжелая, но контролируемая:

«Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершенны также с румынской и финляндской территорий.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора...

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 51.

которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы...

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу...

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами¹.

В тексте этой исторической речи заметна переключка со сталинским выступлением 5 мая, где Гитлер сравнивается с Наполеоном, но аналогия идет дальше – к Отечественной войне, от наступательного настроения к оборонительному, к патриотическим корням.

Вероятно, в этот момент Молотов еще не осознавал всего масштаба катастрофы, которая происходит с СССР. Его уверенность отчасти основывалась на незнании. Но в главном он и другие соавторы речи оказались правы: «Победа будет за нами». Хотя путь к этой победе окажется очень долгим и кровавым.

Вернувшись в кабинет Сталина, Молотов принял участие в подготовке первых государственных актов времен войны – указов Президиума Верховного Совета «О мобилизации военно-обязанных», «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения», «Об утверждении положения о военных трибуналах».

К вечеру 22 июня стало ясно, что Гитлер замыслил не хитрую провокацию, а наступление. Поэтому вечером 22 июня была принята директива № 3, которая предписывала переход в контрнаступление. Но германская армия действовала не так, как ожидали в Москве, и более значительными силами. 28 июня кольцо окружения вокруг Западного фронта замкнулось у Минска.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 24. М., 2000. С 8–9.

Характеризуя настроение Сталина в первые дни войны, Молотов говорил: «Растерялся – нельзя сказать, переживал – да, но не показывал наружу»¹. Но после падения Минска он свое настроение показал явно. 28 июня Молотов вместе со Сталиным, Берия, Маленковым и Микояном были в Генштабе. Вспоминал Микоян: «Сталин взорвался: “Что за Генеральный штаб? Что за начальник штаба, который в первый же день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?” Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик был для него оскорбительным. И этот мужественный человек буквально разрыдался и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5–10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него были мокрые»². Молотов вспоминал: «Сталин был в очень сложном состоянии. Он не ругался, но не по себе было... “Все прос...ли”, – он просто сказал»³.

В ночь на 29 июня Сталин уехал на дачу. Сталин оставался там 29–30 июня, обдумывая ситуацию и не подходя к телефону. Члены Политбюро впервые за многие годы оказались предоставлены сами себе в критической ситуации. Берия, сидя в 1953 году под арестом, писал Молотову: «Вы вопрос поставили ребром у вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, и я вас тогда целиком поддержал и предложил вам немедленно вызвать на совещание т-ща Маленкова Г.М., а спустя небольшой промежуток времени подошли другие члены Политбюро, находившиеся в Москве. После этого совещания мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его о немедленной организации Комитета Оборона Страны со всеми правами»⁴. Конечно, пытаясь спасти жизнь, Лаврентий Павлович мог льстить Вячеславу Михайловичу, но характерно, что инициатором активных действий в критический момент он назвал именно Молотова, а не тоже могущественного в 1953 году Маленкова. Микоян корректирует эту версию: «Молотов, правда, сказал, что Сталин в последние два дня в прострации, что ничем не интересуется, не

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 51.

² Микоян А.И. Указ. соч. С. 390.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 52.

⁴ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 76.

проявляет никакой инициативы, находится в плохом состоянии. Тогда Вознесенский, возмущенный всем услышанным, сказал: «Вячеслав, иди вперед, мы за тобой пойдем», – то есть в том смысле, что если Сталин будет себя так вести и дальше, то Молотов должен вести нас, и мы пойдем за ним»¹. Сам Молотов много лет спустя отрицал, будто Сталин был «в прострации»: «Все эти дни и ночи он, как всегда, работал, некогда ему было теряться или дар речи терять»².

Вячеслав Михайлович предложил направиться на дачу к Сталину. «Застали его, – продолжает Микоян, – в малой столовой, сидящим в кресле. Увидев нас, он как бы вжался в кресло и вопросительно посмотрел на нас. Затем спросил: “Зачем приехали?” Вид у него был настороженный, какой-то странный, не менее странным был и заданный вопрос. Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать. У меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать»³.

Молотов ответил, что необходимо сконцентрировать власть в руках Государственного комитета обороны (ГКО). Сталин спросил: «Кто во главе?» – и, получив ожидаемый ответ, согласился. Маленков написал красным карандашом проект: «В целях быстрой мобилизации и организации всех сил народов СССР для отпора врагу, напавшего на нашу Родину», Президиум Верховного Совета, ЦК ВКП(б) и Совнарком создают Государственный комитет обороны, которому передается вся полнота власти. Упоминание Президиума Верховного Совета было вписано Сталиным, он следил за законностью принимаемого решения. Молотов вместо слова «страна» вписал «Родина»⁴.

Первоначально в ГКО вошли Сталин, Молотов (заместитель председателя), Ворошилов, Маленков и Берия. В феврале 1942 года к ним присоединились Микоян, Вознесенский и Каганович. На Молотова были возложены задачи внешней политики и курирование производства танков. В сентябре танковая проблематика была возложена на Маленкова, в феврале вернулась к Молотову – распределение обязанностей было довольно подвижным. После Сталина Молотов стал первым среди равных – не-

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 391.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 52.

³ Микоян А.И. Указ. соч. С. 391.

⁴ Сорокин А.К. «Практический работник» Григорий Маленков. М., 2021. С. 172–174.

которые его решения могли приостановить другие члены ГКО, например тот же Маленков¹.

Война началась не так, как рассчитывали. Но это была общая ответственность руководства страны, и политического, и военного. Негоже было сваливать ее на одного Сталина. Убедившись, и прежде всего благодаря Молотову, в лояльности команды, обдумав ситуацию, Сталин с 1 июля вернулся к работе в Кремле. 3 июля 1941 года он выступил по радио и в газетах: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры!.. К вам обращаюсь я, друзья мои!» Объяснив поражения внезапностью нападения, Сталин дал основные указания по организации отпора врагу, сообщил о создании ГКО, который «призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина – Сталина, вокруг Советского Правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы»². Характерно, что свою речь 3 июля Сталин писал сам, без коллективного редактирования. Призыв лидера был услышан. Люди шли в бой за Родину и за Сталина, не щадили сил для Победы.

И все же главной речью 1941 года было выступление Молотова 22 июня. Сталин в своем выступлении повторял и развивал положения первой речи войны.

2. ВЫСТОЯТЬ

Ситуация качественно изменилась, и Молотову предстояло решительно перестраивать внешнюю политику. Вскоре сформировались ее новые направления:

1. Сотрудничество с Великобританией и США, борьба за выполнение их обязательств по помощи Советскому Союзу, за открытие второго фронта в Европе; обсуждение послевоенного устройства мира.

2. Отношения с противником: эвакуация советских граждан, оказавшихся на территории вражеских государств; защита интересов СССР на их территории; контакты с союзниками Германии, направленные на их вывод из войны и предотвращение вступления в войну против СССР. Особое значение на этом направлении имела Япония.

¹ Сорокин А.К. Указ. соч. С. 209–210, 247.

² Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны: Документы и материалы. М., 1944. Т. 1. С. 29–35.

3. Отношения с представителями оккупированных стран, помощь им в борьбе против фашизма.

4. Отношения с нейтральными европейскими и американскими государствами.

5. Отношения с дружественными азиатскими государствами (Китай, Монголия, Тува).

6. Отношения с нейтральными приграничными азиатскими государствами – Турцией, Ираном и Афганистаном. Борьба против германского влияния в них.

7. Воздействие на международную общественность, разоблачение военных преступлений противника.

В первые дни войны позиция некоторых государств была не ясна. 23 июня Молотов вызвал финляндского поверенного в делах П. Хюнинена и спросил, как понимать заявление Гитлера, что Германия действует совместно с финнами. Тот дать ответа не сумел. Войска через финляндскую границу пока не перешли, но германская авиация использовала финляндскую территорию, финны заняли Аландские острова, ставили мины в Финском заливе, запирая Балтийский флот. Молотов потребовал от Финляндии определиться и отдал распоряжение эвакуировать советское посольство в Финляндии. С 25 июня Финляндия находилась в состоянии войны с СССР.

Болгария сохраняла нейтралитет и брала на себя защиту интересов союзников Германии в Москве. Япония – нейтральна. Пока. Беседуя 29 июня с японским послом Татекавой, Молотов напомнил, что Тройственный пакт «не затрагивает отношений каждого из участников этого пакта с СССР»¹. Действительно, летом 1941 года Токио сделало ставку на южное направление (хотя весело выпивавший недавно с Молотовым и Сталиным Мацуока стоял за войну с СССР).

Турецкий посол пожелал успеха. Наверное, не без злорадства – теперь СССР надолго забудет о проливах и границах 1914 года на Южном Кавказе.

Швеция подключилась к обмену дипломатического персонала СССР и Италии.

Поскольку с Германией воевала Великобритания, она автоматически становилась союзником СССР. Черчилль был в восторге – какое-то время Гитлеру будет не до Британии. Но сколько времени продержится Россия под ударами германской

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 24. С. 67.

Стаффорд Криппс

1940-е

[Из открытых источников]

военной машины? Вечером 22 июня Черчилль заявил о том, что Великобритания предоставит СССР всю возможную помощь в борьбе против Германии. Это был добрый знак, и Молотов тут же поинтересовался, какой именно будет эта поддержка. Для переговоров он пригласил британских представителей, правда, с гордой оговоркой: «Понятно, что советское правительство не захочет принять помощь Англии без компенсации, и оно, в свою очередь, готово будет оказать помощь Англии»¹. Да, мы попали в трудную ситуацию, но с протянутой рукой не стоим.

Уже 27 июня в Москву вернулся британский посол Криппс, который привез с собой военную миссию во главе с генерал-лейтенантом Ф. Мэйсоном-Макфарланом и экономическую во главе с предпринимателем Л. Кэдбюри. На этот раз британцы действовали куда оперативнее, чем на переговорах 1939 года. Молотов взял быка за рога, поставив вопрос о высадке десанта на северном берегу Франции, а также о поддержке со стороны британского военно-морского флота в районе Петсамо и Мурманска². Понятно, что второй вариант имел второстепенное военное значение, но надо же с чего-то начинать. Затронул Моло-

¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1984. Т. 1. С. 47.

² Документы внешней политики СССР. Т. 24. С. 78–81.

тов и перспективы послевоенного устройства. Где после победы над Германией будет проходить западная граница СССР? Как в 1941 году или как в 1938-м?

Подтвердив готовность Великобритании оказать СССР экономическую помощь, Криппс в то же время отметил, что для политического соглашения «время еще не созрело, так как накопилось немало взаимного недоверия от прошлого, да это могло бы и задержать немедленные меры практической помощи»¹. Молотов напомнил, «что раньше сам Криппс предлагал сначала договориться об общей политической установке во взаимоотношениях между Англией и СССР, чтобы этим облегчить разрешение отдельных интересующих стороны вопросов». В отношении поставок Криппс сразу перевел стрелки на США, поскольку промышленность Англии работает на собственную оборону. Все, о чем он сумел договориться перед отъездом – это о «25 тыс. т каучука и 5 тыс. т олова»². Насчет прямой военной помощи Великобритании тоже не стоит обольщаться – все войска заняты.

Эта беседа наметила основные линии советско-британских отношений – весьма конфликтных. Молотову, как и Сталину, приходилось выступать в непривычной для них роли просителей, но скоро их просьбы стали выглядеть как требования. Молотову отныне предстояло отслеживать в отношениях с Великобританией, а затем и США два основных вопроса: поставки в СССР и военные действия союзников, способные ослабить натиск Германии и ее союзников на Восток. И прежде всего: когда же наконец будет открыт второй фронт в Европе?

Учитывая позицию Великобритании, нужно было срочно активизировать отношения с США. Еще 24 июня Рузвельт выступил с заявлением о намерении «оказать России всю помощь, какую только сможем»³. Исполняющий обязанности Государственного секретаря США С. Уэллес 26 июня заявил советскому послу К. Уманскому: «Американское правительство считает СССР жертвой неспровоцированной, ничем не оправданной агрессии». Американцы обещали оказать СССР «всю посильную поддержку в пределах, определяемых производственными возможностями США и его наиболее неотложными нуждами». США

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 24. С. 47.

² Там же. С. 48–49.

³ Малыков В.Л. Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 357.

Франклин Д. Рузвельт
1940-е
[Из открытых
источников]

сняли прежнюю блокировку советских финансовых операций и решили не применять к СССР ограничений, предписанных актом о нейтралитете. Уэллес запросил советское правительство о его конкретных пожеланиях по поводу необходимой помощи¹. Молотов обсуждал возможную американскую помощь с послом США Л. Штейнгардом 29 июня, причем высказывался о президенте США не самым любезным образом: «насколько он знаком с заявлением Рузвельта, оно ему кажется не вполне ясным... согласно этому заявлению, Америка может помочь Советскому Союзу лишь ботинками и носками».

Для Штейнгарда такая интерпретация была странной, ведь Рузвельт говорил о всевозможной помощи, и он просил сообщить, что именно желало бы получить советское правительство из Америки. Молотов в общих чертах перечислил предметы вооружения и оборудования, необходимые Советскому Союзу². В тот же день Молотов отправил Уманскому советские пожелания: «1) самолеты-истребители одномоторные – 3 тысячи, 2) самолеты-бомбардировщики – 3 тысячи, 3) станки, прессы и моло-

¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 45–46.

² Там же. С. 47–48.

ты для авиазаводов – на 30 млн долларов, 4) зенитные пушки от 25 до 47 миллиметров – 20 тыс. штук с боекомплектами, 5) крекинг и другие установки для выработки высокооктанового авиаторючего и установки для выработки авиамассы, 6) толуола – 50 тысяч тонн, 7) оборудование для заводов по выработке толуола, 8) оборудование для шинного завода, 9) оборудование для завода по производству проката легких сплавов. Желательно, чтобы был предоставлен кредит на пять лет по этим товарам. Результаты телеграфируйте»¹. 5 июля в Великобританию и США была направлена военная миссия во главе с генерал-лейтенантом Ф. Голиковым.

8 июля началась личная переписка глав правительств СССР и Великобритании. Черчилль выразил радость по поводу мужественного сопротивления Красной армии. Принимая от Криппса письмо Черчилля, Сталин вернулся к вопросу о необходимости заключения советско-британского соглашения, смягчив впечатление, создавшееся от разговора посла с Молотовым. Сталин разъяснил, как он понимает соглашение:

«1. Англия и СССР обязываются оказывать друг другу вооруженную помощь в войне с Германией.

2. Обе стороны обязываются не заключать сепаратного мира».

При подобной элементарной постановке вопроса непонятны причины нерешительности британских лидеров. Сталин заверил, что Советское правительство не ставит вопроса о разграничении сфер влияния. Оно также не намерено определять, сколько вооруженных сил каждая сторона выставит против Германии. Сейчас важно «не создавать иллюзии, что Англия изолируется от СССР, а СССР от Англии, и заключить пакт взаимопомощи»².

К обсуждению текста соглашения Сталин и Криппс приступили 10 июля. Правда, Черчилль предлагал назвать этот документ не соглашением, а «согласованной декларацией», опасаясь недовольства антисоветских кругов британской элиты столь резкой сменой курса в отношении СССР. Под давлением Сталина и Молотова Криппс, а затем и Черчилль все же согласились озаглавить документ «Соглашением о совместных действиях правительства Союза ССР и правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии». Молотов

¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 46.

² Документы внешней политики СССР. Т. 24. С. 120–121.

и Криппс подписали его 12 июля. Принципиальные позиции были таковы:

«1. Оба Правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.

2. Они далее обязуются, что в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»¹.

В июле Молотов и Криппс обсуждали совместные действия от Мурманска до Норвегии, а также в Иране, Сталин же в послании Черчиллю 18 июля вновь поставил вопрос об открытии второго фронта. И все же прежде следовало начать разгребать дипломатические завалы 1939–1941 годов. Советское руководство решило сделать первый шаг. Одна из важнейших проблем, без решения которой нельзя было наладить нормальные отношения с Великобританией – польская. Ведь в войну с Германией британцы вступили из-за Польши. А СССР принял участие в разделе Польского государства. 26 июля Сталин и Молотов обсуждали советско-польский договор с Криппсом, который выступал ходатаем эмигрантского польского правительства В. Сикорского, находившегося в Лондоне. Что же, Сикорский так Сикорский. Было решено создать польскую армию на территории СССР «под командованием, назначенным Польским Правительством с согласия Советского Правительства. Польская армия на территории СССР будет действовать в оперативном отношении под руководством Верховного Командования СССР, в составе которого польская армия будет иметь своего представителя»². Сталин согласился освободить арестованных в СССР польских граждан.

Главным в советско-польских отношениях оставался вопрос о западной границе СССР. Криппс сообщил, что по подписании соглашения Иден собирается вручить Сикорскому ноту, в которой будет сказано: «Правительство Его Величества не предполагает признать какие-либо территориальные перемены, происшедшие в течение войны, разве только они произошли с добровольного согласия заинтересованных сторон»³. Это было неприятно, но ожидаемо. За международное признание новых

¹ Там же. С. 145.

² Там же. С. 183–184.

³ Там же. С. 185.

*Иван Михайлович Майский
1940-е*

[Из открытых источников]

границ Украины и Белоруссии Молотову и Сталину еще предстояло побороться.

30 июля в Лондоне послом И. Майским было подписано Советско-польское соглашение о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР. В июле – августе 1941 года Советский Союз признал располагавшиеся в Лондоне правительства других стран, оккупированных Германией – Чехословакии, Норвегии, Югославии, Греции.

Советско-американские отношения между тем развивались не так, как хотелось бы Москве. Молотов устроил форменную выволочку Штейнгардту за интервью в «Лайф», где тот заявил: «Чрезмерно полагать, что советская армия в состоянии удерживать в течение неопределенного времени линию Москва – Ленинград – Киев против всей тяжести немецких сил... Но я полагаю, что линию значительно западнее Уральских гор можно будет удерживать»¹. Чего ждать от американцев, если их посол позволяет себе столь пессимистические оценки?

Положение исправил визит Г. Гопкинса, которого Сталин и Молотов принимали 30 июля. Тот пояснил, что «не является дипломатическим представителем или представителем какого-либо правительственного учреждения, а является личным другом

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 24. С. 178.

*Гарри Гопкинс
1940-е*

[Из открытых источников]

Рузвельта». Притом, президент уполномочил его решать вопросы с передачей вооружений. Рузвельт «уверен в победе Советского Союза и готов сделать все, чтобы оказать СССР всяческую помощь» и считает Гитлера «врагом всего мира».

Сталин в ответ заявил: «Группировка Гитлера, как антисоциальный элемент, должна быть уничтожена». Далее Сталин перечислил вооружения, которые СССР хотел бы срочно получить от США по ленд-лизу: зенитки, бомбардировщики, истребители, крупнокалиберные пулеметы, винтовки, а также алюминий. Хорошо было бы привлечь ВМФ США к эскортированию конвоев до Архангельска. Перевозка товаров через Владивосток отнимает очень много времени, а Трансиранская дорога обладает малой пропускной способностью и не может удовлетворить потребности Советского Союза. Кроме того, неизвестно, как еще иранцы отнесутся к транспортировке через их территорию вооружения. Гопкинс обещал немедленно сообщить президенту о содержании беседы.

На следующий день Гопкинс беседовал с одним Молотовым. Начал с любезностей, но с политическим подтекстом: «по сравнению с Лондоном Москва почти совсем не пострадала». Мол, не нужно напирать на то, что СССР испытывает основную тяжесть войны, британцам тоже достается. Стороны обсудили возможность предоставления СССР американского займа. Затем Гоп-

кинс затронул деликатную тему, которую не поднял при первом знакомстве. Как СССР планирует вести себя в отношении Японии, продолжит ли, несмотря на пакт с ней, помогать Китаю? «По мнению Гопкинса, СССР и США должны найти путь для снабжения Китая вооружением». Молотов просил войти в положение СССР, которому сейчас не до Китая, и выразил надежду, «что США это учтут и окажут Китаю соответствующую необходимую поддержку». Молотов также высказал пожелание: хорошо, если США дадут понять японцам, что не останутся безразличными, если Япония нападет на СССР.

Прощаясь перед отлетом из СССР, Гопкинс говорил о своих впечатлениях по поводу решимости советских людей защищать свою страну. Молотов тепло ответил, что «в лице своего собеседника видит искреннего друга Советского Союза»¹. Личности советских лидеров и спокойная обстановка в Москве произвели на Гопкинса хорошее впечатление. В этот режим можно вкладывать деньги.

Летом 1941 года Рузвельт находился в том же положении, что и Сталин в начале года. Он пребывал над схваткой и ждал удобного момента, чтобы вмешаться. Тогда президент говорил своему сыну: «Китайцы убивают японцев, а русские убивают немцев. Мы должны помогать им продолжать свое дело до тех пор, пока наши собственные армии и флоты не будут готовы выступить на помощь. Поэтому мы должны начать посылать им в сто раз, в тысячу раз больше материалов, чем они получают от нас теперь. Ты представь себе, что это футбольный матч. А мы, скажем, резервные игроки, сидящие на скамейке. В данный момент основные игроки – это русские, китайцы и, в меньшей степени, англичане. Нам предназначена роль игроков, которые вступят в войну в решающий момент»².

Выслушав Гопкинса, Рузвельт лично взял на себя задачу проталкивания советских военно-технических интересов в формирующемся американском военно-промышленном комплексе. Однако для Сталина и для Молотова Рузвельт оставался загадочной фигурой. Они помнили времена, когда президент США Вильсон пытался устанавливать правила игры для всего мира, смешивая эгоистичный империализм с либеральным романти-

¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 80–89.

² Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947. С. 68–69.

ческим утопизмом. Не является ли Рузвельт новым Вильсоном? Разговоров много, вещи говорит хорошие, но маховик военной помощи США раскручивается что-то медленно. Черчилль понятнее, практичнее – враг нашего строя, империалист до мозга костей, но для него сохранение советского фронта – вопрос выживания его государства.

Итогом бесед с Криппсом, а также интенсивной работы Микояна и его партнеров, стало советско-британское Соглашение о взаимных поставках, кредите и порядке платежей от 16 августа. Оно регулировало порядок взаимных поставок товаров и кредитования СССР Великобританией под 3 % годовых. Предполагалось, что СССР будет получать транши до 10 млн фунтов стерлингов в оплату поставок. А 6 сентября Великобритания согласилась осуществлять часть поставок по американскому принципу ленд-лиза, то есть не продажи, а аренды.

Первый британский конвой под кодовым названием «Дервиш», состоявший из семи судов с 49 самолетами, более чем миллионом патронов и другими боеприпасами, пришел в Архангельск 31 августа. Следовало позаботиться о том, чтобы канал поставок не прерывался.

* * *

8 августа была образована Ставка Верховного главнокомандования во главе со Сталиным, который стал Верховным главнокомандующим. В нее вошел и Молотов. Ставке подчинялись все вооруженные силы СССР. Жуков вспоминал, что Молотов «почти всегда присутствовал в Ставке, когда рассматривались оперативно-стратегические и другие важные вопросы»¹.

Во второй половине 1941 года Молотов постоянно общался со Сталиным, иногда замещал его на заседаниях ГКО. Он вернулся к своей роли надежного «тыла» вождя. В начале 1941 года Сталин собирался было заменить его в этом качестве, но теперь стало ясно, что таких коней на переправе не меняют.

Визы и подписи Молотова стоят на многочисленных постановлениях ГКО, не имеющих отношения к внешней политике. 11 июля он подписал важнейшее постановление об эвакуации промышленных предприятий².

Уезжала в эвакуацию и семья Молотова. «Вяченька, родной, любимый мой! Уезжаем, не повидав тебя. Очень тяжело, но что

¹ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 1. С. 345.

² В штабах Победы. 1941–1945: В 5 кн. Кн. 1. М., 2022. С. 178.

Валентина, родной, любимый
 мамин! ^{Мамин!}
 Земляк не покидай родня. Очень
 тяжело то что думает дру-
 го никогда не. Милый
 наш мамин много сил и
 энергии, чтобы могли
 выжить. Решили мы
 и собираем победить
 врага. Берем себя,
 берем нашего, дорого
 мамин всем т. Сталина.

Рука дружна. А как же
 думать. Будем только
 о нашей родине и
 ее жизни

Всем дружно, всегда
 и всюду мы с
 тобой любимая
 родина. Великую
 победу мы
 раб
 полны

[Июль] 1941г

Письмо П.С. Жемчужинной своему мужу В.М. Молотову перед
 отъездом с пожеланиями победить врага

1 июля 1941

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 11. Автограф]

-2-76
кой, а в будущем коммунистской и коммунистской, чтобы ты мог по праву гордиться своей дочерью. Тысячу поцелуев.

Всегда, крепко любящая
тебя, твоя Светлана.

Москва, 1ое июля, 1941ое года. -1-6

Дорогой, мой родной, папочка!

Я очень жалею, что уезжая не могу тебя увидеть, поцеловать тебя, но в душе, весь сегодняшний вечер и все время моего отсутствия, я буду с тобой. Я буду там, если понадобится, работать, постараюсь учиться не хуже, чем учился в Москве, чтобы ты был мною доволен. Всегда я буду видеть тебя перед собой, и ты мне будешь вечно служить примером, как в жизни, так и в учебе. Теперь я постараюсь быть хорошей пионер-

Письмо Светланы Молотовой своему отцу В.М. Молотову перед отъездом с обещанием хорошо учиться

1 июля 1941

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1593. Л. 6-6 об. Автограф]

1941 г.

Дорогой, милый папаша! 5/VI - 1/2
Мы устроились очень хорошо.

Место очень красивое и на-
зывается "Хвостовское". Тут есть
пруд и большой лес.

И очень скучаю по тебе.

Сегодня уезжает мама, и
ты пожалуйста прими
мне ее поскорей, а то мне
будет совсем скучно.

Ну, родной папаша, до сви-
данья, мой дорогой.

Целую крепко.
Не забывай любить тебя, Светика.

Письмо Светланы Молотовой своему отцу В.М. Молотову
с приложением конверта

5 июня 1941

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1593. Л. 1-2 об. Автограф]

- 1 -

Город Киров, Кстинино, 18^{то} июля, 1941^{го}⁷_{июля}
 Дорогой мой, самый любимый
 папуся!

Не можешь себе представить, как я
 обрадовалась получив твое письмо.
 Я прочла первый том "Божиний
 ожидания" - Чарльза Диккенса, сей-
 час читаю второй том этой кни-
 ги. Очень интересно. У меня еще
 осталось 3^{ье} тома "Домби и сын"
 - Диккенса. И. Принимай мне по-
 жалууйста 1ый том "Двадцати
 лет спустя" А. Дюма, (не забудь).
 Привет всем и от всех. Будь
 здоров. Я очень скучаю. Целую мно-
 его родного папусянку!!!!!!

Твоя Светик.

Р. У. Мой адрес: город Киров, вок-
 зал, до востребования, Чекунаеву для

Письмо Светланы Молотовой из Кирова своему отцу

В.М. Молотову о прочитанных книгах

18 июля 1941

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1593. Л. 7. Автограф]

делать, другого выхода нет. Желаю вам всем много сил и бодро-
 сти, чтобы могли вашими решениями и советами победить вра-
 га. Береги себя, береги нашего дорогого нам всем т. Сталина.
 Рука дрожит. О нас не думай. Думай только о нашей Родине и
 ее жизни. Всей душой, всегда и всюду мы с тобою, любимым, род-

ным. Целую бесконечно много раз. Полина»¹. Матери вторила Светлана: «Дорогой, мой родной папочка! Я очень жалею, что, уезжая, не могу тебя увидеть, поцеловать тебя, но в душе весь сегодняшний вечер и все время моего отсутствия я буду с тобой. Я буду там, если понадобится, работать, постараюсь учиться не хуже, чем училась в Москве, чтобы ты был мною доволен... Тысячу поцелуев. Всегда, крепко любящая тебя, твоя Светик»².

Жемчужина работала начальником Главного управления текстильно-галантерейной промышленности Наркомлегпрома РСФСР. Она быстро перестроила мощности на производство парашотно-десантного и другого военного имущества. В 1944 году Полина Семеновна получила орден Красной Звезды и медаль «За оборону Москвы», в 1945 году – орден Отечественной войны I степени и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После возвращения в Москву Жемчужина также возглавила попечительский совет детского дома для сирот войны. Свои орденские купоны Жемчужина и Молотов без лишнего шума отправляли в детские дома. «В 1957 году, когда опального Молотова отправят в Монголию, в МИД придет телеграмма из детского дома № 22 с вопросом: почему перестали поступать деньги? Там думали, что деньги – от ведомства, а не от Молотовых», – рассказывает В.А. Никонов³.

К ноябрю 1941 года промышленное производство в стране упало вдвое. Но благодаря самоотверженности тружеников и организаторским способностям руководителей значительную часть оборудования удалось вывезти на Урал, в Сибирь и в Среднюю Азию. Полторы тысячи предприятий были разобраны, погружены на поезда, перевезены на новые места и там снова запущены. За Уралом была создана новая промышленная база, которая уже в начале 1942 года превысила уровень производства военной продукции уровня 1941 года. Германское производство снова стало отставать от советского. Во время войны все советские люди жили по принципу «Все для фронта! Все для победы!» Они работали почти каждый день по 11–14 часов в сутки. Но пока СССР сможет восстановить промышленную мощь, Молотов должен был как можно скорее обеспечить начало поставок со стороны союзников.

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 11.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1593. Л. 7–7 об.

³ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 148.

1941 - 3 -
 ма, и ты очень много работаешь,
 и также понимаю, что я могу
 тебе доставить самое большое
 удовольствие тем, что буду от-
 лично учиться!

Твоя дочь,
 Светлана.

11/IX - 1941 г. 14
 Любимый, родной и милый
 папусяшка!
 Прости, что долго не отвечала на
 письмо, я сейчас очень загружена;
 прихожу из школы, обедаю, делаю
 уроки, потом - немецк. яз. или му-
 зыка, после гимнастика и массажа
 доделываю уроки, утомлена, и, если
 остается время, иду гулять.
 Но вот сегодня много уроков,
 и я пишу тебе. Дорогой папу-
 ша! За это время случилось так
 много нового, что всего не описать.
 Ведь, я пошла в школу, и оу-
 тмалась среди новых ребят! Я
 уже свилалась с новой школой,
 и знаю всех ребят. 8; 9 и 10/IX я
 пропустила школу из-за грип-
 па, но теперь поправилась, и
 сегодня пошла в школу. Читаю
 я сейчас "Три мушкетера" - т.
 Тона (2 раз). В школе я уже

Письмо Светланы Молотовой своему отцу В.М. Молотову
 об учебе в новой школе

11 сентября 1941

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1593. Л. 14-15 об. Автограф]

№ 60

- 2 -

писалась с Марией Смирновой.

Из приятелей, моих московских друзей, я переписываюсь с Таней, Элей и Машей. Все они в разных городах: Таня в Рязани, Эля в Молодове (Перми), а Маша в Ашхабаде. Но все-таки нам очень

Дорогой Куйбышев на Волге, 21ое сентября, 1941ое года.

Дорогой, милый, любимый папочка! Я живу очень хорошо, здорово. В школе у меня дела идут хорошо, получил 20 отлично и 4 хорошо.

Покрестнику занимаюсь музыкой, немецким языком, гимнастикой и мне делают массаж. В школе мне очень нравится, как и раньше, ботаника; остальные предметы мне также нравятся, кроме черчения и рисования. Новые предметы, как физика, алгебра и геометрия, мне пришлись по вкусу, особенно геометрия. Меня спрашивают по всем предметам, кроме физики, истории и географии; за все эти ответы я получил 20 отлично. В классе у нас теперь стало 20 человек, прибавился еще один мальчик, из Москвы. Девочки, в нашем классе, хорошие; но особенно я под-

маша, де-
мисон,
сейчас
в жизни
у меня
даже я
ухо!

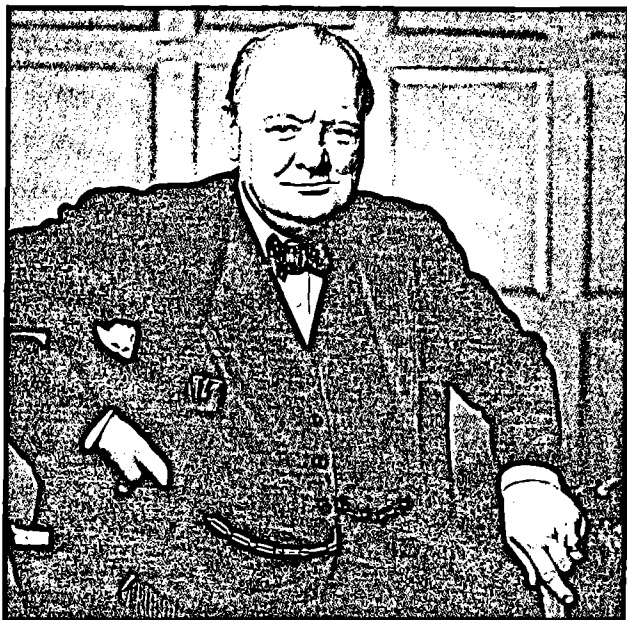
маша
милые
очень

Письмо Светланы Молотовой из Куйбышева своему отцу
В.М. Молотову о своей учебе

21 сентября 1941

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1593. Л. 16-16 об. Автограф]

Уинстон
Черчилль
1940-е
[Из открытых
источников]

9–12 августа Рузвельт и Черчилль встретились на авианосце «Огаста» у Ньюфаундленда и приняли Атлантическую хартию. Она провозглашала права народов на самоопределение (колонияльные народы – не в счет), необходимость экономического сотрудничества, свободы морской торговли, разоружения. Лидеры Великобритании и США заявляли, что их государства «не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов», а также что они «уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить; они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем»¹. Такие формулировки сулили СССР большие трудности при утверждении своих прав на Прибалтику, Западную Белоруссию и Западную Украину. Стоило ли Москве признавать декларацию Великобритании и Америки, которая еще не вступила в войну?

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 147–148.

На союзнической конференции в Лондоне, в которой участвовали представители СССР, Великобритании и эмигрантских правительств, советский посол Майский зачитал 24 сентября присланную из Москвы декларацию советского правительства, в которой говорилось, что «Советский Союз неизменно выступал со всей последовательностью и решительностью против всех нарушений суверенных прав народов, против агрессии и агрессоров, против всех и всяких попыток агрессивных стран навязать народам свою волю и ввергнуть их в войну»¹. Разумеется, участники хорошо помнили боевые действия СССР против Польского государства и Финляндии. Но протестовать не стали – теперь от Советского Союза зависела победа над Гитлером. Молотов и Сталин, направившие в Лондон этот документ, намеревались увязать справедливое послевоенное мироустройство с признанием территориальных приобретений СССР 1939–1940 годов: «...советское правительство выражает свое согласие с основными принципами декларации президента Соединенных Штатов Америки Рузвельта и премьер-министра Великобритании Черчилля, однако, «практическое применение указанных выше принципов неизбежно должно будет соотноситься с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны»². Принципы принципами, а практическое применение должно соотноситься с требованиями СССР.

Молотов правил этот документ, заостряя обличение нацизма («подлый враг», «кровавый агрессор»). Также «миролюбивые народы» заменены на «свободолюбивые», «уничтожение германского агрессора и его союзников» – на «освобождение народов, стонущих под гнетом гитлеровских орд». А в основе национальной политики СССР лежит признание не «добровольности и равенства в деле национального объединения», а «суверенность и равноправие наций»³. В наше военное время не до добровольности.

В августе стало ясно, что Великобритания и США вот-вот начнут поставки помощи СССР. Но по каким маршрутам? Через моря Северного Ледовитого океана – рискованно, ведь там действуют германский флот и даже авиация, базирующаяся в Скандинавии. Через Дальний Восток – безопасно, но медленно. Удобным транспортным коридором для поставки грузов в СССР

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 24. С. 322.

² Там же. С. 323.

³ В штабах Победы. 1941–1945. Кн. 1. С. 412–413.

мог стать Иран. Но иранское руководство относилось к этому без восторга. Как докладывал Молотову советский посол в Иране А. Смирнов, «когда речь заходила о транзите советских грузов через Иран, шах и премьер тотчас же спешили заявить: “А как бы это не повредило иранскому нейтралитету, как бы на это не обиделись”. Стремление не обидеть немцев проходит красной нитью в политике Ирана, и оно сохраняется до сих пор»¹.

Молотов принялся усиливать давление на южного соседа. СССР ультимативно потребовал от иранских властей в месячный срок выдворить из Ирана немцев, на что последовал отказ. Суверенные нейтральные государства таких требований не выполняют. Иранские войска стали готовиться к отражению вторжения с севера, но 19 июля советские требования поддержала Великобритания. Сможет ли Иран противостоять одновременно двум этим державам?

25 августа Молотов вручил послу Ирана в СССР М. Саеду ноту, в которой говорилось о подрывной деятельности немцев на территории Германии, которая подпадала под пункт 6 советско-иранского договора 1921 года: «Обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласны в том, что в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки... превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвести эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры. По устранении данной опасности, Советское Правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии»².

Советские и британские войска вошли в Иран 25 августа. Утром сопротивление иранских войск было сломлено. При этом погибло 106 иранцев и 15 бойцов Красной армии³. Советские войска заняли северную часть Ирана, британские – южную. Теге-

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 24. С. 227.

² Там же. С. 258.

³ Гасанлы Дж. СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М., 2006. С. 19.

ран союзники контролировали совместно. 8 сентября Иран согласился с размещением советских и британских войск на его территории.

12 сентября Криппс сообщал Молотову, что, войдя в Иран, советские войска конфискуют продукты питания и средства транспорта. Молотов ответил, «что в первый период вступления войск в Иран в целом ряде случаев иранские гражданские власти разбежались... Советское правительство дало указание своему послу в Тегеране обратить внимание иранского правительства, что на последнем лежит вся ответственность за восстановление гражданских учреждений и за их работу». Это напоминало начало советизации 1939–1940 годов. Но теперь советская оккупация проходила под британским присмотром, что ограничивало советские возможности по изменению местного политического и общественного строя. Криппс просил дать указания советским военным властям, чтобы они не затрудняли работу гражданских организаций. А вот против совместного вмешательства во внутренние дела британцы не возражали и даже его инициировали. Как бы «лично от себя» Криппс поднял вопрос о низложении шаха, «так как обе стороны не могут быть гарантированы в том, что заключенные с шахом договоры будут выполняться». Так вот зачем понадобилось поднимать вопрос о советском беззаконии в Иране – британцы задумали другое беззаконие.

Молотов не был готов к столь радикальному вмешательству и ответил, что «не видит признаков того, что шах собирается создавать препятствия; если же английское правительство считает, что низложение шаха окажется в интересах обеих сторон и будет способствовать проведению намеченных обеими сторонами мероприятий, то это низложение будет правильным». Он добавил, что изучает вопрос о шахе и хочет знать, «как осуществить низложение шаха и какие лица, в случае предполагаемой Криппсом перемены, окажутся в иранском правительстве»¹.

Реза отрекся от престола в пользу своего юного сына Мухаммеда Резы 16 сентября, а 29 января 1942 года был подписан договор о союзе между Ираном, СССР и Великобританией. Играя важную роль в транзите военных грузов, Иран оставался нейтральным государством.

* * *

Сталин все крепче брал в свои руки дипломатические дела. В сентябре Майский и Уманский направляли телеграммы уже

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 24. С. 296.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
ОБОРОНЫ

„26“ августа 1941 г.

№ 586

МОСКВА, КРЕМЛЬ

М А Н Д А Т

Заместитель Председателя Государственного Комитета Обороны т.МОЛОТОВ В.М., Член Государственного Комитета Обороны т.МАЛЕНКОВ Г.М., Народный Комиссар Военно-Морского Флота т.КУЗНЕЦОВ Н.Г., заместитель Председателя Совнаркома СССР т.КОСЫГИН А.Н., Командующий ВВС Красной Армии т.ЖИГАРЕВ П.Ф. и Начальник Артиллерии Красной Армии т.ВОРОНОВ Н.Н. уполномачиваются Государственным Комитетом Обороны для рассмотрения и решения, совместно с Военным Советом Главного Командования Северо-Западного направления и с Военным Советом Ленинградского фронта, всех вопросов обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения Ленинграда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

И.В. Сталин

*Мандат уполномоченных Государственного комитета обороны
В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Н.Г. Кузнецова,
А.Н. Косыгина, П.Ф. Жигарева и Н.Н. Воронова по рассмотрению
и решению вопросов обороны, эвакуации предприятий
и населения Ленинграда*

26 августа 1941

*[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 862. Л. 5. Подлинник. Машинописный
текст, подпись – автограф И.В. Сталина]*

не Молотову, а непосредственно ему. Зато своего верного соратника вождем использовал на других направлениях. Германские войска подходили к Ленинграду, и ГКО направил туда Молотова, Маленкова, начальника артиллерии Н. Воронова и адмирала Н. Кузнецова для выяснения и исправления ситуации. Молотов рассказывал: «Мы до Череповца на самолете летели, потом поездом поехали в Ленинград. Там недалеко. Но мы до Ленинграда не смогли добраться, и поездом не могли, потому что там уже был прерван путь. Мы на дрезине от станции Мга, высадились на дрезину и добрались до Ленинграда». Вскоре и Мга была захвачена противником. По воспоминаниям Молотова, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома А. Жданов «тогда был очень растерян. Все плохо идет, немцы окружали их, окружали и окончательно заперли»¹.

Обсудив ситуацию, решили город не сдавать, эвакуацию заводов не проводить. Да и невозможно их было уже эвакуировать. Решили с 1 сентября нормировать продукты, прекратить коммерческую торговлю и создать полуторамесячный запас продовольствия².

Обратно возвращались на самолете над Ладожским озером, поскольку железную дорогу немцы уже перерезали. По итогам поездки вечером 9 сентября Сталин, Молотов, Маленков и Берия отправили в Ленинград Ворошилову и Жданову грозную телеграмму: «Нас возмущает ваше поведение, выражающееся в том, что вы сообщаете только лишь о потере нами той или иной местности, но обычно ни слова не сообщаете, какие же вами приняты меры для того, чтобы перестать наконец терять города и станции... Может быть, вы уже предрешили сдать Ленинград?»³ Эти упреки были вызваны сдачей Шлиссельбурга несмотря на обилие танков КВ в распоряжении Ворошилова. По итогам доклада Молотова 11 сентября командующим Ленинградским фронтом был назначен Г. Жуков, который только что успешно провел Ельнинскую наступательную операцию.

8 сентября Молотов вернулся к дипломатической работе и принял польского посла С. Кота, который в самой теплой обстановке вручил ему копию верительных грамот. «Посол беседовал недавно с поляками, бывшими военнопленными. Они много

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 54–55.

² Сорокин А.К. Указ. соч. С. 189.

³ В штабах Победы. 1941–1945. Кн. 1. С. 372.

*Андрей Александрович
Жданов
[РГАСПИ. Ф. 77.
Оп. 1. Д. 1008. Л. 208]*

страдали, но они горячо одобряют политику польского правительства и выражают большое желание совместно с русскими бороться против Германии»¹. Молотов дал понять, что не только экипировку, но и вооружение для формирующейся на территории СССР польской армии нужно получить у союзников. Советскому Союзу самому не хватает.

29 сентября – 1 октября в Москве прошла конференция, на которой СССР представляли Молотов и Сталин, Великобританию – член кабинета У. Бивербрук, США – близкий к Гопкинсу предприниматель А. Гарриман. В первый день обсуждение объемов и характера поставок вел Сталин, Молотов внимательно слушал. В приоритете были танки, противотанковые орудия, средние бомбардировщики, зенитная артиллерия, броневые листы для танков, истребители, самолеты-разведчики, колючая проволока. Бивербрук взмолился: «Мы в своем предложении дошли до предела возможностей»². Обсуждались также перспек-

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 24. С. 285.

² Там же. С. 333.

тивы открытия второго фронта и даже отправки британских войск на советский фронт.

Сталин и Гарриман покритиковали послов Штейнгардта и Уманского, в ноябре оба они будут заменены. А вот Бивербрук Майского похвалил, и тот продолжит работать до 1943 года. Хотя претензии к нему у Молотова возникали, когда тот проявлял самостоятельность, рассчитывая на свой дипломатический опыт: «Посол должен обращаться со своим личным мнением к своему правительству, а не к чужому правительству. Я Вас прошу прекратить практику демонстрирования “личных мнений”. Никто из послов не позволяет себе таких вольностей»¹.

В день завершения Московской конференции 1 октября 1941 года Молотов произнес итоговую речь: «Наша конференция в несколько дней с успехом провела свою работу... При этом приходится особо отметить, что не только воюющая с нацистской Германией Англия, но и невоюющая страна – Соединенные Штаты Америки – в одинаковой мере признали как необходимость ликвидации гитлеризма, так и необходимость помочь в этих целях Советскому Союзу своими богатейшими материальными ресурсами»². Действительно, агрессия тем опасна для агрессора, что ставит на сторону его жертвы гораздо большие силы, чем мог рассчитывать развязавший войну диктатор. Наращивая агрессию, он вызвал страх уже и вдали от Европы, в США. Поставки вооружений – это только начало. Период «умиротворения» ушел в прошлое. Полумеры и компромиссы с источником агрессии становились недопустимыми.

В тот же день Молотов, Гарриман и Бивербрук подписали секретный протокол с перечнем поставок, которые с ноября шли в том числе по ленд-лизу – то есть без оплаты, с обязательством вернуть лишь то имущество, которое уцелеет к концу войны. В дальнейшем Молотов и другие советские представители, опираясь на это соглашение, добивались новых договоренностей о поставках, которые были зафиксированы в Вашингтонском протоколе 6 октября 1942 года, Лондонском протоколе 19 октября 1943 года и Оттавском протоколе 17 апреля 1944 года.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 26. Кн. 1. Майкоп, 2016. С. 274.

² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 127–129.

*Уильям А. Гарриман
1940-е
[Из открытых
источников]*

Учитывая дальний путь, который даже первые поставки должны были преодолеть до места военных действий, они не могли оказать влияние на ход битвы под Москвой. Но в конечном итоге советско-американские переговоры 1941 года имели большое значение, с 1942 года поставки союзников стали серьезно экономить жизни советских солдат.

После нападения Японии на США 7 декабря 1941 года массовые поставки из США приостановились, но вскоре возобновились. Более того, 28 декабря 1941 года Рузвельт распорядился нагнать отставание к 1 апреля 1942 года. Однако войти в график тогда партнеры не смогут, протокол будет выполнен по разным категориям от 48 до 80 %. И в 1942 году Молотов отправится обеспечивать поставки лично.

Всего по ленд-лизу по американским данным США предоставили СССР 14 795 самолетов, 7056 танков, 8218 зенитных орудий, 131 600 пулеметов; Великобритания – 3384 самолета и 4292 танка; Канада – 1188 танков. СССР также получал автомобили, мотоциклы, локомотивы, вагоны, рельсы, суда, тракторы, станки, промышленное оборудование, снаряды, патроны, взрывчатые вещества, запчасти, авиационное топливо, продовольственные товары, лекарства, медь, алюминий и другое сырье. США поставляли продовольствие, что позволило с 1944 года в условиях разрушения сельского хозяйства нормально кормить

армию, рабочих и служащих¹. Вклад Молотова в обеспечение этих результатов был исключительно велик.

Пока шла конференция, 30 сентября началась битва за Москву. Прорвав советскую оборону, противник вышел 6 октября к Вязьме и окружил значительные силы четырех армий. Между немцами и Москвой сплошного фронта больше не было. Разгром Западного фронта шокировал советское руководство. Вроде бы достаточно времени было, чтобы научиться воевать, понять намерения противника и подготовить оборону. И опять Сталин отправил Молотова разбираться на фронт. Командующий Западным фронтом И. Конев вспоминал, что «его прибытие в штаб фронта, по совести говоря, только осложняло и без того трудную ситуацию»². Прибывший с Молотовым А. Василевский, напротив, утверждал, что именно «пожарная команда» добилась вывода войск на Можайский рубеж. Западный и Резервный фронты объединялись под командованием Жукова, Конев стал его заместителем. Они принялись выстраивать линию обороны на новом рубеже в районе Можайска, но ее прочность была неизвестной величиной.

Утром 15 октября Сталин собрал соратников и «предложил срочно, сегодня же эвакуировать правительство и важнейшие учреждения, выдающихся политических и государственных деятелей, которые были в Москве, а также подготовить город на случай вторжения немцев. Необходимо назначить надежных людей, которые могли бы положить взрывчатку под важнейшее оборудование машиностроительных заводов и других предприятий, чтобы его не мог использовать противник в случае занятия Москвы для производства боеприпасов. Кроме того, он предложил командующему Московским военным округом генералу Артемьеву подготовить план обороны города, имея в виду удержать если не весь город, то хотя бы часть его до подхода основных резервов. Когда подойдут войска из Сибири, будет организован прорыв, и немцев вышибут из Москвы.

¹ Подробнее см.: Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои. 1941–1945 гг. М., 1997; Стеттиниус Э. Ленд-лиз – оружие победы. М., 2000; Бутенина Н.В. Ленд-лиз. Сделка века. М., 2004; Краснов В.Н., Краснов Н.В. Лендлиз для СССР. 1941–1945. М., 2008; Джонс Р. Ленд-лиз. Дороги в Россию: Военные поставки США для СССР во Второй мировой войне. 1941–1945. М., 2015.

² Конев И.С. Записки командующего фронтом. М., 2014. С. 65.

Сталин сказал, что правительство и иностранные посольства надо эвакуировать в Куйбышев, а наркоматы – в другие города. Он предложил Молотову и мне вызвать немедленно всех наркомов, объяснить им, что немедленно, в течение суток необходимо организовать эвакуацию всех министерств»¹, – рассказывал Микоян. Молотов сообщил иностранным миссиям, что они должны немедленно перебираться в Куйбышев. То же он сказал Димитрову: «Надо эвакуироваться. Советую еще сегодня ехать... Москву нельзя защищать, как Ленинград»².

Сталин оставался в Москве и должен был уехать на следующий день после правительства или позднее. В итоге так и не эвакуировался. В случае начала боев за Москву планировалось произвести взрыв предприятий, складов, электрооборудования метро и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать³.

Молотов отправился организовывать резервную столицу. «Предоставлялся случай побыть с семьей. Наркоминдел в Куйбышеве разместился в здании техникума на Галактионовской улице. Там Молотов провел ряд встреч с послами: 22 октября – с Криппсом и Штейнгардтом, а также с польским послом Котом, с которым обсудил и вопросы о возможном предстоящем визите в СССР генерала Сикорского»⁴, – пишет В.А. Никонов. Вскоре Молотов вернулся в Москву.

Раз уж Сталин и Молотов остались в Москве, следовало достойно отметить праздник 7 ноября, показав стране и миру, что столица надежно контролируется. Чтобы торжественное заседание не прервала бомбардировка, его провели на станции метро «Маяковская». Ранним утром 7 ноября Сталин, Молотов и другие члены Политбюро и ГКО взошли на трибуну Мавзолея. В 8 часов начался парад, который стал самым знаменитым из всех ноябрьских торжеств. Он стал прародителем Парада Победы. Пройдя по Красной площади, войска шли на фронт, отстаивать Москву.

5 декабря Красная армия перешла в контрнаступление под Москвой и отбросила противника от столицы. Германская армия потерпела первое крупное поражение. Блицкриг провалился. Но сила германского рейха и его союзников все еще была вели-

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 417.

² Дневник Георгия Димитрова. С. 99.

³ Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 506.

⁴ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 1. С. 113.

*И.В. Сталин, Л.П. Берия, Г.М. Маленков и В.М. Молотов
на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине
Октябрьской революции
Москва. 6 ноября 1941
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1475. Л. 26]*

ка, выгнать их из страны, как Наполеона в 1812 году, не удалось. Пройдет еще более двух лет, когда победоносная Красная армия выйдет к границам СССР. Но главное было сделано — они устояли.

В трагический день 22 июня 1941 года слова Молотова «победа будет за нами» могли выглядеть бравадой. Теперь, в декабре, они воплотились в реальность: первый шаг к победе был сделан. Роль Молотова в этом была очень велика. Он способствовал консолидации руководства в момент неопределенности, он выезжал на фронт в кризисные моменты и главное — неустанно добивался помощи от Запада. Он сделал все необходимое, чтобы не случилось новое умиротворение, чтобы СССР стал авангардом мировых сил, на которые работает время, которые шаг за шагом будут перемалывать военную машину агрессора. Впереди несколько лет упорных боев, тяжелого труда, нелегких переговоров с партнерами. Но по большому счету победа уже была за ними. Слова Молотова превратились из надежды в омытый кровью факт.

3. «АЛГЕБРА» И «АРИФМЕТИКА» МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Победа Красной армии под Москвой показала и Японии, что не стоит больше помышлять об экспансии на север. Свой удар она нанесла 7 декабря по американскому флоту в Пёрл-Харборе. Началась война на Тихом океане. Когда Сталин и Молотов узнали, что самураи пошли в южном направлении, у них отлегло от сердца, как у Черчилля 22 июня.

В ответ на нападение президент США Рузвельт объявил войну Японии. 11 декабря Германия объявила войну США. Теперь против Оси действовали ресурсы Великобритании, СССР и США. Война окончательно стала мировой.

Рузвельт принял нового советского посла – бывшего наркома иностранных дел Литвинова 8 декабря. Первым делом он выразил надежду, что СССР вступит в войну с Японией и позволит США бомбить ее со своей территории. Литвинов дал понять, что это вряд ли – смертельная угроза СССР исходила от Германии, и вторжение в Сибирь огромной японской Квантунской армии из Маньчжурии было бы тяжелым ударом, в то время как США остались бы в относительной безопасности за океаном.

Молотов был не в восторге от возвращения в большую дипломатию человека, которого он сменил на посту наркома. Впоследствии он вспоминал о Литвинове с откровенной враждебностью: «Человек оказался очень гнилой». Он критически относился к ситуации, сложившейся в СССР и якобы мог сообщать секретную информацию американцам. «Он заслуживал высшую меру наказания со стороны пролетариата... Литвинов лишь случайно жив остался»¹. Но в новой обстановке Сталину были нужны способности Максима Максимовича и его репутация западника. Однако Молотов по возможности не брал Литвинова на переговоры, даже находясь в США.

Впрочем, по поводу вступления СССР в войну против Японии у советских дипломатов разногласий быть не могло. 10 декабря Молотов подтвердил: «Мы не считаем возможным объявить в данный момент состояние войны с Японией и вынуждены держаться нейтралитета, поскольку Япония будет соблюдать советско-японский пакт о нейтралитете... В настоящий момент, когда мы ведем тяжелую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии, включая сюда половину войск

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 96–97.

*Энтони Иден**1930-е**[Из открытых источников]*

с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным для СССР объявить теперь состояние войны с Японией и вести войну на два фронта». Рузвельту пришлось согласиться¹.

Победа под Москвой и вступление США в войну создали новую ситуацию. Судьба СССР уже не висела на волоске. В Москву прибыл министр иностранных дел Великобритании Э. Иден, с которым Сталин и Молотов встретились 16 декабря. Сталин предложил Идену проекты двух договоров – о военной взаимопомощи и о разрешении послевоенных проблем. Ко второму договору предлагалось приложить секретный протокол, в котором «была бы намечена общая схема реорганизации европейских границ после войны». Польша получит Восточную Пруссию, причем немецкое население отсюда будет отправлено в Германию. Восточная граница Польши пройдет по реке Неман, Тильзит будет принадлежать Литве, входящей в СССР. Далее к югу граница в основном повторит «линию Керзона», которая «может быть в известных пунктах частично модифицирована». Чехо-

¹ Документы внешней политики. Т. 24. С. 490–491.

словакию и Югославию Сталин и Молотов предлагали восстановить и немного расширить за счет Венгрии, Болгарии и Италии, остальные оккупированные государства восстановить, а Турции за нейтралитет передать немного болгарской территории и архипелаг Додеканес¹. Эти посулы могли сделать Турцию более уступчивой.

Иден заступился за Грецию, которая тоже претендовала на Додеканес, но главным камнем преткновения была, конечно, Польша. Еще 1 декабря в Москву прибыл генерал Сикорский. Это был мужественный шаг – германские войска окружали Москву с севера и юга. Но руководители СССР были здесь, и Сикорский прилетел. Сталин и Молотов встретились с ним 3 декабря. Сикорского интересовало формирование польской армии под командованием В. Андерса. От обсуждения проблемы границ он уклонился, чтобы не заводить переговоры в тупик. На следующий день была подписана декларация о дружбе и взаимопомощи. Советское правительство предоставило беспроцентный заем в сумме 300 млн рублей. Договорились о переводе польских частей из района Бузулука в Среднюю Азию, ближе к британскому снабжению. В феврале 1942 года армия Андерса составляла 73 тысячи человек. Это была большая сила, которая пригодилась бы на фронте, но Андерс рассчитывал на эвакуацию польской армии на территорию Британской империи. А ради отношений с союзниками Сталин и Молотов были готовы на уступки.

СССР настаивал на признании своих территориальных приобретений 1939–1940 годов, с чем Великобритания не соглашалась. Поиску решения этой проблемы будут посвящены следующие два года. Сталин и Молотов надеялись заинтересовать руководство Великобритании таким разделом Европы, на фоне которого проблема Польши будет не столь заметна. Британцы смогут поставить под свой контроль Западную Европу, создать базы в странах ее западного побережья, включая Францию, которая после войны, вероятно, станет второстепенной державой вроде Испании. От Германии предлагалось отделить Рейнскую область и, возможно, Баварию. СССР претендовал на «военный союз» – фактически протекторат над Румынией (которую предлагалось расширить за счет Венгрии) и Финляндией (у которой хотелось бы забрать Петсамо).

¹ Там же. С. 502.

Владислав Сикорский
1940-е
[Из открытых источников]

Увенчать послевоенную Европу, по замыслу Сталина и Молотова, должна была международная организация – аналог Лиги Наций, прототип будущей ООН. Ее ядром мог бы стать советско-британский союз: «...в будущей реконструированной Европе в интересах поддержания мира и порядка желательно было бы создать военный союз демократических государств, во главе которого стоял бы какой-либо совет или другой центральный орган, имеющий в своем распоряжении международную военную силу»¹.

Иден по многим пунктам согласился с партнерами: «...в послевоенной Европе ответственность за ее реконструкцию и за поддержание мира и порядка ляжет главным образом на наши два государства, совместно, конечно, с Соединенными Штатами, поскольку последние готовы будут вообще сотрудничать в этом деле»². После того, как США в 1920 году уклонились от участия в Лиге Наций, и теперь нельзя было гарантировать их активного участия в послевоенных европейских делах.

Обсудили и вопрос о репарациях, сойдясь на том, что с учетом неудачного опыта 20–30-х годов, их лучше брать не в денежной,

¹ Документы внешней политики. Т. 24. С. 503–504.

² Там же. С. 504.

а в натуральной форме, например, станками. Иден, однако, подчеркнул, что консультации носят сугубо предварительный характер, основные вопросы придется согласовывать с США. Сталину это не понравилось. Зачем вовлекать Рузвельта в решение наших европейских дел?

Иден предложил британский проект договора, но Сталин отнесся к нему весьма скептически: «Тов. Сталин ответил, что текст, предлагаемый Иденом, очень напоминает декларацию. Наоборот, советское правительство предлагает два договора. Декларация – это алгебра, договоры – это простая практическая арифметика. Мы хотим арифметики, а не алгебры. Так как Иден в этом месте несколько двусмысленно засмеялся, то т. Сталин добавил, что из его слов не следует заключать, будто бы он относится неуважительно к алгебре. Алгебра – хорошая наука, к которой он относится с полным почтением, но сейчас, при данных конкретных обстоятельствах, мы предпочитаем арифметику»¹.

Раз теперь Иден не хочет договариваться о стратегических вопросах без США, то «алгебру» придется отложить на потом и сосредоточиться на практической «арифметике». Рузвельт был далеко, вряд ли хорошо разбирался в европейских делах, его выступления все еще напоминали речи Вильсона, сломавшего политические зубы на попытке создать конституцию мира в виде устава Лиги Наций. Зачем англичане втягивают американцев в европейские дела? Это все усложняет, так хорошо было бы договориться на двоих об организации европейских дел... Видимо, англичане с помощью американцев хотят получить перевес. Надо бы подумать, как расколоть этот новый империалистический фронт.

Сталин пробовал настаивать, «что вопрос о западной границе СССР мог бы быть разрешен немедленно». Иден твердо возражал, «что он не может дать сейчас ответ на этот вопрос... Британское правительство обещало американскому правительству проконсультировать с ним по всем вопросам подобного рода». Да и мнение доминионов нужно спросить.

Ну что же, Штаты так Штаты: «Тов. Сталин заметил, что он не имеет никаких возражений против информирования Соединенных Штатов о наших переговорах по данному вопросу. Наоборот, он был бы очень доволен, если бы Соединенные Штаты приняли участие в признании советской западной границы 1941 года».

¹ Там же. С. 505.

Иден высказал сомнение по этому поводу, однако Сталин упорствовал: «...военные цели СССР и Англии должны быть идентичны, ибо только в этом случае наш союз может быть крепок. Если у нас будут различные военные цели, не будет никакого союза»¹. Выслушав эту угрозу, Иден обещал передать соображения советской стороны кабинету и перешел к обсуждению сугубо военных вопросов, также весьма интересных для Сталина и Молотова.

Пока Сталин и Молотов ставили на взаимовыгодное советско-британское соглашение, которое обменяет советскую границу 1941 года на широкие уступки британцам на западе Европы. Американское вмешательство в европейские вопросы тревожило. Было непонятно, что можно предложить Рузвельту взамен согласия на советские территориальные приобретения 1939–1940 годов.

Сталин и Молотов пытались вставить упоминание границ в текст договора: «Обе договаривающиеся стороны обязуются совместно работать над реконструкцией Европы после войны, с полным учетом интересов безопасности каждой из них, равно как интересов СССР в деле восстановления его границ, нарушенных гитлеровской агрессией, и в согласии с двумя принципами – не стремиться к территориальным приобретениям для себя в Европе и не вмешиваться во внутренние дела народов Европы»².

Иден не мог согласиться с хитрой советской формулировкой, так что подписание соглашения стало невозможным, что стороны констатировали 18 декабря. На следующий день Криппс угваривал Молотова: «...если визит Идена будет безрезультатным, то мы сделаем шаг во вред отношениям между СССР и Великобританией. Было бы лучше, если бы Иден вообще не приезжал в СССР. Но он прибыл. Нам надо справиться с положением, которое создалось в результате присутствия в СССР британского министра иностранных дел».

Молотов, однако, стоял на своем: «Воюющие страны – Англия, СССР и США должны знать, за что каждая из них воюет. Элементарные интересы этих стран должны быть признаны. Вопрос о границах – это самый элементарный вопрос. Без того, чтобы не договориться по этому вопросу, не может быть настоящего проч-

¹ Документы внешней политики. Т. 24. С. 506.

² Там же. С. 530.

ного союза, а мы хотим, чтобы он был. Если этого нельзя сделать сегодня, то отложим подписание соглашения»¹.

Иден 20 декабря предложил Сталину подписать хотя бы договор о военной помощи, но Сталин настаивал, что оба договора тесно связаны между собой. Иден был обескуражен: «За чем ему нужно было предпринимать столь длинное и сложное путешествие?»² Что же, в будущем подобные вояжи придется предпринимать и Молотову.

Сталин вдобавок уколол и без того расстроенного Идена, заявив, что он «несколько удивлен зависимостью английской политики от американского правительства. Ему казалось, что Англия располагает большей свободой движений в своих отношениях с другими странами. В этой недооценке роли Америки в британском правительстве, возможно, лежит причина трудностей прийти к соглашению»³.

Переговоры с Иденом в декабре 1941 года очень важны. Здесь впервые был откровенно поставлен вопрос о целях войны. Теперь вопрос об «алгебре» послевоенного мироустройства будет подниматься на каждой встрече лидеров трех государств. Сталин и Молотов подкрепляли свою позицию «арифметикой» успехов Красной армии, которая в свою очередь была связана с «арифметикой» поставок. Несогласие по поводу «алгебры» целей войны на этом этапе не должно было помешать «арифметике». Стратегические вопросы можно было отложить. Но все же и партнерам стало ясно, что на основе принятой сепаратно Атлантической хартии нельзя нормально строить отношения с СССР. Необходим принятый с его участием более весомый документ.

1 января 1942 года в Вашингтоне представители СССР, США, Великобритании и Китая, а также 9 центральноамериканских государств, 4 британских доминионов, колонии Индии и 8 эмигрантских правительств подписали Декларацию Объединенных Наций, в которой говорилось: «Каждое Правительство обязуется употребить все свои ресурсы, военные и экономические, против тех членов тройственного пакта и присоединившихся к нему, с которыми это Правительство находится в войне» и «не заклю-

¹ Там же. С. 536.

² Там же. С. 539.

³ Там же. С. 540.

чать сепаратного перемирия или мира с врагами»¹. Этот союзный акт подтверждал приверженность принципам Атлантической хартии. Таким образом, была оформлена Антигитлеровская коалиция, из недр которой выйдет система «Объединенных Наций».

28 января 1942 года по предложению Молотова было принято постановление Политбюро о создании комиссии по подготовке дипломатических материалов, которая должна была разрабатывать проекты будущего государственного устройства стран мира. Комиссии предстояло систематизировать материалы конференций 1918–1922 годов, доклады советских посольств, публичные выступления различных политических сил, изучать экономические и этнографические материалы². Враг только-только был остановлен под Москвой, а Молотов уже предложил заняться планированием будущего устройства мира, и Сталин с ним согласился.

4. ПЕРЕЛЕТ МОЛОТОВА И ВИЗИТ ЧЕРЧИЛЛЯ

Между тем, вопросы поставок, открытия второго фронта и признания границ 1941 года требовали решения. После неудачного общения с Иденом нужно было готовить новую встречу с британскими лидерами, а кроме того, попытаться прощупать позиции Рузвельта. В начале февраля 1942 года началось обсуждение, где Сталин мог бы встретиться с президентом – в Исландии, в Архангельске или в Астрахани. Поскольку оба лидера были очень заняты, место согласовать не удалось. 12 апреля Рузвельт предложил прислать в Вашингтон Молотова. Сталин согласился, но с дополнением: «Само собой понятно, что Молотов побудет также в Лондоне для обмена мнений с Английским Правительством»³. Это было как раз не «само собой». Ведь Рузвельт приглашал Молотова прибыть сначала в США, а потом двинуться в Лондон, чтобы выступить с согласованной

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 194.

² В штабах Победы. 1941–1945. Кн. 2. С. 64.

³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1976. С. 18.

позицией¹. Дипломат более позднего поколения В.М. Фалин недоумевает: «По каким причинам приглашение Рузвельта начать в США переговоры о втором фронте не было принято, автору неизвестно. Какую-то роль могла сыграть дезинформация, коей умело и систематически занимался Черчилль»². В книге В.М. Фалина Черчилль – хитроумный злодей. Но мы с вами видели, что и без британских интриг у Сталина и Молотова не было пока оснований ставить на Рузвельта.

Без согласия Черчилля США не могли подготовить базу для открытия второго фронта, британцы первыми стали осуществлять поставки, от них зависела ситуация в Европе. А на что рассчитывает американский президент? Диктовать всему миру правила игры, не имея в Европе сильной армии и опираясь только на доллары? Он категорически не признает присоединения Прибалтики и раздела Польского государства. К тому же, в отличие от британской реальной политики, где прагматизм может скорректировать идеологические позиции, рузвельтовский политический идеализм направлен своим острием против СССР. А где обещанные в октябре поставки самолетов, танков и грузовиков? К июлю по разным категориям продукции они выполнены только на 19,4–37,3 %³...

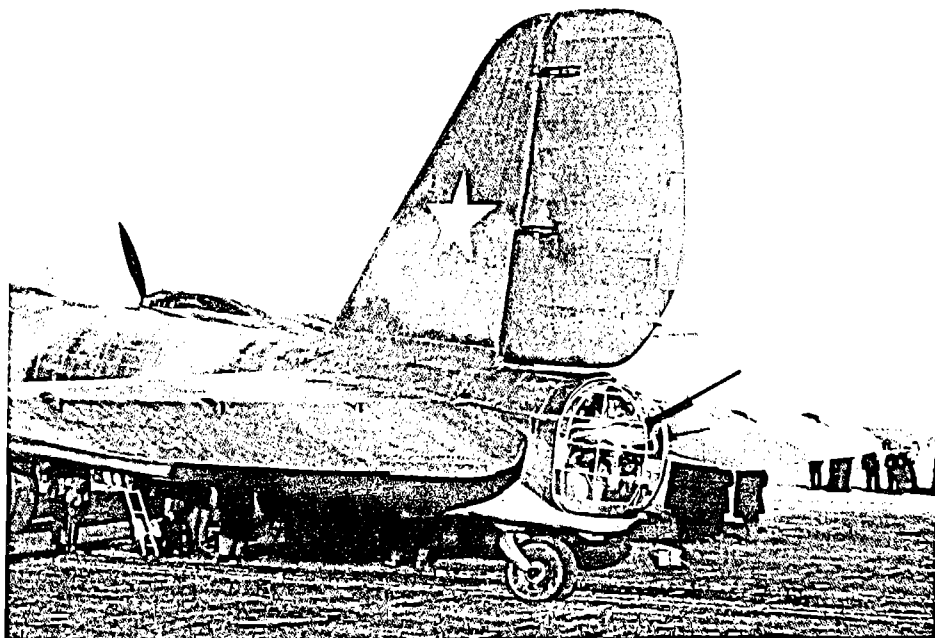
Черчилль – трудный, но понятный партнер, Рузвельт в своем далеке – загадочный сфинкс. Так что схема переговоров ясна: сначала Молотов пытается выжать из Черчилля все, что возможно, а потом с этим багажом выяснит, что может к нему добавить Рузвельт. И 22 апреля Сталин предложил Черчиллю принять Молотова, чтобы обсудить накопившиеся разногласия.

В США можно было добраться спокойно, хоть и не быстро. Путь в Британию лежал через территорию, контролируемую противником. Командующий авиацией дальнего действия генерал-лейтенант А. Голованов предложил лететь на Пе-8 прямо через занятую германскими войсками территорию. При уровне технологий того времени обнаружение высоколетающего самолета было маловероятным. Голованов рассказывал Ф. Чуеву: «Сталин был великий конспиратор. Дело это велось в строжайшем

¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 162–165.

² Фалин В.М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 335.

³ История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1980. С. 430.

Бомбардировщик Пе-8, на котором В.М. Молотов совершил полет в Великобританию

1942

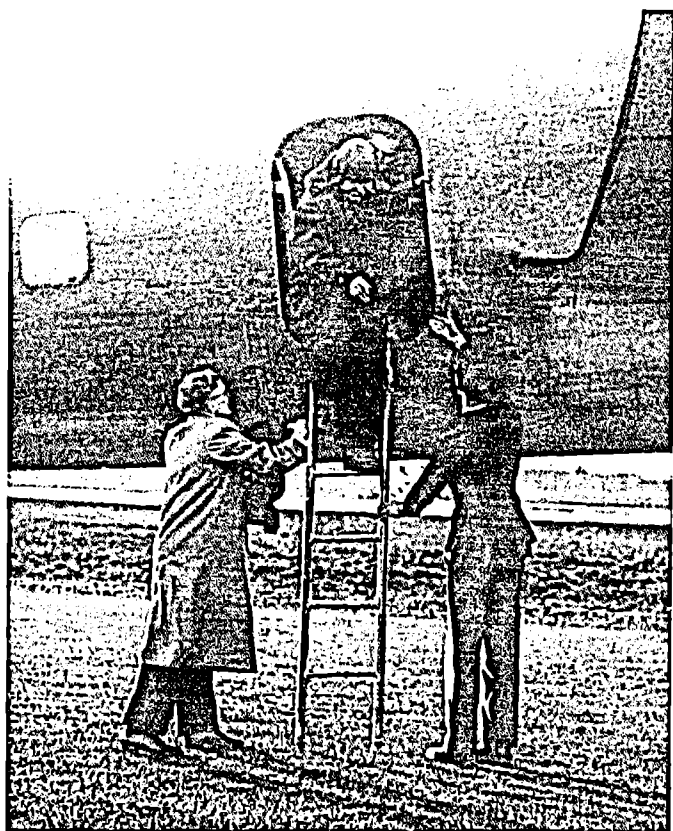
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1615. Л. 3]

секрете. Даже когда в кабинет входил мой заместитель, я прятал карту с маршрутом в стол, потому что Сталин сказал мне: «Об этом знают трое: вы, Молотов и я»¹.

19 мая самолет с Молотовым и делегацией на борту взмыл на высоту нескольких тысяч километров. Салон не был герметичным, летели в кислородных масках. Спать было нельзя, засыпавших будили. Командир самолета Э. Пусэп переживал, чтобы у Молотова не перегнулась трубочка кислородного прибора во сне. В этом случае он мог погибнуть². «Температура в центральном отсеке фюзеляжа, где были поставлены весьма примитивные временные сиденья, мало чем отличалась от наружной. А за

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 68.

² Там же. С. 70.

*В.М. Молотов на аэродроме Тилинг (Северная Шотландия)
20 мая 1942
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1615. Л. 4]*

бортом самолета мороз доходил до сорока градусов»¹, – вспоминал Пусэп. Бомбардировщик попал в грозу, но могучая машина справилась. 20 мая дипломаты в летных комбинезонах во главе со всемирно известным человеком в пенсне и летном шлеме ступили на полосу аэропорта Тилинга. Почетный караул, поезд до Лондона, беседа с подсевшим в их вагон послом Майским...

Только что Вячеслав Михайлович рисковал жизнью, а теперь мимо окна проплывали аккуратные домики, убаюкивающе сменялись пейзажи. Но расслабляться рано, сейчас-то и начнется

¹ Пусэп Э. Тревожное небо. Таллин, 1978. С. 242–251.

Советская
делегация во главе
с В.М. Молотовым
на аэродроме
Тилинг (Северная
Шотландия)
20 мая 1942
[РГАСПИ. Ф. 82.
Оп. 2. Д. 1615. Л. 5-7]

настоящая драка. Майский считает, что англичане опять не примут наш проект договора.

Встреча была весьма любезной. Иден отвез Молотова и его сотрудников в Чеккерс, где для них был приготовлен особняк самого премьер-министра. Но Молотов вспоминал о пребывании там с разочарованием: «Какой-то небольшой сад. Небогатое старинное здание. Подарил, значит, какой-то старый дворянин правительству – пользуйтесь! Резиденция премьер-министра. Ванная есть, а душа нет. Вот я у Рузвельта был, я же ночевал в Белом доме. У Рузвельта устроено все по-настоящему, у него и ванна с душем»¹.

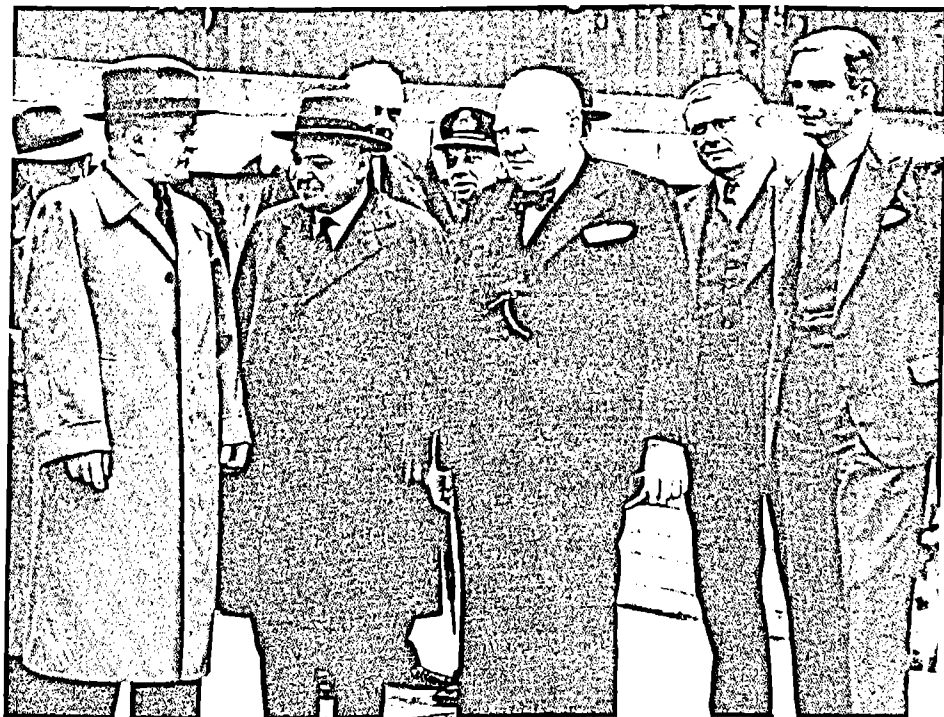
На начавшихся 21 мая переговорах с Черчиллем и Иденом (присутствовал также лидер лейбористов и будущий премьер К. Эттли) Молотов взял быка за рога: главное, что интересует советскую сторону – это второй фронт и советско-британский договор, признающий границы 1941 года. Иден решить этот вопрос не мог, но Черчилль-то может... В ответ британский премьер напомнил, как важно «идти в ногу с США» в политических вопросах. Территориальные требования СССР вряд ли найдут поддержку в парламенте, да и Атлантическую хартию, в которой говорится о недопустимости насильственной перекройки границ, нарушать нельзя. Молотов настаивал на своем: «Мы считаем нужным в первую очередь договориться с Англией...» и «главная роль в организации второго фронта падет на Великобританию». С Восточного фронта в этом году нужно оттянуть 40 дивизий.

Черчилль отвечал, что они изучают возможность высадки во Франции, но в этом году она маловероятна – до 1943 года не удастся подготовить достаточного количества десантных средств. Зато в 1943 году уж точно состоится успешное и грандиозное вторжение в континентальную Европу. Молотов без энтузиазма доложил ситуацию Сталину 23 мая: «Проявляя всякое личное внимание ко мне (завтрак, обед, длительная личная беседа до поздней ночи в Чеккерсе), Черчилль по существу двух основных вопросов явно не сочувствует нам»².

По поводу договора о послевоенном устройстве Европы Молотов снова дискутировал с Иденом. И с тем же «успехом». Он

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 68–69.

² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы. М., 1983. С. 221–230.

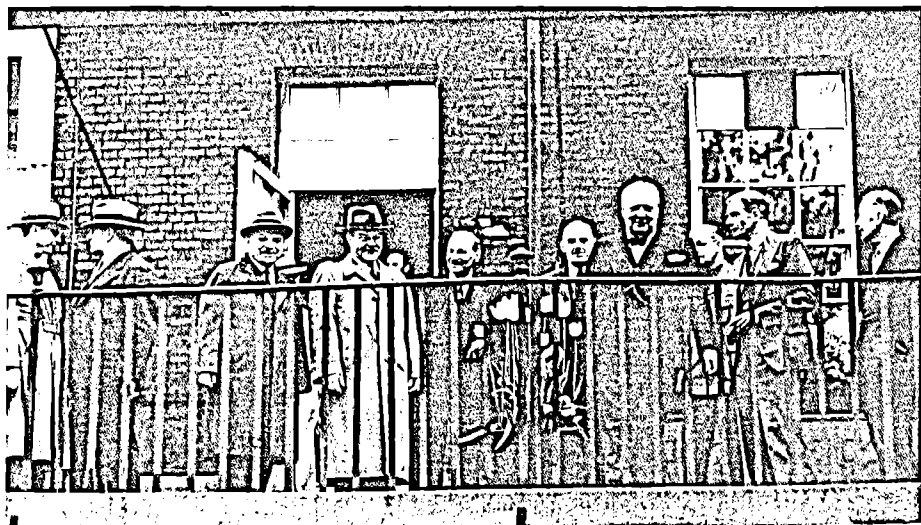
В.М. Молотов, посол СССР в Великобритании И.И. Майский, премьер-министр Великобритании У. Черчилль, министр иностранных дел Австралии Х. Эватт и министр иностранных дел Великобритании Э. Иден в Лондоне

22 мая 1942

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1615. Л. 8]

напомнил о предложении компенсировать Польше Западные Белоруссию и Украину за счет Восточной Пруссии и был в принципе согласен не определять пока советско-польскую границу. Как раз в это время Красная армия потерпела поражение под Харьковом...

Это не усиливало переговорные позиции Молотова, которому Черчилль объяснял, что высадка в Европе не должна быть авантюрой. Сталин в этих условиях не требовал от Молотова выдвигать из англичан уступки по послевоенным проблемам. Судьба будущей Европы сейчас решалась на поле боя. Поэтому главное – оружие: «В районе Барвенково и Изюма идут большие бои... Поставьте перед англичанами вопрос об усилении поставки истребителей, танков, особенно Валентина». В беседах

*И.И. Майский, В.М. Молотов, К. Эттли, О. Литтлтон,
У. Черчилль и Э. Иден в Лондоне на Даунинг-стрит
Май – июнь 1942
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1615. Л. 10, 11]*

с Черчиллем Молотов уделил особое внимание поставкам этих танков.

Но Молотов, ориентируясь на прежние указания, придавал политической составляющей переговоров первостепенное значение. По словам Молотова и Майского, проект договора, предложенный Иденом, «объединяет неспорные части обоих обсуждаемых договоров. В нем нет ничего о границах СССР и о праве переселения в другую страну, но содержится мысль о взаимопомощи на 20 лет после войны... Считаем этот договор неприемлемым, так как он является пустой декларацией, в которой СССР не нуждается». В условиях тяжелой ситуации на фронтах Сталин решил, что сейчас важнее синица хороших отношений с британцами в руках, чем далекий журавль послевоенного устройства Европы с признанием новой западной границы СССР. Все равно этот вопрос станет актуальным, когда к этой границе подойдет Красная армия. Сталин ответил Молотову: «Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой». Молотов тут же признал ошибку: «Принимаю директиву инстанции к руководству и считаю, что и новый проект договора может иметь положительное значение. Я сразу недооценил это».

Черчилль предложил Молотову после визита в США вернуться восточным маршрутом – снова через Лондон. Он явно надеялся, что, столкнувшись с позицией Рузвельта, которая мало отличается от британской, Молотов станет сговорчивее, и визит не закончится безрезультатно. Нарком не мог принять такое решение об изменении маршрута самостоятельно, и 24 мая Черчилль запросил мнение Сталина, которому идея понравилась: «Сове-туем согласиться на то, чтобы на обратном пути остановиться в Лондоне. Дела у Тимошенко пошли хуже. Он надеется выправить положение»¹.

¹ Ржешевский О.А. Визит В.М. Молотова в Лондон в мае 1942 г.: Переговоры с У. Черчиллем, А. Иденом и переписка с И.В. Сталиным // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 130–146; Он же. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 153–156, 173–174; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 231–235.

*И.И. Майский, В.М. Молотов, У. Черчилль в Лондоне
на Даунинг-стрит
Май – июнь 1942
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1615. Л. 12]*

«На следующей встрече с Иденом Молотов – он успел стать искушенным дипломатом – сделал вид, что он сам решил продолжать переговоры, опираясь на новый британский проект, а не на указания Москвы. Такая перемена, мягко говоря, смутила английскую сторону, учитывая ту враждебность, с которой он встретил их предложение накануне»¹, – пишет Дж. Робертс.

В присутствии Черчилля Молотов и Иден 26 мая торжественно подписали «Договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны», который подтверждал и заменял соглашение 12 июля 1941 года. Договор определял, что стороны не будут вступать в переговоры с гитлеровским или другим гер-

¹ Робертс Дж. Вячеслав Молотов: Сталинский рыцарь «холодной войны». М., 2014. С. 88–89.

манским правительством, которое не отказалось от агрессивных намерений, а также с его союзниками в Европе. (Вопрос о Японии таким образом оставлялся в стороне). Нужно было продемонстрировать друзьям и врагам долгосрочность советско-британского союза — он заключался на 20 лет. Будущий мирный договор будет основан на принципах Атлантической хартии, а стороны после войны «будут действовать в соответствии с двумя принципами — не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других государств»¹. Территориальные приобретения сторонами понимались по-разному — для британцев точкой отсчета был 1939 год, для Молотова — 1941 год.

24 мая Молотова посетил де Голль. Он предложил «послать в СССР небольшую группу летчиков, чтобы принять хотя бы небольшое участие в той борьбе, которую ведет Красная Армия против Германии»². Переговоры об этом уже велись с февраля — марта, но не на таком высоком уровне. Идея, положившая начало созданию эскадрильи «Нормандия», была сильным ходом. Комитет «Свободная Франция» был полностью зависим от британской поддержки, и сотрудничество с СССР расширяло для де Голля свободу маневра. Молотов также оценил возможность наладить контакт с потенциальным лидером будущей Франции. Создание французского военного формирования на советском фронте давало для этого красивую практическую основу, служившую к тому же упреком британцам, которые холодно отнеслись к идее послать войска на помощь Красной армии.

Молотов готов был на время забыть о поддержке борьбы колониальных народов за независимость и сообщил де Голлю о поддержке Советским Союзом восстановления Франции во всей полноте ее суверенитета. В Москву Молотов сообщил: «Принял де Голля. Он не доволен, что англичане и американцы признают его только как руководителя военных сил свободных французов, но не считаются с ним в таких делах, как вопрос о Мадагаскаре или о Мартинике. Предложил, чтобы СССР учредил консульство в Леванте. Я обещал изучить»³.

¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 237–240.

² Документы внешней политики СССР. Т. 25. Кн. 1. М.; Тула, 2010. С. 380–382.

³ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 190.

В США Молотов вылетел 27 мая. Настроен он был скептически: «Видимо, и в США благоприятных перспектив для моей поездки нет, но обещание приехать придется выполнить»¹. Его команда немного сократилась. Историк Дж. Робертс пишет: «Сопровождал наркома генерал-майор Федор Исаев из Генерального штаба, который консультировал его по военным вопросам. По неудачному стечению обстоятельств в Лондоне Исаев выпал из машины и повредил колено. Ему пришлось остаться на лечение»². Пока Молотов вел переговоры, сотрудники посольства помогли обустроить самолет пассажирскими сидениями и даже ковром. Полет снова был опасным. Предусматривались две промежуточные посадки – в Исландии и в Гандере на полуострове Ньюфаундленд. Аэродром в Рейкьявике имел слишком короткую взлетно-посадочную полосу. Американский летчик Арнольд поведал Пусэпу об опасности посадки в Ньюфаундленде из-за туманов и показал на карте резервный аэродром Гус-Бей на Лабрадорском полуострове. И действительно, садиться пришлось там, поскольку Гандер был покрыт туманом. «Офицеры местного гарнизона ничего не знали об этом полете и были буквально ошеломлены, узнав, что на нашем самолете прилетел нарком иностранных дел Советского Союза “мистер Молотовф”». Начальник гарнизона распорядился снабдить нас горючим, смазочным и всем необходимым для дальнейшего полета. Уговаривали Молотова сделать остановку после утомительного перелета. – Когда победим фашистов, тогда и отдохнем, – улыбнулся нарком»³, – вспоминал Пусэп.

Пройдя мороз, жару и угрозу гибели, о которой не всегда знал (так, при посадке сгорело колесо самолета), не успев отдохнуть, Молотов предстал пред очи Рузвельта. В переговорах участвовали также Госсекретарь К. Хэлл, Литвинов и Гопкинс. Темы, с которых президент начал беседу, утвердили Молотова во мнении, что Рузвельт судит о проблемах Старого Света очень издалека. Рузвельт, конечно, готов был обсудить американскую помощь Советскому Союзу, но увязал эту тему с американским посредничеством в советско-турецких и советско-иранских отношениях, а также присоединением СССР к Женевской конвенции.

¹ Цит. по: Робертс Дж. Указ. соч. С. 87.

² Там же.

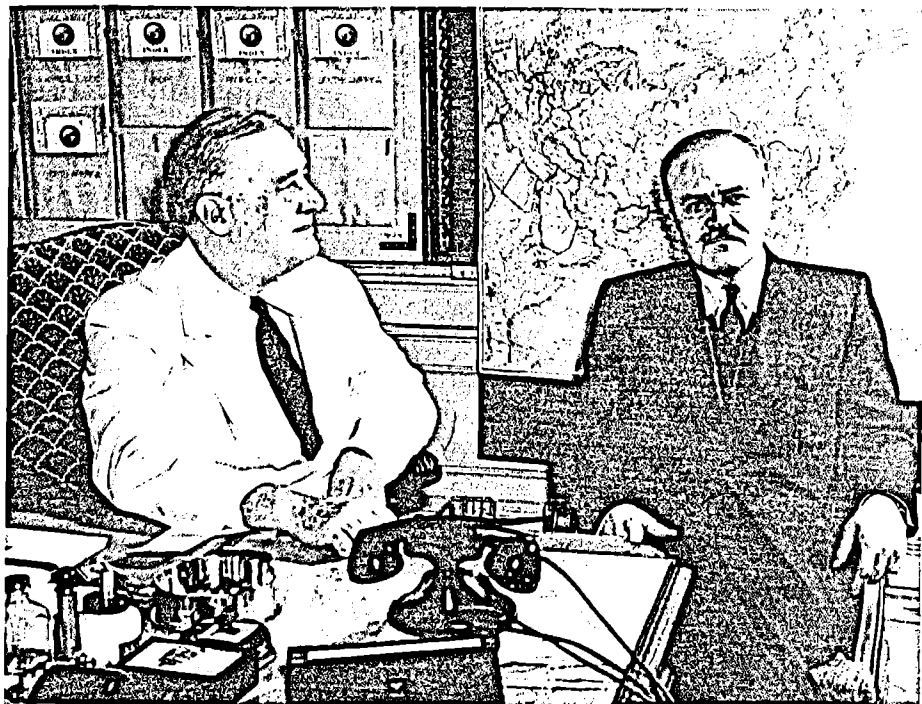
³ Пусэп Э. Указ. соч. С. 270–289.

До того ли сейчас? Иран оккупирован на пару с Великобританией, да и в отношениях с Турцией советская сторона держит ситуацию под контролем и в посредничестве не нуждается. Что касается Женевской конвенции, то СССР обращается с пленными куда лучше, чем нацисты. Разъяснение было выслушано, к этим вопросам не возвращались. Однако их постановка Рузвельтом не была случайной. Американская сторона показала, что имеет свое слово в ближне- и средневосточных вопросах, тем более, если СССР намерен проводить там экспансию. Вопрос о Женевской конвенции также был важен для Рузвельта, который должен был учитывать распространенное представление о России и тем более об СССР как о жестокой «азиатской силе». Теперь Рузвельту предстояло объяснять американскому общественному мнению, что союзник гуманнее, чем о нем думают. На этот счет имеются заверения советского руководства, которое, конечно, учит американскую обеспокоенность этим вопросом.

Затем состоялась еще одна беседа перед обедом, после чего изможденного Молотова отпустили отдохнуть в Белом доме. Делегации был предоставлен особняк рядом. «Вторая беседа с Рузвельтом 29 мая происходила, так сказать, в наиболее интимной обстановке. После обеда, уже в гостиной, усаживая меня рядом с собой на диване, Рузвельт спросил, так же ли меня принимал Черчилль, намекая на простоту и искренность его приема. Я ответил, что очень доволен приемом Рузвельта, а также и Черчилля, который два вечера просидел со мной почти до 2 часов ночи». Приятным сюрпризом оказалось равнодушие Рузвельта к советско-британскому договору. Оказывается, американцы играют свою игру и готовы занять позицию, отличную от англичан и при определенных условиях – более выгодную для СССР. «Литвинов доказывал мне, что Рузвельт не сочувствует англо-советскому договору, потому что он не хочет сближения между СССР и Англией и, наоборот, хочет сближения между США и СССР, видимо для того, чтобы успешнее нажимать на Англию»¹, – писал Молотов Сталину.

На переговорах 29–30 мая Молотов представил ситуацию во всем ее драматизме (она действительно серьезно ухудшилась) и не исключал возможности поражения СССР. Если же будет открыт второй фронт, Гитлер будет разгромлен за несколько месяцев или по крайней мере судьба войны будет предреше-

¹ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 263–269.

*Ф. Рузвельт и В.М. Молотов во время переговоров в Вашингтоне
29 мая – 1 июня 1942*

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1622. Л. 1]

на¹. Американские военные, как и британцы, упирали на трудности высадки во Франции в 1942 году и увеличения количества конвоев. Рузвельт представил Молотову список продукции, передаваемой Советскому Союзу по ленд-лизу на 8 млн тонн. Предполагалось произвести ее во второй половине 1942 – первой половине 1943 года и за этот срок перевести более половины в СССР.

Подход Рузвельта к вопросам послевоенного мироустройства оказался неожиданным. «Рузвельт развивает мысль, что для охраны мира потребуется некая полицейская сила, причем эту полицейскую силу он мыслит в виде вооруженных сил трех или четырех стран: США, СССР, Англия и, может быть, Китай

¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 178–179.

(если Китаю удастся создать центральное правительство). По мнению Рузвельта, все остальные страны, включая Францию, Польшу, не говоря о Германии, Италии и Японии, должны быть разоружены. В ответ на это высказывание я заявил, что в такой конкретной форме нам еще не приходилось выслушивать соображения по этому вопросу, что у меня есть опасение насчет отношения к этому вопросу со стороны некоторых стран, как, например, Франции, Польши, Турции, что вопрос важный и требует изучения»¹. Сталину эта идея понравилась: «Не может быть сомнения, что без создания объединенной вооруженной силы Англии, США, СССР, способной предупредить агрессию, невозможно сохранить мир в будущем. Хорошо было бы сюда включить Китай. Что касается Польши, Турции и других государств, я думаю, что можно вполне обойтись без них, так как вооруженные силы трех или четырех государств совершенно достаточны»².

В беседе с Молотовым 1 июня Рузвельт развил свои идеи: «Он просил сообщить, что после войны не только нужна вооруженная полицейская сила трех-четырех стран для охраны и установления контроля по недопущению вооружения Германии и Японии, но также нужно заменить существовавший перед войной режим колоний и подмандатных территорий, которые принадлежали отдельным странам (Японии, Франции, Англии) и которые впредь не должны принадлежать отдельным странам, а должны находиться под опекой трех-четырех стран: США, СССР, Англии и Китая (Китай упоминался вскользь)». На этот раз Молотов одобрил идеи президента без оговорок. «Рузвельт остался доволен моим ответом»³.

Если в Лондоне Молотов поддерживал сохранение суверенитета Франции над заморскими территориями, то в Вашингтоне речь пошла о начале ликвидации колониальной системы. Конечно, такая перспектива радовала коммунистов. Рузвельт, разумеется, тоже империалист, но более прогрессивный и, как оказалось, более деловой. Еще бы – Америка экономически мощнее, ее стратегия идет дальше разгрома Германии. Рузвельт не собирался восстанавливать довоенный статус-кво. Молотов и Сталин – тоже. Может быть, не стоило стремиться к советско-бри-

¹ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 234.

² Документы внешней политики СССР. Т. 25. Кн. 1. С. 416.

³ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 244–245.

танской договоренности без США, а, наоборот, сближаться с США против Великобритании?

К удовлетворению Молотова, Рузвельт вновь поднял тему второго фронта сам. Он заявил, что «он за второй фронт в 1942 г., что главная задержка в недостатке судов для десанта. Рузвельт доказывал, что если мы сократим наши требования на тоннаж для поставок в СССР до 2 миллионов тонн (после 1 июля 1942 г.), то это значительно ускорит создание второго фронта»¹. Намерение открыть второй фронт в 1942 году было включено в коммюнике встречи.

Сталин к возможности открыть второй фронт в текущем году отнесся серьезно. Он дал Молотову директиву: «Следовало бы нажать на Черчилля, чтобы второй фронт был организован и уже приведен в действие в этом году, это при условии, что мы заявку на тоннаж сокращаем»². Со своей стороны, Рузвельт 16 июля включил в инструкции для военной делегации, отправляющейся в Лондон, указание добиваться высадки на Севере Франции (операция «Следжхаммер»): «Главная задача “Следжхаммера” – реальное отвлечение германских ВВС от русского фронта»³.

Рузвельт знал толк в закреплении личных отношений. Он вручил Вячеславу Михайловичу свой портрет с надписью: «Моему другу г. Молотову». Более близкий друг Молотова в это время «заревновал» по другую сторону океана. 3 июня Сталин несколько раздраженно телеграфировал: «Из бесед с Рузвельтом и Черчиллем ты сообщаемь нам то, что сам считаешь важным, пропуская все остальное. Между тем, инстанция хотела бы знать все, и то, что ты считаешь важным, и то, что, по-твоему, не важно»⁴. Сталин хотел все видеть как бы своими глазами.

Пока ремонтировали самолет, Молотов съездил в Нью-Йорк, поднялся на Эмпайр-стейт билдинг. Накануне отъезда провел уточняющие обсуждения госсекретарем Хеллом и с военными. Затем устроил прощальный прием в посольстве.

Отправляясь в Лондон 4 июня, Молотов мог быть доволен собой: протолкнул вперед дело поставок по ленд-лизу, получил

¹ Там же. С. 245, 249.

² Там же. С. 303.

³ Путь к Великой Победе. СССР в войне глазами западных современников: Документы и материалы. М., 2015. С. 230.

⁴ Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 250.

обещание открытия второго фронта в этом году. Даже если это не случится, можно будет использовать такое обещание для нажима на американцев, чтобы уж в 1943 году точно открыли. А главное – личное знакомство с Рузвельтом открывало новые перспективы отношений с союзниками, где англичане отходили на второй план. По итогам визита Молотова Литвинов 11 июня подписал советско-американское «Соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии», обеспечившее поставки по ленд-лизу.

9 июня Молотов предъявил Черчиллю обещание Рузвельта открыть второй фронт в текущем году: «Президент придает настолько большое значение второму фронту в 1942 году, что готов рискнуть даже новым Дюнкерком и потерять 100–120 тысяч человек, лишь бы положить начало второму фронту... В этом месте Черчилль в сильном возбуждении перебил меня и заявил, что он ни за что не пойдет на новый Дюнкерк и на бесплодную жертву 100 000 человек, кто бы ни рекомендовал ему это сделать». Он не согласился с Рузвельтом и по поводу возможности использовать корабли конвоев для высадки во Франции – они для этого были просто непригодны. Максимум, что можно сделать – произвести небольшой пробный десант.

Идея Рузвельта после войны обезоружить все государства, кроме четырех, тоже представлялась Черчиллю странной, ведь это будет означать конец их суверенитета. Международные полицейские силы должны создавать «все демократические страны». Так что обсуждение послевоенного мирового порядка пока только начиналось.

Молотов подвел итог: «Я настаивал на втором фронте в этом году, что они недооценивают своих сил и возможностей, что 1943 год может оказаться для второго фронта труднее. Итог, следовательно, такой, что английское правительство обязательства по созданию второго фронта в этом году не берет, а заявляет, и то с оговорками, что оно готовит как бы опытную десантную операцию». Молотов получил британский меморандум, в котором говорилось о втором фронте в 1942 году: «не можем дать никакого обещания в этом вопросе»¹. Максимум, на что согласился Черчилль, – провозгласить идею открытия Второго фронта в текущем году – пусть Гитлер боится.

¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 244–248.

*Эдвард Бенеш**1940-е**[Из открытых источников]*

Прежде чем покинуть Лондон, Молотов встретился с эмигрантскими лидерами Чехословакии Бенешем и Польши Сикорским. Разговор с Сикорским, при котором присутствовал Иден, получился нелегким. Обсуждали судьбу польской армии в СССР. Советские власти недавно обещали мобилизовать в нее 96 тысяч поляков, но теперь прекратили мобилизацию. Молотов объяснил это тем, что если польская армия вступит в бой, то ей понадобятся резервы. Но все понимали, что армия Андерса уходит из СССР на Ближний Восток и рассчитывать на нее не приходится. Вопрос о границах не затрагивался¹. 24 июля советское правительство согласилось на эвакуацию польских частей. Нелояльные вооруженные силы здесь были не нужны. Вместо них в СССР должны формироваться просоветские польские части.

12 июня самолет возвращал Молотова и его делегацию назад в Москву. Погода была опасно-безоблачной, но Пе-8 поднялся выше 8 километров, и противник его не засек. А в это время в мире уже публиковались сенсационные советско-британские и советско-американские коммюнике о полете советского наркома.

Молотов вспоминал: «Я считал нашей громадной победой мою поездку в 1942 году и ее результаты, потому что мы ведь

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сборник документов: В 4 т. Т. 4. М., 2017. С. 303.

знали, что они не могут пойти на это, а заставили их согласиться и подписать»¹. Но подписать (даже не вполне то, что изначально планировали) – это полдела. Еще нужно добиться выполнения обязательств. А с этим дело пошло неважно.

Черчилль посетил Рузвельта 17–25 июня и убедил его, что открывать второй фронт во Франции в 1942 году – это утопия. Есть более безопасное направление – Северная Африка. Молотов согласился на сокращение поставок в СССР ради открытия второго фронта, но теперь поставки стали сокращаться без высадки во Франции. К тому же в июне 1942 года из 34 судов, шедших в Мурманск, 23 были потоплены немцами, а 4–5 июля из-за ошибочных действий британского командования был разгромлен конвой PQ-17. Погибли 22 транспорта общим тоннажем более 142 тысяч тонн. Утонули 210 самолетов, 430 танков, 3350 автомобилей и 99 316 тонн других грузов. После этого Черчилль сообщил, что какое-то время поставок вообще не будет. Молотов даже заподозрил, что «англичане топят сами часть грузов, чтобы показать необходимость сокращения посылок. Ведь в Адмиралтействе и других органах Англии сидят враги, желающие сорвать дело помощи нам...»²

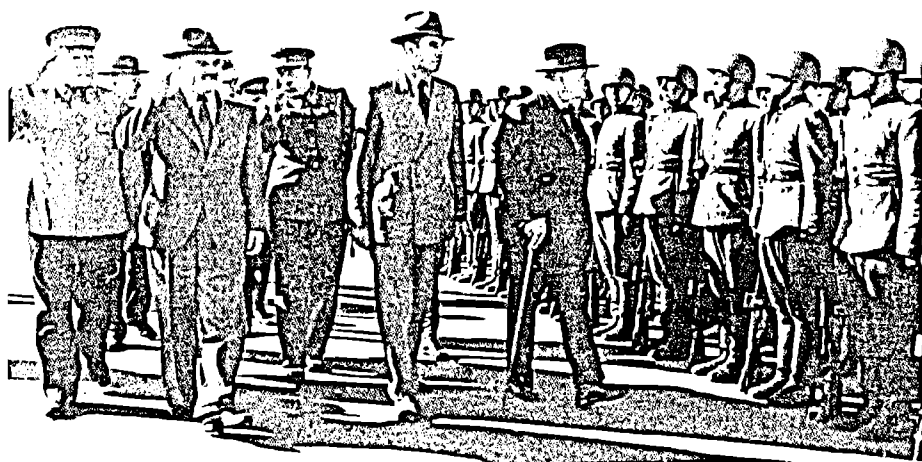
Прекращение поставок под предлогом гибели PQ-17 отчасти обесценило поездку Молотова в Великобританию и США. Открытия второго фронта в 1942 году также ожидать не приходилось. Несмотря на скромные фактические результаты визитов Молотова в Великобританию и США, в одном перелет Молотова имел судьбоносное значение – руководство СССР на высшем уровне установило личный контакт с Черчиллем и Рузвельтом, что стало важным шагом к созданию «Большой тройки». Теперь Сталин и Молотов начинали видеть именно в Рузвельте главного партнера, который ближе им, чем Черчилль. И это было существенное изменение советской внешней политики, которое принесло Советскому Союзу много пользы.

Отношение к Черчиллю в Москве значительно охладело. Рузвельт оказался куда более сговорчивым партнером, энтузиастом высадки во Франции, а Черчилль – скептиком и саботажником поставок. Черчилля не устраивало такое положение. Вскоре после трогательного расставания с Молотовым в Лондоне британ-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 66.

² Дневник Георгия Димитрова. С. 241.

*В.М. Молотов
встречает
премьер-министра
У. Черчилля в
Москве
12 августа 1942
[РГАСПИ. Ф. 82.
Оп. 2. Д. 1626.
Л. 22]*

*Почетный караул приветствует Б.М. Шапошникова,
В.М. Молотова, У. Гарримана и У. Черчилля в Москве
12 августа 1942
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1626. Л. 26]*

ский премьер засобирался в путь. Он надеялся лично объяснить-ся и восстановить человеческий контакт с обитателями Кремля.

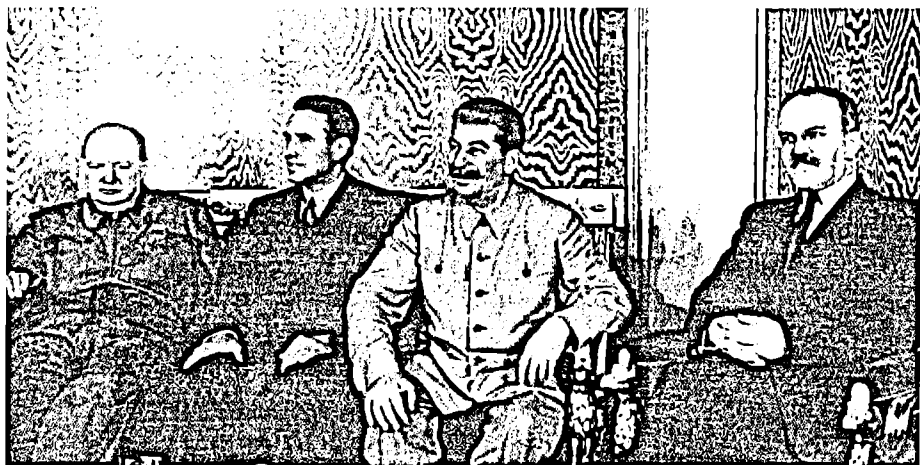
12 августа Молотов встречал премьер-министра Великобритании в Москве. Все выглядело торжественно и дружественно. Почетный караул продемонстрировал выправку, которой могли позавидовать вышколенные столетиями британские королевские гвардейцы. Игра в солдатики – красивое доказательство внешней цивилизованности. Речи Молотова, Черчилля и американского посла Гарримана были проникнуты идеей единства в борьбе с нацизмом. Едва устроившись в резиденции в Кунцево, Черчилль попросился на беседу к Сталину. Он, как и Молотов полтора месяца назад, не склонен был терять время. Знакомство с Молотовым – это хорошо, но рн лишь суховатое альтер-эго Сталина, которого теперь надеялся обаять многоопытный Уинстон.

Обаять не получалось. В ходе бесед 12–16 августа Черчилль подробно объяснял, почему нельзя высадиться во Франции в этом году, а Сталин сопровождал его доклад критическими замечаниями. Но Сталин и Молотов уже решили не устраивать скандала, и когда Черчилль изложил план высадки в Северной Африке «Факел» («Торч»), Сталин его поддержал, даже отойдя от официального коммунистического атеизма: «Да поможет бог ее осуществлению»¹. Но советская сторона передала Черчиллю обидный меморандум, где осуждала отказ от открытия второго фронта в Европе в 1942 году.

В старости Молотов утверждал: «...я первый не верил, что они это могут сделать. Я был спокоен и понимал, что это совершенно для них невозможная вещь. Но, во-первых, такое требование нам было политически необходимо, а во-вторых, из них надо было выжимать все. И Сталин тоже не верил, я в этом не сомневаюсь. А требовать надо было! И для своего же народа надо. Люди же ждут, какая-нибудь помощь еще будет или нет? Для нас их бумажка имела громадное политическое значение. Ободряла, а это тогда много значило.

Черчилль приехал и стал говорить, что вот они не могут, а я вижу, что Сталин очень спокойно к этому отнесся. Понимал, что это невозможно. Но ему была нужна эта самая бумажка. Она

¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 270.

*У. Черчилль, У. Гарриман, И.В. Сталин и В.М. Молотов в Кремле
12 августа 1942*
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1626. Л. 29]

имела громадное значение — для народа, для политики и для нажима на них дальнейшего»¹.

Так что советские лидеры понимали, что аргументы Черчилля о невозможности открыть второй фронт уже в 1942 году — это не хитрость или желание ослабить СССР. Для высадки пока не было достаточных сил и технических средств. 19 августа был даже высажен небольшой англо-канадский десант в Дьеппе и ожидаемо разгромлен.

В 1943 году можно было бы накопить силы для сокрушительного удара во Франции, если не отвлекаться на другие крупные операции. А Черчилль как раз хотел отвлечься от высадки в Северной Франции на менее сокрушительную для Германии, но и менее рискованную высадку в Северной Африке. Этот «второй фронт» действительно был открыт в 1942 году, но был плохой заменой широкомасштабной высадке во Франции.

16 августа, когда завершались переговоры, Сталин сказал Черчиллю: «Почему бы вам не приехать ко мне в Кремль и не выпить?» Молотов также был приглашен на этот ужин. Черчиллю показали дочь Сталина. «Мы наладили отличный контакт, и впервые общение пошло в легком дружеском ключе. По

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 66.

моим ощущениям, я смог наладить личный контакт, который будет очень полезным»¹, — писал Черчилль в Лондон. Сталин и Молотов уже поняли, что добиться открытия второго фронта в 1942 году не удастся. Так что имеет смысл оставить у Черчилля о себе хорошее впечатление — в расчете на будущее сотрудничество. Затем Сталин пригласил британского премьера в свою кремлевскую квартиру, где общение продолжилось вином (с учетом двух переводчиков). При этом Сталин и Черчилль подшучивали над Молотовым, который без особой необходимости посетил Нью-Йорк². Похоже, Уинстон не понял, что в этом вопросе его водят за нос. Армянский коньяк, полюбившийся Черчиллю, способствовал взаимопониманию, но не результатам переговоров. И все же Сталин и Черчилль выразили удовольствие, что лично познакомились друг с другом. Эта встреча до некоторой степени сбалансировала эффект от визита Молотова в Вашингтон. Теперь общение Сталина, Молотова, Черчилля и Рузвельта приобрело личный оттенок, полезный для сплочения противоречивой Антигитлеровской коалиции.

Нужно сказать, что Молотов был соавтором писем Сталина Черчиллю и Рузвельту. Он вспоминал: «Многое мы вдвоем сочиняли. Все это шло через меня. Иначе и не могло быть»³. Основу предоставлял НКВД, Молотов писал или редактировал тексты и затем передавал их Сталину, который также вносил свою правку. Так, в послании Рузвельту 29 сентября 1944 года Сталин утвердил первую половину письма (довольно формальную, с благодарностью за информацию о встрече в Квебеке) и переписал вторую, где речь шла о советских военных успехах. Сталин считал возможным дать более развернутую характеристику советских действий и намерений⁴. Стратегию вождь формулировал сам.

Другой характерный пример: в послании Черчиллю Сталин вычеркнул предложенную Молотовым фразу относительно Японии: «Теперь, однако, следует рассмотреть этот вопрос более конкретно, чем в прошлом году». Сталин считал, что поднимать этот вопрос не время. Зато оставил упоминание самого Молотова: «Я и Молотов шлем Вам свои наилучшие добрые пожелания». Это справедливо: внешняя политика СССР — это «я и Молотов»⁵.

¹ Путь к Великой Победе. С. 248–249.

² Черчилль У. Указ. соч. Кн. 2. Т. 3–4. С. 524–525.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 83.

⁴ В штабах Победы. 1941–1945. Кн. 4. С. 413.

⁵ Там же. С. 415.

А тем временем германские войска дошли до Сталинграда, и были там разгромлены 19 ноября 1942 – 31 января 1943 года. 23 октября 1942 года союзники под командованием Б. Монтегомери перешли в наступление против немецко-итальянского корпуса Э. Роммеля. 8 ноября началась операция «Факел» – высадка союзников в Северной Африке под руководством Д. Эйзенхауэра. Разгром Германии и Италии в Африке стал вопросом времени, а значит – под угрозой высадки союзников оказалась и Италия. Это смещало центр внимания союзников с Франции, так как у них появилась более выгодная цель на 1943 год.

5. ДЕЛА ТЫЛА

В день окончания переговоров с Черчиллем, 16 августа, Молотов был назначен первым заместителем председателя СНК «по всем вопросам работы Совнаркома СССР». Пять дней спустя он стал также председателем комиссии бюро СНК по текущим вопросам. 8 декабря наряду с Берией, Маленковым и Микояном он вошел в Оперативное бюро ГКО, а также в Бюро СНК СССР наряду с Микояном, Андреевым, Вознесенским и Шверником. «То есть, Молотов, с учетом его функций в ГКО и Наркоминделе, руководил всем народно-хозяйственным комплексом, оборонной промышленностью и внешней политикой. Он фактически получал полномочия главы правительства»¹, – считает В.А. Никонов. Нужно, однако, отметить, что в обе организации по руководству хозяйством вошел также Микоян, и эти организации были коллегиальными. Сталину Молотов был нужен в этих структурах как еще одно «око государево». Вести текущую работу во всех этих структурах он не мог из-за занятости внешней политикой и конкретными поручениями Сталина.

Важнейшей оборонной задачей, порученной Молотову 4 февраля 1942 года, было курирование от ГКО производства танков². При обилии других задач Вячеслав Михайлович мог обращаться к этому вопросу периодически, принимая важные решения, которые ложились в фундамент Победы. В архиве Молотова отложилось множество документов, характеризующих развитие танкостроения времен войны: в марте 1942 года – об организации производства бронеавтомобиля БА-64 на Горьковском

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 141–142.

² Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005. С. 144.

2.

в) члену ГКО – т.Микояну, дополнительно к возложенным на него обязанностям, – контроль и наблюдение за работой Наркомата Цветной Металлургии, а также контроль и наблюдение за распределением топлива, металла и электроэнергии.

3. Освободить т.Вознесенского от обязанностей по контролю и наблюдению за Наркоматом Угольной Промышленности, Наркоматом Чёрной Металлургии и Наркоматом Цветной Металлургии.

С. 56

ного

(Н.Сталин)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 2615

от "8" декабря 1942 года. Москва, Кремль

Об утверждении Оперативного бюро ГКО

Государственный Комитет Обороны ПОСТАНОВЛЕНИЕ:

1. Утвердить Оперативное бюро ГКО в следующем составе:

Молотов В.М.
Берия Л.П.
Маленков Г.М.
Михайлов А.И.

Снести к ведению Оперативного бюро ГКО контроль и наблюдение за текущей работой всех наркоматов Оборонной промышленности, Наркомата Путей Сообщения, Наркомата Чёрной Металлургии, Наркомата Цветной Металлургии, Наркомата Электроэнергетики, Наркомата Угольной Промышленности, Наркомата Металлопромышленности, Наркомата Книжной Промышленности, а также за делом составления и выполнения планов производства и снабжения указанных отраслей промышленности и транспорта всем необходимым.

2. Ввиду непрямого отношения к углям, металлам и перевозкам на железных дорогах, поручить:

а) члену ГКО т.Берия, дополнительно к возложенным на него обязанностям, – контроль и наблюдение за работой Наркомата Угольной Промышленности и Наркомата Путей Сообщения;

б) члену ГКО т.Маленкову, дополнительно к возложенным на него обязанностям, – контроль и наблюдение за работой Наркомата Чёрной Металлургии;

Постановление ГКО № 2615 «Об утверждении Оперативного бюро ГКО»

8 декабря 1942

[РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 116. Л. 56–57. Копия. Машинописный текст]

автозаводе и танка Т-70 на заводах № 37 и 38 НК танкопрома; о строительстве танковых заводов в Барнауле и Челябинске; о проверке качества танков КВ; проект и заключение к проекту индивидуальной танковой переправы применительно к танку Т-34 и др.; в апреле 1942 года – о бронепрожигающих снарядах; о восстановлении производства тракторов ЧТЗ-65 и арттягачей С-2 на Кировском заводе в Челябинске; о ходе выполнения постановления ГКО СССР «Об организации производства танков Т-70 на Горьковском автозаводе»; о предложении инженера-конструктора Гинзбурга о создании тяжёлого танка прорыва «ИС»¹. 18 августа 1942 года нарком танковой промышленности И. Зальцман докладывал Сталину и Молотову об успешном завершении испытаний улучшенных танков КВ с новыми качествами двигателей и башен. А вот с новым Т-34 приемная комиссия рекомендовала еще поработать в течение месяца². 23 февраля 1943 года Зальцман запросил у Сталина и Молотова разрешения на опытное производство тяжелого танка, способного противостоять новой германской противотанковой артиллерии, поражающей с расстояния в километр Т-34 и даже КВ. В августе танк ИС был принят на вооружение³.

Техническое состояние значительной части танков при обсуждении в Ставке оценивалось неудовлетворительно, что предпochли списать на саботаж и вредительство в танковых частях. В приказе Ставки от 10 августа 1942 года говорилось: «Наши танковые части и соединения часто несут очень большие потери, при этом потери в танках по технической неисправности превышают боевые потери.

Так, на Сталинградском фронте за шесть дней боя двенадцать наших танковых бригад, имея значительное превосходство в танках, артиллерии и авиации над противником, из 400 танков вышли из строя 326 танков, из них по техническим неисправностям 200, причем большая часть танков оставлена на поле боя. Аналогичные примеры есть и на других фронтах.

Считая невероятным такой недопустимо-высокий процент танков, выбывающих из строя по техническим неисправностям, Ставка усматривает здесь наличие скрытого саботажа и вредительства со стороны некоторой части танкистов, которые, изы-

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 844–845.

² В штабах Победы. 1941–1945. Кн. 2. С. 348.

³ В штабах Победы. 1941–1945. Кн. 3. С. 116.

скивая отдельные мелкие неполадки в танке или умышленно создавая их, стремятся уклониться от поля боя, оставляя танк на поле боя»¹.

Последовали суровые меры по поиску саботажников. Хотя стоило задуматься и об уровне технической грамотности танкистов, их скороспелой подготовке, плохом инструктировании, а также о качестве самих машин. Поиск саботажников снимал с Молотова ответственность за неудачи, как в свое время поиск вредителей позволял оправдать провалы хозяйственной политики Совнаркома в 30-е годы.

28 января 1943 года было принято постановление ГКО о формировании к июлю 10 танковых армий. Это была подготовка к генеральному сражению 1943 года. Но накануне Курской битвы Молотова от кураторства освободили. Как вспоминает Микоян, Берия на совещании у Сталина раскритиковал молотовский стиль руководства: «Он не имеет связи с заводами, оперативно не руководит, не вникает в дела производства, а когда вопросы ставит Малышев и другие, Молотов созывает большие совещания, часами обсуждают вопрос и формулируют какое-либо решение. В этих решениях мало пользы, а на деле он отнимает время у тех, кто должен непосредственно заниматься оперативными вопросами, — говорил Берия. — Так что вместо пользы получается вред». Вопросы руководства танковой промышленностью возложили на Берия, что, по мнению Микояна, принесло пользу делу: «Берия, пользуясь властью, оказал Малышеву всю возможную помощь за счет других наркоматов»².

Для Сталина Молотов оставался кризис-менеджером. Нужно придать делу импульс — пусть займется Молотов. Но для системной работы он не очень годился не только из-за склонности проводить долгие совещания (которые были для него также средством снять накопившиеся среди подчиненных противоречия), но и просто потому, что должен был все время заниматься внешней политикой, которая была для Вячеслава Михайловича очевидным приоритетом. И все же помимо международных вопросов Сталин давал Молотову самые разнообразные поручения, где нужно было двинуть дело вперед. Так что подпись Молотова можно найти под документами самого разного содержания.

¹ В штабах Победы. 1941–1945. Кн. 2. С. 344.

² Микоян А.И. Указ. соч. С. 425.

28 сентября 1942 года Сталин подписал распоряжение ГКО «Об организации работ по урану», подготовленное Молотовым вместе с уполномоченным ГКО по науке С. Кафтановым и академиком А. Иоффе. И некоторое время Молотов курировал советский атомный проект. 11 февраля 1943 года он подписал постановление ГКО «О мерах по успешному развитию работы по урану». Административное руководство и помощь ученым были возложены на М. Первухина и Кафтанова, а научное руководство – на И. Курчатова. Созданная в 1942 году спецлаборатория атомного ядра переводилась из Казани в Москву. Устанавливались обязательства наркоматов по обеспечению ученых всем необходимым¹.

Молотов вспоминал: «Чекисты дали мне список надежных физиков, на которых можно было положиться, и я выбирал. Вызвал Капицу к себе, академика. Он сказал, что мы к этому не готовы, и атомная бомба – оружие не этой войны, дело будущего. Спрашивали Иоффе – он тоже как-то неясно к этому отнесся. Короче, был у меня самый молодой и никому еще не известный Курчатов, ему не давали ходу. Я его вызвал, поговорили, он произвел на меня хорошее впечатление. Но он сказал, что у него еще много неясностей. Тогда я решил ему дать материалы нашей разведки – разведчики сделали очень важное дело. Курчатов несколько дней сидел в Кремле, у меня, над этими материалами»². В результате выбора Молотова советский атомный проект возглавил Курчатов. 8 сентября он отчитался Молотову об успешном запуске циклотрона и прибавил: «В связи с пуском циклотрона я в этом письме хочу выразить Вам горячую благодарность за помощь, которую Вы оказали строительству установки»³. В дальнейшем, как и в танковом деле, курирование проекта перешло к Берии.

В поле зрения Молотова находился и широкий спектр вопросов, связанных с идеологией. 4 сентября 1943 года Сталин и Молотов встретились с Патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием, Ленинградским митрополитом Алексием и экзархом Украины Киевским и Галицким митрополитом Николаем. Молотов приятно удивил церковных иерархов вопросом о «нуждах Церкви». Нужд накопилось немало: открытие храмов,

¹ В штабах Победы. 1941–1945. Кн. 3. С. 98.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 81.

³ В штабах Победы. 1941–1945. Кн. 4. С. 390.

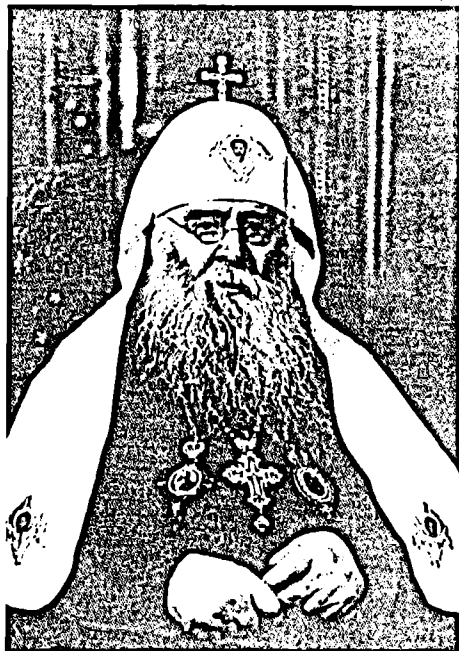
Игорь Васильевич Курчатов
[Из открытых источников]

созыв Собора и выборы Патриарха, открытие духовных учебных заведений, так как у Церкви отсутствуют кадры священнослужителей. Церковь получила налоговые льготы, возможность издавать ежемесячный журнал, иметь свечные заводы, патриаршую резиденцию в Чистом переулке и др. Сталин предоставил все возможности срочно провести в Москве Собор. Его поджимали внешнеполитические сроки – до Московской и Тегеранской международных встреч нужно было, чтобы на Западе знали – религиозных притеснений в СССР больше нет. Молотов спросил Сергия, когда он сможет встретиться с делегацией Англиканской Церкви. Договорились, что сразу после Собора. Затем Молотов согласовал с иерархами текст заявления для прессы¹.

На Архиерейском соборе 8 сентября митрополит Сергей был избран Патриархом. Нормализовав отношения с Церковью, государство не стало менее атеистическим. Религиозная политика была тесно связана с внешнеполитическим имиджем СССР. Так что и это направление предстояло курировать Молотову. В частности, ему было направлена записка председателя Совета по делам РПЦ при СНК В. Карпова об организации богословского университета и о порядке открытия церквей. Предложения

¹ Одинцов М.И. Патриарх Сергей. М., 2013. С. 334–337.

*Патриарх Московский
и всея Руси Сергей
(Страгородский)
1943
[Из открытых
источников]*

были приняты¹. В 1945 году по предложению Карпова Молотов санкционировал возобновление колокольного звона в церквях.

Государственное благоволение распространилось и на мусульманство. 10 октября 1944 года Молотов подписал распоряжение об открытии в Ташкенте и Бухаре мусульманских духовных училищ. 16 сентября 1944 года Молотов одобрил возобновление хаджа в Мекку – пока для 6 человек². Распоряжением от 28 января 1945 года Молотов распорядился передать Духовному управлению мусульман Средней Азии и Казахстана ряд мавзолеев.

В ходе очередного персраспределения обязанностей 15 мая 1944 года Молотов возглавил более узкое Бюро Совмина, но был выведен из Оперативного бюро ГКО, оставшись заместителем председателя ГКО. При распределении обязанностей заместителей председателя СНК ему помимо внешнеполитических вопросов достались также наблюдение за работой Наркомюста, Прокуратуры, Комитета по делам высшей школы, АН СССР, ТАСС и Совета по делам РПЦ³. Оборонные вопросы, которые он пре-

¹ В штабах Победы. 1941–1945. Кн. 3. С. 512–519.

² В штабах Победы. 1941–1945. Кн. 4. С. 400.

³ Там же. С. 210.

жде курировал, в основном перешли к Берии, который 16 мая был назначен заместителем председателя ГКО.

Хотя Сталин поручал Молотову то одну, то другую задачу, не всегда давая довести дело до конца, заслуги Вячеслава Михайловича были высоко оценены. 30 сентября 1943 года ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

6. КОНЧИНА КОМИНТЕРНА И ВОЗРОЖДЕНИЕ ДЕРЖАВНЫХ ТРАДИЦИЙ

Важнейшим решением весны 1943 года, которое находилось на пересечении внутривластных и внешнеполитических задач, стал роспуск Коминтерна. Советские лидеры все решительнее опирались на дореволюционные традиции — ввели погоны в армии, расширяли возможности религиозной жизни, апеллировали в пропаганде к образам Александра Невского, Петра Великого, Суворова и Кутузова. Патриотические черты коммунистического проекта постепенно нарастали еще с 30-х годов. А партия, руководившая советской державой, по-прежнему оставалась секцией Коминтерна. Если для 30-летнего Молотова Коминтерн был мировым братством борцов за будущее справедливое и свободное общество, а для 40-летнего председателя Совнаркома — организацией групп поддержки СССР за рубежом, то для нынешнего руководителя внешней политики государства, готовившегося делить Европу на сферы влияния, Коминтерн стал обузой. Формальная связь между коммунистическими партиями и СССР мешала советской дипломатии. Влияние коммунистов в ходе борьбы с фашизмом росло, и было необходимо избавить их от имиджа марионеток Кремля, чтобы помочь стать весомым фактором политических систем своих стран. Нужно было представить дело так, что коммунистические партии — самостоятельные субъекты национальной политики. Будущее усиление СССР в Европе не должно было пугать как европейцев, так и американских партнеров перспективой немедленной «коммунизации» советской сферы влияния. Более того, еще опыт гражданской войны в Испании наводил коммунистических лидеров на мысль, что им было бы удобнее действовать с помощью партий, которые называются не коммунистическими, а «социалистическими» и «рабочими». Так что Коминтерн с самых разных сторон становился неудобным.

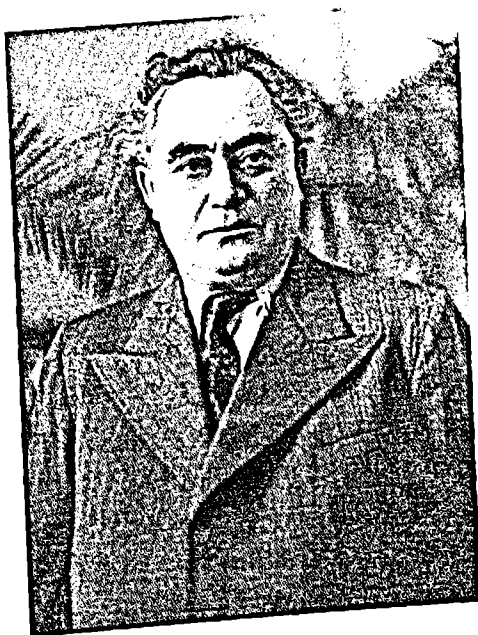
Акт роспуска мировой коммунистической организации должен был продемонстрировать готовность СССР к углублению

Георгий Михайлович
Димитров

1939

[РГАСПИ. Ф. 421.

Оп. 1. Д. 274. Л. 1]

сотрудничества с капиталистическими государствами и отказу от подрывной работы против них, и в то же время сделать менее заметным контроль над революционными процессами, которые неминуемо усилятся после крушения фашизма.

8 мая Молотов встретился с руководителями Коминтерна Г. Димитровым и Д. Мануильским и объяснил им необходимость роспуска организации. Как записал Димитров, «пришли к выводу, что Коминтерн, как руководящий центр для компартий, при создавшихся условиях является помехой самостоятельного развития компартий и выполнения их особых задач»¹. 11 мая Димитров и Мануильский обсудили проект постановления Президиума Исполкома Коминтерна со Сталиным и Молотовым. Сталин не исключал, что потом можно создать региональные объединения компартий. 12–17 мая члены Президиума Исполкома подробно обсудили передачу функций Коминтерна в аппарат компартий, прежде всего – в ЦК ВКП(б). В ночь с 19 на 20 мая текст письма Президиума Исполкома Коминтерна (ИККИ) был окончательно согласован на совещании у Сталина и направлен национальным компартиям. Согласование должно было пройти быстро, чтобы письмо случайно не попало к против-

¹ Дневник Георгия Димитрова. С. 375.

нику и не было опубликовано прежде, чем решение будет объявлено официально.

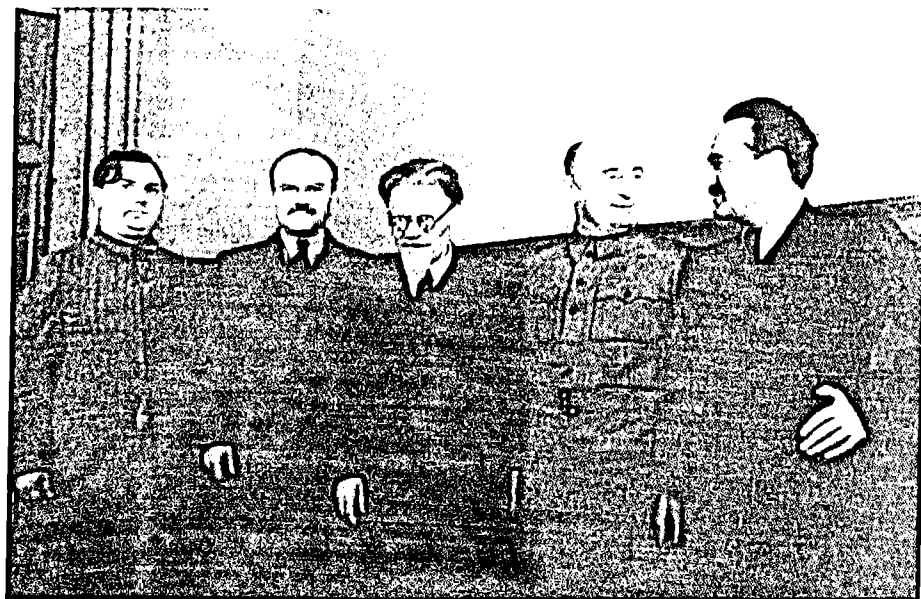
Молотов доложил вопрос о роспуске Коминтерна на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 21 мая. Заартачился Калинин: «Враги используют этот шаг. Лучше сделать попытки перенести центр К.И. в другое место, например, в Лондон!» Это предложение старого большевика было встречено смехом. Сталин солидно разъяснил, что задачи перед компартиями стоят разные, и вообще «мы переоценили свои силы, когда создавали К.И. и думали, что сможем руководить движением во всех странах»¹. Наверное, Троцкий ворочался в своей мексиканской могиле в это время. Ленин лежал спокойно – за ним присматривала охрана. Впрочем, в словах Сталина даже на таком закрытом форуме была изрядная доля демагогии – отказываться от руководства компартиями он не собирался. Просто теперь его следовало сделать не столь явным.

Письмо Президиума ИККИ было опубликовано 22 мая. В ближайшие дни коммунистические партии дружно отрапортовали о согласии с членами Президиума. 8 июня он постановил считать органы Коммунистического интернационала упраздненными с 10 июня 1943 г.² Димитров возглавил Отдел международной информации ЦК ВКП(б), которому передавались центральные структуры бывшего Коминтерна, в том числе радиовещание, нелегальная агентура, телеграфное агентство «Супресс» и издательство литературы на иностранных языках, «научно-исследовательские институты», выполнявшие работу, которую раньше вели отделы Коминтерна. От Политбюро эту работу, естественно, курировал Молотов, так как она была неотделима от внешней политики СССР.

В действительности, роспуск Коминтерна, органы которого уже давно превратились в бюрократический придаток к аппарату ВКП(б), практически не сказался на работе коммунистических партий. Руководство ими из Москвы сохранялось и подкреплялось финансовой поддержкой. Молотов в качестве могильщика Коминтерна действовал прагматично, его не сковывала ностальгия – ведь он не был в числе основателей этой организации.

¹ Дневник Георгия Димитрова. С. 381.

² Коминтерн и Вторая мировая война. М., 1998. Ч. 2. С. 353–379.

*Г.М. Маленков, В.М. Молотов, М.И. Калинин, Л.П. Берия
и А.И. Микоян в день вручения наград
Москва. 12 ноября 1943
[РГАКФД. Арх. № 2-8697]*

А 28 октября 1943 года Сталин пригласил Молотова, Ворошилова, Маленкова, Берия и Щербакова обсудить с поэтами С. Михалковым и Эль-Регистаном написанный ими текст нового гимна СССР. Раз нет Коммунистического интернационала, к чему использовать в качестве гимна «Интернационал»? Прощание с интернационалистическими идеалами юности. Новое время – новые смыслы. Молотов не претендовал на поэтические лавры, а вот Сталин внес ряд правок. «Свободных народов союз благородный» он заменил на: «Союз нерушимый свободных народов» (в итоге получится «Союз нерушимый республик свободных»). «Ленин в грядущее путь озарил» Сталин заменил на ставшее классическим «Ленин великий нам путь озарил». Строку о своих заслугах Сталин тоже поменял характерным образом: «Нас вырастил Сталин – избранник народов» заменил на «Нас вырастил Сталин – на верность народу»¹. Молотов участвовал в обсужде-

¹ В штабах Победы. 1941–1945. Кн. 3. С. 428–429.

нии этих образов, которые затем войдут в сознание нескольких поколений советских людей.

Имидж министра и его сотрудников тоже обновился – с 1 ноября была введена форма для дипломатов (дипломатические ранги были введены еще 28 мая). Молотову достались погоны с большой звездой и гербом СССР¹. Маршал дипломатии. В.А. Никонов считает, что «мидовская форма укладывалась в продолжавшуюся тенденцию к восстановлению традиций, к приоритету национального над интернациональным»². Хотя при чем тут национальное? Форма не напоминала национальную одежду и никак не мешала расширению влияния Москвы вдали от национальных границ. Можно говорить о возрождении авторитарных традиций, характерной еще для Российской империи милитаризации общества, где престиж человека зависел от его мундира. Во время визита к Молотову, увидев новую форму министра, Гарриман даже поиронизировал, сказав о себе, «что его костюм теперь не вполне соответствует обстановке»³.

7. ОХЛАЖДЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ С СОЮЗНИКАМИ И КАТЫНЬ

14–23 января 1943 года Рузвельт и Черчилль встретились в Касабланке. Они совещались там, где дело у них пошло – в Северной Африке. Черчилль убедил Рузвельта, что теперь будет не до Северной Франции. Раз дела в южном Средиземноморье развиваются так хорошо, наверное, нужно сосредотачивать усилия союзников именно здесь. Была одобрена высадка в Сицилии (операция «Хаски») и затем в Италии. Разумеется – вместо операции в Северной Франции, которой добивались Сталин и Молотов. Конечно, в Италии не удастся создать такой масштабный фронт, как во Франции, противник сможет перекрыть узкие Апеннины. Зато союзники получают плацдарм для дальнейших высадок на Балканах и на юге Франции. Эти операции будут скромнее, чем полномасштабный второй фронт, который двинется к Берлину с Запада. Зато шаг за шагом можно будет пододвигаться к центру Германии через «мягкое подбрюшье Европы» с юга, заняв Балканы и парировав таким образом возможность занятия этого региона Красной армией, если ей будет сопутство-

¹ На дипломатических фронтах. 1941–1945. М., 2020. С. 144.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 147.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 26. Кн. 2. С. 279.

вать успех. Понятно, что в таких условиях Гитлеру будет легче обороняться, а союзники смогут обойтись более скромными силами.

Такие планы никак не могли понравиться Сталину и Молотову. Получается, что их обманули не только в 1942-м, но и в 1943 году. Черчилль продолжал уверять Сталина, что высадка в Северной Франции готовится. Однако в мае он прибыл в Вашингтон, и после длительного обсуждения они с Рузвельтом решили отложить ее на 1944 год.

К 13 мая 1943 года американо-британская армия разгромила германо-итальянские войска в Тунисе. 9 июля союзники высадились на Сицилии, что привело к падению фашистского режима в Италии. 25 июля Муссолини был арестован по приказу короля. Правда, вскоре немцы его выкрали. Они взяли Рим и закупорили союзников на Апеннинах. 13 октября Италия объявила войну Германии и была признана СССР, США и Великобританией «совместно воюющей стороной» – но не союзником. О действиях фашистской Италии не забыли, и секретным протоколом Московской конференции три державы 1 ноября учредили Консультативный совет по вопросам Италии, который должен был в дальнейшем решать ее судьбу.

Молотов вспоминал: «Они в Италии начали. Но нам и такая помощь была помощью»¹. В то же время союзники, опасаясь потерь, опять отложили конвой «до осенней темноты», о чем 30 марта Сталину сообщил Черчилль. Ответ Сталина 2 апреля был кратким: «Я понимаю этот неожиданный акт, как катастрофическое сокращение поставок военного сырья и вооружения Советскому Союзу со стороны Великобритании и США, так как путь через Великий океан ограничен тоннажем и мало надежен, а южный путь имеет небольшую пропускную способность, ввиду чего оба эти пути не могут компенсировать прекращения подвоза по Северному пути. Понятно, что это обстоятельство не может не отразиться на положении советских войск»².

Еще одним фактором, который весной 1943 года охладил отношения с союзниками и имел долгосрочные последствия – разрыв СССР с эмигрантским польским правительством. В 1941–1942 годах нормализация отношений с правительством Сикор-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 66.

² Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании... Т. 1. С. 134.

ского была неизбежным следствием союза с Великобританией и США. Но по мере того, как Красная армия приближалась к советской границе 1941 года, позиция эмигрантского правительства Польши приобретала все большее значение. А оно категорически не соглашалось с пересмотром границы 1939 года.

20 февраля на встрече с польским послом Т. Ромером Молотов вообще дал понять, что не настроен обсуждать с представителями правительства Сикорского послевоенные вопросы. Но на встрече со Сталиным и Молотовым Ромер заявил, что «Советское правительство не может решать односторонним актом вопросы о территориях и границах». Сталин отмахнулся: «Мы от Польши ничего не хотим»¹. Под Польшей понималась этническая Польша, расположенная западнее «линии Керзона». Сталин и Молотов надеялись договориться с Великобританией и США, но те ссылались на законное правительство Польши. Значит, нужно было превратить его в незаконное.

В ответ на очередное заявление правительства Сикорского о том, что Польша должна оставаться в границах до 1 сентября 1939 года, ТАСС 2 марта выступило с гневной отповедью, защищая право «украинского и белорусского народов на воссоединение со своими единокровными братьями». Легитимность польского правительства ставилась под сомнение: «Заявление польского правительства свидетельствует о том, что теперешние польские правящие круги в данном вопросе не отражают подлинного мнения польского народа...»² Через ТАСС Молотов сделал предупредительный выстрел: если не уступите в этом вопросе, глядишь решим, что вы вообще не представляете интересов польского народа.

Для эскалации конфликта не пришлось долго искать повода. В феврале германские оккупационные власти начали расследование в связи с обнаружением массовых захоронений в Катыни. Это были «пропавшие» в 1940 году польские граждане. 29 марта 1943 года началась публичная эксгумация. 13 апреля Германия сделала официальное заявление об обнаружении мест массовых расстрелов польских офицеров коммунистами в Катыни. 15 апреля Совинформбюро назвало это сообщение «гнусными измышлениями немецко-фашистских палачей» и утверждало, что несчастных расстреляли сами немцы. Молотов редактиро-

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 4. С. 363, 369–370.

² Документы внешней политики СССР. Т. 26. Кн. 1. С. 169.

вал этот подготовленный Вышинским текст. Слова «геббельсовская пропаганда» он заменил на «геббельсовские клеветники», а упоминание 1940 года в тексте вычеркнул¹, чтобы читатели даже не задумались о судьбе польских офицеров до начала Великой Отечественной войны.

Польское правительство было шокировано этими новостями и, отмежевываясь от германской позиции, все же требовало расследования. 20 апреля оно обратилось с этим вопросом к советскому послу при эмигрантских правительствах А. Богомолу. А два дня спустя Молотов направил Майскому и Богомолу указание прекратить всякие связи с польским эмигрантским правительством.

25 апреля он вручил Ромеру ноту, где польское правительство обвинялось в том, что подхватило германскую клеветническую кампанию. Откуда следовало, что «между врагом союзников – Гитлером и Польским Правительством имеется контакт и сговор в проведении этой враждебной кампании». Пытаясь представить дело так, будто польское правительство действует «в угоду тирании Гитлера», Молотов заявил, что «Советскому правительству известно, что эта враждебная кампания против Советского Союза предпринята польским правительством для того, чтобы путем использования гитлеровской клеветнической фальшивки произвести нажим на советское правительство с целью вырвать у него территориальные уступки за счет Советской Украины, Советской Белоруссии, Советской Литвы». И поскольку польское правительство «прекратило на деле союзные отношения с СССР», Молотов заявил о разрыве дипломатических отношений с польским правительством².

Это было большой неожиданностью для союзников. Черчилль убедил Сикорского не настаивать на расследовании Катынского расстрела, о чем сообщил Сталину. Но Сталин и Молотов не собирались искать компромисса, они уже использовали ситуацию для того, чтобы избавить себя от союзнических обязательств перед правительством, с которым нельзя было договориться о границах.

Рузвельт 26 апреля писал Сталину: «Я не могу поверить, что Сикорский в какой бы то ни было степени сотрудничал с гитлеровскими гангстерами». Президент предлагал определить

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 4. С. 381–382.

² Там же. С. 396–397.

*Станислав Миколайчик**1940-е**[Из открытых источников]*

ситуацию «не как полный разрыв дипломатических отношений между Советским Союзом и Польшей, а как временное прекращение переговоров с Польским Правительством, находящимся в изгнании в Лондоне»¹. Но по указанию Молотова Майский 6 мая уже ставил вопрос об изменении состава польского правительства². В тот же день в СССР было принято постановление ГКО о формировании польской стрелковой дивизии имени Костюшко, которая не входила в армию Андерса.

Легитимность польского эмигрантского правительства была подорвана еще сильнее, когда 4 июля в авиакатастрофе погиб Сикорский. 14 июля правительство возглавил бывший вице-премьер и лидер Крестьянской партии С. Миколайчик. Молотов пока не отрицал легитимность нового правительства. Беседуя с Керром 23 августа, он называл Миколайчика новым польским премьером, но занял выжидательную позицию: «Его линия пока не ясна... Миколайчик – малоизвестная фигура»³.

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании... Т. 2. С. 60.

² Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 4. С. 405.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 26. Кн. 1. С. 666–667.

В апреле Рузвельт предложил Сталину провести неформальную встречу в районе Берингова пролива, чтобы попытаться снять накопившиеся противоречия. Сталин был не прочь познакомиться с президентом и соглашался прибыть в Фербенкс на Аляске в июле – августе. Однако 4 июня он узнал об отказе союзников открывать Второй фронт и в 1943 году. Это выглядело форменным предательством. Из Великобритании и США были отозваны советские послы. А тут еще выяснилось, что Гитлер готовит операцию под Курском. Начавшееся 5 июля сражение на Курской дуге завершилось в августе взятием советскими войсками Орла, Белгорода и Харькова. Развивая успех, советские войска форсировали Днепр и 6 ноября взяли Киев. Таким образом, и без второго фронта Красная армия громила войска Гитлера, приближаясь к границам СССР 1941 года. Теперь с союзниками можно было говорить с учетом этой советской мощи.

8. МОСКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

8 августа Сталин предложил Рузвельту встретиться в Астрахани или Архангельске, так как лично не может надолго отлучиться из Кремля в условиях динамичной ситуации на фронтах.

17–24 августа Рузвельт и Черчилль встретились в Квебеке и согласовали дату высадки в Северной Франции 1 мая 1944 года. Черчилль, правда, продолжал развивать планы высадки также и на Балканах, что ослабило бы удар в Нормандии. Но американцы предложили действовать в Средиземноморье не на восток (чтобы встретить Красную армию перед Балканами, как хотел Черчилль), а на запад, в Южной Франции, чтобы помочь высадке в Северной Франции. Этот план и будет реализован в августе 1944 года. США все больше расходились с Британией в вопросах стратегии. Впечатления 1942 года Молотова не обманули.

Рузвельт стремился как можно скорее повидаться с советским премьером. Он говорил тогда архиепископу Нью-Йорка Ф. Спеллману: «Встреча со Сталиным должна состояться, чем раньше, тем лучше. Он полагает, что он легче сможет прийти к взаимопониманию со Сталиным, чем Черчилль. Черчилль слишком идеалистичен, он же – реалист»¹.

24 августа 1943 года Сталин предложил подготовить встречу трех лидеров на предварительной конференции министров

¹ Путь к Великой Победе. С. 438.

иностранных дел трех государств. 8 сентября в послании Рузвельту Сталин предложил встретиться, «например, в Иране». К 12 сентября договорились провести конференцию министров 4 октября в Москве. А затем уже можно встретиться на высшем уровне в Тегеране.

На обеих конференциях одной из центральных должна была стать тема устройства Европы. 2 сентября на совещании у Сталина с участием Молотова, Ворошилова, Берия и Маленкова было принято решение образовать в НКВД две комиссии – по вопросам мирных переговоров и послевоенного устройства во главе с Литвиновым и по вопросам перемирия во главе с Ворошиловым¹.

1 октября Черчилль сообщил о возобновлении конвоев с ноября. Правда, это тут же вызвало новый конфликт из-за количества персонала союзников, к поведению которого у Сталина и Молотова были претензии.

Так что Московская конференция министров иностранных дел, чтобы обеспечить успех встречи «Большой тройки» в Тегеране, должна была «разгрести» многочисленные «авгиевы конюшни» проблем, накопившихся в отношениях СССР с союзниками – от поведения британцев и американцев в Мурманске до советско-польских отношений.

Московская конференция министров иностранных дел началась 19 октября в особняке на Спиридоньевке, который помнил и визит Риббентропа. С общего согласия заседания вел Молотов, и это был удачный выбор. Как вспоминал К. Керр: «Молотов провел заседания очень искусно и тактично. Атмосфера становилась все приветливее, все материи, которые казались колкими, были отложены. К ним возвращались, лишь подкалывая друг друга за разговорами за пищей и вином. То, как он руководил дебатами, вызвало у нас уважение, а в конце даже нежность». Иден высказал аналогичные оценки публично, выступая в парламенте: «Мне еще не доводилось заседать при председателе, который проявил бы больше искусства, такта и рассудительности, чем г-н Молотов, и я должен заявить, что именно благодаря его руководству длинной и сложной программой мы обязаны значительной мерой того успеха, что мы достигли»².

В центр переговоров Молотов поставил тему второго фронта, отказавшись от упреков в адрес союзников за срыв его открытия

¹ В штабах Победы. 1941–1945. Кн. 3. С. 410.

² Робертс Дж. Указ. соч. С. 98–99.

в 1943 году. Ладно, дело прошлое. Но когда, наконец? И еще неплохо было бы надавить на Турцию и Швецию, чтобы привлечь их к общему делу антигитлеровской борьбы. 20 октября секретарь Комитета обороны Британской империи Г. Исмей и секретарь Объединенного штаба США Дж. Дин подробно описали план высадки в Северной Франции. Молотову этот план понравился. 21 октября перешли к обсуждению совместной Декларации. Госсекретарь США Хэлл настаивал на привлечении к ней Китая, с чем Молотову пришлось согласиться, хотя это раньше времени напрягало советско-японские отношения. Молотов настоял, что в отношении Германии и ее союзников компромиссные условия перемирия обсуждаться не будут – только безоговорочная капитуляция.

Советский Союз предъявил права и на решение итальянских дел. Молотов возмущался, что действовавшее на занятой союзниками территории правительство П. Бадольо до сих пор не ликвидировало фашистские институты. Нарком требовал скорейшей демократизации Италии (что открывало путь во власть коммунистам). Союзникам возразить было нечего, и эти демократические требования были включены в «Декларацию об Италии». 22 апреля 1944 года было сформировано новое правительство Италии во главе с Бадольо, но с участием коммунистов.

На конференции Молотов также поставил перед союзниками вопрос о передаче Советскому Союзу части итальянского флота, и они в принципе согласились с этим.

В целом, конференция оказалась результативной. По ее итогам были приняты четыре декларации: «Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности», обязывавшая стороны вести войну до безоговорочной капитуляции противника, а после ее окончания совместными действиями поддерживать мир, создав для этого международную организацию; «Декларация об Италии», призывавшая стороны вести общую политику по искоренению фашизма в этой стране; «Декларация об Австрии», объявлявшая недействительным присоединение Австрии к Германии; «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства», ставшая впоследствии основанием для суда над военными преступниками¹.

¹ См.: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19 октября – 30 октября 1943. М., 1984.

Обсуждалась послевоенная судьба Германии. Иден выступил за отделение Пруссии от Германии (в чем-то этот план осуществится, старопрусские земли после войны станут ядром ГДР). Американцы предлагали полную демилитаризацию Германии, немедленную ликвидацию нацистской партии, возмещение ущерба, нанесенного ее вооруженными силами, децентрализацию политической структуры Германии. Молотов в принципе соглашался, но считал, что пока не нужно делать на этот счет публичных заявлений¹.

Было решено создать Европейскую консультативную комиссию (ЕКК) в Лондоне для обсуждения вопросов завершения войны в Европе и ее послевоенного устройства. Первым делом ей предстояло решить вопросы управления территориями, занятыми союзными войсками, и о создании признанного союзниками правительства Франции. Также договорились создать консультативный совет по вопросам Италии с участием СССР, хотя в Италии не было его войск. Затем в совет допустили представителей Франции, Югославии и Греции. Эта модель многостороннего контроля за побежденными союзниками Германии применялась потом и в Восточной Европе, занятой Красной армией. На Московской конференции союзники сняли свои возражения против не согласованного с ними советско-чехословацкого договора, что открыло путь к его подписанию 12 декабря Молотовым и чехословацким послом в СССР З. Фирлингером. Хороший контраст с советско-польскими отношениями.

Что делать с Польшей, пока не решили. Молотов выставил условие, что в Польше должно существовать дружественное СССР правительство.

На Московской конференции также договорились о механизме консультаций по оперативным вопросам: в Вашингтоне, Лондоне или в Москве созывались совещания министра иностранных дел и двух послов для выработки рекомендаций, которые потом утверждались в двух других столицах.

Был взят курс на то, чтобы заставить Турцию вступить в войну против Германии. Этого удалось добиться только 23 февраля 1945 года чисто символически, что потом затруднило Молотову задачу давления на Турцию после войны – ведь нельзя было требовать от союзника тех же уступок, как от потерпевшего поражение противника или даже нейтрального государства.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 26. Кн. 2. С. 284–286.

30 октября в Кремле для участников конференции был устроен торжественный прием. Сталин неофициально сообщил Хэллу о готовности СССР вступить в войну против Японии после победы над Германией. При этом Молотов пригласил Идена и Гарримана посмотреть советский фильм о боях с японцами на Дальнем Востоке во время Гражданской войны¹.

9. ТЕГЕРАН–43

Московская конференция открывала прямую дорогу для встречи «Большой тройки» в Тегеране. Но Рузвельт и Черчилль решили сначала встретиться в Каире 22–26 ноября для обсуждения азиатских проблем. Чтобы не возникло впечатление, что они хотят там предварительно сговориться перед Тегераном, в Каир был приглашен Молотов. Согласившись с этим 10 ноября, уже 12 ноября Сталин сообщил партнерам, что в Каир Молотов не придет. 12 ноября Черчилль сообщил об участии в Каирской конференции Чан Кайши, что, по выражению историков В.О. Печатнова и И.Э. Магадеева, «спугнуло Молотова»². При этом Сталин предупредил Рузвельта, что китайцев в Тегеране быть не должно: «Само собой разумеется, что в Тегеране должна состояться встреча глав только трех правительств, как это было условлено. Участие же представителей каких-либо других держав должно быть безусловно исключено»³.

В принципе китайский лидер был тогда для советских руководителей фигурой вполне рукопожатной, и его присутствие на Каирской конференции, посвященной дальневосточным вопросам, было естественным. Дело было не столько в Чане, сколько в нежелании советских представителей нести ответственность за антияпонские решения Каирской конференции. 1 декабря была опубликована Каирская декларация о целях войны против Японии, причастность к которой СССР была бы неуместна.

Так что Молотов отправился в Тегеран вместе со Сталиным – сначала на поезде до Баку, а оттуда на самолете. Эта поездка проходила в условиях строжайшей секретности. Сталин, Рузвельт и Черчилль прибыли в Тегеран 28 ноября, причем

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 156.

² Путь к Великой Победе. С. 469.

³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании... Т. 2. С. 110.

Рузвельт согласился поселиться в советском посольстве. С одной стороны, у советских органов была хорошая репутация по части обеспечения безопасности. С другой – Рузвельт надеялся наладить более доверительные отношения со Сталиным, продолжив дело, начатое во время общения с Молотовым в 1942 году. Британское представительство находилось по соседству. На заседаниях в советском посольстве Черчилль ходил пешком по охраняемой зоне.

Тематически Тегеранская конференция стала продолжением Московской. Правда, четкого молотовского ведения здесь не хватало. Разговор трех мировых тяжеловесов шел довольно раскованно. Председательствовал Рузвельт. До сих пор он был основным партнером Черчилля и объективно противостоял СССР в его основных противоречиях с Великобританией. Но уже во время визита Молотова в Вашингтон стало ясно, что Рузвельт по некоторым вопросам может «сменить фронт». В Тегеране эта возможность раскрылась во всей полноте.

28 ноября стороны обсудили ход военных действий. Сталин подтвердил готовность вступить в войну с Японией после капитуляции Германии. Но для этого, конечно, нужно было поскорее открыть Второй фронт. Рузвельт не поддержал идею Черчилля развивать успехи союзников в Средиземноморье, в «мягком подбрюшье» Европы, устроив высадку войск на Балканах вместо Северной Франции. Рузвельт 30 ноября сообщил, что «Оверлорд» намечается на май 1944 года. Действительно, ждать дальше было не просто тяжело с моральной точки зрения, но и прямо невыгодно – Красная армия вот-вот могла войти на границу, с которой началась Великая Отечественная война. И тогда союзники опаздывали к разделу Восточной Европы. Сталин обещал подсобить «Оверлорду» наступлением Красной армии.

Рузвельт поставил вопрос и о разделе самой Германии, раз уж она оказалась неисправимым источником агрессии. Почему бы не вернуться к добисмарковским временам, когда отдельно существовали Пруссия, Ганновер, Гессен, Саксония, Бавария? А стратегически важные Рур и Саар можно поставить под международный контроль...

Сталин в принципе был не против того, чтобы «дробить Германию», но это не было для советских лидеров решением проблемы. С точки зрения Сталина и Молотова причина агрессивности Германии была не в ее территории, а в империалистической сущности. Демократическая Германия не была бы такой агрес-

«Большая тройка» на Тегеранской конференции

Ноябрь 1943

[Из открытых источников]

сивной. Нужно ее демократизировать, демонополизировать, демилитаризировать и денацифицировать – и чудная получится страна (подразумевалось – готовая для социализма, но об этом пока не говорилось).

Сталин и Молотов настаивали на признании границ СССР 1941 года, но готовы были предоставить Польше достойную компенсацию. Когда Иден назвал предлагаемую границу «линией Молотова – Риббентропа», Молотов напомнил другое название – «линия Керзона». Ассоциироваться с Риббентропом ему не хотелось. Черчилль предложил такую формулу: «В принципе было принято, что очаг Польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции. Но окончательное проведение границы требует тщательного исследования и воз-

можного распутивания населения в некоторых пунктах». На это Сталин ответил: «Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие германские порты Кенигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Русским нужен кусок германской территории. Если англичане согласны на передачу нам указанной части германской территории, то мы будем согласны с формулой, предложенной Черчиллем»¹. Черчилль назвал это предложение очень интересным и обещал его изучить. В дальнейшем оно легло в основу раздела Восточной Пруссии. Черчилль проиллюстрировал решение проблемы границ Польши на трех спичках, которые сдвинул с востока на запад, как границы СССР, Польши и Германии.

А вот восстанавливать дипломатические отношения с эмигрантским польским правительством советская сторона уже не собиралась, и никакие доводы Рузвельта и Черчилля на Сталина и Молотова не подействовали. А вскоре после конференции, 11 января 1944 года, Молотов заявил поверенному в делах Великобритании Д. Бальфуру, что «эмигрантское польское правительство должно быть заменено другим правительством»².

Рузвельт, принимая эстафету у творца Лиги Наций президента В. Вильсона, поставил в Тегеране вопрос о создании организации мировой безопасности, о чем уже говорил полтора года назад с Молотовым. В общей форме этот вопрос затрагивался и на недавней Московской конференции. Теперь Рузвельт должен был объяснить партнерам, почему новую организацию не постигнет судьба Лиги Наций. Чтобы будущая организация Объединенных Наций (ООН) была работоспособной, Рузвельт предлагал создать кроме аналогичных Лиге Наций органов еще полицейский комитет в составе СССР, США, Великобритании и Китая, который будет иметь средства силового принуждения для предотвращения агрессии.

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). М., 1984 (далее – Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав). С. 150.

² Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 4. С. 445.

Сталин, как и Черчилль, заступался за интересы остальных европейских государств, которых идея «четырех полицейских» лишала суверенитета. Сталин предлагал: «Как мне кажется, малые страны в Европе будут недовольны такого рода организацией. Может быть, целесообразно создать европейскую организацию, в которую входили бы три страны – США, Англия и Россия и, может быть, еще какая-либо из европейских стран. Кроме того, вторую организацию, например, организацию по Дальнему Востоку»¹. Но это не устраивало Рузвельта, так как участие США в сугубо европейской организации выглядело сомнительно. Проконсультировавшись с Молотовым, 1 декабря Сталин в беседе с Рузвельтом согласился создать одну мировую организацию.

Когда основные вопросы были обсуждены, Рузвельт поднял в беседе со Сталиным вопрос о желательности проведения плебисцита в Литве, Латвии и Эстонии по вопросу вхождения в СССР. Сталин был не против, если этот плебисцит не будет проходить под международным контролем.

В порядке дипломатической вежливости Сталин и Молотов нанесли визит шаху Ирана Мухаммеду Реза Пехлеви. Рузвельт и Черчилль не сочли нужным ходить к маловлиятельному монарху, и он сам нанес им визит. Сталин решил быть более учтивым, дабы подчеркнуть, что СССР не является хозяином в Тегеране, и, несмотря на оккупацию Ирана, шах остается суверенным правителем.

Вечер 30 ноября прошел в теплой застольной обстановке в британском посольстве, где чествовали Черчилля, которому исполнилось 69 лет. Это мог быть последний день в их жизни... Ведь Гитлер поручил организовать покушение на «Большую тройку», так удачно собравшуюся в трудно контролируемом Тегеране. По некоторым данным, была разработана операция «Длинный прыжок», которой должен был руководить освободитель Муссолини О. Скорцени. По этой версии, которая легла в основу сюжета фильма «Тегеран-43», нацисты надеялись напасть на британское посольство, когда там соберутся все три лидера в день рождения Черчилля. Тут, правда, был нужен не одиночка, а сильная группа, которая сможет прорвать охрану британского посольства. Однако немецкая группа, которая могла бы принять десантников, была схвачена, а накануне конференции

¹ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав. С. 115–116.

были проведены массовые аресты германской агентуры, и от «Длинного прыжка» (если он готовился) пришлось отказаться¹. А если бы не отказались? В предпоследний день конференции германские десантники, накопившиеся на армянском кладбище недалеко от британского посольства, прорывают оцепление, штурмуют ограду, забрасывают помещения гранатами, поливают очередями автоматов... Может быть, британцы отбили бы удар. А может быть, жизнь Сталина и Молотова оборвалась бы, что имело бы далеко идущие последствия как для хода Второй мировой войны, так и для развития СССР. Но и на этот раз для них все обошлось хорошо.

Первая конференция «Большой тройки» стала и большим личным успехом Молотова как ближайшего соратника Сталина на ниве внешней политики. В Тегеране решилось то, что было намечено во время визитов Молотова в Великобританию и США в 1942 году – был определен реалистичный срок открытия второго фронта в Северной Франции и закрепилось советско-американское сближение, ослабившее позиции Великобритании в антигитлеровской коалиции.

Великие конференции 1943–1945 годов определяют контуры послевоенного мира, и на каждой из них на фотографиях «Большой тройки» за спинами Сталина, Рузвельта и Черчилля будет стоять Молотов.

10. СУДЬБА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В 1944 году Красная армия продолжила наступление, ценой огромных усилий и потерь перемалывая сопротивление противника. 26 марта советские войска вышли на государственную границу СССР на реке Прут.

Силы США и Великобритании с участием французских партизанов, общей численностью почти в 3 млн человек, 6 июня высадились, наконец, в Нормандии. Как Сталин и обещал, Красная армия поддержала второй фронт мощным наступлением. 23 июня в Белоруссии началась операция «Багратион», в ходе которой советские войска разгромили германскую группу армий Центр и 3 июля освободили Минск. Красная армия вошла

¹ Кузнец Ю.Л. «Длинный прыжок» – в никуда: Как был сорван заговор против «Большой тройки» в Тегеране. М., 1996.

в Польшу и Восточную Пруссию, на окраину самой Германии. В июле – сентябре советские войска заняли Литву и Эстонию.

Союзники Германии искали возможность выйти из войны. Лидеры Финляндии еще в 1943 году стали искать контакты для заключения перемирия, но почетного. Однако в ходе Выборгско-Петрозаводской операции 10 июня – 9 августа советские войска 21 июля вышли к границе с Финляндией. Исход войны в Европе уже был ясен. Прибывший в Москву премьер-министр Финляндии А. Хакселль 19 сентября подписал продиктованное Молотовым перемирие с СССР и Великобританией, в соответствии с которым Финляндия разрывала с Германией, разоружала германские войска на своей территории (то есть, вступала с ними в вооруженную борьбу), соглашалась на выплату репараций, восстановление границы 1940 года и отказывалась от Петсамо.

В июле советские войска перешли линию Керзона (довоенная граница с Польшей была пересечена еще в январе). Настало время решать польский вопрос с опорой на военные достижения СССР. Союзники, затянувшие с открытием второго фронта, были далеко и не могли теперь гарантировать претензии эмигрантского правительства на власть в Польше, которую шаг за шагом занимали советские войска.

Восстанавливались связи с коммунистическим подпольем. Коммунисты во главе с В. Гомулкой действовали под названием Польская рабочая партия (ППР) и создали прокоммунистическую коалицию Краева рада народов (КРН). Однако между коммунистами шла борьба, Гомулку резко критиковал один из лидеров КРН старый коммунист Б. Берут. 16 мая в СССР прибыла делегация КРН во главе с Э. Осубка-Моравским. В июне Молотов устроил «смотрины» делегации КРН, организовав ее беседы с послами США и Великобритании.

21 июля из просоветских деятелей, входивших в КРН, был образован Польский комитет национального освобождения (ПКНО) во главе с Осубкой-Моравским, который был более понятен Москве, чем выдвинувшийся в подполье Гомулка. Кандидатуры в ПКНО Молотов подбирал с Димитровым и коммунистами из созданного в СССР Союза польских патриотов еще в декабре 1943 года¹. ПКНО разместился в Хелме, а с 1 августа 1944 года в Люблине. На территории, занятой советскими войсками, власть переходила к организациям, входившим в КРН.

¹ Дневник Георгия Димитрова. С. 435–436.

Владислав Гомулка
[Из открытых источников]

Другие организации, даже влиятельная до войны демократическая Народная (крестьянская) партия (Строництво людове), от власти отстранялись, а то и подавлялись. Как признавал Гомулка, коммунисты создали под тем же названием свою организацию, но массы активистов в нее не пошли¹.

Претензии комитета на власть сталкивались с тем обстоятельством, что лондонскому правительству была лояльна Армия краева (АК), которая вела против гитлеровцев диверсионно-партизанские действия на довоенной территории Польского государства, а при подходе Красной армии занимала населенные пункты и вывешивала там бело-красные польские флаги. Вильнюс (Вильно) советские власти брали совместно с АК, и ее бойцы некоторое время патрулировали улицы города после освобождения от немцев. Советское командование не признавало такое возвращение польской власти. 14 июля Ставка дала указание разоружать вооруженные формирования, подчиняющиеся эмигрантскому правительству.

¹ СССР – Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949: Сборник документов. М., 1995. С. 112.

Командование АК готовило восстание в Варшаве накануне прихода Красной армии, чтобы встретить ее в качестве законных властей столицы и всей Польши. Поскольку легитимность ПКНО основывалась только на том, что он существовал на польской территории, в отличие от Лондонского правительства, последнему было важно получить собственную территорию в Польше. Победа АК в Варшаве означала бы, что законным правительством государства является именно лондонское правительство, так как, наряду с преемственностью власти от довоенных властей, его представители утвердились бы в столице. Для Сталина и Молотова это был бы сильный удар, так как они взяли курс на непризнание лондонского правительства и создание нового. Оно должно отличаться от лондонского «дружественностью» в отношении СССР, то есть готовностью выполнить советские территориальные требования и стать советским союзником в послевоенном мире.

26 июля Молотов подписал соглашение с Осубка-Моравским о том, что ПКНО является временной властью на освобождаемой польской территории.

30–31 июля советские войска подошли к предместью Варшавы Праге, но под ударами немцев вынуждены были перейти к обороне. Советское выступление выдохлось – ведь оно продолжалось на этом направлении целый месяц. Однако, узнав о приближении советских войск, командование АК во главе с Т. Комаровским назначило восстание на 1 августа. Это была крайне рискованная игра – отказываясь от непосредственного взаимодействия с советскими войсками, АК не могла знать об их планах.

Но при желании еще можно было договориться через Москву. Дело в том, что под давлением союзников Сталин все же согласился принять Миколайчика. 29 июля в Москву прибыла делегация польских эмигрантских властей, в которую входили председатель эмигрантского польского правительства С. Миколайчик, председатель Национального совета С. Грабский и министр иностранных дел Т. Ромер. Молотов принял делегацию только вечером 31 июля, когда до начала восстания оставалось меньше суток. Но и тогда еще Миколайчик мог бы дать отбой по радио, если бы к такому решению его привели результаты переговоров.

Миколайчик заявил: «Польское правительство обдумывало план генерального восстания в Варшаве и хотело просить Со-

ветское правительство о бомбардировке аэродромов около Варшавы». Эта советская запись, чистовой вариант которой был сделан, очевидно, уже после начала восстания, выглядит странно. Если бы речь шла о том, что польское правительство только «обдумывало» восстание, зачем просить о поддержке с воздуха прямо сейчас? Миколайчик явно говорил о событиях, которые начнутся вот-вот, и по поводу которых необходимо договориться о военном взаимодействии. И Молотов в принципе был не против такого обсуждения, сказав, что советским войскам «до Варшавы осталось всего лишь около 10 километров»¹. Такая характеристика ситуации убеждала Миколайчика и его коллег, что все идет, как они задумали, и советские войска собираются вот-вот дойти до Варшавы. А Молотов не понял всю важность сообщения Миколайчика и не стал обсуждать его более подробно. Позднее он утверждал, что «ни Советское правительство, ни советское командование не знали о том, что готовится попытка взять Варшаву изнутри»². Но Миколайчик обсуждал с ним эту тему. А ведь 31 июля еще можно было убедить польских гостей в том, что восстание нужно отложить, потому что в ближайшее время советские войска не собираются штурмовать Варшаву, и военного взаимодействия не получится.

В итоге восстание началось 1 августа в 17 часов. Повстанцы быстро установили контроль над центральными кварталами польской столицы. Но в городе и рядом с ним была сосредоточена сильная германская группировка. В условиях прекращения натиска со стороны Красной армии она обрушилась на восставших. Те отбивались стрелковым оружием и «коктейлями Молотова», которые, впрочем, почти случайно были названы его именем (вероятно во время советско-финляндской войны).

Сталин и Молотов приняли польскую делегацию 3 августа. Новости из Варшавы были оптимистичными, и советские лидеры обещали помочь повстанцам оружием. Большого, то есть скорейшего наступления на Варшаву, поляки пока не просили. Они рассчитывали, что Армия краева возьмет столицу и встретит советские войска у ее ворот в качестве равноправных партнеров. Так что самое время признать польское эмигрантское

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 4. С. 561.

² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945: Документы и материалы. Т. 2. М., 1964. С. 176.

правительство в качестве законного представителя польского народа.

Миколайчик намеревался выехать в Варшаву, чтобы создать там правительство из партий, входивших в лондонский кабинет, а также коммунистов, о чем сообщил собеседникам в Кремле. Но Сталин напомнил, что у СССР есть официальные отношения только с ПКНО. Миколайчик обеспокоенно спросил, «должен ли он понимать это в том смысле, что польскому правительству в Лондоне закрыты все пути в Польшу». Сталин ответил польским гостям: «...раньше, чем вести переговоры с Миколайчиком, как главой польского правительства, хорошо было бы покончить с существованием двух правительств – одного в Лондоне, а другого в Хелме»¹. Обе стороны были готовы к созданию объединенного правительства, но суть противоречия заключалась в том, на основе какого из двух имеющихся правительств оно будет создано. А это зависело от результатов Варшавского восстания.

Поскольку его исход был пока не ясен, Сталин и Молотов предложили Миколайчику договориться с Берутом, который прибыл в Москву во главе делегации ПКНО и был встречен с почетным караулом (Миколайчику такие почести не достались). Камнем преткновения на переговорах двух польских делегаций стало то, на основе какой конституции создавать новую польскую власть – демократической 1921 года или авторитарной 1935 года (Молотов в разговоре с Гарриманом назвал ее «фашистской конституцией»²). Легитимность лондонского правительства была основана на предвоенной конституции 1935 года, и, хотя Миколайчик был не против возвращения к конституции 1921 года в дальнейшем, пока он не мог от нее отказаться, что позволяло Беруту представлять лондонцев врагами демократии. И вообще, пока Миколайчик не согласится с предложениями ПКНО, оставлявшими лондонцам меньшинство мест в будущем правительстве, «у ПКНО не может быть уверенности в том, что Миколайчик поедет в Варшаву...»³

Сдержанное отношение советских руководителей к Варшавскому восстанию породило версию, что они специально останавливали наступление на польскую столицу, чтобы дать немцам подавить повстанцев. Документы это не подтверждают – совет-

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 4. С. 565.

² Там же. С. 597.

³ Там же. С. 581.

ское наступление к началу восстания действительно заглохло, и обсуждались сроки его возобновления. Жуков и Рокоссовский доложили Сталину, что это возможно только 25 августа¹. Однако и в случае советского наступления в конце августа восстание можно было бы спасти. Но у Сталина были другие планы. Тем более, что в это время открылись прекрасные перспективы для продвижения на Балканах.

Миколайчик 9 августа просил Сталина о помощи Варшаве оружием. Сталин отвечал, что оружия не жалко, но «все это начинание с восстанием польской подпольной армии он считает нереальным делом», а взятие Варшавы силами Красной армии потребует времени².

Затем Молотов сообщил Керру, что советский офицер, посланный для связи с варшавянами, погиб. Хотя гибель связного в военное время — дело обычное, нового посылать не стали. Несмотря на то, что еще на Московском совещании 1943 года принципиально договорились о предоставлении аэродромов для британско-американской авиации, когда они понадобились для помощи Варшаве, заместитель Молотова Вышинский заявил Гарриману и Керру, что «варшавские события являются авантюристическими, чем и определяется наше отношение к вопросу о сбрасывании в Варшаве оружия»³. Вышинский, проконсультировавшись наверху, 16 августа уже недвусмысленно заявил Гарриману, что «мы решительно возражаем против того, чтобы американские и английские самолеты после сброски вооружения в районе Варшавы, приземлялись на советской территории, так как Советское Правительство не хочет связывать себя ни прямо, ни косвенно с авантюрой в Варшаве»⁴. Хотите помогать повстанцам — летите через немецкие зенитки и туда, и обратно в Италию. 5 сентября Керр писал Молотову от имени британского правительства: «Наш народ не может понять, почему полякам в Варшаве не было оказано никакой материальной помощи извне. Тот факт, что такая помощь не могла быть отправлена ввиду отказа Вашего правительства позволить самолетам Соединенных Штатов приземляться на аэродромах России, сей-

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 4. С. 589.

² Там же. С. 592.

³ Советско-американские отношения. 1939–1945: Документы. М., 2004. С. 569–571.

⁴ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 4. С. 604.

час становится общеизвестным»¹. Между союзниками назревал крупный скандал.

Когда варшавские повстанцы были достаточно ослаблены, советская позиция смягчилась. 9 сентября американцы получили разрешение на сброс оружия над Варшавой, которое было осуществлено 18 сентября. Занялась этим и советская авиация. К тому времени советско-польские войска взяли пригород Варшавы Прагу и создали плацдармы за Вислой. Однако германские войска уже контролировали почти всю Варшаву, и развитие наступления с этих плацдармов было невозможно. 23 сентября с большими потерями их пришлось оставить. В ночь на 3 октября повстанцы капитулировали.

Гибель восставшей Варшавы на глазах Красной армии осталась травматическим фактором в советско-польских отношениях, породившим бесконечные споры о том, можно ли было отбить Варшаву у немцев уже в 1944 году. Шансы на успех были сомнительны, но советский ответ Гарриману и Керру подтверждает, что успех восстания не был желателен для советского руководства. Ведь в этом случае и польскую власть пришлось бы формировать с учетом того, что правительство Миколайчика контролирует столицу государства.

25 августа – 27 октября произошло восстание в Словакии, к которому советское руководство отнеслось не в пример лучше, чем к Варшавскому (как и к эмигрантским властям Чехословакии). Однако гитлеровцам и здесь удалось не пропустить к району восстания советские войска, заблокировать восставшие горные районы и раздавить повстанцев. Германия была все еще сильна. Одной из причин хорошего отношения Сталина и Молотова к чехословацкому лидеру Бенешу заключалась в том, что он был уступчив в территориальном вопросе (хотя и советские требования к Чехословакии были скромнее, чем к довоенной Польше). Советские войска заняли восточную оконечность Чехословакии – Прикарпатье, оставшееся последней частью территории компактного расселения украинцев, которая еще не была включена в Украинскую ССР. 26 ноября в Мукачево было организовано собрание местной общественности, которое заявило о желании перейти в состав Украинской ССР. Бенеш не стал упрямиться, и в конце декабря было получено принципиальное согласие Чехословакии на передачу Прикарпаття (Закарпаття)

¹ Там же. С. 610.

Советскому Союзу. Это территориальное изменение было оформлено 25 июня 1945 года в подписанном Молотовым советско-чехословацком договоре.

Советские лидеры действовали в Восточной Европе все более по-хозяйски, считая это естественным результатом договоренностей с союзниками 1943 года. Гарриман писал госсекретарю Хэллу: «Молотов несколько раз давал мне понять, что если после того, как СССР ставит нас в известность о своих действиях и своих планах, мы сразу же не высказываем возражений, то в его понимании мы, таким образом, выражаем свое согласие и принимаем советскую позицию». В его понимании, «хотя они будут информировать нас, они обладают полным правом решать проблемы со своими западными лимитрофами в одностороннем порядке»¹. Западные союзники не были пока с этим согласны, но Молотов шаг за шагом вел дело в направлении перехода Восточной Европы под полный советский контроль.

Новый сокрушительный удар Красная армия нанесла на южном направлении, где германско-румынская группировка была разгромлена в Яско-Кишиневской операции 20–29 августа. Путь на Румынию был открыт. По приказу короля Михая I 23 августа был арестован румынский диктатор И. Антонеску, Румыния заявила о разрыве отношений с Германией и запросила мира с СССР и его союзниками. Бухарест заняли отряды антифашистов, а румынские войска начали боевые действия против германских. Красная армия вошла в столицу Румынии.

Еще 12 апреля Молотов выдвинул условия перемирия для Румынии: переход на сторону Антигитлеровской коалиции, содействие советским войскам, выплата репараций, возвращение пленных и перемещенных лиц, признание Молдавии частью СССР, а за это – возвращение территорий, отторгнутых в 1940 году в пользу Венгрии. Молотов обещал: «Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии»². Первое было правдой.

Молотов сообщил союзникам о намерении провести в Москве переговоры о перемирии с Румынией 26 августа, а 12 сентября оно было подписано. Румыния обязалась развернуть военные

¹ Путь к Великой Победе. С. 637.

² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 2. М., 1946. С. 105.

*Король Румынии Михай I
1940-е
[Из открытых источников]*

действия против Германии. Стремительный переход Румынии на сторону Антигитлеровской коалиции имел большое стратегическое значение — Германия лишалась источника нефти, а Красная армия почти без сопротивления вышла к Венгрии, Югославии и Болгарии.

Как только советские войска подошли к Болгарии, 5 сентября СССР объявил ей войну, которая продлилась меньше недели. В Софии 9 сентября произошло антифашистское прокоммунистическое восстание, монархия была свергнута, и Болгария тоже объявила войну Германии.

Гитлер опасался, что примеру Румынии и Болгарии последует Венгрия. Поэтому отряд специального назначения во главе со Скорцени сверг диктатора Венгрии М. Хорти, и Венгрия была оккупирована немцами. 22 декабря в Дебрецене было образовано просоветское Временное национальное правительство Венгрии, которое 20 января 1945 года подписало соглашение о перемирии. Однако в Будапеште сидело прогерманское венгерское правительство Ф. Салаши, и Красная армия 29 октября двинулась на столицу.

Влияние Советского Союза на Балканах скачкообразно возросло. Там, где Черчилль надеялся выстраивать барьер против

СССР, он теперь мог установить контроль только над Грецией, да и то благодаря успехам Красной армии – немцы под угрозой окружения уходили с Балкан. Большую часть Югославии и Албанию Красная армия не заняла, но там успешно действовали прокоммунистические партизаны. Командующий народно-освободительной армией Югославии (НОАЮ) коммунист И. Броз Тито стал играть все большую роль в регионе. Он с товарищами создал боеспособные вооруженные силы, которые противостояли карателям и отрядам четников, которых возглавлял министр обороны эмигрантского правительства Д. Михайлович. Четники действовали против немцев и итальянцев пассивно, коммунисты обвиняли их в сотрудничестве с оккупантами. Еще в 1942 году Молотов считал: «Утверждение, что люди Михайловича – прямые орудия оккупантов, – упрощенное и однобокое»¹, но в 1943 году стал официально заявлять, что «Михайлович поддерживает оккупантов и даже действует с ними заодно»². Союзники не то, чтобы в это верили, но армия Тито была куда активнее и эффективнее. В марте 1943 года НОАЮ разбила четников, вставших у нее на пути. В мае 1943 года союзники установили с Тито прямой контакт, направив к нему свои миссии. Черчилль надеялся, что в случае высадки здесь, в «мягком подбрюшье Европы», удастся не просто действовать вместе с Тито, но и «перевербовать» его. Советская миссия в распоряжение НОАЮ прибыла 23 февраля 1944 года.

19 мая Сталин и Молотов принимали посланников Тито В. Терзича и М. Джиласа, с которыми обсуждали возможность переговоров между прокоммунистическим Национальным комитетом освобождения Югославии (НКОЮ) и находившимся в эмиграции королем Петром II.

В своих воспоминаниях Джилас делился впечатлениями: «У Молотова были непроницаемы не только мысли, но и процесс их хода. Подобным же образом оставался скрытым и непостижимым его менталитет. Сталин же обладал живым, почти неутомимым темпераментом... И хотя благодаря своей большей многосторонности и проницательности Сталин претендует на

¹ Дневник Георгия Димитрова. С. 328.

² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 1: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1978. С. 258.

Милован Джилас
[Из открытых источников]

главную роль в преобразовании отсталой России в современную индустриальную имперскую державу, было бы неправильно недооценивать роль Молотова, особенно как практического исполнителя.

Молотов, казалось, даже физически подходит для этой роли: основательный, осмотрительный, невозмутимый, настойчивый. Он выпивал больше, чем Сталин, но его тосты были короче и рассчитаны на то, чтобы произвести особый политический эффект»¹.

Ситуация с Югославией напоминала польскую. Сталин и Молотов понимали, что договориться с союзниками можно на основе создания коалиции между прокоммунистическими и эмигрантскими силами. Нужно было продавать созданию такого коалиционного правительства, которое возглавят коммунисты.

Решение этого вопроса замедлилось в связи с нападением немцев на штаб-квартиру Тито в Дрваре 24 мая, в результате чего югославский лидер и его окружение были эвакуированы на контролируемый британцами остров Вис в Адриатике. Здесь без суеты можно было оформить политические решения.

¹ Джилас М. Беседы со Сталиным. М., 2002. С. 82–84.

Тито и глава эмигрантского правительства И. Шубашич подписали 16 июня соглашение о единстве действий, которое мало обязывало стороны к чему-либо. Тито формально признал королевское правительство, послал туда двух соратников, оговоря, что окончательно вопрос о форме правления должен быть решен после победы. 12–13 августа Тито встретился в Неаполе с Черчиллем, заверил его, что не собирается устанавливать коммунизм, хотя отрицает монархию, и обсудил территориальные вопросы. Черчилль обещал поддержать претензии Югославии на Истрию без Триеста, выступил против Балканской конфедерации и проявил любезность: «Вы первый человек из освобожденной Европы, которого я встретил»¹. После этих смотрин под давлением Черчилля король Югославии Петр II заменил Михайловича на Тито на посту официального командующего вооруженными силами.

А 19 сентября, не предупредив англичан, Тито внезапно покинул Вис на советском самолете и приземлился на территории контролируемой Красной армией. 21 сентября он прибыл в Москву, чтобы согласовать совместные действия НОАЮ и Красной армии. Молотов вспоминал о первом впечатлении об этом человеке: «Когда Тито приехал впервые, еще не все в нем было ясно, даже он мне немного понравился внешностью. Я, когда смотрел на Тито, еще ясно не понимал, потому что сразу не поймешь, он тогда мне нравился, а вместе с тем что-то другое... и вспомнил провокатора Малиновского»². Правда, в сказанном много лет спустя не могла не сказаться обида на Тито, который позднее встал на пути у них со Сталиным, а потом послужил одним из факторов заката политической карьеры Молотова.

Обсудив планы совместных действий с Красной армией в Сербии и взятия Белграда, Тито 28 сентября подписал договор, предоставлявший Красной армии свободу рук в Югославии. 29 сентября советские войска вошли на ее территорию. 14–20 октября советские войска вместе с югославскими партизанами взяли Белград.

Чтобы не оказаться в стратегическом окружении, германские войска стали уходить с Балкан. Кому они достанутся? Уж не войдут ли в советскую сферу влияния? Этого Черчилль никак не желал допустить и решил, что пора обсудить новую ситуацию со

¹ Пирьевец Й. Тито и товарищи. М.; СПб., 2019. С. 171–175.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 117.

Вячеслав Михайлович Молотов

4 октября 1944

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1626. Л. 53]

Сталиным лично. Срочно собрать полноценный саммит «Большой тройки» было нереально. Рузвельт был занят президентскими выборами и не мог вылететь в СССР. Черчилль занялся челночной дипломатией и встретился с Рузвельтом в Квебеке 11–19 сентября. Отпускать партнера столь же сепаратно говорить со Сталиным Рузвельту не хотелось – он уже вошел во вкус модератора, который легче находит общий язык со Сталиным и Черчиллем, чем они между собой. Но Черчиллю это не нравилось, и к тому же он не хотел ждать, пока у Рузвельта закончатся выборы. В стремительно изменившейся ситуации нужно было срочно договариваться о разделе сфер влияния в Восточной Европе.

Переговоры Сталина, Молотова, Черчилля, Идена и представлявшего США Гарримана в Москве начались 9 октября. Чтобы найти общий язык по всему комплексу восточноевропейских проблем, нужно было сначала продвинуться в болезненном польском вопросе. Начали с шуток. Черчилль заметил: «Не хорошо, что у обеих сторон имеются “боевые петухи”». Сталин

ответил, что «без петухов было бы трудно обойтись. Например, петухи подают сигнал “пора вставать”»¹. Польские «петухи» Сталина были более управляемы, а вот лондонское правительство не слушалось Черчилля, который уже внутренне согласился на границу по линии Керзона. Черчилль предложил привезти Миколойчика в Москву и поговорить с ним.

Главным, ради чего Черчилль спешил в Москву, были Балканы. Британский премьер рассказывал в мемуарах о своем предложении Сталину: «“Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам – в Югославии?” Пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал: “Румыния: Россия – 90 процентов. Другие – 10 процентов. Греция: Великобритания (в согласии с США) – 90 процентов. Россия – 10 процентов. Югославия – 50:50 процентов. Венгрия – 50:50 процентов. Болгария: Россия – 75 процентов. Другие – 25 процентов”. Я передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне... Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец я сказал: “Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом. Давайте сожжем эту бумажку”. “Нет, оставьте ее себе”, – сказал Сталин»². Так эту историческую ситуацию запомнил Черчилль. Но запись беседы показывает, что Сталин не дал явного согласия на такой раздел, а предложил исправить цифру по Болгарии³. Вопрос был передан на обсуждение Идена и Молотова. На встрече с ним 10 октября Молотов принялся пересматривать «процентную сделку» не только по Болгарии: «Нельзя ли договориться, чтобы не только в отношении Болгарии, но и Венгрии, и Югославии соотношение было 75 на 25 процентов? – Но это гораздо хуже, чем то, о чем шла речь накануне, – возразил Иден. – Тогда пусть будет 90 и 10 для Болгарии, 50 на 50 для Югославии, а для Венгрии до-

¹ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 418.

² Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1991. С. 448–449.

³ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 426.

говоримся дополнительно»¹, – продолжал ломать черчиллевское предложение Молотов. Иден объяснил, что в случае пересмотра цифры теряют смысл. В общем, «процентное соглашение» так и не было заключено, а осталось обменом мнениями, который показал намерения сторон. Принципиальным было понимание того, что СССР будет контролировать ход дел в Румынии и Болгарии, а союзники должны сохранять влияние на ситуацию в этих странах. Но советская сторона претендовала на контроль также над Венгрией и Польшей.

В итоге общения с Молотовым, не разжимавшим железную хватку (он просто не мог этого сделать, даже если бы захотел – позиция была согласована со Сталиным), Идену пришлось согласиться, что в Болгарии и Венгрии соотношение будет 80:20 в пользу СССР². В то же время Сталин и Молотов понимали, что в случае претензий на Грецию сопротивление Британии будет гораздо более жестким. Из этого они исходили также и после Второй мировой войны. Но при этом Черчилль утверждал, что это соглашение для него якобы «не могло иметь и, с моей точки зрения, никогда не имело своей целью определять или влиять на дальнейшую судьбу этих обширных районов после разгрома Германии»³.

Стороны обсудили и будущее Германии. Черчилль считал, что немцев, состоявших в фашистских отрядах, и гитлеровскую молодежь нужно отправить на исправительные работы, «чтобы показать им, что строить труднее, чем уничтожать», а немецкое население с отчуждаемых от Германии территорий должно быть переселено. Сталин подвел под жесткие антигерманские меры теоретическую базу: «Версальский договор был половинчатым. Он породил в Германии настроение реванша, но не лишил Германию возможности совершить реванш... Если союзники не лишат Германию возможности для осуществления реванша, то войны с Германией будут неизбежны каждые 25–30 лет»⁴. Сталин, Молотов и Иден также подробно обсудили с военными перспективу действий СССР против Японии.

В знак успешного хода переговоров 11 октября Сталин и Молотов отобедали в гостях у Черчилля в британском посольстве.

¹ Бережков В. Указ. соч. С. 324–325.

² Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 435.

³ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5–6. С. 503.

⁴ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 427–428.

«14 октября состоялось грандиозное представление в Большом театре – сначала балет, затем опера и в завершение программы великолепные пляски и пение хора Советской Армии. Сталин и я находились в царской ложе, и зрители устроили нам восторженную овацию»¹, – вспоминал Черчилль. Не зря Молотов когда-то защищал Большой театр от Ленина. 15 октября британский премьер писал королю: «политическая атмосфера чрезвычайно сердечная. Ничего подобного мы до сих пор не встречали... Во время продолжительных застолий, сопровождающихся множеством сердечных тостов, была возможность непринужденно обсуждать самые серьезные вопросы»². Во время ужинов роль тамады исполнял Молотов, которого в дипкорпусе стали между собой называть «Молли». Дочь Гарримана Кэтлин писала: «У Молли чертовское чувство юмора и красивые сверкающие глаза. Молотов поднял тост “За нашего великого вождя!” Сталин, выпив, заметил: “Я-то думал, он скажет что-то хорошее про меня”. Моли ответил мрачно: “Это всегда хорошо”»³.

С Миколайчиком участники переговоров беседовали 13 октября. Молотов говорил ему: «Война многому научила наши народы. Она им показала необходимость дружественных отношений между Польшей и Советским Союзом. Если некоторые люди не учатся, то они мертвые люди»⁴. Миколайчик не хотел становиться мертвым. Но он настаивал на создании пятипартийного правительства с участием коммунистов, а Сталин – на паритетном правительстве с участием Миколайчика. Последний поинтересовался, приняты ли на Тегеранской конференции решения по поводу западных границ Польши. Молотов ответил: «Там было высказано мнение, что линия по Одру признана правильной». Черчилль с этим согласился, но Иден вдруг заговорил, что «новая граница Польши на западе будет простираться так далеко к Одру, как это пожелают поляки». Это было более скромное предложение, чем только что озвучил Молотов. Миколайчик вяловато попробовал «спасти Львов для Польши», но нарвался на сталинское: «Мы не торгуем украинской землей»⁵. На Миколай-

¹ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5–6. С. 455–456.

² Путь к Великой Победе. С. 651–652.

³ Робертс Дж. Указ. соч. С. 99.

⁴ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 4. С. 632.

⁵ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 2. Vilnius, 2012. С. 821–823.

чика давили и Черчилль, и Берут. Он стал склоняться к тому, чтобы признать границу в районе линии Керзона и создать правительство на паритетных основах с привлечением новых политиков из освобожденной Польши. Миколайчик согласился обсудить этот компромисс с коллегами в Лондоне.

Вслед за Миколайчиком Сталин и Молотов представили партнерам «своих поляков» из Люблина, которых Черчилль оценил как «пешек России»¹. Миколайчик не смог убедить коллег в Лондоне отступить от прежних позиций. 24 ноября он подал в отставку, что открывало ему возможность войти в коалиционное правительство в Польше, от признания которого отказалось эмигрантское правительство, которое возглавил недавний подпольщик Т. Арцишевский.

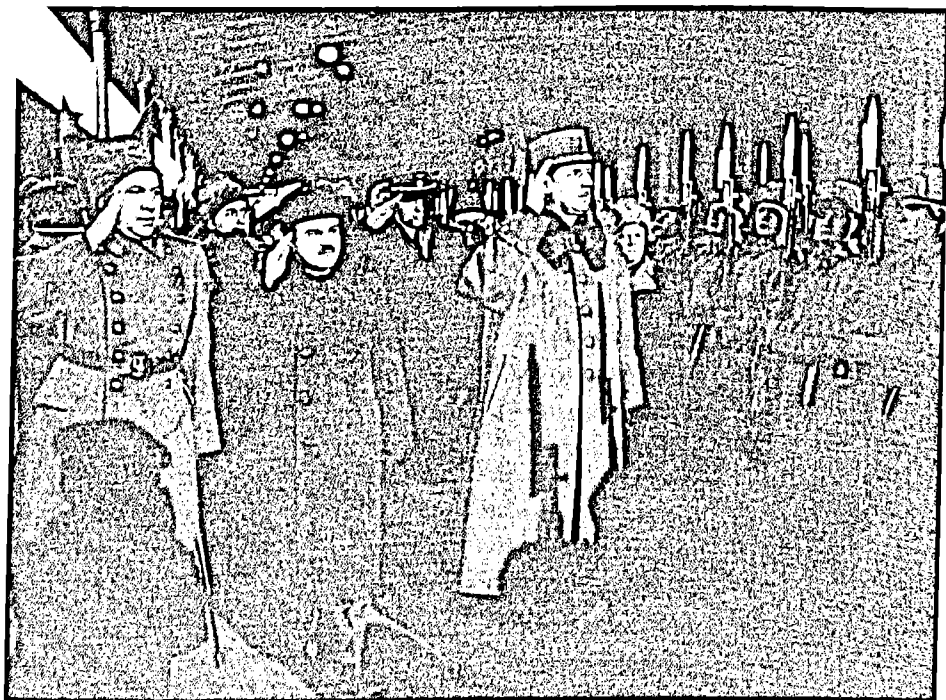
Молотов занимался Польшей не только как министр, но и как один из руководителей советской экономики. В это время он занимался самыми разными вопросами помимо внешней политики. 28 января 1945 года Молотов вносил «в ЦК на утверждение» (то есть Сталину) проекты постановлений ЦК о плане на первый квартал (совместно с Вознесенским) и о плане распределения тракторов на первый квартал (уже без Вознесенского), постановления СНК о Сталинских премиях, ГКО о помощи Временному польскому правительству по восстановлению столицы. Причем этот единственный внешнеполитический вопрос Молотов сопровождал жалобой на московского предисполкома Г. Попова, который не хочет давать Варшаве 30 троллейбусов².

Советские лидеры не отказывались от активных дипломатических действий не только в Восточной, но и в Западной Европе. 2 декабря в Москву прибыла французская делегация во главе с де Голлем, который после освобождения Парижа возглавил Временное правительство. Молотов встретился с министром иностранных дел Ж.-О. Бидо. Это было начало десятилетней истории отношений между двумя политиками. Затем Сталин и Молотов принимали де Голля.

Французский лидер еще не мог освободиться от британско-американской опеки, но уже смотрел в будущее, где Франция станет одним из гарантов послевоенной стабильности на основе равноправных договоров как с западными партнерами, так и с СССР. Но Молотова не оставляло недоверие к французской по-

¹ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5–6. С. 456.

² В штабах Победы. 1941–1945. Кн. 5. С. 84.

В.М. Молотов встречает генерала Ш. де Голля в Москве

2 декабря 1944

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1623. Л. 11]

литике, усвоенное с 30-х годов: «В 1935 году был подписан пакт с Францией, но он не был выполнен». Бидо ответил: «Вероятно, месье Молотов не хочет видеть разницы между Лавалем и де Голлем. – Я эту разницу вижу...»¹ Молотов не стал напоминать Бидо, что в 1938–1939 годах французское правительство возглавлял не Лаваль, а Даладье. Но вряд ли напыщенные слова француза произвели на Молотова впечатление – де Голлю еще предстояло доказать, что он может держать слово.

Пока Сталин и де Голль смотрели кино, Молотов и Бидо готовили текст соглашения. Договор о союзе и военной помощи был подписан 10 декабря. Роль Франции в войне с Германией никто не переоценивал, но договор поднимал значение правительства

¹ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. 2. М., 1983. С. 157–165.

де Голля как самостоятельного игрока. Ради его подписания он согласился обменяться представителями с ПКНО, подняв тем самым статус просоветского польского органа. Так что уже и Франция стала вносить вклад в определение судьбы Восточной Европы как советской сферы влияния.

II. АРХИТЕКТОРЫ ЯЛТИНСКОЙ СИСТЕМЫ

Важнейший вопрос послевоенного устройства, в который все глубже погружался Молотов и который будет находиться в центре его внимания в послевоенные годы, – формирование Организации Объединенных Наций (ООН). Ее контуры обсуждались 21 августа – 7 октября 1944 года на конференции в Думбартон-Оксе. Общая конструкция ООН в основном повторяла Лигу Наций – безвластная общая ассамблея и полномочный Совет с постоянными членами – великими державами.

Это было первое крупное дело выдающегося советского дипломата А. Громыко. Еще в 1943 году, когда дело пошло к новому потеплению в отношениях с союзниками, и Литвинов, и Майский сделали свое дело как популярные на Западе фигуры, Молотов добился их отзыва в СССР на посты заместителей наркома иностранных дел. Это выглядело как повышение, но оба вольнолюбивых ветерана внешней политики оказались теперь под присмотром в Москве. Майский был заменен Ф. Гусевым, а Литвинов – А. Громыко. Молотов 21 августа 1943 года поздравлял молодого посла в США довольно сурово, словно вынося выговор с предупреждением: «Считаю нужным предупредить Вас о том, что новое назначение возлагает на Вас серьезную ответственность перед Советским государством, и Вы должны сделать все, чтобы с честью справиться со своими новыми обязанностями»¹.

В Думбартон-Оксе Громыко настаивал на принципе единогласия постоянных членов Совета при голосовании по поддержательным вопросам. Постоянными членами Совета ООН (он стал называться Совет безопасности) должны были стать СССР, США, Великобритания и Китай (затем в этот привилегированный клуб допустят также и Францию). То есть, постоянный член Совета безопасности ООН (в том числе СССР, который явно будет сначала в меньшинстве) получал право накладывать вето на любое политическое решение, которое его не

¹ На дипломатических фронтах. 1941–1945. С. 154.

*Андрей Андреевич Громыко
1943*

[Из открытых источников]

устроит. Эта позиция была согласована со Сталиным и Молотовым, так что Громыко не мог самостоятельно от нее отойти, хотя партнеры по переговорам были категорически не согласованы с этим. Ведь в случае, если источником агрессии окажется один из постоянных членов, ООН окажется бессильна противостоять ей.

Другое требование СССР, шокировавшее партнеров: в ООН должны войти все советские союзные республики. Готовясь к выдвижению этого требования, Молотов 1 февраля 1944 года провел через Верховный Совет СССР решение о преобразовании союзных наркоматов иностранных дел и обороны в союзно-республиканские. Это означало, что в республиках могут создаваться свои наркоматы иностранных дел и обороны. Разумеется, все это было формальностью. Но если для американцев советские республики были аналогом штатов, то для британцев — доминионов, которые должны были войти в ООН самостоятельно. Фактически союзные республики имели в это время меньше автономии, чем американские штаты, но формально — столько же, сколько и британские доминионы. Так что Черчилль был более податлив к идее представительства советских республик в ООН.

Участники переговоров в Думбартон-Оксе готовили материалы для учредительной конференции ООН, но сначала их должна была утвердить «Большая тройка».

7 ноября 1944 года Рузвельт был в четвертый раз избран президентом США – такое случилось единственный раз в американской истории. Это был хороший подарок Сталину и Молотову на день Октябрьской революции. Теперь Рузвельт мог присоединиться к обсуждению послевоенного раздела Европы, которое так далеко продвинулось на Московской встрече Сталина, Молотова, Черчилля, Идена и Гарримана.

16 декабря 1944 года германские войска нанесли по союзникам мощный удар в Арденнах. К 26 декабря германское наступление было остановлено. Развернулись тяжелые бои за Бастонь. 6 января 1945 года Черчилль писал Сталину: «Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях... я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть». Сталин ответил на следующий день: «Мы готовимся к наступлению, но погода не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам»¹.

8 января Гитлер дал указание об отводе войск в Арденнах. А 12 января Красная армия досрочно начала наступление, в ходе которого была освобождена Варшава, а советские войска дошли до Одера. 8 февраля в наступление перешли и войска союзников на Западе.

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании... Т. 1. С. 341, 348–349.

В феврале 1945 года Сталин выступил в роли гостеприимного хозяина, пригласив коллег в недавно освобожденную Ялту. Она была для этого куда удобнее с точки зрения безопасности, чем Тегеран. Заодно можно было продемонстрировать партнерам тот ущерб, который нанесла война Советскому Союзу. Впрочем, для участников были подготовлены «царские» условия пребывания. Американской делегации во главе с Рузвельтом был предоставлен Ливадийский дворец Николая II. Там же проходили и заседания конференции. Британская делегация во главе с Черчиллем была размещена в Воронцовском дворце, часть которого была построена в английском стиле, а часть – в колониальном. Словно символ Британской империи. В Воронцовском дворце встречались главы внешнеполитических ведомств: Молотов, Стеттиниус и Иден. Советская делегация разместилась в Юсуповском дворце, расположенном между двумя другими резиденциями. Также здесь собирались совещания военных.

3 февраля Молотов встречал на аэродроме Саки Рузвельта и Черчилля. Президента усадили в открытый джип, который двинулся вдоль почетного караула. Молотов и Черчилль следовали по бокам. Молотов, таким образом, на этом мероприятии представлял Советский Союз наравне с главами других великих держав.

Ночью Молотов встретился с Гарриманом в Юсуповском дворце, чтобы обсудить повестку конференции. Было и деликатное пожелание от Рузвельта встретиться со Сталиным до начала общих заседаний. Разумеется, у Молотова возражений не было. Тем более, что Рузвельт и Черчилль встретились на Мальте по дороге в Ялту. Было решено проводить общие встречи «Большой тройки» в Ливадийском дворце, где остановился Рузвельт. Так что Сталин и Молотов могли просто прибыть пораньше.

Днем 4 февраля Молотов согласовал порядок начала конференции с Иденом, заметив при этом: «Опыт показывает, что совещания такого рода, как настоящее, не придерживаются повестки дня, хотя, конечно, желательно иметь некоторый порядок обсуждения вопросов»¹.

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 3: Крымская конференция руководителей трех союзных держав СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1984 (далее – Крымская конференция руководителей трех союзных держав). С. 43.

*«Большая тройка» на Ялтинской (Крымской) конференции
Февраль 1945
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1693. Л. 53]*

Затем Сталин и Молотов прибыли в Ливадийский дворец около четырех дня. Через час началось общее заседание, на котором председательствовал Рузвельт.

Для собравшейся 4–11 февраля 1945 года «Большой тройки» было ясно, что «Тысячелетний рейх» доживает последние месяцы жизни. Стороны обсудили координацию военных действий по добиванию фашистского зверя в его логове. Вечером, обедая у Рузвельта, три лидера и их соратники демонстрировали дух союзнического братства.

5 февраля перешли к политическим вопросам, центральным из которых была судьба Германии после ее капитуляции. Лидеры обсудили меры по искоренению германского милитаризма и нацизма, наказания его лидеров – чтобы Германия никогда уже не стала источником агрессии. Германии предстояло заплатить репарации натурой, причем половину должен был получить

СССР. Но Молотов считал, что нужно сразу оговорить советскую долю в 10 млрд долларов¹. Это возмещение можно было получить в форме оборудования, станков, судов, подвижного состава, германских вложений за границей и др. Протокол конференции предусматривал создание межсоюзной комиссии по репарациям в составе представителей СССР, США и Великобритании.

Черчилль и Рузвельт заговорили о том, стоит ли включать в условия капитуляции Германии слова «расчленение Германии». Черчилль предложил передать на обсуждение трех министров иностранных дел «выяснение возможности включить слова “расчленение Германии” или другую формулировку в эту статью». Молотов отреагировал: «...задача ясна». Но на следующий день, на совещании министров выяснилось, что он не вполне понял мысль Черчилля, который допускал, что вместо жесткого слова «расчленение» может быть предложена более мягкая формулировка. Молотов поставил задачу однозначно: «...нужно зафиксировать в условиях капитуляции определенное мнение союзников о необходимости расчленения Германии» и затем предложил формулировку: «В целях безопасности в Европе союзники считают необходимым расчленение Германии». Партнеры стали возражать против такой однозначности. Еще неизвестно, можно ли это вообще сделать, каковы могут быть последствия, а формулировка Молотова не оставляет союзникам свободы действий². Иден апеллировал к Черчиллю, а государственный секретарь США Э. Стеттиниус предложил более мягкую формулировку: союзники могут принять такие меры, «которые они признают необходимым для будущего мира и безопасности», включая расчленение³. Разница была в том, что Молотов требовал обязательного расчленения, а союзники оставляли за победителями такое право, которое можно было бы и не вводить в действие. Пообщавшись со Сталиным, Молотов снял свое предложение. Дж. Робертс считает, что «Сталин был разочарован тем, что не сумел добиться от Черчилля и Рузвельта твердого согласия на расчленение Германии»⁴, но не приводит доказательств, что именно Сталин этого добивался от партнеров. Тема расчленения была

¹ Крымская конференция руководителей трех союзных держав. С. 151

² Там же. С. 64–65, 78–79.

³ Там же. С. 258.

⁴ Робертс Дж. Указ. соч. С. 120.

вброшена и отстаивалась как раз партнерами. Но оказалось, что их позиция неоднозначна, что может дать им преимущество в глазах немецкого народа после войны. Раз так, Сталин делает поворот – теперь именно СССР должен быть главным заступником немецкого народа и выступать за единую нейтральную Германию. Такой и будет официальная позиция СССР в последующие годы, которую твердо будет отстаивать Молотов. Даже тогда, когда Германия будет разделена в ходе Холодной войны.

В Ялте Сталин договорился о репатриации советских граждан. Хотя это и не было зафиксировано в соглашении, в дальнейшем союзники выдали из Западной Европы часть эмигрантов, которые советскими гражданами никогда не были.

Конференция подтвердила разработанные ЕКК соглашения «О зонах оккупации Германии и об управлении “Большим Берлином”», а также «О контрольном механизме в Германии». В нем говорилось, что верховная власть в Германии в период выполнения ею основных требований безоговорочной капитуляции будет осуществляться главнокомандующими вооруженными силами СССР, США и Великобритании, каждым в своей зоне оккупации по инструкциям своих правительств. По вопросам, затрагивающим Германию в целом, главнокомандующие должны будут действовать совместно в качестве членов Верховного контрольного органа, который в дальнейшем стал называться Контрольным советом по Германии. Советским вооруженным силам предназначалась для оккупации восточная часть Германии. Северо-западная часть Германии отводилась для занятия британскими войсками, юго-западная – американскими. Район «Большого Берлина» должны были занять совместно вооруженные силы СССР, США и Великобритании. Северо-восточная часть «Большого Берлина» предназначалась для занятия советскими войсками.

Черчилль выступил лоббистом интересов Франции, вооруженные силы которой могли помочь держать Германию в узде после того, как США эвакуируют свои войска из Европы. Но Рузвельт не хотел допускать французов в структуры управления оккупированной Германией. В этом его поддержал Молотов, который педантично напомнил: «Имеется решение Европейской консультативной комиссии об участии в контрольном механизме в Германии только трех держав»¹. Однако «Большая тройка»

¹ Крымская конференция руководителей трех союзных держав. С. 68.

могла и пересмотреть это решение. Обсудив роль Франции со Сталиным, 7 февраля на встрече министров иностранных дел Молотов согласился пустить Францию в Контрольную комиссию по Германии, что уравнивало ее с победителями. Поскольку на ЕКК договорились о разделе Германии и Берлина на три зоны оккупации, «когда союзники предложили, что надо и французам дать зону, мы сказали: "Дайте за ваш счет; они ж не воевали". Ну, они выделили, а наша зона осталась неприкосновенной»¹, — вспоминал Молотов. Согласно протоколу, инициатива выделить зону для Франции за счет западных сотрудников принадлежала Черчиллю².

Обговорив принципы послевоенного передела мира, «Большая тройка» приняла наполненную благородными обещаниями «Декларацию об освобожденной Европе», которая провозглашала восстановление суверенных прав народов Европы, поработанных фашистами, и право великих держав совместно «помогать» этим народам укреплять свой суверенитет, создавая «демократические учреждения по их собственному выбору».

Камнем преткновения на переговорах в Ялте оставалась Польша, которой тоже нужно было «помочь» создать новую власть. Сталин и Молотов после отставки Миколайчика потеряли надежду на уступки со стороны эмигрантского правительства и позволили себе односторонние действия. Несмотря на предостережения Рузвельта, 31 декабря ПКНО был провозглашен Временным правительством Польши, которое было тут же признано Советским Союзом. Признать этот односторонний акт партнеры не могли.

Отсутствие договоренности по «вопросу о власти» в Польше могло привести к вооруженным столкновениям в тылу фронта. Правда, 19 января под советским давлением Армия краева была распущена, но часть ее бойцов ушла в подполье и готовилась к борьбе с СССР и коммунистами. Советские спецслужбы приступили к арестам подпольщиков, а затем и к расстрелам поляков.

Установление в Польше коммунистического режима, от имени которого будет заключено соглашение о ее новых границах, стало бы крупным поражением США и Великобритании. Они

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 80.

² Крымская конференция руководителей трех союзных держав. С. 65.

предпочли компромисс — создание на основе прокоммунистического Временного правительства более широкого Временного правительства национального единства. Этот порядок стал модельным и для других государств Восточной Европы. Но характер правительства зависел от того, кто там окажется в большинстве — просоветские или прозападные политики. Молотов настаивал: «...целесообразно вести переговоры о создании нового польского правительства на базе пополнения существующего польского правительства. Было бы неправильно игнорировать тот факт, что в Польше уже существует правительство и что оно находится в Варшаве. Это польское правительство пользуется огромным авторитетом в польском народе»¹.

Молотов предлагал сформировать польское правительство на основе выборов, но Иден подозревал, что проведенные под контролем коммунистов выборы не будут свободным волеизъявлением². Министрам по этому вопросу договориться не удалось. Разрубить Гордиев узел опять предстояло «Большой тройке». Молотов и здесь играл активную роль, возражая против международного наблюдения за выборами и тем возбуждая подозрения американцев в намерении навязать Польше коммунистический режим. В итоге сошлись на формуле: «Новое положение сложилось в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией. Это требует создания Временного Польского Правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобождения западной части Польши. Действующее ныне в Польше Временное Правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и политиков из-за границы»³.

Формирование польского правительства было доверено министрам иностранных дел трех держав. Было ясно, что от состава этого правительства могут зависеть итоги будущих выборов в Польше. Когда Стеттиниус предложил записать, что послы в Польше должны наблюдать за проведением выборов, Молотов ответил: «...такое предложение будет обидным для поляков»⁴.

¹ Там же. С. 150–152.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С. 250–251.

⁴ Там же. С. 177.

Для нынешних просоветских польских властей международный контроль действительно был неудобен.

«Большая тройка» подтвердила сдвиг территории Польского государства на Запад. Но эмигрантское правительство Арчишевского не склонно было с этим соглашаться, цепляясь за Львов и Вильно. Несогласие с решениями Ялтинской конференции ставило его вне процесса формирования нового правительства в Польше — к удовлетворению Сталина и Молотова.

Легче было решить вопрос о власти в Югославии, где 1 ноября 1944 года Тито и Шубашич подписали соглашение о создании регентского совета, где большинство составили выдвиженцы Тито, и о формировании объединенного правительства, опирающегося на созданное повстанцами Антифашистское вече национального освобождения Югославии (АВНОЮ). Британцы лишь настояли, чтобы АВНОЮ было пополнено депутатами довоенного сейма, а его решения должны были утверждаться потом Учредительным собранием. Формула, которая разрабатывалась для Польши, сработала в Югославии.

11 февраля 1945 года была достигнута секретная договоренность о том, что Советский Союз через два-три месяца после капитуляции Германии вступит в войну против Японии. Молотов перечислял Гарриману, что было отторгнуто Японией в 1905 году и нужно теперь вернуть. Вячеслав Михайлович присовокупил к списку исторических претензий и Курилы, причем без точного указания их границ. За обещание вступить в войну Гарриман мог обещать и больше — особенно если русские отвоюют все это своими силами. Соглашение, которое подписали Сталин, Рузвельт и Черчилль, предусматривало, что Советскому Союзу после победы над Японией должны быть переданы южная часть Сахалина и Курильские острова. Москва получала право вместе с Китаем на совместную эксплуатацию Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог, на обеспечение преимущественных интересов СССР в порту Дайрен (Далянь, Дальний) и восстановление аренды Порт-Артура как военно-морской базы СССР. Предусматривалось сохранение Монгольской Народной Республики (МНР), на территорию которой претендовал Китай. Характерно, что это соглашение, явно нарушавшее суверенитет союзного Китая, было заключено за его спиной.

В Ялте «Большая тройка» согласовала те принципы создания ООН, о которых не удалось договориться в Думбартон-Оксе. На радостях по поводу обещания Сталина атаковать Японию, Руз-

Иосип Броз Тито
1940-е
[Из открытых
источников]

вельт и Черчилль решили уступить с правом вето для постоянных членов Совета безопасности. Это должно было обеспечить Советскому Союзу более прочные позиции перед лицом «капиталистического окружения».

Если в Думбартон-Оксе СССР требовал права на вступление в ООН всех своих республик, то озвученные Молотовым в Ялте предложения были скромнее: «Советская делегация считает правильным и справедливым, чтобы три или, по крайней мере, две из советских республик находились в числе инициаторов международной организации. Речь идет об Украине, Белоруссии и Литве»¹. Эта идея изначально не нравилась Рузвельту, ведь США входили в ООН целиком, а не штатами. Но Черчилль лоббировал вступление в ООН доминионов. Статус Литвы был неясен, союзники не признавали ее присоединение к СССР. В результате договорились, что в ООН войдут наиболее пострадавшие от войны Украина и Белоруссия.

Руководители трех союзных держав договорились о созыве 25 апреля 1945 года в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций с целью подготовки устава международной орга-

¹ Крымская конференция руководителей трех союзных держав. С. 111.

низации безопасности. На конференцию приглашались государства, подписавшие декларацию Объединенных Наций 1 января 1942 года, и те страны, которые объявили войну Германии до 1 марта 1945 года.

Участники конференции приняли декларацию «Единство в организации мира, как и в ведении войны», где говорилось об их стремлении сохранить в предстоящий мирный период достигнутое в ходе войны единство действий. Для решения послевоенных проблем было учреждено «Совещание министров иностранных дел» (СМИД), которые будут регулярно собираться – раз в три-четыре месяца.

12 февраля Молотов провожал разъезжавшихся гостей в разрушенном Севастополе и на аэродроме в Саках. Основы послевоенного мира были определены. Он мог гордиться достигнутым. Хотя основные решения советской стороны принимал Сталин, Молотов с его упорством, педантичностью и большой технической работой служил вождем надежным тылом. Как руководитель дипломатической службы, он формировал ту атмосферу переговоров, которая была дружественной, несмотря на многочисленные разногласия. В основном их удалось разрешить, и забрезжила надежда на такой послевоенный мир, в котором державы-победительницы в согласии будут управлять человечеством через Организацию Объединенных Наций.

12. ФОРМИРОВАНИЕ СФЕР ВЛИЯНИЯ

Но как марксист-ленинец, Молотов помнил, что нации не могут быть объединенными, когда их разделяют классовые противоречия. Так что после Ялты Молотов много занимался обустройством будущей советской сферы влияния в Восточной Европе. Он обсуждал с Бенешем, приехавшим 19 марта в Москву, восстановление чехословацких границ на западе – с условием изъятия Закарпатья в пользу СССР. Большинство немцев и венгров с территории Чехословакии предстояло депортировать. «Процентная» политика Черчилля, так и не закрепленная в официальных соглашениях, трансформировалась в коалиционную: в странах Восточной Европы создавались правительства с участием коммунистов. Семь коммунистов вошли в созданное 28 марта чехословацкое правительство социал-демократа и посла в Москве Фирлингера.

7 марта Тито возглавил правительство Югославии, в котором Шубашич стал министром иностранных дел. Учитывая, что во-

оруженные силы были в руках Тито, это был благоприятный для Запада компромисс. Тем более, что между советскими и югославскими коммунистами наметилась напряженность. В конце 1944 года Тито и его соратники высказали претензии советскому командованию в связи со случаями насилия советских солдат против мирного населения. Вместо того, чтобы разобраться и наказать виновных, советский представитель все возмущенно отрицал. Тогда Джилас позволил себе фразу: «Наши враги используют это против нас и сопоставляют нападения солдат Красной армии с поведением английских офицеров, которые не участвуют в подобных эксцессах». Когда Джилас посетил Москву в составе югославской делегации в январе 1945 года, он столкнулся с негодованием советских лидеров по поводу его слов. При этом «Сталин и Молотов почти театрально разделили между собой роли в соответствии со своими склонностями: Молотов холодно долдонил о проблеме и оскорбленных чувствах, тогда как Сталин впал в трагический пафос»¹. Но в итоге Сталин «закрыл вопрос», ничего, впрочем, не забыв.

Визиты югославов сопровождались обильными возлияниями. Тито был утомлен беспощадным кремлевским гостеприимством: «Не знаю, что за чертовщина с этими русскими, что они так много пьют – полное падение!»² 11 апреля Молотов и Тито подписали в Кремле Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. 1 мая НОАЮ вошла в Триест, что вызвало возмущение союзников. Югославским партизанам пришлось отойти под обещание вернуться к вопросу о принадлежности Триеста. Сталин остался недоволен авантюризмом Тито³. Но в дальнейшем Молотов потратит немало сил для того, чтобы дипломатическими средствами завоевать Триест для Югославии.

С декабря 1944 года Сталин и Молотов обсуждали с югославскими и болгарскими представителями создание балканской федерации. Тито и его товарищи стремились к включению маленьких Болгарии и Албании в состав Югославии, а болгары настаивали на равноправном объединении. Сталин и Молотов отнеслись к этому проекту благожелательно, но считали, что воплощать в жизнь его можно будет только после заключения мирного договора с Болгарией, когда союзники, негативно на-

¹ Джилас М. Указ. соч. С. 102, 109–110.

² Там же. С. 133.

³ Пирьевец Й. Указ. соч. С. 209–210.

строенные в отношении этого проекта, потеряют право вмешиваться в ее дела. Кто бы мог подумать, что этот вопрос станет одним из камней преткновения в советско-югославских отношениях через три года...

В Румынии сразу после Ялтинской конференции начался острый политический кризис. Просоветский Национально-демократический фронт (НДФ), который возглавлял некоммунистический политик П. Гроза, выступил против правительства генерала Н. Радеску. Во время массовой демонстрации 24 декабря, в которой принимали участие люди с оружием, произошли вооруженные столкновения с войсками. Молотов направил в Румынию своего заместителя Вышинского, который потребовал от короля Михая, чтобы правительство возглавил Гроза¹, и 6 марта он стал главой коалиционного кабинета с участием коммунистов.

Британцы в своей сфере влияния тоже не стеснялись. Когда в ответ на попытку разоружения прокоммунистической Национально-освободительной армии Греции (ЭЛАС) 2 декабря 1944 года разразился правительственный кризис, и коммунисты вывели 3 декабря на улицы Афин своих сторонников, это также привело к кровавым столкновениям. Британцы вступили в бой с ЭЛАС, которые продолжались до 11 января 1945 года. В преддверии Ялтинской конференции Москва дала понять греческим коммунистам, что не будет поддерживать их вооруженную борьбу против англичан, и 12 февраля было подписано Варкизское соглашение о разоружении ЭЛАС в обмен на право коммунистов участвовать в выборах.

Союзники смотрели на советское самоуправство на востоке Европы как на неизбежность, но считали, что советские партнеры тоже не должны обижаться, если США и Великобритания претендуют на свободу рук в Западной Европе. 12 марта союзники сообщили, что 8 марта в Берне представитель американской разведки А. Даллес встретился с руководителем СС в Италии К. Вольфом и обсуждал с ним возможность капитуляции германских войск на Аппенинах. Вольф подавал в Берлине бернские переговоры как провокацию, направленную на обман союзников. Однако он мог играть и свою игру, сообщая партнерам больше информации, чем знали в Берлине. Также он освободил

¹ Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946: Документы из российских архивов. М., 1998. С. 100.

*Петру Гроза
1940-е
[Из открытых
источников]*

видного антифашиста Ф. Парри, который после войны возглавил правительство Италии.

Молотов не возражал против этих переговоров, но только с участием советских представителей. Однако 15 марта Кэрр и Гарриман заявили, что контакты в Швейцарии носят предварительный характер, поэтому подключение советской стороны будет неуместно. Их мотивы понятны: речь шла о сепаратной капитуляции в Италии, что позволило бы британско-американским войскам быстро выйти в Южную Германию. Вольф прервал бы контакт при появлении представителей СССР, и это сорвало бы всю игру. Получив отказ, Молотов, естественно, расценил это как нарушение договоренностей и потребовал прекратить сепаратные переговоры. Однако 19 марта в городке Аскона в Италии состоялась новая встреча. Молотов заявил Гарриману о недопустимости таких переговоров, но Рузвельта и Черчилля это не остановило. Сталин и Молотов продолжили получать информацию о продолжении контактов от своих «штирлицев». Ну хорошо же...

Если Вольф планировал ухудшить отношения между союзниками, ему это удалось. Первоначально 13 марта главой советской делегации в Сан-Франциско был утвержден Молотов, но затем уровень руководства был понижен до посла Громыко.

Без явственной поддержки СССР ООН не могла приобрести необходимый авторитет. 25 марта в Москве читали послание Рузвельта: «Если г-н Молотов будет отсутствовать, то конференция лишится весьма многого». Пришлите Молотова хотя бы на ее начало. Сталин с издевкой ответил: «Я и В.М. Молотов крайне сожалеем об этом, но созыв по требованию депутатов Верховного Совета в апреле Сессии Верховного Совета СССР, где присутствие В.М. Молотова совершенно необходимо, исключает возможность его участия даже в первых заседаниях конференции»¹. Вот такой всплеск демократии мешает наркомун принять участие в открытии конференции Объединенных Наций. Вряд ли Рузвельту такой повод показался убедительным. В Вашингтоне и Лондоне хорошо знали об отсутствии самостоятельного мнения у заседающих в Москве депутатов.

Похолодание в отношениях между союзниками не мешало публичной демонстрации дружественных отношений. 2 апреля в Москву во главе делегации британского комитета «Фонда помощи России» прибыла супруга Черчилля Клементина. Поскольку Сталин был холост, в роли советской «первой леди» выступила Жемчужина, встречавшая Клементину в аэропорту.

СССР не отказывался и от выполнения ялтинских обещаний. 5 апреля Молотов заявил японскому послу Сато о денонсации пакта о ненападении.

Пытаясь погасить недовольство Сталина переговорами в Швейцарии, Рузвельт 12 апреля направил ему письмо: «Благодарю Вас за Ваше искреннее пояснение советской точки зрения в отношении бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблек и отошел в прошлое, не принеся какой-либо пользы. Во всяком случае, не должно быть взаимного недоверия и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать в будущем»². Это был один из последних документов, подписанных Рузвельтом – в тот же день он умер. Гарриман сообщил об этом Молотову, когда в Москве была ночь, и нарком тут же отправился в американское посольство с соболезнованиями – вполне искренними.

Вячеслава Михайловича с Франклином Делано связывали не только официальные, но и личные отношения, яркие воспомни-

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании... Т. 2. С. 210, 213.

² Там же. С. 228–229.

нения о пребывании в США, о доверительных беседах, не предназначенных для ушей Черчилля, о теплом прощании в Крыму. По словам Гарримана, Молотов «казался глубоко тронутым и опечаленным... Он говорил о той роли, что сыграл Рузвельт в войне и планах о мире... Я никогда не видел, чтобы Молотов говорил так убежденно»¹. В беседе со Сталиным Гарриман попросил прислать в США Молотова, чтобы он познакомился с новым президентом Г. Трумэном и все же принял участие в учредительной конференции ООН в Сан-Франциско. Отказать в этих условиях было невозможно, и Сталин согласился. Молотов отправился за океан.

13. РОЖДЕНИЕ ООН

На этот раз советская делегация во главе с Молотовым полетела безопасным маршрутом через Сибирь. В 1942 году Сталин и Молотов считали, что сначала нужно встретиться с более серьезным игроком Черчиллем, а потом уже с загадочным далеким Рузвельтом, и Молотову пришлось предпринять рискованный перелет на Запад. Теперь такой необходимости не было, Рузвельт переместил США в самый центр мировой политики. Но он умер, и Молотова ждал новый загадочный американский президент.

19–22 апреля советская делегация перелетела из Москвы в Вашингтон. В это время советские войска приступили к штурму Берлина.

Первая встреча Молотова с Трумэном была любезной. Правда, он уже на первой встрече предупредил Молотова, что предстоят споры о Польше: решение польского вопроса будет символом дальнейшего сотрудничества между США и Советским Союзом. Это звучало как условие. Молотов в ответ шутливо предложил союзникам «не обижать советскую сторону»². Этих, пожалуй, обидишь. Новому президенту хотелось поскорее занять место в «Большой тройке». Говорили о встрече со Сталиным, за которого Трумэн поднял тост. Но было ясно, что до новой встречи нужно добить Гитлера.

¹ Цит. по: Робертс Дж. Указ. соч. С. 120.

² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 367–368.

На следующий день на новых переговорах с Молотовым Трумэн «взял быка за рога» в польском вопросе, потребовав неукоснительного соблюдения Ялтинских договоренностей. Трумэн самоутверждался, говорил резко и по-простецки, а в какой-то момент стал просто отчитывать Молотова как подчиненного. Как рассказывал Громыко, Молотов запротестовал, заявил, что с ним никто так не разговаривал, на что Трумэн «срезал»: «Выполняйте подписанные вами соглашения, и с вами так не будут разговаривать». В разгар спора Трумэн вдруг встал и попрощался, прервав разговор¹. Такой политический стиль, резко контрастировавший с дружелюбием Рузвельта, произвел на Молотова неприятное впечатление, а Трумэн после этой встречи сказал: «Если русские не хотят присоединяться к нам, то пусть идут к черту»².

Неминуемое охлаждение пока что никак не проявлялось в публичном пространстве. В Сан-Франциско Молотова ждала триумфальная встреча. Настроение американской публики и прессы в предвкушении события было восторженным, СССР был популярен. Молотов раздавал автографы, толпа ему аплодировала.

Торжественное открытие учредительной конференции ООН состоялось 25 апреля. На следующий день на первом пленарном заседании к делегатам обратился Молотов. Он говорил о кошмаре еще не закончившейся войны, о массовых убийствах детей, женщин и стариков, о военных преступлениях агрессоров, которые ради своих идей национального господства были готовы уничтожать мирных жителей, их культуру и «непокорных культурных деятелей», разрушать города и села, губить хозяйственную жизнь целых народов, и «обо всем этом нельзя забыть». Такое не должно повториться, правители должны нести ответственность «за будущее миролюбивых народов после окончания этой войны». Молотов вспомнил «великое имя президента Франклина Рузвельта», указав, таким образом, Трумэну, у подножья какого памятника он стоит. Молотов также напомнил о печальном опыте Лиги Наций, которая не смогла остановить войну, во многом потому, что «голос Советской республики не был выслушан с должным вниманием». Этот опыт был недавним –

¹ Млечин Л.М. Андрей Громыко. Дипломат номер один. М., 2021. С. 164.

² Путь к Великой Победе. С. 707.

меньше десятилетия назад, и сидевшие в зале помнили, конечно, о сложной роли СССР в предвоенных событиях, трактуя ее не так однозначно, как Молотов. В своей речи он сформулировал условия успеха ООН: «Дело идет о создании международной организации, которой должны быть предоставлены определенные права по охране интересов всеобщего мира. Такая организация должна иметь и некоторые необходимые средства военной защиты безопасности народов.

Только при наличии таких предпосылок, когда нарушение мира или угроза такого нарушения не будут безнаказанными и проведение соответствующих мер наказания не будет слишком запоздалым, организация безопасности сможет нести ответственность за дело мира»¹. Сколько еще будет войн после этого при жизни Молотова! Сколько их было после его смерти на наших глазах! Сколько их еще будет? Но та конференция, в том числе устами Молотова, ставила благородную гуманистическую цель мира во всем мире. Эта цель остается важным критерием, который позволяет судить о мере зла в правителях мира сего.

Но был ли Молотов искренен? Ведь он не мог не понимать, что право вето, жестко отстаиваемое советской делегацией, парализует «соответствующие меры наказания», если источником агрессии будет одна из великих держав и даже кто-то из их союзников. Кто после разгрома Германии и Японии сможет бросить вызов одновременно и СССР, и США, и Великобритании, и Франции, и Китаю? Зачем городить огород ради такой невероятной ситуации? Значит, создаваемый механизм не сможет предотвратить военные конфликты, вызванные неизбежными в будущем противоречиями великих держав. Смысл создания ООН в обстановке середины XX века был в другом – возродить усовершенствованную Лигу Наций как переговорную площадку для согласования интересов великих держав и высказывания мнений и просьб государств, которые не входят в этот клуб мировой олигархии, закрепленный в уставе ООН. Эти две задачи были взаимосвязаны – великие державы должны были обзавестись клиентелой, чтобы малые государства усиливали их по-

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 5: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско. 25 апреля – 26 июня 1945 г. М., 1980 (далее – Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско). С. 122–124.

зицию. И в этом коллекционировании союзников СССР пока заметно проигрывал.

При обсуждении состава учредителей ООН камнем преткновения снова стала Польша. Молотов доказывал, что существующее Временное правительство может направить своих представителей в ООН. На Западе же его считали марионеткой Кремля.

В то же время южноамериканские страны выступили за приглашение в ООН Аргентины, которая разорвала отношения с Германией только в январе 1944 года, а войну так и не объявила до начала конференции ООН (она сделала это только ради принятия в ООН 27 марта 1945 года). Молотов возмущался: «Подумайте о следующем: что получится, если мы второпях, не поразмыслив серьезно, пригласим на эту конференцию Аргентину, помогавшую во время войны фашистам – нашим врагам, и не пригласим Польшу, союзную страну?» В Аргентине – режим, который Молотов считал фашистским, притом, что «Польское правительство является демократическим правительством»¹.

Право Польши на членство в ООН никто не отрицал. Но в Ялте договорились создать новое польское правительство, которое будет признано и СССР, и Западом, чего пока не произошло. За предложение Молотова проголосовали 7 стран, за принятие Аргентины – 31. Сказалась латиноамериканская солидарность. В итоге была принята формула П.-А. Спаака, по которой условием участия Польши в ООН является «образование Польского правительства, признанного государствами-инициаторами»².

На вечернем заседании 28 апреля председательство перешло к Молотову, который обратился к участникам как «сотоварищам-делегатам». Ход дискуссий был внезапно прерван сообщением о капитуляции нацистов. Зал взволновался, но ликовать было рано: Молотов сообщил, что известие о капитуляции официально не подтверждено, и обсуждение продолжилось³.

Подводя 7 мая итог первой части работы конференции, Молотов с удовольствием отметил единодушие, которым были встречены советские поправки в устав ООН, где «теперь специально сказано о соблюдении принципов справедливости и международного права. Здесь сказано также о необходимости уважения

¹ Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско. С. 182.

² Там же. С. 330.

³ Там же. С. 177.

принципов равноправия и самоопределения народов, чему Советский Союз всегда придавал первостепенное значение. К принципам равноправия и самоопределения народов, провозглашаемым Международной организацией безопасности, будет привлечено особое внимание жителей колоний и подмандатных территорий, что поможет столь необходимому ускорению осуществления этих великих принципов. Кроме того, в главе “Цели” теперь сделано указание о поощрении уважения прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, языка, религии и пола. Такая программа несовместима с участием фашистских стран в организации международной безопасности»¹. Последняя ремарка относилась к Испании и Португалии.

8 мая Молотов устроил прием в честь представителей Украины и Белоруссии, ставших соучредителями ООН. Д. Мануильского и К. Киселева чествовали представители США, Великобритании и других соучредителей организации, в число которых были приняты две советские республики, но пока не Польша.

14. ПОБЕДНЫЙ ТРИУМФ

25 апреля советские и американские войска встретились на реке Эльба в районе Торгау. Окружив Берлин, Красная армия начала его штурм. 30 апреля Гитлер покончил с собой. 2 мая остатки берлинской группировки противника капитулировали. Итальянская группировка германских войск капитулировала еще 29 апреля. 9 мая советские войска взяли Прагу, добив последние крупные силы нацистов, которые еще оказывали сопротивление. 7 мая в Реймсе был подписан акт о капитуляции, но форма его подписания не устроила Сталина, и в ночь с 8 на 9 мая в пригороде Берлина Карлсхорст был подписан окончательный Акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Получив сообщение о капитуляции врага, Молотов выступил на радио Сан-Франциско: «В день разбойничьего нападения Германии на Советский Союз Советское правительство заявило: “Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!” Мы этого добились в долгой и тяжелой борьбе. Вместе с нашими демократическими союзниками мы победоносно завершили освободительную войну в Европе»².

¹ Там же. С. 424.

² Молотов В.М. Вопросы внешней политики. М., 1948. С. 19–20.

В обстановке всенародного триумфа Сталин решил, что его верному соратнику негоже оставаться вдали от Родины. 24 мая Молотов вел торжественный прием в Кремле в честь Победы. Это был один из самых счастливых дней в его жизни, если не самый счастливый. Вячеслав Михайлович провозглашал тост за тостом: за советские вооруженные силы, за отдельных полководцев, за партию Ленина – Сталина, за нашего президента Калинина, за ГКО и за самого Сталина – всего более 30 тостов. Один был посвящен Польше, и сидевшая в сторонке польская делегация была приглашена ко столу президиума, где исполнила хором национальную заздравную песню.

Сталин в свою очередь произнес здравицу Молотову: «Хорошая внешняя политика иногда весит больше, чем две-три армии на фронте... Выпьем за нашего Вячеслава!» В завершение приема Сталин произнес знаменитый тост «за здоровье нашего советского народа и прежде всего русского народа», где назвал именно его, а не партию «руководящей силой Советского Союза». Сталин признал ошибки советского руководства в начале войны, за которые другой народ мог отказать в доверии своим правителям. А русский народ советских руководителей поддержал. «Вот за это доверие нашему Правительству, которое русский народ нам оказал, спасибо ему великое!» Характерно, что Сталин считает, что за ошибки его простил именно русский народ, а не украинский, грузинский или какой-то другой из народов СССР. «За здоровье русского народа!», – воскликнул Сталина под бурные аплодисменты. Когда хмельные гости разошлись, Сталин и Молотов, несмотря на обилие выпитого, продолжили работать.

Молотов редактировал сообщение о мероприятии, а Сталин трудился над текстом финальной речи – они были опубликованы на следующий день. Поправил Сталин и финал тоста, сделав его менее эмоциональным и более концептуальным: «Это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!»¹ Эта речь показала, насколько далеко зашла официальная идеология от интернационального коммунизма к русскоцентричному патриотизму. Идеология ВКП(б) оставалась коммунистической, но теперь уже – национал-ком-

¹ Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 1. М., 2011. С. 335–368.

мунистической. И вскоре выяснится, что национал-коммунизм может быть не только русский или украинский, но и польский и югославский, что станет важной проблемой для Сталина и Молотова в ближайшие годы.

24 июня Молотов стоял со Сталиным на трибуне Мавзолея во время Парада Победы. А внизу к Мавзолею швыряли поверженные нацистские знамена.

Помимо внешнеполитических Молотов продолжал заниматься и внутренними делами страны, где намечался переход от войны к миру. 7 июля по записке Молотова и Берия было принято решение освободить по амнистии в честь Победы более 680 тысяч заключенных¹.

Но расслабляться было рано: советские войска срочно перебрасывались на Дальний Восток, чтобы помочь союзникам разгромить Японию; предстояла еще одна конференция «Большой тройки», где будут подведены итоги войны. Это будет не простое обсуждение. 12 мая Черчилль писал Трумэну о советских партнерах: «На их фронт опустился железный занавес»². После разгрома фашизма коммунисты снова все больше воспринимались на Западе как враждебная сила, отрезающая народы от «свободного мира» своим железным барьером. Разногласий между союзниками оставалось множество. Нужно было договариваться и о ситуации на Дальнем Востоке, и о порядке голосования в ООН, и по польскому вопросу.

12 июня Молотов, Гарриман и Керр наконец договорились о формировании польского правительства. 28 июня было объявлено, что его главой останется Осубка-Моравский, а вот первым вице-премьером стал Миколайчик, что удовлетворило западных лидеров. Ведь Миколайчик был самым известным политиком польской эмиграции. Объединенное правительство было признано союзниками и получило право представительства в ООН. Но большинство в нем осталось за просоветскими деятелями. Это было важным успехом советской внешней политики, Молотову удалось додавить союзников, чтобы они согласились на такое польское правительство.

На волне советского триумфа Молотов попытался продвинуть и некоторые важные вопросы, замороженные войной с Германией. 7 июня 1945 года он встретился с турецким послом С. Сар-

¹ В штабах Победы. 1941–1945. Кн. 5. С. 452.

² Путь к Великой Победе. С. 798.

пером и поставил вопрос о пересмотре советско-турецкого договора, которым СССР «был обижен в территориальном вопросе», что предполагало возвращение Карса и Ардагана; а также о «совместной обороне» Босфора и Дарданелл¹. Раз теперь СССР возвращает российские территории, потерянные в 1905 году, почему бы не замахнуться и на то, что было потеряно в 1918 году? Но Турция уступать не собиралась. Эта тема получила развитие как на Потсдамской конференции, так и после завершения Второй мировой войны.

Все эти многочисленные проблемы развития послевоенного мира предстояло обсудить в Потсдаме, где «Большая тройка» собиралась в новом составе.

15. ПОТСДАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И РАЗГРОМ ЯПОНИИ

Сталин и Молотов сели в поезд, заполненный дипломатами и военными, и двинулись по маршруту, памятному Молотову с 1940 года – на Берлин. 15 июля Сталин и Молотов посетили разрушенный Минск. Затем перед окнами проплывали картины Германии, разоренной войной. Месть судьбы за надежды большинства немцев на процветание в результате агрессии и покорения других народов. Но за что гибель и разорение пришли в советские дома?

16 июля Сталин, Молотов и другие члены советской делегации разместились в Потсдаме в особняке на Кайзерштрассе. Президент США Трумэн был новой звездой «Большой тройки». С ним Сталин и Молотов встретились 17 июля. Затем во дворце Цецилиенхоф открылась конференция. По предложению Трумэна был учрежден Совет министров иностранных дел (СМИД) из представителей СССР, США, Великобритании, Китая и Франции, который должен был разработать проекты мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией и Венгрией и предложения по разрешению территориальных вопросов в Европе. Союзники требовали применить польский опыт в отношении восточноевропейских государств, потерпевших поражение, и реорганизовать их правительства с участием достаточного количества представителей довоенных некоммунистических партий. Только с такими правительствами можно подписывать мир.

На встрече министров иностранных дел 18 июля в компетенцию СМИД была включена подготовка мирного урегулирова-

¹ Гасанлы Дж. СССР – Турция: Полигон холодной войны. Баку, 2005. С. 151.

И.В. Сталин, Г. Трумэн и В.М. Молотов на Потсдамской (Берлинской) конференции

Июль 1945

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1697. Л. 33]

ния для Германии. Молотов договорился о том, что и встречи министров иностранных дел трех основных победителей будут продолжаться.

Сталин и Молотов обсудили с Трумэном, как им лучше взаимодействовать с искавшей посредничества СССР Японией, чтобы в Токио не заподозрили советскую армию в подготовке к нападению. Конечно, в Токио не могли не испытывать таких подозрений, но до поры до времени следовало оставлять японцам надежду на сохранение советского нейтралитета.

Как бы между делом Трумэн сообщил Сталину об испытании атомной бомбы. Молотов вспоминал, как американский президент в ходе конференции сообщил им о бомбе: «Трудно за него сказать, что он думал, но мне казалось, он хотел нас ошарашить. А Сталин очень спокойно к этому отнесся. И Трумэн решил, что тот ничего не понял. Не было сказано “атомная бомба”, но мы сразу догадались, о чем идет речь»¹. В.А. Никонов считает, что «фактор бомбы сыграл огромную роль в Потсдаме: поддержка

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 81.

СССР в войне с Японией становилась не обязательной»¹. Это все же преувеличение. Бомба могла немного напугать японское руководство, но она не была способна уничтожить все японские укрепления и тем более что-то сделать со стратегическими резервами империи в Маньчжурии. Одержатъ быструю победу над Японией можно было только с помощью СССР.

26 июля Трумэн, Черчилль и Чан Кайши выдвинули ультиматум Японии, потребовав безоговорочной капитуляции. Советская сторона была поставлена перед фактом.

Конференция увязла в дискуссиях: с Трумэном Сталину было тяжелее договариваться, чем с Рузвельтом – к удовлетворению Черчилля. Не достигнув соглашения, тему передавали на проработку министрам иностранных дел. А Молотов не мог принять решение без одобрения Сталина.

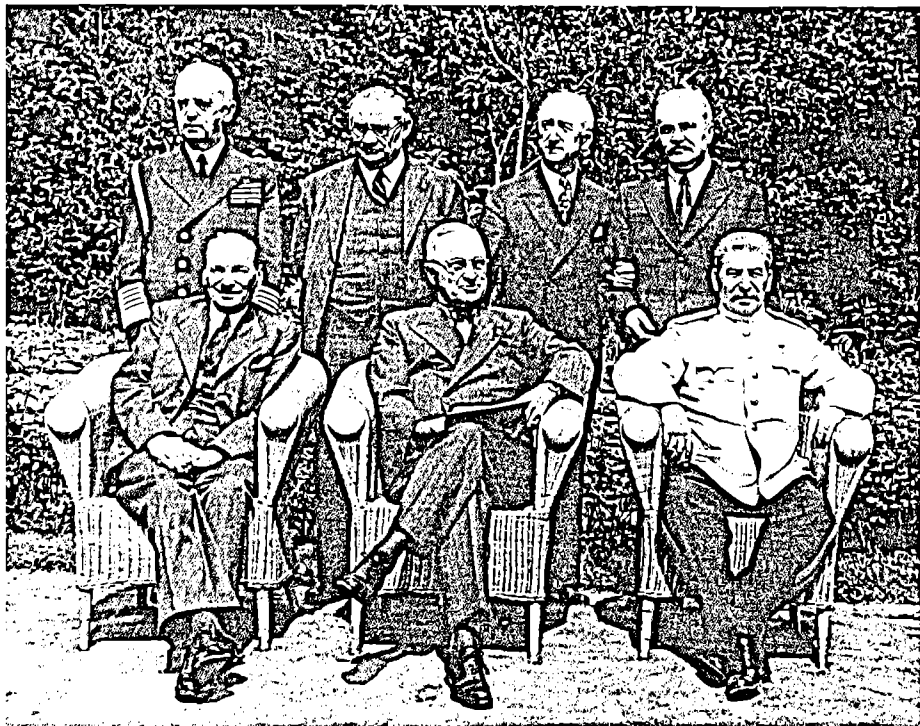
Новым вопросом, где наметился конфликт, оказалась Северная Африка. Развивая агитационную кампанию против колониализма, СССР в то же время стал зондировать передачу под опеку СССР Ливии или хотя бы ее части Триполитании. Это было новой темой для партнеров – советская игра в Африке только начиналась. Первоначально реакция государственных секретарей США Стеттиниуса и Бирнса на эти колониальные притязания СССР была благожелательной². 22 июля Молотов официально выдвинул претензию СССР на часть бывших итальянских колоний. Советский нарком также заявил, что «в некоторых частях мы считаем границу между СССР и Турцией несправедливой». Речь шла об областях Карса, Артина, Ардогана. Молотов снова поднял и вопрос о Черноморских проливах. Ведь по конвенции Монтрё «Советского Союза в Черноморских проливах такие же, как права японского императора»³.

В 1940 году Молотову не удалось договориться с Гитлером о совместном давлении на Турцию. Теперь он попытался решить эти вопросы вместе с новыми партнерами. Тем более, что армян-

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 213.

² Гайдук И.В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. М., 2012. С. 258.

³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 6: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США, Великобритания (17 июля – 2 августа 1945 г.). М., 1984 [далее – Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав]. С. 136.

К. Эттли, Г. Трумэн и И.В. Сталин на Потсдамской конференции

28 июля – 2 августа 1945

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1697. Л. 2]

ский народ принял активное участие в борьбе с фашизмом, а турецкий – нет. Но и на этот раз территориальные претензии СССР к нейтральному (а с 23 февраля 1945 года и союзному) государству не вызвали понимания партнеров. Черчилль при поддержке Трумэна выступал за регулирование плавания через Черноморские проливы тремя великими державами. Молотова это совершенно не устраивало – Черное море следовало запретить для нечерноморских держав. Он парировал: «А как регулируется проход через Суэцкий канал, применяется ли к нему тот же принцип»¹.

¹ Там же. С. 175.

В острых дискуссиях Молотов, которым тактично руководил Сталин, отстоял продвижение польской границы до Одера, а для СССР – присоединение северо-восточной Пруссии с Кенигсбергом. В 1946 году здесь будет создана Калининградская область.

На этом наступила пауза – Черчилль должен был вернуться в Великобританию, где 26 июля объявлялись итоги выборов. Премьер-министр надеялся вернуться в Потсдам в ближайшие дни. Ведь он доказал свое право считаться величайшим из британцев по крайней мере в XX веке – как победитель в самой страшной войне. Однако британцы устали от его авторитарного стиля, уместного во время войны, но не мира.

В качестве британского премьера 28 июля в Потсдам прибыл лидер победивших на выборах лейбористов К. Эттли. Вместо утонченного Идена новым министром иностранных дел стал бывший профсоюзный вождь Э. Бевин, отличавшийся дипломатической неопытностью, неотесанностью и агрессивностью. Молотов вспоминал о нем, как о человеке «враждебном». «Иден, помощник Черчилля, слишком мягкотелый, слишком деликатный и довольно беспомощный. Иден, конечно, мне больше нравился. С Иденом можно было ладить. А с Бевинем – этот такой, что невозможно»¹.

После приезда Эттли «Большая тройка» некоторое время не могла встретиться из-за болезни Сталина, но Молотов использовал паузу, чтобы договориться с Трумэном о важном принципе получения репараций – СССР они достанутся не только с его зоны оккупации, но из Рура, занятого союзниками. Обсуждение этой темы продолжилось в полном составе 31 июля. Сталин и Молотов требовали определения и точных процентов советской доли репараций в оккупационных зонах союзников. Но с Бевинем этот вопрос не был согласован, и он дебютировал жестко, «по-рабочему» оспаривая советские требования.

Проблему репараций пришлось перенести на будущие заседания СМВД. Ради успешного завершения конференции союзники все же согласились с советскими предложениями по восточной границе Германии. Данциг и территория до Одера и Западной Нейсе передавалась под управление Польши немедленно, не дожидаясь мирной конференции, что предопределяло решение вопроса о ее границах. Судьба Германии была определена на основе предыдущих тегеранских и ялтинских реше-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 75.

ний. Она была разделена на зоны оккупации под управлением командующих оккупационными силами при сохранении некоторых форм центрального немецкого аппарата. Решили, что Германия будет денацифицирована, демилитаризована, демополизована и демократизирована. Сумму репараций не определили, но решили, что каждая держава берет их со своей зоны оккупации, причем Запад добавляет 25 % изъятого оборудования Советскому Союзу, из которых 15 % должны компенсироваться сырьем. Поделили и германский флот¹.

Итогом последнего заседания последней конференции «Большой тройки» стало заявление о судьбе бывших европейских союзников Германии. Их полноправное положение предстояло восстановить после заключения мирных договоров. В ночь на 2 августа конференция завершилась. С этого дня пошел обратный отсчет времени до советского удара по Японии.

В пять вечера 8 августа Молотов вызвал японского посла Сато и заявил о вступлении СССР в войну против Японии. Как и в случае с Шуленбургом на прощание Молотов и Сато пожали друг другу руки в знак личного уважения. 9 августа советские войска перешли в наступление с территории МНР, Забайкалья, Приамурья и Приморья, охватывая Маньчжурию дугой. 10 августа Япония заявила о готовности капитулировать при условии сохранения императорской власти. Для Трумэна это была манна небесная, и он готов был согласиться, но Молотов сообщил союзникам, что советское наступление продолжится – ведь пока капитуляция не безоговорочная. – Вы не посоветовались с нами, когда 26 июля выдвинули требование безоговорочной капитуляции Японии. Вот теперь мы и будем ее добиваться. Сталин и Молотов не торопились с завершением войны – Красная армия должна была успеть нанести поражение Квантунской армии и занять как можно больше территории. Император Хирохито заявил о капитуляции Японии 15 августа, но японские войска сопротивление сразу не прекратили. Только 16 августа Ямада подписал приказ о капитуляции. К этому времени советские войска, преодолев хребет Большой Хинган, вышли в стратегические тылы Квантунской армии, так что дальнейшее сопротивление стало бессмысленным. Советские войска заняли Маньчжурию. Советские десанты высадились на Куриль-

¹ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав. С. 435.

ских островах и в Северной Корее. С боями был занят Южный Сахалин.

Сталин высказал претензию на север японского острова Хоккайдо, которую Трумэн категорически отклонил. Советская и американская зоны оккупации в Корее разделялись по 38-й параллели.

14 августа СССР подписал с Китаем Договор о дружбе и союзе. Еще перед поездкой в Потсдам с 30 июня по 14 июля Сталин и Молотов вели трудные переговоры с главой правительства Китая Сун Цзывэнем и министром иностранных дел Ван Шичзе, требуя признания МНР, передачи Советскому Союзу Китайской Чанчуньской железной дороги (КЧЖД, бывшей КВЖД и ЮМЖД), Порт-Артура и Даляня. В августе удалось договориться о совместной эксплуатации железной дороги, 30-летней аренде и совместном управлении Порт-Артуром и Далянем. Государство Маньчжоу-Го ликвидировалось, Китай изъявил готовность признавать МНР, СССР гарантировал невмешательство во внутренние дела Китая и вывод войск после победы над Японией со всей его территории, кроме Порт-Артура.

2 сентября в Токийском заливе на борту американского линкора «Миссури» представители Японии подписали Акт о капитуляции. Вторая мировая война завершилась. Но вскоре бои в Китае и Юго-Восточной Азии возобновятся. И Молотову придется разгребать обломки послевоенного мира, укрепляя здание СССР и подступы к нему. Но он уже сделал главное в своей жизни – внес огромный вклад в победу СССР и его союзников над диктатурами, одержимыми стремлением к национальному господству одних народов над другими.

ГЛАВА IX

ТУЧИ СТУЩАЮТСЯ (1945–1953)

Вячеславу Михайловичу вспомнилось, как в раннем детстве родители с волнением обсуждали кончину Якова Евсеевича Небогатикова. Смерть хозяина — повод для волнений приказчика. Как там сложится жизнь после него? Но ничего, отец неплохо устроился и при новых хозяевах. А он, Молотов, теперь, выражаясь капиталистическими категориями, не приказчик, а партнер дела, может быть — и главный партнер. Да, не успел с ним покончить его грозный друг. Как там Полина, когда удастся ее вызволить? Теперь уж скоро. Будут сегодня поздравлять с днем рождения — подниму этот вопрос. Но не это главное — нужно поскорее выправить внешнеполитический курс. А то наломали дров во время его опалы... Взойдя на трибуну Мавзолея, он стал прокручивать в голове свою траурную речь о постигшем их горе.

I. МИРОСТРОИТЕЛЬ

Завершение войны — возможность расслабиться для миллионов людей. Больше им не угрожает ежедневная игра со смертью, закончен тяжкий солдатский труд и даже на службе можно внутренне «демобилизоваться». Ликуют и труженики тыла, ждут воссоединения семей и счастливой мирной жизни. В иерархии начальников и в кругах интеллигенции — тоже надежды на послабление тяжелого военного (да и предвоенного) ритма жизни. Сделали большое дело, теперь можно жить и работать размереннее. Никогда еще страна не имела такого влияния в мире, никогда

еще не была охвачена таким ощущением счастья и братства, имя которому – Победа. Молотов наряду со Сталиным и маршалами был среди главных триумфаторов. А тут еще Сталин стал поговаривать, что пора на пенсию: «Пусть Вячеслав поработает!»¹

С ликвидацией ГКО 4 сентября 1945 года власть снова вернулась к гражданским структурам – Политбюро и Совету народных комиссаров, первым заместителем которого был Молотов. Также он возглавлял Оперативное бюро СНК по вопросам работы наркоматов и ведомств обороны, военно-морского флота, сельского хозяйства, продовольствия, торговли, финансов, здравоохранения, образования и культуры. Узкий состав наиболее влиятельных членов Политбюро и Бюро Совнаркома по воле Сталина входил во внеуставной орган («четверка», «шестерка», «семерка» и т. п.), который имел право принимать решения от имени Политбюро. Само Политбюро в 1947–1952 годах собиралось лишь 13 декабря 1947 года и 17 июля 1949 года. С осени 1945 года, возможно, после инсульта, здоровье Сталина ослабло, и 3 октября он отправился в долгосрочный отпуск к морю. Однако вождь продолжал контролировать ситуацию и ревниво реагировать на принятие решений, которые не были с ним согласованы.

Молотову предстояли новые большие дела на ниве внешней политики. Дух Ялты обещал сотрудничество великих держав с различным общественным строем, но после войны между ними развернулась борьба за сферы влияния, по драматизму и остроте не уступавшая предвоенной напряженности. Теперь было не до процентных соотношений – весь мир должен был разделиться на тех, кто живет по закону доллара или по указаниям Москвы.

Первая сессия СМВД началась в Лондоне 11 сентября 1945 года. Молотову противостояли Государственный секретарь США Дж. Бирнс, министры иностранных дел Великобритании Э. Бевин, Франции Ж.-О. Бидо и Китая Ван Шицзе. Молотов настаивал на соблюдении согласованного в Потсдаме принципа, в соответствии с которым при выработке мирных договоров «Совет будет состоять из членов, представляющих те государства, которые подписали Условия Капитуляции, продиктованные тому вражескому государству, которого касается данная задача»². Но это оставляло на периферии конференции Францию и Китай.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 86.

² Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав. С. 449.

*Джеймс Ф. Бирнс
1940-е
[Из открытых
источников]*

которые подписывали лишь некоторые из договоров о капитуляции. Франция и Китай просто покинули бы конференцию, если им не давать слово по всем вопросам. Молотову пришлось согласиться на изменение формата и продолжить обсуждение в составе пятерки. Сталин счел это ошибкой, так как СССР оказался в очевидном меньшинстве. Сталин даже перешел на «Вы»: «Следуйте решениям Потсдама об участии только вовлеченных государств...» Молотов признал ошибку: «Признаю, что сделал крупное упущение. Настою на немедленном прекращении общих заседаний пяти министров... Так, конечно, будет лучше, хотя это и будет крутой поворот в делах Совета министров»¹. В ответе чувствуется обеспокоенность Молотова последствиями такого ограничения прав Франции и Китая.

На повестке дня стояла тема мирных договоров, прежде всего, с бывшими союзниками Германии. Отношения трех ведущих держав-победительниц к ним зависело от того, кто там будет находиться у власти. Во всех этих странах возникли коалиции с участием коммунистов. Но если в Италии и Венгрии домини-

¹ Печатнов В. «Союзники нажимают на тебя для того, чтобы сломить у тебя волю...» (Переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро по внешнеполитическим вопросам в сентябре – декабре 1945 г.) // Источник. 1999. № 2. С. 73–74.

ровали некоммунистические партии, то в Румынии и Болгарии правительства были прокоммунистическими.

Союзники не признали февральскую смену власти в Румынии, что делало невозможным заключение с ней мирного договора. Для признания правительства Румынии требовалось включить в него представителей влиятельных довоенных партий – национал-либеральной и национал-царанистской (крестьянской). Союзники настаивали на своем праве влиять на состав правительств Болгарии и Румынии. В принципе, они стремились к применению такой же модели, как в Польше, но Молотов с этим не соглашался, не желая приравнивать советские права в Польше, с одной стороны, и в Румынии и Болгарии – с другой. А если западные партнеры не признают советскую сферу влияния на Балканах, то Молотов может поставить вопрос о советских правах в Греции, где коммунистов притесняют британцы и зависимое от них королевское правительство. Ситуация зашла в тупик настолько, что Молотов и Сталин обсуждали возможность отдельного заключения мирного договора союзниками с Италией без СССР, и СССР с Румынией, Болгарией и Венгрией без участия союзников¹.

Ситуацию обостряли и претензии СССР на бывшую итальянскую колонию Триполитанию в Ливии. По мнению Бирнса, Италия не выполнила своих обязательств подготовить колониальные народы к независимости, поэтому бывшие итальянские колонии должны перейти под опеку ООН. Возвращать их в фактическую колониальную зависимость было не в духе времени и противоречило стремлению США к свободе торговли по всему свету. Но Молотов заявил, что управление бывшими итальянскими колониями должны осуществлять не все державы-победительницы вместе, а каждая – своей частью. При этом «Советское правительство хотело бы испытать свои силы, осуществляя опеку над одной из бывших итальянских колоний». Бирнс выразил недоумение, что СССР при такой огромной территории хочет управлять еще миллионным арабским населением². Но так бывает – при огромной территории хочется еще больше.

¹ Печатнов В. «Союзники нажимают на тебя...» С. 72.

² Агафонова Г.С. Дипломатический кризис на Лондонской сессии СМВД // Сталин и холодная война. М., 1998. С. 69–70.

*Эрнест Бевин
1940-е
[Из открытых
источников]*

Молотов выдвигал эти требования без энтузиазма: «Понадобилась нам после войны Ливия. Сталин говорит: «Давай, нажимай!»

– А чем вы аргументировали?

– В том-то и дело, что аргументировать было трудно... Бевин подскочил, кричит: «Это шок, шок! Шок, шок! Никогда вас там не было!»¹

Это намерение присоединиться к сонму колониальных держав было связано со стародавним российским империалистическим стремлением получить выход в Средиземное море. Но к ливийским или югославским портам нужно было еще пройти через Дарданеллы, что не предвещало ничего хорошего для Турции.

Молотов сообщал жене о своих дипломатических планах: «Утешительно все же то, что теперь, работая вместе со своими товарищами, мы, в общем, справляемся с делом, а на Совете министров – мы самые активные и вполне можем противостоять партнерам. Это уже большой шаг вперед против довоенного. Пока, правда, нельзя похвастаться результатами, но на таких

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 103.

совещаниях обыкновенно решает вторая половина работы, которая скоро только начнется. Думаю, что еще неделю здесь пробудем, едва ли больше»¹.

«Вторая половина» настала, когда 22 сентября, подчиняясь указанию Сталина, Молотов выступил за решительное изменение формата переговоров: «Работа Совета министров продвигается очень медленно и недостаточно гладко. Происходит это оттого, что все мы в самом начале совершили ошибку, отступив от решения Берлинской конференции, не имея на то права. Совет должен заседать в составе трех и, в случае обсуждения договора с Италией, – в составе четырех, то есть при участии Франции»². Как пишет историк А.К. Сорокин, «потребовав немедленно прекратить общие заседания пяти министров, он сошлется на указание Сталина и, таким образом, предстанет в глазах союзников в положительном свете: деятелем, в большей степени склонным к компромиссам»³. Если раньше Сталин и Молотов нередко играли в «добраго и злого» по обоюдному согласию, то, начиная с сентября 1945 года, такая игра не была согласована со Сталиным и вызывала его гнев, который в итоге привел к нехорошим подозрениям в отношении Молотова и к его опале.

Бидо был возмущен перспективой отстранения Франции от решения судеб Восточной Европы и грозился выйти из СМВД, что привело бы к его развалу. Как пишет Дж. Робертс, «Молотов не отказался от мысли добиться хоть какого-то прогресса на конференции. 26 сентября Бирнс предложил компромисс: принять советскую позицию по процедурному вопросу о правах участия в дискуссиях СМВД в обмен на созыв более широкой мирной конференции для рассмотрения вопроса о договорах»⁴. То есть, инициатором «хоть какого-то прогресса» был американский государственный секретарь, который просто решил дополнить старый «потсдамский» формат новым, более широким. Молотов не возражал против такого варианта применительно к Италии, но не был готов принимать решение самостоятельно и передал предложение Сталину. Глава правительства потребовал жестко стоять на своем.

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 12–14.

² Советско-американские отношения. 1945–1948. М., 2004. С. 40–41.

³ Сорокин А.К. Указ. соч. С. 346.

⁴ Робертс Дж. Указ. соч. С. 133–134.

*Жорж Бидо
1940-е
[Из открытых
источников]*

В итоге ситуация зашла в тупик, и переговоры продолжались вхолостую, что Молотова не очень смущало – такова воля «инстанции». Бирнс писал, что Молотов – «наследник библейского Иова, образчик долготерпения», который «вызывал у оппонентов невольное восхищение изобретательностью, которую проявлял в тактике затягивания переговоров. Терпеливо ожидая перевода, он поглаживал усы, протирал пенсне и курил папиросы, и это длилось бесконечно»¹. У несдержанного Бевина Молотов вызывал личную неприязнь, как мы видели – взаимную. Однажды во время этих переговоров Молотов сделал предложение, которое В.А. Никонов считает «уловкой»: прекращать действие решения СМВД, если от него отказался хотя бы один из министров. Бевин с присущей ему недипломатичностью сравнил такой метод с гитлеровским, очевидно, имея в виду манеру фюрера отказываться от ранее принятых договоренностей. Тогда Молотов встал и пошел из зала. Но шел не торопясь, чтобы дать Бевину время взять свои слова назад и предотвратить срыв конференции. Бевин извинился, и Молотов вернулся на

¹ Цит. по: Стил Б. План Маршалла. На заре холодной войны. М., 2023. С. 69.

свое место, но с Бевином уже до конца саммита непосредственно не общался¹.

Лондонская конференция СМВД закончилась 2 октября безрезультатно. Это не предвещало ничего хорошего послевоенному сотрудничеству СССР и его бывших союзников. Сталин одобрил жесткое поведение своего «аватара», но, как вскоре выяснится, не простил ему колебаний и стал недоверчиво следить за внешнеполитическими шагами, которые Молотов предпринимал уже в Москве.

Ознакомившись с записью беседы Молотова и Гарримана 29 октября, Сталин прокомментировал: «Манера Молотова отделять себя от правительства и изображать себя либеральнее и уступчивее, чем правительство, — никуда не годится». Критика Сталина была оформлена как решение Политбюро, и Молотов как обычно смиренно покаялся: «Постараюсь впредь не допускать подобных ошибок»².

Стремление Сталина быть жестче самого Молотова просто заводило ситуацию в тупик. Возможно, Сталин хотел лишний раз одернуть министра, подозревая его в излишней самостоятельности, но вот делу это не помогло. С партнерами при таком подходе нельзя было договориться даже в мелочах.

Неприятности Молотова на этом не закончились. Он санкционировал публикацию 9 ноября в «Правде» выступления Черчилля с лестными отзывами о вкладе СССР и лично Сталина в Победу. Сталин расценил это как угодничество перед иностранцами: «Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля с восхвалением России и Сталина. Восхваление это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать свое враждебное отношение к СССР... У нас имеется теперь немало ответственных работников, которые приходят в телачий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Трумэнов, Бирнсов и, наоборот, впадают в уныние от неблагоприятных отзывов со стороны этих господ. Такие настроения я считаю опасными, так как они развивают у нас угодничество перед иностранными фигурами... Я уже не говорю о том, что советские лидеры не нуждаются в похвалах со стороны иностранных лидеров. Что касается

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 227.

² Печатнов В. «Союзники нажимают на тебя...» С. 80–81.

меня лично, то такие похвалы только коробят меня»¹. Молотов снова, уже дежурно признал ошибку. Но действовать продолжал по-своему.

В качестве жеста доброй воли Молотов снял цензуру с сообщений иностранных корреспондентов, отправляемых из Москвы в их редакции. Это произвело хорошее впечатление на Западе и породило волну публикаций с домыслами о подковерной политической борьбе в Москве, что вызвало уже негодование Сталина, который 4 декабря сделал выговор Молотову по телефону и потребовал провести расследование.

Коллеги Молотова по «четверке» Маленков, Микоян и Берия 6 декабря сообщили Сталину, что он не очень виноват, выполнил сталинское указание, а «крамольные» корреспонденции проскочили раньше. Но Сталин продолжал гневаться и «дожимать» Молотова: «Вашу шифровку получил. Я считаю ее совершенно неудовлетворительной. Она является результатом наивности трех, с одной стороны, ловкости рук четвертого члена, то есть Молотова – с другой стороны. Что бы Вы там ни писали, Вы не можете отрицать, что Молотов читал в телеграммах ТАССа и корреспонденцию “Дейли Геральд”, и сообщения “Нью-Йорк Таймс”, и сообщения Рейтера. Молотов читал их раньше меня и не мог не знать, что пасквили на Советское правительство, содержащиеся в этих сообщениях, вредно отражаются на престиже и интересах нашего государства. Однако он не принял никаких мер, чтобы положить конец безобразию, пока я не вмешался в это дело. Почему он не принял мер? Не потому ли, что Молотов считает в порядке вещей фигурирование таких пасквилей особенно после того, как он дал обещание иностранным корреспондентам насчет либерального отношения к их корреспонденциям? Никто из нас не вправе единолично распоряжаться в деле изменения курса нашей политики. А Молотов присвоил себе это право. Почему, на каком основании? Не потому ли, что пасквили входят в план его работы?.. До Вашей шифровки я думал, что можно ограничиться выговором в отношении Молотова. Теперь этого уже недостаточно. Я убедился в том, что Молотов не очень дорожит интересами нашего государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища

¹ Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. М., 2005. С. 556.

своим первым заместителем. Эту шифровку я посылаю только Вам трем. Я ее не послал Молотову, так как я не верую в добросовестность некоторых близких ему людей. Я Вас прошу вызвать к себе Молотова, прочесть ему эту мою телеграмму полностью, но копии ему не передавать».

Берия, Маленков и Микоян 7 декабря сообщили Сталину, что вызвали Молотова, прочли ему телеграмму, после чего он признал ошибки и прослезился. Товарищи еще потыкали Молотова носом в его прежние ошибки, о чем доложили хозяину. Молотов тоже написал ему еще одну покаянную депешу: «Сознаю, что мною допущены серьезные политические ошибки в работе. К числу таких ошибок относится проявление в последнее время фальшивого либеральничанья в отношении московских инкоров. Твоя шифровка проникнута глубоким недоверием ко мне как большевику и человеку, что принимаю, как самое серьезное партийное предостережение для всей моей дальнейшей работы, где бы я ни работал. Постараюсь делом заслужить твое доверие, в котором каждый честный большевик видит не просто личное доверие, а доверие партии, которое мне дороже моей жизни»¹. Впрочем, Сталин и на этом не счел конфликт исчерпанным, отложив его завершение до своего возвращения в Москву. В сталинском «разносе» содержатся претензии, которые лягут в основу опалы Молотова 1949–1953 годов: его окружают недобросовестные люди, в том числе близкие (Жемчужина), он слишком заинтересован в сотрудничестве с западными кругами.

Только 9 декабря Сталин стал «отходить» и телеграфировал «тов. Молотову для четверки», вернув, таким образом, старого товарища в узкий руководящий круг: «Одно время Вы поддались нажиму и запугиванию со стороны США, стали колебаться, приняли либеральный курс в отношении иностранных корреспондентов и выдали свое собственное правительство на поругание этим корреспондентам, рассчитывая умиловить этим США и Англию. Ваш расчет был, конечно, наивным. Я боялся, что этим либерализмом Вы сорвете нашу политику стойкости и тем подведете наше государство... Очевидно, что имея дело с такими партнерами, как США и Англия, мы не можем добиться чего-либо серьезного, если начнем поддаваться запугиваниям или проявим колебания... Этой же политикой стойкости и вы-

¹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 195–199.

своими >
в общении с
мной, а на
справ — мо
ные и вайи
прогулки
Это уже
вперед, про

Пока, при
сильнейшей ре
но на такие
князевны в
боявину,
скоро закон
Думаю, что
здесь правду

Письмо
В.М. Молотова
своей жене
П.С. Жемчужниной
о работе
16 сентября 1945
[РГАСПИ.
Ф. 82. Оп. 2.
Д. 1592. Л. 12–14.
Автограф]

4
12
Полночь, милая, родная
моя!

Получил твое письмо.
Пожалуйста, что с моей стороны
— свинейство, что до сих пор
не написал тебе и Свезке.
Конечно, я очень занят.

Здесь нам приходится закли-
нать подготовку к совещанию
14.9.45

Здоровы ли вы и Свезка?
Боюсь, что вы и все
мне сообщаете от Зины.

Пока все! Искренне
Это письмо с проф. Кры-
ловым из НКВД.

Крепко целую, обнимаю,
надеюсь скоро видеть.
Зена и догону

Любовь Вас
16/IX, 45.

держки нужно руководствоваться нам в своей работе на предстоящей конференции трех министров»¹.

Вот такой тебе будет на будущее урок, Вячеслав. Работай дальше, но на лидерство в партии не претендуй, знай свое место...

Эксперимент «пусть теперь Молотов поработает» больше не повторялся. Без сталинского присмотра даже Молотов не мог крепко держать внешнеполитический руль. Да и поставил под угрозу престиж постаревшего вождя. Потенциальный преемник не должен делать таких ошибок.

Сталин, вернувшийся 29 декабря из отпуска, провел заседание Политбюро, на котором решили снять Берия со поста наркома внутренних дел в связи с перегруженностью другой работой и создать комиссию по внешним делам при Политбюро, в которую помимо Сталина и Молотова вошли Берия, Микоян, Маленков и Жданов. То есть, внешнеполитические решения должны были обсуждаться коллегиально, а не отдаваться в отсутствие Сталина на откуп Молотову. Также был создан отдел внешней политики (с 1948 года – внешних сношений) ЦК ВКП(б). Это не было простое переименование отдела международной политики Димитрова, который курировался Молотовым. Функции отдела были расширены, ему предстояло присматривать за дипломатами во главе с наркомом, а также координировать деятельность компартий с внешней политикой СССР. В марте 1946 года во главе отдела встал М. Суслов – фигура, от Молотова независимая. В комиссию по внешним делам при Политбюро был введен Жданов, который курировал отдел внешней политики ЦК. С августа 1946 года Жданов председательствовал на Оргбюро и руководил Секретариатом ЦК, то есть, фактически исполнял обязанности Генерального секретаря. Теперь он был в СССР человеком № 2, хотя страна и мир об этом не знали.

Декабрьские события серьезно подорвали авторитет Молотова в высшем руководстве. Но вскоре досталось и другим его членам, так что унижение декабря 1945 года не стало началом падения Вячеслава Михайловича. Хозяин не ему одному указал на место.

Гроза, которая пронеслась над Молотовым в конце 1945 года, была оборотной стороной его стремления сдержать ухудшение отношений с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Но Молотов и дальше продолжал искать возможности

¹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 201–202.

компромисса. Чтобы выйти из тупика, возникшего на Лондонской сессии СМВД, 16 декабря в Москве под председательством Молотова была проведена конференция глав внешнеполитических ведомств в «ялтинском» формате – СССР, США и Великобритании без Франции и Китая. Обсудили мирные договоры, управление Японией и Кореей, вывод войск из Ирана, Греции и Индонезии, ситуацию в Китае и атомное оружие.

Первым делом, Молотову нужно было восстановить отношения с Бевин. Много лет спустя Вячеслав Михайлович вспоминал: «Узнали мы, что Бевин, английский министр иностранных дел, равнодушен к картине Репина “Запорожцы пишут письмо турецкому султану”. Ну и перед одним из заседаний министров иностранных дел великих держав сделали ему сюрприз: привезли из Третьяковки эту картину и повесили перед входом в комнату заседаний. Бевин остановился и долго смотрел на картину. Потом сказал: “Удивительно! Ни одного порядочного человека!”»¹

После провала конференции СМВД партнеры стремились сдвинуть упрямую советскую дипломатию с мертвой точки ценой тактических уступок. Госсекретарь Бирнс был готов согласиться на советское условие участия в обсуждении мирных договоров с теми или иными бывшими союзниками Германии только тех государств, которые подписывали с ними перемирие. Это сразу повышало значение трех основных победителей. В обмен Бирнс убедил Молотова согласиться с участием в мирной конференции большего числа стран, участвовавших в войне, включая даже Бразилию.

Сталин встретился с главами делегаций 23 декабря. Тем самым миру продемонстрировали, кто в доме хозяин и сколь нелепы слухи о его отходе от дел и передаче полномочий Молотову. Сталин даже позволил себе пококетничать, когда Бевин попросил его выступить в качестве арбитра в споре с неуступчивым наркомом. «Молотов не примет такой арбитраж», – съязвил генералиссимус, на что Молотов тут же ответил: «Я заранее согласен с таким арбитражем»².

Разумеется, никаких дополнительных уступок Бевин от Сталина не получил – политика Молотова была даже несколько мягче, за что ему и досталось. На рождественском ужине 24 де-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 74.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 239.

*Фотография
В.М. Молотова А.К. Керру
с дарственной надписью
26 января 1946
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2.
Д. 1599. Л. 18]*

кабря Сталин посадил рядом с собой Бирнса и Бевина, чтобы попытаться продавить вопросы, которые оказались Молотову не по зубам, в частности, о Ливии. Впрочем, тоже безуспешно. Ну, что же, тем меньше у союзников будет оснований требовать что-то на Балканах. А средиземноморские базы нам и так предоставит Югославия.

В ночь на 26 декабря протоколы встречи были подписаны. Договорились о том, что США признают правительства Румынии и Болгарии после включения в их состав основных оппозиционных партий, а также о расширении советских прав в Дальневосточной комиссии, где обсуждалось урегулирование в Тихоокеанском регионе. Стороны договорились о создании под эгидой ООН комиссии по ядерной энергии.

На новый 1946 год Вышинский, Гарриман и Керр прибыли в Бухарест, встретились с королем Михаем и согласовали включение в правительство по одному национал-царанисту и национал-либералу. Когда это было сделано, в феврале 1946 года Великобритания и США признали румынское правительство Грозы. Пусть к мирному договору с Румынией был открыт.

А вот на турецком и иранском направлениях напряженность нарастала. По договору СССР и Великобритании с Ираном 1942 года иностранные войска должны были покинуть страну не позднее, чем через полгода после окончания войны. Даже с учетом капитуляции не Германии, а Японии, это должно было

случиться не позднее 2 марта 1946 года. Молотов вспоминал: «В то же время Азербайджан претендовал, – увеличить их республику почти в два раза за счет Ирана. Начали мы щупать этот вопрос – никто не поддерживает. У нас была попытка, кроме этого, потребовать район, примыкающий к Батуми, потому что в этом турецком районе было когда-то грузинское население. Азербайджанцы хотели азербайджанскую часть захватить, а грузины – свою. И армянам хотели Арарат отдать. Выступать с такими требованиями тогда было трудно. Царское правительство нахалало вокруг России районов. Нам следовало быть очень осторожными. Но попугать – попугали крепко»¹. Это «пугание» негативно сказалось на репутации СССР, который нарушал международные договоренности и вел себя в отношении азиатских стран как империалистическая держава. Впрочем, действия СССР подавались как помощь национально-освободительному движению азербайджанцев и курдов, а также восстановление «исторической справедливости», нарушенной Турцией в 1920–1921 годах.

ЦК ВКП(б) еще 6 июля 1945 года принял постановление об организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и других провинциях Северного Ирана (в дальнейшем были поставлены более скромные задачи – создания азербайджанской автономии в Иране, контролируемой из Баку). На северо-западе Ирана была организована просоветская Демократическая партия Азербайджана (ДПА), которая с помощью СССР создала вооруженные отряды. Красная армия препятствовала передвижениям иранских войск, прикрывая автономистов. 12 декабря в Тебризе был созван азербайджанский Милли меджлис, который сформировал правительство во главе с С. Пишевари, которое установило контроль над регионом². Также была создана курдская автономия. При этом Советский Союз добивался прав на эксплуатацию недр Северного Ирана.

Давление СССР на Иран воспринималось на Западе как угроза всему нефтеносному региону Среднего Востока. Иран хотел апеллировать к ООН, но лидеры США и Великобритании опасались, что иранский вопрос немедленно вызовет раскол между великими державами. «Проверка ООН на прочность по вопросу

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 103–104.

² Гасанлы Дж. СССР – Иран: азербайджанский кризис и начало холодной войны. С. 103–170.

о действиях Советского Союза в Иране могла иметь следствием крушение только что созданной организации»¹, – писал историк И.В. Гайдук. А этого не хотели ни в Лондоне, ни в Вашингтоне, что создавало для Молотова свободу дипломатического маневра. Посоветовавшись со Сталиным, он решил сыграть в Сицилианскую защиту нападением и приказал Вышинскому поставить на Генеральной Ассамблее ООН вопрос о пребывании иностранных войск на чужой территории, размыв иранский вопрос обсуждением присутствия западных войск в Греции, Индонезии, Сирии и Ливане. Молотов не терял инициативу, в дальнейшем развивая тему присутствия войск западных государств за пределами своих границ.

Красная армия оставалась в Иране и после 2 марта 1946 года вопреки воле правительства этой страны, так что пока позиция советской дипломатии смотрелась неубедительно. При поддержке США Иран 18 марта подал жалобу на СССР в Совет безопасности ООН. Это было первое официальное обсуждение случая агрессии в этой организации, и неприятно, что обвиняемым оказался Советский Союз. 27 марта Громыко даже демонстративно покинул заседание Совбеза, требуя отложить обсуждение иранского вопроса². Ведь накануне, 26 марта, Москва официально объявила о начале вывода войск из Ирана. В этом отношении механизм ООН сработал – Сталин и Молотов все же ценили престиж СССР в ООН выше, чем успех локального использования силы. Эти события способствовали охлаждению Сталина к идее создания войск ООН. 26 апреля он телеграфировал Молотову: «Это очень серьезный и скользкий вопрос. Не в наших интересах давать большие права в этом деле Совету безопасности, ибо не совсем еще ясно, против кого на деле будут направлены вооруженные силы Совета безопасности»³.

Но советская дипломатия выходила из иранского кризиса не с пустыми руками – 4 апреля было заключено советско-иранское соглашение, которое предусматривало предоставление СССР нефтяной концессии. Азербайджанским сепаратизмом пришлось пожертвовать как отыгранной фигурой. 11 декабря по указанию премьер-министра Ирана А. Кавама иранские войска двинулись на Тебриз. Пишевари готовился к отпору, но полу-

¹ Гайдук И.В. Указ. соч. С. 78.

² Там же. С. 86.

³ Вождь: И.В. Сталин в документах и фотографиях. Кн. 5. С. 18.

чил через вице-консула Н. Кулиева указание Москвы: «Кавам как премьер-министр имеет формальное право послать войска в любую часть Ирана, в том числе и в Азербайджан, поэтому дальнейшее вооруженное сопротивление нецелесообразно, не нужно и невыгодно». Добивайтесь своих целей политическими средствами в ходе выборов. Пишевари подчинился указанию не оказывать сопротивление и с группой товарищей бежал в СССР. 14 декабря иранские войска вошли в Тебриз. В регионе происходили массовые аресты и казни азербайджанских активистов¹. А 22 октября 1947 года Иран денонсировал соглашение с СССР от 4 апреля 1946 года, что стало громкой пощечиной северной державе.

Неудачным оказалось и давление СССР на Турцию. В начале марта 1946 года к ее границам приблизились советские войска, находившиеся в Болгарии и Иране. 4 марта созданная в советской зоне оккупации в Иране Курдская республика заявила о необходимости автономии курдов и в Турции. В Великобритании и США это восприняли как акты советской экспансии, что способствовало благожелательному отношению президента Трумэна к произнесенной в эти дни Фултонской речи Черчилля, критиковавшего СССР. 7 августа СССР предъявил Турции ноту «О конвенции Монтрё по Черноморским проливам», где говорилось о необходимости ее пересмотра. Конвенция ограничивала, но допускала проход в Черное море иностранных военных кораблей и позволяла Турции в случае войны запретить проход через проливы военных кораблей даже черноморских держав. Молотов требовал от Турции изменить этот порядок: военные суда черноморских держав могут проходить через проливы всегда, а нечерноморских – никогда, кроме особо оговоренных случаев (пункты 1–3 ноты). И вообще определение режима проливов должно быть компетенцией только черноморских держав (пункт 4). А как быть, если Турции будет угрожать черноморская держава, то есть, СССР? Чтобы такого не случилось, оборону проливов СССР и Турция должны организовывать совместно (пункт 5). То есть, фактически Молотов вернулся к идее создания советской базы в проливах.

Сразу после опубликования ноты в советской прессе началась кампания критики поведения Турции во Второй мировой

¹ Гасанлы Дж. СССР – Иран: азербайджанский кризис и начало холодной войны. С. 442–449.

войне. Однако Турция опиралась на поддержку Великобритании и США, которые хотя и соглашались в принципе на возможность пересмотра конвенции Монтрё, но не за счет суверенитета Турции. 22 августа Турция ответила, что согласна на проведение новой международной конференции по проливам и даже в принципе готова принять первые три пункта советской ноты, но не более того. 24 сентября последовала новая советская нота, которая более развернуто настаивала на прежних требованиях. Турецкий ответ 18 октября тоже был развернутым, турки ссылались даже на Г. Чичерина, но также без уступок. Турецкая позиция была поддержана США и Великобританией¹.

Ф.И. Чуев передает слова Молотова середины 70-х годов: «Я же ему говорил... – Молотов стал слегка заикаться, повторяя, как он обычно делал в таких случаях, первый слог слова. – Препре-предъявили в конце войны туркам контроль над Дарданеллами, турки не пошли на это, и союзники не поддержали. Это была наша ошибка... Считаю, что эта постановка вопроса была не вполне правильной, но я должен был выполнять то, что мне поручили...

Милуков все время о Босфоре говорил. Русские генералы все время насчет Босфора... Выход из Черного моря!..

В последние годы Сталин немножко стал зазнаваться, и мне во внешней политике приходилось требовать то, что Милуков требовал – Дарданеллы! Сталин: “Давай, нажимай! В порядке совместного владения”. Я ему: “Не дадут”. – “А ты потребууй!”» Не хотелось Молотову продолжать дело классического империалиста Милукова, с которым Вячеслав Михайлович боролся во времена своей юности. Впрочем, так он вспоминал в старости. В 40-е годы важнее могли оказаться прагматические соображения, угроза широкомасштабного столкновения с Западом, о котором Молотов тоже вспоминал: «И вопрос с Дарданеллами, конечно, надо было решать. Хорошо, что вовремя отступили, а так бы это привело к совместной против нас агрессии»². Давишь на соседей, угрожаешь вторжением, а то и наносишь удар, а если получаешь отпор – кричишь погромче, что мол это против нас агрессия. Так было с Финляндией в 1939-м, так будет в Корее в 1950-м. С Ираном и Турцией обошлось, но последствия для

¹ Гасанлы Дж. СССР – Турция: полигон холодной войны. Баку, 2005. С. 306–366.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 102–103.

*Вячеслав Михайлович
Молотов
6 февраля 1946
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2.
Д. 1599. Л. 19]*

СССР оказались печальными – вместо нейтральных соседей на юге СССР образовались враждебные государства, которые в опасении возобновления советской экспансии искали союза с Западом и нашли его.

5 марта 1946 года Черчилль, уважаемый, но отставной политик, выступил в американском Фултоне с концептуальной речью. Среди его слушателей был президент США Трумэн. Вывод бывшего члена «Большой тройки» был пессимистичен: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на Европейский континент опустился железный занавес. За этой линией располагаются все столицы старинных государств Центральной и Восточной Европы». За этим занавесом Москва насаждает коммунистические режимы, которые устанавливают «тоталитарный контроль». СССР угрожает также Греции и Турции. Противостоять этой экспансии могут страны, сплотившиеся вокруг англоговорящих государств, которые являются носителями свободы¹. Хотя Черчилль не был официальным лицом, его речь задела Сталина, и он решил ответить. 13 марта генералиссимус дал

¹ Twentieth-Century Speeches. L., 1993. P. 230–231.

интервью «Правде», где расценил речь Черчилля «как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество». Сталин сравнил Черчилля с Гитлером, так как оба начали развязывание войны с выдвижения расовых теорий (в случае с Черчиллем – прославление наций, говорящих на английском языке). Приложил, так приложил. Еще бы, а что он нас тоталитарными называет, «что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза, как экспансионистские стремления нашего государства?»¹ Через три года в Восточной Европе будут тысячами арестовывать людей не то, что за нелояльность Москве, но даже по подозрению в тайном недовольстве ее политикой. Но в 1946 году над уровнем лояльности стран Восточной Европы предстояло еще крепко поработать.

Интервью Сталина 13 марта 1946 года стало первым выступлением высшего государственного руководителя начала Холодной войны. Но само это начало было не актом, а постепенным втягиванием в конфликты, которое продлится около двух лет. Еще 22 февраля 1946 года советник посольства США в Москве Дж. Кеннан направил в госдепартамент так называемую «длинную телеграмму», в которой разоблачал экспансионизм коммунистов, их стремление посеять рознь между странами Запада и внутри каждой из них, предложил сдерживать СССР решительной политикой с позиции силы, одновременно конструктивно решая проблемы Западной Европы. Руководство позволило Кеннану опубликовать основные положения телеграммы в прессе, его взгляды повлияли на формирование внешнеполитического курса США в начале Холодной войны.

На роль советского аналога Кеннана, который также подталкивал своих руководителей к конфронтации с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, в литературе иногда выдвигается советский посол в США Н. Новиков с его докладом «Внешняя политика США в послевоенный период», подготовленным в сентябре 1946 года. Автор обвинял США в стремлении к

¹ Сталин И.В. Интервью с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля 13 марта 1946 г. М., 1946. С. 3–10.

достижению мирового господства с помощью вооруженных сил и прежде всего – войны против СССР. Доклад, таким образом, настраивал советскую дипломатию на подготовку к конфронтации с США на грани войны. Правда, если в США Кеннан повлиял на курс госдепартамента и президента Трумэна, то в СССР все было наоборот. Доклад Новикова был подготовлен для советских дипломатов по заданию Молотова и с такими подробными указаниями, что в воспоминаниях Новиков назвал Молотова своим «безымянным соавтором»¹. Так что своей «длинной телеграммой» в СССР не было, там внешнеполитический курс формировался Молотовым и Сталиным. Они исходили из перспективы конфронтации с США и другими государствами Запада вплоть до военной. Но если Сталин в конце 1945 года внутренне решился на крайне неуступчивый курс, то Молотов пытался по возможности тормозить сползание в Холодную войну. Но так, чтобы ничего не уступить Западу из того, что получено во время войны.

Много лет спустя Молотов рассуждал: «Ну что значит Холодная война? Обостренные отношения. Все это просто от них зависит или потому, что мы наступали. Они, конечно, против нас ожесточились, а нам надо было закрепить то, что завоевано. Из части Германии сделать свою, социалистическую Германию, а Чехословакия, Польша, Венгрия, Югославия – они же были в жидком состоянии, надо было везде наводить порядок. Прижимать капиталистические порядки»². СССР закреплял свои завоевания, железной репрессивной рукой преодолевая сопротивление той части восточноевропейского населения, которое не хотело отказываться от капитализма или хотя бы от разнообразия мнений о капитализме и социализме. Также важно было четко определить границы «железного занавеса», которые тоже оставались пока в «жидком состоянии».

После Московского совещания «на троих» можно было и собраться в более широком формате СМВД, что и было сделано 25 апреля в Париже. Бирнс в духе Черчилля развернул критику экспансии СССР, не признавая его право на полный контроль в Восточной Европе. За нерешительность в дискуссии с американским госсекретарем Молотову опять попало от Сталина: «Бирнс

¹ Смирнова Н.Д. «Греческий вопрос» на парижской мирной конференции // Сталин и холодная война. С. 6–7; Новиков Н.В. Указ. соч. С. 353.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 86.

наступал, а Вы оборонялись, тогда как Вы имели все основания наступать». Молотов пригласил 5 мая Бирнса на ужин и стал отчитывать его за выступление Черчилля, которое теперь трактовалось как общий манифест Запада против СССР. Бирнс, разумеется, с этим не соглашался. Но и без Черчилля у Молотова были заготовлены обвинения и против самих США, создающих базы от Исландии до Китая. А СССР держит свои войска за рубежом только в соответствии с опубликованными договорами¹. Несмотря на острые разногласия, СМВД продвинулось в решении восточноевропейских вопросов – 7 мая аннулировало итоги Венского арбитража 1940 года, вернув Румынии территории в Трансильвании. Подводя 27 мая итоги первой фазы конференции, Молотов констатировал, что работа по подготовке мирных договоров для бывших союзников Германии в Восточной Европе завершена, кроме разве что экономических статей. А вот с Италией, оккупированной союзниками, проблем больше: кроме репараций, остается и проблема колоний, и территориальные противоречия с Югославией².

На следующей сессии СМВД 15 июня – 12 июля обсуждение взаимных уступок продолжилось, и была определена дата широкой мирной конференции. Молотов добивался от партнеров правила, по которому решения на мирной конференции должны приниматься двумя третями голосов, чтобы западные страны искали согласия, а не продавливали свои проекты простым большинством голосов. Партнеры согласились при условии, что так решит сама конференция.

Сложно шло обсуждение проблемы репараций с Германии, в которых СССР был заинтересован больше, чем партнеры. Требуя репарации в 10 млрд долларов, Молотов был готов даже в обмен согласиться на передачу Франции Рейнской области и Саара при интернационализации Рура, если оттуда тоже будут поступать репарации для СССР. Но США в это время выступали против определения конкретных, тем более таких высоких сумм репараций с Германии и Италии. Опираясь на свою экономическую мощь, лидеры США надеялись включить Италию и Германию в свою сферу влияния. А тогда зачем обескровливать их в интересах СССР?

¹ Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 223–226.

² Молотов В.М. Вопросы внешней политики. С. 37.

Глинка, самая моя!

Я считаю важным, что не сразу отвечает
на твое письмо Витольд. Должен сказать,
что как-то внешне так, что ветру поодну
я оказался еще больше занят и, правда,
еще больше потянулся, давши советовать,
что во время морозов — майской погоды.
Но отбери явное уже решение и притом
в основном в неслучайном для нас смысле.
Знаешь, мы не зря поработали. Новейшие
требуют внимания, сосредоточения
сил и терпения, — и только тогда выйдешь
что-то интересное для нас. Могу без
хвастовства сказать, что и наши парт-
неры активнее не раз, что интерес
для с модой, знающим свои задачи
и ответственности.

Завтра (3/10) мое дело будет передано к

В Туркмен. Восточном Казахстане и т.д. -
наше дело, а не их, а именно, а именно, а именно,
дети, а именно, а именно, а именно, а именно,
муж

Учен сообщают по почте в Москве. Погу
покажи Врангову в Мавзее и обит
с Вами. Только промучил, родная,
молителю лед, не пережилась. Иначе вы
снова я вернусь к вам.

Крепко, крепко друг другу, откровенно, честно.

W. B. [unclear] [8. VII. 1946]

Письмо В.М. Молотова своей жене П.С. Жемчужиной о работе на конференции и встрече с писателями

8 июля 1946

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 19–20. Автограф]

В дальнейшем Молотову многого удалось добиться на бумаге, но затем выяснилось, что возможности получения репараций ограничены. В старости Молотов вспоминал: «После войны мы брали репарации, но это мелочь. Государство-то колоссальное у нас. Потом эти репарации были на старом оборудовании, само оборудование устарело. А другого выхода не было. Это некоторое небольшое облегчение тоже надо было использовать. Но опять-таки, вырывая себе кое-что, с чем надо было считаться? Мы же потихоньку создавали ГДР, нашу же Германию. Если бы мы вытаскивали оттуда все, как бы на нас ее народ смотрел? Западной Германии помогали американцы, англичане и французы. А мы ведь тащили у тех немцев, которые с нами хотели работать»¹. Уже в 1947 году СССР прекратил демонтировать оборудование в Германии, предпочитая вывозить продукцию восточногерманских предприятий². Но поскольку это делалось бесплатно, предприятия не могли развиваться.

На Парижскую мирную конференцию, которая проходила 29 июля – 15 октября, Молотов поехал с дочерью. Летом она окончила школу с золотой медалью. Молотов в это время был на сессии СМВД. Светлана поступила в МГИМО. «Девушек туда не принимали. Но с 1946 года стали – как раз ради того, чтобы она осуществила свою мечту»³, – рассказывает о матери В.А. Никонов. Истоки мечты понятны – МГИМО был кузницей кадров для ведомства ее отца.

Из Парижа Вячеслав Михайлович писал Полине Семеновне, что Светлана «часто выходит в город, по несколько раз в день. Бывает в разных исторических и музейных местах. Довольна. Завтракаем и обедаем вместе». Светлана подтверждала: «Хожу по музеям, паркам, много гуляю по Парижу, в Булони и на Елисейских Полях. Была на открытии конференции, сегодня также пойду на заседание, будет папин доклад. Сегодня вечером иду в оперу, там будет балет для участников конференции»⁴.

Молотов выступал на конференции 31 июля. Он заявил: «Агрессия и вторжение в чужие страны не должны оставаться безнаказанными, если действительно стремиться предупредить

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 87.

² Яблоков Б.В. СССР и ГДР. Экономическая дипломатия в условиях «новой экономической системы». М., 2021. С. 34.

³ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 246.

⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 21–23.

17

Светлане

Поздравляю тебя, Светлалочка, с ~~твоем~~
 замечательным окончанием школы и
 с награждением золотой медалью.
 Искренне тебе дальнейших успехов и
 дальнейшего роста духовных сил на
 пользу родины. Радуюсь вместе
 с тобой и мамой, которая много сделала
 для достижения ^{этого} ~~этого~~ Крестом ~~этого~~. Твой отец. 1946

Письмо В.М. Молотова своей дочери Светлане, поздравление
 с золотой медалью в честь окончания школы

1946

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1593. Л. 17. Автограф]

новые агрессии и вторжения. Безнаказанность в таких случаях и отказ от защиты законных прав государств, пострадавших от агрессии, не имеют ничего общего с интересами справедливого и длительного мира и могут быть на руку только тем, кто готовит новые агрессии в своих хищных империалистических целях»¹. Золотые слова, с которыми не могли бы поспорить и Трумэн с Черчиллем. Только они подозревали СССР в таких «хищных целях», а Молотов имел в виду как раз Запад.

В ходе дискуссий на конференции Молотова твердо поддерживали представители двух советских республик, Чехословакии, Польши и Югославии. А Бирнса и Бевина – большинство из 21-й делегации, участвовавшей в конференции. В этих условиях Молотов рассчитывал, что решения на конференции будут приниматься двумя третями голосов, но ему напомнили, что этот

¹ Молотов В.М. Вопросы внешней политики. С. 68–69.

898

Молоткова, родная моя!
Получил твое письмо с
уверенкой, и, конечно, очень
приятно твое письмо.

Далее все же слышал,
решили это забыть мы были
оно же у
здесь очень сильно, так
Этот. Но как кажутся с нашими
но германскими партнерами очень много.
Это очень все же кажется некий
будет мне с вами по мирным догово-
рностям в рам, чтобы мы и не до-
жидались всего неслучайного.

Скучно в Мелерамми, Вокруг, Конгре-
мация, и а

к вам все время, но еще
раскормить детей до тех пор
продолжит здесь.

Скоро увидимся.

Крепко целую, обнимаю!

2-й 4-й. Мбн В. В.

Письмо В.М. Молотова своей жене П.С. Жемчужиной о ходе
«Конференции четырех»

2 июля 1946

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 17-18. Автограф]

вопрос должна решить конференция. Добиться своего Молотову не удалось, что охладило советскую делегацию к результативности форума. В итоге, как пишет Дж. Робертс, «на Парижской мирной конференции больше совещались, нежели принимали конкретные решения. Все постановления по текстам мирных договоров были отложены до тех пор, пока СМВД не придет к общему мнению»¹.

Молотов с горечью писал Жемчужиной: «Сегодня были длинейшие заседания – до 2 часов ночи. Нас прокатили по важному вопросу – о порядке голосования, но это было все организовано и вряд ли мы могли предотвратить сие. У них на конференции явное большинство. О Светлане. Она вела себя здесь хорошо. Старалась увидеть побольше. Один раз была в театре, где в фойе были Бирнс, Бидо и всякие дамы, господа, балерины. Много снимали, и прочие мелкие ухаживания. Кажется, это ей нравится, но вела она себя достойно и просто»².

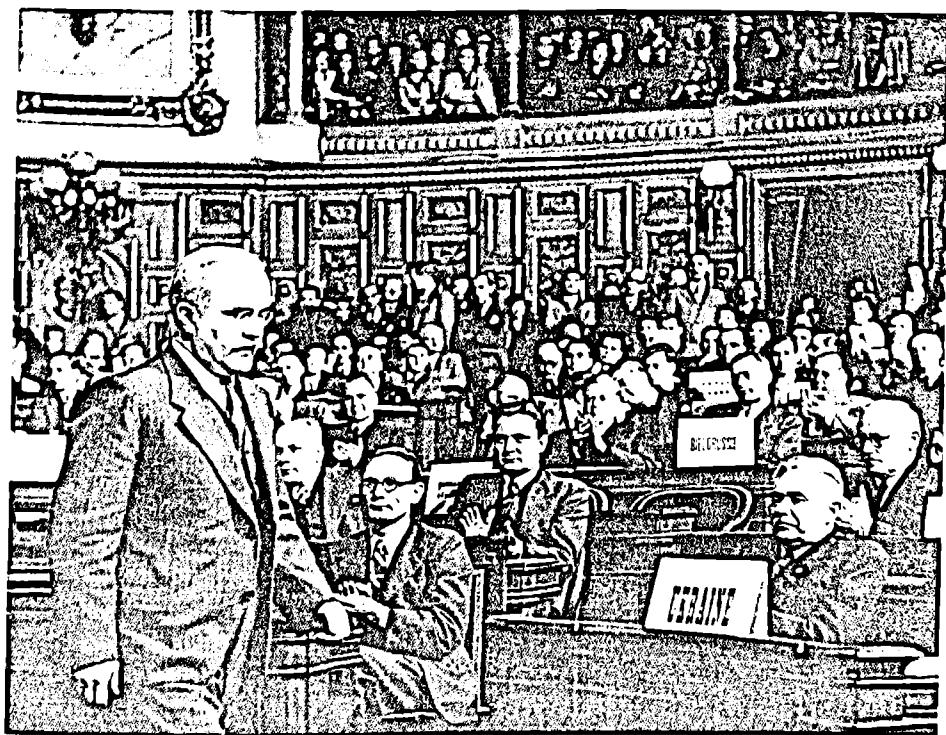
Заседания перемежались банкетами, приемами и посещением театров. Молотов придал культурной программе идеологический акцент – отправился с несколькими коллегами на кладбище Пер-Лашез, к стене коммунаров, где торжественно встретился с представителями ЦК компартии Франции. Конечно, при подавлении Парижской коммуны погибло меньше сторонников левых идей, чем было убито по указанию Молотова со товарищи. Но весь мир должен был видеть, что Молотов по-прежнему руководствуется не только великодержавными интересами СССР, но и высокими идеалами свободы и справедливости, провозглашенными Парижской коммуной.

А вот с военного парада на Елисейских Полях Молотов демонстративно ушел, потому что ему отвели место на общих основаниях в соответствии с алфавитом, во втором ряду. И это место Советского Союза, которому Европа обязана освобождению от фашизма! Молотов с гордостью писал жене: «Шлю привет и прилагаю газетные снимки, как я ушел с трибуны парада в воскресенье. Наиболее показательно это дано в “Пари-Матч” на целых трех снимках (1. – я на трибуне; 2. – начинаю спускаться; 3. – ухожу от трибуны к машине)»³. Сталину скандальный демарш Молотова понравился: «Я считаю, что ты поступил со-

¹ Робертс Дж. Указ, соч. С. 140.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 23–25.

³ Там же. Л. 30–31.

*В.М. Молотов на Парижской мирной конференции
1946*

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1617. Л. 3]

вершено правильно, покинув французский парад. Достоинство Советского Союза следует защищать не только в главном, но и в мелочах»¹.

А тут еще Финляндия выступила за послабление условий, достигнутых после перемирия. Молотов воспринял это как наглость и неблагодарность, ведь СССР мог вообще оккупировать Финляндию (сколько бы это стоило новых жертв, Молотов здесь не брал в расчет). И вообще, в 1939–1940 годах Финляндия навязала СССР войну, в то время как «Советский Союз немало сделал для того, чтобы Финляндия могла жить так, как она хочет...» Так что Финляндия должна быть благодарна: «Советский Союз

¹ Печатнов В. «На этом вопросе мы ломаем их антисоветское упорство...» (Из переписки Сталина и Молотова по внешнеполитическим вопросам в 1946 г.) // Источник. 1999. № 3. С. 99.

отказался от оккупации Финляндии и освободил эту маленькую страну от больших оккупационных расходов, что во многом облегчило бремя репарационных условий, которые были установлены для Финляндии и которые ею честно выполнялись»¹. В старости Молотов рассуждал: «Финляндию пощадили как! Умно поступили, что не присоединили к себе. Имели бы рану постоянную...

Там ведь люди очень упорны, очень упорны. Там меньшинство было бы очень опасно. А теперь понемногу, понемногу можно укрепить отношения»².

10 августа на конференции началась дипломатическая битва вокруг Италии. Выступая 13 августа, Молотов сосредоточился на проблеме Триеста, прямо поддерживая претензии Югославии на этот город. Итальянского премьер-министра А. де Гаспери он обвинил в том, что тот «не нашел слов для осуждения фашизма, который привел Италию к тягчайшему поражению». Это понятно, де Гаспери не хочет признавать ответственность Италии за агрессию и идти на уступки Югославии: «Выступая от имени новой Италии, глава делегации снова отстаивал претензии старой, империалистической Италии... Полуостров Истрия и город Триест вплоть до конца Первой мировой войны никогда не принадлежали Италии»³.

Правда, Югославии они тоже не принадлежали за отсутствием таковой. Так что дипломатам следовало обратиться к анализу этнического состава населения, что давало Югославии высокие шансы на получение Истрии, но не Триеста. Здесь уступок добиться не удалось. Югославская делегация даже порывалась в знак протеста покинуть мирную конференцию. Молотов ее удержал. Он вел тонкую игру, оказывая давление, но не доводя до разрыва. Задиристые югославы своим демаршем могли только испортить дело: «тогда в Триесте останутся англо-американские войска, что гораздо хуже компромиссного решения четырех министров»⁴. Позиция Молотова была важна для представителей Югославии, и они остались.

¹ Молотов В.М. Вопросы внешней политики. С. 120–123.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 16.

³ Молотов В.М. Вопросы внешней политики. С. 108–109.

⁴ Печатнов В. «На этом вопросе мы ломаем их антисоветское упорство...» С. 98.

Молотов защищал и Албанию от территориальных претензий Греции. Итальянцы напали на Грецию из Албании, но Молотов напомнил, что она – такая же жертва агрессии, и отрезать от нее территорию не за что.

На мирной конференции стороны обменялись попытками получить территориальные уступки – без успеха. Обсуждение репараций тоже шло тяжело – партнеры с большей охотой входили в положение Германии, чем СССР. Особенно досаждала Молотову австралийская делегация, заступавшаяся за немецкий народ. Еще бы, Австралия от Германии не пострадала.

В октябре, когда непублично продолжалась подготовка текстов договоров, Молотов съездил в Москву и Сочи. Вернулся он с той же установкой – не отступать на конференции от предыдущих договоренностей великих держав. Когда британские и американские представители при обсуждении судоходства по Дунаю попытались добиться «равных возможностей» не только при транспортировке грузов по реке, но и в экономическом освоении региона, Молотов остроумно ответил на эти притязания: «Почему же в таком случае не защищаем принцип “равных возможностей” в отношении тех путей, где особенно велики интересы многих государств? Ну, скажем, Суэцкий канал или Панамский канал»¹.

В речи 14 октября Молотов подвел итоги конференции. С одной стороны, конференция 21-го государства в основном подтвердила положения, выработанные четырьмя великими державами. «Таким образом, мы имели возможность убедиться, что когда те державы, которые вынесли главную тяжесть войны против нашего общего врага, действуют совместно, принимая согласованные решения, то это, как правило, выражает волю подавляющего большинства демократических стран и отвечает интересам установления демократического мира». Получается, что голос малых стран не так уж важен. Окончательно условия мира все равно предстоит досогласовать на СМВД. С другой стороны, конференция принесла мало пользы в решении тех вопросов, которые остались несогласованными на предыдущих СМВД: экономические положения (репарации), статус Триеста, судоходство на Дунае. Молотов возложил ответственность за это на оппонентов: «Конференция не нашла каких-либо средств для того, чтобы устранить возникшие ранее расхождения. Да, как

¹ Молотов В.М. Вопросы внешней политики. С. 213.

Письмо
В.М. Молотова
своей жене
П.С. Жемчужиной
о критике
конференции,
своем отъезде
в Нью-Йорк
16 октября 1946
[РГАСПИ. Ф. 82.
Оп. 2. Д. 1592.
Л. 33–35.
Автограф]

напоследок ра-
коя ро-
зато себе
Минус
было не
Очень
и доже
мешало
бы увер-
Медер
на по-
крану и
белые
линии

№7.
33
Машинка, пишала, родная моя!
Сегодня закончилась конфе-
ренция. Завтра утром улетает
в Саутгемптон, а бейрут
на пароходе в Нью-Йорк.
Моя работа после послед-
ней поездки в Сочи и Москву
была здесь особенно напря-
женной. Пришлось сделать

18 35 16-
летя, моя хорошая, близко,
близко, и делиться с тобой, я
как с моими друзьями, кон-
мушки другом. Напиши, —
вот тебе ради нас всех,
и твоих близких, пишу тебе
о себе и о доме.

Крепко думаю, а ты мне
любя, мой любимый
16/10/46 М.М. Молотов,
Л. Ч. Ч.
Твоя.

показал опыт, господствовавшая на конференции группировка, начиная с Соединенных Штатов и Англии, и не стремилась к этому»¹. Они не признали принцип принятия решения двумя третями голосов, а СССР считал его правильным и мог не признавать рекомендации, принятые большинством. «Я считал необходимым напоследок раскритиковать конференцию, чтобы развязать себе руки в Совете Министров»², – писал он Жемчужной, объясняя свои мотивы.

По завершении конференции Молотов отправился в Саутгемптон, откуда отплыл в Нью-Йорк на вторую сессию Генеральной Ассамблеи ООН (первая прошла без него в январе – феврале в Лондоне, вторая началась 18 сентября) и сессию СМВД, которая должна была состояться на полях мероприятия ООН. На том же лайнере плыли и другие участники Парижской конференции. Как вспоминал советский дипломат Н.В. Новиков о его прибытии, «причал был оцеплен моторизованной и пешей полицией, чтобы сдерживать напор громадной толпы, встречавшей советскую делегацию. Никогда еще прибытие “Куин Элизабет” не вызывало такого наплыва встречающих, как на этот раз. Мы медленно продвигались в узком коридоре среди толпы, который был оставлен для нас усилиями полиции. Наконец, нам удалось сесть в машины и покинуть набережную»³.

Любопытство ньюйоркцев объяснимо – их город становился столицей мира, куда впервые съезжались вершители его судеб. Как комментировал И.В. Гайдук в связи с иранским кризисом, «несмотря на столь неудачное для Советского Союза начало работы новой международной организации, ...советские руководители, в целом, были настроены примирительно, как это показал приезд Генерального секретаря ООН Трюгве Ли в Москву с первым визитом в июле 1946 г. Когда Ли поинтересовался мнением В.М. Молотова о деятельности ООН, советский министр иностранных дел заявил, что, по его мнению, организация “неплохо” начала свою деятельность»⁴.

Молотов вообще был настроен на укрепление ООН, созданию которой отдал столько сил. Еще во время подготовительной работы в конце 1945 года он ориентировал Громыко, представ-

¹ Молотов В.М. Вопросы внешней политики. С. 225–226.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 33–35.

³ Новиков Н.В. Указ. соч. С. 357–358.

⁴ Гайдук И.В. Указ. соч. С. 91.

лявшего СССР, соглашаться на уступки ради ее успеха, добиваясь по возможности контруступок¹. Еще до приезда в Нью-Йорк Молотов внимательно следил за началом сессии Генеральной Ассамблеи. Так, ему не понравился проект речи, которую должен был произнести Вышинский против пропаганды войны, и он занялся ее переделкой. Советское предложение о запрете пропаганды войны имело частичный успех, расколов западный лагерь – несмотря на сопротивление США была одобрена резолюция против пропаганды войны, правда не резкая советская, а предложенная Францией, Австралией и Канадой². Теперь Молотову предстояло лично показать дипломатический класс на сессии Генеральной Ассамблеи.

Знаменитого здания ООН тогда еще не было, так что Ассамблея проходила в помещениях бывшей международной выставки во Флашинг-Мэдоу. Комитеты расположились в корпусах завода в Лейк-Саксессе. Молотов остановился в особняке на Лонг-Айленде, откуда выезжал на СМВД, Генассамблею и в политический комитет ООН, где председательствовал. График был очень плотным. 23 октября делегации торжественно двинулись на автомобилях к месту работы Генеральной Ассамблеи. Во главе процессии на открытом автомобиле ехали ее председатель П.-А. Спаак и генеральный секретарь ООН Т. Ли. С ними ехали А. Громько и представитель администрации Нью-Йорка Г. Уэлен. А на следующем авто двигались Молотов, Вышинский и Новиков. Он вспоминал: «Промежуточным этапом церемонии был прием в мэрии и краткий митинг на площади перед старинной ратушей. После этого делегации отправились обратно в “Уолдорф-Асторию”, где мэрия Нью-Йорка давала в их честь завтрак». В Ассамблее на правах гостеприимного хозяина с приветствием выступил Трумэн, который затем устроил торжественный прием для делегаций³.

29 октября Молотов в своем выступлении был концептуален: «Две основных тенденции ведут борьбу в Организации Объединенных Наций за влияние на основной курс ее работы. Одна из них видит свою опору в основных устоях Организации Объединенных Наций и в уважении к основным принципам, которые положены в ее основу. Другая, напротив, направлена на то, что-

¹ Там же. С. 67.

² Там же. С. 127–128.

³ Новиков Н.В. Указ. соч. С. 358–360.

бы расшатать фундамент, на который опирается Организация Объединенных Наций, и расчистить путь для представителей другого курса... Понятно, что нормальные принципы международного сотрудничества совсем не входят в планы таких империалистических кругов, которые верят, в конечном счете, только в крайние меры нажима и в насилие... Мы должны считаться также с тем фактом, что сторонники этой империалистической, глубоко реакционной, установки видят главное препятствие для осуществления своих экспансионистских планов в Советском Союзе, против которого в своей бессильной злобе они готовы спустить с цепи всех собак»¹.

Критерием миролюбия Молотов сделал приверженность праву вето, которое подвергалось критике со стороны государств, не попавших в избранный клуб его обладателей. Как говорил один из членов австралийской делегации, «русские рассматривают вето в качестве удобного средства для навязывания своей воли по любым вопросам и для блокирования любых действий, которые им не по нраву»². Право вето делило весь мир на государства первого и второго сорта, но должно было гарантировать от принятия решений, которые могли вызвать конфликт великих держав. Для Молотова, основная задача которого заключалась в защите права вето, попытка его отменить означала «обострение противоречий между двумя основными политическими установками, из которых одна заключается в защите признанных всеми нами принципов международного сотрудничества больших и малых государств, а другая – в стремлении некоторых влиятельных группировок развязать себе руки для безудержной борьбы за мировое господство»³.

В своем выступлении Молотов также намекнул, что СССР близок к тому, чтобы преодолеть американскую атомную монополию, да еще грозился созданием принципиально нового оружия: «Нельзя забывать, что на атомные бомбы одной стороны могут найтись атомные бомбы и еще кое-что у другой стороны, и тогда окончательный крах расчетов некоторых самодовольных, но недалеких людей станет более чем очевидным»⁴. А пока у

¹ Молотов В.М. Вопросы внешней политики. С. 255–258.

² Цит. по: Гайдук И.В. Указ. соч. С. 109.

³ Молотов В.М. Вопросы внешней политики. С. 259.

⁴ Там же. С. 263.

СССР своей атомной бомбы нет, Молотов требовал поставить это оружие вне закона.

О своей фразе «еще кое-что» Молотов в старости вспоминал: «Это была моя лично мысль. Я считал, что тут опасного ничего нет. Я очень тщательно обдумал это дело... Потом некоторые обращались: “А что это “еще кое-что””? Там только атомная бомба, а вы сказали: у нас будет атомная бомба и кое-что другое».

Сталин мне потом сказал: “Ну, ты силен!”¹ До реального «еще кое-что», то есть до баллистических ракет, оставалось еще целое десятилетие, но Сталину понравилось, как Молотов блефует.

Несмотря на грозные речи, во время непубличных встреч с западными представителями Молотов «не уставал повторять, что Всемирная организация только начинает свою деятельность, что у Совета Безопасности еще нет достаточного опыта работы, что со временем опыт придет, и их функционирование приобретет нормальный характер. Только не надо пересматривать устав ООН, настаивал Молотов, или вводить новые правила процедуры для Совбеза, потому что это приведет лишь к продолжительным и бесплодным дискуссиям. Молотов также выражал поддержку закрытым переговорам между постоянными членами по вопросу вето и другим сложным проблемам»², – рассказывал историк И.В. Гайдук.

Во время пребывания в Нью-Йорке Молотов посетил имение покойного Рузвельта. Новиков вспоминал об этом визите: «Мы привезли с собой цветы и в почтительном молчании возложили их к подножию монумента, воздвигнутого вблизи могилы – посреди лужайки, обрамленной живой изгородью из кустарника. Монументом служила массивная полированная плита из белого мрамора без каких-либо декоративных ухищрений. Она покоилась на белом же мраморном постаменте, едва приподнятом над землей. Во время этой непритязательной церемонии нас сопровождала бывшая хозяйка дома. Затем она повела нас в увитый плющом двухэтажный особняк с портиком из четырех колонн. Мы обошли внутренние покои, оставленные в том виде, в каком они были при жизни президента. В расположенной по соседству с особняком пристройке – рабочем кабинете, являвшемся также и библиотекой, – нас ждал личный друг президента Рузвельта Генри Моргантау. По его мнению, главным камнем преткнове-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 84.

² Гайдук И.В. Указ. соч. С. 121.

ния на пути к единству и сотрудничеству трех великих держав антигитлеровской коалиции являлась атомная бомба, которую необходимо объявить вне закона»¹. Вероятно, Morgenthau не случайно повторил мысль из выступления Молотова, дав понять, что в США сохраняют влияние сторонники рузвельтовской политики сближения с СССР. Молотов наверняка ностальгически вспоминал их знакомство с Рузвельтом после драматического перелета 1942 года, великие встречи в Тегеране и Ялте...

В очередную годовщину Октябрьской революции Молотов приехал к Трумэну в Вашингтон. Разговор с ним оказался довольно бессодержательным – уже не было той атмосферы товарищества в общей борьбе, которая, несмотря на все разногласия, чувствовалась в отношениях с Рузвельтом. Несмотря на общие уверения в приверженности делу мира, советское руководство и американскую администрацию разделяло набиравшее обороты глобальное противоборство.

После публичных и во многом декларативных выступлений на Генеральной Ассамблее, обсуждение деталей продолжилось на закрытых заседаниях СМВД. Вопросов было столько, что глаза разбегались. «Все время живу с таким чувством, что виноват перед тобой, так как редко пишу. Занят я, конечно, все время, но и это не оправдание. Объяснение – в том, что здесь развернулась борьба по широкому фронту, и мы живем в постоянном напряжении: не упустить бы чего-нибудь, не усилить ли наше наступление где-либо и т. д. В общем, пока дело шло в нашу пользу, и здесь почувствовали, я не сомневаюсь в этом, что с СССР надо серьезно считаться. Без преувеличения, мы в центре внимания здешней политической жизни... На Ассамблее и всех комиссиях по всем важным вопросам советская делегация выступила активно, с серьезными речами и конкретными предложениями. наших людей слушают с большим вниманием и, даже не принимая наших предложений, считаются с ними. Никогда раньше с такой широкой и активной программой СССР не выступал на внешнеполитической арене. Это и держит меня и других в постоянном напряжении, не говоря уже о том, что приходится все время устраивать совещания, вырабатывать проекты и т. д. Вот уже третью неделю заседает параллельно Ассамблея Совета министров иностранных дел, где также идет важная борьба – заключительный этап! – по мирным договорам,

¹ Новиков Н.В. Указ. соч. С. 368–369.

причем я надеюсь, что удастся добиться неплохих итогов, что потребует, естественно, и некоторых компромиссов. Москва хорошо поддерживает нашу работу и поощряет ее. Живу я хорошо по всем условиям работы – на даче (час езды от Нью-Йорка, куда почти ежедневно выезжаю на заседания)», – сообщал Молотов Жемчужиной. Жене он готов был признаться, что ему нравилось купаться в лучах своей известности. Сходили с Бирнсом и Бевиным на «Свадьбу Фигаро», «я был в центре внимания, другими министрами мало интересовались»¹.

Не имея возможности идти на уступки без согласия Сталина, Молотов слишком затянул выработку мирных договоров. А это уже не устраивало не только его партнеров, но и самого Сталина, который 26 ноября телеграфировал: «Советую пойти на все возможные уступки Бирнсу для того, чтобы кончить, наконец, с договорами»². Молотов вздохнул свободно и сделал ряд шагов назад: перестал претендовать на опеку над ливийской Триполитанией, согласился на компромисс в итальянско-югославском территориальном споре. Югославия получала часть Юлийской Крайны, полуостров Истрия, город Фиуме, за который в начале 20-х годов шла острая борьба с Италией, и ряд островов. По поводу важного для Югославии порта Триест предпочли компромисс: под эгидой ООН в 1947 году была создана «свободная территория Триест». Она просуществовала до 1954 года. СССР получил солидные «отступные» в виде итальянских репараций в 100 млн долларов. 125 млн получила Югославия, 105 млн – Греция, 25 млн – Эфиопия, 5 млн – Албания. Советскому Союзу досталась и часть итальянского флота, но несколько худшая, чем первоначально рассчитывали. Кстати, когда Молотов попытался вернуть флот прибалтийских государств, партнеры напомнили, что не признают их включение в СССР де-юре. Сталин начертал на докладе Молотова: «На счет репараций вышло неплохо»³.

Также были согласованы проекты мирных договоров с Болгарией, Румынией, Венгрией и Финляндией. Румыния подтвердила, что Бессарабия и Северная Буковина являются частью СССР. Болгария, даром что тоже относилась к лагерю проигравших, получила Южную Добруджу от Румынии. Но та

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 40–45.

² Печатнов В. «На этом вопросе мы сломаем их антисоветское упорство...» С. 100.

³ Возжь: И.В. Сталин в документах и фотографиях. Кн. 5. С. 63.

дешево отделалась – ведь ей вернули Трансильванию. Финляндия подтвердила границу, установленную в 1940 году, а сверх того пожертвовала областью Печенги (Петсамо), отделявшую Финляндию от океана. СССР также обменял довоенную базу Ханко на аренду района Порккала-Удд в глубине финляндской территории для создания там военно-морской базы. Официальное подписание мирных договоров состоялось 10 февраля 1947 года.

13 декабря 1946 года Молотов выступил со своей заключительной речью на пленарном заседании сессии ООН с обоснованием резолюции о сокращении вооружений. На словах никто не возражал. Но на деле бывшие партнеры по антигитлеровской коалиции лихорадочно перевооружались в преддверии новых схваток.

На борт трансатлантической «Куин Элизабет» Молотов взойшел 14 декабря под вспышки фотокамер, чтобы следовать в Старый свет. Это была вершина его карьеры, он стал одним из ведущих инженеров, сконструировавших устройство послевоенного мира. Прежде такими триумфаторами были создатели Версальской системы. Но та система не продержалась и двух десятилетий. Сколько просуществует нынешняя? Молотов хорошо помнил уроки сближения с Германией в конце 30-х годов. Всегда нужно готовиться к новой схватке.

2. ПЛАН МАРШАЛЛА И ПОЛЯРИЗАЦИЯ ЕВРОПЫ

В марте 1946 года унаследованное от революции название «народный комиссар» было заменено привычным всему миру словом «министр». Молотов стал министром иностранных дел СССР и заместителем председателя Совета министров СССР. Помимо МИДа Молотов курировал в правительстве Министерство юстиции, Комитет по делам высшей школы, Комитет по радиофикации и радиовещанию, а также ТАСС. Это было заметное сужение сферы его полномочий по сравнению с прошлым годом.

Преобразование НКВД в МИД названием не ограничилось. Была изменена структура отделов, которые теперь строились преимущественно по географическому принципу. Сотрудники должны быть специалистами по своим странам и регионам.

Вернувшись в конце 1946 года домой триумфатором, Молотов добился ухода из МИДа унаследованных со времен войны заместителей – Литвинова, Майского и Деканозова. На их места

были назначены молотовские выдвиженцы Гусев, Громыко и Малик. Но присматривать за Молотовым в МИДе остался Вышинский, у которого со Сталиным были свои отношения.

В декабре 1946 года АН СССР избрала Молотова почетным академиком «за выдающиеся заслуги в развитии марксистско-ленинской науки об обществе, государстве и международных отношениях, за исключительные заслуги в деле строительства и укрепления Советского государства». Сталин тогда отчитал Молотова, который, поблагодарив академиков за избрание, подписался «Ваш В. Молотов». Кто такие эти академики, чтобы так радоваться по поводу приобщения к их сонму: «Мне кажется, что тебе как государственному деятелю высшего типа следовало бы иметь больше заботы о своем достоинстве». Молотов, который в своей телеграмме проявил элементарную вежливость, привычно признал свою «глупость»¹. Действительно, государственные деятели выглядят глуповато, когда их избирают академиками – все понимают, что это не за научные заслуги. Но и академики, голосуя за такого сочлена, выглядят не умнее.

Сталин остался не очень доволен тем, как шли дела в Совмине в отсутствие старого соратника, и снова посадил Молотова одесную от своего престола. 22 февраля 1947 года на Молотова как на первого зама Сталина было возложено председательство в Совете министров при замещительстве Вознесенского. Молотов занялся курированием комитетов Совмина, связанных с обороной (специального, радиолокации, реактивной техники), а также валютного. Военная авиация переходила на реактивные двигатели. Создававшаяся при участии Молотова реактивная авиация даст бой над Кореей через несколько лет.

30 мая 1947 года Молотов возглавил вновь созданный Комитет информации при Совете министров СССР, руководивший советскими спецслужбами. Такое объединение разведслужб сказалось и на работе за рубежом, где разведчики разных ведомств были подчинены главным резидентам. Это сделало работу более скоординированной, но уменьшило возможности советского руководства получать альтернативную информацию.

9 января 1947 года состоялась важная встреча Сталина и Молотова с Курчатовым. Дела шли неплохо, но медленно. Был создан экспериментальный реактор, началась добыча урана в Таджикистане, под Челябинском строились промышленный ре-

¹ Вождь: И.В. Сталин в документах и фотографиях. Кн. 5. С. 60.

*Николай Алексеевич
Вознесенский
1940-е
[Из открытых
источников]*

актер и комбинат «Маяк». Но американцы уже почковали бомбы. Скорее, скорее товарищи ученые.

А вот предпринять кардинальные меры по облегчению положения села не удалось. Микоян вспоминал: «Мы ехали в машине к Сталину на дачу, и Молотов сказал мне: “Я собираюсь внести Сталину предложение о повышении цен при поставках хлеба колхозами государству”... Когда мы приехали, Молотов при мне стал доказывать Сталину, что крестьяне мало заинтересованы в производстве хлеба, что нужно поднять эту заинтересованность, то есть нужно по более высоким закупочным ценам оплачивать поставки хлеба государству. “У государства нет такой возможности, делать этого не следует”, – коротко сказал Сталин, и Молотов не стал возражать»¹. Восстановление промышленности и городов, наращивание военного потенциала требовало жертв, и Сталин считал, что село должно терпеть.

Работа экономики на грани человеческих возможностей приводила к сбоям. Сталин был недоволен качеством экономического планирования, невыполнением планов. У Молотова тоже были претензии к составлению планов, но он считал ответствен-

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 576.

ным за их невыполнение не руководителя Госплана Вознесенского, а самого Сталина, который давит на всех, требуя невозможного. Во всяком случае так это вспоминалось ему много лет спустя: «Я выступал, конечно, в узкой своей среде – не согласен был с ним по ряду вопросов. Обсуждали новую пятилетку – я всегда был сдерживающим насчет капитального строительства. Все натягивается, натягивается и не выполняется полностью. Но, когда мы даем план больше, чем выполняем, в одном месте рвется, начинаем затыкать, прибавляем к другому месту. План, значит, заново надо. “Кто виноват?” – он говорит. У него на даче. Человек шесть-семь... Он говорит: “Нельзя у нас добавлять, добавлять, а потом тут возьмем, там... Кто виноват?” – “Ты виноват!” – я ему.

Он разозлился. “Ты же все время добавляешь! – я ему так горяча, при всех, ну, своя компания. – Все время, придут к тебе, ты еще добавишь, еще!”»¹

Одно из важнейших социально-экономических мероприятий, которое готовил Молотов, – денежная реформа 14 декабря 1947 года. Была отменена карточная система. Масштаб цен снижался в 10 раз вместе с зарплатами. Старые деньги можно было обменять на новые 1 к 10, но в очень короткие сроки – до 22 декабря (в отдаленных районах – до 29 декабря). В выигрыше оказались те, кто хранил деньги в сберкассах (там обмен производился по номиналу для вкладов до 3000 рублей и далее в пропорции 3:2 до 10 тысяч и 2:1 свыше этой суммы). На продукты были введены единые государственные цены, которые повысились по сравнению с ценами по карточкам. В дальнейшем проводилось снижение цен на потребительские товары, и соотношение цен и зарплат стало приближаться к довоенному.

Совмещать работу в Совмине и МИДе в 1947 году Молотову помогло то обстоятельство, что следующая сессия СМВД проходила в Москве. Сюда 10 марта прибыл новый партнер Молотова, с которым будет связана эпоха американской внешней политики. На посту Государственного секретаря США Бирнса 20 января 1947 года сменил генерал Дж. Маршалл, знакомый Молотову в качестве начальника штаба армии США в военные годы.

Теперь в центре внимания министров была Германия. Американский автор Б. Стил считает, что преимуществом Маршалла на этих переговорах было то, что у американского госсекретаря

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 470.

«был план (или хотя бы схема) того, как освободиться от формальных обязательств Ялтинской конференции и в одностороннем порядке добиться прогресса в вопросах, важных для США... Молотов запасной позиции не имел: в то время идея Западной Германии, свободной от советского контроля, находилась пока за гранью его воображения»¹. Такая оценка говорит о том, что Б. Стил изучил тексты Маршалла гораздо лучше, чем речи Молотова. Нарком вполне представлял себе перспективу разделения Германии и прямо обвинял партнеров в том, что они действуют в этом направлении. Говоря об объединении западных оккупационных зон, Молотов возмущался: «Таким образом, произведено расщепление Германии, которое может иметь самые отрицательные экономические, а также политические последствия. Это соглашение в корне противоречит решениям Берлинской конференции об экономическом единстве Германии»². Так что Молотов прекрасно видел отмеченное Б. Стилом стремление Маршалла взломать ялтинско-потсдамскую систему.

Только министры начали обсуждение, как 12 марта Трумэн выступил в конгрессе с речью, которая стала известна как «Доктрина Трумэна». Президент заявил, что с Турцией и Грецией у коммунистов не должно получиться так, как с другими странами Восточной Европы. Они получают американскую финансовую и военную помощь. И это — только начало. После Второй мировой войны США не вернутся к изоляционизму, а продолжат определять судьбы мира в глобальном масштабе. «Я убежден, что политикой США должна стать поддержка свободных народов, сопротивляющихся внешнему давлению или попыткам вооруженного меньшинства подчинить их себе»³. Это выступление закладывало основу дальнейших шагов администрации США, направленных против СССР и коммунистического движения. Оно также задавало тон неуступчивой позиции США на СМВД.

Молотов тоже был настроен решительно и обрушился на партнеров с критикой: в Германии они притесняют коммунистов на местных выборах, в каких-то подозрительных видах сохраняют нераспущенными германские и бывшие коллаборационистские воинские формирования и вообще плохо преследуют бывших фашистов. Маршалл защищался: «Одними лишь мерами по-

¹ Стил Б. Указ. соч. С. 70.

² Молотов В.М. Вопросы внешней политики. С. 366.

³ Цит. по: Стил Б. Указ. соч. С. 56.

давления, то есть, лишения нацистов политических позиций и влияния, мы не сделаем Германию демократией». Восхитившись этой репликой, американский посол У. Смит охарактеризовал ее как «самое смелое заявление в защиту прав человека, когда-либо озвученное в Советской России». При этом он не объяснил, почему защиту прав человека нужно смело начинать именно с нацистов. «Одного этого было довольно, чтобы вызвать неприязнь Молотова, считавшего демократизацию Германии враждебным актом, нацеленным на подрыв государственной мощи Советского Союза»¹, – комментирует Б. Стил. Этот пассаж также лучше характеризует мышление американских представителей, чем Молотова, логику которого Б. Стил в данном случае совсем не понимает. Дело в том, что на этой конференции Молотов неоднократно и последовательно выступал как раз за демократизацию Германии, и даже не из демагогических пропагандистских видов, а весьма практично и конкретно. У него были основания считать, что по мере углубления социального кризиса в Германии у коммунистов и их союзников будут высокие шансы успешно выступить на общегерманских выборах. А это дало бы СССР возможность претендовать на доминирование не только в своей небольшой зоне оккупации, а в Германии в целом. Поэтому Молотов предложил партнерам приступить к восстановлению единой Германии как нейтральной парламентской республики.

За основу Молотов предложил принять Веймарскую конституцию, но без широких полномочий президента, которые ведут к авторитаризму. Партнеров Молотов раскритиковал за то, что они провели выборы в землях как им выгодно в зависимости от ситуации в каждой земле, а «не на основе единой для всей Германии демократической избирательной системы». Маршалл стремился создать единое германское правительство быстро, до сложного конституционного и выборного процесса – из глав правительств земель. Молотов, недовольный результатами местных выборов в западных зонах оккупации, возражал: «Мне кажется, было бы крайне нежелательным, чтобы немцы восприняли наше предложение, как направленное *против существования Германии как единого государства*. А образование временного правительства только из глав правительств земель, конеч-

¹ Там же. С. 71.

но, подрывает политическое единство Германии»¹. Вообще-то в 1919 году временная конституция в Германии принималась как раз на совещании представителей регионов.

Если при обсуждении вопроса о восстановлении единой Германии Молотов был настроен к ней позитивно, то по вопросу о восточных границах он был неумолим – пересматривать ялтинско-потсдамские решения нельзя ни на километр. Также Молотов продолжал настаивать на фиксации цифры в 10 млрд долларов в качестве советской доли репараций. Уже вывезенное из Германии в СССР имущество он оценивал в 5 млн долларов.

Маршалл попытался обойти Молотова, встретившись со Сталиным 15 апреля. Госсекретарь стал жаловаться на неуступчивость министра, на то, что тот необоснованно обвиняет американцев в намерении расчленить Германию (как мы видели, в этом Молотов был не далек от истины). Как обычно в таких случаях, Сталин проявил на переговорах не меньшую жесткость, чем Молотов. Советский лидер не пошел на какие-либо уступки и стал требовать займ в 6 млрд долларов и согласие США с советскими репарационными требованиями². Советскому Союзу нужны были деньги, чтобы ускорить экономическое возрождение и облегчить положение населения.

На встрече со Сталиным Маршалл анонсировал то, что вскоре станет известно как «план Маршалла»: США планируют оказать помощь «тем странам, которые страдают от ухудшения экономической ситуации, могущей привести, если не принять мер, к экономическому краху и последующему исчезновению каких-либо шансов на демократическое возрождение»³. У Сталина было противоречивое отношение к этой идее: с одной стороны, он был не прочь получить американскую помощь для СССР и его восточноевропейских сателлитов, с другой – не испытывал энтузиазма по поводу «демократического возрождения» Западной Европы.

Маршалл осознал, что обойти Молотова не удастся, а Молотов понял, что чем более неуступчивым он будет, тем это больше понравится Сталину. Загонять переговоры в тупик Молотов умел.

¹ Молотов В.М. Вопросы внешней политики. С. 358, 418–419.

² Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 406–413.

³ Цит. по: Пэрриш С. Поворот к конфронтации: советская реакция на план Маршалла, июнь 1947. // Холодная война: Новые подходы, новые документы. М., 1995. С. 154.

*Джордж
К. Маршалл-младший
1940-е
[Из открытых
источников]*

В итоге 24 апреля сессия СМВД завершилась безрезультатно. У американского руководства сложилось впечатление, что советские лидеры не хотят договариваться по поводу Германии, ибо намерены дестабилизировать ситуацию в разрушенной и отчаявшейся Европе, после чего получить больше, чем Германия.

Как остановить коммунистов, влияние которых растет на почве послевоенной бедности и разрухи? Ответ американцев – материальная помощь и инвестиции. За время войны США накопили значительный запас материальных ресурсов и финансов, которые теперь можно было предоставить Европе под определенные обязательства. Одновременно с предоставлением помощи нужно было сформировать план возрождения европейской экономики на основе интеграции Европы. На совещании 28 мая у Госсекретаря обсуждалось, как сделать участие СССР в таком плане проблематичным, но одновременно вовлечь в него страны Восточной Европы¹.

¹ Наринский М.М. СССР и план Маршалла // Холодная война: Новые подходы, новые документы. С. 172.

Выступая 5 июня 1947 года в Гарвардском университете, Маршалл огласил идею финансово-экономической помощи Европе, которая получила известность как «план Маршалла». Правда, пока это была только декларация намерений создать план на основе таких принципов: «Было бы неправильно и неэффективно, если бы правительство США взялось бы вырабатывать программу того, как поставить на ноги экономику Европы. Это – дело самих европейских народов. Инициатива, по-моему, должна исходить от Европы. Роль Америки должна состоять в оказании помощи в разработке европейской программы в той мере, в какой это вообще реализуемо. Программа должна быть коллективной – согласованной если не со всеми, то значительным числом европейских государств»¹.

Молотов внимательно прочитал речь и подчеркнул особо заинтересовавшие его места – о тяжелой ситуации в Западной Европе, о том, что «Соединенные Штаты должны сделать все, от них зависящее, чтобы помочь вернуть мир к его нормальному экономическому состоянию». Молотов подчеркнул и фразы с намеками на СССР: «Наша политика направлена не против какой-либо страны или доктрины, а против голода, нищеты, отчаяния и хаоса»; «правительства, политические партии и группы, которые стремятся увековечить людскую нищету, чтобы из этого извлечь политические или иные выгоды, встретят оппозицию со стороны Соединенных Штатов Америки»². Также Молотов подчеркнул приведенные выше принципы составления плана, изложенные в конце выступления Маршалла.

В.А. Никонов считает, что план Маршалла «оставлял Кремлю выбор только между плохими вариантами ответа. Соглашаясь принять план Маршалла, СССР открывал американцам возможность решительно проникнуть в зону советского влияния в Восточной Европе. Не соглашаясь, Москва сама бы выступила инициатором разделения Европы, против чего Молотов так решительно боролся все эти годы»³. Впрочем, историк С. Пэрриш полагает, что в Москве не сочли вызов Маршалла цугцвангом: «...на основе внимания Молотова к трем пунктам в заключитель-

¹ Выступление Джорджа Маршалла в гарвардском университете // Стил Б. Указ. соч. С. 471.

² Пэрриш С. Указ. соч. С. 157–158.

³ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 277.

ной части речи можно предположить, что у Москвы еще была надежда обратиться предложениям госсекретаря на пользу СССР»¹.

Бевин и Бидо пригласили СССР на конференцию, посвященную послевоенному восстановлению Европы. При этом американскому послу во Франции они сказали, что надеются на «отказ Советов сотрудничать»². Однако 21 июня Политбюро решило, что СССР заинтересован в участии в программе помощи. Как пишет историк М.А. Липкин, «о заинтересованности Москвы в присоединении к этому плану говорит состав советских экономистов – членов советской делегации на Парижское совещание. В их число входил имевший мировой авторитет, хотя и опальный в то время в СССР академик Е. Варга, руководители европейских отделов МИДа, включая правовой и экономический. О серьезности отношения Москвы говорят и директивы для советской делегации на этом совещании»³. Подготовленные Молотовым и отредактированные Сталиным, они предполагали отстаивание экономического суверенитета европейских стран от США и даже возможность вовлечения в план Германии, но при условии ее предварительного объединения (что лишний раз подтверждает заинтересованность в этом советских лидеров). Б. Стил комментирует: «Содействовать американскому плану Сталин совершенно не собирался»⁴. Если иметь в виду план, основанный на перспективе расчленения Германии, то конечно. Но перспектива американской экономической помощи Европе очень заинтересовала советскую сторону. Ради этого можно было бы отказаться от жесткого раздела Европы на сферы влияния, чтобы превратить Германию, Австрию и Восточную Европу в сферу взаимодействия с Западом, получения ресурсов на восстановление СССР – в том числе и американской помощи. Кстати, Бевин тоже надеялся, что план Маршалла позволит «в кратчайшие сроки поднять железный занавес»⁵. Это казалось реальным по обе стороны еще не вполне опущенного «занавеса».

Конференция министров иностранных дел, посвященная этой проблеме, проходила в Париже 27 июня – 2 июля. Прибыв

¹ Пэрриш С. Указ. соч. С. 158.

² Наринский М.М. Указ. соч. С. 173.

³ Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 40-х – конец 60-х годов. М., 2016. С. 104.

⁴ Стил Б. Указ. соч. С. 136.

⁵ Там же. С. 137.

в Париж, Молотов писал жене: «В данном случае мои партнеры больше заинтересованы шкурно. Кажется, кое-кто рассчитывал, что СССР откажется участвовать в этих совещаниях, и теперь не очень обрадован нашим согласием. Но, конечно, наше участие необходимо»¹.

28 июня Молотов предложил выстраивать программу помощи исходя из заявок самих получателей, а не по общему плану, который в тех условиях мог составляться под контролем американцев, как донаторов. Молотов понимал, что СССР может контролировать заявки восточноевропейских стран, но публично подчеркивал: «Попытки вмешательства извне в экономическую жизнь отдельных стран не давали и не могут дать положительных результатов»². Конечно, Вячеслав Михайлович имел в виду вмешательство капиталистических государств. Через полтора года он будет создавать структуру интеграции восточноевропейских экономик.

В разгар переговоров 30 июня Молотов узнал, что по данным советской разведки заместитель Государственного секретаря США Дж. Клейтон договорился с британским правительством о том, что «Германия все еще является ключом к европейской экономике». Без нее нельзя обойтись при восстановлении как минимум Западной Европы. Германия не является членом ООН, поэтому механизмы помощи Европе нужно выстраивать в обход ООН. Поскольку США станут вкладываться в западногерманскую экономику, необходимо прекратить выплачивать репарации Советскому Союзу из Западной Германии. Для этого достаточно, чтобы США, Великобритания и Франция отказались от взимания репараций с западных зон – ведь СССР получает не фиксированную сумму, за что боролся Молотов, а долю от изъятых союзниками³. Такие подходы были неприемлемы для СССР.

Молотов 30 июня предложил создать Комитет, который соберет заявки на помощь прежде всего со стороны государств Антигитлеровской коалиции, то есть без Германии и Италии⁴. Но это было неприемлемо для западных партнеров, которые стремились вовлечь в общий процесс восстановления всю Западную

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 63–65.

² Молотов В.М. Вопросы внешней политики. С. 469.

³ Наринский М.М. Указ. соч. С. 175–176.

⁴ Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе... С. 110.

Европу, а желательную и Восточную, вне зависимости от того, кто на какой стороне был во время войны. Бидо заявил: «Смысл речи госсекретаря вполне ясен: без европейской взаимопомощи не будет американской помощи»¹. Молотов телеграфировал Сталину: ввиду коренного различия позиций «мы не рассчитываем на возможность какого-либо совместного решения по существу данного вопроса»².

2 июля Молотов говорил: «Вопрос об американской экономической помощи, о которой к тому же ничего определенного до сих пор не известно, послужил поводом для того, чтобы британское и французское правительства добивались теперь создания новой организации, стоящей над европейскими странами и вмешивающейся во внутренние дела стран Европы вплоть до определения того или иного направления развития главных отраслей промышленности в этих странах... Сегодня могут нажать на Польшу – производи больше угля, хотя бы и за счет ограничения других отраслей польской промышленности... завтра скажут, что надо потребовать, чтобы Чехословакия увеличила производство сельскохозяйственных продуктов и сократила свое машиностроение... будут заставлять Норвегию отказаться от развития своей стальной промышленности, так как это лучше устраивает некоторые иностранные стальные корпорации и т. д.»³. Через несколько десятилетий эти слова будут звучать пророчески, но фокус в том, что Молотов был отнюдь не против жесткого регулирования экономик Польши и Чехословакии из Москвы. Произнеся речь, Молотов покинул конференцию.

Западноевропейские партнеры вздохнули с облегчением. Бидо писал: «Я никогда не мог понять, почему Молотов так поступил. Продолжив контакты с нами, русские ничего не теряли, однако предпочли вернейший способ все проиграть наверняка». По мнению Гарримана, Молотов «мог бы расстроить план Маршалла, просто к нему присоединившись»⁴. Однако вскоре выяснится, что Молотов ушел не окончательно – они со Сталиным не отказались от мысли действовать через восточноевропейских союзников.

¹ Цит. по: Стил Б. Указ. соч. С. 145.

² Наринский М.М. Указ. соч. С. 176.

³ Молотов В.М. Вопросы внешней политики. С. 473–474.

⁴ Цит. по: Стил Б. Указ. соч. С. 148–149.

По итогам встречи Бидо и Бевин 3 июля объявили, что 12 июля откроется общеевропейское совещание министров иностранных дел в Париже для обсуждения плана Маршалла. Молотов ответил, что совещание с Бевином и Бидо пока не прояснило условия кредитования и повторил опасение, что осуществление плана может «поставить экономику этих стран в зависимость от интересов США»¹.

Восточноевропейским союзникам Молотов 5 июля дал указание принять участие в Парижской конференции, чтобы, как говорилось в письме югославскому руководству, «помешать американцам единодушно провести их план, а потом уйти с совещания и увести с собой возможно больше делегатов от других стран»². То есть, предполагалось дать бой и в случае успеха сорвать осуществление помощи на американских условиях. Это открывало возможность побороться за изменение условий. Однако 7 июля Молотов меняет установку: до 10 июля ответа Бидо не давать. Сталин и Молотов в это время продолжали обсуждать, как лучше выйти из сложившейся ситуации. Союзникам предлагалось ждать решения. Определились, что СССР в совещании участвовать не будет. Но сыграют ли восточноевропейские союзники в Париже как надо без непосредственного присмотра Молотова? Не соблазнятся ли кредитами настолько, чтобы пойти на политические уступки? И 8 июля Молотов дает указание никому в Париж не ехать, потому что «под видом плана восстановления Европы инициаторы совещания хотят на деле создать западный блок с включением в него Западной Германии»³.

Однако пока Сталин и Молотов колебались, многопартийное правительство Чехословакии успело принять решение об участии в конференции. 9 июля Сталин вызвал на ковер чехословацких премьер-министра К. Готвальда и членов правительства, включая беспартийного министра иностранных дел Я. Масарника. Сталин признавал: «Мы думали сначала, что лучше дать совет поехать на это совещание и там на месте сорвать его, и потом на основании полученных материалов от наших послов убедиться, что под ширмой кредитной помощи Европе организуется нечто вроде западного блока против Советского Союза. Тогда мы решили твердо и сказали свое мнение всем, что мы против уча-

¹ Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 437.

² Наринский М.М. Указ. соч. С. 178.

³ Там же. С. 179.

*Клемент Готвальд
1940-е
[Из открытых
источников]*

ствия на этом совещании 12 июля 1947 г.». То есть, сами советские лидеры поставили восточноевропейских союзников в неудобное положение своими колебаниями. Но Сталин стал высказывать претензии чехословацким лидерам: «Мы были удивлены, что вы решили участвовать на этом совещании. Для нас этот вопрос – вопрос дружбы Советского Союза с Чехословацкой республикой». На возражения Масарика о том, что стране важно получить кредиты, и решение принято правительством единогласно, Молотов рыкнул на него: «...само ваше участие в совещании будет против Советского Союза»¹. В качестве компенсации за отказ от участия в плане Маршалла Сталин обещал увеличить закупки чехословацкой продукции.

Масарик был деморализован: «Я ехал в Москву как свободный министр, а вернулся как сталинский лакей!»² В мире оставалось все меньше «свободных министров». 10 марта 1948 года, вскоре после установления коммунистического режима, Маса-

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. М.; Новосибирск, 1997. С. 672–673.

² Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. М., 2001. С. 49.

рик погиб, вероятно покончил с собой. Его сменил коммунист В. Клементис.

От участия в плане Маршалла отказались СССР, Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия и Финляндия. В нем приняли участие 16 стран Западной Европы, которые в 1948–1952 годах получили 14,3 млрд долларов. Согласно «доктрине Трумэна» помощь получила также Турция. Сам план помощи стал формироваться так, как предлагал Молотов – путем сбора заявок, согласование которых способствовало запуску процесса западноевропейской интеграции.

Отказ восточноевропейских государств от участия в Парижской конференции стал началом экономического раскола Европы, который способствовал политическому. Ведь помощь могла оказываться только странам с преобладанием частной собственности. Еще в мае 1947 года коммунисты были вынуждены покинуть правительства Франции и Италии. Американская помощь стала козырем антикоммунистических сил на выборах, который не позволил западноевропейским коммунистам повторить электоральный успех в 40–50-е годы. Из стран, отказавшихся от участия в плане Маршалла, капиталистическую систему потом сохранила только Финляндия.

В ответ на консолидацию Запада Политбюро ЦК ВКП(б) 14 октября 1947 года взяло курс на заключение двусторонних договоров о взаимопомощи с государствами Восточной Европы. Поводом по-прежнему считалась «германская угроза». Как разъяснил Молотов венгерским товарищам 16 февраля 1948 года, «договоры о взаимной помощи направлены против возможной агрессии со стороны Германии или государств, которые объединились бы с Германией в политике агрессии. Советское правительство исходит при этом из того, что без Германии в Европе невозможно развязать войну, представляющую опасность для Советского Союза, Венгрии, Румынии и других демократических стран»¹. Эта концепция опиралась на еще свежие воспоминания о германской экспансии, но характеризовала и представления советского руководства о том, что скорее всего Великобритания и США предпочтут действовать против СССР и его сферы влияния не своими силами, а руками возрожденной западногерманской

¹ Цит. по: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953: Очерки истории. М., 2002. С. 46.

военной машины. Соответственно, перевооружение Германии и включение ее западной части в западноевропейские военные союзы были для советского руководства индикатором нарастания военной опасности в Европе.

В конце ноября 1947 года Молотов направился в Лондон на очередную сессию СМВД. О своем пребывании в британской столице Вячеслав Михайлович писал жене: «Живем мы в посольстве. Никуда не ходим. Только раз – один раз – я ездил не на заседания и не на приемы, – это на могилу К. Маркса, где я был впервые. Посылаю тебе любительский снимок этого посещения. Раз в неделю здесь же в доме посольства смотрим кино. Смотрел “Сельскую учительницу” (“Воспитание чувств”). Довольно хорошая картина. Марецкая вполне справилась с трудными превращениями. Только что смотрели новый английский фильм “Идеальный муж” Оскара Уайльда. Хороший фильм. Стоит показать и нашей публике». Еще бы – сюжет разоблачает буржуазных политиканов. На приеме Молотов встретил старого знакомого Черчилля, который поведал, что в мемуарах защищает «политику СССР в предвоенные годы, в частности, в период Мюнхена. Я всегда был и остаюсь врагом коммунизма, но всегда был и остаюсь другом России и, несмотря на нынешние политические разногласия, горячо приветствую Сталина как своего товарища по оружию в годы войны»¹.

Сессия СМВД должна была сдвинуть с мертвой точки германский вопрос. В условиях все более очевидного раздела Европы германское единство становилось проблематичным. Ни одна из сторон не согласилась бы отдавать Германию противнику целиком. В то же время нельзя было запустить план Маршалла, не определившись с будущим этой страны. У американцев был резон торопиться, а Молотов имел основание считать, что время работает на него. Не захотели договариваться по экономическим вопросам с СССР – не получите добро на экономическое освоение Германии, без чего весь ваш план останется в подвешенном положении.

Ситуацию осложнило предложение Бевина дать СМВД право пересматривать решения Ялты и Потсдама. Молотов твердо встал на их защиту. Действительно, как министры могут отменять решения глав правительств? Такой подход связывал руки Маршаллу, Бевину и Бидо в ревизии решений, приня-

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 72–74.

тых до начала Холодной войны. Но и выполнить их полностью в новых условиях было невозможно. Нужно «быть все время на чеку, в напряжении, чтобы чего-нибудь не упустить, не промахнуться»¹, – писал Молотов жене.

Узел затягивался, что в принципе устраивало Молотова. Стороны обвиняли друг друга в пропаганде и оскорблениях. 15 декабря Бидо предложил отложить дальнейшие дискуссии на СМВД на неопределенный срок, «чтобы не усугублять наших разногласий». Председательствующий Маршалл закрыл сессию и вышел из зала. Подводя итоги лондонской встречи 31 декабря 1947 года, Молотов говорил: «...восстановление полного мира в Европе, как и восстановление единства германского государства, без чего нельзя заключить мирного договора с Германией, поставлены Соединенными Штатами Америки в зависимость от принятия американского плана в отношении Германии и Европы... Эта политика диктата не могла не встретить отпора со стороны Советского Союза... и привела к провалу Лондонского совещания»². Послепотсдамское сотрудничество, проводившееся через СМВД, исчерпало себя. Бывшие союзники были теперь в большей степени заинтересованы в формировании своих блоков, чем в общих переговорных площадках.

В противовес плану Маршалла СССР интенсифицировал заключение двусторонних договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи экономических договоров с государствами Восточной Европы. 4 февраля 1948 года такой договор был заключен с Румынией, 18 февраля – с Венгрией, 18 марта – с Болгарией, а 6 апреля – с Финляндией.

В.А. Никонов считает: «Именно с середины 1947 года началось давление со стороны Москвы на страны Восточной Европы в сторону их советизации»³. В действительности, советизация Восточной Европы не проводилась. Была избрана другая модель формирования коммунистических режимов, соответствующая внешнеполитическим задачам СССР. В Москве было решено не советизировать восточноевропейские страны, что означало бы присоединение к СССР по прибалтийскому сценарию. В глазах всего некоммунистического мира это было бы

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 72.

² Молотов В.М. Вопросы внешней политики. С. 562–563.

³ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 281.

очевидной агрессией, территориальным расширением далеко за пределами бывшей Российской империи. В условиях сложной борьбы с Западом это было совершенно неуместно. В результате серии прокоммунистических переворотов, давления СССР и подтасовок выборов в странах Восточной Европы были установлены системы так называемой «народной демократии», которая предполагала сохранение фасада парламентской многопартийной системы, за которым будет выстроен просоветский коммунистический режим¹. Ломка социальных отношений в Восточной Европе не была результатом только силового давления СССР и коммунистических интриг. В первые послевоенные годы СССР и его опыт были весьма популярны в странах Восточной Европы. Иногда популярнее местных коммунистов. «Для тех, кто хотел решительно разойтись с прошлым, но ничего толком не знал о советской действительности, Советский Союз был страной сбывшихся надежд»², – писал бывший чехословацкий коммунист З. Млынарж. Коммунисты предлагали цельную систему переустройства общества, как казалось, способную решить проблемы восточноевропейских стран, действительно переживавших социальный кризис.

Коммунисты не только использовали существующие политические институты, но и признавали необходимость их сохранения. «У нас же функции законодательные и исполнительные разделены, и государственная власть опирается на парламентскую демократию», – с гордостью говорил лидер ПОРП В. Гомулка, характеризуя особенности режима народной демократии³. Полякам доверили идти к социализму своим путем. Пока. 23 мая на встрече с просоветской польской делегацией под руководством Берута и Осубка-Моравского Сталин заявил: «В Польше нет диктатуры пролетариата, и она там

¹ Петров Н.В. Роль МГБ в советизации Польши (проведение референдума и выборов в Сейм 1946–1947 гг.) // Сталин и холодная война. С. 107–119; Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе 1944–1948 гг. М., 1993; Nagy F. Struggle behind the iron curtain. N.Y., 1948; Taborsky E. President Edvard Benes. Between East and West. 1938–1948. L., 1981.

² Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 8.

³ Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994. С. 93.

не нужна. По сути дела, сейчас нет диктатуры пролетариата и в СССР»¹.

Некоммунистические партии часто сохранялись. Лидеры, сопротивлявшиеся коммунистам, подвергались арестам, а оставшиеся конформисты принимали решения либо о слиянии с компартией, либо о вхождении в «широкий» блок партий под руководством коммунистов. Судьбы политиков «народной демократии» зависели от готовности выполнять указания Москвы.

3. КОМИНФОРМ И ЮГОСЛАВСКИЙ РАСКОЛ

Колебания по поводу плана Маршалла в Праге и Варшаве стали тревожным сигналом для Сталина и Молотова. В этих условиях перед советским руководством встала проблема: нужно было укрепить руководство компартиями, но не восстанавливать их формальное подчинение единой организации, подобной Коминтерну. Маневр с роспуском Коминтерна приносил противоречивые плоды. Ориентация партий на решение проблем национальной политики «демократическим» путем способствовала росту их влияния, особенно в таких странах, как Франция и Италия. В то же время управление западноевропейскими партиями из СССР носило теперь нерегулярный характер, многие вопросы коммунистам приходилось решать «на местах» в соответствии с собственным опытом, как считали в Кремле – недостаточным.

По этой линии выстраивалась внешнеполитическая структура, параллельная аппарату Молотова. Взаимодействием с «братскими партиями» занимались Жданов, Маленков и Суслов. Было решено провести совещание европейских коммунистических партий, на котором создать какую-то структуру, для начала – для информационного обмена. Эта организация будет называться Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ).

Первое совещание Коминформа состоялось в Шклярской Порембе (Польша) 22–28 сентября 1947 года. С докладом выступил член Политбюро ЦК ВКП(б) Жданов, который говорил о разделе мира на два лагеря – «агрессивный империалистический» и

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 443–463.

*Андрей Александрович
Жданов
1940-е
[РГАСПИ. Ф. 77.
Оп. 1. Д. 1008. Л. 104]*

«демократический антифашистский». Эта картина напоминала речь Черчилля о «железном занавесе». Два мира безо всяких «буферных» нейтральных зон. Французские и итальянские коммунисты подверглись критике за увлечение «парламентским, мирным путем» к социализму, который в сложившейся обстановке не оправдал себя. Советскую критику особенно решительно, до грубости, поддержали югославские представители М. Джилас и Э. Кардель.

Когда посланники Москвы сообщили восточноевропейским товарищам, что предстоит создать организацию, координирующую работу коммунистических партий, заартачился хозяин встречи Гомулка. Ведь ему говорили, что будет создана чисто информационная структура. А тут – «новый Коминтерн». Это может ударить по имиджу коммунистов в Польше, которые всеми силами доказывали, что ППР – национальная партия, а не марионетка Москвы. 25 сентября Жданов и Маленков созвонились с многоопытным Молотовым, и он предложил им уговорить Гомулку согласиться сначала на создание информационной структуры, но обязательно именно структуры. А полномочия можно будет добавить потом. Сталин, однако, решил, что эти полумеры недостаточны, и дал указание сразу добиваться признания за

новой организацией права координировать работу компартий. 27 сентября Гомулка нехотя с этим согласился¹.

В итоге решили, что пришло время покончить с «разобщенностью» между компартиями в условиях «усложнения послевоенной международной обстановки». Для этого было необходимо постоянно согласовывать свои политические решения с общим центром. Участники совещания договорились создать Информационное бюро из представителей компартий Югославии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Польши, Франции, Чехословакии, Италии и ВКП(б). Это Информационное бюро, получившее известность как Коминформ, должно было заниматься обменом опытом, но «в случае необходимости» – и координацией «деятельности компартий на основах взаимного согласия»².

Коминформ располагался в Белграде – столице Югославии, где позиции европейского коммунистического режима были наиболее прочными за пределами СССР. Югославы казались наиболее близкими союзниками ВКП(б) даже среди коммунистических партий. Ничто вроде бы не предвещало скорого конфликта. Развивалось экономическое сотрудничество, в стране работали советские специалисты, 4 февраля 1947 года были подписаны соглашения о создании советско-югославских пароходного и авиационного акционерных обществ, 25 июля – о поставках в кредит промышленного оборудования.

Сталин руководит мировым коммунизмом, а кто станет лидером Коминформа? 27 мая 1946 года Сталин, выпивая и закусывая с югославской делегацией, сказал: «Тито пусть бережется, чтобы с ним ничего не могло случиться, ...ибо я не буду долго жить... физиологические законы.., а ты останешься для Европы»³. Подчеркивая особую роль Тито, Сталин пригласил его на трибуну Мавзолея во время церемонии похорон Калининна 5 июня 1946 года.

¹ Гибианский Л.Я. Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 40-е годы // Холодная война: Новые подходы, новые документы. С. 118–122.

² См.: Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949: Документы и материалы. М., 1998.

³ Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг.: Документы и материалы. Новосибирск, 2010. С. 98.

Участвуя во внешнеполитической игре СССР, Тито в то же время заявлял: «...мы не будем разменной монетой, мы не хотим, чтобы нас вмешивали в политику сфер интересов...»¹ Ощущая свою силу, югославские коммунисты претендовали на некоторую самостоятельность, на получение своей зоны ответственности в коммунистическом лагере в виде федерации на Балканах. Это стремление к созданию Балканской федерации совпало с подобными настроениями и в Болгарии. Ее возглавлял недавний «человек № 2» в коммунистическом движении, бывший глава Коминтерна Димитров. Правда, он уже был пожилым и нездоровым.

Федерация должна была объединить Югославию, Болгарию, Албанию и, возможно, Грецию. Однако намерение Тито включить Болгарию в югославскую федерацию не устраивало болгарское руководство, которое настаивало на объединении большой Югославии и маленькой Болгарии на равноправных основах². Москва в принципе поддерживала идею объединения, но в январе 1946 года Молотов объяснил болгарской делегации, что торопиться не нужно, так как Болгария до заключения мирного договора еще неравноправна. А Тито не горел желанием объединиться с Болгарией на паритетных основаниях, так как это поставило бы в неравноправное положение народы Югославии, которые оказались бы с болгарами в неравном статусе. Гораздо больше югославских лидеров интересовала возможность включить в Югославию неславянскую, но стратегически важную Албанию³.

Вопрос о создании федерации Югославии, Болгарии и Албании обсуждался во время визита Тито в СССР 27 мая 1946 года. Это был дружеский откровенный разговор. Сталин спросил, согласен ли албанский лидер Э. Ходжа на включение Албании в состав федерации Югославии, и Тито ответил утвердительно. Оба, однако, не очень-то доверяли Ходже, вокруг которого развернулась борьба сторонников и противников интеграции с Югославией. Сталин поставил вопрос о включении в Югославию Болгарии, и Тито выразил сомнение. Его смущало, что в Болгарии сохраняется монархия и у власти еще не стоят коммунисты. Сталин настаивал: «Это нужно сделать». «Молотов заметил, что

¹ Гиренко Ю.С. Сталин – Тито. М., 1991. С. 275.

² Там же. С. 259.

³ Гибианский Л.Я. Указ. соч. С. 103.

*Энвер Х. Ходжа**1940-е**[Из открытых источников]*

в данный момент могут возникнуть трудности в связи с тем, что с Болгарией еще не заключен мирный договор. Болгария рассматривается как прежняя вражеская держава». Но Сталин отвел оба эти возражения: ситуация в Болгарии будет постепенно меняться, а с Польшей СССР тоже заключил договор до международного признания ее правительства. Так что с известной осторожностью нужно двигаться к интеграции. Определили последовательность: сначала Триест, потом Албания (можно даже одновременно с Триестом), а потом – Болгария, сразу после заключения мирного договора¹.

На встрече в Бледе 30 июля – 1 августа 1947 года Югославия и Болгария согласовали текст бессрочного Договора о дружбе и взаимопомощи. Тито и Димитров получили взбучку от Сталина за то, что не посоветовались об этом акте – ведь мирный договор с Болгарией пока не вступил в силу. И бессрочность югославо-болгарского соглашения может вызвать международные осложнения. В письме Сталина Тито говорилось: «Со-

¹ Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг. С. 92–96.

ветское правительство считает, что оба правительства допустили ошибку, заключив пакт, к тому же бессрочный, до вступления в силу мирного договора, несмотря на предупреждение Советского правительства»¹. Димитров и Тито тут же согласились со Сталиным.

Мирный договор с Болгарией вступал в силу 15 сентября. В итоге подписание югославско-болгарского договора было перенесено на 27 ноября, и он стал 20-летним. Приличия были соблюдены, но осадочек остался. А 17 января 1948 года Димитров на пресс-конференции рассказал о перспективах создания федерации в Восточной Европе, включив в число потенциальных участников страны «народной демократии» и Грецию². Через неделю Сталин телеграфировал Димитрову, что его выступление «наносит ущерб странам народной демократии и облегчает борьбу англо-американцев против этих стран». А 28 января «Правда» сообщила на весь мир, что публикация на ее страницах выступления Димитрова «не означает, что редакция “Правды” солидаризируется с тов. Димитровым в вопросе федерации и таможенной унии указанных стран. Наоборот, редакция “Правды” считает, что эти страны нуждаются не в надуманной федерации или конфедерации и не в таможенной унии, а в укреплении и защите своей независимости и суверенитета путем мобилизации и организации внутренних народно-демократических сил, как правильно сказано об этом в известной декларации девяти коммунистических партий»³.

Одновременно развернулась борьба между сторонниками и противниками югославской гегемонии в Албании. Противники Тито переориентировались на прямые связи с СССР. Еще в январе 1948 года Сталин говорил представителю Югославии Джиласу, что он не против поглощения Албании Югославией. «При этом он собрал вместе пальцы правой руки и, поднеся их к губам, сделал жест, как будто хотел проглотить их». Джилас заметил, что речь идет не о поглощении, а об объединении, на что Молотов возразил: «Но это и есть поглощение»⁴. Сталин и Молотов были готовы к созданию обширной балканской федерации, возможно даже под прежним названием Югославия, но

¹ Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 325.

² Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг. С. 217.

³ Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. 640.

⁴ Джилас М. Указ. соч. С. 163.

при определенных условиях – прежде всего полной лояльности и управляемости югославского руководства.

Поскольку как раз при строительстве федерации Сталин почувствовал нелояльность, вскоре именно в этом направлении из Кремля полетели молнии. Но это был скорее повод, чем причина конфликта. Сталин был против не того, что создают югославские и болгарские коммунисты, а как они это создают – самостоятельно, не согласуя с Москвой каждый шаг.

Еще 17 января ничего не предвещало конфликта, Джилас докладывал о встрече со Сталиным: «Беседа сразу коснулась Албании. Сталин изложил свою позицию, так что мне осталось мало что сказать. Взгляды были одинаковы, было видно, что он хорошо информирован». Сталин и Джилас согласились, что не нужно торопиться с включением Албании в Югославию, «чтобы по возможности сохранить таких колеблющихся людей как Энвер, чтобы не создавалось впечатление, что югославы хотели их поработить и т. п.»¹. То есть, на этом этапе Э. Ходжа рассматривался как попутчик, а югославские и советские коммунисты должны были проявлять тактичность к албанскому национал-коммунизму. А Тито как раз не очень этого хотел, стремясь как можно скорее закрепить югославский контроль над переменчивой албанской ситуацией, и 19–20 января договорился с Ходжей о вводе югославской дивизии в район Корчи на юге Албании.

Советский посол А. Лаврентьев сообщил об этом Молотову 21 января, причем информация была получена не от Тито. Советские специалисты к принятию этого решения не привлекались. Тито объяснил Лаврентьеву свои мотивы неделю спустя: «Нужно дать понять греческим монархистам и их покровителям, что Югославия будет серьезно защищать Албанию». Это была неслыханная дерзость: Тито без ведома Сталина и Молотова принял решение об эскалации конфликта с Грецией, обстановка вокруг которой и так была взрывоопасной. Если в 1946–1947 годах Сталин был готов ставить на Тито на Балканах и переводить под его контроль и Албанию, и Болгарию (совместно с более пожилым Димитровым), то теперь выяснилось (хотя поводы для таких подозрений Тито давал и раньше), что югославский вождь собирается пользоваться этим наследием самовольно, исходя из своих балканских интересов, игнорируя глобальный международный контекст.

¹ Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг. С. 210.

Это было критически опасно в условиях разгоравшейся Холодной войны. Тито активно поддерживал греческих коммунистов, которые вели гражданскую войну. В случае их победы Греция могла стать частью Балканской федерации. А Сталин и Молотов понимали, что победа коммунистов в Греции будет воспринята на Западе как нарушение линии раздела Европы и чревата неблагоприятными последствиями мирового масштаба. Из-за югославского вмешательства в Греции во многом и была принята «доктрина Трумэна». 31 января Молотов направил Тито жесткую телеграмму: «Вы считаете нормальным такое положение, когда Югославия, имея договор о взаимопомощи с СССР, считает возможным не только не консультироваться с СССР о посылке своих войск в Албанию, но даже не информировать СССР об этом в последующем». СССР не может нести ответственность за последствия таких действий. Хотя после протеста Лаврентьева отправка войск была остановлена, Молотов все равно заявил, что «между нашими правительствами имеются серьезные разногласия в понимании взаимоотношений между нашими странами, связанными между собой союзническими отношениями». Тито был шокирован этой телеграммой и тут же сообщил Лаврентьеву, что признает ошибку и больше ее не повторит. На что Лаврентьев предъявил следующее заготовленное в Москве обвинение – подписание болгарско-югославского соглашения 1947 года¹.

1 февраля Молотов пригласил на беседу в Москву проштрафившихся болгарских и югославских товарищей. Болгарскую делегацию возглавил сам Димитров, а югославскую Кардель. Тито не поехал каяться лично, что лишь усилило недоверие к нему в Москве. Молотов объяснил Димитрову, что своим заявлением он дал повод Западу говорить о складывании блока на востоке Европы. А это облегчает империалистам работу по формированию своего блока.

Вечером 11 февраля 1948 года Сталин собрал югославских и болгарских представителей. Первым на этом судьбоносном совещании выступил Молотов, который заявил о возникших советско-болгарско-югославских противоречиях, что «недопустимо как с партийной, так и с политической точки зрения». Примером разногласий является подписание югославско-болгарского договора «не только без ведома советского правительства, но и

¹ Там же. С. 211–213.

*Георгий Михайлович
Димитров
1940-е
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1.
Д. 260. Л. 1]*

вопреки его точке зрения», потому что Болгария должна была подождать, пока будет урегулирован ее статус в связи с подписанием мирного договора. Молотов пожелал более подробно остановиться на заявлении Димитрова в Бухаресте о создании Восточноевропейской федерации, в которую включалась и Греция, таможенного союза и координации экономических планов между Румынией и Болгарией. Однако Сталин оборвал его: «Товарищ Димитров слишком увлекается на пресс-конференциях – не следит за тем, что он говорит. И все, что он говорит, что говорит Тито, преподносится за границей так, будто это с нашего ведома». Подставляет советское правительство. Далее Молотов, время от времени поддерживаемый репликами Сталина, продолжил наступление на Димитрова. «Димитров пытался что-то объяснить, оправдаться, но Сталин все время перебивал его, не давая закончить». Сталин возмущался: «Мы узнаем о ваших поступках из газет». Но тут болгарский представитель Коларов сообщил, что проект болгарско-румынского договора направлялся в Москву и не встретил возражений. «Сталин повернулся к Молотову:

– Они присылали нам проект договора?

Молотов, не смутившись, но и не без язвительности:

– Ну да.

Сталин с сердитым смирением:

– Мы тоже совершаем глупости».

Получалось, что часть ответственности за поспешное решение лежало на Молотове. Но это не смягчило сталинскую критику Димитрова: «Вы рванули головой вперед, как комсомолец. Вам захотелось изумить мир, как будто вы все еще секретарь Коминтерна. Вы и югославы никому не даете знать, что делаете, и нам приходится узнавать все на улице. Вы ставите нас перед свершившимся фактом!»

Настала очередь Карделя напомнить, что югославо-болгарский договор, подписанный в Бледе, также был согласован с советским МИДом, причем Молотов внес поправку, предложив сделать соглашение не бессрочным, а двадцатилетним. «Сталин молча и не без укора взглядывал на Молотова, который опустил голову и сжал губы, фактически подтверждая заявление Карделя».

По вопросу о вводе войск в Албанию югославам было труднее оправдываться, так как это решение не было согласовано с Москвой. «Сталин закричал:

– Это может привести к серьезным международным последствиям...» Сталин опасался югославо-греческого конфликта: «Восстание в Греции должно быть свернуто... У них совсем нет перспектив на успех. Вы что думаете, что Великобритания и Соединенные Штаты, Соединенные Штаты, самое могущественное государство в мире, – позволят разорвать их линию связи в Средиземном море! Чепуха»¹.

Югославов Сталин и Молотов почти не критиковали, но по мнению Джиласа советские лидеры действовали по принципу «бранит дочь, чтобы укорить невестку». При этом Сталин подтвердил свое согласие на создание федерации Югославии, Албании и Болгарии. Однако ему было важно, чтобы все шло в соответствии с его указаниями – сначала пусть объединятся Югославия и Болгария, а потом обе – с Албанией, а не наоборот.

¹ Джилас М. Указ. соч. С. 197–208. Джилас пишет, что встреча была 10 февраля. Кардель сообщал Тито, что встреча произошла 11 февраля. Это подтверждается и тем, что Джилас 11 февраля отчитывался Тито, упоминая приезд Карделя как предстоящий (Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг. С. 216–217).

Такое переформатирование идеи федерации не могло понравиться югославскому руководству. Им не давали интегрировать Албанию, зато предлагали равноправное объединение большой Югославии и маленькой Болгарии.

По итогам этого разноса поздно вечером 11 февраля Молотов подписал с Димитровым и Карделем протоколы к советско-югославскому и советско-болгарскому договорам о необходимости консультироваться между собой по всем вопросам международной жизни.

Когда югославская делегация вернулась из Москвы, 19 февраля и 1 марта Тито собрал соратников для обсуждения произошедшего. Анализируя мотивы Сталина, который резко изменил последовательность создания югославско-болгарско-албанской федерации, Тито и товарищи пришли к выводу, что Болгарию им подставляют как «троянского коня» Москвы, средство контроля за КПЮ.

«Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что созданное Тито в его белградской резиденции 1 марта 1948 г. расширенное заседание Политбюро ЦК КПЮ, на котором был заслушан отчет югославских представителей, вернувшихся из Москвы, сыграло ключевую роль в цепи событий, непосредственно приведших к конфликту 1948 г.»¹, — считает историк Ю.С. Гиренко. Поскольку заседание было секретным, Тито, Кардель, Джилас и другие югославские лидеры высказались весьма откровенно, отстаивая свою политику и критикуя претензии Сталина и Молотова. Тито заявил, что «телеграмма Молотова была довольно грубой», так как реальных разногласий не было. Но, суммировав претензии к советской политике в отношении Югославии, сделал вывод, что «нужно выдержать это давление. Речь идет о независимости нашей страны»². Один из участников заседания С. Жуйович сообщил подробности заседания советскому послу А. Лаврентьеву. В Москве узнали, что Тито, Кардель, Джилас и другие югославские лидеры — не смиренные ученики, признающие ошибки и с благодарностью принимающие грозные окрики и разносы Москвы, а двурушники, у которых накапливается недовольство, и для которых национальные интересы важнее общих задач социалистического лагеря, управляемого из Москвы.

¹ Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 343.

² Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг. С. 225–226.

В ответ Совет министров СССР 18 марта распорядился отозвать из Югославии советских специалистов. А 22 марта Тито, предупредив Москву, но не посоветовавшись с Молотовым, выпустил ноту протеста в ответ на заявление США, Великобритании и Франции о возможности передачи зоны Триеста Италии. По мере углубления конфликта с югославским руководством, 23 апреля Молотов сделал это предлогом разрыва протокола 11 февраля и прекращения сотрудничества с Югославией по внешнеполитическим вопросам. Он столько сил потратил на тонкую игру вокруг Триеста, а прямолинейные действия Тито все срывают... Вот пусть сам теперь бодается с Западом за Триест, как с деревом козленок.

Сталин и Молотов перешли к новому этапу давления и 27 марта направили Тито письмо, написанное от имени ЦК ВКП(б). Как выяснилось в 1955 году, когда встал вопрос о нормализации отношений с Югославией, это письмо даже не было согласовано с членами Политбюро. Когда коллективное руководство после смерти вождя было восстановлено, это создало Молотову проблемы, так как он со Сталиным совершил подлог – подписывал письма «по поручению ЦК», хотя такового не имелось. Характерно, что когда началась настоящая драка на поле коммунистического движения, Сталин стал заниматься этим прежде всего вместе с Молотовым, а не с курировавшими коммунистическое движение Ждановым и Сусловым. Письмо Сталина и Молотова было составлено в традициях 30-х годов – придирки служили «доказательством» сокрушительных обвинений. Сталин и Молотов обрушились на югославских товарищей с обвинениями в создании вокруг советских специалистов невыносимой обстановки (прежде на это никто не жаловался), дискредитации Советской армии (вспомнили старое заявление Джиласа), сохранении в югославском МИДе В. Велебита, подозреваемого в шпионаже (кого только Сталин не подозревал в шпионаже), отсутствии внутрипартийной демократии в КПЮ – не в пример ВКП(б), в развитии буржуазных отношений в Югославии, в антисоветских высказываниях членов югославского руководства о «перерождении» СССР и ВКП(б) (тут явно использовалась инсайдерская информация), что делается за спиной югославских масс. Таким образом, Сталин и Молотов вбивали клин между руководством КПЮ и массами, рассчитывая убрать его, если конфликт станет публичным: «Мы не сомневаемся, что югославские партийные массы с негодованием отвергли бы эту

антисоветскую критику, как чуждую им и враждебную, если бы они знали о ее существовании». После такой угрозы от Тито требовалась только Каносса, покаяние и капитуляция, после чего состав руководства КПЮ был бы, конечно, изменен. Об этом говорил и унижающий адресатов тон письма с рефреном «было бы смешно думать, что советское руководство согласится...» с нынешним поведением югославского, а также звучащая как приговор фраза: «Мы думаем, что политическая карьера Троцкого достаточно поучительна»¹.

Получив письмо, Тито был шокирован, но сдаваться не собирался. Он все-таки старый боец, в случае чего можно и в горы уйти. Но не будут ли там его преследовать бывшие товарищи, вставшие на сторону лидера мирового коммунистического движения? Тито засел за ответ, который составил 33 страницы. Затем обсудил его с членами Политбюро, которые предложили отредактировать некоторые места, чтобы они не выглядели дерзко. Джилас был готов уйти в отставку, раз Сталин и Молотов фиксируются на его фигуре, но Тито возразил: «О нет! Я знаю, чего они хотят: сломить наш Центральный комитет. Сначала вас, потом меня!» Чтобы заручиться более широкой поддержкой и прощупать настроения в партии, Тито впервые с 1940 года собрал 12 апреля пленум ЦК, членов которого он поставил перед выбором: добиваться равноправия с ВКП(б) или капитулировать. Члены ЦК понимали, что просоветская позиция в этих условиях будет означать арест. Но С. Жуйович решился: «Я не боюсь зависимости от Советского Союза. Я считаю, что наша цель состоит в том, чтобы наша страна вошла в состав СССР». Письменно в поддержку сталинской позиции высказался отсутствующий А. Хебранг. Была создана комиссия по расследованию их деятельности, но ответное письмо было еще более смягчено².

Ответ ЦК КПЮ был отправлен 13 апреля. Он был выдержан в тоне недоумения: «Нас страшно поразил тон и содержание письма». Обвинения ложны и явно спровоцированы Хебрангом и Жуйовичем, которые хотели «напакостить руководству нашей партии». Подробно разобрав конкретные обвинения и доказывая их неосновательность, югославские лидеры заверяли Сталина и Молотова, что произошло недоразумение, что «СССР имеет в лице сегодняшней Югославии, с нынешним руководством, само-

¹ Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг. С. 245–249.

² Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 363–369.

го верного друга и союзника, готового в случае тяжелых испытаний разделить хорошее и плохое с народами СССР». Но это было совсем не покаяние, и более того, требование равноправия: «Как бы ни любил кто-либо из нас страну социализма – СССР, он ни в коем случае не смеет меньше любить свою страну, также строящую социализм, в данном конкретном случае – Федеративную Народную Республику Югославию, за которую пали сотни тысяч ее самых передовых людей»¹.

Сталин и Молотов готовили ответ три недели, и 4 мая от имени ЦК ВКП(б) направили новое письмо, в котором обвинили КПЮ в «голом отрицании фактов». Вместо честного признания ошибок, Тито и его сторонники считают критику «оскорблениями, задевающими престиж ЦК КПЮ, подрывающих амбицию югославских руководителей». Повторив обвинения, Сталин и Молотов предложили обсудить разногласия в Коминформе².

Югославские руководители не хотели ехать на судилище, устроенное по принципу «все на одного». Ведь ЦК ВКП(б) разослал письмо о своем конфликте с КПЮ «братским партиям». Сенсационные новости повергли восточноевропейских коммунистов в крайнее удивление. А ЦК КПЮ 17 мая кратко ответил, что его представители на Коминформ не поедут, а на деле докажут, «что обвинения против нас несправедливы, то есть мы будем упорно строить социализм и останемся верными Советскому Союзу, останемся верными учению Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина»³. На этом пленуме Жуйович и Хебранг были исключены из партии и затем арестованы.

Сталин и Молотов 22 мая направили очередное письмо, где ставили югославам на вид отказ ехать на Коминформ: значит, сказать нечего. В 1947 году югославы критиковали французов и итальянцев, а теперь критику слышать не хотят. «Тт. Тито и Кардель жалуются, что попали в трудное положение, и последствия всего этого для Югославии окажутся очень тяжелыми. Это, конечно, верно, но виновными в этом являются исключительно тт. Тито и Кардель и вместе с ними остальные члены ПБ ЦК югославской компартии, которые свой престиж и амбицию поставили выше интересов югославского народа и, вместо признания и исправления своих ошибок во имя интересов своего на-

¹ Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг. С. 253–262.

² Там же. С. 284–300.

³ Там же. С. 304.

рода, упорствуют в своих ошибках, пагубных для югославского народа»¹. Упорные еретики на суд Святой инквизиции ехать не хотят. Окопались среди югославского народа. Но скоро югославы поймут, чем это для них чревато, и сами выдадут еретиков на расправу.

9 июня Молотов отправил Тито письмо относительно ареста Жуйовича и Хебранга: «Мы это понимаем так, что Политбюро ЦК КПЮ намерено ликвидировать их физически. ЦК ВКП(б) заявляет, что если Политбюро ЦК КПЮ осуществит этот свой замысел, то ЦК ВКП(б) будет считать Политбюро КПЮ уголовными убийцами». Расследование должно проводиться при участии представителей ЦК ВКП(б)².

Совещание Коминформа 19–23 июня 1948 года в Бухаресте приняло резолюцию «О положении в Компартии Югославии», в котором поддерживались обвинения, выдвинутые Сталиным и Молотовым. В связи с арестом Жуйовича и Хебранга, поддержавших позицию Москвы, совещание заявило о создании в Югославии «чисто турецкого, террористического режима». Чем тут виновата Турция, с которой у СССР в это время тоже были плохие отношения, не разъяснялось. Но, видимо, авторы хотели сыграть на памяти славянских народов об Османском угнетении. Вывод был неумолим: «Информбюро признает, что в силу всего этого ЦК КПЮ ставит себя и югославскую компартию вне семьи братских компартий, вне единого коммунистического фронта и, следовательно, вне рядов Информбюро». Но это, конечно, не надолго. «Информбюро не сомневается, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно здоровых элементов, верных марксизму-ленинизму», которые должны «заставить своих нынешних руководителей открыто и честно признать ошибки и исправить их... или, если нынешние руководители КПЮ окажутся неспособными на это, – сменить их и выдвинуть новое, интернационалистическое руководство КПЮ»³. В Бухаресте снова дирижировал Жданов, но в подготовленных документах была видна рука Сталина и Молотова.

Все обвинения ЦК КПЮ отверг. А 21–28 июля собрался V съезд югославских коммунистов, который полностью поддерживал Тито и одновременно подтвердил верность партии комму-

¹ Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг. С. 308–309.

² Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 382.

³ Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг. С. 318–324.

нистическому движению и значимую роль СССР в развитии новой Югославии. Свое выступление на съезде Тито закончил словами: «Да здравствует великий Советский Союз во главе с гениальным Сталиным!»¹

Вместе с тем, за резолюцию Информбюро выступило около десятой части коммунистов Югославии. Надежда Москвы на то, что «здоровые элементы» свергнут Тито, не оправдалась. Он сумел выстоять, опираясь на те самые механизмы авторитарной власти, которые создавались по образцу СССР. Все «информбюровцы» были исключены из партии, а 16 312 из них арестованы².

С осени югославская пресса и лидеры стали открыто критиковать ВКП(б). В ноябре Тито заявил «об империалистической политике СССР в отношении малых народов, направленной на их экономическое и политическое закабаление»³.

Советско-югославские отношения продолжали ухудшаться. 26 июля 1949 года советский посол покинул Югославию. 28 сентября СССР разорвал Договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве. А 25 октября СССР потребовал от югославского посла покинуть СССР. Через считанные дни государства Восточной Европы разорвали 46 договоров с Югославией, а 29 ноября Коминформ принял резолюцию с характерным названием «Югославская компартия в руках убийц и шпионов» (к этому времени Хебранг погиб в тюрьме, и ответственность за это, как и обещал Молотов, была возложена на руководство КПЮ).

К автономии стремились не только югославские коммунисты. Это угрожало управленческой пирамиде, которую выстраивали Сталин, Молотов и их соратники в Восточной Европе. Поэтому конфликт с КПЮ был только началом широкомасштабной борьбы с «титоизмом», то есть стремлению коммунистических элит к некоторой самостоятельности.

Наученное югославским опытом, сталинское руководство нанесло превентивные удары по тем коммунистическим руководителям, которые допускали малейшие шаги вразрез с курсом Кремля. Одной из первых мишеней стал лидер ПОРП Гомулка, который, как и югославские «ревизионисты», прошел шко-

¹ Цит. по: Пирьевец Й. Указ. соч. С. 263.

² Гиренко Ю.С. Указ. соч. С. 391.

³ Цит. по: Волокитина Т.В., Мурашко Г.Л., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ. соч. С. 356.

лу борьбы с фашизмом. Он пытался выступить примирителем в конфликте с югославами на его ранних стадиях и слишком очевидно подчеркивал своеобразие польской революции: «Первое различие заключается в том, что общественно-политические изменения совершены в России путем кровавой революции, а у нас – мирным путем. Второе различие выражается в том, что Советский Союз должен был пройти этап диктатуры пролетариата, а у нас такого этапа нет, и его можно избежать»¹. Это было идеализированное описание установления коммунистической диктатуры в Польше. Вина Гомулки заключалась в самом подчеркивании преимуществ польского пути. В августе 1948 года Гомулка был снят с поста и, несмотря на покаяние, в 1949 году арестован. Еще трагичнее сложилась судьба Т. Костова, попытки которого добиться минимальной экономической автономии от СССР стоили ему жизни – ведь с этого начинался и конфликт с югославами². В Румынии был «разоблачен» министр иностранных дел Л. Патрашкану. Румынским коммунистам казалось, что можно обойтись этой ритуальной жертвой, но процесс чисток только начинался.

Аресты национал-коммунистов и «титовистов» накладывались на сведение групповых счетов между ветеранами подполья и прибывшими из СССР коммунистическими кадрами. Клановики боролись за место под солнцем, уничтожая друг друга. Когда «титовисты» были «разоблачены», начались аресты «сионистов», бумерангом ударившие по коммунистам, прибывшим из СССР. В сентябре 1951 года с поста был снят генеральный секретарь ЦК КП Чехословакии Р. Сланский. 23 ноября он был арестован как глава сионистского заговора в Чехословакии и 3 декабря 1952 года казнен с десятью «сообщниками», включая Клементиса. Если бы следствие по этому делу растянулось на полгода дольше, обвиняемые скорее всего выжили бы. 23 января 1953 года была отправлена в отставку министр иностранных дел Румынии А. Паукер, которая 20 февраля была арестована за причастность к сионистскому заговору. Но 20 апреля она была переведена под домашний арест. Смерть Сталина спасла ее от казни. Скоро и Молотову предстоит сыграть в аналогичную игру со смертью.

¹ Цит. по: Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. С. 93.

² Там же. С. 164.

После того, как идея региональной балканской интеграции стала не актуальной из-за разрыва с Югославией, нужно было как-то иначе выстраивать отношения со странами «народной демократии», объединяя их всех вместе, уже без региональных группировок. Спокойнее было бы держать их на коротком поводке двусторонних связей с Москвой, но у восточноевропейских стран было много связей друг с другом, а их Москва тоже стремилась контролировать и унифицировать. Тем более, что Запад защитился от СССР протекционистской политикой, создал Европейскую организацию экономического сотрудничества (ЕОЭС) и Координационный комитет по многостороннему экспортному контролю (КОКОМ), запрещающий поставки за «железный занавес» высокотехнологичной продукции военного значения. План Маршалла предполагал ограничения для стран – получателей помощи на отношения с Восточной Европой. При этом капиталисты стремились проникнуть в Восточную Европу, заключая экономические соглашения без согласия Москвы. Все это ставило в повестку дня создание таможенного союза СССР и стран «народной демократии». Занявшись этой проблемой, Молотов, Микоян и их подчиненные расширили идею с согласования внешнеэкономической деятельности до введения безналичного расчета и производственной кооперации, когда предприятия должны сотрудничать независимо от границ в рамках всего экономического пространства. Предполагалось создать аппарат по координации всей этой деятельности. Но Сталин предпочел сделать организацию поскромнее, собственноручно заменив «Комитет» с Генеральным секретарем во главе на «Координационное бюро» с секретарем и «небольшим» техническим аппаратом.

На 5 января 1949 года в Москву приглашались по два представителя Румынии, Венгрии, Болгарии, Польши и Чехословакии. СССР должны были представлять Молотов и Микоян, но накануне мероприятия к ним добавили третьего – Маленкова. Хотя это нарушало симметрию, когда каждое государство было представлено двумя делегатами, Сталин предпочел приставить к Молотову и Микояну «смотрящего», в чем проявлялось недоверие вождя к внешнеполитическим контактам этих двух министров, которое потом проявится в более резких формах. В ходе обсуждения структуры и форм сотрудничества «народные демократы» поддерживали идею экономического союза, предложив даже расширить полномочия новой организации. Она помимо координации торговли должна была заниматься развитием

транспорта, научно-техническим сотрудничеством и даже помощью при стихийных бедствиях. Было решено создать Бюро Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Участники совещания 8 января были приняты Сталиным, который утвердил протокол о создании СЭВ. Официально его подписали 18 января. Наставляя участников встречи, Сталин говорил о том, как СЭВ будет проводить экономическую экспансию в Западной Европе: «Создание сырьевой базы для всей Европы будет иметь большее значение, чем Коминтерн»¹. Это был своего рода ответ на план Маршалла. Когда стало ясно, что СЭВ не сможет преодолеть «экономический занавес» Запада, Сталин стал охладевать к этой организации. Но аппарат СЭВ, связанный с плановыми структурами стран-участниц, продолжал работать над согласованием планов и выстраиванием экономических связей. Но эта работа приносила меньше результатов, чем ожидалось, так как Молотов и Микоян, курировавшие СЭВ, теряли влияние, а собственного веса аппарат СЭВ еще не приобрел. Как пишет М.А. Липкин, «созданный при участии Молотова и Микояна проект СЭВ оказался на распутье, и события второй половины 1949–1950 гг. подтверждают временную потерю четкой ориентации у столь амбициозной организации»². Как мы увидим, когда Молотов вернет себе влияние, он будет очень разочарован результатами первых лет работы СЭВ.

4. РАЗДЕЛ ГЕРМАНИИ

Москва укрепляла контроль над восточной частью Европы. Вашингтон – над западной. Американские лидеры не намерены были откладывать реализацию плана Маршалла из-за неопределенности статуса Германии и включили ее западную часть в сферу его действия. Это экономически закрепляло раздел страны.

С февраля 1948 года в Лондоне работало совещание западных государств по Германии, которое завершилось 2 июня решением проводить в западных зонах оккупации Германии экономические и политические меры, не согласованные

¹ Липкин М.А. Совет экономической взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М., 2019. С. 25–40.

² Там же. С. 44.

с СССР – вплоть до создания отдельного западногерманского государства. Это нарушало Потсдамские соглашения, о чем 21 июня заявил МИД СССР: «Решения лондонского совещания направлены на завершение раскола и расчленения Германии». В подготовленном Молотовым документе Сталин вычеркнул критику лондонских решений за стремление «исключить возможность участия СССР в контроле над рурской промышленной областью, которая является основой военно-промышленного потенциала Германии»¹. Так позиция СССР выглядела более благоприятно.

Последствия лондонских решений не заставили себя ждать. 18 июня СССР уведомили, что в западных оккупационных зонах, включая берлинские, будет проводиться денежная реформа, отменявшая деньги старого образца. Вся масса старых немецких марок хлынула в Восточную Германию. Советские оккупационные власти вынуждены были закрыть границы для торговли. В Восточной Германии и Восточном Берлине стала вводиться своя восточная марка. Было перекрыто железнодорожное движение. Западный Берлин оказался в окружении.

Сталин и Молотов изложили послам западных государств советские предложения по решению берлинского вопроса 2 августа: отложить финансовую реформу и создание западноевропейского государства, ввести Западный Берлин в восточногерманскую зону. Молотов говорил: «Берлин перестал быть столицей Германии. В Германии оказалось две столицы: одна на западе, другая на востоке. После всех этих изменений, конечно, право трех держав держать свои войска в Берлине потеряло юридическую почву... Если хотите вести переговоры, то надо отложить создание западногерманского правительства. Если все будет создано, то переговоры будет вести не о чем». Сталин предложил вернуться к обсуждению германского вопроса на СМВД. Молотов снова обсуждал возможный компромисс с западными послами с 6 по 16 августа. Запад был готов не торопиться с созданием западногерманского государства и даже допустить обращение в Берлине восточноевропейской дойчмарки, если ее эмиссия будет контролироваться и советской, и западной стороной. Молотова это не устраивало – ведь СССР не претендует на контроль за выпуском западной марки. Таким образом, Молотов в принципе соглашался на экономический раздел Германии при условии,

¹ Вожды: И.В. Сталин в документах и фотографиях. Кн. 5. С. 139.

что Берлин будет целиком отнесен к советской зоне. Западные послы с этим не согласились¹.

23 августа к переговорам подключился Сталин, который уязвлял ситуацию в Берлине с ситуацией в Германии в целом. Он был готов пойти на уступки, но при условии отказа от создания западногерманского государства. А как без этого осуществлять «план Маршалла»? Договориться не удалось.

Сталин решил, что в условиях экономической блокады Берлина время работает на него. Но американцы сумели организовать «воздушный мост» в Берлин и сохранить там позиции западных государств. Сталину пришлось отступить. 5 мая 1949 года было достигнуто соглашение об отмене препятствий коммуникациям вокруг Берлина с договоренностью еще раз обсудить германский вопрос на СМВД. Мало кто верил, что там удастся договориться. Наряду с потерей Югославии сохранение капиталистического Западного Берлина внутри ГДР стало крупнейшим внешнеполитическим поражением СССР 1948–1949 годов.

Действия оккупировавших Германию государств и блокада Берлина предопределили раскол Германии на два государственных образования. 23 мая 1949 года на базе объединенной западной зоны оккупации возникла Федеративная Республика Германия (ФРГ). Западный Берлин стал автономным самоуправляемым городом, связанным с ФРГ. В советской зоне оккупации 7 октября 1949 года была создана Германская Демократическая Республика (ГДР). Власть в ней получила Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ), образовавшаяся в результате слияния коммунистической партии и просоветской части социал-демократической партии.

Западные союзники прекратили взимать репарации с ФРГ и начали оказывать ей экономическую помощь. СССР, испытывавший после войны экономические трудности, продолжал вывозить из ГДР материалы и оборудование. Репарации составляли около пятой части бюджета ГДР. Германское урегулирование было отложено на неопределенный срок, что стало постоянной проблемой Холодной войны.

¹ Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 600–626.

5. ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

Несмотря на прочность авторитета Сталина, политическая борьба в СССР после войны обострилась, что выразилось в «Ленинградском деле» – разгроме группы влиятельных чиновников, выходцев из Ленинграда. Молотов старался держаться подальше от этого дела.

Но это было непросто. Еще 27 сентября 1947 года М. Радионов направил важную записку Сталину, отправив копию Молотову с припиской: «Прошу Вас, Вячеслав Михайлович, поддержать эту просьбу»¹. В этой записке Родионов ставил вопрос о создании Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР «для предварительного рассмотрения вопросов РСФСР, вносимых в ЦК ВКП(б) и Союзного правительства, а также для обсуждения важнейших вопросов хозяйственного и культурного строительства, подлежащих рассмотрению Совета министров РСФСР»². То есть речь шла о превращении России в полноценную республику со своим партийным центром. Молотов тогда не выступил против этой инициативы. Но через два года она стала трактоваться как преступление. И получалось, что Молотов это «преступление» не стал предотвращать, хотя знал о нем.

Как заместитель Сталина в Совмине, Молотов тесно взаимодействовал с Вознесенским, судьба которого была связана с «ленинградцами». Правда, 29 марта 1948 года Молотов был освобожден от работы в Бюро Совета министров в связи с перегруженностью внешнеполитическими задачами. Сталин проследил, чтобы это не было просто формальностью, запретив предоставлять документы Совмина за подписью Молотова³.

Осенью Сталин разыграл с Молотовым и Микояном жестокий спектакль, о котором Анастас Иванович вспоминал: «В 1948 г., когда Сталин отдыхал в Мюссерах, я приехал к нему вместе с Молотовым. Был и Поскребышев, который редко сидел за обеденным столом, но в этот раз он присутствовал. Видимо, это присутствие было заранее согласовано со Сталиным и сделано с определенной целью, как я потом догадался. Происходила обычная для такого случая нормальная беседа...

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 106. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Вождь: И.В. Сталин в документах и фотографиях. Кн. 5. С. 132.

Г.М. Маленков, А.А. Жданов, Л.П. Берия, В.М. Молотов на территории Кремля перед началом Первомайской демонстрации Москва. 1 мая 1948
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 12. Д. 159. Л. 1]

Вдруг в середине ужина Поскребышев встал с места и говорит: "Товарищ Сталин, пока вы отдыхаете здесь на юге, Молотов и Микоян в Москве подготовили заговор против вас".

Это было настолько неожиданно, что с криком: "Ах ты, мерзавец!" – я схватил свой стул и замахнулся на него. Сталин остановил меня за руку и сказал: "Зачем ты так кричишь, ты же у меня в гостях". Я возмутился: "Невозможно же слушать подобное, ничего такого не было и не могло быть!" Еле успокоившись, сел на место. Все были наэлектризованы. Молотов побелел, как бумага, но, не сказав ни слова, сидел как статуя. А Сталин продолжал говорить спокойно, без возмущения: "Раз так – не обращай на

него внимания”. Видимо, все это было заранее обговорено между Сталиным и Поскребышевым. До этого подобных случаев не было...»¹

Позиция Молотова пошатнулась и потому, что Сталин был все менее удовлетворен им как министром иностранных дел. Внешнеполитические итоги 1948 года были не самыми удачными. В это время завязался еще один узел, где советская внешнеполитическая игра опасным для Молотова образом пересекалась с внутривластной повесткой и личными настроениями Сталина.

Стремясь укрепить свои позиции на Ближнем Востоке, советское руководство поддержало образование государства Израиль. Оно было провозглашено 14 мая 1948 года. На следующий день его признали де-юре СССР, Польша, Чехословакия и Югославия (США только де-факто). Чехословакия с санкции Москвы поставляла Израилю оружие. 7 сентября Молотов радушно принимал израильского посла Г. Меир. Создание государства Израиль вызвало подъем поддержки со стороны советских евреев, что было замечено вседозревшими органами. В еврейский новый год Меир отправилась в синагогу и увидела на улице перед ней огромную толпу – собралось от 10 до 40 тысяч человек². Это было беспрецедентно для сталинского СССР и не могло не вызвать обеспокоенности в Кремле.

На приеме 7 ноября с Меир общалась и Жемчужина, которая одобритительно отозвалась о произошедшем: «После того, как я пожала руку Молотову, ко мне подошла его жена Полина. “Я так рада, что вижу вас наконец!” – сказала она с неподдельной теплотой, даже с волнением. И прибавила: “Я ведь говорю на идиш, знаете?”

– Вы еврейка? – спросила я с некоторым удивлением.

– Да! – ответила она на идиш. – Их бин а идише то хтер (я – дочь еврейского народа).

Мы беседовали довольно долго. Она знала, что произошло в синагоге, и сказала, как хорошо было, что мы туда пошли. “Евреи так хотели вас увидеть”, – сказала она. Потом мы коснулись вопроса о Негеве, обсуждавшегося тогда в Объединенных Нациях. Я заметила, что не могу отдать его, потому что там живет

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 535.

² Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации: Документы. 1938–1953. М., 2005. С. 395.

Голда Меир

1940-е

[Из открытых источников]

моя дочь, и добавила, что Сарра находится со мной в Москве. “Я должна с ней познакомиться”, — сказала госпожа Молотова. Тогда я представила ей Сарру и Яэль Намир; она стала говорить с ними об Израиле и задала Сарре множество вопросов о кибуцах — кто там живет, как они управляются. Она говорила с ними на идиш и пришла в восторг, когда Сарра ответила ей на том же языке. Когда Сарра объяснила, что в Ревивим все общее и что частной собственности нет, госпожа Молотова заметно смутилась. “Это неправильно, — сказала она. — Люди не любят делиться всем. Даже Сталин против этого. Вам следовало бы ознакомиться с тем, что он об этом думает и пишет”. Прежде чем вернуться к другим гостям, она обняла Сарру и сказала со слезами на глазах: “Всего вам хорошего. Если у вас все будет хорошо, все будет хорошо у всех евреев в мире”»¹.

Во всяком случае, так этот разговор выглядит в воспоминаниях Меир. Заметно, что Жемчужина хочет понравиться послу не просто из ностальгии по еврейской юности, а для улучшения репутации СССР и выяснения важного для Молотова международного вопроса, в курсе которого оказалась и Полина Семеновна. Также

¹ Меир Г. Моя жизнь: Автобиография. Алматы; М., 1993. С. 228.

убежденно она наставляла еврейскую молодежь в духе сталинского понимания социализма, чуждого «левацким перегибам».

Однако тональность беседы Жемчужиной и Меир контрастировала с веяниями, набиравшими силу в советском руководстве. В партийно-государственной машине было множество антисемитов, которые до войны вынуждены были прятать свои чувства, так как официальная коммунистическая идеология была с антисемитизмом несовместима, и коммунист мог поплатиться за свои антипатии. Но по мере трансформации коммунистического режима Сталин склонялся к русофильству, выделял русский народ и его традиции как скрепы СССР. А вот еврейская общественность оказалась теперь под подозрением.

Созданный в 1942 году Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), занимавшийся в годы войны антифашистской агитацией и сбором средств для СССР, теперь стал претендовать на роль общественного центра советского еврейства. Его лидеры, прежде всего С. Михоэлс, выступали с политическими инициативами, крупнейшей из которых стала идея создать еврейскую автономию в Крыму, только что очищенном от татар. Это предложение в 1944 году обсуждалось с фактическим куратором ЕАК, руководителем Совинформбюро и заместителем министра иностранных дел С. Лозовским, который дал рекомендации по его доработке, не сообщив об этом «в ЦК» (потом это будет вменяться ему в вину). Но зачем было информировать аппарат ЦК, если все равно документ предназначенся самому Сталину? Вождю письмо было передано 15 февраля, а 21 февраля его копия была направлена Молотову, который ознакомил с текстом Маленкова, Микояна, Щербакова и Вознесенского¹. Все выглядело лояльно, формулировалось как предложение, а не требование. У Сталина идея крымской еврейской автономии отклика не получила, что не остановило Михоэлса: «Мы не делаем секрета из письма, его многие читают и многие о нем знают»². В СССР подобное распространение документа в списках было на грани преступления, а через несколько лет – и за гранью.

ЕАК стал брать на себя задачи заступника евреев и по другим вопросам, жаловался по поводу фактов антисемитизма, «выпячивал» роль евреев в войне. Михоэлс говорил на заседании ЕАК 24 октября 1944 года: «Сколько бы мы ни хотели замыкаться в

¹ Сорокин А.К. Указ. соч. С. 432.

² Государственный антисемитизм в СССР. С. 126.

*Соломон Михайлович
Михоэлс
1940-е
[Из открытых
источников]*

узкие рамки – нам это не удастся. Каждый день получаем сотни писем и приходят люди с орденами, с множеством ранений, так что вы видите, что жизнь настойчиво стучится в двери, и как бы вы не запирались от нее, от множества еврейских вопросов мы не можем уйти. Вопрос с территорией – спорный вопрос, не все его могут разделить. Может быть, сейчас наступил такой момент, когда наша организация должна сказать свое слово. Надо предъявить всю сумму вопросов и не заниматься крохоборничеством»¹.

В монолитной системе управления СССР – ВКП(б) возникло некоторое самостоятельное образование, которое «надоедливо» настаивало на своем, влезало в те сферы, которые считались делом не постороннего ума. К тому же евреи в силу экстерриториальности их расселения имели множество родственных и дружеских связей за границей. Во время схватки с нацизмом это было удобно для советской внешней политики, теперь же стало восприниматься как источник шпионской опасности.

В 1946 году курирование ЕАК перешло от Совинформбюро к отделу внешней политики ЦК, руководитель которого Сулов назначил комиссию по ЕАК. Ее выводы были категоричны: ЕАК

¹ Государственный антисемитизм в СССР. С. 141.

нужно распустить, так как он заражен сионистской идеологией¹. МГБ тоже сигнализировало о «националистических проявлениях» в ЕАК. При этом аресты лидеров советского еврейства, которые во время войны приобрели мировую известность, могли повредить советской внешней политике.

В начале 1948 года прозвучала трагическая весть – 12 января в Минске в результате наезда грузовика погибли выдающийся советский театральный деятель Михоэлс и сопровождавший его театровед В. Голубов. Мало кто тогда мог предположить, что это – завязка крупного политического дела, которое будет сопровождаться громкими арестами, отставками, антисемитской кампанией и в конечном итоге повлияет на судьбу Молотова и самого Сталина.

6. ПОХИЩЕННАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Главным сокровищем Молотова была Жемчужина. Избранный ею псевдоним звучит как название драгоценности. И вот друг и учитель решил отобрать у Вячеслава самую большую его драгоценность. Главная проверка на лояльность стала тяжелейшим нравственным испытанием его жизни.

Сохранилась трогательная, весьма интимная переписка супругов, которая говорит о сохранении пылких чувств в немолодом уже возрасте. Молотов и Жемчужина представляли собой идеальную советскую семью. У них были общие интересы, направленные на благо Родины, любящая дочь, которой они гордились, и настоящая любовь, пронесенная через десятилетия. И на шестом десятке Молотов демонстрировал мужскую привязанность к жене: «Иногда бывает особенно трудно, что я не имею тебя около себя. Твоя близость ко мне – для меня большое счастье. Хотя так редко приходится мечтать об этом в последнее время»². И в другом письме: «...мне хочется, чтобы ты поскорее оказалась в моих руках, у моей груди, со всей твоей сладостью и прелестью. Не скрою, что иногда меня особенно одолевает нетерпение и желание твоей близости и ласки»³.

Но эмоции любящих мужа и жены в письмах густо перемешаны с политическими сюжетами: «Полинька, родная моя! Полу-

¹ Там же. С. 84–91.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 36.

³ Там же. Л. 44.

чил твоё письмо с упреком и, конечно, готов признать свою вину. Должен все же сказать, что заняты мы были здесь очень сильно, так как канители с нашими партнерами очень много. Все же наметился некий сдвиг по мирным договорам, хотя мы и не достигли всего желаемого. Телеграммы вокруг “Конференции четырех” дают общее представление об этом. На очереди споры по германскому вопросу, что очень важно и будет иметь большой отклик в международной печати. Скучаю очень по тебе, моя милая, и по дочке, рвусь к вам всею душою, но еще несколько дней должен буду пробыть здесь. Скоро увидимся. Крепко целую, обнимаю!»¹ Характерно, что пусть и в абстрактной форме, Молотов сообщает жене совершенно секретную информацию, которая представляла бы интерес для партнеров по переговорам.

Но скоро увидеться не удалось. Занятый на конференции СМВД, Молотов извинялся: «Полинька, милая моя! Я опять виноват, что не сразу ответил на твоё письмо (второе). Должен сказать, что как-то вышло так, что в эту поездку я оказался еще больше занят и, главное, еще больше поглощен делами совещания, чем во время апрельско-майской поездки. Но теперь главное уже решено и притом в основном в желательном для нас смысле. Значит, мы не зря поработали. Но все это требует большого внимания, сосредоточенности и нервов – и только тогда выходит что-либо подходящее для нас. Могу без хвастовства сказать, что и наши партнеры почувствовали не раз, что имеют дело с людьми, знающими свои задачи и обязанности...»²

Молотов докладывал супруге о Парижской мирной конференции: «Отличительной чертой можно считать определенно получившееся обострение с американцами, не говоря уже об англичанах. Но, видимо, это закономерно для данного момента. С “ближней” имею одобрение нашей парижской работы. Сейчас, ввиду перехода к работе комиссии, некоторое затишье лично для меня. Но зато я подгоняю дела, не связанные с конференцией, которые были запущены из-за большой занятости. Люблю тебя и только тебя, моя желанная»³. Могло ли понравиться «ближней» даче и ее обитателю, что министр иностранных дел излагает ход дел и реакцию Сталина в письме к жене, которая не работает в МИДе и центральных органах власти?

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 17–18.

² Там же. Л. 19–20.

³ Там же. Л. 26–29.

При этом, будучи в Москве, Молотов информировал жену о внешнеполитических делах еще подробнее. Он писал в декабре 1946 года: «По существу дела писать не буду. Основное в наших газетах печатается. Когда приеду – доскажу детали»¹.

Жемчужина была выдвинута в депутаты Моссовета. Казалось, сталинская гроза 1939–1941 годов над ней прошла безвозвратно. Молотов следил за успехами жены из Лондона: «Речь твою читал. Получилась хорошо. Плакат также составлен неплохо. Сомневаюсь насчет твоего перехода в трикотажную промышленность. Надо тебе быть поосторожнее со здоровьем, а разъезды в особенности для тебя не подходят. Когда приеду, поговорим подробнее. Поздравляю тебя и работников Главка с досрочным выполнением годового плана»².

Летом 1947 года Молотову пришлось заниматься здоровьем жены. Благо, Чехословакия теперь была почти «своя», и Жемчужину отправили в Карловы Вары. Молотов обещал прислать к жене дочь. А та меж тем вырвалась из родительского гнезда – вышла замуж за авиатора Владимира Ильюшина, сына знаменитого авиаконструктора. Номенклатура превращалась в замкнутую касту, где дети шли по стопам родителей и создавали семьи внутри господствующего класса.

10 мая 1948 года Полину Семеновну сняли с поста начальника Главного управления текстильной и галантерейной промышленности республиканского Минлегпрома по состоянию здоровья. Как мы видели, здоровье у Жемчужиной действительно оставляло желать лучшего. Так что эта отставка еще не предвещала беды. Молотов в то время тесно общался со Сталиным, они детально обсуждали шаги в борьбе с Тито, по статусу Берлина и другим вопросам.

Тем временем, 20 ноября был распущен ЕАК, и с декабря начались аресты его руководителей. Сталин поручил министру госбезопасности В. Абакумову и председателю Комитета партийного контроля М. Шкирятову проверить накопившийся против Жемчужиной компромат в контексте дела ЕАК и с учетом претензий Сталина к самому Молотову.

После ареста народного артиста СССР, лауреата Сталинской премии Л. Зускина и бывшего ответственного секретаря ЕАК И. Фефера 26 декабря прошла их очная ставка с Жемчужиной.

¹ Там же. Л. 73.

² Там же. Л. 72–74.

Фефер утверждал, что Жемчужина очень интересовалась делами ЕАК – но только со слов Михоэлса, которого теперь допросить было нельзя. Михоэлс вроде бы говорил о большой поддержке со стороны Жемчужиной, что «она хорошая еврейская дочь», что через Жемчужину передавал Молотову письма о притеснениях евреев, неправильном распределении получаемых из-за границы подарков и др. Но сам Фефер с Жемчужиной по этому поводу не общался. А она все отрицала, признавая лишь вполне официальное знакомство с Михоэлсом. Позднее на процессе Фефер опроверг свои показания, а по поводу Жемчужиной заявил, что с ней «никогда не разговаривал вообще»¹. Собственно, его показания о Жемчужиной сводятся к пересказам добрых слов Михоэлса о ней и рассказам его о том, как она передавала «наверх» сугубо официальные письма не совсем официальным путем.

Опасными были показания Зускина, который утверждал, что на похоронах Михоэлса Жемчужина утверждала, будто он был убит. Убийство Михоэлса по приказанию Сталина было страшной государственной тайной, и даже предположительное высказывание такого рода было преступлением, распространением «клеветнических» слухов. Разумеется, это утверждение Зускина Жемчужина отрицала².

Также Жемчужина обвинялась в том, что участвовала в траурном богослужении в синагоге по погибшим во время войны евреям 14 марта 1945 года. Мероприятие было совершенно официальным, в нем участвовали деятели культуры и генералы, никаких претензий к нему у властей не было. Но ведь Жемчужина была членом партии, и молиться Богу ей было не положено. Полина Семеновна категорически отрицала этот визит, хотя о том, что тогда ее видели в синагоге, заявляли Фефер, Зускин и другие подследственные, а также член руководства синагоги Слуцкий. Может быть, ее с кем-то спутали? Может быть. Хотя описания ее пребывания в синагоге полны колоритных деталей. Позднее арестованный еврейский поэт Д. Гофштейн давал развернутые показания с деталями, которые вряд ли были важны

¹ Неправедный суд. Последний сталинский расстрел (Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета). М., 1994. С. 234.

² Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2007. С. 239–241.

для следователя: «Мне особенно бросилось в глаза появление женщины, одетой в траурное платье, которая была с почетом встречена членами правления общины и проведена не на хоры (второй ярус помещения, предназначенный по религиозным обычаям синагоги для женщин), а на возвышенность в первом этаже, где читают тору (пятикнижие Моисея), причем эта возвышенность предназначена только для почетных евреев-мужчин.

Заинтересованный причиной отступления от вековых обычаев, установившихся на молебствиях в синагоге, я спросил сидевшего рядом со мной КВИТКО, кто эта женщина. КВИТКО мне с гордостью ответил, что это близкий нам человек – Полина Семеновна». Перед именем отчеством следователь вписал «Жемчужина». При этом до ее прихода «служба в синагоге не начиналась, несмотря на истечение времени, назначенного для начала молебствия»¹.

Жемчужина говорила, что в синагоге была не она, а ее сестра². Но вряд ли сестре оказали бы такие почести. Посещение синагоги не было преступлением, но для коммунистки зазорным. И потом Жемчужина не знала, каким может быть следующий ход следствия – признаешь, что была в синагоге, скажут, что передала там кому-то шпионскую информацию. В общем, свой визит в синагогу Полина Семеновна отрицала категорически, что укрепляло Сталина в его подозрительности – если такую малость не признает, значит, не хочет разоружиться перед партией, и, конечно же, скрывает более существенные вещи.

27 декабря Абакумов и Шкирятов доложили Сталину результаты проверки Жемчужиной. Они утверждали, что «в течение продолжительного времени вокруг нее группировались еврейские националисты, и она, пользуясь своим положением, покровительственно относилась к ним, являлась, по их заявлениям, советником и заступником их». Она «вела себя не по партийному, крайне неискренне и, несмотря на уличающие ее заявления Фефера и Зускина, всячески старалась отказываться от правдивых объяснений»³. Вместо того, чтобы во всем покаяться и подробно рассказать, как ее запутали и вовлекли в свои грязные дела враги народа, заперлась и даже визит в синагогу не признает. Непартийное поведение. 29 декабря Сталин поста-

¹ Государственный антисемитизм в СССР. С. 150.

² Васильева Л.Н. Указ. соч. С. 334.

³ Лубянка. Сталин и МГБ СССР. С. 239–243.

вил вопрос о Жемчужиной на Политбюро. Молотов вспоминал, что во время выступления Сталина «у меня коленки задрожали. Но дело было сделано на нее — не подкопаться. Чекисты постарались»¹. Молотов высказал сомнения в виновности Полины Семеновны, что вызвало сталинский гнев. Семейственность или нечто большее?

Решение было сформулировано заранее: «Жемчужина П.С. в течение длительного времени поддерживала связь и близкие отношения с еврейскими националистами, не заслуживающими политического доверия и подозреваемыми в шпионаже», «дала повод враждебным лицам к распространению антисоветских провокационных слухов о смерти Михоэлса». И участие в религиозном обряде в синагоге не забыли, что для коммунистки не годится, хотя уголовно не наказуемо. В итоге заседания Жемчужина была исключена из партии с формулировкой: «Несмотря на сделанное П.С. Жемчужиной в 1939 году Центральным комитетом ВКП(б) предупреждение по поводу проявленной ею неразборчивости в своих отношениях с лицами, не заслуживающими политического доверия, она нарушила это решение партии и в дальнейшем продолжала вести себя политически недостойно»². При голосовании Молотов воздержался.

И много лет спустя Молотов вспоминал о политических «прегрешениях» жены с упреком: «В чем ее обвиняли? В связях с сионистской организацией, с послом Израиля Голдой Меир. Хотели сделать Крым Еврейской автономной областью... Были у нее хорошие отношения с Михоэлсом...

Конечно, ей надо было быть более разборчивой в знакомствах... Между мной и Сталиным, как говорится, пробежала черная кошка. Молотов считал, что Полина поплатилась «за плохие связи. В этом смысле Полина Семеновна немножко вольно себя вела»³.

Молотов, таким образом, выводил свою опалу из неосторожности Жемчужиной. Жена виновата, если бы не она, то все бы у них со Сталиным было хорошо. Но в 1952 году выяснится, что Сталин давно собирает компромат для дискредитации своего друга. Так что арест Полины — это не причина опалы Молотова, а симптом ее приближения, этап заката его карьеры при Сталине.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 473.

² Лубянка. Сталин и МГБ СССР. С. 244.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 473, 476.

Ради спасения Молотова супруги решили формально разойтись. Молотов потом утверждал, что развода потребовал сам вождь: «Сталин подошел ко мне в ЦК: “Тебе надо разойтись с женой!” А она мне сказала: “Если это нужно для партии, значит, мы разойдемся”»¹. Но это было нужно прежде всего самому Молотову. Даже если Сталин и потребовал этого, Молотов продемонстрировал, таким образом, исключительную лояльность, дававшую шанс на личное спасение. А уход Жемчужиной из дома Молотова, конечно, облегчал ее арест. Меньше шума. Жить она ушла к сестре и брату, что закончится для них гибелью.

В 1960 году Молотов вспоминал о своих метаниях после исключения жены из партии: «Передо мной встал вопрос – восстать против грубой несправедливости Кобы (Сталина) и пойти на разрыв с ЦК или протестовать, защищая честь жены, но покориться ради того, чтобы, по крайней мере, в дальнейшем продолжать борьбу внутри партии и ЦК за правильную политику партии, за устранение явных и многим не видных ошибок, не правильностей и – главное – за такую линию партии, которая опасно, во вред интересам дела коммунизма, искажалась со стороны зазнавшегося Кобы и поддакивавших ему, прости господи, “соратников”... У меня было мало сил, чтобы открыто восстать против Кобы, что было бы необходимо при других, более благополучных для такого дела условиях. В окружении Кобы я не видел людей, которые могли бы возглавить такое дело, т. к. другие были не сильнее меня». Вот, оказывается, ради чего Вячеслав Михайлович приносил в жертву свои отношения с женой – ради «борьбы внутри партии» против сталинских порядков. Великая миссия. Правда, ни до, ни после этого Молотов ничего такого против позднесталинского курса не предпринимал, сохранял полную лояльность вождю. Так что мотивы его поведения в отношении попавшей в опалу жены более убедительно характеризуются дальше: «При этом я, конечно, чувствовал и понимал, что несправедливость и тяжкие репрессии в отношении Полины являются еще одной попыткой подкопаться под меня самого, расправиться прежде с самым близким мне человеком, а потом, через какое-то время, и со мной. Все шло к этому, и я смотрел правде в глаза»². Вот это верно – предстоящий арест Жемчужиной мог обрушить карьеру Молотова и был еще одной сталин-

¹ Там же. С. 475.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 299–300.

ской проверкой. Останется ли «Молотштейн» преданным даже после такого испытания? Вячеслав Михайлович отреагировал «правильно».

В письме к Сталину 20 января 1949 года Молотов признал: «При голосовании в ЦК предложения об исключении из партии П.С. Жемчужиной я воздержался, что признаю политически ошибочным. Заявляю, что, продумав этот вопрос, я голосую за это решение ЦК, которое отвечает интересам партии и государства и учит правильному пониманию коммунистической партийности. Кроме того, признаю свою тяжелую вину, что вовремя не удержал Жемчужину, близкого мне человека, от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами, вроде Михоэлса»¹. Да и не жена она мне больше.

Что же, испытание он выдержал. Но и прежнего доверия к Молотову быть не может – ведь в условиях ожесточенной Холодной войны он позволял себе трепать языком о важнейших вопросах внешней политики, замешан в лоббировании крымско-еврейского проекта. Да и раньше проявлял «виляния». Опыт его пока можно использовать, но не на таком ответственном посту, как министр иностранных дел.

Жемчужину вызвали в ЦК 21 января, там арестовали и отправили на Лубянку. Эту тему Молотов не обсуждал даже со Светланой. Как водится, арест Жемчужиной потянул за собой целую гроздь «подельников» – ее брат А. Карповский (его тоже видели в синагоге в 1945 году), сестра Р. Лешнявская, племянники С. Голованевский и И. Штейнберг, сотрудники – главный инженер Главного управления текстильно-галантерейной промышленности Минлегпрома В. Иванов, секретарь А. Вельбовская, начальник отдела кадров Минлегпрома С. Мельник-Соколинская, начальник отдела поставок Министерства рыбной промышленности М. Карповский, старший инспектор отдела поставок Министерства пищевой промышленности Е. Левандо. Их избивали. Лешнявская и Карповский умерли в тюрьме, Иванова разбил паралич².

Дело Жемчужиной разрабатывалось в связи с расстрельным делом ЕАК, что было смертельно опасно. На допросах она подробно описывала встречи с Михоэлсом, отрицая помощь в его «сионистской деятельности». Ей пришлось признать, что однаж-

¹ Государственный антисемитизм в СССР. С. 162.

² Там же. С. 165.

*Соломон Абрамович
Лозовский
[Из открытых
источников]*

ды передала письмо Михоэlsa Молотову, но сделала это через секретариат Совета министров, так как Молотов был за границей. О чем письмо – не знала. Следовательно Жемчужиной не поверил, кричал «Снова лжете!»¹

Следствие прошло жесткой щеточкой по всей жизни Полины Семеновны от поведения на Украине при Деникине до якобы навязывания сотруднику интимной близости. Эту версию она отвергла с гневом: «Я всегда считала Ивана Алексеевича легкомысленным человеком, о чем ему неоднократно говорила в глаза, но я никогда не думала, что он окажется подлецом»².

Основные претензии касались скорее злоупотреблений служебным положением, чем государственных преступлений. «Незаслуженное премирование сотрудников» – это не членство в шпионской организации. Также Жемчужина призналась в сердобольной «опеке родственников арестованных врагов народа». Давала деньги дочерям своих арестованных знакомых Слезберг и Серебряковой³.

¹ Там же. С. 163.

² Васильева Л.Н. Указ. соч. С. 346.

³ Там же. С. 343.

26 января 1949 года был арестован Лозовский. Это было уже совсем близко к Молотову – в 1939–1946 годах тот был заместителем наркома (министра) иностранных дел. Его и бывших членов ЕАК обвинили в шпионаже и службе международному сионизму. Лозовский дал показания, что Жемчужина содействовала «положительному реагированию» Молотова на обращения еврейской общественности. 10 февраля была устроена очная ставка Жемчужиной с Лозовским, который рассказывал, как они с Михоэлсом и Эпштейном готовили письма Молотову о притеснениях евреев, а не добившись результата, «решили добиваться положительного реагирования на него через свои связи». Следователь уточнил: «Через Жемчужину?» Лозовский подтвердил: «Через нее»¹. Но и здесь не обнаружилось никакой криминальной конкретики.

Памятуя прежние почти семейные отношения, Сталин решил оставить Полину в живых. Дело Жемчужиной не стали объединять с делом ЕАК, и 29 декабря 1949 года Особое совещание при МГБ приговорило ее к пяти годам ссылки. Полина Семеновна оказалась в Урицком районе Кустанайской области Казахстана, жила в домике, одиноко стоящем в степи, общаться могла только с периодически появлявшимся оперуполномоченным и некоторыми местными жителями, среди которых были сексоты. Потом она рассказывала Ольге Аросевой, «как она молила, чтобы ей разрешили хоть кошку в мазанке-хибаре завести». Кошку разрешили². Существование было полуголодным, но информационный голод для человека, до этого погруженного в государственную жизнь и обсуждавшего с мужем вопросы международной политики, был, наверное, страшнее. Дьявольское наказание за то, что не «держала язык за зубами».

7. СОВЕТНИК ВОЖДЯ

4 марта 1949 года Молотов был освобожден от обязанностей министра иностранных дел, его сменил Вышинский. Решение было принято Сталиным на совещании с Маленковым, Берней и Булганиным. Остальные члены Политбюро расписались на тексте решения потом, а Ворошилов даже прокомментировал:

¹ Государственный антисемитизм в СССР. С. 163–164.

² Аросева О., Максимова В. Указ. соч. С. 257.

*Андрей Януарьевич
Вышинский
[Из открытых
источников]*

«если народ за, то я тоже»¹. В тот же день Микояна сняли с поста министра внешней торговли.

Молотову оставили курирование Внешнеполитической комиссии ЦК, созданной вместо отдела внешних сношений в марте 1949 года. Комиссия, которую возглавлял В. Григорьян, отвечала за связи с зарубежными компартиями. Также Молотов курировал Совинформбюро, международную работу ВЦСПС, ВОКС, Союза писателей и другие организации. Затем Сталин решил, что полномочия многоопытного товарища можно расширить, и 12 июня Молотову предоставили курирование МИДа в Политбюро². Это создало управленческую коллизию. Когда Молотов был министром, Вышинский играл самостоятельную роль и в случае конфликтов мог выходить прямо «на ЦК», то есть на Сталина. Теперь Вышинский превратился из приглядывающего за министром в министра, а Молотов был поставлен приглядывать за ним. Но конкретные внешнеполитические решения принимал теперь не старый большевик, а бывший меньшевик. Об этой странице биографии Вышинского Молотов не забывал и в конфликтных ситуациях не стеснялся об этом напоминать.

¹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 68.

² Там же. С. 76.

Осторожный Вышинский демонстрировал Молотову внешнюю лояльность даже после его отставки с поста министра¹.

Став своего рода советником при Сталине, Молотов участвовал в разработке директив Политбюро советским делегациям на важнейших международных форумах. Поскольку Молотов оставался главным специалистом по внешней политике в Политбюро, ему поручалось редактирование внешнеполитических документов высшего в СССР органа принятия решений. Это сохраняло за Молотовым большое влияние на ход международных дел, но теперь не столь непосредственное, как раньше. На совещаниях по вопросам внешней политики Сталин прилюдно давал понять, что Молотов уже не является руководителем внешней политики. На одном из заседаний Политбюро, где докладывал заместитель министра иностранных дел Громыко, Молотов по старой привычке одернул его по поводу порядка изложения тем:

– Товарищ Громыко, этот вопрос можно было бы переместить и в конец. Ведь есть другой, который следовало бы обсудить первым.

«Я, признаться, несколько удивился, почему это В.М. Молотову, который в то время уже не являлся министром иностранных дел..., обязательно хотелось переставить вопросы. Его замечание, на мой взгляд, было, скорее, вкусового порядка.

Но тут Сталин остановил В.М. Молотова и сказал:

– Дело докладчика, как ему расположить вопросы, и пусть товарищ Громыко докладывает их в таком порядке, в каком считает нужным»².

Некоторое улучшение положения Молотова летом 1949 года могло быть связано с тем, что у Сталина опять возник кадровый дефицит в связи с очередной бойней в верхах – Ленинградским делом, которое достигло пика в 1949 году.

Погром относительно молодых «ленинградцев» сорвал процесс омоложения кремлевского Олимпа. Нужно было пригласиться к другим «молодым», а пока не трогать «старую гвардию». На фоне «прегрешений» ленинградцев ошибки Молотова были скромными. Вячеслав Михайлович оказался в стороне от Ленинградского дела, которое на время затмило дело ЕАК. В условиях новых перестановок на Олимпе Молотов, как и в былые годы, мог подстраховывать ситуацию. Сталин считал, что старый

¹ Ерофеев В.И. Дипломат: книга воспоминаний. М., 2005. С. 149.

² Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 205.

товарищ потерял хватку и для прежней работы не годится, но в его лояльности не сомневался.

В январе – феврале 1949 года, оставаясь министром, Молотов посещал Сталина 13 и 17 дней в месяц, в марте – июне – 8–13. В июле Сталин Молотова вообще в кабинет не вызывал. А вот 27 августа – 2 сентября они снова общались почти каждый день. Затем Сталин отдыхал, после чего общение снова стало сравнительно частым: в декабре, когда Сталин работал не полный месяц – 6 дней, в январе – 13 дней, в феврале – 8, в марте – 9¹.

Отставка Молотова стала мировой сенсацией, а полугодовое отсутствие в публичном пространстве порождало противоречивые слухи о его судьбе. Но к концу года ситуация прояснилась: Молотов по-прежнему – один из членов высшего коммунистического руководства, появляется на трибуне Мавзолея, встречается на вокзале Мао Цзэдуна, принимает участие во встречах Сталина с зарубежными визитерами, то есть курирует вопросы внешней политики. Для всего мира и для советского народа Молотов оставался вторым лицом СССР после Сталина. В декабре Молотов прославлял Сталина в связи с его 70-летием. Сталин в долгу не остался. 9 марта 1950 года уже Молотов получил четвертый орден Ленина в связи со своим 60-летием. Открылся дом-музей в Молотовске, бывшем Нолинске. Он существовал несколько лет – до новой опалы Молотова.

Сталин жил на даче, в Кремле стал появляться реже. В январе 1950 года он работал там 14 дней, в июне и июле – по 5 дней, в августе – 1 день, а потом вернулся только 22 декабря. Затем Сталин появлялся в кабинете не более 10 дней в месяц. Текущими делами занималась «семерка» Политбюро, в которую входили Молотов, Микоян, Каганович, Маленков, Берия, Булганин и Хрущев.

В 1950 году Сталин еще существенно расширил полномочия Молотова, поручив ему курировать также транспорт и связь. Возглавив соответствующее бюро Совета министров, Молотов 7 апреля вошел в Бюро Президиума правительства, а 28 марта возглавил Комиссию по планированию железнодорожных и водных перевозок при Совете министров. В нее вошел Каганович, который был с Молотовым в равном статусе, и к тому же гораздо лучше разбирался в железных дорогах, ведь он трижды был наркомом путей сообщения. Сталин, однако предпочел, чтобы

¹ На приеме у Сталина. С. 670.

именно Молотов взглянул на эту проблему свежим взглядом, а может быть, хотел посмотреть со стороны, как товарищи начнут выяснять отношения. Драка последовала в 1952 году, когда к 4 марта под руководством Молотова комиссия подготовила записку «Об увеличении плана грузооборота и плана среднесуточной погрузки по железнодорожному транспорту на 1952 год». Предложение было сначала поддержано Бюро Президиума Совета министров, но при подготовке решения Президиума Каганович 22 мая документ демонстративно не подписал и потребовал его переработки. Суть разногласий заключалась в том, что Молотов считал основным показателем планирования тонно-километры, а Каганович критиковал молотовское увлечение валовыми показателями и напоминал, что постановления партии и правительства требуют подходить к планированию более детально, по родам грузов, и также сокращать пробег транспорта. А валовой показатель тонно-километров стимулирует его рост. 26 мая Молотов подписал гневный ответ Кагановичу, который, мол, не сказал о главном – о занижении валовых показателей при планировании в предыдущие годы. Дальше – резче: «Тов. Каганович оказался в числе тех, кто недооценивает необходимость поднять планирование работы железнодорожного транспорта на более высокую ступень. При таком положении упрекать других в “подмене испытанных на опыте ряда лет директив партии” и себя изображать защитником директив партии, как это делает тов. Каганович, – значит, не только говорить явную неправду, но и прибегать к плохим демагогическим приемам». Однако Каганович продолжал гнуть свою линию и выговаривал старому товарищу: «Нужно не сердиться и давать эпитеты, а доказать...» Доказать Молотову не удалось, постановление так и не было принято. Каганович в этом конфликте выиграл, и 20 октября было утверждено другое решение Совета министров «О мероприятиях по сокращению дальних, встречных и других нерациональных перевозок грузов на железнодорожном транспорте»¹. Это именно то, чего требовал Каганович.

В этом конфликте Молотов столкнулся с проблемой, которая и затем не переставала волновать его – как обеспечить эффективное планирование. В 30-е годы они гнали вал – тонны, метры, киловатты. Возглавив железнодорожную комиссию, Молотов сделал ставку на эти же методы, и Каганович преподавал ему

¹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 167–181.

урок: это вчерашний день, нужно настраивать планирование более тонко, на десятки показателей. Но проблема была в том, что эти показатели были разнородны, да и их было уже недостаточно в сложном производстве и распределении. Как свести это к общему знаменателю? Ответа так и не нашли, что привело в конце концов к Перестройке, разрушившей сами основы системы, построенной Молотовым и его товарищами.

И все же в 1950–1952 годах главной заботой Молотова оставалась внешняя политика. Международное положение СССР продолжало ухудшаться. 4 апреля 1949 года был подписан договор о создании НАТО. Советская сторона формально протестовала, ведь создание явно антисоветского блока противоречило договорам Великобритании и США о союзе с СССР.

Как и следовало ожидать, успехи Вышинского оказались не лучше молотовских. Ничего удивительно – оба лишь воплощали в жизнь указания Сталина, который становился все более неуступчив в отношении Запада.

Когда в Москву с визитом прибыл генеральный секретарь ООН Ли, 15 мая 1950 года Сталин принимал его вместе с Вышинским и Молотовым, отрекомендовав Вячеслава Михайловича как «специалиста по вопросам ООН»¹. Хотя Молотов вполне мог считать ООН своим детищем, выглядеть более прозападным, чем Сталин, он, конечно, не хотел, и обрушился на Ли с критикой за его программу улучшения международной ситуации как проамериканскую. Ли, стремившийся к равноудаленности от СССР и США, был обескуражен этими обвинениями. Впрочем, скоро обстоятельства не оставят ему выбора, и он действительно поставит на США.

8. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ВОЙНЫ

Хорошие для советских лидеров новости приходили из Китая. Еще в 1945 году благодаря присутствию Советской армии на северо-востоке страны укрепились позиции Народно-освободительной армии Китая (НОАК), организованной Коммунистической партией Китая (КПК). НОАК получила захваченное советскими войсками японское оружие. При этом большинство населения контролировало правительство партии Гоминьдан во главе с Чан Кайши, признанное в мире. Первоначально в Ки-

¹ Гайдук И.В. Указ. соч. С. 177.

*Мао Цзэдун
Конец 1940-х
[Из открытых
источников]*

тае планировалось проведение общенациональных выборов, результаты которых должны были показать, кто будет управлять страной. Но ни одна из сторон не была уверена в своей победе. Выборы не состоялись. Весной 1946 года гоминьдановцы начали наступление на позиции НОАК, в 1947 году НОАК перешла в контр наступление. По всему Китаю расширялись партизанские районы, контролировавшиеся коммунистами, а 31 января 1949 года части НОАК вступили в Пекин. Гоминьдановцы пытались закрепиться на юге страны, за рекой Янцзы, но не смогли сдержать удар коммунистов.

Мао Цзэдун, один из основателей КПК, провозгласил в Пекине Китайскую Народную Республику (КНР) 1 октября 1949 года и возглавил правительство. Остатки гоминьдановской армии эвакуировались на остров Тайвань, причем Чан Кайши продолжал претендовать на власть во всём Китае.

16 декабря Мао Цзэдун прибыл с визитом в Москву. На Ярославском вокзале его встречал Молотов. В бытность министром он имел дело прежде всего с официальными властями Китая, то есть с Чан Кайши и его представителями. С Мао работали партийные структуры. Теперь Молотов встречался с Мао как лидером пока не социалистического государства, толком не зная, насколько он «свой». А после истории с Тито ни в ком нельзя быть уверенным. Сделаешь неосторожный шаг – получишь новую взбучку от Сталина. Мао ждал более теплого приема, но из-за настроения Молотова, наложившегося на московскую зиму, встреча получилась во всех отношениях холодной. «Было холод-

но, и встреча получилась излишне сухой и официальной. Встречавшие явно не знали, как себя вести: то ли обнимать и целовать Мао, то ли ограничиться простым рукопожатием... Мао был смущен и огорчен... Выйдя на перрон, он обратился к Молотову и другим государственным деятелям СССР со словами «Дорогие товарищи и друзья!» Но ответного радушия не почувствовал. Все были скованы. Под стать встрече была и погода: крепкий мороз щипал щеки, дул сильный пронизывающий ветер. Из-за холода церемонию пришлось сократить»¹, – пишет историк А.В. Панцов.

В тот же день Мао встречался со Сталиным, Молотовым, Маленковым, Булганиным и Вышинским. Китайский «кормчий» говорил о необходимости для Китая мирной передышки на 3–5 лет – страна очень устала от войн, нуждается в восстановлении экономики. Сталин благодушно рассуждал о том, что передышка продлится дольше, сейчас Китаю никто не угрожает. «Разве что Ким Ир Сен нападет на Китай»², – пошутил Сталин, еще не ведая, что из-за Кима мирная передышка для Китая продлится всего несколько месяцев.

Мао приехал, чтобы заключить новый советско-китайский договор, который стал бы актом признания его режима. Еще в феврале 1949 года его проинформировали о позиции Сталина: «Мы считаем советско-китайский договор о Порт-Артурском районе неравноправным договором». Он был заключен с Чан Кайши, и «с приходом к власти китайских коммунистов обстановка меняется в корне». Это касалось и КЧЖД. Когда СССР откажется от привилегий, будет согласовано с коммунистами Китая³.

Теперь же на встрече в Москве Сталин осторожно уговаривал Мао сохранить старый договор, ведь он увязан с Ялтинскими решениями. СССР может вывести войска из Порт-Артура и даже заинтересован в этом, но следует подождать заключения мирного договора с Японией. Мао формально соглашался с сохранением войск и советского присутствия на КЧЖД, и даже с сохранением договора 1945 года⁴. Но если Мао уедет с пустыми руками, то зачем приезжал? Зубы подлечить?

¹ Панцов А.В. Мао Цзэдун. М., 2007. С. 523.

² Советско-китайские отношения: Документы и материалы. Т. 5. Кн. 2. М., 2005. С. 229.

³ Вождь: И.В. Сталин в документах и фотографиях. Кн. 5. С. 162.

⁴ Советско-китайские отношения. Т. 5. Кн. 2. С. 230.

Мао опасался вернуться ни с чем и раздражался, тем более что после беседы 16 декабря о нем будто забыли. В действительности же, в это время в советском руководстве шел пересмотр позиции по Китаю. Четырежды с 19 по 30 декабря и десять раз со 2 по 20 января Сталин вызывал к себе Молотова. Очевидно, обсуждалась и ситуация на Дальнем Востоке. КНР не признавался Западом, висела угроза недопуска его на мирную конференцию с Японией, росла напряженность на Корейском полуострове, развертыванию международной кампании против военного присутствия империалистов в Азии мешали советские права на Порт-Артур. В итоге было принято решение отказаться от договора 1945 года. 22 января 1950 года Сталин встретился с Мао, чтобы сообщить новое решение: с КНР будет заключен договор, заменяющий неравноправный советско-китайский договор 1945 года. Мао Цзедун выразил радость по поводу этого решения и высказался за постепенность ухода СССР из Порт-Артура, Даляня и КЧЖД¹.

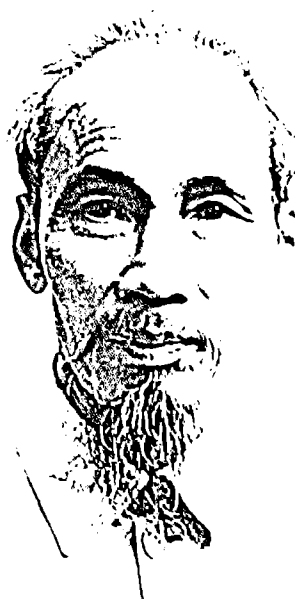
Молотов принял активное участие в подготовке советско-китайского договора 14 февраля 1950 года. Он сопровождался секретным протоколом по поводу особых прав СССР в бывшей Маньчжурии и Синьцзяне и сохранения прежних привилегий на несколько лет. Характерно, что, редактируя коммюнике о подписании договора, Сталин вычеркнул упоминания о Синьцзяне и Маньчжурии, а также обо всех, кроме себя и Вышинского, участниках переговоров с советской стороны, включая Молотова².

Решение об отказе от советско-китайского договора 1945 года в наши дни вызывает критику. «Советское правительство, Сталин добровольно и даже по своей инициативе отдавали все, что СССР получил по договору и соглашениям, подписанным с правительством Китайской Республики по договору 14 августа 1945 года, имея в виду огромные имущественные права России, которые были отняты Японией и за возвращение которых СССР вступил в войну против Японии в 1945 г.»³, — возмущался в своих воспоминаниях советский дипломат А.М. Ледовский. Мнение о

¹ Советско-китайские отношения. Т. 5. Кн. 2. С. 267–269.

² Вождь: И.В. Сталин в документах и фотографиях. Кн. 5. С. 204–205.

³ Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая: Документы и свидетельства участника событий. 1937–1952. М., 1999. С. 138–139.

*Хо Ши Мин**1946**[Из открытых источников]*

непрактичности сталинского решения разделяют и некоторые историки¹. Но согласие советского руководства пойти на встречу китайским национальным чаяниям было куда прагматичнее, чем империалистическая «реалполитика». Если бы Советский Союз держался за прежние привилегии, это не могло дать ничего, кроме возникновения советско-китайского конфликта на десятилетие раньше. Стоило ли держаться за базы на территории, где все порты теперь были к услугам советского флота? А вкладываться одной рукой в строительство китайской промышленности, чтобы другой взимать плату за совладение КЧЖД? И как объяснить, что СССР продолжает пользоваться правами, нарушающими суверенитет Китая, если он теперь – братский?

Еще один вопрос, о котором Мао договорился с Вышинским во время визита в Москву – энергичная борьба СССР за предоставление представителям КНР места Китая в ООН, которое пока продолжали занимать посланники окопавшегося на Тайване Чан Кайши. С 13 января 1950 года советский представитель в ООН Я. Малик стал бойкотировать работу Совета Безопасности, пока там присутствуют делегаты «гоминьдановской клики», а не

¹ Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе... С. 213.

«народного Китая». Эта кампания бойкота затянулась, что будет иметь для советской внешней политики тяжелые последствия – Вышинский потерял контроль за событиями в Совбезе. Вышинский, который не был так тесно связан с созданием ООН, как Молотов, не ценил эту организацию и спокойно рассуждал о том, что советский бойкот «фактически ведет дело к развалу ООН». Молотов, в свою очередь, настаивал, что необходимо провести эту кампанию как можно быстрее. По его предложению КНР уже 19 января сообщила Ли о назначении своего представителя при ООН¹. Но маневр Молотова не удался – полномочия представителя КНР не были признаны, и бойкот Совбеза со стороны Малика продолжился.

С Мао Цзэдуном также обсуждался вопрос, который в дальнейшем все больше будет занимать Молотова. В джунглях Индокитая развернулась партизанская война против французских колонизаторов. Ее вели сторонники Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) во главе с коммунистом Хо Ши Мином. Вроде бы это была сфера ответственности китайских товарищей, которым сподручно было помогать вьетнамским коммунистам со своей территории. Но после истории с Тито Сталин не был расположен создавать автономные сферы влияния и решил познакомиться с Хо Ши Мином лично. Тем более, что на вьетнамского лидера поступали тревожные сигналы. В декабре 1949 года в ЦК ВКП(б) обратился член ЦК КП Индокитая (к этому моменту распущенной) Чан Нгок Дан, бывший председатель делегации ДРВ во Франции. Его материалы были пересланы Молотову. Чан Нгок Дан выступал против официального роспуска партии 12 ноября 1945 года и ее нелегального существования внутри Лиги независимости Вьетнама (Вьетминь), критиковал Хо Ши Мина за «оппортунистическую и националистическую линию»². У Хо Ши Мина есть высокий авторитет как у многолетнего «человека Коминтерна» и символа антияпонской и антифранцузской борьбы. Но его политика ведет к перерождению коммунистического движения Индокитая. «Нынешняя политика перерождения была вдохновлена его доктриной, выдвинутой им на Турском съезде Компартии Франции»³. То есть, еще в 1920 году, Хо Ши Мин – оппортунист со стажем. Жалобщик

¹ Гайдук И.В. Указ. соч. С. 173–174.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1157. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

представлял подборку высказываний Хо Ши Мина, которую во Внешнеполитической комиссии ЦК комментировали: «Некоторые из высказываний Хо Ши Мина действительно вызывают недоумение. Так, например, в одной из выдержек из автобиографии Хо Ши Мина говорится, что, когда кто-то спросил его, коммунист он или последователь Сунь Ятсена, Хо Ши Мин ответил, что он изучал конфуцианство, христианство, учение Маркса и учение Сунь Ятсена, и считает, что каждое из них имеет положительные стороны, и что Конфуций, Христос, Маркс и Сунь Ятсен преследовали общую цель. “Я стараюсь быть их маленьким последователем. Я – патриот”, – заявил Хо Ши Мин. Вообще Хо Ши Мин в своих речах и статьях часто приводит выдержки из Конфуция и его учеников»¹. Молотов склонялся к тому, что пока к загадочному «дядюшке Хо» можно не предъявлять строгих идеологических требований, и оказался прав.

16 февраля, когда Сталин давал в честь Мао прощальный обед, Хо Ши Мин прибыл в Москву. Вьетнамский лидер произвел в целом благоприятное впечатление. Сталин в это время был настроен на то, чтобы в зарубежной Азии коммунисты действовали осторожно, не выпячивая свой коммунизм, так что «дядюшка Хо» действует правильно.

На какое-то время Индокитай оказался на периферии внимания советских лидеров из-за войны в Корее. После победы над Японией Корея была разделена на оккупационные зоны. На севере страны был установлен просоветский режим Ким Ир Сена, на юге – проамериканский режим Ли Сын Мана. В 1948 году произошел раскол страны на два государства: Кореysкую Народно-Демократическую Республику (КНДР) на севере и Республику Корея (РК) на юге. Оккупационные войска покинули Корею.

Руководство КНДР, вдохновленное опытом китайских коммунистов, стало готовить наступление на юг с целью объединения страны. Ким Ир Сен обсудил ситуацию со Сталиным, Молотовым, Маленковым и Вышинским 10 апреля 1950 года. Сталин санкционировал удар при условии, что с этим согласится и Мао. Китайский лидер дал добро. 25 июня 1950 года северокорейские войска, вооруженные СССР, вторглись на юг и стали громить южнокорейскую армию, вооруженную США. Уже 28 июня был взят Сеул.

¹ Там же. Л. 16; См. также: Селиванов И.Н. Чан Нгок Дан. «Вопросы истории». 2013. № 4.

*Яков Александрович**Малик**1952**[Из открытых источников]*

Стало ясно, что Советскому Союзу предстоит неприятное разбирательство в Совбезе ООН за такое поведение его сателлита. Советские представители на весь мир возмущались, что Южная Корея напала на Северную, но армия КНДР дала достойный отпор. Громыко предлагал Сталину на предстоящем заседании Совбеза даже осудить США как соучастника развязывания войны и наложить вето на проамериканскую резолюцию. Однако Сталин ответил: «По моему мнению, советскому представителю не следует принимать участие в заседании Совета Безопасности». На это Громыко напомнил, что «в отсутствие нашего представителя Совет Безопасности может принять любое решение, вплоть до отсылки в Южную Корею войск из других стран под личиной “войск ООН”».

«Но на Сталина этот довод особого впечатления не произвел. Я почувствовал, что менять свою точку зрения он не собирается.

Затем Сталин фактически продиктовал директиву, хотя обычно он прибегал к такому способу редко»¹.

Представитель СССР Малик демонстративно не пришел 25 и 27 июня на заседания Совбеза, где обсуждался конфликт. Американская дипломатия решила использовать шанс, чтобы наконец запустить заложенный в основу устава ООН механизм

¹ Громыко А.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 207.

отпора агрессии. Накануне принятия решения Ли вместе с заместителем американского представителя Ч. Россом встретили Малика за обедом. В непринужденной обстановке Малик стал критиковать резолюцию 25 июня как незаконную, потому что она не была согласована с представителем СССР. За чем же дело стало? Ли стал уговаривать Малика принять участие в заседании, которое как раз сейчас должно начаться. Если бы Малик согласился, своим вето он сорвал бы американский план. Как вспоминал Росс, у него было желание дать Ли тумака¹. Но Малик, подчиняясь указанию из Москвы, от предложения уклонился.

В результате вето на резолюцию не было наложено, и ООН получила право военного вмешательства. Это единственный случай, когда ООН смогла применить вооруженную силу против агрессии вопреки позиции одного из постоянных членов Совбеза. 4 июля СССР устами Громыко (а не Вышинского) заявил о непризнании резолюции, так как конфликт в Корее является не межгосударственным, а внутренним, и поэтому не подведомствен ООН. Но это мало кого убеждало – слишком очевидно было вооруженное нападение КНДР на РК. Малик вернулся к работе в Совбезе 1 августа, но было уже поздно.

СССР потерпел двойное поражение – и по вопросу о Корее, и в борьбе за место в Совбезе КНР. К этим провалам советской внешней политики Молотов не имел прямого отношения. Пока он руководил МИДом, такого не случалось.

Конечно, Сталин не был бы собой, если бы не попытался представить неудачу в ООН победой. 27 августа в письме к Готвальду он писал, что советскому представителю приказали уйти из Совбеза, чтобы дать американскому правительству «совершить новые глупости», а после вступления в борьбу Китая «Америка должна надорваться в этой борьбе», и она не сможет начать третью мировую войну. При том, что к 1950 году конфликты в Европе, грозившие войной, притухли, война в Азии как раз и была чревата вовлечением СССР в третью мировую войну, особенно после того, как в войне стали принимать участие советские летчики. Так что Сталин, конечно, делал хорошую мину при плохой игре. Да и вряд ли Готвальд был настолько наивен, чтобы поверить в такое объяснение.

¹ Гайдук И.В. Указ. соч. С. 181–182.

В письме к Мао 5 октября Сталин предложил противоположную версию – война в Корее нужна не для того, чтобы оттянуть широкомасштабную войну, а чтобы развязать ее: «Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен как союзник США и когда у США и Японии будет готовый плацдарм на континенте в виде лисынмановской Кореи»¹. Одних утешили тем, что американцы на нас не нападут, других тем, что коммунисты сами вовремя напали на врага.

Молотов продолжал принимать участие в разработке советской внешнеполитической линии, готовя документы для Политбюро – в связи с попытками переговоров о перемирии в Корее и при подготовке директив советской делегации на мирную конференцию в Сан-Франциско, где решалась судьба Японии и наследия ее империи. И там, и там последовали неудачи – война в Корее закончилась только после смерти Сталина, а в Сан-Франциско большинство делегаций во главе с США не согласились с советскими предложениями, защищавшими прежде всего КНР – и советские представители отказались подписать мирный договор. Это было еще одно поражение той политики, которую Молотов вел, будучи министром – СССР не смог закрепить выгодные для него итоги Второй мировой войны в мирном договоре. Холодная война перечеркивала прежние достижения и планы Молотова.

9. МИРОТВОРЦЫ НА ПОВОДКЕ

Отстраненный от непосредственного руководства советской внешней политикой Молотов сосредоточился на улучшении испортившегося имиджа СССР за рубежом. Применяя современный термин, В.А. Никонов называет это «мягкой силой»². В те годы это называлось более точным термином «идеологическая борьба». В ней использовались наработки 30-х годов, когда союзником СССР были движения против фашизма и войны. Можно было воспользоваться тем, что в плюралистических обществах, в отличие от авторитарных и тоталитарных, всегда есть множество открыто действующих общественных деятелей, негативно

¹ Вождь: И.В. Сталин в документах и фотографиях. Кн. 5. С. 224, 232.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 319.

настроенных в отношении к существующим в их стране социально-политическим порядкам и готовых действовать по принципу «враг моего врага – мой друг».

Террор, ломавший тысячи судеб «за железным занавесом», был прикрыт от глаз остального мира. На Западе сохраняли влияние коммунисты, в том числе и деятели культуры, которые представляли СССР как страну народовластия и социальной справедливости. Опираясь на них и поддерживая «справедливую борьбу народов», то есть антиимпериалистические и антивоенные движения в «мире капитализма», СССР мог приобрести немало влиятельных друзей в стане врага.

К тому же в условиях Холодной войны правые силы на Западе использовали коммунистическую угрозу для развязывания кампании преследований сторонников левых взглядов, известной как «охота на ведьм». Репрессии и социальные контрасты в «демократических» странах возмущали значительную часть недавних борцов с фашизмом. В условиях мировой поляризации многие видные общественные и культурные деятели сочувствовали СССР и коммунистам. Как и перед войной, это облегчало ведение международной идеологической борьбы, которое теперь координировал Молотов.

В августе 1948 года во Вроцлаве в ПНР была организована конференция с участием известных левых деятелей культуры, таких как Б. Брехт, П. Пикассо, Ф. и И. Жюлио-Кюри. Был создан Международный комитет интеллигенции за мир, расположившийся в Париже. Он был связан с комитетами в 46 странах. Это была только «закваска». В апреле 1949 года в Париже прошел I Всемирный конгресс сторонников мира с участием более двух тысяч делегатов из 72 государств. Делегаты осудили создание НАТО, ремилитаризацию Германии и Японии, потребовали запрета ядерного оружия и выступили против ограничения демократических свобод. Конгресс избрал Постоянный комитет сторонников мира, приступивший к разворачиванию сети комитетов по всей планете и подготовке еще более солидного конгресса. Издавался журнал «Сторонники мира» и орган советского комитета – «Век XX и мир», рассчитанный на зарубежную аудиторию. В марте 1950 года Постоянный комитет выступил со «Стокгольмским воззванием», потребовав запрета ядерного оружия. Под воззванием собрали полмиллиарда подписей.

В ноябре 1950 года в Варшаве проходил II Всемирный конгресс. Казалось бы, речь идет о демократическо-пацифистском

движении. Но критические стрелы выступающих были направлены только в сторону «мира капитала». Докладчик Ф. Жолио-Кюри, известный физик и коммунист, выступал за прекращение войн в Корее и Индокитае, но обличал при этом Чан Кайши, Бао Дая и Ли Сын Мана, не говоря злого слова об их коммунистических противниках¹. В конгрессе принял участие и лидер итальянских социалистов П. Ненни, который также поддерживал советскую позицию по поводу войны в Корее, ссылаясь на индийского лидера Дж. Неру. Когда один из делегатов Рогге посмел покритиковать политику СССР в Восточной Европе, ему дали жесткий отпор. Конгресс избрал Всемирный совет мира (ВСМ) во главе с Жолио-Кюри и принял ряд документов, включая определение агрессии, опирающееся на советские предложения 30-х годов. Оно состояло из двух пунктов: «1. Агрессором является то государство, которое первым применит силу против другого государства под каким бы то ни было предлогом. 2. Никакие соображения политического, экономического или стратегического порядка, никакие мотивы, относящиеся к внутреннему положению государства, не могут служить оправданием вооруженного вмешательства»².

К действиям КНДР в июне 1950 года эта формула не относилась, так как они трактовались как акт гражданской войны, а не нападение одного государства на другое. Принятый конгрессом «Манифест к народам мира» требовал прекращения Корейской войны. Под ним был организован массовый сбор подписей. В обращении к ООН делегаты требовали также вывода иностранных войск из Кореи и с Тайваня, прекращения войны в Индокитае, допуска КНР в Совет Безопасности ООН, запрета оружия массового поражения и сокращения обычных вооружений, привлечения к ответственности генерала Макартура³. То есть конгресс полностью поддерживал советскую внешнеполитическую линию. Молотов мог быть доволен.

Запад парировал усилия Молотова своими действиями. Так, например, II Всемирный конгресс сторонников мира должен был пройти в Шеффилде, но власти запретили его проведение. Мир капитала обладал широкими возможностями для финансиру-

¹ Второй Всемирный конгресс сторонников мира. Варшава. 16–22 ноября 1950 года. (Материалы). М., 1951. С. 25.

² Там же. С. 521.

³ Там же. С. 516–517.

ния антикоммунистической пропаганды. Впрочем, множество общественных и культурных деятелей боролись с коммунистами вполне искренне. Благо, было не сложно разоблачать отсутствие гражданских свобод и народовластия за «железным занавесом».

Если на Западе коммунистами велась идеологическая борьба в защиту прав и свобод, то там, где они пришли к власти, царил непримиримость к инакомыслию. В странах «народной демократии» развернулась охота на «титоистов», превосходившая по масштабам гонения на коммунистов в странах Запада. Когда кончились реальные «титоисты», то есть те, кто мало-мальски сочувствовал Тито или выступал за национальные пути к социализму, продолжилось сведение счетов коммунистических группировок. Пригодилась и развернувшаяся в СССР борьба с «сионистским заговором», развязавшая руки антисемитам-коммунистам в Восточной Европе.

Роль, которую в борьбе титоизмом сыграл Коминформ, вроде бы открывал перед этой организацией новые перспективы. Молотов, который теперь курировал отношения с «братскими партиями», выступил за «расширение функций» Коминформа. Сталин поддержал эту идею. 22–24 ноября 1950 года в Бухаресте прошло заседание секретариата Коминформа, которое поддержало расширение функций организации. М. Суслов выступил за введение поста Генерального секретаря. Однако лидер Итальянской коммунистической партии П. Тольятти, которому Сталин предложил пост Генсека Коминформа, не только отказался от этой сомнительной чести, но и раскритиковал работу Коминформа так убедительно, что Сталин вообще охладел к этой организации. Планы Молотова и Григорьяна по расширению полномочий Коминформа были оставлены¹.

В целом Сталин оценивал деятельность Молотова в этот период положительно, а после дипломатических неудач на дальневосточном направлении и вовсе стал выдвигать его на первый план по сравнению с Вышинским. В октябре 1950 года на конференции министров восточноевропейских государств в Праге Советский Союз представлял не Вышинский, а Молотов. Он вносил в обсуждение тенденцию к смягчению конфронтации с Западом, которая и так уже подошла к грани ядерной войны, искал возможность «наводить мосты». Так, Молотов поправил польского

¹ Адиебеков Г.М. Начало конца Коминформа (по новым архивным документам) // Сталин и холодная война. С. 354–362.

министра З. Модзелевского, предполагавшего заострить формулировки, направленные против Западной Германии: «Я хотел бы отметить, что в проекте заявления нет ни слова критического, ругательного в отношении “правительства Аденауэра”. Мы считаем, что наш документ должен быть направлен против трех оккупационных держав – США, Англии и Франции, поскольку они являются командующими в Западной Германии. “Правительство Аденауэра” мы нигде не затрагиваем непосредственно. Более того, в наших конкретных выводах мы как бы приглашаем это правительство участвовать в создании Общегерманского учредительного совета»¹. Молотов продолжал стремиться к германскому урегулированию.

Работая над проектом мирного договора с Германией, Молотов пытался придать ему как можно более нейтральную тональность, вычеркнув требование «переустройства всего общественного и государственного строя Германии». На полях Молотов начертил: «Перехватили»². Не нужно ставить социальные изменения условием германского объединения. Пометка Молотова говорит о серьезности намерений преодолеть раздел Германии, превратив ее в нейтральный «буфер» в Европе, подобный тому, каким стала позднее Австрия. Это принципиально снизило бы угрозу войны в Европе, так как противостоящие войска не имели бы линии соприкосновения. Западные партнеры тоже не забывали о борьбе за симпатии немцев, добавив к помощи по плану Маршалла обещание 9 июля 1951 года в одностороннем порядке прекратить состояние войны с Германией. Когда сотрудники МИДа предложили оформить по этому поводу ноту протеста, Молотов эту инициативу заблокировал³ (характерно, что он был вправе принимать такие решения в обход министра Вышинского).

С санкции Москвы парламент ГДР принял 9 января 1952 года избирательный закон и предложил ФРГ выработать избирательное законодательство для общегерманских выборов.

¹ Филитов А.М. СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941–1961) // Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 240–241.

² Филитов А.М. Советский Союз и германский вопрос в период позднего сталинизма (к вопросу о генезисе «сталинской ноты» 10 марта 1952 года) // Сталин и холодная война. С. 342.

³ Там же. С. 323.

10 марта 1952 года была опубликована нота МИД СССР по германскому вопросу, которая предлагала западным партнерам в ближайшее время заключить с Германией мирный договор, предусматривающий ее нейтральный статус, после чего в течение года с ее территории должны быть выведены иностранные войска, а Германия получила бы право иметь свои вооруженные силы. Историк А.М. Филитов пишет об этой ноте: «Если считать главным новшеством в ней отказ от акцента на “демилитаризацию”, более спокойное отношение к военной составляющей германской государственности (и ее представителям), то исходный пункт ноты можно усмотреть еще в высказываниях Молотова на Пражской конференции 1950 г.»¹. Впрочем, роль инициатора этой мирной инициативы по мнению А.М. Филитова принадлежит не Молотову, а главе дипломатической миссии СССР в ГДР Г. Пушкину, которого, возможно, «следует считать “автором” концепции “сталинской ноты”»². Молотов координировал работу по подготовке ноты и последующих обращений МИДа СССР по этому вопросу, которые последовали за ней. 9 апреля он предложил свои поправки к следующей ноте, но подготовлена она была не им, а аппаратом МИДа, текст правил также Сталин³. Без согласия и активного участия вождя эта инициатива была бы невозможной. Молотов в этом вопросе был помощником и советником Сталина.

США и Великобритания прохладно отнеслись к идее германского нейтралитета и обусловили заключение договора проведением выборов, которые создадут общегерманское правительство. А иначе с кем же заключать договор? В марте – августе происходил обмен нотами по этому вопросу. Сталин решил, что они и так предложили Западу слишком много, и потребовал ужесточить советскую позицию. «Переделку проекта в духе его ужесточения можно считать проявлением антимолотовской кампании обвинений в “мягкотелости к империализму”, которые уже давно выдвигались Сталиным... Разумеется, никакой особой “мягкости” в разработках МИД по германскому вопросу не было;

¹ Филитов А.М. Нота 10 марта 1952 года: продолжающаяся дискуссия // Россия и Германия. Вып. 3. М., 2004. С. 328.

² Филитов А.М. Советский Союз и германский вопрос в период позднего сталинизма. С. 342.

³ Вождь: И.В. Сталин в документах и фотографиях. Кн. 5. С. 246–253.

Вальтер Ульбрихт
[Из открытых источников]

присутствовало лишь стремление не захлопывать окончательно дверь перед перспективой переговоров великих держав»¹, — считает А.М. Филитов.

Ну что же, раз НАТО не готова делать объединенную Германию по-настоящему нейтральной, то нужно всерьез взяться за обустройство своей части страны. По указанию Москвы II конференция СЕПГ в июле взяла курс на строительство социализма. Это решение серьезно затрудняло возможность интеграции Германии в одно государство. В августе на встрече с Вышинским лидер СЕПГ В. Ульбрихт подчеркнул, что строительство социализма не противоречит борьбе за объединение Германии. Историк Дж. Робертс комментирует: «Если, как утверждают некоторые историки, мартовская нота была чисто пропагандистским трюком, дабы помешать или на время оттянуть перевооружение Германии и образование ЕОС, то Ульбрихт об этом не знал. Конечно, Советы собирались сделать все возможное, чтобы поддержать позиции своих сторонников в единой Германии, но это не исключало серьезного политического компромисса с Западом. Возможно, это могло означать потерю коммунистами политиче-

¹ Филитов А.М. Сталинская дипломатия и германский вопрос: последний год // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М., 1999. С. 94.

ского контроля над Восточной Германией, но долгосрочное сдерживание немецкой агрессии того стоило. По крайней мере для Молотова»¹.

Это не факт. Когда в следующем году Берия снова предложит попытаться разменять ГДР на германский нейтралитет, Молотов отнесется к этой идее резко отрицательно, и в 1954 году будет подчеркивать ценность «социалистической Германии». В 1952 году еще можно было без большого труда унифицировать социальную систему объединенной Германии, а через год это стало значительно сложнее. Раз Запад весной 1952 года не согласился с идеей нейтральной объединенной Германии, летом Москва пошла по пути двух Германий, объединение которых может стать результатом не только внешнеполитических решений, но и глубокой социальной трансформации одной из Германий.

В 1951 году в советском руководстве возобладала прагматическая линия на то, чтобы осваивать уже полученную сферу влияния, пока не претендуя на большее. 23 июня представитель СССР в ООН Малик предложил начать переговоры о перемирии в Корее. Они начались 10 июля и продолжались до 1953 года. 4 августа 1951 года по предложению Молотова Политбюро приняло решение не настаивать на пересмотре конвенции Монтрё². Правда, официально об отсутствии претензий к Турции тоже будет заявлено только после смерти Сталина, в мае 1953 года. Напуганная советской угрозой Турция в это время завершала процедуру вступления в НАТО, членом которой стала в 1952 году. Так что Молотову было нетрудно убедить коллег, что жесткость на этом направлении чревата столкновением с НАТО, чего допускать не следует.

20 августа 1951 года была создана комиссия Политбюро по подготовке Международного экономического совещания во главе с Молотовым. Предложивший план этого мероприятия Майский рассчитывал скорее на агитационный эффект, чем на практический результат³. СССР предлагал сотрудничество западному бизнесу через голову западных государственных деятелей. Вряд ли заинтересованным бизнесменам позволят заключить масштабные контракты с СССР, но его имидж от этого явно выигра-

¹ Робертс Дж. Указ. соч. С. 173.

² Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 558.

³ Липкин М.А. Совет экономической взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства. С. 56.

ет, а противоречия в капиталистическом лагере усилятся. Молотов в сотрудничестве с Микояном не просто поддержал идею Майского, но и попытался использовать это мероприятие для реального экономического, а не только агитационного успеха. В документе, подготовленном Внешнеполитической комиссией ЦК ВКП(б), курируемой Молотовым, говорилось, что «основная цель Московского экономического совещания заключается в том, чтобы содействовать прорыву экономической блокады и той системы мероприятий по экономической дискриминации СССР, стран народной демократии и Китая, которая в последние годы проводится правительством США со все большим нажимом...»¹ Для привлечения бизнесменов и видных общественных деятелей (включая профсоюзных лидеров и депутатов) Молотов и Григорьян использовали сеть комитетов защиты мира, но не превратили этот форум в мероприятие ВСМ. Тех, кто был готов ехать в таинственный мир за «железным занавесом», убеждали, что мероприятие не будет политизированным, так что клеймо агентов коммунизма им не грозит.

На Международное экономическое совещание (МЭС) 3–12 апреля 1952 года удалось собрать 471 делегата из 48 стран (не считая экспертов, наблюдателей и гостей). Пока общественные деятели произносили речи о расширении экономического сотрудничества между Востоком и Западом и пагубности западных санкций, бизнесмены активно рекламировали свою продукцию и договаривались о контрактах. Здесь была заключена британско-китайская сделка о товарообмене на 10 млн фунтов стерлингов. МЭС сопровождалось выставками продукции и показом советской моды. В проекте выступления советского представителя появился даже термин «мирное сосуществование», который станет одной из важнейших идеологем советской внешней политики в послесталинский период. Молотов одобрил этот фрагмент речи, но при последующем обсуждении он все же был заменен «экономическим сотрудничеством». В резолюции МЭС указывалось, что «существование различных социально-экономических систем не может служить причиной, препятствующей развитию широких экономических отношений»². Сталин 2 апреля упомянул мирное сосуществование двух систем.

¹ Цит. по: Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе... С. 175–176.

² Там же. С. 173–188, 214.

На МЭС был создан Комитет содействия международной торговле, который должен был поддерживать наметившиеся экономические связи. Его местопребыванием была избрана Вена. Венгрия и Китай внесли взносы на его работу. «Однако вскоре после завершения МЭС без видимых причин советская сторона начала отстраняться от участия в созданном с таким трудом Комитете содействия международной торговле», – отмечает М.А. Липкин. Когда советский представитель в Комитете М. Нестеров в ноябре запросил Молотова, стоит ли производить советскую выплату в Комитет, тот наложил резолюцию: «этого делать не следует. Необходимо в точности придерживаться тех указаний, которые были даны 15.11.»¹ То есть, в середине ноября было принято решение о сворачивании работы Комитета.

Замораживание политики экономического сотрудничества, начатой по инициативе Молотова в ходе МЭС, объясняется прежде всего опасениями Сталина по поводу воздействия мира капитала на СССР и углублением опалы Вячеслава Михайловича, связанной во многом с недовольством Сталина его мерами, направленными на смягчение Холодной войны. Впрочем, были и другие причины перехода опалы Молотова в более глубокую и опасную фазу.

10. НА КРАЕ ПРОПАСТИ

Вечером 4 июля 1951 года Сталин собрал соратников – Молотова, Берию, Маленкова и Булганина, чтобы обсудить сенсационную новость – от старшего следователя М. Рюмина поступил донос на его начальника Абакумова. Оказывается, он тормозил расследование дел сионистов, которое выводило на тему вредительства кремлевских врачей. Опасность угрожает всем членам советского руководства. Для расследования этого сигнала была создана комиссия во главе с Маленковым. Когда Молотов одобрял это расследование, он не думал, что оно подведет и его к краю гибели. Напротив, «дело врачей» начиналось как борьба со злоупотреблениями министра госбезопасности Абакумова, который погубил доктора Я. Эттингера и неправильно вел расследование еврейского заговора. Глядишь, можно будет вывести Абакумова на чистую воду и в деле Жемчужиной...

¹ Там же. С. 190–191.

Но Сталин развернул расследование злоупотреблений Абакумова в противоположную сторону. Иосиф Виссарионович видел, что коммунистических вождей плохо лечат, но считал, что это не халатность и некомпетентность, а злой умысел. Обилие евреев среди врачей сочеталось с уже набравшей темпы антисинионистской кампанией. Поскольку Абакумов не вскрыл эту связь заговоров, он по итогам расследования комиссии был 11 июля снят с поста министра государственной безопасности и затем арестован. Сменивший его С. Игнатов и ставший его заместителем Рюмин приступили к арестам врачей, лечивших вождей. Казалось бы, Молотов находился в стороне от «дела врачей», но вскоре цепочки выстроенных следствием связей потянутся в сторону Вячеслава Михайловича.

Процесс над членами Еврейского антифашистского комитета начался 8 мая 1952 года. Одним из главных обвиняемых был бывший заместитель Молотова в МИД Лозовский. В любой момент обвинение могло перекинуться на Молотова как «покровителя сионистов», лоббировавших их националистические проекты. Лозовский говорил: «Дело в том, что для Михоэлса, Фефера и Эпштейна было чрезвычайно важно убедить других в мысли, что им покровительствуют видные лица. Отсюда и появилось огромное количество всякого рода слухов, сообщений Михоэлса о том, что он был дружен с Жемчужиной и пр.»¹.

В это время «инстанция» еще не дала санкцию на привлечение к этому делу Молотова и Жемчужиной. Да и сам процесс шел «тяжело» для обвинения — подсудимые стали отказываться от признания вины и самооговоров, да так убедительно, что даже судья А. Чепцов усомнился в версии следствия, и только по требованию Маленкова приговорил 18 июля всех, кроме Л. Штерн, к расстрелу.

Напряженность в отношениях Молотова и Сталина продолжала нарастать. Этому способствовала и легкая теоретическая фронда со стороны Вячеслава Михайловича по поводу работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», которая была откликом на организованную под эгидой ЦК ВКП(б) в ноябре 1951 года дискуссию о содержании учебника «Политэкономия». Поскольку речь шла об учебнике, участники конференции обсуждали не столько реальность, сколько терминологию, в том числе пытались применить марксовы понятия к советскому

¹ Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. С. 191, 195.

«социализму». Изучив материалы дискуссии, Сталин солидно подвел итоги, подтвердил, что наше общество тоже подчиняется объективным законам и даже сформулировал «основной закон социализма»: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»¹. Мог возникнуть крамольный вопрос: а если в СССР дела обстоят не так, то у нас не социализм? Нет, все равно социализм, просто если не соблюдать закон, то дела будут идти не так хорошо, как могли бы. Социализм у нас по определению, а удовлетворения и совершенствования может и не быть.

Молотову закон не понравился. После смерти Сталина он писал: «Формулируя “основной экономический закон социализма”, Сталин свел дело к возможно более полному удовлетворению растущих экономических и культурных потребностей трудящихся. Это — узко потребительская, глубоко оппортунистическая установка, которую нельзя признать правильной». Упускалась как минимум ключевая задача — задача «неуклонного устранения социального неравенства»².

Если бы Молотов заявил такое Сталину в глаза, он бы тут же был изобличен как сторонник идей Зиновьева, которого они как раз за термин «равенство» и критиковали в 1925 году. Со временем Молотов стал невольно сдвигаться к такой же позиции ортодоксально-левого марксизма-ленинизма, противостоящего человеческому потребительству, стремлению людей к более обеспеченной, качественной жизни. Пока нет изобилия, если «пряников» не хватает на всех, то стремление к удовлетворению растущих потребностей вызывает борьбу людей за ограниченные ресурсы и ведет к социальному расслоению, неравенству.

Молотов критиковал Сталина (правда, после его смерти) с позиций, аналогичных тем, с которых левая оппозиция критиковала Бухарина и Сталина: «Можно добиться лучшего удовлетворения материальных и культурных потребностей даже в течение десятилетия, а во втором десятилетии это подготовит провал. Если вы взяли курс на удовлетворение материальных и культурных потребностей, для этого, конечно, нужно в первую

¹ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Слово товарищу Сталину. М., 1995. С. 225.

² Цит. по: Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 329.

очередь развитие легкой и пищевой промышленности, верно? Для людей. И постепенно станете забывать о тяжелой промышленности. Если пойти по этой дорожке и забыть о том, что надо подтягивать, в особенности тяжелую промышленность, это самое материальное удовлетворение постепенно будет подорвано. ...Я пытался кое-что Сталину говорить по "Экономическим проблемам", но все кричали "ура! ура!"...

Вывраться из капиталистических условий рабочий класс может только ценою жертв, а если кто хочет без жертв, то стоит в другую партию записаться – в партию пацифистов, бездельников, болтунов и безнадежных буржуазных идеологов»¹. По сравнению с этой позицией Молотова, правда изложенной в преклонные годы с учетом опыта 50–60-х годов, мнение Сталина выглядит «правым», «оппортунистическим», слишком большим приспособлением к потребностям людей. Такой «потребительский» курс, который по мнению Молотова несет угрозу коммунистической перспективе, проводился затем Маленковым и отчасти ненавистным Молотову Хрущевым, которого он в старости клеймил как правого оппортуниста, продолжателя дела Бухарина. Но истоки этой губительной тенденции Молотов усмотрел у Сталина.

С противоположных позиций со Сталиным был не согласен Микоян. «Накануне XIX съезда партии вышла брошюра Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР". Прочитав ее, я был удивлен: в ней утверждалось, что этап товарооборота в экономике исчерпал себя, что надо переходить к продуктообмену между городом и деревней. Это был невероятно левацкий загиб. Я объяснял его тем, что Сталин, видимо, планировал осуществить построение коммунизма в нашей стране еще при своей жизни, что, конечно, было вещью нереальной...

Как-то на даче Сталина сидели члены Политбюро и высказывались об этой книге. Берия и Маленков начали активно подхалимски хвалить книгу, понимая, что Сталин этого ждет. Я не думаю, что они считали эту книгу правильной. Как показала последующая политика партии после смерти Сталина, они совсем не были согласны с утверждениями Сталина. И не случайно, что после все стало на свои места. Молотов что-то мычал вроде бы в поддержку, но в таких выражениях и так неопределенно, что было ясно: он не убежден в правильности мыслей Сталина. Я молчал.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 500–501.

Вскоре после этого в коридоре Кремля мы шли со Сталиным, и он с такой злой усмешкой сказал: “Ты здорово промолчал, не проявил интереса к книге. Ты, конечно, цепляешься за свой товарооборот, за торговлю”. Я ответил Сталину: “Ты сам учил нас, что нельзя торопиться и перепрыгивать из этапа в этап и что товарооборот и торговля долго еще будут средством обмена в социалистическом обществе. Я действительно сомневаюсь, что теперь настало время перехода к продуктообмену”. Он сказал: “Ах так! Ты отстал! Именно сейчас настало время!” В голосе его звучала злая нотка. Он знал, что в этих вопросах я разбираюсь больше, чем кто-либо другой, и ему было неприятно, что я его не поддерживал. Как-то после этого разговора со Сталиным я спросил у Молотова: “Считаешь ли ты, что настало время перехода от торговли к продуктообмену?” Он мне ответил, что это – сложный и спорный вопрос, то есть высказал свое несогласие¹.

У Молотова работа Сталина слишком «правая», у Микояна – левая. Текст работы подтверждает правоту Молотова, а не Микояна. Сталин в своей брошюре не ставит задачу немедленного перехода к продуктообмену и даже заступает за товарное производство: «Говорят, что товарное производство все же при всех условиях должно привести и обязательно приведет к капитализму. Это не верно. Не всегда и не при всяких условиях!.. Говорят, что после того, как установилось в нашей стране господство общественной собственности на средства производства, а система наемного труда и эксплуатации ликвидирована, существование товарного производства потеряло смысл, что следовало бы ввиду этого устранить товарное производство.

Это также неверно². То есть Сталин прямо пишет о неверности мысли, которую ему приписал в своих мемуарах Микоян, чтобы придать их размолвке принципиальный теоретический характер. Сталин связывает необходимость сохранения товарообмена с существованием колхозов (хотя в это время их самостоятельность была чисто формальной) и выступает против их ликвидации, о замене товарообмена продуктообменом он говорит как о неопределенной перспективе будущего. Так что у Сталина не было оснований спорить с Микояном как защитником сохранения товарообмена. Впрочем, и оппонирование со стороны Молотова ограничилось намеками. Однако, судя по последующим

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 569–570.

² Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. С. 204–205.

*И.В. Сталин на XIX съезде
КПСС*

Октябрь 1952

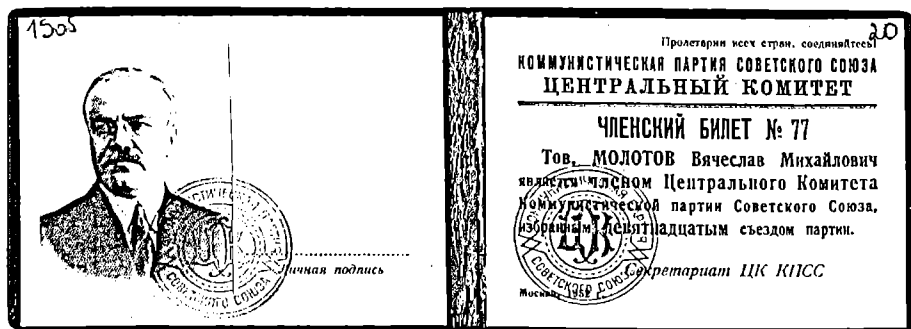
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11.

Д. 1661. Л. 2]

событиям, Сталин эти намеки на свой «правый уклон» заметил и в дальнейшем действовал так, чтобы объединить Молотова и Микояна в общую группу именно правых уклонистов, делая и Молотова именно «правым».

Триумфом политики Сталина должен был стать XIX съезд партии, который проходил 5–14 октября 1952 года. Прошлый съезд собирался еще в 1939 году, с тех пор прошла эпоха испытаний и побед. На съезде был изменен устав партии. Она стала называться Коммунистической партией Советского Союза (КПСС), что звучало более стандартно в ряду других национальных компартий, которые не были теперь секциями Коминтерна. В то же время новое название не будило лишней раз воспоминаний о большевизме, революционное поколение которого было похоронено террором. Вместо Политбюро был учрежден более широкий Президиум ЦК (это название просуществовало до 1966 года, когда было восстановлено Политбюро), проведены и другие реорганизации. Впрочем, широкий Президиум ЦК сразу же перестроился под привычную иерархическую структуру, так как в нем было образовано неуставное Бюро Президиума из 9 человек.

На съезде Сталин ограничился кратким выступлением, чтение основного доклада было доверено Маленкову. Молотов по поручению Сталина открыл съезд. Он хотел выступить развернуто, солидно. Но это могло выглядеть как претензия на лидер-

Членский билет № 77 В.М. Молотова, избранного в ЦК ВКП(б) на XIX съезде КПСС

1952

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1507. Л. 19–20]

ство, так что коллеги замахали руками: «Не выступай! Сталин будет недоволен, не надо, не выступай»¹. В начале съезда Молотов предложил почтить минутой молчания память товарищей, погибших во время войны, а также скончавшихся видных руководителей Щербакова, Калинина, Жданова. Молотов все же вкратце изложил важнейшие внутренние и внешнеполитические проблемы, предвосхищая отчетный доклад. Хоть на душе и было беспокойно, выступал он как всегда оптимистично. Коммунисты идут от победы к победе, а после войны за ними пошли страны с населением в 600 миллионов человек². Затем ораторы прославляли сталинскую внешнюю и внутреннюю политику, теоретические достижения Сталина, включая «Экономические проблемы».

По окончании съезда привычно собрался пленум ЦК, на котором нужно было почти рутинно дорешать организационные вопросы, избрав состав нового органа – Президиума ЦК. Никто не ждал, что Сталин взорвет здесь политическую бомбу.

«Главное в его речи сводилось к тому (если не текстуально, то по ходу мысли), что он стар, приближается время, когда другим придется продолжать делать то, что он делал, что обстановка в мире сложная и борьба с капиталистическим лагерем предстоит

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 464.

² Девятнадцатый съезд Коммунистической партии Советского Союза. Бюллетень № 1. М., 1952. С. 3–8.

тяжелая и что самое опасное в этой борьбе дрогнуть, испугаться, отступить, капитулировать... Все, что он говорил об этом, он привязал конкретно к двум членам Политбюро, сидевшим здесь же, в этом зале, за его спиной, в двух метрах от него, к людям, о которых я, например, меньше всего ожидал услышать то, что говорил о них Сталин»¹, – вспоминал К. Симонов.

Микоян начинает рассказ об этом пленуме с мотивов Сталина, которыми он руководствовался, создавая широкий Президиум ЦК: «При таком широком составе Президиума, в случае необходимости, исчезновение неугодных Сталину членов Президиума было бы не так заметно. Если, скажем, из 25 человек от съезда до съезда исчезнут пять-шесть человек, то это будет выглядеть как незначительное изменение. Если же эти 5–6 человек исчезли бы из числа девяти членов Политбюро, то это было бы более заметно. Думаю так потому, что приблизительно за год до съезда однажды за ужином, поздно ночью, после какого-то моего острого спора со Сталиным, он, нападая на меня (обычно в такие моменты он стоял), будучи в возбужденном состоянии, что не часто с ним бывало, глядя на меня, но имея в виду многих, резко бросил: “Вы состарились, я вас всех заменю!”...

Перед открытием Пленума мы обычно собирались около Свердловского зала, сидели в комнате Президиума в ожидании прихода Сталина. Обычно он приходил за 10–15 минут до начала, чтобы посоветоваться по вопросам, которые будут обсуждаться на Пленуме. На этот раз мы знали, что он намерен из числа членов Президиума ЦК создать не предусмотренное Уставом Бюро Президиума ЦК, то есть узкий его состав для оперативной работы. Мы ждали, что он, как всегда, предварительно посоветуется с нами о том, кого ввести в состав этого Бюро. Однако Сталин появился в тот момент, когда надо было открывать Пленум. Он зашел в комнату Президиума, поздоровался и сказал: “Пойдемте на Пленум”.

Вопрос о выборах Президиума ЦК, куда вошли все старые члены Политбюро и новые товарищи, был встречен нормально, ничего неожиданного не было. Неожиданное было после. Сталин сказал, что имеется в виду из членов Президиума ЦК образовать Бюро Президиума из девяти человек и стал называть фамилии, написанные на маленьком листочке. Ни моей фамилии, ни Молотова среди названных не было»². Так Сталин за-

¹ Симонов К. Указ. соч. С. 240–241.

² Микоян А.И. Указ. соч. С. 573.

секретил от мира и народа состав высшего руководства страны и вывел из него Молотова и Микояна.

«Затем с места, не выходя на трибуну, Сталин сказал примерно следующее: “Хочу объяснить, по каким соображениям Микоян и Молотов не включаются в состав Бюро”. Начав с Молотова, сказал, что тот ведет неправильную политику в отношении западных империалистических стран – Америки и Англии. На переговорах с ними он нарушал линию Политбюро и шел на уступки, подпадая под давление со стороны этих стран. “Вообще, – сказал он, – Молотов и Микоян, оба побывавшие в Америке, вернулись оттуда под большим впечатлением о мощи американской экономики. Я знаю, что и Молотов, и Микоян – оба храбрые люди, но они, видимо, здесь испугались подавляющей силы, какую они видели в Америке. Факт, что Молотов и Микоян за спиной Политбюро послали директиву нашему послу в Вашингтоне с серьезными уступками американцам в предстоящих переговорах. В этом деле участвовал и Лозовский, который, как известно, разоблачен как предатель и враг народа”.

“Молотов, – продолжал далее Сталин, – и во внутренней политике держится неправильной линии. Он отражает линию правого уклона, не согласен с политикой нашей партии. Доказательством тому служит тот факт, что Молотов внес официальное предложение в Политбюро о резком повышении заготовительных цен на хлеб, то есть то, что предлагалось в свое время Рыковым и Фрумкиным. Ему в этом деле помогал Микоян, он подготавливал для Молотова материалы в обоснование необходимости принятия такого предложения. Вот по этим соображениям, поскольку эти товарищи расходятся в крупных вопросах внешней и внутренней политики с партией, они не будут введены в Бюро Президиума”.

Это выступление Сталина члены пленума слушали затаив дыхание. Никто не ожидал такого оборота дела¹. Здесь Молотов предстает лидером правого уклона, которому Микоян только помогал.

Л. Ефремов вспомнил о таких словах Сталина на пленуме: «Молотов – преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под “шартрезом”, на дипломатическом приеме дал согласие английскому послу из-

¹ Там же. С. 574.

давать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. Почему? На каком основании потребовалось давать такое согласие? Разве неясно, что буржуазия – наш классовый враг, и распространять буржуазную печать среди советских людей – это, кроме вреда, ничего не принесет. Такой неверный шаг, если его допустить, будет оказывать вредное отрицательное влияние на умы и мировоззрение советских людей, приведет к ослаблению нашей, коммунистической идеологии и усилению идеологии буржуазной. Это первая политическая ошибка товарища Молотова.

А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это – грубая политическая ошибка товарища Молотова. Для чего это ему потребовалось? Как это можно допустить? На каком основании товарищ Молотов высказал такое предположение? У нас есть Еврейская автономия – Биробиджан. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. Это – вторая политическая ошибка товарища Молотова. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член Политбюро. И мы категорически отклонили его надуманные предложения.

Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеет мы принять решение Политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известным товарищу Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова, Жемчужиной, и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо». Далее Микояну досталось за предложения уступок деревне. Сталин назвал его «новоявленным Фрумкиным» (то есть фактически обвинил в правом уклоне)¹.

Ясно, что Сталин тщательно готовился к этому нападению, поднимая случаи, которые происходили несколько лет назад. Ситуация 1946 года, когда Лозовский допустил ошибку, разрешилась уже тогда, Молотов не имел к ней прямого отношения. Но Сталин применил здесь свой излюбленный еще в 30-е годы прием: выдвинуть политическое обвинение, подкрепив его «фактами», которые казались малозначительными. Но от орлиного взгляда великого Сталина ничего не укрылось, он все факты

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. С. 584–586.

обобщил и вынес научное суждение, прозвучавшее как приговор трибунала, особенно вкупе с фамилиями расстрелянных уже Рыкова, Фрумкина и Лозовского.

Сталинские обвинения в записи Л. Ефремова отражают известные нам обстоятельства, из-за которых накапливалось недоверие Сталина к Молотову. Но это была надстройка, а не фундамент. Сталин чем дальше, тем больше воспринимал Молотова и Микояна как людей, которые по праву старых большевиков могут возглавить узкое руководство в случае его серьезной болезни или смерти. А руль они не удержат или чего хуже – повернут не туда. Берия, Маленков и Хрущев смотрят ему в рот, а Молотов и Микоян позволяют себе брюзжать на его «Экономические проблемы», а сами допускали правые ошибки, которые он, на всякий случай, записывал. И вот настало время предъявить. Молотов в этом тандеме выглядит скорее слабым манипулируемым человеком, чем врагом. Ну выпил – и дал слабину. Жена им вертела, информацию для своих еврейских друзей выводывала, преступную крымскую идею проталкивала. Слабый человек – находка для врагов и шпионов. Но в обстановке того времени всего сказанного достаточно для смертного приговора. Шартрез – не оправдание.

Симонов писательскими глазами увидел, что дело – не в конкретных претензиях: «Я так и не понял, в чем был виноват Молотов, понял только то, что Сталин обвиняет его за ряд действий в послевоенный период, обвиняет с гневом такого накала, который, казалось, был связан с прямой опасностью для Молотова, с прямой угрозой сделать те окончательные выводы, которых, памятуя прошлое, можно было ожидать от Сталина. В сущности, главное содержание своей речи, всю систему обвинений в трусости и капитулянстве и призывов к ленинскому мужеству и несгибаемости Сталин конкретно прикрепил к фигуре Молотова: он обвинялся во всех тех грехах, которые не должны иметь места в партии, если время возьмет свое и во главе партии перестанет стоять Сталин. Он хотел их принизить, особенно Молотова, свести на нет тот ореол, который был у Молотова, был, несмотря на то, что, в сущности, в последние годы он был в значительной мере отстранен от дел, несмотря на то, что Министерством иностранных дел уже несколько лет непосредственно руководил Вышинский, несмотря на то, что у него сидела в тюрьме жена, – несмотря на все это, многими и многими людьми – и чем шире круг брать, тем их будет больше и больше, – имя Молотова называлось или припоминалось непосред-

ственно вслед за именем Сталина. Вот этого Сталин, видимо, и не желал»¹.

«Я переводил глаза со Сталина на Молотова, Микояна и опять на Сталина. Молотов сидел неподвижно за столом президиума. Он молчал, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Через стекла пенсне он смотрел прямо в зал и лишь изредка делал тремя пальцами правой руки такие движения по сукну стола, словно мять мякиш хлеба»², – рассказывал Д. Шепилов. Симонов как опытный драматург добавляет в картину образности: «Лица Молотова и Микояна были белыми и мертвыми. Такими же белыми и мертвыми эти лица остались тогда, когда Сталин кончил, вернулся, сел за стол, а они – сначала Молотов, потом Микоян – спустились один за другим на трибуну, где только что стоял Сталин, и там – Молотов дольше, Микоян короче – пытались объяснить Сталину свои действия и поступки, оправдаться, сказать ему, что это не так, что они никогда не были ни трусами, ни капитулянтами и не убоятся новых столкновений с лагерем капитализма и не капитулируют перед ним. После той жестокости, с которой говорил о них обоих Сталин, после той ярости, которая звучала во многих местах его речи, оба выступавшие казались произносившими последнее слово подсудимыми, которые хотя и отрицают все взваленные на них вины, но вряд ли могут надеяться на перемену в своей, уже решенной Сталиным судьбе»³. Версия Микояна отличается от воспоминаний Симонова: «Первым выступил Молотов. Он сказал коротко: как во внешней, так и во внутренней политике целиком согласен со Сталиным, раньше был согласен и теперь согласен с линией ЦК. К моему удивлению, Молотов не стал опровергать конкретные обвинения, которые ему были предъявлены»⁴.

Молотов вспоминал, что конкретно отрицал, будто выдвигал предложения послаблений для крестьян публично. «Да, я признаю свою ошибку. Но дело в том, что это был мой разговор с глазу на глаз с товарищем Сталиным, больше никого не было»⁵. Оправдываясь, Молотов назвал себя учеником Сталина, на что

¹ Симонов К. Указ. соч. С. 241–244.

² Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 227.

³ Симонов К. Указ. соч. С. 242–243.

⁴ Микоян А.И. Указ. соч. С. 573–574.

⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 469.

тот перебил Вячеслава Михайловича и заявил: «Чепуха! Нет у меня никаких учеников. Все мы ученики великого Ленина»¹.

Затем настала черед Микояна, и он стал возражать: «В течение многих лет я состою в Политбюро, и мало было случаев, когда мое мнение расходилось с общим мнением членов Политбюро»². Микоян подробно разобрал упомянутый Сталиным случай с Лозовским, напомнив, что тогда после обсуждения этого случая со Сталиным претензий к ним с Молотовым не было. Как вспоминал Шепилов, Микоян «обороняясь от фантастических обвинений, не преминул брыкнуть Молотова, который-де постоянно общался с Вознесенским, это уже был сам по себе страшный криминал»³. Микоян трактует упоминание Молотова в своей речи иначе, чем Шепилов: «Что же касается цен на хлеб, то я полностью отвергаю предъявленное мне обвинение в том, что я принимал участие в подготовке материалов для Молотова. Молотов сам может подтвердить это. Зачем Молотову нужно было просить, чтобы я подготовил материалы, если в его распоряжении Госплан СССР и его председатель, имеющий все необходимые материалы, которыми в любой момент Молотов может воспользоваться? Он так, наверное, и поступил. Это естественно»⁴. Судя по контексту выступления Молотова, расстрелянный Вознесенский мог быть упомянут, что ставило Молотова в опасную артиллерийскую вилку – ведь и Лозовский был именно его заместителем. А Микоян оказывался в обоих случаях в стороне. Но этим он не только защищал себя, но и опровергал опасную сталинскую схему антипартийной группировки Молотова и Микояна. Нет, перед лицом Сталина каждый сам по себе.

Во время выступления Микояна Маленков и Берия подавали реплики, которые, как понял Анастас Иванович, были «направлены против меня, как будто я говорю неправду и пр.»⁵.

Маленков и Берия потом рассказали Микояну, что «Сталин сказал якобы: “Видишь, Микоян даже спорит!” – выразив тем самым свое недовольство и подчеркнув этим разницу между выступлением Молотова и моим. Он никак не оценил выступление Молотова и, видимо, был им удовлетворен. Со своей стороны, они упрекнули меня в том, что я сразу стал оправдываться и спорить

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. С. 586.

² Микоян А.И. Указ. соч. С. 574.

³ Шепилов Д.Т. Указ. соч. С. 227.

⁴ Микоян А.И. Указ. соч. С. 575.

⁵ Там же.

со Сталиным: “Для тебя было бы лучше, если бы ты вел себя спокойно”. Я с ними не согласился и не жалел о сказанном¹.

Выслушав оправдания Молотова и Микояна, Сталин не стал вступать с ними в полемику. Он зачитал список членов Президиума ЦК КПСС из 25 человек, которых предстояло избрать. Как ни странно это выглядело после только что прозвучавшей сокрушительной критики, в списке были и Молотов с Микояном. Страна и мир пока не должны были о чем-то догадываться.

Сталин попросил не избирать его Генеральным секретарем и освободить от обязанностей председателя Совета министров. Но Маленков, который председательствовал на заседании, в кои-то веки воспротивился вождю: «Товарищи! Мы все должны единогласно и единодушно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь Генеральным секретарем ЦК КПСС». Его поддержал Берия и гром аплодисментов зала. Сталин возражал: «Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря». Но кандидатуру не предложил, что показывает цену этой демонстрации скромности. Тогда вперед выдвинулся маршал Тимошенко: «“Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все, как один, избираем Вас своим руководителем – Генеральным секретарем ЦК КПСС. Другого решения быть не может”».

Все стоя горячо аплодируют, поддерживая Тимошенко.

Сталин долго стоял и смотрел в зал, потом махнул рукой и сел².

Вместо Политбюро было создано Бюро Президиума, «девятка» (Сталин, Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров, Хрущев), в которую Молотов и Микоян уже не вошли, как и в Секретариат ЦК. Молотов был включен в комиссию по внешним делам, которую возглавлял Маленков. При этом Молотов был освобожден от наблюдения за работой Министерства иностранных дел СССР³. Положение Молотова было низведено до роли советника Маленкова. Правда, 27 октября Молотова включили в Бюро Президиума Совета министров. Там он должен был курировать работу всех видов транспорта, Министерства связи и Комиссии ЦК по связям с иностранными компартиями⁴. Функции партийных и государственных струк-

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 576.

² Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. С. 587.

³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 89–90.

⁴ Там же. С. 97–98.

тур настолько переплелись, что Молотов курировал партийную структуру в качестве члена правительства.

Микоян утверждал, что «хотя Молотов и я после XIX съезда не входили в состав Бюро Президиума ЦК и Сталин выразил нам “политическое недоверие”, мы аккуратно ходили на его заседания. Сталин провел всего три заседания Бюро, хотя сначала обещал созывать Бюро каждую неделю»¹. Но изменение статуса играло свою роль. Когда соответствующий вопрос обсуждался бюро Президиума ЦК, Молотов скромно ждал в приемной, пока не начнется обсуждение его вопроса². Но 7 ноября Молотов стоял на трибуне Мавзолея как ни в чем не бывало – опала оставалась государственным секретом.

Сталин перестал встречаться с Молотовым и Микояном в неформальной обстановке. «И вот после XIX съезда передо мной и Молотовым встал вопрос: надо ли нам придерживаться старых традиций и идти без приглашения 21 декабря к Сталину на дачу (это была ближняя дача “Волынское”). Я подумал: если не пойти, значит, показать, что мы изменили свое отношение к Сталину, потому что с другими товарищами каждый год бывали у него и вдруг прерываем эту традицию.

Поговорил с Молотовым, поделился своими соображениями. Он согласился, что надо нам пойти, как обычно. Потом условились посоветоваться об этом с Маленковым, Хрущевым и Берия. С ними созвонились, и те сказали, что, конечно, правильно мы делаем, что едем.

21 декабря 1952 г. в 10 часов вечера вместе с другими товарищами мы поехали на дачу к Сталину. Сталин хорошо встретил всех, в том числе и нас. Сидели за столом, вели обычные разговоры. Отношение Сталина ко мне и Молотову вроде бы было ровное, нормальное. Было впечатление, что ничего не случилось и возобновились старые отношения. Вообще, зная Сталина давно и имея в виду, что не один раз со мной и Молотовым он имел конфликты, которые потом проходили, у меня создалось мнение, что и этот конфликт также пройдет и отношения будут нормальные. После этого вечера такое мое мнение укрепились.

Но через день или два то ли Хрущев, то ли Маленков сказал: “Знаешь, что, Анастас, после 21 декабря, когда все мы были у Сталина, он очень сердился и возмущался тем, что вы с Молотовым пришли к нему в день рождения. Он стал нас обвинять,

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 576–577.

² Шепилов Д.Т. Указ. соч. С. 37.

что мы хотим примирить его с вами, и строго предупредил, что из этого ничего не выйдет: он вам больше не товарищ и не хочет, чтобы вы к нему приходили”.

Обычно мы ходили к Сталину отмечать в узком кругу товарищей Новый год у него на даче. Но после такого сообщения в этот Новый год мы у Сталина не были.

За месяц или полтора до смерти Сталина Хрущев или Маленков мне рассказывал, что в беседах с ним Сталин, говоря о Молотове и обо мне, высказывался в том плане, что якобы мы чуть ли не американские или английские шпионы»¹.

Новый 1953 год нес Вячеславу Михайловичу самые мрачные перспективы. Над ним словно медленно опускался потолок, превратившийся вдруг в поршень пресса и грозящий его раздавить. Молотов помнил, как гибли многие его бывшие товарищи и друзья. Наблюдал, как они метались в отчаянии, пока опускался над ними пресс. Раньше он сидел сверху этой движущейся плиты и видел, как из-под нее хлещет кровь его товарищей, смазывая жернова державы. Сколько времени осталось, прежде чем раздавят и его?

В. Ерофеев вспоминал, что Молотов «оказался в полной блокаде. К нему не поступали никакие служебные документы ни из правительства, ни из ЦК и МИДа... В иные дни Молотов сидел за опустевшим рабочим столом, просматривая лишь советские газеты и вестники ТАСС. На работу он, однако, являлся пунктуально, в свои обычные часы. У нас в секретариате ретивые совминовские хозяйственники, державшие нос по ветру, сняли гардины на окнах, заменили люстры»².

Сталина в добром здравии в последний раз Молотов видел на последнем заседании Бюро Президиума ЦК, которое состоялось 26 января. «В 1953 году Сталин меня к себе уже не приглашал не только на узкие заседания, но и в товарищескую среду – где-нибудь так вечер провести, в кино пойти – меня перестали приглашать»³.

Всю оставшуюся жизнь Молотов недоумевал: «До сих пор не могу понять, почему я был отстранен? Берия? Нет. Я думаю, что он меня даже защищал в этом деле. А потом, когда увидел, что

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 579.

² Ерофеев В.И. Указ. соч. С. 154–155.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 465.

даже Молотова отстранили, теперь берегись, Берия! Если уж Сталин Молотову не доверяет, то нас расшибет в минуту!»¹

Непонятная Вячеславу Михайловичу опала была закономерна. Она назревала перед войной. Сталин вел дело к смене поколения высших руководителей. Никто рядом с ним не должен был иметь сопоставимый авторитет как старый большевик. Сталин не случайно крайне резко «шпынял» Молотова за мягкую позицию в 1945–1948 годах, демонстрируя, что второму по авторитету человеку в партии не хватает твердости, что без Сталина он ситуацию не удержит.

Размолвка со Сталиным была тайной для всего мира. «В январе 53-го года приехала какая-то польская артистка... Домбровская-Турская. Ну вот, на другой день было опубликовано: на концерте присутствовали – первый Сталин, второй Молотов и т. д. Вот так. Я попал, как и раньше, на второе место, следили, кто за кем. Я формально числился еще вторым, это было опубликовано, я сам читал газету, но меня уже никуда не приглашали. Он же открыто выступил, что я правый»².

Тайна не могла сохраняться долго, в СССР готовились новые сенсационные разоблачения. В январе 1953 года Министерство государственной безопасности воспользовалось заявлением врача Л. Тимошук о том, что кремлевские врачи неправильно лечили Жданова, и обвинило большинство медиков, лечивших Сталина и других «вождей», в сознательном вредительстве. Некоторые арестованные по «делу врачей» были евреями. Таким образом, антиеврейская кампания, набиравшая силу в СССР, получила новый импульс. 13 января 1953 года в «Правде» было объявлено о разоблачении террористической группы врачей. 21 января была дана санкция на арест Жемчужиной. Ее доставили из ссылки на Лубянку. Задача перед чекистами стояла не такая уж и сложная – связать Молотова через Жемчужину с «делом врачей». Для выстраивания версии достаточно было простого знакомства между обвиняемыми, для доказательства – признания кого-либо из фигурантов, полученного с помощью угроз, демагогии и избиений. Одним из заговорщиков был объявлен врач М. Коган, который в 1944 и 1948 годах лечил Жемчужину. Хотя она ни в чем не признавалась, когда это останавливало фабрикацию дел? Допросы продолжались до 2 марта.

¹ Там же. С. 471.

² Там же. С. 466.

Говоря впоследствии во причинах обрушившихся на нее бед, Молотов противоречил своей версии, что Жемчужина пострадала из-за своей неосторожности: «Она из-за меня пострадала.

– А не наоборот?

– Ко мне искали подход, и ее допытывали, что вот, дескать, она тоже какая-то участница заговора, ее принизить нужно было, чтобы меня, так сказать, подмочить. Ее вызывали и вызывали, допытывались, что я, дескать, не настоящий сторонник общепартийной линии. Вот такое было положение»¹. Эти две версии совместимы, если развести их во времени. В 1948 году Сталин выжигал неконтролируемые им информационные каналы, и Жемчужина пострадала из-за своих связей. А в 1952 году вождь уже пришел к выводу о необходимости «разоблачения» Молотова и Микояна, а для этого следовало еще раз «потрясти» Жемчужину.

Молотов вспоминал об этом времени: «Она сидела больше года в тюрьме и была больше трех лет в ссылке. Берия на заседаниях Политбюро, проходя мимо меня, говорил, верней шептал мне на ухо: “Полина жива!” Она сидела в тюрьме на Лубянке, а я не знал»².

19 февраля был арестован Майский. А он целое десятилетие сотрудничал с Молотовым, находясь в Великобритании. Ну чем не шпионская связь с вечно гадающей Англией? Очевидно, до ареста Молотова оставались считанные недели, если не дни.

«Дело врачей» имело и еще одно важное последствие. Сталин остался без привычной медицинской помощи. К тому же были арестованы преданные ему начальник охраны Н. Власик и заведующий секретариатом А. Поскребышев.

Ночь 28 февраля – 1 марта Сталин провел с Берией, Хрущевым и Булганиным. После того, как они уехали, вероятно через несколько часов, Сталину стало плохо, он упал и остался лежать на полу. Охрана долго не решалась войти в комнату без приглашения. Когда высшие руководители партии узнали о произошедшем, они также не предприняли срочных мер по оказанию Сталину медицинской помощи. Берия, Маленков и, возможно, Хрущев, прибывшие на дачу в ночь на 2 марта, посмотрели на перенесенного на диван Сталина и приказали его не беспоко-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 466.

² Там же. С. 473.

ить. Врачи были допущены к умирающему вождю только в 9 утра 2 марта¹.

Маленков, Берия и Хрущев, глядя на агонизирующего Сталина, решили, что он вряд ли вернется к работе. Тогда в 10.40 2 марта они собрали совещание, в котором приняли участие Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Первухин, Сабуров, Шверник, Шкирятов, начальник Лечсанупра Куперин и инструктор отдела партийных органов ЦК Толкачев. Решили опубликовать сообщение о том, что у Сталина произошло опасное для жизни кровоизлияние в мозг, и созвать пленум ЦК. Молотов с коллегами отправился на дачу Сталина. Именно в этот момент Молотов вернулся в состав высшего руководства КПСС, которое в этот момент собралось около Иосифа Виссарионовича, находящегося в переходном состоянии с этого света на тот. Вячеслав Михайлович смотрел на друга, который чуть не убил его, но теперь был повержен самой судьбой. «Сталин лежал на диване. Глаза закрыты. Иногда он открывал их и пытался что-то говорить, но сознание к нему так и не вернулось. Когда он пытался говорить, к нему подбегал Берия и целовал его руку»².

Хотел ли Молотов, чтобы Сталин выжил? Вряд ли кто из членов узкого руководства этого желал. Вечером они снова собрались в кабинете Сталина, сохранявшем и без хозяина значение «места силы», тронного зала. Министр здравоохранения Третьяков огласил диагноз: массивное кровоизлияние в мозг, в левое полушарие, на почве гипертонии и атеросклероза мозговых артерий. В старости Молотов говорил о Берии: «Не исключаю, что он приложил руку к его смерти. Из того, что он мне говорил, да я это чувствовал. На трибуне Мавзолея 1 мая 1953 года делал такие намеки»³. Но ничего конкретного об этом Молотов не знал.

О формировании новой системы власти Молотов вспоминал на январском пленуме ЦК 1955 года, где уже критиковали Маленкова: «Мы стоим у постели больного человека, который умирает. Надо между собой поговорить, никто не говорит с нами. Здесь есть двое – Маленков и Берия. Мы сидим на втором этаже: я, Хрущев, Булганин, Ворошилов, Каганович, а они наверху. Они приносят готовые, сформулированные предложения, обращение ЦК, проекты Президиума Верховного Совета, состав

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Мифы советской страны. М., 2006. С. 377–402.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 327.

³ Там же.

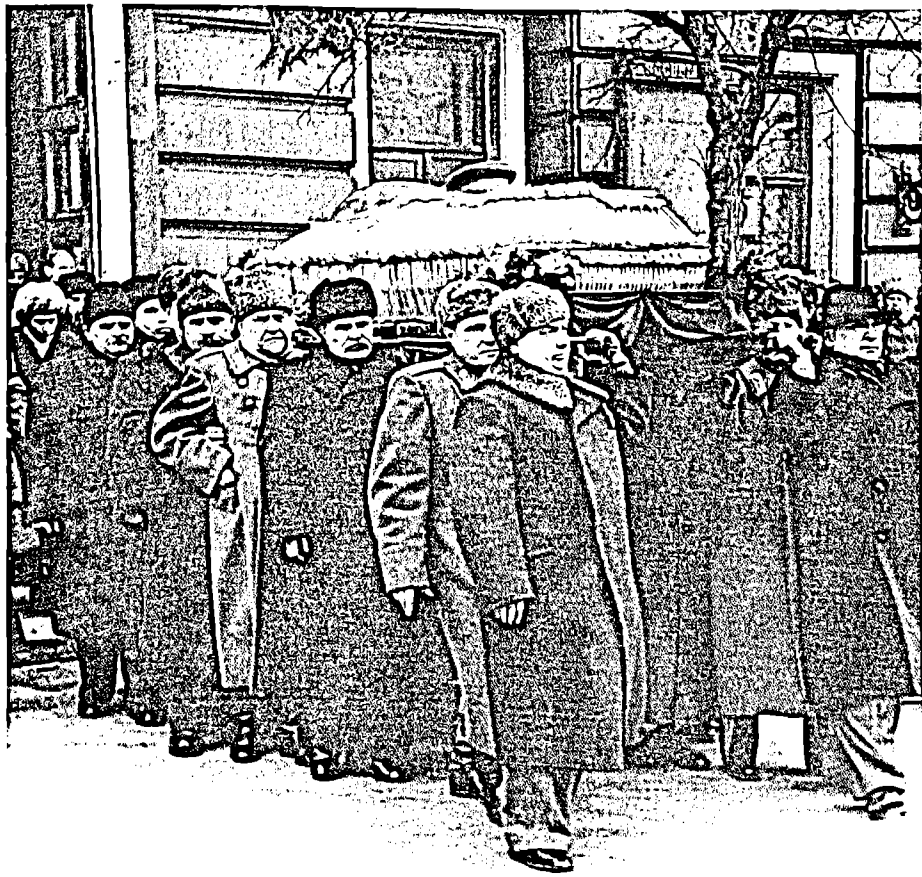
Правительства, глава Правительства, Министерства, такие-то Министерства объединить и прочее. Все это принесли нам Берия и Маленков»¹. Сидевшие на втором этаже товарищи согласились с предложениями Берии и Маленкова и созвали вечером 5 марта форум, соответствующий случаю, – «Совместное заседание Пленума Центрального комитета КПСС, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР». Эти три высших органа партийно-государственной власти должны были определить будущее страны, если она останется без главы правительства и лидера правящей партии. Чья воля теперь будет направлять развитие СССР? Третьяков сообщил собравшимся, что Сталин в обозримой перспективе к работе не вернется. Маленков и Берия огласили предложения Бюро Президиума ЦК и примкнувших к нему Молотова и Микояна: Совет министров СССР возглавит Маленков, Министерство иностранных дел – Молотов, внутренних дел (в которое вошли структуры МГБ) – Берия, Президиум Верховного Совета СССР – Ворошилов. Хрущеву предстояло сосредоточиться на работе партаппарата. Берия, Молотов, Булганин, Каганович стали первыми заместителями председателя Совета министров. Бюро президиумов ЦК и Совмина упразднились, но Президиумы становились более узкими. Таким образом, узкое руководство становилось публичным. Президиум ЦК теперь состоял из бывшей «девятки», Молотова и Микояна.

Собравшиеся единогласно одобрили эти решения. А через час, без десяти десять вечера, Сталин скончался. Начиналась новая глава в истории страны и биографии Молотова. Соратники Сталина, которых он приблизил в последние годы жизни, в глазах страны и мира по своей известности не шли ни в какое сравнение с Молотовым. Этих функционеров могли спросить: а вы вообще кто такие? Включение в состав высшего руководства старых известнейших большевиков Молотова и Микояна снимало этот вопрос.

В.А. Никонов даже считает, что «если бы в СССР проводились состязательные выборы, у Молотова были бы все шансы возглавить страну»². Если бы в СССР на протяжении его существования с 20-х годов проводились действительно состязательные выборы, у Молотова таких шансов не было бы, так как большевиков

¹ Цит. по: Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 267.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 340.

*Л.М. Каганович, Н.А. Булганин, В.М. Молотов, Г.М. Маленков,
Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов выносят гроб с телом И.В. Сталина
из Дома союзов*

9 марта 1953

[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1664. Л. 12]

давно бы оттеснили от власти другие партии. Еще до образования СССР большевики для того и отняли у страны возможность выбора между партиями, чтобы иметь возможность десятилетиями проводить свой курс независимо от отношения к нему населения. Но на выкошенном террором публичном поле в начале 50-х годов Молотов действительно был самым известным лидером, причем известным с положительной стороны. Неудивительно, что люди, обладавшие высшей после Сталина властью, решили, что без его лица им не обойтись. Так что 9 марта, в день

похорон Сталина, трибуну Мавзолея нельзя было представить без Молотова.

Это был, наверное, самый странный день рождения Вячеслава Михайловича. Он встречал его на главных похоронах в истории страны с 1924 года. Людской поток шел мимо тела вождя в Доме союзов, прощаясь с эпохой. На Трубной площади возникла смертельная давка из желающих приобщиться к зрелищу сменны эпохи. Молотов стоял у гроба, а когда пришло время – подставил плечо под него.

Свою прощальную речь с трибуны Мавзолея он произносил третьим после Маленкова и Бери. «Дорогие товарищи и друзья! В эти дни мы все переживаем тяжелое горе – кончину Иосифа Виссарионовича Сталина, утрату Великого вождя и вместе с тем – близкого, родного, бесконечно дорогого человека...»

ГЛАВА X

ЛИЦО КОЛЛЕКТИВА (1953–1956)

После смерти Сталина именно он, Молотов, был «последним из могикан» ленинской руководящей команды, в которую входил с 1921 года. Он – легендарный участник также дореволюционного большевистского руководства, единственный член партии с таким стажем из тех, кто остался на вершине власти. Даже Каганович, Ворошилов и Микоян от него отстают, не то что остальные руководители страны. Наверное, это что-то говорит о его способностях и достойно всяческого уважения. И вот теперь Хрущев его отчитывает как мальчишку! А остальные кивают и поддакивают этому полуграмотному хамоватому выскочке. Молотов – член Президиума ЦК, но даже мидовские работники, включая его выдвиженца и «правую руку» Андрея Громыко, шпыняют ветерана ленинской гвардии как нашкодившего школьника. Как это могло выйти? Что пошло не так? Ведь еще в прошлом году Вячеслав Михайлович был непревзойденным авторитетом в вопросах внешней политики. Он воспринимал как должное овации в свой адрес, почтительные реверансы Хрущева и Булганина, послушную суету сотрудников, а ведь в это время и начинался поворот к разрушению того здания, которое построили они со Сталиным.

I. КОЛЛЕКТИВНОЕ РУКОВОДСТВО И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ОТТЕПЕЛЬ

После смерти Сталина к власти в СССР и КПСС пришло «коллективное руководство». Это всячески подчеркивалось. Главный редактор «Правды» Шепи-

лов получил строгий выговор за то, что после похорон Сталина газета разместила речь Маленкова на первой полосе, а речь Молотова на второй и в меньшем объеме, да еще опубликовала смонтированное фото Сталина, Мао и Маленкова, подчеркивая роль последнего как преемника Сталина. Государством и партией руководит не Маленков, а Президиум ЦК КПСС.

Но все же сразу после смерти Сталина для всего мира пост председателя Совета министров, который занял Маленков, считался наиболее важным в советском руководстве. Молотов, отвечавший за внешнюю политику, Каганович, координирующий руководство промышленностью, Берия, взявший в свои руки МВД, и Булганин, отвечавший за оборону, стали «первыми» заместителями председателя Совета министров. Хрущеву государственных постов не досталось, но он сосредоточился на руководстве партийным аппаратом, который должен был обслуживать Президиум ЦК КПСС, состоящий в своем большинстве из государственных деятелей.

Среди 10 членов Президиума ЦК изначально выделился «триумvirат» наиболее энергичных руководителей – Маленков, Берия и Хрущев. С высоты своего политического опыта Молотов не мог не замечать, что они будут бороться за лидерство. Но Молотов пока старался держаться в стороне от схватки за место нового вождя по ряду причин. Во-первых, ему была выделена обширная, важная и престижная сфера внешней политики, которая поглощала почти все его внимание. Во-вторых, по возрасту, опыту и авторитету он мог претендовать на место нового вождя, но малейший шаг в этом направлении мог возбудить ревность и претензии других членов «коллективного руководства». В силу того же возраста Молотов мог лидировать, только опираясь на поддержку более молодых деятелей. Пусть они пока поборются, а те, кто останутся на вершине, истощат свои силы и накопят антирейтинг. Тогда Вячеслав Михайлович и сможет сказать свое веское слово в качестве арбитра. Пока его задача во внутриполитической борьбе – оставаться в лагере победителей в надежде, что занятые этой борьбой, они не полезут в его внешнеполитическую епархию. А если полезут – нужно давать отпор.

7 марта Молотов вернулся к работе министра иностранных дел, но не в привычном здании рядом с Лубянкой, а в грандиозной для того времени высотке на Смоленской площади. Первым делом следовало разгрести «авгиевы конюшни» внешней политики Сталина и Вышинского 1950–1952 годов. Наиболее острые проблемы – советско-югославский и советско-турецкий

*Георгий Максимилианович
Маленков*

1955

[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1.

Д. 487. Л. 1]

конфликты и война в Корее. 29 апреля Молотов впервые принял временного поверенного в делах Югославии Д. Джурича. Это был серьезный сигнал потепления. Югославам дали понять, что можно отказаться от проклятий и перейти к нормальным дипломатическим отношениям. 6 июня Молотов сообщил Джуричу, что наступило время обменяться послами. Югославское руководство с этим согласилось.

Еще один спровоцированный по инициативе Сталина конфликт с Турцией было решено преодолеть еще в 1951 году как раз по инициативе Молотова. Теперь Вячеславу Михайловичу были и карты в руки. 30 мая он пригласил турецкого посла Ф. Хозара и зачитал заявление советского правительства: «Во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности, правительства Армянской ССР и Грузинской ССР сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции. Что же касается вопроса о проливах, то советское правительство пересмотрело свое прежнее мнение по этому вопросу и считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны Проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции.

Таким образом, Советское правительство заявляет, что Советский Союз не имеет никаких территориальных претензий к Турции»¹.

¹ Цит. по: Гасанлы Дж. СССР – Турция: полигон холодной войны. С. 503.

*Дуайт Д. Эйзенхауэр
1952*

[Из открытых источников]

Также в июле были восстановлены дипломатические отношения с Грецией и Израилем. Молотов не искал дружбы с этими государствами, а лишь восстанавливал нормальность в международных отношениях, завершая прежнюю политику враждебности.

Сложнее было с Кореей. Переговоры о перемирии шли с 1951 года, но оказались в тупике. 19 марта СССР призвал стороны Корейской войны возобновить переговоры. Учитывая перемены на кремлевском Олимпе, отношение противников к этой инициативе было серьезным. Старый знакомый Молотова Иден, также вернувшийся на пост министра иностранных дел Великобритании, обратился к коллеге с просьбой помочь в освобождении пленных в Корее британцев. Молотов занялся этим делом, и пленные были вывезены в СССР и затем домой. Это была только завязка.

Дальше речь пошла о всестороннем улучшении отношений между великими державами. 9 апреля в ООН было оглашено советское предложение о заключении пакта мира между постоянными членами Совета Безопасности. Оно готовилось как агитационная акция, но теперь отношение к советским инициативам стало серьезнее, чем в последние годы жизни Сталина. А что как советские лидеры действительно настроены на завершение Холодной войны? 16 апреля президент США Д. Эйзенхауэр выступил с речью «Шанс для мира», которая, по словам его биографа

С. Амброза, «была ответом на советское мирное наступление». В ней президент выдвинул условия завершения конфронтации с СССР: перемирие в Корее и Юго-Восточной Азии, подписание договоров с Австрией и единой Германией, включая освобождение немецких военнопленных и самое невероятное – полная независимость народов Восточной Европы. В ответ Эйзенхауэр предлагал ограничение вооружений, в том числе атомных. Когда эта программа будет полностью выполнена, Холодная война действительно закончится, но это произойдет только в 1990 году. С. Амброс признает: «Эйзенхауэр знал, что большинство его требований выдвинуты как зондаж и неприемлемы для русских». В заключение Эйзенхауэр все же признал, что «Советы своими поступками показали: они тоже готовы к миру»¹. За исключением отказа СССР от контроля над Восточной Европой, остальные предложения Эйзенхауэра вполне могли стать предметом переговоров. 25 апреля «Правда» без малейших купюр опубликовала речь Эйзенхауэра.

8 июня было подписано соглашение об обмене военнопленными, а 27 июля – о перемирии в Корее. В этом была и заслуга Молотова, ведь без советской санкции КНДР не могла тогда идти на уступки врагу.

Теперь можно было восстановить полноценное участие СССР в ООН. Потеряв пост министра, Вышинский поехал представлять СССР в этой организации. В сентябре 1953 года он выступал еще по привычке воинственно, но затем по наблюдению «Нью-Йорк Таймс» «заговорковал как голубь» и до своей кончины 22 ноября 1954 года вел себя «как рассудительный, умеренный Вышинский»². Конечно, эта разительная перемена произошла по указанию Молотова. СССР дал согласие на избрание нового генерального секретаря ООН Д. Хаммаршельда, с которым Москва наладила конструктивное сотрудничество. Были приняты меры к разблокированию приема в ООН большой группы стран, без чего организация с трудом могла претендовать на роль объединителя мира и его главной дипломатической площадки. 4 декабря 1954 года Генеральная Ассамблея ООН учредила Международное агентство по контролю за атомной энергией (МАГАТЭ), в котором Молотову предстоит поработать на закате его карьеры.

¹ Амброс С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 291–293.

² Гайдук И.В. Указ. соч. С. 216.

Внешнеполитическая оттепель проявилась и в таких человеческих шагах, как разрешение на выезд из СССР советских женщин, вышедших замуж за иностранцев. Иностранным дипломатам разрешалось выезжать за пределы Москвы.

Не были забыты и привычные инструменты воздействия на западное общественное мнение. К 1 мая 1953 года Молотов одобрил директивные указания для бюро Всемирного совета мира: продолжать поддерживать пакт мира, но в центре внимания должен стоять вопрос о перемирии в Корее. Было также решено перенести штаб ВСМ из Праги в Вену¹, что демонстрировало меньшую привязку к Восточному блоку.

Подход Молотова к проблеме германского урегулирования предполагал создание временного общегерманского правительства как надстройки над властями ФРГ и ГДР. Если получится, можно потребовать вывода иностранных войск из Германии. Молотов считал, что дальнейшее внедрение сельхозкооперативов и заявления о «диктатуре пролетариата» в ГДР нужно пока прекратить².

Но этого было недостаточно. Ситуация в ГДР стремительно ухудшалась в связи с тяжелыми социальными последствиями «строительства социализма» и успехами плана Маршалла в Западной Германии. Немцы уезжали из ГДР в ФРГ. 27 мая ситуация обсуждалась советскими руководителями на Президиуме Совмина. Ранее созданная комиссия по этому вопросу, в которую формально входили Маленков, Молотов, Берия, Булганин и Хрущев, подготовила проект постановления, в котором предлагалось «исходить из того, что основной причиной неблагоприятного положения в ГДР является ошибочный в нынешних условиях курс на строительство социализма». Ознакомившись с проектом в этой редакции, Молотов предложил поставить перед словом «строительство» слово «ускоренное»³, что меняло смысл постановления. Строительством социализма в ГДР жертвовать нельзя.

Молотов вспоминал, что против включения в постановление слов «ускоренное» или «форсированное» выступал Берия. «По-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 32. Л. 40, 42.

² Филитов А.М. СССР и ГДР: год 1953-й // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 124–125.

³ Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 761.

лучалось: “не проводить политику строительства социализма в ГДР”. “Почему так?” А он отвечает: “Потому что нам нужна только мирная Германия, а будет там социализм или нет, нам все равно”»¹. С этим Молотов был не согласен, хотя и не объяснял, каким образом вообще можно интегрировать социалистическую и капиталистическую части Германии. Тут либо одно, либо другое, это Берия хорошо понимал. Хрущев с его коммунистической идейностью резко выступил в защиту строительства социализма в ГДР даже при попытках объединения Германии. Социализм важнее.

По сути идея Берии и поддержавшего его Маленкова была возвращением к предложениям Сталина и Молотова по германскому вопросу 1952 года: создание на месте ГДР и ФРГ единой нейтральной Германии. Но если тогда Молотов занимал позицию «голубя», то теперь выступил как «ястреб». Почему? В 1952 году Запад не пошел навстречу их миротворческому предложению, и Сталин решил идти другим путем – социалистического строительства в ГДР, что делало две Германии принципиально несовместимыми. Молотов считал, что нужно продолжать идти этим сталинским путем. Но важно было и то, что Берия бестактно вторгся в его епархию, что возмутило Молотова и заставило его превратить деловое разногласие в принципиальное: не суйся во внешнюю политику, Лаврентий Павлович.

Молотов оценил поддержку Хрущева. По воспоминаниям Никиты Сергеевича Вячеслав Михайлович сказал ему: «Я очень доволен, что вы заняли такую позицию. Я этого, признаюсь, не ожидал, потому что видел вас всегда втроем и считал, что вы занимаете единую позицию с Маленковым и Берией, думал, что Хрущев уже, наверное, заавансировался по этому вопросу. Твердая, резкая позиция, которую вы заняли, мне очень понравилась». И тут же предложил мне перейти с ним на «ты»².

А Берия продолжал уговаривать Молотова отказаться от социализма в ГДР. Молотов на уступки не пошел. Единая нейтральная Германия – это журавль в небе, а нужно думать о том, «как будет в случае войны». Этот аргумент оказался решающим, и Берия уступил³. 2 июня распоряжение Совмина было принято в молотовской редакции: «Признать неправильным в нынеш-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 333.

² Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 269–270.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 334.

них условиях курс на форсированное строительство социализма в ГДР...»¹

Социальные проблемы в ГДР, связанные с социалистическими новациями, продолжали накапливаться. В ГДР были повышены нормы выработки без повышения зарплаты. 16 июня в Берлине начались рабочие волнения, которые переросли в забастовку по всей ГДР и вооруженные столкновения. Это было зримое подтверждение правоты Берии в германском вопросе. Для подавления массовых выступлений в ГДР были применены советские войска, что испортило реноме СССР и СЕПГ. Восточные немцы боролись не зря. 23 июня вышло постановление ЦК СЕПГ, обещавшее повышение зарплаты, снижение цен и комплекс социальных мероприятий. Чтобы это стало возможным, советское руководство согласилось предоставить ГДР кредит и увеличить поставки из СССР. 22 августа был подписан протокол о прекращении выплаты репараций с 1 января 1954 года. Также договорились о передаче ГДР расположенных на ее территории советских предприятий и списании долгов². «Социализм» в ГДР нужно было подкормить, тем более, что после июньского восстания, в котором привычно обвинили западные спецслужбы, тема германского объединения пока стала неактуальной.

Происходящие в СССР политические и экономические перемены не могли не сказаться на других восточноевропейских союзниках, тем более, что там ситуация тоже была перенапряжена форсированным «строительством социализма». На встрече 12 июня с первым секретарем Венгерской партии трудящихся (ВПТ), главой правительства Венгерской народной республики (ВНР) М. Ракоши и членами венгерского руководства советские лидеры рекомендовали венгерским товарищам идти в ногу с СССР – наращивать производство «группы Б», начать реабилитацию необоснованно репрессированных коммунистов, разделить полномочия главы партии и правительства. Берия предложил, чтобы правительство возглавил умеренный коммунист И. Надь³ (это потом было расценено как нарушение субординации – предложение должен был вносить Маленков или Молотов). 4 июля его назначение состоялось, и Надь стал чем-то вроде «венгерского Маленкова». Через три года проблема Надя станет

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 761.

² См.: Яблоков Б.В. Указ. соч. С. 44–46.

³ Лаврентий Берия. 1953. С. 73, 405.

одной из центральных для Президиума ЦК КПСС, но пока его члены не обращали пристального внимания именно на эту страну, занимаясь преобразованиями отношений с Восточной Европой в целом.

12 января 1954 года Молотов представил Президиуму ЦК проект реорганизации СЭВ, который был одобрен. Как пишет историк М.А. Липкин, «суть реформы заключалась в вынесение на первый план не торговли, а согласования планов капитального строительства в странах – членах СЭВ». Это означало включение стран СЭВ в единый с СССР экономический комплекс, подчиненный советскому госплану. Такая концепция была близка Молотову с его предпочтением планового управления и скептическим отношением к рыночным отношениям (в чем ему идеологически и практически противостоял Микоян). 25 марта эту концепцию приняла сессия СЭВ, но представители восточно-европейских стран были не прочь использовать ее в собственных интересах, чтобы вписать свои нужды в советские планы. «Впрочем, дав старт “реорганизации СЭВ”, Молотов открыл “ящик Пандоры” для идейной перезагрузки СЭВ и всего внешнеэкономического блока не только в исполнении МИД СССР»¹, – подытоживает М.А. Липкин. Расширялось кредитование индустриального развития союзников за счет СССР в надежде, что потом эти инвестиции дадут полезную для СССР отдачу.

2. БЕРИЯ ВЫШЕЛ ИЗ ДОВЕРИЯ

Погрузившись в международные проблемы, Вячеслав Михайлович не упускал из вида и внутриполитическую обстановку, ситуацию в руководстве. Несмотря на то, что экономический курс персонифицировал Маленков, а внешнеполитический – Молотов, руководство было коллективным, все важнейшие решения принимались Президиумом ЦК, где активную роль играли энергичные и напористые Берия и Хрущев. Обоих коллеги потом обвиняли в развязности, но с разными для них последствиями. Пока они выглядели друзьями. «Больше всех вместе бывали Берия, Хрущев и Маленков. Я видел много раз, как они ходили по Кремлю, оживленно разговаривали, очевидно обсуждая партийные и государственные вопросы. Они были вместе и после

¹ Липкин М.А. Совет экономической взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства. С. 69, 73.

*Лаврентий
Павлович Берия
9 марта 1953
[РГАСПИ. Ф. 558.
Оп. 11. Д. 1684.
Л. 7]*

работы, выезжая в шесть вечера (по новому порядку, совершенно правильно предложенному Хрущевым) в одной машине. Все трое жили вне Кремля: Маленков и Хрущев – в жилом доме на улице Грановского, а Берия – в особняке (он один из всех руководителей в это время жил в особняке, а не в квартире). Берия подвозил их на улицу Грановского, а сам ехал дальше»¹, – вспоминал Микоян.

Во власти Берия было начать постепенный отход от репрессивной практики сталинизма. Уже 10 марта в МВД началась работа по пересмотру последних политических дел. Это быстро привело к публичной реабилитации и освобождению арестованных по «делу врачей», пересмотру дел о «сионистском заговоре», аресту фабриковавшего эти дела следователя Рюмина. Берия ставил вопрос и об аресте министра госбезопасности Игнатьева, что не могло понравиться Маленкову, который в свое время его выдвигал. А вот Молотову это направление реабилитации как раз было по душе – не случайно Берия подчеркивал, что фабрикатеры из МГБ клеветали на Жемчужину². Также было пересмотрено «мингрельское дело», угрожавшее самому Берии,

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 582.

² Лаврентий Берия. 1953. С. 25.

«авиационное дело», связанное с Маленковым, и «артиллерийское дело», связанное с Булганиным. А вот начало пересмотра «Ленинградского дела» несло угрозу Маленкову.

Были запрещены пытки и избиения подследственных. По инициативе Берии 27 марта было принято решение об амнистии в отношении осужденных на срок до 5 лет, осужденных за должностные, незначительные хозяйственные, некоторые воинские преступления, а также женщин, имеющих детей до 10 лет и беременных; пожилых, несовершеннолетних и неизлечимо больных осужденных. Бандитов и убийц освобождать не предполагалось. Из 2,5 млн заключенных освободили более миллиона¹. Вскоре ряд уголовных статей был заменен на административное наказание. Одновременно с амнистией была начата постепенная реабилитация политических заключенных, которая пока проводилась тайно, чтобы скрыть сам факт сталинского террора. Негласная реабилитация продолжалась до 1956 года, когда она приобрела более открытый характер. Эти меры проводились с согласия других членов Президиума ЦК.

Но после спора о ГДР Хрущев вызвал Молотова на откровенный разговор о необходимости снятия Берии с постов. Хрущев рассказывал: «как только я заговорил с Молотовым, он полностью со мной согласился. “Да, верно, но хочу спросить, а как держится Маленков”? – “Я разговариваю сейчас с тобой от имени и Маленкова, и Булганина. Маленков, Булганин и я уже обменялись мнениями по этому вопросу”.

– “Правильно, что вы поднимаете этот вопрос. Я полностью согласен и поддерживаю вас. А что вы станете делать дальше, и к чему это должно привести”? – “Прежде всего нужно освободить Берию от обязанностей члена Президиума ЦК, заместителя Председателя Совета министров СССР и от поста министра внутренних дел”. Но Молотов сказал, что этого недостаточно: “Берия очень опасен, и я считаю, что надо пойти на более крайние меры”. “Может быть, задержать его для следствия”?

Я говорил “задержать”, потому что у нас прямых криминальных обвинений в его адрес не было... Но в отношении провокационного поведения Берии все у нас было основано на интуиции. А по интуитивным мотивам человека арестовать невозможно»², – признавал Хрущев.

¹ Там же. С. 20.

² Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 276–277.

Впрочем, на практике члены Президиума ЦК решили, что вполне можно арестовать товарища и по интуитивным мотивам. В 30-е годы это было обычным делом – почему сейчас должно быть иначе? Они боялись Берию, он раздражал их своей экспансивностью, стремлением во все вмешиваться, лидировать в решении вопросов, относящихся к их епархиям. Они не хотели с ним работать, и этого было достаточно, чтобы исключить Берию из руководящего коллектива. Но он был опытным интриганом и спецслужбистом. Так что нужно было лишить его шанса на реванш. Как в свое время «ленинградцев». То есть уничтожить. Важно сразу арестовать, а обвинения потом найдутся. Из воспоминаний участников событий получается, что кардинальное решение проблемы Берии созрело на встрече Хрущева и Молотова. До этого речь шла скорее о снятии Берии с поста министра внутренних дел и выведении его из Президиума ЦК.

В подчинении у Берии находится охрана, так что его отстранение от власти и арест спланировали как настоящую спецоперацию, которую назначили на 26 июня. В этот день на своей машине Булганин привез в Кремль генерала К. Москаленко и еще четырех офицеров. Также подъехали Жуков, Л. Брежнев, М. Неделин и другие люди в погонах. Они были размещены в приемной Маленкова. Затем к военным пришли Молотов, Хрущев, Булганин и Маленков. Москаленко вспоминал: «В приемной все время находилось 15–17 людей в штатской и военной одежде. Это порученцы и лица, охраняющие и прикрепленные. И больше всего это люди от Берия»¹. Так что могло дойти до драки.

26 июня руководители страны собрались на заседание Президиума Совета министров, что предполагало хозяйственную повестку. Но в соответствии с замыслом противников Берии, Маленков объявил заседание Президиума ЦК, который мог решать принципиальные вопросы. Он начал выступать о МВД: «Враги хотели поставить органы МВД над партией и правительством». Такое выступление могло удивить Берию, но еще не означало непосредственной угрозы – может быть речь идет о прошлом. Но Маленков внезапно обрушился на нынешнего министра внутренних дел: «...он с этого поста контролирует партию и правительство. Это чревато большими опасностями, если вовремя, теперь же не поправить»². Берия понял, что кресло под ним за-

¹ Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 283–285.

² Лаврентий Берия. 1953. С. 69.

шталось, но вряд ли мог предположить, что товарищи собираются его уничтожить. Маленков предложил передать пост министра другому человеку.

Выступление Маленкова задало тон обсуждению, которое подхватил Молотов: «Я считаю, что Берия перерожденец, это человек, чуждый партии»¹. Два с половиной часа коллеги предъявляли Берии разнопорядковые претензии, которые были незначительными каждая сама по себе, но их было много, что создавало возможность для обобщения «фактов» в обвинительном ключе. Проверенный сталинский метод. Выступали все члены Президиума, наиболее мягко Ворошилов и Микоян. Затем по сигналу Маленкова в помещение вошли Жуков, Москаленко, генералы Батицкий, Баксов и два офицера, которые арестовали Берию. Его посадили в подвал штаба Московского военного округа.

Находясь в заключении, Берия 28 июня – 2 июля писал письма бывшим друзьям-товарищам. Свое первоначальное впечатление от событий 26 июня он передал так: «Я был уверен, что из той большой критики на президиуме я сделаю все необходимые для себя выводы и буду полезен в коллективе. Но ЦК решил иначе, и я считаю, что ЦК поступил правильно». Берия напоминал коллегам об их совместной работе, о том, как замечательно к ним относился, просил простить за то, в чем виноват, и тут же объяснял, что не виноват. 1 июля Берия обращался к Молотову: «Вячеслав Михайлович! У меня всегда было прекрасное, ровное отношение с Вами. Работая в Закавказье, мы все высоко ценили Вас, считали верным учеником Ленина и верным соратником Сталина, вторым лицом после товарища Сталина. Если спросить мою семью, то Вам могут рассказать очень много хорошего о Вас, с моих слов». Берия напоминал о своей лояльности Молотову в трагические дни июня 1941 года, о других эпизодах их сотрудничества. «Я привел бы и другие факты, но скажу одно, что я не раз говорил, тот, кто ссорит Молотова с Сталиным, тот совершает чудовищное преступление перед нашей Страной и нашей партией». Берия умолял «назначить самую ответственную и строгую комиссию для строгого расследования моего дела, возглавив т. Молотовым или т. Ворошиловым». Затем Берия уже понял, куда клонится и просил позаботиться о семье. Берия признавал свою бестактность, грубость, некоторые нарушения субординации, но ведь за это не расстреливают. Он не признавал злой воли в своих действиях и тем более преступлений. И в итоге:

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 344–345.

«...еще и еще раз умоляю Вас вмешаться и невинного своего старого друга не губить»¹. Ох, сколько они уже погубили старых друзей, одним больше, одним меньше. Но Берия думал, что после смерти Сталина это кончится. Ан нет. Дело Сталина живет.

2–7 июля проходил пленум ЦК КПСС, который должен был легитимизировать расправу над Берией. С докладом выступил Маленков, который доложил пленуму о том, как членам Президиума ЦК удалось разоблачить шпиона и заговорщика в своих рядах. Заговорщик виноват в том, что плохо, развязно вел себя на заседаниях. Это было подозрительно. Также стали поступать сигналы, что он собирает информацию о ситуации в Литве, Белоруссии и Украине в обход партийных каналов, только по линии МВД (Берия объяснял, что хотел представить в Президиум объективную информацию о положении дел в этих республиках). Но «ясно, что Берия преступно замыслил поставить МВД над партией, замыслил поставить ЦК и Правительство под контроль МВД». Он хотел «предпринять через МВД шаги к нормализации отношений с Югославией» (о чем, кстати, сообщил Маленкову, но тот якобы предложил обсудить этот вопрос в ЦК), держал «курс на буржуазную Германию», при амнистии якобы освобождал «воров-рецидивистов». И к тому же именно МВД спровоцировал выступление Сталина против Молотова (тут Маленков будто забыл, что в это время Берия не имел отношения к МВД). В общем, Берия «распоясался» и «преступно разложился» (тут Маленков опустил интимные подробности). Но мало просто арестовать Берию, нужно обеспечить «повышение партийного руководства», а полномочия МВД уменьшить².

Члены ЦК с энтузиазмом поддерживали решение Президиума ЦК. Конечно, среди них было немало обиженных Берия лично или плохо относившихся к органам безопасности, как Жуков. И было за что. Но если бы жертвой был избран Маленков или Хрущев – реакция была бы такой же. Возможно, лишь фигуры таких старых соратников Сталина, как Молотов, Каганович и Микоян пока выглядели несокрушимо.

В своем выступлении на пленуме Молотов утверждал, что «разоблачен предатель в руководящем ядре нашей партии и правительства». Молотов высказал уверенность в том, что пост министра внутренних дел был для Берии «переходной стадией», и он «подбирался на пост премьер-министра Советского Сою-

¹ Лаврентий Берия. 1953. С. 71–79.

² Там же. С. 219–227.

за». Для Молотова главное – вмешательство Берии во внешне-политические вопросы: «должен коснуться вопроса, который, мне кажется, вскрыл окончательно физиономию Берия. Это – обсуждение германского вопроса». Молотов признал, что нужно было поправить «явно левацкий курс» в ГДР. При обсуждении этого вопроса «раздалась речь Берия – что нам этот социализм в Германии, какой там социализм, была бы буржуазная Германия – только бы миролюбивая. Мы таращили глаза... Мне казалось, что, может быть, это оговорка, может быть, неточность выражения, полемическое увлечение или не рассчитал человек, что наговорил вгорячах». Тем более, что Берия согласился записать в постановлении фразу не против строительства социализма, а против ускорения строительства социализма. Но Молотов пришел к выводу, что «это был разговор человека, который не имеет ничего общего с нашей партией, это человек из буржуазного лагеря, это человек антисоветский». А еще Берия по своим каналам пытался наладить товарищеское общение с Тито и Ранковичем. Если по германскому вопросу реальная позиция Молотова в 1952–1954 годах была недалеко от того, за что он клеймил Берию, то попытка сближения с Югославией была преступлением настоящим. Только вот вскоре такое преступление совершит большинство Президиума ЦК.

Когда Молотов возмущался по поводу попытки контакта с югославами, его неосторожно перебил Маленков: «И мы хотели нормализации отношений». Молотов продолжил гнуть свою линию: Берия «распоясался», он «агент, классовый враг». И между прочим, он вопреки партийной субординации, выдвинул Маленкова на пост председателя правительства (первый подкуп под легитимность назначения Маленкова). И вообще, это Берия виноват, что после 1937 года «атмосфера испортилась: пленумы перестали собирать. Съезд затянулся на 13 лет». Вот злодей! А Сталин, получается, не причем. Берия мечтал «о том пути, по которому пошел Тито и его банда», пытался «создать трещинку и на этой почве подорвать Советский Союз». И в животноводстве, и в овощеводстве «он мешал, он тормозил, он всячески препятствовал выправить дело»¹. Отвлечшись от Берии, Молотов прошелся по мировой обстановке, сослался на сталинские «Экономические проблемы». И в таких современных условиях «классовый агент нашего классового врага послан в нашу страну, для того, чтобы в это тревожное время вносить дезорганизующие моменты в нашу

¹ Там же. С. 108.

работу»¹. Молотов забыл, что Берию в советское руководство «послали» не сейчас, а три десятилетия назад. Словно чувствовали империалисты, какая обстановка сложится к 1953 году. Текст своего выступления Молотов затем тщательно отредактировал, сделав формулировки более официальными, но сохранив смысл сказанного. Только версию о том, что Берию внедрили в советское руководство, предвидя обстановку в мире в 1953 году, Вячеслав Михайлович при редактировании убрал, заменив более обтекаемой формулировкой: «Мне кажется, именно в этой связи мы должны рассматривать вопрос о Берия, который уже слишком распоясался в последние недели и тем невольно помог своему разоблачению»².

В итоге Берия был объявлен западным шпионом, агентом мусаватистов, заговорщиком, который втерся в доверие к Сталину, шпионил за коллегами, подрывал дружбу народов СССР, взял курс на превращение ГДР в буржуазное государство, стремился наладить личную связь с Тито и Ранковичем, хотел «расколоть ленинско-сталинское руководящее ядро», использовать МВД для захвата власти³. Пленум единогласно постановил исключить Берию как врага народа и партии из рядов КПСС и предать суду. Никто из членов ЦК не возражал, понимая, что в таком случае можно сесть с Берией рядом в качестве сообщника.

По итогам пленума Молотов выступил на партсобрании в МИДе. Помощник министра О. Трояновский вспоминал: «Он заявил, что однопартийная система при всех ее преимуществах имеет и существенные недостатки. Различного рода сомнительные элементы, подобные Берии, которые в ином случае оказались бы в других партиях, в карьеристских целях вступают в КПСС, засоряя и дискредитируя ее»⁴.

С фактическими доказательствами вины Берии дело обстояло плохо. На допросах, продолжавшихся в июле – ноябре, следователи задавали вопросы на самые разные темы от деятельности Берии в Азербайджанской демократической республике до его действий накануне ареста. Он признавал мелкие нарушения, но отрицал почти все, что можно было трактовать как уголовное преступление. Все же, Берия признал, что в 1939–1940 годах

¹ Лаврентий Берия. 1953. С. 100–109.

² Там же. С. 253–254.

³ Там же. С. 368–370.

⁴ Трояновский О.А. Через годы и расстояния: История одной семьи. М., 1997. С. 172–173.

в его присутствии производились избиения заключенных¹. Да, виноват, но сам не бил, значит и расстреливать за это его нельзя. О своей позиции по поводу ГДР Берия отвечал: «Мои предложения по германскому вопросу были приняты с некоторыми поправками, и эти поправки я полностью разделяю»². Впрочем, Берии уже «шили», что он специально дезорганизовал советские разведывательные службы в ГДР, в результате чего они были лишены информации «в момент вражеской вылазки американской агентуры»³. Так что теперь он был еще виноват и в восстании в ГДР в июне 1953 года.

Наиболее болезненные обвинения, которые Берии пришлось признать, были связаны с его любвеобилием. Следователи настаивали на том, что он насиловал многочисленных женщин, с которыми спал, но он категорически отрицал обвинения в изнасилованиях. В итоге на суд вынесли лишь эпизод с изнасилованием В. Дроздовой, потому что на момент соблазнения Берией она была несовершеннолетней (Берия отрицал, что знал об этом, зато рассказывал о своей любви к ней и даже намерении жениться⁴). Вообще-то и этого обвинения было бы достаточно, чтобы надолго отправить Берию в тюрьму по позорной статье, навсегда дискредитировать его. Но бывшим товарищам было нужно образцово-показательное уничтожение – ведь они уже объявили о политических преступлениях Берии, чтобы его арестовать. Теперь от этого не следовало отступать. Нелицеприятные подробности жизни Берии выявились уже позднее. Как сообщить теперь народу и миру, что разоблачена не угроза советскому строю, а банальное моральное разложение одного из членов высшего коммунистического руководства? К тому же на Берию можно было свалить их коллективные злодеяния при Сталине и многочисленные политические проблемы от восстания в ГДР до советско-югославского конфликта, к развязыванию которого Берия не имел отношения, а теперь вообще был объявлен титоистом.

17 сентября Президиум ЦК постановил провести суд над Берией и его «сообщниками» в закрытом заседании без участия сторон. Как было заведено при Сталине. Среди обвинений в его адрес было и то, что после смерти Сталина «Берия стал ко-

¹ Дело Лаврентия Берии: Сборник документов. М., 2015. С. 176.

² Там же. С. 77.

³ Там же. С. 235.

⁴ Там же. С. 92, 95.

шунственно глумиться над его памятью»¹. Но акценты за время следствия смещались, и в итоге Берия и его подельники были также «изобличены» в «террористических расправах над людьми, со стороны которых они опасались разоблачений»². Вскрылась тема использования и испытания на заключенных ядов. Начатые Берией разоблачения необоснованных репрессий должны были продолжаться. Но методы политической борьбы, использованные членами руководства КПСС в деле Берии, показывали, что тоталитарный режим сохранялся. 23 декабря Берия был приговорен к расстрелу вместе с группой своих бывших подчиненных и казнен. Расправа над руководителем органов «безопасности» повлекла за собой процессы над организаторами некоторых «дел» позднесталинского периода. В частности, был расстрелян бывший министр госбезопасности Абакумов.

Берия пал жертвой политической паранойи, но и у параноиков тоже есть враги. Члены коллективного руководства привыкли жить в ситуации, когда тебя завтра могут снять с должности и вскоре арестовать. Это был сильнейший стресс, который провоцировал устойчивые фобии. Им казалось, что пока «органы» подчинены одному из них, претенденту на лидерство — их жизнь под угрозой. Для преодоления этой фобии достаточно было просто снять Берию с должности, но им казалось, что он уже расставил везде своих людей и, продолжая оставаться на свободе, может взять реванш. А этого реванша они тоже смертельно боялись. В итоге они продлили тоталитарную эпоху, сохраняя правило, при котором проигравший уничтожается. Вероятно, они искренне считали, что наносят превентивный удар, но доступные нам источники свидетельствуют в пользу того, что Берия как раз не собирался репрессировать своих коллег, по крайней мере на этом этапе политического развития. Они были нужны ему для управления страной, у него пока не было им замены. Берия надеялся, что и к нему также относятся. В дальнейшем начатые им процессы реабилитации бросили бы тень на всех членов руководства, причастных к репрессиям, но ведь и у Берия было рыло в пуху. Так что в случае выдвижения Берии на ту роль, которую затем играл Хрущев, устранение оппонентов могло вестись политическими, а не репрессивными методами, как это и было после 1954 года.

¹ Дело Лаврентия Берии: Сборник документов. С. 209.

² Лаврентий Берия. 1953. С. 389.

Берия был сначала демонизирован, а полвека спустя державные публицисты стали делать из него идеал своего представления об оптимальном государственном деятеле, прагматичном антикоммунистическом державнике. Но то, что известно о нем из источников, не подтверждает, что Берия отказался бы от коммунистического режима. «Альтернатива Берии» является тактической, а не принципиальной.

«Дело Берии» стало последним актом внутренней борьбы в КПСС, который привел к казни высшего руководителя партии. В дальнейшем из чувства самосохранения партийные лидеры стали отходить от террористических методов политической борьбы. И это станет большим личным везением для Молотова, когда настанет время его новой опалы.

3. ВЕТЕРАН БОЛЬШЕВИЗМА И «САВРАС БЕЗ УЗДЫ»

В результате расправы над Берией вес Хрущева в руководстве вырос. Да и риторика, в которую она облекалась, требовала усиления роли партийных структур, которые Берия якобы хотел поставить под контроль МВД. Эти факторы привели к учреждению поста первого секретаря ЦК КПСС – прежде всего как руководителя секретариата и ведущего заседаний Президиума ЦК. Впрочем, не место красит человека, а человек место – Хрущев уже и так руководил секретариатом, речь шла о закреплении за ним этой сферы. Каганович вспоминал: «Во время сентябрьского пленума ЦК в перерыве между заседаниями пленума в комнате отдыха, где обычно происходил обмен мнениями членов Президиума по тем или иным вопросам, Маленков неожиданно для всех сказал: “Я предлагаю избрать на этом пленуме Хрущева Первым секретарем ЦК”. Я говорю “неожиданно”, потому что о постановке такого важного вопроса обычно предварительно осведомляли. Когда я потом спросил Маленкова, почему он не сказал никому об этом предложении, он мне сказал: перед самым открытием пленума ЦК к нему подошел Булганин и настойчиво предложил ему внести на пленуме предложение об избрании Хрущева Первым секретарем ЦК.

“Иначе, – сказал Булганин, – я сам внесу это предложение”. “Подумав, что Булганин тут действует не в одиночку, я, – сказал Маленков, – решил внести это предложение”. На совещании Булганин первый с энтузиазмом воскликнул: “Давайте решать!” Остальные сдержанно согласились и не потому, конечно, что, как нынче могут сказать, мол, боялись возразить, а просто пото-

*Никита Сергеевич Хрущев
1950-е*

[Из открытых источников]

му, что если выбирать Первого секретаря, то тогда другой кандидатуры не было – так сложилось»¹. Давление Хрущева на коллег и их согласие с введением для него такого поста понятно – у всех членов Президиума ЦК есть понятные посты, а Хрущев ведет работу с неопределенными полномочиями. Но, получив 7 сентября пост, похожий на сталинский, Хрущев продолжил борьбу за лидерство в Президиуме, столь эффектно начатую уничтожением Берии.

В свою очередь, Молотов не упускал возможности подчеркнуть свой статус хранителя большевистской традиции, который может властно вмешаться в вопросы, далекие от внешней политики. 16 июля 1953 года на заседании Президиума ЦК Молотов раскритиковал «Литературную газету», опубликовавшую отчет о дискуссии по вопросам изучения творчества Маяковского. Молотов негодовал, что в отчете была поддержана точка зрения, будто «Маяковскому в его юные годы партийная работа якобы мешала заниматься творчеством». Речь шла о выступлении критика В. Друзина, опубликованном в «Литературке» 22 января 1953 года. Главный редактор «Литературной газеты» К. Симонов был шокирован критикой Молотова и 17 июля написал ему

¹ Каганович Л.М. Указ. соч. С. 503.

письмо, в котором уверял, что Вячеслав Михайлович стал жертвой недоразумения. Дело в том, что в своем выступлении Друзин критиковал редакционную статью «Комсомольской правды», в которой в свою очередь критиковался участник обсуждения творчества Маяковского В. Новиков, писавший об отрицательном влиянии на поэта футуристов и осуждавший его отход от партии. Впрочем, и «Комсомольская правда» не позволила себе ничего особенно крамольного, а лишь напомнила В. Новикову, что Маяковский отошел от партии до встречи с футуристами. А Друзин настаивал, что стремление Маяковского создавать революционное искусство не оправдывает его отход от партии: «Не следует замалчивать те осложнения, которые возникли вследствие его вступления в группу футуристов». «Литературная газета» осудила неверную позицию «Комсомольской правды», «бравшей под защиту отход юного Маяковского от партийной работы»¹.

Объяснив адресату обстоятельства всей этой «критики критической критики», Симонов давал понять уважаемому партийно-государственному деятелю, что он немного запутался в спорах литературных критиков, и ему следовало перенаправить свой гнев с «Литературки» на «Комсомолку». На всякий случай, Симонов признал, что в работе «Литературной газеты» есть недостатки, такие как публикация «националистического стихотворения И. Бехера», за что Симонову уже досталось во время «борьбы с сионизмом». Однако в случае с полемикой вокруг биографии Маяковского Симонов считает себя как редактора невиновным: «Но я не хочу в Ваших глазах, в глазах Президиума ЦК КПСС быть виноватым в том, в чем я не виноват. Никогда ни как писатель, ни как критик, ни как редактор я не стоял на гнилых и глубоко чуждых мне позициях противопоставления партийной работы – творчеству»².

Симонов надеялся уговорить Молотова отказаться от политического обвинения, которое могло привести к организационным выводам в отношении «Литературной газеты» и ее редактора лично. Но эффект оказался противоположным. Молотов почувствовал, что Симонов делает из него дурака и закусил удила. Он выделил свое драгоценное время, чтобы подготовить подробный разбор этой литературной полемики, и 3 августа направил Симонову ответное письмо. В нем Молотов начинает с утвержде-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 32. Л. 47–48.

² Там же. Л. 49.

ния, с которым не могли бы поспорить ни Симонов, ни Друзин, ни Новиков: «Действительно, с самого начала своей деятельности Маяковский стремился создавать революционное искусство. Но можно ли считать, что это субъективное желание Маяковского исчерпывающе объясняет и оправдывает факт его выхода из партии? Нет, ибо и в то время были литераторы, которые создавали революционную поэзию, работая в легальной и нелегальной большевистской печати, оставаясь в рядах партии»¹. От этой посылки Молотов переходит к злосчастному высказыванию Друзина: «Неужели Вы не заметили антиреволюционной фальши в этой странной тираде? В таком случае позвольте обратить Ваше внимание на следующее.

Ведь у автора этой цитаты получается так: «Маяковский стремился создавать революционное искусство», но этим нельзя «исчерпывающе» (!!) объяснить и оправдать факт его выхода из коммунистической партии. Таким образом, получается, что выход Маяковского из партии нельзя, видите ли, полностью (то есть «исчерпывающе»), объяснить стремлением создавать революционное искусство, но в какой-то мере (не «исчерпывающе») этот шаг Маяковского можно объяснить и этим обстоятельством. Разве такие половинчатые рассуждения достойны коммуниста или даже просто революционного демократа!

В. Друзин пошел еще дальше по этой скользкой дорожке. Он заявляет: «И в то время были литераторы, которые создавали революционную поэзию, работая в легальной и нелегальной большевистской печати, оставаясь в рядах партии».

По Друзину получается, что будто кому-то еще надо доказывать самую возможность «создавать революционную поэзию» для человека, оставшегося в дореволюционное время в рядах большевистской партии. Друзин, видите ли, только допускает эту возможность и, как бы извиняясь за нашу партию, говорит, что «и в то время были литераторы», которые создавали революционную поэзию, оставаясь в рядах партии. Трудно даже понять, чему больше сочувствует В. Друзин: партии или ренегатам партии?» Понять Друзина не мудрено, ничего антипартийного в его рассуждениях нет. Он воспроизводит мотивы Маяковского, который желал сосредоточиться на создании революционного искусства и поэтому отошел от партийной работы. Все-таки искусство требует жертв, хотя бы времени, над созданием качественных произведений искусства нужно много работать. Но Друзин с по-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 32. Л. 44.

зиций партийности искусства естественно критикует Маяковского за этот шаг. Конечно, желание Маяковского сосредоточиться на литературе объясняет пагубное с точки зрения коммуниста решение отойти от партийной работы, но Друзин побивает мотивы Маяковского, говоря о возможности сочетать работу в партии и в искусстве. Сомнения по этому поводу Молотов Друзину грубо приписывает, придравшись к слову «исчерпывающе» и придав ему не то значение, в котором его употребил коммунистический литературный критик. Так что, если бы перед Молотовым не стояла задача приложить «Литературку» за ревизионизм, он мог быть совершенно спокоен по поводу ортодоксальной позиции Друзина, который в свою очередь выискивает крамолу в невинном фактическом замечании «Комсомольской правды»¹. Но Молотову нужен повод, чтобы продемонстрировать свою роль идеологического эталона, по которому должны сверять чистоту коммунистических помыслов все прочие авторы Советского Союза. И пятнышко, обнаруженное на листе «Литературки» опытным взглядом старого большевика, разрастается в здоровенное родимое пятно капитализма: «Откровенно говоря, я не мог и не могу без негодования читать всю эту антиреволюционную болтовню Друзина о нашей большевистской партии. Я слишком мало знаю о В. Друзине, чтобы судить о нем, но что Друзин не способен по-настоящему защищать знамя и честь партии, это достаточно ясно.

Удивляет меня то, что Вы, тов. Симонов, не заметили этого и даже взяли за столь неуместную защиту этих чуждых нашей партии рассуждений В. Друзина»².

Столкнувшись с негодованием столь высокопоставленного вельможи, Симонов предпочел выкинуть белый флаг независимо от качества аргументов Молотова, и 4 августа написал ему:

«Дорогой Вячеслав Михайлович!

Благодарю Вас за Ваше письмо. Оно помогло мне понять, в чем состояла моя ошибка и с публикацией изложения доклада В. Друзина, и с последующей неверной оценкой с моей стороны содержащихся там половинчатых, беспринципных суждений.

Но дело не только в этом – Ваше письмо для меня – сравнительно еще молодого коммуниста – послужит большой наукой

¹ Там же. Л. 45.

² Там же. Л. 46.

на будущее. Что это так – надеюсь показать делом. Глубоко уважающий Вас.

К. Симонов»¹.

Довольный одержанной победой, Молотов разослав эту переписку коллегам по Президиуму, лишний раз напомнив им о своей роли хранителя устоев изначальной большевистской идеологии. Так сказать, на правах старейшего большевика в Президиуме ЦК.

Также Молотов казался незаменимым на капитанском мостике советской дипломатии. Это демонстративно подчеркивалось, в том числе Хрущевым: «Удивляюсь я на Вячеслава. Какую голову надо иметь. Ведь весь мир надо в голове держать. Это хорошо, что он у нас на этом деле сидит. Надежно. Он не спешит. И осторожный. А тут и нельзя с бухты-баракты. Да, Вячеслав – голова»².

Молотов продолжал бдительно следить за вмешательством коллег во внешнеполитическую деятельность, чем грешил Маленков на правах председателя правительства. Скоро Молотов припомнит это Маленкову. А пока под его место «первого среди равных» активно «копал» Хрущев. Сначала он добился для себя права вести заседания Президиума ЦК как первый секретарь. Таким образом, в высшем руководстве был восстановлен приоритет партийной иерархии над государственной (что стало логичным продолжением обличения Берии за попытку поставить над партией МВД). Но в глазах страны и мира Маленков оставался главным лидером СССР, и Хрущев решил с этим покончить – при поддержке Молотова и других членов Президиума ЦК.

8 августа 1953 года в своем выступлении на сессии Верховного Совета СССР Маленков анонсировал курс на «крутой подъем производства предметов народного потребления» и продовольственной продукции. Налог с приусадебных участков колхозников был переведен с прогрессивной ставки на твердую и уменьшен вдвое, что стимулировало производство «индивидуального сектора». Были снижены нормы поставок мяса, молока, яиц и шерсти, а закупочные цены на продовольствие увеличены. Это позволило в два раза увеличить оплату трудодня в колхозах. Крестьянство получило стимулы к лучшей работе. Но они мог-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 32. Л. 50.

² Шепилов Д.Т. Указ. соч. С. 273.

*Константин Михайлович
Симонов
1950-е
[Из открытых источников]*

ли сказаться со временем, а продовольствие нужно было поставлять в города сейчас.

В этом установочном выступлении Маленков нарушил монополию Молотова на внешнеполитическую проблематику. Как глава правительства он включил в свою речь внешнеполитический раздел, где заявил, что нет такого спорного вопроса, который не мог быть решен мирным путем, в том числе и в советско-американских отношениях, а различие общественных систем не может быть препятствием для установления дружественных отношений. Дружественные — это не просто добрососедские. Хотя МИД очевидно участвовал в подготовке речи главы правительства, акценты расставил сам Маленков. Молотову «пацифизм» Маленкова не нравился, о чем он открыто сказать пока не мог — такая возможность предоставится через полтора года. А пока накапливал претензии. 12 марта 1954 года Маленков позволил себе несогласованное с коллегами заявление о том, что атомная война недопустима, так как приведет к гибели мировой цивилизации.

Тем временем, определив общий курс в области сельского хозяйства, Маленков переложил это направление на Хрущева, который с энтузиазмом за него взялся. В сентябре 1953 года Хрущеву с общего согласия было поручено сделать доклад по этому вопросу на пленуме ЦК. На курирование сельского хозяйства в

высшем руководстве никто не претендовал, и расширение епархии Хрущева выглядело естественным – вроде он в этом разбирается. И это было только начало такого расширения. Хрущев выступил убедительно, за интенсификацию и механизацию села. Все кивали и аплодировали. 7 декабря при Совете министров было создано Бюро по сельскому хозяйству и заготовкам во главе с Хрущевым, который в связи с этим получил пост заместителя председателя Совета министров СССР. Теперь нужно было предложить что-то эпохальное и конкретное, чтобы сдвинуть с мертвой точки дело преодоления кризиса колхозного сельского хозяйства.

Итоги обсуждения этой проблемы под эгидой Хрущева были подведены в его докладе на февральско-мартовском пленуме ЦК КПСС 1954 года. Поскольку нельзя было покушаться на социальные отношения, отбивавшие у крестьян желание «брататься на колхоз», Хрущев сделал ставку на кукурузу как более продуктивную культуру и на освоение целинных и залежных земель – то есть на не интенсивные (как обещал в сентябре), а экстенсивные методы развития сельского хозяйства. Молотову это не понравилось, и он выступил с осторожной критикой. «В Президиуме ЦК партии вокруг целины разгорелись споры, появились сомнения, особенно у таких консервативных людей, как Молотов... На первых порах Молотов не возражал против освоения целины, но уже “пускал пузыри”: без конца выдвигал те или другие вопросы, которые ему казались непонятными и требовали разъяснений. И все они сводились к одному: берется слишком большой размах, дело еще не созрело, а может быть, и вообще ошибочно, затраты себя не оправдают.., – вспоминал Хрущев. – Доводы, которые приводил Молотов, основывались больше на призывах повышать интенсивность сельского хозяйства. Осваивая целинные земли, мы обрекали себя на экстенсивное хозяйствование, брать то, что дает природа. Наши оппоненты стояли за интенсивное хозяйствование, оно требует вложения больших денег, увеличения выпуска минеральных удобрений и прочих материальных средств, необходимых для более продуктивного ведения сельского хозяйства. Что можно сказать? Это абсолютная истина, она каждому понятна, и мне в том числе. Конечно, лучше вести интенсивное хозяйство, то есть с одного гектара получать больше. Мы же выбрали путь расширения посевных площадей для получения того же количества продуктов. Первый путь не нами выдуман, он на Западе уже широко применяется.

Почему же мы отказались от такого пути? Да потому, что у нас не было возможности. Выбор, каким способом, интенсивным или экстенсивным, вести хозяйство, зависит от материальных возможностей, от культуры руководства и, прежде всего, отдельных работников. Повторяю: ведение хозяйства на интенсивной основе требует не только большой культуры, но и больших материальных затрат»¹, — объяснял Хрущев свои мотивы уже после отставки. Но ведь и освоение Целины потребовало гигантских вложений. А недостаток культуры ведения сельского хозяйства усугубил издержки экстенсивного развития сельского хозяйства на Целине.

Молотов тоже и десятилетия спустя считал, что был прав: «...я с самого начала был сторонником освоения целины в ограниченных масштабах, а не в таких громадных, которые нас заставили огромные средства вложить, нести колоссальные расходы вместо того, чтобы в обжитых районах поднимать то, что уже готово... Я предлагал вложить эти деньги в наше Нечерноземье, а целину поднимать постепенно... А Хрущев нашел идею и несется, как саврас без узды!»²

2 марта 1954 году по инициативе Хрущева было принято постановление ЦК об освоении целинных и залежных земель в Северном Казахстане и других регионах азиатской части страны. Распашка целины принесла пылевые бури. Оказалось, что природа этих регионов требует иных методов земледелия, чем в европейской части страны. Но в 1956 году Целина принесла миллиард пудов хлеба, что было почти пятой частью от предыдущих объемов сбора в СССР. В то же время освоение Целины нанесло удар по животноводству Казахстана и замедлило механизацию старопахотных территорий — техника была брошена на Целину. Однако расширение пахотных земель позволило нарастить валовые показатели производства зерна. Находясь в разных климатических условиях, старопахотные регионы и Казахстан теперь подстраховывали друг друга, делая объем урожая в масштабах страны менее зависимым от погоды. Голода в СССР больше не было.

Возражения Молотова по поводу Целины были вмешательством в чужую сферу компетенции, что могло быть воспринято Хрущевым как объявление войны. Но пока Хрущев вел себя с Молотовым осторожно. «Еще в 1954 году, будучи на отдыхе в

¹ Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 414.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 346–347.

Крыму, мы, Хрущев, Молотов, Ворошилов, Каганович, конечно, встречались, и однажды во время прогулки по парку на мой вопрос, как работается, Хрущев сказал мне: “Неплохо, но вот Молотов меня не признает, поэтому у меня с ним напряженные отношения”», – вспоминал Каганович¹. Но эти первые признаки напряженности пока были малозаметны. Молотов был готов уступать Хрущеву, если не считал вопрос принципиальным. По свидетельству Шепилова, Молотов был недоволен идеей Хрущева передать Крым Украине. Когда Хрущев выдвинул эту идею, «Н. Булганин, А. Микоян, А. Кириченко, Л. Каганович и другие откликнулись возгласами: “Правильно! Принять! Передать!” И только стоявший у дверей в соседнюю комнату в ожидании какого-то телефонного разговора В. Молотов сказал, ни к кому не обращаясь:

– Конечно, такое предложение является неправильным. Но, по-видимому, придется его принимать”². Решение было принято как обычно единогласно и потом оформлено через акты государственных органов.

Росту влияния Хрущева способствовало разделение МВД, демонизированного в связи с «разоблачением Берии». Из министерства в 1954 году был выделен Комитет государственной безопасности (КГБ), который возглавил И. Серов, тесно связанный с Хрущевым. КГБ продолжил пересмотр позднесталинских политических дел. «Ленинградское дело» было признано провокацией Берии. Оно скомпрометировало Маленкова, который участвовал в фабрикации дел против «ленинградцев».

Ослаблению Маленкова способствовали и первые итоги его экономического курса, который раньше считался бы правым и бухаринским. Результаты эти были противоречивыми. С одной стороны, в деревне поговаривали: «Пришел Маленков – поели блинков». Обратной стороной стал поток сообщений «о неудовлетворительном снабжении населения продовольственными товарами первой необходимости» в 1955 году. Сообщения с мест фиксировали ухудшение ситуации со снабжением городов и поселков городского типа в 1954–1955 годах³. Советское руководство попало в тот же заколдованный круг, что и во время новой

¹ Каганович Л.М. Указ. соч. С. 507.

² Шепилов Д.Т. Указ. соч. С. 304–306.

³ Шишкин Е.В. Николай Булганин. Рядом со Сталиным и Хрущевым. М., 2022. С. 397–400.

*Иван Александрович
Серов
1958*

*[Из открытых
источников]*

экономической политики 20-х годов: хочешь облегчить положение крестьян – ухудшается снабжение городов. Выход был в значительном, в разы, увеличении производства продовольствия. Причем не только хлеба, на что была направлена Целина, но и мясомолочной продукции, чему она скорее мешала. Раз Маленков приобрел популярность, провозгласив новый курс, ему и ответ держать. «Новый нэп» вряд ли мог иметь успех в рамках советской модели экономики. «Выращивание» тяжелой промышленности на почве успехов сельского хозяйства и легкой промышленности закончилось неудачей еще в период нэпа, это члены Президиума ЦК помнили. И когда в 1954–1955 годах после уступок селу наметились сбои в снабжении городов, это напоминало 1927 год. Маленкову было нечем крыть. Конечно, если бы он имел характер Сталина или Хрущева, то не признал бы ошибок, стал бы выдавать неудачи за преддверие будущих побед. Но это было не в его характере. Ну не получилось быть на первой роли – ведь он привык быть на второй. Молотов, естественно, был в лагере противников Маленкова, в том числе – и из-за его внешнеполитических «пацифистских» инициатив.

22 января 1955 года Президиум ЦК обсудил вопрос о Маленкове. Он не стал противиться решению товарищей: «Признает

правильным освобождение. Не соответствую. В нечестности не признается, в близости к Берии признается». Молотов выразился твердо: «Нет ясной политической линии. Освободить». Каганович назвал коллегу недозрелым. Кандидат в члены Президиума ЦК М. Сабуров раскритиковал его стремление к парламентской (то есть публичной) популярности. Хрущев предложил на пост председателя правительства кандидатуру Булганина, Молотов – самого Хрущева, что свидетельствует об отсутствии у него тогда принципиальных претензий к Никите Сергеевичу. Молотова поддержал Ворошилов, но Хрущев не хотел пока отрываться от партаппарата и настоял на своем. На заседании 31 января Маленков лишь попросил сформулировать резолюцию так, чтобы было понятно, что он «не отсекается». Молотов был неумолим: «Сказать надо правду. Вопрос имеет политическое значение»¹.

На пленуме ЦК, посвященном отставке Маленкова, Молотов обвинил его в беспринципности в политике и беззаботности в вопросах теории². Под первым имелась в виду дружба с Берией, под вторым – высказывания по вопросам внешней политики и экономики. Молотов настаивал, что заявление Маленкова 12 марта 1954 года о том, что третья мировая война может привести к гибели мировой цивилизации, является «теоретически ошибочным и политически вредным». В итоге сформулировали чуть скромнее: «политически ошибочное и вредное». «Теоретически ошибочным и политически вредным» было признано противопоставление Маленковым тяжелой и легкой промышленности и курс на форсированное развитие последней. Но Хрущев и Микоян вовсе не хотели отсекал либерального Маленкова. Постановление объясняло снятие с поста Маленкова тем, что он не обладал необходимыми знаниями и хозяйственным опытом, позволил Берии использовать себя как орудие и скомпрометирован соучастием в «Ленинградском деле»³. И при всем этом остается в Президиуме ЦК. Таким образом, осуждение «правого» социально-экономического курса не сказалось на влиянии Микояна, который тоже был его сторонником. 8 февраля Маленков был официально заменен на посту председателя Совета министров Булганиным, который был человеком довольно покладистым и презентабельным.

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. М., 2004. С. 35–37.

² Сорокин А.К. Указ. соч. С. 584.

³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 37, 887.

Проект выступления
В.М. Молотова на
январском пленуме
ЦК КПСС с критикой
Г.М. Маленкова
31 января 1955
[РГАСПИ. Ф. 82.
Оп. 2. Д. 50.
Л. 169–181. Подлинник,
машинописный текст,
правка – автограф
В.М. Молотова]

*Николай Александрович
Булганин
1950-е*

[Из открытых источников]

12 февраля Молотов собрал советских послов в странах «народной демократии» и поделился с ними внешнеполитическими аспектами маленьковского экономического курса: «...за 1953 год и особенно за 1954 год мы наделали ряд неправильных вещей в экономических взаимоотношениях со странами народной демократии и странами капиталистического лагеря: чрезвычайно раздули импорт... И все это увлечение ширпотребом. Это — идеология, которая некоторым даже свихнула мозги. Такое увлечение, которое было в ущерб тяжелой промышленности, в ущерб основным позициям государства, было непосильно для государства по тем темпам, которые начались. Достаточно сказать, что товарооборот за один год поднялся на 18 %, а ни одно государство не может выдержать такого темпа больше одного года». Этим воспользовались страны «народной демократии», которые продавали в СССР много ненужного, не котирующегося на мировом рынке. Так что и в СЭВ нужно навести порядок, «мы не хотим покупать такого количества чернослива, или болгарского перца, или болгарского вина, или такого количества апельсинов и чего хотите. Это сокращение импорта будет за счет увеличения мощности нашей тяжелой индустрии, за счет

того, чтобы лучше обеспечить наши нужды обороны, за счет того, чтобы лучше продолжать наше основное капитальное строительство и в промышленности, и на транспорте, и в сельском хозяйстве»¹. Сталкиваясь с дефицитом апельсинов, советские люди должны были утешаться тем, что с танками у нас все хорошо. Советская «группа А» начинала новый виток технической революции, которая обеспечит выход в космос, строительство атомных электростанций, массовое жилищное строительство, газификацию и множество других явных и относительных благ. Вот только с дефицитом апельсинов СССР так и не сможет справиться.

Хрущев вел борьбу за власть, используя сталинскую тактику салями. Его следующей целью был Молотов. Но для начала атаки нужно было найти хороший повод. А пока Молотов действовал на внешнеполитической арене довольно успешно.

4. ГРОССМЕЙСТЕР ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИГРЫ

Впервые Молотов был настолько свободен в формулировании внешнеполитической линии СССР. Теперь над ним не довлел Сталин, а в коллективном руководстве Вячеслав Михайлович был главным специалистом по внешней политике. «Раскидав» в 1953 году наиболее срочные проблемы, теперь Молотов мог заняться более сложными – германским и австрийским вопросами, борьбой за международное признание Китайской народной республики и урегулированием вооруженных конфликтов на востоке Азии.

Дж. Робертс отмечает неоднозначное влияние дела Берии на советскую политику в германском вопросе: теперь нельзя было открыто говорить о создании единой несоциалистической Германии, ведь в этом заключалось «преступление Берии». Но и отказываться от наработок 1952–1953 годов Молотов не собирався, продолжая предлагать Западу осторожные шаги по созданию общегерманского правительства из представителей двух Германий, после чего можно провести общегерманские выборы². Берия был виноват в том, что хотел действовать решительнее Молотова, но не в поддержке самого вектора на решение герман-

¹ Липкин М.А. Совет экономической взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства. С. 66–67.

² Робертс Дж. Указ. соч. С. 185–186.

*Джон Ф. Даллес
[Из открытых
источников]*

ского вопроса. Его Молотов надеялся вписать в более широкий контекст. Раз уж создание различных социальных систем в ГДР и ФРГ делает объединение Германии в обозримой перспективе маловероятным, нужно строить систему коллективной безопасности в Европе с учетом этой реальности.

25 января – 18 февраля в Берлине снова встретились министры иностранных дел четырех держав-победительниц. Великобританию и Францию представляли старые знакомые Молотова Иден и Бидо, а США Дж. Ф. Даллес, уже зарекомендовавший себя как неуступчивый антикоммунист.

Общение с западными партнерами Молотов начал с предложения оставить в стороне обмен пропагандистскими тирадами, обычный в предыдущие годы: «Мы собрались не для того, чтобы делать категорические заявления, а для того, чтобы выслушать друг друга и найти возможность договориться по тем вопросам, по которым можно договориться сегодня»¹.

Молотов подтвердил советскую концепцию решения германского вопроса, предложенную в 1952 году. Он выдвинул проект, в соответствии с которым создается Временное общегерманское правительство, которое готовит выборы и участвует с держава-

¹ Молотов В.М. Выступления на Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, Франции, Англии и США. М., 1954. С. 23.

ми-победительницами в выработке договора, предусматривающего восстановление Германии как единого государства (но первоначально состоящего из двух самостоятельных частей). С таким формальным представительство Германии заключается мирный договор, подтверждающий потсдамские границы, после чего в течение года выводятся иностранные войска и ликвидируются иностранные военные базы. Новая Германия должна быть нейтральной, старые обязательства ГДР и ФРГ обнуляются. Германии возвращается право на свои вооруженные силы, а бывшим нацистам и военным служащим, не осужденным по суду – полнота политических прав. До образования временного правительства необходимо привлечь к подготовке договора представителей ГДР и ФРГ, а в октябре собрать мирную конференцию¹.

Разногласия по германскому вопросу сконцентрировались на проблеме выборов. Кто их организует – существующие власти или общегерманское временное правительство, которое проектировал Молотов? Он также предлагал поставить альтернативу на референдум – или мирный договор с объединением Германии, или присоединение ФРГ к Европейскому оборонительному сообществу (ЕОС) – планировавшемуся тогда в дополнение к НАТО блоку западноевропейских государств. Вступление в него ФРГ представлялось Москве крайне опасным, и Молотов ставил вопрос ребром.

Обсуждался и австрийский вопрос. Молотов настаивал на нейтральном статусе Австрии и запрете на создание военных баз на ее территории. Дж. Робертс считал эту позицию столь же гибкой, как и по Германии². Но проблема такой «гибкости» была в том, что Молотов увязал решение австрийского и германского вопросов. Это позволяло оказать дополнительное давление на партнеров – пока не пойдете на уступки в Германии, ситуация в Австрии останется в неопределенном замороженном состоянии. Тем более, что в 1949 году на территории советской зоны оккупации нашли нефтяное месторождение. Поскольку до решения германского вопроса было далеко, молотовская увязка двух проблем заблокировала и решение австрийского вопроса.

10 февраля Молотов выдвинул проект общеевропейского договора о коллективной безопасности. Ценой заключения такого

¹ Правда. 1954. 2 февраля.

² Робертс Дж. Указ. соч. С. 192.

договора для Запада должна была стать ликвидация ЕОС и вытеснение из Европы военной структуры НАТО и США, которым отводилась роль наблюдателя. Молотов не мог не осознавать, что американцы на это не согласятся, и дал понять, что не исключает участие североамериканских стран в системе. Это было уже реалистичнее¹. Но эти уступки Молотова не были оформлены официально, а сама идея Общеввропейского договора была дискредитирована хохотом партнеров при его выдвижении в изначальном нереалистичном варианте.

Хотя Молотов не настаивал на роспуске НАТО, успех системы коллективной безопасности мог размыть блок, так как все страны мирового Севера участвовали бы в этой системе самостоятельно. Но в обстановке Холодной войны такое развитие событий было маловероятным.

Молотов договорился с Даллесом о проведении секретных советско-американских переговоров по атомной проблематике — пока без Великобритании и Франции. Такой двусторонний формат был выгоден для СССР и обиден для союзников США².

Основным успехом Молотова в Берлине было согласие Запада на созыв конференции в Женеве по Корее и Индокитаю с участием КНР. Правда, по настоянию партнеров в коммюнике было записано: «ни приглашение на упомянутое совещание, ни его проведение не должны рассматриваться как дипломатическое признание в любом случае, когда оно еще не имело места». По другим вопросам коммюнике Берлинской конференции разочаровывающе гласило: «Между четырьмя министрами состоялся всесторонний обмен мнений по германскому вопросу, по вопросам европейской безопасности, а также по австрийскому вопросу, но они не смогли достичь соглашения по этим вопросам»³. Западные государства не пошли навстречу советским предложениям, но это было только начало «мирного наступления» СССР.

Итоги конференции подводились на пленуме ЦК КПСС 23 февраля — 2 марта 1954 года, где Молотов выступил с докладом. Он сравнил НАТО с Антикоминтерновским пактом 30-х годов, то есть с фашистами⁴. Аналогии с фашизмом Молотов использовал также против США и ФРГ: «Даллес и сейчас про-

¹ Филитов А.М. СССР и германский вопрос. С. 248.

² Там же. С. 247–248.

³ Правда. 1954. 19 февраля.

⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 77. Л. 14.

*Конрад Аденауэр
[Из открытых
источников]*

износит речи о Берлинском совещании, в которых выдает себя за ярого сторонника свободы народа, за сторонника “свободных выборов”. Но мы знаем, что не всякие слова о “свободе” являются защитой действительной свободы для народа, для трудящихся. Некоторым защитникам “свободы” нравится такая свобода, при которой у эксплуататоров и милитаристов развязаны руки и они живут припеваючи, когда трудовой народ остается в экономическом рабстве и под постоянной угрозой войн и кровавого истребления». Как раз Гитлер пришел к власти, используя такую свободу, а ему помогал однопартиец канцлера ФРГ К. Аденауэра Ф. Папен. И сегодня за спиной Аденауэра стоят милитаристы и финансисты¹. Так что Аденауэр очень похож на Гитлера. Такие филиппики Молотова вряд ли могли способствовать решению германского вопроса, но годились для внутренней аудитории с воспитанной десятилетиями черно-белой (или точнее красно-коричневой) картиной мира, где были только две реальные силы – СССР и агрессивный империализм фашистского типа.

Вячеслав Михайлович рисовал пугающие перспективы ремилитаризации Германии, которые также рассматривал по анало-

¹ Там же. Л. 44–46.

гии с событиями 30-х годов: «...не может быть сомнений в том, что, когда, согласно пари́жскому договору, будет создана в Западной Германии армия во главе с гитлеровскими генералами, тогда они перестанут считаться с этой подписью, тогда раскроются их действительные цели, раскроются их агрессивные реваншистские расчеты, и первыми почувствуют соседние европейские государства». Но такой сценарий был не реален, так как с 30-х годов полностью изменилось соотношение сил в Европе, и противостояние шло по линии Восток – Запад, где Германия была не одним из центров противостояния, а его ареной. Молотов скорее предлагал пугающий миф, чем искренне верил в нападение Западной Германии на Францию. Тем более, что далее следует идеологическая конструкция, противоречащая только что описанной «угрозе» Западу со стороны Германии: «Расчет на создание европейской армии со включением в нее армии западногерманских милитаристов можно объяснить только планами подготовки новой войны в Европе. При этом становится очевидным, что правящие круги США хотят, чтобы эта новая война велась руками европейцев»¹. Американцы в этой картине, конечно, играют роль кукловодов, которые загребают жар чужими руками. Но когда проект ЕОС не получит развития, и на первый план выйдут структуры НАТО, советские пропагандисты, напротив, будут обвинять США в стремлении совершить агрессию в Европе с использованием своих войск.

Молотов осудил западные «дискриминационные мероприятия в области международной торговли». Впрочем, от санкций нет худа без добра – «за этот год значительно окрепли экономические связи между Советским Союзом, Китаем и странами народной демократии», где продолжается экономический рост².

Приписав честь прекращения войны в Корее КНДР и КНР, Молотов с гордостью добавил: «Эта инициатива развернулась, как известно, не без содействия Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза. Этот секрет я могу вам выдать»³. Молотов мог записать на счет успехов советской внешней политики также договоренность о проведении в Женеве конференции по Корее и Индокитаю с участием КНР.

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 77. Л. 35–36.

² Там же. Л. 18–19.

³ Там же. Л. 23.

Молотов подчеркнул: «Проекты министерства иностранных дел подробно обсуждались, улучшались и дополнялись во время этого обсуждения. Здесь сказались значение и сила коллективного руководства, которое за последний год укрепилось в нашем Центральном Комитете». Это заявление было встречено продолжительными аплодисментами¹. Маленков выразил общее мнение, что «Молотов хорошо справился с возложенной на него задачей, что советская делегация на Берлинском совещании оказалась на высоте положения». Была принята резолюция с одобрением работы делегации во главе с Молотовым². Он снова был «на коне» – главный советский лидер внешней политики, чья деятельность полностью одобряется партией.

Правильной дорогой идете, товарищ Молотов. Пусть западные партнеры расхотались в ответ на предложение создать систему коллективной безопасности без США, можно сделать следующий ход – предложить превращение в орган коллективной безопасности самой НАТО путем вступления в нее СССР. Что они на это скажут? 26 марта Молотов так обосновывал эту идею в записке коллегам по Президиуму ЦК: «Скорее всего, организаторы Североатлантического блока отреагируют негативно на этот шаг советского правительства и выдвинут множество различных возражений. В таком случае правительства трех держав снова покажут себя организаторами военного блока против других государств, а это укрепит позиции социалистических сил, ведущих борьбу против формирования Европейского оборонного сообщества». То есть инициатива Молотова носила прежде всего агитационный характер. Но он не исключал и успеха: «...если заявление советского правительства встретит положительное отношение со стороны трех западных держав, это будет означать большой успех Советского Союза, поскольку СССР, присоединяющийся к Североатлантическому пакту на определенных условиях, кардинально изменит характер этого пакта. Вступление СССР в Североатлантический пакт одновременно с заключением Общеввропейского соглашения о системе коллективной безопасности в Европе подорвет планы по созданию Европейского оборонного сообщества и перевооружению Западной Германии». 31 марта Молотов огласил сенсационное предложение о вступлении СССР в НАТО в ноте послам США, Великобритании и

¹ Там же. Л. 29.

² Там же. Л. 79.

Франции: «Совершенно очевидно, что Организация Североатлантического договора могла бы при соответствующих условиях утратить свой агрессивный характер, если бы ее участниками стали все великие державы, входившие в антигитлеровскую коалицию. В соответствии с этим, руководствуясь неизменными принципами своей миролюбивой политики, советское правительство выражает готовность рассмотреть совместно с заинтересованными правительствами вопрос об участии СССР в Североатлантическом договоре»¹. По замыслу Молотова это создало бы возможность также заключить договор о коллективной безопасности с участием США.

Руководство США оказалось не готово к серьезному обсуждению таких смелых инициатив. Советско-американская система безопасности станет формироваться только в период разрядки 70-х годов и увенчается заключением Хельсинкских соглашений государств Европы и Северной Америки. Это будет похоже на то, к чему призывал Молотов за два десятилетия до этого. Но структуры НАТО, которые в 50-е годы еще не устоялись, затем приобретут самодовлеющее значение западной системы безопасности, и «разрядка» не сможет их «растворить». При новом повороте истории «разрядка» не сможет справиться с противоречиями НАТО и СССР (с его союзниками), и Холодная война возобновится в конце 70-х годов.

5. КОРЕЙСКИЙ ТУПИК И РАЗДЕЛ ИНДОКИТАЯ

Крупнейшим свершением Молотова на посту министра иностранных дел в 1953–1956 годах стало участие в завершении колониальной войны Франции в Индокитае. Ко времени начала Женевской конференции по восточноазиатским вопросам 26 апреля 1954 года чаша военного противоборства стала клониться в пользу Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) во главе с организацией Вьетминь и ее лидером – коммунистом Хо Ши Мином. Но до полной победы ему было еще очень далеко.

В 1949 году французы смирились с независимостью Вьетнама и передали власть бывшему императору Бао Даю, который раньше формально царствовал при французах и японцах. Теперь французы сражались с коммунистами в качестве его союзников.

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 355.

В 1953 году была провозглашена независимость Лаоса и Камбоджи, но там сохранялось французское военное присутствие.

При поддержке Китая войска ДРВ теснили французов, которые удерживали крупнейшие города, включая Ханой, Хайфон и Сайгон. В 1953 году французы решили нанести контрудар и высадили десант на территории, контролируемой коммунистами, в горных джунглях. Здесь, близ Дьенбьенфу, была построена французская база. В марте 1954 года войска ДРВ начали ее штурм.

6 марта Молотов обсуждал совместную позицию на Женевской конференции с китайским послом Чжан Вэньтянем. По Корее можно было бы предложить «германскую модель»: создание общекорейского комитета из представителей Севера и Юга для организации выборов. Если это предложение не будет принято – добиваться вывода иностранных войск и постепенного улучшения экономических и других отношений Севера и Юга. С Вьетнамом сложнее – там войска сторон перемешаны по всей стране. Китайский представитель предложил договориться о разделении Вьетнама по образцу Кореи по 16-й параллели. Он считал, что «это выгодное предложение для Хо Ши Мина, и его следовало бы принять, если оно будет выдвинуто официально». Было понятно, что такой «корейский» сценарий для Вьетнама может привести к долгосрочному разделу страны и возобновлению кровопролитной войны, как это случилось в Корее. Молотов пока не высказался по поводу этого предложения, сославшись на необходимость обсудить вопрос в ЦК КПСС¹. В принципе идея разделить Вьетнам по 16-й параллели была выгодна прежде всего Китаю – он получал буфер у своих южных границ. Для Хо Ши Мина это означало отвод своих войск с юга Вьетнама, значительная часть которого контролировалась Вьетмином. Но за это можно было получить крупные города Ханой и Хайфон, компактную территорию для начала строительства социализма и мирную передышку на несколько лет.

Конференция открылась 26 апреля, а 29 апреля Молотов выступил с речью, где обрисовал советский взгляд на процессы в Азии и раскритиковал американских империалистов, которые «приписывают коммунизму всякое движение угнетенных наро-

¹ Советский Союз и Вьетнам в годы первой Индокитайской войны. Женевская конференция. 1954 г.: Сборник документов и материалов. М., 2017. С. 218–219.

дов к свободе и национальной самостоятельности». Молотов вслестически расхваливал роль КНР в предстоящем урегулировании¹. Добиться широкомасштабного признания роли КНР было для Молотова важнейшей задачей на конференции, но для этого нужно было добиться ее успеха.

ООН в качестве площадки поиска компромисса все еще вызывает у Молотова большие сомнения: «нельзя не считаться с тем, что Организация Объединенных Наций в силу оказанного на нее давления со стороны некоторых государств, заняла одностороннюю позицию и обнаружила неспособность в урегулировании корейского вопроса»². ООН даже не выслушала представителей КНДР, в ней не представлена КНР, роль которой в регионе трудно переоценить. При этом США проводят агрессивную политику в отношении КНР. «Они захватили остров Тайвань, сделав хозяином этого острова последышей чанкайшистской клики»³. Как можно поддерживать Чан Кайши после того, как образование КНР произошло, «как известно, по доброй воле китайского народа...»?⁴ Это «как известно» для партнеров по переговорам было лишь свидетельством тенденциозности Молотова – ведь добрая воля не определяется в условиях наступления армий и последующего террора против несогласных с ней.

11 мая Молотов выступил по корейскому вопросу. Он подтвердил, что СССР, КНР и КНДР считают незаконными решения ООН по Корее, так как тогда не было согласия пяти держав⁵. «В результате ряда незаконных действий со стороны Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций скатилась на положение воюющей стороны в Корее. Фактически флаг ООН здесь был использован лишь для прикрытия американской агрессии. В глазах народов всего мира превращение Организации Объединенных Наций в воюющую сторону во многом принизило авторитет этой международной организации. При создавшемся положении Организация Объединенных Наций лишила себя возможности выступать в качестве беспристрастного международного органа и уже не может выполнять объективных функций в решении корейского

¹ Советский Союз и Вьетнам в годы первой Индокитайской войны. Женевская конференция. 1954 г. С. 257–258.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 147. Л. 44.

³ Там же. Л. 48.

⁴ Там же. Л. 50.

⁵ Там же. Л. 167.

вопроса»¹. Это подтверждает сам факт проведения Женевской конференции: «Это совещание происходит вне рамок Организации Объединенных Наций и не связано каким-либо решением Генеральной Ассамблеи»². Для того, чтобы объединить Корею, нужно создать общекорейскую комиссию из представителей двух Корей для подготовки выборов, провести вывод иностранных войск до выборов под международные гарантии от возобновления военных действий³.

Но чтобы договариваться о создании комиссии двух Корей, нужно, чтобы стороны были готовы идти на компромиссы. А Молотов смотрел на корейскую ситуацию как на политическое продолжение только что закончившейся войны: победить может либо КНДР, либо проамериканские «полуфашисты»: «И этот полуфашистский режим хотят навязать населению Северной Кореи, знающему, что такое демократические реформы, подъем национальной культуры, благо народной свободы!»⁴ На юге – полуфашисты, а на севере Кореи – демократические реформы. Если альтернатива такова, то вряд ли такие противоположные системы можно объединить с помощью комиссии, состоящей из их представителей – они просто-напросто не смогут договориться.

Министр иностранных дел Республики Корея Бьон Мон Тэ закончил свое выступление 11 мая словами, которые тоже не давали надежды на сближение: «Некоторые делегаты могут удивляться тому, почему г-н Молотов не изобретает новую ложь, а повторяет старую, которая всем надоела. Насколько мне известно, г-н Молотов придерживается старой лжи в надежде, что она, если ее повторять много раз, в конце концов, будет звучать как истина, хотя ему самому, безусловно, уже надоело повторять эту старую ложь»⁵.

Конечно, даже оглашаемые Молотовым идеологические штампы не помешали бы поиску компромисса, если бы в этом был заинтересован государственный секретарь США Даллес. Но 3 мая он покинул конференцию, передав руководство американской делегацией своему заместителю И. Смит. По поводу объединения Кореи американское руководство не видело в Женеве реальной перспективы.

¹ Там же. Л. 170.

² Там же. Л. 171.

³ Там же. Л. 173–174.

⁴ Там же. Л. 178.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 148. Л. 19.

Смит продолжил отстаивать «убеждение в том, что флаг Организации Объединенных Наций не является простой тряпкой... Кровь юношей 16 стран была пролита в Корею за самое благородное дело – в защиту слабых от сильных и алчных». Смит возмущался: «Советский Союз устами своего делегата заявляет всему миру здесь в Женеве, что он отвергает принцип коллективной безопасности, что он намерен поступать так, как ему заблагорассудится в отношении истины, справедливости или мира, нисколько не считаясь с основными правами человечества»¹. Конечно, Молотов и Чжоу Энлай не могли воспринимать это всерьез и согласиться со Смитом в том, что ООН – «единственное оставшееся орудие для поддержания коллективной безопасности»².

Вячеслав Михайлович с возмущением говорил о несправедливости западных оценок советской внешней политики: «Американский делегат договорился до того, что Советский Союз якобы отвергает принцип коллективной безопасности. Между тем, хорошо известно, что именно Советский Союз является наиболее активным поборником принципа коллективной безопасности, выступал и выступает за практическое применение указанного принципа». Молотов напомнил о последних советских инициативах, включая вступление СССР в НАТО³. Правда, эти советские инициативы не касались распространения коллективной безопасности на Азию, а позиция США была глобальна – функции поддержания коллективной безопасности должны находиться в руках мировой организации ООН. Отношение Молотова к ООН естественно было иным: «Советский Союз борется против всяких попыток превратить ООН в орудие агрессивной политики определенных кругов США или других стран – против попыток, которые, в частности, выразились в принятии в ООН незаконных решений, санкционировавших американскую агрессию в Корею»⁴.

5 июня Молотов выступил с подведением итогов корейской дискуссии. Он отметил сближение точек зрения, сослался на достойные внимания британские предложения, подчеркнул важность проведения выборов, организованных общекорейским органом и вывода иностранных войск⁵. В принципе тут не было

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 148. Л. 68–69.

² Там же. Л. 74.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 149. Л. 140.

⁴ Там же. Л. 141.

⁵ Там же. Л. 133–135.

ничего особенно нового, но после прежних резких оценок сам тон Молотова настраивал партнеров на дальнейший диалог. Однако препятствием для решения корейского вопроса оставались труднопреодолимые разногласия. Что касается Вьетнама, то США не могли предотвратить уход Франции из него, хотя могли со временем заменить французов. Пока договоренность зависела от Франции, а не от США, у конференции была перспектива закончиться успехом.

Индокитайский вопрос официально начал обсуждаться на конференции 8 мая. Накануне, 7 мая французские войска, оборонявшие базу Дьенбьенфу, капитулировали. Это крупное поражение ослабило французскую позицию на конференции, усилив позиции СССР, КНР и ДРВ. Прикрывая этот неприятный для него факт красноречием, Бидо 8 мая говорил: «Заключительная атака этой славной и протекавшей в неравных условиях битвы, продолжавшейся в течение 55 дней, началась как раз накануне даты, предусмотренной для этого совещания в Женеве, естественной перспективой которого должно было бы, естественно, стать прекращение грома орудий... Французская делегация не может скрыть здесь свое глубокое волнение и свою гордость перед героизмом бойцов Франции, Вьетнама, всего Французского Союза, которые продолжали сопротивление, превышающее человеческие силы»¹.

Слушая это, Молотов мог улыбаться в усы – теперь французы получили достаточный урок на поле боя, чтобы перестать цепляться за Индокитай. Бидо пытался противопоставить картине освобождения Азии от колониализма, нарисованной Молотовым, взгляд доброго колонизатора: «...факты показывают, что народы Азии, которые пользуются независимостью, получили ее с согласия и по решению держав, которые парадоксально квалифицируются как империалистические. Наоборот, повсюду, где был установлен так называемый режим “народной демократии”, он мог быть установлен только или в результате гражданских войн или в результате оккупации иностранными армиями». Но как быть с тем, что и Вьетнам был оккупирован французской армией? Стороны показывали друг на друга пальцем, выдвигая одинаковые обвинения. Показав, что ему есть, что ответить Молотову и Чжоу Энляоу на идеологические обвинения, Бидо все же призвал, чтобы «Совещание

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 147. Л. 141.

не впало в идеологические дискуссии, которые могли бы только закрыть возможные выходы и ожесточить соответствующие позиции»¹.

Бидо предложил сосредоточить регулярные соединения в зонах перегруппировки, другие разоружить, освободить военнопленных и интернированных, прекратить военные действия сразу после подписания, контролировать прекращение огня с помощью международных комиссий, осуществить вывод вьетнамских войск и разоружить незаконные, то есть прокоммунистические формирования в Лаосе и Камбодже².

Но где сосредотачивать войска, чтобы они снова не вступили в бой друг с другом? Французы выступали с концепцией «шкура леопарда» – определить зоны, занятые сейчас противниками, и обозначить их на карте, чтобы до выборов во Вьетнаме они уже не менялись³. Такой план имел и плюсы, и минусы. С одной стороны, это препятствовало бы разделу Вьетнама между коммунистами и антикоммунистами, так как «леопардовые пятна» в мирное время не могли существовать отдельно друг от друга. Но при извилистой линии разделения было бы очень трудно контролировать соглашение о перемирии, и война могла возобновиться в любой момент даже по случайным причинам.

14 мая Молотов выступил с обзором событий в Индокитае, обличая американский империализм за вмешательство во Вьетнаме и поддержку колониального режима. Молотов поддерживал условия договора, которые были выдвинуты от имени ДРВ 10 мая: независимость Вьетнама, Патет-Лао и Кхмера (наименование Лаоса и Камбоджи прокоммунистическими силами); вывод из Индокитая иностранных войск, свободные выборы в этих трех государствах. В качестве уступки Молотов допускал, что три страны могут признать наличие особых экономических и культурных интересов Франции и вхождение трех стран во Французский союз на добровольной основе (то есть с возможностью потом из него выйти). Для наблюдения за прекращением огня предлагалось создать комиссию из представителей нейтральных государств⁴. Комментируя эти предложения, Бидо настаивал, что

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 147. Л. 143.

² Там же. Л. 149.

³ Хейстингс М. Вьетнам. История трагедии. 1945–1975. С. 114.

⁴ Советский Союз и Вьетнам в годы первой Индокитайской войны. Женевская конференция. 1954 г. С. 296–306.

в Лаосе и Камбодже уже есть законные правительства, которые и так уже договорились об участии во Французском союзе и законно пригласили к себе французские войска. Да и во Вьетнаме уже есть законная власть бывшего императора Бао Дая, а прокоммунистический Вьетминь – одно из политических движений страны, вооруженные бунтовщики. Им, как и аналогичным бунтовщикам в Лаосе и Камбодже, помогают зарубежные коммунисты, которые являются агрессорами. И вьетнамские коммунисты являются агрессорами, когда действуют в Лаосе и Камбодже¹. Беда Бидо была в том, что французская армия терпела поражение, и время работало против Франции. Так что Молотов спокойно настаивал на своем, поддерживая представителя ДРВ Фам Ван Донга.

Молотов согласился сначала продвинуть наиболее интересные для Франции военные вопросы: о прекращении огня и зонах контроля сторон, создания комиссии нейтральных государств, но в контексте всего Индокитая. 29 мая было достигнуто соглашение о принципах прекращения огня. Раздел Вьетнама на зоны военного контроля не предопределял политических вопросов, декларировалось, что он должен стать единым государством. Бидо и Иден вынуждены были согласиться с тем, что будет обсуждаться судьба не только Вьетнама, но и Лаоса с Камбоджей². ДРВ выступила за отвод войск сторон в такие зоны, которые могли бы существовать самостоятельно друг от друга, но представитель Бао Дая считал, что это путь к расколу страны³.

В мае – июне Молотов, который время от времени вел заседания, шаг за шагом продвигался к выработке условий соглашения: временный раздел Вьетнама, вывод французских и других иностранных войск (то есть недопущение замены французов американцами), после которого будут проводиться выборы под контролем комиссий нейтральных (но желательно просоветских и антиколониальных) государств. 19 июня было достигнуто соглашение о прекращении огня в Лаосе и Камбодже, которое предполагало вывод иностранных войск и военного персонала. Но французы получили право иметь военные базы, а прокоммунистический Патет Лао – контроль над небольшими районами в Лаосе.

¹ Там же. С. 307–312.

² Там же. С. 322.

³ Там же. С. 361.

Сблизив позиции, министры на время разъехались, передав текущую работу комиссиям. Тем более, что во Франции 12 июня ушло в отставку правительство Ж. Ланьеля, на место которого 18 июня пришел П. Мендес-Франс, ставший также и министром иностранных дел. Он обещал либо достичь соглашения по Индокитаю в месячный срок, либо уйти в отставку. Больше Молотов и Бидо не встретятся, их общение продолжилось почти десять лет.

Приехав с конференции, Молотов все еще испытывал колебания, стоит ли делить Вьетнам на север и юг. 24 июня он докладывал на Президиуме ЦК: «...во французской, английской и американской печати много пишут о том, что Вьетнам нужно разделить на две зоны, причем в северной должны оставаться военные силы демократического Вьетнама, а в южной — военные силы баодаевского правительства. Такое разделение территории Вьетнама в основном соответствует признанному обеими сторонами принципу установления зон расположения воинских частей обеих сторон и вместе с тем устраняло бы многочисленные поводы для взаимных столкновений этих воинских частей, когда они расположены в перемежающихся районах. Нельзя, однако, не считаться и с отрицательными последствиями такого разделения Вьетнама на северную и южную зоны, если будет откладываться выполнение требования Демократической Республики Вьетнам о таком урегулировании положения во Вьетнаме, при котором наряду с мероприятиями военного порядка теперь же было бы принято решение и по политическим вопросам»¹. Даже на заседании Президиума ЦК Молотов не сообщил, что о плане раздела Вьетнама он узнал не из западной прессы, а от китайских товарищей, которые считали его выгодным. Впрочем, Президиум ЦК предоставил Молотову свободу рук.

7 июля он вернулся в Женеву, чтобы лично довести конференцию до успешного финала. 10 июля Молотов и Мендес-Франс обсуждали, по какой параллели удобнее всего поделить Вьетнам — по 13-й или 18-й. Потом сошлись на 17-й. Против самой идеи раздела Вьетнама пополам Молотов не возражал². Он также уделил много времени переговорам со всеми сторонами о сроках вывода войск и всеобщих выборах. После того, как Мендес-Франс принципиально согласился на скорейший вывод войск, а

¹ Советский Союз и Вьетнам в годы первой Индокитайской войны. Женевская конференция. 1954 г. С. 448.

² Там же. С. 464.

Даллес так и не возобновил свое участие в конференции, Молотов оказался ключевой фигурой урегулирования в Индокитае. Последние детали были согласованы 20–21 июля, когда было подписано Соглашение о прекращении военных действий во Вьетнаме между командующими вооруженными силами Французского союза в Индокитае и Народной армией Вьетнама. За время не более 300 дней войска двух вьетнамских правительств должны были передислоцироваться в северную и южную зоны, а демилитаризованная зона на 17-й параллели объявлялась неприкосновенной для вооруженных сил. Прекращение огня объявлялось по регионам с 27 июля по 11 августа. Контроль за прекращением огня возлагался на комиссии из представителей нейтральных государств. После подписания соглашения не допускалось прибытие во Вьетнам дополнительных войск.

21 июля была подписана заключительная Декларация Женевской конференции. Правительства Лаоса и Камбоджи обязались провести свободные выборы в 1955 году. Однако они все же сохраняли право обращаться к иностранным государствам за военной помощью, что не могло нравиться Молотову, но и предотвратить это он не смог. Удалось лишь получить обязательство использования военной помощи только на нужды обороны, что исключало создание военных баз, угрожающих, скажем, Китаю. Что касается французских войск, то «Совещание принимает к сведению заявление Французской республики о том, что это последнее готово, по просьбе заинтересованных правительств и в сроки, которые будут согласованы по соглашению между сторонами, вывести свои войска с территории Камбоджи, Лаоса и Вьетнама, за исключением тех случаев, когда по соглашению двух сторон некоторое количество французских войск сможет быть оставлено в определенных пунктах на определенный срок». Это положение практически не ограничивало возможности военного присутствия Франции, но ее правительство уже стремилось поскорее отделаться от военных проблем Индокитая, и, как и в случае с Великобританией в конце 40-х годов, нагрузка противостояния коммунистической угрозе перекладывалась на США. Специально оговаривалось, что демаркационная линия во Вьетнаме «является временной и не может быть истолкована как являющаяся в какой-либо мере политической или территориальной границей». Женевская декларация предполагала, что в июле 1956 года будут проведены выборы во Вьетнаме под

контролем комиссии, состоящей из представителей государств, участвующих в контроле за прекращением огня¹.

Выступая с заключительным заявлением на конференции, Молотов демонстрировал удовлетворение: «Подписанные сегодня соглашения имеют важное значение для народов Азии, где потушен еще один очаг войны»². Увы, очаг был потушен ненадолго. 16 июля 1955 года пришла неприятная новость: премьер-министр Государства Вьетнам Нго Динь Зьем, раскритиковав коммунистов, отказался от проведения общевьетнамских выборов. Это не было неожиданностью, но все же существенно снижало значение триумфа Молотова при достижении соглашений в Женеве 1954 года. Вьетнам, как и Корея, раскололся на два государства.

С признанием права ДРВ контролировать половину Вьетнама стратегия сдерживания коммунистов в Юго-Восточной Азии получила сильный удар. Спешно был создан блок «коллективной обороны» Юго-Восточной Азии (СЕАТО), в который вошли США, Великобритания, Франция, Филиппины, Таиланд и Пакистан.

Коммунисты не были намерены останавливаться на рубеже 17-й параллели, для Хо Ши Мина создание единого социалистического Вьетнама было делом жизни. С конца 50-х годов началась партизанская война в Южном Вьетнаме при поддержке Северного, активизировались повстанческие действия в Лаосе и Камбодже. Когда в 1941 году в Южный Вьетнам пришли японцы, это запустило обратный отсчет войны на Тихом океане. Продвижение коммунистов на юг воспринималось американскими лидерами как аналогичная экспансия, направленная на завоевание Юго-Восточной Азии. Американцы, заместившие французов, приняли вызов, превратив Вьетнам в решающее поле битвы между коммунистами и «свободным миром» в Азии. Разделив Вьетнам, Молотов и его оппоненты не смогли урегулировать проблему Индокитая, создав там новую «линию фронта», которая вскоре пришла на смену корейскому фронту. Но в 1954 году благодаря Женеве в борьбе двух миров в Азии наступило затишье. Молотов мог быть доволен результатами своего миротворчества хотя бы на тактическом уровне.

Договорившись с французами по Индокитаю, Молотов принялся обхаживать их в надежде здесь найти слабое звено За-

¹ Советский Союз и Вьетнам в годы первой Индокитайской войны. Женевская конференция. 1954 г. С. 483–500.

² Там же. С. 502.

падного фронта. Были подписаны соглашения об авиационном сообщении с Францией. 30 августа 1954 года парламент Франции провалил ратификацию Европейского оборонительного сообщества. Молотов активно боролся с этим проектом и мог быть удовлетворен. Но оказалось, что это – только переформатирование западноевропейского военного союза в западный военный союз – был взят курс на включение ФРГ в НАТО.

6. ХРУЩЕВ ДЫШИТ В ЗАТЫЛОК: ОТ КИТАЯ ДО АВСТРИИ

В середине 1954 года Молотов находился на пике своего внешнеполитического влияния. Но помимо Маленкова на внешнеполитическую «поляну» стал ступать и Хрущев.

В августе 1954 года в Москву прибыли старые знакомые Молотова Эттли и Бивен. Но теперь они были в оппозиции и приехали не по государственной линии, а по партийной, во главе делегации лейбористской партии. По случаю визита был устроен прием в британском посольстве, куда были приглашены Маленков, Молотов и Хрущев. Последний стал энергично высказываться в духе коммунистической идейности, что воспринималось хозяевами как невежество.

Дебют был неудачен, но Хрущев не собирался останавливаться. 29 сентября он начал свой первый в жизни зарубежный визит – в Китай на торжества по поводу пятой годовщины образования КНР. Биограф Мао Цзэдуна А.В. Панцов в поисках истоков советско-китайского конфликта критикует Хрущева за то, что он, «не соблюдая протокола, лез обниматься и целоваться с Мао, что повергало китайцев в шок, балагурил, рассказывал о любовных похождениях Берии, много обещал и по-купечески много давал»¹. Но, как мы видели, тот же А.В. Панцов критиковал Молотова за излишне холодный прием Мао в 1949 году, так что Хрущев, демонстрируя коммунистическое братство, компенсировал недостатки политики Молотова и Сталина. Результаты визита биограф Мао оценивает ретроспективно, зная о последующем советско-китайском конфликте, но признает, что во время визита Хрущева Мао «не мог так легко освободиться от уважения к “старшему брату”»². Так что поведение Хрущева, встреченное с традиционным китайским гостеприимством,

¹ Панцов А.В. Указ. соч. С. 560.

² Там же. С. 561.

в это время не создало проблем в советско-китайских отношениях, которые еще несколько лет развивались успешно. Итоги визита вполне устраивали Мао. Но продолжение советско-китайского сближения в первые послесталинские годы вызывает у гиперкритиков Хрущева прилив империалистических чувств. Ведь Хрущев «Все сдал!» В.А. Никонов пишет: «Все, что Молотов и Сталин в течение многих лет добивались у Чан Кайши, Рузвельта, Трумэна, Черчилля, Мао, было сдано в один момент. Хрущев отказался от долей в четырех совместных предприятиях, аренды военно-морской базы в Люйшуне, секретных соглашений, предоставлявших Москве привилегии в Маньчжурии и Синьцзяне»¹. Но мы-то помним, что заключенный с Чан Кайши неравноправный договор 1945 года был еще в 1950 году заменен Сталиным при участии Молотова новым договором, который как раз и предусматривал отказ от полученных ранее полуколониальных привилегий. Не удивительно, что по возвращении Хрущева из Китая Молотов не высказывал ему претензий – такова была консолидированная политика советского руководства в отношении Китая. Привилегии СССР в Китае стали анахронизмом и только раздражали Мао. Какой теперь в них был смысл, когда Пекин стал близким союзником Москвы? Союзник должен быть сильным, СССР вкладывался в индустриальную модернизацию КНР. Ведь «русский с китайцем братья навек». Только через несколько лет станет ясно, как переменчивы могут быть отношения между нашими двумя странами.

Впрочем, Хрущев не питал особенных иллюзий в отношении Мао. Он союзник, но такой же кровавый, как и Сталин. Накануне визита председатель КГБ И. Серов представил Хрущеву справку о том, что за время пребывания Мао у власти в Китае было арестовано 2 млн человек, из которых 710 тысяч уничтожено².

Молотов возлагал на Китай большие надежды. Он заявил на совещании с советскими послами в социалистических странах 12 февраля 1955 года: «...когда говорят обо всем лагере социализма и демократии, то руководство это теперь принадлежит не только Советскому Союзу, а вернее Советскому Союзу и Китайской Народной Республике»³. При этом Молотов ссылаясь на

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 372.

² Петров Н.В. Иван Серов – председатель КГБ. М., 2021. С. 219.

³ Цит. по: Липкин М.А. Совет экономической взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства. С. 68–69.

мнение ЦК КПСС, но в документах Президиума ЦК и пленумов ЦК КПСС такой концепции двойного руководства не было. Когда у Хрущева начнутся расхождения с Мао, симпатии Молотова будут на стороне последнего. Характерно, что Молотов в свое время категорически отрицал возможность такого двойного руководства для Балкан. Но тогда это была позиция Сталина, которой Молотов беспрекословно подчинялся. Теперь он занял другую позицию, во многом еще и потому, что видел в Мао твердого сталиниста – в отличие от Тито и даже в противоположность к Тито.

* * *

В октябре 1954 года Молотов направился в Берлин на празднование 10-летия ГДР. 7 октября он выступил с речью, в которой подчеркнул: «Как мы все помним, выражая думы и чувства советского народа, Иосиф Виссарионович Сталин назвал эту знаменательную историческую дату “поворотным пунктом в истории Европы”». А как же создание отдельного германского государства соотносится с задачей объединения Германии, которую СССР отстаивал на Берлинском совещании? А вот как: «Сегодня не может быть сомнения в том, что Германская Демократическая Республика является выразителем лучших, прогрессивных стремлений всего германского народа, что здесь заложены прочные основы создания единой, независимой, демократической миролюбивой Германии»¹. Как ее создать? Через присоединение ФРГ к ГДР? Или все же пожертвовав строительством социализма в ГДР? Вторая возможность советскими руководителями с 1953 года категорически отрицалась. И все же Молотов подтвердил, что СССР поддержит восстановление единства Германии как демократического и миролюбивого государства².

23 октября 1954 года государства НАТО и ФРГ подписали Парижские соглашения о прекращении оккупационного режима в Западной Германии, создании военно-политической организации НАТО, в которую может вступить ФРГ. Она имела право на собственные вооруженные силы кроме атомного оружия, а государства НАТО – на военное присутствие на территории ФРГ уже на правах союзников, а не оккупантов. Соглашения вступали в силу 5 мая 1955 года, а в символический день 9 мая ФРГ вступи-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 124. Л. 42–43.

² Там же. Л. 53.

В.М. Молотов в Лейпциге

12 октября 1954

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1619. Л. 45]

ла в НАТО. Это была последняя капля — через несколько дней был создан восточноевропейский военный союз.

В ответ на подписание Парижского соглашения Молотов организовал 29 ноября — 2 декабря 1954 года в Москве Совещание восточно-европейских стран по сохранению мира и безопасности в Европе, на котором в общих чертах была одобрена идея создания объединенного военного командования. Не только Западу создавать свои блоки, мы тоже можем.

11–14 мая 1955 года в Варшаве прошла учредительная конференция Организации Варшавского договора (ОВД), в которой приняли участие представители СССР и восточноевропейских государств кроме Югославии. В союзном договоре от 14 мая специально оговаривалось, что его подписанты подтверждают «свое стремление к созданию системы коллективной безопасности в Европе, основанной на участии в ней всех европейских государств», но в условиях включения ФРГ в НАТО вынуждены создать свой сугубо оборонительный союз. Специально оговаривалась приверженность «уважению и независимости государств,

а также невмешательству в их внутренние дела»¹. Через полтора года это «невмешательство» сможет почувствовать на себе Венгрия. Создавалось Объединенное командование государств, подписавших договор.

Этот грозный шаг советской внешней политики Молотов мог компенсировать миротворческим успехом – урегулированием австрийского вопроса. Сразу после подписания Варшавского договора его путь лежал в Вену.

Предыстория этого визита связана с первыми серьезными внешнеполитическими разногласиями между Молотовым и большинством членов Президиума ЦК. Подход Молотова увязывал решения германского и австрийского вопросов. Но когда Молотов в феврале 1955 года сказал об этом на сессии Верховного Совета, к нему обратился посол Австрии Н. Бишофф и предложил перевести переговоры в двусторонний формат. Президиум ЦК обязал Молотова согласиться на это, что тот дисциплинированно сделал 25 февраля². Впрочем, австрийский канцлер Ю. Рааб еще с июня 1953 года зондировал через Индию возможность двусторонних переговоров с СССР об урегулировании статуса Австрии и выводе оккупационных войск. Как пишут историки О.В. Павленко и П. Руггенталер, «препятствием на пути к заключению Государственного договора была, как мы сегодня знаем, позиция вновь назначенного министра иностранных дел В.М. Молотова. Он решительно противился выводу войск из Австрии»³. Это знание основано на материалах июльского пленума 1955 года. Дж. Робертс, для которого Молотов является гибким миротворцем, дает понять, что не нужно верить трактовкам июльского пленума, где Молотову досталось совсем за другое, и Австрию к критике Молотова притянули искусственно⁴.

О чем же конкретно шла речь на июльском пленуме по австрийскому вопросу? Микоян там говорил: «Полгода шла борьба, но мы борьбу не обостряли, правильно делали. Тов. Молотов говорил – зачем ослаблять наши позиции в Австрии и выводить войска? Держать их надо. Тов. Булганин сказал – пора кончать!.. 10 лет они там стояли. Каждый год праздновали день освобождения Австрии, а недавно вместо освобождения провели

¹ Правда. 1955. 15 мая.

² Робертс Дж. Указ. соч. С. 208.

³ Россия – Австрия. Вехи совместной истории. М., 2017. С. 191.

⁴ Робертс Дж. Указ. соч. С. 209.

демонстрацию протеста, чтобы мы освободили их от себя. А если завтра австрийцы камнями будут бросать по нашим войскам, что же мы будем стрелять?.. И вот тов. Молотов представил новые предложения. Он еще до январского пленума должен был представить, но не представил. Вот мы как-то шли и разговаривали с ним. Я ему говорю. Вячеслав, не лучше ли в твоей речи, поскольку она программная, и происходит смена председателя Совмина, сказать по австрийскому вопросу, внести по Австрии новое – отделение от Германии. Он сказал – я подумаю. Потом он хорошо сказал в своей речи, даже как-то мы шли втроем, так Молотов говорит – хорошо, что Микоян подсказал мне в отношении отделения Австрии от Германии. Потом внесли предложение, чтобы внести в проект, но Молотов потребовал, чтобы, уходя из Австрии, оставили право ввода туда войск, оставив там какие-то символические войска. То есть сказать, что мы уходим с правом введения своих войск в любое время, когда милитаристы проявят себя.

Хрущев: Одним словом, тогда, когда мы захотим.

Микоян: Это, во-первых, непорядок, во-вторых, это угроза не иметь хороших отношений с нами, наконец, это дело для нас опасно. Американцы организовали там базы, что должно привести к резким столкновениям с американцами из-за Австрии. А если мы этого не сделаем, то проявим трусость и слабость, не используем право ввода войск в Австрию. Вот почему мы единодушно отвергли это предложение. И еще должен добавить. Мы вместе вели переговоры, и тов. Молотов хорошо вел переговоры, он сам был очень доволен, а теперь говорит, что сам никогда не был против. Он настолько убедился в правильности линии ЦК, что сам говорит, что никогда не был против. Это очень хорошо»¹. Нарисованная Микояном картина показывает, что разногласия были, но небольшие и недолго. Тут как раз сказалась молотовская негибкость, а товарищи поправили министра в рабочем порядке. Но к июлю 1955 года противоречия между Молотовым и большинством Президиума ЦК обострились, и Микоян мог преувеличить важность и остроту разногласий по австрийскому вопросу конца 1954 – начала 1955 года, чтобы представить прегрешения Молотова более принципиальными. Однако и Микоян не утверждает, что Молотов противился выводу войск из Австрии решительно. Изменение политики в отношении Австрии стали

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 159. Л. 83–89.

Юлиус Рааб

[Из открытых источников]

результатом скорее деловой дискуссии, чем конфликта. В итоге гибкость советской внешней политики в австрийском вопросе, на которую Молотов согласился под давлением коллег, позволила ему достичь своего последнего внешнеполитического успеха.

12 марта 1955 года МИД СССР выступил с сообщением о переговорах Молотова и Бишоффа, в которых подтверждалось, что «советская сторона не ставит решение вопроса об Австрии в зависимость от решения германского вопроса». Более того, Молотов признал, что если «на Берлинском совещании советская делегация настаивала на том, чтобы отложить вывод иностранных войск из Австрии до заключения мирного договора с Германией», то теперь советская позиция изменилась, и можно вывести оккупационные войска из Австрии, не дожидаясь решения германского вопроса¹.

11 апреля в Москву прибыла австрийская правительственная делегация во главе с Раабом. Его переводчик В. Киндерманн вскоре опубликовал дневниковые заметки об этом визите «Полет в Москву», по-дипломатически сдержанные, но сочно описавшие обстановку переговоров и советских партнеров, включая Молотова. Он принимал австрийцев 12 апреля. Киндерманн так набрасывает его портрет: «У него заметно выпуклый лоб (если не ошибаюсь, у Ленина был такой же) и глубоко запавшие

¹ Правда. 1955. 12 марта.

проницательные глаза... В его речи редко приходится слышать более теплые нотки, но если они слышатся, то звучат искренне. Только один раз он кажется действительно взволнованным: когда он напоминает о разрушениях, причиненных Советскому Союзу войной... Все, что он сказал, было очень продуманно и часто сводилось к самой сущности вопросов. И если во время разговора он как бы сближается с собеседником, то сейчас же вслед за этим он еще больше замыкается. По внешнему виду его можно было бы принять за профессора римского права или высшей математики». У переводчика даже возникло ощущение, что Молотов может задать ему вопрос по математике и поставить двойку за неправильный ответ¹.

Описание других советских лидеров у Киндерманна тоже достаточно доброе, но у каждого подчеркиваются особенности: «премьер-министр Булганин полный, но не тучный мужчина. Он весь любезность, добродушие и доброжелательство. В нем много личного обаяния. Он говорит звучным, низким голосом на прекрасном русском языке и как бы воплощает в себе все лучшие качества своего народа»². Автор характеризует его как тургеневского героя, читай – русского барина, что контрастирует с образом Молотова.

Говоря о западных подозрениях в агрессивных намерениях СССР, Булганин привел такую аллегорию: «Я помню, как, однажды, наш преподаватель физики вылил на стол из бутылки какую-то жидкость и обещал поставить хорошую отметку тому, кто быстро сможет определить ее запах. Выскочкам и честолобцам мерещились разные запахи, и они давали самые разнообразные ответы. Всем им поставил “неудовлетворительно”, так как это была вода, не обладавшая никаким запахом»³. Действительно, это был один из самых миролюбивых периодов советской внешней политики.

Киндерманн много внимания уделяет кремлевскому гостеприимству, которое является и прагматичным средством внешней политики – от сытых и хмельных гостей легче добиться уступок. Этот сталинский урок советские руководители хорошо

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 123. Л. 91.

² Там же. Л. 95.

³ Там же. Л. 144.

*Вячеслав Михайлович
Молотов
1955
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2.
Д. 1599. Л. 36]*

усвоили. Еще перед встречей с Молотовым австрийских гостей плотно покормили с алкоголем¹.

Переговоры начинались туго. Австрийцы хотели сначала договориться об основах итогового Государственного договора, а Молотов считал, что им нужно закончить². Сначала нужно обсудить другие вопросы: сроки и порядок вывода войск, судьбу осужденных советскими судами австрийских граждан, отказ от создания иностранных военных баз в Австрии и ее вступления в военные союзы, экономические вопросы. Молотов выступил за вывод войск через шесть месяцев после заключения договора, австрийцы за три. Сошлись на том, что это должно произойти не позднее 31 декабря 1955 года³.

Киндерманн считал, что «с советской стороны это не что иное, как отступление с боем»⁴. Но первоначальное предложение Молотова позволяло вывести войска даже до середины ноября. Так что отступили австрийцы. 14 апреля Молотов заявил о готовности вывести войска даже через три месяца после ратификации

¹ Там же. Л. 96.

² Там же. Л. 97.

³ Там же. Л. 99.

⁴ Там же. Л. 100.

Государственного договора и не позднее 31 декабря 1955 года. Он обещал, что будут амнистированы все австрийские граждане, кроме 70, которых передадут для отбывания наказания в Австрии, и 40 шпионов, которых вернут в Австрию после вывода советских войск¹.

Рааб уверял, что Австрия и так не намерена предоставлять иностранным державам базы и вступать в союзы. Молотов добавлял: «Необходимо выяснить вопрос о предотвращении возможности союза Австрии с Германией»². Договорились, что Австрия будет придерживаться такого же нейтралитета, как Швейцария³.

По итогам первого дня «возможные результаты переговоров, кажется, наметились уже достаточно ясно. Несомненно, налицо готовность Советского правительства отказаться от Австрии как в политическом, так и в военном и экономическом отношении, но также, несомненно, только при условии, если другие державы не заполнят образовавшийся таким образом вакуум, то есть сами не займут освободившегося места. В дальнейшем эта тенденция будет красной нитью проходить через все переговоры и окажет на них решающее влияние»⁴.

Экономические переговоры велись с Микояном, которому Рааб говорил приятные вещи в связи с его национальностью: «При случае Федеральный Канцлер сказал ему, что в Вене говорят, что в торговых делах десять евреев стоят одного грека, а десять греков – одного армянина»⁵. Вероятно, в Афинах или Тель-Авиве австрийский дипломат рассказал бы другой анекдот. Договорились о выплате Австрией Советскому Союзу компенсации в 150 млн долларов как эквивалента германской собственности в Австрии. Были обговорены также вопросы нефтедобычи и нефтепереработки, передачи Австрии Дунайской судоходной компании. В качестве компенсации за эту собственность Микоян согласился принять плату в форме товарных поставок. Австрийцы готовы поставить 10 млн тонн нефти в срок до 10 лет⁶.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 123. Л. 132.

² Там же. Л. 101.

³ Там же. Л. 118.

⁴ Там же. Л. 103.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 104, 133.

От Киндерманна не укрылись некоторые трения между Молотовым и Микояном: «Микоян хочет возразить, но я слышу, как Молотов говорит ему, что политические соображения должны превалировать над экономическими»¹. Молотов настаивал, чтобы передаваемые Австрии советские активы (включая Дунайскую кампанию и нефтедобычу) остались австрийской собственностью, что создавало бы определенные трудности для проникновения в Австрию иностранных капиталов².

Переговоры перемежались приемами, где Молотов появился с женой. Киндерманн охарактеризовал Жемчужину: «Г-жа Молотова – дама с тонким интеллигентным лицом, очень женственная, небольшого роста»³.

Прием в Екатерининском зале Кремля австриец назвал «лукулловым пиром». Молотов произнес речь в честь будущей советско-австрийской дружбы. На банкетах, как было заведено еще при Сталине, произносилось множество тостов, во время которых было принято вставать. «Вице-канцлер в одном из своих остроумных выступлений заметил, чтобы развеселить русских, что все это время повторяющееся вставание он рассматривает как своего рода гимнастику, которая практически способствует усвоению многочисленных вкусных блюд русской кухни, и таким образом все время освобождается место для последующих блюд»⁴, – пишет Киндерманн, и добавляет: «Водка для нас стала также привычна, как дома венское пиво»⁵. Молотов заметил, что канцлер наполняет рюмку минералкой и сделал замечание: так нельзя⁶.

Алкоголь и осознание того, что соглашение практически достигнуто, раскрепостило представителей двух стран. Обыгрывая фамилию австрийского посла, Молотов предлагал переименовать Бишоффа в Аркбишоффа (то есть архиепископа) или даже Патриарха⁷.

«Потом речь произносит Хрущев. Эта речь, несомненно, является наиболее интересной из всех, так как свободна от всяких

¹ Там же. Л. 134.

² Там же. Л. 119.

³ Там же. Л. 106.

⁴ Там же. Л. 109.

⁵ Там же. Л. 126.

⁶ Там же. Л. 139.

⁷ Там же. Л. 140.

условностей... Он говорит в шутливом тоне, за которым часто слышится суровый подтекст. Иногда трудно определить, где кончается шутка и начинается разговор всерьез... Его отличительными чертами, несомненно, являются сконцентрированная грубая энергия и большая жизнеспособность. Он, безусловно, очень умный человек – здесь, в этом кругу, они все намного выше среднего уровня, – но он, очевидно, к тому же эмоционален и поддается чувству. По темпераменту он, должно быть, сангвиник. Он может быть верным другом, но иметь такого врага, пожалуй, никому не пожелаешь. Он – гоголевский Тарас Бульба. Тому, кто его не понимает, можно посоветовать перечитать это произведение¹. Скоро Молотов будет иметь такого врага.

Раабу как честному человеку Хрущев предложил стать коммунистом. Все засмеялись. «Не смейтесь, господин Рааб, – говорит он. – Поверьте мне, взгляды, которых я придерживаюсь, правильны. Но если я уж не могу Вас убедить, то оставайтесь, ради бога, тем, кто Вы есть. Мы не будем этому препятствовать. Мы знакомы с австрийскими условиями. Мы дадим возможность австрийскому народу жить так, как он этого хочет». Дальше Хрущев говорил о преимуществах коммунистического мировоззрения и недостатках капиталистического мира. «Мой отец, – говорит он, – всю свою долгую жизнь изо всех сил старался стать капиталистом; мальчишкой я ему даже помогал в этом, но, слава богу, его старания не увенчались успехом». Это откровение о мелкобуржуазной юности Хрущева отсутствовало в его официальной биографии. «Товарищ Молотов и Микоян заключили с Австрией соглашение, – продолжает он, – мы проверим его. И если оно неверно составлено, то привлечем товарищей Молотова и Микояна к ответственности. Он не называет тех, кого следует иметь в виду под словом “мы”, он не объясняет также, следует ли это понимать как шутку². В каждой шутке есть доля шутки.

Киндерманн фиксирует тот стиль общения между советскими лидерами, который характерен для периода коллективного руководства: «Если присмотреться к занимающим высшие должности советским политическим деятелям и манере их общения друг с другом, то приходишь к выводу, что все умозрительные заключения западного мира о том, кто из них стал преемником

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 123. Л. 140.

² Там же. Л. 141.

Сталина, являются праздным занятием. Не может быть никаких сомнений в том, что его место пока свободно. Все эти люди обладают ярко выраженными характерами, и любой из них может – как это всегда бывает там, где собирается несколько мужчин, – благодаря тому или иному качеству своего характера временно выдвинуться на передний план, но никоим образом не создается впечатление, что один из них управляет остальными»¹. Перед лицом австрийских гостей члены Президиума ЦК скрывали (как мы видели – не полностью) свои разногласия и эмоции, связанные с борьбой за лидерство. Следующий ее виток станет началом падения Молотова.

15 апреля был подписан советско-австрийский меморандум о согласии СССР на подписание Государственного договора по Австрии. При этом оговаривались австрийский нейтралитет и советские экономические интересы при передаче Австрии собственности, находившейся в советских руках во время оккупации².

14 мая в Вену прибыли министры иностранных дел четырех держав для подписания Государственного договора, который возвращал Австрии суверенитет. Молотов на правах председателя быстро провел финальное согласование многократно обсуждавшегося Государственного договора, а затем словно карту из рукава вынул проект декларации о нейтралитете Австрии и потребовал ее подписать. Этим он мог вызвать скандал – ведь договорились, что Австрия сама провозгласит свой нейтралитет после восстановления ее суверенитета. Западные партнеры отказались отступать от порядка дня. Настаивать он не мог – в Москве ждали подписания договора, так что Вячеславу Михайловичу пришлось отступить. 15 мая состоялось торжественное подписание Государственного договора во дворце Бельведер. Толпы австрийцев собрались около него. Министры вышли на балкон, и австрийский министр А. Фигль продемонстрировал документ ликующим жителям Австрии.

Поскольку министры встретились в Вене, да еще при таких благоприятных обстоятельствах, как урегулирование одной из послевоенных проблем, Молотов завел речь о предстоящей встрече в верхах. Договорились летом провести такую истори-

¹ Там же. Л. 143.

² См.: СССР – Австрия. 1938–1979 гг.: Документы и материалы. М., 1980. С. 60–64.

ческую встречу – первую за 10 лет – в Женеве. Туда Молотов поедет уже «хромой уткой».

7. ЮГОСЛАВСКИЙ КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Партаппарат, руководимый Хрущевым, начал пристреливаться по Молотову еще в начале 1955 года, подловив его на идеологической неточности. В своем выступлении на сессии Верховного Совета СССР 8 февраля Молотов упомянул о том, что в СССР «уже построены основы социалистического общества». Что это значит? Социализм еще не построен? Только основы? Нет уж, товарищ Молотов, правильно говорить о «построении в основном социалистического общества». Молотов, который считал себя докой в марксистско-ленинской теории, отвечал 18 мая: «Разумеется, дело завершения строительства социалистического общества и перехода от социализма к коммунизму – достаточно длительный процесс и связано с достижением значительно более высокого экономического уровня, с дальнейшим повышением уровня коммунистического воспитания людей, а также с соответствующими международными условиями». Оказывается, построение социализма, которое они со Сталиным провозгласили свершившимся фактом еще в 30-е годы, является делом будущего. Коллегам по Президиуму эта мысль не понравилась. Если так, то основы идеологической работы придется переделывать, объяснять народу, что еще не при социализме живем. Ну, оговорился Вячеслав Михайлович, ну надо поправиться. А он тут развел схоластику в свое оправдание! Пришлось Молотову писать опровержение в «Коммунисте»: «Считаю свою формулировку по вопросу о построении социалистического общества в СССР, данную на сессии Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 года, из которой можно сделать вывод, что в Советском Союзе построены лишь основы социалистического общества, теоретически ошибочной и политически вредной»¹. Характерно, что здесь употреблен штамп, который совсем недавно был использован Молотовым против Маленкова, возможно он за этим и проследил в порядке реванша.

Помощник министра Трояновский вспоминал: «Молотов не мог примириться с тем, что Хрущев, которого он считал дилетантом во внешней политике, захватил инициативу, оттеснив

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 374.

его, признанного мастера дипломатии, на второй план. И при всей своей выдержке наш министр стал нервничать. В некоторых случаях он открыто критиковал Хрущева». Хрущев пошел в обход: «Мне пришлось наблюдать, как Хрущев обратился к руководящим работникам МИДа – там присутствовали, если память мне не изменяет, заместители министра Громыко, Зорин и Семенов и член коллегии Ильичев – и принялся их критиковать. Почему так получается, говорил он, что на заседаниях Президиума ЦК один Вячеслав Михайлович всегда выступает по вопросам внешней политики? А где все другие коммунисты Министерства иностранных дел? Почему они молчат? Видимо, ваша ведомственная дисциплина выше партийной. Молотов, кажется, приучил вас держать язык за зубами. И далее в таком же духе»¹. Подчиненные взяли под козырек – если Молотов на мушке у руководителя партаппарата, не стоит становиться на линию огня. Ведь кто-то должен руководить внешней политикой и после Молотова.

Ключевым разногласием, которое привело к столкновению Хрущева и Молотова, стал вопрос о сближении с Югославией. Молотов считал установленный в 1953 году уровень отношений с Югославией достаточным, а Хрущев – нет. Мышление обоих лидеров определялось приоритетом коммунистической идеологии, но понимали они ее по-разному.

После того, как с Югославией были установлены такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами, Президиум ЦК поручил Молотову пойти дальше, прозондировать с югославским послом Д. Видичем возможность восстановления не просто нейтральных, а дружественных отношений. 21 января 1954 года Молотов нехотя встретился с Видичем, говорил с ним сухо, а коллегам по Президиуму сказал, что ничего не вышло. Сторонники сближения с Югославией Хрущев, Микоян и Маленков на этом не остановились. 31 мая было принято решение Президиума ЦК добиваться возвращения Югославии в «демократический лагерь», для чего вступить в переговоры с Союзом коммунистов Югославии (СКЮ, как теперь называлась югославская компартия), «сообщив ему мнение ЦК КПСС о том, что если руководство СКЮ не на словах, а на деле намерено следовать учению марксизма-ленинизма и бороться за социализм, за сохранение и упрочение мира, то нет основания для состояния

¹ Трояновский О.А. Указ. соч. С. 200–201.

вражды между СКЮ и КПСС, а есть все основания для установления взаимного сотрудничества в интересах мира, социализма и дружбы между народами Советского Союза и Югославии»¹. Это решение выходило за рамки тех отношений с Югославией, которые считал нормальными Молотов.

22 июня от имени ЦК КПСС было направлено письмо Тито и ЦК СКЮ, в котором говорилось, что «существуют известные условия для улучшения отношений между нашими странами». Исследовав обстоятельства начала конфликта, советские руководители обнаружили, что было допущено множество ошибок в отношении югославских коммунистов, и вообще в конфликте виноваты прежде всего Джилас с югославской стороны (он как раз в это время был низвергнут из югославского руководства) и Берия с Абакумовым – с советской. Для выяснения этих вопросов предлагалось провести встречу представителей двух партий². Письмо было подписано Хрущевым, так как переговоры планировались по партийной линии.

11 августа от Исполкома СКЮ поступил положительный ответ. Правда, югославы сразу отметили, что дело не в отдельных личностях, скажем Джиласа. Причины конфликта глубже³. В советском руководстве с таким подходом был согласен как раз Молотов – дело не в Джиласе или Берии, дело в принципиальных разногласиях сторонников Сталина и Тито.

В ходе дальнейшего обмена письмами стороны, осторожно полемизируя, все же двигались навстречу решению о том, что нужно провести переговоры на высшем уровне. Молотов позволил себе публично вставить палки в колеса этого сближения по партийной линии. Выступая 8 февраля на сессии Верховного Совета СССР, той самой, что отправила в отставку Маленкова, Молотов заявил: «Югославия за последние годы в какой-то мере отошла от тех позиций, на которые она встала в первые годы после окончания Второй мировой войны». То есть от строительства социализма и дружбы с СССР. Сказано осторожно, но понятно, что дело в отходе Югославии от правильного курса, а не в поведении советской стороны. 7 марта Тито раскритиковал это выступление Молотова за попытку «скрыть факты от своего народа», а затем последовало невероятное – 10 марта «Правда» изложила

¹ Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг. С. 563.

² Там же. С. 564–566.

³ Там же. С. 574.

*Георгий Константинович
Жуков
1950-е
[Из открытых источников]*

речь Тито, включая антимолотовские пассажи, без комментариев¹. Это был «привет» Молотову от сторонников сближения с Югославией в Президиуме ЦК. Дальше – больше: 8 мая вышла статья Жукова к 10-летию Победы, где, в частности, говорилось: «Исключительную стойкость в борьбе за освобождение своей родины, за общее дело разгрома фашизма, проявили народы Югославии под руководством маршала Тито... Эта радость была омрачена впоследствии теми размолвками, которые возникли между нашими государствами. Мне как солдату, участвовавшему в совместной борьбе наших народов против фашизма, хочется выразить пожелание, чтобы эти размолвки были как можно скорее ликвидированы, и чтобы между нашими странами снова восстановились дружественные отношения». Конечно, эти реверансы не были вызваны простой ностальгией по дням былым. Попробовал бы Жуков высказать такие пожелания при Сталине. Молотов был возмущен. С Жукова какой спрос, он – военный, а не самостоятельный политик. Но ведь статью санкционировали политики. А это мог сделать «не ленинец, а обыватель». Обидно говорите, Вячеслав Михайлович! Кого Вы имели в виду? Президиум ЦК оценил эти слова как «антипартийную выходку»². Но

¹ Там же. С. 612.

² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 41–42, 889.

Молотов продолжал настаивать, чтобы в директивы советской делегации на переговорах с югославами были включены требования о выходе Югославии из Балканского пакта, присоединении к Варшавскому договору, возобновлении действия советско-югославского договора 1945 года.

19 мая вопрос обсуждался на Президиуме ЦК. Молотов возмущался по поводу статьи Жукова: «Красную армию создавал Троцкий, однако мы его не прославляли». Но Молотову пришлось признать, что в полемике по югославскому вопросу он был слишком резок. Микоян комментировал: «Нельзя бросаться обвинениями “антиленинец”». Вероятно, Молотов так назвал Хрущева. Каганович поддакивал: «Что не ленинского в позиции по Югославии?» Сабуров назвал не ленинской уже линию самого Молотова. Маленков тоже не упустил момента для реванша за молотовскую жесткость в январе: «По Югославии успешнее было бы решение, если бы не уговаривали т. Молотова». И поведение его недисциплинированное. Ворошилову тоже не нравилось, что Молотов «раздраженно ведет себя». Молотов не признавал недисциплинированности – все-таки эти споры велись в узком кругу, но признал: «“Не ленинское” – это сгоряча». Хрущев подвел итог: «Осудить такое проявление. Тов. Молотов неправильно вел себя».

Теперь у Хрущева и Микояна были развязаны руки по югославскому вопросу. Микоян формулировал: «Отменить неправильные положения в решениях Коминформа. Поручить подготовить компартиям предложения об отмене неправильных оценок». Но Молотов продолжал упираться: «В 1948 году югославы отошли от позиции народной демократии на путь буржуазно-националистический. Югославы пытаются ослабить наш лагерь». Микояну было, что ответить: «Капиталистический класс не восстановили, кулака ограничили. Отход больше идеологический, контроля США в Югославии нет». Хрущев считал, что есть надежда договориться с югославами по партийной линии¹. При обсуждении 23 мая Молотову удалось добиться лишь включения в директивы положения о том, что КПСС оставляет за собой право на критику СКЮ. Коллеги не приняли даже его предложение добиваться отказа от преследования сторонников СССР в Югославии. Это ведь вмешательство во внутренние дела. Нельзя же

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 41–43.

симметрично гарантировать отказ от преследования титоистов в СССР.

Молотов считал: «Совместное коммюнике по партийной линии неприемлемо», он даже требовал исключить из директив утверждение, что «с Югославией мы можем сотрудничать более тесно, чем с капиталистическим государством». Молотов высказался в духе черно-белой картины мира, без полутонов: «Какое же государство Югославия? Другого нет государства (пролетарское и буржуазное)». Также Молотов раскритиковал речь, которую должен был произнести Хрущев. Вячеслав Михайлович был недоволен, что «все берется на себя» – то есть ответственность за разрыв 1948 года. Но Микоян и Маленков заступились за речь, тем более, что на себя нынешний Президиум ответственности не брал – планировалось свалить все даже не на Сталина, а на Берия и Абакумова. Маленков считал, что нужно «освободиться от своих слабостей сразу»¹. Молотов понимал, что в этом случае могут освободиться и от него, как главного из виновников разрыва с Югославией, оставшегося в советском руководстве. Учитывая его роль в тех событиях, в Белград Вячеслава Михайловича решили не брать.

26 мая, прибыв в Белград, Хрущев выступил на аэродроме с речью, в которой показал югославским лидерам, что считает их товарищами. Была оглашена принятая Президиумом ЦК КПСС формула: «Мы искренне сожалеем о том, что произошло, и решительно отмечаем все наслоения этого периода. Со своей стороны к этим наслоениям мы с несомненностью относим провокаторскую роль, которую сыграли в отношениях между Югославией и СССР ныне разоблаченные враги народа – Берия, Абакумов и другие. Мы обстоятельно изучили материалы, на которых основывались тяжкие обвинения и оскорбления, выдвинутые против руководителей Югославии. Факты показывают, что эти материалы были сфабрикованы врагами народа, презренными агентами империализма, обманным путем пробравшимися в ряды нашей партии»².

Обида, нанесенная югославам, была глубока, растопить лед было тяжело, но Хрущев старался. Откровенный по форме разговор Никита Сергеевич начал уже в автомобиле, на котором с Тито ехал из аэропорта. Хрущев и другие члены делегации на

¹ Там же. С. 44–46.

² Там же. С. 893–894.

переговорах жаловались Тито и его товарищам, какая обстановка сложилась при Сталине, что им пришлось претерпеть. А теперь другие времена, нечего дуться, давайте мириться. Но «оголяться перед врагом» по поводу Сталина Хрущев не хотел, тем более, что Сталин был «гениальным человеком». Хрущев то критиковал югославские идеологические позиции об отмирании государства, то лояльно высказывался о рабочих советах. Ему было важно через панибратство и показную откровенность (которая не мешала держаться фантастической версии об ответственности Берии, а не Сталина и Молотова за конфликт) вовлечь Тито в их братство «социалистического лагеря». Но югославские лидеры определенно заявили, что в лагерь больше не хотят, а улучшать отношения на прочной экономической основе – готовы¹. 2 июня была принята правительственная декларация двух государств. Стороны отметили сходство в их миролюбивом внешнеполитическом курсе и анонсировали дальнейшее сближение. Оно проявилось в серии соглашений, прежде всего экономических и культурно-гуманитарных, заключенных во второй половине 1955 – первой половине 1956 года.

6 июня 1955 года Хрущев, довольный визитом, докладывал о нем на Президиуме ЦК. Молотову сближение с югославскими ревизионистами было как нож острый, и на заседании 8 июня он заявил коллегам, что не считает поведение делегации в Югославии основанным «на позициях марксизма-ленинизма». Это было даже жестче, чем прежняя реплика об антиленинской позиции, которую он взял назад. Первым ему возразил Каганович, и обвинил МИД в пассивности в отношении Югославии. Вот теперь достигли хороших результатов, когда Хрущев взялся за дело. Что же, раз Молотов настаивает на своих политических обвинениях, Микоян предложил вынести разногласия на пленум ЦК: «Сказать, что есть две точки зрения. Есть разногласия в партии (сказать пленуму)»². После этого Молотов получил порцию обвинений: его позиция продиктована обидой, «закусил удила», разногласия шире, чем вопрос о Югославии. Шепилов с теоретической солидностью опроверг тезис о буржуазности государства Югославия – это народное государство, Суслов припечатал: «итоги переговоров полностью опрокинули непартийную позицию т. Молотова».

¹ Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг. С. 637–640.

² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 52.

Отвечая на этот град обвинений, Молотов признал, что «результаты поездки большие и положительные». Но по партийной линии не добились результатов, и не могли добиться: «Наши отношения с Югославией ухудшились из-за националистического уклона, а не из-за Берия», «югославы национальные интересы ставят выше интересов СССР и нашей партии». Молотов даже не понимал, насколько шовинистически это звучит – все «братские партии» должны ставить интересы СССР выше интересов своих стран. Хрущев подвел итог: «Записать, что т. Молотов имеет свою точку зрения и ее осуждаем»¹.

Молотов не мог не понимать, что, противопоставив себя участникам делегации во главе с Хрущевым и Булганиным, он не просто останется в меньшинстве, но может вообще стать отщепенцем, изгнанным из руководства, а то и похуже – судьба Берии была памятна. Почему Молотов решился на этот демарш? Во-первых, для него это действительно было делом принципа: сближение с югославским пониманием марксизма-ленинизма было невозможно без отхода от идеологического канона, выработанного при Сталине при участии самого Молотова. Он гордился своим твердым идейным большевизмом и ролью его хранителя, опасался, что Хрущев под влиянием Тито пойдет по пути ревизионизма, к которому и так уже склонен Микоян. Во-вторых, сближение с Тито дискредитировало Молотова, виновного в развязывании конфликта, и вело к ослаблению его позиций вплоть до исключения из руководства в недалекой перспективе. Чего тянуть? Может быть, дать сейчас решительный бой и занять место главного борца с ревизионизмом в КПСС? Если недовольство идейным курсом Хрущева будет нарастать, именно Молотов станет центром консолидации недовольных. В-третьих, Молотов не без оснований рассчитывал на свою мировую известность и популярность в стране, которые не дадут ревизионистам Хрущеву и Микояну расправиться с ним сразу. А значит у него есть время, за которое выяснится, что с Тито нельзя договориться на советских условиях, и внешнеполитический провал Хрущева подтвердит правоту Молотова и укрепит его позиции.

За время, оставшееся до пленума ЦК КПСС, у Молотова была возможность еще сильнее укрепить свой авторитет – он направился в заранее запланированную поездку в Сан-Франциско на 10-летие создания ООН. Догадываясь, что это может быть его

¹ Там же. С. 52–54.

последняя зарубежная поездка, Молотов проехал через США от Нью-Йорка до Сан-Франциско на поезде. Советский дипломат А. Добрынин, который тогда был помощником Молотова, вспоминал: «Мы проехали по железной дороге три дня и две ночи. На станциях собиралось много любопытствующих, желавших увидеть “живого Молотова”. Холодная война была в разгаре, но поездка прошла, к счастью, без всяких эксцессов или инцидентов. Лишь на остановке в Чикаго, где живет много эмигрантов славянского происхождения и где находилось руководство профсоюзов, враждебно настроенных против СССР, собралась довольно большая толпа, которая, когда Молотов выглянул из окна, начала громко кричать: “Бу-у-у...” (но без других проявлений прямой враждебности)»¹. В общем, это были уже не худшие времена советско-американских отношений, предстояла встреча в верхах, так что со стороны американцев к Молотову было больше любопытства, чем враждебности, и его визит должен был закрепить эту тенденцию. Пресс-конференция Молотова закончилась под аплодисменты².

Молотов выступал в Генеральной Ассамблее как один из основателей ООН, все еще руководивший внешней политикой своего государства. Это была хорошая возможность выступить с изложением официальной позиции СССР, в том числе – за объединение Германии.

Заканчивалось согласование этапного для ООН решения – вступления в организацию 18 государств, которые раньше не могли сделать этого из-за противостояния Холодной войны (такие, как Испания, Португалия и зависимые от СССР государства) или недавно получили независимость, как Ливия, Лаос и Камбоджа. Они войдут в ООН до конца года, что сделает организацию универсальной площадкой мировой политики. Правда, за бортом ООН пока оставалась гигантская КНР. Был задержан прием в ООН Японии и Монголии. Но все же времена, когда СССР не признавал ООН, уходили в прошлое, и визит Молотова в Сан-Франциско подчеркивал это.

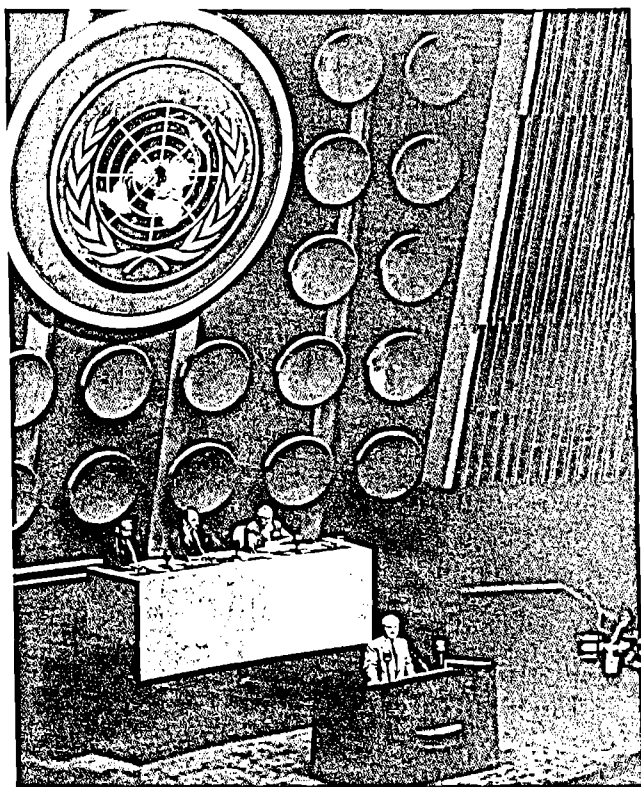
По возвращении в Москву Молотову предстояло держать ответ за свою позицию по югославскому вопросу на пленуме ЦК

¹ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 1996. С. 18.

² Федоренко Н.Т. Записки дипломата. Работа с Молотовым // Новая и новейшая история. 1991. № 4. С. 75–77.

*В.М. Молотов
выступает
на сессии
Генеральной
Ассамблеи ООН
20 сентября
1955
[РГАСПИ. Ф. 82.
Оп. 2. Д. 1622.
Л. 12, 13]*

4–12 июля. В докладе Хрущев сообщил о разногласиях, и затем Молотову было предоставлено слово для развернутого выступления. Его неоднократно перебивали, но Вячеслав Михайлович гнул свою линию: «Мы все хотим улучшить отношения Советского Союза с Югославией, при этом мы стремимся укрепить международные позиции Советского Союза и всего социалистического лагеря и соответственно ослабить международные позиции империализма»¹. Конечно, Молотов за то, чтобы ослабить связь Югославии с империализмом, а лучше вообще разорвать ее. Но для этого должны быть устранены причины советско-югославского конфликта, которые Молотов видит в поведении югославской стороны. Они «заняли определенно националистические позиции и встали на путь откола от единого социалистического лагеря». Тито, Кардель и другие югославские руководители скатились «на антисоветские позиции правых социалистов»². Молотов настаивал, что, принимая резолюцию Коминформа, «в основном правильно оценивали положение»³. Молотов признал ошибочность тактики в отношении Тито и его сторонников, переложив ответственность на вождя: «...в то время Сталин исходил из следующего: если наша партия сразу твердо и решительно не только осудит эти взгляды, но и призовет к смене руководства в компартии Югославии, то это так и произойдет». В результате неудачи в борьбе с Тито получился перегиб: «Исходя из этой неправильной установки, югославские руководители – Тито, Кардель и другие стали рассматриваться не только как ненадежные коммунисты, поддавшиеся идеологии буржуазного национализма, но и были объявлены фашистами, шпионами, убийцами и прочее». Резолюция 1949 года «затруднила разоблачение буржуазно-националистических тенденций в руководстве компартии Югославии»⁴.

Такая картина делала Молотова не столько соучастником, сколько свидетелем развязывания советско-югославского конфликта. Когда Сталин умер, именно Молотов исправил его ошибки и вернул отношения с Югославией в правильное русло. Но дальше сближаться с Югославией нельзя: «Разрыв отношений коммунистической партии Югославии с другими коммуни-

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.

² Там же. Л. 2–3.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 14–15.

стическими партиями означал, что Югославия ушла из лагеря народно-демократических стран». Но коллеги не соглашались, перебивали:

Сабуров: Не она ушла, а ее ушли.

Молотов: Я свое мнение излагаю.

Хрущев: А мы свое так же излагаем.

Молотов повторил фразу и продолжил доклад¹.

Молотов прямо противопоставил свое мнение позиции большинства Президиума ЦК: «Однако позиция, занятая Президиумом ЦК по югославскому вопросу, мне кажется, исходит в двух отношениях из неправильной позиции: во-первых, относительно оценки причин, вызвавших разрыв отношений между КПСС и компартией Югославии и, во-вторых, относительно возможной базы для сближения между СССР и Югославией»².

Однако, когда Молотов попытался углубить понимание причин советско-югославского конфликта, это обернулось против него. Ведь если дело не в Берии и Абакумове, то значит – в Сталине и Молотове, о чем сказал Хрущев, перебив Молотова. Затем состоялся такой диалог:

«Молотов: Это новое.

Хрущев: Почему новое?

Молотов: Мы подписывали от имени ЦК партии.

Хрущев: Не спрашивая ЦК.

Молотов: Это неправильно.

Хрущев: Это точно.

Молотов: Вы можете говорить сейчас то, что вам приходит в голову.

Хрущев: Даже не спрашивая членов Политбюро. Я – член Политбюро»³.

Выступать от имени ЦК, не советуясь с Политбюро – серьезное нарушение устава. Но Молотов ушел от этого вопроса и продолжал настаивать: «Нельзя забывать о том, что основной и действительной причиной разрыва был переход руководства югославской коммунистической партии с позиций коммунизма на позиции национализма, а не просто чьи-то интриги, которые, разумеется, также играли свою роль»⁴.

¹ Там же. Л. 16.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Л. 23.

⁴ Там же. Л. 24.

Суть противоречия заключалась не только в том, какими были настоящие причины советско-югославского конфликта, а что можно сказать югославам. Если продолжать обвинять их в национализме, то нормализовать даже межгосударственные отношения будет очень сложно. Поэтому можно списать все на интриги врагов и перевернуть страницу. Но упрямый Молотов настаивал на том, чтобы продолжать в лоб критиковать Тито, возлагая на него ответственность за разрыв. А тогда этот разрыв не удастся преодолеть.

Молотов напоминал, что с 1948 года не только советские коммунисты перегнули палку в отношении югославских, но и югославские не стеснялись в выражениях. В ноябре 1952 года VI съезд КПЮ охарактеризовал СССР как «новую агрессивную империалистическую силу, претендующую на мировую гегемонию». На что Хрущев прокомментировал: «Теперь бы надо наши выступления процитировать»¹. Но Молотов продолжал цитировать обидные для СССР югославские заявления, и Хрущев снова прервал его: «Вячеслав Михайлович, немножко от враждебного нам в этом отношении пахнет. Вячеслав Михайлович, если Вы, как министр иностранных дел, проанализировали бы целый ряд наших шагов, то мы мобилизовали против себя людей. Корейскую войну мы начали. А что это значит? Это все знают.

Микоян: Кроме наших людей в нашей стране»². Такая критика советской внешней политики даже в узком кругу членов ЦК была довольно смелой и настраивала делегатов на разоблачение сталинской внешней политики и одного из ее творцов Молотова.

Однако Молотов вопрошал: «Как совместить позицию Коммунистической партии Советского Союза, сущность которой выражается в борьбе за коммунизм, с позицией Союза коммунистов Югославии, исходящей из того, что в СССР победил не социализм, а государственный капитализм и что внешняя политика СССР всего лишь одна из разновидностей политики империализма?!»³ Большинство Президиума ЦК надеялось, что добрый пример советских коммунистов заставит и югославских отказаться от крайностей в критике. В ближайший год так и будет происходить. Но в долгосрочной перспективе, как и доказывал Молотов, идеологические разногласия КПСС и СКЮ окажутся непреодолимыми.

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 158. Л. 26.

² Там же. Л. 29.

³ Там же. Л. 41.

Вскоре в этом убедится и Хрущев, с 1958 года возобновится острая полемика между советскими и югославскими коммунистами. Взгляды Хрущева были ближе к Сталину и Молотову, чем к Тито и Карделю. Однако для Хрущева преодоление конфликта 1948 года было частью более широкой политики освобождения от сталинского наследия. В этом отношении разногласия Молотова и Хрущева были принципиальными. Нужно было перевернуть страницу, «испачканную» Сталиным и Молотовым, сблизиться с Тито настолько, насколько он будет идти навстречу обновленному курсу КПСС. А там видно будет. Это будет уже новая ситуация, не отягощенная сталинским наследием. Это будет внешняя политика Хрущева.

Молотов на июльском пленуме вынужден был признать первые успехи этой новой политики: «Считаю правильным упрек, что с моей стороны, как министра иностранных дел, не было принято достаточных мер для улучшения советско-югославских отношений, и инициатива в этом деле принадлежит Президиуму ЦК и прежде всего тов. Хрущеву. Правильно, что я не сразу согласился с целесообразностью поездки именно в Белград. Были на этот счет сомнения и у других членов Президиума ЦК, но у меня не было сомнений в том, что встреча руководящих советских и югославских работников назрела.

Хрущев: Это неверно.

Молотов: Подготовка к этой встрече с общего согласия в Президиуме ЦК началась еще в прошлом году...

Считаю нужным сказать, что я считал раньше и теперь также считаю, что совместная советско-югославская декларация от 2 июня является большим достижением и хорошим результатом работы нашей делегации в Югославии.

Хрущев: Которую мы одержали в борьбе с тобой.

Молотов: Это неправильно, конечно.

Хрущев: Это точно.

Молотов: У меня были и остаются сомнения в правильности подхода к югославскому вопросу в настоящих условиях по двум таким важным вопросам, о которых я говорил...¹

Хрущев: Выходит, все солдаты идут не в ногу, один Молотов идет в ногу»².

Пленум осудил «политически неправильную позицию т. Молотова по югославскому вопросу как не соответствующую инте-

¹ Там же. Л. 55–57.

² Там же. Л. 63.

*Екатерина Алексеевна
Фурцева*

[Из открытых источников]

ресам Советского государства и социалистического лагеря и не отвечающую принципам ленинской политики»¹. В прежние годы его могли бы в лучшем случае снять с поста. Но Хрущев решил действовать постепенно, в стиле дискуссий 20-х годов. Молотов остался членом Президиума ЦК КПСС.

Материалы пленума было решено обсудить в партийных организациях. 2–3 августа министра «проработали» на парткоме МИДа. Протокол Хрущеву направила секретарь МГК Е. Фурцева. 9 августа он был разослан членам Президиума и кандидатам, секретарям ЦК².

С докладом на заседании парткома выступил Молотов. В отчете о заседании говорилось: «Тов. Молотов В.М. кратко сообщил о своей ошибочной позиции по Югославскому вопросу, но ни слова не сказал о критике его ошибочной позиции по австрийскому вопросу, его выступлений против освоения целинных земель, разделения госплана и другим вопросам». Молотов признал, что «недооценил революционные события и изменения, происшедшие в Югославии, а также недооценил и возможность влияния нашей Партии на Союз коммунистов Югославии». Молотов дис-

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 741. См. также: Исторический архив. № 2–5. 1999.

² РГАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 146. Л. 12.

циplinированно следовал решениям июльского пленума, но вряд ли искренне, так как понимал, что как раз Хрущев переоценивает такую возможность. При обсуждении доклада выступило 16 человек, включая всех заместителей министра¹. Они присоединились к критике своего начальника, но, согласно отчету, не сказали о других ошибках, кроме югославской, и не подвергли себя самокритике. Громыко оправдывался: «...в югославском вопросе, как, к сожалению, и в некоторых других вопросах, Министерство иностранных дел СССР вело себя недопустимо пассивно. Фактически оно являлось на протяжении последних нескольких месяцев грузом, который портил, путал дела, вместо того, чтобы оказывать помощь Центральному Комитету. Мы все рассуждали так: Товарищ Молотов член Президиума ЦК, авторитетнейший государственный деятель, что нам – аппарату (это относится и к замам, и к первым, и к не первым, к заведующим и другим работникам) тут дела мало, что все решается наверху. Но эта точка зрения и практика является насквозь неправильными, порочными. Эта практика была осуждена на пленуме Центрального Комитета»². Но такого покаяния замов было недостаточно, партия дала добро на критику снизу. Заведующий 3-м европейским отделом Лапин рассказал, что коллегия не собиралась три месяца, Молотов все решает с замками. На коллегии не обсуждались вопросы Германии. Замы боятся ответственности, пускают документы «по кругу», чтобы получить визы всех заинтересованных инстанций, прежде чем принять решение (впрочем, такая система в советских и российских ведомствах сохранялась и позднее). Громыко досталось за неподготовленность к совещаниям. Чиновники жаловались, что их руководители раздражительны, позволяют себе обидные реплики³.

Партсобрание единогласно разделило «данную пленумом ЦК оценку ошибочной позиции тов. Молотова В. М. по югославскому вопросу». В соответствии с принципом «демократического централизма» Молотов обещал «приложить все силы для проведения в жизнь линии ленинского Центрального комитета»⁴, то есть тех решений, с которыми был не согласен. В преддверие Женевской встречи в верхах Молотова решили не снимать с по-

¹ Там же. Л. 13.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. Л. 15–16.

⁴ Там же. Л. 13–14.

ста министра иностранных дел. В США президента, дожидаящегося отставки, называют «хромой уткой». Если применить этот термин не только к президентам, но и вообще к политикам, обреченным на отставку, то Молотов теперь был в МИДе «хромой уткой».

8. ХРОМАЯ УТКА

Советскую делегацию на конференции 18–23 июля в Женеве возглавлял председатель Совета министров СССР Булганин, в ее состав входили Хрущев, Молотов, Громыко и Жуков. Главы правительств Великобритании и Франции Иден и Э. Фор возглавляли их делегации. Во главе американцев приехал Эйзенхауэр. Он был настроен скептически и перед отъездом призвал не испытывать «глупых ожиданий, будто мир может быть будто по волшебству излечен одним совещанием»¹.

Трояновский вспоминал: «Наши руководители демонстративно разъезжали по Женеве в открытых машинах и почти без охраны, показывая, что сталинские времена зашторенных автомобилей ушли в прошлое... в отличие от советских делегатов, президент Эйзенхауэр и Даллес передвигались по городу в бронированном автомобиле с многочисленной охраной»². Впрочем, как мы видели, Молотов за рубежом и прежде не боялся ездить в открытом авто.

После речей глав делегаций, где Эйзенхауэр снова требовал освобождения Восточной Европы и прекращения подрывной деятельности коммунистов, а Булганин повторил советские предложения по коллективной безопасности. По образцу конференций «Большой тройки» с утра встречались министры иностранных дел, а днем – делегации вместе с их главами.

Обсуждались объединение Германии, коллективная безопасность в Европе, разоружение, в общем – основные проблемы, хорошо знакомые Молотову. Он предлагал расширить повестку за счет Дальнего Востока, но настаивать не стал. Молотов снова, как при Сталине, не был самостоятелен даже в выборе тактики.

В соответствии с московскими наработками, Булганин предложил проект Договора о европейской безопасности между

¹ Цит. по: Никонов В.А. От Эйзенхауэра к Никсону. Из истории республиканской партии США. М., 1984. С. 77.

² Трояновский О.А. Указ. соч. С. 187.

*Н.С. Хрущев, Г.К. Жуков и В.М. Молотов в Женеве
1955*

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1619в. Л. 13]

НАТО и Варшавским договором, который предусматривал отказ от ядерного оружия. Булганин также напомнил о советской инициативе вступления СССР в НАТО. Советские предложения такого рода воспринимались как чисто агитационные и не требовавшие ответа по существу.

В свою очередь Эйзенхауэр выдвинул идею «открытого неба» — инспекционных полетов над территорией друг друга. Булганин вежливо ответил, что советская делегация изучит эти предложения. Но в перерыве Хрущев, оказавшись рядом с Эйзенхауэром, сказал: «Я не согласен с председателем»¹. Нечего обсуждать. Советская делегация отвергла это предложение. Что смогли сделать министры — это согласовать программу последующих переговоров по европейской безопасности и германскому урегулированию. Заключительный документ конференции был подготовлен как директивы министрам иностранных дел. Тро-

¹ Амброс С. Указ. соч. С. 361.

яновский вспоминал: «Когда согласование было закончено, я подошел к Молотову и попросил его посмотреть окончательный текст. Однако к тому времени его отношения с Хрущевым, видимо, очень обострились и поэтому он не захотел брать ответственность на себя. Сказал мне, чтобы я показал текст Хрущеву. Я пошел к Никите Сергеевичу, но тот послал меня обратно к Вячеславу Михайловичу. В конечном счете, текст так и остался непросмотренным и пошел в печать без высочайшего утверждения»¹. О чем-то конкретном договориться не удалось, и главы правительств перепасовали мяч своим министрам иностранных дел, встреча которых планировалась на октябрь.

Однако сам факт обсуждений на высшем уровне показывал миру, что термоядерная катастрофа в повестке дня не стоит. В этом ощущении передышки в Холодной войне и заключался разрекламированный прессой «дух Женеви». Как пишет М.А. Липкин «“дух Женеви” хотя и стал важной вехой в развитии “ранней разрядки” и способствовал налаживанию личных контактов глав государств, так и остался символом больших надежд»².

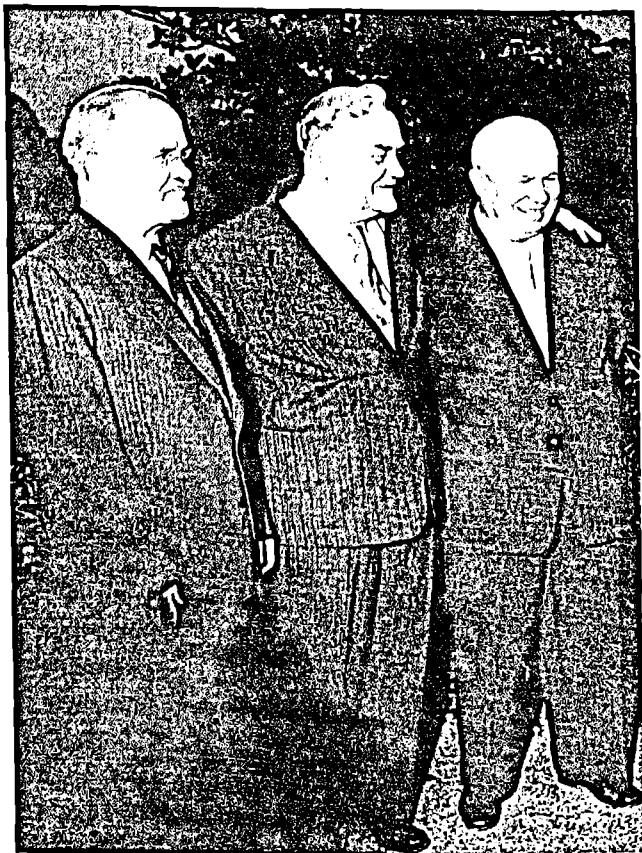
После короткого отдыха в Крыму с семьей, Молотов провел переговоры с канцлером ФРГ К. Аденауэром, визит которого 8–13 сентября стал крупным событием на германском направлении. Приезду германского канцлера также предшествовала дискуссия в Президиуме ЦК и МИДе. На июньском пленуме ЦК 1957 года Громыко рассказывал, что проект обращения к Аденауэру готовился во время отъезда Молотова. Вернувшись, Молотов забраковал подготовленный Громыко проект обращения: «внося такой проект, мы будем протягивать руку Аденауэру и упрасивать его»³. Но нота все равно была опубликована 8 июня почти без учета критики Молотова, и довольный Аденауэр согласился приехать.

Аденауэра в аэропорту Внуково встречали Булганин, Молотов и Громыко в сопровождении роты почетного караула. Это означало полное признание государства, борьбе против образования которого Молотов отдал столько сил. На переговорах 9 сентября доминировал Хрущев. Молотов и Булганин участвовали сдер-

¹ Трояновский О.А. Указ. соч. С. 189.

² Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе... С. 253.

³ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 231.

*В.М. Молотов, Н.А. Булганин и Н.С. Хрущев в Женеве
1955*

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1619в. Л. 26]

жанно. Хрущев сел на идеологического конька и принялся упрекать немцев за преступления нацизма. Это было нужно для того, чтобы добиться установления дипломатических отношений без всяких дополнительных условий со стороны ФРГ. Аденауэр настаивал на немедленном освобождении всех германских военнопленных, включая обвиненных за военные преступления. Было достигнуто соглашение об установлении дипломатических отношений и возвращении в Германию оставшихся в СССР пленных (с условием, что военные преступники, осужденные судом, продолжают отбывать наказание). Лидеры СССР также подтвердили стремление к объединению Германии, а Аденауэр дал понять, что не собирается всерьез добиваться изменения ее восточных

границ¹ (хотя официально ФРГ подтвердила эту позицию значительно позднее). Установление дипломатических отношений с ФРГ стало большим успехом советской внешней политики, открывало возможность экономического сотрудничества с этим государством, набиравшим хозяйственную мощь. Но только теперь это уже был успех внешней политики Хрущева, а не Молотова.

В сентябре 1955 года был продлен на 20 лет советско-финляндский Договор о дружбе, сотрудничестве и военной помощи, причем СССР отказался от военной базы в Порккала-Удд, что стало большой радостью для финнов и вызвало недовольство Молотова, который много лет спустя говорил: «Хрущев отдал финнам Порккала-Удд. Мы едва ли отдали бы»².

Внешнеполитическая стратегия Молотова была продолжением позднесталинской – можно соглашаться только на такие уступки, за которые сразу можно получить что-то взамен. Понятно, что таким образом нельзя было всерьез разблокировать ситуацию, и Хрущев попытался выйти на «оперативный простор», с одной стороны, с помощью некоторых односторонних уступок (Югославии, Австрии), и с другой стороны, усиления присутствия СССР в регионах, где до сих пор господствовали империалисты – прежде всего на Ближнем Востоке. СССР стал оказывать военную помощь Египту, постепенно вовлекаясь в арабо-израильский конфликт. Хрущев пересказывал египетскому лидеру Г. Насеру их спор с Молотовым, который назвал авантюризмом внешнеполитический курс Никиты Сергеевича: «Лучшая оборона – нападение. Я сказал, что нам необходима новая, активная дипломатия, поскольку невозможность ядерной войны означает, что борьба между нами и капиталистами будет теперь вестись другими средствами. Я не авантюрист... Но мы должны поддержать новые освободительные движения»³. Впрочем, сближение Хрущева с Насером было не более авантюристично, чем стремление Сталина и Молотова заполучить Ливию и контроль над Турцией и Ираном.

Несмотря на июльскую проработку на пленуме, Молотов пока как ни в чем не бывало ездил на переговоры в Нью-Йорк и Женеvu, где на конференции министров иностранных дел 27 октя-

¹ Аденауэр К. Воспоминания (1953–1955). Вып. 2. М., 1968. С. 237–275.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 16.

³ Цит. по: Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 389.

бря – 16 ноября предсказуемо не преуспел в разблокировании германского вопроса и решении проблемы разоружения. У него были связаны руки, он действовал строго в соответствии с данными ему инструкциями. Да и попытки настаивать на прежних инициативах не могли дать нового эффекта. Отвергнув 26 октября западные предложения по воссоединению Германии, Молотов 29 октября предложил пригласить на конференцию лидеров Восточной и Западной Германий, чтобы они начали договариваться между собой. Эту идею предсказуемо отвергли западные партнеры, поддерживавшие западногерманскую политику непризнания ГДР. Стало ясно, что выйти из тупика не удастся, не уступив западному требованию всеобщих выборов. Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, Молотов разработал проект, который давал бы добро на выборы при условии согласия партнеров на нейтралитет Германии, отмену Парижских соглашений и вывод из Германии иностранных войск кроме ограниченных контингентов.

6–7 ноября вопрос обсуждался на Президиуме ЦК с прилетавшим из Женевы Молотовым. Хрущев похвалил работу делегации, но не решился на столь масштабную уступку в данном вопросе: «Много подводных камней». После восстания 1953 года в ГДР и первых экономических успехов ФРГ всеобщие выборы могли закончиться крахом СЕПГ и включением ГДР в ФРГ. А западные партнеры «хотят с позиции силы теперь говорить о выборах. Вопрос о европейской безопасности – общий вопрос, он может быть решен и при двух Германиях. Мы хотим сохранить созданный в ГДР строй». Со времени советских предложений 1952 – начала 1955 года произошло важное изменение: ФРГ вступила в НАТО. «Какой же смысл укреплять фронт НАТО, воссоединять, чтобы целая Германия укрепляла НАТО и направлена против политики мира и СССР...»¹ Вернувшись в Женеву, Молотов стал прикрывать бесперспективность переговоров агитационной критикой Запада.

Несмотря на то, что Молотов доживал в МИДе последние месяцы, вопрос о его исключении из советского руководства не ставился. Да, для внешней политики он слишком не гибок. Но его огромный политический опыт, приобретенный в многолетней работе с великим Сталиным, по-прежнему нужен партии. Молотов выступал на Президиуме ЦК не только по внешнепо-

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 58–60.

литическим, но и по внутривластным вопросам: 1 декабря поддержал отмену административной высылки без решения органов юстиции и прокуратуры осужденных по отбытии наказания (то есть речь шла скорее о более цивилизованном ее оформлении); выступил за повышение темпов накопления материальных резервов, посетовав: «Когда Сталин был, более твердо резервы накапливали»¹. Теперь Вячеслав Михайлович уже не был «лицом» коллективного руководства, самым известным его членом. Но он оставался главным хранителем сталинской традиции партии.

9. XX СЪЕЗД И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Итоги первых послесталинских лет должен был подвести XX съезд КПСС. Подготовка отчетного доклада вел партаппарат во главе с Хрущевым. 25 января 1956 года Молотов направил свои замечания на проект доклада. Большинство этих замечаний носило редакционный характер, но они тоже характерны, как и степень готовности Хрущева учитывать критику.

Молотов подчеркнул сомнительное утверждение Хрущева, будто мнение буржуазных деятелей о том, что в атомной войне не будет победителей, означает: эти деятели «вынуждены открыто признать, что социалистический лагерь непобедим»². Тогда уж и западный непобедим. Но это положение осталось в докладе³.

Молотову не понравилось и отдающее расизмом, и явно неверное с учетом Японии утверждение: «Международные отношения вышли за рамки отношений государств, населенных по преимуществу народами белой расы, и впервые приобретают характер подлинно всемирных отношений»⁴. Но и эта фаза в докладе осталась⁵.

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 67–68.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 162. Л. 22.

³ Бюллетени XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. М., 1956. № 1. С. 27.

⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 162. Л. 24.

⁵ Бюллетени XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. № 1. С. 29.

Молотов предложил вставку, чтобы не получалось, будто революции делаются по заказу: «Когда мы говорим, что в соревновании двух систем – капиталистической и социалистической – победит социалистическая система, то это не значит, что эта победа будет достигнута путем вооруженного вмешательства социалистических стран в дела капиталистических стран». Просто социалистический способ производства имеет очевидные преимущества перед капиталистическим, растет его популярность в мире, и переход от капитализма к социализму неизбежен. «Но каким образом это будет происходить в каждой стране – это внутреннее дело самих народов этих стран»¹. Молотовское разъяснение, которое допускает разные пути к победе сторонников социализма, было со стилистическими коррективами включено в доклад².

Молотов предложил исключить такой пассаж: «Тот хозяйственный руководитель, который не проявляет заботы о жилищных условиях рабочих и служащих, – плохой руководитель, он не выполняет своих прямых и элементарных обязанностей перед государством, перед народом»³. Хрущев ставил вопрос ребром: приоритет производственной гонки делает директоров равнодушными к обеспечению рабочих жильем и социальными благами. Это было обычным делом в 30–40-е годы, но теперь Хрущев был намерен перейти к обеспечению более высоких стандартов жизни трудящихся. Директор должен думать не только о выполнении хозяйственного плана, но и об условиях жизни своих работников. Молотов считал, что это – очень резкая постановка вопроса. Переключившись на социальные приоритеты, продолжат ли директора изо всех сил стремиться выполнять хозяйственный план? В итоге эта мысль в докладе была сформулирована более узко, а ответственность перенесена с директоров на центральных чиновников: «многие министерства и ведомства систематически не выполняют планов жилищного строительства. Нельзя дальше мириться с подобным безобразием»⁴.

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 162. Л. 34–35.

² Бюллетени XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. № 1. С. 41–42.

³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 162. Л. 88.

⁴ Бюллетени XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. № 1. С. 91.

По предложению Молотова была вычеркнута фраза: «Обширная программа жилищного строительства также потребует больших средств». Не нужно говорить об издержках, лучше о достижениях.

Хрущев внимательно отнесся к замечаниям Молотова по вопросам архитектуры – здесь Вячеслав Михайлович мог опереться на мнение других членов сталинской гвардии. Молотову не понравились выражения, в которых Хрущев собирался поиздеваться над элитарной сталинской архитектурой: «Ведь на те деньги, которые шли на сооружение различных высоченных башен и шпилей, которые не дают населению никаких благ, можно было построить немало добротных домов»¹. Хрущев не собирался сдаваться, но переформулировал эту идею более солидно, ссылаясь на уже принятые решения: «Вы знаете, что Центральный Комитет партии и Совет Министров СССР осудили практику, когда в жилищном строительстве допускались кустарщина и излишества. Мы не можем позволить, чтобы миллионы рублей тратились на бессмысленное украшательство в угоду дурному вкусу некоторых архитекторов»².

Молотов предложил убрать и такое положение, прославлявшее хрущевский минимализм: «Красота зданий должна достигаться прежде всего за счет хороших пропорций, правильной планировки, хорошего качества работ. Хорошая отделка, хорошая кухня и санитарный узел, светлое и удобное жилье для человека должны быть обязательны в каждой квартире.

Нет сомнения в том, что наши архитекторы и строители покажут высокое понимание своей благородной роли и все свои силы и знания направят на то, чтобы строить дешево, удобно и красиво»³.

Хрущев переформулировал: «Дело чести наших архитекторов создать такой архитектурный стиль, который должен воплощать в себе все лучшее, накопленное архитектурной мыслью человечества в прошлом и, вместе с тем, опираться на самые передовые творения советского зодчества. Надо, чтобы в сооружаемых зданиях было максимум удобств для человека, чтобы здания

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 162. Л. 88.

² Бюллетени XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. № 1. С. 92.

³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 162. Л. 88.

были прочны, экономичны, красивы»¹. Выражением этой вершины архитектурной мысли станет хрущевский конструктивизм в спектре от массового строительства пятиэтажек до возведения Дворца съездов в Кремле. Еще в юности Молотов схлестнулся с утилитаризмом Ленина по вопросу о Большом театре, теперь вступился за башни и шпили, на которые обрушился утилитарный Хрущев. Но за архитектурными пристрастиями стояли и важные социальные приоритеты – стремление Хрущева обеспечить жильем как можно больше людей предполагалось за счет архитектурной сложности, которая в позднесталинское время подчеркивала державную мощь.

Молотову не понравилось и протаскивание в доклад хрущевской идеи агрогородов. Он предложил исключить: «Эти городки должны быть полностью обустроены, озеленены, иметь промышленные и культурно-бытовые предприятия, хорошую транспортную связь с самим городом... Нет нужды доказывать, как необходимо и полезно такое рассредоточение населения наиболее крупных промышленных и административных центров»². Хрущев сократил, но оставил в докладе эту тему, настаивая, что «хорошие, благоустроенные дома надо будет строить не на территории самих крупных городов, а в некотором отдалении от них, создавать там такие жилищные условия, чтобы люди стремились туда переселяться. В эти городки необходимо перенести некоторые предприятия, чтобы трудящиеся могли там работать»³.

4 февраля Хрущев разослал уже отредактированный текст доклада, и Молотов снова правил его. С неудовольствием он отметил, что появились новые фрагменты со странными утверждениями, будто коммунисты противопоставляют лозунгу НАТО «Давайте вооружаться!» лозунг «Давайте торговать!»⁴ Выдвижение коммунистических лозунгов – дело ответственное, и торговля – совсем не главное, что коммунисты предлагают миру. Но Хрущев оставил этот лозунг в докладе⁵.

¹ Бюллетени XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. № 1. С. 92.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 162. Л. 89.

³ Бюллетени XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. № 1. С. 93.

⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 163. Л. 29.

⁵ Бюллетени XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. № 1. С. 41.

Некоторые хрущевские теоретические новации подтвердили опасения Молотова, что тут не обошлось без влияния Тито. На правах хранителя чистоты большевизма Молотов выступил на заседании Президиума ЦК 30 января 1956 года. В проекте доклада говорилось, что можно прийти к социализму парламентским путем, а это многие годы было водоразделом между социал-демократами и коммунистами. Теперь, вслед за титоистами, и КПСС соглашалась с этой социал-демократической идеей. Одно дело – использовать парламентские методы, другое ограничиваться ими в борьбе за власть: «Социалисты в Англии, Норвегии, Швеции у власти, но это не путь к социализму». Однако Молотов запоздал со своими возражениями, раньше нужно было отстаивать ленинскую чистоту в этом вопросе. Ведь он сам внедрял в Восточной Европе «народную демократию» формально парламентским путем: в Польше, Чехословакии, Румынии и Венгрии коммунисты пришли к власти без гражданской войны и восстания.

Также при обсуждении проекта доклада Молотов напомнил, что в нем использована часть цитаты Сталина о мире и предложил: «Почему бы не взять его до конца? Почему не сослаться на Сталина?»¹ Скоро узнаете, почему.

В первом проекте доклада Хрущева были и такие слова: «Вскоре после XIX съезда партии смерть вырвала из наших рядов великого продолжателя дела Ленина – И. В. Сталина, под руководством которого партия на протяжении трех десятилетий осуществляла ленинские заветы»². Но 1 февраля Хрущев поставил на Президиуме ЦК вопрос о Сталине. К этому времени исследование репрессий 1937 года зашло далеко, и стало ясно, что многие жертвы Сталина (а значит и Молотова) были осуждены необоснованно. Молотову трудно было это отрицать, тем более, что и сам он был уже настроен на прекращение террористической практики, однако настаивал: «Нельзя в докладе не сказать, что Сталин – великий продолжатель дела Ленина». Молотова в этом поддержал Каганович, но Булганин не согласился, что Сталин – «великий продолжатель». Члены Президиума, еще недавно входившие в близкое окружение Сталина, должны были найти баланс между осуждением репрессивности и одобрением результатов их совместной деятельности в 30–40-е годы: «Прав-

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 89.

² Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 130.

ду восстановить. Правда и то, что под руководством Сталина победил социализм. И неправильности надо соразмерить, и позорные дела – тоже факт», – сформулировал Молотов. Хрущев заострял: «Сталин преданный делу социализма, но все варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинял. На съезде не говорить о терроре. Надо наметить линию – отвести Сталину свое место. Усилить обстрел культа личности»¹. Именно явление «культ личности», а не личность Сталина было решено поставить в центр обсуждения этой темы на съезде.

Чтобы лучше разобраться в этом вопросе, 9 февраля Президиум ЦК заслушал сообщение о работе комиссии ЦК во главе с П. Пospelовым «по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии». Предмет исследования комиссии бы узким и характерным: партийной элите нужно дать понять, что уничтожение членов ЦК – это ненормально. Но когда Пospelов начал выступать, на членов Президиума обрушилась информация о масштабах и методах расправ с коммунистами, которые раньше считались присущими разве что фашизму. Члены Президиума, конечно, многое знали, но каждый со своей стороны, не в комплексе. Из членов Президиума ЦК, пожалуй, только Молотов обладал наибольшей полнотой информации о терроре 1937–1938 годов, близкая к нему осведомленность была у Ворошилова и Кагановича. Но Пospelов рассказывал о вещах, которые могли шокировать и их: в 1935–1940 годах «было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности 1 920 635 человек, из них расстреляно 688 503 человека»². Хрущев предложил поручить Пospelову подготовить доклад для съезда. Молотов сформулировал компромиссный вариант: «На съезде надо сказать. Но при этом сказать не только это. Но по национальному вопросу Сталин – продолжатель дела Ленина. Но 30 лет мы жили под руководством Сталина – индустриализацию провели. После Сталина вышли великой партией.

Культе личности, но мы о Ленине говорим, о Марксе говорим». Каганович тоже поддержал предложение сделать доклад, но так, «чтобы 30-летний период не смазать». Ворошилов признал

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 95–97.

² Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1. С. 317.

сталинские «звериные замашки». Булганин выступил против покойного вождя решительнее: «Во втором этапе Сталин перестал быть марксистом». Микоян наметил концепцию доклада: «Мы не можем не сказать съезду. Впервые самостоятельно обсуждать можем.

Как относиться к прошлому? До 34 г. вел себя героически. После 34 г. показал ужасные вещи. Узурпировал власть». Радикальнее Микояна оказался Маленков: «Считаю правильным предложение сказать съезду. Испытываем чувство радости – оправдываем товарищей... На два этапа не делить, связать с культом личности. Мы этим восстанавливаем Ленина по-настоящему». А Сабуров направил свое выступление против защитников Сталина, намекнув на их персональную ответственность за соучастие в сталинских преступлениях: «Молотов, Каганович, Ворошилов неправильную позицию занимают, фальшивят. Один Сталин (а не два). Сущность его раскрыта за последние 15 лет. Это не недостатки (как говорит т. Каганович), а преступления. Тов. Молотов говорит: “Он с нами был 30 лет”. Но известна его роль в войне. Но в последний период испортили отношения со всеми народами (выступления о проливах). Мы потеряли многое из-за глупой политики (финская война, Корея, Берлин)». «Глупую политику» (кроме разве что Кореи) проводил как раз Молотов. Хрущев подвел итог: «Нет расхождений, что съезду надо сказать»¹. Но что сказать? До съезда оставались считанные дни, когда согласовывать текст, чтобы он всех устроил?

13 февраля члены Президиума поручили Хрущеву сделать доклад о «культе личности» на закрытом заседании съезда. Но сам текст доклада не обсуждался и не утверждался. В протоколе не отражено обсуждение, если оно вообще было². В тот же день в преддверии съезда собрался пленум ЦК, делегатам которого Хрущев предложил заслушать отчетный доклад ЦК (делая это, Хрущев уважительно сослался на мнение Молотова, который одобрил такую открытость – члены ЦК имели право раньше других делегатов услышать доклад, который будет оглашаться от имени ЦК). С места радостно закричали: «Одобрить. Завтра услышим». Не раскрывая карты, Хрущев также предложил делегатам согласиться с тем, что на закрытом заседании будет пред-

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 98–103.

² Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М., 2002. С. 239–240.

ставлен доклад о «культе личности»¹. Что это за доклад, было не очень ясно, но делегаты конечно согласились.

14 февраля открылся XX съезд КПСС. Хрущев зачитал отчетный доклад, в котором говорилось о возможности и необходимости предотвращения новой мировой войны, о возможности совершить социалистическую революцию мирными средствами, без гражданской войны, в том числе парламентским путем (впрочем, в виде исключения). Молотову, конечно, была неприятна и такая формулировка: «В Федеративной Народной Республике Югославии, где власть принадлежит трудящимся, а общество базируется на общественной собственности на средства производства, в процессе социалистического строительства складываются своеобразные конкретные формы управления хозяйством, построения государственного аппарата»².

Большое внимание на съезде было уделено социальным вопросам. Съезд одобрил реформы «по наведению надлежащего порядка в оплате труда, по усилению личной материальной заинтересованности работников в результатах своего труда». В осуществление линии съезда сразу после него было сокращено рабочее время в предвыходные дни, приняты меры к авансированию труда колхозников (крестьянам стали выплачивать часть денег до сбора урожая), к упорядочению систем зарплаты, что привело к ее постепенному повышению.

Доклад Хрущева запомнился нотами прагматизма в международных отношениях и социальными приоритетами, напомним о политике «маленковского» года. Вслед за Хрущевым члены Президиума в своих выступлениях поддерживали эти приоритеты и атаковали «культ личности», не называя в связи с ним Сталина.

Молотов выступал на девятом заседании с мини-докладом, где подробнее всего говорил о сельском хозяйстве и внешней политике. Степень искренности Молотова в этом выступлении можно оценить по такой тираде: «Особое значение имело успешное проведение смелого плана подъема целинных и залежных земель, что увеличило посевные площади, главным образом зерновых культур, на 33 миллиона гектаров. По-новому был поставлен такой вопрос, как решительное увеличение посевов кукурузы, что

¹ Там же. С. 241–243.

² Бюллетени XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. № 1. С. 45.

имеет исключительное значение для быстрого подъема животноводства». Молотов выступил за повышение ритмичности в работе промышленности и «обеспечение строжайшей законности», оставив тему разоблачения «культа личности» другим ораторам. Во внешнеполитическом обзоре Молотов похвалил «различные пути в деле строительства социализма», но не в связи с Югославией, а сразу после восторгов по поводу успехов строительства социализма в Китае. Он лишь сдержанно похвалил «восстановление дружеских отношений с братским народом Югославии», честь которого отдал активному участию во внешней политике Президиума ЦК и лично Хрущева, Булганина и Микояна. Молотов солидаризировался с тезисом Хрущева о том, что в современном мире можно предотвратить новую мировую войну. Здесь Вячеслав Михайлович блеснул диалектикой: с одной стороны, империализм по-прежнему несет опасность войн, а с другой – «сам порождает общественные силы, стремящиеся покончить с империалистическими войнами и с самим империализмом». Эти силы настолько возросли, что теперь «неправильно рассуждать о фатальности войн». В то же время «мы не должны преуменьшать опасности войны, предаваясь иллюзиям, что нам при всех условиях обеспечен мир и спокойная жизнь»¹.

Старый Президиум ЦК был вновь избран на этом съезде, но состав ЦК, кандидатов в члены Президиума и Секретариата ЦК обновился – Хрущев, опираясь на аппаратную практику подбора кадров, укреплял свою опору в партийной элите. При обсуждении нового состава ЦК Молотов продвинул в него Громыко².

Теперь остался один вопрос: доклад Хрущева о Сталине. Микоян утверждает, что во время съезда «Молотов, Каганович и Ворошилов сделали попытку, чтобы этого доклада вообще не делать. Хрущев и больше всего я активно выступили за то, чтобы этот доклад состоялся. Маленков молчал. Первухин, Булганин и Сабуров поддерживали нас. Правда, Первухин и Сабуров не имели такого влияния, как все остальные члены Президиума.

Тогда Никита Сергеевич сделал очень хороший ход, который разоружил противников доклада. Он сказал: «Давайте спросим съезд на закрытом заседании, хочет ли он, чтобы доложили по этому делу, или нет». Это была такая постановка вопроса, что деваться было некуда. Конечно, съезд бы потребовал доклада.

¹ Бюллетени XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. № 8. С. 19–39.

² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 108.

Словом, выхода другого не было. Было принято решение, что в конце съезда, на закрытом заседании, после выборов в ЦК (что для Молотова и Кагановича казалось очень важным) такой доклад сделать»¹.

Хрущев тоже вспоминает о полемике уже на съезде по поводу доклада, который подает как полностью свою инициативу: «Особенно крикливо реагировали Ворошилов и Молотов. Ворошилов доказывал, что вообще не надо делать этого. “Ну, кто нас спрашивает?” – повторял он. Снова я: “Преступления-то были? Нам самим, не дожидаясь других, следует сказать, что они были. Когда о нас начнут спрашивать, то уже будет суд, а мы – на нем подсудимыми. Я не хочу этого и не буду брать на себя такую ответственность”».

Но согласия никакого не было, и я увидел, что добиться правильного решения от членов Президиума ЦК не удастся. В Президиуме же съезда мы пока этот вопрос не ставили, пока не договорились внутри Президиума ЦК. Тогда я выдвинул такое предложение: “Идет съезд партии. Во время съезда внутренняя дисциплина, требующая единства руководства среди членов ЦК и членов Президиума ЦК, уже не действует, ибо съезд по значению выше. Отчетный доклад сделан, теперь каждый член Президиума ЦК и член ЦК имеет право выступить на съезде и изложить свою точку зрения, даже если она не совпадает с точкой зрения отчетного доклада”. Я не сказал, что выступлю с сообщением о записке комиссии. Но, видимо, те, кто возражал, поняли, что я могу выступить и изложить свою точку зрения касательно арестов и расстрелов»². Хрущев здесь умалчивает, что к этому времени доклад уже был готов и напечатан, так что решение выступить с ним не было результатом его мучительных размышлений в ходе съезда. Возмущение Молотова, Ворошилова и Кагановича вызвало не само предложение зачитать доклад о «культе личности» (оно уже было принято на пленуме ЦК), а то, что с ними не согласовали текст этого доклада. Рассказывает Каганович: «XX съезд подошел к концу. Но вдруг устраивается перерыв. Члены Президиума созываются в задней комнате, предназначенной для отдыха. Хрущев ставит вопрос о заслушивании на съезде его доклада о культе личности Сталина и его

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 594.

² Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 293–294.

последствиях. Тут же была роздана нам напечатанная в типографии красная книжечка – проект текста доклада...

Трудно было за короткое время прочесть эту объемистую тетрадь и обдумать ее содержание, чтобы по нормам внутрипартийной демократии принять решение. Все это за полчаса, ибо делегаты сидят в зале и ждут чего-то неизвестного для них, ведь порядок дня съезда был исчерпан»¹. Каганович, как и Хрущев, вспоминает дело так, будто Хрущев предложил дополнить повестку внезапно. Известные нам сегодня документы показывают, что вопрос о докладе обсуждался две недели перед съездом, и впечатления о спорах перед съездом и во время него смешались в памяти двух мемуаристов. Это объяснимо. Но все вспоминают, что зачитание доклада оказалось к концу съезда под вопросом. Вероятно, под предлогом несогласованности доклада Молотов и Ворошилов поставили вопрос о его снятии с повестки, после чего и произошел демарш Хрущева о готовности выступить с докладом от своего имени.

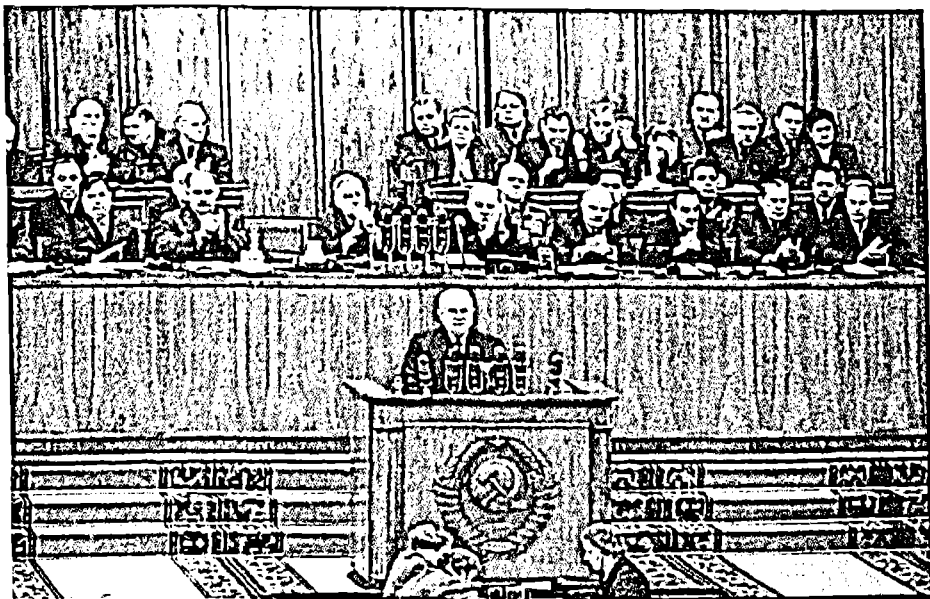
Каганович вспоминал, что они с Молотовым возражали против оглашения доклада сейчас, на последнем заседании съезда. Нужно потом созвать пленум, где принять взвешенное решение. А сейчас «мы просто не можем редактировать доклад и вносить нужные поправки, которые необходимы. Мы говорили, что даже беглое ознакомление показывает, что документ односторонен, ошибочен. Деятельность Сталина нельзя освещать только с этой стороны, необходимо более объективное освещение всех его положительных дел, чтобы трудящиеся поняли и давали отпор спекуляции врагов нашей партии и страны на этом.

Заседание затянулось, делегаты волновались, и поэтому без какого-либо голосования заседание завершилось и пошли на съезд»².

Добившись выступления на съезде с докладом, в который члены Президиума ЦК не могут внести поправки, Хрущев одержал важную победу. Предварительное обсуждение доклада выхолостило бы его сокрушительную тональность. К тому же Хрущев закрепил за собой роль главного обличителя «культа личности», поставив защитников Сталина в позицию обороняющихся. Кто защищает Сталина от критики, тот пытается скрыть собственную роль в проведении репрессий.

¹ Каганович Л.М. Указ. соч. С. 508–509.

² Там же. С. 509.

*Н.С. Хрущев выступает на XX съезде КПСС
1956
[Из открытых источников]*

На последнем заседании съезда 25 февраля Хрущев ошарашил партийную элиту выступлением «О культе личности и его последствиях». На основе материалов комиссии Поспелова и собственных представлений о Сталине Хрущев развернул перед делегатами сенсационную картину истории ВКП(б) 30–40-х годов, в которой источник добра был превращен в злое начало. Этот новый «краткий курс истории ВКП(б)» шокировал не только собравшуюся в зале массу делегатов, но и членов Президиума ЦК, которые не ожидали такой хлесткой и отчасти несправедливой критики Сталина. Тем более, что Хрущев позволял себе отвлекаться от текста. Впервые с 20-х годов руководитель коммунистической партии подверг Сталина публичной критике. «Сейчас речь идет о вопросе, имеющем огромное значение и для настоящего, и для будущего партии, речь идет о том, как постепенно складывался культ личности Сталина, который превратился на определенном этапе в источник целого ряда крупнейших и весьма тяжелых извращений партийных принципов, партий-

ной демократии, революционной законности»¹. Хрущев обвинил Сталина в сознательном уничтожении старых большевиков, которые вовсе не были заговорщиками, а на самом деле честно служили делу коммунизма. Хрущев говорил не о миллионах крестьян, интеллигентов и рабочих, загубленных в результате политики коммунистов, а о казненных и оклеветанных партийных функционерах. Но именно опасность сохранения системы террора заставила даже старых сталинских соратников, таких как Молотов, Каганович и Ворошилов, согласиться на осуждение «культа личности».

Сложнейшие социальные процессы были сведены к ошибкам одной личности. По утверждению Хрущева, «культ личности» привел к такому положению, когда все важные решения принимал только один человек, которому, как и всем людям, свойственно ошибаться. Крупнейшей из таких ошибок стала политика накануне Великой Отечественной войны, когда Сталин отказался верить в возможность гитлеровского нападения. Это позволило Германии нанести внезапный удар по СССР и привело к огромным жертвам, превосходящим жертвы террора. При этом ни Хрущев, ни другие коммунистические руководители не подвергли сомнению политику Сталина в период индустриализации и коллективизации. Делался вывод, будто отход Сталина от правильного ленинского пути начался в 1934 году, а все сделанное им до этого находилось в русле марксизма. «Ошибки» Сталина отделили от деятельности партии, что позволяло вывести из-под критики сложившийся строй и деятельность нынешних лидеров КПСС.

На большинство присутствующих слова Хрущева произвели впечатление, которое трудно понять последующим поколениям. Была подорвана одна из основ мировоззрения типичного советского коммуниста, для которого истина отождествлялась с мудрыми решениями Сталина. Элита партии подбиралась по принципу безусловной преданности Сталину и партийному руководству. Теперь мир раздвоился. Партийное руководство объявило, что Сталин совершал тягчайшие ошибки и даже преступления.

¹ Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза // Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. С. 19.

Какой могла быть критика на Президиуме ЦК доклада о «культе», если бы Молотову, Кагановичу и Ворошилову удалось добиться его предварительного согласования, показывают пометки Молотова на его тексте, сделанные после съезда. Кое-где Молотов ставит плюсы, если ему что-то нравится – например, о борьбе Сталина с фракциями и уклонами¹. Но таких плюсов на полях доклада немного. Молотов отчеркивает хрущевские фразы с явным неудовольствием: о том, что Сталин был в партии «наподобие бога», и такое представление о Сталине «культивировалось у нас много лет»²; о тяжких злоупотреблениях властью со стороны Сталина, что «причинило неисчислимый ущерб нашей партии»; о его «капризности и деспотичности»³, что особенно проявилось после XVII съезда ВКП(б).

К неудовольствию Молотова, Хрущев настаивает, что «Сталину были совершенно чужды ленинские черты...» После XVII съезда «он действовал все шире и настойчивее через карательные органы»⁴. Хрущев в своей версии событий создает алиби для соратников Сталина, утверждая, что вождь принимал решения сам, не советовался с членами Политбюро, которые были нужны ему «как статисты»⁵. Молотов отмечает эту мысль – вероятно критически. Уж кто-кто, а он-то помнил многочасовые обсуждения всех текущих проблем с членами Политбюро в 30-е годы.

Отмечает Молотов и сомнения Хрущева по поводу обстоятельств убийства Кирова. Что непонятного? Его же зиновьевцы убили. Но оказывается Хрущев считает, что сообщники убийцы были расстреляны в 1937 году, «чтобы замести следы убийства Кирова»⁶, то есть это точно не зиновьевцы! А кто же тогда «заказал» Кирова? Молотов и это подчеркивает с явным неудовольствием.

Молотова не могли не возмутить домыслы Хрущева о роли Сталина в войне. Осуждение крайностей репрессий и «культы» – это вопрос принципиальный, а вот в описании поведения Сталина в первые дни войны, свидетелем которого Хрущев, в от-

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 164. Л. 10–11.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 25.

⁶ Там же. Л. 26.

личие от Молотова, не был, доклад приобрел характер личных нападок, стремления унижить умершего «хозяина». Молотов подчеркивает фразу Хрущева: «Было бы бесчестно скрыть от нашей партии тот факт, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из бесед в эти дни он заявил:

— То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли члены Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать такие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте». Молотов знал, что «долгое время» — менее двух суток.

Хрущев утверждает, а Молотов подчеркивает: «Сталин был очень далек от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах... Сталин требовал непрерывных лобовых атак с тем, чтобы брать село за селом. И мы несли на этом огромные потери, пока нашему генералитету, который выносил на своих плечах всю тяжесть ведения войны, не удалось перейти к ведению гибких маневренных операций, что сразу дало серьезное изменение положения на фронтах в нашу пользу». И затем «Сталин начал громить многих из тех полководцев, которые внесли свой немалый вклад в дело победы...»¹ Это явные реверансы в сторону Жукова и других полководцев, ответственность которых за кровавые лобовые атаки теперь перекадывалась на Сталина.

По утверждению Хрущева, «практика руководства, сложившаяся в последние годы жизни Сталина, стала серьезным тормозом на пути развития советского общества». На слове «тормозом» Молотов ставит жирную галку². С этим он может быть и мог бы согласиться, сам от этой практики пострадал.

Пометки Молотова на тексте доклада говорят о сложном отношении Вячеслава Михайловича к выступлению Никиты Сергеевича. Что-то возмутило, а что-то можно и поддержать. Очевидно, если бы удалось добиться согласования текста доклада на Президиуме, из него были бы удалены сюжеты о войне и об убийстве Кирова, другие резкие оценки. Эффект все равно был бы сильным — ведь сенсационное признание в уничтожении не-

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 164. Л. 50, 53.

² Там же. Л. 75.

74

- 72 -

колхозниками не встречался и не знал действительного положения на местах. Он страну и сельское хозяйство изучал только по кинофильмам. А кинофильмы приукрашивали, лакировали положение дел в сельском хозяйстве. Колхозная жизнь во многих кинофильмах изображалась так, что столы трещали от обилия индеек и гусей. Видимо Сталин думал, что в действительности так оно и есть.

Владимир Ильич Ленин по-другому смотрел на жизнь, он

3

он; принимал крестьян-
х и заводах, ездил в де-

Прозит

он никуда не выезжал.

следняя его поездка на

а он ездил в Сибирь по

он мог знать положение

О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

Товарищи!

В Отчетном докладе Центрального Комитета партии XX съезду, в ряде выступлений делегатов съезда, а также и раньше, на Пленумах ЦК КПСС, не мало говорилось о культе личности и его вредных последствиях.

После смерти Сталина Центральный Комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать; он непогрешим в своих поступках.

Такое понятие о человеке, и, говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас много лет. Культ личности превратился в источник целого ряда крупнейших и весьма тяжелых ошибок.

В связи с тем, что не все еще представляют себе к чему на практике приводил культ личности, какой огромный ущерб был причинен нарушением принципа коллективного руководства в партии и сосредоточением необъятной, неограниченной власти в руках одного лица, Центральный Комитет партии считает необходимым доложить XX съезду Коммунистической партии Советского Союза материалы по этому вопросу.

х х
х

сед было сказано, что
ас тяжелое, особенно
зводством мяса и других
дана комиссия, которой
остановления "О мерах
ства в колхозах и совхо-
Конечно, наши тогдашние
мощностей, но были наме-
зотноводства. Предлага-
цены на продукты живот-

Текст выступления Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности Сталина и его последствиях» с пометками
В.М. Молотова
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 164. Л. 3, 75]

которых честных коммунистических руководителей осталась бы в любом случае. Но Молотов бы добился сглаживания шокирующего эффекта.

В результате выступления Хрущева на XX съезде КПСС началась открытая реабилитация людей, казненных или отправленных в лагеря при Сталине. Их восстанавливали в правах и возвращали доброе имя, часто посмертно. Но реабилитация не коснулась политических оппонентов, несмотря на то, что они не совершали преступлений. Не были пересмотрены дела Бухарина, Рыкова и других «уклонистов» и фракционеров.

Комиссия Пospelова не разбирала вопрос об открытых процессах 30-х годов, хотя после всего сказанного было ясно, что они сфальсифицированы. По инициативе Хрущева для разбора этого вопроса была создана комиссия в составе Молотова, Кагановича и Фурцевой. Это было реверансом в сторону сталинского крыла руководства. Молотов и Каганович предсказуемо настояли, что результаты публичных процессов пересматривать не стоит¹.

Микоян вспоминал: Молотов «сказал, что, хотя нет доказательств вины Зиновьева, Каменева и их сторонников в убийстве Кирова, морально-политическая ответственность остается на них, ибо они развернули внутрипартийную борьбу, которая толкнула других на террористический акт... Я все-таки верил, что Молотов отнесется к этому делу честно. И ошибся, проявил в отношении его наивность. Не думал, что человек, чья жена была безвинно арестована и едва не умерла в тюрьме, способен продолжать прикрывать сталинские преступления»².

Молотов пытался тормозить процесс дальнейших разоблачений. Шепилов вспоминал: «Я в своем кабинете в редакции "Правды" просматривал очередной номер газеты. Раздался звонок кремлевского телефона.

– Товарищ Шепилов?

– Да, это я.

В голосе говорившего со мною слышалось едва сдерживаемое раздражение, он слегка заикался:

– Прекратите ругать в "Правде" Сталина.

Я сразу понял, это был В.М. Молотов.

– Я Сталина не ругаю. Я выполняю решения XX съезда.

– Я еще раз прошу Вас, прекратите ругать Сталина.

¹ Микоян А.И. Указ. соч. С. 593–594.

² Там же. С. 596.

– Товарищ Молотов, – отвечаю ему. – Я могу только повторить, что сказал: я выполняю решения XX съезда. Вы недовольны? Тогда выносите вопрос на Президиум ЦК.

Этот разговор поразил меня. Сталин уничтожил тысячи и тысячи безвинных людей. На первом же пленуме после XIX съезда КПСС Сталин всячески унижал Молотова, утверждал, что он “трясется” перед американским империализмом. Сталин ни за что посадил его жену в тюрьму. А Молотов просил не ругать меня в “Правде” Сталина! Он так и сошел в могилу несгибаемым сталинистом»¹.

Но как раз решений XX съезда о Сталине, на которые ссылался Шенилов, не было принято. Хрущев лишь прочитал доклад, но никакого голосования по нему не проводилось. С докладом предстояло устно ознакомить «всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников»². Текст доклада оставался секретным, страна должна была получить эту информацию в пересказе так, чтобы нельзя было, если что, придаться к деталям. Важно было, что именно коммунисты стали источником новой истины, постепенно распространявшейся среди населения и в мире.

При обсуждении доклада в парторганизациях и беспартийных коллективах находились смелые люди, которые задавали «неудобные вопросы». Очевидно, дело не только в Сталине, но и в его соратниках, а то и во всей системе. Об этом говорилось на собраниях парторганизаций Теплотехнической лаборатории АН СССР, Института востоковедения Академии наук СССР, Литературного института, Ереванского Государственного университета и в других организациях, на собраниях ленинградской интеллигенции³. 7–10 марта в Тбилиси произошли массовые волнения, которые были жестоко подавлены. 5 апреля было разослано письмо ЦК, осуждавшее вылазки «антипартийных элементов», на которое большинство коммунистов ответило «недопустимым для коммуниста либерализмом»⁴. Соответствующим образом выступила «Правда».

¹ От оттепели до застоя. М., 1990. С. 80–81.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 166.

³ Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности Сталина» на XX съезде КПСС: Документы. М., 2002. С. 432–512.

⁴ Там же. С. 289.

А официальная позиция КПСС по поводу «культа» пока не была сформулирована. Согласование позиций членов Президиума по этому вопросу заняло несколько месяцев. Только 30 июня было опубликовано постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», в которой оценка Сталина была уже не столь резкой, как в докладе Хрущева. Сообщив «граду и миру», что решения XX съезда «вызывали смятение в империалистических кругах США и других государств», постановление признало, что «реакционные круги пытаются использовать некоторые факты, связанные с осужденным Коммунистической Партией Советского Союза культа личности И.В. Сталина» (авторы постановления тоже как бы «забыли», что публично XX съезд не принимал решения о Сталине). Но зря они это делают, потому что речь идет о «пройденном этапе в жизни Советской страны», партия уже более трех лет (то есть с самой смерти вождя) «ведет последовательную борьбу против культа личности И.В. Сталина», и нечего здесь «мутить воду». В постановлении также подтверждались, что Сталин «активно боролся за претворение в жизнь ленинских заветов». Конечно, «обнародованные партией факты нарушений социалистической законности и других ошибок, связанных с культом личности И.В. Сталина, естественно, вызывают чувство горечи и глубокого сожаления», но «партия, внутренние силы которой теперь ничто не сковывает, еще более сблизилась с народом и находится сейчас в состоянии небывалой творческой активности». Причины культа постановление выводило из трудностей задач, которые решала КПСС, а также и прежде всего из личных качеств и ошибок самого Сталина. Их усугубило то обстоятельство, что во главе «органов» оказалась «преступная банда агента международного империализма Берия». В отличие от последнего Сталин – не преступник, а человек, допускавший «недостойные методы» в борьбе за СССР и коммунизм. «В этом состояла трагедия Сталина»¹.

Молотов мог быть доволен этим двойственным постановлением, осуждавшим культ Сталина, но во многом оправдывавшим самого Сталина. Однако двойственность стимулировала дискуссии в советском обществе, оно перестало быть политически монолитным, раскололось на сталинистов и антисталинистов, а потом и на множество идейных полутонов. И это означало завер-

¹ КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. М., 1986. С.112–120 (далее – КПСС в резолюциях...).

шение тоталитарного периода развития страны. В СССР возник полулегальный плюрализм, который в дальнейшем усугублялся не только в обществе, но и в партии. Элементарная логика подсказывала советским людям – дело не только в Сталине. То, что было на уме у миллионов, эзоповым языком выражали писатели, а публика обсуждала уже не партийное постановление, а новые произведения о недостатках советского общества, вытекающих из разоблачаемого прошлого. Обсуждение романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» в ЦДЛ 22 октября превратилось в массовый антибюрократический митинг, где многие речи были смелее произведения, которое стало для них поводом¹. А на следующий день начались события в Венгрии.

Хрущев был напуган такой перспективой десталинизации. 19 декабря было принято письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». В нем с тревогой констатировалось, что «ревизионисты» получают молчаливую поддержку части партии: «есть немало примеров, когда коммунисты и партийные руководители решительно не пресекают антисоветскую пропаганду, не дают отпора вражеским вылазкам, плетутся в хвосте событий. Более того, есть и такие “коммунисты”, которые, прикрываясь партийностью, под флагом борьбы с последствиями культа личности, скатываются сами на антипартийные позиции, допускают демагогические выпады против партии, подвергают сомнению правильность ее линии». Разумеется, от партийных смутьянов не отстает интеллигенция: «стали выдвигаться требования “освободить” литературу и искусство от партийного руководства, обеспечить “свободу творчества”, понимаемую в буржуазно-анархистском, индивидуалистическом духе»². Вызывала опасения и молодежь: «Центральный Комитет считает необходимым обратить внимание всех партийных организаций на имеющиеся у нас крупные недостатки в работе с молодежью. Нельзя пройти мимо того, что среди некоторой части студенчества имеют место нездоровые настроения, высказываются неправильные взгляды на нашу советскую действительность. За последнее время в ряде высших

¹ Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008. С. 18–23.

² Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности Сталина» на XX съезде КПСС. С. 396.

учебных заведений Москвы, Свердловска, Каунаса, Таллина и некоторых других городов были прямые антисоветские и националистические выступления»¹. Угроза слишком радикальной десталинизации, которая вылилась в дестабилизацию ситуации в Восточной Европе, особенно в Венгрии, заставила Хрущева вникать аргументам охранителей, но не надолго. Хрущев и Микоян продолжали стремиться к углублению реформ и более решительному размежеванию со сталинским прошлым, но только безопасным для коммунистического режима. Символом этого размежевания могло стать изгнание из руководства таких столпов эпохи Сталина, как Молотов и Каганович.

10. ПОТЕРЯ ПОСТА, ПОЛЬСКОЕ ВОЛНЕНИЕ И ВЕНГЕРСКИЙ ШТОРМ

Неопубликованный текст доклада был разослан «братским партиям». Через Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП) его текст «утек» на Запад и был опубликован в «Нью-Йорк таймс» 4 июня. Возможно, к радости Хрущева – гласность придавала процессу необратимость. Теперь Молотов, Каганович и Ворошилов не смогут «замылить» вопрос сталинских преступлений, а значит и вернуть ситуацию, в которой станет возможным их повторение. Только после оглашения текста доклада в мировом масштабе вышло постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий».

Критика Сталина поляризовала международное коммунистическое движение. Лидерам Союза коммунистов Югославии она понравилась, а Коммунистической партии Китая – нет. У них были свои претензии к Сталину, но нельзя вываливать этот компромат на свет, не посоветовавшись с товарищами и даже не предупредив Пекин. Коммунисты по всему миру, кроме югославских, были в шоке. Но доклад Хрущева дал европейским коммунистам возможность выйти из тупика сектантства и догматизма, в котором они оказались в первые годы холодной войны. И произошло это очень вовремя для восточноевропейских коммунистов – общества этих стран устали от форсированного «строительства социализма», начинались социальные волнения, перераставшие в столкновения «рабочих» режимов с рабочими то в Пльзене, то в Познани.

¹ Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности Сталина» на XX съезде КПСС. С. 398.

О коммунистическом терроре в общем было известно, и доклад Хрущева лишь добавлял тут деталей. Главное, что Хрущев принес этим выступлением – коммунистическое движение готово к признанию ошибок, самоочищению и обновлению. В европейском мышлении такое ценится. Процессы развивались в зависимости от национальных особенностей – долготерпеливости населения в одних странах или готовности граждан, еще не совсем принявших «социалистический образ жизни», потребовать от коммунистов отчет за тяготы и страхи предыдущего десятилетия. Но и личностные факторы играли важную роль.

12 марта в Москве умер польский лидер Берут, то ли простудившийся, то ли слишком потрясенный докладом Хрущева о Сталине на XX съезде. При участии Хрущева новым руководителем ПОРП стал центрист и не самый инициативный руководитель Э. Охаб. Было принято решение ознакомить все парторганизации с секретным докладом Хрущева.

28–29 июня в Познани вспыхнули рабочие волнения, которые из-за жестких действий властей переросли в настоящее восстание. 18–28 июля на долгом пленуме ЦК ПОРП искали виноватых и жестко спорили о возможности реабилитации Гомулки. 2 августа Гомулка был восстановлен в партии и реабилитирован вместе со своими «подельниками». Его популярность в стране резко выросла. Для Молотова Гомулка был титоистом, и его возможный приход к власти в Польше казался поражением дела коммунизма.

Не проще была и ситуация в Венгрии. В 1955 году, когда позиции Маленкова в СССР ослабли, сталинец Ракоши сумел отстранить Надя от власти и объявить его «правым оппортунистом». Надь отказался «каяться» и за это был исключен из партии, но его авторитет в обществе только возрос. После осуждения культа личности Сталина в СССР венгерские противники сталинизма воспряли духом. 18 июля при участии Микояна одиозного Ракоши поменяли на посту первого секретаря Венгерской партии трудящихся (ВПТ) на старого коммуниста и коминтерновца Э. Гере, который также был человеком негибким, но без энергичности Ракоши. Такая рокировка не помогла успокоить венгерскую общественность, добивавшуюся перемен. За возвращение Надя к власти и продолжение демократических реформ выступали венгерские писатели и студенчество. Надь и его сторонники уделяли большое внимание опыту югославской моде-

ли. С одобрения реформистов-коммунистов был создан «кружок Петефи», где обсуждались самые острые проблемы страны.

Общественное движение становилось все более активным. Консервативных коммунистов высмеивали на публичных дискуссиях. Прошло торжественное перезахоронение Л. Райка, казненного во времена Сталина и Ракоши. Эти похороны превратились в демонстрацию, направленную против нынешнего «сталинистского» руководства. Росла популярность репрессированного при Ракоши и реабилитированного в 1954 году коммунистического лидера Я. Кадара. Общественные организации писателей и студентов, профсоюзы и другие структуры, которые еще недавно играли роль приводных ремней тоталитарного режима, теперь были каналами движения снизу. Партийное руководство было непоследовательно, маневрировало между различными течениями в ВПТ, постоянно оглядывалось на Москву, где тоже не было единой позиции. В результате сменявших друг друга «потеплений» и «похолоданий» в партийном курсе общественность только раззадоривалась, а авторитет партии падал.

Молотов был в курсе этой ситуации, но все меньше мог влиять на советскую внешнюю политику. Да и не очень ему нравилось обслуживать новый курс Хрущева, что тот хорошо понимал при всей формальной готовности Вячеслава Михайловича подчиняться партийной дисциплине. 13 апреля на Президиуме ЦК Хрущев охарактеризовал предложения Молотова по сокращению вооружений с большевистской прямоотой: «Неприемлемо, дубово, основы нет, только идея. Неприемлем. МИДу, Молотову самому переработать на основе обмена мнениями»¹.

18 апреля было публично заявлено о прекращении деятельности Коминформа. Хрущев готовился к ответному визиту Тито, надеясь закрепить успех прошлогодней встречи. На этот раз Молотову предстояло принять участие в переговорах.

Он продолжал настаивать, что нужно нажимать на югославов. При обсуждении предстоящего визита на Президиуме ЦК Молотов настаивал, что нужно «более определенно выразить отношение» к недостаткам партнера. Его возмутила фраза Тито «В царствование Сталина»². Но Хрущеву было важно, чтобы сближение с Тито не сорвалось: «Нас огорчает, что за время после

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 121.

² Там же. С. 136.

40.
59049-53.

Тов. Суслову.

Прилагаемый проект
"Директивных указаний"
считается подлежащим

1/11 В. Молотов.

отм.
12.52 1. 7. 1956
5.15 56.

Записка В.М. Молотова М.А. Суслову с одобрением «директивных указаний»

1 мая 1956

[РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 32. Л. 40. Автограф В.М. Молотова]

плenums Молотов не изменился»¹. Это было последней каплей, и 26 мая Хрущев поставил вопрос «О назначениях по Министерству иностранных дел». Первый секретарь раскритиковал работу министра: «У Молотова плохо идет с МИДом, он слаб как министр иностранных дел. Молотов — аристократ, привык шефствовать, а не работать. Тов. Молотова освободить от обязанностей министра иностранных дел». Обсуждение продолжилось 28 мая. Молотов оправдывался: «Я искренне и честно выполняю решения ЦК». Старого товарища поддержал Каганович: «Внутри страны это может быть встречено не очень хорошо». Хрущев понимал,

¹ Там же.

что популярность Молотова остается проблемой. Микоян, Каганович, Ворошилов и Булганин предлагали переходный период. Можно пока назначить Шепилова первым заместителем министра, а позднее заменить им Молотова. Активнее других против Молотова выступил Маленков: «Половинчатое решение ничего не даст. Сейчас решить этот вопрос, не держать в неопределенном положении МИД». Его поддержали Первухин, Жуков, Брежнев и другие. Такая позиция Маленкова была не удивительна, ведь в период его премьерства именно Молотов был наиболее принципиальным противником «правого» реформаторства. Теперь эту молотовскую ортодоксию критиковал новый хозяин партаппарата Хрущев: «Следует заменить т. Молотова. С этим все согласны... Молотов после смерти Сталина твердо стоит на старых позициях – завинчивать. Кроме лордства ничего нет за т. Молотовым. По внутренним вопросам – о целенных землях. Колхозного вопроса товарищ Молотов не понимает. Не совсем правильно, что существует мнение насчет авторитета Молотова. Переместить. Форма превращается в политику»¹. Хрущев предложил обсудить вопрос еще раз, но затем решение было принято в рабочем порядке. 1 июня министром иностранных дел СССР был назначен Шепилов. Он пока не возражал Хрущеву «по колхозному вопросу», как и по другим.

После XX съезда отставка Молотова была крупнейшей сенсацией мирового уровня. Стало ясно, что в Кремле теперь начались серьезные перемены не только на словах, и они серьезно скажутся на внешней политике.

Как пишет Дж. Робертс, «Молотов был повержен, но не нокаутирован. Должности взамен ему не дали, но он был оставлен в составе Президиума и активно участвовал в его дискуссиях и решениях»². Это как раз устраивало Хрущева – весь мир должен видеть, как Молотов своим участием поддерживает хрущевскую внешнюю политику.

Молотову предстояло участвовать в переговорах с Тито в качестве члена Президиума ЦК и заместителя председателя правительства с неопределенными полномочиями. Во время бесед советских руководителей с Тито и другими членами югославской делегации Молотов вел себя сдержанно и дисциплинированно, изредка поддакивал другим участникам беседы. Обсуж-

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 135–138.

² Робертс Дж. Указ. соч. С. 233.

*Дмитрий Трофимович
Шепилов*

1955

*[Из открытых
источников]*

дение теперь было непринужденным и касалось самых разных международных тем и воспоминаний участников. Советские коммунисты все уговаривали югославских вернуться в «социалистический лагерь», а югославы упирались. Тут Молотов решился вступить в дискуссию более развернуто: «Слово лагерь – это форма. Можно сказать и по-другому, но существуют ли на деле две системы – социализм и капитализм – или нет?» Кардель согласился, что существуют. Молотов стал развивать свою мысль: Швеция относится к лагерю капитализма, хотя там у власти социалисты. Недостаточно просто названия социалистов, нужно взаимодействовать с системой социализма на деле: «...мы должны укреплять наши отношения, но без навязывания. Возьмите Совет экономической взаимопомощи – мы только теперь начинаем по-настоящему координировать наши действия... У нас с югославскими товарищами одна цель: все, что отпугивает, мы должны постепенно устранить или смягчить... Все должны видеть, что мы сближаемся». На что Тито отреагировал: «И не надо скрывать». Подчеркнув свой авторитет ветерана большевизма, Молотов подкинул югославским товарищам аргумент в пользу возможности мирного пути к социализму: «Что касается путей перехода к социализму, то здесь можно иметь

разные формы. Даже в 1917 году мы признавали возможность мирного перехода к социализму через рабочие советы, где были меньшевики и эсеры, хотя большевики имели большинство. Это было правильно до определенного периода, но когда меньшевики и эсеры повернули против нас, то естественно и мы стали вести иную политику»¹. Таким образом, на встрече с югославами Молотов подтвердил свою дисциплинированность и готовность проводить политику партии, даже если с ней не согласен.

На этот раз по итогам визита была принята не только правительственная, но и партийная декларация (обе датированы 20 июня). В ней стороны отметили, что продолжение межпартийных контактов полезно, что КПСС и СКЮ руководствуются принципами марксизма-ленинизма, но учитывают «условия, в которых развиваются современные социалистические движения» (что предполагало и более широкую идейную основу, к которой склонялись в СКЮ). В обеих странах идет «построение полного социалистического общества» (эта формулировка также уравнивала стороны, Югославия уже не представлялась стадильно отстающей от СССР, где «полного социалистического общества» пока тоже не было). Декларация формулировала рамки идейного взаимодействия: «Обе стороны, придерживаясь той точки зрения, что пути социалистического развития в различных странах и условиях различны, что богатство форм развития социализма способствует его усилению и, исходя из того факта, что и та, и другая стороны чужды всякой тенденции навязывания своего мнения в определении путей и форм социалистического развития, — согласились в том, что вышеупомянутое сотрудничество должно основываться на полной добровольности и равноправии, дружественной критике, товарищеском характере обмена мнениями по спорным вопросам между нашими партиями»².

В.А. Никонов считает, что «визит Тито, ради которого Молотова убрали, если и был чьим-то успехом, то вряд ли СССР или Хрущева»³. Молотова, конечно, сняли с поста далеко не только ради визита Тито, от встреч с которым Вячеслава Михайловича не стали отстранять, а по совокупности разногласий с Хрущевым и другими членами Президиума ЦК. Успешный визит Тито про-

¹ Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг. С. 768–769.

² Там же. С. 792–793.

³ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 398.

изошел для Хрущева вовремя – в Восточной Европе начинались волнения, отчасти вдохновленные югославской моделью, и было важно добиться сдержанности Тито в этих событиях. Теперь хорошие отношения с СССР и КПСС были для Тито важнее, чем возможность дестабилизировать «советский лагерь».

Хрущев на банкете произнес тост за Тито: «За друга, за ленинца, за нашего боевого товарища!»¹ Молотов тоже произносил соответствующие здравицы. В.А. Никонов пишет: «Этот день для него мог бы стать действительно одним из самых черных в жизни. Если бы не одно радостное событие. Поздно вечером ему сообщили, что в роддоме на улице Веснина, в двух шагах от МИДа, Светлана родила мальчика. Долгожданного внука. Имя ему было подобрано давно – Вячеслав. Мальчик родился большой – 4,5 килограмма»². Когда мальчик вырос, он стал известной личностью – партаппаратчиком, историком-американистом, затем политологом, депутатом от «Единой России», ведущим телепрограммы, которую заканчивал дедовскими словами «Наше дело правое, победа будет за нами». Но для нас он здесь важен прежде всего как биограф своего деда, к находкам и мнению которого мы обращаемся на страницах этой книги.

Проблемы в Восточной Европе нарастали как снежный ком. Перенапряжение от «строительства социализма» и неравноправное положение стран вкупе с критикой сталинского прошлого привели к массовым волнениям. Чтобы успокоить ситуацию в Польше, руководство ПОРП решило привлечь к власти популярного Гомулку. С 12 октября он уже принимал участие в работе Политбюро ЦК ПОРП, хотя не был туда избран. Но это дело поправимое – на 19 октября был намечен пленум ЦК ПОРП, где можно было принять реформистские решения, способные успокоить страну. Стало ясно, что там Гомулку вернут не только в ЦК, но и на пост первого секретаря ЦК ПОРП. Для Хрущева это было недопустимое самоуправство – без Москвы решать вопрос о том, кто возглавит правящую партию. Хрущев отправился в Варшаву, взяв с собой Микояна, Кагановича и Молотова – тут его позиция «ястреба» была вполне уместна. На всякий случай были приведены в готовность советские войска в Польше, а некоторые угрожающе выдвинулись из казарм. Советская сторона даже пыталась заставить поляков отложить открытие пленума

¹ Правда. 1956. 6 июня.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 398.

ЦК ПОРП, но Охаб отказался. Уже в аэропорту Хрущев стал ругаться на польских руководителей, в том числе на Гомулку, который в этот день возглавил ПОРП. В ходе переговоров Молотов выступил с сообщением об антисоветских проявлениях в Польше, но тут его «срезал» Гомулка: «Товарищ Молотов, после того, что Вы сказали о Польше в 1939 г., трудно понять, почему вы имеете смелость приезжать в Польшу». Имелись в виду слова о том, что Польша – «уродливое дитя Версальской системы». После этого Молотов уже практически не участвовал в переговорах. Гомулка изложил советским представителям свою позицию – внешние силы не должны вмешиваться в дела Польши, но Польша не выйдет из Варшавского договора и будет соблюдать все договоренности с СССР. Это было цивилизованное решение противоречий, аналогичных советско-югославским в 1948 году. Хрущев намекал на возможность применения силы, но Гомулка объяснял, что ему будет, чем ответить – начиная от предания гласности сути разногласий и кончая сопротивлением польских войск, которые не намерены подчиняться министру обороны ПНР Рокоссовскому, если дойдет до советско-польской войны. Поляки и практически готовились оказать сопротивление. Хрущеву, Молотову, Микояну и Кагановичу пришлось покинуть Варшаву, удовлетворившись этими разъяснениями неугодного польского лидера¹. Тем более, что на первый план вышла другая страна.

23 октября по Будапешту двинулась демонстрация солидарности с поляками. Демонстранты требовали также возвращения к власти Надя и соблюдения гражданских свобод. Растерявшееся партийное руководство уговаривало Надя урезонить толпу. Вечером 23 октября он сообщил демонстрантам, что партийное руководство будет обновлено, и призвал их разойтись. Но было поздно. Начались вооруженные столкновения. Обе стороны действовали жестоко: сотрудники службы безопасности, «авоши», стреляли в скопления людей из автоматов, а толпы возбужденных горожан убивали «авошей» и чиновников.

На заседании Президиума ЦК 23 октября Хрущев выступил за ввод советских войск в Будапешт. Булганин был за, а Микоян – против. Молотов, естественно, был настроен на решительное

¹ Орехов А.М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 159–195.

Имре Надь
[Из открытых источников]

подавление этой революции, которую считал контрреволюцией. Он настаивал, что «руками Надя Венгрия расшатывается». Но Хрущев согласился привлечь Надя к политической деятельности, но пока не делать премьером¹. В Венгрию были направлены Микоян и Сулов для оценки ситуации на месте.

Утром 24 октября советские войска вошли в Будапешт и стали участвовать в боевых действиях, что вызвало всплеск анти-советских настроений. Руководство ВПТ вернуло на пост премьер-министра Надя. Выступая по радио о программе нового правительства, он говорил: «Как вы знаете, суть программы – это широкая демократизация венгерской общественной жизни, осуществление отвечающего нашим национальным особенностям венгерского пути строительства социализма, коренное улучшение условий жизни трудящихся масс, что является нашей великой национальной целью. Однако для того, чтобы мы вместе с вами общими усилиями смогли начать нашу работу, первым делом необходимо установить порядок, дисциплину, спокойствие. Присоединившиеся к мирной демонстрации венгерской молодежи враждебные элементы ввели в заблуждение многих честных трудящихся, выступили против народной демократии, народной власти»².

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 176–177.

² Советский Союз и Венгерский кризис 1956 года: Документы. М., 1998. С. 369–370.

В Москве нервничали. Булганин, поддержанный Молотовым, раскритиковал Микояна за отсутствие твердой линии¹.

28 октября Надю удалось договориться о прекращении огня и выводе советских войск из Будапешта. В Венгрии стала восстанавливаться многопартийность. Во главе с Надем было сформировано коалиционное правительство из партий 40-х годов и с участием Кадара. Возникли рабочие советы, которые взяли в свои руки предприятия. 28–30 октября советы создали свои территориальные органы, которые были признаны правительством Надя в качестве органов управления. Это роднило венгерскую концепцию преобразований с югославской. Во всех учреждениях были созданы революционные комитеты из наиболее активных сторонников восстания. Вооруженные отряды повстанцев должны были быть преобразованы в национальную гвардию, но пока устанавливали военный контроль над кварталами Будапешта. Сохранялись и вооруженные отряды коммунистов.

28 октября на заседании Президиума ЦК КПСС Молотов говорил: «Дело идет плохо. Обстановка ухудшилась, по частям идет дело к капитуляции. Надь вот-вот выступит против нас. Наши товарищи ведут себя неуверенно. Договориться, до какого предела мы допускаем уступки. Речь о составе правительства, о Директории речь идет. Хегедюша исключают, значит, они с нами уже не считаются. Вопрос о дружбе с СССР, о помощи наших войск – это минимум. Тов. Микоян успокаивает. Если не согласятся, тогда обсудить, как быть с войсками»².

Несмотря на объявленное перемирие, 30 октября произошли столкновения в районе горкома ВПТ. Горком был взят штурмом, погиб секретарь горкома И. Мёзе. Несмотря на это, коммунисты-реформисты Надь и Кадар одобряли восстание, стремясь поставить движение под контроль. Но под давлением вышедших на авансцену революции сил курс Надя сдвигался от демократического социализма к национальным приоритетам. На первый план вышел вопрос о выходе страны из Варшавского договора. Венгры были возмущены участием советских войск в боях в столице. 1 ноября Надь заявил о выходе Венгрии из Варшавского договора. Обосновывая этот акт, Надь апеллировал уже к традициям национально-освободительных революций, венцом которых объявлялась революция 1956 года: «Революционная борьба,

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 180.

² Там же. С. 182.

которую вели герои нашего национального прошлого и настоящего, наконец увенчалась победой дела свободы и независимости»¹. Это было настоящим вызовом Советскому Союзу.

Поляризация сил, усиление национальной, уже не социалистической составляющей революции быстро положили конец идиллии демократического единства. Вспышки насилия в Будапеште, жестокие расправы восставших с носителями свергнутого режима способствовали обретению Советским Союзом поддержки части венгерского общества при подавлении революции. Для советского руководства выход Венгрии из Варшавского договора был «казусом белли». Было принято решение о военном разгроме не только «мятежа», но и правительства Надя.

Еще 30 октября Молотов говорил на Президиуме ЦК КПСС: «Политическая обстановка определилась. Создано антиреволюционное правительство, переходное правительство». Но в сложившейся ситуации он был готов к переговорам о выводе советских войск². Пытаясь не отрываться от партийного мейнстрима, Молотов превратился из ястреба в голубя, но опаздывал. Ситуация быстро менялась, и в ястреба превратился Хрущев. 31 октября он потребовал: «Пересмотреть оценку, войска не выводить из Венгрии и Будапешта и проявить инициативу в наведении порядка в Венгрии. Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов – империалистов»³. 1 ноября Хрущев, Молотов и Маленков направились в Брест, куда вызвали польское руководство и поставили его в известность о предстоящем разгроме венгерской контрреволюции с помощью войск. Гомулка высказался против применения оружия советскими войсками в Венгрии, но поделаться ничего не мог – самому бы уцелеть при такой смене вех в Кремле. Затем Хрущев и Маленков, уже без Молотова, отправились с тем же на Балканы – через Бухарест и Софию, где встретились с румынскими и болгарскими лидерами, в Югославию. 2 ноября они переговаривали о предстоящей акции с Тито. У югославских руководителей было «особое мнение» по поводу того, что вызвало события и что делать после них, но против военного подавления венгерского движения они возражать не стали. Это был во

¹ Советский Союз и Венгерский кризис 1956 года. С. 502.

² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 188.

³ Там же. С. 191.

Янош Кадар
[Из открытых источников]

многом результат доверительных бесед в Москве в июне. Тито поддержал кандидатуру Кадара на роль нового венгерского лидера.

По возвращении между Молотовым и Хрущевым произошла стычка по поводу Кадара. Для Хрущева было важно, что этот лидер с последовательно антисталинистской позицией согласился порвать с Надем и «контрреволюцией», а Молотов опасался, что как только Кадар укрепитя у власти, он может превратиться в нового Тито или Гомулку: «Повлиять на Кадара, чтобы не пошла Венгрия по пути Югославии». Молотова возмущало, что Кадар осуждал «клику Ракоши – Гере». В условиях, когда с помощью Кадара можно было сохранить коммунистический режим как таковой, требование Молотова было неуместно и могло сорвать и без того трудное решение Кадара предать своих вчерашних товарищей по реформаторскому движению. Хрущев рыкнул на Молотова: «Не понимаю т. Молотова. Вреднейшие мысли вынашивает»¹. На место Кадара Молотов предлагал менее популярных, но более просоветских Хегедюша или Мюнниха. Микоян через полгода вспоминал о сложившейся ситуации: «надо завтра выступить войскам в Будапеште, а сегодня в это время

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 201–202.

не имели состав правительства, под флагом которого войска выступали»¹.

6 ноября Молотов продолжал настаивать на том, чтобы Кадар не критиковал «клику Ракоши – Гере». Молотов выступил против преобразования ВПТ в новую Венгерскую социалистическую рабочую партию, что было нужно Кадару, чтобы снять со своего режима ответственность за преступления сталинизма в Венгрии. «Дело идет о создании новой Югославии, – возмущался Молотов. – Я решительно возражаю». Хрущев и большинство членов Президиума ЦК понимали, что в условиях советской оккупации никакой «новой Югославии» не будет, а некоторые реформистские послабления Кадара для стабилизации обстановки будут даже полезны. «Тов. Молотов полностью игнорирует конкретную обстановку, т. Молотов тащит назад», – утверждал вернувшийся из Венгрии Микоян².

4 ноября началась операция «Вихрь» – широкомасштабные военные действия советских войск в Венгрии. Было провозглашено создание правительства во главе с Кадаром, который теперь решительно выступил против Надя.

Когда в Будапеште снова развернулись бои, по радио прозвучало: «Говорит Имре Надь, председатель Совета Министров Венгерской Народной Республики. Сегодня на рассвете советские войска начали наступление на нашу столицу с очевидным намерением свергнуть законное демократическое венгерское правительство. Наши войска ведут бои. Правительство находится на своем посту. Я сообщаю эту весть народу страны и общественному мнению мира»³. Затем Надь со своими соратниками укрылся в югославском посольстве. Телеграфное агентство Югославии с пониманием прокомментировало применение силы против венгерской «контрреволюции». Это было важным успехом советской внешней политики.

12 ноября сопротивление было в основном подавлено, но и после этого венгерские трудящиеся, организованные в рабочие Советы, проводили забастовки против режима Кадара, требовали восстановления правительства Надя.

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 147.

² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 205.

³ Стыкалин А.С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. С. 165.

11 ноября Тито выступил с речью, в которой возложил часть ответственности за события в Венгрии на КПСС, трактуя военное вторжение как меньшее зло в условиях, созданных сталинскими методами руководства страной. Такие оценки не устраивали Москву, советско-югославская полемика вновь стала нарастать. Встретив югославского посла Мичуновича на приеме в честь Октябрьской годовщины, «Хрущев отвел его в соседнюю комнату и там, в присутствии Молотова и Булганина, буквально орал на него почти час без перерыва... Булганин ему поддакивал; Молотов по большей части молчал, и на лице его читалось: "Я же вам говорил!"»¹ Но дело было сделано – Венгерская революция («контрреволюция») подавлена. Хрущев оказал на Югославию давление, требуя выдать Надя (вплоть до угрозы разорвать важное для Югославии экономическое соглашение и «случайной» стрельбы по югославскому посольству). За формальными протестами Тито не последовало реальной защиты Надя. 22 ноября тот покинул посольство и был немедленно арестован и впоследствии казнен.

1956 год заканчивался для Молотова не так плохо, как начинался. Вот отстранили его от руководства внешней политикой – и смотрите, какая с ней началась катавасия. Это еще повезло, что Запад отвлекся на Суэцкий кризис и не стал всерьез вмешиваться в Венгрии. После этих событий Хрущев качнулся в сторону политики, которую Молотов считал правильной. Обжегшись на Венгрии, Хрущев одобрил «завинчивание гаек» внутри СССР, «дав по рукам» интеллигенции, делавшей радикальные выводы из обсуждения «культы личности». Ухудшились отношения с Тито, не получалось у Хрущева договориться с Западом. Сейчас еще яснее проявится неудача Целины, хамское поведение Никиты взбесит коллег, и тогда посмотрим. Ничего, ничего, еще поборемся.

¹ Таубман У. Указ. соч. С. 379.

ГЛАВА XI

ЗАКАТ КАРЬЕРЫ (1957–1963)

Перед ним лежала бескрайняя степь – словно зеленый океан. С востока дул теплый ветер, волнами колыхавший траву. Мао говорит, что ветер с востока довлеет над ветром с запада. Так и есть. Степь, отсутствие людей до горизонта, навевала спокойствие. Все стабильно, безопасно, Полина с ним. Это ли не счастье? Но такое счастье покоя – для мещан, обывателей. И он посвятил свою жизнь борьбе за дело коммунизма. А это дело под угрозой! Правые оппортунисты Хрущев и Микоян повели СССР не туда, а он прозябает тут, в Монголии, где местные товарищи развлекают его культурной экзотикой и своей смешной провинциальной политикой, в то время как нарастают советско-китайские противоречия и агрессивность американцев по всему свету!

І. ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕФОРМА И НАРАСТАНИЕ НАПРЯЖЕННОСТИ

В начале 1957 года в руководстве КПСС нарастала напряженность. Если раньше перед атакой на кого-нибудь из коллег по Президиуму ЦК Хрущеву удавалось заручиться поддержкой большинства, то теперь такое большинство складывалось против него. Началось тактическое сближение сторонников прекращения десталинизации Молотова, Кагановича и Ворошилова, с одной стороны, и реформистов Маленкова и Шепилова – с другой. Вспоминая о ситуации декабря 1956 года, Микоян говорил через несколько месяцев: «впечатление было, что тов. Молотов, тов. Каганович иногда молчали, как бы сговорившись. Они избегали

спорить друг с другом. В последнее время стал и Маленков избегать споров с ними»¹.

А поспорить было о чем – планировалась серьезная реформа управления промышленностью. Бюрократизация управления народным хозяйством снижала эффективность экономики. Между ведомствами развернулась борьба за ресурсы. Размещение новых предприятий часто было непродуманным – предприятия-смежники могли располагаться за тысячи километров друг от друга, и продукцию приходилось возить через необъятную страну. Чтобы справиться с «ведомственностью», руководство СССР решилось на рискованные реформы.

Еще в 1954 году, в связи с аппаратной борьбой против Маленкова, хрущевский аппарат ЦК начал «подкоп» под министерскую структуру. 14 октября было принято постановление «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств СССР и мерах по улучшению работы государственного аппарата», где говорилось, что министерства и ведомства «неудовлетворительно занимаются вопросами совершенствования производства, плохо руководят делом внедрения в жизнь новейших достижений науки и техники, делом распространения передового опыта. Раздувая управленческий аппарат, министерства и ведомства в ущерб делу отвлекли из производства в канцелярии значительное количество квалифицированных специалистов»². Уже в этом постановлении определена антиведомственная направленность будущих реформ, к которым приступили в 1957 году.

28 января 1957 года Хрущев вынес на Президиум ЦК записку «Некоторые соображения об улучшении организации руководства промышленностью и строительством», в которой предложил ликвидировать промышленные министерства и передать промышленные и строительные предприятия в распоряжение региональных совнархозов. При обсуждении реформы Молотов заявил: «Принадлежу к числу тех, кто осторожно относится, и выражаю сомнение в правильности предложения. Пока рано говорить о ликвидации министерств. На местах надо создать местные органы по руководству промышленностью. Обсудить не раз этот вопрос. С организационной стороны разработать. Решать по

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 146.

² КПСС в резолюциях... Т. 6. М., 1971. С. 509.

11.000

Alan (2) 28

[illegible]

Рес. с.в. 10/10/10

Thuan (2) ²⁰

Каждая - орден Ленина,
над ками, над сов. нар. - Знамя
Знамя, над кр. кав. нар. партиз.
идей ко в. новым под-

9. 40-лет в 1957 году =
= отсюда нов. перуд. подвиз.
нов. уст., нов. авердани.

этапам, а не чохом»¹. Под руководством Хрущева была создана комиссия для разработки реформы.

13–14 февраля пленум ЦК КПСС принял тезисы Хрущева за основу. Было решено опубликовать их для всенародного обсуждения, чтобы итоги подвести уже на сессии Верховного Совета СССР, которая примет соответствующее законодательство. Понятное дело, ход дискуссии направлялся Президиумом ЦК.

22 марта на Президиуме ЦК Молотов продолжал ставить вопросы: «Насчет снабжения неясно, кто будет регулировать снабжение, кто будет решать вопросы о приеме заказов предприятиями. Сколько будет экономических районов (50 или 70)? Неясно, кто будет заниматься предприятиями областей, которые не будут входить в экономический район, кто будет направлять отраслевое развитие промышленности?»² Эти вопросы не подрывали саму концепцию реформы, и, в общем, на них было несложно ответить при доработке проекта преобразований.

Затем Молотов направил в ЦК записку, в которой критиковал проект более принципиально: «Представленный проект явно недоработан, страдает однобокостью и без существенных исправлений может внести серьезные затруднения в аппарат управления советской промышленностью... При предлагаемой в проекте ликвидации почти всех промышленных министерств в центре государства не предусматривается никаких органов для руководства промышленностью, кроме планирующих органов, что, безусловно, недостаточно. Это поведет к такому ослаблению руководства промышленностью со стороны партии и правительства СССР, которое нанесет существенный ущерб ее дальнейшему развитию... Необходимо вместо упраздняемых министерств с их огромным и теперь ненужным аппаратом создать, по крайней мере, на ближайший период в центре (да очевидно, и в союзных республиках), например, несколько комитетов по основным отраслям промышленности со сравнительно небольшим аппаратом, руководители которых на правах министров входили бы в состав Советов Министров. Такие комитеты при Совете Министров могли бы быть созданы по таким крупным отраслям промышленности: строительство; тяжелая промышленность; машиностроение; топливо и энергетика; производство товаров потребления и, возможно, еще некоторые. Не ясно также,

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 221–222.

² Там же. С. 236.

уменьшится ли административно-управленческий аппарат при осуществлении предложений, содержащихся в проекте. Никаких расчетов на этот счет не сделано. Мое предложение: прежде, чем опубликовать проект, над ним серьезно проработать и по-настоящему доработать»¹. Молотов был в принципе согласен с идеей отказа от громоздкой ведомственной системы управления, но предлагал уравновесить переход к территориальному управлению небольшими координационными структурами по широким отраслям. Аналогичные меры применялись в 60-х годах, а также на начальном этапе Перестройки в 1985–1986 годах – без большого успеха. От перемены мест бюрократических кабинетов недостатки бюрократического управления не менялись.

Хрущев заподозрил, что Молотов «копает» под реформу как таковую – уступишь в одном, станет цепляться к остальному. 26 марта первый секретарь ответил запиской, в которой выражал возмущение тем, что Молотов характеризует как недоработанные те тезисы, которые находятся в процессе доработки, и часть замечаний, высказанных на Президиуме, уже учтена в варианте 24 марта, и доработка продолжается, предстоит еще всенародное обсуждение. Так что такая критика Молотова – это выпад против автора тезисов. «Вообще, это ненормальный способ обсуждения тезисов, который избрал тов. Молотов». Хрущев делает ответный резкий выпад: «Видимо, здесь сказывается абсолютная оторванность тов. Молотова от жизни, он не понимает процессов, происходящих сейчас, что стоять на месте сейчас нельзя, а нужно улучшать аппарат и методы руководства страной в хозяйственном отношении и во всех областях нашего хозяйственного строительства»².

27 марта Президиум ЦК сравнил две точки зрения, разумеется в пользу Хрущева. Но теперь позиция Молотова отвергалась целиком, Хрущев обобщал: «Он не верит в это дело. Молотов совершенно не связан с жизнью. По целине – не согласен, по внешней политике – не согласен, эта записка – не согласен. Не всегда Молотов был нетороплив. Торопил в период коллективизации, торопил, когда группу генералов репрессировали. Осудить и указать: неуважительно к коллективу»³. Раздраженный возражениями Первый секретарь «с водой выплеснул и ребен-

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 404–405.

² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 3. М., 2008. С. 793–794.

³ Там же. Т. 1. С. 243–245.

ка». А ведь когда недостатки регионального управления станут проявляться, в начале 60-х годов в Москве будут созданы государственные производственные комитеты для координации отраслевой научно-технической работы.

10 мая 1957 года был принят закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». Помимо роспуска министерств и создания совнархозов закон сохранял для обеспечения всесоюзной координации промышленного развития два всесоюзных государственных комитета – плановый и научно-технический. На базе 141 союзного, союзно-республиканского и республиканского министерства создавались 105 совнархозов.

Переход от министерств к совнархозам обеспечил более рациональное расходование ресурсов регионов и размещение новых предприятий. Но хозяйственные органы попали в полную зависимость от территориальных партийных организаций. Подчинение экономики регионам ослабляло межрегиональные связи в СССР, способствовало «местничеству», то есть преобладанию региональных интересов над общенациональными. Но Хрущев считал, что еще большей опасностью является «ведомственность», то есть преобладание интересов центральной отраслевой бюрократии и конфликты между ведомствами. В любом случае, как бы ни была организована хозяйственная бюрократия, это не являлось основным фактором экономического развития СССР. В это время развернулся новый этап модернизации советской экономики, для которого «социалистическая» система создала в целом благоприятные условия.

В условиях предстоящего ослабления союзного центра Молотов попытался усилить его с помощью своего ведомства. 18 апреля в качестве министра Государственного контроля Молотов внес записку «Об устранении серьезных недостатков в работе по повышению ресурса и улучшению экономичности авиационных двигателей». Это был тревожный сигнал для Хрущева и партийно-государственного чиновничества, входившего во вкус Оттепели: человек, который не разделял нового курса, получил в свои руки аппарат для проведения всесторонних ревизий. Хрущев потребовал от Молотова прекратить заниматься не своим делом¹.

31 мая Хрущев забраковал представленный Молотовым проект положения о Министерстве госконтроля. Причины недо-

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 249–251.

вольства проектом были принципиальными: «Что предлагается – неприемлемо. Сложившегося нет. М. б. по-другому пойти – инспекции при совнархозах, подчиненные совнархозам». То есть Молотов пытался превратить свое ведомство во всевидящее контрольное око, стоящее над совнархозами, а Хрущев защищал только что «сложившуюся» децентрализацию. Хрущева поддерживал Булганин: «Централизация чересчур», а Молотова – Каганович. Маленков занял компромиссную позицию: и центральный орган нужен, и совнархозы наделить контролем. Молотову было поручено переработать положение с учетом обсуждения¹.

6 апреля Молотов выразил сомнение по поводу награждения Хрущева второй звездой Героя Советского Союза: «Товарищ Хрущев заслуживает, чтобы наградить, но, думаю, надо подумать. Он недавно награждался. Требуется того, чтобы обсудить политически»². Сомнение Молотова проигнорировали, ведь награждение было за Целину. Но осадочек остался.

22 апреля, в день рождения Ленина, Молотов смог опубликовать в «Правде» статью, где напомнил, что работал под непосредственным руководством Ильича. В партийном ареопаге больше никто не мог этим похвастаться. Как подметил В.А. Никонов, эта статья стала «последней публикацией в жизни Молотова. Хотя жить ему предстояло еще долго»³.

Накопившиеся противоречия прорвались на публику 19 мая во время встречи партийного руководства с представителями творческой интеллигенции, которых пригласили на правительственную дачу. Под угощение пошел неформальный разговор. Замысел Хрущева заключался в том, чтобы сначала расположить к себе «инженеров человеческих душ», а затем хорошенько пропесочить тех, кто позволяет себе излишнее свободолобие. Под ударом оказались М. Казакевич, К. Паустовский, М. Шагинян, М. Алигер. Но то ли горячительное размыло грани допустимого в сознании Хрущева, то ли ему хотелось чем-то уравновесить свою роль гонителя свободы и сознательно отмежеваться от символа охранительства Молотова, но Хрущев нарушил важное партийное правило. Вячеслав Михайлович вспоминал: «Там он сказал во всеуслышание, что у него со мной разногласия. Я был этим недоволен, потому что он это высказал на беспартийном

¹ Там же. С. 257.

² Там же. С. 248, 1001.

³ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 406.

Встреча руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией

Художник Д. Налбандян

1957

[Из открытых источников]

собрании»¹. Эта информация стала достоянием широкого круга интеллигенции.

Упомянув о своих разногласиях с Молотовым, Хрущев нарушил важные табу – не выносить сор из партийной избы. «Если до этого он мог рассчитывать на большинство в Президиуме ЦК, то после этого его выступления с атакой на члена Президиума можно прямо сказать, что большинство членов Президиума заняло более критические позиции по отношению к Хрущеву и его методам руководства»², – вспоминал Каганович. Предав гласности факт разногласий в Президиуме ЦК, Хрущев запускал необратимый процесс – внутрипартийные противоречия не могли сохраняться долго, ведь официально партийная пропаганда трубила о монолитности партии как основе морально-политического единства советского народа. Теперь обе стороны должны

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 347.

² Каганович Л.М. Указ. соч. С. 514–516.

были искать повод для драки, чтобы представить позицию оппонентов антипартийной.

По словам В.А. Никонова о Молотове, «многолетняя его фронда была тем катализатором, который заставлял и коллег все более критично относиться к способностям и поступкам первого лица»¹. Не то что бы многолетняя – всего пару лет Молотов позволял себе конфликтовать с Хрущевым. И уж, конечно, не Молотову было претендовать на роль «катализатора» фронды для Маленкова. С.Н. Хрущев в своей книге об отце также называет противников Хрущева «молотовцами»², что требуется, дабы представить их сталинистами, но с учетом роли Булганина, Маленкова и Шепилова совершенно неверно. Ниже мы увидим, что участников этой коалиции правильнее называть «булганинцами».

Молотов и Маленков, идеологические позиции которых различались между собой больше, чем каждого из них с Хрущевым, объединили усилия. Идеологию победила психология. Они готовы были подчиняться вождю, но не такому импульсивному, экспансивному, фонтанирующему непродуманными инициативами начальнику, как Хрущев. Психологически он казался противоположностью Сталина. А значит, нужно устранить его с ключевой позиции, а дальше видно будет. Скорее всего, развернется новый раунд, где уже Молотов и Маленков потягуются между собой. Был и еще один важный фактор, который заставлял Молотова и Маленкова действовать вместе – они несли ответственность за участие в сталинском терроре – как бы они теперь к нему ни относились. Дальнейшее разоблачение «репрессий периода культа личности» подрывало положение Молотова, Маленкова, Кагановича и Ворошилова.

Тактика атаки нам Хрущева была отработана на Берии: подобрать «факты», как-то компрометирующие противника, договориться с коллегами по Президиуму ЦК о том, чтобы внезапно напасть на жертву. У всех ведь есть к нему какие-то претензии. И все понимают, что если окажешься на стороне падающего вниз – это конец карьеры, если не хуже. А после победного заседания Президиума ЦК можно собрать и пленум ЦК, который никогда еще не противостоял Политбюро – Президиуму. Чуткие к настроениям «наверху» члены ЦК будут из штанов выпрыги-

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 407.

² Хрущев С.Н. Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. С. 435.

вать, чтобы доказать, как они горячо поддерживают решение Президиума ЦК.

Так что Маленков, Молотов и Каганович принялись вести осторожные беседы с коллегами и подбор компромата на Хрущева. Тем более, что он сам неустанно пополнял эту копилку. 22 мая, не посоветовавшись с Президиумом ЦК, Хрущев выдвинул лозунг: «Догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения». Лозунг в принципе соответствовал решениям XX съезда КПСС, который тоже ставил задачу «догнать и перегнать» капиталистов. Но вскоре коллеги поставят Хрущеву этот лозунг в вину.

2 июня играли свадьбу сына Хрущева Сергея, куда, конечно, были приглашены члены Президиума. Сергей Никитович вспоминал: «Отец пребывал в отличном праздничном настроении, шутил, задибался. Когда Булганин начал очередной тост, он отпустил беззлобную шутку. Булганин среагировал бурно, просто взорвался. Стал кричать, что не позволит затыкать ему рот, помыкать им, скоро все это кончится... Отец оправдывался, уговаривал своего друга: он и в мыслях не держал его обидеть. Неприятную вспышку погасили – чего не бывает на свадьбе...» Молотов, Маленков, Каганович и Булганин засиживаться не стали и вскоре ушли, что характеризовало их личное отношение к Хрущеву и солидарность с обиженным Булганиным, которому предстоит сыграть очень важную роль в предстоящих событиях. Жуков и Серов «все время о чем-то шептались, а как только закончились официальные тосты и немного распогодилось, вышли в сад и долго вместе гуляли»¹.

6 июня Хрущев и Булганин отправились с визитом в Финляндию. Президент У.К. Кекконен в соответствии с национальной традицией пригласил советских гостей в сауну. Хрущев и Серов пошли, а Булганин считал такое обнаженное общение на государственном уровне неуместным. Это было продолжением накопления недовольства и раздражения из-за того, что Хрущев не признавал prerogatives главы правительства во время международных визитов и брал на себя решение вопросов, которые нужно было обсуждать вместе, а озвучивать именно Булганину как главе правительства. Государственный престиж перемещивался с личным престижем Булганина, к которому Хрущев не относился серьезно. А тут раз решили о чем-то еще договарив-

¹ Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 431–432.

ваться в бане – это без меня. Я СССР представляю. Хотя Булганин на Президиуме обычно выступал с реформистских позиций, его противоречия с Хрущевым, носившие организационный и личный характер, обострились даже сильнее, чем у Маленкова.

15 июня на Президиуме ЦК рассматривался вопрос о размещении в восточноевропейских странах заказов на поставку в СССР машин и оборудования. После доклада Микояна, Молотов выразил «сомнение насчет того, как это все увязано, насколько обоснованно планируем». Молотова поддержали – что давно не случалось – Маленков, Каганович, Первухин и Ворошилов. В результате они заставили Хрущева и Микояна отправить вопрос на доработку в Совет министров¹. Это был неприятный для Хрущева прецедент. Вкупе с предыдущими инцидентами складывалась тревожная картина, и последовавшее вскоре столкновение не стало для Никиты Сергеевича сюрпризом.

2. ГЕНЕРАЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ В КРЕМЛЕ

Все было готово для атаки на Хрущева, требовался лишь повод, причем такой, который не расколет противоречивую коалицию противников Первого секретаря. Что-нибудь личностное, а не принципиальное политическое.

18 июня планировался Президиум правительства. Хрущев сначала даже не хотел на него идти из-за других запланированных встреч. Микоян рассказывал, что Молотов и Каганович стали настаивать, чтобы вместо Президиума правительства провести Президиум ЦК. Поводом стал вопрос о поездке членов Президиума ЦК в Ленинград на запоздалое празднование 250-летия Северной столицы. Микоян рассказывал, что был удивлен, ведь этот вопрос уже был решен раньше². Дождались Хрущева, который приехал на встречу с венгерскими журналистами, и на нее пошли все вместе (чтобы не упустить Хрущева из виду).

Еще перед этим Микоян сказал Фурцевой и Брежневу: «Они, прикрываясь вопросом о поездке в Ленинград, что-то хотят другое. Они, видимо, сговорились...» Когда началась встреча с журналистами, Брежнев «выскочил из зала и побежал». Добравшись до телефона, он оповестил о ситуации Жукова, Аристова

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 258–259.

² Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 152.

*Леонид Ильич Брежнев
1963
[Из открытых
источников]*

и Серова¹. С Жуковым Брежнев успел переговорить до заседания, согласовав прохрущевскую позицию. «Когда мы с Жуковым вошли в комнату заседания, то Каганович, Молотов и Первухин, каждый в отдельности спросили в любезной форме: куда Вы, тов. Брежнев, выскакивали, что это Вы мотались. Я ответил им, что у меня внезапное расстройство, и я просидел в уборной»².

После встречи с венграми в четыре часа начали заседание Президиума ЦК. Его стенограмма не велась, так что о событиях 18–21 июня мы судим по воспоминаниям участников, которые характеризуют общее содержание выступлений этих нескольких дней, суммируя их по памяти. Каганович утверждает, что «Ворошилов первый возразил. Почему, сказал он, должны ехать все члены Президиума, что у них, других дел нет? Я поддержал сомнения Ворошилова и добавил, что у нас много дел по уборке и подготовке к хлебозаготовкам. Наверняка надо будет ряду членов Президиума выехать на места, да и самому Хрущеву надо будет выехать на целину, где много недоделанного.

Мы, сказал я, глубоко уважаем Ленинград, но ленинградцы не обидятся, если туда выедут несколько членов Президиума.

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 242.

² Там же. С. 243.

Маленков, Молотов, Булганин и Сабуров поддерживали эти возражения. И тут поднялся наш Никита и начал “чесать” членов Президиума одного за другим. Он так разошелся, что даже Микоян, который вообще отличался способностью к “быстрому маневрированию”, стал успокаивать Хрущева. Но тут уж члены Президиума поднялись и заявили, что так работать нельзя – давайте обсудим прежде всего поведение Хрущева. Было внесено предложение, чтобы председательствование на данном заседании поручить Булганину. Это было принято большинством Президиума, разумеется, без какого-либо предварительного сговора»¹, – вспоминал Каганович.

В такой интерпретации события выглядят спонтанным бунтом против распоясавшегося руководителя. Но спор о поездке в Ленинград, конечно, был только поводом для давно назревавшей схватки.

Брежнев через несколько дней так описывал начало этого исторического заседания: «Тов. Хрущев сообщил о том, что товарищи просят обсудить вопрос в связи с поездкой в Ленинград. Я не знаю, в чем дело, заметил он, мы этот вопрос уже обсуждали. Но вдруг слово взял тов. Маленков. В течение нескольких минут он изложил свое “кредо”»². Микоян, тоже по свежим следам событий, вспоминал, что Маленков уже в начале заседания встал и предложил обсудить поведение Хрущева, и поэтому передать ведение заседания Булганину³. Так что более позднее воспоминание Кагановича о том, что скандал устроил Хрущев, выглядит не очень убедительно. Если Хрущев и скандалил, то скорее всего в ответ на выступление своих оппонентов, которые продумали сценарий заседания заранее.

Против передачи ведения Булганину проголосовали только Хрущев и Микоян. Остальные поддержали Молотова, Маленкова и Кагановича, которые знали, с чего начать – со смены председательствующего. Кандидатура явно была согласована заранее. Булганин был главой правительства, а в силу своего характера и компромиссного поведения имел минимальный антирейтинг. Молотов также признавал, что выступление против Хрущева не было спонтанным, его противники ждали только повода: «Но мы уже договорились. Нас семеро из одиннадцати, а за него трое –

¹ Каганович Л.М. Указ. соч. С. 517–518.

² Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 243.

³ Там же. С. 153.

в том числе Микоян. У нас программы никакой не было, единственное — снять Хрущева, назначить его министром сельского хозяйства»¹.

Каганович продолжает свой рассказ о событиях 18 июня, хотя в них могут подмешиваться воспоминания о последующих четырехдневных дебатах: «После того как Булганин занял место председателя, взял слово Маленков. “Вы знаете, товарищи, — сказал Маленков, — что мы поддерживали Хрущева. И я, и товарищ Булганин вносили предложение об избрании Хрущева Первым секретарем ЦК. Но вот теперь я вижу, что мы ошиблись. Он обнаружил неспособность возглавлять ЦК. Он делает ошибку за ошибкой в содержании работы, он зазнался, отношения его к членам Президиума ЦК стали нетерпимыми, в особенности после XX съезда. Он подменяет государственный аппарат, командует непосредственно через голову Совета Министров. Это не есть партийное руководство советскими органами. Мы должны принять решение об освобождении Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК»². Таким образом, по воспоминаниям Кагановича, Маленков выдвинул персональные претензии и поставил кадровый вопрос.

Критикуя Хрущева, Маленков обвинил его в принятии несогласованного с Президиумом лозунга «Догнать и перегнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения», так как он противоречит курсу партии на преимущественное развитие тяжелой промышленности³. Что, товарищ Хрущев, критиковал меня за недооценку отраслей «группы А» — получи в ответ за то же самое. Маленков предложил созвать пленум ЦК⁴, ведь эти вопросы были в его компетенции. Пленум действительно будет создан через несколько дней, но совсем не такой, как рассчитывали противники Хрущева, привыкшие к тому, что пленумы одобряют решения высшей партийной олигархии. Пленум планировалось собрать не сразу, а недели через две, как предложил Ворошилов⁵.

Выступление Кагановича, которое было явно подготовлено заранее, также опровергает его версию о спонтанности атаки

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 354.

² Каганович Л.М. Указ. соч. С. 518.

³ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 26.

⁴ Там же. С. 50.

⁵ Там же. С. 51.

на Хрущева. Брежнев говорил, что Каганович «раскрыл папку с разными выкладками», раскритиковал положение на селе, «что у нас никаких успехов нет, все выдуманное»¹.

Каганович так вспоминал о содержании своего выступления: «Рассматриваемый нами вопрос является нелегким и огорчительным вопросом. Я не был в числе тех, кто вносил предложение об избрании Хрущева Первым секретарем ЦК, потому что я давно его знаю с его положительными и отрицательными сторонами. Но я голосовал за это предложение, рассчитывая на то, что положение обязывает и заставляет руководящего работника усиленнее развиваться и расти в процессе работы... Я, как и другие товарищи, говорил о его положительной работе и подчеркивал его ошибки в вопросах планирования народного хозяйства, в которых Хрущев особенно проявлял свой субъективистский, волюнтаристский подход, так и в вопросах партийного и государственного руководства. Поэтому я поддерживаю предложение об освобождении товарища Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК. Это, конечно, не значит, что он не останется в составе руководящих деятелей партии. Я думаю, что Хрущев учтет уроки и подымет на новый уровень свою деятельность.

Но есть еще одна сторона в поведении Хрущева, которую нужно осудить: Хрущев, как теперь установлено, в Секретариате ЦК спланировал свою фракцию. Он систематически занимался дискредитацией Президиума и его членов, критиковал их не на самом Президиуме, что вполне законно и необходимо, а в Секретариате ЦК, направляя свои стрелы против Президиума, являющегося высшим органом партии между пленумами ЦК. Такие действия Хрущева вредят единству, во имя которого Президиум ЦК терпел до сих пор причуды Хрущева. Об этом придется доложить на пленуме ЦК, который необходимо будет созвать»². Поведение Хрущева Каганович увязал с его причастностью в 20-е годы к троцкизму³. Вот почему и фракции формирует, и за реабилитацию фракционеров выступает. Этот акцент заострил принципиальный характер конфликта между сталинистами и сторонниками десталинизации. Было выдвинуто также требование снять с поста Серова. Вопрос о контроле над КГБ был одним из ключевых.

¹ Там же. С. 244.

² Каганович Л.М. Указ. соч. С. 518–519.

³ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 293.

Каганович через несколько дней говорил, что сформулировал такое предложение: создать коллегиальный секретариат без первого секретаря, а Хрущев может в нем остаться, но как отраслевой секретарь, скажем, по сельскому хозяйству¹. Такое понижение было аналогично снятию Маленкова с должности главы правительства с оставлением его в коллективном руководстве. Но Аристов вспоминал, что сначала Каганович требовал именно снятия Хрущева с поста, и лишь потом, столкнувшись с возражениями, сторонники отстранения Хрущева придумали более сложную комбинацию².

Затем слово взял Молотов. Каганович вспоминал о его словах: «Как ни старался Хрущев провоцировать меня, я не поддавался на обострение отношений. Но оказалось, что дальше терпеть невозможно. Хрущев обострил не только личные отношения, но и отношения в Президиуме в целом при решении крупных государственных и партийных вопросов». Также Молотов раскритиковал реформу управления промышленностью, масштабы освоения целины. «Тов. Молотов опровергал приписываемое ему торможение политики мира – это неправда, но, видимо, эта выдумка нужна была для того, чтобы оправдать необходимые шаги по внешней политике. Его выступления против Югославии относились к вопросам не внешней политики, а к антипартийным, антисоветским выступлениям югославов, за которые мы их критиковали и должны критиковать. “С Хрущевым как с Первым секретарем ЦК больше работать нельзя. Я высказываюсь за освобождение Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК”»³, – подвел итог своему выступлению Молотов.

В ходе дальнейших дебатов Молотов вменял в вину Хрущеву несанкционированные Президиумом выступления на внешнеполитические темы, в частности – интервью редактору «Нью-Йорк Таймс» Т. Кэтлиджу 10 мая, где Первый секретарь заявил, что мир на планете зависит от отношений между СССР и США, что умаляло отношения с другими странами.

Брежнев комментировал через несколько дней: «Всякие глупости говорил на этом заседании и Молотов. Он заявил, что тов. Хрущев, как Первый секретарь, не объединяет нас». Конечно, Брежнев с этим не согласен: «...можно без преувеличения ска-

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 61.

² Там же. С. 65.

³ Каганович Л.М. Указ. соч. С. 520.

*Михаил Георгиевич
Первухин
[Из открытых
источников]*

зять, что тов. Хрущев показывает образец честного неутомимого служения народу»¹. Самому Брежневу уже на второй день полемики стало плохо, и он исчез из политического поля на несколько дней.

Предложение снять Хрущева с поста поддержали Ворошилов и Булганин, который припомнил даже недавний визит в финскую баню. На позицию большинства сориентировался Первухин. Казалось, что решение о снятии Хрущева с поста предопределено.

Микоян тоже признал, «что верно, есть недостатки в работе Хрущева, но они исправимы, поэтому он считает, что не следует освобождать Хрущева»². Микоян понимал, что главное сейчас – сохранить пост за Хрущевым. Анастас Иванович вспоминал: «Хрущев висел на волоске. Почему я сделал все что мог, чтобы сохранить его на месте Первого секретаря? Мне было ясно, что Молотов, Каганович, отчасти Ворошилов были недовольны разоблачением преступлений Сталина. Победа этих людей означала бы торможение процесса десталинизации партии и общества»³.

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 245.

² Каганович Л.М. Указ. соч. С. 520.

³ Микоян А.И. Указ. соч. С. 597.

Жуков тоже был против отставки Хрущева. Секретари ЦК Брежнев и Фурцева защищали шефа.

В ответном выступлении Хрущев «опровергал некоторые обвинения, но без задиристости, можно сказать, со смущением. Часть упреков признал, что действительно, я, мол, допускал ошибочное отношение к товарищам, были ошибки и в решении вопросов по существу, но я обещаю Президиуму, что я исправлю эти ошибки»¹, – вспоминал Каганович (возможно, имея в виду выступление, которое состоялось не в первый день, а позднее)². Маленков также рассказывал: «...тов. Хрущев встал и сказал на заседании Президиума: “я выражаю, товарищи, вам свою глубокую благодарность и обещаю исправить все недостатки, на которые мне было указано”. Тов. Хрущев признал правильность недостатков, относящихся к области партийного руководства»³.

Большинство Президиума порывалось проголосовать за отставку Хрущева. Некоторые авторы сообщают о таком голосовании, рассказывая уже о первом дне заседаний Президиума 18 июня. Но последующее обсуждение этой темы на Президиуме показывает, что в первый день решение принято не было. Ю.В. Емельянов доверяется воспоминанию министра внутренних дел Н. Дудорова о том, как тот спас Хрущева. Повествуя о событиях 18 июня, историк утверждает, что Булганин отдал приказ сообщить о снятии Хрущева обкомам и республиканским ЦК, а также сообщить об этом в СМИ⁴. Однако применительно к 18 июня это совершенно невероятно. Не говоря уж о том, что к концу заседания решение не было принято, а дискуссия перенесена на следующий день, сообщать-то предстояло не некий факт, а текст постановления. А такового не имелось даже в проекте. Так что в этот день Дудоров мог получить указание Булганина быть в готовности, не более того. Когда дело закончилось для Хрущева благополучно, всем, кто был на его стороне, хотелось подчеркнуть свой вклад в победу. Но это никак не доказывает, что многоопытный Булганин решил 18 июня опубликовать в

¹ Каганович Л.М. Указ. соч. С. 520.

² О такой последовательности событий Хрущев рассказывал югославскому послу В. Мичуновичу по свежим следам произошедшего. См.: Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 437, 464.

³ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 50.

⁴ Емельянов Ю.В. Хрущев. «Оттепель» или... М., 2018. С. 386.

СМИ непонятно что о незаконченном еще конфликте в Президиуме ЦК.

Хрущев и Микоян настаивали на переносе заседания на следующий день, чтобы все члены Президиума и секретари ЦК могли высказаться. Булганин как ведущий согласился с этим. Хрущева нельзя было снять с поста без пленума ЦК. А пленум нужно было поставить перед лицом единства Президиума. Какое же единство, если при обсуждении такого важного вопроса отсутствовали члены Президиума А. Кириченко, М. Сулов, М. Сабуров, кандидаты Н. Шверник, Н. Мухитдинов, Ф. Козлов, секретари ЦК А. Аристов, Н. Бельев и П. Пospelов.

Арестовать Хрущева как Берию было нельзя: на его стороне был председатель КГБ Серов, а министр обороны Жуков был настроен резко против Молотова, Ворошилова и Кагановича из-за репрессий 30-х годов. Маленков попытался «обработать» Жукова перед заседанием, но безуспешно¹. Однако, как мы увидим, политические изменения вроде замены Первого секретаря секретарем по общим вопросам Жуков мог обсуждать.

Почему бы не ликвидировать пост Первого секретаря? Тогда даже не получится, что Хрущева сняли с поста. Просто нет такого поста, а Хрущев по-прежнему член высшего руководства. До пленума нужно согласовать общую позицию, с которой согласится и Хрущев – как в 1955 году с большинством согласился Маленков. Тогда пленум пройдет гладко. В этой ситуации под градом критики нужно было заставить Хрущева пойти на уступки, которые позволили бы восстановить для начала «коллективное руководство», где Хрущев будет одним из его членов, а не высшим руководителем партии. А затем такое демократичное решение закрепить на пленуме. Если право ведения Президиума ЦК после этого оставалось бы за Булганиным, то именно он становился «первым среди равных», как в 1954 году Маленков, а Хрущев оттеснялся от центра власти.

Такая комбинация требовала длительного обсуждения с выступлением всех желающих, чтобы пленуму был предъявлен именно консенсус Президиума. Эту линию и выдерживал Булганин 19–20 июня. Характерно также, что фракционные совещания, где обсуждалась тактика следующего дня, собирались у Булганина (именно он воспринимался как лидер фрак-

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 153.

ции) и у Хрущева в Секретариате. «Хрущевцам» противостояли «булганинцы».

С Берией справились за два часа, а Хрущева обсуждали четыре дня. Эта затяжка стала для выступления роковой. Но в первые дни казалось, что антихрущевскому большинству ничего не угрожает, и торопиться некуда. 19 июня, когда руководство партии собралось в полном составе, положение для Хрущева стало более благоприятным, но большинство членов Президиума было по-прежнему против него (7 против 4, к противникам Хрущева присоединился Сабуров), а вот большинство кандидатов и секретарей встали на сторону Первого секретаря. Теперь создалась возможность для практически равноправной дискуссии двух фракций, при которой формальное доминирование антихрущевски настроенных членов Президиума размывалось репликами менее авторитетных, но активно поддерживавших Хрущева кандидатов и секретарей.

Из секретарей ЦК к большинству присоединился только Шепилов, который так вспоминал о своем выступлении: «В первое время вы, Никита Сергеевич, взяли правильный курс: раскрепостили людей, вернули честное имя тысячам ни в чем не повинных людей: создалась новая обстановка в ЦК и Президиуме... Но теперь вы “знаток” по всем вопросам – и по сельскому хозяйству, и по науке, и по культуре! Хрущев сказал, что никак не ожидал моего выступления, и расценил его как предательство. Поразило меня тогда поведение Молотова: он сидел с каменным лицом, безучастным взглядом»¹. Если Шепилов выступал так, то подобная аргументация Молотову не нравилась, как и союз с «правым уклонистом» Маленковым. Но ничего, боролись же они против Троцкого в союзе с Бухариным. Сейчас важно свалить Хрущева, а там и с Маленковым и Шепиловым разберемся. Впрочем, через несколько дней на пленуме ЦК Шепилов высказывался о разоблачении сталинских репрессий не столь однозначно: «Я глубочайшим образом убежден, что сейчас, в нынешней обстановке, ворошить эти прежние дела и говорить о привлечении к ответственности – это принесет вред партии»².

Пока Булганин солидно предоставлял слово каждому члену высшего партийного руководства, Секретариат ЦК активно

¹ И примкнувший к ним Шепилов. Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998. С. 130.

² Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 137.

работал, сообщая членам ЦК о происходящем в прохрущевском ключе. Теперь против Молотова, Кагановича и Маленкова действовал созданный ими со Сталиным аппарат, который мог противостоять и членам Политбюро, если прикажет главный секретарь.

Часть членов ЦК предпочла выжидать, а часть готова была действовать. В Москве происходили исторические события, а мы, носители партийной демократии – в стороне! Партийная элита была взбаламучена, как дворяне в 1730 году, когда «верховники» пытались кулуарно ограничить абсолютизм в России. Теперь, как встарь, волнение партийного «дворянства» давало шанс спасти власть первого лица. Но не во имя самовластия, а как раз ради прав и свобод более широких слоев номенклатуры. С.Н. Хрущев подчеркивает и роль создания совнархозов в росте поддержки его отца: «Другое дело глубинка, она от совнархозов выигрывала, поворота вспять не только не приветствовала, но боялась, ее представители, не колеблясь, присоединялись к стану Хрущева»¹.

Каганович продолжает свой рассказ: «Президиум заседал четыре дня. Председательствовавший Булганин по-демократически вел заседание, не ограничивал время ораторам, давая порой повторные выступления и секретарям ЦК. А тем временем хрущевский Секретариат ЦК организовал тайно от Президиума ЦК вызов членов ЦК в Москву, разослав через органы ГПУ и органы Министерства обороны десятки самолетов, которые привезли в Москву членов ЦК. Это было сделано без какого-либо решения Президиума и даже не дожидаясь его решения по обсуждаемому вопросу»². Впрочем, в события стали вмешиваться уже члены ЦК, находившиеся в Москве. Самолеты понадобились, чтобы потом быстро собрать кворум ЦК. Узнав от сотрудников Секретариата, что большинство Президиума ставит вопрос о снятии с поста Первого секретаря или ликвидации этого поста, сторонники Хрущева решили сопротивляться. И устав КПСС был на их стороне – Президиум ЦК не имел право сам изменить решение, принятое Пленумом ЦК КПСС в сентябре 1953 года. Возникла угроза, что большинство Президиума примет такое решение, а какое-то время спустя, проведя чистку и запугивание цекистов и присоединив к разоблаченному Хру-

¹ Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 460.

² Каганович Л.М. Указ. соч. С. 521.

щеву группу «отщепенцев», просто утвердит свое решение на бессловесном пленуме. Это можно было предотвратить, собрав пленум немедленно. И цекисты решились потребовать этого. Тем более, что на их стороне была силовая поддержка, им был обеспечен беспрепятственный доступ в здание, где заседал Президиум. Ведь Серов был на стороне Хрущева.

«К концу заседания Президиума ЦК явилась от собравшихся в Свердловском зале членов ЦК делегация во главе с Коневым, заявив, что члены пленума ЦК просят Президиум доложить Пленуму ЦК об обсуждаемых на Президиуме вопросах. Некоторые члены Президиума гневно реагировали на этот акт созыва членов ЦК в Москву без разрешения Президиума ЦК как акт узурпаторский со стороны Секретариата ЦК и, конечно, самого Хрущева. Тов. Сабуров, например, ранее боготворивший Хрущева, с гневным возмущением воскликнул: “Я вас, товарищ Хрущев, считал честнейшим человеком. Теперь вижу, что я ошибался, – вы бесчестный человек, позволивший себе по-фракционному, за спиной Президиума ЦК организовать это собрание в Свердловском зале”»¹, – повествует Каганович.

Нервную реакцию Сабурова на вмешательство нижестоящих политиков можно понять: он только что сделал нелегкий выбор, выступив против начальника вместе с большинством партийного ареопага. Если, как заведено с 30-х годов, воля узкого руководства – закон для пленума ЦК – то выбор Сабурова правилен с карьерной точки зрения. А если пленум расколется или встанет на сторону Хрущева – его противники превратятся во «врагов народа», как Берия.

Выступая потом на пленуме ЦК, Жуков говорил о реакции противников Хрущева на появление делегации цекистов: «По их словам якобы не исключено, что вслед за ворвавшимися... в Президиум членами ЦК... в Кремль могут ворваться и танки, а Кремль может быть окружен войсками»². Слушатели засмеялись, но с учетом практики дела Берии, использование военных во внутрипартийной борьбе было не так уж невероятно.

Суслов рассказывал: «Я помню, что особенно резко возражали тт. Каганович, Молотов, Маленков, Шепилов кричал с места неистово, затем Сабуров, говорили, что это позор». Хрущев доба-

¹ Каганович Л.М. Указ. соч. С. 521.

² Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 34.

вил: «Когда пришла группа товарищей членов ЦК и попросила принять их, некоторые члены Президиума ЦК заявили:

– Что за обстановка в партии, кто создал такую обстановку? Так нас могут и танками окружить.

В ответ на это я сказал:

– Спокойно, это не танки, а пришли к нам члены ЦК.

Товарищ Жуков протестовал, как министр обороны... потому что танки можно двигать только по его приказу.

Я сказал, что нужно принять членов ЦК. Молотов громко заявил, что мы не будем принимать». Хрущев ответил: «Товарищи, мы, члены Президиума ЦК, мы слуги пленума, Пленум хозяин»¹.

Позиция авангарда цекистов была подкреплена официальным письмом членов ЦК с требованием собрать пленум – за 48 подписями. Затем число цекистов, требовавших пленум, продолжало расти. Громыко рассказывал о ситуации 21 июня: «Члены Центрального Комитета были полны решимости, если не будет вынесено решение Президиума Центрального Комитета о созыве Пленума, созвать Пленум в тот же день, в пятницу. Товарищи, которые присутствовали тогда, а их было 80 человек, согласятся, что именно так обстояло дело». К цекистам вышел Микоян, и они передали через него Президиуму требование немедленно созвать пленум ЦК, а если это не сделает Президиум, то это сделают они сами в Свердловском зале сегодня же вечером. «Мы считались с тем, что может быть дана какая-либо депеша, директива на места..., чтобы довести до сведения решение формального большинства Президиума»².

После появления делегации цекистов противники Хрущева поняли, что снять его с должности и поставить пленум перед фактом не удалось. На заседании Президиума 21 июня они уже не ставили вопрос об отстранении Хрущева и ликвидации поста Первого секретаря, а пытались согласовывать какой-то компромисс, который можно будет представить пленуму. Хрущев останется Первым секретарем, но пусть признает ошибки перед пленумом, и тогда выступление 18 июня будет выглядеть как справедливая товарищеская критика, а сам Первый секретарь вернется в лоно коллективного руководства. Но Хрущева такой

¹ Там же. С. 32.

² Там же. С. 233–234.

компромисс уже не устраивал, его команда готовила разгром фронды.

Что можно поделаться с группой членов ЦК? Не разгонять же. Противники Хрущева считали явление цекистов недопустимым нарушением субординации и давлением на Президиум. Но что делать, когда под дверью стоят и возмущаются около 20 членов ЦК, представляющие еще больший круг? Большинство Президиума предлагало выделить для встречи с этой делегацией своего делегата – Булганина или Ворошилова. Они могли бы успокоить начальников второго ранга и дать Президиуму согласовать компромисс, который потом утвердит Пленум ЦК. Но это не устраивало Хрущева и его сторонников. Он заявил, что тоже пойдет к членам ЦК. В делегацию от Президиума включили также Микояна, Булганина и Ворошилова¹. Но это уже не имело значения – Хрущев вырвался из узкого круга «верховников», осуждающего его, и двинулся навстречу своим сторонникам. А Маленков, Молотов, Каганович и другие противники Хрущева в растерянности остались сидеть в зале заседаний.

С этого момента Президиум уже не мог принять какое-то решение в условиях фактически собиравшегося пленума. После встречи Хрущева, Булганина и Ворошилова с членами ЦК, которые требовали немедленно созвать пленум, был уже вечер, и заседание Президиума не возобновлялось. Но Булганин собрал у себя Молотова, Маленкова и Кагановича, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Хрущев позвонил главе правительства, чтобы тоже обсудить с ним положение тет-а-тет, но Булганин сказал, в какой компании находится. За это Хрущев на пленуме обвинял их в сговоре, хотя сам фактически признался, что хотел войти в сговор с Булганиным за спиной остальных членов Президиума².

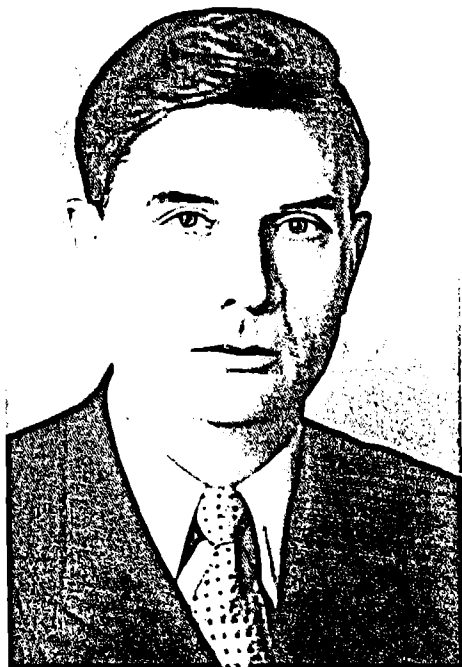
Секретариат ЦК готовил пленум, формировал повестку дня и определял докладчиков. Его собрали уже 22 июня – сторонники Хрущева должны были торопиться. Пленум начался с доклада Суслова, который представил прохрущевскую версию событий. Критику в адрес Хрущева он называл «нападками» и «недостойным поклепом» на линию партии³. Это задало тон пленуму. Подавляющее большинство было на стороне Хрущева. Реплики из

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 32.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 25, 28.

*Михаил Андреевич
Суслов
1950-е
[Из открытых
источников]*

зала поддерживали Первого секретаря и враждебно перебивали его оппонентов.

Чтобы сохранять роль арбитра в споре, Суслов признал: «Конечно, у тов. Хрущева имеются недостатки, например, известная резкость и горячность. Отдельные выступления его были без должной согласованности с Президиумом, и некоторые другие недостатки, вполне исправимые, на которые указывалось тов. Хрущеву на заседании Президиума. Правильно отмечалось на заседании, что наша печать в последнее время излишне много публикует выступлений и приветствий тов. Хрущева. Но при всем этом на заседании Президиума выражалась полная уверенность в том, что тов. Хрущев вполне способен эти недостатки устранить»¹. В 1964 году тот же Суслов будет утверждать, что уже не способен. Но в 1957 году партаппарат устами Суслова дал понять: критиковать Никиту Сергеевича можно, но нас он устраивает. Вина его противников в том, что они сделали из этой критики «антипартийные» оргвыводы. Да и критика резковата.

¹ Там же. С. 29.

Жуков не только обеспечил силовое прикрытие сторонникам Хрущева, но и подкрепил своим авторитетом главное обвинение против Молотова, Маленкова и Кагановича – соучастие в сталинских репрессиях против честных коммунистов: «С 27 февраля 1937 года по 12 ноября 1938 года НКВД получил от Сталина, Молотова, Кагановича санкцию на осуждение Военной коллегией, Военным судом к высшей мере наказания – расстрелу – на 38 679 человек»¹. Жуков потребовал от троицы дать объяснения по поводу своих злоупотреблений, а во время выступления Кагановича бросил реплику о необходимости уголовной ответственности за репрессии. Каганович оправдывался и напоминал о причастности Хрущева и Жукова к репрессиям, что они отрицали². Компромат на «оппозицию» был предъявлен и в других выступлениях. Об их соучастии в репрессиях говорил, например, ветеран большевизма (партийный стаж на год больше Молотова), председатель Комитета партийного контроля и кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Н. Шверник. При этом, когда Маленков заступался за внутрипартийную демократию, Пospelов бросил реплику: «Троцкисты и зиновьевцы об этом говорили. Они с этого начинали»³. Критикуя Хрущева, Каганович сбился на оправдания Сталина, что также уже не нравилось ЦК, избранному на XX съезде. Хрущев, споря с ним, обвинил своих противников в стремлении захватить власть, чтобы уничтожить компрометирующие их документы⁴.

Во время выступления Кагановича с места прозвучало обвинение о создании противниками Хрущева «антипартийной группы», что вызвало в зале смятение. Ворошилов возмущенно кричал: «это мерзость. Выдумка, никакой антипартийной группы нет» и обратился к Хрущеву: «Почему ты молчишь, ты же председатель, скажи, что никакой группы нет!» Обвинение в создании антипартийной группы явно не предусматривалось итогами обсуждения на Президиуме. Хрущев ответил Ворошилову: «Климент Ефремович, оказывается, ты горячий человек, меня обвинял в горячности, а сам не лучше меня в этом вопросе»⁵.

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 38.

² Там же. С. 67–69.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Там же. С. 66.

22 июня Молотову слова так и не дали, отлично понимая, что его атака на Хрущева будет наиболее принципиальной. А на 23 июня объявили перерыв на воскресенье. Негоже нарушать трудовое законодательство. Конечно, в этот день в ЦК мало кто отдыхал – обсуждались условия капитуляции смутьянов.

24 июня Молотов решительно требовал предоставить ему обещанное слово, но Суслов провел решение о том, что вперед выпустят тех участников фронды, кто готов отмежеваться от «ядра заговора»: Булганина, Сабурова и Первухина, а потом уж Молотову можно предоставить место на трибуне.

Булганин настаивал: «Я заявляю, что имел лишь одно намерение – устранить недостатки в работе Президиума»¹. Хрущев нарушал порядок, принимал решения в обход Президиума. Вот мы его и покритиковали. Что такого? А вот от Молотова Булганин решительно отмежевался: «Что касается Молотова, то по всем принципиальным вопросам в Президиуме ЦК я вместе с ним не был, я выступал вместе с Президиумом против Молотова и по вопросам сельского хозяйства, и по вопросам международной и внутренней политики»². Но отмежеваться не удалось, рой реплик обличал Булганина в сговоре с отщепенцами. Не с тем сговорился. Хрущев уже не стеснялся, и рассказал, как вел разговоры с Булганиным за спиной коллег по Президиуму о том, что «Молотов пылает ненавистью, по всем принципиальным вопросам выступает против». А его поддерживают Маленков и Каганович. Хрущев сколачивал франию с целью расширения Президиума, чтобы разбавить эту группу, а Булганин в итоге уговорам не внял, с ними «снюхался»³.

Сабуров «заложил» согруппников, настаивая, что фракционные совещания 19–21 июня были, а Первухин рассказал, как Каганович, Молотов и Маленков говорили ему еще 15 июня, что нужно снять Хрущева с поста Первого секретаря⁴.

Эти выступления подготовили зал к главному блюду – полемике с Молотовым. Перекрикивая то и дело перебивавших его противников, Молотов настаивал, что «никакой группировки нет, нет политической платформы, а без политической платфор-

¹ Там же. С. 73.

² Там же. С. 76.

³ Там же. С. 79.

⁴ Там же. С. 80, 97.

мы, товарищи, группировки не бывает»¹. Молотов категорически отрицал, что противники Хрущева действовали согласованно, как фракция: «На Президиуме один в одном плане говорил, другой – в другом, но главный вопрос заключался в том, как обеспечить и укрепить коллективное руководство и предупредить дальнейшие нарушения этого коллективного руководства». Чтобы доказать, что вопрос о ликвидации Первого секретаря не был предметом групповой платформы, Молотов вспомнил, что такие разговоры вел и Жуков². Хрущев это запомнил.

Молотов настаивал: «Я не так часто меняю свое мнение. Я говорил честно и на Президиуме и говорю на Пленуме то, что думаю. Иногда это не нравится, дают соответствующий отпор моему мнению, но я, товарищи, скажу и о том, в чем я вижу недостатки в нашем руководстве. Я это буду говорить, и это я считаю в моем заявлении главным.

– А мы считаем главным фракционную борьбу, затеянную вами в Президиуме ЦК, об этом и следует вам говорить, – перебивали с места. Но Молотова трудно было сбить.

– Я состою в партии не первый десяток лет.

– Не злоупотребляйте этим.

– И до революции, как и за все годы революции, я ни в каких группировках не участвовал, был всегда с Лениным, поддерживал его и был ленинцем.

– А сейчас?... Почему вы создаете фракционную группу?

– Я проводил неизменно на протяжении всей партийной жизни ту линию, которую проводит наша партия, которую проводили Ленин и ленинцы.

– Коммунистов избивали, разве это ленинец? (Шум в зале) Не прикрывайтесь старыми заслугами.

– Вместе с тем мы должны смотреть все время вперед и обращать внимание на те недостатки, которые имеются, в том числе и недостатки в работе Первого секретаря ЦК.

– А он против этого?

– Очень часто он против этого. Никому не нравится критика. Когда меня критикуют, тоже иной раз не нравится).

Молотов отметил положительные черты Хрущева – «активность, частые выезды на места, выступления на больших собраниях». Но «есть факты, которые говорят о нарушении коллек-

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 101.

² Там же. С. 110.

тивного руководства. А это такой вопрос, который после смерти Сталина для нас является в высшей степени важным... Может быть, мой недостаток в том, что я лично не раз выступал открыто на Президиуме по тем или иным недостаткам, возражал Хрущеву. Другие же товарищи обыкновенно этого не делали».

Полянский возразил: «Недостатки недостатками, а вы сразу начали с дворцового переворота».

– Могут же члены Президиума иметь свое мнение.

– Да, но организовывать сговор не могут.

– Никакого сговора не было, но накопилось столько недостатков, что это вызвало у членов Президиума ЦК недовольство по разным мотивам: у одних по одним, у других по другим». «Сговор», то есть предварительные консультации, конечно, были, о чем Молотову крикнул А. Аристов: «Сначала вам надо было сколотить большинство»¹.

Вячеслав Михайлович стал повторять частные претензии к Хрущеву: «Особенно вызвало большое недовольство поведение тов. Хрущева на обеде с писателями на загородной даче... На этом обеде с участием многих беспартийных говорилось, что есть споры и разногласия с Молотовым. Разве это правильно? Неправильно было тогда говорить, что были венгерские события, но если наши писатели будут так себя вести, то мы их “сотрем в порошок”».

Хрущеву несложно теперь было это отбить: «Я считаю, что среди писателей есть некоторая часть таких, которых нужно обуздать. Нужно укрепить ту часть, которая стоит на крепких партийных позициях. И я на приеме сказал, что надо вести активную борьбу за линию партии, наступать против тех, кто выступает против нашей партии»².

Молотов на минуту превратился в защитника свободомыслия писателей: «Когда советским писателям говорят, что “сотрем в порошок”, – это не воспитание». Но через минуту в выступлении Молотова о писателях зазвучали знакомые зловещие ноты: «Никакого сомнения нет в том, что если потребуется, то любого покончим на месте или пошлем туда, куда надо, если он выступит против политики нашей партии и государства или поступит так, как Дудинцев, который клеветает на Советское государство. Если же оказывать какое-либо воспитательное воздействие на

¹ Там же. С. 101–102

² Там же. С. 103–104.

писателей, нужны соответствующие методы. Этих методов в данном случае не оказалось». Конечно, для таких писателей, как Дудинцев, хрущевские разносы были получше, чем молотовское «покончим на месте или пошлем туда, куда надо». Но главное — Молотов ушел в обсуждение этих литературно-педагогических вопросов от принципиальных претензий к Хрущеву, которого и по этой теме было кому поддерживать. Пospelов заявил: «Это был замечательный метод — метод прямоты, доверия, острой товарищеской критики».

Молотов продолжил под шум в зале излагать свои претензии к Хрущеву:

«Я перейду дальше к конкретным фактам, где я вижу нарушения методов коллективного руководства, но, кроме того, у нас есть, безусловно, зачатки культа личности тов. Хрущева... Когда все другие молчат, а один человек из членов Президиума выступает и по сельскому хозяйству, и по промышленности, и по строительству, и по финансам, и по внешней политике, и т. д. Нельзя себе присваивать столько прав, столько знаний». Почему же нельзя? Вот в 30-е годы и Молотов выступал по всем этим вопросам. Правда, над ним был Сталин, а над Хрущевым никого нет. «Газеты заполняются так, как было во времена Сталина... либо новая речь, либо новое приветствие... Вы не называете это культом личности, но это самые настоящие зародыши культа личности, которые противоречат тому, что Пленум ЦК и Президиум ЦК говорят о коллективном руководстве. Мы не должны закрывать глаза на это». Но тут Молотову припомнили, что в честь него названы города и заводы. В пылу полемики Молотов воскликнул: «Ноги на стол тов. Хрущев положил»¹. Тут зал взорвался бурей возмущения. Попробовал бы он Сталину такое сказать!

Через семь лет процессы раскрепощения общества, в том числе номенклатуры, пройдут дальше, и они сами все это скажут Хрущеву. Но чтобы это стало возможно, сегодня нужно было защитить Хрущева от столпов сталинского правления, которые заступаются за демократизм. На словах.

Но в речи Молотова звучала и личная обида: «...тов. Хрущев походя говорит так о членах Президиума ЦК: этот выживший из ума старик, этот бездельник, тот карьерист. Вы не можете считать справедливым и нормальным, когда один член Президиума

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 105–106.

ЦК начинает распоряжаться нами, как пешками»¹. Обвинения Молотова в основном имели личный, не политический характер. Вячеслав Михайлович понимал, что если обвинит Хрущева в правом уклоне, то тут же в ответ получит обвинение в левом. Так что нужно держаться той линии, что и Ленин, обвинявший Сталина в 1922 году: «Когда мы его выбирали Первым секретарем, я думал, что он будет тем же человеком, каким был до назначения его Первым секретарем. Получилось не так, и чем дальше, тем больше... Надо иметь в виду, что мы имеем плохой пример в лице Сталина. Ленин предупреждал, что Сталин, “сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть... и я не уверен, – писал Ленин, – сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью”. Я считаю, что этот урок полезен нам не только тогда, когда речь идет о Сталине... Тут уже говорили, какой характер у товарища Хрущева: не особенно гладкий...

– Почему? Очень прямой, очень принципиальный, очень боевой и незлопамятный.

– Очень прямой был и у Сталина, когда он говорил многим неприятные вещи, особенно в первые годы после Ленина»².

Молотов отрицал, что выступал против освоения Целины, а по поводу хрущевского лозунга «догнать и перегнать Соединенные Штаты по молоку, маслу и мясу» пояснил, что считает его недостаточным, нужно говорить о необходимости догнать и перегнать не только по мясу и молоку, но и по всему остальному, как сказано в материалах XX съезда КПСС³. Так что Молотов критиковал Хрущева не с позиций здравомыслия за авантюризм, а по-левацки за недостаточную смелость в постановке задач перед партией и народом.

От Молотова настойчиво требовали покаяться за соучастие в репрессиях, но он прикрывался как щитом постановлением «О преодолении культа личности и его последствий», которое брало под защиту «ленинское ядро» ЦК, включая Молотова. «Я несу за это ответственность, как и другие члены Политбюро. Вы все знаете, что есть решение XX съезда КПСС, был доклад на съезде по этому вопросу, и мы все дружно осудили и заклеими-

¹ Там же. С. 106.

² Там же. С. 108–110.

³ Там же. С. 115.

ли ошибки и извращения, которые были...»¹ Хрущев настаивал: «...ты после Сталина был второе лицо, и на тебя ложится главная ответственность»².

Обсуждение внешнеполитических проблем, где Молотов мог бы раскритиковать сами принципы хрущевской политики, свелось к мелким придиркам к хрущевским речам и поступкам, принципиальные вопросы вроде Югославии Молотов предпочел не поднимать. Визит Хрущева в финскую баню Молотов считал нарушением «достоинства перед иностранными буржуазными деятелями»³. Да и вообще не следует Хрущеву сопровождать в зарубежных визитах председателя Совета министров. Но в это время уже и карьера Булганина висела на волоске. В следующем году Хрущев будет выезжать в зарубежные визиты не в сопровождении, а в качестве председателя Совета министров СССР.

Хрущев, Серов и другие члены ЦК наперебой принялись объяснять Молотову, что встречи политиков в бане — это добрая финская традиция, в которой нет ничего зазорного. Суслов подвел итог этой части дискуссии: «Тов. Молотов, вопросы международного положения Вы свели к бане. Можно было сказать, правильная внешняя политика проводилась Центральным комитетом по ряду вопросов вопреки Вам»⁴. И Молотову стали напоминать об осуждении его позиции по Югославии. Тогда Молотов в обоснование своей правоты перешел от банной темы к более принципиальной: он признал, что в 1955 году солидаризировался с китайской позицией по поводу Югославии и тогда сказал: «...почему то, что понимают китайские товарищи, не понимают у нас? В данном вопросе нам следовало раньше разобраться, чем им»⁵.

Раз пошел более принципиальный разговор, Молотов выступил в защиту Сталина: «Мы признали его ошибки, но надо говорить и об его заслугах». Хрущеву только этого было и нужно: «Ты хочешь повернуть все назад, чтобы потом самому взять топор»⁶. Молотов сам взмолился на представленное ему место главного сталиниста.

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 117.

² Там же. С. 119.

³ Там же. С. 125.

⁴ Там же. С. 127.

⁵ Там же. С. 128.

⁶ Там же. С. 131.

Подводя итоги, Молотов заявил: «Во-первых. Для постановки вопроса о нарушении коллективного руководства имелись серьезные основания. Поправить в этом отношении тов. Хрущева необходимо. Во-вторых. Что касается дальнейшего, то интересы партии требуют – не допустить репрессий за критику недостатков Первого секретаря»¹. Второй вопрос теперь был важнее первого – они потерпели поражение, и важно было не оказаться в роли Берии. А риторика членов ЦК вела к самым суровым решениям.

Микоян в своем выступлении, в целом защищая Хрущева, признал, что в беседе с писателями тот «допустил горячность и перебарщивание». С кем не бывает. «У Хрущева есть горячность, поспешность, он говорит резкости, но он их от души говорит, без интриганства... Да и Молотов показал, что он способен оскорблять, правда, он несколько другого темперамента, но он может выбросить ядовитое словечко и зло обидеть человека»². И дело не только в темпераменте, Микоян выстроил цепочку разногласий последних лет, доказывая, что Молотов принципиально расходился с правильной политикой Президиума ЦК. Поэтому его атака на Хрущева – это идеологический, принципиальный конфликт, а не набор частных, как могло показаться во время его речи.

25 июня Булганин уже не просто отмежевался от Молотова, а стал решительно обличать его, выставляя лидером группы: «На протяжении всего времени после смерти Сталина мы в Президиуме Центрального Комитета по всем внутренним и международным вопросам вели борьбу с Молотовым. Я никогда в Президиуме не занимал иной позиции, кроме той, чтобы бороться с Молотовым. Ясно было, что он главный тут идеолог. Главный Папа всей кухни». Глава правительства и кандидат в лидеры партии теперь слезно каялся и обличал вчерашних товарищей по антихрущевской фронде: «Товарищи Маленков, Каганович, Молотов ведут работу против партии и Центрального Комитета на протяжении всего времени, как пришел в ЦК тов. Хрущев. Вели и продолжают вести. Нашли момент, когда можно зацепить и нас.

Я, товарищи, вижу теперь все, для меня все ясно. Для меня ясно, что если не положить решительный конец их деятельности, они нам и дальше будут мешать в работе.

¹ Там же. С. 132.

² Там же. С. 145.

Я считаю, что пленум должен принять самое суровое решение по их адресу (Аплодисменты)»¹. Самое суровое – это как с Берией? Булганин отчаянно пытался убрать свою голову из-под политического топора, подставляя туда головы вчерашних соратников.

Оклемавшийся Брежнев начал свое выступление еще более сурово: «Перед нами все глубже и полнее раскрывается картина чудовищного заговора против партии, заговора, организованного антипартийной группой Маленкова, Молотова, Кагановича, Шепилова. К сожалению, им удалось вовлечь в свою раскольническую группу Булганина, Сабурова, Первухина. Теперь видно для всех, что главными организаторами и заправками этого заговора были Маленков, Молотов, Каганович. Двуручническую роль в этом грязном деле играл так называемый “идеолог” Шепилов. Ничего не скажешь, товарищи, это опытные, прожженные политики. Давно набившие себе руку на темных, закулисных делах»².

Громыко, который был многим обязан Молотову, но и немало от него натерпелся, теперь говорил: «Хорошо, если бы тов. Молотов мысленно отошел в середину зала и посмотрел бы на себя, говорящего с этой трибуны. Он увидел бы, какая это жалкая картина». Даже буржуазные газеты не придрались к поведению Хрущева в Финляндии. «Вывод такой: этика этих самых враждебных нам буржуазных газет оказалась выше этики, которой руководствуется сейчас Молотов на Пленуме Центрального Комитета партии... Я не буду повторяться относительно других замечаний Молотова, потому что они той же природы; они надерганы в попытке вылить грязь на голову Первого секретаря. Но тов. Молотов не замечает, а может быть, сейчас и замечает, что он испачкался этой грязью сам с головы до ног.

Голос: Даже в финской бане не отмоешься. (Смех)»³.

Но на фоне других членов ЦК, говоривших о заговоре и суровом решении в отношении его участников, предложение Громыко выглядело по-европейски цивилизованно. Сославшись на то, что Черчилль в отставке пишет пейзажи, протеже Молотова сказал: «Я думаю, что тройсу, а может быть, и некоторых из тех, кто

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 168–169.

² Там же. С. 239.

³ Там же. С. 233.

блокировались с этой тройкой, нужно тоже отправить рисовать пейзажи. (Смех в зале)»¹. Вопрос об их судьбе еще не был решен.

28 июня обвиняемым предоставили последнее слово. Правила игры предусматривали покаяние – ведь большевики должны следовать указаниям ЦК, а его позиция определилась в пользу Хрущева. Каганович признал «грубую политическую ошибку» в требовании отставки Хрущева, но отрицал антипартийность своих намерений. Также Каганович отмежевался от молотовской оценки «лозунга догнать и перегнать как уклона вправо и как ревизии линии партии». Маленков также признал, «что своим поведением дал все основания для того возмущения, для того гнева, с которым здесь выступали члены Пленума Центрального Комитета в отношении меня и других товарищей, действия которых так резко и справедливо осуждаются»².

Молотов в наибольшей степени каялся в политических ошибках, так как его противостояние с Хрущевым было наиболее принципиальным: «Товарищи, я вышел на эту трибуну для того, чтобы заявить об ошибочности моей позиции в дни перед пленумом и на настоящем пленуме. Должен сказать к этому, что я несу особую ответственность за ошибочность этой позиции и за те выводы, к которым приходили мы во время наших встреч на Президиуме перед Пленумом и перед Президиумом ЦК. Должен об этом сказать прямо и определенно, так как в своих выводах, в своей критике я шел дальше, чем другие товарищи...

Я хочу к этому добавить, товарищи, что считаю главной ошибкой, политической ошибкой, то, что я, как и ряд других товарищей, выдвинул оргвопрос, так называемый вопрос об отмене поста Первого секретаря ЦК и тем самым об освобождении от этого поста тов. Хрущева.

Конечно, перейти от критики недостатков к таким выводам, которые внешне или формально являются организационными, а по существу политическими, в этом нельзя не видеть серьезной политической ошибки с моей стороны, и со стороны тех товарищей, которые поддержали это предложение.

В этом отношении я был на позициях, которые я сейчас осуждаю, считаю неправильными...

Я, товарищи, хочу к этому добавить вместе с тем, что критику недостатков членов Президиума Центрального Комитета, как и

¹ Там же. С. 229.

² Там же. С. 395–399.

Первого секретаря Центрального Комитета, я считаю законной. Я считаю, что мы должны спорить, мы должны выяснять те оттенки мнений, которые бывают между нами.

Я не отрицаю свою вину, не отрицаю того факта, какую роль я в данном случае играл... Я считаю себя, товарищи, честным коммунистом.... Заговора не было, но было то, что называется групповщиной»¹.

Свои варианты покаяний представили и другие участники антихрущевской фронды. Итоги подвел Хрущев: «Мне думается, товарищи, что идейным вдохновителем этого дела был Молотов. Организатором антипартийной группы был Маленков. Подпевалой, как точильщик со своим станком для точки пожей, был Каганович»². Хрущев нарисовал жуткую политическую перспективу в случае победы молотовской стратегии: «Тов. Молотов, если вам дать волю в руководстве, вы страну загубите, вы приведете ее на положение изоляции, и никто не может гарантировать, что вы не совершите поступок, который может привести к авантюризму и развязать войну»³. Через пять лет и сам Хрущев подведет мир к грани ракетно-ядерной войны.

29 июня на пленуме были зачитаны покаянные заявления Маленкова, Кагановича и Молотова, который позволил себе огрызнуться на Хрущева: «В связи с вчерашним выступлением тов. Хрущева, которое было крайне необъективным...» Молотов снова признал ошибки, но с оговоркой: «в работе Президиума имеются некоторые недостатки, на которые время от времени законно обращали внимание отдельные члены Президиума ЦК.

Ведь и главным поводом к созыву Президиума ЦК 18.VI, как уже здесь говорилось, были некоторые факты нарушения коллективного руководства со стороны тов. Хрущева»⁴.

29 июня пленум принял постановление «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.». Она «добивалась смены состава руководящих органов партии», «упорно сопротивлялась и пыталась сорвать такое важнейшее мероприятие, как реорганизация управления промышленностью, создание совнархозов», вела «ничем не оправданную борьбу против призыва партии – догнать в ближайшие годы США по

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 403–405.

² Там же. С. 445.

³ Там же. С. 529.

⁴ Там же. С. 500.

производству молока, масла и мяса на душу населения». Задним числом мнение Первого секретаря отождествлялось с позицией партии. Отныне публично спорить с ним было нельзя. Молотов дополнительно обвинялся в сопротивлении освоению целинных земель и улучшению отношений с Югославией. И главное: «Тт. Маленков, Каганович и Молотов упорно сопротивлялись тем мероприятиям, которые проводил Центральный комитет и вся наша партия по ликвидации последствий культа личности, по устранению допущенных в свое время нарушений революционной законности и создания таких условий, которые исключают возможность повторения их в дальнейшем». В той части постановления, которое не планировалось публиковать, говорилось: «Как теперь установлено, тт. Маленков, Каганович и Молотов несут персональную ответственность за необоснованные массовые репрессии...» и хотели скрыть следы своих преступлений путем захвата власти¹.

Постановление было предано гласности лишь частично. Не были оглашены дисциплинарные меры, направленные против вовремя отмежевавшихся Булганина, Первухина и Сабурова. Было важно показать, что против Хрущева выступила небольшая группа руководителей, а не большинство Президиума ЦК. Ворошилова формально вообще решили простить, учитывая его исторические «заслуги». Только в 1960 году он был снят с поста председателя Президиума Верховного Совета СССР, а формальным главой государства стал Брежнев.

Три организатора «Антипартийной группы» были выведены из состава Президиума ЦК и из состава ЦК. «Примкнувший к ним» Шепилов с поста секретаря ЦК. Президиум ЦК был пополнен за счет кандидатов Жукова, Брежнева, Шверника, Фурцевой и секретарей ЦК Аристова и Беляева. Это было нелишне, ведь часть «примкнувших» пока оставили в руководстве. При принятии постановления Молотов был единственным воздержавшимся².

Страна и мир пока не знали о произошедших событиях. Только 3 июля «Правда» намекнула, что даже высокопоставленные нарушители партийной дисциплины будут исключены из партии, как Каменев и Зиновьев. Такое сравнение было очень опасно для членов «антипартийной группы». Но осуждение «культа

¹ Там же. С. 563–565.

² Там же. С. 568.

Подполковник В. И. Сектор
Общего отдела ЦК КПСС
М. 1965

Секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦК КПСС

ОБ АНТИПАРТИЙНОЙ ГРУППЕ МАЛЕНКОВА Г.М., КАГАНОВИЧА Л.М.,
МОЛОТОВА В.М.

Пленум Центрального Комитета КПСС на заседаниях 22-29 июня 1957 года рассмотрел вопрос об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова, образовавшейся внутри Президиума ЦК КПСС.

В то время, когда партия под руководством Центрального Комитета, опираясь на всенародную поддержку, ведет огромную работу по исполнению исторических решений XX съезда, направленных на дальнейшее развитие народного хозяйства и непрерывный подъем жизненного уровня советского народа, на восстановление ленинских норм внутрипартийной жизни, ликвидацию нарушений революционной законности, на расширение связей партии с народными массами, развитие советской социалистической демократии, на укрепление дружбы советских народов, проведение правильной национальной политики, а в области внешней политики - на разрядку международной напряженности в целях обеспечения прочного мира; и когда достигнуты уже во всех этих областях серьезные успехи, о которых знает каждый советский человек, - в это время антипартийная группа Маленкова, Кагановича и Молотова выступила против линии партии.

С целью изменения политической линии партии эта группа антипартийными, фракционными методами добивалась смены состава руководящих органов партии, избранных на Пленуме ЦК КПСС.

Это не явилось случайностью.

В течение последних 3-4 лет, когда партия взяла курс на исправление ошибок и недостатков, порожденных личностями, и ведет успешную борьбу против ревизионизма-ленинизма как на международной арене, так и в нашей стране, когда партией проведена большая работа по устранению допущенных в прошлом извращений ленинской политической линии, - участники раскрытой теперь и полностью антипартийной группы постоянно оказывали косвенное противодействие этому курсу, одобренному ЦК КПСС. Эта группа по существу пыталась провозгласить ленинскому курсу на мирное осуществление дружбы с различными социальными системами, международной напряженности и установлению дружественных отношений СССР со всеми народами мира.

Они выступили против расширения прав союзных республик в экономическом и культурном строительстве, в области культуры, а также против усиления роли местных Советов в этих задачах. Тем самым антипартийная группа ставила перед собой проведение партийного курса на развитие экономики и культуры в национальных республиках, обеспечивающего дальнейшее укрепление ленинских связей между всеми народами нашей страны. Антипартийная группа не только не понимала, но и сопротивлялась мероприятиям по борьбе с бюрократизмом, по сокращению государственного аппарата. По всем этим вопросам группа выступила против проводимой партией ленинского принципа демократического централизма.

Группа упорно сопротивлялась и пыталась сорвать дальнейшее развитие как реорганизация управления государством, создание Советского правительства в экономическом развитии всей партией и народом. Они не хотели пойти на современный этап, когда развитие социалистического строительства достигло огромных масштабов и продол -

- 9 -

X X

X

Единогласное осуждение Центрального Комитетом партии фракционной деятельности антипартийной группы Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова послужило дальнейшему укреплению единства рядов нашей ленинской партии, укрепилась ее руководящая, борьба за генеральную линию партии.

Центральный Комитет партии призывает всех коммунистов еще теснее сплотить свои ряды под неизбежным знаменем марксизма-ленинизма, направить все свои силы на успешное решение задач коммунистического строительства.

(Принято 29 июня 1957 г. единогласно всеми членами Центрального Комитета, кандидатами в члены Центрального Комитета, членами Центральной ревизионной комиссии при одном воздержавшемся - в лице В.М. Молотова).

Постановление
плenums ЦК КПСС
об осуждении группы
Г.М. Маленкова,
Л.М. Кагановича и
В.М. Молотова за
выступление против
линии партии и
выводе их из состава
членов Президиума и
членов ЦК КПСС
29 июня 1957
[РГАСПИ. Ф. 17.
Оп. 171. Д. 498.
Л. 9-17. Копия.
Машинописный
текст]

СС-МО
НИ

Судя по всему
принято 29 июня 1957 г.

личности» в 1956 году стало рубежным событием отечественной истории. Суть осужденного сталинского «культа» была не в похвалах первому лицу (эта слабость была и у Хрущева с Брежневым), а в репрессиях против оппонентов. Нужно было показать партийной элите, поддержавшей Хрущева, что теперь все будет не так, как при Сталине. Под гром разоблачений «антипартийной группы» проигравшим лидерам подыскивалась приличная работа подальше от Москвы. Заодно покончили и с маленьким культом личности Молотова, вернув историческое название Перми и другим населенным пунктам, названным в честь Вячеслава Михайловича. Был ликвидирован его музей в Нолинске.

29 июля Молотов был освобожден от должности министра государственного контроля и 3 августа назначен послом в Монголию. Маленков был назначен директором Усть-Каменогорской ГЭС, Каганович – Уральского калийного комбината, Шепилов – директором Института экономики Киргизской ССР, Сабуров – зампредом Госкомитета по внешнеэкономическим связям, а затем директором завода в Сызрани. Первухину доверяли больше, назначив послом в ГДР. В отличие от прежних времен, к проигравшим политикам не были применены уголовные репрессии. Это стало еще одним свидетельством перехода от тоталитаризма к более мягкому авторитарному режиму после XX съезда КПСС.

В.А. Никонов сетует: «Как водится, первой пострадала семья. Так получилось, что в дни пленума Светлана, еще не вышедшая из декретного отпуска по уходу за мной, вместе с мужем находилась в круизе вокруг Европы. В Италии их сняли с борта корабля и под конвоем доставили в Москву»¹. Их научная карьера затормозилась. Спору нет, обидели родственников Молотова. Не дали закончить круиз по Средиземноморью, который для подавляющего большинства советских людей был чем-то несбыточным. Но все же их страдание оказалось весьма умеренным по сравнению со сломанными судьбами и мучениями, а то и гибелью семей «врагов народа», которые отправлялись на смерть Молотовым.

А еще выгнали с правительственной дачи. Действительно, зачем послу в Монголии собственная дача в Москве? Молотов посвятил жизнь созданию общества, в котором нет места мешанским мелкособственническим ценностям. Теперь было о чем

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 420.

печалиться: «Розы Молотова, которые он любовно выращивал много лет, новым хозяином были безжалостно уничтожены. Вывезти огромную библиотеку с ценнейшими книгами и документами эпохи Молотову не разрешили»¹. Семья переехала в престижный дом на улице Грановского в центре Москвы.

Готовность довериться среднему партийному звену в борьбе против «равных по рангу» спасла Хрущева, но выдвинула вперед партийных чиновников, которые сделались теперь гораздо более влиятельными, чем при Сталине. В то же время роль Президиума ЦК на время ослабла, что укрепило режим личной власти Хрущева.

При этом партийные руководители стали опасаться, что теперь власть у них могут отобрать популярные военные, и прежде всего Жуков. Поддержав Хрущева дважды – в борьбе с Берией и с «антипартийной группой», Жуков приобрел почти такой же авторитет в стране, как и сам Хрущев. При этом он показал, что готов вмешиваться во внутрипартийную борьбу. 19 октября, когда Жуков находился в зарубежной поездке, Хрущев созвал пленум ЦК, «разоблачивший» бонапартистские наклонности маршала, вывел его из Президиума ЦК, самого ЦК и снял с поста министра обороны. В отличие от подобной практики Сталина, Хрущев сохранил опальному маршалу комфортную жизнь и почет.

27 марта 1958 года Булганин был снят с поста, и Хрущев занял важный государственный пост председателя Совета министров. Это было необходимо ему, чтобы представлять СССР на международной арене, где правительственные посты считались более важными, чем партийные.

Молотову тоже предстояло внести свой вклад в международные дела. Правда, куда более скромный, чем раньше. Но после произошедших политических потрясений грех жаловаться: статус посла – это лучше, чем арест. Молотов оставался политической фигурой и после 1957 года.

3. МОНГОЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА

5 сентября 1957 года Молотов выехал в Монголию. По дороге посетил место ссылки Манзурку. Жизнь сделала петлю – начи-

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 420.

налась ссылкой, и на склоне лет тоже ссылка. Но все же не в пример первой – весьма почетная.

Монгольские товарищи понимали, что Молотов не пользуется доверием Москвы, но для них он был фигурой исторической, легендарным революционером, соратником Ленина и политиком с огромным государственным опытом. С таким не грех и посоветоваться.

В посольстве, как положено, провели партсобрание с обсуждением решений июньского пленума ЦК КПСС, но каяться Молотов не стал¹. Сначала новый посол не был загружен делами. Монголия хоть и была формально независимой, но напоминала захолустье СССР. Посольские дела пока шли своим чередом, рутинной занимались сотрудники.

Летом Молотов приезжал в отпуск и отдыхал в доме отдыха МИДа «Юность», в районе станции Чкаловская. Внук Молотова В.А. Никонов вспоминает, что «мы с сестрами жили там все лето – вплоть до 1965 года» – то есть даже после исключения Молотова из партии и увольнения из МИДа. До 1961 года Молотову разрешалось также в течение месяца пользоваться дачей в Мухалатке².

В Монголии Молотов совершал дежурные визиты в советские учреждения, прогуливался по Улан-Батору, ездил по стране. «Когда Хрущев отправил меня послом в Монголию, я побывал у них во всех аймаках, кроме двух, в юртах бывал. У них висят портреты Сталина, Ворошилова, мои, Калинина. Я хорошо переносил их климат, а вот Полина Семеновна неважно»³, – рассказывал Молотов писателю Чуеву.

Молотов приступил к работе послом в Монголии, когда там все было тихо и спокойно, но вскоре ему пришлось погрузиться в драматические интриги уланбаторского двора – больше как наблюдателю, реже – как советчику.

С 1940 года генеральным секретарем ЦК правящей Монгольской народно-революционной партии (МНРП) был Ю. Цеденбал (Цэдэнбал). Он работал под руководством главы правительства МНР, «монгольского Сталина» Х. Чойбалсана. После его смерти в 1952 году пост главы правительства также перешел к Цеден-

¹ Кривель А. Как заблудился в Гоби Молотов-гуай // Правда. 1993. 21 января.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 430–431.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 115.

*Юмжагийн Цеденбал
[Из открытых источников]*

балу. Но совмещал два поста он не долго – в 1954 году в порядке введения «коллективного руководства» на пост первого секретаря ЦК МНРП был избран Д. Дамба.

На апрельском пленуме ЦК МНРП 1956 года по образцу КПСС был осужден культ личности Чойбалсана, но скорее как перегибы в партии, а не действия самого монгольского вождя. Осуждение было ритуальным, Чойбалсана продолжили официально хвалить. Как мы увидим, Дамба хотел большего, но Цеденбал и его сторонники заблокировали дальнейшее разоблачение террора в Монголии. Противоречивость расставания с репрессивным прошлым вызвала недовольство части интеллигенции, которая в Монголии была очень узким слоем. После событий в Венгрии обсуждение проблемы «культа» было срочно свернуто, в декабре 1956 года «заблуждения интеллигенции» были осуждены.

В руководстве МНРП нарастала напряженность между сторонниками Дамбы и Цеденбала. Противоречия в монгольской элите стали отражением процесса роста числа людей, получивших советское образование и, соответственно, подверженных советским культурным веяниям. Это несло некоторую опасность для режима, но и расправиться с этими советизированными в культурном отношении кадрами было нельзя – перед Монголи-

ей ставились задачи подтягивания до уровня 16-й советской республики, хотя бы среднеазиатской. Нужно было срочно решать задачи просвещения, преодоления «косности и отсталости». Так что лидеры страны должны быть советски просвещенными. Как Цеденбал и Тумур-Очир, но не Дамба.

С Цеденбалом у Молотова установились хорошие отношения. Он рассказывал Чуеву: «У Цеденбала я довольно часто бывал, когда был послом в Монголии. Особенно Полина Семеновна. Они только по-русски, по-монгольски не говорят, вот дело в чем. Жена у него рязанская. Бесцеремонная баба такая»¹.

Однажды Молотов и Цеденбал даже заблудились в степи, но их тепло встретили в попавшейся на пути юрте, даже приготовили по случаю появления высоких гостей баранину. Ведь в юрте рядом с буддийскими божествами и семейными фотографиями были портреты Сталина и Молотова².

Молотов «ставил» на Цеденбала. Он потом говорил о двух монгольских лидерах: «Дамбу я хорошо знал. Это отсталый человек. Первый секретарь одно время... А он хитрый такой монгол, осторожный, по-русски не говорит. Одно это уже свидетельствует о том, что он для руководства не годится, — надо читать “Правду”, “Коммунист”. А Цеденбал выучился в Иркутском финансовом институте и там женился на русской. Дома у него библиотека. Выпить любит. Крепко. Это у него не отстанет»³.

В марте 1958 года прошел XIII съезд МНРП. Все шло торжественно и чинно, но во время выступления посланника КПСС Н. Игнатова, заговорившего об «антипартийной группе», Молотов демонстративно вышел из зала.

22 ноября 1958 года на пленуме ЦК Дамба, недавно переизбранный XIII съездом МНРП на пост первого секретаря ЦК, внезапно ушел в отставку с этого поста. Дело обставили так, будто Цеденбал не причем, и решение созрело в руководстве, когда глава правительства был в отпуске. Вот он вернулся из отпуска, и к нему обратились члены руководства Ж. Самбу, Ч. Сурунжав (Сурэнжав), Д. Тумур-Очир, Д. Моломжамц, Л. Цэндэ (Цэнд) с предложением снять Дамбу с поста первого секретаря ЦК МНРП⁴. Сурунжав участвовал в свержении Дамбы, имея в

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 115.

² Кривель А. Указ. соч.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 115–116.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 259. Л. 3.

виду, что Цеденбал, став первым секретарем, уступит ему пост главы правительства (во всяком случае, за такие намерения его потом критиковали). Но сам Цеденбал при поддержке большинства Политбюро намеревался снова совместить посты первого секретаря ЦК МНРП и председателя Совета министров МНР. Понимая, что против него – большинство Политбюро, Дамба нехотя согласился перейти с поста первого на второго секретаря ЦК. По совету Цеденбала сам Дамба поставил вопрос в Политбюро, и так решили. Как рассказывал Цеденбал в советском посольстве, Дамба сказал ему, что на посту первого секретаря чувствовал себя «не в своих санях», но от отставки удерживали его соратники. «Хорошо зная мнение членов Политбюро о своей работе, т. Дамба не был уверен в том, что предложение об оставлении его на работе в ЦК МНРП в качестве второго секретаря будет поддержано, а когда такое решение было принято, он в беседе с т. Цеденбалом, прослезившись, заверил его в том, что постарается оправдать доверие»¹.

Обновление кадров не должно было ограничиться Дамбой: «Тов. Сурунжав, по мнению т. Цеденбала, претендует на большее, хотя ноябрьский Пленум ЦК дал ему понять, что среди членов ЦК он не пользуется высоким доверием». А ведь претендует на пост председателя правительства. Другой зампред Совмина Дугэрсурэн имеет «националистические настроения». Самдан не тянет работу секретаря ЦК. Члена Политбюро Б. Дамдина уже направили на работу заместителя начальника Улан-Баторской железной дороги. У Дамбы, Сурунжава и Дамдина «остался осадок недовольства»². Так что это только начало кадровых чисток – в Политбюро можно опираться разве что на Цэндэ, Самбу, Тумур-Очира, Моломжанца. «Тов. Цеденбал отметил, что до него доходят такие слухи, что некоторые члены ЦК МНРП недовольны объединением в одних руках руководства ЦК МНРП и правительства. Обвиняют его в подражании СССР, а член ЦК, министр по делам войск и общественной безопасности т. Дорж даже опасается, что теперь вернутся времена Чойбалсана и возобновится культ личности»³.

Как на это было реагировать? Понятно, что Молотову тоже не нравилось объединения в одном лице постов председателя Сове-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 259. Л. 4.

² Там же. Л. 5–6.

³ Там же. Л. 6–7.

та министров СССР и Первого секретаря ЦК КПСС. Не проверяет ли его хитрый азиат по заданию Москвы? Впрочем, Вячеслав Михайлович умел быть невозмутимым. Когда Цеденбал спросил его мнение о реорганизации госаппарата, Молотов ответил: «...нахожу неудобным высказывать какие-либо замечания посольства по поставленному вопросу, считая это внутренним делом монгольских друзей». Но тут же согласился поделиться мнениями советских специалистов, которые считают полезным иметь самостоятельное Геологическое управление, подчиненное правительству. Теперь это направление входит в недавно созданное Министерство геологии и горнорудной промышленности. Эту структуру нужно распустить и горнорудную промышленность передать в Минпром¹. Так будет удобнее сотрудничать по линии разведки природных богатств Монголии.

В основном Молотов обсуждал с монгольскими друзьями не политику, а экономические отношения. В 1958 году план по геологоразведочным работам выполнен на 84 %. Теперь план увеличен вдвое, но не выполняется. Нужно принять по этому вопросу советских специалистов. Что же, Цеденбал принял их в тот же день².

27 января – 5 февраля 1959 года прошел XXI съезд КПСС, где Хрущев заявил о том, что в СССР социализм победил полностью и окончательно, а значит наступил период развернутого строительства коммунизма. Подтверждалась задача «догнать и перегнать» наиболее развитые капиталистические страны по производительности труда и по производству продукции на душу населения, что позволит обеспечить самый высокий жизненный уровень в мире. Хрущев и другие делегаты клеймили «антипартийную группу».

26 марта 1959 года Академия наук СССР лишила Молотова звания своего почетного члена. Не зря Сталин презрительно отреагировал на присвоение Молотову этого звания. Академики нос по ветру держат.

Цеденбал побывал на XXI съезде КПСС и затем делился впечатлениями в советском посольстве: «...привлекло большое внимание высказанное в докладе тов. Хрущева теоретическое положение о том, что страны социалистического лагеря более или

¹ Там же. Л. 56–57.

² Там же. Л. 58.

менее одновременно придут к коммунизму»¹. Значит, нужно и Монголии подтягиваться, догонять СССР.

Монгольские руководители снова, как в 30-е годы, пытались коллективизировать аратов. XIII съезд МНРП принял решение о повторном обобществлении скота². Местные начальники бодро отчитывались. В Южногобийском аймаке кооперирование завершено к марту 1959 года, все араты вступили в сельскохозяйственные объединения (СХО). Правда, 44 % скота в личных руках членов СХО. Есть, где и больше³. А вот дело с коллективизированным скотом обстояло неважно. Сотрудники посольства докладывали: «большое количество обобществленного скота на деле оставалось без присмотра и элементарного ухода. Дело доходило до того, что скот, который практически никто не выпасал, просто уходил в другие аймаки или за границу в Китай». Из аймака так пропало 10 тысяч голов за полгода⁴. «Некоторые араты, ранее добровольно вступившие в СХО, теперь утверждают, что их насильно, в административном порядке записали в объединения... Некоторые рабочие и служащие не только ведут такие разговоры, а продают, забивают, разбазаривают скот. Ряд аратов, узнав о намеченном повторном обобществлении, пригнали и продали в аймачном центре некоторое количество скота. Работник райкома ревсомола Сучир предпочел променять на водку несколько голов своего скота, но не сдавать его в СХО»⁵. Идут разговоры, что коммунисты снова отнимают нажитое, и это напоминает осужденный партией «левый зашиб» 1932 года.

Молотов мог вспоминать свой опыт со сплошной коллективизацией, раскулачиванием и вынужденной статьей Сталина «Головокружение от успехов» в 1930 году. Да и сами монгольские партийцы много чего страшного могли вспомнить о форсированном строительстве социализма в 30-е годы, которое нанесло тогда большой ущерб скотоводству. Но что делать: Монголия должна была произвести хорошее впечатление на Москву, которая широкими шагами вела народы к коммунизму.

Молотов, как видно из доклада посольства от 14 мая, считал меры монгольских товарищей по обобществлению скотоводов

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 259. Л. 61.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 237. Л. 15.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 24–25.

даже недостаточными. Примерный устав СХО оставлял в личной собственности до 100 голов скота, а в гобийской зоне – до 150. «Это была уступка мелко-буржуазным, собственническим настроениям, которая в дальнейшем оказала отрицательное влияние на процессы организационно-хозяйственного укрепления СХО... личный скот членов СХО отвлекал основную энергию членов СХО от общественного хозяйства на работу со своим личным скотом». Такие нормы тормозят развитие общественно-го сектора¹.

После возвращения Цеденбала из Москвы был созван мартовский пленум ЦК МНРП, где он выступил с докладом «Итоги XXI съезда КПСС и выводы для деятельности МНРП» и подчеркнул теоретическое положение Хрущева об одновременном переходе СССР и других стран, включая Монголию, к коммунизму. И это не значит, что другие все сделают за нас². Монголии нужно догонять СССР.

Сенсацией стал поставленный на пленуме организационный вопрос. Сообщая об итогах пленума на пресс-конференции 7 апреля, Тумур-Очир говорил, что Дамба отстал от требований времени и превратился в вельможу. Он не имеет образования. «В связи с этим вспоминается, как упорно работал над собой тов. Чойбалсан. Он два дня в неделю (среда, воскресенье) полностью посвящал занятиям по русскому языку и марксизму-ленинизму»³. Дамба – совсем не Чойбалсан. В апреле 1956 года, готовя доклад на пленуме, Дамба, «спекулируя на перегибах и ошибках в работе органов МВД СССР, пытался свалить на тов. Чойбалсана всю вину за те беззакония, которые в свое время совершались органами безопасности в МНР». Но Политбюро его в этом не поддержало⁴. Получается, что Дамба хотел разоблачать монгольский сталинизм, но ему не дали, и тем гордятся. Это была официальная речь, а в доверительных беседах в советском посольстве Тумур-Очир говорил, «что, оглядываясь на прошлое, и в частности на период деятельности Чойбалсана, следует сказать, что он много сделал для монгольского народа, но и многое сделал неправильно и особенно допустил без всяких на то оснований массовые истребления самых лучших людей страны.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 259. Л. 116.

² Там же. Л. 72.

³ Там же. Л. 75.

⁴ Там же. Л. 81.

В связи с этим он теперь не в почете и память о нем у народа в связи с этим тяжелая»¹.

Тумур-Очир припомнил Дамбе, что, когда в декабре 1956 года была дискуссия о перспективах развития МНР, Дамба зажал критику со стороны интеллигенции под предлогом венгерских событий. Нужно было разделять правильную критику и националистические мнения, а Дамба не стал в это вникать². Таким образом, Дамбе вменялись в вину и излишнее очернительство прошлого, и держимордовство в отношении его критиков. Это отражало противоречия в лагере победителей, где были и охранители, и реформисты. Посол МНР в СССР Б. Жамбалдорж информировал КПСС о пленуме: «Выступившие в прениях Ценде, Тумур-Очир, Майдар и другие критиковали Дамбу за существовавшую в последние годы порочную практику подбора и расстановки кадров на руководящие посты, в результате которой часто выдвигались люди не способные, политически отсталые и беспринципные». Дамба «назвал замечания указанных членов ЦК клеветническими», а Тумур-Очира назвал ревизионистом, лидером националистической интеллигенции³. Потом Тумур-Очир рассказывал Молотову, как Дамба и его сторонники «зажали критику со стороны указанной части интеллигенции, приписав критические выступления этой части интеллигенции влиянию враждебных социализму венгерских событий. Только благодаря вмешательству других товарищей, таких как Цеденбал, а также, его, Тумур-Очира, удалось тогда выработать в основном правильную резолюцию пленума ЦК МНРП, где было указано как на отрицательное влияние контрреволюционных событий в Венгрии, так и на наличие здоровой критики со стороны части монгольской интеллигенции, выступавших против тех или иных недостатков в работе партийных и государственных органов»⁴.

Для Цеденбала поддержка выступлений интеллигенции была методом подкопа под Дамбу, для Тумур-Очира – скорее делом принципа, путем к более просвещенной и открытой ситуации в стране. Но сейчас Тумур-Очир прятал свой «ревизионизм» от грозного посла Москвы, уверяя его, что Дамба и Ширендыб

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 259. Л. 42.

² Там же. Л. 78–79.

³ Там же. Л. 63.

⁴ Там же. Л. 93–94.

приписывали Тумур-Очиру взгляды, которых он не разделял, дезориентировали советское посольство¹.

На мартовском пленуме критики прежнего руководства так разошлись, что ситуация стала выходить из-под контроля – один из местных секретарей напомнил, что важнейшие вопросы и при Дамбе решал Цеденбал, он тоже должен отвечать за недостатки. Раздавались голоса в пользу того, что Цеденбал должен целиком перейти на работу в ЦК, а правительство может возглавить кто-то другой. Но сторонники Цеденбала раскритиковали Сурунжава за карьеризм и отсталость, чтобы не претендовал на премьерский пост. В завершение Дамба признал правоту критиков и отказался от своих обвинений. Его вывели из Политбюро². Также из Политбюро вывели группу его соратников – Дамдина, Лачина, Балгана, Самдана.

По поводу Сурунжава разыграли комбинацию: сначала не предполагалось выводить его из Политбюро, но внезапно за это стали выступать члены ЦК «с мест». Это оказалось неожиданным для Сурунжава, с которым перед пленумом были достигнуты успокаивающие его договоренности. Цеденбал даже выступил, сказав, что недостатки Сурунжава известны, но можно не выводить его из Политбюро. Но выступающие настаивали и проголосовали за отставку этого конкурента Цеденбала. Жамбалдорж не без гордости говорил, что Сурунжав обвиняет его в своей отставке. И вообще это был первый пленум МНРП с критикой высших руководителей³. Активная поддержка Цеденбала не спасла карьеру Жамбалдоржа. Вскоре его раскритиковали как сталиниста и сняли с поста⁴.

Как рассказывал Тумур-Очир, Сурунжав был совершенно не согласен с критикой в его адрес, говорил, что «он 20 лет работает на руководящей работе, дважды учился в Советском Союзе и не считает себя отсталым человеком, как его охарактеризовали в закрытом письме ЦК МНРП». Дамба был «очень озлоблен». Решили отправить его на работу в деревню, чтобы изолировать от сторонников⁵. Оказывается, у него немало сторонников.

¹ Там же.

² Там же. Л. 64.

³ Там же. Л. 65.

⁴ Там же. Л. 175.

⁵ Там же. Л. 171.

31 марта Молотов общался с Цеденбалом, который сообщил, что у него «имеются некоторые данные о том, что т. Дамба еще в предвоенный период давал не всегда объективную информацию о некоторых руководящих работниках партийного и государственного аппарата, что вызвало несправедливые репрессии в отношении некоторых из них». Пленум решил: «Поручить Политбюро ЦК МНРП провести расследование фактов, проливающих свет на карьеристскую деятельность т. Дамба в прошлом, в результате которой был подвергнут незаслуженным репрессиям ряд ответственных работников партии и государства»¹. Пленум так охарактеризовал Дамбу: «Будучи безнадежно отсталым в идейном и деловом отношении, т. Дамба превратился в зазнавшегося вельможу, использовавшего свой высокий пост для того, чтобы окружить себя преданными себе подхалимами и поставить себя в обстановку полнейшей бесконтрольности». С 1984 года аналогичные обвинения будут выдвигаться и против Цеденбала после его отставки. Информировав Молотова, Цеденбал добавлял от себя: у Дамбы был «гнилой либерализм и заигрывание с кадрами в погоне за дешевой популярностью, неприязнь и затирание растущих молодых кадров»².

Молотов комментировал в отчете о беседе: «Со своей стороны полагаю, что в основном последний пленум ЦК МНРП и его решения имеют важное положительное значение для работы партии и государства. Эти решения пленума ЦК отражают здоровые стремления руководящих кадров МНРП поднять идейно-политический и организационный уровень работы партии и освежить состав руководящих органов за счет новых, политически более развитых и принципиально более выдержанных руководящих работников»³. Вячеслав Михайлович хорошо относился к Цеденбалу и не жалел о Дамбе.

Молотов не играл самостоятельной роли в этих событиях, падение Дамбы не могло произойти без санкции Москвы. Бывшие соратники пристально приглядывали и за Молотовым, чтобы не позволял себе распускать язык, особенно с китайцами. 25 сентября 1958 года Президиум ЦК КПСС рассмотрел вопрос «О высказываниях Молотова с китайскими товарищами» и постановил: «МИДу вызвать Молотова и сказать, что он поступил

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 259. Л. 67.

² Там же. Л. 68.

³ Там же. Л. 70.

неправильно. (Без протокола)»¹. Но совсем не общаться с китайскими товарищами Молотов не мог – это было бы воспринято как недружественное поведение. 6 апреля 1959 года посол КНР в МНР Се Фушен беседовал с Молотовым и просил его объяснить причины масштабных перестановок в монгольском руководстве. Молотов стал говорить о социальных изменениях в связи с завершением кооперирования аратских хозяйств². Теперь перед партией встают новые задачи – нужны новые кадры: «Руководить по-старому, когда немало места осталось для самотека, уже нельзя. Этого не могли не почувствовать лучшие кадры партии». Опять же, высказан важный тезис об одновременном переходе к коммунизму всех стран. «Едва ли раньше серьезно думали об этом в Монголии»³.

Сообщая о беседе с Се Фушеном, Молотов писал: «Из его отдельных замечаний можно было понять, что он еще не вполне убежден в правильности решения Пленума об освобождении от занимаемых постов некоторых бывших членов Политбюро ЦК». Характерно, что в «Правде» информационное сообщение о пленуме было опубликовано 1 апреля, а в Китае 3 апреля и не полностью. «Создается впечатление, что в КНР не полностью согласны с текстом этого Информационного сообщения»⁴.

Монголия находилась между СССР и КНР, и чутко отслеживала тенденции советско-китайских отношений, которые на глазах охладевали, но формально оставались отменно предупредительными. В 1958 году из редакционного совета по подготовке «Истории Монголии» были отозваны китайские историки, после чего его симметрично покинули и советские⁵. 15 января 1959 года Молотов беседовал с Цеденбалом, который выразил желание наградить советских специалистов, строивших молочный завод и мукомольную мельницу, орденами и медалями. Молотов счел, что хватит благодарности правительства. Но Цеденбал возражал: уже наградили китайских и монгольских рабочих, будет странно, если не наградят советских⁶. В это время монгольские руководители уже понимали необходимость выдерживать ба-

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 334.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 259. Л. 82.

³ Там же. Л. 83.

⁴ Там же. Л. 86.

⁵ Там же. Л. 60.

⁶ Там же. Л. 1.

ланс между СССР и КНР. Молотов уступил: хотя в СССР сейчас взят курс на награждение при существенных заслугах, можно наградить по возможности небольшую группу¹.

В Москве во время XXI съезда КПСС Цеденбала посетил Чжоу Эньлай и обещал увеличить китайскую экономическую помощь, о чем монгольский лидер сообщил Молотову². Со своей стороны, Молотов «поделился с тов. Цеденбалом некоторыми наблюдениями в отношении отдельных представителей Китайского посольства в Улан-Баторе. Обратил внимание на то, что некоторые из работников посольства КНР упорно расспрашивают работников советского посольства по вопросам, относящимся к работе ЦК МНРП. Например, спрашивают, почему на ноябрьском пленуме ЦК МНРП была произведена смена Первого секретаря ЦК, тогда как после XIII съезда МНРП было сохранено положение, которое существовало до съезда. Подчеркивают свое положительное отношение к т. Сурунжаву и стараются выяснить, почему т. Сурунжав освобожден от поста второго секретаря ЦК МНРП и переведен на работу в Совет министров. В связи с этим спросил, как тов. Цеденбал оценивает теперешние взаимоотношения МНР и КНР.

Тов. Цеденбал сказал, что отношения между МНР и КНР развиваются хорошо». Представители КНР высказывают пожелания увеличить помощь, «поскольку китайские товарищи считают, что Китай исторически находится в положении большого должника в отношении Монголии». Размеры безвозмездной помощи составляли 160 млн рублей³, а затем выросли примерно до 200 млн. В декабре намечено соглашение о кредите на 100 млн рублей на строительство. Но китайцы высказали пожелание, чтобы их помощь шла не на дворец спорта, а на промышленные объекты, чтобы «несли яйца»⁴.

В январе в Монголии была китайская делегация, прибывшая для заключения культурного соглашения. «Характерно, что эта китайская делегация, приезжавшая в Улан-Батор для заключения соглашения о культурном сотрудничестве между КНР и МНР, интересовалась мнением тов. Цеденбала по таким, например, вопросам: как оценивается историческая роль и личность

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 259. Л. 2.

² Там же. Л. 27.

³ Там же. Л. 27.

⁴ Там же. Л. 28.

Чингисхана; как понимается решение Мао Цзэдуна освободиться от поста председателя Республики; как рассматривается лозунг Мао Цзэдуна “Ветер с востока ныне довлеет над ветром с запада”; как относятся в МНР к современному ревизионизму и, в частности, к позиции югославских ревизионистов; как смотрит МНР на проблему Тайваня; как оцениваются события, происшедшие в Пакистане и Таиланде»¹. Китайцы, таким образом, прощупывали позицию Цеденбала по вопросам, некоторые из которых были связаны с формированием особой позиции КПК в коммунистическом движении.

Со своей стороны Молотов поинтересовался, почему ликвидировали консульство во Внутренней Монголии². Цеденбал ответил тактично, что там нет экономических дел, а культурным сотрудничеством занимается посольство в Пекине. Кстати, посольство МНР в КНР сообщает о серьезных продовольственных трудностях, жестких нормах снабжения. Неприятные для Молотова новости. Да, неважно получилось у товарища Мао с «Большим скачком», страдают китайские трудящиеся. Но без страданий к коммунизму не прорваться.

Молотов был обеспокоен нарастанием советско-китайских противоречий и к 21 мая 1959 года подготовил тезисы с предложением приступить «к созданию государственного объединения в виде Конфедерации социалистических государств... В основу создания Конфедерации кладется принцип: агрессия, нападение на любое из государств, входящих в Конфедерацию, рассматривается ею, как агрессия, нападение на Конфедерацию». Но это был не просто оборонительный союз, для чего было достаточно принять Китай в Варшавский договор. Молотов мечтает о государственном образовании с общей конституцией. Принципы ее пока самые мягкие: «а) государства входят в Конфедерацию на строго добровольных началах, при соблюдении принципов равноправия, за каждым государством сохраняется право выхода из Конфедерации; б) полная самостоятельность во всех внутренних делах государств; в) право государств самостоятельно решать не только внутренние, но и внешние политические и экономические дела, за исключением вопросов объявления войны и заключения мира, а также тех вопросов обороны, которые в Конституции будут отнесены к ведению самой Конфедерации».

¹ Там же.

² Там же. Л. 59.

Молотов надеялся, что «сплоченность и организованность стран социалистического лагеря, охватывающего около миллиарда людей, то есть свыше одной трети человечества, достигнет такого высокого уровня, который практически недоступен странам капитализма, а, следовательно, нанесет новый мощный удар по всем агрессивным планам и по всей возне правящих кругов США, Англии и др. с созданием агрессивных военных блоков вроде НАТО, СЕАТО и т. п.». Кроме оборонных вопросов Молотов требовал «более полной согласованности соответствующих экономических планов». Начать Молотов предлагал с образования «Конфедерации в составе Советского Союза и Китайской Народной Республики, а также еще некоторых социалистических государств, что несомненно вызвало бы огромную тягу к вступлению в такую Конфедерацию у других социалистических государств»¹.

В условиях конца 50-х годов такой план выглядел наивно. У стран СЭВ и Варшавского договора уже фактически была своя система коллективной обороны и экономической координации, из которой нельзя было вычлениать «некоторые социалистические страны». Трудно было включить в эти системы Китай, руководство которого провоцировало военные действия в районе Тайваня и на границе с Индией, впало в экономический авантаризм «Большого скачка», провал которого в 1959 году стал вполне очевиден.

Но Молотов не сочувствовал критике Китая. В докладе посольства об идеологической ситуации в МНР от 14 мая (подписан Молотовым и сотрудником посольства В. Лёвкиным) говорилось, что изучение опыта строительства социализма в Китае облегчает для МНРП выработку правильной линии². Но не все еще благополучно. Монгольская пресса заняла нейтральную позицию в китайско-индийском конфликте из-за Тибета³. В «Унэн» от 26 апреля опубликована корреспонденция о грубых выпадах членов Индийской народно-социалистической партии против КНР и Мао. Позиция Неру дается без комментариев. Только под давлением советского посольства (читай – Молотова) стали печатать также информацию «Синьхуа» и другие прокитайские материалы⁴.

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 425–426.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 259. Л. 121.

³ Там же. Л. 141.

⁴ Там же. Л. 142.

Цеденбал рассказал 2 ноября после поездки по странам Азии «в Индии во время пресс-конференции к нему довольно назойливо обращались некоторые журналисты с намерением втянуть его в обсуждение инцидентов на границе между Индией и Китаем. Тов. Цеденбал сказал, что он дал отпор этим попыткам и выразил уверенность, что имевшие место инциденты будут дружелюбно улажены в интересах обеих стран»¹.

Как и китайские товарищи, Молотов видит главную идеологическую опасность справа: «острие пропаганды в значительной мере до последнего времени было направлено в прошлое, в историю, в ущерб интересам современности»², — подчеркивается в докладе посольства. Разобрав теоретические статьи в монгольских журналах³, посольство припечатывает с интонацией Молотова: «Классовая борьба в новом монгольском обществе находит свое проявление не только в борьбе против спекулянтов и других антиобщественных, паразитических элементов, но и в борьбе против враждебной идеологии, распространяемой международной буржуазией и современными ревизионистами»⁴. Так, в январе 1958 года в официальной газете «Унэн» опубликована статья Пунцега «О ревизионизме и догматизме», в которой говорилось: «В нашей стране догматизм опаснее ревизионизма. Он проявляется в неумении находить новое прогрессивное, в заучивании буквы марксизма, в применении старых отживших методов руководства, в отрыве от жизни и т. д.». Это ли не защита ревизионизма? Подобные мысли проводятся и в других публикациях. Отмечается нездоровый интерес части интеллигенции к Югославии. В монгольской прессе подробно освещалась поездка Тито в Азию⁵.

В духе критики Дамбы и его окружения, доклад отметил низкий уровень политических знаний среди партийного актива и даже высших руководителей. И дело не только в Дамбе: «В некоторых партийных организациях принимались решения, в которых к ревизионистам и догматикам относили членов партии, допустивших выпивки, неправильное отношение к женщине или

¹ Там же. Л. 248.

² Там же. Л. 126.

³ Там же. Л. 137–139.

⁴ Там же. Л. 139.

⁵ Там же. Л. 141.

не выполнивших норму выработки и т. д.»¹. Давно ли так было и в СССР.

Сохраняется агитация популярных лам-проповедников. Лама Пунцеглавхан выступал с антикоммунистическими проповедями в восточно- и среднеобийских аймаках, собирая на них до 300 человек. Эти агитаторы утверждают, что Монголия стала колонией России². Да и некоторые интеллигенты, «поддаваясь чуждым влияниям, встают на путь критики руководства стран»³. Пик этих настроений был осенью 1956 года, но и теперь встречаются национализм и требования «полной демократии». В том числе недовольство в Монголии вызвало переименование Бурят-Монгольской АССР в Бурятскую⁴.

Лидером интеллигентского инакомыслия является директор Института языка и литературы Б. Ринчен. Он поддерживает обучение старой письменности, в том числе для культурной связи с монголами в других странах, высказывается за отмену новой русифицированной письменности⁵. В беседах с Тумур-Очиrom Молотов поставил вопрос о том, что при подготовке и проведении совещания монголоведов «особенную активность в этом деле проявляет проф. Ринчен, о реакционных тенденциях которого все знают»⁶. Тумур-Очир согласился, что это проблема: «Ринчен посещает посольства стран социалистического лагеря и продолжает открыто выступать с клеветническими обвинениями в адрес ЦК МНРП, Советского Союза, а также и советских специалистов, ранее работавших в ЦК МНРП и Правительстве МНР... Как ученый и писатель, он игнорирует насущные задачи социалистического строительства в стране, за что подвергся серьезной критике со стороны участников упомянутого совещания»⁷. Но Ринчен, который к этому времени успел стать живым классиком и приобрел большую известность в Восточной Европе, оказался Молотову не по зубам. Вскоре он станет академиком.

И Ринчен совсем не одинок. Доклад посольства сообщал, что писатель Зандра и оператор Жигжид сняли фильм, пока-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 259. Л. 131.

² Там же. Л. 149–150.

³ Там же. Л. 153.

⁴ Там же. Л. 154.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 95.

⁷ Там же. Л. 174.

зывающий с положительной стороны жизнь в Индии и Бирме и нищету в ДРВ. Фильм был запрещен к показу. «Всё это объясняется тем, что у значительной части интеллигенции слабая марксистско-ленинская подготовка, недостаточная политическая закалка, в результате чего они нередко поддаются чуждым влияниям. Наличие всех этих недостатков в значительной мере объясняется слабостью работы партийных организаций среди интеллигенции»¹. Вот если усилить закалку, то сразу перестанут замечать плюсы жизни в Индии и минусы в ДРВ.

Но избавиться от этих зловредных творческих работников трудно – замену им найти негде, мало пока в Монголии «инженеров человеческих душ». Наиболее известный монгольский роман «Заря в степи» принадлежит перу того же Ринчена². Государственный музыкально-драматический театр в 1958 году не поставил ни одной пьесы монгольского автора. Подготовили пьесу Лодоя «Разведчик», но сняли с репертуара, так как там американский шпион возводит хулу на МНР³. Видимо, убедительно возводит. Но есть и успехи – в 1959 году поставили более идеологически выдержанную пьесу Э. Оюуна и С. Нинжбагдара «Я отсюда не уйду!»⁴

Нужно усилить идеологическую работу, приобщить монгольскую интеллигенцию к источнику истины. Для этого посольство советует издать избранные произведения Ленина⁵ и Сталина в 4–5 томах⁶ на монгольском языке⁷. Для 1959 года это был вызов курсу Хрущева.

Несмотря на свою опалу в СССР, Молотов сохранял высокий авторитет среди азиатских коммунистов. Вот к нему пришел за советом посол ДРВ в МНР Чан Ты Бинь. Предстоит визит делегации МНР в ДРВ, и тут есть проблема: вопрос об укреплении солидарности между народами «имеет особое значение во взаимоотношениях между ДРВ и МНР, так как в XIV веке Монголия пытались поработить Вьетнам»⁸. Молотов подивился такой

¹ Там же. Л. 155.

² Там же. Л. 156.

³ Там же. Л. 158.

⁴ Там же. Л. 159.

⁵ Там же. Л. 160.

⁶ Там же. Л. 161.

⁷ Там же. Л. 163.

⁸ Там же. Л. 214.

вьетнамской претензии к МНР и возразил, что «вопросы борьбы между Монголией и Вьетнамом в XIV веке, по моему мнению, вряд ли являются в настоящее время актуальными». Вот, в России тоже было так называемое монголо-татарское иго. «Однако, в настоящее время такого рода вопросы у нас не считаются актуальными, хотя в школьных учебниках об этом не забыто». Чан Ты Бинь ухватился за упоминание учебников, рассказал, что и во вьетнамских учебниках говорится о борьбе с монголами, «поэтому данный вопрос, по его мнению, все же имеет определенное значение»¹.

Вообще исторические проблемы сохраняли большую актуальность в политике Монголии и вокруг нее. В 1962 году падение Тумур-Очира произойдет в связи с тем, что он организовал широкое празднование 800-летия Чингисхана. Вероятно, это не понравилось в Москве и Пекине, папахивало панмонголизмом. Тумур-Очир был обвинен в национализме и снят со всех постов. К прочим обвинениям добавили и «прокитайские настроения»², подчеркнув таким образом, на чьей стороне МНРП находится в развернувшемся тогда уже открыто советско-китайском конфликте.

Была и более близкая интересам Молотова тема, по поводу которой вьетнамец хотел с ним посоветоваться: «Тов. Чан Ты Бинь сказал, что он слышал, будто в МНРП основной опасностью считается догматизм, а не ревизионизм. В декларации же написано наоборот». Имеется в виду Декларация совещания коммунистических и рабочих партий 1957 года, где, правда, написано не наоборот, а указываются обе угрозы, из-за чего декларацию не подписали югославы. Симпатии Молотова, конечно, были на стороне «догматизма», то есть неуклонного следования марксизму-ленинизму в его сталинской трактовке. Он не мог сказать об этом вьетнамцу, но монголов покритиковал: «...непосредственно после Московского совещания в этом вопросе в МНРП, пожалуй, не было полной ясности. Раньше монгольские друзья подчеркивали, что ревизионизм является главной опасностью в международном коммунистическом движении, не упоминая особо о своей партии». Но теперь МНРП придерживается такой же позиции, как и другие партии, подписавшие декларацию совещания»³.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 259. Л. 215.

² История Монголии. XX век. М., 2007. С. 217.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 259. Л. 215–216.

Вьетнамский посол рассказал также, что прокоммунистические силы Патет Лао вышли из окружения и ведут успешные бои в Лаосе¹. Эх, как не вовремя вывели Молотова из больших мировых игр. Теперь за ситуацией в Индокитае приходится следить со стороны. Да вот вьетнамские товарищи из уважения к его заслугам рассказывают о том, что там творится.

В Монголии Молотов написал ряд рукописей, которые характеризовали его настроение и намерение еще послужить делу исправления курса партии, когда она освободится от Хрущева и его право-ревизионистской группы. В рукописи «Ревизионизм и КПСС (заметки для себя)», датированной 28 июня 1959 года, Молотов писал: «Невероятно, что в СССР, где уже десятки лет не существует партий, кроме КП, и где наша партия вобрала в себя подавляющую массу политически активных граждан со всеми их неисчислимыми настроениями прошлого, в КПСС не было бы ревизионистских тенденций. Сам тот факт, что этот вопрос не обсуждается, даже не ставится, свидетельствует об оппортунистической закваске, глубоко проникшей в ряды КПСС». Чистили, чистили партию от «родимых пятен капитализма», а так и не вычистили. Приверженный партийной традиции осуждать один уклон и тут же отмежевываться от противоположного, Молотов предостерегает себя, «чтобы не стать жертвой привязанности к “старому”, к устаревшим формулировкам, чтобы не скатиться к безжизненному, худосочному, пустоцветному начетничеству, к другой разновидности оппортунизма – сектантству»². Две угрозы исходят от «старого», а в чем же «новое»? Вот Хрущев практически ставит вопрос о создании коммунизма. Авантюра! А что ей противопоставить? Куда идти от «старого»? Ответ Вячеслав Михайлович будет искать всю свою оставшуюся долгую жизнь. А пока ограничивается критикой ревизионистских новаций XX съезда: мирного существования как основного внешнеполитического принципа; возможности избежать войн и перейти к социализму в развитых странах невооруженным путем. Молотов расценивает эти тезисы как «пересмотр испытанных и выкованных самим Лениным принципиальных установок по вопросам социалистической революции, борьбы против империалистических войн, отношения к империализму»³.

¹ Там же. Л. 216.

² Цит. по: Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 424.

³ Там же. С. 425.

16 октября 1959 года Молотов отправил в Президиум ЦК КПСС записку «О неправильном изложении ленинской теории социалистической революции в книге “История КПСС”», в которой писал: «Авторы этой книги так “причесали” величайшего пролетарского революционера – Ленина, что наш великий учитель и гениальный вождь революционных рабочих всех стран, всего мира не узнал бы себя в этом новом, “причесанном” виде, где он похож и на полуреволюционера, и на полупацифиста... Чтобы коммунисты действительно были на высоте современных задач защиты мира и социализма, они должны помнить, чему учил Ленин. А это значит, что обычными, узко легальными, сугубо мирными средствами нельзя ограничиться там, где империализм переходит к насилию, к кровавой агрессии, к развязыванию преступной атомной войны. Там вступает в силу право самообороны каждого народа, всех народов, которым угрожает бессмысленное массовое уничтожение»¹. Молотов не рискует прямо оспаривать положения резолюции XX съезда КПСС, но приоритет отдает именно насильственным средствам борьбы с капитализмом.

В записке «О “принципе социализма” от каждого по способностям, каждому по труду в книге “Основы марксизма”» 10 января 1960 года Молотов обратился к теории коммунизма. Сославшись на «Критику Готской программы», Молотов отталкивается от классической формулы К. Маркса «Каждый по способностям, каждому по потребностям!»: «принцип распределения материальных и культурных благ при коммунизме (“по потребностям”) здесь увязан с принципом, которым будут руководствоваться люди в своем труде – иначе говоря, в производстве – на благо коммунистического общества (“по способностям”)... Это станет возможным “после того, как исчезнет” сложившееся при капитализме разделение труда, исчезнет “противоположность умственного и физического труда”, труд “станет самой первой потребностью жизни”, а “производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком” и т. д. Только тогда общество сможет осуществить принцип “каждому по потребностям”... Основоположники марксизма всегда подчеркивали примат производства (труда) перед распределением. Это относится к высшей – коммунистической – фазе общества». Это труднодостижимые предпосылки коммунизма. Товарищ

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 427–428.

Хрущев явно торопится с осуществлением принципа «от каждого по способностям»? Конечно, «мы идем к этому, но еще не пришли. Никто не может требовать или ожидать, что сразу же после того, как страна построила социализм, она уже может осуществить этот принцип, соответствующий высшей фазе коммунистического общества»¹. Здесь Молотов, который обычно критиковал Хрущева «слева», за «правый оппортунизм», на этот раз заходит «справа», считает хрущевский рывок к коммунизму неподготовленным.

Пока Молотов в монгольском далеке идеологически подкапывался под Хрущева, в большой международной политике тень Вячеслава Михайловича тоже присутствовала, так как Хрущев стал возлагать на него ответственность за все трудности внешней политики предыдущих лет. Критикуя на встрече с вице-президентом США Р. Никсоном неуступчивость США в германском вопросе, Хрущев сравнивал ее с упрямством Молотова в австрийском вопросе. Мол, вместе с Молотовым СССР избавился от догматизма во внешней политике, а американская администрация — пока нет. Узнав об этом, Молотов был возмущен и направил в ЦКП резкое заявление: «Я протестую против попыток Н.С. Хрущева изображать меня, коммуниста, чуть ли не сторонником войны “против Запада” и должен заявить, что эти заявления имеют в отношении меня клеветнический характер»².

Но в 1959 году Хрущеву, освободившемуся от опеки «консерваторов», удалось добиться заметного улучшения советско-американских отношений, пиком которого стал его визит в США. В записи для себя 29 сентября Молотов признал: «Придется объективно констатировать, что поездка т. Хрущева в США была наиболее высокой точкой в развитии несколько нового этапа во взаимоотношениях СССР с главными империалистическими державами... Делая совершенно незначительные уступки, США стремятся завлечь нас (СССР) на немалое политическое отступление, чего не чувствует и явно не вполне понимает т. Хрущев»³. В реальности Хрущев отступать не собирался. Он стремился развивать успех, ставя на кон нынешнее потепление советско-американских отношений, чтобы использовать заинтересованность в нем американской элиты для получения советской стороной

¹ Там же. С. 428.

² Там же. С. 426.

³ Там же. С. 427.

новых уступок в спорных вопросах, например, «об открытом небе». Не получив своего, Хрущев решительно переходил от «обволакивания» партнеров своим дружеским тоном к жесткой конфронтации, что и продемонстрирует в 1960 году, в ходе конфликта из-за сбитого над СССР американского разведывательного самолета У-2.

Внешнеполитическая ситуация драматично менялась не только на западном, но и на восточном направлении, где назревал советско-китайский конфликт. Монголия, которая в 1957 году была глухим тылом «социалистического содружества», где можно было безопасно держать опального политика, теперь оказывалась в эпицентре советско-китайского соперничества, где Молотов больше сочувствовал Мао, чем главе своего правительства Хрущеву. Вячеславу Михайловичу нужно было подыскать другую работу. Уже в феврале 1959 года планировался его перевод в другую страну, но ее власти отзывали агреман¹. Только 3 июля 1960 года миссия Молотова в Монголии была завершена.

4. ИЗГНАНИЕ ИЗ ПАРТИИ

5 сентября 1960 года Совет министров утвердил Молотова на пост постоянного представителя при Международном агентстве по атомной энергии (МАГАТЭ) в Вене. Хрущев понимал, что перебежчиком на Запад Молотов не станет. Ладно, пусть поживет в условиях, которые были бы мечтой для многих советских дипломатов и чиновников. Авось присмирееет.

Условия жизни Молотова и Жемчужиной в Вене не напоминали об опале. Уважаемый дипломат, авторитетный представитель СССР. Можно свободно гулять и ездить по столице западноевропейской страны. Светлане с детьми было разрешено навещать Молотова за границей².

Должность советского представителя в МАГАТЭ была довольно формальной – основные решения готовили физики и военные с санкции Президиума ЦК. К тому же, как рассказывал Молотов Чуеву, «в Вене я несколько раз болел воспалением легких, но с тех пор с легкими у меня все хорошо»³. Но Молотов, соскучившийся по большой политике, активно выступал на Генеральной

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 259. Л. 24–25.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 431.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 115.

конференции и в комитетах МАГАТЭ, отстаивая продиктованную Москвой позицию. Договора о нераспространении ядерного оружия еще не было, но СССР устами Молотова активно выступал против использования в военных целях расщепляющихся материалов, оборудования и изотопов, которые передаются другим странам для развития атомной энергетики. 3 июня 1961 года Молотов в последний раз увиделся с Хрущевым, прибывшим в Вену на встречу с президентом Дж. Кеннеди. Вячеслав Михайлович и Никита Сергеевич протокольно пожали друг другу руки и больше не общались.

Разъехавшись из Вены, Хрущев и Кеннеди принялись меряться военными потенциалами и нервными системами – последовали Берлинский (1961) и Карибский (1962) кризисы. Неожиданная для Москвы Кубинская революция представила новые шансы для СССР поставить США в тяжелое положение. Молотова это вдохновляло. 22 августа 1961 года он писал в Президиум ЦК: «Мы – непримиримые и последовательные противники империалистических войн. Что же касается народов, поднимающихся на борьбу за свою свободу, выступающих против угнетения и всех форм господства империалистов, мы всегда на их стороне. Тут для нас дело идет не о том, чтобы как-то притупить эту борьбу, а, напротив, о том, как оказать ей всемерную поддержку»¹. Если бы Хрущев поддерживал Кубинскую революцию настолько «всемерно», насколько хотел Ф. Кастро, это могло бы кончиться ракетно-ядерной катастрофой в октябре 1962 года. Так что у Молотова появился шанс дожить до момента, когда можно будет узнать, станет ли атомная война концом истории? Но ее удалось избежать, сохранив миллиарды жизней и тем самым продлив биографию также и Молотова.

Молотов критиковал утверждения Хрущева о том, что империалистические войны уже не так неизбежны, как во времена Ленина (речь шла, конечно, не о локальных войнах, а о большой войне). Вячеслав Михайлович высмеял призыв Никиты Сергеевича к полному разоружению за четыре года (впрочем, они были агитационными, как и многие предложения Молотова Западу в 40–50-е годы): «Читая эти заявления, не знаешь, чему больше удивляться: политической ли наивности этих высказываний или самому факту, что наша ленинская партия могла допустить подобное выступление от имени Советского Союза... Более чем

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 433.

наивно думать, будто гонка – это вина каких-то отдельных злых или неразумных лиц – Даллесов, Аденауэров, Эйзенхауэров, Штраусов и т. п., будто при особенно гибкой политике СССР и других социалистических стран можно рассчитывать на появление таких правительств в современных США, Англии, Западной Германии, Франции и других империалистических государствах, которые круто изменят эту политику, откажутся от гонки вооружений». Молотову суждено будет дожить до времен Разрядки 70-х годов, когда СССР и США договорятся об ограничении гонки вооружений. А в начале 60-х годов он требовал от ЦК не бояться военного столкновения с империализмом, обращаясь к партаппарату через голову Хрущева. Молотов стал грозиться в том же стиле, как несколько лет назад они со Сталиным угрожали Тито: «Не может быть сомнений, что в Коммунистической партии Советского Союза найдутся силы, чтобы до конца вскрыть допущенные ошибки и вывести партию на единственно верный и проверенный в революционной борьбе ленинский путь»¹. Если уж его накажут за критику хрущевского курса, то нечего и стесняться в выражениях. А если Хрущева все-таки свалят те люди, которые в 1957 году его защитили, то, глядишь, и позовут назад Молотова, который был кругом прав.

Если в партии есть «силы, способные вывести ее на ленинский путь», то может быть они проявят себя на XXII съезде КПСС, который должен был стать эпохальным – на нем планировалось принять новую программу вместо прежней 1919 года, выполнить которую очевидно не удалось. Официально смена программы объяснялась тем, что прежняя устарела – ведь уже построен социализм, что-то в старой программе уже осуществлено, а что-то с высоты нового знания видится по-новому. Например, диктатура пролетариата осталась в прошлом – она существовала до построения социализма и ликвидации буржуазии. По Марксу и Ленину дальше государство должно отмереть. По Сталину – существовать и дальше, строить полный коммунизм. Но каков его характер? Раз теперь частных собственников нет, диктатура одного класса над другим невозможна (то, что в СССР существовала диктатура бюрократии над рабочими и крестьянами, говорить было нельзя, так как это считалось уголовно наказуемой антисоветской пропагандой) – нужно придумать для советского государства новую характеристику. Хрущев и его советники не

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 434.

нашли ничего лучше, как назвать это государство «общенародным». И этим совершили акт неслыханного ревизионизма, так как Маркс и Энгельс, считая причиной существования государства классовые противоречия, отрицали возможность существования «народного государства»¹. Микоян, кстати, упомянул эту известную критику Энгельсом лассальянского народного государства, но отмахнулся от нее, потому что якобы Энгельс говорит только о государстве при капитализме². Но Энгельс как раз говорил не о капиталистическом государстве, которое коммунисты считали буржуазным, а о следующей фазе после победы над капитализмом.

Более того, новая программа допускала, что коммунизм в СССР будет построен не во всем мире, а еще при живом империализме. Все это заставляло кипеть возмущенный большевистский разум Молотова: «В проекте нарисована идиллическая картина “сосуществования” победившего коммунизма в СССР и империализма, продолжающего существовать примерно в тех же странах, что и в наши дни... Коренной недостаток проекта Программы заключается в том, что он отступает от революционных принципов марксизма-ленинизма и в ряде вопросов переходит на позиции ревизионизма, пацифизма и т. п.». Принимать такой проект нельзя, а лучше созвать совещание коммунистических и рабочих партий для его обсуждения, чтобы не случилось нового идеологического раскола³.

Тут уж Хрущев решил, что с него хватит. Записка Молотова «Некоторые замечания по проекту Программы КПСС» была рассмотрена на Президиуме ЦК, и было решено: «Не ссылаясь на записку, на съезде разделить его. М. б. отозвать его из Вены и, если будет упорствовать, м. б. исключить из партии (решения не надо)»⁴.

Провозглашая на XXII съезде КПСС курс на развернутое строительство коммунизма, Хрущев требовал еще более решительно избавиться от тормозящего развитие советского общества сталинского наследия. Его олицетворяют Сталин в Мавзолее и Молотов, Маленков и Каганович – в КПСС. Сталина предсто-

¹ См., например: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 5.

² XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961: Стенографический отчет. М., 1962. Т. I. С. 457.

³ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 434–435.

⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 529.

ит вынести из Мавзолея, а его приспешников – изгнать из партии. Особенно Молотова, чтобы не отвлекал руководство своим брызжанием (Ворошилова за революционные заслуги и быстрое раскаяние не стали наказывать за былое). Ритуально обличая «антипартийную группу», некоторые выступающие выделяли именно Молотова как наиболее непримиримого противника. Хрущев подвел итог: «Участники антипартийной фракционной группы хотели захватить руководство в партии и стране, устранить тех товарищей, которые выступали с разоблачением преступных действий, совершенных в период культа личности. Антипартийная группа хотела поставить к руководству Молотова. Тогда, конечно, никаких разоблачений властью этих злоупотреблений не было бы... Он оправдывал действия, которые были в период культа личности, и предрекал, что такие действия возможны, что возможно их повторение в будущем»¹. Тут уж впору КГБ вызывать. Но новое руководство не столь мстительно, как «антипартийные» деятели – хватит с них исключения из КПСС и отправки на пенсию.

Понимая, куда клонится, 3 ноября Молотов написал в ЦК: «Полностью признаю как соответствующую основам марксизма-ленинизма правильность генеральной линии партии на развернутое строительство коммунистического общества в СССР и на неуклонное проведение политики по обеспечению международного мира и предупреждения войн»². Но в ЦК прекрасно понимали неискренность такого заявления. Ах он – двурушник! Нечего ему делать в партии Ленина.

Молотова вызвали в Москву. 15 ноября он беседовал с секретарем ЦК Л. Ильичевым, который предъявил Вячеславу Михайловичу его записку от 12 октября с критикой предсъездовских материалов. Пересмотрел ли он свои взгляды под влиянием критики на съезде? Его заявление от 3 ноября признано недостаточным. Но Молотов отказался написать более глубокое раскаяние, в частности признать, что «Ленин высказывался за принцип мирного сосуществования»³. 18 ноября он подписал записку в ЦК, где подтвердил готовность вести работу на основе новой Программы и других решений, принятых съездом.

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. II. С. 585.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 439.

³ Там же. С. 440.

4

Приложение

к Указу Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1962 г. "О признании утратившими силу законодательных актов СССР о присвоении имен Ворошилова, Молотова, Кагановича, Маленкова"

ПЕРЕЧЕНЬ
законодательных актов, утративших силу

Дело

Этот указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1962 г. "О признании утратившими силу законодательных актов СССР о присвоении имен Ворошилова, Молотова, Кагановича, Маленкова" является частью настоящего указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1962 г. "О признании утратившими силу законодательных актов СССР о присвоении имен Ворошилова, Молотова, Кагановича, Маленкова"

Этот указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1962 г. "О признании утратившими силу законодательных актов СССР о присвоении имен Ворошилова, Молотова, Кагановича, Маленкова" является частью настоящего указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1962 г. "О признании утратившими силу законодательных актов СССР о присвоении имен Ворошилова, Молотова, Кагановича, Маленкова"

№ 162/26.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О признании утратившими силу законодательных актов СССР о присвоении имен Ворошилова, Молотова, Кагановича, Маленкова

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

Признать утратившими силу законодательные акты СССР согласно приложению.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАЗЕ.

Москва, Кремль.
15 января 1962 г.

Верно: *Горьков*
15.1.62.

г.п

Указ Президиума
Верховного Совета
СССР «О признании
утратившими силу
законодательных актов
СССР о присвоении имен
Ворошилова, Молотова,
Кагановича, Маленкова»
15 января 1962
[ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 78.
Д. 1056. Л. 3, 4, 12]

Президиума ЦИК СССР от 6 января 1930 г. "Благодатная Иго-Восточной г.д. в СР, 1930 г., № 7, ст. 82).

Президиума ЦИК СССР от 3 мая 1931 г. "Алчевск в г. Ворошиловск" (протокол ЦИК СССР, 1931 г., № 5, п. 13).

Президиума ЦИК СССР от 9 марта 1934 г. "Возникновению района в Ворошиловский район" 15, ст. III).

Постановления Президиума ЦИК СССР от 9 марта 1934 г. "Ворошилова Ворошиловскому им. заседания Президиума ЦИК СССР, 1934 г.,

Постановления Президиума ЦИК СССР от 17 марта 1934 г. "Ворошилова Ворошиловскому им. заседания Президиума ЦИК СССР, 1934 г., № 89, п. 8).

Президиума ЦИК СССР от 23 июня 1934 г. "Ворошилова Ворошиловскому им. заседания Президиума ЦИК СССР, 1934 г.,

Постановления ЦИК СССР от 1 апреля 1935 г. "Дальне-Восточному краю" (СЗ СССР, 1935 г.,

Постановления ЦИК СССР от 29 апреля 1935 г. "Ворошилова Ворошиловскому им. заседания Президиума ЦИК СССР, 1935 г., № 25, ст. 199).

Постановления ЦИК СССР от 14 мая 1936 г. "О присвоении им. Л. М. Ворошилова станции Пашенная (дорога В. М.)" (СЗ СССР, 1936 г., № 27, ст. 256).

"3" пункта 2 Постановления ЦИК СССР от "О разукрупнении территории Красноводского, Чистяковского и Махметовского городских областей и образовании пяти новых районов" № 33, ст. 300).

Постановления ЦИК СССР от 11 августа 1936 г. "О присвоении им. Л. М. Ворошилова театру в г. Ворошиловск" (СЗ СССР, 1936 г., п. 25, ст. 449).

Вс. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1955 г. "О переименовании станции "Охотный ряд" Московского метрополитена имени В. И. Ленина" (Ведомости Верховного Совета СССР, 1955 г., № 23, ст. 449).

IV.

Вс. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1940 г. "О присвоении заводу № 119 имени тов. Маленкова Г. М." (Ведомости Верховного Совета СССР, 1940 г., № 22).

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАЗЕ.

Верно: *Горьков*

Но без подробностей. Ну что же, Вас предупреждали, Вячеслав Михайлович.

9 февраля 1962 года состоялось партийное собрание организации № 3 Управления делами Совета министров СССР, на котором обсудили персональное дело Молотова. Ему пришлось оправдываться и за 1937, и за 1957 годы. Проголосовали за исключение партийного ветерана из КПСС. 10 февраля Молотова разбирали в парткоме Управления делами. Он подчеркивал, что является членом партии с 1906 года. Но когда партстаж останавливал коммунистов от того, чтобы утопить товарища, даже если он старый большевик. Сколько старых большевиков они со Сталиным отправили к Ленину. А тут всего-то из партии вон и на пенсию. Решение об исключении Молотова Вячеслава Михайловича из КПСС было принято. «За злоупотребления властью, нарушения социалистической законности, в результате чего погибло большое число ни в чем не повинных людей»¹. 14 февраля решение было утверждено Свердловским райкомом, 21 марта – бюро МК КПСС. Молотов апеллировал. Но 26 июля 1962 года решение об исключении Молотова из партии подтвердил Комитет партийного контроля. 12 сентября 1963 года Молотов был отправлен на пенсию. Полвека жизни в политике закончились. Но не закончилась жизнь.

¹ РГНИ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 80. Л. 68.

ГЛАВА XII ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СМЕРТИ

Вячеслав Михайлович шел по коридору здания на Старой площади. Он не был здесь более двух десятилетий. Но запах все тот же: воздух власти, пространство принятия решений, от которых зависят судьбы миллионов людей. Что-то, наверное, изменилось, как менялось и в его годы. Ковры, обшивка стен те же, или новые? Он уже не помнил, да и не важно. Молотов вдыхал этот воздух власти в последний раз. Только что он пожал руку главе партии, который был лишь тенью великих вождей, руководивших ею вместе с Вячеславом Михайловичем. Вот и тень Молотова снова мелькнула в этих коридорах. Может быть, она бродит там и сейчас, вдыхая воздух уже новой власти в этих старых стенах.

1. ПИСЬМО ВОЖДАМ КПСС

Первое время после ухода на пенсию Молотов еще надеялся на реванш. Ну не может быть, чтобы ленинская партия не отвергла Хрущева и его курс. А тогда снова понадобится его опыт, его аргументы. Вячеслав Михайлович принялся за их систематизацию и фундирование.

Историк С. Кулешов писал, ссылаясь на историка А. Зевелева: «В 10 часов утра распахивалась дверь читального зала для академиков и докторов наук, и входил маленький, сухой старик в пенсне. Он педантично штудировал всю историческую и политическую периодику, особенно журналы 20-х годов, делал за-

кладки. Большой интерес его занимали воспоминания о Ленине, причем он сравнивал их с более ранними изданиями, ища купюры. А.И. Зевелев увидел однажды, как В. Молотов просматривает ответы на вопросы анкеты старым большевикам, заданные Истпартом в 1927 г. – в десятилетний юбилей революции. Поинтересовался, зачем... Молотов отодвинулся, отгородился и стал работать еще конспиративней. В 12 часов приходила его жена, Полина Жемчужина – делала выписки из отмеченных мест»¹. Не зря трудился Вячеслав Михайлович, подбирая цитаты.

В 1965 году была подготовлена объемная записка в ЦК КПСС «по проблеме культа личности И.В. Сталина и о программе КПСС». Она была обнаружена в фонде Молотова и опубликована как его записка². Авторство Молотова подвергалось сомнению уже публикаторами в связи с рядом оснований. Во-первых, Молотов упоминается в третьем лице. Но руководители ВКП(б) это себе позволяли. Во-вторых, в заголовке есть пометка «Г. М.», что можно трактовать как «Г. Маленков», «группа Маленкова» или «Группа Молотова». Учитывая, что Молотов и Маленков были осуждены как раз за групповщину, автор не стал бы давать такой аргумент против себя и ставить подобную «групповую» пометку. А вот сделать экземпляр для Г. Маленкова – теоретически возможно. Может быть, автором был сам Маленков, а Молотов только ознакомился с текстом? Эту гипотезу можно было бы принять, но 23 марта 1966 года Маленков направил в ЦК свое письмо³. Оно гораздо короче и менее систематичное. В нем есть некоторые идеи, схожие с запиской 1965 года, причем эти общие идеи явно молотовские, а не маленковские 50-х годов. Так что вероятнее всего автором записки был Молотов, но мог ознакомить с ней Маленкова, который в тех условиях решил попытаться счастья, следуя молотовским курсом. Если одного восстановят в партии под антихрущевским соусом, то и другого. Но эта линия к успеху не привела. Также в пользу авторства Молотова говорит то, что он систематически работал в библиотеках Москвы, а Маленков жил в Экибастузе, где возможности такой работы были куда скромнее.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 603–604.

² Опубл.: Вопросы истории. 2011. № 1–6, 8–11; 2012. № 1, 3. Здесь цит. по: Молотов В. В защиту Сталина. Письмо в ЦК. М., 2021.

³ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 80. Л. 2–31.

Главная задача записки – добиться реабилитации Сталина и осуждения Хрущева. Прочитав трактаты репрессий 30-х годов, озвученных на XXII съезде, автор делает вывод: «Сталин и его соратники, люди, которые на протяжении всех 30 лет Советской власти, вплоть до июньского Пленума ЦК КПСС, составляли основное ядро Центрального Комитета, в представлении XXII съезда предстают перед нами сами оголтелыми и отъявленными врагами народа.

Выходит, что во главе нашей Партии, во главе нашего государства в течение 30 лет сумели удержаться, обманывая и запугивая Партию и народ их злейшие враги? Да, по логике Хрущева и иже с ним выходит»¹. А почему бы нет. Советская власть к 1957 году существовала не 30, а 40 лет, и большинство тех, кто возглавлял в первые десять лет компартию и государство, были объявлены врагами народа и уничтожены. И ничего. Да и «ядро ЦК» в 30-е годы умудрилось уничтожить большинство ЦК. Что же теперь на Хрущева пенять, он еще мягко выражается.

Записка подробно разбирает частные обвинения в адрес Сталина, которые публикуются в последние годы – от ответственности за поражения в советско-польской войне до причастности к убийству Кирова. Эти и сегодня распространенные версии действительно достойны научного обсуждения и критики. Но Молотов защищает Сталина, подробно цитируя стенограммы Московских процессов 1936–1938 годов. А это сразу компрометировало аргументацию записки в глазах тех, кто считал, что процессы сфальсифицированы. Но ведь официально итоги процессов тогда не были отменены.

Особенно Молотова возмущало выступление Шверника на XXII съезде, в котором говорилось: «Вот пример крайнего цинизма Молотова. При поездке его в 1934 г. в г. Прокопьевск машина, в которой он находился, съехала правыми колесами в придорожный кювет. Никто из пассажиров не получил никаких повреждений. Этот эпизод впоследствии послужил основанием версии о “покушении” на жизнь Молотова, и группа ни в чем не повинных людей была за это осуждена. Кому, как не Молотову, было известно, что на самом деле никакого покушения не было, но он не сказал ни слова в защиту невинных людей»².

¹ Молотов В. В защиту Сталина. С. 35.

² XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. II. С. 216.

Как же Молотов мог сомневаться в том, что имело место покушение, если это установили следственные органы! И сами обвиняемые все признавали в подробностях. Какие ко мне претензии? Автор категорически утверждает: «я исхожу из того обстоятельства, что процессы 1936–1938 гг. были процессами, не инспирированными кем-то в карьеристских целях, и, тем более, в целях уничтожения видных советских и партийных работников, а выявили действительную картину массового распространения среди бывших оппозиционных групп различных антисоветских, контрреволюционных, вредительских и диверсионно-шпионских подпольных организаций»¹.

И почему, собственно, ответственность за репрессии возлагается только на руководителей, потерпевших поражение в 1957 году? «Спрашивается – мог ли Хрущев, будучи первым секретарем МК МГК ВКП(б) не знать о репрессиях в отношении своих ближайших помощников и сотрудников?»² Ох, зря ты, Никита, открыл ящик Пандоры.

Автор записки делает вывод: «Я считаю, что то направление, которое было придано XXII съездом КПСС вопросу о т. н. культе личности И.В. Сталина, явилось направлением, прямо нацеленным на подрыв авторитета партии среди трудящихся нашей страны и всего мира, на дискредитацию политики Коммунистической партии Советского Союза, партии, представленной XXII съездом слепой и покорной исполнительницей воли тирана – ее генерального секретаря; партии, представленной XXII съездом очагом дрызг и “придворной” грызни за власть, за близость к трону»³. Ну хорошо, Молотов может не верить в фальсификации процессов. Но что он может противопоставить утверждению, что партия исполняла волю генерального секретаря и его окружения, в котором происходило противоборство? Уж его-то он видел своими глазами. Никаких контраргументов, свидетельств открытого непослушания Сталину, например, записка не приводит.

По мнению Молотова, Сталин вел страну и партию туда, куда хотело большинство рабочего класса и членов партии, а от отщепенцев-оппозиционеров избавлялись, потому что они мешали этому одобряемому народом курсу. Но почему такую схему

¹ Молотов В. В защиту Сталина. С. 75.

² Там же. С. 80.

³ Там же. С. 94.

можно применить к правлению Сталина и нельзя к правлению Хрущева? «Мне могут возразить... Если вы сами утверждаете, что один человек или группа людей не может направлять партию в миллион членов туда, куда эти миллионы идти не хотят, — как же тогда удалось это сделать Хрущеву и тем, кто был с ним в этот момент? Не скатываетесь ли вы тем самым на те позиции, которые только что так самоуверенно критиковали?

Должен признаться, что это — очень серьезное возражение. Действительно, если Хрущеву удалось повести за собой XXII съезд, а за ним всю партию, по нужному ему пути, то спрашивается, почему то же самое не смог или не мог делать Сталин?

И, честно говоря, над ответом на это возражение мне пришлось попотеть не меньше, чем над всеми остальными материалами. По-моему, я должен ответить следующим образом:

Июньский Пленум ЦК КПСС 1957 года был первым пленумом в истории нашей партии, на котором из состава Президиума ЦК были сразу выведены семь из одиннадцати его членов — Молотов, Ворошилов, Каганович, Маленков, Булганин, Сабуров и Первухин». И что тут нового — Сталин и его фракция уничтожили большинство членов Политбюро 20-х годов, которые дожили до 30-х. Но есть разница — до конца 30-х годов «партии, всем ее членам, по официальным партийным источникам и каналам, было известно о характере разногласий, о ходе борьбы, о тех доводах, которые та или иная сторона выдвигают в обоснование своей позиции»¹. Тут автор записки выдает 30-е годы за 20-е, даже за их середину. Даже борьба с «правым уклоном» в 1928 году велась закулисно, а членам «антипартийной группы» дали выступить на пленуме, а затем объявили на весь свет, в чем по мнению ЦК не правы Молотов, Маленков и Каганович. Это куда демократичнее, чем расправы над большинством членов ЦК ВКП(б) в середине 30-х годов — те публично и пикнуть не успели о своей особой позиции. А Молотов возмущается, что на XXII съезде не дали выступить тем, кто мог заступиться за Сталина. С тем же успехом можно было ждать на XVIII съезде выступление в защиту Троцкого и Бухарина. Так что зря автор записки «потел» над объяснением того, почему Хрущев вел партию против ее воли, а Сталин — в полном соответствии с ней. Оба вели, куда считали правильным, изолируя оппозицию аппаратными методами, а в случае со Сталиным — и с помощью

¹ Там же. С. 157.

массового террора. Это, конечно, не значит, что Сталин и Хрущев выбирали партийный курс субъективистски, не учитывая настроения в партии. Авторитарная и тоталитарная системы не исключают лоббирования снизу, учета правителями настроений в обществе и элите. В этом отношении Хрущев ориентировался на массовые настроения даже в большей степени, чем Сталин, пойдя по пути послаблений, расширения социальных гарантий и сферы свобод.

Автор записки чувствует, что выставить Сталина в роли большего демократа, чем Хрущев, не убедительно, и добавляет еще один аргумент – Хрущев манипулировал неопытными делегатами, большинство которых вступило в партию во время войны и позднее. Но и это напоминает «ленинский призыв», который помог команде Сталина победить старых большевиков из левой оппозиции. Да и террор 30-х годов тоже привел в партийное руководство много новичков. И здесь Хрущев ничего не добавил к сталинским методам, только смягчил их.

Даже если бы полемика на июньском пленуме 1957 года была сразу опубликована, настроение в стране было таким, что аргументы Молотова и Кагановича не мобилизовали бы советское общество на их поддержку. Собственно, для этого не нужно было и знакомиться с этими аргументами – они были хорошо известны всем, кто жил при Сталине. «Антипартийная группа» вызвала определенное сочувствие в части общества самим фактом своего выступления против Хрущева¹. Но преобладающее настроение было в пользу «демобилизационного настроения», в котором автор записки тоже видит одну из причин успехов Хрущева². А вот это как раз то, что отличает вектор хрущевского периода от сталинского.

Записка сравнивает речи с осуждением культа на XX съезде КПСС и восхваления личности Хрущева после 1957 года. Вот он – культ. Далее автор обращается к цитатам Ленина об авторитетах (которые искусственно обрывались при цитировании в «Правде» в 1956 году), к обсуждению проблемы бюрократизации в партии в 20-е годы, развернуто цитирует «Новый курс» Троцкого и другие тексты лидеров левой оппозиции. Это нужно,

¹ См.: Крамола. Инакомыслящие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг.: Рассекреченные документы Верховного суда и прокуратуры СССР. М., 2005. С. 327.

² Молотов В. В защиту Сталина. С. 168.

чтобы сделать такой вывод: «Все оппозиционные элементы выступали против “теории вождя”, “культа вождя”, “культа личности”... История партии учит нас тому, что партия никогда (до XXII съезда) не шла на поводу оппозиционных демагогов, пытавшихся подкупить партию красивыми словами о демократии, о свободе мнений и т. д.»¹. Вообще-то и XXII съезд КПСС не даровал никакой свободы мнений – что Молотов испытал на себе, будучи исключен за несогласие с новой программой. Но дело не в свободе мнений, а в том, что «культ личности» – троцкистская идея. В КПСС победил троцкистско-бухаринский блок – троцкизм идейно-политический и бухаринизм экономический.

На съезде Хрущев выступил против тех, кто считает, что при социализме должна сохраняться диктатура пролетариата. С точки зрения марксистско-ленинской схемы смены общественных стадий это справедливо. Диктатура пролетариата должна существовать после прихода к власти коммунистической партии и до возникновения коммунизма. Социализм – первая фаза коммунизма. Значит, если есть социализм (то есть коммунизм), то уже нет диктатуры пролетариата. Но Маркс, Энгельс и Ленин считали, что по мере приближения к коммунизму государство будет вообще отмирать, что диктатура пролетариата – это отмирающее государство вроде коммуны (общины). Так что при социализме не будет не только диктатуры пролетариата, но и государства вообще. С этим уже никак не может согласиться Хрущев – не распускать же СССР из-за того, что Сталин решил считать социализмом тот строй, который построили в 30-е годы.

Решение этой теоретической коллизии должна была предложить программа КПСС 1961 года, которую автор иронически характеризует как «образец “мирного сосуществования” социализма с капитализмом в марксистско-ленинской теории»². В программе провозглашается, что государство в СССР стало «общенародным». Это автор с цитатами из классиков разоблачает как отход от марксизма. При этом за схоластические упражнения, искажающие смысл написанного «классиками», достается Суслову³. Учитывая влияние Суслова в партийном руководстве 60-х годов, уже одного этого выпада было достаточно, чтобы руководители КПСС отнеслись без сочувствия к такой за-

¹ Там же. С. 129.

² Там же. С. 285.

³ Там же. С. 175.

писке. Тем более, что ее вывод о программе, по которой КПСС жила и при Брежнев, категоричен: она «сходит с марксистско-ленинских классовых, пролетарских позиций на соглашательскую, примиренческую социал-демократическую точку зрения»¹.

Эта критика очень близка к маоистской, да автор записки и не скрывает, что с его точки зрения в споре с китайскими коммунистами Сулов, с его точки зрения, неправ². Получается, что в главных коммунистических спорах 60-х годов автор записки поддерживает маоизм. Как и левая оппозиция 20-х годов и как маоисты 60-х годов, автор записки ставит международные аспекты развития социализма-коммунизма выше национальных, внутригосударственных: «Утверждения Программы КПСС об окончательной победе социализма в СССР, о ненужности диктатуры пролетариата и ее перерастания в общенародное государство являются отречением от марксистско-ленинского учения о социалистической революции, продолжающейся вплоть до полной и окончательной победы социализма на земле»³. Вот такая перманентная революция. А провозглашение программой «возможности мирного сосуществования на неопределенный долгий срок государств с различным общественным строем, провозглашение этого мирного сосуществования объективной необходимостью – по сути дела означает не что иное, как отрицание непримиримости классовых противоречий между социализмом и капитализмом»⁴.

Автор говорит об общности своих взглядов с позицией КПК⁵, прямо берет под защиту Мао Цзэдуна: «Отвечая людям, утверждающим, что в случае ядерной войны погибнет все человечество, погибнет “окончательно и бесповоротно”, в свое время Мао Цзэдун говорил:

“Если будем воевать, то будет применено атомное и водородное оружие. Я лично думаю, что на всем свете будут такие страдания, когда погибнет половина человечества, возможно, и более половины. Я спорил по этому вопросу с Неру. Он в этом отношении настроен более пессимистически, чем я. Я ему сказал, что если половина человечества будет уничтожена, то еще оста-

¹ Молотов В. В защиту Сталина. С. 181.

² Там же. С. 192.

³ Там же. С. 196.

⁴ Там же. С. 212.

⁵ Там же. С. 282.

нется половина, зато империализм будет уничтожен полностью и во всем мире будет лишь социализм, а за полвека и за целый век население опять вырастет, даже больше, чем наполовину” (цит. по “Правда” от 21/IX-1963 года).

Вокруг этого выступления Мао Цзэдуна был поднят, на мой взгляд, нездоровый ажиотаж. Мы “вспомнили” это заявление, сказанное еще в 1957 г., для того, чтобы утверждать, что поскольку-де “китайские руководители рассуждают, половина или сто процентов человечества будут уничтожены в огне новой войны”, то по ним выходит, что можно рисковать войной, поскольку вторую половину ожидает “прекрасное будущее” (Заявление Советского правительства от 21/IX-1963 года).

Это утверждение – явная передержка. Мы сами придали словам Мао Цзэдуна не свойственный им чудовищный смысл, тогда как они направлены против антимарксистских взглядов буржуазных пацифистов, видящих в возможной термоядерной войне “конец света”¹. В чем же тут передержка? Мао спокойно говорит о том, что, несмотря на страдания, термоядерная война – дело хорошее, так как после нее наконец победит социализм и погибнет империализм. К жертвам ради коммунизма нам не привыкать – миллионы уже пожертвовали. А тут такой шанс на окончательную победу. Автор записки, ссылаясь на многочисленные ленинские цитаты доядерной эпохи, солидаризируется с Мао. Правда, они не объясняют, почему на развалинах человечества, даже если кто-то выживет в термоядерной войне, восторжествует именно социализм, а не дофеодальная «военная демократия», которая ближе к первобытному коммунизму, чем к тому коммунизму, который был предсказан Марксом.

Записка критикует надежды авторов программы КПСС на победу пролетариата без гражданской войны. А как же «народные демократии Восточной Европы»? Теперь этим аргументом автора не застать врасплох: там социалистическая революция «опиралась на вооруженные силы Советской армии. История не дала нам примеров мирного перехода от капитализма к социализму»². И здесь советские коммунисты «пришли к полной ревизии марксизма-ленинизма под флагом борьбы с догматизмом»³. Как югославские коммунисты.

¹ Там же. С. 241.

² Там же. С. 252.

³ Там же. С. 280.

Правда, как выясняется, и вооруженный путь пока к полному социализму не привел. Сравнивая критерии социализма по Марксу, Энгельсу, Ленину, автор приходит к выводу, что «наше общество, если мы не хотим вступить в спор с Марксом и Энгельсом, не вступило еще, не закончило еще строительства социалистического общества, что наше государство не выполнило еще полностью ни одной из основных задач, по выполнении которых общество может заслужить название социалистического»¹. Так что зря каялся Молотов в 1955 году за свое высказывание о том, что в СССР еще не построен социализм.

Словно испугавшись такого вывода, автор записки тут же оговаривается, что «практика социалистического строительства внесла некоторые поправки в теоретические наброски Маркса и Ленина...»² Ах, так все-таки можно поспорить с «классиками» и по вопросу о наличии товарно-денежного обращения при социализме (так получается, что в СССР все-таки существует социализм), и по наличию как общенародной, так и групповой собственности. Но раз мы теперь строим коммунизм, то эти «поправки» нужно ликвидировать – вместе с колхозной собственностью и товарно-денежным обращением, которое при полном коммунизме следует заменить прямым продуктообменом, да еще в условиях изобилия³. Ликвидировать колхозы – дело не хитрое, а вот как добиться в СССР изобилия и отмена денег в пользу планового продуктообмена – над этой задачкой коммунистические теоретики, включая Молотова, бились до самой Перестройки, которая эту задачу вообще отменила.

Программа КПСС ведет СССР в противоположном направлении – призывает укреплять колхозный строй, использовать деньги и материальную заинтересованность.

Но деньги не подготовят трудящихся к коммунизму. А вот диктатура пролетариата создана «для воспитания масс в духе сознательного отношения к труду как к первой и необходимой обязанности, для принуждения тех, кто пытается увильнуть от добросовестного исполнения этого своего святого долга перед обществом»⁴. Такую диктатуру уместно назвать не диктатурой пролетариата, а диктатурой над пролетариатом, по-

¹ Молотов В. В защиту Сталина. С. 187.

² Там же. С. 188.

³ Там же. С. 188–189.

⁴ Там же. С. 182.

тому что она бдительно следит, чтобы пролетарии не увиливали от поставленных этой диктатурой трудовых задач.

Но это – если планы правильны. А Хрущев наворотил экономических ошибок. Записка приводит статистические данные, призванные доказать правоту Молотова: темпы роста производства промышленной продукции при совнархозах замедлились, капиталистов по уровню жизни не догнали, Целина оказалась нерентабельной, ликвидация МТС нанесла ущерб интенсификации аграрного производства.

Но реформа 1965 года, расширяющая права предприятий и делающая ставку на материальную заинтересованность – усугубляет ошибку 1957 года, переоценивая «способности очень многих наших работников мыслить по государственному, подчиняя свои личные материальные интересы интересам общенародным»¹. Так что нужно не расширять самостоятельность, как это делают югославские ревизионисты, а, напротив, крепить директивное планирование и ведомственную структуру управления².

Автор солидаризируется с критикой сельскохозяйственной политики Хрущева на мартовском пленуме 1965 года, но пишет о его участниках: «...где же были они, когда готовили, или рассматривали, или голосовали за все те многочисленные мероприятия, которые ныне они же сами характеризуют, как необдуманные, преждевременные и т. д.»³. Да там же были, где и соратники Сталина, которые с разной степенью резкости критиковали его политику посмертно. В СССР и КПСС критиковать первое лицо можно только после того, как его уже нет в Кремле. Автор не сдерживается в оценках: «Мартовский пленум ЦК КПСС 1965 г. дал его участникам убийственную для коммуниста характеристику – характеристику карьеристов, людей, боящихся не за свою жизнь, а за свои места»⁴.

Возможно, осенью 1964 года у Молотова были какие-то надежды на реабилитацию и сотрудничество с новыми лидерами страны хотя бы в качестве советника. Через несколько месяцев надежды приказали долго жить. Заканчивая свой многолетний антихрущевский труд, его автор не рассчитывает договориться с лидерами номенклатуры, победившими Хрущева. Можно

¹ Там же. С. 301.

² Там же. С. 305–306.

³ Там же. С. 343.

⁴ Там же. С. 345.

сказать им то, что он думает, без обиняков. Возможно, его записка, отложившаяся в партийном архиве, станет путеводной звездой для следующих поколений партийных лидеров, которые придут к лидерству по мере отхода от хрущевского курса. Преодоление хрущевщины происходит медленно из-за засевших в Кремле бывших хрущевцев, но оно неизбежно, как неизбежен коммунизм.

Подводя итоги, автор перечисляет «вины» Хрущева: дискредитировал историю борьбы за социализм, разбил веру в правоту партии, представил борьбу с врагами советской власти как «дрязги в борьбе за трон, сведение личных счетов», «внес в кристально чистое учение марксизма-ленинизма многочисленные злокачественные элементы типичного мелкобуржуазного, соглашательского, меньшевистско-оппортунистического толка», «подверг учение марксизма-ленинизма коренному пересмотру, превратив его из боевого, революционного учения в соглашательски-ренегатскую теорию примирения социализма с капитализмом», «отверг социалистическую революцию как единственное марксистское средство покончить с войнами вообще», протаскивал такие идеи, как парламентский путь развития революции, «постарался хотя бы теоретически похоронить революцию до греческих календ», «добился острейшей идеологической войны между коммунистическими партиями всех стран мира»¹. Через четверть века догматики марксизма-ленинизма будут в том же обвинять уже Горбачева, и с куда большим основанием. А раз Горбачеву было что разрушать, то очевидно, последствия воздействия Хрущева на развитие марксизма-ленинизма не оказалось столь разрушительным для его догматов, как казалось Молотову. Да и не стоило приписывать Хрущеву приоритет в идеологической полемике между компартиями (а как же советско-югославский конфликт?) и в ревизии марксистско-ленинских идей. Ведь и Молотов со Сталиным «дополнили» взгляды «классиков» утверждением, что при социализме могут существовать товарно-денежные отношения и укрепляться государство.

Молотов выговорился и «отпустил ситуацию». Читатели документа в аппарате ЦК могли убедиться, что дедушка – закоре-
нелый догматик, маоист и озлобленный критикан. Одно ему и оправдание, что не ведет открытую пропаганду своих опасных идей. Опять же, у него есть большие заслуги в создании могучей

¹ Молотов В. В защиту Сталина. С. 346.

державы. Времена его славы, во время которых возрастало нынешнее поколение хозяев Кремля, заставляли смотреть на его писания снисходительно. Ладно, пусть себе марает бумагу, заслужил спокойную старость.

2. ПЕНСИОНЕР-НАБЛЮДАТЕЛЬ

Пенсионеры нередко – учителя жизни. Они читают газеты, смотрят телевизор и сравнивают новости со своим жизненным опытом. И это позволяет им произносить удивляющие окружающих суждения, нередко безапелляционные. Но представители следующих поколений живут своим умом и, выслушав мудрость старших, иногда крутят пальцем у виска. И все равно снова прислушиваются к их суждениям и особенно воспоминаниям. Это голос другой жизни, который позволяет посмотреть на нашу под неожиданным ракурсом. А Молотов ко всему этому еще и мог приобщить собеседника к тайнам эпохи. Тихая старость с воспоминаниями о великом и кровавом прошлом. Тому, что эти воспоминания дошли до нас, мы обязаны литератору Ф. Чуеву, который стал посещать Молотова с 1969 года. Он записывал услышанное, после смерти Вячеслава Михайловича с большим уважением к нему издал избранные места из бесед, подарив нам замечательный источник, который не всегда точен в фактах (память в этом отношении через десятилетия ненадежна), но характеризует впечатление, которое отложилось по поводу тех или иных событий в воспоминаниях Вячеслава Михайловича. В этой главе мы будем прибегать к этому источнику не ради воспоминаний, которые нами уже разобраны в предыдущих главах, а как к свидетельству о настроениях Молотова и образе его жизни после политической смерти.

Чуев вспоминал о своих первых впечатлениях: «Что сразу бросалось в глаза – скромн, точен и бережлив. Следил, чтобы зря ничего не пропадало, чтоб свет, например, попусту не горел в других комнатах. Вещи носил подолгу – в той же шапке, в том же пальто он еще на правительственных снимках. Дома – плотная коричневая рубаха навыпуск, на праздник – серый костюм, темный галстук»¹.

Первоначально Молотов получал скромную пенсию в 120 рублей. Благодаря тому, что он был мужем старой большевички и

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 6.

жертвы политических репрессий, Молотов сохранил право на номенклатурное лечение и отдых в правительственных пансионатах. Полина Семеновна Жемчужина, к тому же имела и пенсию побольше. Также она «обратилась к руководству с просьбой о предоставлении дачи: “Если вы его не уважаете, то я все-таки была наркомом и членом ЦК”. Предоставили совминовскую дачу в Жуковке», – рассказывал Ф. Чуев¹. По мнению В.А. Никонова, «удовлетворению просьбы способствовало и такое обстоятельство. Молотов много гулял, в том числе и по городу. И его прогулки в центре Москвы порой выглядели как процессии, поскольку за ним пристраивался народ. Кто-то из-за любопытства, кто-то хотел позжать руку, кто-то поговорить. Молотов часто не отказывался от разговоров, особенно если тональность его устраивала... У Молотовых появилась дача в Жуковке-2. Двухэтажная, деревянная, покрашенная желтой краской, она носила номер 18 и располагалась прямо у железной дороги недалеко от станции Ильинское Усовской ветки Белорусской железной дороги»². Здесь Молотов в основном проведет последние годы жизни – целых два десятилетия.

Ф. Чуев описывает комнату Молотова, где он жил с 1966 года: «Небольшая комната с одним окном. На столе – варианты рукописи в картонных папках. У стены на маленьком столике – книги и журналы. Чехов, “Буранный полустанок” Айтматова, “Новый мир”, “Развитой социализм” – это то, что сверху, а под каждой из этих книг – стопка в пять-семь штук, наверное. На стене – большая политическая карта мира под целлофановой пленкой. Против окна, у стены, кровать, застланная одеялом с белым пододеяльником без покрывала. Шкаф. Два стула. Все»³.

Молотова навещали родные, старый друг С. Малашкин, юморист Б. Привалов, писатель И. Стаднюк. «Много было гостей из Грузии, которых привозили с собой внук Сталина полковник Джугашвили, генерал Джорджадзе и Шота Квантаришвили»⁴. Время от времени Вячеслав Михайлович и Полина Семеновна выбирались в Москву – в театр.

К 50-летию Октября Молотов получил пенсию в 250 рублей. Заместитель председателя Совета министров СССР К. Мазуров

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 518.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 453.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 522.

⁴ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 458.

впоследствии рассказывал Чуеву: «Когда я узнал, что Молотов получает 120 рублей, поговорил с Косыгиным, и мы решили ему повысить. – Только этому не будем говорить, – сказал Алексей Николаевич и провел пальцем по бровям. – Молотов есть Молотов»¹. Что же, Молотов бровастого Брежнева тоже не жаловал, характеризовал как одного «из таких руководителей, которые... живут мещанской идеологией. Мелкобуржуазной»².

1 мая 1970 года Жемчужина скончалась от онкологии. Последние месяцы она лежала в ЦКБ, а Молотов регулярно ее навещал. На похороны Полины Семеновны пришли Микоян, Булганин, Аросева и множество других друзей и знакомых. После смерти Жемчужиной Молотов говорил о ней: «Мне выпало большое счастье, что она была моей женой. И красивая, и умная, а главное – настоящий большевик, настоящий советский человек. Для нее жизнь сложилась нескладно из-за того, что она была моей женой. Она пострадала в трудные времена, но все понимала и не только не ругала Сталина, а слушать не хотела, когда его ругают, ибо тот, кто очерняет Сталина, будет со временем отброшен как чуждый нашей партии и нашему народу элемент»³. В этих словах Вячеслава Михайловича чувствуется не только самооправдание за свое поведение «в трудные времена», но и попытка примером жены примирить свой сталинизм и жестокость сталинской системы даже в отношении ее адептов, не говоря о других советских людях.

Молотов остался на попечении домработницы Татьяны Тарасовой и племянницы жены Сарры Михайловны Голованевской⁴.

Беспартийного ветерана партии приобщили к некоторым номенклатурным привилегиям в снабжении. Лечился Молотов в ЦКБ, отдыхал в санаториях «Подмосковье» или «Русь». Молотов рассказывал знакомым: «У меня есть карточка на покупку продуктов, это значит – обед, ужин в кремлевской столовой. Шестидесят я плачу в месяц. Таня ходит каждую неделю и берет там продукты в счет обеда и ужина – сухим пайком. Конечно, он стоит гораздо больше, чем шестьдесят рублей, по крайней мере, раза в два стоит больше. Вот мы сегодня угощали за счет пайка.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 518.

² Там же. С. 491.

³ Там же. С. 473.

⁴ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 454.

Меня устраивают на 26 дней в санаторий. Я имею возможность попасть в больницу, в Подмосковье, в загородную такую больницу. Я был в этом году, в прошлом году там был. Был в санатории, а потом там у меня дела ухудшились, я в больницу переехал. Езжу ежегодно в профилактическом порядке или в больницу, или в санаторий¹. В.А. Никонов рассказывал об этом: появились «талоны на диетическое питание». Они представляли собой небольшую белую книжечку, в которой было 30 страничек, разделенных посередине перфорацией. На верхней части было написано «обед» за такое-то число, на нижней – «ужин». По этим талонам в специальной столовой, которая располагалась в красивом особняке во дворе кремлевской больницы на улице Грановского, дом 2 (доступ к особняку закрыт до сих пор), обладатель книжицы мог пообедать и поужинать, при этом соответствующие талоны отрывались. Не помню, чтобы кто-то из нашей семьи там хоть раз обедал или ужинал. Зато на талоны можно было взять энное количество сосисок, докторской колбасы, а то и деликатесов – вплоть до икры. Самым большим деликатесом считалась вобла².

В 1975 году пенсию повысили до 300 рублей, что по советским меркам было большими деньгами. И это не все: «Позволил управделами Совета Министров Смиртюков: вам повышают пенсию, во-вторых, дачу ставят на государственное обеспечение. Таню перевели на государственную оплату. Она теперь получает, наверное, больше, чем я. И я ей плачу, как и платил. Дачу освободили от оплаты. Это рублей сто двадцать, по крайней мере, ежемесячно. Все сняли. Я спросил, с чем это связано. Мы друг друга знаем хорошо. Я вижу, что ему неловко. Я ему второй вопрос: «А кого это касается?» Он: Кагановичу тоже повышают. Пенсию повысили. А он, бедный, в даче нуждается, он одинокий, больной. «На него это не распространяется». А еще, мол, кого? «Маленкову мы не повысили». – «А почему?» – «Он моложе вас. Он позже ушел на пенсию».

Посуду мне дали на дачу. Таня считается поварихой. Она меня тоже поставила в оборот: «Я ведь за ваш счет питаюсь». А я: «Все остается по-прежнему».

Она хорошая. Случайно попала к нам. У других работала. Только в двух местах, в одном шесть, в другом восемь лет. Ее ос-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 518.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 458.

вободили там, бывший хозяин перешел на пенсию, а пенсии не хватает...»¹ Денег у Вячеслава Михайловича стало больше, чем он мог потратить. Для него наступил персональный коммунизм. От щедрот государства можно было даже дарить внуку Славе 100 рублей на День рождения.

В.А. Никонов вспоминает: «У Молотова была довольно стандартная диета. На завтрак, как правило, творог с протертой смородиной, гречневая каша с молоком. На обед из обязательной программы были селедка, винегрет. Суп мог быть разный – борщ, щи. И какое-то мясное или рыбное блюдо. За обедом позволял рюмку-другую (именно рюмку) вина. Или коньяка, о котором шутил, что народ пьет его устами своих лучших представителей»². Курил сигареты «Новость».

Молотов говорил бывшему коллеге В. Ерофееву о своем распорядке: «Встаю рано, в полседьмого утра, по-стариковски не спится. Завтракаю и гуляю по лесу часа полтора. Потом сажусь работать до обеда, обедаю всегда в час дня. Затем минут на 30–40 ложусь поспать, после чего опять гуляю и снова работаю до вечера. Ну, а там смотрю телевизор, читаю и выхожу перед сном немножко проветриться. Спать ложусь в одиннадцать часов, в постели читаю беллетристику, как привык это делать всю жизнь, даже когда работал»³.

Молотов продолжал следить за событиями, оценивать их, встраивать этот новый опыт в свои теоретические схемы и размышления. Политические и теоретические темы Молотов обсуждал с зятем А. Никоновым, сотрудником Института мировой экономики и международных отношений, с Ф. Чуевым и другими визитерами.

Отставка Хрущева вселила новые надежды на то, что он будет услышан в Кремле и на Старой площади. 11 ноября 1964 года Молотов направил записку в Президиум ЦК КПСС, в которой говорилось: «В настоящее время одной из самых важных задач КПСС и всего международного коммунистического движения является восстановление нормальных, дружественных, братских отношений с коммунистической партией Китая, что имеет важнейшее значение для восстановления таких же отношений с некоторыми другими коммунистическими партиями – в

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 519.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 458.

³ Ерофеев В. Указ. соч. С. 162–163.

данных условиях, особенно, в Азии». А то Брежнев со товарищи сами не догадывались. Но конфликт оказался куда глубже, дело было не в Хрущеве, а в различии стадий развития двух стран и партий, менталитетов народов, да и в радикальной стратегии Мао Цзэдуна, договориться с которым Брежневу и Косыгину оказалось не легче, чем Хрущеву. Также Молотов предложил новым лидерам КПСС пригрозить Западу выходом из договора о частичном запрещении атомных испытаний¹. В глазах Брежнева, нацеливавшегося на политику разрядки международной напряженности, такие предложения Молотова выглядели как чуть ли не маоизм.

В записках для себя Молотов гвоздил курс нового руководства: «Коммунистическая партия Советского Союза переживает тяжелый кризис руководства, который все больше перерастает в глубокий кризис партии... Удаление Хрущева с руководящих постов было первой открытой попыткой в поисках выхода из создавшегося положения. ЦК КПСС не дал, однако, сколько-нибудь ясного и убедительного объяснения этому факту, уклонившись от такого объяснения. Напротив, руководство партии все делает, чтобы преуменьшить ошибки и умолчать об оппортунистической сущности принимавшихся при Хрущеве политических установок. При таком положении не приходится говорить, что удаление Хрущева с руководящих постов положило действительное начало изживанию кризиса руководства КПСС. Задача всех задач в настоящее время – вернуть КПСС на революционный путь марксизма-ленинизма»². Молотов считал необходимым «разоблачать в партии и в широких массах принципиальную и практическую несостоятельность и ревизионистский характер основных политических установок XX–XXI–XXII партийных съездов, навязанных группировкой Хрущева и по существу направленных против революционных основ марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, дошедших в новой Программе КПСС до ренегатского отказа от диктатуры пролетариата в СССР и от ленинских основ самой партии. С учетом всего этого и должны определяться в настоящих условиях наши главные политические задачи»³. Если бы в КГБ прочли этот документ 1965 года, то могли бы задаться вопросом: чьи это «наши»? Че-

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 448.

² Там же. С. 448–449.

³ Там же. С. 449.

ловец, оказавшийся вне партии и обличающий ее программу, ставит перед кем-то политические задачи? Планирует «разоблачать в широких массах» политику руководства КПСС? Он что, антипартийный кружок собрался делать? Решил тряхнуть стариной? Но Вячеслав Михайлович не собирался прибегать к подпольному опыту юности. Объектом его пропаганды были считанные аппаратчики секретариата ЦК и вхожие к нему домой знакомые. Смысл этих писем во власть и для себя, как и развернутой записки 1965 года, был во многом психологическим: доказательство самому себе, что ты не сломлен и продолжаешь отстаивать ленинскую линию, когда «КПСС превратилась в полуреформистскую, полусоциал-демократическую партию, в которой, однако, еще сильны революционные традиции – по крайней мере, в лучшей ее части»¹. Как вышло, что он оказался у разбитого корыта? Молотов не раз возвращался к этому вопросу не только в записках, но и в беседах со знакомыми. Почему в КПСС победили ревизионисты?

«Хрущев, он сидел в Политбюро при Сталине все 40-е годы и начало 50-х. И Микоян. Чистили, чистили, а оказывается, правые-то в Политбюро сидели! Вот ведь как это сложно!.. В Политбюро и при нем все время сидели, особенно правые, которые наиболее приспособленчески умеют вести себя. Настолько гибкие, настолько связаны с нашей крестьянской родиной, настолько крепко связаны, и так этот мужик умеет приспособиться через своих идеологов со всем переливом и изгибом, что разобраться, где тут начинается троцкизм и, особенно, где начинаются правые, это сложнейшая тема, сложнейшая»². Для марксиста-ленинца если встречается неприятное и непонятное явление – ищи мелкобуржуазную стихию. Мужика придавили коллективизацией, а он все равно пророс в горожанине, который, как «мелкобуржуазный элемент», стремится к комфорту, разнообразному и качественному потреблению, а не к альтруистичному труду на благо социалистической державы. Человеческая природа встала на пути коммунизма в его молотовском понимании: «Хорошее жилье, хорошая жизнь, обеспеченность – этого, с обывательской точки зрения, достаточно»³. Вот такие не-

¹ Там же. С. 451.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 464.

³ Там же. С. 486.

коммунистические потребительские настроения и питают гидру оппортунизма в КПСС.

И в старости Молотов сохранял революционную воинственность и готовность к атомной войне: «Капитализм не собирается уступить, а раз мы ввязались в это дело, то тут два выхода: либо мы должны настолько окрепнуть не только внутри, но и в других странах путем свержения капитализма во Франции, Италии, Испании, Португалии, в нескольких основных капиталистических странах, что империализм будет не в состоянии против нас войну объявить, либо мы должны быть готовы к тому, что, если вспыхнет раньше революция, а они вмешаются со своей стороны, тогда будет атомная война»¹.

После того, как Мао оказался не солидным сталинцем, а радикальным вождем погромщиков – хунвейбинов, центр симпатий Молотова переключился на вьетнамских коммунистов, героически сражавшихся с американскими империалистами. Они «дерутся за нас больше, чем даже за себя! Они гибнут. А с точки зрения ослабления империализма, который для нас наиболее опасный враг, они делают колоссальное дело... Пример Вьетнама для всего мира: если такой маленький Вьетнам может, благодаря помощи друзей, против американского империализма стоять, чего же Советскому Союзу бояться? Только своей беспомощности, расхожденности, распущенности»². Специфической была реакция Молотова на подавление «Пражской весны» в 1968 году: «То, что в Чехословакию ввели войска – правильно, и многие это поддерживают, но поддерживают с великодержавных позиций, а я – с коммунистических...»³ Мировая повестка продолжала приносить Молотову множество поводов для переживаний и размышлений – революции в Чили, Португалии, Анголе... Его оценка международной ситуации была оптимистичной: «Становится все очевиднее, что капитализм теряет почву под ногами, что капитализм изжил себя, гниет на корню... Капитализм, однако, не может ничего положительного противопоставить тем растущим достижениям в раскрепощении жизни трудящихся, в улучшении быта широких масс, которые за короткое время достигнуты в странах социализма и продол-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 482.

² Там же. С. 94–95.

³ Там же. С. 89, 509.

жают расти, несмотря на все препоны со стороны господствующих классов стран империализма»¹.

Не на шутку взволновал Молотова кризис в Польше 1980–1981 годов: «Те события, которые в Польше происходят, они могут и у нас повториться, по-моему. Если мы будем вести такую благодушную линию, что каждый день только пишем приветствия»². Вот до чего дошло в «социалистической стране»! Рабочий класс с антисоветской интеллигенцией во главе атакует «партию рабочего класса». Да и советская интеллигенция уже «размывает политические устои». Их нужно срочно ремонтировать.

3. ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ И КАК ПРОЙТИ К КОММУНИЗМУ?

Чтобы выработать правильный путь к коммунизму, нужно понимать, где мы находимся. Если и есть в СССР социализм «в основном», то точно незрелый: «Какой зрелый? Это невероятно уже потому, что кругом капитализм. Как же капитализм так благополучно существует, если зрелый социализм? Потому капитализм еще и может существовать, что наш социализм только начал зреть, все еще незрелый, он еще только начинает набирать силу. А ему все мешает, все направлено против – и капитализм, и внутренние враги разного типа, они живы, – все направлено на то, чтобы разложить социалистическую основу нашего общества...»³

А какой тогда в СССР социализм и есть ли он уже? «А для того, чтобы сделать то, что надо для социализма в отдельной стране, надо все хозяйство перевести на общенародную собственность. Вот главное. Ленин по этому поводу просто и ясно сказал четыре слова: “Социализм есть уничтожение классов”. Об этом не любят говорить. Самые такие зрелые ораторы наши. Об уничтожении классов в Программе ни слова. А это самый трудный вопрос социализма. Это главное»⁴. Критикуя официальные представления, Молотов замахивается на концепцию строительства коммунизма: «они говорят: теперь мы строим коммунизм. А для чего это? Чтобы за красивой вывеской не делать революционных выводов о том, что недоделано. Задача-то уничтожения классов –

¹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 463.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 511.

³ Там же. С. 512.

⁴ Там же. С. 502.

трудная, революционная. А “мы строим коммунизм” — лишь повод обойти этот вопрос, попытка уйти от революционного. Коммунизм, а там, дескать, самотеком как-то классы уничтожатся. А это есть типичная позиция правых»¹. Действительно, провозглашение строительства коммунизма предполагало, что кардинальные социальные изменения больше не нужны, достаточно эволюционного развития экономики, строительства новых предприятий, внедрения новой техники. «Движение — все». Коммунизм настанет незаметно сам собой. Нет, так не получится.

Но к чему тогда призывает Молотов? Делать новую коммунистическую революцию, которая уничтожит классы? Какие классы? Наличие класса бюрократии Молотов не признает. Против кого будет направлена эта новая революция? Против колхозников? «Вот этого крестьянина берегут, колхозника. А его беречь нельзя, если хочешь счастья этому крестьянину. Его надо освободить от этих колхозов. И сделать его тружеником социалистической деревни... Нет у Маркса, Энгельса, Ленина такого, чтобы, как мы говорим, в развитом, построенном уже полностью социализме, существовало два вида собственности — нет такого социализма. Вместо того, чтобы преодолевать эти остатки переходного периода, мы это законсервировали, затормозили все»².

Но для отмены колхозного строя достаточно простого партийного решения о передаче колхозной собственности государству. Вот и вся «революция». В реальной жизни деревни от этого мало что изменилось бы. Молотов уверен, что после ликвидации колхозного строя совхозы легко решат проблему производства продовольствия — вот только механизацию подтянем хотя бы до американского уровня³.

Но просто ликвидировать колхозную систему и Молотов не решился бы, будь он у власти. Для ликвидации классов «потребуется не одно десятилетие»⁴. Его левый уклон сменяется на правый, большевистская твердость упирается в государственную солидность: «Чтобы это сделать, надо провести громадную подготовительную работу, а мы еще не делаем, потому что будто бы все построили, и этим задерживаем подготовительную работу

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 483.

² Там же. С. 489, 491.

³ Там же. С. 492.

⁴ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 463.

к ликвидации и колхозов, и денег»¹. Так вот оно в чем дело – не в колхозах, а в деньгах, поводом для сохранения которых выставляется колхозный уклад.

Но причина сохранения денег в советском обществе гораздо глубже – это неспособность бюрократического распределения удовлетворять индивидуальные потребности людей не хуже, чем это делается за рубли через магазины. Планирующий государственный центр не мог учесть все потребности людей во всем их качественном многообразии. В случае замены товарно-денежных отношений плановым продуктообменом на обувной фабрике, например, должны были бы заранее знать, какие конкретно туфельки какого точно размера, цвета и фасона пожелает носить такая-то гражданка через год или в конце пятилетки. Технически учесть эти огромные массивы информации о потребностях было невозможно, и гражданке предоставлялась свобода выбрать себе обувь в магазине из неширокого, но все-таки набора вариантов. Альтернативой товарообмену на том уровне экономических возможностей была казарма, где все граждане и гражданки ходили бы в примерно одинаковой обуви и одежде. Собственно, миллионы советских людей так и жили, одевая на работу кирзовые сапоги и ватники без различия пола и формы ноги. Моделью такого «коммунизма» был ГУЛАГ, а не сталинское обещание об удовлетворении человеческих потребностей, которое так не понравилось Молотову. Вчерашние крестьяне, только что «зацепившиеся» за жизнь в городе, еще готовы были терпеть уравниловку. А их дети, привыкшие к удовлетворению базовых потребностей и чувствовавшие себя в своем праве, требовали не просто еды, а вкусной и разнообразной, не просто одежды, а качественной и модной. С этими задачами советская экономика справлялась неважно. «Пряников не хватало на всех». Кто-то побеждал в борьбе с дефицитом, особенно номенклатурные и торговые работники, кто-то проигрывал – особенно фабричные и сельские работяги. «Социализм» оборачивался зримым социальным расслоением.

Не видя его причин, Молотов считал само неравенство корнем проблем: «Конечно, кое-чего достигли. Опасность есть другая: расширение неравенства. Вот беда, вот она где, язва, а не в том, что теперь хуже живут. Несмотря на то, что теперь живут лучше в среднем и рабочие, и, тем более, крестьяне, есть очень

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 492.

отрицательный факт, что углубляется в стране неравенство. Это язва»¹. Так в конце жизни Молотов вернулся к зиновьевскому принципу равенства как основе социализма. В неравенстве главная для него угроза.

Социализм с точки зрения Молотова плохо совместим с использованием денег, потому что они являются инструментом неравенства, социального расслоения: «Ну вот, нет у Маркса, Энгельса, Ленина такого, где бы социализм был при деньгах, при мошне»². У «классиков» нет, а в СССР – есть. Молотов прямо говорил: «Я за то, чтобы взять курс на постепенное уменьшение роли товарно-денежных отношений»³. Это вам не Микоян. Молотов писал: «Не следует недооценивать того очевидного факта, что при товарно-денежных отношениях создается благоприятная почва для оживления, а то и для усиления таких антисоциалистических тенденций в обществе, как мелкобуржуазное стяжательство и разные потуги к личному обогащению, как спекуляция и изворотливое взяточничество, как всякие хищения и иные способы наживы за счет государства и общественного хозяйства – хотя всему этому не должно быть места в социалистическом обществе. Эти антисоциалистические явления и наблюдающееся кое-где их усиление в свою очередь “подогревают” и оживляют такие, далеко еще не изжитые остатки старого государственного аппарата, как бюрократизм и бездушное отношение к нуждам простых людей, как погоня за “теплыми местечками”, как еще столь живучий карьеризм, особенно в кругах, пристроившихся по-мещански зажиточно и пользующихся некоторыми материальными привилегиями»⁴. Так что в бюрократизме виновато сохранение денег. А вот не будет их, проклятых, и чиновники тут же станут отзывчивыми и самоотверженными, перестанут использовать свое положение для получения для себя и своих семей лучшей и большей части доверенных им ресурсов.

Нет, не перестанут и в случае безденежного планового хозяйства. Пока у одного человека есть право распоряжаться ресурсами и жизнью другого, никуда не денутся и злоупотребления этим правом. Социальное расслоение вытекает не из факта существования денег, даже Маркс критиковал денежный фети-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 444.

² Там же. С. 491.

³ Там же. С. 445.

⁴ Никитин В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 463.

низм. В СССР социальное неравенство вытекало из неравноправия людей в управленческой иерархии.

Молотов считал, что торопиться с внедрением бесплатности не следует: «Бесплатно – едва ли это правильно, рано. Это тоже опасно, это за счет государства. А если за счет, то это надо очень умело и осторожно делать»¹. «Но уничтожить их нужно, – настаивает Молотов. – Деньги – это часть буржуазного общества. Планирование – решающее для уничтожения денег. Деньги – часы труда. Это будет стоить столько часов труда, это – столько. Смазываете вы вредность денег, потому что большинство считает, что без денег не обойтись!»² Но труд бывает разного качества, интенсивности и результативности, не сводится к отбыванию рабочего времени.

Бюрократизм казался Молотову наследием капитализма, связанным с деньгами. «Надо думать и о бюрократизме в государстве, потому что, если государство будет бюрократизироваться, оно постепенно будет загнивать. У нас есть элемент загнивания. Потому что воровство в большом количестве. Вот, говорят, отдельные недостатки. Какие там отдельные! Это болезнь капитализма, которой мы не можем лишиться, а у нас развитой социализм! Мало им развитой – зрелый! Какой он зрелый, когда – деньги и классы!»³

Молотов ищет путь от нынешнего недосоциализма к далекому полному социализму через планирование: «Чем можно заменить материальный стимул при социализме? Я не согласен с прославлением бригады Злобина – это же самый настоящий подрядчик, таких и при царе было полно! Вот я в своей работе называю шесть факторов, способных, с моей точки зрения, заменить материальное стимулирование при социализме:

Умелое научное планирование производства.

Социалистическое соревнование.

Подбор кадров.

Направленность всего общества (все организации должны работать на одну общую цель).

Международная социалистическая комплексно-экономическая интеграция.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 511.

² Там же. С. 514.

³ Там же. С. 511.

Идейное воспитание партии (оно должно охватить практические внутренние и международные вопросы), – перечисляет Молотов»¹. Поощрение рублем Молотов надеется заменить совершенствованием управления, не придумав, правда, как этого добиться, а также соревновательным энтузиазмом, не объяснив, чем его стимулировать, если не рублем. В центре молотовских предложений стоит управленческая, плановая и исполнительская дисциплина: «Вот, когда мы наладим, чтобы стыковались вовремя, без задержек, предприятия, тогда у нас производительность труда значительно поднимется. К этому дисциплина и ведет, и не просто дисциплина, а важно очень стыковые моменты хорошенько обеспечить, чтобы они везде осуществлялись вовремя и согласно плану. Пока этого нет. Многие попусту тратят время, ждут, когда им дадут то, что надо для работы. Ну что это такое? Значит, не настоящее плановое хозяйство... А мы живем только крестьянским духом: авось бы! Авось бы продержались... Я давно уже хочу написать об этом – не выходит у меня. Не могу даже приступить, хотя мне ясно, что тут главное»².

Чтобы заставить экономику работать, как часы, «требуется твердая рука... Не пустые слова, а жесткое, последовательное нормирование во всех областях, начиная с производства. И в распределении – лишнего нельзя получить за счет другого, честного работника – только так... Ленин говорил: строжайший контроль за производством и потреблением. Вот как это обеспечить? Нормированием»³. Тотальное нормирование вместо приобретения товаров в магазинах за зарплату – вот лекарство, которое Молотов предлагает от советского неравенства и дефицита. «Разумные потребности» будут удовлетворены, если потребности человека будет определять не он сам, а государство. Нравится – не нравится...

Некоторые высказывания Молотова свидетельствуют о его сомнениях по поводу того, имеется ли вообще социализм в СССР: «Воровства, спекуляции, надувательства много. Но это и есть капитализм в другой форме. С этим борьбы нет, на словах борются. При капитализме это вещь обычная, а при социализме невозможная. Коренной разницы не признают и обходят вопрос»⁴.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 488.

² Там же. С. 503.

³ Там же. С. 510.

⁴ Там же. С. 514.

Иногда у Молотова прорывается: «У нас нет еще социализма. У нас взятки, у нас хищения, у нас всякие безобразия... Если мы мораль направим на то, чтобы воспитывать в человеке добрые качества, а строй оставим, какой есть, — со взятками, с хищениями, если мы это оставим, то вся эта мораль останется гнилой. А если мы поставим задачи революционные, ломающие строй, доделывающие, тогда нужно приспособить мораль к победе, к борьбе за победу». То есть нужно «ломать строй», чтобы избавиться от «взяток и хищений»¹. Сказал «А» — говори «Б». «Взятки и хищения» марксист должен вывести из классовых противоречий, наличие которых и подтверждает, что социализма в СССР нет. Но далекоидущих классовых выводов Молотов не делает. Не может же он признать, что они с Лениным и Сталиным построили систему бюрократического классового господства. Тем более, что сам Вячеслав Михайлович в 30-е годы провозглашал построение социализма в СССР. А теперь в нем усомнился. То, что они построили, не очень похоже на коммунизм: «При коммунизме нет государства, это Сталин допустил при коммунизме государство. Это абсурд, с точки зрения ленинизма»².

Выстраивая классовое объяснение «недостройки» социализма, Молотов возвращается к Хрущеву и его классовой опоре: «Хрущев сыграл на обывателе, на мещанине — побольше товаров, похуже да подешевле! Домов настроили с низкими потолками, скопировали за границей у капиталистов, но те-то заинтересованы лишь бы как-нибудь впихнуть побольше рабочих! — говорит Молотов. — Социализм у нас построен только в основном, но не до конца. Строительство социализма — это не кратковременный период, а целая эпоха»³. Только вот они со Сталиным не смогли вытащить рабочий класс из бараков и коммуналок, а Хрущев в этом деле гораздо больше преуспел со своим малогабаритным жильем. Он потворствовал мелкобуржуазным инстинктам, и его поддерживала мелкобуржуазная масса, вчерашние мужики, которые стали сегодняшними советскими горожанами, стремящимися к комфорту и разнообразному качественному потреблению. «Сейчас исходят, видимо, из того, что рабочий класс уже все завоевал и против кого диктатура? Это мелкая буржуазия и крестьянская масса влезла в нашу партию, и под нее подлажи-

¹ Там же. С. 483–484.

² Там же. С. 485.

³ Там же. С. 499–500

ваются все теоретики, у которых нет революционной закалки, которые не участвовали в классовой борьбе по-настоящему, все эти Федосеевы вместе взятые. Читаешь их и видишь: они боятся революционных шагов!»¹ Конечно, представить советских идеологических академиков представителями крестьянской массы можно с большим трудом. Мысль Молотова заключается в том, что крестьяне принесли свою психологию в города, и, даже став горожанами, в том числе рабочими, сохранили крестьянско-мещанское мелкособственническое мышление, передав его новым поколениям советских мещан, интересы которых и выражает нынешняя идеология КПСС. Раньше «партия рабочего класса» заставляла рабочих с мелкобуржуазным мышлением идти к коммунизму, а теперь подчинилась их стремлениям. А партийное руководство идет на поводу у идеологов побеждающей мелкой буржуазии: «Бедняга этот самый Брежнев, повторяет то, что ему пишут... У руководства стоят практики, они практики неплохие, они не виноваты, у них большой областной опыт, а общегосударственного у них опыта мало, и они не выросли, в научном отношении они не подготовлены, это не их вина, а их беда»².

Разворот к мелкобуржуазному потребительскому курсу начался даже не при Хрущеве, а уже при Сталине, можно сказать, с послевоенной демобилизации в широком смысле слова, с перехода к мирной относительно спокойной жизни. А Молотов – противник спокойствия: «Я смеюсь, получаю к Новому году приветствия: желаю вам спокойной жизни и прочее. Они желают спокойной жизни, а я знаю, что это невозможно. Я против спокойной жизни! Если я захочу спокойной жизни, значит, я омещанился!

Вот Сталин все-таки, я считаю, допустил величайшую ошибку – самоуспокоение. Человек настолько перенапрягся за эти десятилетия, как никто. И все-таки допустил ошибки, потому что это не Ленин»³.

Через 20 лет после принятия программы КПСС Молотов торжествовал: «Программа скандальная для коммунистов. Коммунизм в 1980 году – вот уже 1981 год – нет коммунизма! И не

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 505.

² Там же.

³ Там же. С. 511.

может его быть, и не могло его быть. Не могло быть ни при каких условиях к 1980 году, потому что надо достраивать социализм...

Это, видимо, продиктовал левой ногой “Саврас без узды” Хрущев. “Саврас без узды” – безусловно. А за ним побежали маленькие “савраски”. Не могло этого быть, по науке никак не может быть, нет ни внутренних условий, ни международных... Поэтому я и указываю, что политической задачей остается завершение построения социализма. Дай бог, это тоже потребует не одной пятилетки и, может, даже не одного десятилетия¹.

Критикуя идеологию КПСС, Молотов все же придерживался принципа, сформулированного еще Троцким – «Права или не права, но это моя партия»: «Если даже неправильное направление, против партии нельзя идти»². Но небольшой марксистский кружок Вячеслав Михайлович все-таки создал. Ф. Чуев рассказывал, как в 1983 году участвовал в обсуждении рукописи Молотова, который «пригласил четырех человек обсудить ее. В ноябрьский день мы собрались у него на даче за столом. 15:30. Сумерки. Включаем свет. Молотов положил на стол несколько листов бумаги с набросками тезисов дрожащим почерком. Рука у него стала дрожать еще сильнее, и в тишине слышно, как шуршит бумага.

Мой доклад называется так: “СССР и борьба за построение коммунизма”.

В своем докладе он как бы суммировал многие наши предыдущие беседы. Приведу некоторые тезисы.

– Где начинается коммунизм? На каком этапе социализма? Ленин подчеркивал, что государство, при котором должно завершиться построение социализма, должно быть государством диктатуры пролетариата. А Программа 1961 года исходит из того, что диктатура пролетариата уже не нужна, будет государство народное. Но Ленин в “Государстве и революции” говорил, что народное государство есть бессмыслица и отступление от социализма. Народного государства не существует и не может существовать. Такое государство может быть буржуазным или мелкобуржуазным. Говорить о теперешнем государстве как о народном – шаг назад, абсурд.

Сейчас говорят о том, что Ленин не мог всего предусмотреть.

¹ Там же. С. 501.

² Там же. С. 512.

– Те говорят, у кого на плечах не голова, а тумбочка, – отвечает Молотов. – В статье “О кооперации” он писал, что власть должна принадлежать государству, то есть рабочему классу. Но не один рабочий класс осуществляет социализм. Что нужно?

В политике – не народное государство, в экономике – не оставлять деньги, а свергнуть гнет денег, в идеологии – научный коммунизм Маркса – Энгельса. А у нас партия всего народа. Это абсурд. Для Ленина общественные вопросы без классового подхода ничего не дают. Если партия общенародна, она выражает интересы и мещан, и мелких собственников. Я от этого не откажусь, примут меня в партию или нет. Мы можем быть только партией авангарда – рабочего класса. Мы должны пройти через эту трудную полосу отказа от мелкобуржуазных замашек, которым учит Программа. Мы начали уходить с позиции рабочего класса на позиции народные»¹. Молотов вернулся во времена юности, создал марксистский кружок, где разъяснял основы классовой теории. Его критика «народного государства» вполне соответствовала взглядам Маркса и Ленина, но сам же Молотов в 40-е годы внедрял понятие «народно-демократического» государства. А вот с диктатурой пролетариата Молотов совершал логическую ошибку. Ленин утверждал, что она будет существовать до возникновения социализма как первой фазы коммунизма. Социализм возник – диктатура кончилась. А какое тогда государство? А никакого. Тут одно из двух – если есть государство – нет социализма (раннего коммунизма). В этом вопросе Молотов и Сталин отошли от учения Маркса и Ленина также, как Хрущев и Брежнев.

4. РЕКОРДНЫЙ ПАРТСТАЖ

Молотов регулярно писал заявления в ЦК КПСС с просьбой восстановить его в партии: в ноябре 1964 года и затем к съездам КПСС в 1966 году и далее². В ЦК шли письма членов партии с призывами реабилитировать Молотова. Так, к XXIII съезду КПСС завкафедрой Куйбышевского мединститута профессор хирург А. Аминев от имени «коммунистов периферии» предлагал восстановить Молотова в партии, так как он был исключен за «несогласие с политической линией, проводившейся бывшим

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 512–513.

² РГАНИ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 80. Л. 60.

2

ровать старого ленинца, верного сына партии и народа, товарища В.М.Молотова восстановить его в рядах партии с зачислением в партийный стаж тех лет, которые он пробыл вне партии после необоснованного его исключения.

ЧЛЕН КПСС С ИЮЛЯ 1932 г.,
ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ
№ 02393476, ЗАВЕДУЮЩИЙ
КАФЕДРОЙ ГОСПИТАЛЬНОЙ
ХИРУРГИИ

СЕНТОР ЛИСЕМ

Формат 1 66

Заслуженный деятель науки
ПРОФЕССОР ХИРУРГИИ
ДОКТОР МЕДИЦИНСКИХ НАУК, ЧЛЕН КПСС

АМИНЕВ Александр Михайлович

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ГОСПИТАЛЬНОЙ ХИРУРГИИ
КУЙБЫШЕВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА

г. Куйбышев, Самарская, дом 6, подъезд 5, кв. 15.

Телефоны: домашний 2-13-37, служебный 2-65-18

5 января 1966.

/А.М.АМИНЕВ/

В ПРЕЗИДИУМ 23 СЪЕЗДА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СО-
ВЕТСКОГО СОЮЗА

Мы, коммунисты периферии, недостаточно осведомлены в каком положении находится в настоящее время товарищ Вячеслав Михайлович Молотов.

Нам известно, что он является персональным пенсионером по возрасту, но в тоже время он, как будто бы, исключен из партии и, насколько известно, основной причиной его исключения было несогласие с политической линией, проводившейся бывшим первым секретарем ЦК КПСС товарищем Н.С.Хрущевым.

Товарищ В.М.Молотов известен у нас и за границей как один из старейших членов Коммунистической партии Советского Союза, как многолетний соратник товарища В.И.Ленина. Товарищ В.М.Молотов с молодых лет большую часть своей жизни с огромной энергией, как первый ленинец, работал на благо нашей Родины, международного коммунистического движения.

Настало время полностью реабилити-

Тип. изд-ва «Волжская коммуна». Изд. № 1392

Записка заведующего кафедрой госпитальной хирургии
Куйбышевского государственного медицинского института
А.М. Аминев в Президиум XXIII съезда КПСС с ходатайством
о восстановлении В.М. Молотова в партии
5 января 1966
[РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 304. Л. 1-2]

В Президиум XXIII съезда КПСС

Уважаемые товарищи!

Прошу рассмотреть мою просьбу о восстановлении в правах члена КПСС, в рядах которой я состоял с 1906 года по 1962 год.

В связи с этим прилагаю мое подробное заявление по этому вопросу, которое я направил на рассмотрение ЦК КПСС 14 августа 1962 года и вторично в ноябре 1964 года. До настоящего времени мне неизвестно, были ли рассмотрены мои просьбы и, если были рассмотрены, какие были приняты решения Центральным Комитетом КПСС.

Прошу ознакомить с настоящей просьбой всех членов Президиума съезда.

29 марта 1966 гд. В. Молотов.

Обращение В.М. Молотова к Президиуму XXIII съезда КПСС с просьбой о восстановлении в партии

29 марта 1966

[РГАНИ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 80. Л. 60. Автограф В.М. Молотова]

первым секретарем ЦК КПСС товарищем Н.С. Хрущевым», который теперь сам оказался не у дел. А ведь Молотов – верный ленинец, соратник В.И. Ленина. «Настало время полностью реабилитировать старого ленинца, верного сына партии и народа, товарища Вячеслава Михайловича Молотова и восстановить его в рядах партии с зачислением партийного стажа тех лет, когда он был вне партии после необоснованного его исключения»¹.

25 августа 1971 года председатель Комитета партийного контроля А. Пельше доложил в ЦК: «Как известно, Молотов и Каганович в период культа личности Сталина злоупотребляли властью, нарушали социалистическую законность, что привело к массовым репрессиям против честных советских людей, а также являлись активными участниками антипартийной фракционной группы в 1957 году»². Нет оснований считать, что Молотов искренне раскаялся, так что в просьбе следует отказать. Брежневское руководство КПСС не собиралось отступать от того уровня преодоления «культа личности Сталина», который уже был достигнут. Что сделано, то сделано, а теперь просто не нужно «ворочить прошлое». Понятно, что восстановление Молотова в партии станет сенсацией, пойдут споры... Не нужно это в нашем тихом болоте. И сталинец Молотов в партии не нужен.

Вячеслав Михайлович считал, что брежневский период «затормозил, безусловно. Хрущевщина повторилась в период Брежнева. Это да. Это говорит о том, что у нас много гнилых мест и в самой партии много еще отсталости, темноты, недоученности»³. Впрочем, от большой образованности – не легче. Молотов с тревогой отмечал «гнильцу» советских литераторов, таких как А. Твардовский, Е. Евтушенко, Ф. Абрамов, С. Залыгин и В. Шукшин⁴.

Молотов убеждал себя: «Будут, конечно, на нашем пути срывы, неудачи, но империализм все-таки трещит по швам!»⁵ В старости очень важно чувствовать себя победителем. Даже в начале 80-х годов Молотов надеялся: «США – самая удобная страна для

¹ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 304. Л. 1.

² РГАНИ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 82. Л. 31.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 550.

⁴ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 460.

⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 13.

В Президиум XXIV съезда КПСС

Уважаемые товарищи!

Обращаюсь к вам с просьбой
рассмотреть мое заявление
о восстановлении меня в правах
члена КПСС (в КПСС состоял
с 1906 года по 1962 год).

В прилагаемом моем заявлении
от 14 августа 1962 года на имя ЦК КПС
подробно изложены мои objections
в связи с этой моей просьбой.

В. Молотов.

25 марта
1971 года.

Обращение В.М. Молотова к Президиуму XXIV съезда КПСС
о восстановлении в партии

25 марта 1971

[РГАНИ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 82. Л. 3. Автограф В.М. Молотова]

*Юрий Владимирович Андропов
1980-е
[Из открытых источников]*

социализма. – Коммунизм там наступит быстрее, чем в других странах»¹.

Пережив Брежнева, Молотов дожил теперь до прихода к власти лидера, который не имел отношения к разгрому «антипартийной группы» – Андропова. Молотов, как и большинство советских людей, возлагал на него надежды: «Осторожно, но можно похвалить Андропова. Он внес новую струю и хорошее направление. Но пока все это еще по-настоящему не оправдано, надолго ли это пойдет, тоже не вполне ясно. Но первые шаги, по-моему, имеют положительный характер»². Молотову было приятно, что новый курс возглавил его выдвигенец: «Андропов пока ведет себя, по-моему, неплохо. И речь такая способная, но твердая, без хвастовства. Напротив, с самокритикой недостатков и прошлого, на это нельзя не обратить внимания, это правильно. И вправо его не тянет. И посерьезней двух предшественников.

Его ко мне из ЦК направили, учраспред, распределительный отдел, или кто-то из секретарей. Он произвел на меня неплохое впечатление.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 100.

² Там же. С. 503.

Он ко мне приходил в МИД: «Вот меня направляют по дипломатическим каналам». И в ЦК, не помню, кто мне говорил, что вот этого человека можете использовать на дипломатической работе. Я предложил Венгрии – согласились. И он в Венгрии вел себя хорошо»¹.

На 7 ноября 1983 года Молотов произнес тост: «За нашу партию, ее Центральный Комитет, за товарища Андропова, его здоровье, в котором он, видимо, нуждается!»

«Таких персональных тостов за наших руководителей раньше я от Молотова никогда не слышал...», – комментирует Ф. Чуев. А Молотов продолжил: «Я считаю, что за последние пару лет большим достижением для нас, коммунистов, стало появление двух человек. Во-первых, Андропов. Это для меня неожиданность, потому что я в кадрах, в частности, в большевистских кадрах, разбирался неплохо. Громыко – мой выдвиженец, оказался на месте. Андропов – это первая неожиданность, но приятная неожиданность. Оказывается, в политике он твердый человек, с кругозором. Надежный человек. По-видимому, он здорово вырос за годы работы. Оказался вполне надежным. И у меня был на месте.

И второй человек – Ярузельский. Я, например, не слышал такую фамилию до появления его в качестве Первого секретаря... Большевиков среди поляков было мало. Но были. Был Дзержинский. Этот человек высокого стиля. Поляки тогда были еще хуже, чем сейчас.

Ярузельский нас выручил, по-моему... Раньше для меня такой же приятной неожиданностью был Фидель Кастро»².

Молотова тревожило: «По внешнему виду Андропова можно сказать, что он не вполне здоровый человек. Но все-таки этот человек для данного периода у нас – находка. Я не знаю, кто бы мог другой – в этом кругу я не вижу. Немного словен. Словами не топит мысль»³. После смерти Андропова Молотов жалел о нем: «Жалко, мало побыл. Хороший человек и руководитель хороший. Андропов явно был не на стороне Хрущева и не на стороне, пожалуй, Брежнева тоже»⁴.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 89.

² Там же. С. 527.

³ Там же. С. 503.

⁴ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 465.

Но выяснилось, что Андропов — это все же часть коллектива, этот коллектив продолжал работать, координируемый слабеющий дланью нового тяжело больного генсека К. Черненко. Партийный ареопаг тоже был не на стороне Хрущева, и решился продемонстрировать это скромным символическим актом.

7 июня 1984 года Молотову позвонили из ЦК и сообщили, что ему предстоит поездка в Москву. За ветераном прибыли две черные «Волги». О цели поездки ему не сообщили, но были так любезны, что явно речь шла о чем-то хорошем.

«За Вячеславом Михайловичем приехали где-то в четвертом часу на двух машинах, — говорит Сарра Михайловна, — в одной было трое, среди них — врач, в другой — двое. Поставили машины на дороге у дачи, а я как раз там была. Вижу: черные машины с антеннами. “Вы не к нам?” — спрашиваю. Ничего не говорят. Я тогда пошла домой. Смотрю, двое идут к нашей даче. Поняли, что я отсюда, улыбаются, заходят: “Мы к Вячеславу Михайловичу”. — “Сейчас, он одевается наверху”. Таня ему там помогала.

— Мы ему серый костюм нагладили, серый галстук, шляпу надел, — говорит Таня. — Он даже не спал днем»¹.

Молотова привезли на Старую площадь в кабинет Генерального секретаря ЦК КПСС К. Черненко. «Он меня принял в своем кабинете, — уточняет Молотов. — Сидел за столом. Когда я вошел, он вышел из-за стола навстречу, поздоровался за руку, и мы сели за длинным столом напротив друг друга. Он что-то сказал, но я плохо слышу, а он, бедолага, неважно говорит. И тогда он показал постановление. Я ему говорю: “Я же с 1906 года...” — А он говорит: “Вот в постановлении так и записано”.

— Чтоб стаж сохранить?

— Да, да.

— У вас теперь самый большой стаж в стране — 80 лет в партии!

— Да уж...

— Такого ни у кого нет.

Разговора не было почти никакого. Он заявил, что вы вот восстановлены в партии и вручил мне копию... Поздравил. Больше ничего.

— Не дал вам постановление с собой?

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 532.

Нет, не дал. Две минуты, не больше, я был. Я не расслышал, что он мне сказал, ответил ему, что мне неизвестно, за что я был исключен и за что восстановлен»¹.

Круг замкнулся. Оба они заканчивали свою жизнь, хотя Черненко был моложе на два десятилетия. Вместе с ним уходила эпоха стабильности СССР и открывалась эпоха перемен. И одним из немногих деяний тяжело больного и пассивного правителя стало восстановление в партии одного из старейших ее деятелей, который управлял страной во времена юности Константина Устиновича. Да, кто-то воспримет это как реверанс в сторону сталинизма, но для Черненко и других членов Политбюро, принявших решение о восстановлении, это была дань их молодости, истории партии, с которой была связана их жизнь. Характерно, что в партии восстановили именно Молотова, без Кагановича и Маленкова. Политическая жизнь Молотова начиналась в годы Первой российской революции, когда партия позволила ему приобщиться к ее тайнам. Последним политическим событием его жизни стало восстановление в ее рядах. Это было признание его заслуг, его исторической правоты. Но лицо партии, на которое довелось взглянуть Вячеславу Михайловичу при встрече с Константином Устиновичем, болезненно-бледное и апатичное, не внушало оптимизма.

А дома был праздник. Молотов возвестил близким благую весть, и сели за торжественное чаепитие, которое вечером в более широком составе дополнилось торжественным ужином. 12 июня Молотову привезли партийный билет. Партийный стаж определили без перерыва с 1906 года, так что Вячеслав Михайлович стал старейшим членом КПСС.

12 июля на Политбюро Черненко рассказывал коллегам: «Я принимал В.М. Молотова, беседовал с ним. Он воспринял наше решение с большой радостью и чуть не прослезился. Молотов сказал, что это решение означает его второе рождение. Молотову сейчас 92 года, но выглядит он достаточно бодрым и говорит твердо. Даже пошутил: “Только, мол, плохо, что работаете вы, как и мы раньше, допоздна”. Но и серьезно заявил: “...ведете вы дело правильно, за это и получаете поддержку народа”.

Устинов: Это важная оценка с его стороны.

Тихонов: В целом мы правильно сделали, что восстановили его в партии...» Далее члены Политбюро благожелательно обсу-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 530–531.

*Константин Устинович
Черненко
1980-е
[Из открытых источников]*

дили возможность восстановления в партии Маленкова и Кагановича. Но Чебриков предупредил, что сообщение об этом может вызвать поток протестов от реабилитированных. Затем вожди КПСС пустились в обсуждение политики Хрущева, ругая его за очернение Сталина, совнархозы и реабилитацию Солженицына. Черненко подвел итог: «Я думаю, что по всем этим вопросам мы пока ограничимся обменом мнениями. Но, как вы сами понимаете, к ним еще придется вернуться»¹. Ох, придется, и вовсе не в контексте восстановления в партии Кагановича и Маленкова...

Для Молотова восстановление в партии было последним триумфом. Была выполнена важная жизненная задача, и других не осталось. Ф. Чуев писал: «Когда Молотова восстановили в партии, он стал физически сдавать. Много лет он ждал, писал заявления на каждый съезд партии, а когда ожидаемое свершилось, организм расслабился. Хуже слышит, часто переспрашивает, отвечает еще более кратко, чем прежде, однако, ясность суждений сохранилась... Кое-что стал забывать. Спросил, когда умер Сталин»².

Умер и Черненко, к власти пришел Горбачев. К его первым шагам Молотов отнесся благожелательно. Антиалкогольная кампания укладывалась в рамки курса на наведение порядка.

¹ Пихоя Р.Г. Указ соч. С. 431–433.

² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 537.

«А насчет алкоголизма – это дело мы слишком запустили, поправлять его очень трудно, а необходимо...

Почему пьет народ? Тут много истории, много и географии. Мы – северный район. Очень много пьют. Никогда так не пили. Богаче стали – раз. Более нервные – два. Наркотики нужны. Раньше пили меньше»¹. Но, как пишет его внук, Молотов «личным примером эту кампанию не поддержал. Во всяком случае, в свои девяносто пять лет рюмку за обедом по-прежнему мог выпить»².

Ф. Чуев пишет о последнем в жизни Молотова дне Октябрьской революции 7 ноября 1985 г.: «Молотов поднялся над составленными столами, пересчитал число тарелок, уточнил, сколько будет народу. Увидев на столе две бутылки сухого вина и по бутылке шампанского, водки и коньяка, сказал, что этого много, чтоб открывали вино, либо водку, либо коньяк. Увидев, что я уже открыл коньяк, не позволил внуку откупорить водку. Эта бережливость, вряд ли жадность, проявлялась в нем всегда, но сейчас, с годами обострилась. Он из тех людей, кто привык на себя тратить минимум». Опять же антиалкогольная кампания на дворе. «Уселись за стол, он произнес тост, подняв рюмку с красным сухим вином:

– По праву самого старшего за этим столом я хочу выпить за 68-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, за то, чтобы каждый из нас сделал что-то полезное для нашей революции!»³ Что же, вот-вот начнется новая революция, которая качественно изменит социальный строй страны. Но ее уже будут делать незнакомые Молотову люди. Да и Горбачев стал первым генсеком, с которым Молотов не был знаком лично.

«Я сидел с ним рядом, видел, что ест он неторопливо, мало, всего понемножку. Звонили, поздравляли его с праздником, он к телефону уже не подходил.

Он в обычной своей коричневой рубашке навывпуск, серых брюках, черных, начищенных ботинках. Левый глаз совсем сощурен, закрыт... Говорилось несколько тостов. Неожиданно он сказал, что мы здесь не напиваться собрались, а отметить годовщину Октября. Такого раньше не было. Примерно через час он

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 538.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 472.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 542.

встал из-за стола, сказал: «Обед окончен» – и ушел отдыхать. Мы продолжали сидеть за столом», – рассказывает Ф. Чуев¹.

Как и многие в стране, Молотов рассуждал о том, что бы он мог посоветовать Горбачеву:

– Во-первых, продолжать ту линию, которую мы ведем, она ленинская, она социалистическая, но не полностью – надо усиливать социалистические элементы и в хозяйстве, и в культуре, и в самой партии...

Мы идем вперед, но остается много трудностей, в том числе, возникают те трудности, которые, казалось бы, были преодолены легко, а легко нам ничего не дается, потому что мы живем по существу, в мелкобуржуазной стране. И строим социализм и идем к коммунизму, потому что власть и авангард народа твердо держатся за политику, которую проводит партия². В конце жизни Молотов пришел к сочетанию пессимизма и оптимизма. С одной стороны, СССР продвинулся не очень далеко по пути социализма. С другой стороны, в отличие от времени Хрущева и Брежнева, при Андропове и Горбачеве партия взяла правильный курс.

Впрочем, оптимизм в отношении политики Горбачева был осторожным, не безусловным: «Мало конкретное. Ускорение, ускорение. Торопиться тоже нельзя... Слов немало, но дел пока маловато»³. Ничего, скоро начнутся такие дела, по сравнению с которыми «правый уклон» Хрущева станет коммунистическим левачеством. Но Молотов все же надеялся, что «партия ядро хорошее имеет»⁴.

«До последнего дня он старался все делать сам, – рассказывала Татьяна Афанасьевна Тарасова, домработница. – Очень волевой человек. Уже почти не мог ходить, а на прогулке стремился дойти до шестого столба. Бывало скажешь:

– Давайте до четвертого, Вячеслав Михайлович!

– Нет, до шестого!»

Среди листочков, исчерканных в последние дни корявым почерком, есть один, где намечены тезисы, над которыми он собирался поработать:

¹ Там же. С. 541.

² Там же. С. 546.

³ Там же. С. 548.

⁴ Там же. С. 549.

«А насчет алкоголизма – это дело мы слишком запустили, поправлять его очень трудно, а необходимо...

Почему пьет народ? Тут много истории, много и географии. Мы – северный район. Очень много пьют. Никогда так не пили. Богаче стали – раз. Более нервные – два. Наркотики нужны. Раньше пили меньше»¹. Но, как пишет его внук, Молотов «личным примером эту кампанию не поддержал. Во всяком случае, в свои девяносто пять лет рюмку за обедом по-прежнему мог выпить»².

Ф. Чуев пишет о последнем в жизни Молотова дне Октябрьской революции 7 ноября 1985 г.: «Молотов поднялся над составленными столами, пересчитал число тарелок, уточнил, сколько будет народу. Увидев на столе две бутылки сухого вина и по бутылке шампанского, водки и коньяка, сказал, что этого много, чтоб открывали вино, либо водку, либо коньяк. Увидев, что я уже открыл коньяк, не позволил внуку откупорить водку. Эта бережливость, вряд ли жадность, проявлялась в нем всегда, но сейчас, с годами обострилась. Он из тех людей, кто привык на себя тратить минимум». Опять же антиалкогольная кампания на дворе. «Уселись за стол, он произнес тост, подняв рюмку с красным сухим вином:

– По праву самого старшего за этим столом я хочу выпить за 68-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, за то, чтобы каждый из нас сделал что-то полезное для нашей революции!»³ Что же, вот-вот начнется новая революция, которая качественно изменит социальный строй страны. Но ее уже будут делать незнакомые Молотову люди. Да и Горбачев стал первым генсеком, с которым Молотов не был знаком лично.

«Я сидел с ним рядом, видел, что ест он неторопливо, мало, всего понемножку. Звонили, поздравляли его с праздником, он к телефону уже не подходил.

Он в обычной своей коричневой рубашке навывпуск, серых брюках, черных, начищенных ботинках. Левый глаз совсем сощурен, закрыт... Говорилось несколько тостов. Неожиданно он сказал, что мы здесь не напиваться собрались, а отметить годовщину Октября. Такого раньше не было. Примерно через час он

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 538.

² Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 472.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 542.

Глава XII. Жизнь после политической смерти

встал из-за стола, сказал: «Обед окончен» – и ушел отдыхать. Мы продолжали сидеть за столом», – рассказывает Ф. Чуев¹.

Как и многие в стране, Молотов рассуждал о том, что бы он мог посоветовать Горбачеву:

– Во-первых, продолжать ту линию, которую мы ведем, она ленинская, она социалистическая, но не полностью – надо усиливать социалистические элементы и в хозяйстве, и в культуре, и в самой партии...

Мы идем вперед, но остается много трудностей, в том числе, возникают те трудности, которые, казалось бы, были преодолены легко, а легко нам ничего не дается, потому что мы живем по существу, в мелкобуржуазной стране. И строим социализм и идем к коммунизму, потому что власть и авангард народа твердо держатся за политику, которую проводит партия². В конце жизни Молотов пришел к сочетанию пессимизма и оптимизма. С одной стороны, СССР продвинулся не очень далеко по пути социализма. С другой стороны, в отличие от времени Хрущева и Брежнева, при Андропове и Горбачеве партия взяла правильный курс.

Впрочем, оптимизм в отношении политики Горбачева был осторожным, не безусловным: «Мало конкретного. Ускорение, ускорение. Торопиться тоже нельзя... Слов немало, но дел пока маловато»³. Ничего, скоро начнутся такие дела, по сравнению с которыми «правый уклон» Хрущева станет коммунистическим левачеством. Но Молотов все же надеялся, что «партия ядро хорошее имеет»⁴.

«До последнего дня он старался все делать сам, – рассказывала Татьяна Афанасьевна Тарасова, домработница. – Очень волевой человек. Уже почти не мог ходить, а на прогулке стремился дойти до шестого столба. Бывало скажешь:

– Давайте до четвертого, Вячеслав Михайлович!

– Нет, до шестого!»

Среди листочков, исчерканных в последние дни корявым почерком, есть один, где намечены тезисы, над которыми он собирался поработать:

¹ Там же. С. 541.

² Там же. С. 546.

³ Там же. С. 548.

⁴ Там же. С. 549.

«1. Основной принцип социализма (в отличие от коммунизма) – выполнение установленных обществом норм труда.

2. Коммунистическая партия – партия рабочего класса (не всего народа).

3. Демократия при социализме».

К этим вопросам он возвращался не раз за годы наших встреч. Видимо, ему хотелось побеседовать по проблемам социализма и с нынешним руководством, и он сказал как-то домработнице:

«Позвоните управделами Совмина Смиртюкову. Попросите, чтоб Горбачев нашел возможность поговорить со мной».

Не получилось.

Мозг работал, как и в прежние годы. И только перед самым концом замечались отклонения. Незадолго до смерти он прочитал последнюю страницу «Правды», отложил газету и сказал: «На пять часов пригласите ко мне Шеварднадзе». Видимо, его взволновала какая-то международная проблема, и он вошел в свою прежнюю роль члена Политбюро, Первого заместителя Предсовмина и министра иностранных дел, руководителя внешней политики государства. Думали, что до пяти часов он забудет, но он надел костюм, галстук. И тогда ему сказали, что товарищ Шеварднадзе занят и не может принять...¹

Молотов еще пытался писать, говорил Чуеву, что начал три работы, но двигалось дело тяжело: «Боюсь писать, потому что могу что-то напутать, перепутать»². Вячеслав Михайлович плохо слышал, не понимая собеседника раздражался.

О последнем общественном деянии Молотова пишет Ф. Чуев: «Перевел 100 рублей в Фонд помощи жертвам Чернобыльской АЭС имени В.И. Ленина – смотрю на почтовую квитанцию от 18 июня 1986 года»³. Сбережений после Молотова осталось 500 рублей.

В последние месяцы жизни Молотов заметно ослаб физически. 27 июня он лег в ЦКБ. Нарастали проблемы с легкими. 8 ноября Вячеслав Михайлович скончался. Похоронили его за государственный счет на Новодевичьем кладбище рядом с женой.

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 552.

² Там же. С. 539.

³ Там же. С. 13.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ВОВРЕМЯ УЙТИ

Молотов прожил очень долгую жизнь, но умер вовремя. Каганович застал время торжества врагов не только сталинизма, но и ленинизма, начавшихся процессов распада СССР. А в последние месяцы жизни Молотова еще держали в заключении диссидентов, а «из каждого утюга» звучали здравницы в адрес КПСС. Было почетно иметь статус ветерана партии.

Вскоре после смерти Молотова его место в истории стало стремительно меняться. Разоблачение сталинских репрессий вышло на новый виток. В свое время Молотов с коллегами сваливали прегрешения Сталина на злодея Берию, теперь Горбачев пытался сохранить авторитет ленинизма с помощью разоблачений Сталина. А Молотов стоял одесную Сталина. Так что скоро из загадочной и «может быть недооцененной» фигуры, он стал превращаться в «кровавого пособника сталинского террора», да еще символизировавшего сотрудничество коммунистического руководства с нацистским. С подачи массовых национальных движений Прибалтики над страной зазвучала зловещая формулировка — пакт Молотова — Риббентропа. В 1987 году Горбачев еще пытался подходить к этим тяжким историческим вопросам, как было заведено в 1956 году: были преступления, но было и много хорошего. Но, в отличие от Хрущева, Горбачев уже не мог контролировать «злые языки» общественности. А они уже напрямую увязывали Молотова с Гитлером, Сталина с Лениным. Начался стремительный отход от коммунистической монополии на умы.

23 декабря 1989 года на II съезде народных депутатов СССР было заслушано сообщение Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 года. Депутат и член Политбюро ЦК КПСС А. Яковлев в своем докладе осудил «имперские замыслы» Сталина, напомнил, что пакт 1939 года утерял силу 22 июня 1941 года, что секретный протокол не имел юридических последствий, поскольку «являлся изначально противоправным документом». Западная граница СССР была установлена соглашениями, принятыми уже по итогам Второй мировой войны. При этом «народы Украины и Белоруссии возвратили себе территориальную общность». Но, оправдав, таким образом, итоги внешней политики Сталина и Молотова 1939 года, Яковлев морально осудил то, как это было сделано: «...оказались нарушенными какие-то глубинные элементы демократического мироощущения в целом»¹. Кроме нарушения этих загадочных элементов Молотову и Сталину досталось за «отход от ленинских принципов советской внешней политики» при подписании секретных протоколов (имена советских лидеров при этом не упоминались). Яковлев спасал престиж СССР как государства – ведь Сталин и Молотов скрыли секретные протоколы от легитимных органов власти и не ратифицировали их. «Таким образом, решение об их подписании было по существу и по форме актом личной власти и никак не отражало волю советского народа, который не несет ответственности за этот сговор». Так что из ныне живущих никто не виноват, и Советский Союз за действия Сталина и Молотова тех лет теперь ответственности не несет. Вывод: «Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания». Этого добивались национальные движения стран Прибалтики, так как надеялись таким образом доказать, что СССР не имеет прав на их территорию. Однако съезд возражал против такой трактовки: «Протоколы не создавали новой правовой базы для взаимоотношений Советского Союза с третьими странами, но были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств»². Давить давили, но юридических последствий протокол не имел. Прибалтийским странам

¹ Известия. 1989. 25 декабря.

² Правда. 1989. 28 декабря.

После ажиотажа с пактом Молотова – Риббентропа страну на-
крыли новые проблемы, и Молотов стал окончательно уходить в
историю. Там его место в основе своей остается неизбежным до
сих пор: ветеран большевизма, тень Сталина, его аватар, испол-
нитель воли. Но переплетение судеб Молотова и Сталина име-
ет и обратную сторону: когда мы говорим о политике Сталина,
слово «Сталин» обозначает не только личность, но и коллектив.
Ведь это – политика не только Сталина, а всей его команды, где
наиболее влиятельной фигурой после вождя в 30–40-е годы был
как раз Молотов. Он не был просто бессловесным исполнителем,
и при всей своей послушности вносил в общее дело собственные
ноты – иногда более прагматичные, иногда – догматические.
Молотов сглаживал влияние характера Сталина на политиче-
ский курс, будучи более сдержанным и пунктуальным.

Но судьбе было угодно, чтобы Молотов значительно пережил Сталина, что позволяет оценить его как политика без связи с живым Сталиным. После смерти Сталина Молотов был главным носителем «сталинского духа» – даже более строгим идейно сталинцем, чем сам Сталин. Внешнеполитические шаги Молотова находились на пересечении догматики и прагматики. Он не забывал о великой цели, пытаясь двигаться к ней шаг за шагом по мере возможности. Это не было бернштейнианское «движение все, конечная цель ничто», цель никогда не выпадала из поля зрения Молотова. Однако сочетать сталинские догматы с практикой мировых процессов середины XX века было все труднее, и Молотов не находил ничего лучше, как «замораживать» сложившуюся ситуацию – что в Германии и Австрии, что в Индокитае. Это замораживание не могло быть долгим и не вело к приближению цели. Наступали «бурные шестидесятые», которые потребуют от мировых лидеров смелых динамичных решений на грани авантюризма. Молотов необратимо отставал от времени, но не в его характере было смириться с этим. Он, правая рука великого Сталина, не готов был следовать в фарватере выскочки Хруще-

ва, с которым не был согласен и стратегически. Падение Молотова стало громким, но произошло вовремя: участников «антипартийной группы» не отправили в расстрельный подвал, что было бы неизбежно в прошлые годы. Им была суждена долгая жизнь в политическом небытии, но для Молотова годы на пенсии оказались очень важными. Они стали временем осмысления. Он освободился от необходимости соединять догматику и прагматику, дальние цели и текущую ситуацию. Теперь он мог размышлять о том, каким образом можно отделаться от разлагающих людей товарно-денежных отношений, и о великих событиях, в которых ему довелось участвовать, и о походе к коммунизму, до провала которого он по счастью своему не дожил несколько лет. Его долгая жизнь – богатая коллекция уроков истории для нас. Шекспировские страсти – детские истории по сравнению с тем, что пережили участники борьбы идей и систем в XX веке. Судя по всему, этот опыт важен и для людей, живущих во все более бурном XXI веке.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

1939. Предвоенный кризис в документах. М., 1992.
- 1941 год: Документы: В 2 кн. М., 1998.
- Вождь: И.В. Сталин в документах и фотографиях 1917–1953: В 5 кн. М., 2019.
- В штабах Победы. 1941–1945: В 5 кн. М., 2022.
- Год кризиса. 1938–1939: В 2 т. М., 1990.
- Голод в СССР. 1930–1934. М., 2009.
- Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1936 года: Документы и материалы. М., 2017.
- Документы внешней политики СССР. Т. 22: В 2 кн. М., 1992; Т. 23: В 2 кн. М., 1995–1998; Т. 24. М., 2000; Т. 25: В 2 кн. М.; Тула, 2010; Т. 26: В 2 кн. Майкоп, 2016.
- Как ломали НЭП: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. М., 2000.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: В 16 т. М., 1983–1990.
- Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.
- Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.
- На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953): Справочник. М., 2008.
- Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 – август 1940 г. М., 1990.
- Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.: Сборник материалов и протоколов заседаний Петербургского комитета РСДРП(б) и его Исполнительной комиссии за 1917 г. с речами В.И. Ленина. М.; Л., 1927.
- Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобрита-

нии во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. М., 1976.

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг.: Сборник документов. М., 1995.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. М., 2004.

Путь к Великой Победе. СССР в войне глазами западных современников: Документы и материалы. М., 2015.

Советский Союз и Вьетнам в годы первой индокитайской войны. Женевская конференция. 1954 г.: Сборник документов и материалов. М., 2017.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов: В 5 т. М., 1984.

Советско-американские отношения. 1945–1948. М., 2004.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945: В 2 т. М., 1984.

Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1983.

Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сборник документов: В 4 т. Т. 4. М., 2017.

Советско-югославские отношения. 1945–1956 гг.: Документы и материалы. Новосибирск, 2010.

Советское руководство: Переписка. 1928–1941. М., 1999.

Сталин и Каганович: Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001.

ЛИТЕРАТУРА

Бухарин Н. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

Гайдук И.В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. М., 2012.

Гасанлы Дж. СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М., 2006.

Гасанлы Д. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008.

Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996.

Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 40-х – конец 60-х годов. М., 2016.

Липкин М.А. Совет экономической взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М., 2019.

Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М., 2014.

- Микоян А.И. Так было. М., 1999.
- Молотов В.М. Вопросы внешней политики. М., 1948.
- Молотов В.М. Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецких агентов. М., 1937.
- Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 1. М., 2011.
- Никонов В.А. Молотов: Молодость. М., 2005.
- Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое: В 2 кн. М., 2016.
- Паасикиви Ю.К. Моя работа в Москве и Финляндии в 1939–1941 гг. М., 2021.
- Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004.
- Робертс Дж. Вячеслав Молотов: Сталинский рыцарь «холодной войны». М., 2014.
- Симонов К. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М., 1989.
- Сорокин А.К. «Практический работник» Григорий Маленков. М., 2021.
- Сталин И.В. Сочинения: В 18 т. М., 1947–2006.
- Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.
- Троцкий Л.Д. Моя жизнь: В 2 т. М., 1990.
- Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 30-е гг. М., 1996.
- Хрущев Н.С. Воспоминания. М., 1997.
- Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 гг. М., 2008.
- Чуев Ф.И. Полудержавный властелин. М., 1999.
- Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год: В 2 т. М., 1992.
- Шубин А.В. 1937. «Антитеррор» Сталина. М., 2010.
- Шубин А.В. Вожди и заговорщики: Политическая борьба в СССР в 20–30-е годы. М., 2004.
- Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941. М., 2004.
- Шубин А.В. Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис. 1933–1940 гг. М., 2017.
- Шубин А.В. Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. М., 2018.
- Шубин А.В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. М., 2017.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Биографическая хроника</i>	8
<i>Глава I. Парень из Вятской губернии (1890–1916)</i>	11
1. Купеческий город	12
2. Первая революция	16
3. Первая организация	20
4. Становление большевика	39
5. «Правда» и Сталин	46
6. От Скрябина – к Молотову	56
<i>Глава II. На гребне революции (1917)</i>	61
1. Как войти в историю	62
2. Слишком левый	71
3. Неблагодарный Ленин	77
4. Летние грозы	82
5. У истории на подхвате	90
6. Вхождение во власть	97
<i>Глава III. От Смольного до Кремля кружным путем (1918–1920)</i>	106
1. Главный хозяйственник Северной столицы	107
2. По Волге и Каме	117
3. Распри коммунистов	135
<i>Глава IV. Товарищ секретарь (1921–1930)</i>	142
1. Помощник Ленина	143
2. Заместитель Сталина	153
3. Создатели СССР	157
4. Кто хозяин аппарата?	163
5. Без вождя	173
6. Раскол «руководящего коллектива»	178
7. Разгром левой оппозиции	189
8. Победа над правыми	213
9. Среди организаторов «великого перелома»	228
<i>Глава V. В кресле Ленина (1931–1938)</i>	236
1. Экономический штурм	238
2. «Победители»	248
3. В эпицентре террора	262

Оглавление

<i>Глава VI. На пути к пакту (1939)</i>	299
1. Кто «загрребает жар»	300
2. Первые зондажи	304
3. Московские переговоры и германские инициативы	306
4. Внешнеполитический поворот	322
5. Пакт и протокол	324
<i>Глава VII. На краю мировой войны (1939–1941)</i>	330
1. Поход на Запад	331
2. Волнение на Балтике	342
3. Советско-финляндская война и граница Петра	350
4. Торговля с дьяволом	365
5. Российская империя возвращается	374
6. Визит в логово	386
7. Балканы и мир	416
8. Просто нарком	427
<i>Глава VIII. Главком дипломатического фронта (1941–1945)</i>	443
1. Победа будет за нами!	443
2. Выстоять	451
3. «Алгебра» и «арифметика» международной политики	481
4. Перелет Молотова и визит Черчилля	488
5. Дела тыла	511
6. Кончина Коминтерна и возрождение государственных традиций	518
7. Охлаждение отношений с союзниками и Катень	522
8. Московская конференция	527
9. Тегеран-43	531
10. Судьба Восточной Европы	536
11. Архитекторы Ялтинской системы	555
12. Формирование сфер влияния	566
13. Рождение ООН	571
14. Победный триумф	575
15. Потсдамская конференция и разгром Японии	578
<i>Глава IX. Тучи сгущаются (1945–1953)</i>	585
1. Миростроитель	585
2. План Маршалла и поляризация Европы	622
3. Коминформ и югославский раскол	640
4. Раздел Германии	658
5. Опасные связи	661
6. Похищенная Жемчужина	667
7. Советник вождя	676
8. Дальневосточные войны	681
9. Миротворцы на поводке	690
10. На краю пропасти	699
<i>Глава X. Лицо коллектива (1953–1956)</i>	721
1. Коллективное руководство и дипломатическая оттепель	721
2. Берия вышел из доверия	729

3. Ветеран большевизма и «саврас без узды»	739
4. Гроссмейстер дипломатической игры	753
5. Корейский тупик и раздел Индокитая	760
6. Хрущев дышит в затылок: от Китая до Австрии	771
7. Югославский камень преткновения	784
8. Хромая утка	800
9. XX съезд и его последствия	806
10. Потеря поста, польское волнение и венгерский шторм	826
<i>Глава XI. Закат карьеры (1957–1963)</i>	841
1. Промышленная реформа и нарастание напряженности	841
2. Генеральное сражение в Кремле	851
3. Монгольская политика	880
4. Изгнание из партии	902
<i>Глава XII. Жизнь после политической смерти</i>	909
1. Письмо вождям КПСС	909
2. Пенсионер-наблюдатель	921
3. Что такое социализм и как пройти к коммунизму?	929
4. Рекордный партстаж	938
<i>Вместо заключения: Вовремя уйти</i>	951
<i>Избранная библиография</i>	955

Научно-популярное издание

Страницы советской и российской истории

Шубин Александр Владленович

Вячеслав Молотов

От революции до Перестройки

Ведущий редактор *Е.Д. Щепалова*

Верстка *Н.Н. Першакова*

Корректор *Е.Л. Бородина*

Подписано в печать 29.12.2023

Формат 70 × 100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 60

Тираж 1000 экз. Заказ 306

Издательство «Политическая энциклопедия»

127254, Москва, Огородный проезд, д. 14

Почтовый адрес: 127018, Москва, а/я 79

Тел.: 8 (499) 685-15-75

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(495) 107-02-68

СТРАНИЦЫ *советской и российской* ИСТОРИИ

Книга известного историка А.В. Шубина посвящена биографии советского политического и государственного деятеля Вячеслава Михайловича Молотова. Он является обладателем одной из наиболее долгих в мировой истории политических биографий. В начале XX века Молотов стал членом «ленинской гвардии» советского руководства, возглавил советское правительство и внешнюю политику в переломные и трагические 30-е годы, руководил внешнеполитическим «фронтом» СССР во Второй мировой войне, был одним из лидеров СССР в послевоенное десятилетие, проводником Холодной войны и ранней Разрядки. Потерпел поражение в борьбе с Хрущевым, но пережил всех своих противников и продолжал следить за политикой Брежнева, Андропова и Горбачева, а Черненко встретился с Молотовым, чтобы сообщить о восстановлении его в партии.

Настоящая книга основана на анализе документальных материалов и повествует о ранее неизвестных фактах из жизни политика. Когда на самом деле Молотов стал полноценным членом партии большевиков. Каковы были его роль во внутривластной борьбе 20-х годов и стиль руководства в 30-е годы. Как его характер повлиял на внешнеполитические решения. Какую политику проводил Молотов, будучи послом в Монголии. Каким он видел путь к коммунизму.

АКЦИОНЕРНАЯ ФИНАНСОВАЯ КОМПАНИЯ
СИСТЕМА

